



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919785 5



РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

511099

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

1861

ІЮЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I.—ПИСЬМА О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ
ВО ФРАНЦІИ. XI. Департаменты Эры-и-Лу-
ара, Луаре, Луара-и-Шера. (Прежняя провин-
ція Орлеане.) **ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.**
- II.—ПОСЛѢДНЯЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ АНГЛІИ МА-
КОЛЕЯ. (Оковчаніе.) **К. К. АРСЕНЬЕВА.**
- III.—ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА. Един-
ство рода человѣческаго. II. Статья Катрфажа.
- IV.—БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарльза Дик-
кенса. XL.—XLIV.
- V.—ГУРИНЪ. Повесть. **ВОЛГОНСКАГО.**
- VI.—КАРЛЪ ГАВЛИЧЕКЪ БОРОВСКІЙ. (Изъ *Na-
rodní Listy*.)
- VII.—ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ. I. II. . . . **В. П. БЕЗОБРАЗОВА**
- VIII.—ПРАЗДНИКЪ СТАТУТА И ЕДИНСТВА ИТА-
ЛІИ ВО ФЛОРЕНЦІИ. **Кн. Д. Д—АГО.**
- IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ:
Битва жизни. **Кн. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.**
Похороны **Б. Н. АЛМАЗОВА.**
- X.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.
(См. на оборотъ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ

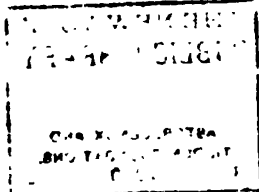
Фремейскій приходъ. Романъ Троллопа. Переводъ съ англійскаго.
Гл. XXXVI—XXXVIII.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ



ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

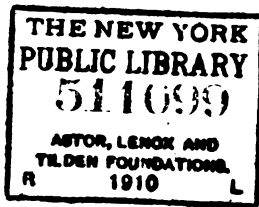
31 /
ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

3
МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

—
1861.



ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 29-го іюля 1861 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ ¹

ХІ.

ДЕПАРТАМЕНТЫ ЭРЫ-И-ЛУАРА, ЛУАРЕ, ЛУАРА-И-ШЕРА.
(ПРЕЖНЯЯ ПРОВИНЦІЯ ОРЛЕАНЕ.)

І.

Прежняя провинція Орлеане, изъ которой наша революція выкроила три департамента Эры-и-Луара, Луаре, Луара-и-Шера, состоитъ изъ трехъ частей, совершенно отличныхъ одна отъ другой: онѣ представляютъ всѣ степени растительности отъ крайняго плодородія до совершеннаго безплодія и носятъ названія Босы (*la Beauce*), Перша (*le Perche*) и Солони (*la Sologne*).

Съ незапамятныхъ временъ названіемъ Босы обозначалась довольно значительная часть страны, главнымъ городомъ которой считался Шартръ. Она никогда не составляла особой провинціи, и никогда не имѣла отдѣльнаго свѣтскаго или духовнаго управленія; въ ней не было также особыхъ сеньйоровъ, которые бы носили титулъ сеньйоровъ Босы. Вслѣдствіе своего физическаго образованія она успѣла избѣжать граби-

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* 1859 года №№ 2, 9, 10, 15, 16, 19, 21 и 24 и 1860 года №№ 9, 12, 16 и 21.

тельства бандитовъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, а вѣдь бандиты, надо признаться въ этомъ, составляютъ источникъ и начало французскаго дворянства. Въ самомъ дѣлѣ, феодальная Франція представляла тогда странное зрѣлище. Въ чащѣ лѣсовъ, на вершинѣ неприступныхъ утесовъ, огражденныхъ крутыми обрывами, возвышался замокъ сеньора, съ своими толстыми и массивными стѣнами, подобными скалѣ, служившей имъ основаніемъ, съ своими высокими башнями, опиравшимися на тюрьмахъ, съ своими неприступными воротами, широкими рвами, подъемнымъ мостомъ, рѣшетками и бойницами: онъ былъ вмѣстѣ и убѣжищемъ отъ преслѣдованій, и разбойничьимъ вертепомъ. По скатамъ холма жались хижины бѣдныхъ *сервовъ*, которые приходили искать покровительства подъ стѣною замка, полагая, что цѣною неволи они купили себѣ право пользоваться защитой своего господина. Тщетная надежда! Никогда народъ не былъ до такой крайней степени лишенъ спокойствія и безопасности, никогда не подвергался онъ такимъ жестокимъ и непрерывнымъ бѣдствіямъ: надъ головой его постоянно разражались вѣт бури, волновавшія жизнь его властителей. Подъ гнетомъ вѣчнаго страха, они воздѣлывали небольшіе участки неудобной земли у подошвы утесовъ и по берегу рѣкъ, между тѣмъ какъ плодоносныя долины, не представлявшія убѣжища человѣку, оставались не воздѣланными, и служили мѣстами боевыхъ схватокъ, бесплодно утучнялись человѣческой кровью. А когда сеньоры раззорялись отъ нескончаемыхъ усобицъ, то они обращали противъ собственныхъ подданныхъ то оружіе, которое должно было служить имъ защитой.

Для подобной забавы въ Босѣ нѣтъ никакихъ удобствъ. Это страна честная и мирная, просторная равнина, пересѣченная низменными холмами, открытая, безлѣсная, прорѣзанная удобными дорогами, представляющая взорамъ путешественника большое разнообразіе растеній, производимыхъ разумною культурой. Въ этой богатой странѣ, которая по своему плодородію, по своимъ изобильнымъ жатвамъ и по превосходному качеству своихъ хлѣбныхъ растеній, заслужила названіе «житницы Парижа», трудно представить себѣ теперь даже при всемъ усиліи воображенія, тѣ густые и мрачные лѣса, тѣ пустынные и безплодныя ланды, тѣ топкія, непроходчмыя болота,

о которыхъ упоминаетъ Цезарь, описывая мѣсто жительства древнихъ Карнутовъ. Въ глубинѣ пещеръ, сокрытыхъ въ чащѣ лѣсовъ, нынѣ исчезнувшихъ, на громадныхъ каменьяхъ, занесенныхъ въ самыя уединенныя мѣста, недоступныя и сами по себѣ, а еще болѣе недоступныя отъ еувѣрнаго страха, который не позволялъ приближаться къ нимъ, совершались таинства Тевтата, этого мрачнаго божества, которому друиды приносили человѣческія жертвы. Эта область Карнутовъ, религіозное средоточіе друидическаго богослуженія, была послѣднимъ оплотомъ кельтической національности во время римскаго нашествія и первыхъ побѣдъ христіанства.

Боса занимаетъ половину департамента Эры-и-Луары; остальная часть ея входитъ въ составъ департаментовъ Луаре и Луара-и-Шера. Въ этой странѣ, однообразно плоской, почти совершенно лишенной водныхъ потоковъ, естественныхъ лѣсовъ и древесеныхъ плантацій, взглядъ теряется въ обработанныхъ, ничѣмъ не огражденныхъ равнинахъ, и только по мѣстамъ встрѣчаетъ нѣсколько колоколенъ и великое множество вѣтренихъ мельницъ. Нѣтъ ни одного значительнаго города на плоской поверхности Босы, которая тянется въ длину верстъ на сто, а въ ширину въ разныхъ мѣстахъ отъ 40 до 60 верстъ. Почти всѣ жители исключительно заняты земледѣльческими работами, или въ качествѣ собственниковъ и фермеровъ, или въ должности служителей на фермахъ и поденщиковъ, или въ званіи ремесленниковъ, необходимыхъ для земледѣлія, каковы колесники, кузнецы, шорники и пр.

Весной и до половины лѣта, страна принимаетъ самый роскошный видъ; земля исчезаетъ подъ великолѣпнымъ покровомъ глѣбныхъ злаковъ и искусственныхъ луговъ, этого кратковременнаго наряда, испещренаго блестящими узорами васильковъ, пунцоваго мака, куколки и яркими цвѣтами краснаго клевера. Но какъ только коса пройдетъ по этимъ растительнымъ богатствамъ, передъ вами откроются пустынные равнины, живо напоминающія однообразіе песчаныхъ степей. Житель Босы не обнаруживаетъ ни малѣйшей охоты къ разведенію плантацій, и какъ будто чувствуетъ отвращеніе отъ деревьевъ. Правда, что затрудненія, съ которыми онъ долженъ бороться, оправдываютъ нѣкоторымъ образомъ такое отвращеніе: на всемъ пространствѣ этой страны, даже плодовые деревья принимаются плохо и растутъ очень туго.

Житель Солоня, который впрочемъ также не можетъ похвалиться изобиліемъ тѣни, даетъ облакамъ названіе *дубовъ*

Босы. И дѣйствительно Боса не знаетъ иной тѣни, кромѣ той, которая мимоходомъ падаетъ на нее съ облаковъ.

Сельскіе домики, почти всѣ построенные изъ глины и покрытые соломой и камышомъ, имѣютъ самую незавидную наружность; глядя на нихъ, нельзя подозревать богатства страны и довольства ея жителей, а между тѣмъ можно положительно сказать, что настоящихъ нищихъ нѣтъ въ деревняхъ Босы.

Это страна довольно крупнаго хозяйства; поземельная собственность раздѣлена въ ней на фермы во сто, двѣсти гектаровъ и болѣе, принадлежащія обыкновенно собственникамъ, живущимъ внѣ страны; впрочемъ встрѣчаются, хотя и гораздо рѣже, мелкіе участки, которыми владѣютъ фермеры и служители ихъ, а равно и городскіе ремесленники, обрабатывающіе землю за свой собственный счетъ. Сверхъ того, есть участки земли различнаго размѣра отъ 10 до 60 гектаровъ, безъ строеній; ихъ принимаютъ фермеры для усиленія своего хозяйства.

Фермеры вообще богаты или по крайней мѣрѣ пользуются довольствомъ, и съ собственниками, которыхъ они видятъ только при уплатѣ за землю, договариваются какъ съ равными себѣ; многіе изъ этихъ собственниковъ и не заглядываютъ на фермы во все продолженіе наемнаго срока. Почти всѣ работники и поденщики имѣютъ свои дома и понемногу земли; прибавляя доходъ съ нея къ получаемой ими заработной платѣ, они пользуются нѣкоторымъ довольствомъ, постоянно увеличиваютъ свой небольшой капиталъ и думаютъ только о приобрѣтеніи новыхъ земель, за которыя платятъ дорого, если только онѣ придется имъ съ руки. Вслѣдствіе этого, многія фермы дробятся все болѣе и болѣе и такимъ образомъ крупная собственность переходитъ въ мелкую.

Удобныя земли подчинены трехпольному хозяйству, и вотъ обыкновенный сѣвооборотъ его:

1-я годъ. Озимая пшеница съ удобреніемъ.

2-я годъ. Ячмень или овесъ, яровые.

3-й годъ. Искусственные луга, замѣняющіе паръ.

Часто, для удобренія поля, назначеннаго подъ посѣвъ пшеницы, употребляютъ передвижное пастбище, о которомъ я упоминалъ при описаніи Нормандіи.

Сроки найма земель простираются обыкновенно до девяти или двѣнадцати лѣтъ, рѣдко долѣе. За наемъ платятъ или день-

гами, или положеннымъ количествомъ хлѣба, или (что случается всего чаще) частію деньгами, частію хлѣбомъ. Этотъ послѣдній способъ имѣетъ то преимущество, что доставляетъ выгоды собственнику при возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ и предохраняетъ фермеровъ отъ пагубныхъ слѣдствій ихъ пониженія. Съ нѣкотораго времени фермеры перестали выдавать хлѣбъ натурой; они уплачиваютъ за него по среднимъ рыночнымъ цѣнамъ определеннаго въ контрактѣ времени года. Наемная плата за землю измѣняется, смотря по качеству почвы, отъ 50 до 80 фр. за гектаръ, и сверхъ того на отвѣтственность фермера падаетъ поземельный налогъ. Для пашни употребляется плугъ съ передкомъ, въ который подъ управленіемъ одного человека впрягаютъ пару лошадей, и рѣдко болѣе. Ручною работою занимаются очень мало, и отъ того вовсе не разводятъ ни промышленныхъ растений, ни овощей.

Почти вездѣ во Франціи земледѣльцы считаютъ лошадь большимъ отягощеніемъ для хозяйства, не потому только что она требуетъ обильнаго и цѣннаго корма, но и потому еще что она теряетъ цѣну свою отъ употребленія, и не можетъ доставить мяса годнаго въ пищу. Въ Босѣ же, напротивъ того, фермеръ содержитъ свою конюшню безъ малѣйшаго убытка для себя и часто даже получаетъ отъ ней значительныя выгоды. Вотъ какъ это дѣлается: Онъ покупаетъ жеребятъ самцовъ шести- и восьми-мѣсячныхъ, цѣна которыхъ измѣняется отъ 300 до 500 франковъ. Прокормивъ ихъ въ продолженіи года соломой и сѣномъ съ небольшимъ количествомъ отрубей, онъ надѣваетъ на нихъ хомутъ и употребляетъ ихъ сначала на половинную работу, а потомъ и на полную, когда имъ исполнится два года. Этихъ самыхъ лошадей по прошествіи шести или семи лѣтъ онъ продаетъ вдвое дороже противъ покупной цѣны, а иногда даже тысячи по двѣ фр., если, вырастая, онѣ приобрѣтаютъ красивыя стати и могутъ служить заводскими жеребцами. Всѣ эти лошади принадлежать къ *першеронской* породѣ¹, сильной и сносной, и покупаются или для перевозки тяжестей, или подъ омнибусы и дилижансы.

Доходныя животныя, откармливаемые на фермахъ, состоятъ изъ небольшого числа коровъ и изъ многочисленныхъ стадъ овецъ, принадлежащихъ къ породѣ мериносовъ, и доставлявшихъ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ весьма значительныя выгоды

¹ *Race percheronne*—получившая названіе свое отъ области Перша.

сельскимъ хозяевамъ. По заведенному обыкновению, фермеръ долженъ получать отъ своего стада шерстью и приплодомъ столько дохода, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ покрывалъ наемную плату за ферму. Нѣкоторые хозяева, разводящіе барановъ-мериносовъ на племя, продаютъ ихъ полутора-годовыхъ отъ 300 до 600 фр. за голову, а если пользуются извѣстностью, то и по 1500 и по 2000 фр.

Въ этой части Франціи мануфактурная промышленность не имѣетъ большаго значенія, и не можетъ имѣть его, потому что земледѣліе поглощаетъ всю работу, населеніе очень рѣдко, рукъ мало и вслѣдствіе этого заработная плата довольно высока. Работникъ на фермѣ, земледѣлецъ или пастухъ, получаетъ 300, 500 и даже до 600 фр. въ годъ, на хозяйскихъ харчахъ; за четыре лѣтніе мѣсяца ему платятъ столько же, сколько за восемь зимнихъ. Молодые дѣвушки, исправляющія должность работницъ или птичницъ, получаютъ отъ 200 до 300 фр. въ годъ. На работы употребляютъ также дѣтей, которыя получаютъ различное вознагражденіе, соразмѣрно ихъ силѣ и роду работы.

Житель Босы отличается трудолюбіемъ, ревностью и терпѣніемъ на работѣ, бережливостію и трезвостію. Можетъ-быть онъ доводитъ эти качества до крайности, и заслуживаетъ упрекъ за то, что черезчуръ любитъ деньги и, для упроченія себя вѣрныхъ доходовъ, управляетъ своими домашними совершенно деспотически. Во время лѣтнихъ работъ всѣ хозяева и служители на фермѣ уже на ногахъ съ двухъ или трехъ часовъ утра, а вечеромъ ложатся въ постель не ранѣе десяти часовъ. Большею частію работники обѣдаютъ за однимъ столомъ съ хозяиномъ, и пользуются одинаковою съ нимъ пищею. Женщины прислуживаютъ имъ, и почти никогда не садятся за общій столъ; онѣ и ѣдятъ и прислуживаютъ въ одно и то же время.

Жилища поселянъ гармонируютъ какъ нельзя лучше съ однообразнымъ и скучнымъ видомъ этой оригинальной страны, которую природа щедро надѣлила богатствомъ, но за то украсить не позаботилась нисколько. Они печальны по наружности, за то внутри ихъ вездѣ господствуетъ то, что можно назвать роскошью опрятности: вся мебель хорошо отполирована, съ блестящими металлическими украшеніями, кухонная посуда отлично вычищена и чрезвычайно красиво разставлена въ особомъ поставцѣ; на кроватяхъ положено столько шерсти и пуху, что взобраться на нихъ можно только съ помощію

лѣстницы, или по крайней мѣрѣ скамейки; наконецъ на чисто-выбѣленной стѣнѣ, рядомъ съ отпускнымъ билетомъ молодого солдата, и подъ зеркаломъ въ золоченой рамкѣ, непременно красуется рядъ раскрашенныхъ гравюръ, изображающихъ побѣды Наполеона: великіе подвиги этого героя потеряли уже свое обаяніе для городскихъ жителей, но онъ долго еще будетъ считаться полубогомъ между поселянами.

Что касается до богатыхъ фермеровъ, то съ тѣхъ поръ какъ они умѣли улучшить свое состояніе смышленостью и трудомъ, а въ особенности ловкостью при продажѣ и покупкѣ скота, они, что весьма натурально, стали заботиться объ удобствахъ жизни; комнаты у нихъ сдѣлались свѣтлѣе и просторнѣе, у каждаго завелся кабріолетъ для поѣздки въ городъ и на мѣстные рынки; они часто угощаютъ сосѣдей и родственниковъ великолѣпными пирами, и жены ихъ богатствомъ своихъ туалетовъ не уступаютъ городскимъ дамамъ, хотя при выборѣ своихъ нарядовъ не всегда руководствуются послѣднею модой. Родители стараются о воспитаніи своихъ дѣтей, и слишкомъ часто хлопочуть о томъ, чтобъ они вышли изъ своего сословія и посвятили себя другимъ занятіямъ. Часто случается, что эти молодые люди обнаруживаютъ болѣе благоразумія чѣмъ ихъ отцы; окончивъ ученіе, они возвращаются на земледѣльческое поприще, и, надо отдать имъ справедливость, между ними чаще всего встрѣчаются самые достойные и образованные сельскіе хозяева.

Наемные работники на фермахъ, служители и пошеищики воспитываютъ дѣтей своихъ точно также, какъ воспитывали ихъ самихъ, то-есть приучаютъ ихъ лишь къ сельскимъ работамъ. Впрочемъ между послѣдними обнаруживается нѣкоторое стремленіе къ переселенію въ города, куда они и отправляются для изученія какого-нибудь ремесла. Большая часть этихъ дѣтей пользуются, впрочемъ, элементарнымъ воспитаніемъ, вслѣдствіе чего, съ давняго уже времени, почти всѣ мужчины и женщины умѣютъ здѣсь читать и писать.

Если вамъ угодно, мы нѣсколько займемся теперь, въ видѣ исключенія, сельскою экономіей. Я стараюсь какъ можно менѣе говорить цифрами, потому что это пища немного тяжелая. Однако, необходимо предложить и ее, если читатели ваши желаютъ получить ясное понятіе о томъ, какъ дѣйствуетъ разумная культура и какихъ денежныхъ результатовъ успѣли уже достигнуть тѣ немногія мѣста Франціи,

гдѣ занимаются у насъ обработкой земли по правиламъ науки. Я возьму за образецъ одно хозяйство въ округѣ Шартра; оно находится подѣ отличнымъ управленіемъ; главную роль въ немъ играетъ овцеводство, которому подчинено даже производство хлѣбныхъ растений.

Эта ферма занимаетъ пространство въ двѣсти гектаровъ, и вотъ различные элементы ея производства, какъ животнаго, такъ и растительнаго.

Производство животное:

Стадо овецъ состоитъ изъ 500 матокъ, 100 барановъ и 250 ягнятъ, то-есть по три овцы и по $1\frac{1}{4}$ ягненка на гектаръ, пропорція, превышающая даже среднюю пропорцію англійскаго хозяйства, гдѣ на гектаръ полагается по двѣ овцы, хотя овцеводство составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ главнѣйшихъ основаній сельскаго хозяйства въ Англии. Овцы продаются обыкновенно трехъ лѣтъ, и отправляются на бойню не прежде четырехъ. Каждое убитое животное даетъ отъ 50 до 70 фунтовъ мяса на вашъ вѣсъ. Каждая овца даетъ среднимъ числомъ отъ десяти до двѣнадцати фунтовъ шерсти ежегодно. Принимая въ разчетъ цѣну шерсти и мяса, а равно и деньги, вырученныя за продажу барановъ, за которые получается отъ 300 до 1000 франк. за каждого, можно положить, что стадо въ обыкновенный годъ доставляетъ около 30 тысячъ франковъ дохода.

Съ 15 мая до 15 іюля, овцы пасутся на паровомъ полѣ или на искусственныхъ лугахъ. Все количество гектаровъ, занятое искусственными лугами, простирается до 60; изъ этого числа на поправу назначается около третьей части. Эта пропорція гораздо ниже англійской, гдѣ половина луговъ, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ, идетъ на пастьбища.

Бараны, съ которыми гораздо труднѣ справиться, держатся большею частію на стойлѣ, а ночуютъ въ овчарняхъ. Вотъ получаемый ими кормъ: утромъ имъ даютъ овса съ отрубями, зимой ихъ кормятъ сѣномъ и свекловицей, а лѣтомъ свѣжею травой, приносимою съ поля.

Что касается до крупнаго скота, то производство говядины здѣсь совершенно ничтожно, а рабочихъ быковъ нѣтъ вовсе; на фермѣ держится не болѣе дюжины дойныхъ коровъ и небольшое число телятъ, которые поступаютъ въ продажу на парижскіе рынки, когда имъ исполнится $2\frac{1}{2}$ мѣсяца. Въ этомъ возрастѣ они вѣсятъ обыкновенно около пяти пудовъ. Коровы стоятъ отъ 400 до 500 фр. Молоко ихъ почти все идетъ

въ расходъ на фермѣ. Ясно, что крупный скотъ даетъ доходъ самый незначительный.

Работа на этой фермѣ производится исключительно дюжиною сильныхъ першеронскихъ лошадей, которыя среднюю цѣною стоять по 800 фр. Животныя эти не перепродаются, следовательно они не прибавляютъ ничего къ общему доходу. То же самое можно сказать и о свиньяхъ, которыхъ откармливаютъ только для домашняго потребленія. Домашняя птица, куры и пр. доставляютъ также самый ничтожный доходъ.

Однимъ словомъ, весь доходъ съ животныхъ ограничивается выручкой отъ продажи овечьей шерсти и мяса. Что же касается до продуктовъ растительныхъ, то вотъ какимъ образомъ распределяются 200 гектаровъ, составляющихъ все пространство обрабатываемой земли:

Почти треть ея, или 60 гектаровъ, занята лугами. Въ этой части департамента всѣ луга искусственныя, и развѣ только въ глубинѣ какой-нибудь долины можно встрѣтить небольшое пространство, покрытое естественною травой. Едва ли нужно упоминать, что здѣсь отношеніе искусственныхъ луговъ къ пашнѣ выше нежели въ другихъ частяхъ Франціи, а фактъ этотъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что мы находимся посреди страны, которую можно назвать страной хлѣбородною по преимуществу. Если эта пропорція все еще не такъ высока, какъ въ Англіи, то это потому только, что здѣсь почти исключительно занимаются разведеніемъ овецъ, и что никто не заботится объ откармливаніи рогатаго скота на убой.

Картофелемъ засѣваютъ полъ-гектара, много гектаръ, и сверхъ того для зимняго потребленія занимаютъ одинъ или два гектара свекловицей. Воздѣлываніемъ корнеплодныхъ вообще занимаются мало, потому что глинистая и слишкомъ плотная почва не благопріятна для разведенія ихъ, а еще болѣе потому что многоразличныя работы, сопряженныя съ культурой этого рода, требуютъ большаго числа рукъ, а въ обширныхъ равнинахъ Босы населеніе также рѣдко, какъ деревья. Фактъ этотъ не представляетъ собою ничего печальнаго: хотя Боса обработана хуже сѣверныхъ департаментовъ Франціи, и урожай въ ней менѣе значительны (среднимъ числомъ 12 или 13 гектолитровъ на гектаръ, рѣдко болѣе и часто менѣе, и вѣсу въ гектолитрѣ отъ 72 до 78 килограммовъ, то-есть отъ 57 до 67 пудовъ зерна съ вашей тридцатной десятины), но отагощенные населеніемъ до край-

ности густымъ, эти сѣверные департаменты потребляютъ почти все что производятъ, и не высылаютъ ничего на рынокъ, тогда какъ Боса производитъ сверхъ своего потребления и издавна заслужила прозваніе житницы Парижа, которое ей давали во всё времена. Впрочемъ, воздѣлываніе корнеплодныхъ въ скоромъ времени должно приобрѣсти и здѣсь большіе размѣры, потому что земля, какъ говорятъ земледѣльцы, утомляется подѣ искусственными лугами. Прежде люцерну оставляли на 10 — 15 лѣтъ безъ обработки, а теперь ее нельзя оставлять болѣе, какъ на три-четыре года.

На описываемой мной фермѣ отъ 70 до 75 гектаровъ засѣвается овсомъ. Это огромное количество необходимо для содержанія лошадей и откармливанія овецъ. Отъ 40 до 45 гектаровъ занято посѣвомъ пшеницы или ржи, но рожью засѣваютъ не болѣе трехъ-четырехъ гектаровъ, что достаточно для выдѣлыванія связокъ на пшеничные снопы.

Наконецъ, на поляхъ съ люцерной сѣютъ до 20 гектаровъ ячменя, исключительно для потребленія свиней и овецъ.

Въ результатъ оказывается, что денежный доходъ растительнаго производства ограничивается жатвой 40—45 гектаровъ, засѣянныхъ пшеницей и рожью. Сборъ пшеницы достигаетъ на этой фермѣ, благодаря удобренію всего озимаго поля, до 20 и 22 гектолитровъ съ гектара (то-есть отъ 11 до 12 четвертей съ вашей тридцатной десятины), что доставляетъ всего хлѣба до 990 гектолитровъ, которые (среднею цѣной по 16 фр. за гектолитръ) даютъ цифру въ 15.840 фр., то-есть половину того, что доставляетъ доходъ съ животныхъ, простирающійся до 30.000 франковъ.

Такая пропорція есть явленіе во Франціи исключительное. Обыкновенно полагаютъ, что хозяйство достигаетъ высшей степени развитія, когда доходъ съ животныхъ равняется доходу съ растений, но въ общей сложности французское сельское хозяйство не достигло этой пропорціи: до сихъ поръ, во Франціи количество растительныхъ продуктовъ въ общей сложности относится къ продуктамъ животныхъ, какъ два къ одному: здѣсь выходитъ наоборотъ.

Итакъ валовой доходъ фермы простирается до 46.000 франковъ. Намъ остается теперь оцѣнить экономическіе результаты этой системы, и разсмотрѣть распредѣленіе чистаго дохода, то-есть какая часть придется, за вычетомъ поземельной подати и побочныхъ расходовъ, на поземельный капиталъ или соб-

ственнику, какая на капиталъ оборотный или фермеру, и какая наконецъ достанется работникамъ; другими словами и говоря языкомъ экономистовъ, каковы: 1) рента или процентъ съ недвижимаго капитала; 2) барышъ, то-есть процентъ съ подвижнаго капитала и вознагражденіе за промышленный трудъ и рискъ фермера; 3) заработная плата.

Изобиліе навоза въ хлѣвахъ избавляетъ отъ покупки удобреній на сторонѣ. Поземельный налогъ, падающій по условіямъ найма на отвѣтственность фермера, простирается до $7\frac{1}{2}$ фр. на гектаръ или до 1.500 фр. въ годъ; а такъ какъ покупка сѣмянъ для искусственныхъ луговъ цѣнится въ 3.000 фр., и содержаніе земледѣльческаго матеріала въ 1.400 франк., то сумма побочныхъ расходовъ простирается до 5.900 франковъ.

Что касается до заработной платы, то ежегодно нанимаютъ трехъ человекъ для пахоты и возки, двухъ пастуховъ и двухъ служителей, которые все вмѣстѣ получаютъ 4.000 фр. Сверхъ того, нанимаютъ поденщиковъ на 1.500 рабочихъ дней, что стбитъ 3.000 франк.; на харчи выходитъ тоже 3.000 и сверхъ того въ 4.000 обходится уборка жатвы. Всего работники стбятъ 14.000 франковъ.

Такимъ образомъ сумма побочныхъ расходовъ вмѣстѣ съ цѣной платы рабочимъ простирается до 19.900 фр., следовательно цифра 46.000 франковъ, представляющая всю выручку за производство, то-есть весь валовой денежный доходъ фермы, понижается до 26.000 франк. чистаго денежнаго дохода. Въ этой суммѣ заключается и рента, слѣдующая собственнику, и барышъ, принадлежащій фермеру.

Земля этой фермы отдается внаймы по 60 франк. за гектаръ, что составляетъ 12.000 франк., поступающихъ въ пользу собственника. А такъ какъ фермеру остается 14.000, то выходитъ, что барышъ фермера превышаетъ ренту собственника. Но эта разница между рентой съ поземельнаго капитала и рентой съ капитала обрабатывающаго зависить отъ самаго свойства этихъ капиталовъ.

Средняя цѣнность земель—двѣ тысячи франковъ за гектаръ (около 550 рублей за нашу тридцатную десятину); слѣдовательно поземельный капиталъ фермы составляетъ до 400.000 франковъ, и рента въ 12.000 франковъ даетъ до трехъ процентовъ.

Оборотный капиталъ фермера не превышаетъ 85.000 франковъ; рента этого капитала, представляемаго барышомъ, простирается до 14.000, то-есть даетъ немного болѣе 16 процентовъ.

Изъ этого видно, что оборотный капиталъ состоитъ изъ 425 франк. на гектаръ (то-есть до 115 рублей на вашу десятину) и почти равняется средней цифрѣ оборотныхъ капиталовъ въ англійскомъ фермерскомъ хозяйствѣ. Однако эта средняя цифра можетъ еще значительно увеличиваться, потому что въ Англии во многихъ хозяйствахъ и даже у насъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ она доходитъ до 1.000 франковъ.

Изъ сближенія этихъ цифръ можно извлечь нѣсколько важныхъ результатовъ. Нѣтъ ничего слишкомъ страннаго въ этой громадной разницѣ между доходами съ движимаго капитала и съ капитала поземельнаго. Фермеръ, независимо отъ принадлежащаго ему капитала, издерживаетъ на хозяйство свое время, свой трудъ, свои способности, все то, что по справедливости заслуживаетъ вознагражденія. Сверхъ того его движимый капиталъ гораздо болѣе подлежитъ риску чѣмъ капиталъ поземельный, принадлежащій собственнику земли. Первый подверженъ всѣмъ опасностямъ, всѣмъ случайностямъ: изъ него выплачивается заработная плата, и если производство почвы окажется ничтожнымъ вслѣдствіе града, морозовъ, постоянной засухи или непрерывныхъ дождей, то расходы фермеранисколько не уменьшаются, и онъ выплачиваетъ собственнику ту же самую ренту. Тѣмъ не менѣе справедливо, что гораздо выгоднѣе употребить небольшой капиталъ на земледѣльческое хозяйство, чѣмъ на покупку поземельной собственности, потому что доходъ съ перваго гораздо значительнѣе. Вотъ первый выводъ. Въ вторыхъ оказывается, что сумма, издерживаемая на заработную плату, равняется барышу фермера и превышаетъ ренту собственника; результатъ, который здѣсь преимущественно должно приписать недостатку рукъ, но который въ то же время можетъ служить доказательствомъ, что земледѣльческій прогрессъ ощутителенъ для всѣхъ степеней общества и въ особенности для работниковъ, которые занимаютъ самое тяжкое и невидное мѣсто въ земледѣльческой іерархіи. Въ этомъ распредѣленіи общаго богатства, доля правительства самая скромная, но къ цифрѣ 1.500 фр., которую оно взимаетъ въ видѣ поземельнаго налога, необходимо прибавить очень значительную сумму, которая поглощается ежегодно въ видѣ расходовъ по явкѣ (*enrégistrement*), въ видѣ пошлинъ съ наслѣдства, съ продажъ и залоговъ.

Я уже сказалъ, что въ Босѣ воздѣлываніе плугомъ земель подъ хлѣбныя растенія и искусственные луга составляетъ единственный способъ обработки. Ферма въ 200 гектаровъ то-

есть въ 192 ваши тридцатныя десятины, требуетъ двухъ плуговъ, которыхъ, при двухконной упряжи, достаточно для воздѣлыванія всѣхъ полей. Кромѣ четырехъ рабочихъ лошадей, держать еще запасную, на которой ѣздитъ самъ хозяинъ на рынокъ и на работы; ее запрягаютъ только въ случаѣ крайней необходимости. Кромѣ двухъ пахарей и работника для перевозки, часто очень значительной, на большей части фермъ находится скотникъ, присматривающій за рогатымъ скотомъ, за быкомъ, коровами и телятами. Пастухъ занимается исключительно овцами. Затѣмъ слѣдуетъ свинопасъ, который дѣлаетъ все что ему велятъ, и котораго главная обязанность заключается въ томъ, чтобы чистить конюшню, качать воду и поить животныхъ, потому что въ Босѣ вся вода, необходимая для людей и животныхъ, добывается изъ колодезей, и въ сухіе годы, подобные двумъ или тремъ прошедшимъ, недостатокъ въ водѣ былъ истиннымъ бѣдствіемъ. Для хозяйства на фермѣ необходимы еще двѣ служанки, и сверхъ того косцы, жнецы и молотальщики, которые приходятъ на нѣсколько мѣсяцевъ изъ сосѣднихъ областей.

Чтобы составить себѣ понятіе о значительности производства хлѣбныхъ растений въ Босѣ, необходимо посѣтить одинъ изъ рынковъ города Шартра, на которыхъ не рѣдко въ одинъ день продается отъ пяти до шести тысячъ мѣшковъ пшеницы, не считая той, которая тутъ же поступаетъ въ продажу по образцамъ и отпускается уже послѣ изъ амбаровъ. Вся торговля производится на чистыя деньги, а порядокъ и дѣятельность, господствующіе при покупкѣ и отпускѣ хлѣба, поистинѣ достойны удивленія. Зерновой хлѣбъ всегда бываетъ вымѣренъ, отпущенъ и уплаченъ на мѣстѣ въ теченіи одного дня. Теперь продажа на всѣхъ замѣняется повсюду продажей на мѣру. Женщины, составляющія артель и раздѣленные на 15 отрядовъ, однѣ занимаются надзоромъ за мѣрой и отпускомъ хлѣба. Честность этихъ женщинъ, корпорація которыхъ существуетъ уже нѣсколько столѣтій, пользуется заслуженною репутаціей. Покупщики и продавцы довѣряются ихъ честности, не принимая никакихъ предосторожностей. Передавъ имъ пшеницу, продавецъ отсылаетъ домой своихъ лошадей и повозки, и преспокойно занимается своими дѣлами, расплачивается за ферму или возобновляетъ контрактъ, а вечеромъ возвращается на рынокъ и получаетъ деньги изъ рукъ той,

которой поручена была продажа, при чемъ никогда не бываетъ ни замѣшательства, ни недочета.

Но не одни рынки и ярмарки, имѣющіе торговое назначеніе, привлекаютъ къ себѣ жителей; не менѣе многочисленны бываютъ праздничныя собранія. Въ странѣ, описываемой нами, эти собранія носятъ названіе *Corps Saints* и имѣютъ мѣсто ежегодно по случаю храмоваго праздника. Тамъ собираются жители со всѣхъ окрестныхъ общинъ; мелкіе торговцы располагаются съ своими лавками у церковныхъ воротъ; канатные пласуны, фигляры и маріонетки устраиваютъ свои балаганы на главной площади, между тѣмъ какъ не далеко отсюда визгливый смычокъ скрипачей, взобравшихся на бочки, призываетъ къ себѣ молодежь, которая ждетъ не дождется начала танцевъ. При наступленіи вечера *la Marie* прощается съ своимъ *Pierrot*, то-есть молодая дѣвушка съ юношей, котораго на первомъ *Corps Saint* она избрала своимъ спутникомъ на всѣ прочіе. Она принимаетъ отъ него въ даръ букетъ искусственныхъ цвѣтовъ странной формы: чашечка его сдѣлана изъ стеклянныхъ бусъ или маленькихъ зеркалецъ, составленныхъ изъ обломковъ выпуклаго стекла, покрытаго съ одной стороны ртутью. Молодые дѣвушки тщательно берегутъ этотъ букетъ, который часто вручается имъ, какъ залогъ супружества, предположеннаго на Рождество или на праздникъ Всѣхъ Святыхъ. Онѣ помѣщаютъ его на занавѣскахъ своей кровати и безпрестанно смотрятъ на блестящія стеклушки, не почернѣли ли они; последнее служитъ признакомъ невѣрности юноши, подарившаго имъ букетъ.

II.

Першъ, по своему наружному виду, по своему земледѣлію и жителямъ, составляетъ рѣзкую противоположность съ Босой. Здѣсь все иное, хотя эти страны отдѣлены только половою тучныхъ луговъ и плодородныхъ, хорошо обработанныхъ полей; полоса эта имѣетъ въ ширину едва нѣсколько верстъ, но омывается съ одной стороны рѣкой Луаромъ, принадлежащею къ бассейну Луары, а съ другой стороны рѣкою Эрой, примыкающею къ бассейну Сены, и вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько городовъ и многочисленныя мельницы, которыя обра-

щаютъ въ муку мѣстную пшеницу и отправляютъ ее въ Парижъ, получающій отсюда четвертую или пятую часть своего продовольствія.

Почва Перша пересѣчена во всѣхъ направленіяхъ небольшими холмами и долинами. Она здѣсь глинистая и кремнистая, а не известковая, какъ въ Босѣ. Страна, въ одно и то же время пахотная, виноградная и лѣсная, заключаетъ въ себѣ всѣ матеріалы, необходимыя для постройки жилищъ городскихъ и деревенскихъ, а лѣса ея, гдѣ впрочемъ добывается болѣе хвороста, чѣмъ строеваго матеріала, доставляютъ топливо, необходимое для заводовъ и для потребностей жителей. Ручейки или маленькія рѣчки, струящіяся въ глубинѣ многихъ долинъ, приводятъ въ движеніе мельницы и орошаютъ луга, изъ которыхъ многіе даютъ отличное сѣно и служатъ пастбищами для большаго числа кормныхъ быковъ.

Плодородіе почвы здѣсь не вездѣ одинаково, а потому не одинаковы средства, способы и характеръ земледѣлія. Впрочемъ можно сказать, что пятая часть всей земли принадлежитъ мелкой собственности, и что все остальное раздѣлено на фермы отъ 10 до 60 гектаровъ, отдаваемые въ наемъ фермерамъ, которые въ однихъ мѣстахъ платятъ постоянную ренту деньгами и хлѣбомъ, а въ другихъ работаютъ изъ-полу. Первые не богаты, но имѣютъ нѣкоторый достатокъ, вторые находятся вообще въ положеніи довольно стѣсненномъ. Способъ фермерства зависитъ, впрочемъ, очень часто отъ положенія собственниковъ; тѣ, которые проживаютъ далеко отъ своихъ имѣній, отдаютъ ихъ въ наемъ за ренту, тѣ же, которые сами живутъ въ нихъ, предпочитаютъ половничество. Какъ бы то ни было, здѣсь, какъ и вездѣ, половничество постоянно уменьшается и по всѣмъ вѣроятностямъ лѣтъ черезъ двадцать исчезнетъ совершенно.

Часть почвы еще покрыта лѣсомъ, хотя его постоянно вырубаютъ; пахотныя земли окружены заборами и болѣе или менѣе засажены яблонями или грушами, доставляющими сидръ, болѣею частію потребляемый на мѣстѣ; избытокъ его отправляется въ Босу и въ сосѣдніе города.

Сѣвооборотъ здѣсь четырехпольный:

1-й годъ. Озимая рожь или пшеница съ удобреніемъ послѣ троекратнаго паханья.

2-й годъ. Яровый ячмень или овесъ съ удобреніемъ, вмѣ-

стѣ съ клеверомъ, который сѣютъ охотнѣе чѣмъ датлину и люцерну, вообще растущія здѣсь довольно плохо.

3-й годъ. Кормовая трава для пастбищъ, изрѣдка для кошения; иногда часть ея оставляется на сѣмена.

4-й годъ. Мертвый паръ, а иногда кормовая трава, служащая пастбищемъ до іюня мѣсяца, когда начинаются приготовительныя работы подъ озимые посѣвы; впрочемъ нѣкоторыя части этого поля поднимаютъ ранѣе и засѣваютъ викой и горохомъ, которые потребляются, не достигая зрѣлости.

У лучшихъ хозяевъ сажается въ огородахъ понемногу свекловицы, бѣлой моркови и капусты; картофель растетъ обыкновенно на паровомъ полѣ, послѣ клевера, и представляетъ ясное доказательство, что мертвый паръ будетъ нѣкогда замѣненъ травосѣяніемъ.

Уже и теперь въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе идетъ успѣшнѣе, вводится трехпольный сѣвооборотъ Босы. Рабочіе быки почти вездѣ вышли изъ употребленія; для пашни употребляютъ племенныхъ кобылъ или кобылъ двухъ и трехъ лѣтъ, превосходной туземной породы (першеронской); порода эта славится болѣе всѣхъ другихъ силой, способностью довольствоваться малымъ кормомъ, необыкновенною кротостью и не замѣнима для работъ и для перевозки тяжелыхъ экипажей. Четырехъ лѣтъ онѣ приносятъ перваго жеребенка и продолжаютъ жеребиться ежегодно до 18 лѣтъ и болѣе, исполняя въ то же время всѣ работы на фермѣ. Во всей Франціи ихъ цѣнятъ очень высоко и большое число лучшихъ животныхъ отправляется за границу, въ Бельгію, въ Пруссію, въ Піемонтъ и даже въ Англію, гдѣ они содѣйствуютъ улучшенію рабочихъ лошадей.

Нѣсколько коровъ, овецъ и свиней, вмѣстѣ съ домашнею птицей, составляютъ весь домашній скотъ, который вообще не имѣетъ большой цѣнности и предоставленъ вполне попеченіямъ фермерши. Въ Першѣ водятъ среднимъ числомъ по одной овцѣ на гектаръ; здѣшнія овцы породы *солонской* (изъ Солони), самой простой и невзыскательной на кормъ, но за то и доставляющей малое количество шерсти и мяса. Здѣсь, какъ и во всѣхъ странахъ мелкаго хозяйства, на каждой фермѣ выкармливаются гуси, индѣйки, утки въ маломъ количествѣ, куры—въ большомъ, и домовитой хозяйкѣ не рѣдко случается въ началѣ іюля продать штукъ сорокъ двухмѣсячныхъ цыплятъ на сумму отъ 80 до 100 франковъ; нѣкоторыя

изъ нихъ предпочитаютъ выкармливать индѣекъ: онѣ продаютъ ихъ не прежде ноября и декабря, но за то выручаютъ по шести и семи франковъ за штуку. Каждая хозяйка содержитъ свой птичникъ, соображаясь съ своими способностями и положеніемъ своего хозяйства, а также принимая въ расчетъ близость или отдаленность текучей воды или сосѣдство лѣса.

Относительно пространства, населеніе здѣсь гораздо значительнѣе чѣмъ въ Босъ; впрочемъ скопленіе жителей встрѣчается только въ главномъ мѣстѣ общины, а по полямъ разсѣяны фермы и отдѣльныя жилища съ огороженными садами, огородами и выгонами для жеребятъ и другихъ животныхъ. Вблизи церквей живутъ только ремесленники,—шорникъ, кузнецъ, колесникъ, трактирщикъ,—да еще семьи извозчиковъ и поденщиковъ, употребляемыхъ окрестными фермерами. Эти вольные помощники земледѣльцевъ по большей части сами жили прежде въ работникахъ на фермѣ, но женились и обзавелись домомъ, въ надеждѣ когда-нибудь сдѣлаться фермерами; ежегодно они откладываютъ кое-что изъ своихъ заработковъ, но почти весь свой вѣкъ остаются при одной надеждѣ выйти въ фермеры. Иные изъ нихъ снимаютъ маленькія фермы, которыя здѣсь называются *borderies*, а въ другихъ мѣстахъ носятъ названіе *closeries*, и это еще самые счастливые. Такая *borderie* имѣетъ не болѣе пяти-шести гектаровъ пространства; жена поденщика, пользуясь травой и пастбищемъ, можетъ водить двухъ коровъ, свинью, четырехъ овецъ и нѣсколько домашней птицы. Собственникъ получаетъ съ *borderie* половину суммы, выручаемой отъ продажи животныхъ, откормленныхъ этимъ *bordier*.

Фермеры вовсе не держатъ работниковъ, или держатъ ихъ весьма небольшое число: они управляются съ хозяйствомъ своими семейными, и это тѣмъ легче для нихъ, что ихъ семейства обыкновенно бываютъ очень велики, а ихъ хозяйство не очень значительно, и обработка идетъ вяло, что видно уже по сѣвообороту. Всѣ остальные обыватели живутъ обыкновенно въ своихъ домахъ, при которыхъ бываетъ нѣсколько клочковъ земли; они обрабатываютъ кой-какъ эти клочки, а остальное время употребляютъ на рубку лѣса и на земляныя работы на сторонѣ. Избытокъ населенія, въ соединеніи съ этимъ недостаткомъ дѣятельности при обработкѣ земли, составляетъ причину, по которой наемная плата работникамъ и поденщикамъ здѣсь цѣлою четвертью ниже

чѣмъ въ Босѣ. Першъ доставляетъ, правда, Босѣ часть своихъ работниковъ, но они почти всегда возвращаются на родину, какъ только задумаютъ жениться. Сверхъ того артели работниковъ, подѣ управленіемъ начальника, принимающаго на себя званіе капитана, отправляются каждое лѣто убирать жатву въ Босѣ, откуда косцы приносятъ по 60—70 франковъ, а жницы отъ 20 до 25 фр. При окончаніи жатвы, земледѣлецъ даетъ капитану отъ 15 до 20 фр., а въ вознагражденіе за свои труды, хлопоты и заботы, онъ получаетъ еще отъ каждаго изъ работниковъ отъ 3 до 5 фр.

Почти исключительную пищу поселенина составляетъ хлѣбъ, испеченный пополамъ изъ пшеничной и ячной муки; большая часть его поѣдается съ похлебкой изъ капусты съ картофелемъ, рѣпой, лукомъ и свѣжими или сушеными овощами; за тѣмъ слѣдуетъ масло и сыръ, легкій сидръ и соленая рыба; у фермеровъ разъ или два въ недѣлю подаютъ мясо, преимущественно свиное, а во время жатвы безъ него не обходится ни одинъ обѣдъ. Картофель же употребляется всегда въ видѣ приправы, и никогда не составляетъ главной пищи. Я вамъ говорилъ уже, что Французу хлѣбъ необходимъ; безъ хлѣба онъ не умѣетъ ѣсть ни каштановъ, ни картофеля, ни овощей.

Въ большей части Перша, земледѣліе можетъ быть значительно улучшено, потому что почва вообще хорошаго качества: но много предстоитъ еще препятствій и затрудненій. Независимо отъ отсутствія трехъ существенныхъ принадлежностей хорошаго земледѣльца — дѣятельности, смысленности и капитала, прогрессу вредятъ недостатокъ доброй воли со стороны собственниковъ, которые нисколько не расположены снабжать своихъ фермеровъ всѣмъ необходимымъ на первоначальное обзаведеніе, полоничество, этотъ символъ косности, и мелкость фермъ, на которыя богатый фермеръ не подумаетъ употреблять своего капитала и своихъ способностей, на томъ основаніи, что барыши, получаемые въ такихъ малыхъ размѣрахъ, не могутъ доставить ему и семьѣ его довольство, даже послѣ долгихъ пожертвованій времени, труда и денегъ. До сихъ поръ здѣсь оправдался только единственный путь къ прогрессу—это разработка фермъ самими собственниками, которые въ улучшеніи земли находятъ полное вознагражденіе за расходы, сопряженные съ такою операціей. Примѣры подобнаго хозяйства уже встрѣчаются, но они еще слишкомъ рѣдки и не имѣютъ большаго вліянія на общее состояніе земледѣлія.

Крестьянинъ Перша лѣнивъ и безпеченъ по природѣ; онъ не волнуется желаніемъ увеличить свое имущество или улучшить свое положеніе, какъ бы дурно оно ни было. Подъ личиной простодушія, онъ скрываетъ хитрость и притворство; онъ притворяется почтительнымъ и покорнымъ передъ своими хозяевами, оттого можетъ быть, что при прежнемъ управленіи онъ жилъ постоянно на глазахъ у своего прямого властелина, маленькаго феодальнаго тирана, который чаще всего имѣлъ свое пребываніе на самомъ дворѣ фермы и забиралъ у него всѣ его продукты. Не отличаясь нисколько благочестіемъ, онъ очень усердно исполняетъ всѣ церковные обряды; онъ боится колдуновъ и домовыхъ, и имѣетъ полную вѣру въ святыхъ нѣкоторыхъ приходоѣвъ, куда отправляется самъ или посылаетъ другихъ, чтобы при ихъ посредничествѣ получить облегченіе отъ разныхъ болѣзней, изъ которыхъ каждая находится въ спеціальному распоряженіи какого-нибудь святаго.

Если Боса на столько богата, что можетъ обходиться безъ всякихъ кокетливыхъ украшеній, то здѣсь, совершенно наоборотъ, подъ мишурой повидимому красиваго жилища скрывается отъ взоровъ нищета. Не имѣя средствъ украсить внутренность своего дома, житель Перша украшаетъ его, сколько можетъ, съ внѣшней стороны и окружаетъ свое маленькое владѣніе плодовыми деревьями и живою изгородью. Огородъ его наполненъ цвѣтами и плодами, тогда какъ у жителя Босы онъ часто засѣянъ пшеницей или ячменемъ. Большія селенія очень отдалены одно отъ другаго и немногочисленны, но маленькихъ поселковъ безчисленное множество; они встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Конечно, они состоятъ изъ вѣсколькихъ домиковъ, изъ простой *closerie*, а иногда изъ одной бѣдной хижины. Но эти домики, одинокіе и расположенные то посреди огорода, то на опушкѣ зеленаго луга, то на скатѣ холма, иногда въ глубинѣ долины, гдѣ извиляется свѣтлый и прозрачный потокъ, эти сельскія жилища, которыя мелькаютъ между деревьями и изгородями, посреди самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ зелени, посреди яркой и густой листвы, перемѣшанной со множествомъ цвѣтовъ, представляютъ весной самыя живописныя и очаровательныя виды.

Для совершенно яснаго понятія о различіи доходовъ съ фермы при хорошемъ и дурномъ хозяйствѣ, я опишу вамъ одно помѣстье въ Першѣ, гдѣ обработка земли производится

въ самомъ лучшемъ видѣ. Оно занимаетъ 60 гектаровъ. Стадо овецъ состоитъ изъ 150 головъ, въ числѣ которыхъ 40 ягнятъ. Среднимъ вѣсомъ каждое животное даетъ около одного пуда мяса. Такъ какъ средняя цѣна баранины по 16 франковъ за пудъ (то-есть по франку за килограммъ), то съ мяса приобрѣтается ежегодно 680 франковъ. Овецъ рѣжутъ на третьемъ и четвертомъ году.

Каждая овца среднимъ числомъ доставляетъ пять фунтовъ шерсти. Всего шерсти съ овецъ получается 250 килограммовъ (отъ 15 до 16 пудовъ), а полагая по два франка за килограммъ (то-есть 32 франка за пудъ), получится деньгами до 500 фр. Такимъ образомъ овцы даютъ 1.180 франковъ доходу. Крупный скотъ доставляетъ немного. Быковъ на убой не откармливаютъ вовсе; коровы, въ числѣ шести, доставляютъ довольно молока, но молоко, масло и сыръ поглащаются исключительно внутреннимъ потреблениемъ. Среднимъ числомъ продаютъ только по шести телятъ полуторамѣсячныхъ, вѣсомъ по $2\frac{1}{2}$ пуда и выручаютъ до 60 франковъ за каждого. Къ этому надо прибавить еще сумму, выручаемую отъ продажи тридцати поросятъ по 25 фр. за штуку; всего на 1.110 фр.

И такъ общій доходъ съ животныхъ продуктовъ составляетъ до 2.300 франковъ.

Изъ шестидесяти гектаровъ, пятнадцать засѣяны пшеницей и рожью, пятнадцать яровымъ хлѣбомъ, овсомъ и ячменемъ, десять оставлено подъ естественные луга. Весьма малое количество засѣяно кормовыми травами, а горохъ и вика сѣются на паровомъ полѣ.

Урожай пшеницы очень не великъ: среднимъ числомъ онъ даетъ по десяти гектолитровъ; а нерѣдко и гораздо менѣе. Если полагать по десяти гектолитровъ и назначать цѣну по 16 франковъ за гектолитръ, то растительные продукты приносятъ деньгами 2.400 фр., потому что продается только пшеница, а всѣ прочія растенія, воздѣлываемыя на фермѣ, идутъ исключительно на кормъ животнымъ.

Слѣдовательно валовой доходъ фермы состоитъ изъ 4.700 фр., которые распределяются слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ продажная цѣнность земли полагается по тысячѣ франковъ за гектаръ, то поземельный капиталъ составляетъ

¹ Въ четверти приблизительно $2\frac{1}{10}$ гектолитра. Съ тридцатой десятины приходилось бы по этому расчету $5\frac{1}{4}$ четвертей урожая пшеницы.

60 тыс. фр. Наемная плата полагается по 28 фр. за гектаръ, или 1.680 франковъ. Налогъ, по четыре франка съ гектара, составляетъ 240 франковъ. Содержаніе необходимыхъ орудій, покупка сѣменъ и пр. составляетъ въ сложности 250 франковъ.

Заработная плата полагается въ тысячу фр.

Итакъ, на долю фермера, остается сумма въ 1.530 фр., цифра ниже дохода съ поземельнаго капитала и выше заработной платы. Вы видите, что здѣсь всѣ числа наоборотъ тѣмъ въ Босѣ, гдѣ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, то же пространство земли доставило бы 3.600 фр. собственнику, 4.200 фермеру, столько же работникамъ и поденщикамъ и 450 фр. государству.

Сближенія этихъ цифръ уже достаточно, чтобъ обнаружить поразительный контрастъ между ними. Безъ преувеличенія можно сказать, что онѣ выражаютъ то впечатлѣніе, которое ощущаетъ путешественникъ, оставляя плодородныя равнины Босы и вступая въ неровный и гористый Першъ, гдѣ собственность, дробясь все болѣе и болѣе, укрывается за изгородами и украшается живописною картиной деревьевъ, за неизмѣнимъ настоящаго богатства. Несмотря на всю прелесть пастушескихъ сценъ и удовольствіе, доставляемое зрителю видомъ свободно пасущихся животныхъ на прекрасныхъ лугахъ, по склонамъ холмовъ или во глубинѣ тѣнистыхъ долинъ, не возможно не чувствовать, пробѣгая по Першу, что земледѣліе тамъ находится въ плохомъ состояніи и что жители бѣдны. Многочисленныя ланды, верескъ, раскинувшійся на песчаномъ грунтѣ, тощій видъ хлѣбныхъ полей, даже самая наружность жителей обнаруживаютъ страну, совершенно отсталую и скудную дарами природы.

Употребленіе дренажа принесло бы несомнѣнную пользу многимъ землямъ Перша; но мало еще исправить дурное свойство почвы, если въ то же время не искоренятся застарѣлыя привычки тѣхъ, кто ее обрабатываетъ. Можно сказать, что хозяйство въ Першѣ почти безъ исключенія никуда не годится, что оно ведетъ только къ истощенію земель, и безъ того скудныхъ. Улучшить это хозяйство возможно только разведеніемъ искусственныхъ луговъ въ большихъ размѣрахъ и можетъ-быть посѣвомъ корнеплодныхъ растений, которыя вѣроятно пойдутъ успѣшно и принесутъ скотоводству несомнѣнную пользу.

Прежде чѣмъ мы отправимся въ безплодную Солонь, бросимъ взглядъ на плодородную долину, орошаемую Луарой,

въ двухъ департаментахъ Луаре и Луара-и-Шера. Эта богатая долина, на правомъ берегу рѣки узкая и отличающаяся однообразіемъ своего геологическаго устройства, окаймлена холмами, по склонамъ которыхъ расположены виноградники, и съ которыхъ во всѣ стороны открываются очаровательные виды. Долина расширяется на лѣвомъ берегу и вообще болѣе полого; тутъ вы встрѣтите самую разнообразную культуру, но и тутъ на склонахъ холмовъ господствуютъ виноградники. Тамъ и сямъ группы деревьевъ чрезвычайно живописно пересѣкаютъ плодоносныя поля, отдѣляемые въ промежуткахъ превосходными лугами. Почти по всей странѣ замѣтно прежнее русло Луары, которая до сихъ поръ затопляла бы ее, еслибы не было плотинъ, препятствующихъ наводненіямъ.

Объ эти богатая долины соперничаютъ другъ передъ другомъ красотой своихъ видовъ и усажены щегольскими вилами, англійскими садами, аллеями, устроенными по всѣмъ правиламъ искусства, водами свободно текущими или замкнутыми въ каналахъ, парками съ массой зелени, посреди которой мѣстами мелькаютъ красивыя статуи или стройныя вазы. То горожанинъ является въ своемъ сельскомъ жилищѣ скромнымъ агрономомъ и въ особенности виноградаремъ; то на каждомъ шагу выказываются аристократическія претензіи. Одни посреди самыхъ удовольствій помышляютъ о спекуляціяхъ; другіе наслаждаются жизнію посреди роскоши и не думаютъ ни о чемъ. Чтò касается до винодѣловъ, то они выкапываютъ себѣ жилища въ нѣдрахъ холмовъ, и сквозь виноградники, одѣвающіе вершины утесовъ, виднѣтся дымъ, вылетающій изъ ихъ подземныхъ трубъ. Эти пещеры, проходящія такимъ образомъ по нѣдрамъ земли, состоятъ иногда изъ нѣсколькихъ этажей, и излучины ихъ такъ разнообразны, что тотъ, кому неизвѣстны подобныя лабиринты, не проберется по нимъ безъ проводника. Въ большей части этихъ подземныхъ галлерей могутъ проѣзжать повозки, посреди нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются правильныя залы, до того обширныя, что въ случаѣ нападена, онѣ могутъ дать убѣжище всѣмъ жителямъ общины, и едва ли непріятель вздумаетъ ихъ потревожить тамъ. По праздникамъ молодые люди собираются въ этихъ подземныхъ залахъ для танцевъ; туда же сходятся со всѣхъ сторонъ въ долгіе зимніе вечера мужчины и женщины, чтобы вмѣстѣ работать и веселиться.

Воздѣлываніе виноградниковъ играетъ довольно важную роль въ этихъ двухъ департаментахъ: но оно доставляетъ вина вообще посредственныя; большая часть ихъ обращается въ укусъ, которымъ Орлеанъ производитъ очень значительную торговлю. Вслѣдствіе этого, здѣсь болѣе принимается въ соображеніе количество винограда чѣмъ качество, и лозы разсаживаются гораздо ближе одна къ другой, чѣмъ гдѣ-либо во Франціи. Сверхъ того даютъ полную волю побѣгамъ; оттого они лозы скоро истощаются и требуютъ возобновленія каждыя двадцать или двадцать пять лѣтъ, а въ промежуткахъ, землю занимаютъ овощами, или пшеницей, или искусственными лугами. Въмѣсто того чтобъ уплачивать деньгами винодѣламъ, обрабатывающимъ виноградники, многіе землевладѣльцы предоставляютъ имъ опредѣленное пространство пустопорожней земли за каждый гектаръ, занятый виноградниками. Этотъ способъ, принятый даже и для другихъ отраслей земледѣлія, поддерживаетъ довольство въ деревняхъ и упрочиваетъ земледѣльцу нѣкотораго рода независимость; но въ то же время онъ препятствуетъ улучшенію хозяйства и поддерживаетъ рутину, которой нѣтъ средства уничтожить въ нѣкоторыхъ кантонахъ.

Въ этой странѣ особенно замѣтно, какая огромная разница существуетъ въ плодородіи почвы, когда ее обрабатываетъ самъ владѣлецъ, или когда она отдается за деньги на обработку фермеру или поденщикамъ. Виноградникъ, обрабатываемый самимъ владѣльцемъ, приноситъ вдвое болѣе того, который принадлежитъ богатому буржуа, отдающему его на аренду. Первый безпрерывно осматриваетъ свое маленькое владѣніе, лелѣетъ его и такъ - сказать оплодотворяетъ его своею любовію; потому что дѣйствительно земля его любовница: ея идетъ онъ любоваться въ воскресенье, въ день отдыха, кода онъ надѣваетъ праздничный нарядъ и желаетъ доставить себѣ минуту наслажденія. Онъ знаетъ по одиночкѣ всѣ свои виноградныя лозы, и если встрѣтитъ какую-нибудь изъ нихъ дурнаго качества или больную, то вырываетъ ее и выбираетъ въ питомникѣ землевладѣльца здоровую лозу, давно уже имъ подмѣченную. Онъ съ восторгомъ разсматриваетъ ее, изучаетъ ея растительность и не подрываетъ ея, не изслѣдовавъ тщательно всѣхъ ея отростковъ и не удостовѣрившись въ томъ, какой изъ нихъ въ слѣдующемъ году дастъ болѣе винограда. Лучшее удобреніе пой-

дѣть на этотъ маленькій *clos*, за которымъ такъ ухаживаютъ, а онъ съ своею очередь не останется неблагодарнымъ и сумѣетъ вознаградить за такіе труды въ благословенный день сбора. Страсть имѣетъ свои увлеченія, и иногда охотникъ забывается до такой степени, что срываетъ грозди съ виноградныхъ лозъ своего сосѣда. Но такой любовной прихоти онъ удовлетворяетъ не въ виноградникѣ подобнаго ему мелкаго земледѣльца; тотъ знаетъ эти продѣлки. Похищеніе производится въ обширныхъ виноградникахъ богатаго собственника, который живетъ въ городѣ или спитъ преспокойно, и владѣетъ лозами въ такомъ большомъ количествѣ, что не можетъ знать ихъ въ подробности и надсматривать за ними. Эта хорошо извѣстная продѣлка называется выдѣлываніемъ *луннаго вина* (*vin de lune*).

Когда винодѣлъ очищаетъ виноградныя лозы собственника, который платитъ ему за работу, то онъ не слишкомъ церемонится съ ними. Онъ входитъ въ виноградникъ какъ въ неприятельскую землю съ желѣзомъ въ рукѣ, а такъ какъ срѣзанные сучья принадлежатъ ему, то онъ рѣжетъ не безполезныя побѣги, не дающіе плода, а совершенно наоборотъ: онъ покрываетъ всю землю вокругъ себя вѣтвями самыми сильными, здоровыми, такими, изъ которыхъ можно добыть лучшее топливо; однимъ словомъ онъ становится дровосѣкомъ, а не винодѣломъ. Вотъ отчего виноградникъ крестьянина производитъ вдвое болѣе, чѣмъ виноградникъ помѣщика.

Винодѣлъ собственника или даже фермеръ смотритъ какимъ-то республиканцемъ; во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ онъ старается выказать нѣкоторую независимость, если онъ болѣе или менѣе добросовѣстно занимается виноградникомъ своего патрона. Вообще онъ веселъ, говорливъ, любитъ удовольствія и не отличается набожностію; страсти его живы и легки, какъ воздухъ, которымъ онъ дышитъ; онъ иногда чрезъ мѣру наслаждается продуктами виноградника, составляющаго предметъ его попеченій. Жилище его улыбается путешественнику, манитъ къ себѣ карандашъ артиста. Оно просто, но щеголевато по наружности и чаще всего, какъ я сказалъ уже выше, изрыто въ скалѣ; на лицевой сторонѣ его устроена бесѣдка изъ виноградныхъ вѣтвей, листья которыхъ, выступая на яркой бѣлизнѣ стѣны, украшаютъ ее чѣмъ-то въ родѣ шитья по канвѣ, оттѣненнаго зеленымъ и алымъ цвѣтомъ. Но внутренность жилища въ отношеніи опрятности и сравниться не можетъ съ жилищами Босы.

III.

Долина Луары, на лѣвомъ берегу этой рѣки, отдѣлена отъ Солони только цѣпью холмовъ, за которыми природа является совершенно въ иномъ видѣ. Со временъ Генриха IV, то-есть съ конца XVI вѣка, древняя Солонь пользовалась всегда привилегіей давать новымъ правительствамъ случай начинать съ нея полезныя реформы, возвѣщенные ими въ пышныхъ программахъ, и несмотря на то, она еще и понынѣ посреди нашей «прекрасной Франціи» представляетъ видъ страны, упорно сопротивляющейся всѣмъ усиліямъ земледѣлія. Это страна какъ бы умершая, и воскресеніе ея идетъ медленно, несмотря на разумныя и дѣйствительно-полезныя улучшенія, совершенныя въ послѣднее время.

Равная пространствомъ цѣлымъ департаментамъ, печальная и бесплодная Солонь образуетъ обширную плоскость, заключающую въ себѣ не менѣе 460 тысячъ гектаровъ, распределенныхъ по тремъ департаментамъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь. Почва ея, климатъ, населеніе, вездѣ одинаковыя, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, придають этой пустынной странѣ особенный видъ, рѣзко отличающій ее отъ сосѣднихъ съ нею областей. Она какъ будто проклята Богомъ и людьми. Вокругъ нея танутся страны, съ незапамятнаго времени обогащенные непрерывною работою дѣятельнаго и многочисленнаго населенія, пересѣченныя большими и малыми рѣками, каналами, которые разносятъ повсюду плодородіе, богатство и жизнь. Почва Солони одарена несчастною способностью оставаться то безводною лѣтомъ, то болотистою во время зимы до такой степени, что самыя воды, служащія повсюду самымъ могущественнымъ средствомъ плодородія, составляютъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ ея скудости, потому что вслѣдствіе непроницаемости подпочвы, онѣ обращаютъ въ болото обширныя пространства, ими орошаемыя. Глинистый слой часто выходитъ наружу; останавливая воды на своей поверхности, онъ образуетъ тѣ многочисленныя пруды, которыми покрыта вся Солонь; въ департаментахъ Луаре и Луара-и-Шера ихъ насчитываютъ до 370; въ другихъ мѣстахъ почва состоитъ изъ чистаго пе-

ску, перемѣшаннаго съ гравіемъ и мелкими кремнями, образующими тѣ легкіе и подвижные пески, которыми такъ извѣстна восточная часть Солони; наконецъ на нѣкоторыхъ пунктахъ большіе кремни, во множествѣ сжатые въ плотной почвѣ, образуютъ родъ туфа, почти недоступнаго для корней растений. Повсюду замѣтно отсутствіе известковаго элемента, столь драгоценнаго для земледѣлія. Наконецъ и пути сообщенія даны Солони очень скудно, а рѣдкое населеніе принуждено употреблять лучшую часть своихъ силъ и энергія на борьбу съ болотною лихорадкой (*fièvre paludienne*), которая производитъ здѣсь страшное опустошеніе.

Сердце болѣзненно сжимается при видѣ этого безпредѣльнаго сѣраго небосклона, этой мрачной природы, гдѣ безмолвіе нарушается только однообразною и унылою пѣснью бѣднаго пахаря, плугъ котораго какъ будто двигается подъ тактъ этой пѣсни; повсюду тянутся безконечныя ланды, обширныя болота, гдѣ только по временамъ мелькаютъ вдалекѣ расположившіяся на землѣ пастушки, окутанныя бѣлыми шерстяными одеялами, дающими имъ нѣкоторое сходство съ пастырями Востока. Они пасутъ одиноко своихъ маленькихъ овецекъ съ желтоватою головой, съ короткою и тонкою шерстью, и эти невинныя овечки своими смертоносными зубами пособляютъ жителямъ истреблять послѣдніе лѣса и наносятъ страшный вредъ засѣянному нивамъ и молодымъ кустарникамъ, между тѣмъ какъ хищная птица, другая обитательница пустыни, разсѣкаетъ воздухъ, касаясь крыломъ своимъ земли, садится на верхушкѣ березы, пощаженой топоромъ, и зорко слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ ея владѣніяхъ.

А между тѣмъ эта обнаженная почва была нѣкогда покрыта лѣсами и множествомъ замковъ, остатки которыхъ существуютъ и донынѣ, какъ нѣмые свидѣтели бывшаго блеска; но этотъ блескъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть слѣдствіемъ богатой культуры, которая здѣсь невозможна; его необходимо приписать прекраснымъ лѣсамъ, нынѣ опустошеннымъ и уничтоженнымъ, гдѣ находили себѣ пріютъ дикія животныя, за которыми такъ любили охотиться прежніе сениоры. Не встрѣчаются ли и теперь еще, посреди этихъ обширныхъ степей съ верескомъ, какъ бы для одушевленія челоуѣка надеждой, прекрасныя оазисы, на которыхъ съ наслажденіемъ останавливается взоръ? Въ этихъ оазисахъ видна культура, быстро развивающаяся, разстилаются свѣжіе и веселые луга, окаймленные зе-

ленью, а посреди ихъ, мѣстами возвышаются букеты дубовъ и березъ, выросшихъ на свободѣ и такъ удачно расположенныхъ, что ихъ можно принять за настоящіе англійскіе сады...

И въ самомъ дѣлѣ лѣса — вотъ естественное произведеніе этой почвы, столь скудной въ настоящее время. Отдайте ей ея лѣса, и эта обнаженная, печальная страна, такъ жестоко обиженная природою, получитъ снова свой первобытный видъ, свою прежнюю оригинальность. Сосновые лѣса, которыми уже нѣсколько времени тому назадъ застѣли нѣкоторыя полосы Солони, возстановили въ ней, вмѣстѣ съ улучшеніемъ почвы, ея строгій и мрачный характеръ, полный какой-то оригинальной меланхоліи.

Что же дѣлать, что предпринять, чтобы возвратить этой обнищавшей землѣ потерянное ею богатство? Искусные агрономы, вздумавшіе начать разумную и энергическую борьбу противъ бѣдственныхъ преградъ, поставляемыхъ неблагоприятною природою, поняли, что пшеница, также какъ и яровые хлѣба не могутъ произрастать при настоящихъ условіяхъ, и рѣшились замѣнить ихъ рожью, ячменемъ и озимымъ овсомъ, которымъ не нужно большой влажности при наступленіи іюльскихъ жаровъ; они воздѣлываютъ свекловицу, когда почва достаточно глубока, земляную грушу и особенно кормовыя травы, какковы дятлина и красный клеверъ, которыя растутъ хорошо и особенно нравятся овцамъ; они разводятъ въ большомъ количествѣ виноградники, продукты которыхъ довольно посредственны, но за то изобильны, употребляются въ дѣло орлеанскими искусными фабрикантами и также потребляются, какъ я уже замѣтилъ выше, на фермахъ Босы, гдѣ всегда ощутителенъ недостатокъ въ питьѣ. Словомъ, уменьшили производство хлѣбныхъ растеній, стали сѣять много кормовыхъ травъ и оставляютъ много земли въ залежи, — превосходный способъ хозяйства вездѣ, гдѣ земля имѣетъ мало цѣны и гдѣ очень дороги руки.

Боле всего въ Солони ощутителенъ недостатокъ въ путяхъ сообщенія. Преимущественно вблизи желѣзныхъ дорогъ замѣчается очевидное улучшеніе сельскаго хозяйства въ послѣдніе годы. Повсюду, куда возможно перевезти на поля мергель по умѣренной цѣнѣ, начинаютъ воздѣлывать пшеницу, клеверъ, рейсъ-грассъ. Тогда и пахутъ глубже, и земли осушаются, воздухъ становится здоровѣе, лихорадка исчезаетъ и замѣтенъ настояя. ій прогрессъ, заставляющій желать, чтобы вся страна получила возможность, при развитіи дешевыхъ пу-

тей сообщенія, пользоваться удобствами, которыя до сихъ поръ доступны только окрестностямъ желѣзныхъ дорогъ.

Солонскій крестьянинъ, большею частью малорослый, представляеть во всѣхъ чертахъ своихъ какое-то жалкое искаженіе человѣческой природы — слѣдствіе удручающей его болѣзни, нищеты, тяжелой атмосферы и суровой работы. Цвѣтъ лица у него свинцовый, станъ худой, маленький, сгорбленный, голосъ слабый и походка тяжелая, медленная, по которой его тотчасъ же можно отличить между всѣми окрестными жителями. Его тусклые, безжизненные глаза вмѣстѣ съ вялостью лицевыхъ мускуловъ и особенно нижней части лица, придають его физиономіи видъ робости и тупоумія. Онъ старѣется скоро и носить на себѣ признаки преждевременной дряхлости: зубы его портятся и падаютъ до совершеннолѣтія, лобъ покрывается морщинами, а лицо блекнетъ прежде, чѣмъ онъ достигаетъ тридцати лѣтъ; отъ сорока до пятидесяти начинается старость; въ шестьдесятъ наступаетъ совершенное расслабленіе, и очень рѣдко случается, чтобы кто-нибудь въ Солони доживалъ до 70 или 80 лѣтъ.

Вліяніе физическаго состоянія на нравственное въ Солонцѣ замѣтнѣе чѣмъ въ комъ-либо. Онъ ѣсть и пьетъ дурно, жилище его неудобно; пищу его составляетъ ржаной хлѣбъ, накрошенный въ водѣ съ медомъ, салатъ, скупо политый молокомъ, сыръ, высушенный на солнцѣ, изрѣдка маленькой кусочекъ ветчины, посоленной за годъ тому назадъ или болѣе. Что касается до питья, то оно состоитъ обыкновенно, даже во время жатвы, изъ мутной воды, добываемой въ рывтинахъ, болотахъ и рвахъ, и слегка подправленной уксусомъ, что отбиваетъ у нея противный вкусъ, нисколько впрочемъ не отнимая у нея свойства наносить лихорадку. Просыпаясь по утру, Солонецъ видитъ по большей части избу свою окруженною туманомъ, и рѣдко привѣтствуетъ его солнце своими животворными лучами. Изба его, низменная, сырая, въ уровень съ почвой, пропитанная навозною влагой, безъ пола, безъ воздуха, выстроенная изъ земли, подверженная всѣмъ атмосферическимъ переменамъ, почти всегда заразительно дѣйствуетъ на здоровье. Болѣзнь сдѣлалась нормальнымъ состояніемъ Солонца. Его непрерывно преслѣдуютъ лихорадки и крававые поносы. Душа утомляется и слабѣетъ въ борьбѣ съ больнымъ тѣломъ. Въ замѣнъ дѣйствительныхъ качествъ, поселянинъ Солони обладаетъ всѣми качествами стра-

дательными. вмѣсто доброты, въ немъ замѣтна протость или скорѣе слабость; вмѣсто дѣятельности, мужества, смышленности, онъ одаренъ лукавствомъ, даже хитростью, этимъ обычнымъ оружіемъ слабого противъ сильнаго; вмѣсто бережливости, на его долю выпала скупость. Онъ привѣтливъ, вѣжливъ, доступенъ для всѣхъ; онъ наблюдаетъ, но не скоро скажетъ, что у него въ головѣ. Подъ его апатическою, вялою, нерѣшительною наружностію скрывается часто ловкость, доходящая до тонкости тамъ, гдѣ дѣло касается его интересовъ; оттого у насъ и называютъ *niais de Sologne* (солонскій простякъ) чело-вѣка, который подъ личиною ложнаго престодушія скрываетъ притворство, близко подходящее къ плутовству.

Подобно Горцамъ, онъ любитъ свою родину, любитъ ее, какъ она есть, и оставляетъ ее съ сожалѣніемъ. Онъ ненавидитъ ремесло солдата, которое несовмѣстно съ его слабою и болѣзненною организаціей. Бѣдный, подобно землѣ, съ которою онъ освоился, онъ рѣдко имѣетъ какую-нибудь собственность и живетъ со дня на день, подбирая виноградъ, колосья, почи-вивая что-нибудь, а иногда и промышленя воровствомъ. Онъ охотно берется за нищенскую суму: даже богатѣя, онъ кажется бѣденъ по прежнему, потому что прячетъ и зарываетъ свои деньги. Недовѣрчивость, этотъ инстинктъ, встрѣчаемый у всѣхъ дикарей, чаще всего появляется на лицѣ солонскаго крестьянина. Если ему оказываютъ услугу, то онъ прежде всего старается розыскать, нѣтъ ли тутъ тайной цѣли обмануть его и поживиться на его счетъ. Онъ едва вѣритъ, что ему желаютъ добра, не требуя ничего въ оплату. Если же напротивъ того, у него попросятъ услуги, то прежде чѣмъ согласиться и оказать ее, онъ медлитъ, колеблется, боится западни. Онъ сомнѣвается во всемъ, чего не знаетъ, а такъ какъ онъ ровно ничего не знаетъ, то хитростію борется противъ всякаго прогресса. Онъ насмѣхается надъ буржуа, который опытами и нововведеніями старается улучшить его положеніе, не помогаетъ ему, работаетъ для него скрѣпя сердце, безъ доброй воли и безъ надежды на успѣхъ, и нерѣдко приводитъ въ отчаяніе благонамѣреннаго хозяина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для себя на дѣлѣ оправдываетъ свое недовѣріе ко всему.

Дѣвицы часто погрѣшаютъ противъ нравственности, но молодые люди нисколько не беспокоятся объ этомъ, и, вступая въ бракъ съ погрѣшившими, говорятъ очень равнодушно: «она ничѣмъ не хуже другихъ». Солонецъ любитъ праздность

и выискиваетъ всевозможныя средства, чтобы пользоваться ею, посѣщаетъ усердно сборища, ярмарки и свято соблюдаетъ всѣ *Bonnes Dames*, то-есть всѣ праздники въ честь Богородицы. Его здоровье и рассудокъ часто терпятъ отъ того; привыкнувъ къ мутной и тяжелой болотной водѣ, онъ совершенно теряетъ голову отъ бутылки вина и забываетъ все свое горе въ шингѣ. Подобно Бретонцу, онъ поклоняется у себя въ церкви христіанскому Богу, но по возвращеніи домой, вѣруетъ во всѣхъ боговъ, поражаемыхъ его наивнымъ и нерѣдко поэтическимъ воображеніемъ, аих *bizettes*, аих *mepeux de lours*, въ колдуновъ и въ чародѣйство. Въ странѣ, гдѣ средняя человѣческая жизнь доходитъ лишь до 23 лѣтъ, тогда какъ во всей остальной Франціи она полагается въ 39 лѣтъ, очень естественно развивается страхъ къ смерти и уваженіе къ мертвецамъ. Привыкнувъ видѣть, какъ преждевременно гибнуть его родители, родственники и сосѣди, Солонецъ какъ будто желаетъ воспоминаніемъ продолжить ихъ рано угасшую жизнь. Въ дни погребенія, во время похоронной церемоніи, совершаемой на кладбищѣ, присутствующіе не окружаютъ зяющей могилы, готовой поглотить новую жертву, а молятся съ колѣнопреклоненіемъ на могилахъ родныхъ имъ покойниковъ.

Болѣе же всего суевѣріе Солонца замѣтно при совершеніи брачнаго торжества. Во время обряда существуетъ обыкновеніе колоть сзади жениха и невѣсту и даже до крови, чтобъ узнать, который изъ нихъ будетъ ревнивѣе. Каждый изъ новобрачныхъ держитъ въ рукѣ зажженную свѣчу, и у кого свѣча догоритъ прежде, тотъ и умретъ ранѣе. Женихъ не позволяетъ невѣстѣ надѣвать самой на руку обручальное кольцо, которое подаетъ ей священникъ: онъ самъ надѣваетъ его до третьяго сустава, въ полной увѣренности, что если роковое кольцо не будетъ надѣто такимъ образомъ, то одна жена будетъ хозяйкой въ домѣ.

Свадьбу празднуютъ нѣсколько дней и при большомъ стеченіи народа. На шарушки приглашаютъ не только сосѣдей-хозяевъ, но и работниковъ, поденщиковъ, увѣчныхъ и даже дѣтей; сверхъ того каждый изъ гостей можетъ привести съ собой, кого хочетъ. Въ первый день, послѣ свадебнаго обѣда, на которомъ голодныхъ гостей кормятъ грубыми, но изобильными кушаньями, производится сборъ въ пользу новобрачныхъ, для чего выбираются пять молодыхъ крестьянокъ. Первая держитъ въ рукѣ прялку безъ пеньки и шерсти и пустое веретено, кото-

рое она подаетъ каждому съ слѣдующимъ призывомъ на старинномъ нарѣчіи: «У новобрачной есть прялка и веретено, но увы! нѣтъ ни клочка пеньки. Изъ чего же ей выпрясть себѣ приданое?» Вторая принимаетъ дары въ стаканъ новобрачной, третья наливаетъ вина великодушнымъ гостямъ, которые осушаютъ этотъ стаканъ за здоровье молодыхъ; четвертая отираетъ саломкой ротъ у каждаго выпившаго, а пятая, обыкновенно самая красивая, цѣлуетъ его въ обѣ щеки въ знакъ благодарности.

Такова наша старинная провинція Орлеане. Я долженъ просить извиненія у читателей, что не говорилъ въ этомъ письмѣ о предметѣ, съ которымъ въ прошломъ письмѣ общалъ познакомиться ихъ. Но къ описанію прозаической провинціи какъ-то не пристала бесѣда о народномъ образованіи. Въ слѣдующемъ письмѣ исполню свое обѣщаніе и поговорю о сельскихъ школахъ и сельскихъ учителяхъ.

Евгеній Бонмеръ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЧАСТЬ

ИСТОРИИ АНГЛІИ

МАКОЛЕЯ.¹

III.

Мы изложили, въ главныхъ чертахъ, все содержаніе по слѣдней части *Исторіи Англій*. Съ выходомъ ея въ свѣтъ, сочиненіе Маколея представляетъ, какъ мы уже сказали, полную картину революціи 1688 года, со всѣми ея причинами и послѣдствіями. Революція 1688 года служитъ средоточіемъ, къ которому примыкаютъ всѣ отдѣльныя части разказа. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ея былъ Вильгельмъ III. Не удивительно, что ему принадлежитъ и первое мѣсто въ исторіи Маколея. Знаменитый историкъ не могъ остаться равнодушнымъ къ тому, кто доставилъ торжество дѣлу протестантизма и свободы. Онъ сдѣлалъ Вильгельма героемъ своей *Исторіи*. Онъ старался загладить несправедливость, съ которою относились къ Вильгельму современники, съ которою слишкомъ часто судило о немъ потомство. Усиліямъ Маколея помогала самая личность

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 6.

Вильгельма. Вильгельмъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ можно любить или ненавидѣть, но которымъ нельзя не удивляться. Последняя часть *Исторіи Англіи* во многомъ дополняетъ характеристику Вильгельма. Ресвикскій миръ поставилъ Вильгельма лицомъ къ лицу съ англійскими партіями. Отношенія его къ парламенту и къ народу очистились отъ того случайнаго элемента, который вносила въ нихъ война. Давно приготавлившіяся столкновенія сдѣлались неизбежны; неудовольствія, не сдерживаемыя болѣе необходимостію, разразились съ полною силой. Съ точки зрѣнія внутренней политики, послѣдніе годы XVII столѣтія не уступаютъ въ интересѣ первой части царствованія Вильгельма. Они раскрываютъ передъ нами значеніе Вильгельма какъ конституціоннаго монарха; они представляютъ его именно съ той стороны, съ которой онъ всего чаще подвергался нападеніямъ. Нападенія эти продолжаются и въ наше время: многія изъ нихъ повторены г. Вышинскимъ въ его лекціяхъ объ Англіи въ XVIII столѣтіи. Слава полководца, дипломата не можетъ сравниться съ славой государственнаго челоуѣка, утвердившаго новый, лучшій порядокъ вещей, положившаго начало новой, болѣе счастливой эпохѣ народной жизни. Отказывать Вильгельму въ этой послѣдней славѣ значитъ отрицать главные права его на историческое величіе, тѣ права, которыя всего болѣе старался упрочить за нимъ Маколей.

Борьба Стюартовъ съ парламентомъ была критическимъ періодомъ въ исторіи Англіи. Учрежденія, равно древнія, равно близкія народу, принципы, съ незапамятныхъ временъ уживавшіеся другъ подле друга, пришли въ столкновеніе, которое повидимому могло окончиться только совершеннымъ паденіемъ одного изъ нихъ. Королевская власть предъявила новыя притязанія, возвела въ теорію свое прежнее фактическое господство. Парламентъ въ свою очередь почувствовалъ потребность формулировать свои права, оградить ихъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ нарушеній. Ученію о безусловномъ повиновеніи палата общинъ противопоставила петицію о правахъ. Королевская власть вступила на путь произвола, народъ—на путь революціи. Реставрація прекратила борьбу, но не надолго. Злоупотребленія Карла II и Якова II еще яснѣе доказали необходимость точнаго разграниченія между государственными властями. Во имя этого разграниченія совершилась революція 1688 года. Она имѣла чисто-оборонительный характеръ. Декларация права,

начертанная конвентомъ, не вводила никакихъ новыхъ началъ въ англійскую конституцію; она служила только торжественнымъ заявленіемъ старинныхъ правъ англійскаго народа и ограниченій королевской власти. Вильгельмъ принялъ декларацію и вступилъ на англійскій престолъ. Но это былъ только первый шагъ къ достиженію желанной цѣли. Одного обѣщанія было мало,—Карль I также обѣщалъ руководствоваться петиціей о правахъ,—нужно было еще добровольное исполненіе обѣщанія: и вотъ въ этомъ-то заключается одна изъ главныхъ заслугъ Вильгельма. Широко пользуясь своею законною властію, онъ никогда не старался превысить ее. Конечно, это было отчасти послѣдствіемъ его положенія. Возведенный на престолъ волей парламента, постоянно угрожаемый возвращеніемъ опаснаго соперника, онъ не могъ позволить себѣ и половины тѣхъ самоуправныхъ дѣйствій, которые безнаказанно сходили съ рукъ Стюартамъ. Но при тѣхъ обширныхъ преимуществахъ, которыми вообще была облечена королевская власть, при той силѣ, которую она почерпала изъ военныхъ обстоятельствъ, при той поддержкѣ, которую всегда могла бы оказать ей одна партія противъ другой, Вильгельмъ легко могъ выйти изъ законныхъ предѣловъ своей прерогативы. Развитіе конституціонныхъ началъ опять уступило бы мѣсто охраненію ихъ; живыя силы народа опять стали бы истощаться въ безплодной борьбѣ. Вильгельмъ освободилъ Англію отъ этого бѣдствія. Онъ былъ конституціоннымъ государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Среди самыхъ тяжелыхъ испытаній, онъ сумѣлъ остаться вѣрнымъ своему долгу. Онъ далъ утвердиться границамъ, власти и ихъ уже не могли, не смѣли преступить его преемники.

Г. Вызинскій утверждаетъ, что природа вовсе не создала Вильгельма конституціоннымъ королемъ. «Странно было бы, говорить онъ, дѣлать Вильгельма героемъ и энтузіастомъ политической свободы. Въ его повелительной натурѣ не могло быть искренней любви къ свободѣ. Онъ написалъ имя свободы на своемъ знамени, потому что только такимъ образомъ могъ достигнуть англійскаго престола и удержаться на немъ. Онъ чрезмерно любилъ власть и желалъ всегда имѣть просторъ для своихъ дѣйствій. Онъ съ трудомъ выносилъ ограниченія королевской прерогативы и никакъ не могъ ужиться съ парламентомъ. Его оскорбляло и раздражало всякое сопротивленіе, всякая оппозиція; контроль парламента былъ ему въ выс-

ной степени тягостенъ. Парламентская система утвердилась въ Англии не столько при помощи Вильгельма, сколько помимо его.» Мы не знаемъ чѣмъ создала Вильгельма природа, но мы видимъ чѣмъ сдѣлало его воспитаніе, обстоятельства, его собственная могучая воля. Угнетеніе, которому онъ подвергся въ молодости, сдѣлало его врагомъ всякихъ умственныхъ стѣсненій. Поставленный, двадцати одного года отъ роду, во главѣ своего народа, онъ посвятилъ себя защитѣ его независимости, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ неприкосновенною его внутреннюю свободу. Онъ никогда не посягалъ на конституцію Соединенныхъ Провинцій, хотя часто встрѣчалъ въ ней препятствіе къ исполненію своихъ плановъ. Амстердамъ открыто противодѣйствовалъ политикѣ Вильгельма, но Вильгельмъ не употреблялъ противъ него другаго оружія, кромѣ силы убѣжденія и примѣра. Итакъ, конституціонная оппозиція не была новостію для Вильгельма, когда онъ вступилъ на англійскій престолъ. Онъ не могъ оскорбляться сопротивленіемъ, къ которому привыкъ еще въ своемъ отечествѣ. Вильгельмъ не имѣлъ ни одной изъ тѣхъ наклонностей, по которымъ узнается деспотъ. Онъ ставилъ благо своего народа, благо цѣлой Европы, выше своихъ собственныхъ интересовъ. Онъ презиралъ вѣншнюю сторону власти, избѣгалъ ея блеска, ни отъ кого не требовалъ самоуничженія. Онъ не искалъ славы и не мечталъ заранѣе о безсмертіи. У него не было придворныхъ историографовъ, и во дворцѣ его не висѣли картины съ изображеніемъ его военныхъ подвиговъ. Онъ всего болѣе уважалъ тѣхъ, кто обращался съ нимъ какъ съ равнымъ. Отсюда его дружба съ Портландомъ, его привязанность къ Сомерсу. Онъ умѣлъ прощать личныя обиды, онъ не боялся личныхъ враговъ. Какъ защитникъ религіозной и политической терпимости, онъ стоялъ далеко впереди своего времени: а совмѣстима ли терпимость съ деспотизмомъ, съ *повелительною натурой*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это выраженіе г. Визинскій? И терпимость Вильгельма не была послѣдствіемъ равнодушія. Онъ имѣлъ твердыя религіозныя убѣжденія, но это не мѣшало ему уважать убѣжденія другихъ, хотя бы и совершенно противоположныя его собственнымъ. Онъ не чуждался торіевъ, хотя конечно не раздѣлялъ ихъ политическаго ученія. Онъ былъ снисходителенъ къ якобитамъ, хотя имѣлъ самыя основательныя причины ненавидѣть ихъ. Мы

согласны съ г-мъ Вызинскимъ, что Вильгельмъ не можетъ быть названъ героемъ, энтузіастомъ политической свободы: онъ былъ героемъ другаго дѣла, энтузіастомъ другаго стремленія; но вся дѣятельность его свидѣтельствуесть о томъ, что онъ былъ способенъ понимать и любить свободу. Вильгельмъ чрезмѣрно любилъ власть, говоритъ г. Вызинскій: да, онъ любилъ ее, но не для нея самой, не какъ цѣль, а какъ средство. Задачею его жизни была борьба съ Франціей, представительницей католицизма и абсолютизма. Ненависть къ Франціи, къ французскому правительству была чувствомъ общимъ Вильгельму и англійскому народу. Но въ первомъ она была сознательна, разумна, во второмъ болѣе инстинктивна. Англичане могли на время забыть свою вражду, могли успокоиться насчетъ намѣреній Лудовика XIV. Вильгельмъ постоянно былъ на стражѣ, постоянно видѣлъ опасность и сознавалъ необходимость отпора. Вотъ главная причина неудовольствій между Вильгельмомъ и парламентомъ. Парламентъ часто не хотѣлъ или не могъ понимать Вильгельма. Въ такія минуты сопротивленіе парламента дѣйствительно раздражало Вильгельма, но раздражало его не потому чтобъ онъ видѣлъ въ немъ неуваженіе къ своей прерогативѣ, а потому что оно стѣсняло его внѣшнюю политику.

Непріязнь Вильгельма къ Лудовику XIV не была обыкновенною, мелочною враждою двухъ монарховъ-соперниковъ. Конечно, она усиливалась личною антипатіей, воспоминавіемъ о личныхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Лудовикомъ Вильгельму: но не въ этомъ заключалась ея главная причина. Она была такъ понятна, такъ законна, что теперь, по прошествіи почти двухъ вѣковъ, не трудно увлечься чувствомъ, одушевлявшимъ Вильгельма. Это было не честолюбіе, не жажда завоеваній: это было глубокое сознаніе опасности, которою Франція угрожала Европѣ, глубокое негодованіе противъ вопіющихъ беззаконій французской политики. Вильгельмъ сражался за цѣлость и достоинство европейскихъ государствъ, за самостоятельность ихъ внутреннихъ учреждений, за безопасность и свободу ихъ вѣроисповѣданій. Онъ былъ защитникомъ права противъ безправія, слабыхъ противъ сильнаго. Измѣнническое нападеніе на Голландію, замыслы присоединенія, опустошеніе Палатината, всѣ эти злоупотребленія торжествующей силы тяжелымъ камнемъ ложились на душу Вильгельма. Едва поддерживаемый, безпрестанно оставаемый союзниками,

одинъ противъ страшнаго могущества своего соперника, онъ отчаявался иногда въ будущемъ, но въ этихъ минутахъ отчаяннѣ находилъ новыя силы для борьбы съ Франціей. Онъ видѣлъ въ этой борьбѣ единственный шансъ спасенія для Европы. Онъ былъ душой тѣхъ совзовъ, о которые разбились честолюбивыя стремленія Лудовика XIV. Объ войны, которыя онъ велъ съ Франціей, имѣли чисто оборонительный характеръ. Г. Вызинскій говоритъ, что Вильгельмъ сдѣлалъ Англiю орудіемъ своей континентальной политики. Это совершенно справедливо; но развѣ политика Вильгельма не была согласна съ интересами Англiи? Развѣ война съ Франціей не была вмѣстѣ съ тѣмъ войною противъ Стюартовъ, враговъ англійской религіи и свободы? «Для удовлетворенія своей вражды къ Франціи, говоритъ г. Вызинскій, Вильгельмъ былъ въ состояніи пожертвовать всѣмъ, истощить всѣ живыя силы Англiи, истребить половину ея народонаселенія, обратить ее въ пустыню и груды развалинъ.» Мы не знаемъ откуда г. Вызинскій почерпнулъ эту смѣлую мысль. Еслибъ она была справедлива, то Вильгельмъ по всей вѣроятности не заключилъ бы ривинскаго мира или по крайней мѣрѣ не старался бы ускорить заключеніе его; онъ затянулъ бы дѣло дипломатическими тонкостями, и не разрѣшилъ бы его частными переговорами Портланда съ маршаломъ Буффле. Конечно, еслибы Французамъ удалось вторгнуться въ Англiю, Вильгельмъ сопротивлялся бы имъ до послѣдней крайности, не жалѣя ни крови, ни денегъ; но не соединились ли бы вокругъ него въ той же рѣшимости и всѣ Англичане? Когда французскія войска угрожали независимости Голландіи, Вильгельмъ остановилъ ихъ наводненіемъ; не ограничиваясь этою первою жертвою, онъ былъ готовъ оставить Европу, переселиться, со всѣмъ народомъ, въ азіятскія колоніи Голландіи. И эта мужественная рѣшимость, единодушно принятая Голландцами, составляетъ одно изъ самыхъ прочныхъ основаній славы Вильгельма. Г. Вызинскій видитъ въ натурѣ Вильгельма «что-то холодно-безопасное, неумолимое.» Мы видимъ въ ней только ту твердость, которая ставитъ нравственное достоинство, независимость, свободу, выше матеріальнаго благосостоянія. Въ чемъ отразилась эта мнимая безопасность Вильгельма? Въ его хладнокровіи на полѣ битвы? Но это—неизбѣжное послѣдствіе долговременной военной жизни. Въ знаменитомъ приказѣ объ истребленіи цѣлаго шотландскаго клана? Но

послѣ всѣхъ доказательствъ, приведенныхъ Маколеемъ, едва ли можно утверждать, что Вильгельмъ подписалъ этотъ приказъ съ сознаниемъ его послѣдствій, его цѣли. Трудно предположить, чтобы ревностный защитникъ амнистіи, снисходительный судья заговорщиковъ, врагъ бесполезнаго кровопролитія, могъ хладнокровно согласиться на измѣнническое избиеніе стариковъ, женщинъ и дѣтей. *Extirpate that set of thieves*, искоренить эту шайку воровъ, вотъ слова приказа, которымъ Дальримплъ (the Master of Stair) и его помощники дали такое страшное толкованіе. Маколей справедливо замѣчаетъ, что всякое правительство имѣетъ право искоренять шайки воровъ, и что искорененіе въ подобныхъ случаяхъ вовсе не означаетъ поголовнаго истребленія. Г. Вызинскій говоритъ, что Вильгельмъ часто смотрѣлъ на войну какъ на искусство для искусства. Мы уже видѣли, что всѣ войны Вильгельма были оборонительныя (мы не считаемъ вторженія его въ Англію, потому что оно вовсе не было войной), что онъ были вынуждены необходимостью. Онъ любилъ можетъ-быть сильныя ощущенія, доставляемая войной, но старался избѣгать ея, когда только это было возможно; доказательствомъ тому служатъ раздѣльныя трактаты. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, г. Вызинскій упоминаетъ о битвѣ, данной Вильгельмомъ Люксембургу послѣ нимвегенскаго мира, будто бы для упражненія въ военномъ искусствѣ. Но Маколей и многіе другіе историки (между прочимъ Юмъ, не особенно расположенный въ пользу Вильгельма и осуждающій именно это дѣйствіе его) объясняютъ эту битву совершенно иначе: они предполагаютъ, что Вильгельмъ хотѣлъ воспрепятствовать заключенію мирнаго трактата и продолжать войну, которую считалъ необходимою для пользы Голландіи и ея союзниковъ.

Возвратимся теперь къ внутреннему управленію Вильгельма, и прослѣдимъ въ главныхъ чертахъ отношенія его къ парламенту и къ партіямъ. Вступленіе его на англійскій престолъ было торжествомъ для виговъ и поражениемъ для торіевъ. Виги надѣялись получить безусловное преобладаніе въ дѣлахъ правленія, надѣялись удовлетворить свою давнишнюю ненависть къ торіямъ, требовали преслѣдованій и казней. Вильгельмъ не оправдалъ этихъ ожиданій, не согласился на эти требованія. Онъ не предался въ руки одной партіи, и допустилъ въ министерство какъ виговъ, такъ и торіевъ. Мы уже видѣли, что этотъ способъ дѣйствій не вполнѣ достигъ своей

цѣли; сила вещей скоро заставила Вильгельма образовать министерство, кабинетъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Г. Визинскій какъ бы упрекаетъ Вильгельма за то, что онъ старался «примирить непримиримое, посредничать тамъ, гдѣ нѣтъ середины.» Намъ кажется, напротивъ, что первоначальная политика Вильгельма не осталась безъ полезныхъ послѣдствій. Еслибы Вильгельмъ тотчасъ составилъ вигское министерство, умѣренные виги были бы увлечены крайними членами этой партіи. Сечверель, Гоу, Дж. Гампденъ взяли бы верхъ надъ Сомерсомъ, Шрусбери и Монтегю. Преслѣдованіе торіевъ неизбежно вызвало бы кровавую реакцію противъ виговъ. Все сельское джентри стало бы на сторону яkobитовъ. Англиканская церковь вторично была бы доведена до открытаго сопротивленія. Власть Вильгельма рушилась бы вмѣстѣ съ властію виговъ. Торіи видѣли бы въ немъ своего непримиримаго врага, и вопросъ о реставраціи сдѣлался бы для нихъ вопросомъ жизни и смерти. Вильгельмъ сумѣлъ избѣгнуть этой опасности. Умѣренность его привлекла къ нему умѣренныхъ людей всѣхъ партій. Броженіе, возбужденное революціей, утихло; страсти успокоились. Въ палатѣ общинъ, избранной въ 1690 году, были почти равномѣрно распределены обѣ партіи. Престолъ Вильгельма имѣлъ время окрѣпнуть, и когда онъ, три года спустя, приступилъ къ образованію чисто-вигскаго министерства, торіи спокойно остались въ предѣлахъ конституціонной оппозиціи. Переворотъ, мирно совершившійся въ 1693—96 г., не обошелся бы безъ кровопролитія въ 1689 году.

Умѣренность Вильгельма была столько же слѣдствіемъ политики, сколько и самыхъ свойствъ его характера. Она не имѣла ничего общаго съ робостью или нерѣшительностью. Вильгельмъ желалъ жить въ мирѣ съ обѣими партіями, но не уступалъ ни одной изъ нихъ своихъ собственныхъ убѣжденій. Въ 1689 г. возбужденъ былъ вопросъ объ отменѣ Fest-Act'a для всѣхъ протестантскихъ диссидентовъ (то-есть о допущеніи ихъ къ общественнымъ должностямъ). Торіи были рѣшительно враждебны этой мѣрѣ, виги большею частію равнодушны къ ней. Несмотря на то, Вильгельмъ открыто говорилъ въ ея пользу, въ одной изъ своихъ тронныхъ рѣчей. Онъ былъ готовъ купить ее цѣной полной снисходительности къ неприсягнувшимъ членамъ духовенства (non-jurors), то-есть къ алѣйшимъ врагамъ своимъ. Еще болѣе великодушія и твердости выказалъ Вильгельмъ по

вопросу объ амнистіи. Виги, преобладавшіе въ парламентѣ 1689 года, не хотѣли и слышать о ней: Вильгельмъ столь же упорно отвергалъ истительные планы виговъ. Парламентъ 1690 г. исполнилъ наконецъ желаніе Вильгельма: предложенный королемъ актъ помилованія единодушно былъ принятъ обѣими палатами ¹. Въ то же самое время, палата общинъ разсматривала законъ о новой присягѣ, которою всѣ должностныя лица должны были отречься отъ Іакова II. Пріятіе или непріятіе этого закона, по видимому столь выгоднаго для престола, зависѣло отъ воли Вильгельма; многіе противники закона готовы были подать голосъ за него, изъ опасенія оскорбить короля. Вильгельмъ положилъ конецъ ихъ колебаніямъ, прямо высказавшись противъ закона, который вслѣдъ затѣмъ и былъ отвергнутъ большинствомъ 192 голосовъ противъ 165.

«Парламентъ, говоритъ г. Вызинскій, наученный долголѣтнимъ опытомъ и угадавшій натуру Вильгельма, тщательно и точно опредѣлилъ границы каждаго атрибута его прерогативы. Скупою рукою выдѣляла ему денежные средства нижняя палата, желая такимъ образомъ держать его въ постоянной зависимости отъ себя.» Но когда именно парламентъ установилъ границы королевской прерогативы? Когда введена была новая система субсидій, опредѣлявшая королевскій доходъ не пожизненно, а на короткіе сроки? Ограниченія королевской прерогативы исчислены были въ деклараціи права, предшествовавшей вступленію Вильгельма на англійскій престолъ. Новая система субсидій возникла въ первую парламентскую сессію послѣ воцаренія Вильгельма, и окончательно установилась не позже 1690 года. Очевидно, что во всемъ этомъ парламентъ руководствовался вовсе не недовѣріемъ къ личности Вильгельма. Если и предположить, что Вильгельмъ по

¹ Г. Вызинскій говоритъ, что Вильгельмъ издалъ актъ помилованія въ силу своей королевской власти. Это не совсѣмъ точно. Актъ помилованія, исходящій отъ государя, по англійскимъ законамъ, также нуждается въ согласіи парламента. Вся разница между амнистіей, предложенною королемъ (Act of grace), и амнистіей, предложенною парламентомъ (Act of indemnity), заключается въ томъ, что послѣдняя проходитъ чрезъ обѣ палаты въ видѣ обыкновеннаго билля, читается въ каждой изъ нихъ по три раза, и можетъ быть исправлена ими, а первая читается въ каждой палатѣ только одинъ разъ, и можетъ быть принята или отвергнута, но не измѣнена ими.

природѣ своей былъ врагъ свободы, то парламентъ едва ли могъ угадать это еще прежде начала его царствованія. Долголѣтній, горькій опытъ временъ Стюартовъ, вотъ единственная причина предосторожностей, принятыхъ парламентомъ. Онѣ были направлены противъ королевской власти вообще, а не противъ личнаго характера Вильгельма. Правда, Вильгельмъ былъ недоволенъ новымъ бюджетомъ; несмотря на представленія Бернета, онъ долго не хотѣлъ понять, что дѣло идетъ здѣсь объ общемъ, а не о личномъ вопросѣ. Онъ не охотно терялъ право, которымъ пользовались его предшественники, и которое казалось ему необходимымъ для его внѣшней политики. При всемъ томъ, онъ добровольно подчинился рѣшенію палаты общинъ, и новый принципъ окончательно укоренился въ англійской конституціи.

Мы переходимъ теперь къ самому важному обвиненію противъ Вильгельма. «Не смѣя посягнуть на свободныя учрежденія, говорить г. Визинскій, Вильгельмъ пользовался неумѣренно правомъ королевскаго *velo*, которое давала ему конституція. Долго и упорно противопоставлялъ онъ свое *velo* самымъ популярнымъ биллямъ. Онъ никогда не умѣлъ уступить вовремя и съ тою граціей (?), которая располагаетъ еще болѣе сердца подданныхъ. Онъ дѣлалъ уступки поздно, съ гнѣвомъ, и не скрывая своего неудовольствія.» Посмотримъ, въ какой степени справедливо это обвиненіе. Право королевскаго *velo* издавна существовало въ англійской конституціи и существуетъ въ ней и понынѣ. Но до Вильгельма оно приводилось въ дѣйствіе чрезвычайно рѣдко, послѣ Вильгельма было употреблено только одинъ разъ. Этотъ повидимому странный фактъ объясняется Макколеемъ какъ нельзя болѣе наглядно и просто. Стюарты легко давали свое согласіе на законы, потому что столь же легко и нарушали ихъ. Карлъ II утвердилъ законъ, по которому парламентъ долженъ былъ созываться по крайней мѣрѣ разъ въ три года; но въ моментъ смерти Карла, страна была безъ парламента уже почти четыре года. Съ другой стороны, въ XVIII столѣтіи министерство сдѣлалось какъ бы неполнотѣльнымъ комитетомъ парламента, министры—представителями большинства палаты общинъ; король пересталъ дѣйствовать иначе какъ черезъ посредство своихъ министровъ. При такихъ обстоятельствахъ, употребленіе королевскаго *velo* очевидно сдѣлалось невозможно, почти не мыслимо. Вильгельмъ стоялъ на рубежѣ между двумя противоположными

порядками вещей. Онъ не имѣлъ ни возможности, ни желанія нарушать законы, подобно Стюартамъ. Министерство не имѣло еще того значенія, какое приобрѣло при короляхъ Ганноверскаго дома. Исполнительная власть еще не была простымъ отраженіемъ власти законодательной. Король, по мнѣнію самыхъ просвѣщенныхъ государственныхъ людей, имѣлъ полное право пользоваться своимъ королевскимъ *veto*. Весь вопросъ заключается въ томъ, какъ пользовался имъ Вильгельмъ. Руководствовался ли онъ при этомъ чисто-личными соображеніями? Спротивлялся ли онъ упорно и слѣпо неоднократно выраженной волѣ страны? Умѣлъ ли онъ уступать необходимости, умѣлъ ли онъ отказываться отъ своего права, когда осуществленіе его было бы сопряжено съ явною опасностію для государства?

Декларация права и билль правъ (Bill of Rights) ограничили право короля произвольно смѣнять судей. Но независимость судей отъ короны все еще была неполная. Они были вознаграждаемы за трудъ отчасти судебными пошлинами (*fees*), отчасти жалованьемъ. На судебныя пошлины король не имѣлъ никакого вліянія, но онъ могъ уменьшать или даже совершенно удерживать жалованье судей. Чтобъ окончательно освободить судей отъ королевскаго произвола, предположено было назначить каждому изъ нихъ (то-есть каждому изъ двѣнадцати верховныхъ судей) постоянное жалованье въ 1000 фунтовъ. Билль по этому предмету въ началѣ 1692 года безпрепятственно прошелъ черезъ обѣ палаты. Но предположенная поддержка отнесена была палатами на ту часть государственнаго дохода, которая составляла наследственную принадлежность короны. Вильгельмъ увидѣлъ въ этомъ нарушеніе безспорныхъ правъ короны,—нарушеніе, опасное не столько по своимъ прямымъ послѣдствіямъ, сколько по своему принципу, и наложилъ на билль свое *veto*. Рѣшеніе Вильгельма не возбуждало никакого неудовольствія въ странѣ. Оно оставлено было безъ осужденія даже въ якобитскихъ памфлетахъ. Никто не подозрѣвалъ Вильгельма въ намѣреніи посягнуть на независимость судей; всѣ понимали, что Вильгельма остановило не главное содержаніе билля, а случайная подробность его. Итакъ, первый случай употребленія *veto* не можетъ служить поводомъ къ обвиненію противъ Вильгельма.

Гораздо важнѣе второе, по времени, *veto* Вильгельма. До революціи 1688 года единственнымъ фактомъ, *ipso jure*, безъ

королевскаго повелѣнія, полагавшимъ конецъ существованію парламента, была смерть короля. Палата общинъ, избранная при воцареніи новаго короля, могла быть удержана этимъ послѣднимъ во все продолженіе его жизни. Обстоятельства могли переѣниться, расположеніе народа могло перейти отъ одной крайности къ другой, представители страны могли сдѣлаться совершенно чуждыми странѣ—все это не мѣшало существованію одной и той же палаты общинъ, если только она была покорна королю. Восемнадцатилѣтній парламентъ Карла II показалъ Англiи, къ какимъ страшнымъ злоупотребленіямъ можетъ привести эта часть королевской прерогативы. Она была рѣшительно не сомыслна съ принципами 1688 года. Вопросъ о срочности парламентовъ, о періодическомъ обновленіи палаты общинъ, возбужденъ былъ еще конвентомъ, но окончательно поставленъ на очередь только въ концѣ 1692 года. Палата лордовъ составила и палата общинъ приняла законъ, по которому продолжительность каждаго парламента ограничивалась тремя годами (Bill for limiting the duration of Parliaments, Triennial Bill). Послушаемъ теперь г. Вызинскаго: «И виги, и торіи единодушно поддерживали этотъ билль: Огромнымъ большинствомъ голосовъ онъ проходилъ неоднократно въ обѣихъ палатахъ; но Вильгельмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ упорно сопротивлялся ему, и каждый разъ отказывалъ въ своемъ утвержденіи. Онъ видѣлъ въ этомъ биллѣ самое существенное ограниченіе своей прерогативы. Наконецъ, въ одну тяжелую для него минуту, Вильгельмъ уступилъ. Жена Вильгельма, Марія, скончалась неожиданно, въ цвѣтъ лѣтъ. Вильгельмъ пораженъ былъ какъ громомъ этою потерей. Онъ впалъ въ совершенное оцѣпенѣніе и не способенъ былъ болѣе къ сопротивленію. Парламентъ могъ сдѣлать съ нимъ что хотѣлъ. Безсиленною рукой онъ подписалъ законъ о трехлѣтнемъ срокѣ.» Въ этихъ словахъ г. Вызинскаго чрезвычайно много неточностей. Вопервыхъ, приемъ Triennial-Bill въ палатѣ общинъ былъ далеко не единодушный. Сеймуръ Финчъ, Лоутеръ (Lowther), почти всѣ предводители торіевъ горячо возражали противъ него. Правда, Кермартенъ объявилъ себя въ пользу билля, но онъ не увлекъ за собою своей партіи. Въ пользу билля подано было 200 голосовъ, противъ него—161 голосъ. Большинство, какъ видно, вовсе не огромное. Повторяю, нельзя сказать, чтобы Triennial Bill неоднократно проходилъ въ обѣихъ палатахъ, и чтобы Вильгельмъ каждый разъ отказывалъ ему въ своемъ утвержде-

нн. Королевское *veto* на первый проектъ этого билля объявлено было въ началѣ 1693 года. Въ слѣдующую парламентскую сессию, Triennial-Bill снова былъ внесенъ на разсмотрѣніе палаты общинъ. Онъ былъ отвергнутъ ею большинствомъ 146 голосовъ противъ 136. Палата лордовъ немедленно взяла на себя инициативу новаго билля, поспѣшно утвердила его и переслала въ палату общинъ. Но и этотъ билль былъ отвергнутъ коммонерами, большинствомъ 197 голосовъ противъ 127. Въ концѣ 1694 года дѣло опять было возобновлено парламентомъ, и на этотъ разъ съ полнымъ успѣхомъ. Triennial Bill быстро прошелъ черезъ обѣ палаты и 22 декабря получилъ королевское утверждение. Итакъ, Triennial Bill былъ два раза принять и столько же разъ отвергнутъ палатой общинъ, а Вильгельмъ только одинъ разъ отказался утвердить его. Посмотримъ теперь, при какихъ обстоятельствахъ дано было согласіе Вильгельма. Г. Вызинскій говоритъ, что Вильгельмъ подписалъ Triennial Bill безсильною рукой, подъ вліяніемъ того нравственнаго оцѣпенѣнія, въ которое повергла его смерть королевы Маріи. Это не совсѣмъ справедливо. Утверженіе Triennial Bill воспослѣдовало еще при жизни Маріи ¹. Правда, она была уже опасно больна, такъ что нѣкоторые приписывали согласіе Вильгельма его душевной тревогѣ. Но съ другой стороны, есть основаніе думать, что Вильгельмъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ рѣшился уступить желанію парламента и народа.

Приведенныя нами обстоятельства значительно уменьшаютъ силу обвиненія, вводимаго г. Вызинскимъ противъ Вильгельма. Конституціонный монархъ, упорно и неоднократно отказывающій въ своемъ утвержденіи популярному закону, дѣйствительно заслуживалъ бы порицанія. Онъ ставилъ бы свою прерогативу выше народнаго блага, онъ приносилъ бы общественное спокойствіе въ жертву своей гордости, своему упрямству. Для него буква конституціи важнѣе требованій необходимости и здраваго смысла. Нельзя было бы сказать того же самаго объ умѣренномъ употребленіи *veto*, о первомъ приложеніи его къ извѣстному закону. Король не отказываетъ наотрѣзъ, онъ только предоставляетъ себѣ и другимъ время на размышленіе ², под-

¹ *History of England*, т. VII, р. 340—341.

² На это указываетъ и формула англійскаго королевскаго *veto*: «The king will consider of the matter, или: The king will take the matter in his consideration,» то-есть: король хочетъ подвергнуть дѣло своему разсмотрѣнію. *History of England*, Т. VI, р. 292. Т. VII, р. 184.

вергаетъ законъ вторичному обсужденію страны и законодательныхъ собраній. Если страна переѣнитъ свое мнѣніе и отступится отъ закона, *velo* вполнѣ достигнетъ своей цѣли; если она вновь одобритъ законъ, это будетъ для короля знакомъ ея непреклонной воли, не допускающей уже дальнѣйшаго отказа. Такъ именно, если мы не ошибаемся, смотрѣлъ на *velo* и Вильгельмъ. Онъ рѣшился отвергнуть Triennial Bill, потому что надѣялся на переѣну общественнаго мнѣнія. Ожиданія его отчасти оправдались: въ 1693 году тотъ же самый билль, какъ мы уже видѣли, двукратно былъ отвергнутъ палатой общинъ. Но когда, въ 1694 году, обѣ палаты единодушнѣ чѣмъ прежде высказались въ пользу билля, Вильгельмъ безъ дальнѣйшаго колебанія согласился дать ему силу закона.

Мы не хотимъ сказать, чтобы *velo*, употребленное въ первый разъ, никогда не могло быть вѣнено въ вину конституціонному монарху. Если онъ руководствовался при этомъ чисто-эгоистическими соображеніями, если онъ старался оградить выгодное для него злоупотребленіе, если онъ имѣлъ въ виду остановить, хотя бы на время, свободное развитіе народной жизни, его первое *velo* такъ же опасно, какъ и послѣдующіе отказы. Для полной оцѣнки дѣйствій Вильгельма, необходимо опредѣлить причину, источникъ отказа 1693 года. Г. Вызинскій приписываетъ этотъ отказъ ревнивой заботливости Вильгельма о неприкосновенности королевской прерогативы, заботливости, простиравшейся до вражды къ свободнымъ учрежденіямъ Англій. «Не смѣя посягнуть на свободныя учрежденія, Вильгельмъ неумѣренно пользовался правомъ королевскаго *velo*», вотъ подлинныя слова г. Вызинскаго, относямыя имъ вообще ко всѣмъ отказамъ Вильгельма, и примѣняющіяся слѣдовательно и къ настоящему случаю. Намъ кажется, что есть другое объясненіе этого отказа, объясненіе болѣе простое, болѣе подходящее къ общему характеру дѣятельности Вильгельма. Онъ постоянно былъ занятъ обширными планами вѣншей политики. Для исполненія этихъ плановъ, необходимо было внутреннее спокойствіе, согласіе между короной и парламентомъ, прочная поддержка со стороны палаты общинъ. Съ принятіемъ Triennial Bill, палата общинъ, а съ нею вмѣстѣ и политика Англій, должна была переѣняться черезъ каждые три года. Предпріятіе, начатое сегодня при помощи виговъ, могло быть остановлено завтра избирательною побѣдой торіевъ. Приверженцы

войны могли уступить мѣсто приверженцамъ мира, защитники интересовъ денежнаго капитала—защитникамъ поземельной собственности. Безпрестанныя колебанія внутренней политики неминуемо должны были отразиться и на иностранной политикѣ Вильгельма. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, и заключается главная причина, возстановившая Вильгельма противъ частыхъ перемѣнъ парламента. Онъ считалъ ихъ опасными для своей власти, это правда: но не должно забывать что заставляло его дорожить властію, на что именно она была нужна ему. Въ продолжительности парламента Вильгельмъ, конечно, видѣлъ не средство освободить себя изъ-подъ контроля страны: контроль этотъ, вообще говоря, не былъ тягостенъ для Вильгельма. Онъ видѣлъ въ ней только обезпеченіе своихъ дипломатическихъ и военныхъ плановъ, залогъ успѣшной борьбы съ Франціей.

Но Triennial Bill и самъ по себѣ едва ли можетъ быть признанъ безусловно хорошимъ закономъ. Ограничить продолжительность парламента было необходимо: но не слишкомъ ли кратокъ былъ трехлѣтній срокъ, назначенный для существованія палаты общинъ? Самымъ лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить судьба Triennial Bill. Онъ существовалъ не болѣе двадцати лѣтъ, и въ 1716 г. уступилъ мѣсто такъ-называемому Septennial Bill, который и теперь дѣйствуетъ въ Англіи. Преній трехлѣтній срокъ замѣненъ былъ семилѣтнимъ. Septennial Bill былъ предложенъ и проведенъ вигами, то-есть тою самсю партіей, которая при Вильгельмѣ такъ горячо домогалась трехлѣтняго срока. Сомерсъ, несмотря на свои преклонные годы, все еще стоявшій во главѣ виговъ, открыто высказался въ пользу Septennial Bill. По справедливому замѣчанію лорда Магона ¹, Septennial Bill упрочилъ преобладаніе палаты общинъ надъ палатой лордовъ. Положеніе коммонеровъ при дѣйствіи Triennial Bill было такъ шатко и такъ непрочное, что лучшие государственные люди наперерывъ старались перейти въ верхнюю палату. Сомерсъ, Монтегю, Коуперъ, Гарлей, Стангопъ, всѣ рано или поздно достигли перства. Въ царствованіе королевы Анны, значеніе палаты лордовъ не многимъ уступало значенію палаты общинъ. Вальполь первый остался вѣрнымъ палатѣ общинъ. Его примѣру

¹ *History of England from the peace of Utrecht.* Т. I.

послѣдовали Пельтней, оба Питта, Джонъ Гренвиль, Нортъ, почти всѣ знаменитые люди нашего столѣтія, отъ Каннинга до Пальмерстона. Пельтней удалилъ въ палату только довкій разчетъ противника; старшаго Питта—упадокъ физическихъ силъ.

При нормальныхъ условіяхъ политической жизни, семилѣтній срокъ для законодательнаго собранія не можетъ не быть признанъ слишкомъ продолжительнымъ. Въ Англіи, въ настоящее время, срокъ этотъ рѣдко истекаетъ до конца и почти всегда упреждается королевскимъ повелѣніемъ. Во Франціи семилѣтній срокъ былъ произведеніемъ ретрограднаго министерства Виллеля. Шестилѣтній срокъ теперешняго законодательнаго корпуса какъ нельзя лучше соответствуетъ политикѣ Лудовика-Наполеона. Но въ концѣ XVII, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, семилѣтній срокъ имѣлъ въ Англіи несомнѣнное преимущество передъ трехлѣтнимъ. При всеобщей системѣ подкуповъ, частые выборы приносили пользу только продажнымъ избирателямъ. Исходъ выборовъ завистлъ отъ случайностей и не всегда выражалъ собою настоящее положеніе общественнаго мнѣнія. Припомнимъ, что въ началѣ 1701 года выборы дали огромное большинство торіямъ, а въ концѣ того же года—столь же значительное большинство вигамъ. Выборы 1702 года возвратили преобладаніе торіямъ. При огромномъ различіи, существовавшемъ тогда между враждующими партіями, политика Англіи безпрестанно переходила отъ одной крайности къ другой. Выборы потрясали каждый разъ самую основу государства. Мы не знаемъ чему именно противился Вильгельмъ, всякой ли вообще срочности парламента или только кратковременному сроку, назначенному въ Triennial Bill. Въ первомъ случаѣ, мы можемъ извинить его только отчасти, потому что дурной законъ, безвредный въ рукахъ Вильгельма, опять могъ сдѣлаться источникомъ злоупотребленій при его преемникахъ. Но во второмъ случаѣ образъ дѣйствій Вильгельма заслуживаетъ полнаго одобренія.

Одновременно съ Triennial Bill внесенъ былъ въ палату общинъ такъ-называемый Place Bill, билль о мѣстахъ, направленный противъ другаго недостатка тогдашняго парламентскаго устройства. Система подкуповъ, возникшая при Карлѣ II, очень скоро получила самое обширное развитіе. Независимо отъ денежныхъ выдачъ, министры имѣли въ своихъ рукахъ огромное количе-

ство доходныхъ мѣстъ, синекуръ, придворныхъ должностей, которыми и склоняли на свою сторону многихъ членовъ нижней палаты. Въ предупрежденіе этого, предложено было не допускать на будущее время въ палату общинъ ни одного должностнаго лица, получающаго жалованье отъ короны. Запрещеніе одинаково распространялось и на министровъ, и на самыхъ мелкихъ чиновниковъ. Маколей прекрасно объясняетъ хорошія и дурныя стороны этой мѣры. Исключеніе министровъ изъ палаты общинъ причинило бы ей болѣе вреда нежели исключеніе остальныхъ чиновниковъ могло принести ей пользы. Какъ бы то ни было, принципъ билля безспорно былъ справедливый и благотворный. Въ палатѣ общинъ «билль о мѣстахъ» прошелъ почти безпрепятственно, но въ палатѣ лордовъ онъ былъ отвергнутъ большинствомъ трехъ голосовъ. Въ 1693 г. онъ былъ вновь представленъ на разсмотрѣніе парламента, и на этотъ разъ принятъ обѣими палатами, съ тѣмъ только важнымъ дополненіемъ, что коммонеръ, получившій коронную должность, могъ остаться членомъ палаты общинъ, если изъявятъ на то согласіе его избиратели. Вильгельмъ, не ожидая конца сессіи, отказалъ въ своемъ утвержденіи этому биллю. Въ палатѣ общинъ поднялось страшное волненіе. Она объявила измѣнниками всѣхъ тѣхъ, по совѣту которыхъ Вильгельмъ отвергнулъ «билль о мѣстахъ». На другой день буря нѣсколько утихла, но королю тѣмъ не менѣе подано было *представленіе*¹ противъ его *velo*. Король отвѣчалъ ласково, но не сдѣлалъ и не обѣщалъ никакой уступки. Гарлей предложилъ идти далѣе, — подать королю второе, болѣе рѣзкое представленіе. Предложеніе Гарлея было отвергнуто сгромнымъ большинствомъ голосовъ (229 противъ 88), и все пришло въ прежній порядокъ. Въ 1694 г. «билль о мѣстахъ» въ третій разъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе палаты общинъ, но отвергнутъ ею большинствомъ 175 голосовъ противъ 142. Исключеніе должностныхъ лицъ изъ палаты общинъ было однимъ изъ условій органическаго акта 1701 года; но оно не было приведено въ дѣйствіе, и торговля доходными мѣстами продолжалась въ томъ же видѣ и при Вальполѣ, и при Пельмамахъ. Въ настоящее время второстепенные чиновники лишены права засѣдать въ палатѣ общинъ.

¹ *Representation*, то-есть, по парламентскимъ обычаямъ, нѣчто болѣе сильное и менѣе почтительное, нежели *Adress*.

Veto, наложенное Вильгельмомъ на *Place Bill*, объясняется точно такъ же, какъ и *veto*, наложенное имъ на *Triennial Bill*. Вышняя политика Вильгельма необходимо требовала поддержки со стороны палаты общинъ, а для этой поддержки въ свою очередь необходимъ былъ подкупъ. Система подкупа была ненавистна Вильгельму. Вступивъ на престолъ, онъ рѣшился вовсе не прибѣгать къ ней и въ продолженіи цѣлаго года оставался вѣрнымъ своему рѣшенію. Сила обстоятельствъ превозмогла его благое намѣреніе. Онъ убѣдился, что безъ подкупа не возможно было управлять страной. Убѣжденіе это естественно заставило его дорожить всеми средствами подкупа, какія только зависѣли отъ него. Допустивъ однажды необходимость подкупа, онъ не могъ не заботиться о возможности его. *Place Bill* ограничивалъ эту возможность, и вотъ почему онъ былъ отвергнутъ Вильгельмомъ. Мы далеки отъ мысли оправдывать этотъ отказъ; мы хотимъ только выставить на видъ причины, уменьшающія вину Вильгельма. Въ тринадцатой лекціи г. Вызинскаго очень рельефно, хотя и нѣсколько парадоксально, объяснена вся польза, которую принесли Англій подкупы въ XVIII столѣтіи. Тѣмъ болѣе полезны, тѣмъ болѣе необходимы были они въ концѣ XVII столѣтія. Оппозиціонный духъ палаты общинъ, не сдерживаемый никакими предѣлами ¹, легко могъ бы произвести открытый раздоръ между королемъ и парламентомъ и облегчить реставрацію Стuarтовъ.

Четвертое и послѣднее *veto* Вильгельма наложено было въ 1696 году на такъ-называемый *Bill for the regulation of Elections*, билль для регулированія выборовъ, по которому владѣніе извѣстнымъ количествомъ земли признавалось необходимымъ условіемъ для засѣданія въ палатѣ общинъ. Билль этотъ, очевидно направленный противъ интересовъ денежнаго капитала въ пользу поземельной собственности, принятъ былъ въ палатѣ общинъ большинствомъ 23 голосовъ и безпрепятственно прошелъ черезъ палату лордовъ. Всѣ торговые города королевства и оба университета громко протестовали противъ новаго закона. Королевской прерогативѣ не предстояло отъ него никакой опасности; но Вильгельмъ, убѣжден-

¹ Не должно забывать, что парламентскія пренія сохранились въ это время въ величайшей тайнѣ.

ный въ несправедливости билля, отказалъ ему въ своемъ утверженіи. Негодованіе торіевъ было велико, но имъ не удалось увлечь за собою большинство палаты общинъ. Резолюція, предложенная ими, была отвергнута 219 голосами противъ 70. Въ слѣдующую сессію, этотъ билль опять прошелъ чрезъ нижнюю палату, но былъ отвергнутъ палатой лордовъ.

Мы перечислили все случаи, въ которыхъ Вильгельмъ пользовался правомъ королевскаго *veto*. Нельзя, кажется, сказать, чтобъ это пользованіе было неумѣренно, чтобъ оно было внушено враждою къ свободнымъ учрежденіямъ Англіи; нельзя сказать также, чтобы Вильгельмъ не умѣлъ уступать вовремя—справедливо развѣ только то, что онъ не умѣлъ уступать съ *граціей*. Желаніе избѣгать столкновеній съ парламентомъ составляетъ отличительную черту всей дѣятельности Вильгельма. Это желаніе заставило его принять Triennial bill; оно побудило его отказаться отъ пожалованія, сдѣланнаго въ 1696 году Португаліи; оно объясняетъ наконецъ всю послѣднюю часть царствованія Вильгельма, всю эпоху, идущую отъ рисвикскаго мира до кризиса 1701 г.

Мы уже говорили о главныхъ вопросахъ, занимавшихъ короля и парламентъ послѣ рисвикскаго мира. Прежде всего возникъ вопросъ о постоянномъ войскѣ. Постоянное войско было необходимо Вильгельму не только на случай новой войны съ Франціей, но и для мирныхъ сношеній съ нею. Чтобъ успѣшно вести дипломатическіе переговоры, онъ долженъ былъ опираться на вооруженную силу. Онъ имѣлъ безспорное право настаивать, конституціоннымъ путемъ, на сохраненіе достаточно сильной регулярной арміи. Ошибка его заключалась только въ томъ, что онъ не умѣлъ угадать настроеніе парламента, не умѣлъ ограничить своихъ требованій. Онъ хотѣлъ имѣть 20 т. регулярнаго войска, и вслѣдствіе этого получилъ только 7 т., между тѣмъ какъ при большей умѣренности съ его стороны парламентъ по всей вѣроятности далъ бы ему 10 т. Онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, удержать свою голландскую гвардію, и вслѣдствіе этого лишилъ себя возможности достигнуть численнаго усиленія арміи. Несмотря на эти ошибки, образъ дѣйствій Вильгельма по вопросу о войскѣ во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ удивленія. Остановленный, стѣсненный въ исполненіи своихъ любимыхъ плановъ, оскорбленный рѣшеніемъ парламента о голландской гвардіи, Вильгельмъ остается неуклонно вѣренъ своимъ конституціоннымъ обя-

занностямъ, онъ утверждаетъ ненавистный ему законъ и немедленно приводить его въ исполненіе. Онъ не прибѣгаетъ даже къ тѣмъ крайнимъ средствамъ, которыя давала ему конституція, — къ *veto*, къ распущенію парламента. Конечно, эти средства представляли мало данныхъ для успѣха, но они замедляли бы разрѣшеніе дѣла, дали бы Вильгельму нѣсколько лишнихъ шансовъ, принудили бы его противниковъ обратиться въ свою очередь къ крайнимъ средствамъ, всегда ослабляющимъ партію. Правда, была минута, когда терпѣніе Вильгельма казалось истощеннымъ. На что же рѣшается онъ въ эту минуту? Онъ рѣшается отречься отъ престола и удалиться въ Голландію — рѣшимость вполнѣ законная, вполнѣ конституціонная. Его крѣпкая воля скоро побѣждаетъ минутную слабость, и онъ сохраняетъ корону, сохраняетъ ее конечно не потому чтобъ она льстила его честолюбію, чтобъ онъ дорожилъ ея блескомъ. Отреченіе его было бы слишкомъ выгодно для Франціи, слишкомъ желанно для Людовика XIV. Онъ остается на престолѣ, чтобы продолжать, среди всевозможныхъ препятствій, давно-начатую борьбу, давно-предпринятое дѣло.

Пожалованіе коронныхъ земель составляетъ, можетъ-быть, самую темную сторону царствованія Вильгельма. Конечно, конституція не запрещала ему располагать по произволу коронною собственностію; но финансовыя затрудненія страны, постоянно возрастающія военныя издержки, должны были удержать его отъ бесплодной растраты одного изъ источниковъ государственнаго дохода. Еще менѣе можно оправдать пожалованіе ирландскихъ конфискованныхъ помѣстій, которыя парламентъ прямо хотѣлъ обратить на общественныя надобности. Необходимо впрочемъ сдѣлать различіе между многочисленными случаями пожалованія. Сомерсъ и Монтегю, возстановители государственнаго кредита, имѣли безспорное право на признательность короля и парламента. Небольшіе участки земли, подаренные имъ, не соответствовали и одной сотой долѣ тѣхъ выгодъ, которыя они принесли государственному казначейству. Столь же естественны были пожалованія, сдѣланныя въ Ирландіи покорителямъ этой страны, Гинкеллю, Рювиньи. Но дарить Вудстоку, сыну Портланда, участокъ земли, равный половинѣ цѣлаго графства; дарить такой же участокъ Альбемарлю, не ознаменовавшему себя ничѣмъ, кромѣ дружбы съ Вильгельмомъ; дарить обширное помѣстье Елизаветѣ Вилье, — это было недостойно Вильгельма. Смѣшеніе,

господствовавшее въ то время между понятіями государственной и частной королевской собственности, не можетъ служить оправданіемъ для Вильгельма; парламентъ нѣсколько разъ заявлялъ ему свой взглядъ на пожалованіе государственныхъ земель, и Вильгельмъ нѣсколько разъ подчинился этому взгляду.

Но когда вопросъ объ отмѣнѣ ирландскихъ пожалованій поднятъ былъ въ палатѣ общинъ, палата и король скоро помѣнялись ролями. Палата вступила на путь насилія и произвола, Вильгельмъ—на путь умѣренности и законности. Большинство коммиссіи, назначенной парламентомъ, превысило свою власть; палата общинъ одобрила, наградила это превышеніе власти и начертала законъ, который, еслибы вступилъ въ силу, подалъ бы сигналъ новой конфискаціи. Она лишила Гинкелля и Рювиньи пожалованныхъ имъ участковъ, и безъ всякаго основанія допустила изъятіе въ пользу Ормонда. Она нарушила конституціонныя права палаты лордовъ, соединивъ законъ объ ирландскихъ пожалованіяхъ съ финансовымъ биллемъ. Она поставила государство на край междуусобной войны. Поведеніе Вильгельма заглядывало отчасти его прежнюю вину. Послѣ мужественныхъ, но тщетныхъ попытокъ остановить конституціоннымъ путемъ стремленіе палаты общинъ, послѣ кратковременной надежды, возбужденной въ немъ сопротивленіемъ палаты лордовъ, онъ покорился своей участи и направилъ всѣ свои усилія къ миролюбивому окончанію дѣла. Когда столкновеніе между палатами приняло угрожающіе размѣры, когда отъ рѣшенія верхней палаты зависѣло, можетъ-быть, спокойствіе государства, онъ склонилъ лордовъ къ уступкѣ и вслѣдъ затѣмъ утвердилъ законъ о пожалованіяхъ. Это было еще не послѣднимъ испытаніемъ, не послѣднею уступкой Вильгельма. Онъ принужденъ былъ разстаться съ своими вигскими министрами, онъ сдѣлался свидѣтелемъ обвиненія, которому подвергся Сомерсъ за свое участіе въ раздѣльныхъ трактатахъ. Онъ видѣлъ вступленіе Филиппа II на испанскій престолъ, и не могъ воспротивиться возрастающему могуществу Франціи. Его дѣло казалось окончательно проиграннымъ и внутри, и внѣ Англіи. Онъ терпѣливо перенесъ эти страшные удары. Онъ отложилъ на время свои планы, но не отказался отъ нихъ. Несмотря на враждебное расположеніе парламента, въ которомъ было болѣе якобитовъ, чѣмъ виговъ, онъ сумѣлъ обезпечить протестантское престоло-

наслѣдіе (Act of Settlement 1701 года). Твердо увѣренный въ самомъ себѣ, онъ не переставалъ надѣяться на благопріятную переѣну въ общественномъ мнѣніи Англіи. Надежда эта исполнилась въ концѣ 1701 года. Вильгельмъ не долго пользовался своимъ успѣхомъ: но онъ имѣлъ счастье для великаго человѣка—умереть въ виду торжества своей идеи. Умирая, онъ видѣлъ Англію спокойною, реставрацію Стуртовъ менѣе вѣроятною чѣмъ когда бы то ни было, Европу готовою вступить въ новую, рѣшительную борьбу съ Людовикомъ XIV. Цѣль его жизни была достигнута: Англія, навсегда освобожденная изъ-подъ вліянія Франціи, сдѣлаась могущею соперницей этой державы; католицизмъ и абсолютная монархія не были уже опасны для протестантскихъ свободныхъ государствъ сѣверо-западной Европы.

Какой-то особенный, глубокой интересъ связанъ съ послѣдними минутами жизни великихъ людей. Простой разказъ Маколея о смерти Вильгельма производитъ потрясающее дѣйствіе. «Въ ночь съ 7-го на 8-е марта 1702 года король быстро приближался къ кончинѣ. Альбемарль¹ пріѣхалъ въ Кенсингтонъ изъ Гаги, утомленный путешествіемъ. Вильгельмъ ласково велѣлъ ему отдохнуть нѣсколько часовъ, и потомъ потребовалъ отъ него отчета въ его порученіи. Отчетъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ удовлетворительный. Генеральные штаты были расположены какъ нельзя лучше: войско, припасы, магазины находились въ совершенномъ порядкѣ. Все было готово для открытія кампаніи. Вильгельмъ выслушалъ эти вѣсти съ спокойствіемъ человѣка, окончившаго свое дѣло. Онъ хорошо понималъ свое положеніе. Его послѣдніе часы были достойны его жизни. Умъ его не былъ помраченъ ни на одну минуту. Твердость его была тѣмъ болѣе удивительна, что онъ не хотѣлъ умирать. Онъ сказалъ одному изъ своихъ ближайшихъ друзей: «Вы знаете, что я никогда не боялся смерти, было время, когда я желалъ ея; но теперь, когда передо мною открывается такое обширное поприще, я желалъ бы остаться здѣсь немного дольше.» Онъ не выказалъ однако ни раздраженія, ни слабости. Онъ ласково и привѣтливо выразилъ свою признательность докторамъ. «Я знаю, сказалъ

¹ Любимецъ Вильгельма, ѣздившій въ Голландію для наблюденія за военными приготовленіями.

онъ, вы сдѣлали для меня все, что зависѣло отъ вашего умѣнія и искусства; но ваши усилія были тщетны, и я покоряюсь своей судьбѣ.» Судя по отдѣльнымъ словамъ, вырвавшимся у него отъ времени до времени, онъ былъ погруженъ въ мысленную молитву. Бернетъ и Тенисонъ (архіепископъ кентерберійскій) нѣсколько часовъ провели у его постели. Онъ исповѣдалъ предъ ними свою твердую вѣру въ истину христіанской религіи и принялъ изъ ихъ рукъ таинство причащенія. Смежныя комнаты наполнены были всю ночь лордами и членами тайнаго совѣта. Нѣкоторые изъ нихъ оплакивали Вильгельма, какъ не могъ оплакивать его ни одинъ Англичанинъ. Это были друзья его молодости, друзья, никогда не измѣнявшіе ему и никогда не знавшіе отъ него измѣны; друзья, служившіе ему съ непоколебимою вѣрностью въ то время, когда его обманывали его государственные секретари, адмиралы, лорды казначейства; друзья, рисковавшіе для него своею жизнью и на полѣ сраженія, и у его страдальческой постели ¹; друзья, которыхъ онъ въ свою очередь старался наградить и возвысить, хотя бы и въ ущербъ своей собственной популярности. Слабымъ, почти издыхающимъ голосомъ онъ благодарилъ Оверкерка за его тридцатилѣтнюю вѣрную службу. Онъ отдалъ Альбермарлю ключи отъ своего кабинета. Въ это время онъ едва уже могъ дышать. «Сколько времени это еще будетъ продолжаться?» спросилъ онъ у докторовъ. Они отвѣчали, что конецъ его близко. Онъ выпилъ подкрѣпительное лѣкарство и подозвалъ къ себѣ Бентинка. Это были его послѣднія ясно выговоренныя слова. Бентинкъ подошелъ къ постели, наклонился и приложилъ ухо къ губамъ короля. Умирающій сдѣлалъ движеніе губами, но ничего нельзя было слышать. Вильгельмъ взялъ руку своего стараго друга и нѣжно прижалъ ее къ сердцу. Въ эту минуту конечно было забыто все то, что бросило легкую тѣнь на ихъ продолжительную и чистую дружбу ². Былъ

¹ Когда Вильгельмъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, опасно заболѣлъ оспой, Бентинкъ (лордъ Портландъ) не отходилъ отъ его постели и къ концу болѣзни Вильгельма самъ заразился ею. Это было основаніемъ дружбы его съ Вильгельмомъ.

² Въ послѣдніе годы жизни Вильгельма, Портландъ, если можно такъ выразиться, ревновалъ его къ Альбермарлю, и несмотря на нѣжныя увѣщанія, на убѣдительныя просьбы Вильгельма, жилъ вдали отъ двора.

восьмой часть утра. Вильгельмъ закрылъ глаза и съ трудомъ переводилъ дыханіе. Епископы преклонили колѣна и начали читать отходную. Когда они кончили, Вильгельма уже не было на свѣтъ. На груди его найдена была небольшая шелковая лента. Она заключала въ себѣ золотое кольцо и локонъ волосъ Маріи.»

Маколей правъ: послѣднія минуты Вильгельма были достойны его жизни. Умирающій, едва дышашій, онъ находитъ еще силу выслушать донесеніе Альбемарля. Онъ жалѣетъ, что смерть закрываетъ передъ нимъ только что открывшееся поприще. Онъ переноситъ предсмертныя страданія съ такимъ же терпѣніемъ, съ какимъ переносилъ всѣ безчисленныя огорченія своей жизни. Послѣднее движеніе, послѣднее слово его принадлежитъ вѣрнѣйшему его другу, Портланду. Въ этой короткой сценѣ отразилось все что составляетъ величіе Вильгельма. Безкорыстное служеніе высокой идѣѣ, неуклонное, сознательное стремленіе къ ней въ продолженіи цѣлой жизни, самоотверженіе — самоотверженіе не безплодное, не аскетическое, но оживленное горячимъ чувствомъ, — непоколебимый стоицизмъ, соединенный съ глубокою гуманностью, вотъ отличительныя черты дѣятельности Вильгельма. По мнѣнію г. Вызинскаго, Вильгельмъ не былъ идеаломъ нравственности. «Холодный дипломатъ, онъ показывалъ всегда глубокое равнодушіе въ выборѣ средствъ. Его трезвая, прозаическая, положительная натура была чужда всякихъ идеальныхъ стремленій.» Если подъ именемъ идеальныхъ стремленій разумѣть стремленія мечтательныя, неудобноисполнимыя, то такихъ стремленій дѣйствительно не было у Вильгельма. Если нравственность немислима безъ точнаго соблюденія всѣхъ правилъ общежитейской морали, то Вильгельмъ дѣйствительно не былъ идеаломъ нравственности. Но если заботливость о независимости государствъ, о свободѣ вѣроисповѣданій, заботливость, чуждая всякихъ мелкихъ, личныхъ побужденій, есть стремленіе идеальное; если нравственность, въ высшемъ своемъ значеніи, заключается въ строгомъ согласіи дѣйствій челоуѣка съ основною идеей его жизни, то Вильгельмъ можетъ и долженъ быть признанъ идеаломъ нравственности. Г. Вызинскій утверждаетъ, что Вильгельмъ былъ равнодушенъ въ выборѣ средствъ: но въ чемъ же именно выразилось это равнодушіе? Развѣ Вильгельмъ подкупалъ кого-нибудь къ убійству Лудовика XIV или Іакова II?

Развѣ онъ воспользовался всѣми средствами, которыя предлагалъ ему парламентъ для искорененія якобитизма? Развѣ онъ проливалъ для того потоки крови? Развѣ для достиженія своихъ цѣлей, онъ пожертвовалъ хотя одинъ разъ интересами Англiи (не говоримъ уже о Голландiи), интересами протестантизма? Развѣ онъ принималъ участіе въ постыдныхъ интригахъ, разыгрывавшихся вокругъ несчастнаго Карла II? Онъ вель кровопролитныхъ войны, но никогда не искалъ ихъ для удовлетворенія своего тщеславія, для завоевательныхъ цѣлей. Онъ подкупалъ членовъ парламента, но смотрѣлъ на это какъ на горькую необходимость. Онъ терпѣлъ между своими министрами измѣнниковъ и людей продажныхъ, потому что таково было тогда большинство образованныхъ Англичанъ. Современники могли называть Вильгельма холоднымъ дипломатомъ; но мы не ожидали, чтобъ эти слова были повторены къ-нибудь въ наше время. Холодность Вильгельма была чисто внѣшняя, его положительность не исключала сердечной теплоты. Есть ли что-нибудь менѣе прозаическое чѣмъ его страстная, хотя и сдержанная любовь къ Маріи, его отчаяніе при ея смерти, его нѣжная, неизмѣнная дружба къ Портланду? По силѣ этихъ чувствъ можно судить и о силѣ его политическихъ симпатій и антипатій.

По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, успѣхъ составляетъ необходимое условіе величія; мы готовы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, если понимать подъ именемъ успѣха окончательный исходъ извѣстнаго дѣла, прочное торжество извѣстной идеи, извѣстнаго стремленія. Вильгельмъ часто терпѣлъ неудачи: но общій результатъ его дѣятельности обезпечилъ внѣшнее могущество и внутреннее благосостояніе Англiи.

IV.

Въ одномъ изъ лучшихъ *Essays* Маколея, написанномъ по поводу посмертнаго сочиненія сэръ-Джемса Макинтоша ¹, мы находимъ блистательное обзорнiе главныхъ перемѣнъ, внесенныхъ при Вильгельмѣ въ государственное и общественное устройство Великобританіи. Такихъ перемѣнъ Маколей

¹ См. томъ II *Essays*, вышедшій недавно въ русскомъ переводѣ.

насчитываетъ пять: введеніе религіозной терпимости, хотя и не полной, но чрезвычайно широкой въ сравненіи съ предшествовавшими эпохами, установленіе пресвитеріанской церкви въ Шотландіи, новая система субсидій (назначеніе ихъ на короткіе сроки), новый порядокъ сужденія политическихъ преступленій и установленіе полной свободы печати. Къ этимъ пяти перемѣнамъ мы можемъ присоединить еще три, не менѣе важныя: срочность парламентовъ, составленіе министерства, въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, и преобразование финансовъ, то-есть улучшеніе монетной системы, учрежденіе Англійскаго банка и начало государственнаго долга. Говорить подробно о каждой изъ этихъ перемѣнъ значило бы излагать всю исторію царствованія Вильгельма. Не входя въ разсмотрѣніе событій, мы остановимся только на государственныхъ людяхъ этого времени, на главныхъ сотрудникахъ и главныхъ противникахъ Вильгельма.

Царствованіе Вильгельма, говоритъ Маколей въ своемъ *Essay о Галламѣ*¹, было временемъ жатвы всѣхъ пороковъ, посябанныхъ тридцатью годами смуть и разврата, но вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ посява высокихъ добродѣтелей. Сравненіе это не совсѣмъ вѣрно только въ томъ отношеніи, что и жатва, и посявъ начались гораздо раньше Вильгельма. Безпрестанныя перемѣны въ образѣ правленія, слѣдовавшія одна за другою между 1640 и 1660 гг., приготовили цѣлое поколѣніе государственныхъ людей безъ убѣжденій, безъ правилъ, всегда заботившихся только о своей собственной безопасности, вездѣ и во всемъ искавшихъ только своей собственной пользы. Пуританизмъ научилъ ихъ лицемерію, реставрація дала полную волю ихъ порочнымъ наклонностямъ. Отечество, національная честь, общественное благо, сдѣлались пустыми словами, потерявшими всякое значеніе. Политическій индифферентизмъ охватилъ высшее англійское общество. Старыя преданія потерпѣли окончательное пораженіе въ лицѣ Кларендона. Карлъ II съ помощью кабалы спокойно продавалъ Англію Франціи. Министры состояли на жалованьѣ у иностранныхъ правительствъ, члены парламента — у министровъ. Переходъ изъ одной крайней партіи въ другую былъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Во главѣ патриотовъ стоялъ

¹ *Цѣлое собраніе сочиненій Маколея, томъ I.*

такой человекъ, какъ Шафесбери. Рядомъ съ испорченностью, въ политическихъ нравахъ господствовала величайшая жестокость. Казнь Страффорда открыла собою эру проскрипцій. Побѣдители, къ какой бы партіи они ни принадлежали, не умѣли умѣренно пользоваться своею побѣдой. *Долгий* парламентъ казнилъ приверженцевъ короля, Карлъ II казнилъ республиканцевъ. Виги были безпощадны къ католикамъ, торіи были безпощадны къ вигамъ. Жизнь государственнаго человека была въ постоянной опасности. Отсюда новое, не менѣе важное зло. Честные, но робкіе люди боялись рисковать собою и чуждались участія въ дѣлахъ правленія, или лавировали между партіями, стараясь сохранить часто невозможный нейтралитетъ. Лучшимъ представителемъ этихъ людей служить сэръ-Уильямъ Темплъ. Но самый избытокъ зла неизбѣжно долженъ былъ вызвать реакцію. Народная партія скоро выставила изъ своей среды людей съ твердыми убѣжденіями, людей безукоризненно честныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныхъ, непреклонныхъ въ поражении и умѣренныхъ въ побѣдѣ. Такихъ людей было не много, но они внесли новый элементъ въ борьбу партій и подняли, мало-по-малу, уровень политической нравственности. При вступлении Вильгельма на англійскій престолъ, уровень этотъ все еще стоялъ довольно низко; но время глубочайшаго паденія его уже миновало. Между вигами были люди, достойные Росселя и Гампдена; между торіями—люди, напоминавшие Гайда или Фалькланда. Можно ли упрекать Вильгельма за то, что онъ не окружилъ себя съ перваго раза лучшими людьми обѣихъ партій? Не говоря уже о томъ, что многіе изъ этихъ лучшихъ людей не были еще извѣстны ни странѣ, ни Вильгельму, на сторонѣ политическихъ дѣателей временъ реставраціи были общественныя связи, парламентское вліяніе, опытность, знаніе дѣла. Орудія были ненадежны, гнили, но необходимость заставляла пользоваться ими, и слишкомъ большая разборчивость была бы неумѣстна. Помочь этому злу могло только время. Политическая сфера очищалась медленно, но постоянно. Конецъ, даже середина царствованія Вильгельма въ этомъ отношеніи далеко не походить на его начало.

Государственные люди временъ Вильгельма могутъ быть раздѣлены на три главныя группы. Отличительнымъ характеромъ одной изъ нихъ служить глубокая политическая испорченность, часто доходящая до продажности, до измѣны. Вторая

группа заключаетъ въ себя людей слабыхъ, запуганныхъ, нерѣшительныхъ, одинаково легко измѣняющихъ своему убѣжденію и переходящихъ отъ одного убѣжденія къ другому. Наконецъ, къ третьей группѣ принадлежатъ люди честные, искренно и твердо преданные своему дѣлу. Въ каждой группѣ, конечно, много отгѣнковъ, и есть лица, которыя близко подходятъ къ двумъ различнымъ группамъ.

Во главѣ первой группы безспорно должны быть поставлены Сендерландъ и Мальборо — эти измѣнники по преимуществу, эти продажные и безчестные служители всѣхъ возможныхъ партій. Они возвели предательство на степень искусства, усовершенствовавъ въ особенности ту часть его, которая можетъ быть названа двойною измѣной. Въ этомъ отношеніи они не имѣютъ, кажется, себѣ равныхъ во всей всемирной исторіи. Личность Мальборо довольно извѣстна, и нѣтъ надобности распространяться о ней¹; притомъ участіе его въ дѣлахъ правленія началось, собственно говоря, уже послѣ смерти Вильгельма. Главный періодъ дѣятельности Сендерланда относится, напротивъ, ко временамъ Карла II и Іакова II, но она не прекратилась и при Вильгельмѣ; она облеклась только въ другую, менѣе замѣтную форму. Въ Сендерландѣ, по выраженію Маколея, всего полнѣе воплотилась политическая безнравственность его времени. Онъ началъ свою карьеру дипломатическою службой во Франціи — худшею школой, въ которую могъ попасть въ то время государственный человѣкъ. Когда онъ возвратился въ Англію, борьба между парламентомъ и придворною партіей была въ полномъ своемъ разгарѣ. Онъ склонился, повидимому, на сторону двора, назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ и членомъ тайнаго совѣта, и считался противникомъ *Exclusion Bill*. Но побѣда эксклюзюнистовъ становилась все болѣе и болѣе вѣроятною. Большинство въ палатѣ общинъ, избранной въ 1679 и собравшейся въ 1680 году, очевидно принадлежало вигамъ. Она утвердила *Exclusion Bill* почти безъ всякаго спора, Сендерландъ немедленно перешелъ въ ряды торжествующей партіи и вотировалъ въ пользу билля въ палатѣ лордовъ. Онъ потерялъ свое мѣсто, но скоро опять получилъ его, съ помощью герцогини Портсмутской (лю-

¹ Полную и оживленную характеристику Мальборо можно найти въ пятой и шестой лекціяхъ г. Визинскаго.

бовницы короля) и самого герцога Йоркского. Перевѣсъ опять перешелъ на сторону двора, и рабство Сендерланда скоро заставило забыть его минутную оппозицію. Безмолвный и незамѣтный въ парламентъ, Сендерландъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ при дворѣ. Хитрый, ловкій, послушный, чуждый какъ убѣжденій, такъ и предрасудковъ, онъ былъ именно такимъ человѣкомъ, въ какомъ нуждался Іаковъ II. Онъ скоро нашелъ еще болѣе вѣрное средство упрочить свое положеніе. Іаковъ не довѣрялъ покорности и преданности тѣхъ, кто не хотѣлъ пожертвовать ему своею религіей. Рочестеръ не рѣшился на это жертвованіе, и потерялъ всѣ плоды своихъ прежнихъ уступокъ. Соображенія, удержавшія даже безстыднаго Рочестера, не остановили Сендерланда. Съ самаго начала царствованія Іакова онъ согласился присутствовать при торжественномъ отправленіи католическаго богослуженія. Онъ вступилъ въ дружескія сношенія съ крайнею католическою партіей и поддерживалъ короля во всѣхъ рѣшительныхъ мѣрахъ его противъ англиканской церкви. Онъ былъ членомъ верховной комиссіи по дѣламъ церковнымъ и главнымъ свидѣтелемъ противъ семи епископовъ. Онъ состоялъ на жалованьи и у Лудовика XIV, и у Тирконнеля. Наконецъ, когда нельзя было болѣе ограничиваться полумѣрами, онъ открыто обратился въ католическую вѣру. Этимъ послѣднимъ шагомъ онъ закрывалъ себя повидимому всѣ пути къ отступленію. Онъ былъ ненавидимъ и презираемъ всѣми партіями; не только его власть, самая его жизнь казалась въ тѣсной связи съ властью Іакова II. Такое положеніе было невыносимо для Сендерланда: онъ любилъ власть, любилъ въ особенности огромныя денежныя выгоды, которыя извлекалъ изъ нея, но онъ еще болѣе дорожилъ своею безопасностью. Минута его высшаго торжества сдѣлалась для него минутою новой измѣны. Онъ вступилъ въ переписку съ Вильгельмомъ, который въ это время уже готовился къ вторженію въ Англію. Непонятное спокойствіе, съ которымъ Іаковъ такъ долго смотрѣлъ на приготовленія Вильгельма, упорство, съ которымъ онъ отвергалъ предложенія Лудовика, основывалось преимущественно на коварныхъ увѣреніяхъ Сендерланда. Онъ старался доказать Іакову, что никакой опасности не существуетъ, что Вильгельмъ не рѣшится оставить Голландію, что неудовольствіе Англичанъ никогда не перейдетъ въ открытое возстаніе. Слухи объ измѣнѣ Сендерланда нѣсколько разъ доходили до Іакова, но онъ не хотѣлъ

вѣрить имъ. Увольненіе Сендерланда послѣдовало не раньше какъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, почти одновременно съ первымъ отплытіемъ Вильгельма. До послѣдней минуты король не переставалъ сомнѣваться въ виновности Сендерланда, и удалилъ его болѣе изъ предосторожности нежели изъ твердаго убѣжденія въ его измѣнѣ. Революція заставила Сендерланда бѣжать изъ Англии. Онъ нашелъ убѣжище въ Голландіи и тамъ обратился вновь въ англиканскую вѣру, съ такою же вѣроятно искренностью, съ какою за два года предъ тѣмъ принималъ католицизмъ. Въ 1690 г., онъ возвратился въ Англию, нѣсколько времени жилъ въ своемъ помѣстьи, но вскоре переселился въ Лондонъ и началъ являться при дворѣ. Онъ пытался примириться съ Іаковомъ, но попытки его были отвергнуты, и онъ по необходимости сдѣлался вѣрнымъ слугою Вильгельма. Вильгельмъ слишкомъ хорошо понималъ Сендерланда, и не могъ подчиниться его вліянію, не могъ дать ему дѣятельное участіе въ управленіи страной: но онъ умѣлъ пользоваться дарованіями Сендерланда, его знаніемъ людей, его опытностію въ парламентскихъ интригахъ. Онъ умѣлъ отличить совѣтъ отъ совѣтника, и принять благоразумное внушеніе, отъ кого бы оно ни исходило. По совѣту Сендерланда совершена была одна изъ важнѣйшихъ реформъ царствованія Вильгельма—образованіе министерства въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. По его совѣту въ министерство были призваны виги, а не торіи. Онъ убѣдилъ Годольфина выйти изъ казначейства и такимъ образомъ очистилъ кабинетъ отъ послѣдняго остававшагося въ немъ торія. Онъ содѣйствовалъ примиренію Вильгельма съ принцессой Анной. Въ награду за эти услуги онъ возведенъ былъ въ 1696 году въ званіе лорда-камергера и назначенъ однимъ изъ Lords Justices, которымъ въ отсутствіе Вильгельма принадлежало высшее завѣдываніе государственными дѣлами. Это назначеніе вызвало всеобщее неудовольствіе. Пока вліяніе Сендерланда оставалось негласнымъ, вигскіе министры охотно пользовались этимъ вліяніемъ; но какъ открытый союзникъ, онъ могъ только повредить ихъ партіи. Нація ненавидѣла его попрежнему и все еще считала его смертельнымъ врагомъ свободныхъ учрежденій. Когда между королемъ и парламентомъ въ первый разъ произошло столкновеніе по вопросу о постоянномъ войскѣ, преувеличенныя требованія короля единогласно были приписаны внушеніямъ Сендерланда. Въ палатѣ

общинъ предложено было формальное обвиненіе его; вигская юнта готова была присоединиться къ его противникамъ; защитники его были малочисленны и робки. Страхъ еще разъ взялъ верхъ надъ честолюбіемъ; Сендерландъ отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и окончательно разстался съ политическою жизнію. Паденіе его было такъ же безславно, какъ и вся его предшествующая дѣятельность. Безъ сопротивленія, безъ борьбы, онъ склонился подъ тяжестью всеобщей ненависти и всеобщаго презрѣнія. Исторіи остается только утвердить приговоръ, произнесенный надъ нимъ его современниками. Она можетъ опровергнуть нѣкоторыя подробности, нѣкоторые мотивы этого приговора, но не можетъ не признать его внутренней справедливости.

Между Сендерландомъ и Кермартемомъ существуетъ то важное различіе, что послѣдній, при всей своей испорченности, никогда не измѣнялъ своей партіи и своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Томасъ Осборнъ, графъ Денби, маркизъ Кермартенъ, герцогъ Лидскій, былъ первымъ министромъ Карла II въ промежутокъ времени между паденіемъ Кабалы и кризисомъ 1679 года. Преемникъ Клиффорда и Арлингтона, онъ не во всемъ однако былъ похожъ на нихъ. Онъ дорожилъ въ извѣстной степени національною честью и былъ искренно преданъ національной церкви; но эти чувства находились въ постоянной борьбѣ съ неудержимымъ стремленіемъ къ власти, къ почестямъ, къ богатству. Врагъ французской политики, онъ согласился однако участвовать въ постыдныхъ сдѣлкахъ между Карломъ II и Лудовикомъ XIV. Съ другой стороны, онъ содѣйствовалъ браку Вильгельма съ принцессой Маріей. Внутри государства, его главною цѣлю было усиленіе королевской прерогативы, доставленіе королю почти абсолютной власти. Для достиженія этой цѣли, онъ не отступалъ ни передъ какими средствами; онъ усовершенствовалъ систему парламентскихъ подкуповъ, созданную Кабалой. Его внутренняя политика сдѣлала его ненавистнымъ для виговъ, его вѣшняя политика возстановила противъ него всѣхъ честныхъ торіевъ. Палата общинъ обвинила его въ государственной измѣнѣ. Основаніемъ этого обвиненія служили преступныя сношенія его съ версальскимъ кабинетомъ. Оно не было разсмотрѣно палатой лордовъ и не помѣшало ей возвратитъ Денби въ свою среду, вскорѣ послѣ воцаренія Іакова II. Онъ не принималъ однако никакого участія въ дѣлахъ правленія и открыто

порицалъ политику Іакова. Въмѣстѣ съ другими членами оппозиціи, онъ вступилъ въ сношенія съ голландскимъ посланникомъ Диквельтомъ, а вслѣдъ за тѣмъ и съ самимъ Вильгельмомъ. Онъ былъ однимъ изъ семи заговорщиковъ, подписавшихъ, 30 іюня 1688 года, знаменитое пригласительное письмо къ Вильгельму. Когда Вильгельмъ явился въ Англію, Денби возмутилъ въ его пользу сѣверныя графства. Въ конвентѣ онъ былъ главнымъ защитникомъ наследственныхъ правъ Маріи и требовалъ для нея больше нежели она сама желала. Вильгельмъ тотчасъ по вступленіи на престолъ сдѣлалъ Денби президентомъ совѣта. Это назначеніе возмутило виговъ, но не удовлетворяло самого Денби. Онъ долго держалъ себя въ сторонѣ отъ двора, и только въ 1690 г. началъ принимать дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ сдѣлался вскорѣ если не первымъ, то по крайней мѣрѣ главнымъ министромъ Вильгельма. Его личная преданность Маріи была гарантіей его вѣрности новому порядку вещей. Онъ не старался получить прощеніе отъ Іакова и открыто дѣйствовалъ противъ якобитовъ. Онъ былъ полезенъ Вильгельму своею опытностію, своимъ искусствомъ въ парламентскихъ подкупкахъ, своимъ вліяніемъ на значительный отдѣлъ торійской партіи. Недостатки его не были опасны для Вильгельма, который умѣлъ сдерживать ихъ въ должныхъ предѣлахъ. Кермартенъ не могъ дать волю своему властолюбію, не могъ увлечь Вильгельма своими абсолютистскими тенденціями. Онъ удержался въ министерствѣ долѣе всѣхъ другихъ торіевъ, кромѣ Годольфина, и удержался бы вѣроятно еще дольше, если бы не ненасытная жадность его къ деньгамъ. Не довольствуясь огромными выгодами своего офиціальнаго положенія, онъ постоянно старался умножать ихъ незаконными поборами. Его продажность была подозрѣваема всѣми, но уличить его въ ней было чрезвычайно трудно. Наконецъ палатѣ общинъ удалось обнаружить взятку, полученную Кермартеномъ отъ Остъ-Индской компаніи. Онъ едва избѣгнулъ формальнаго суда, и только благодаря оплошности своихъ противниковъ сохранилъ свое мѣсто въ министерствѣ и въ палатѣ лордовъ. Но съ этими внѣшними признаками власти не было уже соединено никакого дѣйствительнаго вліянія. Кермартенъ не показывался болѣе въ совѣтѣ министровъ и не имѣлъ никакого значенія даже въ своемъ собственномъ вѣдомствѣ. Его не могла поднять даже побѣда торійской партіи. Времена переѣмались: та мѣра политической нравственности, которая

была достаточна при Стюартахъ, не могла удовлетворить современниковъ Вильгельма. Въ сравненіи съ Сендерландомъ, съ Рочестеромъ, съ Джеффрайзомъ, Кермартенъ казался истиннымъ патриотомъ; въ сравненіи съ Сомерсомъ, съ Монтегю, съ Ноттингамомъ, онъ былъ продажнымъ, безчестнымъ, ненадежнымъ слугою государства.

Къ Кермартену очень близко подходитъ сэръ-Эдуардъ Сеймуръ, предводитель торіевъ въ палатѣ общинъ. Подобно Кермартену, онъ сопротивлялся политикѣ Іакова II и присоединился къ Вильгельму, какъ только послѣдній высадился въ Англій; подобно Кермартену, онъ былъ безчестенъ, жаденъ къ деньгамъ и не разборчивъ въ средствахъ пріобрѣтенія ихъ. Громче всѣхъ возставая противъ злоупотребленій чиновниковъ, онъ съ радостію принялъ мѣсто въ казначействѣ и сумѣлъ извлечь изъ него огромныя выгоды. Въмѣстѣ съ Кермартеномъ онъ былъ подкупленъ Остъ-Индскою компаніей и вмѣстѣ съ Кермартеномъ подвергся обвиненію въ палатѣ общинъ; мѣсто свое въ казначействѣ онъ потерялъ еще раньше этого обвиненія. За отсутствіемъ ясныхъ доказательствъ, онъ не былъ преданъ суду; но вліяніе его никогда не достигало прежнихъ размѣровъ. Роль его въ палатѣ общинъ перешла къ Гарлею. Злопамятный и мстительный, Сеймуръ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ торійскаго парламента противъ вигскаго министерства, и съ особеннымъ ожесточеніемъ нападалъ на Сомерса. Торіи пользовались услугами Сеймура, но не возвращали ему своего довѣрія, и не избрали его даже спикеромъ въ парламентѣ 1698 года.

Эдуардъ Россель, графъ Орфордъ, занимаетъ такое же мѣсто между вигами, какое между торіями принадлежитъ Кермартену и Сеймуру. Мы уже имѣли случай говорить объ этомъ замѣчательномъ членѣ вигской юнты; прибавимъ только, что постоянно недовольный своимъ положеніемъ, постоянно считая себя обиженнымъ, недостаточно возвышеннымъ и награжденнымъ, онъ вступилъ въ сношенія съ Іаковомъ II и неоднократно обѣщалъ ему свои услуги. Но когда наступила рѣшительная минута, то же самое самолюбіе, которое возстановляло Росселя противъ Вильгельма, удерживало его отъ окончательной измѣны. Онъ готовъ былъ дѣйствовать въ пользу Іакова, но не хотѣлъ уступить безъ боя французскому флоту. Какъ бы то ни было, образъ дѣйствій Росселя представляется

тѣмъ болѣе преступнымъ; что возвращеніе Іакова II было бы величайшамъ бѣдствіемъ для вигской партіи.

Гоу занимаетъ среднее мѣсто между Сендерландомъ и Кермартеномъ, между Мальборо и Росселемъ. Онъ не имѣлъ той твердости убѣжденій, которою отличались Кермартенъ и Россель, но его политическая испорченность не могла сравниться съ испорченностію Мальборо и Сендерланда. Сендерландъ переходилъ отъ одной партіи къ другой подъ вліяніемъ жадности и страха, Мальборо—подъ вліяніемъ жадности и властолюбія, Гоу—подъ вліяніемъ мотительности и злобы. Вильгельмъ назначилъ его вице-камергеромъ при королевѣ Маріи. Пока онъ занималъ это мѣсто, онъ былъ самымъ пламеннымъ, самымъ ревностнымъ изъ виговъ; онъ предлагалъ удалить отъ двора всѣхъ бывшихъ министровъ Карла II и Іакова II; онъ хотѣлъ заклеить торжественнымъ порицаніемъ всю дѣятельность парламента 1685 года. Но какъ только Гоу, по собственной винѣ своей, потерялъ свою придворную должность, въ образъ дѣйствій его произошла разительная перемѣна. Изъ крайняго вига онъ сдѣлался самымъ крайнимъ торіемъ; съ тѣмъ же жаромъ, съ тѣмъ же остервенѣніемъ, съ какимъ онъ прежде нападалъ на Галифакса и Кермартена, онъ началъ нападать на Бернета, на Сомерса, на самого Вильгельма. Мы уже видѣли какую роль игралъ Гоу въ парламентскихъ преніяхъ 1698—1700 г. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ личный вопросъ всегда стоитъ выше общественнаго, для которыхъ паденіе министра, перемѣна министерства есть цѣль, а не средство, для которыхъ въ политикѣ не существуетъ убѣжденій, а существуютъ только страсти, мелкія, эгоистическія страсти. Чтобы довершить характеристику Гоу, нужно припомнить, что въ самыхъ страстныхъ порывахъ своего краснорѣчія онъ никогда не забывалъ правилъ осторожности и никогда не нападалъ на *военныхъ* съ тою силой, съ какою гремѣлъ противъ женщинъ и епископовъ.

Годольфинъ составляетъ переходъ отъ первой группы ко второй. Подобно Сендерланду, онъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій и не принадлежалъ ни къ какой партіи; подобно Росселю, онъ употреблялъ во зло довѣріе Вильгельма; но причина его колебаній, его измѣны, была совершенно другая. Онъ не былъ государственнымъ чловѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ былъ хорошій администраторъ, хорошій чиновникъ; онъ не искалъ перваго мѣста, не выдвигался впередъ

и довольствовался второстепенною ролью, лишь бы только она была почетна, доходна и безопасна. По выраженію Маколея, единственною цѣлю Годольфина было сохранить неприкосновенными, посреди всѣхъ революцій и контръ-революцій, свою голову, все имѣніе и свое мѣсто въ казначействѣ. Онъ былъ пассивнымъ служителемъ тиранніи, но не былъ дѣятельнымъ орудіемъ ея. Онъ вотировалъ, какъ и Сендерландъ, въ пользу *Exclusion Bill*, вотировалъ исключительно потому, что оппозиція въ это время была сильнѣе короны. При всей ограниченности, при всей злопамятности своей, Іаковъ умѣлъ прощать подобныя обиды. Въ бывшихъ членахъ оппозиціи, присоединившихся къ ней въ моментъ торжества ея и оставившихъ ее въ моментъ ея паденія, Іаковъ видѣлъ самыхъ надежныхъ приверженцевъ торжествующей королевской власти. Онъ сдѣлалъ Годольфина камергеромъ королевы, потомъ лордомъ казначейства. Безгласный, покорный исполнитель всѣхъ королевскихъ приказаній, Годольфинъ былъ однимъ изъ немногихъ протестантовъ, сохранившихъ до конца мидость Іакова. Революція 1688 года не измѣнила положенія Годольфина. Вильгельмъ дорожилъ его опытностію, его познаніями, и оставилъ его лордомъ казначейства. Несмотря на это, Годольфинъ былъ однимъ изъ первыхъ, вступившихъ въ сношеніе съ сенжерменскимъ дворомъ. Онъ былъ увлеченъ къ этому примѣромъ и совѣтами Мальборо. Все дѣло со стороны Годольфина ограничилось впрочемъ обѣщаніями,⁶ не имѣвшими никакихъ послѣдствій. Онъ вышелъ изъ министерства только въ 1696 году, при окончательномъ образованіи вигскаго кабинета. Царствованіе королевы Анны возвратило его къ политической дѣятельности. Онъ былъ сначала членомъ торійскаго кабинета, а потомъ, вмѣстѣ съ Мальборо, главою вигскаго министерства, управлявшаго Англіей до 1710 года.

Кромѣ Мальборо, Росселя и Годольфина, между министрами Вильгельма былъ еще одинъ находившійся въ преступныхъ сношеніяхъ съ Іаковомъ. Это былъ Чарльзъ Тальботъ, графъ (зъ послѣдствіи герцогъ) Шрусбери. Есть что-то трагическое въ судьбѣ этого человѣка. Его политическая жизнь началась подъ самыми счастливыми предзнаменованіями. Его личныя качества, его умъ, его образованіе, стояли наравнѣ съ богатствомъ и знатностію его рода. Отецъ его былъ католикъ, но онъ самъ еще въ ранней молодости присоединился къ англиканской церкви. Несмотря на упадокъ, въ которомъ находи-

дась при Иаковѣ партія вигговъ, онъ съ самаго начала сталъ въ ея ряды и оставался ей вѣрнымъ всю свою жизнь. Онъ подписалъ пригласительное письмо къ Вильгельму и всѣми средствами содѣйствовалъ успѣху его предпріятія. Двадцати восьми лѣтъ, онъ былъ уже государственнымъ секретаремъ Вильгельма. Но это быстрое возвышеніе было ему не по силамъ. Ему не доставало одного качества, болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимаго въ тогдашнее смутное время: ему не доставало нравственной твердости, гражданского мужества, безъ котораго бесплодны самыя лучшія убѣжденія. Онъ не могъ вынести отвѣтственность, сопряженную съ его званіемъ; онъ не могъ привыкнуть къ опасностямъ, которыми окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ новый порядокъ вещей. Онъ не былъ приверженцемъ насильственныхъ мѣръ, но не умѣлъ сопротивляться крайнимъ членамъ своей партіи; онъ не былъ непримиримымъ врагомъ торіевъ, но не могъ равнодушно видѣть вліянія, которымъ пользовались Ноттингамъ и Денби. Въ такомъ настроеніи духа онъ уступилъ внушеніямъ своей матери, ревностной католички, и предложилъ свои услуги Іакову II. Принимая это предложеніе, Іаковъ потребовалъ, чтобы Шрусбери отказался отъ должности государственнаго секретаря. Несмотря на просьбы Вильгельма, несмотря на увѣщанія Бернета и Тиллотсона, Шрусбери исполнилъ требованіе Іакова. Вдали отъ двора, онъ продолжалъ свои сношенія съ Сенъ-Жерменомъ, но, подобно Годольфину, не принималъ дѣятельнаго участія въ козняхъ якобитовъ. Онъ тяготился своими преступными связями, старался, отъ времени до времени, разорвать ихъ, но не находилъ въ себѣ нужной для того силы. «Шрусбери, говоритъ Маколей, могъ бы быть счастливъ только въ томъ случаѣ, еслибы былъ гораздо лучше или гораздо хуже. Онъ не зналъ ни того благороднаго спокойствія души, которое служить наградой добродѣтели, ни того презрѣннаго спокойствія, которое возможно при совершенномъ отсутствіи стыда и чести.» Въ 1693 году, при первоначальномъ образованіи вигскаго министерства, король предложилъ Шрусбери мѣсто государственнаго секретаря. Шрусбери упорно и долго отказывался отъ этого мѣста, и согласился принять его только тогда, когда Вильгельмъ намекнулъ на тайныя сношенія его съ якобитами. Страхъ подѣйствовалъ на Шрусбери сильнѣе всякихъ увѣщаній. Въ 1696 году сэръ-Джонъ Фенвикъ, схваченный за участіе въ якобитскомъ заговорѣ, открылъ, на до-

прось, измѣну Годольфина, Мальборо, Росселя и Шрусбери. Вильгельмъ въ это время былъ на континентѣ. Обвиненіе Фенвика не было для него новостью. Ему давно уже было извѣстно, что нѣкоторые изъ его министровъ находятся въ сношеніяхъ съ Сень-Жерменомъ. Обыкновенное благоразуміе Вильгельма не оставило его и въ этомъ случаѣ. Онъ написалъ обвиненнымъ министрамъ, что вполне убѣжденъ въ ихъ невинности и ни мало не вѣритъ словамъ Фенвика. Мальборо, самый виновный изъ всѣхъ, сохранилъ полное спокойствіе, и равнодушно, даже презрительно отзывался о Фенвикѣ. Россель яростно требовалъ казни «низкаго клеветника». Годольфинъ былъ встревоженъ, но не потерялъ хладнокровія и присутствія духа. Одинъ Шрусбери, хотя и наименѣе виновный, не могъ вынести неожиданнаго удара. Дѣло въ томъ, что у Шрусбери была совесть, которой кажется не имѣли остальные обвиненные, совесть, не всегда удерживавшая его отъ зла, но никогда не оставлявшая его безъ наказанія. Онъ написалъ королю оправдательное письмо, на которое Вильгельмъ отвѣчалъ новымъ изъявленіемъ довѣрія и дружбы. Но чѣмъ великодушнѣе былъ Вильгельмъ, тѣмъ живѣе чувствовалъ Шрусбери свой собственный позоръ. Онъ трепеталъ при одной мысли о свиданіи съ Вильгельмомъ, и подъ предлогомъ болѣзни поспѣшно оставилъ Лондонъ. Напрасно Вильгельмъ, возвратившись въ Англію, требовалъ его ко двору, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ; онъ выѣхалъ изъ своего помѣстья, но вернулся съ половины дороги. Онъ хотѣлъ немедленно выйти изъ министерства, и только по настоянію Сомерса сохранилъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ званіе государственнаго секретаря, не исправляя болѣе самой должности. Въ 1697 году онъ надолго оставилъ Англію, но воспоминаніе о его безчестіи нигдѣ не давало ему покоя. Жизнь его сдѣлалась бесполезною для государства, тягостною для него самого. Только одинъ разъ, посреди опаснаго государственнаго кризиса, онъ сдѣлался достойнымъ самого себя и напомнилъ, на нѣсколько минутъ, Шрусбери 1688 года. Это было въ 1714 году, въ день смерти королевы Анны, когда Шрусбери, вмѣстѣ съ Аргайлемъ и Сомерсетомъ, уничтожилъ замыслы Болинброка и спасъ протестантское престолонаслѣдіе.

Робертъ Гарлей (въ послѣдствіи графъ Оксфордъ) долго стоялъ во главѣ торійской партіи, но не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыми обыкновенно отличаются предводители партій: ни твердости убѣжденій, ни смѣлости, ни

рѣшительности, ни живаго ума, ни могучей страстности. Главною чертой его характера было мелкое самолюбіе, соединенное съ трусостью, желаніе стоять на первомъ мѣстѣ и въ то же время избѣгать опасностей, съ которыми сопряжено оно. Въ первые годы царствованія Вильгельма, Гарлей былъ ревностнымъ вигомъ и нижецерковникомъ, почти пресвитеріанцемъ; но вигская партія была слишкомъ богата дарованіями, затмевавшими посредственность Гарлея. Онъ не могъ блистать на той сторонѣ, на которой были мудрость Сомерса, остроуміе Уортона, краснорѣчіе и геніяльность Монтегю. Торіи, напротивъ, нуждались въ талантливыхъ предводителяхъ, и съ радостію подчинились бывшему вигу. Подъ руководствомъ Гарлея, какъ мы уже видѣли, предпринята была кампанія торійскаго парламента противъ короля и вигскаго министерства. При королевѣ Аннѣ, въ періодъ всемогущества Мальборо, Гарлей перешелъ на сторону виговъ, но не надолго. Съ помощію гардеробныхъ интригъ, онъ приобрѣлъ довѣріе королевы, опрокинулъ своихъ прежнихъ союзниковъ, и сталъ, вмѣстѣ съ Болинброкомъ, во главѣ торійскаго министерства. Но здѣсь именно и обнаружилась вся бездарность Гарлея. Лавируя между претендентомъ и законнымъ наследникомъ престола, онъ возстановилъ противъ себя и яacobитовъ, и виговъ. Яacobиты вытѣснили его изъ министерства; виги, достигнувъ власти, обвинили его въ государственной измѣнѣ. Онъ палъ, презираемый всѣми партіями, и былъ забытъ еще при жизни.

Галифаксъ занимаетъ среднее мѣсто между второю и третьею группами. Намъ кажется, что даже Маколей, при всемъ своемъ сочувствіи къ Галифаксу, не отдалъ полной справедливости этому замѣчательному человѣку. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, но это еще не значитъ, чтобъ онъ переходилъ изъ одной партіи въ другую или чтобъ онъ былъ равнодушенъ къ общественному благу. Галифаксъ, если можно такъ выразиться, самъ составлялъ цѣлую партію; мы постараемся доказать эту мысль при другомъ случаѣ. Послѣ революціи Галифаксъ былъ сдѣланъ хранителемъ малой печати (Privy Seal) и около года былъ главнымъ министромъ Вильгельма. Яростныя нападки оппозиціи заставили его удалиться изъ министерства; но до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1695 году, онъ продолжалъ принимать участіе въ преніяхъ палаты лордовъ, гдѣ и протестовалъ, вмѣстѣ съ

Шрусбери (въ 1692 г.), противъ возобновленія закона о цензурѣ ¹.

Лучшимъ украшеніемъ третьей группы, безъ сомнѣнія, служатъ Сомерсъ и Монтегю. Мы уже говорили о характерѣ этихъ членовъ вигской юнты; прибавимъ только нѣсколько словъ о ихъ политической дѣятельности. Сомерсъ былъ человѣкъ безъ всякаго состоянія, незнатнаго происхожденія. Основаніе его извѣстности положилъ процессъ семи епископовъ. Защитительная рѣчь его продолжалась не болѣе пяти минутъ, но упрочила за нимъ славу одного изъ первыхъ адвокатовъ Англіи. Онъ былъ избранъ членомъ конвента и скоро приобрѣлъ въ немъ чрезвычайное вліяніе. На конференціи съ лордами по вопросу о томъ, можетъ ли конвентъ располагать престоломъ (*vacancy of the throne*), онъ былъ представителемъ палаты общинъ; ему же было поручено составленіе деклараціи права. Вильгельмъ сдѣлалъ его генераль-соллиситоромъ, генераль-атторнеемъ, лордомъ-хранителемъ большой печати и наконецъ лордомъ-канцлеромъ. Виги единогласно признали его главой своей партіи. Онъ сохранилъ это значеніе до самой своей смерти. Монтегю предназначалъ себя въ духовное званіе, но революція открыла ему доступъ въ палату общинъ. Когда Сомерсъ перешелъ въ палату лордовъ, Монтегю, несмотря на свою молодость, занялъ его мѣсто въ нижней палатѣ и сдѣлался вождемъ виговъ. Послѣ отставки Годольфина, онъ былъ назначенъ первымъ лордомъ казначейства. Въ финансовыхъ познаніяхъ онъ былъ равенъ Годольфину, но превосходилъ его въ изобрѣтательности, въ творческой силѣ. Онъ учредилъ Англійскій банкъ, положилъ начало государственному долгу, удачно преобразовалъ монетную систему. Главное достоинство Сомерса и Монтегю заключается въ твердости и чистотѣ ихъ политическихъ убѣжденій, въ томъ непреклонномъ мужествѣ, съ которымъ они боролись за эти убѣжденія, въ умѣренности, съ которою они пользовались своею побѣдой. Съ пламеннымъ вигизмомъ Росселя они соединяли вѣрность Кермартена, энергію Мальборо и мягкость Галифакса. Монтегю уступалъ Сомерсу только въ безкорыстїи, самообладаніи и скромности. Сомерсъ былъ такъ же безкорыстенъ, какъ Чатамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно сво-

¹ Цензура, отмѣненная въ 1679 г., возобновленная въ концѣ царствованія Карла II, была продолжена въ 1692 году на два года и окончательно уничтожена въ 1695 году.

бодень отъ того напыщеннаго высокоумія, которое, по нашему мнѣнію, составляетъ главный недостатокъ великаго коммонера. Монтегю не былъ чуждъ этого недостатка, и не выкупалъ его презрѣніемъ, какъ оба Питта, къ матеріальнымъ выгодамъ власти. Девонширъ, Дорсетъ, Литльтонъ, Генрихъ Сидней, Бернетъ, Вернонъ были достойными членами партіи, во главѣ которой стояли Сомерсъ и Монтегю.

Даніель Финчъ, графъ Ноттингамъ, занимаетъ между торіями, по справедливому замѣчанію г. Визинскаго, такое же мѣсто, какое между вигами принадлежитъ Сомерсу. Онъ былъ такъ же глубоко и честно преданъ своей партіи, такъ же далекъ отъ всякой измѣны, такъ же рѣшителенъ и твердъ въ защитѣ своихъ убѣжденій. Онъ былъ гуманенъ на столько, на сколько въ то время могъ быть гуманенъ искренній торі и вернецерковникъ. Онъ внесъ въ палату лордовъ билль о религиозной терпимости и старался провести такъ называемый *Bill of Comprehension*, расширявшій границы англиканской церкви. Онъ не принималъ никакого участія въ революціи, но добросовѣстно подчинился ея результатамъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ надежныхъ приверженцевъ новаго порядка вещей. Въ продолженіе первыхъ четырехъ лѣтъ царствованія Вильгельма, онъ занималъ мѣсто государственнаго секретаря, и содѣйствовалъ всѣми силами сближенію короля съ умѣренными отдѣломъ торійской партіи. Усилія его не остались безъ успѣха. Возрастающее вліяніе вигской юнты удалило его изъ министерства, но не сдѣлало его слѣпымъ врагомъ правительства. Онъ присоединялся къ оппозиціи только тогда, когда этого требовали его убѣжденія. Къ одному разряду съ Ноттингамомъ могутъ быть отнесены Пемброкъ, Рукъ, Лоутеръ и нѣкоторые другіе умѣренные торіи.

Таковы были люди, окружавшіе Вильгельма, таковы были главные члены министерства и главные предводители оппозиціи. Мы видѣли, какую невѣрную, ненадежную поддержку Вильгельмъ часто находилъ въ своихъ совѣтникахъ, какую слѣпую, ожесточенную вражду онъ почти всегда встрѣчалъ въ своихъ противникахъ. Первый лордъ казначейства, первый лордъ адмиралтейства, одинъ изъ государственныхъ секретарей, лучшій генералъ англійской арміи находились въ измѣнительныхъ сношеніяхъ съ Іаковомъ. Вильгельмъ зналъ объ этомъ, но только одинъ Мальборо, и то не надолго, подвергся формальной опалѣ. «Ничто такъ не характеризуетъ Виль-

гельма, говорить г. Вызинскій, какъ то, что, зная объ измѣнѣ многихъ изъ своихъ министровъ, онъ никогда не давалъ имъ замѣтить этого и безъ различія употреблялъ и честныхъ людей, и предателей.» Г. Вызинскій видитъ въ этомъ одно изъ доказательствъ равнодушія Вильгельма въ выборъ средствъ. Намъ кажется, что снисходительность къ измѣнникамъ была печальною необходимостію, которой не могъ не подчиниться Вильгельмъ. Онъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы желать невозможнаго, чтобы противиться неизбежному. Онъ могъ удалить изъ министерства всѣхъ тайныхъ сообщниковъ Іакова II; но кто же ручался ему за то, что на мѣсто этихъ измѣнниковъ не явятся другіе, еще болѣе опасные? Годольфинъ и Шрусбери ограничивались безвредною перепискою съ Сентъ-Жерменомъ: преемники ихъ могли стать во главѣ якобитскаго заговора. Россель общалъ Іакову свое содѣйствіе, но разбилъ французскій флотъ при Ла-Гогъ: другой адмиралъ могъ допустить высадку Французовъ на берега Англіи. Такой человекъ какъ Россель могъ колебаться между Іаковомъ и Вильгельмомъ, пока ему было хорошо и спокойно при дворѣ Вильгельма, пока реставрація могла повредить его интересамъ; но въ опалѣ, въ немидости, онъ сдѣлался бы самымъ ревностнымъ и опаснымъ якобитомъ. Притомъ Вильгельмъ не имѣлъ полныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ виновности своихъ министровъ. Бездоказательное обвиненіе Росселя или Шрусбери возстановило бы противъ Вильгельма всю вигскую партію, обвиненіе Годольфина — всѣхъ умѣренныхъ торіевъ. Съ этою именно цѣлью Фенвикъ назвалъ министровъ, бывшихъ въ перепискѣ съ Іаковомъ; въ этомъ именно убѣжденіи Вильгельмъ оставилъ безъ послѣдствій слова Фенвика.

Но измѣна министровъ не была единственнымъ источникомъ затрудненій Вильгельма. Онъ нуждался въ совѣтахъ Сендерланда и Кермартена; но Сендерландъ вредилъ правительству своимъ именемъ, своею репутаціей, Кермартенъ — своею наглою продажною. Онъ дорожилъ честностью и дарованіями Ноттингама, но и въ Ноттингамѣ встрѣчалъ сопротивленіе нѣкоторымъ изъ лучшихъ намѣреній своихъ, напримѣръ уничтоженію *Test-Act* а. Въ первые годы его правленія дѣятельность его была стѣснена ненавистью виговъ къ его торійскимъ министрамъ, въ послѣдствіи — ненавистью торіевъ къ вигской юнтѣ. Въ 1690 году виги заставили его пожертвовать Галифаксомъ, въ 1700 году торіи заставили его пожертвовать Сомерсомъ. Въ насто-

ящее время зависимость министровъ отъ большинства палаты общинъ составляетъ фактъ весьма признанный, освященный временемъ, вошедшій въ политическую жизнь народа. При Вильгельмѣ это былъ фактъ новый, спорный, непонятый еще ни противниками, ни защитниками его. Къ борьбѣ за этотъ фактъ присоединялось озлобленіе, часто ставившее личные вопросы выше общаго. Сначала нейтральный между партіями, Вильгельмъ мало-по-малу склонился на сторону виговъ, которые, какъ мы уже сказали, болѣе чѣмъ торіи были расположены къ его континентальной политикѣ. Торіи образовали изъ себя оппозицію, но между ними не было никого, достойнаго стать во главѣ партіи. Гарлей и Гоу были политическіе ренегаты, Сеймуръ— взяточникъ, нападавшій на правительство только тогда, когда самъ не занималъ доходной правительственной должности. Отсюда необузданный, злобный и вмѣстѣ съ тѣмъ мелкій характеръ борьбы, предпринятой парламентомъ противъ правительства въ 1699 г.; отсюда законъ объ ирландскихъ пожалованіяхъ, такъ хорошо характеризующій тогдашнюю оппозицію. Среди этой борьбы, Вильгельмъ лишился мало-по-малу всѣхъ своихъ защитниковъ: Россель, Монтегю вышли изъ министерства; Сомерсъ долѣе всѣхъ выдерживалъ бурю, но она за то и обрушилась на него съ особенною силой. Испытаніе было тяжело: мы уже видѣли, какъ перенесъ его Вильгельмъ.

Итакъ, измѣна однихъ министровъ, продажность другихъ, узкіе предрасудки третьихъ, просвѣщенное, преданное содѣйствіе двухъ-трехъ лицъ, преслѣдуемыхъ, останавливаемыхъ безпощадною враждой противной партіи, оппозиція, борющаяся не столько изъ-за принциповъ, сколько изъ личной ненависти къ правительству, — зотъ картина, которую представляетъ царствованіе Вильгельма. Много препятствій и мало поддержки встрѣтилъ онъ на трудномъ пути своемъ. Если присоединить къ этому дипломатическую и военную дѣятельность Вильгельма, — дѣятельность, въ которой онъ почти вовсе не имѣлъ помощниковъ, въ которой все почти безраздѣльно принадлежитъ ему одному, то удивленіе Маколея къ Вильгельму едва ли покажется преувеличеннымъ. Что касается до насъ, то мы вполне раздѣляемъ не только удивленіе, но и сочувствіе Маколея къ герою его исторіи. Эта суровая, холодная личность кажется намъ болѣе привлекательною, нежели блестящіе, театральные герои, завоеватели и организаторы à la Карлейль.

К. Арсеньевъ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ЧЕЛОВѢКА

ЕДИНСТВО РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ¹

II.

Видъ. — Разновидность. — Порода.

Примѣненіе къ изученію человѣка приѣмовъ естественнаго метода и правилъ, принятыхъ для распредѣленія органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, заставило насъ отдѣлить его отъ прочей массы творенія и признать его за особую первоначальную группу, за отдѣльное *царство* природы. Но всѣ другія группы являются намъ состоящими изъ многочисленныхъ видовъ и представляютъ весьма важныя различія между собою. На этихъ двухъ обстоятельствахъ основаны классификаціи, которыя за точку отправленія, за единицу, принимаютъ *виды*. Нѣкоторыя изъ этихъ единицъ, сближаясь между собою въ совокупности своихъ отличительныхъ признаковъ, образуютъ *роды*, то-есть эле-

¹ См. *Русск. Вѣстн.* № 5.

ментарную группу всѣхъ номенклатуръ въ ботаникѣ и въ зоологіи. Соединяя самыя близкіе роды, мы составляемъ понятіе о *кормѣ* (*tribu*) и, продолжая далѣе, получаемъ высшія группы, называемыя *семействомъ*, *порядкомъ*, *классомъ*, *отдѣломъ*, которыя восходятъ все выше и выше и отличаются однѣ отъ другихъ все болѣе и болѣе рѣзкими признаками.

Примѣнимо ли подобное распредѣленіе къ племенамъ человѣческимъ? По этому вопросу по крайней мѣрѣ мы находимъ замѣчательное согласіе между антропологами. Того ли, другаго ли основнаго ученія они держатся, видятъ ли они въ человѣкѣ только порядокъ изъ класса млекопитающихъ или особое царство природы, всѣ они признаютъ, что людей невозможно дѣлить даже на семейства или кормѣ (въ смыслѣ научной номенклатуры). Но полигенисты въ разностяхъ, которыя раздѣляютъ людей, видятъ столько же *видовыхъ признаковъ*, и соединяютъ ихъ въ одинъ *родъ*, число видовъ котораго разнообразится смотря по доброй волѣ ученыхъ. Моногенисты же съ своей стороны въ этихъ разностяхъ видятъ только *признаки породы* (*гасе*) и сводятъ такимъ образомъ всѣ группы людей къ одному виду. Поэтому очевидно, что нельзя приступать къ этой столь спорной между двумя школами задачѣ, не разрѣшивъ предварительно другаго вопроса, именно: что разумѣютъ въ естественной исторіи подѣ словами *видъ* и *порода*? Безъ сомнѣнія, только ошибочная постановка этого серьезнаго вопроса причиной того, что столько натуралистовъ неоспоримо-заслуженныхъ изъ той и другой школы запутали науку сбивчивыми понятіями или важными ошибками.

Посмотримъ сначала, что должно понимать подѣ выраженіемъ *видъ*. Это одно изъ тѣхъ словъ, которыя мы встрѣчаемъ во всѣхъ языкахъ, имѣющихъ отвлеченные термины. Оно слѣдовательно передаетъ представленіе общее, ходячее. Это представленіе основано прежде всего на большомъ наружномъ сходствѣ; но уже и въ обыкновенной рѣчи это представленіе не есть ничто простое. Въ этомъ легко убѣдиться, когда обратимся на примѣръ къ какому-нибудь скотоводу изъ числа самыхъ не книжныхъ. Покажите ему двухъ мериносовъ: нисколько не колеблясь, онъ признаетъ этихъ животныхъ принадлежащими къ одному и тому же виду. Поставьте передъ нимъ мериноса обыкновеннаго и одну изъ тѣхъ овецъ съ блестящею и шелковистою шерстью, которыми

обязаны мы г-ну Гро де-Мошану (Graux de Mauchamp), и тотъ же скотоводъ съ небольшою увѣренностью отвѣтитъ вамъ, что это животныя двухъ различныхъ видовъ. Сообщите ему, что оба эти животныя произошли отъ одного отца и отъ одной матери; практическій человѣкъ задумается, въ его словахъ выразится замѣшательство, и, если хоть сколько-нибудь извѣстно ему словоупотребленіе, принятое вообще въ зоотехніи, онъ вамъ скажетъ: «мошанъ есть разновидность мериносо». Этотъ сподручный опытъ доказываетъ намъ, что даже въ обыкновенной рѣчи, когда дѣло идетъ о видѣ, съ идеей о *сходствѣ* соединяется еще идея о *филиаціи*, о *преемственности*, *происхожденіи*.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь наука лишь съ точностію обозначаетъ то, чтѣ предчувствуется народнымъ инстинктомъ. Чтѣбы опредѣлить видъ, она тоже основывается на сходствѣ; но она также, съ первыхъ шаговъ, и даже не давая еще себѣ яснаго отчета, принимала въ соображеніе и феномены рожденія, или воспроизведенія. Огносительно этого послѣдняго пункта, она въ наше время высказывается положительнѣе чѣмъ когда-нибудь. Она окончательно доказала, что рожденіе есть фактъ, стоящій выше силъ физико-химическихъ; сверхъ того, она доказала, что этотъ фактъ опредѣляется исключительно вліяніемъ жизни и чрезъ посредство какого-нибудь предсуществующаго организма ¹. Всякое живое

¹ Изъ этого видно, что мы смотримъ на ученіе о произвольномъ рожденіи (*generatio aequivoca*) какъ на ученіе, совершенно отвергнутое наукой. Въ самомъ дѣлѣ, трудно объяснить себѣ, какъ это ученіе можетъ еще находить себѣ нѣсколькихъ сторонниковъ между людьми, нелишенными впрочемъ весьма существенныхъ ученыхъ достоинствъ. Впрочемъ число ихъ быстро уменьшается, и бѣльшая часть ихъ, безъ сомнѣнія, повторяютъ возгласъ, который намъ пришлось слышать изъ устъ одного очень даровитаго химика, питавшаго долгое время полную вѣру въ произвольное размноженіе. «Еще одна иллюзія разрушается!» воскликнулъ онъ послѣ довольно-долгого разговора объ опытахъ г. Пастера, столь убѣдительныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти опыты отвѣчаютъ на послѣднія придирки, которыя еще можно было сдѣлать къ нѣкоторымъ другимъ ученымъ, между прочимъ къ гг. Шванну и Генле. Эти ученые уже производили сравнительные опыты надъ настоями или смѣсями, изъ которыхъ къ однимъ былъ допускаемъ свободный притокъ чистаго воздуха, а къ другимъ воздухъ пропускался сквозъ сильныя кислоты или чрезъ трубки докрасна раскаленные. При этомъ постоянно оказывалось, что въ первыхъ тотчасъ заражались плѣсени, инфузоріи, тогда

существо всегда происходитъ отъ другаго существа живаго. Такимъ образомъ совокупность органическихъ существъ, разсматриваемая во времени, состоитъ изъ непрерывныхъ рядовъ, и въ этихъ рядахъ нельзя не видѣть того, что простолюдинъ такъ же, какъ и ученые, назвали видами.

Говоря теоретически, одного *существа рождающаго* и одного *существа рожденнаго* могло бы быть достаточно для того чтобы установилось безконечное продолженіе того или другаго изъ такихъ рядовъ. Но мы знаемъ, что на дѣлѣ происходитъ иначе; предшествующими двумя членами бываетъ по крайней мѣрѣ двоица, заключаая въ себѣ отца и мать, сына и дочь. Вотъ еще одинъ изъ тѣхъ результатовъ, которые новѣйшая наука

какъ вторые не представляли никакого слѣда органическихъ образованій. Шваннъ, Генле и почти всѣ натуралисты вывели изъ этихъ фактовъ заключеніе, что растенія и животныя низшія, которыя оказываются въ настояхъ, происходятъ изъ зародышей, падающихъ туда изъ воздуха въ видѣ пыли, но ни въ какомъ случаѣ не отъ реакціи мертвыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ настоя или смѣси. Равнымъ образомъ они допустили, что, для воспрепятствованія появленію плѣсней, инфузорій и проч., достаточно разстроить (*désorganiser*) эти зародыши или съ помощію теплоты, или какимъ-нибудь другимъ средствомъ. Сторонники произвольнаго размноженія отвѣчали, что воздухъ, проходя черезъ сильно нагрѣтую трубку или черезъ кислоты, хотя не измѣняетъ своего состава, но дѣлается неспособнымъ дать жизнь существу органическому; они говорили, что этотъ воздухъ становится *недѣлятельнымъ* (*inactif*). Сверхъ того, они отвергали существованіе зародышей, хотя они были усмотрѣны и описаны, особенно Эренбергомъ. Однакожь г. Пастёръ, благодаря своимъ искуснымъ снарядамъ, собралъ эти зародыши и *послалъ* ихъ въ настояхъ, погруженныхъ въ атмосферу этого мнимо-недѣлятельнаго воздуха; они тамъ развились вполне. Съ другой стороны, тотъ же самый экспериментаторъ показавъ, что достаточно было бы дать сосуду, заключающему какой-нибудь настой, такую форму, чтобы зародыши не могли доходить до жидкости, и она не будетъ представлять никакихъ слѣдовъ плѣсени, даже въ томъ случаѣ, когда будетъ находиться въ непосредственномъ сообщеніи съ обыкновеннымъ воздухомъ. Такимъ образомъ существованіе зародышей, роль, которую они играютъ въ мнимыхъ явленіяхъ произвольнаго рожденія, поставлены были внѣ всякаго спора для cadaго, кто только ищетъ себѣ удостоверенія въ наблюденіи и опытѣ. Прибавимъ къ этому, что превосходныя изслѣдованія г. Бальбіани надъ половымъ воспроизведеніемъ инфузорій подвели и эту группу подъ общій законъ и отняли у сторонниковъ произвольнаго размноженія возможность, въ случаѣ недостатка доказательствъ, защититься невѣдніемъ объ этомъ предметѣ, которое еще такъ недавно было общимъ.

извлекла изъ кажущагося хаоса прежнихъ наблюдений. ¹ Идея фиціаціи, дополняясь такимъ образомъ, опредѣляется точнѣе. Видовые ряды уже не являются намъ составленными только изъ особей; нѣтъ, они являются намъ состоящими изъ семей, которыя преемствуютъ одна другой, изъ которыхъ каждая происходитъ отъ одной или двухъ семей, предшествовавшихъ ей. Итакъ *сѣмейство физиологическое* есть исходная точка, основная единица вида, точно также какъ видъ, въ свою очередь, есть основная единица цѣлаго царства. ² Эти общія идеи легко будутъ понятны, когда будутъ отнесены къ животнымъ, особенно тѣмъ, которыя живутъ на глазахъ у человѣка. Но можетъ-быть иному читателю покажется страннымъ дѣлать отсюда примѣненіе къ растеніямъ; въ этомъ случаѣ не надобно забывать, что, гдѣ дѣло касается до функций воспроизведенія, до отношеній, связывающихъ преемственные поколѣнія одни съ другими, тамъ между обоими царствами обнаруживаются сходства, достигающія даже до тожества. Я неоднократно, особенно въ моихъ статьяхъ о превращеніяхъ, указывалъ на множество фактовъ, которые ставятъ этотъ основной результатъ внѣ всякаго сомнѣнія. У растеній, какъ и у животныхъ, есть мужья и жены, отцы и матери, сыновья и дочери. Только эти связи родства часто бываютъ закрыты расположеніемъ, устройствомъ частей, особенно же агрегативнымъ состояніемъ растительныхъ организмовъ. Здѣсь иногда самая особность (индивидуальность) затемняется, и для незнакомаго съ наукой человѣка становится неуловимою и сомнительною; но наука, какъ мы видѣли, сумѣла проникнуть за предѣлы кажущагося, опредѣлить особъ и распознать ея полъ. А потому ей легко дойти до физиологическаго сѣмейства и доказать, что оно есть и въ царствѣ растительномъ.

¹ См. объ этомъ вопросѣ рядъ статей. *Les Métamorphoses et la Gé néagenèse* въ *Revue des Deux Mondes* съ 1 по 15-е апр. 1855. съ 1- по 15 іюня, и 1 іюля 1856 года.

² Г. Исидоръ Жоффуа Сентъ-Илеръ, руководясь разсужденіями, отличающимися отъ изложенныхъ здѣсь нами, первый пришелъ къ этому заключенію, капитальную важность котораго легко пойметъ читатель. Г. Жоффуа означаетъ *физиологическое сѣмейство*, о которомъ

Да позволено будетъ мнѣ остановиться на нѣкоторыхъ примѣрахъ, которые дадутъ возможность яснѣе понять, какъ трудно отдѣлать идею о *филиаціи* отъ идеи о видѣ. Физиологическое семейство можетъ уже составиться изъ четырехъ выше названныхъ нами элементовъ: двухъ родителей и двухъ дѣтей разныхъ половъ. Нѣкоторые виды животныхъ, напримеръ косуля, осуществляютъ эту типическую группу; но она можетъ также и расширяться до чрезвычайности, и притомъ дѣти могутъ, или въ теченіи всей жизни, или при извѣстныхъ фазахъ своего существованія, сдѣлаться очень мало похожими на своихъ прямыхъ родителей. У тѣхъ видовъ животныхъ, рожденіе которыхъ представляетъ явленія генеагенезиса, между прочимъ у медузъ, семейство заключаетъ въ себѣ цѣлую совокупность генерацій и особей, которыя преемственно слѣдуютъ одна за другою до тѣхъ поръ, пока вновь появятся половые атрибуты съ формами отца и матери. Но промежуточные особи имѣютъ чрезвычайно мало сходства, по своей формѣ и по организаціи, какъ между собою, такъ и съ своими непосредственными родителями. Кто сталъ бы судить только по сходствамъ, тому пришлось бы отнести этихъ особей не только къ очень различнымъ видамъ, но даже къ различнымъ классамъ. Такъ распредѣляли въ теченіе вѣковъ ученые, даже самые спеціальные, пока наблюденія Саарса, Зибольда и синтезъ Стенструпа не привели ихъ къ болѣе правильнымъ воззрѣніямъ. Въ настоящее время всѣ натуралисты принимаютъ, что волосатая личинка, движущаяся на подобіе инфузорій, гидрообразныя животныя, которыя покрываютъ стволъ и вѣтви полипника, прикрѣпленнаго къ какой-нибудь скалѣ, разобщенная и вольная медуза, которая ведетъ свою странническую жизнь въ открытомъ океанѣ, — особи одного и того же вида. Но чтò справедливо относительно медузъ, то еще съ большимъ основаніемъ должно быть признано касательно насѣкомыхъ вообще. Какого нужно еще меньшаго сходства по наружности, какъ между бабочкой, куколкой и гусеницей? И однакожъ эти существа произошли изъ яицъ, снесенныхъ можетъ-быть одною и тою же матерью, и могутъ

здѣсь идетъ рѣчь, именемъ *товарищества* (*compagnie*), чтобъ отличить его отъ *семейства естественнаго*, которое составляетъ простую группу классификаціи, и чрезъ это самое всегда болѣе или менѣе произвольную.

принадлежать не только къ одному и тому же виду, но даже къ одной семьѣ.

Итакъ понятіе о видѣ есть понятіе существенно сложное и опирается на двухъ весьма различныхъ соображеніяхъ. Наука не разомъ дошла до этого результата. Въ средніе вѣка и въ первыя времена возрожденія наукъ, равно какъ и въ древности, люди, положившіе первыя основанія зоологіи или ботаникѣ, не давали себѣ отчета въ томъ, что они называли видами. Исидоръ Жооферу положительно доказалъ, что въ этомъ отношеніи заслуги Аристотеля и Альберта Магнуса преувеличены. Ни тотъ ни другой не могли и подозрѣвать, чтобы понятіе о видѣ было задачей, требующею рѣшенія. Уже только къ концу XVII вѣка натуралисты стали заниматься этимъ вопросомъ. Важность его впервые была понята Жаномъ Ре (Jean Ray), который въ 1686 году, въ своей *Historia plantarum*, отнесъ къ одному виду растенія, имѣющія общее происхожденіе и размножающіяся сѣменами, каковы бы ни были ихъ наружныя различія. Но вполне вопросъ этотъ былъ поставленъ только въ 1700 году нашимъ знаменитымъ Турнефоромъ. Въ своихъ *Institutiones rei herbariae* онъ спрашиваетъ себя: «Что должно разумѣть подъ словомъ видъ?» Родъ онъ опредѣлилъ, какъ «совокупность растеній, которыя сходны между собою своимъ устройствомъ (structure)»; видомъ онъ называетъ «собраніе такихъ растеній, которыя отличаются какимъ-нибудь частнымъ отличительнымъ признакомъ.» При всей шаткости понятій и выраженій, видно, что эти оба предвѣстника новѣйшей науки поставили себя каждый на одну изъ тѣхъ двухъ точекъ зрѣнія, о которыхъ мы теперь говорили. Ре понималъ важность филіаціи; Турнеоръ принималъ въ разчетъ только сходство.

Если объ этихъ ученыхъ судить по терминамъ, въ которыхъ они выразили опредѣленіе вида, то къ Турнефору можно бы присоединить довольно большое число натуралистовъ, которые рѣдко заботятся объ изученіи органическихъ отправленій, каковы напримѣръ энтомологи, орнитологи и палеонтологи. Напротивъ большая часть фізіологовъ усвоили себѣ идеи Реа; они иногда даже преувеличивали ихъ тѣмъ, что исключали изъ своихъ опредѣленій всякій намекъ на важность общихъ отличительныхъ признаковъ.¹ Въ обоихъ случаяхъ, была

¹ Я самъ, подъ первымъ вліяніемъ открытій, относящихся къ генетическимъ явленіямъ, впалъ въ такое преувеличеніе; но я не

собственно ошибка отъ упущенія. Для составленія полнаго понятія о видѣ, нужно имѣть въ виду оба элемента. Линней и Бюффонъ понимали это очень хорошо. Правда, первый нигдѣ не далъ виду собственно такъ-называемаго опредѣленія; но А. Лоранъ де-Жюссѣ сформулировалъ только его идеи, когда сказалъ: «Видъ есть преемство совершенно сходныхъ особей, непрерывно продолжающихся посредствомъ рожденія.» Что касается до Бюффона, онъ выразился какъ нельзя яснѣе; по его словамъ, «видъ есть не иное что, какъ постоянное преемство сходныхъ и воспроизводящихся особей.»

Опредѣленія, данныя новѣйшими натуралистами, близкимъ или отдаленнымъ образомъ, примыкаютъ большею частію къ выше приведеннымъ; ограничусь указаніемъ только главнѣйшихъ. ' Кювье опредѣляетъ видъ, какъ «собраніе всѣхъ органическихъ тѣлъ, рожденныхъ одно отъ другаго или отъ общихъ родителей, а равно и тѣхъ, которыя сходны съ ними на столько, на сколько они сами между собою сходны.» По де-Кандоллю, «видъ есть собраніе всѣхъ особей, которыя сходны между собою гораздо больше чѣмъ съ другими, которыя чрезъ взаимное оплодотвореніе могутъ производить другія особи, въ свою очередь плодovitыя, и которыя размножаются такимъ образомъ, что по аналогіи можно считать ихъ происшедшими первоначально отъ одной только особи». По Бленвилю, «видъ есть особь, повторенная во времени и въ пространствѣ». Фогтъ разсматриваетъ видъ, какъ результатъ «соединенія всѣхъ особей, которыя ведутъ свое происхожденіе отъ однихъ и тѣхъ же родителей, и которыя снова становятся, въ самихъ себѣ или въ своихъ нисходящихъ потомкахъ, подобными своимъ первымъ прародителямъ.»¹

Эти опредѣленія и многія другія, которыя можно бы было еще привести, имѣютъ то между собою общаго, что сходство недѣлимыхъ одного и того же вида утверждается въ нихъ безъ

замедлилъ возвратиться къ болѣе-правильнымъ воззрѣніямъ, и въ 1856 году, въ своемъ курсѣ въ Музеѣ, изложилъ опредѣленіе, которое читатель найдетъ и въ этой статьѣ.

¹ Г. Жофруа собралъ въ своей книгѣ большое число другихъ опредѣленій вида, и я считаю за лучшее предложить читателю обратиться къ этому сочиненію.

² Этотъ естествоиспытатель, очевидно, дѣлаетъ здѣсь намекъ на явленія генегагенезиса.

всякаго ограниченія. Прочія представляютъ болѣе или менѣе ясныя оговорки по этому пункту. Такъ, по Ламарку, «видъ есть собраніе сходныхъ особей, которыя непрерывно продолжаясь посредствомъ размноженія, сохраняютъ одинаковое состояніе дотола, доколѣ обстоятельства ихъ положенія не измѣнятся достаточно, для того чтобы переимѣнить ихъ привычки, характеръ и форму.» Исидоръ Жоффуа опредѣляетъ видъ, какъ «собраніе или послѣдовательный рядъ особей, отмѣченныхъ совокупностью отличительныхъ признаковъ, передача которыхъ, при существующемъ порядкѣ вещей, естественна, правильна и неограниченна». Наконецъ по Шеврѣлю, «видъ содержитъ въ себѣ всѣ недѣлимые, происшедшія отъ одного отца и одной матери: эти недѣлимые наиболѣе сходны съ ними, сравнительно недѣлимыми другихъ видовъ; такимъ образомъ они отличены сходствомъ извѣстной совокупности взаимныхъ отношеній, существующихъ между одноименными органами; различія же, которыя находятся внѣ этихъ отношеній, составляютъ *разности* или *разновидности* вообще.»

Названные нами естествоиспытатели безспорно принадлежатъ къ такимъ, которые, въ разныхъ отношеніяхъ, пользуются и заслуженнымъ авторитетомъ. Они разрабатываютъ различныя отрасли естественной исторіи и принадлежатъ къ школамъ, которыя иногда вели даже слишкомъ энергическія войны одна противъ другой. И однако видимъ, что понятія, составленныя ими о видѣ, въ основѣ своей весьма сходятся между собой. Легкія различія, представляющіяся въ этихъ опредѣленіяхъ, относятся только къ одному пункту, правда весьма важному, на который намъ и слѣдуетъ здѣсь указать. Возвратимся къ Линнею и Бюфону. Серіозно приступивъ къ изученію вида и связавъ съ нимъ понятіе происхожденія, оба они пришли къ слѣдующимъ важнымъ вопросамъ: остается ли навсегда особи, совокупность которыхъ есть видъ, сходны между собой и съ своими первыми родителями? Или же онѣ могутъ принять черты, до такой степени отдаляющія ихъ другъ отъ друга, что натуралистъ уже не можетъ признать въ нихъ родственности? Было ли число видовъ отъ начала неподвижно, и если оно можетъ уменьшаться вслѣдствіе прекращенія нѣкоторыхъ, изъ нихъ то можетъ ли оно, въ замѣнъ этому, и увеличиваться отъ тѣхъ измѣненій, которыя испытываются особями и которыя послужили бы началомъ для новыхъ видовъ? Другими словами: остается ли видъ неподвижнымъ, или подверженъ измѣненію?

Г. Исидоръ Жофферуа, цитатами изъ сочиненій Линнея и Бюффона, очень хорошо доказалъ, что эти великіе законодатели естественныхъ наукъ одинаково колебались, стараясь рѣшить эту трудную проблему, и что оба высказывали сперва такое, потомъ другое, противоположное ученіе. Сперва, и почти въ продолженіе всей своей жизни, Линней утверждаетъ неподвижность, неизмѣнность вида. Опираясь на Библию, онъ объявляетъ, что отъ подобнаго всегда рождается подобное и что новаго вида не бываетъ вовсе. Позже, увлеченный смѣшеніемъ истинныхъ данныхъ съ неточными понятіями, онъ придаетъ измѣняемости вида значеніе слишкомъ обширное. Онъ допускаетъ, что всѣ виды, принадлежащія къ одному и тому же роду растений, происходятъ въ началѣ отъ одного вида, и результатъ разнообразія достигается природою, по его мнѣнію, исключительно почти посредствомъ перекрещиванья, *польси*. По этой гипотезѣ, огромное большинство растений имѣло бы свое начало какъ бы только изъ вторыхъ рукъ, и новые виды могли бы ежедневно появляться передъ нашими глазами.

Бюффонъ, подобно Линнею, сначала вѣрилъ въ безусловную неподвижность вида и представлялъ себѣ, что природа *напечатлѣваетъ на каждомъ видѣ неизмѣняемыя отличительныя черты*. Позже, онъ принялъ противоположный взглядъ, и допустилъ *въ каждомъ семействѣ*, объ руку съ частными измѣненіями, производящими простыя разновидности, *древнѣйшее незапамятное вырожденіе*, преобразовавшее самыя виды. Здѣсь онъ уже сошелся съ своимъ славнымъ соперникомъ, по крайней мѣрѣ въ признаніи общаго факта; но Бюффонъ причинами *перемены, измѣяемости и вырожденія* признавалъ *температуру климата, качество пищи*, а для домашнихъ животныхъ еще—*силу порабощенія*. Это значило, на мѣсто Линнеевой теоріи *польсей*, поставить ученіе о *дѣйствіяхъ среды*, о вліяніи производимомъ условіями существованія. Впрочемъ, изслѣдовавъ, такъ сказать, двѣ крайнія гипотезы—о безусловномъ постоянствѣ и о безпредѣльной почти измѣняемости вида, Бюффонъ собственными трудами приведенъ былъ къ среднему ученію, прямо высказанному въ его послѣднихъ сочиненіяхъ. «Отпечаткомъ для каждаго вида, писалъ онъ тогда, служить типъ, главные признаки котораго отмѣчены неизгладимыми и навсегда остающимися чертами; но всѣ;привходящія штрихи измѣняются». Впрочемъ среда осталась у него причиной этихъ измѣненій. Таково окончательное ученіе Бюффона; его можно назвать уче-

нiемъ объ *ограниченной измѣняемости вида*; оно же и заключаетъ въ себѣ истину.

Мнѣнiя, которыя были послѣдовательно принимаемы Линнеемъ и Бюффономъ, послужили исходною точкою многимъ ученiямъ, дошедшимъ даже до нашихъ временъ. Кювье и вся *положительная школа*, признающая его своимъ главою, объявили себя за устойчивость вида. Бленвиль, который обыкновенно ничего повидимому такъ не боялся какъ быть одного мнѣнiя съ Кювье, на этотъ разъ сходитъ съ нимъ, и идетъ еще дальше. По его словамъ, «постоянство видовъ есть условiе, необходимое для существованiя науки». Напротивъ того, *философская школа* усвоила вообще мнѣнiе о безграничной измѣняемости. По Ламарку, «природа представляетъ только недѣлимыхъ, преобладающихъ одно другому посредствомъ рожденiя и происходящихъ одно отъ другаго. Виды въ нихъ суть явленiя лишь относительныя, и бываютъ только временно». Онъ, а за нимъ и большая часть его учениковъ, допускали преобразование видовъ и образование новыхъ. Сверхъ того, причинами этихъ явленiй онъ признавалъ стремленiе удовлетворять извѣстнымъ потребностямъ, дѣйствiямъ, привычкамъ, то-есть такъ сказать, актамъ произвольнымъ. Такимъ образомъ, причина измѣненiя приписывалась здѣсь самому недѣлимому, по крайней мѣрѣ когда дѣло шло о животныхъ.

Нерѣдко старались поставить въ связи съ ученiемъ Ламарка ученiе Жоффуа Сентъ-Илера. На нашъ взглядъ это сближенiе совершенно ошибочно. При всей стремительной пылкости своего генiя, Жоффуа, о чемъ слишкомъ часто забываютъ, всегда основывается на опытахъ и наблюденiяхъ. Ламаркъ хотѣлъ дойти до происхожденiя вещей; Жоффуа очевидно чувствовалъ, что когда ставить вопросъ о видѣ такимъ образомъ, тогда онъ ускользаетъ отъ сказанныхъ двухъ орудiй всякаго серьезнаго научнаго изслѣдованiя. Поэтому, Жоффуа и не затрогивалъ его съ этой точки зрѣнiя. Правда, онъ объявилъ себя сторонникомъ измѣняемости, но объявилъ въ томъ же смыслѣ, какъ и Бюффонъ, соглашаясь съ нимъ, какъ относительно самаго явленiя, такъ и относительно его причинъ. Жоффуа неоднократно отвергаетъ идею непрерывныхъ и безграничныхъ измѣненiй. По его мнѣнiю, видъ неподвиженъ, пока окружающая среда остается та же; видъ измѣняется только тогда, когда измѣняется среда, и притомъ по мѣрѣ этихъ измѣненiй. Видоизмѣняющее дѣйствiе приходитъ *извне* и производитъ влiянiе на живое существо, а въ этомъ

послѣднемъ происходить только воздѣйствіе. Точно такъ же и взглядъ Бюффона. Изъ этого мы видимъ, что г. Исидоръ Жоффуа основательно выразился, сказавъ: «Если Жоффуа Сентъ-Илеръ въ хронологическомъ порядкѣ есть преемникъ Ламарка, то въ порядкѣ философскомъ онъ скорѣе долженъ быть почитаемъ преемникомъ Бюффона, съ которымъ онъ дѣйствительно сближается во всемъ, въ чемъ отдѣляется отъ Ламарка.»

Еслибы Жоффуа Сентъ-Илеръ ограничился разборомъ ученій, принадлежащихъ его предшественникамъ, и развитіемъ лучшихъ изъ нихъ, то французская академія наукъ не была бы свидѣтельницею этихъ торжественныхъ и въ то же время горячихъ споровъ, воспоминаніе о которыхъ еще живо у всѣхъ естествоиспытателей; но онъ, сверхъ того, съ обыкновенною своею смѣлостью, взялся за проблему совершенно новую, которую начинали серьезно вызывать, которую съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе настоятельно вызываютъ палеонтологическія открытія. Вслѣдствіе глубокихъ изслѣдованій о семействахъ крокодиловыхъ, онъ былъ сильно пораженъ сходствами, которыя оказываются у извѣстныхъ ископаемыхъ съ видами нынѣ живущими. Онъ задалъ себѣ вопросъ: не могли ли послѣдніе быть потомками первыхъ, въ прямой нисходящей линіи, а различія несомнѣнно дознанныя между этими представителями двухъ фаунъ, принадлежащихъ къ различнымъ геологическимъ эпохамъ, не должны ли быть приписаны перемѣнамъ, происшедшимъ въ условіяхъ существованія, въ *окружающей средѣ*? Послѣ, онъ обобщилъ этотъ вопросъ, и не принимая на себя вполнѣ рѣшить его, съ жаромъ ухватился за основанія, которыя говорятъ въ пользу утвердительнаго отвѣта. Кювье формально объявилъ себя на сторонѣ отрицательнаго отвѣта. Авторъ *Mémoires sur les ossemens fossiles* увидѣлъ себя атакованнымъ на той территоріи, гдѣ онъ до сихъ поръ былъ полнымъ господиномъ; онъ долженъ былъ защищаться, и такимъ образомъ поднялись великія пренія, продолжающіяся, можно сказать, и до нашего времени. Съ одной стороны, въ недавно появившейся и замѣчательной во многихъ отношеніяхъ книгѣ, англійскій натуралистъ г. Дарвинъ, пытается объяснить происхожденіе множественности видовъ животнаго и растительнаго царства. Онъ производитъ ихъ все отъ одного первоначальнаго первообраза, видоизмѣненнаго и преобразованнаго послѣдовательно на тысячу родовъ, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній и условій существованія; онъ, повидимому, связываетъ

эти перемѣны преимущественно съ явленіями геологическими. Такимъ образомъ, Дарвинъ въ своей теоріи слилъ вмѣстѣ идеи Ламарка объ измѣняемости видовъ и идеи Бюффона о причинахъ ихъ измѣненій, давая вмѣстѣ съ тѣмъ своей теоріи такія приложенія, которыя напоминаютъ собою ученія Жоффруа. Впрочемъ англійскій натуралистъ, и въ тѣхъ и въ другихъ воззрѣніяхъ, зашелъ дальше всего того, что допускали его французскіе предшественники. Съ другой стороны, г. Годронъ, профессоръ въ Нанси, обнаружилъ превосходное сочиненіе, исключительно посвященное вопросу о видѣ; онъ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ въ смыслъ неизмѣняемости. Въ томъ, что касается до видовъ живущихъ, онъ идетъ столь же далеко, какъ Бленвилъ, не вполне однако ставясь на одну съ нимъ почву, и рѣшаетъ палеонтологическій вопросъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «перевороты земнаго шара не могли измѣнить типовъ первоначально сотворенныхъ; виды сохраняли свою устойчивость до тѣхъ поръ, пока новыя условія сдѣлали невозможнымъ ихъ существованіе: тогда они исчезли, а не измѣнились».

Конечно, такія безусловныя заключенія, въ томъ или въ другомъ смыслѣ, преждевременны. Мы еще не имѣемъ данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія задачи, постановленной Жоффруа Сентъ-Илеромъ. Опытъ и наблюденіе доставляютъ намъ факты, достаточные для того чтобы взяться за вопросъ о видѣ, разсматриваемомъ въ нынѣшней геологической періодъ; но ни опытъ ни наблюденіе не даютъ намъ почти ничего, когда мы хотимъ восходить къ временамъ предшествующимъ. Здѣсь почти всегда нужно отказываться отъ научной достовѣрности, даже отъ научной вѣроятности, а довольствоваться одними *возможностями*. Но каждый знаетъ, какъ велико разстояніе, отдѣляющее возможное отъ действительнаго; никто не имѣетъ права заключать отъ перваго ко второму. Это самое и выразилъ весьма откровенно г. Шеврель въ своемъ превосходномъ донесеніи объ *Ампліографіи* графа Одара. Высказавшись формально за постоянство типовъ, составляющихъ виды, при вліяніи нынѣ дѣйствующихъ условій, этотъ ученый прибавляетъ: «Если мнѣніе объ измѣняемости видовъ, при обстоятельствахъ отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ мы живемъ, не нелѣпо въ нашихъ глазахъ, то допускать ее на дѣлѣ съцѣлю дѣлать отсюда выводы, значитъ удалаться отъ опытнаго метода, который никогда не дозволитъ возводить простую до-

гадку на степень начала.» При современномъ состояніи нашихъ познаній, таковы и наши рѣшительныя убѣжденія относительно этого вопроса. Поэтому, наши изысканія будутъ относиться исключительно къ ближайшимъ отъ насъ геологическимъ временамъ. Здѣсь только встрѣтимъ мы факты, совершающіеся предъ нашими глазами, результаты вѣковыхъ опытовъ, действительно удобные для сравненія; изъ нихъ мы и будемъ въ состояніи дѣлать наши заключенія съ полнымъ знаніемъ. Впрочемъ, оставаясь такимъ образомъ на почвѣ положительной науки, мы не думаемъ нисколько порицать чрезмѣрно тѣхъ, которые шли, или которые доселѣ еще идутъ далѣе этого. Подобныя смѣлыя умозрѣнія имѣютъ также свою цѣну: они иногда открываютъ новые пути и чрезъ то готовятъ будущее; но чтобы онѣ действительно приносили пользу, чтобы онѣ не вводили насъ въ заблужденіе, нужно принимать ихъ за то, что они есть, и не принимать ихъ прежде времени за истины доказанныя.

Таковы общія воззрѣнія относительно вида, высказанныя до сихъ поръ главными авторитетами въ наукѣ; но недовольно ограничиться однимъ бѣглымъ изложеніемъ ихъ: слѣдуетъ здѣсь указать еще одинъ фактъ, весьма достойный вниманія. Можно было замѣтить, что различныя школы естествоиспытателей разнятся иногда значительно въ теоріи; но тѣмъ не менѣе интересно было видѣть, что на практикѣ они поступаютъ такъ, какъ будто ихъ начала совершенно тождественны. Какъ скоро послѣдователи Ламарка покидаютъ область общихъ умозрѣній, чтобы перейти къ приложеніямъ, они нисколько не отличаются отъ учениковъ Кювье, и на оборотъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, они впрочемъ только подражаютъ самимъ главамъ естественно-историческихъ школъ. Ламаркъ, бывъ приверженцемъ безграничной измѣняемости, тѣмъ не менѣе посвятилъ большую часть своей жизни на труды по распредѣленію видовъ, за что и пріобрѣлъ названіе, правда преувеличенное, *французскаго Линнея*. Кювье, который такъ громко провозглашалъ неизмѣняемость, призналъ тѣмъ не менѣе весьма различныя породы во многихъ видахъ животныхъ, и еще пошелъ гораздо дальше, допустивъ, что различныя виды могутъ содѣйствовать къ образованію смѣшанной породы. Бленвилъ также никогда не сомнѣвался относить животныхъ, очень мало сходныхъ между собою по наружности, къ одному историческому типу. Итакъ, побуждаемая очевидностью, обѣ крайнія школы на

дѣлѣ приводятся къ нѣкоторой срединѣ каждый разъ, какъ только подвергнуть свои безусловныя теоріи повѣркѣ дѣйствительности. Уже одинъ этотъ результатъ не говоритъ ли громко за то, что истина ни на той, ни на другой сторонѣ, и что ее можно найти только у людей, которые, вмѣстѣ съ Бюффономъ, допускаютъ измѣняемость ограниченную?

Я, не колеблясь, становлюсь подъ знамя этого великаго учителя. По моему мнѣнію, *видъ* есть нѣчто первоначальное, основное. Родившись и развившись при тождественныхъ условіяхъ, всѣ представители какого-нибудь вида, животнаго или растительнаго, были бы въ строгомъ смыслѣ сходны между собою; но ни въ томъ ни въ другомъ царствѣ это условіе почти не выполнимо. Весьма различныя *вліянія среды* безпрестанно видоизмѣняли и видоизмѣняютъ первые типы; приводятъ *наслѣдственность*, и частію поддерживаютъ, частію умножаютъ или усиливаютъ эти видоизмѣненія. Такимъ образомъ получаютъ свое начало разновидности и породы. Предѣлы измѣненій, которыя происходятъ отъ этихъ различныхъ вліяній, еще не опредѣлены; но, тщательно приглядываясь, можемъ открыть съ достовѣрностію, что они иногда бываютъ замѣчательно обширны. Во всякомъ случаѣ, новыхъ видовъ при этомъ не образуется, и родственность существъ, происшедшихъ отъ одного видоваго типа, всегда можетъ быть дознана путемъ опыта, каковы бы ни были различія, ихъ отдѣляющія. Поэтому, думаю, виду можно дать слѣдующее опредѣленіе: «видъ есть совокупность болѣе или менѣе сходныхъ между собою особей, которыя произошли или могутъ быть признаны происшедшими отъ одной первоначальной пары, чрезъ непрерывное преемство семейства.»¹ Это опредѣленіе основывается на данныхъ, изложенныхъ выше, и на предшествующихъ общихъ положеніяхъ. Эти положенія будутъ развиты, и точность ихъ будетъ доказана въ продолженіи этого труда. Начнемъ съ того, что изслѣдуемъ съ нѣкоторыми подробностями вопросъ о *неподвижности и измѣняемости* вида. Самое это разсмотрѣніе приведетъ насъ къ новымъ понятіямъ.

¹ За исключеніемъ послѣдняго члена фразы, которымъ понятіе о *семействѣ* опредѣляется съ большею противъ прежняго точностію, опредѣленіе это—то же самое, какое высказано было мною въ Музеѣ, въ 1856, и повторено послѣ въ *Revue des Deux Mondes*. (Histoire naturelle de l'homme.—Du Croisement des Races humaines, livraison du 1 mars 1857.)

Когда гениальные люди, современные другъ другу, и слѣдовательно располагающіе одними и тѣми же элементами убѣжденія, колеблются между двумя ученіями; когда замѣчательные умы доходятъ, каждый въ своемъ направленіи, до очевидныхъ преувеличеній, можно быть увѣрену напередъ, что разбираемый вопросъ представляетъ серіозныя трудности. Таковъ именно вопросъ о неподвижности и измѣняемости вида. И положительный и отрицательный отвѣтъ могутъ равно опираться на точныхъ наблюденіяхъ и опытахъ, заимствуемыхъ какъ изъ исторіи растений, такъ и изъ исторіи животныхъ; когда же обратимся къ изслѣдованію причинъ, мы найдемъ что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствуютъ поочередно въ обоихъ смыслахъ. Разсмотримъ сначала главныя основанія въ пользу неподвижности вида.

Оставимъ въ сторонѣ факты, приводимые множествомъ ботаниковъ, и доказывающіе неизмѣняемость растительныхъ видовъ въ теченіи двухъ или трехъ вѣковъ; перейдемъ прямо къ первымъ историческимъ временамъ. Египетскія подземелья доставляютъ намъ совершенно точныя данныя о растительности этихъ отдаленныхъ эпохъ. Тамъ отыскали множество растений, которыя доселѣ произрастаютъ въ окрестностяхъ; и сравненіе образчиковъ, собранныхъ въ этихъ древнихъ гробницахъ, съ растеніями нынѣ живущими, доказало, что не только собственно такъ-называемые виды, но даже извѣстныя породы не измѣнились съ эпохи первыхъ фараоновъ. Это тождество отличительныхъ свойствъ породъ подтвердилось даже особенно рѣзкимъ образомъ въ слѣдующемъ случаѣ. Путешественникъ Генинкенъ нашелъ въ Верхнемъ Египтѣ въ гробницахъ, относящихся къ самой отдаленной эпохѣ, хлѣбы. Эти хлѣбы были препровождены къ знаменитому ботанику Роберту Брауну, и тотъ извлекъ изъ ихъ тѣста ячменныя чешуйки, въ совершенной цѣлости.¹ Тщательно изслѣдовавъ, онъ усмотрѣлъ при ихъ основаніи зачатокъ такого органа, который въ чешуйкахъ нашего ячменя не указывался; можетъ-быть, онъ уже готовъ былъ видѣть предъ собою доказательство измѣняемости въ цвѣточныхъ оболочкахъ; но новое изслѣдованіе открыло для него и въ нашихъ ячменяхъ этотъ же самый основной органъ. Итакъ, внимательное изученіе этихъ остатковъ растенія, изглоданнаго пятью или шестью ты-

¹ Чешуйкою (glume или pale) называютъ наружную оболочку цвѣтка злаковъ.

сѣчами лѣтъ, открыло существованіе признака, который столь мало выдается, что могъ ускользнуть отъ лупы множества ботаниковъ, и который тѣмъ не менѣе сохранился безъ перемѣны въ продолженіи столь длиннаго ряда вѣковъ.

Между растительными видами, нынѣ существующими, есть нѣкоторыя, представляющіе любопытную повѣрку этого вывода. Извѣстно, что число лѣтъ въ двудольныхъ деревьяхъ узнается по числу концентрическихъ слоевъ, изъ которыхъ состоитъ ихъ стволъ. Даже между нашими европейскими деревьями попадаются такіа, начало которыхъ по подобному счету можно возвести къ весьма отдаленной эпохѣ. На одномъ тисовомъ деревѣ, котораго обводъ былъ только около 1 метра и 50 центиметровъ, насчитали такихъ слоевъ 280. Но тисовое дерево изъ Фульбека, въ департаментѣ Эры, въ 1822 году имѣло 6 метровъ и 80 центиметровъ въ окружности; а такое же дерево въ Фортингаллѣ, въ Шотландіи, достигаетъ, говорятъ, почти 16 метровъ въ объемѣ. Отсюда Делоншанъ дѣлаетъ выводъ, что, если условія развитія для этихъ различныхъ деревьевъ были одни и тѣ же, то фульбекскій тисъ прожилъ отъ одиннадцати до двѣнадцати столѣтій, а фортингалльскій свыше трехъ тысячъ лѣтъ. Дубъ, свойственный нашимъ лѣсамъ, ведетъ къ такимъ же вычисленіямъ: онъ растетъ весьма медленно, и въ теченіи столѣтій иногда достигаетъ не болѣе 35 центиметровъ въ діаметрѣ. Послѣ этихъ лѣтъ возрастаніе его идетъ еще медленнѣе, и однакожь указываютъ дубы около 4-хъ метровъ въ діаметрѣ. Если судить о ихъ возрастѣ по ихъ толщинѣ, говорить тотъ же Делоншанъ, то имъ можно бы дать больше двѣнадцати вѣковъ.

Что касается до экзотическихъ деревьевъ, то они позволяютъ восходить до эпохъ еще болѣе отдаленныхъ. Адансонъ измѣряя на Зеленомъ Мысѣ одинъ баобабъ, котораго стволъ имѣлъ 22 метра въ окружности; сравнивая его съ болѣе молодыми особями, которыхъ возрастъ можно было опредѣлить, Адансонъ пришелъ къ заключенію, что этотъ гигантъ, повидимому, прожилъ болѣе пяти тысячъ лѣтъ. Голбери наблюдалъ другаго представителя изъ того же вида, который еще чудовищнѣе: этотъ достигалъ 34-хъ метровъ въ объемѣ; слѣдовательно, по этому, онъ долженъ быть, по всей вѣроятности, старше предыдущаго. Наконецъ, видъ колоссальной сосны, недавно открытый въ Калифорніи, гигантская Sequoia, достигаетъ иногда до 100 метровъ высоты, а толщиною, говорятъ, бываетъ

въ 10 метровъ. Считали концентрическіе слои одного изъ такихъ громаднѣхъ стволовъ; ихъ нашли больше шести тысячъ. Слѣдовательно, это дерево было современно первымъ египетскимъ династіямъ. И что же? всѣ эти ветераны современной флоры совершенно сходны, за исключеніемъ размѣровъ, съ болѣе юными деревьями того же вида, которыя окружаютъ ихъ и которыя отдѣлены отъ нихъ тысячами поколѣній.

Всѣ приведенные примѣры взяты изъ нынѣшняго геологическаго періода. Но мы можемъ на этотъ разъ идти далѣе того предѣла, предъ которымъ въ другихъ случаяхъ принуждены будемъ обыкновенно останавливаться; мы можемъ отнестись за указаніями къ той отдаленной эпохѣ, въ которую совершилось послѣднее общее явленіе, оставившее слѣды на нашемъ земномъ шарѣ. Счищая дилювіальные пески, вызывали къ жизни закопанныя сѣмена, которыя сохранили свои прозябательныя свойства въ теченіи неопредѣленнаго числа вѣковъ, но навѣрное гораздо большаго чѣмъ періодъ времени, отдѣляющій насъ отъ египетской цивилизаціи, даже при самой зарѣ ея. Сѣмена эти произрасли, я особи, изъ нихъ произшедшія, оказались совершенно сходны съ тѣми, которыя выросли въ условіяхъ обыкновенныхъ.¹

Изученіе животныхъ представляетъ намъ факты, совершенно равносильные тѣмъ, которые открываются изъ изслѣдованія надъ видами растительными. Здѣсь мы тоже обратимся прямо къ Египту. Живописныя изображенія, которыми покрыты стѣны египетскихъ подземелій, доставляютъ очень много элементовъ, способныхъ разъяснить нашъ вопросъ. Эти изображенія представляютъ намъ множество видовъ и породъ животныхъ, написанныхъ съ удивительною вѣрностію. Эти подземелья какъ бы кабинеты естественной исторіи, въ которыхъ удивительнымъ образомъ сохранены представители фауны, современной фараонамъ. Новѣйшими розысканіями вполне подтвердились выводы, извлеченные Жофферуа Сентъ-Илеромъ изъ своихъ

¹ Этотъ замѣчательный фактъ былъ наблюдаемъ г-мъ Мишале въ окрестностяхъ города Доля. Растеніе, которое такимъ образомъ вновь появилось, есть *Galium anglicum*; оно, едва извѣстное прежде въ той мѣстности, начало покрывать собою дилювіальные пески по мѣрѣ того, какъ рабочіе разрывали лопатами слои, оставшіеся до того времени совсѣмъ нетронутыми.

продолжительныхъ изслѣдованій въ гробницахъ еивскихъ, выводы, которые Ласепедъ вкратцѣ изложилъ, въ своемъ славномъ донесеніи, слѣдующимъ образомъ: «Изъ этой части собранія, составленнаго гражданиномъ Жофоруа, видно, что эти животныя совершенно сходны съ нынѣшними».

Благодаря сопротивленію, которое скелеты и раковины оказываютъ вліянію времени, отъ животныхъ, въ большемъ количествѣ чѣмъ отъ растений, уцѣлѣли въ четвертичныхъ пластахъ остатки, доступные къ изученію и распознаванію. Костяныя брекчіи, пещеры, загроможденные костями (такъ-называемыя каверны), равно какъ пески и аллювіальные пласты, сохранили большое число видовъ, которые палеонтологія сумѣла различить и сравнить съ видами существующими. Результаты этого сличенія весьма важны. Въ замѣчательномъ трудѣ своемъ о кавернахъ, г. Денуайе вкратцѣ изложилъ всѣ главные факты, какіе были собраны касательно млекопитающихъ, современныхъ эпохъ, о которой говоримъ. Виды ихъ очень многочисленны и естественно раздѣляются на три группы. Къ первому отдѣлу относятся тѣ виды, которые своими признаками ясно отличаются отъ нынѣшнихъ видовъ, и которые слѣдовательно исчезли или же, вслѣдствіе геологическихъ переворотовъ, измѣнились такъ, что нельзя узнать ихъ. Ко второму отдѣлу принадлежатъ виды, находящіеся и въ нынѣшней фаунѣ, но живущіе въ настоящее время только въ странахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ оттуда, гдѣ найдены ископаемые ихъ остатки, слѣдовательно такіе виды, которые, повидимому, дѣйствіемъ тѣхъ же переворотовъ переселены на другія мѣста. Третья группа состоитъ изъ видовъ, тождественныхъ съ тѣми, которые и нынѣ живутъ на тѣхъ же мѣстахъ, и которые, слѣдовательно, устояли противъ геологическихъ переворотовъ, не потерпѣвъ видоизмѣненій. Во всѣхъ трехъ группахъ иногда встрѣчается, что одинъ и тотъ же родъ имѣетъ своими представителями различныя виды. Итакъ, эти виды были одновременны, и, какому бы мнѣнію мы ни слѣдовали, нужно признать, что вліяніе, оказанное на нихъ измѣненіемъ среды, было очень различно.

Исторія низшихъ животныхъ, какъ то моллюсковъ и зоофитовъ, представляетъ совершенно такіе же факты. Еслибы мы захотѣли приводить многочисленные примѣры, мы затруднились бы только въ выборѣ. Ограничимся указаніемъ на результаты, собранные г. Агасисомъ, когда онъ изслѣдовалъ берега

Флориды. Известно, что нѣкоторые зоофиты тропическихъ морей въ известныхъ мѣстахъ живутъ безчисленными семействами, и что послѣдовательныя поколѣнія ихъ, надстраивая безпрестанно одинъ надъ другимъ известковые полипники, обитаемые этими маленькими существами, наконецъ воздвигаютъ, сначала на уровнѣ морскихъ теченій, а потомъ и выше волнъ, рифы, острова, даже цѣлые архипелаги. Это любопытное явленіе, сначала открытое въ Тихомъ Океанѣ, гдѣ оно развѣвается въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, найдено и въ Мексиканскомъ заливѣ, и было предметомъ глубокаго изученія для Агасиза. Этотъ естествоиспытатель полагаетъ, что можно съ точностію опредѣлить время, которое употребили на свое образованіе четыре коралловые рифа, замѣчательные своимъ концентрическимъ расположеніемъ, которые онъ нашелъ на самой южной оконечности Флориды. По его вычисленіямъ, нужно было около восьми тысячъ лѣтъ, чтобы привести ихъ въ нынѣшнее состояніе. Мало того, самая Флорида, на протяженіи двухъ градусовъ по широтѣ, по мнѣнію Агасиза, состоитъ только изъ коралловыхъ рифовъ, которые также построены полипами и спаяны одни съ другими дѣйствіемъ столѣтій. Онъ полагаетъ, что для образованія этого полуострова, необходимо времени около двухъ сотъ тысячъ лѣтъ. Но скалы этой страны, массы этихъ рифовъ, будучи въ сущности происхожденія животнаго, представляютъ намъ полипники и раковины, тождественныя съ тѣми, которыя ловятся и въ настоящее время, вполне живыя, во всѣхъ сосѣдственныхъ моряхъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Агасиза, моллюски, зоофиты Мексиканскаго залива, сохранили всѣ свои отличительныя признаки въ теченіи двухъ тысячъ вѣковъ.

Нельзя не видѣть, что защитники неизмѣняемости видовъ опираются на фактахъ важныхъ, дознанныхъ наблюденіемъ, и на доказательствахъ дѣльныхъ. Они могутъ сказать своимъ противникамъ: «мы преслѣдуемъ известное число растительныхъ или животныхъ видовъ до первыхъ историческихъ временъ, до шести или восьми тысячъ лѣтъ назадъ, и видимъ ихъ сходными съ тѣми, что они нынѣ. Мы переходимъ за предѣлы нынѣшней геологической эпохи, и находимъ еще известные виды, тождественныя съ тѣми, которые существуютъ и въ наше время. Не всѣ изъ видовъ, существовавшихъ при послѣднемъ переворотѣ земнаго шара, могли вынести новыя условія существованія. Нѣкоторые изъ нихъ переселились, не измѣ-

ннхъ вслѣдствіе этого; другіе исчезли. Зачѣмъ же допускать, что эти послѣдніе суть непосредственные предки нашихъ нынѣшнихъ видовъ? Этихъ исчезнувшихъ животныхъ мы знаемъ только по ископаемымъ остаткамъ; но и изъ этихъ остатковъ видно, какъ много эти исчезнувшіе животныя отличаются отъ тѣхъ изъ нынѣ-существующихъ видовъ, которые нынѣ принимаются за ихъ потомковъ. Гдѣ же слѣды тѣхъ послѣдовательныхъ видовизмѣненій, которыя неизбежно связывали бы между собою эти различныя формы, еслибы онѣ дѣйствительно происходили однѣ отъ другихъ? Ихъ нѣтъ нигдѣ. Итакъ, если судить по всѣмъ известнымъ фактамъ, по всѣмъ возможнымъ опытамъ, преобразование, измѣненіе вида есть чистая гипотеза, а истина заключается только въ ученіи о неподвижности вида.

Такова въ короткихъ чертахъ система доказательствъ Кювье, Бленвиля и ихъ болѣе или менѣе вѣрныхъ послѣдователей; но, какъ мы видѣли, подъ этими безусловными выраженіями скрываются подразумеваемые оговорки и ограниченія. Неземлемость, которую такъ громко провозглашаетъ эта школа, принимается только въ отношеніи къ признакамъ существеннымъ, основнымъ. Школа эта не могла говорить о *тождественности*; ея нѣтъ нигдѣ. Самъ Ламаркъ допускалъ *измѣнчивое постоянство*; точно также и школа, оспаривающая его, допускаетъ *известную измѣнчивость*. Мы намѣрены теперь приступить къ изученію явленій, сюда относящихся, и сначала припомнимъ тѣ изъ нихъ, которыя замѣчаются даже у одинокой особи, когда будемъ наблюдать ее въ разныя эпохи ея существованія

Не говоря о животныхъ, подлежащихъ превращеніямъ, у которыхъ такъ велики различія одного возраста отъ другаго; не говоря объ измѣненіяхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, которыми подвергается зародышъ, когда онъ еще заключенъ въ яйцѣ или въ утробѣ матери, кто не знаетъ, что во всѣхъ группахъ животнаго царства есть такіе виды, въ которыхъ молодыя особи такъ мало похожи на взрослыхъ, что только пристальныя наблюденія позволяютъ признать ихъ тождественными? Кто не знаетъ, что даже и между людьми, дитя, взрослый человекъ, старикъ, на первый взглядъ суть недѣлимые различныя? Скажутъ: эти перемѣны слѣдствіе нормальнаго развитія организма. Это правда, но самый фактъ весьма важенъ и долженъ остановить на себѣ наше вниманіе. Его одного достаточно для доказательства, что живая особь не есть нѣчто

безусловно постоянное, неподвижное. Она есть только опредѣленная нива, куда жизнь приноситъ и откуда уноситъ материалы, то совершая это непрерывно, то лишь въ нѣкоторые моменты, измѣняя въ то же время, въ извѣстныхъ предѣлахъ, тѣ формы, которыя служатъ отличительными признаками. Кто только дастъ себѣ достаточный отчетъ въ этихъ явленіяхъ, тотъ будетъ приготовленъ къ принятію и разумнѣйшю фактовъ другаго разряда, гораздо болѣе важныхъ съ той точки зрѣнія, которая занимаетъ насъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ видоизмѣненіями, въ извѣстномъ смыслѣ необходимыми, о которыхъ мы сейчасъ говорили, указывается еще на другія, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ нормальному развитію, видоизмѣненія случайныя. Ограничимся человѣкомъ: мы находимъ здѣсь, что особи иногда попеременно принимаютъ нѣкоторые признаки, свойственные другимъ человѣческимъ группамъ, по справедливости отличаемымъ одна отъ другой. Хотя и есть породы блѣлокурыхъ (блондиновъ) и породы смуглыхъ (брюнетовъ), но мы видимъ ежедневно, что блѣлокурые и румяные дѣти, при совершеннолѣтіи, мѣняются, получая черные волосы, а цвѣтъ лица блѣдный и темноватый. Хотя рѣже, но бываетъ иногда и обратный случай, и одинъ такой примѣръ я знаю. Въ родахъ бѣлыхъ *меланизовъ*, то-есть черной цвѣтъ кожи, довольно часто появляется мѣстно и временно, напримѣръ у беременныхъ женщинъ. Камперъ сообщаетъ наблюденіе, сдѣланное имъ надъ одною молодою женщиною, у которой, при первой ея беремености, рѣшительно все тѣло, за исключеніемъ только лица и шеи, приняло цвѣтъ совершенной негрятки. Одинъ изъ моихъ слушателей, давній медикъ, говорилъ мнѣ, что въ своей практикѣ онъ встрѣтилъ почти такой же фактъ. Съ другой стороны, докторъ Гаммеръ и Бюффонъ сообщаютъ очень достовѣрные примѣры о неграхъ, сдѣлавшихся бѣлыми. У нихъ говорится объ одномъ молодомъ человѣкѣ и объ одной дѣвушкѣ, которыя оба, около пятнадцати или шестнадцати-лѣтняго возраста, стали сѣдѣть, первый вслѣдствіе одного легкаго припадка, а послѣдняя безъ явной причины. Впрочемъ, явленія въ обоихъ случаяхъ были почти тождественны: измѣненіе въ цвѣтъ произошло послѣдовательно. Общій цвѣтъ тѣла сначала сталъ слабѣе въ своей чернотѣ, потомъ явились бѣлыя пятна, которыя стали понемногу увеличиваться и покрыли все тѣло. Прежній цвѣтъ у этихъ обоихъ субъ-

ектовъ уцѣлѣвъ кое-гдѣ въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, а на измѣнившихся частяхъ сохранились отбѣтины, похожія на *родимыя пятлушки* или на *веснушки*. Волосы тоже подверглись вліянію этой перемѣны, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кожа побѣлѣла, сдѣлались также или бѣлыми или русыми. При этомъ оба субъекта сохранили совершенное здоровье. Всѣ отправленія ихъ продолжали дѣйствовать весьма правильно. Особенно кожа вовсе не представляла слѣдовъ болѣзни; она была розоваго цвѣта и во всемъ сходна съ кожей человѣка бѣлой породы. Гаммеръ и Бюффонъ не безъ основанія оставились на этихъ послѣднихъ подробностяхъ; онѣ доказываютъ, что здѣсь совершилось настоящее преобразование, и что перемѣна цвѣта не должна быть приписана одному изъ тѣхъ поражений кожи, какія замѣчаемы были многими путешественниками, и въ особенности г-мъ д'Абади, — поражений, вслѣдствіе которыхъ у иныхъ породъ черная кожа принимаетъ бѣлый матовый и блѣдный цвѣтъ.

Такимъ образомъ особь никогда не остается безъ измѣненій въ теченіи своей жизни; напротивъ, она можетъ испытать даже очень значительныя измѣненія, не подвергаясь черезъ то опасности въ своемъ существованіи. Изъ этихъ общихъ фактовъ можно уже заключить, что, принимая во всей строгости опредѣленіе самого Бленвиля, должно ожидать, болѣе или менѣе рѣзкихъ различій между представителями каждаго вида. Ежечасный опытъ подтверждаетъ это заключеніе. У растений, точно такъ же какъ у животныхъ и у человѣка, тождество является только въ видѣ факта совершенно исключительнаго. Извѣстенъ разказъ придворныхъ Альфонса Мудраго, которые отыскивали два листика точь-въ-точь сходные между собою; извѣстно также, что каждый хорошій пастухъ легко узнаетъ и очень хорошо различаетъ каждую овцу въ своемъ стадѣ, и басня о двойникахъ, кромѣ случаевъ бывающихъ съ близнецами, осуществилась, можетъ-быть, одинъ только разъ въ лицѣ Мартина Гера и Арнольда Тиля.

Весьма легкіе признаки, служащіе единственно къ различенію другъ отъ друга представителей одного и того же вида, суть не что иное, какъ *черты индивидуальныя, отпѣлки*, какъ называлъ ихъ Исидоръ Жоффуа. Какъ только эти различія переходятъ извѣстный предѣлъ, они даютъ начало *разновидности*. Разновидность, оставаясь почти всегда индивидуальною у человѣка, равно какъ и у животныхъ или

растений, воспроизводя себя только путем преемственных генераций, может, однако, заключать въ себѣ неопредѣленное число особей, когда относится къ виду, способному размножаться какимъ-нибудь генеагенетическимъ способомъ; но даже и въ этомъ случаѣ отличительные признаки разновидности никогда не переходятъ отъ одной генерации къ другой. Заимствую здѣсь изъ г. Шевреля одинъ очень замѣчательный примѣръ, который можетъ дать понятіе объ этомъ различіи. Въ 1803 или въ 1805 году г. Десме (Desmet) въ своемъ разсадникѣ въ Сень-Дени нашелъ, на градѣ душистой акаціи (*Robinia-pseudo-acacia*), одну особь безъ шиповъ, которую онъ означилъ эпитетомъ *spectabilis*. Отъ этой-то особи, размноженной отводками, черенками или прививками, и происходятъ всѣ акаціи безъ шиповъ, которыя распространены нынѣ по всѣму свѣту. Особи эти производятъ сѣмена; однакожь когда посѣять эти сѣмена, отъ нихъ акаціи рождаются только съ шипами. Акація *spectabilis* осталась на степени разновидности.

Разновидность можетъ быть опредѣлена такъ: она есть *недѣлимое или совокупность недѣлимыхъ, одной и той же половой генерации, различающаяся отъ другихъ представителей того же вида однимъ или нѣсколькими исключительными признаками*. Эти признаки сами могутъ получать большее или меньшее развитіе, а потому разновидность можетъ иногда нечувствительно переходить съ одной стороны въ разрядъ простыхъ индивидуальныхъ чертъ о которыхъ мы сейчасъ говорили, а съ другой стороны въ разрядъ самыхъ легкихъ уродливостей, которыя г. Жоффуа назвалъ *полууродливостями* (*hémiteries*)¹.

Отсюда видно, какъ многочисленны и какъ различны могутъ быть разновидности одного и того же вида. Въ каждомъ существѣ нѣтъ ни одной части, которая не могла бы увеличиться, уменьшиться, или видоизмѣниться на тысячу ладовъ, и каждый разъ, какъ только это увеличеніе, уменьшеніе, видоизмѣненіе перейдутъ за предѣлъ индивидуальныхъ чертъ (предѣлъ, правда, не точный, но на практикѣ уловимый), мы получимъ новую разновидность.

Когда признаки, отличающіе разновидность, переходятъ къ потомству того растенія или животнаго, которое впервые обна-

¹ *Histoire générale et particulière des anomalies de l'organisation.*

ружило ихъ въ себѣ, когда они становятся наследственными, тогда образуется *порода*. Напримеръ, еслибъ одна изъ акацій, о которыхъ мы только-что упомянули, принесла сѣмена, изъ которыхъ стали бы выростать деревья тоже безъ шиповъ, еслибъ и эти деревья, въ свою очередь, имѣли такое же свойство, еслибъ акація *spectabilis* получила такимъ образомъ способность естественно воспроизводить себя, она перестала бы тогда быть простою разновидностью, она составила бы породу. Поэтому порода есть *совокупность сходныхъ недлиныхъ одного и той же вида, получившихъ и передающихъ путемъ рожденія признаки первоначальной разновидности*. Въ основаніи своемъ, это опредѣленіе отличаеь только большею точностію въ указаніи происхожденія, сходится съ опредѣленіемъ Бюффона, который говоритъ: «Порода есть постоянная и сохраняющаяся размноженіемъ разновидность»; или съ опредѣленіемъ Ришара, который выражается такъ: «Извѣстныя разновидности постоянны, и воспроизводятъ себя всегда съ одними и тѣми же признаками; этимъ-то разновидностямъ и дано названіе породъ.» Еслибъ я захотѣлъ привести еще нѣсколько подобныхъ цитатъ, мы увидѣли бы, что между натуралистами всѣхъ школъ существуетъ поистинѣ замѣчательное согласіе насчетъ этого пункта науки, и что даже. ученики Ламарка сходятся здѣсь съ послѣдователями Кювье ¹

Число породъ, которыя могутъ происходить отъ одного вида, тоже совершенно неопредѣленно; оно можетъ быть точно такъ же значительно, какъ и число самыхъ разновидностей, потому что нѣтъ ни одной разновидности, признаки которой не могли бы при данныхъ условіяхъ сдѣлаться наследственными. Сверхъ того, эти первоначальныя породы, непосредственно происшедшія отъ общаго вида, способны въ свою очередь подвергаться видоизмѣненіямъ, которыя могутъ остаться индивидуальными или передаваться чрезъ размноженіе. Каждое изъ этихъ видоизмѣненій даетъ такимъ образомъ начало разновидностямъ, породамъ второстепен-

¹ Здѣсь говорится только о настоящихъ породахъ. Что же касается до породъ смѣшанныхъ, то-есть зоологическихъ или ботаническихъ разрядовъ, происходящихъ отъ скрещиванія двухъ различныхъ видовъ, то мы предоставляемъ себѣ рассмотреть ихъ позже съ тою тщательностію, какой онѣ заслуживаютъ, и дадимъ надлежащую оцѣнку тому, что было въ разное время говорено по этому предмету.

нымъ, и это явленіе можетъ повторяться неопредѣленное число разъ. Наши растенія, наши домашнія животныя, представляютъ множество примѣровъ въ этомъ отношеніи. Они даютъ видѣть, на сколько подобнымъ путемъ увеличивается число видоизмѣненной первоначальнаго видоваго типа. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, каждый видъ представляетъ намъ подобіе дерева, на которомъ возвышающійся стволъ отдѣляетъ отъ себя въ разныхъ направленіяхъ и на разной высотѣ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, главныя отрасли; а эти послѣднія, въ свою очередь, подраздѣляются на второстепенныя отрасли, вѣтви, вѣтки, которые всѣ различны между собою, однакожъ всѣ посредственно или непосредственно происходятъ отъ первоначальнаго ствола. Чтобы продолжить сравненіе до конца, можно сказать, что въ этомъ воображаемомъ деревѣ разновидности представляютъ почки-выродками.

Этотъ наглядный образъ имѣетъ ту выгоду, что легче даетъ понять отношенія, находящіяся между тремя категоріями существъ, весьма часто смѣшиваемыя въ рѣчи: *видъ, породу, разновидность*. Нельзя не видѣть, что всякая порода, всякая разновидность связана съ видомъ, подобно тому какъ всякая вѣтка, всякая почка прикрѣплена къ какому-нибудь стволу, нельзя не видѣть, что каждый видъ, вмѣстѣ съ особями сохранившими первоначальный типъ, содержитъ въ себѣ и всѣхъ особей болѣе или менѣе удалившихся отъ этого типа, но связанныхъ съ нимъ непрерывною преемственностію происхожденія, точно такъ же, какъ дерево состоитъ изъ вѣтвей, и изъ отраслей, которыя всѣ прикрѣпляются къ стволу. Нельзя наконецъ тронуть ни малѣйшаго сучка, не оказывая дѣйствія на дерево, котораго онъ составляетъ часть, и этимъ простымъ сравненіемъ подтверждается другой выводъ, весьма важный для занимающаго насъ вопроса, именно: что всякое видоизмѣненіе, отпечатлѣнное на какой-нибудь породѣ, отзывается въ дѣйствительности и на видѣ, отъ котораго эта порода посредственно или непосредственно произошла.

Теперь, предположимъ, что стволъ нашего дерева обратился въ короткій пенъ, который глубоко засыпали и закрыли намывными землями: какъ узнать произведенія ли этого пня — тѣ главныя отрасли, которыя отдѣльно выступаютъ изъ почвы, или же это стволы различныхъ деревьевъ? Естественныя испытатели очень часто находятся въ такомъ же затрудненіи, какое испытывалъ бы лѣсовщикъ, когда бы отъ него потребовали, чтобы

онъ рѣшилъ такой вопросъ по первому взгляду. Рассматриваемыя сами по себѣ, безъ вниманія къ происхожденію, порода и видъ много сходны между собою. Въ породахъ, твердо установившихся, отличительные признаки столько же сходны у одного недѣлимаго съ другимъ, у отца съ сыномъ, сколько въ чистыхъ и наименѣе измѣнившихся видахъ; передача ихъ также правильна. Оттого натуралистамъ ежедневно приходится видѣть предъ собою группы животныхъ или растений, которыя въ одномъ сходны между собою, въ другомъ несходны, а между тѣмъ взаимныя отношенія ихъ неизвѣстны; такимъ образомъ весьма часто приходится предлагать себѣ вопросъ, должны ли эти группы быть отдѣлены однѣ отъ другихъ какъ различные виды, или же онѣ должны быть соединены подъ названіемъ породъ въ одинъ видъ. Точь-въ-точь въ такомъ смыслѣ становится вопросъ, когда идетъ рѣчь о человѣкѣ. Для устраненія этихъ затрудненій необходимо было серьезное сравнительное изученіе человѣка, а мы смѣло говоримъ, что такое изученіе вовсе и не могло быть предпринято ранѣе нашего времени. Нужны были соединенныя усилія новѣйшей науки и новѣйшей промышленности, чтобы разрѣшить множество тѣхъ мелкихъ вопросовъ о подробностяхъ, которые одни въ естественной исторіи приводятъ къ общимъ воззрѣніямъ. Если позволительно дѣлать теперь заключенія, скажемъ напередъ, что, только благодаря этому взаимному содѣйствію, можно сгруппировать достаточную сумму результатовъ и показать, что все они ведутъ къ одной и той же цѣли, опираясь на двойной рядъ фактовъ, которые въ свою очередь соотвѣтствуютъ двумъ главнымъ идеямъ въ опредѣленіи вида—идеѣ сродства и идеѣ филіаціи. Эти-то результаты теперь и должны мы изложить, представивъ напередъ исторію породъ.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА ¹

XL.

Хорошо, что я принялъ всѣ предосторожности для безопасности моего страшнаго посѣтителя. Когда я проснулся, мысль эта тяжело лежала у меня на умѣ, повергая въ ужасный хаосъ всѣ прочія мысли.

Я видѣлъ ясно всю невозможность скрывать его на моей квартирѣ. Сдѣлать этого было нельзя, и всякая попытка возбудила бы только подозрѣніе. Правда, я прогналъ уже отъ себя мстителя; но за мной ходила ворчунья старуха, при содѣйствіи одушевленнаго мѣшка съ тряпьемъ, который она называла своею племянницей, и запереть отъ нихъ комнату значило бы только возбудить ихъ любопытство. У нихъ у обѣихъ было очень слабое зрѣніе; и я приписывалъ это обстоятельство постоянной привычкѣ ихъ подсматривать въ замочныя скважины и являться именно тогда, когда онѣ были всего менѣе нужны; дѣйствительно, кромѣ воровства, это было ихъ единственная добродѣтель. Во избѣжаніе всякой таинственности, я рѣшился объявить имъ въ это утро, что мой дядя неожиданно пріѣхалъ изъ провинціи.

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2—6.

Я принялъ этотъ планъ, когда еще было совершенно темно, и сталъ ощупью искать огня. Не найдя его, я принужденъ былъ отправиться въ ближайшую сторожку и позвать сторожа, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ съ фонаремъ. Пробираясь ощупью внизъ, по совершенно темной лѣстницѣ, я споткнулся на что-то: это былъ человѣкъ, согнувшійся въ углу.

Человѣкъ этотъ не далъ мнѣ никакого отвѣта, когда я у него спросилъ что онъ тутъ дѣлалъ, но онъ молча уклонился отъ меня; я побѣжалъ въ сторожку и попросилъ сторожа, чтобъ онъ поспѣшалъ за мною, разказавъ ему что со мной случилось на лѣстницѣ. Вѣтеръ свирѣпствовалъ попрежнему; мы не зажигали потухшихъ фонарей на лѣстницѣ, чтобы не погасить огня въ нашемъ фонарѣ, но осмотрѣли тщательно всю лѣстницу сверху до низу, и никого не нашли. Мнѣ пришло въ голову, что неизвѣстный человѣкъ могъ забраться въ мои комнаты; я засвѣтилъ свѣчу, поставивъ сторожа у дверей, тщательно осмотрѣлъ мои комнаты, включая и ту, гдѣ спалъ мой страшный гость. Все было спокойно, и никого еще не оказалось въ моей квартирѣ.

Меня очень беспокоило, что на лѣстницѣ случился какой-то подглядчикъ и именно въ эту ночь; я спросилъ сторожа, подавая ему рюмку водки, въ надеждѣ получить отъ него какое-нибудь объясненіе, не впускалъ ли онъ въ свою калитку джентльмена, который, какъ можно бы заключить по виду, возвращался съ обѣда?—Да, сказалъ онъ, троиухъ впустилъ въ разное время ночи. Одинъ живетъ на дворѣ фонтана; а другіе живутъ въ переулкѣ, и онъ всѣхъ проводилъ до дому. Потомъ другой джентльменъ, жившій въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ была моя квартира, уѣхалъ за городъ нѣсколько недѣль тому назадъ, и конечно онъ не возвратился въ эту ночь, потому что, подымаясь по лѣстницѣ, онъ замѣтилъ печать на его двери.

— Ночь была такая ужасная, сэръ, сказалъ сторожъ, отдавая мнѣ назадъ рюмку,—что очень не многіе прошли въ мою калитку. Кромѣ этихъ трехъ джентльменовъ, которыхъ я вамъ назвалъ, не могу припомнить никого до одиннадцати часовъ, когда васъ спросилъ какой-то незнакомецъ.

— Мой дядя, пробормоталъ я.

— Вы его видѣли, сэръ?

— Да. О да!

— И также человѣка, который былъ съ нимъ?

— Человѣка съ ними! повторилъ я.

— Мнѣ показалось, что съ ними былъ человѣкъ, отвѣчалъ сторожъ.—Человѣкъ этотъ остановился, когда онъ остановился, чтобы спросить у меня про васъ, и пошелъ за нимъ, когда онъ пошелъ.

— Что это былъ за человѣкъ?

Сторожъ не обратилъ на него особеннаго вниманія: ему показалось это былъ рабочій; на немъ было надѣто пыльнаго цвѣта платье, подѣ темнымъ пальто. Сторожъ говорилъ объ этомъ слегка, очевидно не имѣя повода, подобно мнѣ, приписывать особенную важность этому обстоятельству.

Когда я отдѣлался отъ него, не продолжая, въ видахъ осторожности, дальнѣйшихъ разспросовъ, эти два обстоятельства очень волновали меня. Взятая порознь, они легко могли быть объяснены; на примѣръ какой-нибудь весельчакъ, возвращавшійся съ обѣда, могъ не проходя въ калитку моего сторожа, забрести на мою лѣстницу и заснуть тамъ—или съ моимъ гостемъ былъ какой-нибудь человѣкъ, показалъ ему дорогу — все-таки оба эти обстоятельства, взятая вмѣстѣ, производили очень непріятное впечатлѣніе на человѣка боязливаго и недоувѣрчиваго, какимъ меня сдѣлали перемѣны, случившіяся въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ.

Я затопилъ каминъ, который горѣлъ въ этотъ ранній часъ утра блѣднымъ, сырмъ пламенемъ, и задремалъ передъ нимъ. Мнѣ казалось, что я проспалъ тутъ всю ночь, когда часы пробилъ шесть. Еще оставалось цѣлыхъ полтора часа до разсвѣта, и я снова задремалъ; меня безпрестанно будили то какой-то говоръ въ моихъ ушахъ, то вѣтеръ, завывавшій въ трубѣ и казавшійся мнѣ громомъ; наконецъ я заснулъ крѣпкимъ сномъ, изъ котораго пробудилъ меня, въ испугѣ, дневной свѣтъ.

Я все еще не могъ сообразить моего положенія. У меня не было силы сосредоточить на немъ мое вниманіе, я былъ слишкомъ несчастливъ, слишкомъ упалъ духомъ. Я открылъ ставни и посмотрѣлъ на дождливое утро, на небо свинцоваго цвѣта, потомъ походилъ по комнатамъ, и сѣлъ, дрожа отъ холода, передъ огнемъ, ожидая появленія моей прачки, и все это время я думалъ объ одномъ, какъ я несчастливъ, не сознавая какъ давно случилось это несчастье, откуда оно пришло, когда, въ который день недѣля я узналъ о немъ, или даже что за личность я былъ самъ.

Наконецъ пришла старуха съ своею племянницей—голову послѣдней было очень трудно отличить отъ ея половой щетки—и обѣ онѣ очень удивились, увидѣвъ меня передъ каминомъ. Я сообщилъ имъ, что мой дядя пріѣхалъ въ эту ночь и спалъ въ сосѣдней комнатѣ, и что онѣ должны сдѣлать прибавленіе къ завтраку. Потомъ я умылся и одѣлся, пока онѣ передвигали мебель, подымали пыль, и не помню самъ, какъ я очутился опять у камина, ожидая появленія ея къ завтраку.

Наконецъ дверь его комнаты отворилась, и онѣ вошли. Я не могъ принудить себя смотрѣть на него, и при дневномъ свѣтѣ онѣ показались мнѣ еще хуже.

— Я даже не знаю, сказалъ я тихо, когда онѣ сѣлъ къ столу,—какимъ именемъ мнѣ называть васъ. Я здѣсь выдалъ васъ за моего дядю.

— И отлично, мой милый малый, зовите меня дядей.

— Я полагаю, на кораблѣ вы приняли какое-нибудь имя.

— Да, милый малый, я называлъ себя Провисомъ.

— Намѣрены вы удержать это имя?

— Разумется, мой милый малый, оно не хуже другаго; развѣ вамъ полюбится какое другое имя.

— Какъ ваше настоящее имя? спросилъ я его шепотомъ.

— Магичъ, отвѣтилъ онѣ шепотомъ,—при крещеніи названъ Авелемъ.

— Къ чему васъ готовили?

— Готовили меня быть тварюгою, милый малый.

Онѣ сдѣлалъ этотъ отвѣтъ совершенно серьезно, и употребилъ это слово, какъ будто оно означало какое-нибудь занятіе.

— Когда вы пришли въ Темплъ вчера вечеромъ.... сказалъ я, остановившись, чтобы подумать, дѣйствительно ли это было вчера вечеромъ: мнѣ казалось, это случилось такъ давно.

— Ну такъ что же, милый малый?

— Когда вы пришли къ калиткѣ и спросили сторожа показать вамъ сюда дорогу, не было съ вами никого?

— Со мной? нѣтъ, милый малый.

— Но не было ли тамъ кого-нибудь.

— Я не обратилъ особеннаго вниманія, сказалъ онѣ сомнительно, — мѣсто это мнѣ незнакомое. Но мнѣ кажется кто-то вошелъ вмѣстѣ со мной.

— Извѣстно ли, что вы въ Лондонѣ?

— Надѣсь, что нѣтъ, сказалъ онъ, прищелкивая по шеѣ; меня такъ и бросило въ жаръ отъ этого жеста.

— Были вы извѣстны въ Лондонѣ въ прежнее время?

— Не слишкомъ, милый малый. Я жилъ больше въ провинціи.

— Васъ въ Лондонѣ судили?

— Въ который разъ? спросилъ онъ съ быстрымъ взглядомъ.

— Въ послѣдній?

Онъ кивнулъ въ знакъ согласія.

— Здѣсь-то я и сошелся съ мистеромъ Джагеромъ. Джагеръ былъ за меня.

Мнѣ такъ и хотѣлось спросить за что его судили; но онъ взялъ ножикъ, размахнулся имъ и, сказавъ:—«Чтобы я тамъ ни сдѣлалъ, я за то уже заплатился,» принялся завтракать.

Онъ ѣлъ съ такою жадностью, что смотрѣть было неприятно, и всѣ его манеры были такія косолапыя, грубыя, алчныя. У него выпало нѣсколько зубовъ, съ тѣхъ поръ какъ мы встрѣтились съ нимъ впервые на болотѣ, и когда онъ въ первый разъ ѣлъ передо мной; онъ перекидывалъ пищу во рту и наклонялъ голову на сторону, чтобы подхватить ее еще на оставшіеся клыки, словно старый голодный песъ. Еслибъ я приступилъ къ моему завтраку съ аппетитомъ, то онъ бы отбилъ его у меня; я бы и тогда сидѣлъ ничего не касаясь и мрачно смотря на скатерть.

— Я большой ѣдокъ, милый малый, сказалъ онъ, какъ бы извиняясь, когда онъ окончилъ свой завтракъ.—Но я былъ всегда таковъ; будь я отъ природы ѣдокъ полегче, я бы не попался въ такую бѣду. Люблю я также и покурить. Когда я нанялся въ первый разъ въ пастухи на томъ краю свѣта, я бы пожалуй самъ превратился въ барана, страдающаго мехлюндією, не будь у меня трубки.»

Сказавъ это, онъ всталъ изъ-за стола и запустилъ руку въ боковой карманъ своего гороховаго сюртука, вынулъ изъ него черную короткую трубку и горсть простаго табаку, извѣстнаго подъ именемъ негровой головы. Набивъ себѣ трубку, онъ положилъ оставшіяся табакъ назадъ въ карманъ, будто въ ящикъ, потомъ взялъ горящій уголь щипцами изъ камня, закурилъ свою трубку, и повернувшись спиною къ огню, протянулъ мнѣ обѣ свои руки.

— И это вотъ, сказалъ онъ, раскачивая вверхъ и внизъ мои руки, и выпуская клубы дыма,—это вотъ джентльменъ, котораго я сдѣлалъ! Настоящій джентльменъ, безъ всякой фальши! Мнѣ такъ

пріятно смотрѣть на васъ, Пипъ. Я болѣе ничего не желаю, какъ только стоять около васъ и смотрѣть на васъ, милый малецъ!

Я высвободилъ мои руки, при первой возможности. Тутъ я мало-по-малу начиналъ понимать мое положеніе. Я началъ понимать теперь, слыша его хриплый голосъ, смотря на его сѣдую голову, покрытую глубокими рубцами, съ сѣдыми волосами на вискахъ и на затылкѣ, къ кому я былъ прикованъ и какъ крѣпко прикованъ.

— Я и думать не хочу, чтобы мой джентльменъ пѣшкомъ ходилъ по грязнымъ улицамъ; грязь не должна касаться его сапогъ. Мой джентльменъ, Пипъ, долженъ держать лошадей! Лошадей верховыхъ и каретныхъ для себя и для своей прислуги. И поселенцы держутъ лошадей (и еще, слава Богу, чистокровныхъ), а чтобъ у моего лондонскаго джентльмена ихъ не было! Нѣтъ, нѣтъ. Мы покажемъ имъ еще другую пару башмаковъ, Пипъ, не такъ ли?

Онъ вынулъ изъ кармана толстый портфель, наполненный бумагами, и бросилъ его на столъ.

— Въ этомъ портфелѣ, мой милый малый, есть на что расходиться. Все ваше. Все, что я имѣю—не мое; все это ваше. Не бойтесь за меня; тамъ еще есть много, откуда это пришло. Я пріѣхалъ на старую родину, чтобы посмотреть, какъ мой баричъ станетъ тратить деньги побарски. Вотъ будетъ мнѣ потѣха. И раздуй васъ всѣхъ горой, прибавилъ онъ въ заключеніе, окинувъ взглядомъ комнату и прищелкнувъ пальцами, —раздуй васъ всѣхъ до одного, отъ судьи въ парикѣ и до послѣдняго поселенца, который брызгалъ на меня грязью, я вамъ покажу джентльмена почище всей вашей брати!

— Остановитесь! сказалъ я почти въ изступленіи отъ страха и отвращенія къ нему:—я долженъ переговорить съ вами. Я долженъ знать что мнѣ дѣлать, я долженъ знать какъ избавить васъ отъ опасности, какъ долго намѣрены вы здѣсь остаться, какіе у васъ планы?

— Послушайте, Пипъ, сказалъ онъ, взявъ меня за руку, вдругъ лѣтѣвшимися и покорнымъ тономъ.—Выслушайте меня прежде всего. Я забылся въ эту минуту. Вѣдь это такъ грубо, что я сказалъ; такъ по-мужицки, вотъ оно что. Послушайте, Пипъ. Ужь пропустите такъ на первый разъ. Я ужь себя впередъ не покажу мужикомъ.

— Впередъ, началъ я снова почти стона, —какія надо при-

вить предосторожности, чтобы васъ не узнали и не схватили?

— Нѣтъ, милый малый! сказалъ онъ тѣмъ же тономъ, какъ и прежде:—это не вопервыхъ, а вопервыхъ-то мужицкая грубость; это прежде всего. Я не даромъ столько лѣтъ готовилъ джентльмена; я знаю какъ вести себя передъ нимъ. Вотъ что, Пипъ. Я былъ грубъ, вотъ оно что; просто мужикъ. Ужъ пропустите это на первый разъ, милый малый.

Эта мрачная карриатура разсмѣшила меня, и я отвѣтилъ:—Я не замѣтилъ этого. Но ради Бога не повторяйте тысячу разъ одного и того же!

— Оно такъ, но послушайте, продолжалъ онъ.—Милый малый, я прѣхалъ изъ такой дали не для того чтобы вести себя мужикомъ. Теперь извольте говорить, милый малый. Такъ вы что говорили?

— Какъ убережъ васъ отъ опасности, которой вы себя подвергли?

— Ну, милый малый, опасность не такая большая. Если только на меня опять не донесутъ, то опасности нѣтъ никакой. Джагерсъ, Вемигъ, да вы въ секретъ, и только. Кому же еще доносить?

— Не найдется ли кого-нибудь, кто бы могъ признать васъ на улицѣ? сказалъ я.

— Ну, отвѣтилъ онъ,—такихъ найдется немного. Да я же и не стану объявлять въ газетахъ, что Авель Магичъ вернулся изъ Ботани-бея. Съ тѣхъ поръ много лѣтъ прошло; и кому отъ этого выгода? Все-таки выслушайте меня, Пипъ, еслибъ опасность была въ сто разъ болѣе, я бы точно также прѣхалъ взглянуть на васъ.

— И какъ долго вы останетесь?

— Какъ долго? сказалъ онъ, вынимая свою черную трубку изъ рта и въ удивленіи опускающая челюсть.—Я не намѣренъ уѣзжать назадъ. Я прѣхалъ совсѣмъ.

— Гдѣ же вы будете жить? сказалъ я.—Что мнѣ съ вами дѣлать? Гдѣ вы можете оставаться въ совершенной безопасности?

— Милый малый, отвѣтилъ онъ,—за деньги можно купить парикъ, пудру, очки, черные бѣраки. Другіе дѣлали же это прежде меня и совершенно безопасно; а что было сдѣлано одинъ разъ, можетъ быть сдѣлано и въ другой разъ. А гдѣ и какъ жить, милый малый, такъ ужъ тутъ вы мнѣ посоветуйте.

— Теперь вы говорите объ этомъ легко, сказалъ я,—но вчера

вечеромъ для васъ это было важное дѣло; вы клялись, что вамъ это будетъ стоить жизни.

— И теперь клянусь, что это можетъ быть смерть моя, сказалъ онъ, опять принимаясь за трубку,—и смерть на висѣлицѣ, на площади, по сосѣдству отсюда. И надобно вамъ знать, что тутъ отъ висѣлицы не отвертишься. Чтò же было дѣлать? Я здѣсь. Воротиться назадъ такъ же скверно, какъ и оставаться здѣсь, еще хуже. Кромѣ того, Пипъ, я сюда прїѣхалъ, потому что я объ этомъ уже давно задумалъ. Что же касается до опасности, то я старый воробей, бросаюсь я на всякіе силки съ тѣхъ поръ какъ оперился, и не побоюсь, если меня ведрнуть, какъ воронье пугало. Если тутъ моя смерть, такъ ея не избѣжишь; пусть ее выходитъ; я ее встрѣчу лицомъ къ лицу, и только тогда ей повѣрю, не прежде. Ну теперь дайте мнѣ опять полюбоваться на моего джентльмена.

Еще разъ взялъ онъ меня за руки и посмотрѣлъ на меня съ видомъ довольнаго владѣльца, продолжая все время курить съ большимъ наслажденіемъ.

Мнѣ казалось, что лучше всего было нанять для него какую-нибудь спокойную квартиру по сосѣдству, куда бы онъ могъ переѣхать, когда возвратится Гербертъ, котораго я ожидалъ дня черезъ два или три. Для меня было ясно, что эту тайну необходимо довѣрить Герберту, даже оставя въ сторонѣ то утѣшеніе, котораго я могъ ожидать отъ него. Но мистеръ Провисъ (я рѣшился такъ называть его) вовсе не хотѣлъ понять это; онъ не соглашался сдѣлать Герберта соучастникомъ тайны, пока его не увидитъ и не составитъ выгоднаго о немъ мнѣнія, по его физіономіи.

— Да и тогда, милый малый, сказалъ онъ, вынимая изъ кармана черный, засаленный экземпляръ Евангелія съ застежками,—мы его приведемъ къ присягѣ.

Я не стану утверждать, чтобы мой ужасный покровитель носилъ эту книгу только для того, чтобы приводить людей къ присягѣ въ случаѣ необходимости, въ этомъ фактѣ я не успѣлъ удостовѣриться; но я могу сказать одно: я никогда не видѣлъ, чтобы онъ дѣлалъ изъ нея другое уповрѣбленіе. Самая книга, повидимому, была украдена изъ какого-нибудь судебного мѣста, и можетъ-быть зная ея прежнюю исторію, и имѣя передъ собою свой собственный опытъ, онъ полагался на ея силу какъ на какой-то юридическій талисманъ. Когда онъ вынулъ ее, я вспомнилъ, какъ онъ заставлялъ меня, тогда, давно,

клясться въ вѣрности на кладбищѣ, и какъ онъ разказывалъ вчера, что въ своемъ уединеніи онъ безпрестанно клялся исполнить свои намѣренія.

Онъ былъ въ мореходномъ костюмѣ, въ которомъ онъ былъ очень похожъ на контрабандиста, предлагающаго купить у него сигаръ, и я сейчасъ же принялся толковать съ нимъ, какое ему лучше носить платье. У него была странная увѣренность въ короткіе штаны, которые казались ему лучше всего за костюмируютъ его; и онъ сочинилъ въ своемъ воображеніи нѣчто среднее между костюмами благочиннаго и дантиста. Съ большимъ трудомъ я успѣлъ убѣдить его одѣться зажиточнымъ фермеромъ, и мы положили, чтобъ онъ остригъ себѣ подъ гребенку волосы и слегка напудрилъ ихъ. Наконецъ я посоветовалъ ему, такъ какъ моя прачка и ея племянница еще не видали его, не показываться имъ, пока онъ не переиѣнитъ своего платья.

Сообразить эти предосторожности кажется простая вещь, но въ моемъ разстроенномъ положеніи, это взяло у меня столько времени, что я не успѣлъ выйти изъ дому ранѣе двухъ или трехъ часовъ. Въ мое отсутствіе онъ долженъ былъ оставаться взаперти и ни подъ какимъ видомъ не отворять дверей.

Я зналъ въ улицѣ Эссексъ одинъ очень хорошій домъ отдававшійся отдѣльными квартирами; заднія окошки этого дома выходили въ Темплъ, такъ что оттуда почти можно было переговариваться со мною въ окно. Я отправился въ этотъ домъ и нанялъ тамъ квартиру во второмъ этажѣ, для моего дяди, мистера Провиса. Потомъ я пошелъ по лавкамъ и сдѣлалъ необходимыя покупки для его туалета. Исполнивъ все это, я повернулъ въ Литлъ Бритентъ. Мистеръ Джагерсъ сидѣлъ за своимъ столомъ; но, увидя меня, сейчасъ же поднялся и сталъ передъ огнемъ.

— Ну, Пипъ, сказалъ онъ,—будьте осторожны.

— Буду, сэръ, отвѣчалъ я; дорогой я хорошо обдумалъ, какъ мнѣ говорить съ нимъ.

— Не запутайте себя, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—и не запутайте никого. Вы понимаете меня—никого. Не говорите мнѣ ничего: я ничего не хочу знать; я вовсе не любопытенъ.

Конечно, я сейчасъ увидѣлъ, что онъ зналъ о пріѣздѣ этого человѣка.

— Я хочу только увѣриться, мистеръ Джагерсъ, сказалъ я,—справедливо ли то, что мнѣ сказали; я не надѣюсь, чтобъ

это была неправда, но по крайней мѣрѣ я хотѣлъ бы окончательно въ этомъ удостовѣриться.

Мистеръ Джагерсъ наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Какъ вы выразились: мнѣ сказали или мнѣ сообщили? спросилъ онъ, повернувъ голову на сторону, и смотря не на меня, а на поль. — Выраженіе: сказали, предполагаетъ словесное объясненіе. Вы не могли имѣть словесное объясненіе съ человѣкомъ, который живетъ въ Новомъ Южномъ Валисѣ. Вы это знаете.

— Итакъ я скажу: мнѣ сообщили, мистеръ Джагерсъ.

— Хорошо.

— Мнѣ сообщило лицо, называющееся Авель Магичъ, что онъ мой благодѣтель, до сихъ поръ остававшійся мнѣ неизвѣстнымъ.

— Именно этотъ человѣкъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, — теперь находящійся въ Новомъ Южномъ Валисѣ.

— И только онъ? сказалъ я.

— Только онъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ.

— Я нетакъ безразсуденъ, сэръ, чтобъ обвинять васъ во всѣхъ моихъ ошибкахъ и ложныхъ заключеніяхъ, но я всегда предполагалъ, что это была миссъ Гевисамъ.

— Какъ вы и сами замѣчаете, Пипъ, отвѣчалъ мистеръ Джагерсъ, хладнокровно смотря на меня и кусая свой указательный палецъ, — я въ этомъ вовсе не виноватъ.

— И однакоже, сэръ, все было такъ на это похоже, сказалъ я съ стѣсненнымъ сердцемъ.

— Нѣтъ и тѣни юридическаго доказательства, Пипъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, покачивая головой и подбирая свои фалды. — Никогда не заключайте по догадкамъ; опирайтесь всегда на фактъ. Это лучшее правило.

— Я не имѣю ничего болѣе сказать, проговорилъ я со вздохомъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Я удостовѣрился въ полученномъ мною извѣстїи, и теперь все кончено.

— И теперь, когда Магичъ, живущій въ Новомъ Южномъ Валисѣ, наконецъ самъ открылся вамъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, — вы поймете, Пипъ, какъ я всегда строго держался однихъ фактовъ во всѣхъ сношеніяхъ съ вами. Я ни разу не отдался ни на волосъ отъ фактовъ. Понимаете ли вы это?

— Совершенно, сэръ.

— Я сообщилъ Магичу въ Новый Южный Валисъ, когда онъ написалъ мнѣ въ первый разъ изъ Новаго Южнаго Валиса, въ

видѣ предостереженія, чтобъ онъ и не ожидалъ, что я отдаюсь отъ фактовъ. Я также передалъ ему другое предостереженіе. Мнѣ показалось, онъ намекалъ въ своемъ письмѣ, что у него въ головѣ была мысль повидаться съ вами здѣсь въ Англии. Я его предостерегъ, что я объ этомъ и слышать не долженъ, что нѣтъ никакой надежды получить ему прощеніе, что онъ былъ изгнанъ изъ своего отечества на всю жизнь, что появленіе его въ этой странѣ будетъ уголовнымъ преступленіемъ, которое подвергнетъ его высшему наказанію по закону. Я предостерегъ Магича, сказалъ мистеръ Джагерсъ, пристально смотря на меня. — Я объ этомъ писалъ въ Новый Южный Валисъ. Безъ сомнѣнія, онъ руководствовался моими предостереженіями.

— Безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ я.

— Великъ передалъ мнѣ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, продолжая попрежнему пристально смотрѣть на меня, — что онъ получилъ письмо, адресованное изъ Портсмута отъ поселенца, именемъ, кажется, Парвиса или...

— Или Провиса, подсказалъ я.

— Да, Провиса, благодарю васъ, Пипъ. Кажется, что Провиса. Вы знаете, что это Провисъ?

— Да, сказалъ я.

— Такъ вы знаете, что это Провисъ. Онъ получилъ письмо, адресованное изъ Портсмута, отъ поселенца именемъ Провисъ, который спрашивалъ о вашемъ мѣстожителѣствѣ для Магича. Великъ, сколько я понялъ, переслалъ ему вашъ адресъ съ слѣдующею же почтой. Вы вѣроятно получили черезъ Провиса объясненіе Магича, находящагося въ Новомъ Южномъ Валисѣ?

— Оно дошло до меня, черезъ Провиса, отвѣтилъ я.

— Добрый день, Пипъ, сказалъ Джагерсъ, протягивая мнѣ руку, — очень радъ васъ видѣть. Когда будете писать Магичу въ Новый Южный Валисъ или станете сношаться съ нимъ черезъ Провиса, будьте такъ добры, замѣьте, что подробный отчетъ и всѣ росписки по нашимъ счетамъ будутъ ему доставлены вмѣстѣ съ балансомъ, который ему еще слѣдуетъ получить. Добрый день, Пипъ!

Мы пожали другъ другу руку; онъ пристально слѣдилъ за мною глазами, пока могъ меня видѣть. Я повернулся къ двери, онъ все еще продолжалъ пристально смотрѣть на меня, между

тѣмъ какъ два отвратительные слѣпка на полкѣ, казалось, сидѣли поднять свои вѣки и прокричать: «Экой человѣкъ!»

Взмика не было, да еслибъ онъ и былъ тутъ за своею конторкой, то онъ ничего не могъ бы сдѣлать для меня. Я пошелъ прямо назадъ въ Темпль, и нашелъ тамъ ужаснаго Провиса, который въ совершенной безопасности распивалъ себѣ ромъ съ водою и курилъ трубку.

На слѣдующій день были принесены всѣ платья, которыя я заказалъ, и онъ надѣлъ ихъ. Но все, что онъ ни надѣвалъ, шло ему менѣе къ лицу, — мнѣ такъ казалось по крайней мѣрѣ, — нежели платье, которое прежде было на немъ. На мой глазъ, въ немъ было что-то чего невозможно было скрыть никакими усилиями. Чѣмъ болѣе я наряжалъ его и чѣмъ лучше я его наряжалъ, тѣмъ разительнѣе я видѣлъ въ немъ бѣглаго каторжника на болотѣ. Конечно это впечатлѣніе на мое больное воображеніе можно было приписать отчасти тому обстоятельству, что его старая фізіономія и прежнія манеры все яснѣе и яснѣе возобновлялись въ моей памяти; мнѣ казалось, что онъ волочилъ одну ногу, какъ будто на ней висѣла еще тяжелая колодка, и что весь этотъ человѣкъ, съ головы до ногъ, былъ каторжникъ.

Кромѣ того, онъ былъ еще подъ вліяніемъ своего одинокаго, степнаго быта, и это придавало его наружности особенную дикость, которую не могло замаскировать никакое платье; прибавьте еще къ этому вліяніе его прежней заклеименной жизни, и въ заключеніе всего, его собственное сознаніе, что онъ принужденъ былъ лукавить и скрываться. Во всѣхъ его движеніяхъ, когда онъ стоялъ, сидѣлъ, пилъ, ѣлъ, расхаживалъ въ раздумьи, согнувъ упрямо спину, или когда онъ вынималъ свой огромный складной ножикъ, съ роговымъ черешкомъ; обтиралъ его о колено, разрѣзывалъ имъ пищу, или когда онъ бралъ въ обѣ руки легкія рюмки и чашки, и подносилъ ихъ ко рту, какъ будто то были тяжелые жбаны, или когда онъ выкраивалъ себѣ ломтище хлѣба и вымазывалъ имъ послѣднія капли соуса, оставшагося у него на тарелкѣ, словно хотѣлъ растянуть свою казенную порцію, — во всѣхъ этихъ движеніяхъ, говорю я, ежеминутно представлялся мнѣ тюремный заключенникъ, уголовный преступникъ, каторжникъ.

Это была его собственная мысль—пудрить волосы, и я согласился на пудру, отстоявъ за собою короткія штаны. Но пудра къ нему также шла какъ румяны къ покойнику: такъ

страшно обнаруживалась въ немъ, помимо всей костюмпровки, каждая черта, которую мы старались скрыть. Пудра была оставлена послѣ перваго же опыта.

Никакими словами невозможно выразить, какъ тяготило меня чувство страшной тайны, которою онъ былъ для меня. Когда онъ спалъ по вечерамъ въ креслахъ, захвативъ бока ихъ своими жилистыми руками, и его изрытое лицо, глубокими морщинами, склонялось на грудь, я бывало сижу и смотрю на него и думаю, что онъ такое сдѣлалъ,—въ голову мнѣ приходятъ всѣ преступленія ньюгетскаго календаря, и наконецъ я вскочу отъ ужаса, съ твердою рѣшимостію бѣжать отъ него. Съ каждымъ часомъ увеличивалось мое отвращеніе къ нему; я полагаю даже, я уступилъ бы этому побужденію бѣжать въ первыя минуты моей агоніи, несмотря на все, что онъ для меня сдѣлалъ, и на опасность, которой онъ подвергался, еслибъ я не зналъ, что Гербертъ долженъ скоро возвратиться. Разъ я дѣйствительно всталъ ночью съ постели и началъ одѣваться въ мое худшее платье, намѣреваясь оставить Провиса тутъ, со веѣмъ, что у меня было, и отправиться солдатомъ въ Индію.

Я полагаю, мнѣ бы не было такъ страшно проводить эти безконечные вечера вмѣстѣ съ привидѣніемъ въ моихъ удивленныхъ комнатахъ, среди завываній вѣтра и шума нескончаемаго дождя. Привидѣніе нельзя было схватить и повѣсить, но мысль, что онъ могъ быть схваченъ и повѣшенъ изъ-за меня, увеличивала мой страхъ. Когда онъ не спалъ и не раскладывалъ какого-нибудь сложнаго пасьянса своею колодой истасканныхъ картъ, отмѣчая ножомъ на столѣ каждый разъ, какъ онъ у него выходилъ, онъ просилъ меня почитать ему: «по иностранному». Я исполняю его желаніе, и онъ, не понимая ни слова, стоитъ передъ огнемъ и смотритъ на меня съ видомъ хозяина. Иногда я видѣлъ между пальцами моей руки, которою я затѣнялъ себѣ лицо, какъ онъ обращался съ различными жестами къ мебели, какъ бы выставя ей на видъ мое искусство.

Я описалъ это, какъ будто это длилось цѣлый годъ, а прошло не болѣе пяти дней. Ожидая все это время Герберта, я не осмѣливался выходить изъ дома; только послѣ сумерекъ я выводилъ Провиса погулять. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, послѣ обѣда, я задремалъ въ совершенномъ изнеможеніи. По ночамъ я былъ постоянно взволнованъ, и страшныя грезы прерывали мой сонъ. Вдругъ меня пробудили знакомые шаги на

лѣстницѣ. Провисъ, также заснувшій, вскочилъ, пробужденный моимъ шумомъ; и въ ту же минуту я замѣтилъ, складной ножъ засверкалъ у него въ рукѣ.

— Тише! это Гербертъ! сказалъ я; и дѣйствительно, въ комнату влетѣлъ Гербертъ, прямо съ дороги, полный свѣжести, послѣ своей поѣздки во Францію.

— Гендель, мой любезный другъ, какъ поживаете вы? Мнѣ кажется, цѣлый годъ, какъ я уѣхалъ отъ васъ! Да оно и должно быть такъ: какъ вы похудѣли, какъ поблѣднѣли! Гендель, мой... Ахъ! извините.

Онъ остановился, увидя Провиса. Провисъ, смотрѣвшій на него съ пристальнымъ вниманіемъ, медленно запрятывалъ свой складной ножикъ, и искалъ чего-то въ другомъ карманѣ.

— Гербертъ, любезный другъ, сказалъ я, запирая двери, между тѣмъ какъ онъ стоялъ, въ удивленіи смотря на меня,—странныя дѣла произошли въ вашемъ отсутствіи. Это мой гость.

— Все какъ слѣдуетъ быть, милый малый! сказалъ Провисъ, выходя впередъ съ черною книжечкой, застегнутой на застѣжкахъ, и обращаясь къ Герберту.—Возьмите это въ вашу правую руку. Да поразитъ васъ Господь на этомъ мѣстѣ, если да вы что-нибудь, какъ-нибудь обнаружите! Цѣлуйте ее!

— Исполните, что онъ желаетъ отъ васъ, сказалъ я Герберту. И Гербертъ, смотря на меня съ безпокойствомъ и удивленіемъ, но дружески, повиновался. Провисъ сейчасъ же сжалъ ему руку и сказалъ:

— Теперь, вы знаете, вы связаны присягою. И не вѣрьте моему слову, если да Пипъ не сдѣлаетъ и изъ васъ также джентльмена.

XLI.

Напрасно старался бы я описать удивленіе и разстройство Герберта, когда мы всѣ усѣлись у камина, и я передалъ ему тайну. Довольно того, что я видѣлъ на лицѣ Герберта совершенное отраженіе моихъ же собственныхъ чувствъ, и между ними мое отвращеніе къ этому человѣку, который такъ много сдѣлалъ для меня.

Уже довольно было того вида торжества, съ какимъ онъ слѣдилъ за моимъ разказомъ, чтобы поднять насъ противъ него, еслибы даже не существовало другихъ обстоятельствъ, совершенно раздѣлявшихъ насъ. За исключеніемъ каррикатурнаго сознанія своей грубости, о которой онъ принялся сейчасъ же толковать Герберту, какъ только я кончилъ мое объясненіе, онъ не видалъ другихъ причинъ, почему бы я могъ быть не доволенъ моимъ счастьемъ. Его слова, что онъ сдѣлалъ изъ меня джентльмена и что онъ пріѣхалъ посмотрѣть, какъ я буду поддерживать мое положеніе при его средствахъ, относились столько же ко мнѣ, какъ и къ нему; и онъ совершенно былъ убѣжденъ, что намъ обоимъ должно быть очень пріятно тщеславиться этимъ, и что мы должны этимъ гордиться.

— Вотъ видите ли, другъ и товарищъ Пипа, сказалъ онъ Герберту, послѣ длиннаго разсужденія, — я знаю очень хорошо, что я позабылся здѣсь на одну минуту и былъ мужикъ-мужикомъ. Я тотчасъ разказалъ это Пипу; я знаю, что я показалъ себя мужикомъ. Но не безпокойтесь на этотъ счетъ. Я сдѣлалъ Пипа джентльменомъ, и Пипъ сдѣлаетъ васъ джентльменомъ, и я знаю, какъ слѣдуетъ мнѣ повести себя при васъ обоихъ. Милый малый, и вы, товарищъ Пиповъ, вы оба можете на меня положиться; я всегда буду держать свой языкъ на привязи. Держалъ я его на привязи до той полминуточки, какъ я показалъ себя мужикомъ; держалъ я его на привязи и потомъ, до сей поры и вѣчно, буду держать его на привязи.

Гербертъ сказалъ: «конечно»; но посмотрѣлъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ не находилъ въ этомъ особеннаго утѣшенія, и оставался въ прежнемъ недоумѣніи и отчаяніи. Мы съ нетерпѣніемъ выжидали времени, когда онъ уйдетъ на свою квартиру и оставитъ насъ однихъ. Но ему какъ будто было завидно оставить насъ самъ-другъ, и онъ засидѣлся поздно. Была уже полночь, когда я проводилъ его въ Эссексъ-стритъ, до самой его двери. Когда она затворилась за нимъ, у меня еще въ первый разъ отлегло на сердцѣ съ самаго того вечера, какъ онъ явился.

Преслѣдуемый непріятнымъ воспоминаніемъ о человѣкѣ, на котораго я наткнулся на лѣстницѣ, я обыкновенно всегда осматривался кругомъ, уходя по вечерамъ гулять съ моимъ гостемъ, а также провожая его домой; и теперь я тоже

оглядывался вокругъ себя. Трудно въ большомъ городѣ успокоить подозрѣніе, что за вами не смотрятъ, когда вамъ чувствуется это; но я все-таки не могъ не замѣтить, что никто изъ прохожихъ не обращалъ на меня вниманія. Немногіе прохожіе, которыхъ мы встрѣтили, шли своею дорогой, и улица была пуста, когда я повернулъ назадъ, въ Темплъ. Никто не вышелъ вмѣстѣ съ нами изъ калитки, и никто не вошелъ вмѣстѣ со мною въ калитку. Проходя мимо фонтана, я замѣтилъ свѣтъ въ заднихъ окнахъ его квартиры, и когда я остановился на нѣсколько минутъ, у входа въ зданіе, въ которомъ я жилъ, мертвая тишина была въ саду, точно также какъ и на лѣстницѣ, когда я поднялся по ней.

Гербертъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, и никогда еще до сихъ поръ я не чувствовалъ, какое это блаженство имѣть друга. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами, или вѣрнѣе просто звуками, выражавшими сочувствіе и утѣшеніе, и сѣли, чтобы размыслить важный вопросъ что намъ дѣлать?

Стулъ, на которомъ сидѣлъ Провисъ, оставался еще на прежнемъ мѣстѣ. Гербертъ взялъ было его, и въ ту же минуту вскочилъ съ него, оттолкнулъ его прочь и взялъ другой стулъ. Послѣ этого ему не нужно было говорить, что онъ чувствовалъ отвращеніе къ моему благодѣтелю, и мнѣ также не нужно было сознаваться въ моемъ отвращеніи къ нему. Мы обмѣнялись этою мыслию, не произнеся ни одного слова.

— Что же, сказалъ я Герберту, когда онъ спокойно утѣлся на другой стулъ,—что же я буду дѣлать?

— Мой бѣдный, милый Гендель, отвѣчалъ онъ, приподымая свою голову, — я такъ пораженъ, что не могу думать.

— Вотъ и я былъ точно также ошеломленъ, Гербертъ, когда на меня обрушился этотъ ударъ. Все-таки надо на что-нибудь рѣшиться. Онъ готовится къ новымъ расходамъ; хочетъ заводить лошадей, экипажи, и не знаю еще что. Надобно его какъ-нибудь остановить.

— Такъ вы рѣшились не принимать?...

— Могу ли я? возразилъ я, когда Гербертъ остановился.— Подумайте только о немъ! Посмотрите на него!

И невольная дрожь пробѣжала по насъ обоихъ.

— Все-таки меня страшитъ, Гербертъ, одна ужасная истина: онъ ко мнѣ привязанъ, привязанъ сильно ко мнѣ. Что за судьба!

— Бѣдный мой Гендель, повторилъ Гербертъ.

— И потомъ, сказалъ я, — если я и не возьму отъ него

болѣе ни одного пени, то подумайте, сколько я уже обязанъ ему! И потомъ еще у меня большіе долги, очень большіе для меня; впереди у меня теперь нѣтъ никакихъ надеждъ; я не былъ приготовленъ ни къ какому занятію, я ни на что не годенъ.

— Ну, ну, ну! возразилъ Гербертъ:—этого вы уже не говорите, что вы ни на что не годны.

— На что же я годенъ? Развѣ въ солдаты. И я бы сдѣлался солдатомъ, еслибы не имѣлъ еще въ виду поговорить и посоветоваться съ вами, мой любезный Гербертъ.

Разумѣется, я не могъ продолжать и, разумѣется, Гербертъ могъ только сжать мнѣ съ горячію рукою.

— Какъ бы то ни было, мой любезный Гендель, сказалъ онъ,—солдатчина не идетъ тутъ къ дѣлу. Если вы намѣрены отказаться отъ всѣхъ этихъ благодѣяній, то я полагаю, вы имѣете въ виду хотя слабую надежду когда-нибудь заплатить ему то, что вы отъ него уже получили. Если вы пойдете въ солдаты, то какую же вы можете имѣть надежду? И потомъ это такъ глупо. Вамъ будетъ гораздо лучше у Кларикера. Вы знаете, я буду скоро его партнеромъ.

Бѣдный малый, какъ мало подозрѣвалъ онъ, на чьи деньги онъ поднялся.

— Но вотъ другой вопросъ, сказалъ Гербертъ.—Это человекъ необразованный и рѣшительный; у него давно уже въ головѣ сидитъ одна постоянная идея. Кромѣ того, мнѣ кажется (можетъ-быть я ошибаюсь въ немъ), это человекъ отчаянный и свирѣпый.

— Я знаю, что онъ таковъ, отвѣчалъ я.—Дайте я вамъ разкажу, какое я видѣлъ тому доказательство. И я передалъ ему обстоятельства, о которыхъ я не упомянулъ въ моемъ объясненіи, именно его схватку съ другимъ каторжникомъ.

— Посмотрите же сюда, подумайте объ этомъ, сказалъ Гербертъ. Онъ является сюда, подвергая свою жизнь опасности, чтобы только осуществить свою идею. И въ самую минуту ея осуществленія, послѣ всѣхъ ожиданій и трудовъ, вы вдругъ подкапываете самый грунтъ у него подъ ногами, разрушаете его идею, отымаете всякую цѣну для него у приобретеннаго имъ богатства. На что онъ не можетъ рѣшиться въ такомъ отчаяніи?

— Я все это вижу, Гербертъ, и все это преслѣдуетъ меня съ самаго роковаго дня его пріѣзда. Ничто не представлялось

мнѣ такъ ясно, какъ то обстоятельство, что онъ можетъ самъ отдать себя въ руки правосудія.

— Ну вотъ видите, сказалъ Гербертъ, — Онъ этимъ держитъ васъ въ своей власти, пока онъ остается въ Англии, и это онъ сдѣлаетъ съ отчаянія, если вы оставите его.

Я былъ до того пораженъ этою мыслью, которая уже съ самаго начала тяготила меня, и которая представляла мнѣ его убійцею въ моихъ же собственныхъ глазахъ, что я не могъ долѣе оставаться спокойно въ моихъ креслахъ и принялся ходить взадъ и впередъ. Я между тѣмъ сказалъ Герберту, что еслибы Провиса узнали и схватили вопреки всѣмъ моимъ стараніямъ оградить его безопасность, то я тѣмъ не менѣе буду считать себя причиною этому, хотя и невинною; и это будетъ моимъ несчастіемъ. Да, это такъ, хотя мнѣ было и горько, что онъ находился теперь со мною, и хотя я гораздо, гораздо лучше желалъ бы всю жизнь мою работать на кузницѣ.

Но главный вопросъ, что мнѣ было дѣлать? все-таки оставался неразрѣшеннымъ.

— Прежде всего, вотъ что должно сдѣлать, сказалъ Гербертъ, — надобно выпроводить его изъ Англии; вы должны ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, и тогда можетъ-быть онъ и согласится уѣхать.

— Ну, куда бы я ни отвезъ его, могу ли я помѣшать его возвращенію?

— Мой добрый Гендель, какъ вы не понимаете, что, имѣя Ньюгетъ подъ рукою, для васъ болѣе риску открыть ему вашъ настоящій образъ мыслей и возбудить его отчаяніе нежели въ другомъ мѣстѣ. Нельзя ли напугать его этимъ другимъ каторжникомъ, его врагомъ, или не знаете ли вы еще чего-нибудь изъ его жизни?

— Вотъ опять сказалъ я, останавливаясь передъ Гербертомъ, съ распростертыми руками, какъ будто я обнималъ ими всю горечь моего положенія: — я ровно ничего не знаю объ его прежней жизни. Я доходилъ почти до неистовства, сидя здѣсь по вечерамъ и смотря на этого человѣка, съ которымъ такъ тѣсно связана моя судьба и который мнѣ былъ совершенно неизвѣстенъ, кромѣ только того, что это была жалкая тварь, пугавшая меня два дня къ ряду въ моемъ дѣтствѣ!

Гербертъ всталъ, взялъ меня подъ руку, и мы начали мед-

ленно прохаживаться съ нимъ взадъ и впередъ, пристально разсматривая рисунокъ ковра.

— Гендель, сказалъ Гербертъ, останавливаясь, — вы убѣждены, что не можете долѣе ничѣмъ отъ него пользоваться?

— Совершенно убѣжденъ, и конечно вы были бы того же мнѣнія, еслибы находились на моемъ мѣстѣ?

— И вы убѣждены, что должны разойдтись съ нимъ?

— Гербертъ, можете ли вы меня объ этомъ спрашивать?

— Но вы принимаете и должны принимать особенное участіе въ его жизни, которую онъ для васъ подвергаетъ опасности; вы чувствуете, что вы должны спасти его, если возможно удержать его отъ какого-нибудь отчаяннаго поступка. Въ такомъ случаѣ, вы должны выпроводить его изъ Англїи, прежде нежели вы пошевелите пальцемъ, чтобы выпутать самого себя. Когда вы это сдѣлаете, тогда, ради самого неба, выпутайтесь сами, и мы посмотримъ тогда вмѣстѣ, мой милый старый товарищъ, что дѣлать.

Для меня было большимъ утѣшеніемъ сжать ему руку послѣ этого, и пройти съ нимъ еще нѣсколько разъ.

— Теперь, Гербертъ, сказалъ я, — что касается до того, чтобы узнать его прежнюю исторїю, я не вижу другаго средства, какъ прямо попросить его разказать намъ ее.

— Да, попросите его завтра утромъ, когда мы будемъ завтракать, сказалъ Гербертъ; — онъ говорилъ, что придетъ завтракать съ нами.

Принявъ такое рѣшеніе, мы легли спать. Ночью меня преслѣдовали самыя дикія грезы, и я проснулся, не освѣживъ себя сномъ, и мучимый страхомъ, что его поймали. Днемъ этотъ страхъ никогда не покидалъ меня.

Онъ пришелъ въ положенный часъ, вынулъ свой складной ножъ и сѣлъ за завтракъ. У него была бездна плановъ для своего джентльмена, который наконецъ долженъ показать себя настоящимъ баринномъ; убѣждалъ меня начинать поскорѣе и распорядиться его бумажникомъ, который онъ оставилъ въ моихъ рукахъ. На нашу и свою квартиру онъ смотрѣлъ только какъ на временное помѣщеніе, и совѣтывалъ мнѣ, не отлагая, прїискать барское гнѣздышко, гдѣ-нибудь около Гайдъ-парка, гдѣ бы и онъ могъ распуścić свои крылья. Когда онъ, кончивъ завтракъ, вытираетъ свой ножикъ о колѣно, я объявилъ ему безъ всякихъ предисловій:

— Когда вы ушли вчера вечеромъ, я разказалъ моему другу про вашу схватку съ другимъ колодникомъ на болотѣ, когда васъ нашли солдаты. Помните?

— Помню ли? сказалъ онъ:—полагаю, что такъ!

— Намъ бы хотѣлось знать что-нибудь про этого человека, да и про васъ. Странно право, что я ничего не знаю про васъ обоихъ, и особенно про васъ, кромѣ только того, что я могъ разказать вчера. Отчего бы вамъ не передать намъ этого теперь?

— Пожалуй, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія.— Вы знаете, товарищъ Пипа, что вы подѣ присягою?

— Конечно, отвѣчалъ Гербертъ.

— И вы знаете, продолжалъ онъ,—присяга относится ко всему, что бы я ни сказалъ.

— Я это очень хорошо понимаю.

— И помните, прибавилъ онъ еще:—что бы я тамъ ни сдѣлалъ, за все за это я поплатился.

— Пусть будетъ такъ.

Онъ вынулъ свою черную трубку, и собирался набить ее; но посмотрѣвъ на щепотку табаку, которая уже была у него въ рукахъ, онъ, казалось, подумалъ, что это могло запутать нить его разказа. Онъ положилъ табакъ назадъ, засунулъ трубку въ петличку сюртука, положилъ руки на колѣни, и сердито посмотрѣвъ нѣсколько секундъ на огонь, обратился къ намъ съ слѣдующимъ разказомъ.

XLII.

«Милый малый, и другъ и товарищъ Пипа, я не стану разказывать вамъ мою жизнь, словно какую-нибудь сказку или пѣсню. Но передамъ вамъ ее коротко и ясно, въ двухъ словахъ. Въ тюрьму и изъ тюрьмы, опять въ тюрьму и изъ тюрьмы, и опять въ тюрьму и изъ тюрьмы,—вотъ и вся недолга, вотъ она и вся моя жизнь до самой ссылки, послѣ того какъ Пипъ доказалъ мнѣ свою дружбу.

«Со мною всякое случалось, только на висѣлицу не попадался. Запирали меня, словно я не вѣсть какое сокровище. Возили меня и туда и сюда, выбрасывали и изъ того города и изъ этого, сажали къ позорному столбу, колотили меня, и всячески мучили и гнали. Я знать не знаю, гдѣ я родился.

Въ первый разъ припоминаю я себя въ Эссексъ; я воровалъ рѣпу для моего пропитанія. Кто-то бѣжалъ отъ меня, какой-то человѣкъ, полагаю мѣдникъ¹; унесъ съ собою жаровню, и брося сѣя меня одного; мнѣ стало очень холодно.

«Я зналъ, что мое имя Магичъ, что меня при крещеніи назвали Авелемъ. Какъ я узналъ это? Да почти такъ же, какъ я зналъ, что одну птицу зовутъ снигиремъ, другую воробьемъ, третью скворцомъ. Пожалуй я могъ бы подумать, что все это ложь, только птицы, какъ оказалось, точно такъ назывались; ну я и полагалъ, что значить и у меня было дѣйствительно такое имя.

«Ни одна человѣческая душа не могла взглянуть безъ омерзенія на бѣднаго Авеля Магича, его или гнали прочь, или тащили въ полицію. И меня хватали, хватали, хватали столько разъ, что я выросъ въ тюрьмѣ.

«И такимъ-то манеромъ, когда я былъ еще мальчишкою-оборванцемъ, на котораго жадость было взглянуть,—то-есть не то, чтобъ я тогда смотрѣлъ на себя въ зеркало, я и въ домахъ-то такихъ не бывалъ, гдѣ висятъ зеркала постѣнамъ,—такимъ-то манеромъ, говорю, заслужилъ я себѣ имя ожесточеннаго. «Это малый ожесточенный,» говорятъ, бывало, тюремнымъ посѣтителемъ, показывая на меня. «Этотъ мальчикъ изъ тюрьмы не выходитъ.» Вотъ они глядятъ на меня; а я на нихъ гляжу, а иные изъ нихъ еще щупаютъ мою голову, — лучше бы они пощупали мое брюхо,—а другіе, бывало, дадутъ мнѣ душеспасительныя книжки, которыхъ я не умѣлъ читать, или дѣлаютъ мнѣ увѣщанія, которыхъ я не понималъ. И все толкуютъ мнѣ про чорта. Да кой чортъ было мнѣ дѣлать? Чѣмъ-нибудь набить себѣ брюхо я долженъ же былъ, не такъ ли?—Я однакоже начинаю забываться, и толковать помужички. Я знаю какъ вести тебя. Не бойтесь, милый малый и Пиповъ товарищъ и другъ, мужикомъ себя не покажу.

Вотъ я себѣ бродяжничалъ, просилъ милостыню, воровалъ, работалъ, когда могъ, хотя не такъ часто, какъ вы можете быть думаете,—спросите себя сами, охотно ли бы вы дали мнѣ работу—былъ я и браконьеромъ, и поденьщикомъ, и изнощякомъ, и косцемъ, и разнощикомъ, испробовалъ всѣ занятія, которыя не кормятъ, а только вводятъ въ бѣду, и наконецъ вошелъ въ лѣта. Солдатъ-дезертеръ, пратавшійся въ кабачкѣ — отдыхъ

¹ Это странствующие ремесленники, обыкновенно занимающіеся починкою кухонной посуды и точеніемъ ножей.

для странника—подъ грудю картофеля, выучилъ меня читать; а великанъ, котораго показывали за деньги, научилъ меня писать. Тутъ меня уже не такъ часто запирали какъ прежде, а все-таки и тутъ иногда запирали.

«Лѣтъ двадцать тому назадъ сошелся я на эпсомскихъ скачкахъ съ однимъ человѣкомъ, котораго черепъ я бы вотъ такъ и разбилъ въ дребезги этою кочергою, какъ раковую скорлупу, попадись онъ мнѣ теперь подъ руку. Настоящее его имя было Комписсонъ. Это былъ именно тотъ самый человѣкъ, милый малый, котораго, вы видѣли, я валялъ тогда въ канавѣ, о чемъ вы совершенно справедливо рассказали вашему товарищу вчера вечеромъ, когда я ушелъ.

«Этотъ Комписсонъ выдавалъ себя за джентльмена; онъ былъ въ благородномъ пансіонѣ, и тамъ выучили его разнымъ наукамъ. Говорилъ онъ гладко и ловко; онъ черенилъ всѣ барскія замашки. Собою онъ былъ красивъ. Я встрѣтилъ его вечеромъ, наканунѣ главной скачки на пустырь, въ палаткѣ, которая хорошо была мнѣ извѣстна. Когда я вошелъ въ нее, онъ сидѣлъ со многими за столомъ, и трактирщикъ, который зналъ меня и былъ большой охотникъ до лошадей, вызвалъ его и сказалъ ему:—я полагаю этотъ человѣкъ придется по васъ, — разумѣя меня.

«Комписсонъ посмотрѣлъ на меня пристально; я поглядѣлъ на него. У него были часы съ цѣпочкою, перстень, булавка; онъ былъ одѣтъ щеголемъ.

«— Судя по виду, счастье вамъ не улыбается, сказалъ мнѣ Комписсонъ.

«— Да, сэръ, счастье никогда не было моею долею. (Меня только что выпустили изъ Кингстонской тюрьмы, куда меня засадили за бродяжничество. Вина могла бы быть и хуже; но на этотъ разъ виною было бродяжничество.)

«— Счастье измѣнчиво, сказалъ Комписсонъ, — можетъ быть и ваше счастье переимѣнится.

«Я сказалъ, что надѣюсь, переимѣны къ худу не будетъ.

«— Чтò вы умѣете дѣлать? сказалъ Комписсонъ.

«— Ъсть и пить, отвѣчалъ я, — если найдете матеріалъ.

«Комписсонъ захохоталъ, поглядѣлъ на меня пристально, далъ мнѣ пять шиллинговъ и назначилъ придти въ слѣдующій вечеръ, въ то же самое мѣсто.

«На слѣдующій вечеръ, я пришелъ къ Комписсону, въ то же мѣсто, и Комписсонъ взялъ меня къ себѣ въ помощники и то-

варищи. А какой это был промысел Комписсона, въ которомъ я сдѣлался товарищемъ? Комписсоновъ промыселъ былъ всякаго рода мошенничество, поддѣлка фальшивыхъ банкнотъ, фальшивыхъ векселей, выпускъ краденыхъ билетовъ, и тому подобное. Промыселъ Комписсона былъ разставлять всякаго рода западни, какія только приходили ему въ голову, да самому въ нихъ не попадаться, а себѣ собирать всякую выгоду, сваливая все на чужія плечи. Чувства у него было столько же, сколько въ желѣзномъ напилькѣ; онъ былъ холоденъ какъ смерть, а уменъ какъ чортъ, о которомъ мнѣ такъ много натоковали въ тюрьмахъ.

«Съ Комписсономъ былъ заодно другой баринъ, звали его Артуръ; но такова была его фамилія, а не христіанское имя. Страдалъ онъ чахоткой; а худъ былъ онъ какъ тѣнь. Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ онъ былъ замѣшанъ съ Комписсономъ въ одномъ дурномъ дѣлѣ, которое касалось какой-то богатой барыни и изъ котораго они успѣли выудить себѣ добрый магарычъ; но Комписсонъ былъ картежникъ, держалъ большія пари; онъ прожилъ бы и царскіе доходы. Итакъ Артуръ былъ при смерти и умиралъ нищимъ, преслѣдуемый ужасомъ; жена Комписсона (какъ же Комписсонъ бивалъ ее!) жалѣла о немъ какъ могла. Комписсонъ же никогда ни о комъ и ни о чемъ не жалѣлъ.

«Пожалуй, я могъ бы поостеречься, глядя на Артура; но я себѣ этого не бралъ въ урокъ; и не скажу, чтобъ я былъ очень разборчивъ; оправданія теперъ ни къ чему не послужать, мой милый малый и Пиповъ товарищъ. Итакъ я началъ работать съ Комписсономъ, и былъ я жалкимъ орудіемъ въ его рукахъ. Артуръ жилъ на чердакѣ, въ домѣ Комписсона (не далеко отъ Брантфорда), и Комписсонъ аккуратно записывалъ на него за столъ и за квартиру, чтобы тотъ заработалъ ему когда поправится. Но Артуръ скоро подвелъ счеты. Во второй или третій разъ, какъ я его увидалъ, онъ вдругъ врывается поздно вечеромъ въ гостиную Комписсона, въ одномъ фланелевомъ халатѣ, съ растрепанными волосами, весь въ поту и кричитъ женѣ Комписсона: «Сали ¹, она теперъ у меня наверху, и я не могу отъ нея отдѣлаться. Она вся въ бѣломъ, бѣлые цвѣты у нея въ волосахъ; она въ страшномъ изступ-

¹ Уменьшительное Сарра.

леніи; въ рукѣ у нея саванъ, и она грозитъ, что непременно надѣнетъ его на меня въ пять часовъ утра.

«Вотъ Комписсонъ ему говорить:—Глупый вы человекъ, да развѣ вы не знаете, что она жива? Какъ же попасть ей на верхъ, не проходя въ дверь, или въ окно, или по лѣстницѣ?

«— Ужъ я не знаю, какъ она туда попала, говоритъ Артуръ, а самъ такъ и дрожитъ отъ ужаса, но она стоять въ углу въ ногахъ моей кровати, въ изступленіи. И тамъ, гдѣ сердце,—ты вѣдь разорвалъ его,—на самомъ томъ мѣстѣ, капли крови.

«Комписсонъ на словахъ былъ храбръ, но на дѣлѣ всегда былъ страшнымъ трусомъ.—Подите на верхъ, вмѣстѣ съ этимъ больнымъ плаксой, говоритъ онъ своей женѣ,—помогите ей, Магичъ. Но самъ онъ не подходилъ близко.

«Мы съ женою Комписсона опять уложили его въ постель; онъ страшно бредилъ.—Посмотрите на нее, кричалъ онъ.—Она такъ и махаетъ на меня саваномъ! Или вы не видите ея? Посмотрите ей въ глаза! Вѣдь это просто ужасъ видѣть, въ какомъ она изступленіи! Она его набросить на меня, и тогда вся кончено. Возьмите его у ней, возьмите его прочь!—И тутъ онъ ухватится за насъ и начнетъ болтать съ нею и отвѣчаетъ за нее, такъ что уже мнѣ чудилось, будто и я ее вижу.

«Жена Комписсона уже привыкла къ нему, и дала ему водки, чтобы прогнать его страхъ; онъ мало-по-малу и успокоился.—О, она ушла теперь! Приходилъ за нею сторожъ? говоритъ онъ.—Да, отвѣчаетъ жена Комписсона.—Сказали вы ему, чтобъ онъ заперъ ее на ключъ, да заложилъ дверь засовами? Да, и чтобъ онъ взялъ у нее эту отвратительную тряпку! Да, да! Добрые вы люди, говоритъ, — не оставляйте только меня, сдѣлайте одну эту милость; благодарю васъ!

«Онъ успокоился; но черезъ нѣсколько минутъ опять вскочилъ съ страшнымъ ревомъ.—Она опять здѣсь; и опять саванъ у нея въ рукѣ. Она развертываетъ его. Она выходитъ изъ за-угла, она подходитъ къ постелѣ. Поддержите меня. Не дайте ей дотронуться до меня саваномъ. А! промахнулась на этотъ разъ. Не давайте ей набросить его мнѣ на плечи. Не позволяйте ей приподымать меня, она вотъ такъ и надѣнетъ на меня саванъ. Ой! она приподымаетъ меня. Держите меня крѣпче!—Тутъ онъ вытянулся и умеръ.

«Комписсонъ былъ доведенъ тѣмъ, онъ развязался съ нимъ. Мы съ нимъ скоро занялись дѣломъ, и началъ онъ съ того, что привелъ меня къ присягѣ надъ моею книжкой (хитрый

песъ онъ былъ), надъ этою самою черною книжечкой, надъ которою, милый малый, присягнулъ вашъ товарищъ.

«Я уже не стану рассказывать, какія штуки Комписсонъ задумывалъ, а я исполнялъ—этого и въ недѣлю не перескажешь; я вамъ скажу только, милый малый, этотъ человекъ опуталъ меня такими сѣтями, что я просто сдѣлался его рабомъ. Я былъ всегда у него въ долгу, всегда подъ ноготкомъ, всегда работалъ и всегда попадалъ въ бѣду. Онъ былъ моложе меня, но хитрѣе; онъ еще былъ ученый, и куда мнѣ было съ нимъ сладить! Моя барыня,—ахъ, тяжела была подчасъ жизнь ея!—постойте однакоже! про нее я еще не...

Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя въ замѣшательствѣ, какъ будто онъ потерялъ мѣсто въ книгѣ своихъ воспоминаній, отвернулъ лицо къ огню, развелъ руки пошире, приподнялъ ихъ и потомъ положилъ на колѣни на прежнее мѣсто.

«Нѣтъ нужды и говорить про это, сказалъ онъ, посмотрѣвъ еще разъ кругомъ. Коротко сказать, время, которое я провелъ съ Комписсономъ, было для меня самое тяжелое въ моей жизни. Говорилъ ли я вамъ, что меня судили одного, хотя мы вмѣстѣ съ нимъ работали?»

Я отвѣчалъ: нѣтъ.

«Ну, сказалъ онъ,—такъ меня судили и осудили. Да брали меня по подозрѣнью раза два или три въ продолженіе четырехъ или пяти лѣтъ, но уликъ не было. Наконецъ насъ съ Комписсономъ предали обоимъ суду за уголовное преступленіе, за выпускъ краденыхъ банкнотъ; были еще и другія обвиненія. Комписсонъ говоритъ мнѣ: «намъ лучше защищаться порознь.» Я былъ въ такомъ нищенскомъ положеніи, что продалъ все мое платье какое у меня было, чтобы заручить себѣ Джагерса.

«Когда привели насъ въ судъ, я сейчасъ же понялъ, какимъ бариномъ смотрѣлъ Комписсонъ съ своими кудрявыми волосами, въ черномъ фракѣ и съ бѣлымъ батистовымъ платочкомъ, и что за простая былъ я тварь. Когда открылось слѣдствіе и прочитано было обвиненіе, я замѣтилъ, какъ тяжело оно ложилося на меня, а онъ былъ совершенно въ сторонѣ. При допросѣ свидѣтелей оказывалось, что я всегда былъ впереди; каждый могъ присягнуть, что это былъ я; мнѣ всегда и деньги выплачивали, я все обдѣлывалъ, я получалъ всѣ барыши. Но какъ стали защищать дѣло, я тогда еще яснѣе понялъ всю штуку. Вотъ адвокатъ Комписсона говоритъ:—Милордъ и джентль-

меня, здѣсь передъ вами стоятъ два человѣка, между которыми вы можете замѣтить вашими глазами страшную разницу; одинъ— молодой, благовоспитанный; воспитаніе во всемъ видно; другой старый, не воспитанный, такъ и виденъ неучъ; младшаго никогда почти не замѣчали въ подобныхъ дѣлахъ, только подозрѣніе есть; а старшій вѣчно былъ замѣшанъ въ такихъ штукахъ, и былъ уже уличаемъ въ винѣ. Если въ этомъ дѣлѣ есть только одинъ виновный, то можете ли вы сомнѣваться въ томъ, который это будетъ изъ двухъ, а если виноватыхъ двое, то чья вина гнуснѣе?» И все въ такомъ-то родѣ. Когда же дошло дѣло до нашихъ репутаций, то оказалось, что Камписсонъ былъ въ пансіонѣ и товарищи его были на такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ, и свидѣтели выдали его въ такихъ-то клубахъ и обществахъ, и ничего ему не было въ укоръ. А меня-то столько разъ и судили, и былъ извѣстенъ я во всѣхъ тюрьмахъ и смиренительныхъ домахъ. И когда пришлось намъ говорить, Камписсонъ говорилъ, прикрывая лицо свое бѣлымъ платкомъ, и вставляя стихи въ свою рѣчь, а я и могъ только сказать: «джентльмены, вѣдь этотъ человѣкъ возлѣ меня прерѣдкостный мошенникъ!» Ну, и постановили приговоръ. Камписсона предлагали помиловать, ради его доброй славы и худаго товарищества и полного уличенія меня; а про меня только было одно слово, онъ-де во всемъ виноватъ. И когда я сказалъ Камписсону: «вотъ выберемъ изъ этого суда, я-те рожу растворожу,»—Камписсонъ-то и просить судью: «защитите меня;» промежь насъ и поставили двухъ сторожей. Ну, и приговорили насъ; ему назначили семь, а мнѣ четырнадцать лѣтъ ссылки. А судья такъ и жалѣетъ о немъ, потому что изъ него могъ бы де выдти хорошій человѣкъ; а во мнѣ судья видитъ стараго, закоренѣлаго преступника, которому не миновать висѣлицы.»

Онъ постепенно приходилъ въ страшное раздраженіе; однако онъ смогъ воздержаться, глубоко вдохнулъ раза два или три, и протянувъ мнѣ руку, сказалъ, какъ будто обнадеживая меня:

— Нѣтъ, милый малый, я не покажу себя мужикомъ.

Онъ до того разгорячился, что принужденъ былъ вынуть платокъ и вытереть испарину съ лица, головы, шеи и рукъ, прежде нежели могъ продолжать.

«Такъ я сказалъ Камписсону, что я растворожу ему рожу; и я поглядѣя въ этомъ передъ Богомъ. Мы были на одномъ плашкотѣ; но я долго не могъ добраться до него, какъ

ни старался. Наконецъ я зашелъ сзади и хватилъ его въ щеку, чтобъ онъ повернулся и я могъ бы поудобнѣе расквасить ему рыло; меня подиѣтили и схватили. Арестантская на этомъ кораблѣ была не слишкомъ крѣпкая для человѣка, который привыкъ къ запорамъ и умѣлъ плавать и нырять. Я убѣжалъ на берегъ и скрывался тамъ между могилами, заведуя тѣмъ, кто лежалъ въ нихъ, и тамъ я увидалъ въ первый разъ моего милого мальчика!»

Онъ посмотрѣлъ на меня съ видомъ любви, который еще увеличилъ мое отвращеніе къ нему, хотя я все-таки чувствовалъ къ нему большое состраданіе.

«Мой мальчикъ передалъ мнѣ, что Комписсонъ укрывался также въ болотахъ. Клянусь душою, я почти увѣренъ, онъ бѣжалъ отъ страха, чтобъ отдѣлаться отъ меня и не зная, что я также былъ на берегу. Я нашелъ его и расквасилъ ему рыло. И теперь, сказалъ я, чтобъ окончательно тебѣ насолить,—о себѣ я не думалъ,—я потащу тебя назадъ. И я бы потащилъ его за волосы вплавь, еслибы до того дошло, и представилъ бы его на плашкоть, безъ помощи солдатъ.

«Разумѣется, онъ и тутъ успѣлъ счастливо отдѣлаться—онъ пользовался доброю славой. Онъ бѣжалъ отъ страха, боясь, что я покушаюсь на жизнь его, и наказали его легко. Меня же заковали въ желѣза, судили снова и сослали въ ссылку на всю жизнь. Я не остался однакоже тамъ на всю жизнь, милый малый и товарищъ Пипа, я съ вами теперь.»

Онъ снова отеръ испарину, какъ и прежде, потомъ медленно взялъ щепотку табаку изъ кармана вынулъ трубку изъ петлички, съ разстановкою набилъ ее, и началъ курить.

— Умеръ онъ? спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Кто умеръ, милый малый?

— Комписсонъ?

— Онъ надѣется, что я умеръ, если онъ только живъ, въ этомъ вы можете быть увѣрены, сказалъ онъ съ дикимъ взглядомъ. — Я уже о немъ болѣе не слышалъ.

Гербертъ что-то писалъ карандашомъ на оберткѣ книги Тихо пододвинулъ онъ ко мнѣ эту книгу, когда Провисъ стоялъ куря, устремивъ глаза на огонь, и я прочелъ на ней.

«Имя молодого Гевишама было Артуръ. Комписсонъ именно тотъ человѣкъ, который притворялся влюбленнымъ въ миссъ Гевишамъ.»

Я закрылъ книгу, слегка кивнулъ Герберту и положилъ книгу въ сторону; но ни одинъ изъ насъ не сказалъ ни слова, и мы оба смотрѣли на Провиса, какъ онъ стоялъ у огня и курилъ.

XLIII.

Зачѣмъ долго задумываться на вопросъ, въ какой мѣрѣ мое отвращеніе къ Провису должно быть приписано Эстеллѣ? Зачѣмъ останавливаться, чтобы сравнивать прежнее состояніе моей души, когда я старался смыть съ себя тюремное пятно, поджидая ее у конторы дилижансовъ, съ теперешнимъ состояніемъ души, когда я размышлялъ, какая страшная пропасть отдѣляла гордую красавицу Эстеллу отъ бѣлаго каторжника, котораго я укрывалъ? Дорога отъ этого не будетъ ровнѣе, конецъ не будетъ краше; ему не поможешь да и себя не оправдаешь.

Новый страхъ зародился въ моей душѣ отъ его повѣствованія, или, говоря точнѣе, это повѣствованіе придало теперь форму и цѣль уже существовавшему во мнѣ страху. Я едва ли бы могъ сомнѣваться въ послѣдствіяхъ, если Комписсонъ былъ живъ и провѣдалъ бы какъ-нибудь о его возвращеніи. Что Комписсонъ смертельно боялся его, конечно никто не зналъ этого лучше меня, и что такой человекъ, какимъ Провисъ описалъ его, не затруднится сдѣлаться донощикомъ чтобы освободиться такимъ легкимъ способомъ отъ страшнаго врага, это также легко было вообразить.

Никогда я не говорилъ и никогда не скажу ни слова,— такъ я рѣшилъ по крайней мѣрѣ—Эстеллѣ о Провисѣ. Но я сказалъ Герберту, что прежде чѣмъ оставлю Англію, я долженъ видѣть Эстеллу и миссъ Гевишамъ. Я сказалъ ему это въ тотъ же самый вечеръ, когда Провисъ разказалъ намъ свою исторію и когда мы остались одни. Я рѣшилъ на слѣдующій же день поѣхать въ Ричмондъ, и я туда отправился.

Когда я явился къ мистриссъ Орандле, къ мнѣ вышла горничная Эстеллы, чтобъ объявить мнѣ, что Эстелла уѣхала въ городъ. «Куда?»—«Въ Сатисъ-хаусъ по обыкновенію.»—«Нѣтъ не по обыкновенію,» сказалъ я, «потому что она еще ни разу не ѣздила туда безъ меня. Когда она будетъ назадъ?» Въ от-

вѣтъ служанки была замѣтна какаѣ-та таинственность, которая увеличила мое недоумѣніе; отвѣтъ былъ, что она вернется только на короткое время. Я ничего не могъ понять изъ этого и видѣлъ только, что того и хотѣла, чтобъ я ничего не понялъ, и я возвратился домой опять совершенно разстроенный.

Другое вечернее совѣщаніе съ Гербертомъ, когда Провисъ ушелъ домой, привело насъ къ заключенію ничего не говорить про нашу поѣздку за границу, пока я не вернусь отъ миссъ Гевшамъ. Между тѣмъ мы съ Гербертомъ обдумывали чтò лучше сказать ему, сочинить ли намъ какой-нибудь предлогъ, какъ напримѣръ опасеніе, что за нимъ наблюдаютъ; или просто предложить съѣздить за границу для удовольствія, потому что я еще не путешествовалъ. Мы оба знали, что онъ согласится на все, чтò бы я ни предложилъ. Мы согласились, что оставаться ему въ его теперешнемъ опасномъ положеніи было рѣшительно невозможно.

На слѣдующій день, я имѣлъ подлость притвориться, будто я желаю побывать у Джо; но передъ Джо я былъ способенъ на всякую низость. Я наказалъ Провису соблюдать большую осторожность, и просилъ Герберта присмотрѣть за нимъ, какъ присматривалъ я. Я буду въ отсутствіи только одну ночь и, по моемъ возвращеніи, его нетерпѣніе увидѣтъ меня большимъ бариномъ будетъ удовлетворено. Мнѣ пришло въ голову,—и у Герберта, я потомъ узналъ, была та же самая мысль,—увести его за море подъ предлогомъ сдѣлать различные покупки.

Расчистивъ такимъ образомъ себѣ дорогу для моей экспедиціи къ димиссъ Гевшамъ, я отправился въ раннемъ дилижансѣ, еще до свѣту. Я былъ уже на большой дорогѣ, когда медленно, ползкомъ, началъ подыматься разсвѣтъ, прикрытый лохмотьями облаковъ и ключьями тумана, дрожа и слезясь словно нищій. Когда мы подъѣхали къ Синему Кабану, послѣ дождливаго переѣзда, первый кто мнѣ попался на встрѣчу былъ Бентле Дремль; онъ вышелъ изъ воротъ, съ зубочисткою въ рукахъ, посмотреть на дилижансъ.

Онъ притворился, будто меня не видитъ; я также притворился, будто его не вижу. Съ обѣихъ сторонъ это было очень неудачное притворство; и тѣмъ оно было еще неудачнѣе, что мы оба вошли въ столовую, гдѣ онъ только что кончилъ свой завтракъ, а я заказалъ себѣ завтракъ. Для меня была

рѣшительная отравѣ видѣть его здѣсь: я очень хорошо зналъ, зачѣмъ онъ былъ здѣсь.

Притворившись, что я читаю старую засаженную газету, въ которой невозможно было разобрать внутреннихъ извѣстій подъ вѣшнымъ слоемъ разлитого кофе, пикулей, соусовъ, топленнаго масла и вина, покрывавшихъ листокъ пятнами всевозможныхъ величинъ и цвѣтовъ, какъ будто у него была корь въ высшей степени неровная, я сидѣлъ у стола; онъ стоялъ у камина. Постепенно начиналъ я чувствовать себя страшно оскорбленнымъ, что онъ стоялъ передъ огнемъ; я всталъ и рѣшился воспользоваться моими правами на огонь. Я долженъ былъ протянуть руку за его ноги, чтобы достать кочергу, когда я подошелъ къ камину, поправить огонь; но я все-таки притворялся будто не узнаю его.

— Что это вы меня не узнаете? сказалъ мистеръ Дремль.

— О! сказалъ я съ кочергою въ рукахъ:—это вы? Какъ вы поживаете? А я удивляюсь кто это заслоняетъ мнѣ огонь.

И я принялся за этимъ страшно мѣшать огонь; послѣ этого я сталъ рядомъ съ мистеромъ Дремль, приподнявъ мои плечи и повернувшись спиною къ огню.

— Вы только что сюда пріѣхали? сказалъ мистеръ Дремль, отодвигая меня слегка плечомъ.

— Да, сказалъ я, отодвигая его слегка моимъ плечомъ.

— Свинская сторона, сказалъ мистеръ Дремль.—Я полагаю, это ваша родина?

— Да, я подтвердилъ, мнѣ говорили, что она очень похожа на вашъ Шропширъ.

— Ни сколько, сказалъ Дремль.

Мистеръ Дремль посмотрѣлъ на свои сапоги, я поглядѣлъ на мои; потомъ мистеръ Дремль поглядѣлъ на мои сапоги, я взглянулъ на его.

— Давно вы здѣсь? спросилъ я его, рѣшившись не уступать ему огня ни на вершокъ.

— Достаточно времени чтобы соскучиться, отвѣчалъ Дремль, притворно зѣвая, но обнаруживая такую же рѣшимость.

— Долго вы останетесь здѣсь?

— Не знаю, отвѣтилъ мистеръ Дремль.—А вы?

— Не знаю, сказалъ я.

Клокотанье моей крови дало мнѣ почувствовать, что еслибы плечо мистера Дремля подвинулось на волосъ въ мою сторону, то я вышвырнулъ бы его за окно, и точно также что

еслибы мое плечо сдѣлало подобное движеніе, то мистеръ Дремль отбросилъ бы меня въ ближній ящикъ съ углемъ. Онъ посвясталъ немного, и я тоже.

— Здѣсь, кажется, большія болота? спросилъ Дремль.

— Что же изъ этого? сказалъ я.

Мистеръ Дремль посмотрѣлъ на меня, потомъ на мои сапоги и потомъ сказалъ: О!—и захохоталъ.

— Вамъ забавно, мистеръ Дремль?

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—нѣтъ не то, чтобы очень забавно. Я ѣду верхомъ. Для моей забавы я намѣренъ изслѣдовать эти болота... Мнѣ говорили тамъ есть куріозныя деревеньки. Куріозныя кабачки и кузницы. Человѣкъ?

— Здѣсь, сэръ,

— Готова моя лошадь?

— У подъязда, сэръ.

— Послушайте, леди не поѣдетъ сегодня верхомъ, погода не хороша.

— Слушаю, сэръ.

— И я не объѣдаю въ гостинницѣ; я объѣдаю у леди.

— Слушаю, сэръ.

Дремль взглянулъ на меня съ видомъ наглаго торжества на своей широкой образинѣ, какъ у трески; меня такъ и проныло до самаго сердца. Я былъ такъ взбѣшенъ, что мнѣ пришла охота схватить его на руки, какъ разбойникъ схватилъ одну старушку въ сказкѣ, и посадить его на огонь.

Одно было очевидно для насъ обоихъ, что пока кто-нибудь не явится намъ на помощь, ни одинъ изъ насъ не отойдетъ отъ огня. Итакъ мы стояли тутъ, выгнувъ спины, плечо къ плечу, нога въ ногу, заложивъ руки назадъ и не подаваясь ни на вершокъ. Лошадь дожидалась у подъязда на дождѣ, завтракъ ждалъ меня на столѣ. Завтракъ Дремля былъ убранъ, слуга приглашалъ меня начать мой завтракъ, я кивнулъ ему головою; оба мы оставались на нашихъ мѣстахъ.

— Были вы въ Роцѣ послѣ того? спросилъ Дремль.

— Нѣтъ, сказалъ я,—мнѣ опротивѣли Снигири въ послѣдній разъ, какъ я тамъ былъ.

— Это когда мы съ вами посчитались?

— Да, отвѣчалъ я отрывисто.

— Ну, ну! Вы тогда отъ нихъ легко отдѣлались, сказалъ насмѣшливо Дремль.—Вамъ не слѣдовало выходить изъ себя.

— Мистеръ Дремль, сказалъ я,—вы мнѣ въ этомъ случаѣ

никакъ не можете давать совѣтовъ. Когда я выхожу изъ себя (хотя я и не допускаю, чтобъ это было тогда со мною), я не бросаю стакановъ.

— А я бросаю, сказала Дремль.

Посмотрѣвъ на него разъ или два, съ едва-сдерживаемою яростью, я сказала:

— Мистеръ Дремль, я не зачиналъ этого разговора, и не думаю, чтобъ это былъ пріятный разговоръ.

— Конечно нѣтъ, сказалъ онъ злобно, изъ-за плеча,—но я ничего о немъ не думаю.

— И поэтому, продолжалъ я, — съ вашего позволенія, я предложу, чтобы на будущее время прекратить намъ всякія сношенія.

— Я совершенно того же мнѣнія, сказалъ Дремль,—и самъ бы это предложилъ или сдѣлалъ бы безъ всякихъ предварительныхъ предложеній. Но не выходите же изъ себя; вы и безъ того уже такъ много потеряли.

— Чтò вы хотите этимъ сказать, сэръ?

— Человѣкъ! закричалъ Дремль, какъ будто готова мнѣ отвѣтъ.

Слуга явился.

— Послушайте. Вы совершенно меня поняли, что молодая леди не будетъ сегодня кататься верхомъ, и что я обѣдаю у молодой леди?

— Точно такъ, сэръ.

Слуга попробовалъ рукой мой быстроостывавшій чайникъ и, посмотрѣвъ на меня умоляющимъ взглядомъ, ушелъ. Дремль, не подвигаясь плечомъ, которое прилегало къ моему, вынулъ сигару изъ кармана, откусилъ ея конецъ, но не обнаруживалъ ни малѣйшаго намѣренія уйти. Задыхаясь и кипя отъ ярости, я чувствовалъ, что мы не могли бы сказать еще ни одного слова, не упомянувъ имени Эстеллы, а я не вынесъ бы, еслибъ онъ назвалъ его. И поэтому впервые неподвижный взглядъ въ стѣну, какъ будто въ комнатѣ никого не было, я принудилъ себя молчать. Какъ долго остались бы мы въ этомъ глупомъ положеніи, я не могу сказать, еслибы не явились три зажиточные фермера, которыхъ ввелъ слуга; разстегнувъ пальто и потирая руки, они накинулись на огонь, и мы оба были принуждены уступить имъ наши мѣста.

Я видѣлъ въ окно, какъ онъ схватился за гриву лошади и полѣзъ на сѣдло своимъ неуклюжимъ манеромъ, переваливаясь

со стороны на сторону. Я думалъ, что онъ уже уѣхалъ, но онъ вернулся, потребовалъ огня для своей сигары, которая торчала у него во рту и которую онъ забылъ закурить. Человѣкъ въ платѣ запыленного цвѣта, подаль ему чего онъ требовалъ; я не могу сказать, откуда вышелъ этотъ человѣкъ, со двора или улицы или упалъ съ неба, и когда Дремль наклонился впередъ съ сѣдла, закуривая сигару, смѣясь и указывая головой на окна столовой, согнутыя плечи и косматые волосы этого человѣка, стоявшаго ко мнѣ спиной, напомнили мнѣ Орлика.

Я былъ такъ разстроены въ то время, что не могъ удостовѣриться, былъ ли это онъ дѣйствительно, не могъ также прикоснуться къ моему завтраку; я смылъ съ лица и рукъ всю неприятность погоды и усталость послѣ дороги и отправился въ этотъ такъ памятный мнѣ домъ, который лучше было бы мнѣ никогда не знать и не видать.

XLIV.

Я нашелъ миссъ Гевিশамъ и Эстеллу въ той комнатѣ, гдѣ стоялъ туалетъ и горѣли восковыя свѣчи въ стѣнныхъ подсвѣчникахъ; миссъ Гевিশамъ сидѣла на табуретѣ у камина, Эстелла сидѣла на подушкѣ, у ея ногъ. Эстелла вязала; миссъ Гевিশамъ глядѣла на нее. Обѣ онѣ подняли глаза, когда я вошелъ, и обѣ замѣтили перемѣну во мнѣ. Я заключилъ это по взгляду, которымъ они обмѣнялись.

— Какой это вѣтеръ, сказала миссъ Гевিশамъ,—принесъ васъ сюда, мистеръ Пипъ?

Хотя она смотрѣла на меня пристально, но я замѣтилъ, что она была немного смущена. Эстелла приостановилась на минуту съ своимъ вязаньемъ, подняла глаза на меня и опять принялась работать; мнѣ казалось, я могъ прочесть въ движеніи ея пальцевъ, будто она поняла, что я открылъ моего благодѣтеля.

— Миссъ Гевিশамъ вчера я былъ въ Ричмондѣ, чтобы переговорить съ Эстеллой, и найдя, что вѣтеръ перенесъ ее сюда, я за нею послѣдовалъ.

Миссъ Гевিশамъ, въ третій или четвертый разъ, указала мнѣ, чтобъ я сѣлъ; я взялъ стоявшій у туалета стулъ, на ко-

торомъ она часто сживала; мнѣ показалось, что въ нынѣшній день самое приличное для меня мѣсто было посреди этого вихора разрушенія.

— То, что мнѣ нужно было сказать Эстеллѣ, я передамъ ей при васъ сейчасъ же. Васъ это не удивить; вамъ это не будетъ неприятно. Я вполне не счастливъ, какъ вы только могли бы пожелать.

Миссъ Гевишамъ продолжала пристально смотрѣть на меня; я видѣлъ по движенію пальцевъ Эстеллы, что она внимательно прислушивалась къ моимъ словамъ; но она не глядѣла на меня.

— Я открылъ, кто мой покровитель. Для меня это не очень счастливое открытіе; оно не возвыситъ моего положенія. Есть причины, по которымъ я объ этомъ не могу распространяться. Это не моя, это чужая тайна.

Я остановился на минуту и посмотрѣлъ на Эстеллу, соображая, какъ продолжать. Миссъ Гевишамъ повторила:

— Это не ваша, это чужая тайна. Ну, что же далѣе?

— Когда вы приказали привести меня сюда въ первый разъ, миссъ Гевишамъ, когда я жилъ еще въ той деревни, которую съ сожалѣнію я оставилъ, — я полагаю, я попалъ сюда совершенно случайно, какъ могъ бы попасть сюда всякій другой мальчикъ, чтобъ исполнять обязанность слуги или удовлетворять минутному капризу, за извѣстную плату?

— Да, Пипъ, отвѣчала миссъ Гевишамъ, съ рѣшительнымъ наклоненіемъ головы, — совершенно такъ.

— И что мистеръ Джагерсъ...

— Мистеръ Джагерсъ, сказала миссъ Гевишамъ, прерывая меня твердымъ тономъ, — не принималъ тутъ никакого участія и ничего не зналъ объ этомъ. Что онъ былъ моимъ адвокатомъ, адвокатомъ вашего покровителя, это чистая случайность; онъ занимаетъ подобное положеніе у тысячи людей, и подобная вещь могла легко случиться, и она случилась; тутъ никто не виноватъ.

Каждый могъ бы видѣть по ея разстроенному лицу, что она говорила истину, безъ малѣйшей утайки.

— Но когда я впалъ въ заблужденіе, въ которомъ я такъ долго оставался, вы по крайней мѣрѣ поддерживали его? сказалъ я.

— Да, отвѣчала она, снова кивая головой, — я васъ оставляла въ немъ.

— Было ли это великодушно?

— Что я такое, закричала миссъ Гевшамъ, ударивъ костью по полу и придя въ совершенную ярость такъ внезапно, что Эстелла взглянула на нее въ удивленіи:—что я такое, скажите ради Бога, что вы отъ меня требуете великодушія!

Я вовсе былъ не намѣренъ упрекать ее. Я такъ и сказалъ ей, когда она впала въ задумчивость послѣ этого порыва.

— Ну, ну, ну! сказала она:—что же далѣе?

— Я былъ щедро вознагражденъ за мою старую службу здѣсь, сказалъ я, чтобъ ее утѣшить,—вы меня приписали къ ремеслу, и я дѣлалъ эти вопросы только такъ, изъ личнаго любопытства. Но у меня есть еще другая цѣль, получше Потворствуя моему заблужденію, вы наказывали, вы дурачили, —приберите сами какое угодно слово, чтобы выразить ваше же намѣреніе, не оскорбляя себя,—вашихъ себялюбивыхъ родственниковъ?

— Да, сказала она,—они вообразили себѣ то же что и вы. И съ чего было мнѣ стараться разувѣрять васъ всѣхъ? Вы сами ставили себѣ западни, а не я.

Выждавъ, пока она успокоилась, потому что и эти слова сказались ею рѣзко, я продолжалъ:

— Я случайно попалъ въ одно семейство вашихъ родственниковъ, миссъ Гевшамъ, и постоянно былъ въ немъ, съ тѣхъ поръ какъ переѣхалъ въ Лондонъ. Я знаю, что они были въ томъ же заблужденіи, какъ и я, и я былъ бы низкимъ лжецомъ, еслибъ я вамъ не сказалъ,—все равно пріятно ли вамъ это или нѣтъ, хотите ли вы этому вѣрить или нѣтъ,—что вы глубоко оскорбляете Матью Покета и его сына Герберта, полагая, будто эти честные прямые, открытые люди способны на низость.

— Они ваши друзья, сказала миссъ Гавишамъ.

— Они пріобрѣли мою дружбу, сказалъ я,—когда они предполагали, что я оттѣснилъ ихъ, и когда конечно Сара Покетъ, миссъ Джорджіана и мистриссъ Камилла не были моими друзьями.

Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что этотъ контрастъ такъ будто сдѣлалъ на нее выгодное для нихъ впечатлѣніе. Она пристально посмотрѣла на меня съ минутою и потомъ сказала спокойно:

— Что же вамъ нужно для нихъ?

— Только, чтобы вы не смѣшивали ихъ съ другими, ска-

заль я. — Хотя въ нихъ и одна кровь; но, повѣрьте мнѣ, они не одинаковаго свойства.

Продолжая смотрѣть на меня также пристально, миссъ Гевишамъ повторила:

— Что же вамъ нужно для нихъ?

— Вы видите, я не такъ хитеръ, сказалъ я въ отвѣтъ, чувствуя, какъ кровь подымалась къ моимъ щекамъ, — чтобы скрыть отъ васъ, даже еслибъ я этого и желалъ, что мнѣ чего-то нужно. Миссъ Гевишамъ, еслибы вы захотѣли положить нѣкоторую сумму, чтобъ оказать моему другу Герберту услугу на цѣлую жизнь, но дѣлая это однакоже безъ его вѣдома, — того требуютъ обстоятельства, — то я могъ бы вамъ сказать, какъ это сдѣлать.

— Почему безъ его вѣдома? спросила она, опершись обѣими руками на костыль, чтобъ имѣть возможность слѣдить за мною внимательнѣе.

— Потому, сказалъ я, — что я началъ это дѣло для него слишкомъ два года тому назадъ безъ его вѣдома, и я не хочу теперь выйти наружу. Почему я не въ состояніи докончить это дѣло, я не могу объяснить. Это опять чужая тайна, а не моя.

Она постепенно свела съ меня свои глаза и обратила ихъ на огонь. Посмотрѣвъ на него довольно долго, она пробудилась изъ своей задумчивости отъ шума падавшихъ угольевъ въ каминъ и посмотрѣла снова на меня, сначала довольно неопредѣленно, потомъ съ постепенно-сосредоточеннымъ вниманіемъ. Эстелла все это время вязала. Миссъ Гевишамъ, снова обративъ на меня вниманіе, сказала, какъ будто нашъ разговоръ не прекращался:

— Что далѣе?

— Эстелла, сказалъ я, обращаясь теперь къ ней, и стараясь овладѣть моимъ дрожавшимъ голосомъ, — вы знаете, какъ я люблю васъ. Вы знаете, какъ давно и какъ горячо я люблю васъ.

Когда я обратился къ ней, она приподняла на меня свои глаза, но пальцы ея продолжали работать. Она смотрѣла на меня неподвижнымъ взглядомъ. Миссъ Гевишамъ, я замѣтилъ, поглядывала то на нее, то на меня.

— Я бы сказалъ вамъ это уже давно, еслибы не это несчастное заблужденіе, въ которомъ я такъ долго находился. Я надѣялся, что миссъ Гевишамъ предназначала насъ другъ для друга. Пока я думалъ, что вы не могли выбрать сами, я

удерживался отъ такого признанія; но теперь я долженъ высказаться.

Сохраняя свою прежнюю неподвижную физиономію и продолжая двигать пальцами, Эстелла покачала головой.

— Я знаю, сказалъ я въ отвѣтъ на это движеніе, — я знаю, я не имѣю никакой надежды назвать васъ, Эстелла, когда-нибудь моею. Я самъ не знаю, что еще можетъ случиться со мною въ очень короткое время, куда я дѣнусь, какая бѣдность можетъ быть ожидать меня. Но все-таки я люблю васъ. Я васъ полюбилъ съ самаго того времени, когда увидѣлъ васъ въ первый разъ въ этомъ домѣ.

Смотря на меня совершенно спокойно и продолжая работать пальцами, она опять покачала головой.

— Жестоко, ужасно жестоко было бы со стороны миссъ Гевишамъ шутить впечатлительностію бѣднаго мальчика и столько дѣтъ мучить меня тщетною надеждой, еслибъ она сообразила всю важность такого поступка. Но я полагаю, она не подумала объ этомъ. Я полагаю, что подъ тягостію своихъ страданій, она забыла о моихъ мукахъ, Эстелла.

Я замѣтилъ, миссъ Гевишамъ приложила свою руку къ сердцу и держала ее тутъ, смотря попеременно, то на меня то на Эстеллу.

— Я полагаю, сказала Эстелла очень спокойно, — что бываютъ причуды чувства, я не знаю какъ назвать ихъ, которыхъ я не въ состояніи понять. Вы говорите, вы любите меня; я понимаю значеніе этого слова, и только. Вы ничего не возбуждаете въ моей груди, ничего тамъ не трогаете. Мнѣ рѣшительно все равно, что вы говорите. Я старалась предостеречь васъ; скажите сами, не правда ли?

Я сказалъ жалкимъ тономъ: — Да.

— Да, но вы не хотѣли остеречься, вы не предполагали, чтобъ я такъ думала. Скажите сами теперь, не правда ли?

— Я полагалъ, я надѣялся, что вы не могли такъ думать. Вы такъ молоды, такъ неопытны и такъ прекрасны, Эстелла! Конечно это не естественно.

— Но такова моя природа, отвѣчала она. — И потомъ прибавила, придавая особенное выраженіе слѣдующимъ словамъ: — Такова природа, которую во мнѣ развили. Я дѣлаю большое различіе между вами и другими, когда я говорю вамъ это; бо-ѣе этого я не могу сдѣлать.

— Не правда ли, сказалъ я, — что Бентле Дремль здѣсь въ годѣ и преслѣдуетъ васъ?

— Совершенная правда, отвѣчала она, относясь о немъ съ равнодушіемъ, переходившимъ въ полное презрѣніе.

— Не правда ли, что вы подаете ему надежды, катаетесь съ нимъ верхомъ, что онъ даже сегодня объѣдаетъ у васъ?

Она повидимому была удивлена не много, что я это зналъ, но отвѣчала опять:

— Совершенная правда.

— Вы не можете любить его, Эстелла!

Пальцы ея остановились въ первый разъ, и она отвѣчала сердито:

— Чтò я сказала вамъ? Неужели вы и послѣ этого все еще полагаете, что я не думаю того, чтò говорю?

-- Вы никогда не будете его женою, Эстелла?

Она посмотрѣла на миссъ Гевишамъ, подумала съ минуту, не выпуская изъ рукъ своей работы, и потомъ сказала:

— Зачѣмъ скрывать отъ васъ истину? Я выхожу за него замужъ.

Я закрылъ лицо мое руками, но я успѣлъ удержать себя лучше нежели можно было этого ожидать, хотя для меня было страшною мукой слышать отъ нея эти слова. Когда я открылъ мое лицо, на лицѣ миссъ Гевишамъ было такое ужасное выраженіе, что оно произвело на меня впечатлѣніе, не смотря на всю силу моей страсти и моего горя.

— Эстелла, милая, милая Эстелла, не дѣлайте, не дѣлайте этого роковаго шага, къ которому влечетъ васъ миссъ Гевишамъ. Отбросьте меня навсегда,—вы уже сдѣлали это, я очень хорошо знаю,—но отдайтесь же кому-нибудь другому подостойнѣ Дремля. Миссъ Гевишамъ предаетъ васъ ему, чтобы показать только пренебреженіе къ толпѣ болѣе достойныхъ людей, которые увлекаются вами, и небольшому кружку людей, которые васъ истинно любятъ. Между этими немногими можетъ-быть найдется одинъ, кто любитъ васъ также горячо, какъ я, хоть и не такъ давно какъ я. Возьмите его; мнѣ это будетъ легче.

Моя горячность какъ будто пробудила въ ней удивленіе, въ которомъ былъ даже виденъ оттънокъ состраданія и сожалѣнія, что она не могла понять меня.

— Я выхожу за него замужъ, сказала она опять болѣе мягкимъ голосомъ.—Всѣ приготовленія къ моей свадьбѣ уже сдѣланы, и моя свадьба будетъ скоро. Зачѣмъ вы такъ оскорбительно упоминаете имя моей названной матери? Это мое собственное желаніе.

— Ваше собственное желаніе отдаться такому животному?

— Кому же вы хотите, чтобъ я отдалась? возразила она съ улыбкою.— Должна ли я отдаться человѣку, который скорѣе почувствуетъ, что я ничего не приношу ему? Дѣло сдѣлано. Какъ-нибудь мы промаячимъ жизнь съ моимъ мужемъ. Чтѣ же касается до того, будто миссъ Гевшамъ принуждаетъ меня сдѣлать этотъ шагъ, то напротивъ она желаетъ, чтобъ я еще пождала и не выходила замужъ; но мнѣ опротивѣла эта жизнь, которую я веду, и я охотно ее мѣняю. Ни слова болѣе; мы никогда не поймемъ другъ друга.

— Такое низкое животное, такое глупое животное, повторялъ я въ отчаяніи.

— Не бойтесь, чтобъ я была ему утѣхою, сказала Эстелла. — Нѣтъ, не буду. Ну, вотъ вамъ рука моя. Что же мы расходимся послѣ этого, мечтатель-мальчишкѣ или мушкетеру?

— О, Эстелла! отвѣчала я, и мои горючія слезы лились на ея руку, какъ я себя ни удерживала. — Одна мысль, что вы жена Дремля для меня невыносима!

— Пустячки, отвѣчала она,—пустячки. Это скоро пройдетъ.

— Никогда, Эстелла.

— Вы меня выбросите изъ головы въ недѣлю.

— Забыть васъ? Вы часть моего существованія, вы часть меня самого. Вы были въ каждой строчкѣ, которую я успѣлъ прочесть съ того времени, какъ я пришелъ сюда еще простымъ мальчишкой; вы уже тогда поразили его бѣдное сердце. И съ того времени вы были передо мною во всемъ, чтѣ представлялось моимъ глазамъ; я видѣлъ васъ въ струяхъ рѣки, на парусахъ кораблей, въ облакахъ, во тмѣ и свѣтѣ, въ лѣсахъ, на морѣ, на улицахъ. Вы были для меня воплощеніемъ каждой граціозной фантазіи, съ которою знакомился мой умъ. Вамъ легче сдвинуть съ мѣста вашими руками самые камни, изъ которыхъ выстроены лондонскія зданія, нежели уничтожить ваше вліаніе, ваше присутствіе для меня во всемъ. Эстелла, до послѣдняго часа моей жизни вы останетесь частью меня, частью капли добра, которое есть во мнѣ, и также частью зла. Но я соединяю васъ только съ добромъ, и вѣрно сохраню навсегда память о васъ въ связи съ нимъ, потому что вы мнѣ сдѣлали гораздо болѣе добра нежели зла, какъ мнѣ теперь ни горько. Господь благослови васъ, Господь прости васъ.

Я самъ не знаю, какою силою вырвала у меня эти не-

связныя слова. Эта рапсодія закипѣла въ моей груди, и вылилась какъ потокъ крови изъ моей внутренней раны. Я приложилъ ей руку къ моимъ губамъ на нѣсколько секундъ и вышелъ вонъ. Но я припоминалъ всегда послѣ, что между тѣмъ какъ Эстелла смотрѣла на меня съ недоувѣрчивымъ удивленіемъ, вся фигура миссъ Гевшамъ, которая все еще держала свою руку у сердца, казалось, вылилась въ одинъ взглядъ жалости и угрызения.

Все было кончено; все было рѣшено! И когда я вышелъ изъ калитки, дневной свѣтъ, казалось мнѣ, былъ темнѣе чѣмъ когда я вошелъ въ нее. Я обошелъ окольными тропинками и отправился пѣшкомъ въ Лондонъ. Я достаточно опомнился, я видѣлъ ясно, что для меня было невозможно возвратиться въ гостиницу и встрѣтиться тамъ съ Дремлемъ; для меня невозможно было сѣсть въ дилижансъ и говорить съ кѣмъ-нибудь; я сознавалъ, что лучше всего мнѣ было утомиться до совершеннаго безсилія.

Въ полночь я прошелъ черезъ Лондонскій Мостъ и пустился въ лабиринтъ узкихъ улицъ, которыя въ то время тянулись на западъ, по близости миддлсескаго берега Темзы; мнѣ ближе всего было пройти въ Темплъ съ рѣки черезъ Уайтъ-Фрайарсъ. Меня не ожидали прежде завтрашняго дня; но у меня былъ ключъ отъ квартиры, и если Гербертъ легъ уже въ постель, то я могъ самъ добраться до моей постели, не тревожа его.

Рѣдко случалось, чтобы я приходилъ черезъ Уайтфрайарскія ворота, когда Темплъ бывалъ уже запертъ, и кромѣ того, я былъ очень утомленъ и весь запачканъ въ грязи, и потому мнѣ не показалось страннымъ, что привратникъ разглядывалъ меня съ большимъ вниманіемъ, пропуская меня въ ворота. Чтобы напомнить ему себя, я назвалъ свое имя.

— Я не былъ совершенно увѣренъ, сэръ, но я полагаю, что это вы. Вотъ къ вамъ записка, сэръ. Разсмысленный, который принесъ ее, наказалъ, чтобы вы сдѣлали одолженіе прочли ее при моемъ фонарѣ.

Очень удивляясь этому требованію, я взялъ записку. Оно было адресовано *Филиппу Лину, эсквайру*; надъ адресомъ была слова: «сдѣлайте одолженіе, прочтите это здѣсь же.» Я открылъ ее; сторожъ свѣтилъ мнѣ, и я прочелъ слѣдующее, написанное рукою Вемика: *Не ходите домой.*

ГУРИНЪ

ПОВѢСТЬ

I.

Быль ясный и теплый сентябрьскій день; время подь вечеръ.

Въ одномъ изъ лучшихъ Г—скихъ отелей, у раствореннаго окна богатаго покоя, стояла высокая и худая молодая дѣвушка.

Она довольно стройна; лицо блѣдное, останавливающее на себѣ вниманіе жесткостью своихъ линій; небольшіе сѣрые глаза съ пристальнымъ и неглупымъ взглядомъ; надъ ними брови, что-то слишкомъ уже рѣзкія и узкія; темные волосы въ оригинальной прическѣ; прямой носъ съ нѣскольکو-вздутыми ноздрами; тонкія губы...

Особу эту зовутъ Варварой Нарѣвой, иногда Варей и Варенькой, чаще Варварой Антоновной; на вопросъ о лѣтахъ отвѣчаютъ, что ей скоро-скоро минетъ девятнадцать, хотя на видъ ей болѣе двадцати трехъ.

Варвара Антоновна, повидимому, ждетъ кого-то; въ ней замѣтно даже нетерпѣніе и нѣкоторое неудовольствіе. При всякомъ шумѣ на улицѣ, она наклоняется чуть-чуть впередъ и выглядываетъ торопливо, не идетъ ли кто.

Варвару Антоновну заставляютъ ждать уже довольно долго. Но вотъ раздался шумъ, мелькнула фигура мужчины въ широкой соломенной шляпѣ, потомъ въ смежной комнатѣ послышались мягкіе и вѣжливые шаги, явился кельнеръ съ докладомъ: «Негг Gouguine,» и наконецъ въ комнату вошелъ человекъ лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста, стройный и сидный, съ русыми коротко выстриженными волосами, съ довольно обыкновеннымъ, но тщательно убраннымъ лицомъ, и съ милою улыбкой въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ, которымъ вторили яркія, красиво очерченныя губы. Гуринъ одѣтъ франтомъ и, кажется, гордъ и счастливъ собою.

Въ то время какъ кельнеръ затворялъ окна и зажигалъ свѣчи, Варвара Антоновна и Гуринъ усаживались и обмѣнивались обычными привѣтствіями.

— Вы какъ-то поздно сегодня, Михайло Львовичъ?

— Да, занятъ былъ.

— Чѣмъ же это?

— Чѣмъ всегда; читалъ, наводилъ справки, «концепировалъ» что-то... Гдѣ вашъ папа?

— Уѣхалъ въ Мангеймъ; сегодня хотѣлъ быть назадъ.—Что новаго?

— Новаго? Ничего нѣтъ новаго; я почти никогда не приношу вамъ новаго, вы знаете это, отвѣтилъ довольно безцеремонно Михайло Львовичъ.

— Сердитый, впрочемъ какъ всегда, замѣтила снисходительно Варвара Антоновна.

— Да, да; и теперь, какъ всегда, прошу васъ не обращаться ко мнѣ съ такими банальными вопросами, продолжалъ Гуринъ.—Скажите лучше, что вы дѣлали, гдѣ были сегодня?

— Все дома просидѣла; читала вашу хорошенькую книгу.

— Почему она моя-съ, почему она хорошенькая-съ? пропѣлъ Гуринъ, глядя куда-то въ сторону.

— Ахъ! Михайло Львовичъ!... упрекнули его слегка, кокетливо прищурившись.

Михайло Львовичъ усмѣхнулся.

— Такъ говорите же, Варвара Антоновна, произнесъ онъ спокойно.

— Вы разстроены сегодня.

— Полно, полно; говорите пожалуйста. А послѣ я самъ разкажу вамъ кое-что.

— Что же говорить вамъ?

— Рассказывайте, что дѣлали, что именно читали?

— Ахъ, что за тонъ! Какой вы, въ самомъ дѣлѣ, Михайло Львовичъ!..

— Варвара Антоновна, говорите, повторилъ тотъ.

— Ну читала и знаете то, что вы мнѣ показали.

— Стихи, кажется, такъ-называемую по-э-зію.

— Да, и истинную, не стихи только, замѣтила нѣсколько жеманно Варвара Антоновна.

— Ну!.. сдѣлалъ Гуринъ.

— Ахъ, вы вѣчно съ этими «ну»...

— Ну, повторилъ тотъ.

— Хотите я вамъ прочту; это будетъ лучше,—и Варвара Антоновна поднялась.

— Нѣтъ, нѣтъ; очень вамъ благодаренъ; не беспокойтесь, некогда, да я стихи и неохотно слушаю.

— Съ которыхъ это поръ, Михайло Львовичъ? Какъ это вы такъ, вдругъ теперь, ни съ того, ни съ сего, изволили разлюбить?..

— Теперь только полюбилъ, любезная Варвара Антоновна. Прежде, года два тому, въ Петербургѣ, я мало понималъ толку во всякихъ стихахъ, да еще къ тому, представьте, дулся на нихъ.

— Скажите?.. Возможно ли, Михайло Львовичъ? удивилась чуть-чуть насмѣшливо Варвара Антоновна.—Вы такой...

— ... Умный, кончилъ Гуринъ.—Я хорошо помню еще, какъ пѣвалъ противъ нихъ, стиховъ-то. «И... будто прилично, господа, зрѣлой и развитой современной мысли, эта крайне неестественная форма выраженія? Будто заостриваніе строчекъ рифмою, навѣшиваніе потѣшныхъ бубенчиковъ по кончикамъ, не затемняетъ мысли, не ослабляетъ картины, не унижаетъ, вообще, поэзія?..» И такъ далѣе, въ этомъ же родѣ. А слушатели тогда были, знаете, все тузы, тупые большею частью.

— Et donc; cessez, Михайло Львовичъ. Вы все на нихъ, а право, при случаѣ, сами льнете.

— Варвара Антоновна, прошу покорно! И—Гуринъ насупился немного; но взглянувъ на сосѣдку, онъ тотчасъ же успокоился, а послушное лицо его приняло прежнее выраженіе.

— ...И такъ, тупые большею частью, продолжалъ онъ,—и avec cette adhésion moutonnaire, qui les caractérise, сейчасъ подхватили слово и еще ужасно обрадовались, ха! Ну теперь я отащъ посерьознѣе, позрѣлѣе; понимаю, что стихи, владѣя необходимо двумя элементами музыки.. —И Гуриновъ вдругъ

остановился.—Ахъ, Варвара Антоновна! Я чуть не забылъ, что мнѣ нужно на станцію желѣзной дороги, проговорилъ онъ поспѣшно взглядывая на часы.—Вѣдь я жду моего стараго друга, и знаете, славнаго такого, милаго... Вообразите, еще въ училищѣ онъ мнѣ все помогалъ; придетъ бывало изъ университета, расскажетъ, объяснитъ, что нужно. Развѣ я вамъ ничего не говорилъ?...

— Ни слова.

— Какже, какже; онъ сегодня долженъ быть, и знаете славный человекъ, милый, пренилый.

— Скажите!.. И онъ будетъ именно сегодня?

— Да, писалъ мнѣ. На утреннемъ поѣздѣ не пріѣхалъ, такъ должно быть пріѣдетъ на вечернемъ.

— И давно не видѣлись?

— Лѣтъ десять... Послѣ училища, я остался служить въ Петербургѣ, а онъ изъ университета поступилъ куда-то въ провинцію; въ Петербургѣ вѣроятно рѣдко бывалъ... и не пришлось встрѣтиться.

— Un homme de bien? спросила прищурившись Варвара Антоновна.

— Опять банальности! Будемте серіознѣе и внимательнѣе къ нашимъ словамъ, Варвара Антоновна.

— Ахъ, полно же, Михайло Львовичъ... проговорила она съ упрекомъ и улыбкой.

— Такъ до свиданія, продолжалъ хладнокровно Гуринъ, вставая и отыскивая шляпу.

— Вы будете завтра?

— Постараюсь.

— A demain donc, Михайло Львовичъ.

— Вон, кланяйтесь кланяйтесь вашему папа.

— Merci... Такъ товарищъ этотъ—«милый,» какъ вы выражаетесь? остановила его снова Варвара Антоновна, когда онъ былъ уже въ дверяхъ.

— Да, да; милый, очень милый, повторилъ Гуринъ.—И даже, вы не повѣрите, мы были такіе... искренніе друзья; онъ любилъ такъ меня, я... былъ обязанъ ему. Помню прощаніе, когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга; цѣлуемся крѣпко, протяжно, слезы знаете бѣгутъ... грустные и добрыя. И даже, вотъ теперъ, я съ нѣкоторымъ волненіемъ ожидаю свиданія.

— Будто? Вы такой... начала снова Варвара Антоновна.

— ... Невозмутимый, кончилъ Гуринъ.— Но, что это въ са-

можъ дѣлѣ, проговорилъ онъ, слегка насупившись,—я позволяю себѣ сегодня заговариваться и забывать дѣло? Всего остается двадцать минутъ; пять, домой; двѣ, одѣться; три-четыре, пока экипажъ будетъ готовъ; пять, туда,—считалъ онъ, глядя на часы.

Варвара Антоновна съ внимательнымъ удовольствіемъ слѣдила между тѣмъ за мягкими и круглыми движеніями господина Гурина, и когда послѣ поклона, стройная и сильная фигура нашего франта исчезла въ корридорѣ, она встала, улыбнулась какою-то странною улыбкой, и подошла къ трюмо посмотрѣться.

II.

Въ залѣ дебаркадера, тамъ и сямъ, на скамейкахъ и на диванахъ, сидѣло, тихо разговаривая, нѣсколько паръ, когда съ шумомъ, съ постукиваніемъ калошами, явился Гуринъ. Поѣзда еще не было. Онъ оглядѣлъ сидѣвшихъ, перебралъ на буфетномъ прилавкѣ нѣсколько вещей и не взялъ ни одной, позвалъ на объявленія и афиши, и сталъ ходить. Одинъ изъ Нѣмцевъ, должно быть засидѣвшійся, всталъ также и заходилъ по одному направленію съ Гуринымъ. Вѣрно звукъ шаговъ Нѣмца въ пустой залѣ показался нашему знакомому слишкомъ звонкимъ и самодовольнымъ, потому что не успѣлъ тотъ сдѣлать одного круга, какъ Гуринъ сидѣлъ уже и наморщившись посматривалъ на его огромныя ноги.

«Обниму Давыда, рассуждалъ онъ про себя, да поскорѣ въ карету; а то здѣсь Нѣмцы засуетятся, затолкаются, пожалуй съ ногъ собьютъ, да и вообще какъ-то неприятно.»

Скоро раздался свистокъ, послышалось приближающееся постукиваніе колесъ и усталое шипѣніе локомотива. Сидѣшіе поднялись и подошли къ двери; Гуринъ сталъ поодаль. Толпа валила шумливо и суетливо, Гуринъ всматривался въ проходившихъ, но друга не оказывалось. Наконецъ, когда большинство пробѣжало и протолкалось, въ дверяхъ показался человекъ лѣтъ двадцати восьми, небольшого роста, блондинъ, съ круглымъ довольно полнымъ, изрѣдка рябоватымъ лицомъ, и съ большими, съ перваго взгляда свѣтло и необыкновенно радушно озирающими cadaго, глазами. Онъ подвигался нето-

ропливо; на одной рукѣ былъ пледъ, на другой небольшой дорожный мѣшокъ.

— Давыдъ, это ты, братъ!..

— Миша!.. раздалось въ отвѣтъ, и прѣвзжій сбросивъ шапку, минуту-другую крѣпко обнималъ Гурина.

— Идемъ же, началъ оправляясь послѣдній. — Тебя вѣдь, знаешь, особый экипажъ ждетъ, не извозчикъ; я позаботился обо всемъ.

— Зачѣмъ же это особый экипажъ? замѣтилъ тихо Давыдъ: — кажется здѣсь обыкновенно дожидаются отельные омнибусы?..

— Да, но зачѣмъ тебѣ въ омнибусъ? Тебѣ тамъ на колѣни сидеть, всѣ ноги оттопчутъ! Я тебѣ предлагаю карету, мою карету, которая только меня одного и возить.

— Ну, да это, Миша, не важно; я, правду оказать, сажусь въ омнибусъ охотнѣе...

— Охотнѣе!.. Почему охотнѣе? Я для тебя нарочно приготовилъ особую карету, а ты въ омнибусъ охотнѣе! Аффектируешь, братъ, простотой да скромностію...

— Полно, Миша; изволь, изволь, сяду въ твою карету, что тутъ много говорить, отвѣчалъ Давыдъ. — Нужно только багажъ захватить, вотъ пойдемъ вмѣстѣ.

— Оставь твой багажъ!.. Я пришлю за нимъ человѣка.

— Лишнее Миша, лишнее; вѣдь мы сами можемъ захватить его.

— Да къ чему его захватывать!..

— Ни тебя, ни меня это не затруднитъ, отвѣтилъ Давыдъ, и взявъ подъ руку Гурина, направился къ мѣсту, гдѣ разбранились вещи.

Черезъ минуту вещи были выданы.

— Экой у тебя, Давыдъ, чемоданчикъ-то, желтый, корявенькій, вогнутый какой-то; откуда ты его выкопалъ? спрашивалъ Гуринъ, когда чемоданъ несли къ каретѣ.

Гуринъ усадилъ Давыда, самъ помѣстился подлѣ него и приказалъ вести въ отель, гдѣ стоять.

— Отъ души радъ тебя видѣть, Давыдъ, началъ онъ уже въ каретѣ. — Ты вѣдь прѣехалъ сюда заниматься въ Б—еновской лабораторіи, такъ ли? Зиму значитъ проведемъ вмѣстѣ; и прекрасно.

— Да, на досугъ потолкуемъ о многомъ; вспомнимъ, Миша, то время, дружбу...

— Какже, перебилъ Гуринъ. — А ты, братъ, порадочно пере-
мѣнился, да, знаешь къ лучшему. Целуеться, поздоровься,
округлился. Видно профессоромъ-то ничего, недурно. Что, ты-
сачи три небось имѣешь въ годъ, а?

— Да, случается иногда; обыкновенно же двѣ съ половиной...

— Двѣ съ половиной, и то, братъ, деньги.

— Ну, да работаю порядочно. Оставимъ-ка, Миша, это те-
перь; послѣ успѣемъ. Скажи мнѣ пожалуста лучше, какимъ
образомъ ты попалъ сюда, что ты здѣсь собственно дѣлаешь?
Занимаешься чѣмъ? спросилъ Давыдъ.

— Многимъ, братецъ, многимъ, началъ было Гуринъ, но
карета остановилась передъ подъездомъ отеля и подошедшій
кальнеръ прервалъ разговоръ.

— Комнату тебѣ сейчасъ дадутъ; я тебѣ совѣтую спросить
въ гульдены или въ полтора; у нихъ здѣсь комнаты вообще
милы и комфортавы. Да кстати, закажи что тебѣ нужно сейчасъ
же, при входѣ, какъ я всегда дѣлаю; не придется дожидаться
геландиому. Да вотъ позволь мнѣ распорядиться этимъ. Ты
вѣрно хочешь биестексу и чаю къ нему? Такъ вѣдь? кричалъ
Гуринъ, и вдругъ ему показалось, что Давидъ немного расте-
рялся. — Ась!.. Ты должно быть биестексу не ѣшь! желудекъ
не варить... Понимаю! завалы... или этотъ проклятый гемеррой...
Ну въ такомъ случаѣ, я прикажу прямо подать тебѣ зельцер-
ской воды съ виномъ, а то можно, для радости, къ зельцерской
водѣ шампанскаго... Что жъ ты, братъ? говори скорѣй!

Давыдъ выждалъ пока Гуринъ кончилъ, и потомъ самъ обра-
тился къ кальнеру.

— Ну и прекрасно, подтвердилъ Гуринъ. — Ты мнѣ позво-
лишь теперь минутъ на пять оставить тебя, а потомъ я къ
тебѣ въ номеръ приду; если ты не усталъ, вмѣстѣ проведемъ
вечеръ.

— Усталъ; но ты, Миша, одѣлай милость заходи, да и по-
скорѣй, отвѣтилъ Давыдъ, пожимая радушно руку Гурина.

Минутъ черезъ десять, на удобномъ мягкомъ диванчикѣ
передъ чайнымъ столомъ, сѣдѣли Гуринъ и Давидъ въ комнатѣ
последняго.

Давыдъ былъ въ рубашкѣ, съ наброшеннымъ сверху хала-
томъ, и сѣдѣлъ, положивъ голову на плечо Гурина; Гуринъ
недѣль него въ модной щегольской визиткѣ, потирая руки и
округляя ногти, посматривалъ на блѣдокурую голову своего при-

ителя, съ снисходительною, какъ будто къ его непочатой наивности, улыбкой. Оба молчали нѣсколько времени.

— Съ чего же намъ начать? спросилъ наконецъ Гуринъ.

— У! какъ важно, Миша! засмѣялся добродушно Давыдъ.

— Да кончай ужинать; ты, можетъ-быть, не успѣлъ еще.

— Давно кончилъ, и Давыдъ приподнялся немного.

— Давыдъ!.. Чтò это у тебя? Рѣдь-то какая на маковкѣ, замятилъ вдругъ Гуринъ, наклоняясь къ его головѣ.—Покажи-ка покажи. Э! да у тебя скоро волосъ не будетъ. Это, братъ, не практично! Зачѣмъ ты не стрижешь ихъ въ сроки, какъ я наприимѣръ? Ты посмотри на мои волоса,—какъ густой парикъ; вотъ я лысымъ никогда не буду.

Давыдъ не посмотрѣлъ, но засмѣялся звонко и ласково.

— Покажи-ка, покажи, началъ снова Гуринъ, нагибаясь къ лицу Давыда и придвигая свѣчу.—Какія, братъ, у тебя *pattes d'oise* огромныя, фу!

— Чтò это за *pattes d'oise*? спросилъ удивленный уже немного Давыдъ.

— Да ты былъ ли въ Парижъ?

— Ну какже; теперь изъ Парижа.

— Ахъ да!.. И не знаешь, братъ, такого употребительнаго выраженія?..

— Извини, Миша, право не знаю.

— Ха! Да вѣдь вотъ эти складочки у глазъ, лучеобразныя. Французы называютъ ихъ *pattes d'oise*, помилуй!

— Скажи пожалуйста, Миша! А я-то бѣдный и не знаю. Такъ что же у меня онѣ велики или глубоки, что ли?

— То-то что велики, братъ, ужасно. Вѣрно ты таки много смѣялся, а?

— Ну, какъ всѣ; не очень-то ужъ много.

— Или ты улыбаешься какъ обыкновенно, то-есть по просту, не практично значить. Я тебѣ скажу, ты открывай немного ротъ, когда улыбаешься или смѣешься, да вверхъ, а отнюдь не въ ширь; но открывай его опять, не слишкомъ уже много! Старайся, понимаешь, чтобы нижняя губа рѣшительно никогда не обнаруживала нижнихъ зубовъ и словно засѣдала на нихъ! Вотъ посмотри, Давыдъ, посмотри, и Гуринъ началъ смѣяться: ха, ха! ха! ха!—видишь? пенялъ? Никогда не будетъ большихъ морщинъ! Каково!..

Давыдъ сѣлъ прямо и посмотрѣлъ на Гурина съ большимъ удивленіемъ.

— Вотъ этой-то именно важной житейско-практической стороны и не доставало въ практичности Штольца, продолжалъ Гуринъ, не замѣчая взгляда Давыда.—Оттого-то онъ отчасти и не живой!..

— Штолецъ, обломовскій? спросилъ Давыдъ.

— Ну да. Штолецъ вотъ также и гимнастики не дѣлалъ: опять недостатокъ; понятно, что и выглядѣлъ гадко. Я, напримеръ, каждый день три раза по десяти минутъ, въ назначенное время, занимаюсь гимнастикой.

— Гм....

— Хочешь я тебѣ покажу, что я въ состояніи сдѣлать.

— Ну послѣ пожалуйста, Миша, отвѣтилъ Давыдъ, и опустилъ глаза, опасаясь, чтобы пристальный и удивленный взглядъ ихъ не смутилъ давно-невиданнаго стараго друга.

Старый другъ былъ слишкомъ занятъ собой. Минуту продолжалось молчаніе.

— Ахъ, кстати, Давыдъ, произнесъ Гуринъ,—разкажи, что новаго въ литературномъ мірѣ. Да!... ты вѣдь и самъ, кажется, ученый литераторъ. Что же ты это, въ самомъ дѣлѣ, ничего о себѣ не говоришь? Ну разкажи какъ?... что?...—И Гуринъ въ первый разъ внимательно посмотрѣлъ въ глаза Давыда.

Нѣмой упрекъ сказывался въ нихъ, несмотря на желаніе прикрыть его доброю улыбкой.

— Ты вѣрно разстроены, все молчишь; усталъ можетъ быть? спросилъ Гуринъ.

— Нѣтъ, ничего, Миша.

— Разкажи же, гдѣ служишь, чѣмъ занимаешься?

— Служу, гдѣ прежде служилъ.... говорить, перейду въ Петербургъ.

— Занимаешься все химіей?...

— Да....

— Двигаешь науку впередъ?

— Ну не знаю....

— Покажи же, пожалуйста, что-нибудь изъ твоихъ трудовъ; вѣрно томы?

— Гдѣ же!

— Покажи что-нибудь. Есть у тебя съ собой?

— Да вотъ, пожалуй, последняя статейка въ *Comptes rendus*

Французской академіи. — И Давыдъ поднялся, досталъ изъ чомодана красную тетрадь и указалъ Гурину на двѣ-три страницы, наполненныя таблицами химическихъ наблюденій.

— А я какъ нарочно захватилъ одну изъ моихъ статей, воскликнулъ Гуринъ, вынимая изъ кармана тетрадь тонкоисписанной блестящей почтовой бумаги и перебрасывая ее Давыду.

Оба начали просматривать чужія тетради. Свѣтъ дрожавшихъ свѣтиленъ игралъ какою-то особенною игрой на столѣ; кривыя маленькія тѣни перебѣгали съ блестящей, почтовой тетрадки на скромную бумагу академическихъ записокъ и исчезали гдѣ-то тамъ за темнымъ краемъ ярко освѣщеннаго стола.

— Это должно быть очень не дурно, началъ первый Давыдъ, — ты, Миша, оставь мнѣ пожалуйста статью-то....

— Непремѣнно, непременно, попозже. А я вотъ твои таблицы просматривалъ. Скажи, это все цифры твоихъ собственныхъ наблюденій?

— Да, отвѣтилъ Давыдъ.

— Bravo! Ты молодецъ, Давыдъ. Я всегда говорилъ, что изъ тебя выйдетъ много дѣльнаго, много пользы для науки,.... даромъ, что ты тамъ въ службѣ членишься.

— А ты, Миша, развѣ совсѣмъ уже оставилъ службу? спросилъ Давыдъ.

— Кажется совсѣмъ.

— Всякую?

— Всякую офиціальную.

— Что же это ты? Вѣдь изъ тебя долженъ былъ выйти дѣльный и порядочный чиновникъ, современемъ даже можетъ быть.... очень полезный человекъ, а? Объясни-ка мнѣ Миша, отчего у тебя такая немилость къ службѣ....

— Долго, братъ, объяснять.

— Ну, для стараго пріятеля. Ты удивлялъ насъ всегда какимъ-то раннимъ практическимъ чутьемъ; помнится, ты толковалъ все о какомъ-то особенномъ.... идеалѣ практичности.... и повидимому.... надѣялся... долженъ былъ бойко пойти къ нему....

— Долженъ былъ пойти, и теперь иду! перебилъ его громко Гуринъ.

— Ну то-то, Миша, я и радъ. Только служба отчего же въ такомъ пренебреженіи у тебя?...

Давыдъ съ участіемъ ждалъ отвѣта; Гуринъ нѣсколько времени ничего не отвѣчалъ.

— Слушай, Давыдъ, началъ онъ вдругъ, вставая и возвышая голосъ;—ты не дуракъ, ты поймешь и оцѣнишь важность моей жертвы. Слушай, же, повторилъ онъ, становясь прямо противъ Давыда и складывая знаменательно руки на груди.—Ты наемкнулъ, кажется, на то, что я долженъ былъ выйти.... Да, братъ! припомню тебѣ одну, очень важную для успѣховъ, сторону моей ранней практичности; ты, вѣроятно, забылъ ее. Помнишь или слышалъ ты, какъ убѣдительно, напряміръ, умѣлъ я приказывать.... заказывать, совсѣмъ, совсѣмъ, этакъ, искуснымъ генеральски-директорскимъ тономъ:—«Такъ вы, пожалуйста, сдѣлайте какъ я вамъ говорилъ.»—«Какже-съ.»—«Не забудьте же, пожалуйста» — «Помигите, не забуду.» — «Поточнѣе же, смотрите.»—«Слушаю, слушаю.»—«Такъ я умѣю на васъ могу надѣяться.»—«Помигите-съ.»—«Такъ не забудьте же, смотрите, да поточнѣе.» — «Будьте покойны, непремѣнно.»—«Такъ, пожалуйста же.» Просто замучаешь. А главное братъ, припомни, какъ я тамъ бывало разговаривалъ съ наибольшими, а въ сущности, кажется, былъ господиномъ не безчестный. Пойдешь, бывало, лицо прилично-серіозное, чуть-чуть надушенное, голова склонена на бокъ, корпусъ поданъ впередъ, почтителенъ, скромнѣе и милѣ.—«Ваше превосходство?»—«Чтѣ вамъ угодно.»—«Я рѣшился побезпокоить ваше превосходство, по поводу того-то и того-то.» — «Чтѣ же такое?»—«Ваше превосходство, потрудитесь ли выслушать меня?»—«Говорите.»—«Я.... много думалъ о томъ-то, думалъ серіозно, и желалъ бы знать теперь окончательное мнѣніе вашего превосходства»—Тотъ говоритъ что-нибудь.—«ваше превосходство совершенно справедливы; я замѣчу только, что....»—и говоришь ему совершенно противоположное.—«Такъ; ну что же?»—«Не прикажете ли ужъ, ваше превосходство исполнить?»—«Да», говорить, и радъ еще!...—И Гуринъ захохоталъ тутъ громко.—Такъ вотъ, братъ, какая сторона ранней практичности предсказываетъ служебные успѣхи, говорилъ онъ, продолжая смѣяться. — Съ этимъ, братъ, въ люди выходишь, съ этимъ далеко зайдешь....

Давыдъ не спускалъ съ Гурина удивленныхъ глазъ.

— И помертвовать всею этою стороною, всеми результатами ея, вѣдь это, братъ, подвигъ, великій подвигъ! кричалъ Гуринъ, подступая къ Давыду.

Тотъ опустилъ голову, разстроенный и недоумѣвающий, и молчалъ.

— Говори же, Давыдъ, развѣ это не жертва, развѣ не велика она?

— Я не понимаю тутъ, прежде всего, слова жертва?

— Чѣмъ и чему, кѣмъ и кому, Миша? Ты, вижу.... болтуномъ сталъ; извини меня, и изъ болтливости.... прибавляешь.... выдумываешь....

— Какъ выдумываю? Будто этого не было? Ты, впрочемъ, не знаешь, потому что заходилъ только иногда.... сталъ убѣрять слегка Гуринь, чувствуя что выдумалъ почти все.

— Не помню я ничего этого, Миша, не помню, и убѣжденъ, что никогда не было....

— Ха! Какой же ты сладенькій, да плаксивый....

Давыдъ ничего не отвѣтилъ и замолчалъ; Гуринь замолчалъ также и вдругъ почувствовалъ себя какъ-то ужасно неловко... передъ этимъ новымъ человѣкомъ, безъ мажѣйшей лжи и хвастовства, спокойно-яснымъ, невозмутимо добрымъ....

— Не видѣлъ ли ты, Миша, кого изъ нашихъ друзей, изъ моихъ товарищей, которыхъ знавалъ? спросилъ Давыдъ.

— За границей не встрѣчалъ; только кого-то изъ училища встрѣтилъ въ Баденѣ.

— А я вотъ видѣлъ Семенова въ Берлинѣ,—все тотъ же; да еще Зарина,—ѣхалъ въ Боннъ заказывать приборы; Маренко въ Фрейбургѣ, занимается физиологіей. Кстати, ты, если не ошибаюсь, также специально занимался физиологіей?

— Да и теперь занимаюсь. Впрочемъ, братъ, столько же сколько и другими науками.

— То-есть читаешь? А самъ-то дѣлаешь ли опыты?

— Не дѣлаю, но знаю всѣ замѣчательные; слѣжу, что называется.

— Ну этого мало. Это ученый.... да неученый.

— Знаю все; не все ли равно?

— Нѣтъ, Миша. Чтѣ же ты еще дѣлаешь?

— Чтѣ?... Бываю въ такъ-называемомъ обществѣ....

— А!

— Ты, пожалуйста, не вообрази только, чтобъ я не работаю; это противъ моего лучшаго принципа. Каждый день, шесть часовъ, ни больше, ни меньше, я посвящаю серьезнымъ занятіямъ; ровно ровнехонько шесть часовъ, утромъ отъ

десяти до часу, вечеромъ отъ четырехъ до семи,—и ничто не можетъ меня отклонить, сбить, отвлечь!

— Ого! Чтò же ты дѣлаешь въ это время?

— Ну пишу, читаю; мало ли?

— А остальные часы?

— Всѣ распределены, Давыдъ. Занимаюсь гимнастикой отъ такого-то до такого-то, завтракаю до такого-то, гуляю до такого-то, и такъ далѣе. Вечеромъ, большею частью, хожу въ общество. Ты пожалуй спросишь, чтò же я тамъ дѣлаю. Много, много. Вожу, вопервыхъ, рациональныя воззрѣнія...

— Какія?

— Рациональныя, ... относительно и возможно истинныя, чуждыя предразсудковъ и преданій, научныя, точныя... Ну да ты понимаешь меня, Давыдъ....

— Какія же?

— Ну, вотъ такъ-называемыя матеріалистическія, хотя вѣдь и въ матеріализмъ, братъ, бездна произвольнаго, множество гипотезъ. Космогоническая теорія—тотъ же теологизмъ, декламировалъ важно Гуринъ.

— Вотъ какъ! замѣтилъ Давыдъ и замолчалъ.

— Гуринъ сталъ шагать по комнатѣ, и опять, при этомъ новомъ, скромномъ, но недоумѣвающимъ молчаніи, почувствовалъ ту же непріятную и рѣдкую въ себѣ неловкость.

— Однако мнѣ пора уже, Давыдъ; двѣнадцать, проговорилъ онъ, останавливаясь и смотря на часы:—прощай же, братъ. Очень радъ былъ видѣть тебя.

— Ну прощай Миша. Завтра надѣюсь увидимся.—Онъ всталъ и обнялъ Гурина.

— До свиданія; завтра заходи ужь ты ко мнѣ. Отъ восьми до десяти я гуляю; вмѣстѣ пройдемся, я тебѣ городъ покажу.

Онъ пожалъ Давыду руку и направился къ двери.

— Покойной ночи, Миша, спи хорошенько, крикнулъ ему вслѣдъ Давыдъ.

— Спасибо, братъ, отвѣтилъ уходя, какъ-то сильно неловко, Гуринъ.

Направляясь въ свою комнату по длинному полуосвѣщенному корридору, Гуринъ насупился и задумался. Въ его головѣ поднялись одна за другой сегодняшнія сцены у Нарѣвой и Давыда, съ преувеличеннымъ авторитетомъ въ первой, со странною неловкостью во второй, и мысль его, мастерица поучительныхъ сравненій, да внутреннее чувство, совершенно

невольнo привели его къ кое-какимъ выводамъ. «Ученость и гуртовая образованность, бормоталъ онъ про себя, декламаторскимъ тономъ, по привычкѣ, научныя заботы и свѣтскія забавы, скрытная правда и хвастливая ложь,... Давыдъ и.... Ну, тсс... ты тамъ! нравоучительный байбакъ!» спохватываясь онъ, входя въ свою комнату.

III.

Читатель видѣлъ Гурина уже два раза и отчасти познакомился съ нимъ; мы просимъ позволенія познакомить его теперь съ прошедшимъ Михайла Львовича, общая быть краткими и не грамаживать памяти лишними лицами и подробностями.

Съ первыхъ лѣтъ мы видимъ Гурина сиротою. Матери онъ вовсе не помнилъ; она умерла на первомъ году. Отца, скончавшагося на его четвертомъ или пятомъ году, онъ помнилъ чуть-чуть, сквозь туманъ, — какъ утромъ онъ каждый день брился и крупно бранилъ при этомъ деньщика Федота, потомъ въ мундирѣ отправлялся куда-то, къ обѣду, — а когда приходилъ сердитый, все кричалъ и страшнымъ голосомъ; вечеромъ уѣзжалъ опять. Ни братьевъ, ни сестеръ не было; мальчикъ проводилъ время съ нянькой и козачкомъ, и покрякивалъ на нихъ.

По смерти отца, мы видимъ его у опекуна, дяди по матери. Хохоль въ большихъ чинахъ, на видъ суровый, въ сущности не злой, но крайне скупой, опекунъ все напоминалъ Михайлѣ, что у него почти ничего нѣтъ, и чтобъ онъ не забывалъ этого. Съ Мишей жили двѣ кузины, сухія, жеманныя, очень некрасивыя и имъ не любимыя. При этихъ кузинахъ состояла Нѣмка, гувернантка, скромная и не глупая, старая дѣвица, на невыразимо-маломъ жалованіи. Гуринъ говорилъ съ ней часто, сочувствовалъ ей подѣтски, но старался не показывать много этого сочувствія, чтобы не вооружить тетки, барыни необыкновенной и злой спѣси.

Скоро Гурина отдали въ гимназію, и съ этихъ поръ онъ пошелъ, какъ въ послѣднее время, идутъ довольно часто не бездарные мальчики.

Сначала мы видимъ его въ гимназіи, первымъ, лучшимъ.

Потомъ въ кругу какихъ-то гимназическихъ франтовъ, сосредоточивавшихъ все свои способности на платье и прическѣ, съ большою щевотливостью къ неловкимъ положеніямъ въ такъ-называемомъ обществѣ, съ ходячими насмѣшками надъ мистическими преданіями.

Далѣе лѣтъ въ четырнадцать, онъ уже въ ссорѣ съ этимъ кружкомъ; серьезный и задумчивый, онъ удивляетъ всехъ какъ-нибудь-то скороспѣлымъ практическимъ смысломъ. О немъ, въ это время, разказывали слѣдующій случай. «Разъ, въ воскресенье, на одной изъ самыхъ блестящихъ улицъ Петербурга, онъ встрѣтилъ стараго нищаго, кольку, который, повидимому, не поспѣлъ никуда въ этотъ день къ обѣднѣ и голодалъ на холоду,—а по блестящей улицѣ никто не подавалъ. Мальчикъ выждалъ пока тотъ добрался до небольшого переулка и кивнулъ ему за уголь—посоветывалъ не стоять на блестящей-то улицѣ, а держаться лучше вотъ тутъ, въ тѣни, въ переулочкѣ: — тамъ молъ, старина, больше ходять, да совѣстно подавать, надо останавливаться, люди оглядываются и смотреть въ самое лицо.» Старикъ остался очень благодаренъ ему, и всегда, когда завидитъ, бывало, потомъ Гурина, радушно киваетъ ему головой изъ своего переулка.

Далѣе, мы видимъ его вдругъ переведеннымъ въ одно изъ первоклассныхъ училищъ. Онъ и здѣсь занимается и читаетъ много, говоритъ красиво и даже увлекательно. Знакомится съ Давыдомъ, ходившимъ къ его дядѣ давать уроки. Но при этомъ толкуетъ уже о какомъ-то странномъ идеалѣ дѣятельности. «Я не изъ тѣхъ, что рано и бесплодно сгораютъ въ высекахъ, да безтолковыхъ стремленіяхъ, я не изъ тѣхъ, что жалко и глупо промахиваются, я не изъ Тентетниковыхъ» и пр., говорилъ онъ, иногда вслухъ, чаще про себя... «Я цѣль еще!» гордо думалъ онъ въ другой разъ, слыша, какъ кто-нибудь говорилъ ему: «А я, Миша, плохъ, очень плохъ,—мнѣ и доктора ужъ запретили.»

Потомъ, года черезъ два по выходѣ изъ первокласснаго училища, мы встрѣчаемъ его вдругъ въ свѣтскомъ обществѣ, съ самодовольнымъ лицомъ, посреди франтовъ, съ большимъ вліяніемъ на нихъ, съ многозначительною усмѣшкой при разказѣ о какомъ-нибудь успѣхѣ—интрижкѣ или о модномъ приключеніи. Онъ, говорили, продалъ свое небольшое имѣніе, купилъ акціи, живетъ невѣрными процентами съ нихъ, — отъ тысячи до двухъ, и проживаетъ всегда гораздо больше. Онъ

оставилъ свою фязіологію и занимается теперь всѣмъ вообще, пишетъ не глупыя статьи для журналовъ и, на досугѣ, въ минуту задумчивости и отчета передъ собою, утѣшаетъ себя тѣмъ можетъ.—«Промѣхнулся!.. ха! какъ бы не такъ! Я хочу быть цѣльнымъ, всестороннимъ, нормальнымъ человѣкомъ, однимъ словомъ, а не уродомъ, ученымъ флюсомъ... Съ полнымъ сознаниемъ, проявилась во мнѣ воля и вступилъ я въ это существованіе; безъ стыда принимаю въ себя живительный свѣтскій элементъ, съ его кишачничи, трепещущими, увлекательными впечатлѣніями минуты. Въ общественной жизни все обусловлено, все объяснимо; очередной смыслъ самаго мелкаго факта, предъ человѣкомъ пронизательной мысли, не проходитъ поздно...» и такъ далѣе, путался въ утѣшеніяхъ себѣ нашъ милый герой.

Далѣе, черезъ два-три года, мы видимъ его въ Парижѣ. Онъ выгладить *de la bonne compagnie* первой руки и совершенно втянулся уже въ свѣтскую жизнь. Былая гордая и твердая самоувѣренность разрѣшилась хвастовствомъ, воля—точнымъ выполнениемъ «режима» и распредѣленія часовъ, практичность—заботами о наружности и физической прочности.

И теперь, въ то время, къ которому относится нашъ маленький разказъ, первую главную, можно сказать, единственною заботой Михайла Львовича Гурина, была женитьба на богатой, очень богатой и знатной, и, читатель, во чтѣ бы то ни стало!.. вотъ какъ!

Барвара Антоновна была дочь одной важной особы, въ настоящую минуту не занимающей, правда, никакой должности, но тѣмъ не менѣе важной. Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ о дочери, мы позволимъ себѣ познакомить немного читателя съ лицомъ ея папаши, подъ влияніемъ котораго она образовалась.

Маленькій, худенькій, сѣденькій, желтенькій, важный, благоклонный и либеральный; еще чистенькій до крайности, выбритый донельзя, — таковъ старичокъ Антонъ Валеріановичъ Нарвевъ.

Въ своемъ кругу, онъ пользовался репутаціей чловѣка ума необычайнаго и, главное, начитанности единственной. Большой «аматеръ» фразъ, онъ оставилъ себѣ эту репутацію запасомъ короткихъ «*maximes*», бросаемыхъ въ общество въ удобныя минуты съ самымъ сдержанно-многозначительнымъ видомъ, чтѣ не мѣшало однако этимъ «максимамъ» быть не

очень глубокими и, что похуже, порядочно противорѣчать одно другой.

«Il n'y a de bonheur que dans les voies communes!» произносилъ онъ мило-грустнымъ тономъ, слыша разказъ о неудачахъ какого-нибудь слишкомъ гласнаго и блестящаго либерала. А черезъ часъ, въ обществѣ «почтительныхъ и скромныхъ» молодыхъ людей, онъ, подымая голову, говорилъ на распѣвъ: «Да, правду сказалъ великій человекъ: Qui dit homme, dit soldat...» Впечатлѣніе было необыкновенное.

Что до обстоятельствъ матеріальныхъ старичка Антона Валеріановича, то о нихъ намъ распространяться не годится. Говорили, что онъ богатъ, что у него и недалеко отъ Петербурга гдѣ-то славное имѣніе, что по праздникамъ къ нему, въ домъ на Мойкѣ, ходятъ по черной лѣстницѣ мужички, всѣ въ богатыхъ зипунахъ, что лично его старичка въ имѣніяхъ мало знаютъ, но нельзя сказать, чтобы не любили, и положительно никогда на него не жаловались.

Въ настоящее время старичокъ Антонъ Валеріановичъ находится за границей, для поправленія здоровья своей дочери, именно въ городѣ Г. У него бываютъ довольно часто проѣзжіе изъ петербургскихъ знакомыхъ; съ ними онъ отправляется осматривать разныя богоугодныя, хозяйственныя и другія заведенія. Въ Г. у него тоже двое-трое близкихъ знакомыхъ, и между послѣдними находится Михайло Львовичъ Гуринъ, котораго старичокъ побаивается отчасти, но принимаетъ, кажется, очень благосклонно, какъ даровитаго писателя. Да, мы забыли еще сказать, что Антонъ Валеріановичъ вдовецъ, и что у него двое дѣтей, — сынъ Александръ Антоновичъ, по дипломатической части, и дочь Варвара Антоновна.

Дѣтство Вареньки Нарѣвой прошло очень обыкновеннымъ порядкомъ. Она капризничала только, можетъ-быть, больше другихъ, и не любила къ тому своей гувернантки. Да еще, какаютъ знакомая генеральша, видно злая и большая сплетница, разказывала, что когда мать желала наказать Вареньку, то говорила ей, что она дурна; Варенька, при этомъ, начинала плакать и плакала долго, желчно и сосредоточенно. Худая, высокая не по лѣтамъ, блѣдная, рѣдковолосая, она смотрѣла довольно болѣзненно, что, однако, къ прискорбію нѣкоторыхъ родственниковъ, не помѣшало свезти ее въ С—ый институтъ, еще при жизни татан. Въ доинститутскомъ ея быту, заслуживаетъ нѣ котораго вниманія небольшое обстоятельство, важное для чи-

тателя не столько еще по своей характерности, сколько потому, что оно было известно Михайлу Львовичу.

Къ старичку Антону Валеріановичу приходилъ по воскресеніямъ изъ одного также первокласнаго столичнаго училища, нѣкто Paul Begikoff, смуглый, черноглазый, кудрявый и ярко-губый мальчикъ. Однажды, татап ѣхала куда-то въ гости и брала съ собой Вареньку. Та счастлива, бѣгаетъ, прыгаетъ, очень рано начинаетъ свой туалетъ, и одѣта когда татап еще не готова. Брата Александра нѣтъ дома; Француженки также; Paul же сидитъ въ залѣ и занятъ чтеніемъ. Гостиная рядомъ не освѣщена. Варенька, неизвѣстно почему, все подбѣгаетъ къ зальной двери, посмотреть какъ-то отрывочно и не спокойно на смуглаго мальчика, и убѣжить. Наконецъ: «Paul, viens donc, que je te dise un mot», и Варенька зоветъ его въ дверяхъ. Тотъ подходитъ съ нѣкоторою нерѣшительностью, а Варенька хватъ его живо за уши, потомъ отвела на средину темной гостиной, и тамъ поцѣловала его крѣпко и судорожно, да въ самыя губы... Бежиковъ, который служитъ теперь гдѣ-то оберъ-секретаремъ, разказывая это похождение Михайлу Львовичу, замѣчалъ, что объясненіе поцѣлуя очень просто: оно прежде всего въ преданности Вареньки къ нему, кузену, и потомъ въ радости ѣхать въ гости.

Въ институтѣ, время и воспитаніе идутъ какъ обыкновенно. Матап скоро умираетъ, и къ Жюли ѣздитъ самъ знатный старичокъ Антонъ Валеріановичъ, съ коробками конфетъ, фруктовъ и тому подобнаго; иногда пріѣдетъ братъ, изрѣдка товарищъ его, смуглый, кудрявый Paul. Денегъ, вещей и подарковъ Варенькѣ привозится многое множество, и какъ обыкновенно, все это расходится по прислугѣ и другимъ, и черезъ недѣлю ничего не остается.

Изъ института Варя выходитъ еще блѣднѣе и худѣе, чѣмъ была. Положительно извѣстно, что въ институтѣ запрещенныхъ книгъ она не читала, а между тѣмъ, — чему нѣкоторые можетъ быть повѣрять съ трудомъ, — она говорила, вскорѣ послѣ выпуска, одной своей подругѣ, что впервыхъ выйдетъ за высокаго роста, вовторыхъ, будетъ держать мужа въ рукахъ, а втретьихъ, не иначе пойдетъ замужъ, какъ выговоривъ себѣ позволеніе кокетничать на балахъ.

Четыре года свѣтской жизни ушли пусто и праздно. Варвара Антоновна, къ прежнимъ требованіямъ и условіямъ, прибавила еще новыя; при этомъ, замѣ-

тять кетати, она сдѣлалась большимъ знатокомъ фортъ.... Отецъ былъ слабъ къ ней до униженія. Она читала довольно много и вещи самыя разнообразныя; она была не глупа и развилась отъ постоянного присутствія при толкахъ старичка папаша, научилась отъ него складно говорить и спорить, и несмотря на шаткость здоровья и впалость груди, счастлива, позидному, всѣмъ, исключая одного.... Мужа почему-то не отыскивается, а Варваръ Антоновичъ скоро минеть двадцать четыре года. Первый человекъ, который понравился ей и могъ увлечь—это Гуринъ. «Онъ не богатъ, различиваетъ Варвара Антоновна, и не изъ настоящихъ сволхъ», да это выкупается съ избыткомъ. Впервыхъ, онъ человекъ рѣдкаго такта, а потому никогда не заставитъ меня покраснѣть за себя, я обожаю его за это; вовторыхъ, онъ высокъ, силенъ, хорошъ собою; втретьихъ, умнѣ всѣхъ ихъ, вчетвертыхъ.... и такъ далѣе. А что до держанія его въ послушаніи, то хоть я сама и ухаживаю теперь за нимъ, однако онъ, Михайло Львовичъ-то, станетъ вѣдь жить на мой счетъ....»

Такова Варвара Антоновна.

Теперь, мы попросимъ у читателя вниманія къ третьему нашему герою.

Гдѣ-то тамъ, на восточныхъ предѣлахъ русскихъ, въ небольшомъ селѣцѣ Богогрудскѣ, жилъ священникъ, отецъ Андрей, простой, честный, не корыстный, любимый, говорили, и своими, и «отщепенцами». У отца Андрея, женатаго на дочери достаточнаго государственнаго крестьянина, было пятеро дѣтей,—три дочки и два сына. Пока была въ живыхъ его Авдотья Кондратьевна, большая семья не знала нужды; но пришло время, Авдотья Кондратьевна скончалась по приѣзду другихъ; за нею, въ непродолжительномъ времени, скончались двое дѣтей, а тамъ, черезъ годъ какой-нибудь, и самъ отецъ Андрей. Осталась дочь Машенька, дѣвушка на двадцатомъ году, потомъ Давыдъ—десяти лѣтъ, и наконецъ Наташа—трехъ. Слышно было, что добрые люди хотѣли разобратъ маленькихъ, но что Машенька удержала дѣтей у себя, а ей, говорили, кормить ихъ стоило большихъ трудовъ и тяжелыхъ жертвъ. Скоро, къ счастью, по ходатайству знакомаго протоіерея въ губернскомъ городѣ, Давыдъ былъ опредѣленъ въ губернскую гимназію, а Наташа взята къ одному достаточному помѣщику, проживавшему въ сосѣд-

ствѣ города. Машенька, послѣ разлуки, осталась въ сельцѣ поселилась въ небольшомъ отцовскомъ домикѣ, стала вдругъ, почему-то отказываться идти замужъ, и скучно проводила свои дни, думая лишь о Наташѣ и братцѣ.

Давыдъ и Наташа видѣлись иногда по воскресеньямъ. Маленькая Наташа прѣдетъ, бывало, къ нему съ нянюшкой, въ гимназію. Они поцѣлуются крѣпко, возьмутъ другъ друга за руки, и сидятъ такъ долго, не говоря ни слова, и глядятъ большими влажными глазами. Иногда Наташа вдругъ заплачетъ и станетъ высвобождать свои руки, чтобъ утереть слезы; Давыдъ не пускаетъ рукъ и жметъ ихъ еще крѣпче. Изъ глазъ Наташи начнутъ чаще катиться слезинки; Давыдъ посмотритъ-посмотритъ, и самъ заплачетъ, и обонмъ имъ грустно и какъ-то отраднo. А тамъ нянюшка подойдетъ и заторопитъ Наташу домой; они поцѣлуются и разойдутся, оглядываясь разъ десять назадъ.

А время бѣжить себѣ, бѣжить какъ обыкновенно, не принося Давыду и Наташѣ ни особенныхъ радостей, ни особеннаго горя. Наташу въ домѣ любятъ, правда, снисходительно, но все же любятъ. Давыдъ учится прилежно и, смотришь, переводится въ столицу, въ университетъ. Тутъ онъ начинаетъ заниматься естественными науками, прилежно, но какъ и другіе, и обращаетъ на себя вниманіе только своею необыкновенною честностью, да уже сложившимся, научнымъ мирозерцаніемъ, чуждымъ всего неправдиваго, свободнымъ отъ произвола.

Потомъ, года черезъ два, по возвращеніи его съ вакацій, во время которыхъ скончалась сестра Машенька, въ немъ замѣчаютъ большую перемѣну. Онъ такой же все честный и правдивый, но къ этому прибавилась еще какая-то особенная теплота и ясность, необыкновенная мягкость и искренность задушевная и наивная; да прилежанія стало вдвое больше противъ прежняго. Давыдъ разказывалъ своимъ пріятелямъ, какъ умирала его старшая сестра, прежде-временно сморщившаяся и опустившаяся старая дѣвушка; какъ при входѣ его, она открывала свои тусклые опалые глаза и набожно поворачивала ихъ къ темненькой иконѣ, висѣвшей въ углу, у оконъ на дворикъ; какъ передъ самою смертью, она попросила позвать его и Наташу, своею худою рукою перекрестила ихъ три раза, стала говорить, что Богу угодно призвать ее къ себѣ, что свидится она тамъ съ родителями,

братцемъ и сестрами, что просить простить ее за грѣхи, потомъ прилегла немного, потомъ снова поднялась, опять перекрестила ихъ три раза, и начала тихимъ голосомъ: «Давыдъ, ты старшій теперь, береги Наташу, люби ты ее, и Богъ тебѣ поможетъ и не оставитъ своюю благодатію; подойди Выдя, дай обниму тебя въ послѣдній разъ....» Она открыла руки, нагнулась немного впередъ, коснулась почти губами волосъ его, и вдругъ въ безсиліи, съ судорожнымъ вздохомъ и съ какою-то покорно-скорбною улыбкой, опрокинулась на подушку.... И сознавался Давыдъ, искренній и честный, что хотѣлось ему тогда другой жизни, гдѣ бы можно обнять старую дѣвушку Машеньку, что нуждался онъ въ ней, и что ему, натуралисту, вѣрилось въ это.

Черезъ четыре года, Давыдъ профессоръ. Натура серьезная и цѣльная, онъ не бросается ни на что съ перваго взгляда, и во всемъ ищетъ яснаго и точнаго понятія. Ему придуть, напримѣръ, говорить о нападкахъ на теорію, которой онъ держится въ своей наукѣ, и о слабости возраженій; онъ выслушаетъ внимательно, разспроситъ, задумается немного и потомъ поскорѣе уйдетъ къ себѣ работать. Въ другой разъ, придуть сообщать ему новыя, оригинальныя мнѣнія; вотъ-де одинъ Нѣмецъ полагаетъ, что часть физиологической работы въ тѣлѣ преобразуется въ духовную, которая потому отъ явленій вещественныхъ отличается не болѣе чѣмъ теплота отъ движенія, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Давыдъ снова выслушаетъ внимательно, спроситъ не знаютъ ли кому принадлежать эти предположенія, замѣтитъ, что они очень оригинальны, но больше ничего не скажетъ и убѣжитъ опять поскорѣй работать.

Къ искреннимъ и честнымъ мистикамъ онъ относился какъ-то ласково, спокойно, не горячась и не глумясь. Вообще не любилъ онъ глумиться. «Это какъ-то не порусски», замѣчалъ онъ добродушно.

Въ кружкѣ товарищей смѣялись, положимъ, надъ какимъ-нибудь бездарнымъ писателемъ. Давыдъ иногда посмѣется также, потомъ, когда другіе успокоятся, скажетъ, какъ будто больше себѣ самому, безъ малѣйшей натяжки или докторальности: «А вѣдь, господа, трудъ-то, когда добросовѣстенъ, искупаетъ многое, какъ бы плохъ онъ тамъ ни былъ; святъ онъ, господа, и благороденъ по тому одному уже, что онъ трудъ.» Но когда начинали увѣрять, что талантъ

искупають всё личные грѣшки, какъ общая польза искупають мелко-житейское зло, онъ, съ недовѣріемъ покачивая головою, произносилъ тихо: «едва ли, господа, едва ли.» Когда заговаривали о грустномъ разладѣ между словомъ и дѣломъ какихъ-нибудь литературныхъ людей, онъ также тихо и спокойно, но твердо замѣчалъ: «Постараюсь, чтобъ у меня никогда не было ни одного подобнаго знакомаго; и знаете, господа, въ чемъ другомъ, а ужъ тутъ я, право, надѣюсь на себя, и никогда, никогда не подамъ такому руки.» И онъ говорилъ это такъ безыскусственно и чисто, что многіе безмолвно начинали провѣрять себя.

Принималъ Давыдъ каждого такъ радушно, что невольно думалось: «Какіе же есть, однако, на свѣтѣ дорогіе люди!» Не смотря на то, что работалъ почти постоянно, онъ усаживалъ всякаго приходившаго и разговаривалъ съ нимъ по возможности. «Давыдъ Андреичъ! скажите пожалуйста, что, по вашему, за цѣль жизни?» спросить его какой-нибудь профанъ. — «Наслажденіе,» отвѣтитъ онъ скороговоркой, и живо вскочивъ, побѣжитъ къ своимъ колбамъ и аппаратамъ, посмотрѣть какъ идетъ перегонка, или на сколько поднялся термометръ, и оттуда кричить уже въ дополненіе: «въ обширномъ и высшемъ смыслѣ.»

Можно сказать смѣло, что Давыдъ не былъ ничему совершенно чуждъ; интересовался всѣмъ, читалъ надосугѣ все. Отъ художественныхъ произведеній, химикъ нашъ приходилъ въ самый наивный восторгъ. Читалъ стихи онъ плохо, какъ-то упиралъ на риѳму, а между тѣмъ, часто, прежде чѣмъ дойдетъ до конца маленькой піесы, остановится раза два, опуститъ книгу и подниметъ влажные глаза въ потолокъ: это онъ оправляется отъ впечатлѣній.

IV.

— Миша! что жъ ты это не встаешь? Сегодня, кажется, ты и часъ свой просрочилъ. Смотри, ужъ половина девятаго.

— Ба, Давыдъ! Вотъ радъ-то! А то сны какіе-то глупые замучили. Будто уже половина девятаго?

— Смотри.

— Ха! Ну, братъ, потрудиись подождать; черезъ какіе-нибудь четверть часа я готовъ. Присядь-ка вотъ.

— А я къ тебѣ вчера вечеромъ заходилъ; не было дома.

— Да. Вчера, какъ и третьяго дня, былъ тутъ у однихъ Русскихъ, Нарѣвыхъ. Вчера, вообрази, читалъ имъ одну свою статью. Ты пожалуй спросишь: къ чему? А къ тому, чтобы доказать этому глупому люду, что онъ ни одного слова не пойметъ изо всего, что я прочту.

— О, о! И доказалъ?

— Ну, безъ сомнѣнія.

— Вотъ ты что дѣлаешь, Миша! Такъ ты затѣмъ только и ходишь туда?

— Да, почти.

— Такъ часто?

— То-есть, видишь ли, Давыдъ, не за однимъ ужь этимъ. Правду тебѣ сказать, у меня есть кой-какіе практическіе... виды не виды, цѣли не цѣли, а такъ, знаешь, предположенія...

— А!

— Пора, братъ, жениться; годы уходятъ, чувства гложутъ.

— Извини, значить тамъ невѣста есть?

— Есть, Давыдъ; только худовата, да и старовата.

— Значить, не по тебѣ?..

— Ха!.. и по мнѣ...

Давыдъ повернулъ голову въ сторону и замолчалъ.

— Ты не вообрази, чтобы тутъ была какая-нибудь... преждевременная... шалость.

— Нѣтъ, зачѣмъ же. Да ты скажи мнѣ, Миша, любишь ты ее, что ли? спросилъ Давыдъ и посмотрѣлъ прямо въ глаза Гурину.

— Люблю ли? Что ты, братъ?

— Ну, да?

— Ну, нѣтъ, само собою разумѣется.

— И хочешь жениться?

— Женюсь.

— Шутишь, Миша.

— Непремѣнно.

Давыдъ замолчалъ снова; Гуриный былъ занятъ своимъ *gold-cream*'омъ.

— Нельзя сказать, чтобы она была слишкомъ дурна; тогда я дѣйствительно едва ли бы женился.

— Миша, вѣдь ты ея не любишь, такъ какъ же это? произнесъ тихо Давыдъ.

— Ни одной женщины, братъ, не любилъ, да и не буду, думаю, любить, то-есть любить въ гуртовомъ, «банальномъ» смыслѣ. Хоть это немного пошло, да теперь и изъ моды вышло увѣрять, что не въ состояніи любить, однако во мнѣ это истинно. Холодновать я, братъ, сухъ, боюсь до смерти смѣшныхъ положеній...

— Полно, Миша. Ты на словахъ бывалъ всегда хуже чѣмъ на дѣлѣ.

— Да, да. Теперь, наприимѣръ, женюсь на богатой, только потому что она богата.

— Женишься ли еще?

— Давыдъ! Я человекъ воли и дѣла!..—И Гуринъ всталъ, чтобы надѣть жилетъ.

— Ты вѣдь лучше чѣмъ кажешься, чѣмъ увѣраешь... На богатой, Миша... вѣдь это, право, не хорошо, кротко, чуть-слышно произнесъ Давыдъ.

— Э! Давыдъ, продолжалъ Гуринъ, какъ бы не замѣчая его послѣднихъ словъ.—Они вѣдь нужны, эти браки-то. Самая жизнь, экономическія соображенія, общественное благо, требуютъ ихъ. А то, по твоему, бѣдный долженъ непремѣнно сходиться лишь съ бѣденькою.

Давыдъ молчалъ.

— Я не такъ вотъ, ни съ того ни съ сего, захотѣлъ этого; я, братъ, думалъ надъ этимъ, и могу васъ всѣхъ, влюбляющихся, какъ холодною водою окатить...

— О, о! Миша. Ну-ка!..

— Некогда. Я скажу тебѣ только, что изъ сотни вашихъ браковъ по любви, едва одинъ счастливъ. Когда кончится сладкое время, налюбуются, нацѣлуются, и придется справляться съ житейскими бѣдами, плохо тогда. Я не хочу говорить уже о томъ, что часто не на чтѣ бѣлья-то...—Гуринъ не кончилъ.— Нѣтъ, я говорю только, что влюбливаніе мѣшаетъ обыкновенно знакомству влюбляющихся. А потомъ, когда разсмотреть другъ друга, пойдутъ недоразумѣнія, удивленія, холодность, упреки и тому подобное; а тамъ жизнь испорчена и потеряна навсегда. Посмотри вонъ на вашего Горнова и другихъ. Слѣдуетъ, братъ, какъ можно короче знакомиться другъ съ дружкой, и мы, люди практическіе, разчетливые, такъ и дѣлаемъ. Чтѣ же до денегъ, то нужно же чтобы отъ тѣхъ... они наплы-

вали къ намъ, облагораживая, счастливая, обеспечивая работни-
ковъ мысли, людей искусства, науки, и прочихъ. И кому,
спрошу я, изъ этихъ послѣднихъ принимать этотъ денеж-
ный наплывъ, какъ не тѣмъ, которые не струсятъ и не скон-
фузятся передъ капитальными барышнями, которыя у нихъ
словно у себя, значить кому, какъ не мнѣ?..

— Миша, братецъ! Да какъ же ты будешь у твоей... капи-
тальной барышни *на содержани...* перебилъ его Давыдъ.

Гурина это какъ будто удивило. Онъ остановился на ми-
нуту.

— Какъ, на содержаніи? оправился онъ.—Никогда!.. Я при-
ношу ей свой капиталъ, капиталъ ума и таланта, во сто ты-
сячъ разъ поважнѣе ея денегъ; я беру у ней деньги съ
презрительнымъ снисхожденіемъ, изъ милости... ха!

— Полно, Миша. Еслибы ты ее любилъ, все это было бы
еще ничего, но такъ...

— Но такъ еще лучше.

— Право, ты самъ знаешь, что это не хорошо.

— Ну, ну!.. Что это мы съ тобой монологировать взду-
мали!

— Миша...

— Ахъ, полно, Давыдъ! Ты вѣдь недотрога, ты вѣдь какое-
то святое исключеніе, а потому судишь всѣхъ нравственнымъ
аскетомъ. Скажи-ка мнѣ, милый да сладкій человекъ, знаешь ли
ты жизнь, много ли задѣвала, дразнила, испытывала она тебя?
«Немножко, Миша, немножко,» пожалуй отвѣтишь ты мнѣ по
привычкѣ. Очень мало, братъ! Посуетитесь съ аппараташ-
ками, потомъ поглаголатъ съ ксѣдры, потомъ бѣжать опять въ
туманную и темненькую лабораторію,—вотъ все и время.
Тебя жизнь не ставила лицомъ къ лицу съ непосредственнымъ
практическимъ дѣломъ, которое требовало бы немедленнаго
рѣшенія и рѣшимости лицомъ къ лицу съ обстоятельствами, въ
которыхъ нужна была сильная воля, практическая твердость.

— Къ чему это вдругъ, Миша, говоришь ты такъ много?
перебилъ его Давыдъ. — И какія же это обстоятельства? Не
нужда ли?

— Нѣтъ! Чтò нужда!

— Значить, нужда ни по чемъ. Такъ чѣмъ же это жизнь-то
испытывала тебя? Расскажи, сдѣлай милость.

— Да вотъ, напримѣръ, Давыдъ, я игралъ въ рулетку...
и остановился при шансахъ и возраставшемъ выигрышѣ, имен-

но тогда, когда дошелъ до назначенной мною цифры; этому нѣтъ трехъ мѣсяцевъ. Театрально, скажешь ты, да истинно! Потому, что бы тебѣ сказать?.. я... я затѣялъ изъ трехъ гульденовъ тяжбу съ здѣшнею компаніей желѣзныхъ дорогъ, и.... Давыдъ... выигралъ ее!—этому еще мѣсяца нѣтъ. Не вѣришь, такъ спроси кого хочешь; здѣсь всякій встрѣчный скажетъ тебѣ это.

— Вѣрю, вѣрю, Миша, помилуй! Но испытанія-то, кажется, не слишкомъ потрясающія....

— Это, братъ, дѣло, и дѣло настоящее! Да ты игралъ ли въ рулетку, въ людныхъ публичныхъ собраніяхъ?

— Не случалось.

— Случится, тогда увидишь что это! Я тебѣ, впрочемъ, могъ бы дать понятіе въ двухъ словахъ.

— Пожалустъ, Миша.

— Помни же, Давыдъ:—въ двухъ словахъ; распространяться не буду. Я отправился въ Баденъ собственно потому, что кто-то изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ былъ тамъ. Плановъ, предположеній—въ головѣ никакихъ; нѣсколько десятковъ гульденовъ съ собою, вотъ и все. Приѣзжаю; по-видался съ тѣмъ, съ другимъ, отдохнулъ, и вечеромъ, часовъ въ десять, поужинавъ, спокойно отправляюсь въ Conversation's Saal. Думаю-себѣ, отчего же и не выиграть нѣсколько гульденовъ или сотню франковъ, но глупыхъ замковъ не строилъ, пустыхъ надеждъ въ голову не пускалъ; клянусь тебѣ, Давыдъ. Вхожу въ залу одинъ: шумно, жарко, ослѣпительно свѣтло; кровь поневолѣ бросится въ голову. Налѣво рулетка, кругомъ толпа страшная. Ну какъ обыкновенно больше всего парижскихъ наѣздицъ,—блѣдныя, тусклыя, чахоточныя; много Нѣмцевъ съ вытянутыми лицами и съ карточками для отмѣтокъ впереди; множество Англичанъ, Французовъ и всевозможныхъ вояжеровъ изъ всевозможныхъ сословій; Русскихъ бездна также, сейчасъ узнаешь: безъ выдержки, бросаютъ на столъ прежде всѣхъ, карточекъ передъ собою почти не держатъ, своихъ чутьемъ узнаютъ, а между тѣмъ боятся признать, и такъ далѣе. Подробности обстановки, скучно, братъ, приводить; столько разъ ужъ было расписано, что давно надоѣло слышать, какъ вотъ блѣднѣютъ лица, разгораются лихорадочно глаза, подергиваются губы, раздаются страшными голосами «le dernier, mein letzter», и пр. и пр.

«Въ этотъ день все было обыкновенно; никакихъ особен-

ныхъ бѣдняковъ съ благородными чертами лица, что кладутъ горстями золото и наконецъ съ зловѣщимъ спокойствіемъ удаляются мрачно молчаливые,—однимъ словомъ, ничего особеннаго. Какихъ-нибудь четверть часа стоило, чтобы приблизиться къ столу на необходимое разстояніе. Слѣжу; игра, въ сущности, мелкая, но все-таки, знаешь, волнуетъ; главное—въ первый разъ. Осмотрѣлся; тутъ эта унылая и длинная вереница проигравшихся героевъ, этихъ господъ, остающихся безъ грошей, продающихъ до послѣдняго бѣлья, отправляемыхъ домой на счетъ содержателей гостиницъ, и за ними, ихъ ужасающихся батюшекъ, блѣдно-пугливыхъ матушекъ,—вся эта вереница начинаетъ мелькать въ головѣ. «Не изъ тѣхъ,» думаю. Полвѣзъ въ карманъ, вынулъ десять золотыхъ, двѣсти франковъ, рѣшаюсь проиграть ихъ. Руки, между тѣмъ, начинаютъ, знаешь, эдакъ ходить; въ горлѣ и во рту пересохло. Это, думаю, отъ жары и пыли, но все же, недовольный собою, отправляюсь напиться и успокоиться, чтобы никакихъ рѣшительно признаковъ волненія у меня быть не смѣло. Подхожу къ столу опять; еще душнѣе и пыльнѣе. «Jouez, Messieurs!» почти не повторяется; игра идетъ живѣе; порядочныя горки золота такъ и ходятъ туда сюда. Всего возмутительнѣе видѣть спокойствіе рулетчика; его скребокъ такъ безучастно пригребаетъ и отгребаетъ золото, что, право, становится гадко. А горки золота все растутъ на столѣ. Въ голову дерзко и нагло лѣзутъ разныя возбуждательныя соображенія: разъ, два... и проценты крупнаго капитала, годъ обезпеченной жизни, бездна книгъ и всего,—главное, цѣна десяти добросовѣстныхъ статей, двухсотъ усидчивыхъ часовъ мозговой работы, многихъ—головной боли, ломоты въ поясницѣ, зуду въ покраснѣвшихъ глазахъ,... и еще мало ли чего!...»

Давыдъ слушалъ Гурина съ участіемъ.

«Наконецъ, оборачиваюсь, продолжалъ тотъ,—бросаю на красное поле одинъ изъ золотыхъ. Смотрю изкоса; рулетка закрутилась... «Noir et impair!»—Бросаю второй золотой, на красное же поле. Проигрываю опять. Третій, на черное,—проигрываю. Четвертый, пятый... до девятаго. Девятый мнѣня на пятифранковики и... на второмъ, вдругъ, начинаю выигрывать. Ставлю всюду, на zero и на два—вездѣ, что называется, везетъ! Спихватился однако, къ своей чести; считаю сколько выигралъ: если двѣсти—баста, такъ положижь себѣ. Двадцати

Франковъ не доставало, ихъ я выигралъ съ перваго раза, и...— декламировалъ Гуринъ,—прождалъ еще минуту, чтобъ оглядѣть дрожащія руки, лихорадочныя лица, подергивающіяся губы, и гордо, честно довольный собою, отошелъ отъ стола!... На другой день проходилъ по залѣ, потрогалъ рулетку, посмотрѣлъ на всѣхъ, еще разъ потрогалъ столъ, улыбнулся отъ души, чуть-чуть покосился на горки золота и отошелъ. На этотъ день не было у меня позволенія играть; на третій я уѣхалъ. Такъ вотъ какъ, Давыдъ! И я тебѣ даю слово, что ничего не преувеличилъ здѣсь; клянусь вотъ тебѣ!

— Не клянись, голубчикъ Миша, не клянись; я тебѣ и безъ того вѣрю.

— Что же, братъ? Развѣ это не дѣло, не настоящее дѣло!

— Дѣло, дѣло.

— Скажи, ты устоялъ бы, не пошелъ выигрывать дальше?

— Едва ли.

— То-то!

Давидъ улыбнулся.

— Ну теперь расскажи про тяжбу, произнесъ онъ.

Гуринъ взглянулъ на часы.

— Э! Безъ пяти минутъ девять, а въ девять у меня гимнастика. Да, впрочемъ, о тяжбѣ много рассказывать нечего. Въ одной касѣ мнѣ дали билетъ не туда, куда я спросилъ. Пріѣзжаю на станцію, гдѣ развѣзжаются поѣзды; говорятъ, у васъ билетъ не въ Карлсруэ. Я, чтобы не терять времени, беру другой, а тотъ оставляю. По пріѣздѣ подаю жалобу, какъ слѣдуетъ, по формѣ, по пунктамъ. Спрашиваютъ доказательства; я показываю имъ багажный шейвъ, адресованный въ Карлсруэ. Ну ясно, что они здѣсь виноваты. Недѣли три безпокоили, требовали за справками, заставили написать еще другое какое-то прошеніе, и наконецъ, увѣдомляютъ, что я имѣю получить слѣдуемые мнѣ три гульдена. Я самъ истратилъ на это, ты понимаешь, гораздо болѣе трехъ гульденовъ; но, какъ всегда, справился съ принципомъ; принципъ говорить: честный человѣкъ не долженъ позволять другимъ быть нечестными, и я началъ хлопотать. Какъ видишь, выхлопоталъ! Ну что, Давыдъ, развѣ это опять не дѣло, а?

— Какъ же, какъ же, Миша. Но какой же ты, братъ, со всѣмъ желаніемъ быть краткимъ, болтунъ... говорунъ...

— Ну вотъ, снова. Ты, Давыдъ, оцѣнивай житейскую практичность, умѣніе справляться съ обстоятельствами.

— Но вѣдь это не мѣшаетъ любить или жениться на богатыхъ, да по любви...

— Ахъ, Давыдъ, ты дитя еще!

— А я только что о тебѣ подумалъ это.

— Ну, братъ, смотри не ошибись!

— Не хотѣлось бы, Миша.

— Сладенькій ты, Давыдъ, очень сладенькій.

— А все же жениться на богатой, такъ, безъ любви, не хорошо.

— Ну полно, полно! Капиталы составляются, братъ, туго. Единственная возможность...мнѣ добыть ихъ—жениться выгодно.

— Да къ чему же тебѣ капиталы?

— Нужны! Я практикъ; для практическаго дѣла, для пользы всѣмъ. Тамъ я стану честенъ и щекотливъ до нельзя. Буду покупать всякія книги во всякой литературной подпискѣ давать больше всѣхъ, поощрять кого только можно. Сами будете рады!

— Едва ли.

— Будете, знаемъ!

Давыдъ потупился и замолчалъ.

— Ну ладно, ладно, Давыдъ. Вонъ ужъ девять часовъ. Очередь гимнастики. Смотри, что я буду дѣлать съ гириями. Это, братъ, необыкновенно здорово. Попробуй: мускулы словно желѣзо.

Гуринь досталъ двѣ гири и началъ плавно выводить обыкновенные приемы. Давыдъ слегка, съ своей доброю улыбкой, слѣдилъ за нимъ.

— Что, Давыдъ, можешь поднять стулъ, за конецъ ножки?

Давыдъ подошелъ, нагнулся и поднялъ.

— Молодецъ, братъ. Ну а лѣвою рукой?

— Лѣвою не могу.

— Попробуй.

— Нѣтъ.

— А я ставлю стулъ на стулъ и поднимаю лѣвою рукой. Смотри! — И Гуринь расправивъ руки, сталъ поднимать стулья: разъ, два, три, пять, десять, двадцать, ровно двадцать разъ, ни больше ни меньше, отсчиталъ онъ, сначала лѣвою, потомъ правою рукой.—Вотъ она, практичность-то. Это также дѣло, Давыдъ, а? спрашивалъ Гуринь, трогая съ удовольствіемъ мускулы на своихъ рукахъ.

— Ну, само собою разумѣется. Однако, до свиданія; не за-

бывай меня. Послѣзавтра ко мнѣ хотѣли завернуть наши здѣшніе студенты, заходи же.

— Непремѣнно, отвѣтилъ Гуринъ, провожая Давыда до дверей. Онъ все еще пробовалъ упругость мускуловъ на рукахъ, но съ какою-то странною разсѣянностію и неловкостію, что, къ его удивленію, начинало приключаться съ нимъ постоянно послѣ разговоровъ съ «милымъ-премилымъ» Давыдомъ.

V.

Однажды утромъ, въ концѣ сентября, богатаго на Рейнѣ теплыми и свѣтлыми днями, Варвара Антоновна, въ сопровожденіи своей компаньонки, Нѣмки, лѣтъ тридцати, и одного знакомаго Кости, крошечнаго, ничтожнаго, одѣтаго всегда съ иголки, франтика-паразита, подымалась по тропинкѣ на гору, ограничивающую собою, съ восточной стороны, городъ Г.

— Fräulein Luise, вы вѣрно очень устали? обратилась Варвара Антоновна къ своей компаньонкѣ, на одномъ поворотѣ.

— Oh! Gott bewahre! предупредительно отозвалась Нѣмка.

— Не добудите ли вы мнѣ немного каштановъ? прибавила Варвара Антоновна.

— Oh, ja wohl! и Нѣмка живо направилась по тропинкѣ.

— А мнѣ, Варвара Антоновна, не позволите ли вы остаться съ вами? спросилъ почтительно Костя.

— Съ большимъ удовольствіемъ, cher Константинъ Семеновичъ. Но вы бы, лучше, помогли ей поискать, а я сейчасъ подымусь за вами; отдохну только немного, отвѣтила Варвара Антоновна, садясь въ тѣни, на небольшую деревянную скамейку.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Гуринъ, какъ всегда, избранный, немного усмѣхающійся, слишкомъ развязный.

— Здравствуйте, Варвара Антоновна! Здоровы? началъ онъ пожимая ея руку.—Какой славный день, не правда ли?

— Да, славный. Очень рада васъ видѣть, Михайло Львовичъ.

— Merci. Чтò papà?

— Занять, получилъ много писемъ. Какіе-то все секреты, кажется, отъ дядюшки Юрія Валеріановича, насчетъ этой... эмансипаціи.

— А, а! Что же Антонъ Валеріановичъ?

— Папа хмурится все, не въ духъ.

— Право?... улынулся Гуринъ и перешелъ къ другому.

— Костя съ вами? спросилъ онъ.

— Какже; я послала его съ Лизой каштановъ набрать.

— А!

— Скажите, что вашъ другъ? Все тутъ и все такой же... милый?

— Остается здѣсь; онъ милый... да, но къ тому, знаете, еще необыкновенно умный.

— Право?

— Еще бы! Да вы и вообразить себѣ не можете, какое вліяніе онъ имѣетъ на здѣшній русскій кружокъ. Говоритъ такъ мягко, спокойно, а между тѣмъ съ пріѣзда, давно ли? его слушаютъ какъ... оракула, или что это... просто какъ умнаго и честнаго человѣка.

— Скажите!... Ну какой онъ изъ себя? Кажется, я видѣла его гдѣ-то, чуть ли не за table d'hôte... Не большой, бѣлокурый?

— Да.

— И рябенькій, кажется?

— Рябенькій; лицо простое, круглое, линій мало, короче— русское что-то. И, знаете, продолжалъ Гуринъ, — кружокъ то этотъ дѣйствительно ученый и серьезный. Я было думалъ, что это въ родѣ милыхъ петербургскихъ кружковъ. Соберутся нѣсколько приличныхъ молодыхъ людей новаго поколѣнія, все въ хорошенькихъ галстучкахъ, въ новенькихъ платьяхъ, въ блестящихъ мундирчикахъ, и ну себѣ забавляться, разсуждать о современныхъ вопросахъ, о неприличности взяточничества, тому подобномъ. Ужасно противно! Нѣтъ, здѣсь кружокъ порядочный, въ серьезномъ смыслѣ, занимающійся... Не знаю, понимаете ли вы меня?

— Ахъ, Михайло Львовичъ! За кого же вы меня принимаете? кокетливо обидѣлась Варвара Антоновна.

— Всѣ эти надобшіе вопросыки, продолжалъ Гуринъ, смотря въ сторону и сбивая тростью листья съ насѣвшего надъ скалою куста:— о какихъ-то русскихъ судьбахъ, о даровитости славянскаго племени, о народности въ смыслѣ монополіи, или хоть о цѣли жизни, о примиреніи противорѣчій и разрѣшеніи недоразумѣній ея, обо всемъ этомъ вообще, и не подни-

маются у нихъ вовсе. Люди тутъ все рациональные, свободные давно отъ заветныхъ предрассудковъ, при этомъ люди честности твердой, рѣдкой... хвалиль Гуринь. — Говорять зрѣло, серьезно о нужныхъ и точныхъ предметахъ, спорять иногда, кто за химію, кто за физиологію, напримѣръ, часто... за нашихъ замѣчательныхъ писателей. А тутъ кто-нибудь разкажетъ крупный анекдотикъ или случай своими глазами видѣнный, и всѣ захохочуть, да какъ! не по нашему!..

— Ахъ, Михайло Львовичъ, вы такъ мило рассказываете, право! перебила его съ милою улыбкой Варвара Антоновна.

— И мой этотъ Давыдъ какъ начнетъ говорить, такъ всѣ его и слушаютъ. Недавно еще толковалъ о частной лабораторіи и физическомъ кабинетѣ, которые ему хотѣлось бы открыть когда-нибудь въ Петербургъ; всѣ тутъ же бросились, предлагаютъ свое, кто чтò можетъ. Повѣрите ли, любезная Варвара Антоновна, даже я самъ съ каждымъ днемъ подчиняюсь его вліянію. Противишься, вы понимаете, внутри-то, но совсѣмъ тѣмъ, подчиняешься какъ-то незамѣтно..

— Да? скажите!.. произнесла Варвара Антоновна, какъ произносила, по примѣру своего папѣ, всегда, когда не знала чтò сказать. — Но чтò это съ вами сегодня, Михайло Львовичъ? On croirait que vous soyez souffrant; такой грустный!..

— Ну, вотъ еще; никогда грустнымъ не бываю. Да! Варвара Антоновна, слышали вы, что Костя провелъ третьегодишній вечеръ у меня?

— Ахъ, какже, какже! онъ мнѣ много рассказывалъ.— Варвара Антоновна вдругъ захохотала.

— Вообразите? въ этомъ самомъ кружкѣ, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Пришелъ ко мнѣ передать что-то отъ васъ; я его и оставилъ; правду сказать, подшутить хотѣлъ. Сидитъ сначала въ углу; никто не обращаетъ вниманія; я только, по долгу хозяина, подойду иногда. Но вдругъ вообразите, разбодрился и начинаетъ соваться съ своими идеями; не знаю передъ кѣмъ ужь показаться захотѣлъ. Говорили.. о капиллярности что ли, а онъ вдругъ, вообразите: «Господа! скажите пожалуста, какъ вы понимаете *le sujet-objet*? Ну люди все искренніе, какъ захохочуть! Онъ поправляется сталъ: что вотъ онъ читалъ объ этомъ въ какомъ-то *revue* и считаетъ это, не знаю что, необыкновенно важнымъ. Всѣ хохочуть невольно и не отвѣчаютъ. Только нашъ Давыдъ, милый такой,

сжалился и подошелъ, началъ что-то говорить, ну и спасъ молодца.

— Ха, ха, ха! смѣялась Варвара Антоновна. — Откуда онъ это вычиталъ!

— Да еще прибавляетъ: «самъ такой-то говорить.» Ему: «А! какой онъ важный человекъ!» Ну и хохочутъ.

— Ахъ! Михайло Львовичъ. Mais c'est charmant, смѣялась Варвара Антоновна:—sujet-objet, ха, ха!

— Дурачокъ, сказалъ Гуринъ.

— Ну вы слишкомъ ужъ строги, Михайло Львовичъ, мелькомъ упрекнула его Варвара Антоновна, и продолжала:—а знаете, Михайло Львовичъ... я всегда мечтала, о небольшомъ, не блестящемъ, но изящномъ и удобномъ салонѣ, украшенномъ «эшантильонами» первыхъ художниковъ, гдѣ бы...

— Гдѣ бы собирались ученые, артисты... лучшіе изъ журнальной богемы, разъ въ недѣлю, напримѣръ, кончилъ Гуринъ.

— Ахъ, хоть и два раза! перебила, опуская глаза Варвара Антоновна.

— Ого! вотъ какъ! Однако пойдите, Варвара Антоновна. Гдѣ же ваши-то съ каштанами? произнесъ Гуринъ, вставая и подавая ей руку.

Она поднялась и пошла по дорожкѣ внизъ, въ совершенно противоположную сторону. Гуринъ шелъ тихо, твердо, сдерживая шаги. «Съ какимъ тактомъ и умѣніемъ вѣдетъ,» думала Варвара Антоновна; она облакачивалась на его руку и при каждой поникнувшей вѣткѣ, склоняла кокетливо голову къ его плечу. На поворотахъ, когда небольшой вѣтерокъ, огибая гору и врываясь въ ущелье, охватывалъ ихъ легкою осеннею прохладой, она вздрагивала и сжимала сильнѣе руку Гурина. Нѣсколько времени они шли молча. Гуринъ глядѣлъ куда-то впередъ. Въ дали, въ легкой дымчатой мглѣ, очерчивались темные верхи Шварцвальда; направо, высокая шапка, извѣстнаго путешественникамъ Кенигштуля вѣнчала собою сосѣдную гору, къ подошвѣ которой уютно прислонился нашъ скромный городокъ, взбираясь на нее кой-гдѣ красненькими домиками каменоломовъ. Надъ городомъ, изъ-за синеватой зелени горнаго лѣса, выглядывалъ неровными зубцами полуразвалившийся замокъ, съ своимъ gesprengten Thurm, котораго носатый профиль глядѣлъ не то грозно, не то насмѣшливо.

Листья начинали желтѣть и опадуть; смутно дрожа и кружась въ воздухѣ, они осыпали, по временамъ, нашу пару.

— Отцвѣтають, опадаютъ, началъ Гуринъ, сбрасывая съ себя нѣсколько листовъ,—долго ли прожили милые? Умрешь, и станешь самъ землею черной,—и изъ тебя взойдетъ цвѣточекъ полевой... пропѣлъ онъ.

— *Ei*, Михайло Львовичъ, что вы это о такихъ вещахъ! И какъ это къ вамъ мало идетъ!.. испугалась Варвара Антоновна.

— Я замѣчательно слабъ въ томныхъ описаніяхъ, А вѣдь, какъ хотите, минута смерти — дрянная минута. Порядочный человѣкъ долженъ приготовить себя къ ней. У меня, знаете, составленъ цѣлый планъ предсмертныхъ минутъ, и отъ плана этого, если только буду умирать дома, на кровати, я намѣренъ не отступать...

— Михайло Львовичъ, *finissez donc!* Чтò за охота? И такъ ужь грустно...

— О! этотъ планъ, напротивъ, развеселить и подбодрить васъ.

— *Mais non, mais non*, Михайло Львовичъ!

— *Un couple de mots*, Варвара Антоновна, просилъ Гуринъ.
— Вы со мной короче познакомитесь...

— Ахъ, Михайло Львовичъ!..

— Такъ вотъ, усмѣхнулся Гуринъ:—чувствуя приближеніе дрянной минуты, посылаю за нѣкоторыми изъ милыхъ и преданныхъ, для прощанія... и отчасти, для примѣра. Покоюсь удивительно: ни вздоха, ни слезы. Постараюсь улыбаться, но чтобъ улыбка не вышла неграціозна и непріятна, приказываю прежде подать зеркало и пробую себя. Между тѣмъ, собралось нѣсколько близкихъ; если буду прилично выглядѣть, поцѣлую всѣхъ, но во всякомъ случаѣ сожму каждому руку, и крѣпко, крѣпко. Потомъ нѣсколько словъ о значеніи житейскаго пути; наконецъ: «побольше бодрости, господа, и воли! Прочь докучныя мысли, прочь, безполезныя слезы! да не охватить васъ, господа, обыкновенное, въ этихъ случаяхъ, чувство жизненной пустоты, ни тоска, ничто подобное!» декламировалъ Гуринъ.—На этомъ, церемоніи и кончатся. Тутъ начинаю говорить уже вполне рационально: «Господа! черезъ часть народонаселеніе уменьшится единицей, единицей увеличатся итоги статистическихъ таблицъ смертности...

— Ахъ, Михайло Львовичъ, *assez, je vous en supplie!*..

— Къ землѣ прибавится горсть удобренія, и такъ дагѣе. Всякое лицезрѣіе запрещу настрого; лучше было бы, еслибы никто не видѣлъ какъ будутъ хоронить, потому что впечатлѣніе на

другихъ пронаводится неприятное, а по принципу, никому неприятнаго дѣлать не слѣдуетъ. Между тѣмъ дрянная минута начинается уже чувствоваться. Тогда, прежде всего...

Въ это время они дошли до конца большаго изгиба тропинки и остановились; вѣтеръ на краю былъ довольно свѣжъ. Варвара Антоновна сильнѣе припала къ рукѣ Гурина; Гуринъ чувствовалъ это, но какъ бы не замѣчая, продолжалъ:

— Прежде всего стараюсь перебросить ногу на ногу, для того чтобъ этихъ двухъ противныхъ ступней не торчало, какъ обыкновенно; потомъ употребляю всевозможныя усилія, чтобы граціозно и мягко улыбнуться; въ случаѣ невозможности, схватываю крѣпко-надушенный платокъ, прикладываю его къ лицу, и наконецъ, когда начнетъ захватывать дыханіе, сжимаю что есть силы зубы, и скрадываю въ себѣ этотъ гадкій, послѣдній истерическій вздохъ!..

Варвара Антоновна слушала, устремивъ глаза въ какую-то точку, щурясь отъ вѣтру, и поминутно вздрагивая. Вѣтеръ качнулъ широкую вѣтвь огромнаго ближняго каштана прямо на нее; она лежала почти головой на плечѣ Гурина.

— И вѣрный своему слову, продолжалъ декламировать Гуринъ,—умру я, стойкъ, безъ вдоха и слезы!..

—Хвастунишка!.. раздалось надъ самымъ его ухомъ, и лицо его охватило горячее дыханіе почти прикоснувшагося рта. Онъ быстро окинулъ глазами трепетную фигуру Варвары Антоновны, двѣ тонкія и сухія ея ножки, что стояли носками чуть-чуть врозь, и съ которыхъ вѣтеръ отшатнулъ назадъ платье, ея нервное лицо, съ страстно-вздутыми ноздрями и смущающимъ взглядомъ, и поцѣловалъ ее крѣпко, больно!.. Варвара Антоновна отвѣчала ему тѣмъ же...

Прошла минута, прошла другая.

Варвара Антоновна опомнилась первая. Она выпрямилась и, не говоря ни слова, плавно пошла внизъ. Гуринъ оставался на мѣстѣ. «Кто увлекся? разсуждала Варвара Антоновна:—вѣрно онъ.»—«Она! я вѣдь знаю ее,» думалъ Гуринъ.—«А можетъ быть оба...» мелькнуло у нея въ головѣ.

Варвара Антоновна, не замѣчая Гурина за собою, остановилась и обернулась назадъ; онъ смотрѣлъ задумчиво куда-то въ сторону, и подвигался медленно.

— Михайло Львовичъ, начала Варвара Антоновна искусственнымъ голосомъ искусственную рѣчь, въ которой еще звучала однако едва сдержанная страсть: — Михайло Льво-

вичь! я надѣюсь, что этотъ... случай станетъ залогомъ нашей будущей дружбы, что торжественною минутой этого. . поцѣл... скрѣпится навсегда она, наша тѣсная дружба...

Гуринъ молчалъ.

— Дайте мнѣ вашу руку, продолжала Варвара Антоновна, протягивая ему свою.—Когда, Михайло Львовичъ, я жму эту... сильную... и чуткую руку, я знаю, что могу положиться на нее!..

Скользкая усмѣшка глянула на горячихъ еще губахъ Гурина. «Любить ли, не любить, а выйдеть», разчитывалъ онъ, и подаль ей руку.

Не успѣли они сдѣлать двадцати шаговъ, какъ встрѣтили суетливо бѣжавшаго имъ на встрѣчу Костю.

— Варвара Антоновна! насилу-то! Мы ищемъ, ищемъ васъ вездѣ до самаго верху поднимались, спрашивали на мызѣ, а вы себя спокойно внизу.

— А я здѣсь, васъ все жду не дождусь.

— Извините, пожалуйста; это безтолковая Луиза виновата. Ей вдругъ показалось, что вы пошли на верхъ.

— Здравствуйте, Михайло Львовичъ; давно ли тутъ и откуда?

— Только что поднялся; былъ у Шлоссера на лекціи, пошелъ прогуляться.

— А о чемъ была лекція, Михайло Львовичъ?

— О заговорѣ септембризеровъ, отвѣчалъ не смущаясь Гуринъ,—замѣчательное время, интересная лекція. Жаль, что вы не пришли.

— Жаль, жаль, отозвался Костя, не понявъ, и пошелъ съ другой стороны Варвары Антоновны.

Скоро подошла и Fräulein Louise, усталая, вся въ поту, съ каштанами въ платочкѣ.

Варвара Антоновна разсѣянно поблагодарила ее, и взяла лѣниво одинъ каштанъ.

Гуринъ молчалъ и думалъ, какъ много можно взять бойкимъ хвастовствомъ и милыми монологами; молчала и Варвара Антоновна, и по ея блѣдному и холодному въ эту минуту лицу, трудно казалось рѣшить чѣмъ была занята ея мысль.

VI.

Между тѣмъ, время «милыхъ монологовъ» проходило; изъ дальней Руси набѣжали тучки.

На другой день послѣ страннаго поцѣлуя, Гуринь получилъ изъ Петербурга, отъ родственника занимавшагося его денежными дѣлами, письмо, въ которомъ говорилось, что акціи идутъ плохо, что процентовъ въ этомъ году не будетъ ни копѣйки, что даже продать ни одной нельзя, ибо цѣну даютъ самую ничтожную, и что въ настоящую минуту ему не могутъ выслать рѣшительно ничего. Деньги были необходимы. Надо было расплатиться за мѣсяцъ съ отелемъ, который Гуринь даже недѣлю какъ оставилъ; отдать деньги за десятка два разныхъ выписанныхъ и взятыхъ изъ магазина книгъ; отослать нѣсколько фунтовъ стерлинговъ въ Лондонъ, знакомому портному, который на дняхъ прислалъ ему тукъ осенняго платья; еще заплатить за какіе-то букеты, конфеты, и еще, еще...

Въ одно сврѣнное октябрьское утро. Гуринь уѣзжаетъ изъ Г., оставивъ Давыду, рядомъ съ которымъ жилъ теперь, небольшую записку, съ уведомленіемъ объ отъѣздѣ въ Карлсруэ и обѣщаніемъ быть непременно завтра или послѣзавтра.

Гуринь вернулся черезъ четыре дня, поздно вечеромъ, недовольный, блѣдный, похудѣвшій и тотчасъ же заснулъ, приказавъ не говорить Давыду о своемъ пріѣздѣ, будто для того чтобы не беспокоить его. Утромъ на другой день, послѣ спѣшнаго завтрака, Гуринь, не заходя къ Давыду, отправился къ Костѣ. Онъ засталъ его въ легкомъ французскомъ халатѣ, угнѣздившагося съ ногами на креслѣ, съ чашкой шоколада и папиросой.

— *Ba!* Михайло Львовичъ. *Mais je suis enchanté de vous revoir!* Гдѣ же вы это пропадали?

— Былъ въ Карлсруэ, хотѣлось повидаться съ однимъ родственникомъ; въ сущности лишнее, истратился только.

— Вотъ неприятно! Что же вы не присядете, Михайло Львовичъ? Вы такъ рѣдко дѣлаете намъ честь своимъ...

— Некогда.

— Чтò же вы это такъ рано сегодня, да и торопитесь?

— Я къ вамъ съ просьбой, Костя. Предлагаю вамъ сдѣлать порядочное дѣло: дайте мнѣ денегъ въ долгъ.

— Какъ денегъ?

— Ну да!

— Зачѣмъ же это вамъ, Михайло Львовичъ?

— Нужны, понимаете.

— И очень нужны?

— Не сталъ бы иначе таскаться спозаранку...

— Ахъ, какъ жаль, Михайло Львовичъ, что я-то не могу вамъ дать. Самъ въ настоящую минуту, совсѣмъ на безденежь.

— Врете, Костя.

— Ей Богу! Клянусь вотъ вамъ...

— Врете.

— Къ чему же врать. Я бы съ большимъ удовольствіемъ. Вотъ если хотите, какъ весной прищѣютъ, тогда...

— Весной я васъ отошлю съ ними... Такъ рѣшительно нѣтъ?..

— Я бы радъ, да нѣтъ у самого, совсѣмъ нѣтъ.

— А до весны-то чѣмъ будете жить?

— Есть, да самые пустяки; не знаю уже какъ дотяну; развѣ у Антона Валеріановича займу.

Гуринъ взялъ со стола свою шляпу, и пошелъ къ двери.

— Чтѣ, будете вы сегодня, Михайло Львовичъ, у Варвары Антоновны? Она очень удивляется... вашему отъѣзду.

— Да вы смотрите, ей не говорите только! погрозилъ Гуринъ.

— О нѣтъ! Михайло Львовичъ. Боже мя упаси! Какъ это можно! шепталъ Костя, провожая его съ насмѣшливою щепетильностію до дверей.

Гуринъ кивнулъ ему слегка головой и вышелъ.

Онъ воротился домой еще болѣе разстроенный и недовольный. Сѣлъ писать письма и написалъ писемъ пять въ Россію; за table d'hôte, который посѣщалъ обыкновенно, не пошелъ, и закусивъ кое-какъ, легъ спать, прося разбудить себя съ 8 часовъ. Начинаяшаяся лихорадка долго не позволяла ему заснуть. Онъ думалъ, между тѣмъ, у кого бы занять денегъ, страшно нужныхъ ему въ эту минуту; въ его портмоне не оставалось мелочи на гульденъ. Старичокъ Антонъ Валеріановичъ не дастъ и скажетъ еще непременно дочери, разсуждалъ онъ. Оставались Давыдъ... и сама Варвара Антоновна. Зашла борьба: Давыдъ зналъ, что квартира Гурина стоитъ втрое дороже его квартиры, что Гуринъ на прошлой недѣлѣ

еще выписалъ ящикъ дорожныхъ винъ, что получилъ онъ на дняхъ изъ Лондона тюкъ платья; да и Давыдъ, пожалуй, захочетъ узнать куда именно онъ ѣздитъ. Варвара Антоновна этого ничего не знаетъ, но просить у нея, по секрету, неприятно, гадко, еще сейчасъ же послѣ... поцѣлуя.

Въ 8 часовъ Гуринъ всталъ. Онъ рѣшился идти къ Варварѣ Антоновнѣ.

Лихорадка усилилась. Гуринъ одѣвался съ трудомъ; голова его горѣла, руки дрожали. Онъ сталъ дѣлать усиленные движенія; это не помогло, и дрожь все увеличивалась. Гуринъ посмотрѣлся въ зеркало: глаза болѣзненно тусклы, лицо плохо, языкъ страшно бѣлъ. На дворѣ было темно и мрачно; начались уже довольно чувствительные морозы. Гуринъ, со всѣмъ тѣмъ, не оставлялъ своего намѣренія. Онъ надѣлъ пальто, и закутавшись, подходилъ уже къ двери, какъ кто-то постучался къ нему.

— Herein! отвѣтилъ онъ съ неудовольствіемъ.

Вошелъ Давыдъ, и какъ былъ, въ шинели, съ столбомъ холоднаго воздуха, подбѣжалъ къ нему.

— Здравствуй, Миша, здравствуй, голубчикъ! У у! какъ холодно. Куда это ты?

— Здорово, Давыдъ. Собрался вотъ къ Нарѣвымъ.

— А давно ли ты пріѣхалъ?

— Вчера ночью.

— И ты мнѣ ничего не сказалъ?.. Ну разкажи же, какъ, благополучно ли съѣздитъ? А впрочемъ, если тебѣ нужно, я тебя не задерживаю.

— Разкажу, только, пожалуйста, послѣ, отвѣтилъ тотъ, сильнѣе вздрагивая отъ мерзлаго воздуха и отступая отъ Давыда.—А теперь, извини мнѣ надо.

— Ступай, ступай; вернешься, заходи ко мнѣ, или ужь лучше я къ тебѣ заверну. Да что это ты, Миша, такъ дурно выглядишь сегодня? И руки, вонъ, холодныя... Ты, кажется не совсѣмъ здоровъ.

— Нѣтъ, ничего; не безпокойся.

— Какъ ничего! Вотъ и лицо все горитъ. А ты по такому холоду и вѣтру собираешься идти. Что ты, Миша?

— Надо, Давыдъ.

— Однако, захвораешь, смотри.

— Надо, надо, повторилъ Гуринъ.

Давыдъ посмотрѣлъ на него внимательно и участливо.

— Не совѣтую тебѣ ходить, сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ, позволь мнѣ вечеромъ завернуть къ тебѣ. У меня сегодня и работа одна кончена.

— Заходи, пожалуста.—И Гуринъ вышелъ.

Давидъ слѣдовалъ за нимъ и остановился у подъѣзда, чтобы посмотреть, какъ онъ пойдетъ.

Минуты черезъ двѣ, Гуринъ, шатаясь почти, возвращался къ себѣ. Сильная лихорадка била его. Почти вслѣдъ за нимъ вошелъ и Давидъ.

— Что, Миша?

— У меня, кажется, маленькая лихорадка.

Давидъ подошелъ и нагнулся къ нему.

— И порядочная, братъ. Ложись поскорѣй, да напейся теплаго. Давно ли ты чувствуешь себя нездоровымъ?

— Э! да дня три ужъ. Съ того проклятаго вечера...

— Какого это, Миша?

Гуринъ молчалъ.

— Давидъ!.. Ты честный, ты славный человекъ, началъ онъ вдругъ.

— Что ты, что ты? Къ чему это, ни съ того, ни съ сего...

— Съ тобою можно быть искреннимъ, Давидъ.

— Случилось развѣ что?

— Многое! Вотъ раздѣнусь, такъ разкажу.

Давидъ бросился ухаживать, помогъ раздѣться, сбѣгалъ въ аптеку, потомъ закуталъ Гурина и сѣлъ на постели, въ ногахъ.

— Знаешь, Миша, чтобы тебя только разговоръ этотъ не разстроилъ?

— Нѣтъ, напротивъ, отвѣтилъ Гуринъ.—Слушай же, Давидъ, началъ онъ съ разстановкой.—Знаешь куда я ѣздилъ?

— Ты писалъ, что въ Карлсруэ, повидаться съ кѣмъ-то.

— Лгалъ. Не въ Карлсруэ а въ Баденъ. И знаешь что дѣлать? Играть. И знаешь что сдѣлалъ? Проигрался.

Давидъ, не показывая особеннаго удивленія, смотрѣлъ кротко и мягко.

— Деньги нужны дозарѣза! продолжалъ Гуринъ.

— А сколько тебѣ нужно, Миша? спросилъ Давидъ.

— Порядочно. Двѣсти гульденовъ, по крайней мѣрѣ...

Давидъ подумалъ нѣсколько времени.

— Двухъ сотъ у меня не найдется, а полтораста можетъ быть сыщу, произнесъ онъ тихо.—Но если позволишь, то остальные пятьдесятъ, я спрошу у С. Онъ сейчасъ же дастъ.

— Давыды!.. Ты.. ты единственный, ты... удивительный человек!..

— Ахъ, полно! Какъ ты не можешь обойтись безъ этого?

— Дай же руку. Когда мнѣ возвратить тебѣ деньги?

— Объ этомъ послѣ.

— Ты меня, чертъ знаетъ, за кого считаешь теперь.

— Оттого что проигрался? И я проиграюсь, не пробовалъ еще.

— А хвасталь-то я...

— Да вѣдь-то была правда?

— Правда, но согласись: первый разъ устоять, и какъ еще; а второй-то...

— Первый разъ устоять, а второй не устоять, что тутъ особеннаго? Это частенько бываетъ, по крайней мѣрѣ, со мною.

— Нѣтъ, Давыдъ, извини, а ты м-милый человекъ!

Давыдъ не могъ не улыбнуться.

— Говорунъ ты, большой говорунъ, Миша.

Онъ напоилъ его, укуталъ какъ могъ и принесъ полтора гильденовъ сейчасъ же. Часовъ около 11 вечера, онъ зашелъ навѣдаться, и видя Гурина спящимъ, сталъ тихонько, на носкахъ пробираться къ нему, съ непривычки частя ногами и унимая себя боязливо. Добравшись до кровати, онъ положилъ пятьдесятъ гильденовъ въ маленькомъ сверточкѣ съ надписью, на столикъ прямо передъ глаза, когда они откроются, и опять на носкахъ тихонько вышелъ.

Лихорадка не уменьшалась на другой день. Несмотря на это, Гуринъ всталъ въ опредѣленный часъ и началъ въ точности выполнять все, что дѣлалъ обыкновенно. Какъ всегда, ровно двадцать разъ поднималъ онъ свой стулъ, сначала правою, потомъ лѣвою рукой, и какъ всегда, продѣлалъ до послѣдняго всѣ обычные приемы съ гириями. Ослабѣвшія руки дрожали; онъ напрягался и не хотѣлъ замѣчать болѣзни. Напившись чаю, онъ отправился гулять. Давыдъ зашелъ къ нему и не засталъ дома. Когда Гуринъ возвратился съ прогулки, дрожь увеличилась. Черезъ нѣсколько часовъ сдѣлалась горячка. Сильная ломота во всѣхъ частяхъ томилла его; онъ крѣпился, чтобы ни разу не охнуть. Вечеромъ Давыдъ зашелъ къ нему опять и былъ удивленъ его болѣзненною наружностью.

— Зачѣмъ же ты выходилъ сегодня, Миша? спросилъ онъ, садясь по обыкновенію на постели у ногъ.

— Да чѣмъ меньше церемониться съ глупыми болѣзнями,

тѣмъ скорѣе онѣ проходятъ. Лучше всего не обращать на нихъ вовсе вниманія,—и Гуринъ, между тѣмъ, сдерживалъ готовый вырваться вздоръ.

— Миша, голубчикъ, не финти, братъ; довольно. Вѣдь это и не практично; вѣдь жизнь... началъ было онъ, но оставился.

— Ну, нынѣшнимъ днемъ, я ужь жертвую; за то завтра надѣюсь быть здоровымъ.

— Только не выходи, Миша, не совѣтую тебѣ.

— Посмотримъ, посмотримъ, Давыдъ.

Горячка къ вечеру усилилась. Она длилась цѣлую недѣлю.

Лишь на восьмой день Гурину стало легче. Давыдъ приходилъ навѣщать его раза по четыре каждый день, нанялъ ему сидѣлку, устроилъ изъ своей, смежной съ квартирой Гурина, комнаты, спальню, чтобы слышать что у него дѣлалось, даже работалъ, по возможности, дома.

VII.

Варвара Антоновна, между тѣмъ, не знала, что и подумать о Гуринѣ. Со дня страннаго поцѣлуя—ни визита, ни встрѣчи, ни вѣсти. Ожиданіе на балконѣ и на прогулкахъ не кончались ничѣмъ; посылки Кости не давали результатовъ. Часто, оставаясь одна, подходила Варвара Антоновна къ зеркалу и смотрѣлась въ него пристально и долго. Она окидывала быстрымъ взглядомъ свою высокую и сухую фигуру, и оставивала глаза на лицѣ. Лицо было блѣдно, вяло и худо; въ отвѣтъ, сдвигались чуть-чуть ея брови и недобрая усмѣшка стягивала тонкія губы. Но потомъ вдругъ какая-то мысль освѣщала блѣдное лицо; яснило оно; свѣтлѣли и загорались, открываясь широко, темные глаза, губы начинали улыбаться иначе. Варвара Антоновна оставляла зеркало, подходила къ угольному окну и всматривалась, щурясь съ полуулыбкой, въ крупный профиль одного каштана, что очерчивался гдѣ-то въ дали, на поворотѣ бѣжавшей по горѣ тропинки. Потомъ снова, плавно подходила она къ зеркалу, и опять стояла передъ нимъ долго, смотря и не вида себя, занятая важною думой, можетъ-быть разчитывая, можетъ быть мечтая...

Костя, по желанію Варвары Антоновны, былъ у Гурина три

раза, и ни разу не заставлялъ его дома. Но на другой день, послѣ визита Гурина Костя, Варвара Антоновна догадывалась уже приблизительно въ чемъ дѣло; на третій, она строго разспросила послѣдняго и узнала, почти слово въ слово, разговоръ его съ Гуринымъ. Костя ходилъ, послѣ того, къ Гурину еще раза два, но его не принимали подъ предлогомъ, что Михайло Львовичъ не совсѣмъ здоровъ и спитъ.

Всѣ эти обстоятельства и удивляли, и тревожили Варвару Антоновну. Она рѣшилась было нарушить данное себѣ слово — не писать никогда рискованныхъ записокъ своимъ друзьямъ, какъ вдругъ ей пришла мысль послать къ Гурину за вѣстями самого папа. Она приласкала старичка, сказала ему нѣсколько словъ на счетъ его сегодняшней «bonne mine» и наконецъ: — Ah para! Il faut que vous vous rendiez chez Михайло Львовичъ; il est très souffrant...» и пр. Старичокъ Антонъ Валеріановичъ, не забывавшій, по принципу, своего достоинства нигдѣ и никогда, отказывался, удивлялся, просилъ и умолялъ дочь, говоря, что не годится же ему это наконецъ, что всѣ, и братъ Юрій Валеріановичъ, узнать объ этомъ, что можно послать человека спросить о здоровьи, что онъ готовъ даже написать милому Михайлѣ Львовичу, un petit mot; онъ рѣшился наконецъ въ горячую минуту спора замѣтить дочери, что его даже немного изумляетъ это особенное вниманіе... но, испугавшись тутъ же собственной смѣлости, онъ не кончилъ послѣдняго замѣчанія, и уныло согласился идти.

— Вы такъ умны, папа, говорила по-французски Варвара Антоновна, — узнайте же у Михайло Львовича, каковы его обстоятельства, и съ вашею извѣстною добротой предложите ему... Мы, женщины, мало понимаемъ все это, продолжала она, — но вы, папа, знаете и понимаете — что и какъ. — И она поцѣловала его въ маленький лобъ и потомъ два раза, съ разстановкой, въ одну изъ косточекъ сухой руки старичка.

По странной группировкѣ обстоятельствъ, въ это же самое утро, поправлявшійся Гуринъ, послѣ довольно продолжительныхъ думъ, соображеній и расчетовъ, рѣшился обратиться съ такою же просьбой къ Давыду.

— Послушай, Давыдъ, у меня къ тебѣ есть просьба. Дѣло можетъ быть будетъ противорѣчить твоимъ привычкамъ, но для меня оно серьезно и важно; не откажи.

— Говори, пожалуйста. Что ты это съ такими вступленіями?

— Здѣсь есть одно русское семейство, Нарѣвы. Я, кажется, говорилъ тебѣ о нихъ?

— А! это не у нихъ ли, Миша, твоя капитальная барышня?

— Ну, да. Видишь ли, Давыдъ, съ тобой я буду искрененъ; мнѣ хотѣлось бы удостовѣриться есть ли у этой-то барышни капля истинной привязанности, преданности... любви что ли.

— Гм... Миша.

— Не удивляйся, Давыдъ. Тамъ, у «нихъ», это труднѣе узнать чѣмъ кажется; лжи, братецъ, тьма.

— Такъ что же?

— Не согласишься ли ты сходить къ ней?..

— Сходить къ ней? повторилъ Давыдъ.— Она дѣвушка?

— Это ничего.

— Она... тузиха? наивно спросилъ Давыдъ.

— Тузиха, братъ, хоть не крупная; полутузиха, но... все же. Давыдъ подумалъ немного.

— Что же... они за люди? порядочные?..

— Ну, такъ себѣ... обыкновенные, отвѣтилъ Гуринъ.

— Я положилъ, Миша, не ходить къ этимъ... Но если тебѣ очень нужно, что жъ дѣлать.

— Ахъ Давыдъ! ты... ты... милый человекъ?

— Полно же. Такъ объясни мнѣ сначала, въ чемъ именно будетъ заключаться дѣло; нужно ли передать, отнести что-нибудь, извиниться...

— Я приготовилъ бы тебѣ записку, Давыдъ; но открыто неловко, тайкомъ ты не захочешь, да я и самъ далъ себѣ слово никогда не писать писемъ, которыя могутъ потомъ возбудить глупыя недоразумѣнія, поднять непріятности, скомпрометировать.

— Ну!

— Такъ потрудись отнести вотъ эти книги, принадлежащія ей, и сказать, что я посылаю ихъ, полагая, что онѣ нужны ей, что самъ не совсѣмъ здоровъ, уѣзжалъ и простудился. Да!.. Давыдъ... Вотъ бы отлично!.. Скажика-ка ей лучше сперва, что я былъ ужасно боленъ, отходилъ, при смерти, что-нибудь такое, да въ это время слѣди, слѣди за ней. Она, безъ сомнѣнія, станетъ какъ всѣ вздыхать, жалѣть, плакаться, но ты замѣть, будетъ ли въ ней, этотъ, знаешь, нервный толчокъ съ судорожною подпрыжкой... Если будетъ—прекрасно: онъ очень часто не граціозенъ и... и почти

всегда искрененъ. Послѣ пускай пойдетъ холодно-безучастная рѣчь или горячія фразы,—это не важно. А тутъ, Давыдъ, ты вдругъ обрадуй: «ха! я пошутилъ, Варвара Антоновна! онъ почти здоровъ, и скоро, вѣроятно, будетъ у васъ.»

— У, у! Миша; нѣтъ, нѣтъ; этого ужь я не умѣю.

— Чего здѣсь умѣты!..

— Нѣтъ, извини, этого я не могу.

— Какой же ты, право, странный. Вѣдь это самая обыкновенная вещь. Чего ты испугался?

— Не умѣю я такъ шутить, Миша. Я лучше скажу просто, что ты пролежалъ недѣлю, а теперь началъ поправляться.

— Эхъ ты! перебилъ его Гуринъ улыбаясь.—Только, пожалуста, ужь если она спроситъ, много ли страдалъ, ты поддержи меня. Онъ, молъ человекъ серьезный, человекъ воли,—выдержалъ все съ толкомъ, ни вздоха, ни слезы. Слышишь, Давыдъ, а?

— Зачѣмъ же, Миша, къ чему все это?

— Какъ къ чему? Нужно! Это необыкновенно важно для мнѣнія, которое она имѣетъ обо мнѣ... И тебѣ она повѣритъ болѣе чѣмъ кому-либо; тебя она считаетъ серьезнымъ и необыкновенно умнымъ человекомъ.

— Ого! Какимъ образомъ меня-то она знаетъ?

— Ну, слышала.

— Отъ кого это? Отъ тебя развѣ?

— Безъ сомнѣнія.

— Лишнее, Миша. Для меня эта комиссія теперь еще неприятна.

— Отчего же? Она сама претендуетъ на умъ и будетъ съ тобою необыкновенно любезна.

— Чтò дальше?

Гуринъ былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи.

— Скажи ей, что я тебя именно просилъ сходить изъ уваженія къ ней, что никого лучше я выбрать не могъ, ну еще... что я вспоминаю все о ней съ такимъ участіемъ...

— Да вѣдь это неправда! перебилъ его Давыдъ.

— Какъ, неправда? Право, я всегда, съ удовольствіемъ вспоминаю о ней. Да хоть бы и нѣтъ; это пустяки, зла никому не приносящіе...

— Все же зло.

— Ахъ полно!

— Попроси лучше другаго.

— Вотъ еще! Я именно хотѣлъ послать тебя, и очень обрадовался, когда ты согласился.

— Такъ, пожалуйста, безъ лишняго.

— Ну, ну, хорошо. Только прошу тебя, сказала Гуринъ, — если ты застанешь ее одну, то скажи ей, что въ послѣдній разъ она была такъ дружественно добра и ласкова ко мнѣ, что я не могъ не сохранить объ этомъ самаго счастливаго воспоминанія, да не забудь, пожалуйста, слѣдить при этомъ. Вы, простые да умные люди, вѣдь ужасно зорки. Ступай же, голубчикъ Давыдъ, сейчасъ теперь именно время.

— Необходимо ли тебѣ это? спросилъ кротко, но серьезно, Давыдъ.

— Ахъ, очень, очень необходимо! Ты обѣщала, такъ я на тебя и надѣюсь. Вотъ возьми пожалуйста эти двѣ книги. Въ случаѣ, что встрѣтишь отца, этакого, маленькаго благообразнаго старичка, ты отрекомендуйся, да со всѣми титулами: докторъ-де всѣхъ естественныхъ наукъ, доцентъ или профессоръ такихъ-то университетовъ, ваялай, чѣмъ больше тѣмъ лучше. Они, въ душѣ, ужасно трусятъ васъ.

— Экой ты болтунъ.

— Не болтунъ! Все это нужно. Главное же, какъ познакомишься и скажешь, что ты отъ меня, не обращай болѣе вниманія ни на старичка, ни на другихъ тузовъ, если будутъ у него. Помни: они должны видѣть, что люди, какъ ты, презираютъ ихъ несовершеннѣйшимъ образомъ.

— Ну довольно, Миша, сдѣлай одолженіе. Я пойду, но постараюсь, чтобъ это кончилось поскорѣй, да предупреждаю тебя, чтобы ты не надѣялся на мою проникательность или наблюдательность. Я, братъ, простякъ, да и пойду какъ есть; вѣдь можно?

— Отъ меня пришелъ, — все можно. Такъ до свиданія, Давыдъ. Я буду поджидать тебя.

— Они въ Б—скомъ отелѣ?

— Да.

— Нарѣвы?

— Да. Такъ приходи же скорѣй.

— Оттуда мнѣ нужно въ лабораторію, а вечеркомъ я заверну.

— Ну, нечего дѣлать. Спасибо, Давыдъ.

Давыдъ взялъ книги, пожалъ руку очень довольному Гурину и вышелъ.

У подъѣзда Б—скаго отеля, онъ встрѣтился со старичкомъ Антономъ Валеріановичемъ; они взглянули другъ на друга мелькомъ и направились—одинъ къ Варварѣ Антоновнѣ, другой къ Гурину. Поднимаясь на лѣстницу, Давыдъ чувствовалъ себя въ какомъ-то непріязненномъ и не совсѣмъ спокойномъ состояніи. Когда Варварѣ Антоновнѣ доложили о немъ, она замѣтно обрадовалась, но заставила его прождать нѣсколько минутъ съ компаньйонкой. Она вошла, наконецъ, блѣдная, худая и однако пышная, помѣстилась въ креслѣ спинкой къ свѣту, попросила Давыда сѣсть и выслала прочь компаньйонку.

— Папа нѣтъ дома, мсьё Пайскій, а я очень рада съ вами познакомиться, начала она довольно любезно, и осматрѣвъ его прищуренными глазами, невольно подумала: «какое же у него въ самомъ дѣлѣ доброе лицо!»

— Я пришелъ отъ моего пріятеля Михайла Львовича Гурина, сказалъ Давыдъ;—онъ просилъ передать вамъ свой поклонъ... и книги. Всю эту недѣлю онъ пролежалъ и не могъ быть у васъ...

— Ахъ, какъ жаль! Гдѣ же онъ захворалъ, что у него? спрашивала Варвара Антоновна, очень довольная, главное, этимъ визитомъ.

— Михайло Львовичъ ѣздилъ куда-то и простудился.

— Ахъ, куда же это онъ ѣздилъ, скажите! Въ Баденъ что ли?

— Не знаю. Михайло Львовичъ не говорилъ мнѣ объ этомъ, прося сходить къ вамъ.

— Что же, ему наконецъ лучше?

— Да.

— Вы, друзья, всегда увѣряете, что лучше.

Давыдъ молчалъ.

— Дѣйствительно ли?

— Я вамъ сказалъ, что да, отвѣтилъ онъ съ своимъ протымъ спокойствіемъ, очень удивившимъ Варвару Антоновну. Она приготовилась сама быть равнодушною и невозмутимую и чувствовала въ себѣ, между тѣмъ, нѣкоторое непонятное смущеніе.

— Такъ я могу вѣрить вамъ? произнесла она.

Давыдъ молчалъ. Варвара Антоновна думала какъ бы расположить въ свою пользу друга Михайла Львовича.

— И вѣроятно, мсьё Пайскій, вы, въ качествѣ друга и со-
сѣда, не оставляли его?

— Когда могъ.

— Я была убѣждена въ этомъ, произнесла она жеманно.—
Oui, prѣtons l'épaule à qui est trop..—Варвара Антоновна не
кончила и чуть не смутилась.

— Извините, вы что-то сказали? проговорилъ Давыдъ.

— Нѣтъ, это я вспомнила небольшую французскую пого-
ворку папа.

— А!

— И вы говорите, что Михайлу Львовичу дѣйствительно
лучше, начала она опять и снова спохватилась.

Давыдъ молчалъ. Варвара Антоновна приготовлялась сказать
ему что-нибудь замѣчательное.

— Давно вы здѣсь, мсьё Пайскій? спросила она.

— Съ мѣсяць.

— Михайло Львовичъ говорилъ мнѣ, что вы много работаете?

— Кто, я?

— Да; онъ говоритъ о васъ всегда съ такимъ уваженіемъ.
И мы всё, чтя науку, чтимъ и представителей ея.

Давыдъ поклонился и молчалъ; Варвара Антоновна уже те-
рялась.

— Знаете, въ этомъ рациональномъ взглядѣ на вещи, про-
изнесла она, смотря на него значительно,—дѣйствительно есть
что-то... сильное, высокое...

— Извините; вы сказали въ рациональномъ взглядѣ?

— Да, рациональномъ, какъ выражается Михайло Львовичъ.
Вотъ и я, кажется не ученая, а повѣрите ли, мсьё Пайскій,
иногда сама думаю: «что это все?—эпизодъ въ миеологіи,—
не болѣе,» говорила свысока наша Варвара Антоновна, уда-
ряя на послѣднее, недавно пріобрѣтенное, выраженіе.

Давыдъ посматрѣлъ на нее, не съ насмѣшкой, но съ нѣко-
рымъ удивленіемъ.

— Извините, пожалуйста. Я не хорошо понялъ, что вы ска-
зали.

— Я сказала, мсьё Пайскій, что и во мнѣ, женщинѣ, не
ученой и простой, безъ сомнѣнія, бываютъ также эти раціо-
нальныя минуты.

— Такъ, коротко отвѣтилъ Давыдъ.

Варвара Антоновна даже покраснѣла не много, несмотря на
кресло спянкой къ свѣту.

Давыдъ всталъ.

— Вы извините меня. Я иду по дѣлу. Можетъ-быть вы желали бы передать что-нибудь Михайлѣ Львовичу?

— О, много! отвѣтила она, оправляясь.— Скажите ему прежде всего, что я сочувствую ему отъ души,... истиннымъ, дружескимъ сочувствіемъ.

— Такъ... сказалъ Давыдъ.

— Завтра я пришлю ему книгъ. Эти, должно-быть, присланы для перемѣны.

— Онъ мнѣ ничего не говорилъ.

— Ну это понятно. Не нужно ли ему еще чего-нибудь?

— Не думаю... не знаю.

— А впрочемъ самъ папà будетъ у него сегодня и освѣдомится обо всемъ.

— А!.. Вы позволите мнѣ?..

— Я васъ не задерживаю, мсьё Пайскій. Очень рада была познакомиться съ вами. Поклонитесь же ему; увѣрьте его въ моемъ участіи. Мы такіе искренніе друзья съ Михайло Львовичемъ.

Давыдъ поклонился, пожалъ какъ-то снизу протянутую ему руку Варвары Антоновны и направился къ двери.

Она слѣдила за нимъ своимъ пристальнымъ, прищуреннымъ взглядомъ, чувствуя между тѣмъ неловкость сходную съ тою, которая охватывала Гурина въ разговорахъ съ Давыдомъ. Когда послѣдній вышелъ, она поднялась съ шумомъ и рѣзко кликнула компаньонку.

VIII.

Въ десятомъ часу вечера Давыдъ отправился къ Гурину, чтобы разказать ему о своемъ свиданіи съ Варварою Антоновной. Не успѣлъ онъ затворить за собою двери, какъ Гуринъ остановилъ его.

— Слушай, Давыдъ! Чудо, братъ... Привидѣніе!..

— Чтò съ тобой, Миня? Какое чудо?.. спросилъ тотъ, смотря съ изумленіемъ на разгорѣвшееся лицо и безпокойныя движенія Гурина.

— Приключилось чудо! Чудо, братъ; то, чтò вотъ всѣ гур-

товые люди называютъ чудомъ, однимъ словомъ—настоящее чудо!..

— Какое же чудо, наконецъ? И когда, съ кѣмъ? участливо спрашивалъ Давыдъ.

— Настоящее чудо!—Когда?—сегодня, часъ тому назадъ. Съ кѣмъ?—со мною!..

— Миша...

— Да!.. говорятъ тебѣ. Ты хмикиъ, потрогай меня; я живу же, я есмь,—смотри!

— Вижу, вижу...

— Ты знаешь, что я владѣю всѣми чувствами пока?

— Ну?

— Ты знаешь, что я презираю самымъ напужаснѣйшимъ образомъ всевозможные предрассудки?

— Ну же.

— Что я смѣюсь на сколько силъ хватаетъ надъ всѣми привидѣніями, кричалъ Гуриный, —что надъ ними я позволяю себѣ хохотать во весь ротъ и во все горло!

— Ну, ну.

— А сегодня, самъ, своими, вотъ этими глазами, видѣлъ привидѣніе!..

— Ты шутишь, что ли?

— Какая тутъ шутка! Посмотри на меня. Я словно въ горячкѣ. Изъ огня въ дрожь, изъ дрожи въ огонь.

— То-то. Расскажи-же сдѣлай милость въ чемъ дѣло, да скорѣй.

— Расскажу, расскажу. Дай мнѣ, пожалуста, воды.

Гуриный пилъ огромными глотками, стараясь успокоить себя; Давыдъ не сводилъ съ него глазъ и въ умѣ сравнивалъ его спокойное утреннее расположеніе и сухую, даже неприятную рѣчь, съ настоящею тревогой. Гуриный, послѣ втораго стакана, успокоился немного.

— Давыдъ, произнесъ онъ,—ты воображаешь, что я въ горячкѣ, въ глумомъ припадкѣ, въ бреду! Ни въ чемъ ни бывало! Никогда моя голова такъ свѣтло не рассуждала... Клянусь тебѣ! Теперь еще разгорячился немного, но во время... явленія я былъ такъ спокоенъ, какъ ты самъ никогда не бываешь...

— Тѣмъ любопытнѣе! Говори же, пожалуста.

— Давыдъ, ты станешь распространять...

— Если не хочешь, не стану.

— Сдѣлай милость никому ни слова.

— Хорошо. Разказывай же, Миша.

Гуринъ отдохнулъ, выпилъ еще нѣсколько глотковъ воды и, съ комическою важностью, предложилъ выпить Давыду.

— Ну, Давыдъ, началъ онъ,—просто ужасъ; никогда не забуду! Вообрази. Заснулъ я сегодня послѣ обѣда, спалъ отлично, и наконецъ, часовъ около шести, просыпаюсь. Сумерки; ставни закрыты, замѣть это. Старая куда-то ушла, я зажегъ свѣчу, влялъ книгу, вотъ эту,—самую прозаическую, и читаю. Прошло этакъ полчаса, ничего, все спокойно. Вдругъ слышу какой-то легкой шорохъ подлѣ. Сначала я подумалъ, что это моя сидѣлка старая и не обратилъ вниманія. Шорохъ началъ увеличиваться... Прислушиваюсь,—шаговъ не слышно. Я взглянулъ въ залу, темно, и только; вонъ въ этомъ зеркалѣ, которое одно и видно было съ кровати, замѣчаю какой-то особенный свѣтъ... Marie, sind sie es? Не отвѣчаютъ, а свѣтъ въ зеркалѣ, между тѣмъ, растетъ и шорохъ увеличивается. Я оттолкнулъ дверь, чтобы лучше было видно... и передо мною... вдругъ... высокій, блѣдный, женскій образъ... Платья не видно; одни прозрачные штрихи тѣней и привидѣній. Гляжу сначала съ испугомъ, боюсь вздохнуть: а дивная гостя у окна, и смотреть на меня, не моргая, своими большими блестящими глазами...

«Тутъ я бросился трогать себя; схватился за голову—цѣла, за руку—цѣла, все цѣло, самъ существую. Опять гляжу на нее. Представь себя! Крупные, свѣтлые алмазы, слезы начинаютъ катиться... Я, двадцать лѣтъ не плакавшій, самъ плачу, да какъ еще! Опять на нее, и уже протягиваю руки. Она въ отвѣтъ подымаетъ свои... и начинаетъ приближаться ко мнѣ... Я закрылъ глаза; мнѣ и страшно, и... страстно какъ-то...

«Наконецъ, открываю глаза снова, привидѣніе начинаетъ отходить, блѣднѣть, стираться. Я чуть не бросился за нимъ съ постели! Но, не прошло секунды, оно исчезло... Исчезла моя безцѣнная дивная гостя!» кончилъ искренно взволнованнымъ голосомъ, Гуринъ..

Давыдъ смотрѣлъ и слушалъ со вниманіемъ, стараясь найти объясненіе попроще этому случаю, и отдѣлать отъ разказа Гурина долю, приходящуюся на обычныя его преувеличенія.

— Когда она исчезла, продолжалъ Гуринъ,—я зажегъ всѣ свѣчи, которыя нашлись тутъ, и съ четырьмя сталъ осматривать залу. Ни слѣда, ни штриха!.. Какъ ты объяснишь теперь это? а?..

- Въ какомъ же мѣстѣ стояла твоя гостья? спросилъ Давыдъ?
- Да вотъ у этого окна, что подлѣ двери.
- А дверь была затворена?
- Затворена.
- И заперта на ключъ?
- Этого не знаю.
- Иначе, какъ же гостья-то ушла.
- Да въ окно, что ли, какъ пришла; я ужь не знаю, какое у нихъ тамъ заведеніе.
- Какъ одѣта?
- Не видѣлъ, говорю тебѣ.
- Ничего не сказала?
- Нѣтъ.
- Долго была?
- Минуту какую нибудь...
- Поклонилась?
- Какой тутъ поклонъ, перестань. Исчезла, братъ, совершенно такъ, какъ исчезаютъ въ сказкахъ...
- У-у! Миша. Дай-ка свѣту, посмотрѣть нѣтъ ли слѣдовъ. Давыдъ зажегъ себѣ свѣчу и отправился въ залу. Черезъ минуту онъ возвратился, улыбаясь какъ онъ одинъ только умѣлъ улыбаться и не говоря ничего.
- Ну, нашелъ что-нибудь? спросилъ безпокойно Гуринъ.
- Успокойся, голубчикъ Миша.
- Нашелъ ли ты слѣды? повторилъ Гуринъ.
- Завтра, при дневномъ свѣтѣ зайду и поищу, отвѣтилъ онъ коротко, какъ бы не желая говорить всего.
- Когда я легъ, послѣ ея ухода, началъ снова Гуринъ, — горячій трепеть такъ и бѣгалъ по всѣмъ членамъ. Потомъ началась какая-то длинная судорожная зѣвота. Читать я ужь не могъ, разумѣется, и только думалъ о ней. Ахъ, Давыдъ! шепталъ онъ: —еслибы ты видѣлъ эти глаза только. Большіе, глубокаріе и не моргаютъ, а катятъ лишь свои крупные алмазы. А нѣги, нѣги въ нихъ сколько! О-о-охъ! вздохнулъ крѣпко Гуринъ.
- Ужъ и нѣги, улыбнулся Давыдъ, и продолжалъ смотрѣть на Гурина участливо и въ то же время пристально; какая-то думка бѣгала у него по лицу и свѣтилась мягко въ его большихъ, выразительныхъ сѣроголубыхъ глазахъ.
- Давыдъ! Да знаешь ли что?..—И Гуринъ вдругъ сталъ напряженно всматриваться въ глаза своего пріятеля.—Знаешь,

что когда ты особенно доволенъ чѣмъ-нибудь, работою, людьми, собою, или же когда становишься гнѣвенъ, у тебя есть что-то похожее на ея глаза.

— Ахъ Миша, Миша! Да ты совершенно какъ помѣшанно влюбленный; ужъ начинаешь видѣть во всѣхъ сходство съ ней.

— Есть сходство! У тебя въ глазахъ, хотя они и другаго цвѣта, и даже во взглядѣ, есть что-то близкое къ ней. Позволь, Давыдъ, позволь! и Гуринъ взявъ попросту его голову въ свои горячія руки, наклонился къ нему такъ, что глазъ приходился къ глазу, и осторожно поцѣловалъ сначала одинъ, потомъ другой.

— Ну..., ребенокъ, право, проговорилъ тихо Давыдъ, опуская глаза внизъ, и поглядывая искоса на Гурина.—Полно, полно, Миша! успокойся...

Вдругъ... Гуринъ опомнился и повелъ свою обычную рѣзкую и хвастливую декламаторскую рѣчь.

— Никогда еще, Давыдъ, никогда, говорилъ нашъ практикъ, — не позволялъ я себѣ увлекаться, а чувству своему буянить и шумѣть! на полчаса развѣ, не больше! Перебралъ же я, ни разу не увлекаясь до глупости, уже много женщинъ и всякихъ. Самыя капризныя и избалованныя, Давыдъ, смирились, клянусь, и ухаживали за мною, а я не платилъ имъ ни каплей истиннаго чувства, не платилъ даже... другимъ. У одной проституціонной, самъ чуть...

— Ой, ой! Начинаешь хвастать! перебилъ его живо Давыдъ.— Пожалуста перестань, сдѣлай одолженіе; ради гостей!—И онъ невольно устремилъ на него свои выразительные глаза.

Гуринъ остановился и прояснѣлъ.

— Ахъ гостя, гостя! Какой вѣдь ангелъ!.. хоть бы разъ еще явилась, душечка!

— Почему знать, успокоилъ добродушно Давыдъ.

— Нѣтъ! А знаешь, когда утромъ сегодня убрался отъ меня этотъ трусливый крѣпостной старичокъ, со своими крѣпостными секретамы, я, вспомнивъ его дочь, думалъ себѣ: Какъ бы хорошо, еслибы вмѣсто этой сухой и чахоточной богатой барышни, другую, да бѣдненькую и нѣжную, мягкую, бѣленькую, славную, съ глупыми, но привѣтливими глазками, съ небольшими, немного загорѣвшими пухлыми ручками, съ розовымъ ротикомъ, которая такъ и смотрѣла бы все, такъ и угадывала бы всѣ желанія. «Катя, напримѣръ, поди сюда; сядь вотъ тутъ.» Она немного конфузится. «Садись, говорю, вотъ

туть! Такъ. Наклонись немного ко мнѣ и положи руку на лобъ... Ахъ? не умѣешь! легонько; ну, цѣлуй теперь!» Она ужасно рада, смѣется немножко глупо, за то отъ всеѣ души. «Не шуми, что ты это!» заметишь еще ей... А тутъ вдругъ, явилась эта дивная гостя и отмстила за женщины! Я легъ бы у ея ногъ, и началъ бы съ лѣваго мизинца благоговѣйно цѣловать! цѣловать, цѣловать. Женщины, женщины, декламировалъ Гуринъ.

Давыдъ тихонько смѣялся.

Такъ прошелъ вечеръ. Давыдъ намекнулъ было разъ на свой сегодняшній визитъ, но Гуринъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

На слѣдующій день, утромъ, Давыдъ зашелъ къ Гурину. Тотъ всталъ уже и сидѣлъ за книгой у небольшого столика, бѣдный, но тщательно выбритый, причесанный, въ модномъ темномъ бархатномъ шлафрокѣ.

— Здравствуй, Миша! Ну что?..

Гуринъ хладнокровно протянулъ ему руку и спокойно отвѣтилъ:—Ничего.

— Ты всталъ я вижу. Вѣрно докторъ псзволилъ.

— Позволилъ, да я бы и безъ его позволенія всталъ. Чувствую, что совсѣмъ почти здоровъ. Я еще не выйду сегодня, но заниматься началъ уже.

— Зачѣмъ же ты такъ торопишься?

— Зачѣмъ же время терять?

— Вѣдь это можетъ повредить тебѣ.

— Ну, вотъ. Да! представь себѣ, Давыдъ; сегодня я встаю, а докторъ у окна и спрашиваетъ вдругъ: «Kennen Sie die Nageieff?»—«Ну, безъ сомнѣнія,» отвѣчаю ему. Онъ мнѣ и показываетъ на уголъ улицы. Вижу мою Варвару Антоновну; идетъ по обыкновенію гулять, вонъ на ту гору, вмѣстѣ съ компаньйонкой и однимъ тузикомъ-паразитомъ, и знаешь, все смотритъ въ мою сторону. Вѣрно каждый день повторялось то же.

— А, а; ты думаешь?

— Убѣжденъ! Сегодня только что ушелъ твой Нѣмецъ, является вдругъ отъ нихъ докторъ; любезничалъ, сочувствовалъ, разспрашивалъ. Потомъ, минутъ черезъ пять, опять отъ нея; приносятъ книги. Ахъ, кѣстати, Давыдъ! разкажи же про твой вчерашній визитъ. Ты мнѣ ни слова не сказалъ еще.

— Некогда вѣдь было, отвѣтилъ тотъ немного лукаво и разказалъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность своего визита.

— Такъ она тебѣ не понравилась.

— Нѣтъ, Миша.

— А право, въ ряду чиновныхъ полтузихъ, дурно воспитанныхъ и избалованныхъ слабостью или ничтожностью родительскою, она еще довольно утѣшительная фигурка. Глупа, но не такъ какъ бываютъ.

— Не знаю.

— Тебѣ вѣрно не понравились ея выраженія?

— Не понравились. Должно-быть, изъ книжки какой-нибудь.

— Изъ папаши.

— Какъ?

— Такъ, взяты у старичка отца. Я отучилъ ее отъ нихъ со мною. Но съ другими это еще въ ходу и не всегда безуспѣшно. О чемъ же серьезномъ говорила съ тобой наша барышня?

— Не помню ужъ хорошенько.

— Не говорила ли можетъ-быть о христіанствѣ?

— Ахъ, именно, именно!

Гуринъ захохоталъ, и смѣясь, замѣтилъ ласково, однако. — Оплошала, провалилась ты, моя «капитальная» дурочка.

— Да, Миша, обратился къ нему Давыдъ:—былъ у тебя ея отецъ? Она говорила мнѣ, что послала его къ тебѣ освѣдомиться.

— Какже былъ и сейчасъ послѣ того, какъ ты ушелъ. Жеманничалъ тутъ полчаса. Я его постоянно срѣзываю, когда могу. Вчера разспрашивалъ его о крестьянскомъ дѣлѣ. Онъ тихонько, таинственно-отрывочнымъ тономъ, шепчетъ мнѣ давно извѣстныя вещи. И все плачетъ: то имъ худо, то крестьянамъ плохо. А упрекнешь его хорошенько, сплеча, онъ и пойдетъ либераломъ: «этотъ порядокъ вещей держаться, конечно, не можетъ», и т. д.; хончаетъ же, дуракъ, всегда тѣмъ, что если условія будутъ такія-то, онъ принужденъ тогда поселиться за границей и оставить жительство въ Россіи, будто хочетъ наказать ее этимъ. Вотъ болванъ-то!

— Да, странные, подтвердилъ Давыдъ.

— А вотъ что еще страннѣе, перебилъ его Гуринъ.—Вообрази: пѣлъ, пѣлъ онъ, и наконецъ окольными путями дошелъ до такъ-называемыхъ «обстоятельствъ». Предлагаетъ въ долгъ,—какъ тебѣ это нравится! Я какъ напушусь на него: что вы это, Антонъ Валеріановичъ, съ ума сошли? Неужели вы

воображаете, что люди пера, представители литературы, какіе-нибудь нищіе? Позвольте вамъ замѣтить, что вы грубо ошибаетесь: кто честно работаетъ, тотъ всегда.... и такъ далѣе, а самъ хохочу въ душѣ. Задалъ таки!

— Зачѣмъ же все это? кротко упрекнулъ его Давыдъ и остановился.

Гуринъ сказалъ еще что-то и замолчалъ также. Одна мысль, казалось, заняла ихъ обоихъ; Давыдъ посматривалъ на мѣсто гдѣ стояла вчера дивная гостыя; Гуринъ, сухо и четко барабана длинными ногтями по столу, глядѣлъ въ сторону, нарочно избѣгая этого самого мѣста. Они молчали довольно долго; слишкомъ деликатный Давыдъ не рѣшился заговаривать о такомъ предметѣ; Гурину, вѣроятно, было совѣстно. Наконецъ онъ началъ.

— А вчерашняя-то потѣшная исторія, кажется, разрѣшается самымъ глупѣйшимъ и прозаическимъ образомъ. Сегодня подхожу къ окну и осматриваю полъ, вижу слѣды женскихъ ногъ, правда, небольшихъ, но далеко не замѣчательныхъ. Я полагаю, что «она» была въ галошахъ; не могу, впрочемъ, хорошенько рассмотреть, голова затекаетъ. Взгляни, вотъ ты.

Давыду, замѣтно, было неприятно такое скорое разочарованіе Гурина. Онъ нагнулся къ полу и посмотрѣлъ.

— Да, видны маленькіе слѣды, отвѣчалъ онъ.

— Ты посмотри, были ли ноги просто въ ботинкахъ или съ галошами.

— Этого ужъ мнѣ не отличить.

— А мнѣ кажется, что ноги были не только въ галошахъ, но и въ резиновыхъ, знаешь, безъ каблучковъ, ступня словно растягай.

— Экой ты какой, Миша! Можетъ-быть сегодня твоя гостыя и не хороша ужъ больше?

— Нѣтъ, этого нельзя сказать. По глазкамъ-то она, должно быть, не дуренькая. Вѣрно какая-нибудь швейка, или просто прачка, ошиблась и зашла не туда.

— Въ окно, Миша?

— Ну, должно-быть, старая оставила двери не совсѣмъ затворенными, а я не дослышалъ.

— А свѣтъ въ зеркалѣ?

— Съ корридора, должно-быть, когда отворялась дверь.

— А алмазы—слезы?

— Должно-быть, дождь или свѣтъ остался.

— Значить дивная гостья?... спросилъ тихо и чуть не брызливо Давыдъ.

— Просто смазливая кухарочка. Вся обстановка — моя греза; рационально тутъ одно: вотъ эти ножки-сеledки отъ резиновыхъ галошъ.

Нашему Давыду стало тяжело; онъ не выдержалъ.

— Ты особенный какой-то, Миша, проговорилъ онъ, и дотронувшись слегка до руки Гурина, поскорѣе ушелъ. Гуринь побарабанилъ по столу, потомъ подошелъ къ окну, взглянулъ съ усмѣшкой на знакомый, подымавшійся на ближайшей горѣ, каштанъ крупнаго профиля, и сталъ ожидать возвращенія съ прогулки Варвары Антоновны.

XI.

На другой день, у Давыда собрались три-четыре чelовѣка изъ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Въ небольшой комнаткѣ о двухъ окнахъ, въ углу на диванѣ, помѣщался самъ Давыдъ; подлѣ него вокругъ диваннаго стола, сидѣли собравшіеся пріатели; одинъ высокій, русый, длиннобородый химикъ, другой физиологъ съ широкимъ лицомъ и черными живыми глазами; еще, недавно пріѣхавшій медикъ, говорившій съ симпатичнымъ, участливымъ какимъ-то, будто дѣтскимъ пришепетываніемъ. Гурина, хотя онъ уже поправился, не было.

Давыдъ разливалъ чай и довольно безпорядочно, сколько кому придется, упрасивая каждого и заваривая по нѣскольку разъ. Сидѣли всѣ какъ удобнѣе, угнѣздившись по своему. Толковали обо многомъ; разные вопросы науки и жизни, касаясь, цѣпляясь и путаясь между собою, шли, какъ попало, одинъ за другимъ. Отъ какого-то физиологическаго опыта, перешли вдругъ къ важности историческихъ монографій, потомъ къ литературѣ.

— Ein Frauenzimmer wünscht Herrn Doktor zu sehen, доложила вдругъ горничная.

— Ба! Давыдъ! Кто это, братъ, къ тебѣ? обратились къ нему посмѣиваясь.

Давыдъ всталъ и съ серьезнымъ выраженіемъ лица, прознесъ:

— Это должно быть «жена» моя, господа. Извините, пожалуйста — и самъ пошелъ отворять дверь.

Женой онъ называлъ молодую хористку Нѣмку, бывавшую у него: обращался съ ней какъ-то необыкновенно вѣжливо и даже не много боязливо, цѣловалъ ей руку, и при этомъ былъ дѣйствительно привязанъ.

Давыдъ отворилъ дверь и отступилъ, чтобы дать гостямъ войти въ комнату. Показалась женщина довольно высокаго роста, закутанная въ большой темный бурнусъ и черный капоръ и, сдѣлавъ шагъ, остановилась въ стыдливой нерѣшительности, робко осматривая присутствовавшихъ. Всѣ встали; по необъяснимому чутью, лица сдѣлались серьезны, глаза, при взглядѣ на гостью, чуть не почтительны.

— Извините, сударыня, началъ Давыдъ, наклоняясь по обыкновенію немного впередъ, — съ кѣмъ имѣю честь говорить?...

Она посмотрѣла на него, широко моргнула большими глазами, и вдругъ заплакала.

— Я... Наташа... проговорила она тихо порусски.

Давыдъ не бросился къ ней. Онъ посмотрѣлъ на нее пристально еще нѣсколько секундъ, потомъ поцѣловалъ одинъ разъ, и посадилъ на стулъ.

— Это моя сестра, господа.

Черезъ минуту они остались одни.

— Наташа... Откуда ты? Съ кѣмъ? какъ? началъ разспрашивать Давыдъ, и смотрѣлъ во всѣ глаза на сестру.

— Я вѣдь писала тебѣ, Давыдъ, что наши ѣдутъ за границу; ну, я съ ними. Ты получилъ ли мое письмо?...

— Получилъ, Наташа, но все какъ-то не думалъ и не ожидалъ, и онъ поцѣловалъ ея руку, и снова пристально глядѣлъ на нее.

— Съ кѣмъ же ты, Наташа? гдѣ остановилась? спрашивалъ онъ и не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: — И пришла первая? Не прислала за мной? Какая же ты добрая, право...

— Хотѣлось тебя обрадовать неожиданно, промолвила она и сама поцѣловала руку брата.

Давыдъ крѣпко сталъ обнимать сестру. Онъ снялъ съ нее бурнусъ и капоръ, усадилъ на диванъ, заварилъ чай.

— У!.. Наташа, да какая жѣ ты... красавица, произнесъ онъ невольнo, когда свѣчи со стола освѣтили ее.

— Ахъ, Выдя!.. А ты вотъ также пополнѣлъ, поздоровѣлъ.. только маленькій такой же все.

— Да, да, не расту, душенька Наташа. Ты, кажется, меня переросла.

— Нѣтъ, Давыдъ, какъ это можно...

— Такъ скажи же, Наташа, съ кѣмъ ты и какъ? спросилъ снова Давыдъ.

— Къ тебѣ пришла съ дѣвушкой изъ гостиницы; она у вашей хозяйки. А сюда пріѣхала съ Прасковьей Игнатьевной Туниной, сестрой Семена Игнатьича.

— Гдѣ же самъ онъ, жена его, семейство?

Наташа начала разказывать. Оказалось, что она поѣхала за границу вмѣстѣ съ семействомъ Багаева, помѣщика, у котораго воспитывалась, что они были уже проездомъ въ Г., но только переночевали и отправились въ Швейцарію въ Базель, что оттуда отпустили ее съ сестрой Багаева, Прасковьей Игнатьевной, ѣхавшей въ Г., для совѣщанія съ знаменитымъ окулистомъ, и что они останутся здѣсь мѣсяца четыре. Давыдъ не видѣлъ сестры уже нѣсколько лѣтъ; о поѣздкѣ Наташи за границу, ему писали еще весною этого года, но онъ думалъ, что поѣздка не состоится, ибо до осени не получалъ извѣстія о ней. Наташа разказала наконецъ Давыду, какъ въ день перваго пріѣзда ее въ Г., она отправилась съ горничною искать его, была въ этомъ самомъ домѣ, но Давыда не нашла.

— Вообрази, Выдя, къ какому-то чужому попала и за тебя приняла; да потомъ такъ испугалась, что дрежала весь день. И теперь какъ вспомню, говорила она краснѣя, такъ страшно... а ужъ совѣстно-то какъ!

Давыдъ понялъ въ чемъ дѣло и улыбнулся.

— Эй!! Давыдъ?.. раздался вдругъ чей-то громкій зовъ. — Кто это у тебя тамъ? Голосъ женскій, чистый, мягкій! Поздравляю, лакомка! А мнѣ сейчасъ снилось, что кто-то надъ моимъ ухомъ всхлипывалъ и вздыхалъ, ха! Собирался къ Нарѣвымъ, а теперь иду братъ, къ тебѣ. Можно?

Наташа испугалась.

— Кто это, Давыдъ? спросила она вздрагивая.

— Это мой сосѣдъ; ты не слушай...

— Иду, иду! кричалъ тотъ же голосъ.— Не задержу, братъ. Нѣтъ ли у тебя тамъ чаю, Давыдъ? Чмокни-ка покрѣпче гостью и жди! Можно вѣдь!

Давыдъ не отвѣчалъ и насупился; Наташа робко прижалась къ нему.

Въ корридорѣ раздались громкіе шаги и извѣстная арія изъ

Риолетто. За тѣмъ дверь сильно отпахнулась и въ комнату явился... строгень, блестящъ, гордъ и хорошъ собою... Михайло Львовичъ Гуринъ.

Давыдъ поблѣднѣлъ чуть-чуть: Наташа припала головой къ его плечу и спрятала за него свое лицо.

— Здравствуй, Давыдъ! Вы не поссорились ли, что у тебя лицо такое странное, кричалъ Гуринъ.—А мягкоголосой красавицы я и не вижу? Можно вѣдь по-русски? Ну такъ гдѣ жъ она? Испугалась меня, что ли?

— Тише, пожалуста, проговорилъ, не вставая, изволнованнымъ голосомъ, Давыдъ.

Наташа подняла въ это время голову и взглянула на Гурина.

— Это кто? произнесъ вдругъ тотъ, блѣднѣя и невольно отступая.—Кто это, Давыдъ, кто? не сводя глазъ съ его сестры, спрашивалъ Гуринъ.

Наташа снова испугалась и не знала что дѣлать, что сказать. Давыдъ былъ въ самомъ неловкомъ положеніи. Онъ всталъ наконецъ, извинился передъ сестрой и отвелъ Гурина въ другую комнату, затворивъ плотно за собою дверь.

— Ты вѣдь испугалъ ее, Миша, началъ онъ. — И не зная кто у меня, кричишь тамъ разныя глупости? Что ты это, помилуй.

— Что я? спросилъ Гуринъ, продолжая смотрѣть на него тѣми же изумленными глазами. — Я спрошу тебя, что ты тутъ? Знаешь кто это, знаешь, Давыдъ, а? Это мое привидѣніе!.. это она, моя гостя... Душечка! рванулъ онъ во все горло.

— Тише, Миша, сдѣлай милость! остановилъ его быстро Давыдъ.

— Какъ тише?.. Вишь выдумалъ унимать!.. Да у тебя какія права на нее?

— Не кричи, прошу тебя, сказалъ ему твердо Давыдъ.— У меня есть права.

— Такъ что жъ ты молчишь? Говори же! Кто она и какія у васъ тамъ отношенія?

— Не кричи, пожалуста...

— Говори!

— Не горячись. Ты забываешь... началъ Давыдъ, но Гуринъ перебилъ его:—

— Хорошо, хорошо; будемъ шептаться если хочешь. Говори только!

— Это моя сестра, произнесъ Давыдъ.

— Сестра?!..

— Да.

— Какая такая у тебя сестра?

— Родная... Наташа, Наталья...

— Это младшая-то?..

— Да.

— Давыдъ!

— Ну?

— Это твоя сестра?..

— Говорить тебѣ, что да.

— Давыдъ голубчикъ... вѣдь она красавица!

— Чтò жь дѣлать!

— Экой же ты молодецъ, а? и Гуринь осмотрѣлъ его съ удивленіемъ.

— Чѣмъ же это? спросилъ тотъ.

— Сестра-то!

— Я-то тутъ чѣмъ виновать.

— Все-таки молодецъ. При такой сестрѣ, ты, братъ, удивительный человекъ, ты... ты...

— ...милый, кончилъ Давыдъ.—Ахъ Миша, Миша!

— Скажи пожалуйста, продолжалъ Гуринь,—что это съ нами приключается въ послѣднее время? Насъ «эблудируютъ» эффеками, точно мы съ тобой въ какомъ-нибудь парижскомъ траги-бульварномъ театрѣ. Все какое-то театральное va-et-vient, явленія и исчезновенія; совершенно не нормально, не естественно...

— Видно случается иногда такъ...

— Расскажи же, пожалуйста, какимъ образомъ твоя сестра, изъ при-уральской глуши, попала сюда вдругъ?

— Послѣ расскажу, а теперь извини; сестра вѣдь ждетъ.

— Давыдъ, Давыдъ! А красавица она у тебя кака! Глаза-то! Замѣтилъ ты глаза?

— Замѣтилъ, замѣтилъ. Только не горячись, не захваливай, Миша. Ты забываешь, что братья какъ-то щекотливы на это, напомнилъ кротко Давыдъ.

Гурину не понравилось замѣчаніе.

— Чтò такое? спросилъ онъ.—Братья! Я хочу хвалить, я не могу не горячиться. А если тебѣ это не нравится... изволь... будемъ драться!.. вотъ что! Слышишь, Давыдъ?

— Шт, шт! Ужь и драться. Ты знаешь, что я не стану, такъ зачѣмъ же ты такъ далеко...

— Или драться, или хвалить! Иначе, Давыдъ, иначе, я задушу тебя, вотъ этими самыми руками! крикнулъ полусеріозно, полунасмѣшливо Гуринъ.

— Ой, ой! Не кричи, отвѣтилъ тотъ смѣясь.—Да, мы все забываемъ, что сестра ждетъ.

— Ну идемъ же. Какъ ты меня представишь?

— Какъ же ты хочешь?

— Ну скажи что-нибудь приличное.

— Нѣтъ, съ ней этого не надо...

— Скажи, по крайней мѣрѣ, что я твой первый и лучший другъ.

— Ну пойдѣмъ скорѣй.—И Давыдъ направился въ первую комнату.

Наташа сидѣла на томъ же мѣстѣ, устремивъ глаза на какой-то маленькій портретъ, висѣвшій на боковой стѣнѣ. При входѣ Давыда, она вздрогнула и оправилась.

— Наташа, началъ Давыдъ,—позволь тебя познакомить съ моимъ старымъ пріателемъ, Михайломъ Львовичемъ Гуринымъ.

Она тихо поклонилась головой.

Гуринъ хотѣлъ было протануть руку, но взглянувъ на гостю, остановился съ поклономъ, низкимъ-пренизкимъ.

— Братъ, кажется, писалъ мнѣ прежде о васъ... проговорила Наташа и посмотрѣла на него прямо.

— Я думаю, что можетъ-быть давно уже... пробормоталъ въ отвѣтъ Гуринъ.

— Присядь, Миша. Что жъ ты стоишь? обратился къ нему Давыдъ.

Гуринъ сѣлъ какъ-то не ловко.

— Я долженъ извиниться передъ вами, Наталья Андревна, началъ онъ непривычно, тихо и скромно,—за... изумленіе при входѣ; оно должно было показаться вамъ страннымъ... но...

— Вы вѣрно приняли меня за другую.

— Да, именно... за одну особу... которую видѣлъ всего одинъ разъ, на нѣсколько мгновеній, но образъ которой...—Гуринъ остановился, чувствуя неприличность здѣсь этой рѣчи. Давыдъ молчалъ.

— Ты, кажется, писалъ мнѣ, Давыдъ, что вы съ Михайломъ Львовичемъ занимались когда-то вмѣстѣ?

— Да, когда я былъ студентомъ, то давалъ уроки у дяди

Михайла Львовича, а иногда заходилъ къ нему въ училище. Но теперь онъ и самъ можетъ поучить меня...

— Право? спросила наивно Наташа.

— Онъ слишкомъ снисходителенъ ко мнѣ, Наталья Андревна, отвѣтилъ нашъ бойкій Михайло Львовичъ.—Куда мнѣ! Давыдъ честный ученый, а я такъ себѣ... болтунъ только, въ сравненіи съ нимъ...—Онъ не кончилъ.

— Вы, Михайло Львовичъ, замѣтила Наташа,—ужь не слишкомъ ли строги къ себѣ?

Давыдъ молчалъ.

— Слишкомъ строгъ къ себѣ? повторилъ Гуринъ.—О, нѣтъ, Наталья Андревна. Если я буду такъ счастливъ, что удостоюсь продолженія вашего знакомства и вниманія, говорилъ онъ тѣмъ мягкимъ языкомъ, надъ которымъ всегда смѣялся,—то вы узнаете и поймете это различіе...

— Къ чему вы хотите, чтобы сначала нашего знакомства, о васъ имѣли бы... дурное мнѣніе?..

— Я боюсь, отвѣтилъ Гуринъ,—что Давыдъ, по добротѣ, скажетъ вамъ въ своихъ письмахъ болѣе хорошаго обо мнѣ чѣмъ слѣдовало. Разочарованіе послѣ было бы, можетъ-быть, непріятно для васъ, для меня оно было бы тяжело, тяжелѣе даже чѣмъ вы думаете.

Наташа взглянула на него еще разъ прямо, по своему какъ-то, и замолчала.

Давыдъ вынулъ часы.

— Я думаю, что помѣшалъ вамъ, началъ снова, съ замѣчательною скромностью, Гуринъ.

— Нѣтъ, ничего... отвѣтила Наташа и нечаянно взглянула на брата.

Онъ все молчалъ.

— Да кажется, и довольно поздно, проговорилъ Гуринъ, вставая.—Вамъ вѣрно нужно еще поговорить однимъ... Но вы, Наталья Андревна, не позвольте ли мнѣ,—и онъ остановился въ замѣшательствѣ.

— Чтò вы хотѣли сказать?

— Вы не будете ли такъ добры, позволить мнѣ заходить иногда съ вашимъ братомъ... къ вашему брату, когда вы тутъ? поправился Гуринъ, замѣтя серіозное лицо Давыда.

Давыдъ молча ворочалъ какую-то вещь на столѣ.

— Отчего же? отвѣтила робко Наташа.—Братъ, вотъ, прежде

познакомится съ дамой, съ которою я пріѣхала сюда, а потомъ...

Гуринъ поклонился опять очень низко, и снова нечаянно протянулъ руку. Въ этотъ разъ Наташа подала ему свою, но тотчасъ же боязливо взглянула на Давыда.

— До свиданія, Миша, сказалъ тотъ.

— До свиданія, отвѣтилъ Гуринъ, и поклонившисьъ еще разъ съ особеннымъ почтеніемъ Наташѣ, порядочно дрожа отъ необъяснимаго волненія, тихонько вышелъ.

Давыдъ посмотрѣлъ на сестру, глаза ея свѣтились, но сама она казалась спокойною. Онъ подошелъ къ ней и, посмотрѣвъ на нее участливо, началъ твердымъ голосомъ:

— Ты знай, Наташа, что этотъ Гуринъ... болтунъ. Это мой старый пріятель, милый, добрый человекъ, честный если хочешь, пока онъ не въ такомъ кружкѣ, гдѣ много лгутъ. Онъ хочетъ познакомиться съ тобой, мѣшать этому я не могу. Но помни, онъ болтунъ, такъ ты и понимай его.

Давыдъ поцѣловалъ руку сестры, и извинился за эти предостереженія.

Наташа выслушала его, и тихо, какъ-то неволью возразила:—Вѣдь болтуновъ много, Давыдъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что ихъ много и становится у насъ все больше и больше.

Наташа замолчала.

Черезъ полчаса, Давыдъ проводилъ сестру въ отель, довелъ до двери ея комнаты, и тогда только простился съ ней.

Гуринъ не спалъ почти всю ночь; большіе, картинные, глубоко-каріе глаза не оставляли его; мягкая, невинная ручка, протянутая ему Наташей, не давала покоя. «И мое наслажденіе выше чисто-чувственнаго, клянусь!» убѣждалъ онъ самого себя. Утромъ, отрезвляющій дневной свѣтъ и потомъ гимнастика поохладили его немного. «Эку пошлость тянулъ я вчера, экимъ селадонникомъ смотрѣлъ. И вѣдь совершенно искренно. Срамъ просто! То-ли дѣло съ капитальною Варварой Антоновной!» Но мелькалъ образъ гостя съ дивными глазами и съ протянутою ему рукой, какъ будто безъ согласія брата, по особенному довѣрію, и онъ начиналъ толковать другое:— «Всѣ эти скептики любви и чувства, бѣдные мыслію и жизнію рутинисты,» говорилъ онъ, гуляя послѣ завтрака... «Я, напримѣръ, понимаю, что красота страшная сила въ мірѣ, что невинность, правдивость и пр., какъ ни условны и безраціональны ихъ основанія, также сильныя силы...»

X.

Давыдъ познакомился съ Прасковьей Игнатьевной Туниной на другой же день.

Это была женщина лѣтъ за шестьдесятъ; полная, круглолицая, одѣтая немного по старомодному; при этомъ, простоватая, добрая и вмѣстѣ съ тѣмъ деспотическая по привычкѣ; еще необыкновенно набожная, какъ все семейство помѣщика Багаева, въ которомъ выросла. Прасковья Игнатьевна за границей почему-то очень гордилась своимъ русскимъ происхожденіемъ и сознавалась въ этомъ. «Мнѣ всегда доставляетъ удовольствіе сказать: je suis Russe, я Русская,» переводила она тутъ же. На все заграничное она смотрѣла сильно свысока. Но въ противоположность нашей Варварѣ Антоновнѣ съ прислугой отелей, напримѣръ, она конфузилась и обращалась съ какою-то вѣжливою нерѣшительностію, между тѣмъ какъ бывшую съ нею дѣвушку Дуняшу, бранила за все, при другихъ и крѣпко. Изъ набожности Прасковья Игнатьевна пробыла въ Женевѣ нарочно нѣсколько лишнихъ недѣль, чтобъ имѣть возможность бывать въ тамошней церкви у обѣдни, знала литургію наизусть безъ малѣйшей запинки, съ «батушкой» обращалась всегда съ уваженіемъ, но замѣчала иногда, что вотъ онъ руки какъ-то не красиво подымаетъ, «у насъ въ деревнѣ гораздо лучше.» За границу Прасковья Игнатьевна отправилась для излѣченія глазъ, но на врачей смотрѣла съ нѣкоторою недоувѣрчивостію и все мѣняла ихъ; была въ Парижѣ, потомъ въ Лозаннѣ и остановилась теперь въ Г., собираясь побывать въ Берлинѣ, на возвратномъ пути въ Россію.

Наташа жила съ ней въ согласіи и притомъ въ послушаніи.— «Наташа, возьми вонъ изъ мѣшка мой сѣрый платокъ, да покрой мнѣ, милая, ноги, а то дуетъ.»—Наташа сейчасъ встанетъ и сдѣлаетъ чтò нужно. — «Спасибо, Наташа. Какіе у нихъ дурные вагоны здѣсь! Тамъ вонъ, въ Баваріи, были лучше. А вотъ я ѣхала, не помню ужъ изъ какого города, такъ хорошіе были вагоны. Какъ его, городъ-то, нѣмецкое названіе такое... въ Баваріи.» Баваріей она называла обыкновенно всѣ нѣмецкія страны, которыхъ имена забывала.

Давыдъ очень понравился ей; до сихъ поръ она его еще не знала, хотя онъ и пріѣзжалъ къ Багаеву.

— Неправда ли, Давыдъ Андреевичъ, какіе они все добрые и услужливые, эти Нѣмцы, говорила къ чему-то Прасковья Игнатьевна;—бѣдны только; землю-то свою засѣютъ такъ что и ступить некуда, и всякую дрянъ подбираютъ. А вотъ Французы такъ тѣ денежки любятъ и очень.

— Были вы въ Англіи? спросилъ Давыдъ.

— Нѣтъ въ Англіи не была, а въ Швейцаріи была и въ Баваріи была; хорошо.

Прасковья Игнатьевна очень хвалила Наташу: «такая послушная, добрая и нрава благороднаго.»

Она пригласила Давыда бывать у нея почаще, всегда когда свободно; и Русскихъ съ собою приводить: она «не изъ такихъ-де, чтó своихъ за границей обѣгаютъ, да жеманятся, страмъ просто.»

По уходѣ Давыда, Прасковья Игнатьевна, вмѣстѣ съ Наташей, отправилась осматривать городъ и прежде всего замокъ.

Спускаясь изъ замка обратно, онъ встрѣтили вдругъ Гурина. Онъ подошелъ къ Наташѣ и поклонился. Та отвѣтила ему довольно холодно, но потомъ назвала его Прасковѣ Игнатьевнѣ, прибавивъ, что онъ пріятель ея брата. Прасковья Игнатьевна была рада новому Русскому. Гуринъ проводилъ ихъ до гостиницы; по пути онъ разговаривалъ любезно съ Прасковьей Игнатьевной и лишь изрѣдка взглядывалъ на Наташу.

Проводивъ ихъ, Гуринъ бросился къ Давыду, не засталъ его дома и побѣжалъ къ нему въ лабораторію. Давыдъ кончалъ какую-то работу, въ жару, пыли, чаду, съ озабоченнымъ лицомъ.

— А Миша, это ты? Здравствуй.

— Здравствуй, Давыдъ. Бросай, братъ, твою стряпню! Пойдемъ!

— Сейчасъ, сейчасъ, подожди, вотъ кончу; такъ не могу.

— Ну кончай скорѣй! Мнѣ нужно передать тебѣ кое-что. Да впрочемъ все равно, и здѣсь можно. Представь себѣ! Возвращаюсь сегодня изъ *Schlossgarten*'а, и встрѣчаю твою сестру съ какою-то старою помѣщицей. Я раскланялся; сестра твоя представила меня той; проводилъ ихъ до дому. Ну, братъ Давыдъ, чтó у тебя за сестра!

— Миша, сдѣлай одолженіе послѣ; не мѣсто здѣсь; подожди хоть немного.

— Не стану я ждать, не могу съ такими впечатлѣніями молчать.

— О? съ твоей волею? мягко упрекнулъ Давыдъ.

— Какая воля? Передъ такою, рухнетъ всякая воля...

— Отчего же, отчего?

— Да ты, холодная душа, не знаешь, не понимаешь, что такое твоя сестра! Вѣдь она... чортъ знаетъ что такое!

— У, у, Миша! Не кричи, сдѣлай одолженіе...

— Не могу не кричать. Кончай, пойдѣмъ!

Давыдъ, не отвѣчая, усердно закопошился надъ своею работою; Гуринь пошелъ на крыльцо.

«Передъ этою деревенскою простотою я становлюсь такимъ влюбленнымъ дуракомъ, что свѣтъ не видалъ! Я... не влюблявшійся ни разу!» декламировалъ онъ.—«Женщины, женщины! Такъ вотъ вы что за сила!»

Черезъ нѣсколько времени Давыдъ показался въ дверяхъ.

— Ну, Давыдъ! идемъ же скорѣй.

— Послушай, Миша, началъ строго тотъ,—еслибъ это былъ не ты, я разсердился бы за всю чепуху, которую ты несешь о сестрѣ. Я не сержусь, но замѣчу, что считалъ тебя серьезнѣе.

— Чѣмъ же я не серьезенъ, а?

— На тебя дѣйствуетъ, кажется, только внѣшность; сестру ты видѣлъ, но не знаешь. Она душой чиста и хороша, Миша! выразительно прошепталъ Давыдъ.—А въ наружности, правду сказать, у ней не дурны только одни глаза; остальное же какъ у всѣхъ здоровыхъ, молодыхъ нашихъ дѣвушекъ. Тамъ, въ этомъ кружкѣ, ты не видишь свѣжихъ, оттого тебѣ это и кажется не вѣсть чѣмъ.

— Ну, Давыдъ, ужь объ этомъ полно! Кто же изъ насъ двухъ больше понимаетъ въ красотѣ, химикъ ты мой!

— Все равно; я тебѣ долженъ только сказать, сказать серьезно, что Наташа дѣвушка добрая, любящая, правдивая, къ тому простая и естественная, помни. Прошу тебя, Миша, какъ честнаго человѣка, быть вообще построже въ выраженіяхъ, не говорю уже въ дѣйствіяхъ съ ней. Не обидься, пожалуста; мнѣ, брату, это можно сказать.

— Ты, Давыдъ, м-милый человѣкъ! кричалъ Гуринь.—Разкажи мнѣ, пожалуста, гдѣ выросла и развилась она, какова была ея жизнь.

— Много, Миша, я тебѣ не стану объ этомъ говорить. Она

не глупа, проницательна, понятлива. Воспитывалась и росла въ домѣ очень добрыхъ людей, но чужихъ; я всегда посылаѣ ей сколько могъ на воспитаніе. Скажу тебѣ, что на нее очень мало обращали вниманія; дѣтей у ея воспитателя всего одинъ сынъ, прѣѣзжавшій домой рѣдко. Наташа мало кого знала и развилась одна, изъ себя, естественно какъ-то, самостоятельно на сколько можно. Это первое. Второе, Миша, она не умѣетъ лгать, слышишь, никогда рѣшительно не лжетъ.—И Давыдъ покосился на Гурина.

— Ну спасибо, спасибо тебѣ, Давыдъ, за всѣ эти подробности, перебилъ тотъ.—Ты позволишь мнѣ, иногда, дѣлиться съ тобою впечатлѣніями. А то некому высказать, блаженство не полно.

— Только, пожалуста, поосторожнѣе, потише, прошу тебя; слышишь?

— Да, да, голубчикъ Давыдъ, да! успокаивалъ Гурина.

Вечеромъ, въ тотъ же день, Давыдъ представилъ Гурина Прасковью Игнатьевну, которая была очень рада этому знакомству и не забыла утренней любезности съ ней Гурина.

Наташа еще не вышла, и оба гостя усѣлись вмѣстѣ съ Прасковьей Игнатьевной.

— Какіе эти Нѣмцы, право, начала она:—приказываю сегодня протопить, а они уголья каменнаго принесли вмѣсто дровъ. И водой они его мочатъ, и онъ у нихъ горитъ... неприятно! Смѣшные, право! Разъ ѣду, не помню ужъ изъ какого это города... въ Баваріи, гдѣ картина большая, еще канапе насупротивъ?..

— Не изъ Дрездена ли? спросилъ Давыдъ.

— Такъ, такъ, изъ Дрезда.

— Именно изъ Дрезда, это по-французски, подтвердилъ, будто серьезно, Гурина.

— Такъ ѣду я разъ изъ Дрезда; подлѣ меня сидитъ какой-то Нѣмецъ, съдой, усатый... ахъ нѣтъ! это другой; тотъ мущина небольшой, краснолицый такой, Англичанинъ, кажется, или нѣтъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, подсмѣивался Гурина.

Давыдъ посмотрѣлъ на него строго.

— Я-то по старости забывчива стала; да вотъ Дуняша моя знаетъ.

— Такъ чтожь случилось, Прасковья Игнатьевна?

— Такъ Нѣмецъ-то этотъ все разказывалъ, сколько у нихъ угля выкапываютъ...

— Ахъ, Боже! Сколько у нихъ угля выкапываютъ! Скажите, пожалуста! удивился преувеличенно Гуринъ.

— Ужь сколько они его тамъ добываютъ, страшно. Вотъ только не припомню сколько....

— Ахъ, Прасковья Игнатьевна, это было бы очень интересно!

— Да вотъ моя Дуняша знаетъ.... Дуня, а Дуня, крикнула Прасковья Игнатьевна.—Гдѣ это только она запропастилась?..

Давыдъ поспѣшалъ начать о другомъ.

— А замѣчательно, Прасковья Игнатьевна, какъ способенъ и даровитъ народъ нашъ. Я многихъ нашихъ мужичковъ встрѣчалъ и даже изъ крѣпостныхъ....

— Какіе ужъ теперь крѣпостные! вздохнула значительно Прасковья Игнатьевна.

— которые, продолжалъ Давыдъ,—выучились уже говорить на иностранныхъ языкахъ и весьма порядочно..

— Да, какъ въ школу или въ ученіе смолоду отдать, понимаютъ, ничего. Да какіе ужъ теперь крѣпостные... повторила она.

Тутъ Гуринъ вмѣшался снова.

— Какого вы мнѣнія, многоуважаемая Прасковья Игнатьевна, началъ онъ, стараясь скрыть улыбку,—о великой реформѣ совершающейся у насъ, и о животрепещущихъ вопросахъ, поднятыхъ ею.

— Какъ это? Я не слышала хорошенько.

— Какого вы мнѣнія, Прасковья Игнатьевна, повторилъ онъ опять съ насмѣшливою важностью,—о великой реформѣ, и о животрепещущихъ вопросахъ...

Въ это время дверь отворилась, и показалась Наташа.

Гуринъ остановился, не кончивъ фразы, и быстро поднялся; Давыдъ всталъ также.

Наташа, въ длинномъ темномъ платьѣ, съ маленькими бѣлыми воротничками и рукавчиками, шла плавно, нѣсколько медленнѣе можетъ-быть чѣмъ ходятъ обыкновенно, но просто, безъ малѣйшаго лишняго или разчитаннаго движенія. Бѣлое свѣжее лицо, съ немного грубоватыми, хотя и некрупными чертами, было ясно и покойно; глаза, полуприкрытые опущенными замѣчательно частыми рѣсницами; довольно крупный, съ пол-

ными губами ротъ, сложенъ естественно; большая темная коса не убрана ничѣмъ, во всемъ природная грація, неприкрашенная женственность, простота....

Гуриный не владѣлъ собой; удивительно послушное въ обыкновенное время лицо его, сдѣлалось опять изумленнымъ до нелзя. Онъ не спускалъ съ Наташи глазъ.

— А вотъ, Наташенька, у насъ дорогіе гости; тебя дожидаются, произнесла Прасковья Игнатьевна, продолжая бывшую у нея въ рукахъ работу.

Наташа подняла глаза. Давыдъ подошелъ къ ней и поздоровался. Гуриный не трогался съ мѣста, и только когда она кивнула ему плавно, какъ всегда, головой, онъ поклонился низко, чуть не до стола, и глядѣлъ опять.

«Ни тонкихъ чертъ, ни изящныхъ линий, ни вздутыхъ ноздрей, ни прищуренныхъ глазъ, ни изысканно-оригинальной прически... просто, просто.... дивная моя!...»

— Ахъ, Наташенька! подай мнѣ подушку, а то спина устала.

Наташа встала и подала Прасковѣ Игнатьевнѣ диванную подушку.

«Служить, служить!... ангель!» бормоталъ Гуриный.

Наташа съѣла поодадь. Давыдъ помѣстился подлѣ и заговорилъ съ ней. Гуриный остался съ Прасковьей Игнатьевной, которой захотѣлось продолжать прерванный приходомъ Наташи разговоръ.

— Такъ что вы это о крестьянахъ спросили? обратилась она къ Гурину.

Тотъ даже и не взглянулъ на нее.

— Вы извините меня, батюшка; стара становлюсь, такъ не дослышу иногда...

— Да, да, бормоталъ Гуриный, все смотря съ тѣмъ же неприличнымъ изумленіемъ на Наташу.

— И глаза вотъ слабѣютъ, продолжала Прасковья Игнатьевна. — Отчего бы кажется? Книжекъ ни читаю. Видно старость....

Гуриный не отвѣчалъ и вслушивался въ разговоръ Давыда и Наташи.

— Наташа здѣсь можно найти, говорилъ Давыдъ, — и нѣкоторыя русскія книги. Вотъ у Михайла Львовича есть нѣсколько журналовъ....

— Да? спросила Наташа.

— Есть нѣсколько... отвѣтилъ Гуринъ.— Они всѣ къ вашимъ услугамъ, если только вы будете такъ добры...

— Благодарю васъ, перебила Наташа.— Какіе же у васъ?

Гуринъ назвалъ.

— Очень рада и очень благодарна вамъ.

— Да онъ и самъ пишетъ... сказалъ Давыдъ.

— А!... сдѣлала Наташа и подняла на него свои глаза.

Онъ дрожалъ и кусалъ отъ смущенія губы.

— Кто пишетъ, куда пишетъ? вмѣшалась Прасковья Игнатьевна.

Гуринъ не отвѣчалъ.

— Это Михайло Львовичъ. Онъ литераторъ и пишетъ.

— А! значить вы писатель? вотъ оно!— И Прасковья Игнатьевна посмотрѣла на него съ удивленіемъ, но какъ будто и съ большимъ уваженіемъ....

Гурину это такъ не понравилось, что онъ готовъ былъ, еслибы можно, ударить помѣщицу.

Наташа взглянула на него.... и онъ успокоился.

— Чтѣ же вы такое пишете? спросила опять Варвара Игнатьевна.

— Разное пишу, любезная Прасковья Игнатьевна, многое.— И онъ повернулъ глаза къ Наташѣ, прося взгляда, какъ одобренія и награды за кроткій отвѣтъ.

Наташа была добра; она поняла и наградила....

Гуринъ робко подошелъ къ ней, и сѣлъ подлѣ.

— Какъ вамъ нравится городъ? много ли вы осмотрѣли? хорошъ ли замокъ? началъ тихо спрашивать онъ.

Наташа, занимаясь работой, отвѣчала ему коротко, просто, иногда немного наивно. Давыдъ пересѣлъ къ Варварѣ Петровнѣ, которая осталась одна. Мало-по-малу Гуринъ сталъ посылать и заговорилъ твердо. Онъ говорилъ передъ этою непочтеною какимъ-то непривычнымъ ему языкомъ, говорилъ безъ лжи, хвастовства, эгоизма, говорилъ недурно. Дѣвушка слушала его, и все чаще и чаще награждала своимъ взглядомъ....

XI.

У Варвары Антоновны, Гуринъ, послѣ своего выздоровленія, былъ всего два раза.

Проснувшись утромъ на слѣдующій день, онъ вспомнилъ, что Костя, встрѣченный имъ гдѣ-то, сильно намекалъ на удивленіе старичка Антона Валеріановича и на неудовольствіе кухины, и рѣшился побывать у Нарѣвыхъ.

Во время завтрака ему припомнилась Наташа. Уже признаки нѣкотораго охлажденія къ ней, сказывались въ немъ разными маленькими соображеніями, да слишкомъ пристальною, для истиннаго чувства, наблюдательностью.

«Не дурна-таки наша деревенская барышня - сестрица, хороша даже, рассуждалъ онъ, похлебывая кофе: по-русски хороша. Одно не русское: это ухо; на немъ, вопервыхъ, не виситъ никакихъ вещей, и вовторыхъ, для Русской оно слишкомъ мало и изогнуто какъ-то, упруго, видно воли много въ дѣвушкѣ. Еще въ барышнѣ замѣчательно одно движеніе, немного не женское, но удивительное; это складываніе ручекъ на груди, когда она заслушается чего-нибудь или задумается; у ней это выходитъ такъ мило, такъ.... такъ.... что, право, не сдѣлать любой кокеткѣ первой руки. Прическа также проста и не дурна, надо бы только ленту вилести, одну да широкую. Пальчики не дурны, сохранились порядочно, сгибовъ незамѣтно, не хорошо только, что по деревенскому ногти до краевъ выстрижены.... И ногу подмѣтилъ вчера утромъ: велика немного, но ничего, не дурна, подъемъ съ горбикомъ, съ косточкой... словно у аристократки. Да! вотъ что не хорошо, лицо кругло, и носъ русскій, аляповатый. Остальное же, кажется, все мило, мило, и то, и это. (Мы избавляемъ читателя отъ скучнаго перечня.) Нѣги-то нѣги, ууухъ!...» Кончилъ Гуринъ «Боюсь только, что мало развита барышня моя да запугана, хотя братъ и увѣряетъ, что росла самостоятельно; къ тому еще монотонистка!» добавилъ онъ, и подошелъ къ окну побарабанить....

Вдали, налѣво, очерчивался передъ нимъ крупный профиль знакомаго каштана.... Онъ вспомнилъ вдругъ странный поцѣлуй, «залогъ будущей тѣсной дружбы», вспомнилъ цѣль, ко-

торой поклялся добиться и добивался уже успѣшно и.... бросился къ Варварѣ Антоновнѣ.

Она не выходила еще на свою утреннюю прогулку; старичокъ папа былъ опять въ отсутствіи.

— Помилуйте, Михайло Львовичъ! какъ же вамъ не стыдно! упрекнула его съ жаромъ Варвара Антоновна.

— Вы совсѣмъ, совсѣмъ забыли насъ. Кажется, наша тѣсная дружба распадается, забывается, произнесла она, ударяя на послѣднее слово и сердито глядя на него прищуренными глазами.

— Варвара Антоновна! отвѣтилъ серьезно и важно Гуринъ.— Когда вы узнаете причину, вы извините меня, надѣюсь. Я задумалъ большой трудъ и занять, поглощенъ имъ, повѣрите ли, до такой степени...

— Что можете ходить изрѣдка... за вдохновеніями...

— За ними и пришелъ теперь я къ вамъ. Не думайте, пожалуйста, Варвара Антоновна, чтобъ я забылъ что-нибудь. Ничто не забыто, ничто, помните это. Знаете, я хочу даже... заплатить вамъ за часы, которые трудъ мой отниметъ отъ посвященныхъ вамъ... я хочу вознаградить васъ насчетъ его же, труда этого, я хочу посвятить его вамъ...

Варвара Антоновна не могла не замѣтить, однако, перемѣны въ немъ; непривычныя со стороны Гурина любезность и угодливость удивили ее. Гуринъ, уходя и пожимая ее руку, опять повторилъ увѣреніе въ постоянствѣ своего расположенія, въ неизмѣнности отношеній, и пр. «На всякій случай,» говорилъ онъ про себя, и отправился гулять; потомъ пришелъ домой писать какія-то замѣтки.

А вечеромъ, не пробило еще семи часовъ, какъ онъ съ журналами подъ мышкой, пробирался уже къ Наташѣ, на противоположный конецъ города.

Онъ нашелъ Прасковью Игнатьевну въ обществѣ одной русской дамы, остановившейся въ той же гостиницы. Прасковья Игнатьевна была совершенно счастлива и разказывала горячо о Баваріи и обо всеиъ что видѣла. Наташи не было.

— Извините, Прасковья Игнатьевна, что я опять беспокою васъ сегодня. Я принесъ книги, которыя вчера общалъ вамъ и... Натальѣ Андревнѣ.

— Ахъ, очень рада, Михайло Львовичъ! Вотъ позвольте васъ познакомиться... Дорогая моя соотечественница, а это также Русскій, отрекомендовала она.

Гуринъ положилъ журналы на столъ и сѣлъ къ дивану.

— Это тѣ книжки, что вы написали? Позвольте посмотреть, обратилась къ нему Прасковья Игнатьевна.

— Нѣтъ, помилуйте, это ежемѣсячные сборники, отвѣтилъ онъ.

— А, такъ! Скажите, тутъ нѣтъ ли ужь... неприличнаго чего для Наташи? Знаете, разное пишутъ.

Гуринъ усмѣхнулся и тотчасъ замѣтилъ:

— Да, но у насъ, ужь если цензура пропустила, то нечего опасаться.

Пріѣзжая дама слушала съ удивленіемъ.

— Такъ-съ. А гдѣ же Давыдъ Андреичъ? спросила Прасковья Игнатьевна.—Это, видите ли, братецъ нашей милочки, объяснила она сосѣдкѣ.

— Онъ работаетъ, но вѣроятно скоро будетъ, отвѣтилъ Гуринъ.

Давыдъ входилъ уже между тѣмъ.

— А! Давыдъ Андреичъ, очень рада! обратилась къ нему Прасковья Игнатьевна.—А я только что о васъ спрашивала. «Работаете все,» говорятъ? Какъ вамъ не наскучить, право.

— Некогда, некогда скучать, Прасковья Игнатьевна, отвѣтилъ Давыдъ скороговоркой.—Здоровы вы? спросилъ онъ.—И Наташа?

— Мерсі; здоровы, какже! Наташа зачиталась, вѣрно, тѣмъ у себя. А что это у васъ въ рукахъ, Давыдъ Андреичъ?

— Это я принесъ показать сестрѣ стекла; нѣкоторыя изъ нихъ выдуты мною; думаю займетъ ее немножко.—И Давыдъ передалъ Прасковья Игнатьевнѣ коробку, оставивъ у себя въ рукахъ только одинъ незначительный приборъ...

Прасковья Игнатьевна осмотрѣла вмѣстѣ съ пріѣзжею все бывшее въ коробкѣ и захотѣла непременно посмотреть приборъ, удержанный Давыдомъ.

— Пожалуста только, Прасковья Игнатьевна, какъ можно осторожниже, просилъ онъ, подавая приборъ: — это маленький, но можетъ-быть самый трудный стеклянный приборъ. Видите ли, вотъ эти трубочки подъ термометромъ не припаяны, а прямо выдуты, трудность ужасная; всего одинъ мастеръ въ Боннѣ и дѣлаетъ.

Прасковья Игнатьевна ворочала маленький приборъ туда-сюда, желая, вѣроятно, основательно понять въ чемъ его важность большая. Давыдъ усиленно слѣдилъ за ней, вздрагивая

при каждом неловкомъ поворотѣ; опыты могли прерваться надолго отъ крошечнаго излома.

Гуринь тотчасъ же бросился выручать его изъ бѣды.

— Позвольте, позвольте, Прасковья Игнатьевна, крикнулъ онъ, взявъ изъ ея рукъ приборъ, — я вамъ сейчасъ покажу другую вещь получше, это чтò!—И онъ схватилъ со стола ящикъ съ разновѣсками, торжественно открылъ его и подставилъ Прасковью Игнатьевну.—Смотрите!

— Ахъ какія хорошенькія гирьки! Чудо, чудо! воскликнула помѣщица, показывая ящикъ сосѣдкѣ и стараясь захватить нѣсколько маленькихъ пластинокъ.

Давыдъ снова испугался.

— Берегитесь, Прасковья Игнатьевна! Не трогайте! ради самаго Бога! Вѣдь это ядъ! кричалъ опять Гуринь: — смотрите издали!

Прасковья Игнатьевна поспѣшно поставила ящикъ на столъ и подняла руки.

— Это не только ядъ, Прасковья Игнатьевна, это химическій ядъ, пугаль, хохоча про себя, Гуринь.

— Гдѣ это ядъ? спросилъ вдругъ подлѣ него чистый и звучный голосъ.

Гуринь такъ и отшатнулся: передъ нимъ стояла Наташа.

— Это, это... въ разновѣскахъ дѣйствительно бываетъ, проговорилъ онъ въ смущеніи.

— Гдѣ же тутъ ядъ, и будто есть какой-то особенный химическій ядъ? спросила она.

Гуринь стоялъ уличеннымъ мальчишкой, покраснѣвъ до ушей, до волосъ.

Она не сказала ему больше ни слова, не подняла на него глазъ, но изъ-за длинныхъ рѣсницъ, Гуринь прочелъ въ нихъ укоръ.

— Видишь, Наташа, началъ Давыдъ,—если брать эти пластинки прямо руками, то онѣ скоро измѣнятся въ вѣсь, а у насъ малѣйшее измѣненіе необыкновенно важно.

— А! сказала она.—Такъ не ядъ же, прибавила она тутъ, уже ласковѣе.

— Извините!... шепнулъ ей, чуть не плача, Гуринь.

Наташа покосилась на него, потомъ подошла къ столу, взглянула на журналы, поблагодарила, не оборачиваясь, и начала смотрѣть инструменты.

Прасковья Игнатьевна, между тѣмъ, давно уже горячо разка-

зывала что-то своей сосѣдкѣ. Гуринъ, со стороны, слѣдилъ глазами за Наташей, и любовался ею, и дивился про себя тому, откуда взяла она столько граціи и достоинства, гдѣ приобрѣла столько такту, отъ кого научилась останавливаться именно на приборахъ и инструментахъ, которые всего болѣе шли ей, на спиральныхъ трубочкахъ, на миниатюрныхъ стекляночкахъ...

Наташа осмотрѣла вещи, поблагодарила брата, потомъ сѣла поодаль отъ стола; Давыдъ помѣстился подлѣ.

— Миша! Садись же! обратился онъ къ Гурину.

А Гуринъ нашъ, блестящій, бойкій, самодовольный и гордый, не смѣлъ сѣсть и ждалъ смиренно другаго приглашенія.

Наташа была добра.

— Садитесь, Михайло Львовичъ...

— Вы слишкомъ добры... Наталья Андревна, и Гуринъ присѣлъ осторожно.

Завязался понемногу разговоръ. Болѣе другихъ говорилъ Давыдъ, менѣе всѣхъ Гуринъ.

— Иногда скажешь какую-нибудь вещь, говорила, между прочимъ, снисходительно Наташа, посматривая изъ-подъ рѣсницъ на разстроеннаго Гури а,—такъ, совершенно нечаянно. Не слѣдуетъ; но право, не большая уже бѣда, особенно когда не знаешь...

— ...что это зло, кончилъ Давыдъ, сидя, по привычкѣ, немного сгорбившись и держа въ рукахъ руку Наташи.—Въ самомъ дѣлѣ для всѣхъ такъ-называемыхъ теорій морали, довольно было бы сказать, не должно дѣлать того, что признаешь ввунтри за зло...

Гуринъ молчалъ, молчалъ и не выдержалъ.

— Вы снисходительны на словахъ, честны на дѣлѣ. Вы забыли, что главное не болтать... не играть ложью, не такъ ли? покался онъ смотря съ упованіемъ на Наташу.

Та улыбнулась, подняла глаза, и наградила взглядомъ Михайла Львовича. Онъ былъ счастливъ.

Такъ прошелъ этотъ вечеръ; за нимъ слѣдовало много похожихъ на него.

Гуринъ все болѣе и болѣе входилъ въ эту новую жизнь. Его тянуло туда; онъ былъ скученъ и разстроенъ, если не видалъ Наташи; работалъ разсѣяннo, неохотно и слабо, если наканунѣ вечеромъ не былъ у нея. И незамѣтно измѣнялся онъ, становясь правдивѣе, добрѣе, проще, строже къ себѣ,

снисходительнѣе къ другимъ. Прислуга, дѣвушки, кельнера, не узнавали его, такъ онъ сталъ мягокъ, обходителенъ, вѣжливъ со всѣми. Самый языкъ его отучался въ разговорахъ съ Наташей, отъ громкихъ фразъ, и пустаго блеска.

Какъ всегда, самые «назидательные» разговоры завязывались по поводу книгъ.

— Чтò вы это читаете? спросить Гуринъ Наташу.

— Это, Михайло Львовичъ, повѣсти Тургенева, отвѣтитъ Наташа, а иногда просто, вмѣсто фамиліи, назоветъ автора по имени и отчеству.

— Которая часть? спросить опять Гуринъ.

— Третья.

— Позвольте, пожалуста, посмотрѣть, я не помню хорошенько, чтò здѣсь. А! *Переписка, Рудинъ, Фаустъ*, и Гуринъ начнетъ просматривать книжки, да вдругъ и проговорится:— Какіе, по временамъ у Тургенева попадаютъ обороты, чудо! Смотрите пожалуста, вотъ хоть этотъ, въ одномъ изъ писемъ *Переписки*: «Подарите же меня безмолвнымъ участіемъ сестры или хоть простымъ любопытствомъ читателя; я васъ займу, право займу,» и пр. Удивительный оборотъ, удивительный!— И увлекаясь, Гуринъ заговорить по прежнему, хвастаясь фразами, пока Наташа не остановитъ его. Она возьметъ книжку, переберетъ нѣсколько страницъ, и укажетъ Гурину на одно, подчеркнутое ею недавно, мѣсто. Тотъ бросится, да и прочтетъ слова Лажнева о Рудинѣ: «красно говорить простительно юношѣ, а въ его года стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей, стыдно рисоваться...»—Это вѣрно, но только отчасти, начнетъ онъ оправдываться. Наташа ничего не скажетъ, но Гуринъ въ другой разъ ужъ не повторитъ того же.

— Посмотрите, Михайло Львовичъ, скажетъ она погода немного,—вотъ въ этомъ мѣстѣ, нѣтъ того, чтò вы называете «удивительными оборотами», а между тѣмъ задумаешься и вспомнишь о нѣкоторыхъ...

— Покажите, покажите! скажетъ живо Гуринъ.— Это въ чемъ? Въ *Перепискѣ*?

— Да. Прочтите, пожалуста, вотъ это мѣсто.

Гуринъ возьметъ книгу и громко прочтетъ: «Помните: жизнь только того не обманетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, принимаетъ спокойно ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Идите впередъ пока можете,

а подкосятся ноги, сядьте близь дороги, да глядите на прохожихъ безъ досады и зависти; вѣдь и они не далеко уйдутъ!» Ха! усмѣхнется Гуринъ кончивъ.

— Неправда ли, здѣсь въ самомъ успокоенія есть что-то грустное... Видно, что Алексѣй Петровичъ, писавшій письмо, хворалъ, умиралъ...

— Чтò у него не было друга... рискнетъ тихонько Гуринъ.

Наташа взглянетъ на него изъ-подъ рѣсницъ и улыбнется.

Тутъ подойдетъ Давыдъ.

— Чтò и кого ты читаешь, Наташа? спроситъ онъ.

Наташа назоветъ автора прямо по имени и отчеству.

— А какое ты право имѣешь называть автора такъ? Какое, какое? станеть шутливо выговаривать Давыдъ. — Развѣ онъ твой братъ, сватъ, коротко знакомый, а?

— Ахъ, Давыдъ, право нечаянно! Къ намъ ѣздилъ одинъ помѣщикъ, тотъ называлъ его такъ, вѣрно былъ знакомъ. У меня и осталось въ памяти, отвѣтитъ Наташа.

— Вотъ ты какая, вотъ! продолжаетъ ласково посмѣиваться Давыдъ.

— Давыдъ! Ты... славный человекъ! перебьетъ вдругъ, во все горло, Гуринъ.

— Ну полно, полно, Миша.

Всѣ смѣются, и громче всѣхъ смѣется Наташа.

«Дивная моя!» проговоритъ про себя Гуринъ и потомъ счастливъ весь вечеръ.

Варвара Антоновна отходила на задній планъ.

И дивилса Гуринъ вліянію, которое пріобрѣтала на него каждый день Наташа. «Чему приписать мое поклоненіе, мое счастье отъ всѣхъ этихъ пошлыхъ переглядываній. Это ли нормальное отношеніе насъ къ нимъ, это ли необходимое равенство?... Но я все лгу, она рѣшительно никогда; я неискренъ и натянуть, она правдива и естественна...»

Припадки охлажденія, минуты разочарованія, случались съ нимъ все рѣже... но случались еще. Увидитъ онъ, напримѣръ блестящій людь въ какомъ-нибудь собраніи или гуляньи, и скажетъ про себя: «Бѣдненько придется съ ней жить; тысячи двѣ сначала, тысячи четыре потомъ; торгуйся, считай все, ѣзди на извозникѣ, что станеть помѣшивать кнутикомъ въ санкахъ, и ни съ мѣста; охъ, плохо!» Или встрѣтитъ онъ тузика-паравита Костю, да очертятся передъ нимъ крупный профиль знакомаго каштана, припомнится при этомъ «странный

поцѣлуй», скрѣпившій тѣсную дружбу и «капитальныя» надежды, и онъ преговорить: «Люди-то станутъ смѣяться; скажутъ, разчитывалъ господинъ жениться на богатой, а женился... на голи-перыткѣ.» Но стоило ему пройти мимо оконъ Наташи, исчезало все.

«Женщины, женщины! да что вы, въ самомъ дѣлѣ, вздумали!» продекламируетъ онъ только, какъ бы примиряя этимъ свое бывшее съ своимъ будущимъ.

Почти всѣ вечера сталъ проводить Гуринъ у Прасковьи Игнатьевны. Варвара Антоновна забывалась; онъ посѣщалъ ее рѣдко и не говорилъ уже о тѣсной дружбѣ, о неизмѣнности отношеній и пр. Она съ своей стороны сдѣлалась съ нимъ болѣзненно обидчива, а по временамъ бывала очень нецеремонна и рѣзка.—«Это даже невѣжливо; неужели вы этого не знаете?» замѣтитъ она ему иногда. — «Занять, занять,» отвѣтитъ онъ. Костя какъ-то лукаво сказалъ Гурину однажды.—«А къ вамъ, Михайло Львовичъ, одна русская провинціальная пташечка, изъ вашихъ знакомыхъ, пріѣхала?»—Гуринъ прежде безцеремонно срѣзалъ бы его, а теперь онъ довольно кротко отвѣтилъ: «Костя молодецъ; у него глаза необыкновенной зоркости.»

Съ Наташей, между тѣмъ, продолжались частые и долгие разговоры. Больше говорилъ Гуринъ; Наташа же слушала и ограничивалась преимущественно короткими замѣчаніями и вопросами.

Однажды, Гуринъ, давно замѣтившій, что она читала довольно много, принесъ съ собою Обломова и попросилъ позволеніе перечестъ нѣкоторые мѣста. Наташа знала романъ, но не отказывалась слушать и послѣ короткаго разговора съ Прасковьей Игнатьевной, помѣстилась у столыка въ противоположномъ концѣ комнаты.

Гуринъ сталъ читать не сначала, а такъ, отрывками. Онъ читалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, тихо, но внятно, и слѣдилъ, между тѣмъ, зорко, чутко и трепетно, за дорогою дѣвушкой. Наташа слушала его молча, съ поднятыми глазами, скрестивъ, по привычкѣ, руки на груди.

Сначала дѣло шло о четвертой части, коснулось отношеній Штольца къ Ольгѣ, перешло къ ихъ любви. Наташа молчала; какая-то однако мысль свѣтилась на ея спокойномъ лицѣ. Гуринъ перешелъ къ третьей части; онъ читалъ о запискѣ Ольги. «Поступокъ, по моему, такъ же благородно смѣлъ какъ сама

Ольга,» позволилъ себѣ тихо замѣтить онъ, и покосился на Наташу. Она спокойна, молчать. Гуринъ читалъ о посѣщеніи Ольгою Обломова на его квартиру.—«Какъ ни важно это со стороны молодой дѣвушки, но... но въ Ольгѣ оно понятно, и право, строго-умѣстно,» рискнулъ Гуринъ, и снова на Наташу. Она все спокойна.

Гуринъ перешелъ потомъ ко второй части, къ первымъ отношеніямъ Обломова къ Ольгѣ. Онъ читалъ, какъ всѣ ихъ разговоры отличались простою, задушевною развязностію и не было въ нихъ и тѣни обыденныхъ комплиментовъ, жеманства; какъ между прочимъ Ольга учила избѣгать ложнаго самолюбія, не стыдиться своего сердца, не скрывать слезъ, какъ потомъ ея взглядъ жегъ, тревожилъ, шевелилъ нервы и кровь Обломова, какъ волновалось ея женское сердце во время разговора съ Обломовымъ въ паркѣ, какъ наконецъ она протянула ему руку и тотъ схватилъ, поцѣловалъ ее въ ладонь и остался какъ вкопанный.

Наташа полуприкрыла глаза своими длинными рѣсницами и глядѣла внизъ.

За мѣстами о первой сценѣ съ *вѣткой сирени* Гуринъ, чистосердечно увѣренный, что тутъ нѣтъ ничего вреднаго для Наташи, прочелъ о второй, потомъ о *люблю, люблю, люблю!* потомъ о прогулкѣ въ душный лѣтній вечеръ, о страстныхъ симптомахъ, нервныхъ раздраженіяхъ Ольги, наконецъ о послѣдней сценѣ, гдѣ Обломовъ говорить о пути, на которомъ женщина гибнетъ и все любить, и гдѣ потомъ Ольга кладетъ ему руку на плечо, долго глядитъ на него, и вдругъ, быстро обвивъ его шею руками, цѣлуетъ и прижимаетъ лицо къ его груди. Наташа все спокойна и тверда.

Но Гуринъ не сводилъ уже съ нее горячихъ, страстныхъ и восторженныхъ глазъ... Сначала она была все тверда, чуть-чуть блѣдна; но потомъ вдругъ вспыхнула и задрожала...

Смутилъ ли ее блестящій, высокій, Гуринъ, онъ (по ея мнѣнію) умный свѣтскій баринъ, франтъ, затрепетавшій передъ ней. простою, обыкновенною, деревенскою дѣвушкой? потребность ли новаго чувства рвалась наружу?.. Наташа дрожала.

Гуринъ быстро оглянулъ комнату: пуста, Прасковьи Игнатьевны нѣтъ. Онъ рванулся тогда къ Наташѣ, схватилъ ея руку и... разразился по своему:

— Наташа!! Ты чортъ знаетъ что за женщина!..

Наташа сильно поблѣднѣла; ротъ ея полуоткрылся; грудь

тяжело волновалась, но когда Гуринъ поднялъ, чтобы поцѣловать ея руку, она съ невѣроятною силой отняла ее.

— Какъ!.. ты даже этого не позволишь?..

— Нѣтъ! произнесла она твердо.

«И не такія руки цѣловалъ! зашевелилось у него въ груди.
— Набожница!..»

Наташа открыла глаза, посмотрѣла пристально на Гурина и указала ему на стулъ.

— Михайло Львовичъ...

— Дивная ты моя! шепталъ онъ, но уже подчинялся ея взгляду.

— Сядьте.

— Душечка! Развѣ это поженски, развѣ таковы естественныя женщины? вырвалось у него, но онъ сидѣлъ уже на указанномъ мѣстѣ.

— Я не знаю еще васъ, Михайло Львовичъ. У меня есть братъ, начала она... но потомъ остановилась. Впрочемъ, объ этомъ въ другой разъ... Уже поздно... Да вотъ Прасковья Игнатьевна хочетъ сказать что-то.

Прасковья Игнатьевна, переваливаясь съ ноги на ногу, дѣйствительно подвигалась къ нимъ. Гуринъ всталъ и началъ отыскивать свою шляпу. Наташа осталась сидѣть.

— Что это ты, Наташа, разстроенная, блѣдная такая? спрашивала подойдя Прасковья Игнатьевна.

— Ничего, Прасковья Игнатьевна, благодарю васъ.

— Не отъ книжки ли ужъ это? Разныя страсти пишутъ. Вонъ не давно расписывали, какъ дѣвушку одну убили...

— Нѣтъ, Прасковья Игнатьевна; мнѣ съ утра сегодня что-то не здоровится.

— Ты такъ бы и сказала, да раньше и легла бы въ постель; Михайло Львовичъ не прогнѣвался бы.

Гуринъ подошелъ въ это время. Онъ раскланялся почтительно съ Прасковьей Игнатьевной и потомъ поклонился низко Наташѣ, благодаря ея глазами за первую маленькую ложь для него.

— Только это! уходя бормоталъ онъ, но былъ уже влюбленъ, влюбленъ обыкновенною, совершенною, «дурой» любовью, какъ онъ выражался.

XII.

Костя, дня черезъ три, рано утромъ прибѣжалъ къ Гурину и засталъ его дома. Онъ объявилъ ему, что Нарѣвы уѣзжаютъ на зиму въ Парижъ, что туда пріѣхалъ изъ Россіи братецъ Юрій Валеріановичъ, и что кузень Тедо отправился уже для пріисканія квартиры. Гуринъ обѣщалъ зайти повидаться съ Варварой Антоновной. Костя, болтая по обыкновенію, разказывалъ между прочимъ, что на дняхъ Варвара Антоновна видѣла въ какомъ-то концертѣ одну русскую помѣщицу съ молодою барышней, будто эта помѣщица старалась говорить нарочно по-русски громко, чтобы Варвара Антоновна обратила на нее вниманіе, но что послѣдняя скоро встала и вышла. По справкамъ компаньонки оказалось, что это какая-то Тунина съ воспитанницей, и что Гуринъ у нихъ именно проводитъ всѣ вечера.

Гуринъ въ этотъ день не пошелъ къ Варварѣ Антоновнѣ, но отправился къ ней уже въ слѣдующее утро. Она встрѣтила его съ натянутымъ и жеманнымъ высокомеріемъ, говорила рѣзко, намекала на вульгарныя связи; онъ былъ равнодушенъ и спокоенъ. Прощаясь, Гуринъ замѣтилъ ей однако, что самъ думаетъ быть зимой въ Парижѣ. — «Тогда внѣ всякихъ загадочныхъ знакомствъ и вліяній, не поглощенные вѣроятно болѣе... трудами, мы будемъ серьезнѣе, вѣрнѣе себя... Не правда ли, Михайло Львовичъ?» спросила она, глядя на него прищурившись и протягивая ему руку. Онъ слегка поклонился, ничего не сказалъ и пошелъ попрощаться съ Антономъ Валеріановичемъ. Знатный старичокъ былъ очень радъ, что отвязывался наконецъ отъ Гурина; онъ боялся дочери и боялся видовъ на нее Михайла Львовича. Сбывшись, они могли на вѣки поразить его самолюбіе и разстроить его виды.

Вечеромъ Гуринъ самъ видѣлъ, какъ изъ Б—скаго отеля выѣхалъ сначала фіакръ съ багажомъ и Костей, исполнявшимъ отчасти должность курьера, потомъ отельная четырехъ-мѣстная карета съ старичкомъ Антономъ Валеріановичемъ и Варварой Антоновной. Гуринъ проводилъ карету глазами, поке-

сился на ближнюю гору, съ выдававшимся на краю камшаномъ, и задумался, медленно направляясь куда-то. Онъ опомнился только передъ дверьми Наташи.

Со дня того объясненія, Наташа боязливѣе стала смотрѣть на Гурина. Гуринъ же нетерпѣливо искалъ случая объясниться съ ней и заставить ее договорить начатое и неконченное тогда.

Пришло около мѣсяца по отъѣздѣ Нареевыхъ. Однажды, онъ вмѣстѣ съ Прасковьей Игнатьевной, Наташей и еще однимъ русскимъ пріѣзжимъ, возвращался изъ Мангейма, куда наканунѣ еще, всѣ они отправились слушать вновь поставленную, на тамошнемъ театрѣ, оперу. Вагоны были довольно пусты и въ ихъ отдѣленіи не было чужихъ. Прасковья Игнатьевна помѣщалась у одного окна и, передавая свои замѣчанія, бывшему противъ нея, знакомому Русскому, какъ всегда, мало обращала вниманія на то, чтò дѣлала Наташа. Гуринъ и Наташа сидѣли у другаго окна, и разговаривали въ полголоса. Бѣда ли, воспоминаніе ли впечатлѣній вчерашняго представленія, но Гуринъ былъ въ томъ особенномъ настроеніи, когда чувство высказывается искреннѣе, неужимѣе, горячѣе. Оно выразилось, сегодня, преувеличенною хвалою Давыда и хулою себя.

— Давыдъ ужасно любить оперу, говорилъ между прочимъ Гуринъ,—а вотъ не похвалъ вчера, остался работать, кончать надо... Удивительный человекъ! Вы, Наталья Андревна, не знаете его... Я, право, ничто передъ нимъ. У меня, какъ и у всѣхъ, есть какое-нибудь руководящее въ жизни, въ основаніи корыстное, соображеніе. У него никакого; онъ выше всего подобнаго. Мало того. У всѣхъ насъ есть какія-нибудь гуртовья антипатіи: у кого, напримѣръ къ такъ-называемымъ аристократамъ, у кого положимъ хоть къ славянофиламъ, и такъ далѣе. Давыдъ опять выше всего этого. Короче, онъ рacionales передовой человекъ, онъ... онъ однимъ словомъ, чертъ знаетъ что за человекъ!..—Наташа вздрогнула.

— Да, да! какъ вы, Наташа! шепнулъ ей восторженно Гуринъ.

Она остановила его взглядомъ и потомъ, помолчавъ нѣкоторое время, выразительно произнесла:

— О себѣ, нечего мнѣ тутъ говорить, Михайло Львовичъ. — Что же да Давыда, то онъ человекъ добрый, прямой, честный... отличный братъ. Я привязана къ нему и чту его

такъ какъ, можетъ быть, рѣдко любить и чтуть отца, мать, такъ что безъ него никогда не рѣшусь... ни на что...

Гуринъ слѣдилъ за Наташей пристальными и страстными глазами.

— Даже еслибъ я... полюбила кого-нибудь, продолжала она, склоняя голову и слегка блѣднѣя, — и еслибы братья... осудили эту любовь, я, Михайло Львовичъ, шептала она, — скрыла бы ее въ душѣ, и не рѣшилась бы сама... безъ Давыда...

— На что? перебилъ трепетно Гуринъ.

— На что бы то ни было, отвѣтила она.

— А если бы тотъ, котораго удостоили вы... онъ не кончилъ фразы, — самъ рѣшился бы на все? спросилъ Гуринъ, не спуская съ нея своего смущающаго взгляда.

— Михайло Львовичъ!.. упрекнула она его, со слезами на глазахъ.

— Неужели же для него вы не сдѣлали бы, безъ позволенія честнаго, но все же чужаго человѣка, рѣшительно ничего... и ни за что?

— Я такъ ужь создана, примолвила она и потомъ твердо повторила: «ничего и ни за что».

— Еще разъ, Наташа, ни за что?

— Безъ Давыда, нѣтъ! подтвердила она, такъ рѣшительно, что Гуринъ остолбенѣлъ.

До самаго пріѣзда въ Г. они не сказали другъ другу больше ни слова, но передумали многое.

Гуринъ, какъ только довезъ Прасковью Игнатьевну до дому, бросился къ Давыду. Последній былъ у себя и по обыкновенію работалъ.

— Давыдъ! кричалъ Гуринъ, отворяя дверь.

— А! здравствуй! Давно ли возвратился и все ли у васъ благополучно.

— Давыдъ!.. Я женюсь на Наташѣ.

— Что, Миша, что, что? спросилъ съ невыразимымъ удивленіемъ тотъ.

— Я женюсь на Наташѣ, вотъ что!

— Ты женишься на Наташѣ? повторилъ Давыдъ съ разетановкой и все съ тѣмъ же удивленіемъ.

— Да! Давыдъ..

— Какъ же это такъ!.

— Такъ; хоть безъ всякихъ юридическихъ сдѣлокъ и скрѣпъ съ твоего согласія.

— Не понимаю, Миша, не понимаю..

— Что?.. Развѣ ты считаешь меня неспособнымъ жениться по любви на бѣдной дѣвушкѣ? Нѣтъ, Давыдъ, я не тотъ ужь, я докажу тебѣ противное..

— Позволь, позволь! Никакихъ доказательствъ мнѣ не нужно. Я только спрошу тебя, на какомъ основаніи, по какому праву, кричишь ты мнѣ все это. Будто Наташа согласилась уже идти за тебя?

— Безъ тебя, нѣтъ! Но я пришелъ именно сказать тебѣ это. Я оставляю всѣ мои прежніе виды, я расстаюсь съ ними навсегда и рѣшаюсь жениться на Наташѣ!

— Опомнись же сдѣлай милость. Ты рѣшаешься жениться на Наташѣ? Да спроси прежде, кто тебѣ позволитъ жениться на ней?..

— Какъ кто позволитъ? спросилъ блѣднѣя Гуринъ. — Кто же можетъ мнѣ не позволить?..

— Я не позволю.

— Давыдъ!..

— Ну?

— Ты шутишь со мною, «добрый человекъ»?

— Нѣтъ, не шучу.

— Такъ что же это?

— То, что я не позволю... отсвѣтую Наташѣ идти за тебя. Я сдѣлаю все, что могу, чтобъ отклонить ее отъ этого рѣшенія, если оно въ ней есть.

— Химикъ, химикъ! Да что ты это? крикнулъ рѣзко Гуринъ. — Отчего ты не позволишь, отчего, говори! и онъ вдругъ, съ стремительною угрозою и гнѣва, подступилъ къ самому Давыду.

Въ отвѣтъ тотъ поднялъ на Гурина свои горѣвшіе, выразительные глаза, посмотрѣлъ на него мгновеніе, другое, и громко, твердо сказалъ:—Оттого, Гуринъ... что ты деспотъ!..

Гуринъ опустилъ голову и отступилъ на шагъ.

— Я чуть не рабъ предъ ней, передъ ней у меня нѣтъ своего я, со мной она въ состояніи все сдѣлать! вырвалось у него.—Но тутъ, сейчасъ же, онъ поднялъ голову и заговорилъ опять по своему рѣзко и насмѣшливо:—Давно ли, ваша милость, научились такія громкія слова бросать?.. Говори положительно, отчего ты не хочешь этого?

— Оттого, что ты сдѣлаешь ее несчастною. Я сочту себя первымъ негодяемъ, если позволю это.

— На тебя дурь нашла!

— Я этого не позволю, слышишь, Гуринъ? произнесъ Давыдъ и смотрѣлъ на него гнѣвно и почти грозно. Гуринъ еще разъ подступилъ къ нему, и осматривая его съ головы до ногъ, громко спросилъ:

— Ты думаешь ли о томъ, что дѣлаешь?

— Рѣшился, отвѣчалъ тотъ.

— И это твое последнее слово?

— Да.

— Давыдъ?

— Да, повторяю тебѣ.

— Такъ прощай же! крикнулъ Гуринъ, и выбѣжалъ, стукнувъ, что было силы, дверью.

Онъ бросился къ Наташѣ. На улицахъ было пасмурно, холодно, пусто. На второмъ переулкѣ онъ вдругъ остановился, взглянулъ на часы и повернулъ назадъ. До ближайшаго поѣзда въ Парижъ оставалось всего два часа. У Давыда было слышно, какъ въ комнатахъ Гурина стучали вещи, захлопывались чемоданы и саки; самого Давыда уже не было. Гуринъ поспѣшно укладывался, безпрестанно смотрѣлъ на часы и швырялъ все какъ и куда попало. Пришла очередь книгъ.

— Чуть не промахнулся, да къ счастью опомнился!.. ха, ха! смѣялся онъ принужденно.—Богъ съ ней, съ этою запуганною набожницей! прибавлялъ онъ.—У того молодчика Штольца, «очередь чувства» пришла да за нимъ и осталась навсегда; у меня пришла, да живо и ушла!»

Когда все было уложено, онъ послалъ за хозяйкой, свелъ счеты, потомъ взялъ одинъ изъ нарочно оставленныхъ листовъ бумаги, подумалъ нѣсколько времени, и написалъ карандашомъ крупными, изысканно кудрявыми буквами и спѣшнымъ почеркомъ:

«Бду въ Парижъ. Прощай, Давыдъ. Поклонись отъ меня Наташѣ. Да! правда; я не гожусь для ней и понимаю это. Въ послѣдній разъ похвастанусь я передъ тобою. Я высокъ, крѣпокъ, статенъ, что называется хорошъ собою; я гожусь въ *jeune première* для какой-нибудь свѣтской комедіи, для эффектныхъ выѣздовъ и прогулокъ съ любовою капитальною барышней, но не гожусь для Наташи. Она хороша, но очень проста и добра; ей быть тихимъ ангеломъ-хранителемъ, свѣтлымъ провидѣніемъ какого-нибудь невиднаго собою, но добраго и че-

стиаго ученаго. Скажи ей это, напомни, что она ничѣмъ не связана со мною и что я не смѣю имѣть на нее претензій. Г.»

Но потомъ, походивъ и подумавъ немного, онъ разорвалъ вдругъ этотъ листъ, взялъ другой и написалъ попроще:

«Я уѣзжаю въ Парижъ. Извинись за меня, Давыдъ, передъ сестрой и скажи, что ей я обязанъ тѣмъ добромъ въ себѣ, которое, въ настоящую минуту, заставляетъ меня послушаться тебя и оставить ее, для ея же счастья. Не помниай меня лѣшкомъ. Г.»

Въ post-scriptum было сказано: «долгъ вышлю черезъ мѣсяць.»

Прежде чѣмъ отдать записку, онъ прочелъ ее еще разъ и прибавилъ внизу:

«Простить ли Наташа?»

Хозяйкѣ было поручено отдать записку Давыду уже по отъѣздѣ Гурина.

Часовъ въ шесть вечера, не пообедавъ, голодный и усталый, Гуринъ спѣшилъ уже на желѣзную дорогу. Сквозь дверцы вагона, мелькнулъ передъ нимъ въ сторонѣ небольшой, бѣленькій отель Наташи... Глаза его повернулись въ другую сторону. Тамъ, вдали, высилась опять знакомая гора съ каштаномъ да слышалось: «хвастунишка!» да раздавался странный крѣпкій поцѣлуй, залогъ тѣсной дружбы, неизмѣнности отношеній, будущаго счастья...

Карета подъѣхала уже между тѣмъ, и Гуринъ очутился въ томъ самомъ дебаркадерѣ, по которому часа три тому назадъ проходилъ вмѣстѣ съ Наташей.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ мчался уже по направленію къ Страсбургу, а Гуринъ думалъ, какъ счастливъ онъ, что преодолѣлъ препятствіе къ достиженію своей дорогой, ледяной цѣли, союзу съ «капитальной» и знатною Варварой Антоновной, какъ обрадуется она, увидя его завтра, какъ быстро поведетъ и кончатъ она дѣло.

Давыдъ, по уходѣ Гурина, отправился пройтись, чтобы успокоиться, зашелъ потомъ въ лабораторію, но работать не могъ. Вечеромъ онъ предполагалъ поговорить съ Наташей.

Когда въ седьмомъ часу онъ воротился домой, ему подали записку Гурина. Онъ прочелъ ее разъ, потомъ другой, третій.

— Гдѣ господинъ Гуринъ? спросилъ онъ горничную.

— Уѣхалъ уже съ полчаса, отвѣтила она.

— И вещи свои взялъ съ собою?

— Всѣ взялъ.

Давыдъ зашелъ самъ къ нему. Комнаты въ безпорядкѣ, пусты и сорны. Онъ прочелъ еще разъ записку и грустно пошелъ къ Наташѣ.

Прасковьи Игнатьевны не было дома. Давыдъ тотчасъ же заговорилъ съ сестрой.

— Я пришелъ сообщить тебѣ новость, которая, вѣроятно, удивить тебя, милая Наташа, началъ онъ тихо.

Она посмотрѣла на него смутно, чуя что-то «гуринское».

— Нашъ Гуринъ уѣхалъ сейчасъ въ Парижъ.

— Михайло Львовичъ? проговорила она съ тревожнымъ удивленіемъ.—Надолго?

— Уѣхалъ совсѣмъ.

— Какъ? Зачѣмъ?—Она начинала вздрагивать.—Случилось съ нимъ что-нибудь?

— Я сказалъ ему сегодня, и говорилъ, Наташа, по своему убѣжденію, что онъ не стѣбитъ тебя, что я, по долгу честнаго человѣка и брата, постараюсь отклонить тебя отъ серьезныхъ отношеній къ нему... Онъ вспыхнулъ, по привычкѣ, и уѣхалъ. Извини меня... если я тутъ...—Онъ не кончилъ и взглянулъ на сестру.

Сжавъ зубы, тяжело дыша, она взяла руку Давыда, подняла ее медленно, дотронулась до нее холодными губами и тихо направилась въ свою комнату.

Давыдъ остался какъ вкопанный. Потомъ опомнился, сѣлъ у стола и, подперевъ голову руками, задумался. Рой упрековъ поднялся въ его головѣ. «Что я это сдѣлалъ?» думалъ онъ. «Зачѣмъ было допускать это знакомство? упрекалъ онъ себя. Зачѣмъ глупыми предостереженіями о болтливости Гурина обратилъ я на него вниманіе сестры, зачѣмъ позволилъ я укрѣпиться знакомству, и, позволивъ, зачѣмъ не предупредилъ раньше Гурина, чтобъ онъ ни на что серьезное не разчитывалъ. А послѣ, зачѣмъ не распросилъ я его хорошенько и, не узнавъ даже, любить ли его Наташа, чуть не выгналъ его? И что за деспотизмъ, что за низкая дурь, возстать вдругъ противъ свободы честнѣйшаго изъ чувствъ?.. Наташа могла сдѣлать изъ него многое; она отстранила бы его, главное, отъ той среды, гдѣ такъ много лгутъ, гдѣ учатся шутить ложью...» И все болѣе задумывался онъ. «Съ какой стати захотѣлось вдругъ мнѣ, простаку, увальню, мѣшать ему? Что будетъ,

если такіе, какъ я, стануть еще мѣшать тѣмъ? Въ такъ-называемомъ молодомъ-то поколѣніи, рассуждалъ онъ,—вѣдь цѣлая тьма изъ разныхъ «первоклассныхъ» училищъ,—тьма въ тѣхъ, въ которыхъ есть талантъ да много самолюбія, похожи на него. Они и честны, и полезны, пока не въ томъ кружкѣ, а тяготеютъ они къ нему все, почти все... Гуринъ снова тамъ... а Наташа?»

Наташа на другой день была блѣдна, но спокойна, покорна, сосредоточенно тверда.

Гуринъ, между тѣмъ, вѣхалъ всю ночь и утромъ прибылъ въ Парижъ. Онъ отправился тотчасъ же отыскивать Варвару Антоновну, проходилъ весь день и не нашелъ. На другой день онъ встрѣтилъ въ rue de Rivoli одного изъ общихъ петербургскихъ знакомыхъ.

— Ба, Михайло Львовичъ! Слышали вы новость? кричалъ тотъ, завидя еще издали Гурина.

— Ну?

— Вы помните Варвару Антоновну Нарѣву?

— Немного. Ну?

— Выходить замужъ.

— Какъ такъ? спросилъ пораженный Гуринъ.

— Да, за К—скаго, одного провинціального графчика-капиталиста.

— Вы это навѣрное знаете? спросилъ онъ.

— Какже! самъ получилъ приглашеніе; на дняхъ свадьба.

Въ это время кто-то засуетился подлѣ Гурина. Онъ повернулъ голову и увидѣлъ Костю, съ иглочки.

— Михайло Львовичъ! Какимъ образомъ?

— Ну такимъ. Гдѣ Варвара Антоновна?

— Живетъ не далеко здѣсь, въ rue de la Paix, на новой своей квартирѣ.

— Вотъ, увѣряютъ, будто она выходитъ за кого-то. Это что за чушь?

— Какъ, выходить? удивился Костя.

— Вотъ они увѣряютъ; я смѣюсь, безъ сомнѣнія...

— Не выходитъ, Михайло Львовичъ, а вышла, крикнулъ Костя и тонко захохоталъ.—Третьяго дня была свадьба.

— Что вы это врете?..

— Помилуйте, Михайло Львовичъ. Къ чему я стану врать! За графа К—скаго вышла, что привезъ дядюшка Юрій Вале-

ріяновичъ. Въ два дни упросили Варвару Антоновну. Я еще очень жалѣлъ, что вась на свадьбѣ не было.

Ударъ былъ хорошъ.

— Скажите, говорилъ между тѣмъ Кость петербургскій знакомый;—зная хорошо Нарѣвскихъ, я также получилъ приглашеніе и думалъ, что свадьба послѣ завтра, а теперь слышу, что уже была. Какъ странно, право!

— Странно, странно, отвѣчалъ Костя съ замѣтнымъ высоко-мѣріемъ.

Гуринъ позвалъ его.

— Эй, Костя! Чтò же, графиня-то наша, принимаетъ?

— Какже, Михайло Львовичъ.

— Когда?

— Назѣрное не знаю, а если хотите, справлюсь. Пойдете вы къ ней?

Гуринъ подумалъ съ минуту и отвѣтилъ коротко и жестко.

— Чтобы подразнить дуру...

Давыдъ недавно возвратился изъ-за границы.

Наше общее святое дѣло двинулось впередъ. Говорятъ, что и планы Давыда насчетъ лабораторіи и кабинета сбудутся такъ же.

Наташа выходитъ замужъ за одного изъ пріятелей Давыда и вспоминаетъ съ ласкою и грустью, но безъ сожалѣнія о прошломъ.

Варвара Антоновна скончалась мѣсяца два тому назадъ отъ родовъ. Подвезеннаго дялюшкой, Юріемъ Валеріановичемъ, провинціального туза-супруга, она терпѣть не могла; онъ былъ малъ ростомъ и сутоловатъ, главное же, семенилъ и частилъ ногами, когда ходилъ съ нею, заставлялъ краснѣть отъ недостатку такта, чуть не на каждомъ шагу... Старичокъ Антонъ Валеріановичъ долго не могъ утѣшиться послѣ потери дочери; говорятъ, что недавно онъ получилъ назначеніе.

Гуринъ еще не возвращался изъ-за границы. Увѣряютъ, что послѣ двухъ-трехъ крупныхъ промаховъ, онъ сталъ сдержаннѣе, спокойнѣе, проще. Онъ ищетъ снова жены, но какой именно? положительно не извѣстно.

Волгонской.

КАРЛЪ ГАВЛИЧЕКЪ · БОРОВСКІЙ.

Между чешскими публицистами послѣдняго времени, Гавличекъ занимаетъ безспорно первое мѣсто; лучше его никто не понималъ потребности его народа, лучше его никто не умѣлъ говорить съ народомъ простою, здѣшней рѣчью.

Горячо любя отечество, принадлежа всею душою дѣлу возрожденія славянской народности, Гавличекъ посвятилъ этому великому дѣлу всю свою дѣятельность. Правда, тогдашнее движеніе, во главѣ котораго онъ стоялъ, кончилось не въ пользу Чеховъ; правительство неумолимо гнало Гавличка, преслѣдовало судомъ его сочиненія, запрещало ему изданіе политическихъ газетъ, наконецъ приказало схватить его и отправить въ крѣпость Бриксенъ. Реакція усиливалась болѣе и болѣе, германизация Чеховъ шла, повидимому, успѣшно, но идея народности проникла въ общественное сознаніе уже такъ глубоко, что напрасны были всѣ усилія подавить ее. Труды Гавличка не остались безъ добрыхъ послѣдствій, дѣло его продолжалось. Несмотря на жестокое угнетеніе, на преслѣдованіе всего, что поддерживаетъ народность, мысли Гавличка, его политическія статьи, его стихотворенія, писанныя въ изгнаніи, приобрѣли у Чеховъ необыкновенную популярность. Стало-быть, народное движеніе въ послѣднія десять лѣтъ не было окончательно подавлено даже Баховскою системой; оно все-таки продолжалось, но только втихомолку: настала работа внутренняя, движеніе глухое, совершалось воспитаніе народа въ новой школѣ систематическаго преслѣдованія народности. И вотъ въ наши дни движеніе снова обнаруживается, и обнаруживается уже съ большею силой.

Чехи снова предъявляютъ свои права на то, что составляетъ

ихъ неотъемлемую собственность. Въмѣсто нѣмецкихъ школъ, они хотятъ имѣть чешскія, вмѣсто нѣмецкаго театра чешскій, вмѣсто нѣмецкаго языка чешскій, и хотятъ соединенія земель чешской короны въ одно политическое цѣлое. Въ этомъ общемъ дѣлѣ соединяются теперь люди всѣхъ еословій, слѣдовательно успѣхъ становится вѣроятнѣе. Дворянство чешское, большею частію державшееся сначала австрійской стороны, потомъ стороны консервативной, мало-по-малу переходитъ на сторону народа, и такимъ образомъ усиливаетъ, по крайней мѣрѣ, его матеріальныя средства. Во всемъ и вездѣ замѣтно пробужденіе. Со всѣхъ сторонъ присылаются деньги на памятники Юнмана, Ганки, Гавличка, Коллара, Челяковского и др.; издаются ихъ сочиненія, портреты, составляются біографіи.

Недавно печатались въ чешскомъ журналѣ *Часъ* ¹ статьи о Карлѣ Гавличкѣ. Мы предлагаемъ переводъ этихъ статей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ лица Чеховъ просимъ всѣхъ Русскихъ, лично знавшихъ Гавличка, доставить въ Прагу свѣдѣнія о его жизни въ Россіи и, если можно, копіи съ нѣкоторыхъ писемъ, у кого они есть ².

А. Троянскій.

Карлъ Гавличекъ родился 31 октября, 1821 года, въ мѣстечкѣ Боровѣ, недалеко отъ моравской границы, гдѣ отецъ его былъ купцомъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ отъ боровскаго священника, Бружка, принадлежавшаго къ тѣмъ передовымъ людямъ чешско-моравскаго духовенства, которые имѣли благотворное вліяніе на молодое поколѣніе тогдашняго времени. Гавличекъ на всегда сохранилъ добрую память о своемъ воспитателѣ и въ *Тирольскихъ элегіяхъ* воспоминаетъ, какъ онъ, бывало, въ боровскомъ костелѣ прислуживалъ старому священнику. Разказывая въ элегіяхъ о своей ссылкѣ, онъ говоритъ между прочимъ:

Рожокъ трубитъ, колеса скрипятъ, подъѣзжаемъ къ Иглавѣ. Сзади, трясутся жандармы, смотрѣть чтобы мы чего-нибудь не потеряли.

¹ За 1860 г. №№ 73, 75, 76. За 1861 г. №№ 1, 3, 6, 20, 24, 26, 28, 30, 36.

² Адресоваться просимъ въ редакціи журналовъ: *Národní Listy* и *Čas*. Составленіемъ полной біографіи Гавличка занимается г. Ярошъ.

Вотъ и боровская церковка стоитъ на вышкѣ, грустно поглядывая на меня сквозь лѣса: «Ты ли это, мой голубчикъ?»

Твоя колыбель подо мною, я видѣла, какъ тебя крестили, какъ ты прислуживалъ старому священнику, съ какимъ прилежаніемъ учился.

Видѣла, какъ ты пустился въ свѣтъ за опытностію, какъ ты потомъ вышелъ съ свѣтильникомъ, чтобы веселымъ пламенемъ освѣщать дорогу нашимъ племенамъ.

Видишь, какъ незамѣтно проходитъ время: уже тридцать лѣтъ я зваю тебя. Но, любезный, скажи пожалуста, что это за уроды около тебя?

Подготовленный боровскимъ священникомъ, Гавличекъ отправился въ Нѣмецкій-Бродъ для поступленія въ гимназію, и здѣсь въ короткое время успѣлъ обратить на себя общее вниманіе, обнаруживъ такія дарованія, которыя уже указывали на его высшее назначеніе.

Въ 1838 году Гавличекъ поступилъ въ Пражскій университетъ, слушалъ два года философскія лекціи, и потомъ перешелъ на богословскій факультетъ. Шагъ этотъ сдѣланъ имъ вопреки желанію отца, который совѣтовалъ сыну изучать право, но за то по собственному, искреннему влеченію. Политическія обстоятельства придавали въ то время особенное значеніе духовному сословію. Никто не могъ говорить свободно о событіяхъ политическихъ, никто не смѣлъ открыто защищать права народа, возбуждать въ немъ любовь къ родной рѣчи, къ отечеству: только священникъ, по самому сану не навлекая на себя подозрѣнія въ неповиновеніи власти, могъ дѣйствовать болѣе самостоятельно среди своей паствы, могъ воспитывать народъ въ духѣ свободы и народности. Вотъ почему всѣ желавшіе принести пользу народу предпочитали богословскій факультетъ другимъ факультетамъ, вотъ почему на скромный сельскій приходъ молодые люди смотрѣли какъ на самое лучшее политическое поприще. Вскорѣ пражская семинарія сдѣлалась средоточіемъ образованія. Сюда сходилось все лучшее молодое поколѣніе, отъ дѣятельности котораго можно было ожидать добрыхъ плодовъ. Не удивительно, что и Гавличекъ, глубоко преданный своему отечеству, рѣшился избрать для себя званіе священника, единственное званіе, которое могло сдѣлать его независимымъ отъ свѣтской власти. Онъ съ любовью предался богословскимъ наукамъ; часто видѣли, какъ онъ задумчивый, занятый какимъ-либо богословскимъ вопросомъ, съ книгой въ рукѣ, ходилъ по длиннымъ корридорамъ бывшаго іезуитскаго коллегіума. Но въ кругу пріятелей Гавличекъ становился совершенно

ными челоѣкомъ; его веселость, его юморъ возбуждали общій хохотъ. Многіе изъ товарищей Гавличка еще доселѣ помнятъ его остроты. У одного изъ нихъ уцѣлѣли даже письменные памятники тогдашняго Гавличкова юмора.

Не продолжительны, однако, были богословскія занятія Гавличка. Вслѣдствіе неприяностей съ начальствомъ онъ вышелъ изъ семинаріи и сталъ заниматься славянскою филологіей.

Вскорѣ Гавличекъ получилъ мѣсто домашняго учителя въ Москвѣ, у г. Шевырева. Здѣсь онъ сошелся съ многими передовыми русскими людьми. Знакомство съ ними, и вообще съ русскими Славянами, дало Гавличку другое направленіе; онъ сталъ иначе смотрѣть на западныхъ Славянъ, убѣдившись, что и имъ, какъ Россіи, предстоитъ великая будущность. Проникнутый такимъ убѣжденіемъ, онъ возвратился, въ 1845 году, въ Прагу уже публицистомъ.

У Чеховъ около этого времени кипѣла литературная дѣятельность. Писали очень много. Но къ сожалѣнію не все, что писалось, было хорошо. За исключеніемъ нѣсколькихъ произведеній, принятыхъ здравымъ, практическимъ смысломъ народа съ благодарностію, а безпристрастною критикой признанныхъ классическими, всѣ остальные были произведенія дюжинныя. Между тѣмъ критики не существовало, вкусъ измельчалъ; читали безъ разбора, подъ-рядъ, все, что ни появлялось въ печати. Каждая напечатанная статья принималась, какъ выразился Гавличекъ, за милый цѣточекъ на полѣ народной чешской литературы.

Противъ такого положенія литературы вооружился Гавличекъ по своему возвращеніи изъ Россіи.

Одинъ изъ любимѣйшихъ писателей того времени, Юсифъ Каэтанъ Тиль, издалъ еще въ 1844 году романъ *Послѣдній Чехъ*. Гавличекъ разобралъ это произведеніе коротко, но отчетливо и строго, сказавъ въ заключеніе, что каждому, кто хочетъ быть писателемъ, прежде всего необходимо научиться хоть чему-нибудь. Такой отзывъ возбудилъ въ литературныхъ кружкахъ разные толки. Однимъ нравилось, что критикъ задѣлъ, такъ-сказать, за живое многихъ бездарныхъ писателей, другіе, напротивъ, упрекали его въ томъ, что онъ черезчуръ дерзко выражался о людяхъ почетныхъ, заслуженныхъ. №№ 52 и 53 *Чешской Пчелы* за 1845 г., въ которыхъ была напечатана упомянутая критика, переходили тогда въ Прагъ изъ рукъ въ руки.

Быль ли Гавличекъ чересчуръ строгъ, или нѣтъ—вопросъ этотъ не имѣеть никакого значенія. Достигалась по крайней мѣрѣ цѣль, хороши были результаты такой строгой критики. Ослабленіе прошло, чешскіе литераторы не стали болѣе считать себя гениями, общество перестало безсознательно благоговѣть предъ произведеніями этихъ развѣнчанныхъ гениевъ.

Кромѣ того, разборъ *Послѣдняго Чеха* имѣлъ и политическую сторону. Романъ былъ написанъ съ цѣлю привлечь дворянство на сторону народную. Гавличекъ прекрасно отвѣчалъ на этотъ важный для Чеховъ вопросъ. «По моему мнѣнію, писалъ онъ, мы не иначе можемъ убѣдять аристократію говорить почешски и читать чешскія книги, какъ только оригинальностію и занимательностію нашихъ литературныхъ произведеній, но отнюдь не пошлыми разсужденіями о патріотизмѣ... Намъ ужь надоѣли безпрестанные толки о патріотизмѣ и патріотахъ, которыми преслѣдуютъ насъ наши писатели и въ особенности Тилъ. Еслибы мы не столько кричали о любви къ народу, а побольше дѣйствовали въ духѣ этой любви, патріотизмъ давно бы обратился въ плоть и кровь нашу. Еслибы мы вмѣсто напрасныхъ трудовъ убѣждать другихъ читать, изъ любви къ отечеству, плохія произведенія отечественной литературы и предпочитать имъ хорошія произведенія иностранной литературы, еслибы, говорю, вмѣсто этого мы позаботились поставить свою литературу на одну ступень съ литературами другихъ образованныхъ народовъ, мы бы дѣйствовали, безъ всякаго сомнѣнія, рациональнѣе и съ болѣшимъ успѣхомъ. Теперь же мы только теряемъ время въ бесполезныхъ разсужденіяхъ, а народъ остается безъ образованія.»

Нѣтъ сомнѣнія, что Гавличекъ съ перваго же шага пріобрѣлъ себѣ очень много литературныхъ враговъ. Оппозиція противъ него сосредоточилась главнымъ образомъ въ *Цептахъ*, издававшихся въ Прагѣ.

Но общество, несмотря на то, полюбило молодаго критика, особенно когда стала выходить его *Очерки русской жизни*, показавшіе въ авторѣ проницательнаго наблюдателя, вѣрно понимающаго вещи. Одинъ изъ этихъ очерковъ—*Иностранцы въ Россіи*—былъ напечатанъ въ 1846 году въ *Временникѣ Чешскаго музея*.

Въ началѣ 1846 года открылось для дѣятельности Гавличка болѣе обширное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе трудное поприще:

онъ сдѣлался редакторомъ *Пражскихъ Новинъ* в *Чешской Пчелы*.

Извѣстны тогдашнія политическія обстоятельства, и потому легко понять, какая трудная задача предстояла Гавличку. Политическія газеты находились подъ строгою цензурой. Мало того, ихъ редакторамъ предписано было держаться программы газеты *Oesterreichischer Beobachter*, издававшейся въ Вѣнѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ министра князя Меттерниха. Само собою понятно, что подобное предписаніе должно было стѣснить дѣятельность Гавличка, — мѣрка была не по немъ. Тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ заинтересовать читающую публику. *Пражскія Новины* сдѣлались любимомъ газетой. Не пускаясь въ прямой разборъ австрійской политики, редакторъ давалъ политическимъ статьямъ такую форму, подъ которою онѣ проходили незамѣченными цензурою, возбуждая еще болѣе живой интересъ въ обществѣ, которому какъ-то особенно нравится все запрещенное правительствомъ. Кругъ читателей увеличивался, многіе ужъ научились читать между строками.

Не также слѣпы были, однако, враги славянства, чтобы наконецъ не могли понять направленіе *Пражскихъ Новинъ*. Столкновенія съ цензурой были неизбѣжны для Гавличка, но онъ никогда не уступалъ съ перваго раза, защищался до послѣдней крайности и почти всегда оставался побѣдителемъ.

Въ Вѣнѣ особенно сильно высказывалось неудовольствіе на чешскаго публициста; рѣшились даже отстранить его отъ редакціи *Пражскихъ Новинъ*. Дѣло это еще не было кончено, какъ вдругъ 24 февраля 1848 года сильно потрясло зданіе австрійской монархіи. Въ Парижѣ сожгли тронъ Людовика-Филиппа, въ Вѣнѣ провозгласили конституцію. Австрійская журналистика освободилась на время отъ строгостей цензуры.

Предвидя, однако, что *Пражскія Новины* сдѣлаются правительственнымъ органомъ, Гавличекъ добровольно отказался отъ ихъ редакціи и началъ издавать *Народныя Новины*. Первый номеръ ихъ вышелъ 1-го апрѣля 1848 года. Отсюда начинается новый періодъ чешской публицистики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, новый періодъ жизни Гавличка.

Между тѣмъ въ Австріи совершались важныя событія.

Во Франкфуртѣ, въ церкви Св. Павла, торжественно открытъ былъ сеймъ, главная задача котораго состояла въ томъ, чтобы слить въ одно политическое цѣлое всѣ нѣмецкія земли. Къ

Германскому Союзу Франкфуртскій сеймъ хотѣлъ причислить также Чеховъ и Мораванъ.

Какъ, съ одной стороны, Нѣмцы предъявляли свои права на чешскую корону, такъ, съ другой стороны, Мадыяры домогались господства надъ Словаками, Сербами и Хорватами.

Для Славянъ настало тяжелое время. Народности грозила страшная опасность; слѣдовало удалить эту опасность, должно было отстаивать народныя права до послѣдней крайности. Борьба началась.

И политика чешская, естественно, должна была измѣниться и принять характеръ почти исключительно народный. Во главѣ движенія находился Гавличекъ. «Народность должна быть первою и главною заботой нашею, писалъ онъ въ апрѣлѣ 1848 года. Любезные братья! Не увлекайтесь льстивыми словами тѣхъ, которые говорятъ, что народность есть дѣло второстепенное, что есть интересы общіе всѣмъ народамъ и потому болѣе высшіе, болѣе священные. Такъ говорятъ тайные враги нашего народа. Свобода безъ народности не имѣетъ никакого значенія, потому что ничего не можетъ дать; это будетъ свобода не для насъ, а для нашихъ угнетателей. Имѣетъ ли значеніе для Ирландцевъ свобода ихъ покорителей-Англичанъ? Помогла ли сколько-нибудь Словакамъ свобода мадыарская?..»

Не надо, однако, думать, чтобы Гавличекъ ставилъ народность выше политической свободы, выше интересовъ общечеловѣческихъ; онъ не хотѣлъ допустить только того, чтобы свобода возможна была безъ народности. Народность—это источникъ жизни, иссохнет источникъ—не будетъ и жизни. Нѣтъ народности, нѣтъ и свободы. Первая—основаніе, начало; вторая—конечная цѣль.

Вообще онъ держался естественнаго развитія, закона поступательнаго движенія, и никогда не одобрялъ насильственныхъ переворотовъ. Справедливость въ отношеніи къ народу, миролюбіе въ политикѣ—вотъ, по его мнѣнію, самыя вѣрныя средства къ приобрѣтенію и сохраненію политической свободы. Если присовокупимъ еще къ этому, что Гавличекъ строго держался общаго правила: чего не хочешь себѣ, не дѣлай того и другому, и что онъ стоялъ за нераздѣльность Австрійской имперіи, видя въ этомъ для Чеховъ единственное средство спасенія отъ германизма, то каждому легко будетъ понять главныя начала его политической дѣятельности,

которыя онъ проводилъ и въ издаваемыхъ имъ *Народныхъ Новинахъ*.

Дѣятельность Гавличка не ограничивалась однимъ журнальнымъ поприщемъ. Избранный въ мартѣ 1848 года членомъ народнаго комитета, онъ много трудился надъ рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи Чеховъ къ остальнымъ народамъ Австрійской имперіи и къ Германскому Союзу.

Около того же времени былъ поднятъ вопросъ о славянскомъ сѣздѣ. Вопросъ этотъ сильно занималъ всѣхъ австрійскихъ Славянъ. Иванъ Кукуловичъ первый печатно высказался о немъ въ загребскихъ газетахъ. Вскорѣ за тѣмъ, 1-го мая, вышло въ Прагѣ воззваніе къ Славянамъ принять участіе въ предполагаемомъ сѣздѣ. Мѣстомъ сѣзда назначалась Прага, какъ средоточіе западнаго славянства, куда депутаты отъ славянскихъ народовъ должны были прибыть къ 31 мая того же года.

Гавличекъ съ жаромъ ухватился за мысль о славянскомъ сѣздѣ; онъ путешествовалъ по Галиціи и по южно-славянскимъ землямъ, вездѣ возбуждая живымъ словомъ сочувствіе къ такому важному для Славянъ дѣлу.

Когда сѣхались въ Прагу депутаты, приступлено было къ избранію президента и членовъ сѣзда. Исторіографъ Палацкій избранъ единогласно президентомъ, Станко Вразъ и князь Юрій Любомірскій—вице-президентами. Максимъ Прица, Константинъ Залѣскій и Карлъ Гавличекъ были назначены секретарями.

Начались совѣщанія, но вспыхнувшія безпокойства прервали ихъ, и сѣздъ разошелся, не докончивъ своихъ работъ. Волненіе усиливалось. Прага объявлена въ военномъ положеніи. Полиція хватала людей подозрительныхъ, не разбирая, были ли то виноватые, или нѣтъ. Гавличка также арестовали, но черезъ нѣсколько дней освободили. И теперь, когда господствовало насиліе, онъ все-таки остался вѣренъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ. «Прежде всего, писалъ Гавличекъ, вездѣ надо поддерживать строгій порядокъ, чтобы никто не имѣлъ основанія упрекать насъ въ отступленіи отъ закона, и чтобы черезъ это мы не лишились свободы. Кто бы теперь сталъ побуждать насъ къ насилію, того мы должны считать или безумцемъ, или тайнымъ врагомъ нашимъ. Будемъ предъявлять свои права путемъ законнымъ. Чего желаетъ цѣлый народъ, то, безъ сомнѣнія, будетъ испол-

нено. Нѣтъ на свѣтѣ силы, которая бы могла противиться справедливымъ требованіямъ народа.»

Нѣсколько позже, Гавличекъ писалъ о тронцкихъ событіяхъ тономъ сатирическимъ. «Моя квартира, писалъ онъ въ прибавленіи къ *Народнымъ Новинамъ*, была на Старомъ-Мѣстѣ, на самомъ берегу рѣки, окнами на Малую Страну... Видъ изъ оконъ, конечно, былъ самый незавидный... Мимо то и дѣло летали бомбы, гранаты и всякая мелочь... Одной гранатѣ какъ-то удалось влетѣть въ мою комнату и именно въ то окно, у котораго я сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Я сейчасъ же подумалъ, что граната прилетѣла за мою головой. Однако нѣтъ, граната была немного поделикатнѣе тѣхъ, которые ее послали ко мнѣ: зная, что для редактора голова самая важная вещь, она ударилась въ стѣну, и я, такимъ образомъ, не испыталъ особенной неприятности, кромѣ только того что нанюхался дыму.»

Прямой, открытый образъ дѣйствій Гавличка, глубокая любовь къ народу вскорѣ снискали ему общее довѣріе. Это довѣріе высказалось при выборѣ депутатовъ на чешскій сеймъ, который, впрочемъ, не состоялся, и на сеймъ имперскій. На послѣдній Гавличекъ былъ избранъ депутатомъ отъ трехъ округовъ; онъ принялъ выборъ округа Гумполецкаго.

По отъѣздѣ Гавличка на сеймъ, редакторъ *Народныхъ Новинъ* сталъ завѣдывать Вацлавъ Небескій, а когда и послѣдній отправился въ Вѣну депутатомъ отъ Бенатскаго округа, мѣсто редактора занялъ Томичекъ.

Въ Вѣнѣ Гавличку не понравилось. Ему хотѣлось опять въ Прагу, хотѣлось опять принятъ за *Народныя Новины*. На сеймѣ онъ былъ какъ бы не на своемъ мѣстѣ, да и не ожидалъ отъ него ничего хорошаго. «Что это за сеймъ, писалъ онъ 10 сентября 1848 года, на которомъ изъ 370 членовъ почти 100 не знаютъ, отправляясь утромъ въ засѣданіе, въ пользу какого мнѣнія должны подавать голосъ! Что это за сеймъ, гдѣ 40 членовъ не умѣютъ ни читать, ни писать, и нисколько не понимаютъ того языка, на которомъ идутъ переговоры! Что это за сеймъ, гдѣ засѣдаютъ около 30 членовъ такихъ, которые стремятся къ ниспроверженію того государства, которое они обязаны поддерживать?»

¹ Гавличекъ говоритъ здѣсь о сельскихъ депутатахъ изъ Галиціи и Буковины.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ, и наконецъ, въ сентябрѣ 1848 года, обнаружилось въ Вѣнѣ, подъ вліяніемъ радикальной партіи, то судорожное, неестественное движеніе, которое уже по самому свойству своему не могло быть продолжительнымъ. Послѣдовала реакція, приверженцы стараго порядка стали дышать свободнѣе. Гавличекъ не могъ долѣе оставаться въ Вѣнѣ; сложивъ званіе депутата, онъ возвратился въ Прагу.

Успѣхъ все болѣе и болѣе склонялся на сторону правительства. Вскорѣ подавлено было возстаніе и въ восточной половинѣ государства; цѣлая страна находилась въ военномъ положеніи. Но могутъ ли спокойно продолжаться засѣданія сейма, когда насліе угрожаетъ всякому свободному движенію мыслей? Не всегда ли безоружные депутаты уступали храбрымъ генераламъ?

Такъ было и въ Австріи въ 1849 году. Имперскій сеймъ игралъ роль комедіанта; тогдашнее министерство поддерживало его сначала только изъ желанія доказать Европѣ, что Австрія находится еще въ ряду конституціонныхъ державъ. Когда же наконецъ сеймъ, составленный изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, распался самъ собою, а дипломатическіе переговоры съ русскимъ правительствомъ о помощи противъ Мадьяръ приходили къ счастливымъ результатамъ, въ комедіантѣ не стало болѣе надобности, и его попросили отправиться домой, не признавши въ немъ ни политическихъ способностей, ни умѣнья вести себя прилично.

4-го марта 1849 года была обнаружена октроированная конституція.

Для политической дѣятельности Гавличка настала новая пора. Онъ уже не могъ долѣе поддерживать правительство въ его борьбѣ съ радикальною стороною; онъ долженъ былъ открыто выступить противъ самоуправства, тѣмъ болѣе что Прага находилась тогда во главѣ тѣхъ немногихъ городовъ Австрійской имперіи, въ которыхъ законная оппозиція министерству могла покуда дѣйствовать съ успѣхомъ. На востокъ и югъ государства имѣли силу только военные законы, а Вѣна?... Въ Вѣнѣ министерскіе журналы, подъ прикрытіемъ пушекъ и штыковъ, до небесъ превозносили политику правительства, позоря каждаго, кто не хотѣлъ согласиться съ ними. Тѣ же радикалы, которые предъ октябремъ 1848 года говорили въ вѣнскихъ газетахъ такимъ то-

номъ, какого постыдился бы всякій порядочный человѣкъ, по вѣтаніи Вѣны Виндишгрецомъ перешли на сторону министерства, постоянно выставляясь передъ нимъ на видъ съ самымъ постыднымъ лицемѣріемъ.

14 марта 1849 года, въ *Народныхъ Носинахъ*, явился подробный и весьма остроумный разборъ октроированной конституціи. Какъ и слѣдовало ожидать, Гавличекъ былъ обвиненъ въ оскорбленіи правительства, и 13 апрѣля долженъ былъ явиться на судъ присяжныхъ. Еще не зная, чѣмъ кончится процессъ, онъ написалъ небольшую статью: *Утѣшеніе въ несчастіи*, въ которой, между прочимъ, такъ говорилъ: «Надѣмся доказать на опытъ, что свобода слова еще не уничтожена; что мы говорили прежде, то же самое скажемъ и въ глаза правительству. Плохой тотъ воинъ, который храбръ только во время мира, когда ему не грозитъ никакая опасность. Изъ-за денегъ и тюрьмы правда не должна молчать. Тотъ, безъ сомнѣнія, погибшій человѣкъ, кто потерялъ довѣріе къ самому себѣ.»

Зала Свято-Вацлавскихъ Банъ, куда въ назначенный день собрались присяжные, была наполнена публикой. По прочтеніи обвинительнаго акта и по разсмотрѣніи статьи, написанной Гавличкомъ, было сдѣлано предложеніе присудить его къ четырнадцатидневному заключенію и къ денежному штрафу. Не имѣя адвоката, Гавличекъ долженъ былъ защищаться самъ. Онъ доказывалъ, что мѣры правительства не согласны съ его прежнею программой, и что оно, по распущеніи сейма, должно было созвать новый имперскій сеймъ, чтобы такимъ образомъ дать народамъ возможность принять участіе въ составленіи законовъ, столь важныхъ для цѣлаго государства. «Я не принадлежу къ той сторонѣ, говорилъ онъ въ заключеніе, которая порицаетъ все, что бы ни дѣлало правительство. Я доказалъ это въ прошлое министерство, которое защищалъ добровольно, какъ свободный гражданинъ, будучи твердо убѣжденъ въ его благонамѣренности, и защищалъ, можетъ быть, лучше нежели редакторы оціціальныхъ журналовъ, которымъ правительство платитъ большія деньги. Говоря по совѣсти, я вооружаюсь только противъ того, что, по моему убѣжденію, вредно для общества, и въ такомъ случаѣ говорю обыкновенно безъ прикрасть, безъ напыщенныхъ риторическихъ формъ, говорю отъ сердца, какъ долженъ го-

ворить предъ Богомъ и предъ порядочными людьми. Точно также написана мною и эта статья. Меня обвиняютъ въ томъ, будто я хотѣлъ унижить въ глазахъ всѣхъ конституцію, данную правительствомъ, и за это присуждаютъ меня къ заключенію на 14 дней. Я охотно просидѣлъ бы въ тюрьмѣ не только двѣ недѣли, а два года, еслибы обвиненіе было справедливо. Не прося у васъ ни малѣйшаго снисхожденія, требую отъ васъ только одного,—рѣшить дѣло по совѣсти, безъ всякихъ предубѣжденій. Можетъ-быть придетъ время, когда обвинившіе меня позваны будутъ къ этому же самому суду: желаю имъ отъ всей души, чтобъ они явились сюда съ такою же чистою совѣстью, съ какою я стою передъ моими судьями.»

Присяжные совѣщались не долго. Черезъ десять минутъ они возвратились, и одинъ изъ нихъ, положивъ по обычаю правую руку на сердце, произнесъ громкимъ голосомъ: «по долгу чести и совѣсти, предъ Богомъ и людьми, говорю отъ лица всѣхъ присяжныхъ, что Карлъ Гавличекъ признанъ нами вполне невиннымъ.»

При этихъ словахъ раздались громкія, продолжительныя рукоплесканія, несмотря на то что подобныя проявленія восторга при процессахъ были строго запрещены закономъ.

Правительство не было довольно рѣшеніемъ присяжныхъ. Вскорѣ, въ іюнѣ того же года, *Народныя Новины*, вслѣдствіе ихъ либеральнаго направленія, были запрещены. Гавличекъ побѣхалъ въ Вѣну хлопотать о новомъ дозволеніи на изданіе *Новинъ* и получалъ его только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ ничего не писалъ о распоряженіяхъ правительства.

Въ объявленіи о продолженіи изданія *Народныхъ Новинъ* Гавличекъ говорилъ между прочимъ: «Власть можетъ принудить насъ къ тому, чтобы мы иногда изъ предосторожности молчали, но никакая сила на свѣтѣ не заставитъ насъ говорить неправду и отказаться отъ своихъ убѣжденій. Если отъ насъ стануть требовать этого, такъ лучше мы будемъ совсѣмъ молчать, и изданіе *Народныхъ Новинъ* прекратится, когда исчезнетъ послѣдняя тѣнь свободы. Надѣмся, однако, что для насъ не настанутъ подобныя времена.»

Но такія времена все-таки настали, и настали очень скоро.

Правда, Гавличекъ былъ очень остороженъ. Чтобы избѣжать всѣхъ неприятностей, онъ помѣщалъ теперь въ своемъ журналѣ большею частію ученые статьи. Въ то же время даны были большіе размѣры фельетону, въ которомъ печатались беллетристическія статьи, оригинальныя и переводныя; изъ послѣднихъ особенно можно указать на поэму Гоголя *Мертвыя Души*, переведенную самимъ редакторомъ. Но ничто не помогло. Журналъ былъ снова запрещенъ за превосходную статью Франциска Палацкаго о централизаціи и равноправности въ Австріи¹. 18 января 1850 года вышелъ послѣдній нумеръ *Народныхъ Новинъ*, которыя, безъ сомнѣнія, всегда будутъ занимать одно изъ лучшихъ мѣстъ въ исторіи чешской публицистики.

Съ 1849 года издавался, въ видѣ приложенія къ *Народнымъ Новинамъ*, юмористическій листокъ *Домовой*, пользовавшійся вниманіемъ общества наравнѣ съ *Новинами*. Мы представляемъ здѣсь, какъ образецъ политической сатиры Гавличка, его разговоръ съ домовымъ, просившимся въ сотрудники *Народныхъ Новинъ*.

Гавличекъ. Знаешь ли, что ты въ редакціи *Народныхъ Новинъ* Домовой. Знаю, и тебя, какъ редактора, прошу принять меня въ сотрудники.

Г. О! но способенъ ли ты, другъ, къ такой работѣ?

Д. (Съ гордостью:) Я демократъ!

Г. Любезный другъ! Демократовъ у насъ очень много и притомъ различныхъ сортовъ. Нѣкоторые изъ нихъ непроходимо глупы, и хотя я въ этомъ отношеніи не имѣю на тебя ни малѣйшаго подозрѣнія, но вѣдь я все-таки не знаю, что ты за демократъ. Да знаешь ли ты, чу-дакъ, что такое демократизмъ?

Д. (Съ жаромъ:) Демократизмъ есть народъ, и народъ демократизмъ!

Г. Ха, ха, ха! Догадываюсь, ты узналъ это отъ господина... но вѣдь онъ тебя обманулъ, въ твоихъ словахъ нѣтъ никакого смысла.

Д. Что? Никакого смысла? Въ моихъ словахъ тотъ смыслъ, что демократія есть народъ, а народъ демократія!

Г. Да, да. Явленіе есть башмакъ, а башмакъ есть явленіе. Ты говоришь правду. Но оставимъ это. Если ты въ самомъ дѣлѣ хочешь быть моимъ сотрудникомъ, такъ выскажи мнѣ свой политическій взглядъ. Я долженъ знать его, нашъ журналъ имѣетъ опредѣленное

¹ Статья Палацкаго теперь снова напечатана въ *Образы Живота*, въ февральской книжкѣ за 1861 г. Новѣйшая конституція, данная Австріи, составлена на началахъ, указанныхъ знаменитымъ чешскимъ историографомъ. *Пр. Пер.*

направленіе, и потому каждый, кто желаетъ въ немъ участвовать, долженъ быть того же самаго направленія.

Д. Я демократъ!

Г. Это ужь мнѣ извѣстно, а что далѣе?

Д. Я социальный, радикальный демократъ!

Г. Все одно и то же! Оставь ты пожалуста эти пустыя слова, и скажи мнѣ лучше, какге ты имѣешь мнѣніе объ общинѣ, о министерствѣ, о податяхъ, судопроизводствѣ и т. д., чтобы я зналъ, по крайней мѣрѣ, что ты за господинъ.

Д. Я смотрю на все съ точки самой радикальной. Никому ничего не платить, вотъ мое убѣжденіе. Правительство для насъ не нужно, мы и безъ него будемъ живы, а каждый годъ весною должна быть революція съ баррикадами, чтобы нашъ народъ становился практичнѣе. Въ такомъ духѣ я буду писать.

Г. Милый другъ! Признаюсь, я въ сравненіи съ тобой реакціонеръ, мой демократизмъ совершенно иной, и потому я не могу принять тебя въ сотрудники *Народныхъ Новинъ*. Да и почему бы тебѣ самому не издавать самостоятельную политическую газету, если ты имѣешь такую страсть къ журналистикѣ? Подписчиковъ будетъ у тебя очень много.

Д. Милостивый государь! Тебѣ, конечно, хорошо извѣстно, что у насъ по закону для права изданія журнала требуется своего рода совершеннѣе, редакторъ долженъ имѣть ни какъ не менѣе двадцати четырехъ лѣтъ, а мнѣ еще нѣтъ ихъ.

Г. Не шути, пожалуста, со мной. Какъ нѣтъ двадцати четырехъ лѣтъ? Да тебѣ ужь нѣсколько тысячъ лѣтъ!

Д. Правда, но законнымъ порядкомъ я все-таки не могу доказать и того, что мнѣ двадцать четыре года.

Г. Какъ такъ?

Д. А вотъ какъ. По смыслу закона я не иначе могу доказать свое совершеннѣе, какъ только выпискою изъ метричь, но я нигдѣ не записанъ въ метрическихъ книгахъ, слѣдовательно доказательствъ нѣтъ, а наши судебныя мѣста ни на шагъ не отступаютъ отъ закона, имъ подай документъ съ печатями, съ подписями, хоть бы то былъ и ложный документъ. Итакъ мнѣ нельзя самому издавать газету, я бы желалъ быть, по крайней мѣрѣ, сотрудникомъ *Народныхъ Новинъ*. Ну, какъ теперь, согласенъ ты на мою просьбу, или нѣтъ?

Г. Все-таки нѣтъ. Но чтобы доказать тебѣ, какъ я высоко цѣню твои дарованія, я согласенъ издавать новый журналъ. Журналъ будетъ выходить подъ моимъ именемъ, но ты будешь его редакторомъ. Только смотри, не заплати мнѣ за добро зломъ, будь какъ можно осторожнѣе. Какова должна быть, по твоему мнѣнію, программа новаго журнала?

Д. Объяснимъ, что въ нашемъ журналѣ будутъ помѣщаться всѣ современныя извѣстія, что будетъ основательно разбираться каждая сторона жизни государственной, церковной, общественной, домашней, литературной, ученой, что будутъ печататься статьи по политической экономіи и по отдѣлу изящныхъ искусствъ, что нашъ фельетонъ будетъ наполняться наилучшими романами и повѣстями, отзывами о театрѣ, кон-

цртахъ и пр. и пр.; словомъ, что относительно богатства и занимательности содержанія журналъ нашъ будетъ стоять выше всѣхъ подобныхъ изданій!

Г. О! ты, любезный другъ, забываешь, съ кѣмъ говоришь!

Д. Нѣтъ, нѣтъ. Мы скажемъ.... выше всѣхъ подобныхъ изданій, исключая *Народныхъ Новинъ*.

Г. И это не хорошо. Порядочный человѣкъ никогда не станетъ хвалить самъ себя.

Д. Вотъ вздоръ какой! Къ чему такія отсталыя идеи?

Г. Что же дѣлать? Каждый имѣетъ свои убѣжденія. Увидимъ много ли ты найдешь подписчиковъ.

Д. Подписчики будутъ, если мы только объявимъ, что будемъ бранить все, и хорошее и дурное, постоянно будемъ стоять въ оппозиціи къ правительству, хоть бы самъ Богъ былъ первымъ министромъ; если мы изо всей силы будемъ кричать, что только мы ратуемъ за народность и свободу, что только мы демократы....

Г. Ну, увидимъ, такъ ли люди глупы, какъ ты думаешь о нихъ.

Народныя новины, какъ мы сказали, были запрещены, но Гавличекъ не терялъ надежду достать разрѣшеніе на изданіе нозаго журнала. Сначала онъ хотѣлъ поставить чешскій станокъ въ Вѣнѣ. Эта мысль была прекрасная. Въ Вѣнѣ очень много Славянъ, и отсюда, какъ изъ средоточія австрійской имперіи, всего бы лучше можно было дѣйствовать на австрійскія славянскія земли. Къ сожалѣнію, Гавличку не позволили издавать чешскую газету въ Вѣнѣ. «Мы здѣсь Нѣмцы, отвѣтилъ на его просьбу министръ полиціи, и не нуждаемся въ чешскихъ газетахъ.»

Черезъ нѣсколько времени, и то съ большимъ трудомъ, ему удалось наконецъ выхлопотать позволеніе правительства издавать газету въ Кутной Горѣ. Впрочемъ пересылка газеты въ Прагу и въ другіе города, объявленные въ военномъ положеніи, была строго запрещена. 8-го мая 1850 года вышелъ первый номеръ *Славянна*, въ которомъ Гавличекъ писалъ между прочимъ:

«Если правительство хочетъ дать намъ свободу и права, существовавшія доселѣ только на бумагѣ, я не могу понять, почему оно запрещаетъ пересылать въ Прагу нашего *Славянна*. Правда, *Славянна* издается въ такомъ городѣ, который не подлежитъ военнымъ законамъ и пользуется сравнительно большою свободой, но скоро придетъ время, когда и въ Прагѣ должны будутъ войти въ силу конституціонные законы. Пусть нашъ взглядъ совершенно противоположенъ взгляду правительства, но если правительство хочетъ снискать общее довѣріе, дѣйствовать для пользы народа, оно не только не должно преслѣдовать оппозиціонныя газеты, но еще должно поддерживать ихъ,

потому что только отъ нихъ можетъ узнать о своихъ ошибкахъ и потребностяхъ народа. Правительству трудно передѣлать общественное мнѣніе; стараясь подавить его, оно только обнаруживаетъ свое безсиліе. Я знаю болѣе вѣрное средство противъ оппозиціи. Вотъ оно: оппозиціонныя газеты говорятъ или вздоръ, или правду; въ первомъ случаѣ онѣ вредны для общества, во второмъ полезны. Если газеты говорить вздоръ, пусть правительство уважаетъ это народу и, нѣтъ сомнѣнія, никто не станетъ увлекаться вздоромъ, потому что никто не желаетъ себѣ зла. Говорятъ газеты правду, — правительство не должно преслѣдовать ихъ за правду и не должно отнимать у народа то, что для него полезно.

«Запрещаютъ оппозиціонныя газеты на томъ основаніи, будто онѣ подрываютъ въ народѣ довѣріе къ правительству. Но въ такомъ случаѣ надо запретить не только газеты, а вообще все, что только поселяетъ въ народѣ недоувѣріе къ правительству, — надо запретить нѣкоторые законы, надо запретить и эти оппозиціонныя газеты, издаваемые подъ редакціей господина министра финансовъ Крауса: бумажные десятичники, шестаки, двойники, еднотки — вотъ что главнымъ образомъ лишаетъ васъ довѣрія народнаго. Вѣдь ваши шестаки и десятичники кричать во все горло: недоувѣріе! недоувѣріе!

«Въ настоящее время почти всѣ убѣждены въ томъ, что такой порядокъ вещей не можетъ долго удержаться. Со всѣхъ сторонъ слышится крикъ: нѣтъ! этого не должно быть! Между тѣмъ правительство не обращаетъ никакого вниманія на этотъ искренній голосъ, не хочетъ даже и считать его общественнымъ голосомъ, голосомъ народнымъ. Какое страшное ослѣпленіе! Положимъ, правительству покуда удается подавлять каждое проявленіе свободы, каждое движеніе народное, но оно не въ силахъ предотвратить перевороты въ другихъ государствахъ, а оттуда эти перевороты вторгнутся и къ намъ и, безъ сомнѣнія, повергнутъ насъ еще въ большее несчастіе нежели какое было въ 1848 году.

«Но едва ли кто изъ благомыслящихъ людей желаетъ возвращенія спокойствія 1848 года, напротивъ каждый желаетъ реформы спокойной, законной. А для этого прежде всего необходима увѣренность въ святости закона; своеволю здѣсь нѣтъ мѣста, и само правительство должно хранить законъ также свято, какъ каждый подданный, чтобы никому не было причины бояться, что постановленіе, имѣющее сегодня силу закона, завтра будетъ уничтожено своеволіемъ одного или нѣсколькихъ. Наша цѣль — содѣйствовать по мѣрѣ силъ тому, чтобы наконецъ у насъ сложилась подобная общественная жизнь.»

Обстоятельства, при которыхъ Гавличекъ началъ издвать въ Кутной Горѣ *Славянина*, не могли благоприятствовать свободному направленію журнала. Первый номеръ *Славянина* былъ конфискованъ. Въ Прагѣ разошлось 400 экземпляровъ; остальные были отобраны и отправлены въ высшій судъ. Правда, черезъ нѣсколько дней конфискованные листки были возвращены, но уже для всѣхъ стало ясно, что полиція имѣла отъ министер-

ства тайное порученіе слѣдить за кутногорскимъ журналистомъ.

Несмотря на такое неблагопріятное начало, Гавличекъ неутомимо продолжалъ трудиться, въ полной увѣренности, что политическій горизонтъ еще прояснится. Однако горизонтъ не прояснялся, а становился все мрачнѣе и мрачнѣе....

Славянинъ вполне замѣнилъ для чешскаго общества прежнія *Народныя Новины*. Въ немъ печатались статьи беллетристическія и ученныя. Съ особеннымъ любопытствомъ читались публикой разказы *Предъ* и *По битвѣ на Бѣлой горѣ*. Не меньшимъ вниманіемъ читателей пользовался обзоръ событій внутренней и внѣшней политики.

Тѣмъ болѣе трудностей сопряжено было съ изданіемъ *Славянина*. Встрѣтивъ самаго сильнаго врага въ министрѣ Александрѣ Бахѣ, Гавличекъ и дома нашелъ очень много людей другихъ убѣждений, которые укоряли его въ томъ, что онъ выступаетъ изъ предѣловъ скромности и потому не столько помогаетъ, сколько вредитъ народному дѣлу.

«Еслибы подобный упрекъ, писалъ Гавличекъ, дѣлали мнѣ люди стоящіе довѣрія, люди любящіе народъ, я бы считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Быть виновникомъ страданій цѣлаго народа... чѣмъ можетъ быть хуже этого? Я бы отказался отъ всего, даже отъ публицистики, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, покуда общественныя дѣла не придутъ въ лучшій порядокъ. Къ счастью, совѣсть моя совершенно покойна въ этомъ отношеніи. Никто не можетъ служить двоимъ господамъ въ одно и то же время. Мои дѣйствія прямы, я не хочу служить и нашимъ и вашимъ, не хочу выдавать себя за приверженца и вѣрное орудіе теперешняго правительства, когда дѣйствую противъ него. Вы же, напротивъ, дѣйствуя въ видахъ министерства, считаете себя служителями народа, или, по крайней мѣрѣ, хотите, чтобы другіе считали васъ такими. Но въ настоящее время, подобное раздвоеніе не можетъ имѣть мѣста. Вотъ мой отвѣтъ тѣмъ изъ насъ, которые дѣйствуютъ такъ вслѣдствіе своей недалковидности, вслѣдствіе того нерациональнаго убѣжденія, что можно служить двумъ враждующимъ сторонамъ. А что касается тѣхъ, которые заняты исключительно своею личностью, преслѣдуютъ только собственные интересы, что касается тѣхъ, которые, видя успѣхъ на сторонѣ народа, кричатъ во все горло: все для народа! — а потомъ, когда народъ побѣжденъ и правительство осыпаетъ наградами своихъ приверженцевъ, бросаютъ народъ и переходятъ на сторону правительства, — тѣ, конечно, справедливо говорятъ, что они служатъ и правительству и народу, но только дѣло въ томъ, что они служатъ имъ не въ одно время, а правительству, когда успѣхъ склоняется на его сторону, — народу, когда побѣда остается за нимъ. Наконецъ я совѣтую и тѣмъ и другимъ ближе присмотрѣть».

ся къ новѣйшимъ событіямъ. Что это?!.. Хорваты, помогавшіе правительству, подавить революцію, Мадыяры и Итальянцы, революціонеры, получаютъ теперь одинаковыя права; мало того, Мадыяры и Итальянцы за революцію получаютъ большую награду нежели Хорваты за оказанную правительству помощь! Что скажете вы на это, вы, которые совѣтуете народу искать покровительства у министровъ?

«Пусть правительство дастъ оппозиціи свободу, пусть снова войдетъ въ силу законъ о печати, изданный имъ же самимъ, пусть оно пользуется только законною властію! Смѣло можемъ сказать, что теперь уже настала пора конституціи, пора общественнаго мнѣнія, пора народнаго контроля надъ распоряженіями правительства!..»

Голосъ *Славяннина* былъ голосомъ вопіющаго въ пустыни. Реакціонное правительство все болѣе и болѣе стѣсняло свободу слова. 10-го іюня 1851 года вышло новое цензурное постановленіе. «Если направленіе какого-либо періодическаго изданія, сказано въ немъ, не будетъ согласоваться съ видами правительства, будетъ противно единству и цѣлости государства, религіи, нравственности и вообще началамъ жизни общественной, въ такомъ случаѣ намѣстникъ того края, гдѣ издается журналъ, послѣ двукратно одѣланнаго предостереженія редакціи, можетъ запретить изданіе на три мѣсяца; право же окончательной конфискаціи удерживается за собою министерство.» Вообще постановленіе предоставляло судебнымъ мѣстамъ второй и третьей инстанціи такую власть, какою пользовался до этого времени одиѣ только высшія инстанціи. Однако министръ Бахъ не успокоился и послѣ этого. Желая затушить и послѣдній свободный голосъ австрійскихъ Славянъ, онъ уполномочилъ намѣстника окончательно запрещать каждое періодическое изданіе, которое послѣ втораго предостереженія все еще будетъ стремиться къ нарушенію общественнаго порядка и спокойствія. Лудовикъ XIV говаривалъ: «Я государство!» Баховская партія принялась доказывать, что только она одна поддерживаетъ порядокъ и спокойствіе въ государствѣ, и что слѣдовательно, каждый, кто вооружается противъ нея, вооружается противъ общественнаго спокойствія и порядка.

20 го іюля того же года Карлъ Гавличекъ получилъ отъ намѣстника предостереженіе писать съ большею скромностью о вопросахъ политическихъ, церковныхъ и народныхъ.

По этому случаю Гавличекъ писалъ въ *Славяннинъ*:

«Господинъ намѣстникъ напоминаетъ мнѣ, чтобъ я съ большею скромностью рассуждаю о вопросахъ политическихъ, религіозныхъ и народныхъ. А что такое скромность? Скромность есть такое свойство,

второе всего скорѣе можно найти во мнѣ. Едва только палъ абсолютизмъ, я былъ—могу теперь похвалиться этимъ—самымъ дѣятельнымъ проповѣдникомъ мирной, рациональной политики, былъ строгимъ блюстителемъ закона и противникомъ всякаго своевоія, своевоія не только со стороны правительства, но и со стороны частныхъ людей. Что я дѣйствовалъ въ такомъ духѣ не изъ пристрастія къ правительству, это теперь хорошо извѣстно каждому, хотя въ то время многіе старались распространять обо мнѣ самыя неблаговидныя слухи. Я и доселѣ твердо убѣжденъ, что безпорядками никогда нельзя достигнуть прочной свободы.

«Уже ли же мы теперь не такъ скромны, какъ были прежде? Что такое скромность, спросимъ еще разъ? Пусть мы ни въ чемъ не согласны съ настоящимъ правительствомъ,—но кто можетъ сказать, чтобы мы возбуждали противъ него народъ? Въ *Славянинахъ* нѣтъ статей, возбуждающихъ страсти; въ немъ мы осмѣиваемъ только безуміе,—но есть ли это нескромность?

«Ужъ если дѣло идетъ о скромности, такъ, мнѣ кажется, ея нѣтъ скорѣе всего у нашего правительства. Цѣлая страна ждетъ съ нетерпѣніемъ обѣщанныхъ правъ, а правительство не даетъ ихъ, хочеть обмануть насъ, хочеть даже отнять у насъ и послѣднее наше достояніе!...

«Наконецъ, строго говоря, здѣсь не мѣсто разсуждать о скромности. Дѣло въ томъ, что у насъ хотять отнять свободу слова, а мы хотимъ пользоваться этою свободой до послѣдней возможности.

«Нѣтъ сомнѣнія, что господинъ намѣстникъ уполномоченъ отъ министерства запретить изданіе *Славянина*, но никто не въ правѣ и не въ силахъ измѣнить общественное мнѣніе, задержать ходъ исторіи.»

Вскорѣ, 9-го августа, дано было *Славянику* второе предостереженіе, болѣе грозное.

Въ Вѣнѣ дни *Славянина* были уже сочтены. Министръ Бахъ готовился нанести ему послѣдній ударъ. Но Гавличекъ предупредилъ его. Обнародовавъ въ своемъ журналѣ второе предостереженіе, онъ рядомъ съ нимъ помѣстилъ небольшую статью: *Конецъ*, въ которой говорилъ между прочимъ:

«Въ силу указа отъ 6-го іюля настоящаго года намѣстникъ королевства Чешскаго имѣеть полное право, послѣ двухъ предостереженій, запретить навсегда изданіе *Славянина*, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ поторопится сдѣлать это. Вѣдь не напрасно же господа министры хлопотали объ изданіи такихъ прекрасныхъ постановленій!

«Но мы не хотимъ никому доставить удовольствіе запретить нашъ журналъ. Мы запрещаемъ его сами, и пусть этомъ номеръ будетъ послѣднимъ номеромъ *Славянина*. Довольно и того, что *Народныя Носимы* были запрещаемы два раза. Пусть нашъ *Славянинъ*, по крайней мѣрѣ, останется чистъ,—врагамъ не удастся наложить на него свои святотатственные руки!. Едва только вышелъ 6 іюля уставъ о печати, для всѣхъ стало ясно, что онъ былъ направленъ глав-

нымъ образомъ противъ *Славянина*, и вотъ потому-то мы тогда еще рѣшились, не дожидаясь формальнаго запрещенія, прекратить наше изданіе непосредственно послѣ втораго предостереженія. Нѣсколькими днями раньше, или позже—это все равно, но за то мы теперь удаляемся съ политическаго поприща не по принужденію, а по собственной волѣ.»

Однако дѣло тѣмъ не кончилось. Гавличекъ все-таки былъ обвиненъ предъ судомъ, какъ нарушитель общественнаго спокойствія, за двѣ статьи, напечатанныя въ 8 и 12 нумерахъ *Славянина* за 1851 годъ.

Въ одной изъ нихъ: *Общественное благоустройство* авторъ напоминалъ членамъ общинъ, чтобы они жили между собой въ добромъ согласіи, и чтобы въ особенности избѣгали чрезмѣрной гордости и скупости.

Въ другой статьѣ: *Зачѣмъ я граждаинъ?* разбирался вопросъ о степени довѣрія, которое имѣетъ народъ къ административнымъ учрежденіямъ въ странахъ, гдѣ господствуетъ произволь.

Обвиненному предписано было явиться 12 ноября въ судъ присяжныхъ.

Желая имѣть своимъ адвокатомъ доктора Фрича, Гавличекъ писалъ къ нему 1-го ноября:

«Милостивый государь! вполне полагаясь на васъ, я прошу васъ оправдать меня предъ закономъ, какъ челоуѣка самаго невиннаго. Признаюсь, меня утѣшаетъ то, что я скоро явлюсь на судъ присяжныхъ... Примите мое глубокое къ вамъ почтеніе, почтеніе... преступника, который вопреки всему останется честнымъ Чехомъ, врагомъ деспотизма и вмѣстѣ съ тѣмъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою...»

Въ назначенный день, въ 8 часовъ утра, началось судебное слѣдствіе. Сначала былъ прочитанъ обвинительный актъ, потомъ разобраны самыя статьи, за которыя Гавличекъ предавался суду, и наконецъ перечислены всѣ наказанія, какія только были налагаемы на него во время его политической дѣятельности.

Обвиненный во все время держалъ себя весьма скромно, доказывалъ, что онъ никогда и не думалъ возбуждать народъ противъ закона, но, какъ публицистъ, стремился только къ тому, чтобы правительство твердо держалось законнаго пути и выполнило всѣ обѣщанія, данныя чешскому народу.

Въ половинѣ третьяго присяжные разошлись, уговорившись собраться снова въ 4 часа.

Второе отдѣленіе началось рѣчью государственнаго адвоката,

который доказывалъ, что правительство должно строго слѣдить за дѣятельностью политическихъ журналовъ, потому что журналы имѣютъ огромное вліяніе на общественное мнѣніе. Сравнивъ Гавличка съ французскими публицистами, Вольтеромъ и Руссо, игравшими такую важную роль во французской революціи, адвокатъ просилъ судей подвергнуть обвиненнаго заслуженному наказанію.

Однако докторъ Фричъ защищалъ Гавличка съ такимъ достоинствомъ, съ такою неопровержимой силой логики, что присяжные единодушно признали его вполне невиновнымъ.

Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по всей Чехіи, и каждый ревнитель законной свободы искренно радовался тому, что тогдашней системѣ правленія нанесена была новая и довольно чувствительная рана.

Но въ кружкахъ, враждебныхъ политической свободѣ, распространилось сильное неудовольствіе на успѣхъ либеральной стороны. Нѣмецкія газеты съ злою ироніей отзывались о кутногорскомъ процессѣ. Вотъ какъ, напримѣръ, выражалась *Freimüthige Sachsen Zeitung*:

«Люди, стоящіе довѣрія, бывшіе при процессѣ кутногорскомъ, увѣряютъ насъ, что Гавличекъ своимъ оправданіемъ обязанъ единственно ловкой софистикѣ и діалектикѣ адвоката. Докторъ Фричъ говорилъ слишкомъ высокою рѣчью, которой обыкновенно не понимаетъ простой Чехъ, и потому съ первыхъ же словъ озадачилъ государственнаго адвоката, плохо знакомаго съ чешскимъ языкомъ. Присяжные должны были согласиться на всѣ доводы адвоката.

«Восторгъ друзей Гавличка не зналъ границъ, и самъ онъ, безъ сомнѣнія, будетъ потомъ сатирически разказывать о своихъ успѣхахъ. Къ счастью, его статьи уже не могутъ теперь пользоваться такою общезвѣтностью, какою онъ пользовались прежде».

Такимъ образомъ, по словамъ упомянутой газеты, непонятная чешская рѣчь была причиною того, что присяжные признали Гавличка невиновнымъ. Удивительное дѣло! Въ Англіи и Франціи редакторы политическихъ газетъ тоже иногда призвали къ суду присяжныхъ и, случалось, бывали оправдываемы присяжными. Чѣмъ же, и тамъ адвокаты обвиненныхъ говорили непонятною рѣчью?!

Но такова ужъ была судьба Гавличка. Противъ него возставали даже и нѣкоторые изъ его соотечественниковъ. I. Малый въ 1852 году, слѣдовательно когда Гавличекъ былъ уже въ Бриксенѣ, писалъ о немъ слѣдующее:

«Наилучшія силы сосредоточились въ *Носимахъ*, которыя выступили на политическое поприще съ какою-то юношескою свѣжестью, и журналъ

этотъ очень долго считался представителемъ народнаго мнѣнія. Къ несчастію, Гавличекъ не умѣлъ твердо держаться однажды принятыхъ началъ, онъ даже не зналъ, въ какой мѣрѣ ему слѣдуетъ ратовать за свободу. Оттого мы видимъ его колеблющимся подъ влияніемъ ежедневныхъ событій; видимъ, какъ часто онъ перемѣнялъ свои взгляды, дѣлая это безъ всякаго основанія, только для того, чтобы чему-нибудь противорѣчить, хоть своимъ собственнымъ словамъ. Рѣшалъ ли онъ вопросы самые важные, каковы вопросы народные и государственные, онъ старался рѣшать ихъ большею частію пустыми остротами, нисколько не относящимися къ дѣлу. Передовыя статьи *Народныхъ Новинъ* были писаны только для развлечения публики,—что же послѣ этого удивительнаго, если Гавличекъ сдѣлался любимымъ журналистомъ чешскимъ? За то онъ потерялъ довѣріе къ себѣ людей образованныхъ, имѣющихъ здравый взглядъ на вещи... Еслибы Гавличекъ, при своихъ отличныхъ дарованіяхъ, разбиралъ предметы со всѣхъ сторонъ, а не ограничивался однимъ поверхностнымъ взглядомъ на нихъ, еслибы говорилъ дѣло, а не отдѣлывался пустяками, нѣтъ сомнѣнія, успѣхъ его политической дѣятельности былъ бы огромный.

«*Народныя Новины*, скоро были запрещены и Гавличекъ сталъ издавать въ Кутной Горѣ новый журналъ *Славянинъ*. Хорошо знавше Гавличка уже предвидѣли, какими результатами будетъ сопровождаться его кутногорская дѣятельность... Судьба *Славянина* и его несчастнаго редактора хорошо известны. Гавличекъ повредилъ нашей литературѣ тѣмъ, что общество, увлекшись его поверхностнымъ взглядомъ и чересчуръ раздражительными статьями, потеряло всякую охоту читать что нибудь дѣльное. Нѣсколько лѣтъ нужно для того чтобы опять поправить это дѣло, чтобы возратить потерянное.»

На всѣ подобные крики Гавличекъ отвѣчалъ еще въ предисловіи къ *Духу Народныхъ Новинъ*, изданному имъ въ мартѣ 1851 года. Онъ писалъ:

«Я долго оставался въ недоумѣніи,—нужно ли мнѣ при этомъ изданіи сдѣлать кое-какія перемѣны въ моихъ статьяхъ, или оставить ихъ въ прежнемъ видѣ. Рѣшившись на послѣднее, я руководствовался слѣдующими соображеніями: Многие, которые, при всеобщей реакціи, изъ побужденій несовѣсть чистыхъ оставили свои прежнія убѣжденія, постоянно упрекаютъ меня въ томъ, будто я здѣсь, въ Кутной Горѣ, далеко уклонился отъ началъ, которыя проводилъ прежде въ *Народныхъ Новинахъ*. Если въ настоящее время и есть различіе между моею политикой и политикой моихъ враговъ, такъ это различіе произошло вслѣдствіе ихъ отсталости. А что направленіе *Славянина* совершенно одинаково съ направленіемъ *Народныхъ Новинъ*, и что я былъ постоянно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, это докажетъ настоящее мое изданіе.»

Рѣшеніемъ кутногорскихъ присяжныхъ министерство не могло быть довольно. Оно поняло, что общество не согласно съ его направленіемъ, что оно желаетъ идти инымъ путемъ, путемъ законной конституціи, поняло, что при существованіи

суда присяжныхъ ему нельзя распоряжаться самопрозвольно, и что поэтому слѣдуетъ отмѣнить такой судъ... Вскорѣ вышло постановленіе объ «отмѣненіи суда присяжныхъ». Но Александръ Бахъ, бывшій душою тогдашней политики, не ограничился и этимъ. Время благоприятствовало выполненію его замысловъ.

2-го декабря 1851 года пьяные поденщики разогнали французскій парламентъ.

Александръ Бахъ сталъ дѣйствовать еще смѣлѣе и самостоятельнѣе. На первый разъ онъ избралъ своею жертвою бывшаго редактора кутногорской газеты, приказавъ отправить его въ Тироль, несмотря на то, что судъ присяжныхъ призналъ его совершенно невиннымъ.

Чего хотѣлъ онъ достигнуть этимъ?..

Не показываетъ ли подобная политика только безсиліе перваго министра Австріи, который боялся даже пера чешскаго писателя, уже обезоруженнаго тѣмъ, что ему запрещено было изданіе политическихъ газетъ?..

Гавличекъ прекрасно описалъ въ *Тирольскихъ элегіяхъ* свою поѣздку въ крѣпость Бриксенъ. Онъ говоритъ обращаясь къ лунѣ:

I.

Свѣти, луна, свѣти сквозь этотъ густой туманъ! Какъ нравится тебѣ Бриксенъ? Не гримасничай же такъ;

Не торопись, погоди, не ходи еще спать, мнѣ бы хотѣлось минуточку побесѣдовать съ тобой.

Ты, моя луна, по голосу можешь узнать, что я не здѣшній. Не бѣги же отъ меня, вѣдь я не *treu und bieder*, а нахожусь здѣсь пока только въ ученіи.

II.

Дома—я изъ страны музыкантовъ—игралъ я на тромбонѣ, и своею игрою постоянно мѣшалъ спать нашимъ вѣнскимъ господамъ.

Желая наконецъ хорошенько выспаться послѣ своихъ тяжелыхъ трудовъ, эти господа однажды ночью прислали за мной карету съ полицейскими.

Пошелъ же третій часъ по полуночи, какъ вдругъ у моей постели появился жандармъ и сказалъ мнѣ: доброе утро!

Съ жандармомъ были чиновники, всѣ въ формѣ, съ шитыми воротниками, перстятые шарфами.

Вставайте, господи редакторъ, пугаться насъ нечего, мы не злодѣи, хоть и ходимъ по ночамъ; мы только коммиссія.

Вамъ кланяются всѣ вѣискіе, а господи́нь Бахъ приказалъ даже поцѣловать васъ, справиться о вашемъ здоровьѣ и передать вамъ вотъ это письмо.

Что до меня, я и на тощій желудокъ всегда бываю вѣжливъ: «Извините, гг. чиновники, говорю имъ, что я въ одной рубашкѣ.»

Но мой чернѣйшій бульдогъ, Джонъ, большой грубіянь, и, какъ Англичанинъ, черезъ чуръ привязанъ къ *Habeas corpus*.

Лишь только одинъ изъ чиновниковъ успѣлъ дочитать первый параграфъ, онъ вдругъ изъ-подъ кровати затыкалъ на почтенную комиссію: воръ, хамъ, хамъ!

Хорошо еще, что я догадался бросить въ него подъ постель *Сводъ Законовъ*: послѣ этого мой бульдогъ уже и не пикнулъ.

III.

Гражданинъ, привыкшій къ порядку, я въ присутствіи всѣхъ, сначала надѣлъ чулки; дѣло было въ декабрѣ.

Затѣмъ я сталъ читать подавную мнѣ бумагу; впрочемъ вотъ она здѣсь, если ты, луна, понимаешь нѣмецкій канцелярскій языкъ, такъ прочитай ее сама.

Бахъ, какъ докторъ ¹, пишетъ мнѣ, что для меня нездорово жить въ Чехіи, что мнѣ нужна перемѣна воздуха;

Что въ Чехіи страшная духота: вредныя испаренія и очень много смраду послѣ октроированной конституціи, что, словомъ, тамъ самый заразительный воздухъ, что вотъ онъ нарочно послалъ за мною карету, чтобъ я тотчасъ же отправлялся въ дорогу на казенный счетъ,

И что онъ приказалъ жандармамъ даже принудить меня силою принять его предложеніе, еслибъ я, по своей скромности, вздумалъ отказать отъ него.

IV.

Что же дѣлать, если у меня такая глупая натура, что я ни въ чемъ не могу противиться жандармамъ съ ружьями?

Да и Дедера ² торопилъ меня ѣхать какъ можно скорѣе, а то вѣдь, пожалуй, бродскіе ³ жители, проснувшись, захотѣли бы ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Онъ говорилъ мнѣ, чтобъ я не бралъ съ собою никакого орудія, что во время путешествія; они будутъ охранять меня;

Что по Чехіи я долженъ ѣхать инкогнито, потому что иначе докучливые люди нададутъ намъ гибель всевозможныхъ порученій.

Господи́нь Дедера далъ мнѣ еще много другихъ мудрыхъ совѣтовъ, которыми обыкновенно должны руководствоваться Баховы паціенты.

¹ Бахъ, бывшій австрійскій министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ ученую степень доктора.

² Имя полицейскаго комиссара.

³ Бродъ находится въ восточной части Чехіи, около моравской границы.

Овъ, словно сирена, манилъ меня, пока я надѣвалъ сапоги, жилетъ, сюртукъ и шубу, и прежде, однако, брюки.

Лошади и жандармы уже давно стояли передъ домомъ: милые братцы, потерпите еще не много, сію минуту поѣдемъ.

V.

О луна! ты, конечно, хорошо знаешь женщину, знаешь, какой грестъ онѣ часто для чловѣка въ этомъ мірѣ.

Ты была свидѣтельницею многихъ прощаній; лучше всякаго романиста ты знаешь, какъ тяжелы бываютъ подобныя минуты.

Вокругъ меня въ слезахъ стояли мать, жена, сестра, дочка, маленькая Зденчинка¹: страшная минута!

Правда, я старшій казакъ, закаленный въ битвахъ, но въ эту минуту я все-таки чувствовалъ небольшое стѣсненіе въ груди и жаръ въ глазахъ.

Крѣпко надвинулъ я на лобъ *подъбрадку*², чтобы полицейскіе не могли замѣтить блеснувшую на моихъ глазахъ слезу.

Желая придать этой трогательной сценѣ офиціальныи характеръ, всѣ полицейскіе доселѣ стояли у дверей на караулѣ.

VI.

Рожокъ трубить, колеса скрипятъ, подъѣзжаемъ къ Иглавѣ. Сзади трясутся жандармы, присматривая, чтобы мы чего-нибудь не потеряли.

Вотъ и боровская церковь стоитъ на вышкѣ, грустно поглядывая на меня сквозь лѣса: «ты ли это, мой голубчикъ?»

«Твоя колыбель надо мною, я видѣла, какъ тебя крестили, какъ ты прислуживалъ старому священнику, съ какимъ прилежаніемъ учился;

«Видѣла, какъ ты пустился въ свѣтъ за опытностію, какъ ты потомъ вышелъ съ свѣтильникомъ, чтобы веселымъ пламенемъ освѣщать дорогу нашимъ племенамъ.

«Видишь, какъ незамѣтно проходитъ время: уже тридцать лѣтъ я знаю тебя. Но, любезный, скажи пожалуста, что это за уроды около тебя?»

VII.

Когда мы проѣзжали черезъ Иглаву, въ мысли у меня былъ постоянно Шпильбергъ, а далѣе за Линцемъ не выходилъ изъ головы Куфштейнъ.

Когда Куфштейнъ остался у насъ вправо, тогда только Альпы стали казаться мнѣ болѣе приятными.

Нѣтъ, братъ, глупѣе ѣзды, когда не знаешь, куда тебя везутъ:

¹ Дочь Гавличка; она воспитывается теперь у своихъ родственниковъ, въ Прагѣ; въ пользу ея дано было зимой нѣсколько концертовъ. Въ послѣднее время Зденчинну стали называть «дочерью народа чешскаго».

² *Подъбрадка*—очень красивая, круглая шапка, названная именемъ героя чешскаго, Юрія Подъбрадскаго. Эту шапку носили, во времена Гавличка, и теперь начинаютъ носить Чехи-патріоты.

тогда и веселые рожки почтальйоновъ издають какой-то печальный звукъ.

По дорогѣ вездѣ смазывали колеса, вездѣ перепрягали лошадей: если-бы вы ужь лучше въ Вѣнѣ сдѣлали перепряжку и смазку!

Телеграфъ, однако, превосходное изобрѣтеніе: прежде нашего пріѣзда онъ вездѣ давалъ знать о насъ:

Чтобы полиція, эта заботливая мать, приказывала топить каминны на станціяхъ къ нашему пріѣзду.

При этомъ я не могу забыть о Будеювицахъ¹. Дедера купилъ здѣсь четыре бутылки мельницкаго².

Пробудилось ли въ немъ патриотическое чувство, или онъ думалъ, что мельницкое будетъ мнѣ Летой для Чехіи.

Мельницкое я уже давно пересталъ пить, пью теперь итальянское но мнѣ кажется, что въ нихъ одна и та же безпокойная закуска.

VIII.

Однако, луна, пора намъ переимѣнить элегическій тонъ на героическій: вѣдь то, что я хочу теперь разказывать, было чертовскою вздой.

Дорога отъ Рейхенгалла до Вайдринга—ты должна хорошо знать ее—такова, что ее нельзя передѣлать никакимъ указомъ.

Голыя скалы, огромнѣе самой глупости ~~Дедер~~ской, а вдоль дороги пропасть бездонная, какъ издержки на войско.

Ночь темна, какъ святая церковь наша,—а мы мчимся съ горы подобно вихрю. Дедера напрасно кричить: «держи лошадей!»—на козлахъ нѣтъ никого.

Со свитомъ вѣтра смѣшивается стукъ кареты и топоть лошадей; вмѣсто кучера самъ дьяволъ мчитъ ихъ въ гору и подъ гору, а почтальйонъ остался гдѣ-то за холмикомъ, должно-быть выскатъ огонь для трубки.

Дорога подъ гору крута, какъ лѣстница съ башни; почтовая карета катится подобно шару, какбы желая *интермировать* насъ въ пропасти.

Ахъ, это была одна изъ самыхъ пріятнѣйшихъ минутъ! Для меня вѣдь величайшая утѣха видѣть, какъ почтенная полиція трясется отъ страха.

Мнѣ пришелъ на мысль—я тоже читывалъ Библию—одинъ библейскій разказъ, какъ пророка Іону выбросили изъ корабля въ море для утишенія бури.

«Бросимъ жребій, говорю я: между нами, кто-то долженъ быть великій грѣшникъ; пусть онъ для умилоствленія неба выскочитъ изъ кареты.»

Едва только успѣлъ я сказать это, какъ полицейскіе, не испытывая

¹ Будеювицы—одинъ изъ лучшихъ городовъ южной Чехіи

² Мельникъ, небольшой городъ, находится верстахъ въ пятидесяти отъ Праги, на сѣверѣ. Здѣсь растетъ виноградъ и готовится самое лучшее чешское вино.

своей совѣсти, въ покаяніи, отворили дверцы кареты и тотчасъ же повывскакали изъ нея.

Ахъ ты свѣтъ, развращенный свѣтъ! Въ канавахъ, вверхъ ногами, лежать стражи, и карета мчится съ однимъ только господиномъ преступникомъ.

Ахъ ты правительство, превратное правительство! ты хочешь обуздать народы, а не въ силахъ справиться и съ четырьмя лошадьми на вожжахъ!

Ни кучера, ни вожжей, кругомъ страшная тьма, околю самой дороги пропасть вмѣсто канавы. Такъ-то мчался я съ Альпъ, не хуже вихря.

Да уже ли же я, гражданинъ австрійскій, побоюсь вѣрить свою судьбу напуганнымъ лошадямъ? Быть гражданиномъ австрійскимъ.... разве можетъ случиться со мною еще что-нибудь хуже этого?

И вотъ я, съ холоднымъ равнодушіемъ въ головѣ, съ горящею сигарой во рту, прискакалъ на станцію скорѣе чѣмъ ѣздитъ русскій царь.

Здѣсь я, образецъ преступниковъ, отлично поуживалъ на свободѣ, прежде чѣмъ провожатые успѣли притащить за мною пѣшкомъ, съ ободранными ногами.

Ночь въ Вайдрингѣ провелъ я хорошо, покойно, но за то мои спутники очень плохо; спину они то и дѣло мазали спиртомъ, а носы арешкой.

Этимъ оканчивается моя эпопея. Въ ней я ни на волосъ не отступалъ отъ истины: все сказанное въ ней можетъ засвидѣтельствовать вайдрингскій почтмейстеръ Дальруппъ.

IX.

Въ Бриксенъ мы пріѣхали безъ всякаго шума; окружное начальство дало Дедерѣ росписку во мнѣ.

Этотъ ключокъ бумаги вмѣсто меня отослали въ Чехію, а я остался здѣсь въ когтяхъ чернаго орла.

Окружный начальникъ, помощникъ окружнаго, жандармы—вотъ кто были теперь мои ангелами-хранителями въ этой Сибири.

Можно себѣ представить, каково было положеніе Гавличка въ ссылкѣ. Удаленный отъ родины, отъ семейства,—жена его и дочь пріѣхали въ Бриксенъ позже,—онъ жилъ въ совершенномъ одиночествѣ и бездѣйствіи.

14 марта 1852 года Гавличекъ писалъ одному изъ своихъ знакомыхъ:

«Здѣсь, я лежу какъ минералъ, но органическую жизнь веду всѣтаки въ Чехіи, куда, надѣюсь, перевезутъ потомъ, съ разрѣшенія сильныхъ міра сего, и мое бременное тѣло. Вы не можете себѣ представить, какое великое наслажденіе доставляетъ мнѣ каждое письмо изъ дома, хотя бы то отъ Нѣмцевъ. Читая ваше письмо, я невольно перенесся мыслію къ тому счастливому времени, когда мы еще смѣло могли воевать съ нашими противниками. Но теперь настали для

нихъ счастливыя времена; нѣтъ никого, кто бы ихъ перадеомъ пробралъ и прогналъ съ глазъ почтенной публики. Человѣку порядочному лучше всего сидѣть дома, чтобы не загрязнить сапоги... Вы, конечно, хорошо понимаете мое положеніе, оно не выносимо, потому что хоть мнѣ дана, повидимому, свобода, но эта свобода въ ссылкѣ хуже тюремнаго заключенія. Надѣюсь какъ-нибудь современемъ ускользнуть отсюда, только едва ли ужъ придется попасть въ Прагу... Не sum qui sum. Въ Бриксенѣ я не могу заняться ничѣмъ серьезнымъ, только читаю что-нибудь, а когда и читать нечего, такъ брожу по Альпамъ для поддержанія своего здоровья... А вамъ бы все-таки не совѣтовалъ прѣзжать сюда, оставайтесь лучше дома. Правда, меня называютъ «Schriftgelehrter,» но и такой почетный титулъ не удержалъ бы меня здѣсь ни на минуту, еслибы только можно сойти съ этихъ горъ на «Frei Platz.» Что дѣлаетъ профессоръ Коубекъ?... Если вздумаете, такъ напишите мнѣ что-нибудь о жизни пражскаго высшаго общества. Servus!

Какъ видно изъ приведеннаго письма, бодрость духа не покидала Гавличка въ первые дни заключенія. Но бодрость слабѣетъ, когда нѣтъ для нея поддержки. А могла ли быть подобная поддержка въ Бриксенѣ? Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ, тоскуя по отчизнѣ, постепенно увядалъ въ горахъ тирольскихъ.

Уже въ 1854 году имъ овладѣло предчувствіе близкой смерти. Это предчувствіе Гавличекъ высказалъ въ стихотвореніи *Zivot vesny*

Не печалься душа моя, что жизнь коротка; не усиливайся разгадать, что тебѣ предопредѣлено отъ Бога за вратами гроба.

Безконечный міръ постоянно, безъ устали, вращается кругомъ, безсмертенъ твой и духъ въ безсмертномъ тѣлѣ.

Что люди смертию называютъ, это еще не конецъ жизни; похоронный звонъ не больше, какъ театральныи звонъ.

Онъ знаменуетъ только то, когда должно окончиться дѣйствіе, когда олна подняться завѣса и когда снова опуститься.

Послѣ дѣйствія, какъ можно скорѣе, актеры переодѣваются, но дѣйствій постоянная смѣна никогда не прекратится.

Въ началѣ октября 1854 года жена Гавличка съ шестилѣтнею дочерью прѣехали изъ Бриксена въ Прагу, чтобы хлопотать о возвращеніи мужа изъ ссылки. Но встрѣтившіяся при этомъ затрудненія, тревожная жизнь, наконецъ переѣздъ изъ Бриксена до Праги только разстроили ея и безъ того уже слабое здоровье, къ тому же вскорѣ съ ней сдѣлалось простудная горячка. Между тѣмъ родственнику Гавличка, Ярошу, удалось добиться аудіенціи у министра Баха. Это было въ мартѣ 1855 года. Ярошъ долго говорилъ въ защиту Гавличка. «Все-таки,

сказалъ миѣнстръ, вы должны согласиться, что вашъ родственникъ заслуживалъ хорошаго нагоняя.»—«Ваше превосходительство, отвѣчалъ на это Ярошъ, изволите называть хорошимъ нагоняемъ изгнаніе изъ отечества, но вѣдь это одно изъ самыхъ жесточайшихъ наказаній, въ особенности для моего родственника, который такъ горячо любитъ отечество.» За тѣмъ Ярошъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у министра полиціи, барона Кемпена. «Напишите вашему родственнику, сказалъ ему баронъ, что онъ прощенъ и можетъ возвратиться въ отечество.»

Когда Гавличекъ возвратился въ Чехію, его жены уже не было въ живыхъ, она умерла 16 апрѣля, въ 5 часовъ утра; поручивъ надзору сестры свою малолѣтнюю дочь. Последнимъ словомъ ея было: «Гавличекъ!»

Но бѣдному изгнаннику готовились новые удары. Привезенный, по распоряженію начальства, прямо въ Нѣмецкій-Бродъ, онъ отсюда, безъ особаго р-зрѣшенія, не смѣлъ даже съѣздить въ Прагу, чтобы поклониться гробу своей жены и обнять осиротѣвшую дочь. Ничто его болѣе не утѣшало. Въ Прагѣ онъ встрѣтилъ холодный пріемъ отъ большей части своихъ прежнихъ друзей, которые волей-неволей принуждены были теперь держаться системы новаго правительства. На святки Гавличекъ опять пріѣхалъ въ Прагу, но здѣсь только и слышны были отъ него жалобы на то, что онъ уже не можетъ болѣе дѣйствовать попрежнему. Не говоря о томъ, что его физическія силы совершенно ослабѣли, онъ едва ли не до самой смерти находился подъ строгимъ надзоромъ полиціи.

24 мая 1856 года Гавличекъ пріѣхалъ въ Прагу лѣчиться. Нельзя при этомъ не замѣтить, до какой степени дошло ожесточеніе его враговъ. Надобно было особенно ходатайствовать чрезъ намѣстника у высшаго начальства о дозволеніи больному остаться въ Прагѣ. Ярошъ явился въ канцелярію намѣстника съ просьбою и съ медицинскимъ свидѣтельствомъ. Одинъ изъ чиновниковъ, вырвавъ у него изъ рукъ бумаги, закричалъ: «Я завтра же прикажу жандармамъ отнести вашего больного на желѣзную дорогу.» Несмотря, однако, на такую угрозу, дозволеніе Гавличку остаться въ Прагѣ было получено.

Положеніе больного становилось все хуже и хуже, такъ что доктора, не находя болѣе никакихъ медицинскихъ пособій противъ усилившейся чахотки, совѣтовали ему лѣчиться сель-

скимъ воздухомъ. Юля 22 Гавличекъ уѣхалъ въ Штернбергъ, откуда часто переписывался съ своими пражскими знакомыми. 22 іюля въ Прагѣ получили послѣднее письмо Гавличка, оно было написано не твердою рукой и съ ошибками. Легко было догадаться, что больному стало очень дурно. Двое изъ его друзей тотчасъ же отправились къ нему и взяли его съ собою въ Прагу. Во время дороги Гавличекъ былъ сначала очень непокоенъ, нѣсколько разъ покушался даже выбить окна въ каретѣ, но потомъ, услышавъ на одной станціи народную пѣсню, совершенно успокоился. Къ 8 часамъ вечера пріѣхали въ Прагу, но больной уже лишился памяти.

Гавличекъ умеръ 29 іюля 1856 года, въ 5 часовъ вечера. Умирая, онъ произносилъ имя своей жены.

На Вольшанскомъ кладбищѣ въ Прагѣ стоитъ небольшой памятникъ съ надписью: Карлъ Гавличекъ и его жена Юля.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

(Елиз. Дмитр. Б — ой.)

Я только что окончилъ одну изъ моихъ поѣздокъ по *несъдомымъ* странамъ, и куча живыхъ впечатлѣній, просится на бумагу. Какъ-то страшно высказывать печатно все эти ощущенія и мысли, еще недостаточно провѣренныя размышленіемъ и справками, часто схваченныя налету; но я берусь теперь же за перо, чтобы сохранить въ моихъ замѣткахъ тотъ характеръ первоначальнаго личнаго впечатлѣнія, который не слѣдуетъ пренебрегать и который въ иныхъ наблюденіяхъ даже имѣетъ особую цѣну.

I. Изъ Владиміра до Визниковъ.

Нынѣшній разъ мои странствованія начались Владиміромъ на Клязьмѣ; этимъ пока послѣднимъ пунктомъ всемірной сѣти желѣзныхъ дорогъ. «Здѣсь смотрѣть нечего: какъ только пріѣхали, прямо изъ экипажа спѣшимъ на станцію желѣзной дороги», говорятъ мнѣ два петербургскихъ пріятеля, которыхъ я встрѣтилъ во Владимірѣ и которые возвращались въ Петербургъ изъ поѣздки во внутреннія губерніи. Во Владимірѣ дѣйствительно смотрѣть нечего (кромѣ развѣ Дмитровскаго собора, возобновленнаго въ древнемъ вкусѣ); да едва ли и есть на Руси города, кромѣ столицъ, гдѣ бы на путешественникѣ лежала тяжелая обязанность что-

либо осматривать. Древнепрестольный градъ Россійскаго государства нынѣ не болѣе какъ почтовая станція между Москвою и Нижнимъ и мѣстопробываніе губернскихъ чиновниковъ. Людямъ, не сопровождающимъ товаровъ на нижегородскую ярмарку или не производящимъ ревизіи мѣстъ губернскаго управленія, здѣсь рѣшительно нечего дѣлать. Даже роль станціи вскорѣ снята будетъ съ Владиміра, но пока дѣятельность мѣстныхъ ямщиковъ усилилась отъ проведенія желѣзной дороги. Желѣзная дорога проведена вдоль берега Клязьмы подъ горою, на которой расположенъ городъ, или просто улица съ двумя соборами и присутственными мѣстами, именуемая Владиміромъ, такъ что отъ станціоннаго вокзала до города около $1\frac{1}{2}$ версты весьма скверной дороги въ гору. Безъ сомнѣнія, весьма не много найдется охотниковъ на эту бесполезную поѣздку, и проѣзжіе изъ Москвы въ Нижній, съ открытіемъ желѣзной дороги на всемъ протяженіи, будутъ обходиться и безъ Владиміра, къ чрезвычайному огорченію владимірскихъ ямщиковъ, жителей постоялыхъ дворовъ и барышень, томящихся отъ провинціальной скуки у оконъ Дворянской улицы. Владиміру будетъ принадлежать лишь второе его значеніе—губернской резиденціи; онъ можетъ еще надолго быть предметомъ дѣятельности для ревизоровъ, воодушевленныхъ благородными стремленіями къ искорененію мѣстныхъ злоупотребленій. Такое значеніе вѣроятно не скоро утратятъ наши города, какія бы ни проводились посреди нихъ и около нихъ всемірныя линіи путей и телеграфовъ.

«Вамъ разумѣется смотрѣть здѣсь нечего,» говорили мои петербургскіе пріатели, но я съ напряженнымъ любопытствомъ смотрю здѣсь на все, и даже не безъ нѣкотораго смущенія и сердечнаго трепета. Двадцать два года прошло съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ или лучше былъ увезенъ изъ Владиміра, и представьте себѣ: эта четверть столѣтія, порѣшавшая судьбы многихъ царствъ и народовъ, какъ будто и не проходила здѣсь, какъ будто я разстался съ Владиміромъ только вчера. Я могу вдоволь наслаждаться созерцаніемъ всѣхъ безъ изыятія строеній, предметовъ, бездлушекъ, окружавшихъ мое дѣтство, начиная отъ золотыхъ воротъ до маленькихъ кусочковъ желтаго мыла, разложенныхъ въ главныхъ воротахъ гостинаго двора. Я рѣшительно не нахожу переменъ, кромѣ подновленія деревянныхъ до-

мось, новаго каменнаго дома духовной консисторіи и разрушенія части древняго архіерейскаго дома, затѣявшаго перестраиваться. Вотъ видите этотъ гостинный дворъ: онъ стоитъ точно также какъ стоалъ двадцать два года тому назадъ, краснѣя въ отсутствіи высшихъ посѣтителей и подбѣливаясь въ ожиданіи ихъ; такое же множество кожевенныхъ лавокъ и тѣ же самыя надѣля: кошельки, рукавицы и разныя вещи для крестьянскаго обихода, галантерейныя и красныя товары также почти не измѣнились, и тѣ же самыя сидѣльцы, попарно играющіе въ шашки битыхъ двѣнадцать часовъ и считающіе своею обязанностью послѣ каждой партіи прокричать проходившимъ: «Что покупаете?» Что же здѣсь новаго? Подешевѣли ивановскіе ситцы, вывѣшены женскіе уборы, какихъ не было за двадцать два года предъ симъ и исчезла книжная лавка съ читающимъ старичкомъ въ очкахъ, внушавшимъ мнѣ тогда чрезвычайное уваженіе. Прогрессивность женскихъ нарядовъ также не должна внушать особенныхъ опасеній; за удовлетвореніемъ этой невинной потребности, женщина самзя охранительная часть человѣческаго рода (виновать, прогрессъ ознаменовался между женщинами куреніемъ папиросокъ, которыя были неизвѣстны четверть вѣка тому назадъ, а нынѣ въ большомъ употребленіи въ провинціи). Книжная лавка однако не вовсе упразднилась, а только перенесена въ другое мѣсто, но и тамъ существованіе ея не сопряжено ни съ какими бурными потрясеніями, которыя могли бы препятствовать продавцу сидѣть спокойно и читать свои книжки.... Таково владимірское затишье.

Во Владимірѣ я, въ первый разъ, послѣ Петербурга, почувствовалъ себя на волѣ, то-есть освободился отъ вагона. На желѣзныхъ дорогахъ можетъ-быть есть мѣсто для наблюденій надъ общественными явленіями высшаго порядка, надъ сочетаніями и созвѣздіями высшихъ политическихъ сферъ, но проявленіе мѣстной народной жизни бѣжитъ отъ паровоза и исчезаетъ подъ рельсами съ быстротою непостижимую. Такъ на-примѣръ, мы видѣли, какъ, на первыхъ дняхъ открытія сообщенія между Москвою и Владиміромъ; бабы изъ сосѣднихъ деревень пытались обратить и на чугунку дѣятельность своего владимірскаго промышленнаго духа. Онѣ предлагали пассажирамъ квасъ, ягодъ и разныя нныя безыскусственныя свои произведенія; но грозное объявленіе начальниковъ станцій, что на желѣзной дорогѣ никто торговать не смѣетъ, быстро преодѣло

развитіе этой дѣятельности. Итакъ мѣстные наблюденія ожидали меня впереди, пока я размышлялъ о великомъ всемірномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ, ихъ необычайной космополитической силѣ, внезапно дающей любому русскому солдатику, одѣтому кондукторомъ, видъ французскаго полицейскаго комиссара. Во всѣхъ этихъ людяхъ, вышколенныхъ французскою дисциплиною, совсѣмъ не слышно роднаго русскаго запаха съ родною безпечною и распущенною; все ходитъ по стрункѣ, все обдуманно, и степень наклоненія головы передъ тѣмъ или другимъ чиномъ du personnel de la grande société, и высшія соображенія о покровительствѣ des grands pouvoirs de l'état; такъ и чувствуешь себя въ Парижѣ, въ сердцѣ великой націи, идущей во главѣ всемірной цивилизаціи...

Но я увлекся всемірною цивилизаціей, когда цѣль моихъ странствованій наши русскіе порядки. Во Владимірѣ я освободился отъ всемірныхъ путей просвѣщенія; но я долженъ былъ выдержать *переходное* состояніе, въ видѣ переѣзда изъ Владиміра до Вязниковъ по Нижегородскому шоссе. Наши шоссеиные тракты уже не принадлежатъ къ системѣ европейской цивилизаціи, но они составляютъ одно изъ звеньевъ нашей всероссійской цивилизаціи, или того офіціальнаго порядка жизни, который надо тщательно отличать отъ дѣйствительнаго порядка. По шоссе, въ самомъ дѣлѣ, весьма удобно спѣшить для производства ревизій и слѣдствій, и также весьма неудобно путешествовать.

На этихъ государственныхъ путяхъ сообщенія, вся игра жизни заключается единственно въ столкновеніяхъ проѣзжающихъ со станціонными зрителями, которые находятся въ постоянномъ осадномъ положеніи. Осада производится съ помощью офіціальныхъ силъ, которыми вооруженъ каждый проѣзжающій, и затѣмъ побѣда, то-есть полученіе лошадей, остается за наиболее-вооруженнымъ или за тѣмъ, кто лучше изощрился въ употребленіи своего оружія. Нигдѣ нельзя лучше воспитать въ себѣ чувство уваженія, ко властямъ даже въ ихъ самыхъ микроскопическихъ видахъ, которые великими изъяснителями судебъ государства не принимаются часто ни въ какое уваженіе. Путешествующіе по казенной надобности—самые страшные воины между осаждающими; за владѣльцами курьерскихъ подорожныхъ всегда остается побѣда. Микроскопическія власти бывають иногда особенно настойчивы, и иногда даже до такой степени, что зритель ищетъ союзниковъ въ генера-

лахъ изъ Петербурга, которые почему-либо покажутся ему добрыми. «Ты видишь: по казенной надобности; какъ ты смѣешь разсуждать?» кричитъ помощникъ становаго, съ азартомъ препирающійся два часа съ смотрителемъ, приказавшимъ дать лошадей генералу.—«Помилуйте, ваше благородіе, да эта подорожная по другой губерніи, а не по нашей.»—«Какое тебѣ дѣло? можетъ быть я произвожу слѣдствіе по всей имперіи; намъ Царь больше довѣряетъ чѣмъ вашему брату. Тебѣ довѣрены лошади, а намъ люди, такъ ты и знай своихъ лошадей, а о нашихъ дѣлахъ не смѣй разговаривать.» Никакъ не сговорившись съ грознымъ помощникомъ становаго, смотритель уже рѣшается умолять добраго генерала уступить своихъ лошадей. «Подавай бѣфтексъ! Гдѣ у тебя бѣфтексъ? Онъ долженъ быть на станціи, онъ показанъ въ росписаніи,» донесаетъ смотрителя неугомонный служитель просвѣщающей централизаціи. Впрочемъ, и инстинктамъ мягкосердечія предаваться опасно. Послѣ первой уступки, распространяется о васъ по всему тракту молва какъ о «добромъ», и тогда начинается рядъ эксплуатацій вашей доброты. «Не посадите ли до той станціи вонъ этого господина? Больно приспичило ему ѣхать, а лошадей нѣтъ. Мы и прогоны заставимъ его заплатить,» говоритъ смотритель.—«Извольте, но только я повезу его даромъ, но далѣе одной станціи везти не обязуюсь.» Последняя оговорка необходима. Иначе на слѣдующей станціи вамъ опять кого-нибудь посадятъ, и далѣе на всемъ пути будутъ отъ васъ требовать, чтобы вы ѣхали непременно съ нимъ. Изъ всего этого можно заключать, что лошади на почтовыхъ трактахъ не въ избыткѣ, или лучше, что гоньба за казенные прогоны не слишкомъ выгодна для ямщиковъ. Дѣйствительно, вездѣ слышатся жалобы на дорогіе кормы; но экономистъ можетъ, не безъ основанія, утѣшиться мыслью, что искусственное установленіе цѣнъ и здѣсь едва ли достигаетъ своей цѣли: почтовые лошади уменьшаютъ количество вольныхъ и ослабляютъ конкуренцію, которая безъ первыхъ могла бы понизить цѣны на вольныхъ лошадей и не допустила бы нынѣшнихъ баснословныхъ прижимокъ со стороны ямщиковъ. Теперь двѣ монополіи: казенныхъ содержателей лошадей и вольныхъ ямщиковъ, вымогающихъ, вслѣдствіе своей малочисленности, всякія цѣны. Притомъ, при существованіи почтовыхъ лошадей, конкуренцію съ ними могутъ выдерживать только богатые ямщики, гонящіе работниковъ и большое количество лошадей; мелкіе ямщики, кото-

рые бы стали возить сами, при этой системѣ, почти вовсе устранены отъ промысла. А именно этого рода ямщики и могли бы сбить цѣны, которыя теперь имѣютъ у насъ характеръ монополюный. Между тѣмъ за эти цѣны, достигающія самыхъ невѣроятныхъ размѣровъ (напримѣръ 10—15 руб. за пару на 15 верстѣ), приходится безпрестанно ѣздить не только въ сторону, но и по почтовымъ дорогамъ, когда не найдешь лошадей на станціи. Возможность ѣзды за казенные прогоны только кажущееся облегченіе, а не дѣйствительная дешевизна. Мнѣ кажется, что при полной свободѣ ямскаго промысла, мы ѣздили бы даже гораздо дешевле. Монополія почтовой гонимы даетъ искусственное направленіе всему промыслу и уничтожаетъ конкуренцію, которая одна только и можетъ понижать цѣны во всѣхъ безъ изыятія промыслахъ.

Однообразіе ѣзды по шоссе прерывалось для меня въ Вязникахъ, откуда я долженъ былъ начать мое странствіе уже по *натуральнымъ* дорогамъ и подвергаться всякаго рода случайностямъ, весьма выгоднымъ для наблюденій, но не всегда у насъ пріятнымъ для личности путешественника. Весьма скоро по пріѣздѣ въ Вязники, откуда я долженъ былъ проѣхать по проселкамъ въ юго-западную часть Гороховецкаго уѣзда (Влад. г.), пришлось мнѣ испытать на самомъ себѣ естественныя неровности жизни и дороги, болѣе опасныя чѣмъ ухабы нижегородскаго шоссе, искусно прикрытые деревомъ вместо щебня.

Вопервыхъ, я былъ раздавленъ въ моемъ убожествѣ великолѣпіемъ одного мѣстнаго магната. Выдержавъ въ теченіи цѣлаго полудня натискъ вязниковскихъ ямщиковъ, я наконецъ съ величайшими усилиями выторговалъ для моей поѣздки пару лошадей съ телѣжкой; но внезапно прибылъ въ Вязники магнатъ, никогда не употребляющій для своихъ путешествій менѣе 12 лошадей (восьмерика въ собственную карету и четверни для свиты), и вся гостиница, и весь ямской людъ, и чуть не весь городъ пришли въ смятеніе. Когда моя телѣжка была подана, и я выносилъ мои вещи, чтобы въ нее сѣсть, то я къ крайнему моему огорченію увидалъ, что ямщикъ мой призналъ болѣе выгоднымъ украсить парю моихъ лошадей восьмерикъ магната. Недобросовѣстность ямщиковъ выходитъ здѣсь, какъ на многихъ нашихъ трактахъ, изъ предѣловъ всякаго вѣроятія: не говоря уже о вымогательствѣ самыхъ непоимѣрныхъ цѣнъ, безпрестанно случается, что ямщикъ, поря-

дившись и даже получивъ отъ сѣдока задатокъ, уѣзжаетъ съ другомъ, даже не возвративъ задатка. У вязниковскихъ ямщиковъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, существуетъ особый, укоренившійся обычай, самый дикій порядокъ ряда съ ѣздоками. Между ямщиками водворилась постоянная стачка, которою они пользуются слѣдующимъ образомъ: въ каждомъ рядѣ участвуютъ всѣ безъ изъятія наличные ямщики (хозяева или ихъ работники), и никакой ямщикъ не смѣетъ наняться особнякомъ, безъ согласія прочихъ. Исключеніе изъ этого правила допускается лишь въ случаѣ особаго продолжительнаго знакомства сѣдока съ ямщикомъ; очевидно, что подобными исключеніями пользуются болѣею частію ямщики-аристократы, которые имѣютъ связи и пользуются особымъ покровительствомъ своихъ постоянныхъ нанимателей. Вообще стачка ямщиковъ, какъ я убѣдился многими опытами, нисколько не обезпечиваетъ ихъ отъ взаимнаго обмана, и не служитъ защитою въ пользу болѣе бѣдныхъ или начинающихъ свое ремесло противъ богатыхъ и сильныхъ; стачка только служитъ орудіемъ вымогательства противъ проѣзжихъ и предлогомъ для пьянства. Въ то время какъ одинъ ямщикъ рядится, всѣ остальные ждутъ и за нимъ наблюдаютъ! строгость надзора простирается даже до того, что при каждомъ рядѣ присутствуетъ другой ямщикъ, который безъ церемоніи входитъ даже въ комнату нанимателя, если переговоры происходятъ не при открытыхъ дверяхъ. Надзирающій ямщикъ для устраненія всякаго подозрѣнія даже самъ торгуется, и такимъ образомъ неопытный проѣзжій воображаетъ, что имѣетъ дѣло съ отдѣльными ямщиками, въ то время какъ съ нимъ торгуются за одно пятнадцать или двадцать человѣкъ. Не рѣдко торгъ производится въ присутствіи всѣхъ наличныхъ ямщиковъ, и изъ нихъ нѣсколько человѣкъ торгуются и какъ будто пребываютъ другъ друга, но только для виду. Впрочемъ бываютъ случаи дѣйствительно одиночнаго ряда и даже нѣкоторой конкуренціи въ выпрашиваніи цѣнъ нѣсколькими ямщиками; главное дѣйствіе стачки начинается уже послѣ ряда — при бросаніи жеребья. Порядившійся ямщикъ назначаетъ *взметъ*, то-есть ту сумму, которая раздѣляется поровну между всѣми наличными ямщиками (или ихъ работниками, но въ пользу хозяина), желающими участвовать въ жеребьѣ, а тотъ, кому выпалъ жеребій ѣхать, получаетъ всю рядную цѣну, за исключеніемъ *взмета*. *Взметъ* бываетъ различный, смотря по величинѣ рядныхъ денегъ, дороговизнѣ кормовъ и времени

года (то-есть, по обстоятельствамъ рынка, или отношеніямъ спроса на лошадей къ предложенію). Чѣмъ значительнѣе рядныя деньги, то-есть, чѣмъ болѣе онѣ превышаютъ дѣйствительную цѣну или стоимость провоза, тѣмъ значительнѣе бываетъ взметъ. Очевидно, что для каждаго ямщика выгоднѣе воспользоваться взметомъ, который есть чистая премія въ пользу каждаго могущаго участвовать въ жеребѣ, то-есть имѣющаго лошадей, нежели везти подрядившаго сѣдока; поэтому тотъ, кому выпалъ жребій, весьма часто опять даетъ взметъ, и снова бросается жребій. Взметныхъ денегъ приходится, смотря по обстоятельствамъ 10—20 р. на брата, и онѣ большею частію тотчасъ же дружно пропиваются въ ближайшемъ кабакѣ. Описаннымъ порядкомъ, провозная плата, отдаваемая въ руки ямщика, которому приходится ѣхать по жеребью, сбивается до послѣдней крайности; случается, что этотъ ямщикъ нанимаетъ за себя другаго и даже приплачиваетъ свои деньги, только чтобы самому не ѣхать или не давать своихъ лошадей. Не рѣдко приходятъ къ жеребью (чтобъ получить взметъ) ямщики, у которыхъ всѣ лошади въ разгонѣ, и которые потому не могутъ везти, если они вынуть жеребій; въ послѣднемъ случаѣ они или нанимаютъ, или даютъ взметъ для новаго жеребья. Бываетъ также, что всѣ присутствующіе ямщики, не бросая жеребья, нанимаютъ кого-нибудь изъ себя за наименьшую цѣну, какую кто выпроситъ, и дѣлятъ остальные деньги, изъ рядной цѣны, между собою поровну; въ подобномъ случаѣ бываетъ также (если договаривавшійся съ сѣдокомъ почему-либо ошибся въ расчетѣ), что никто не хочетъ ѣхать за рядную цѣну, и всѣ ямщики складываются и приплачиваютъ для найма; бываетъ также, что и просто оставляютъ подрядившаго сѣдока безъ лошадей. *Взметъ* является здѣсь промышленною прибылью, для уравниенія которой между всѣми участвующими въ промыслѣ, ямщики инстинктивно придумали вышеназложенный порядокъ. И эта *организация* труда не менѣе честна и насильственна чѣмъ многія иныя организаціи, придуманныя болѣе возвышенными умами; и здѣсь тоже кажущееся уравниеніе въ пользу тунеядцевъ (приходящихъ на жеребій только для пропивки взмета), мошенниковъ (участвующихъ во взметѣ безъ лошадей) и сильныхъ хозяевъ (имѣющихъ свои главныя и постоянныя дѣла независимо отъ жеребья и пускающихъ на жеребій только самыя пустыя дѣла), въ ущербъ менѣе богатымъ и болѣе добросовѣстнымъ ямщикамъ, и наконецъ въ ущербъ всѣмъ потреби-

телятъ. Посреди такого распорядка трудно ожидать нормальнаго развитія промысла, истиннаго духа предприимчивости, разчетливости въ расходахъ и барышахъ, заботливости о чести своего имени, любви къ дѣлу, самолюбія и желанія отличиться передъ другими конкуррентами (напримѣръ въ качествахъ лошадей, упряжи, экипажа и проч.) Всѣ эти побужденія и двигатели успѣха заморены дикимъ распорядкомъ ямской стачки и жадностью немедленной выпивки, хотя бы на *трешникѣ* (3 к. с.) взмета. Посреди этого хаоса наживаются конечно деньги и составляются даже капиталы (иногда значительные, но весьма немногочисленные, — такъ въ Вязникахъ два ямщика считаются въ 10 тысячахъ), рядомъ всякихъ прижимокъ и плутней, хотя бы, напримѣръ, захватомъ въ однѣ руки права доставлять удовольствіе мѣстному магнату впряганьемъ, за баснословную плату, восьмерка въ его карету, во всякій часъ дня и ночи, по первому требованію. Остальная толпа ямщиковъ роскошествуетъ въ кабакахъ и трактирахъ, и не слишкомъ благоденствуетъ въ своихъ домахъ.

Однако мое прискорбное положеніе въ Вязникахъ обратилось мнѣ въ пользу. Посреди продолжительныхъ хлопотъ за лошадымъ, я сошелся съ однимъ молодымъ ямщикомъ, новичкомъ въ промыслѣ, еще *необыкновеннымъ*, или *необнатуреннымъ* подобно другимъ (какъ онъ самъ выражался). Этотъ ямщикъ, хотя начинающій, былъ все-таки ямщикъ, и потому войдя съ нимъ въ пріятельскія отношенія, я могъ вмѣстѣ съ нимъ безпрепятственно входить въ такіе круги, куда меня безъ него никогда бы не пустили, и сближаться съ такими людьми, которые, безъ дружбы съ ямщикомъ, видѣли бы во мнѣ только барина. Приключеніемъ, насъ связавшимъ, я обязанъ именно неровностямъ нашихъ натуральныхъ дорогъ, на которыя я стремился отъ однообразія искусственныхъ путей. Приключеніе очень простое: мы оба подвергались опасности сложить наши головы, «принять конецъ», какъ выразился мой ямщикъ.

Гороховецкій (отчасти и Вязниковскій) уѣздъ орошается рѣчкою Суворочемъ (на картѣ Суворешемъ), впадающею въ Оку. Рѣчка эта самая пустая, но быстрая, и имѣющая свойство отъ дождей внезапно и весьма высоко подыматься. Во время повѣдки по Вязниковскому уѣзду, по проселкамъ (въ направленіи къ югу) въ Гороховецкій уѣздъ, мнѣ приходилось въ

одномъ мѣстѣ переѣхать эту рѣчку. Передъ нами былъ очень порядочный мостъ, но рѣчка разлилась и покрыла водой значительное пространство около моста. Видя передъ собой на дорогѣ воду, мы подумали, что по этой водѣ можно ѣздить: «все ѣздить»; да и мужикъ на противоположномъ берегу махаетъ рукой: «повѣжайте». Мы и поѣхали, но съѣхавъ съ моста сблизь съ плотины, которая впрочемъ была покрыта водой, и попали въ самое русло рѣки. Дальнѣйшія подробности этого происшествія имѣютъ лишь личный интересъ, и потому здѣсь опускаются. Скажу только, что оно чуть-чуть не окончилось весьма трагически, ибо въ рѣкѣ мы тонули, а ожидать помощи было бы напрасно: ближайшая деревня была отъ насъ за версту, за горой; крестьянинъ же на другомъ берегу стоялъ какъ вкопанный, не рѣшаясь, какъ онъ потомъ увѣрялъ, идти къ намъ на помощь, чтобы не попасть въ скверное дѣло, то-есть не связаться съ полиціей. Страхъ этого рода умѣряетъ многія, можетъ-быть, лучшія влеченія въ народной жизни, и совершенно извращаетъ многія, самыя естественныя побужденія. Когда мы прибыли въ деревню, то наше спасеніе было всеобщее радостію. Крестьянская семья, давшая намъ пріютъ, безъ умолку толковала, что какая была бы напасть для всей деревни, еслибы мы утонули и наши тѣла выкинуло къ нимъ на берегъ. Пріемъ былъ сдѣланъ намъ очень радушный, хотя съ самаго начала крестьяне признали меня, по сѣрой шляпѣ, за *невернаго*, то-есть, за Француза, развѣзжающаго по дѣламъ нижегородской желѣзной дороги. Не только никто не думалъ попользоваться моими критическими обстоятельствами, но даже въ избѣ, гдѣ мы отогрѣвались, не согласились принять отъ меня никакого вознагражденія, ни за разныя услуги (въ теченіи $\frac{1}{2}$ дня), ни за угощеніе. Здѣсь, то-есть приблизительно въ южной части Вязниковскаго уѣзда, и въ смежной Гороховецкаго (между Клязьмою и Окой), значительно преобладаютъ, при общемъ промышленномъ характерѣ губерніи, хлѣбопашество и земледѣльческій бытъ; съ ними связана, какъ всегда, нѣкоторая патріархальность нравовъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, крестьяне даже круглый годъ довольствуются собственнымъ хлѣбомъ. Главную массу составляютъ здѣсь удѣльныя имѣнія; отчасти есть и помѣщичьи.

Вязники издавна славятся своею полотняною фабрикаціей; она сдѣлалась неотъемлемою принадлежностію этого города, какъ хлопчатобумажная Шуи и Иванова. Но полотняная фа-

брики въ Вязникахъ скорѣе можно назвать конторами чѣмъ фабриками, ибо всѣ онѣ, и въ особенности главные, раздають пряжу крестьянамъ, которые ткуть по деревнямъ. Въ прежнее время крестьяне гораздо болѣе работали на фабрикахъ, потому что не умѣли еще ткать, а теперь ткуть точно также хорошо и безъ прямого надзора фабрикантовъ.¹ По собственному признанію одного изъ значительныхъ фабрикантовъ, работа на одномъ изъ его заведеній въ Вязникахъ продолжается только вслѣдствіе привычки и изъ нѣкотораго уваженія къ старому порядку; другое же фабричное строеніе стоитъ праздно. Окрестные крестьяне даже весьма неохотно идутъ на фабрики, къ фабричнымъ питають они нѣкоторое отвращеніе, и мнѣ самому случалось слышать съ какимъ негодованіемъ они говорятъ о совокупной работѣ мужчинъ и женщинъ на фабрикахъ и о житьѣ ихъ въ одномъ фабричномъ помѣщеніи, тамъ гдѣ рабочіе не могутъ, по дальности, возвращаться домой на ночь. Для вновь-заведенной въ Вязникахъ бумаготкацкой фабрики приходится брать рабочихъ изъ другихъ мѣстъ, преимущественно изъ Гороховецкаго уѣзда, котораго только смежная часть подходитъ подъ характеръ описываемой мѣстности, но который въ другихъ своихъ частяхъ имѣетъ гораздо болѣе промысловый характеръ. Заказъ полотенъ фабрикантами производится чрезъ посредство мелкихъ фабрикантовъ-крестьянъ, или комиссіонеровъ, которые раздають пряжу по домамъ; большею же частію они имѣютъ собственные помѣщенія, свѣтелки, куда собираются ткать мужчины и женщины одной деревни. Здѣсь однако соединеніе половъ, какъ и вся работа, имѣетъ иной характеръ нежели на настоящихъ фабрикахъ, именно болѣе семейный и домашній; эти деревенскія фабрички или свѣтелки, гдѣ за однимъ и тѣмъ же станомъ или за нѣсколькими работаютъ нерѣдко нѣсколько членовъ одного крестьянскаго семейства, такъ что во всякомъ случаѣ каждый изъ рабочихъ остается посреди своей семьи, и эти фабрички не разрываютъ семейныхъ узъ, не уничтожаютъ нравственнаго единства

¹ Это обстоятельство и было вѣроятно причиною невѣрнаго показанія въ статистическихъ трудахъ Штукенберга, что полотняная фабрикація въ Вязниковскомъ уѣздѣ годъ отъ году упадаетъ, судя по количеству кусковъ, вырабатываемыхъ собственно на фабрикахъ (см. ст. XI, стр. 22, изд. 1853 г.).

семьи и чести домашнего очага, не ослабляют взаимной помощи, привязанности и взаимный надзор между членами каждой семьи. Настоящія фабрики въ мануфактурныхъ центрахъ сопровождаются для народа пными нравственными послѣдствіями. Разчеты вязниковскихъ фабрикантовъ съ крестьянами - комиссіонерами оканчиваются къ Петрову дню; июль, августъ и сентябрь крестьяне посвящаютъ исключительно полевымъ работамъ; за станами остаются одни старики. Значительные фабриканты имѣютъ дѣло съ большимъ количествомъ комиссіонеровъ, иные имѣютъ ихъ до 100. Пряжа (иногда также нѣкоторыя ткацкія принадлежности какъ берда) раздается по необходимости впередъ, безъ всякаго задатка и даже безъ росписокъ, въ большомъ количествѣ, иногда на 1000 р. с. въ однѣ руки; въ послѣднее время встрѣчаются случаи обмана и ощущаются нѣкоторыя неудобства этого порядка. Впрочемъ, комиссіонеры имѣютъ съ фабрикантами постоянные или открытые счета, принося понѣскольку разъ въ годъ тканье и получая деньги и новую пряжу; у фабрикантовъ часто остаются деньги, заработанные комиссіонерами, и въ послѣднее время крестьяне часто даже просятъ какъ одолженія, чтобы фабриканты оставляли у себя на храненіе ихъ деньги, безъ всякихъ процентовъ, боясь, что въ деревняхъ ихъ украдутъ. Такимъ образомъ замѣчаются въ послѣднее время значительныя сбереженія, для которыхъ сберегательныя кассы представлялись бы самымъ естественнымъ помѣщеніемъ. Плата крестьянамъ за тканье различная. смотря по достоинству полотна: самая низшая 50 коп. сер. за кусокъ (самаго грубаго полотна), высшая 3 руб. сер. (тонкаго); плата всегда производится надѣльно. Комиссіонеръ накладываетъ сверхъ этой платы процентъ въ свою пользу отъ 10 до 20 коп. сер. за кусокъ; вообще чистый барышъ ихъ (за всѣми расходами на свѣтелки) не такъ великъ на каждую штуку, и прибыли они получаютъ преимущественно отъ массы товара. Заработная плата поднялась здѣсь въ послѣднее время, исключительнымъ образомъ, отъ сооруженія Нижегородской желѣзной дороги, отвлекшей много рукъ; но уже теперь, съ окончаніемъ работъ, замѣчается пониженіе цѣнъ. Вообще же цѣны за тканье полотень держатся тверже и не подвержены такимъ быстрымъ колебаніямъ (вообще возвышенію) какъ тканье миткалей, на которые тре-

бование внезапно возрасло до необычайныхъ размѣровъ въ 1856/7 гг. Полотняная фабрикація Вязниковскаго уѣзда, въ общей сложности, имѣеть весьма серіозныя размѣры, которые однако я никакъ не берусь опредѣлить цифрами. Здѣсь преимущественно производятся толстыя полотна, фламское полотно, равендукъ, брезентъ. Товаръ сбывается какъ на мѣстѣ, такъ и въ весьма отдаленныя части имперіи, на югъ, въ Малороссію, въ Таганрогъ. Онъ служитъ на разное употребленіе: для судовъ, мѣшковъ, чумацкихъ куртокъ и проч. Пряжа употребляется большею частію механическая; она совершенно вытѣсняетъ ручную, такъ что крестьяне въ мѣстностяхъ льнянаго производства (главнѣйше Костромской губ. и отчасти въ Меленковскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи) находятъ гораздо выгоднѣе для себя сбывать ленъ въ сыромъ видѣ нежели въ пражѣ, несмотря на то что они съ трудомъ отвыкаютъ отъ пряденья, которое искони составляетъ здѣсь занятіе крестьянки (въ особенности въ означенныхъ мѣстностяхъ). Между тѣмъ ручное тканье держится, и даже съ чрезвычайнымъ упорствомъ; число полотняныхъ фабрикъ, съ паровымъ двигателемъ, до сихъ поръ весьма ограничено (кажется, не болѣе трехъ въ имперіи, исключая Остзейскія губерніи), и онѣ до сихъ поръ существуютъ только въ видѣ опыта. Характеръ, принимаемый у насъ развитіемъ полотняной фабрикаціи, обуславливается тѣмъ фактомъ, что потребность массъ въ льняныхъ произведеніяхъ до сихъ поръ обращается только на самыя грубыя продукты этой отрасли, а потребность высшихъ классовъ удовлетворяется самыми тонкими иностранными полотнами. Массы требуютъ пока ситцевъ и нарядовъ, а не бѣлья; крестьянка предпочитаетъ надѣть яркое ситцевое платье безъ рубашки, нежели имѣть рубашку и самое дешевое платье; ей лучше блеснуть на базарѣ шелковымъ головнымъ платкомъ нежели спать на простынѣ. Въ этихъ вкусахъ заключается пока прогрессъ народнаго благоденствія, и хлопчатобумажныя фабрики продолжаютъ ставить каждый день новыя машины и разводить новыя пары.

Главные полотняныя фабриканты въ Вязникахъ—гг. Сеньковы и Демидовъ¹. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы заявить

¹ Сеньковы устраняютъ теперь механическую (паровую) льнопрядильню въ Пучестахъ на Волгѣ, а Демидовъ недавно завелъ въ Вязникахъ паровую бумаго-ткацкую фабрику.

нашу искреннюю благодарность Ивану Осиповичу Сенькову и Василю Федоровичу Демидову за радушный приемъ, которымъ они меня почтили; ихъ гостеприимною готовностью содѣйствовать моимъ занятіямъ, я обязанъ многими свѣдѣніями, а болѣе всего тѣмъ ободреніемъ, которое необходимо для путешественника, въ особенности въ нашемъ отечествѣ, гдѣ онъ часто производитъ непріятное впечатлѣніе незваного гостя, и всегда долженъ страшиться быть принятъ за «невѣрнаго». Въ особенности дорожу я просвѣщенной бесѣдою Ивана Осиповича Сенькова, пользующагося (вмѣстѣ съ своимъ братомъ Осипомъ Осиповичемъ) во всемъ краѣ почетною промышленною извѣстностью. По нашему убѣжденію, именно въ такихъ людяхъ преимущественно нуждается наша промышленность для успѣховъ. Намъ именно нужны такіе промышленные и коммерческіе люди, которые свято хранятъ добрыя преданія своего дѣла, зорко слѣдятъ за его движеніемъ на всемірныхъ рынкахъ и постепенно, неуклонно усваиваютъ своему производству усовершенствованія, вынуждаемыя временемъ и возможныя при нашихъ условіяхъ, но не бросаются опрометчиво на всякую новую диковинку и штучку, лишь бы удивить людей своею предприимчивостью:—намъ нужны промышленники, не чуждые умственному движенію нашего общества, но не щеголяющіе фразами, выхваченными изъ журналовъ, и прилагающіе заботы объ основательномъ воспитаніи своихъ дѣтей. Такіе люди могутъ быть истинными просвѣтителями народа, даже когда они не заводятъ на показъ воскресныхъ школъ для рабочихъ. И для рабочихъ, и для потребителей; они истинные благодѣтели, хотя бы они руководствовались только однимъ золотымъ правиломъ, что «честное дѣло есть самое выгодное коммерческое дѣло.» Все что мы повсемѣстно слышали о домѣ Сеньковыхъ, коммерчески существующемъ 94 года, убѣдило насъ, что это правило, высказанное намъ между прочимъ и самимъ И. О. Сеньковымъ, осуществилось во всѣхъ операціяхъ его дома.

Сдѣлаю еще нѣсколько замѣтокъ о народонаселеніи этой мѣстности, представляющемъ собою совершенно иной и даже противоположный типъ въ сравненіи съ народонаселеніемъ, о-бокъ съ нимъ живущимъ (въ сѣверной и сѣверо-восточной части Вязниковскаго уѣзда, въ особенности по лѣвую сторону теченія Клязьмы и Тезы), то-есть съ офенскимъ краемъ. Не

могу въ точности обозначить границы описываемаго пространства; онѣ только приблизительно указаны мною. Я уже сказалъ, что здѣсь преобладаетъ земледѣльческій бытъ, но гораздо вѣрнѣе будетъ сказать—просто крестьянскій. Тканье полотенъ — главное занятіе жителей въ свободное отъ полевыхъ работъ время, а другіе промыслы пока служатъ только подспорьемъ ихъ *крестьянскаго* довольства. Чисто-крестьянскій типъ лежитъ здѣсь на всемъ бытѣ. Полотняная фабрикація почти исключительно домашняя; по порядку своего производства, и можетъ-быть по самому свойству товара, она уживается съ крестьянскимъ бытомъ, вноситъ въ него нѣкоторое довольство, и съ нимъ не ссорится. По самому своему матеріалу, полотно подручнѣ издавна сложившимся понятіямъ крестьянъ, оно сродни его пашнѣ; оно не далеко ушло отъ холста, и еще едва освободилось отъ веретена, отъ котораго никакъ не можетъ отвыкнуть крестьянская баба. Но этотъ крестьянскій бытъ уже готовъ совсѣмъ освоиться съ промышленнымъ духомъ, который проникаетъ въ эту мѣстность отсюду разными путями. Такъ, кромѣ тканья, крестьяне много занимаются въ зимнее время извозомъ. Они возятъ чужой товаръ съ фабрикъ на югъ, и закупаютъ тамъ за свой счетъ бакалейные товары. Поэтому, провозная плата за кладъ бываетъ здѣсь зимою невѣроятно низка. Такіе крестьяне пока еще остаются крестьянами, и ихъ нельзя назвать настоящими торговцами и спекулянтами; они извозничаютъ на своихъ рабочихъ лошадяхъ, возвращаются къ полевымъ работамъ и не пускаются въ широкіе коммерческіе обороты. При первомъ толчкѣ, при размноженіи фабрикъ, открытіи нижегородской желѣзной дороги, которая пересѣкаетъ эту мѣстность, она вполне готова перейти въ чисто-промышленную фазу. Но пока ея часъ еще не пробилъ, и она держится крестьянства.

По наружной физиономіи, здѣшній народъ нельзя не признать за одинъ изъ лучшихъ представителей великорусскаго типа. Онъ сохранилъ всю статность и красоту этого типа, и къ нему вполне могутъ быть отнесены слова, слышанныя мною отъ одной старухи-крестьянки: «Нечего сказать, Володимірецъ отборная ягода.» Здѣсь слышится чистая русская рѣчь, чрезвычайно выразительная и энергическая. Сарафанъ и какуй (кокошникъ) здѣсь еще повсемѣстно владычествуютъ; въ шумныхъ, многочисленныхъ хороводахъ, чрезвычайно здѣсь любимыхъ, тамъ и самъ мелькаютъ уже нѣмецкія платья,

черные жилеты съ свѣтлыми пуговками, надѣтые на красную рубашку; раздается иногда, посреди стройной хоровой пѣсни, замысловатый свистъ съ припѣвомъ изъ романа, занесенный бывалымъ парнемъ изъ-подъ оконъ городскихъ барышень; но все это только удаля нѣсколькихъ болѣе приткихъ затѣйниковъ, а весь народъ веселится, поетъ и радится по старому обряду; первая красавица на селѣ продолжаетъ вздыхать по золотомъ какуѣ, и лучшій щеголь одѣвается въ синій крестьяскій кафтанъ. Женщина сохраняетъ еще всю массивность и грубость крестьянской красоты, которая имѣетъ здѣсь блестящихъ представительницъ, но она уже не знаетъ робости и застѣнчивости крестьянскаго захолустья; она еще употребляетъ мѣстоименіе *ты* въ разговорѣ съ заѣжымъ баринномъ, но охотно и съ большою развязностію вступаетъ въ разговоръ; ей совершенно чужды вызывающій до наглости тонъ и вертлявость женщинъ сосѣднихъ промышленныхъ и фабричныхъ полей; она еще сохраняетъ нѣкоторую горделивость и холодность осанки; но уже въ глазахъ замѣтно лукавство, извѣдавшее не одни побои и ласки строптиваго мужа или свекра, а много и иныхъ печалей и радостей, и встрѣтъ съ «невѣрными». Въ домахъ, большею частію просторныхъ, но не отступающихъ и у самыхъ богатыхъ хозяевъ отъ архитектурнаго типа русской избы,—чистота и опрятность, иногда поразительная, особенно въ сравненіи съ домами въ фабричныхъ мѣстностяхъ; деревни построены правильными длинными порядками, которые съ большимъ количествомъ огородовъ, садовъ и аллей, были бы весьма живописны. Самовары не у всѣхъ домохозяевъ, а только у самыхъ зажиточныхъ, и голосъ хозяйки-старухи упорно изгоняетъ изъ избы табачный дымъ, которымъ уже пробуетъ шадить новое поколѣніе. Хозяйка, въ избѣ, въ которой я отогрѣвался отъ потопленія, никакъ не позволила мнѣ курить, не смотря на настоянія сыновей. Водка, безъ сомнѣнія, и здѣсь господствуетъ какъ на всѣхъ пространствахъ нашего отечества, но въ законные дни: на полкахъ и столахъ ея не видать. Наконецъ, какъ о характеристической чертѣ, упомяну еще о набожности, проявляющейся въ строгомъ выполненіи церковныхъ обрядовъ. На каждомъ перекресткѣ, въ поляхъ и лѣсахъ, встрѣчаете часовенку, или деревянный столбикъ съ иконою; такихъ столбиковъ здѣсь несмѣтное множество.

II. Изъ Вязниковъ въ Иваново.

Изъ Вязниковъ я долженъ былъ ѣхать въ Шую и знаменитое село Иваново. Значить, я долженъ былъ проѣзжать чрезъ отечество владимірскихъ торговцевъ-разнощиковъ, разбѣянныхъ по всему лицу земли Русскоѣ, подъ названіемъ ходебщиковъ, или *офеней*. Этотъ край, извѣстный также иконописью (слывущею большею частію подъ именемъ *суздальскаго письма*), и другими домашними фабричными производствами жителей, въ высшей степени любопытенъ для изученія. Разумѣется, кратковременное знакомство мое съ этимъ краемъ далеко недостаточно для изысканій, какихъ бы онъ заслуживалъ, и по чрезвычайной сложности бытовыхъ его элементовъ. Я въ особенности долженъ сожалѣть, что обстоятельства не позволили мнѣ употребить достаточно времени на изученіе этой оригинальной жизни офеней, до такой степени выдавшейся посреди всего остальнаго народонаселенія. Я могъ замѣтить только нѣкоторыя внѣшнія характеристическія черты ихъ фizioноміи и слышать отзывы и разказы о нихъ людей, коротко съ ними знакомыхъ ¹.

Офенскій край занимаетъ весьма значительное пространство въ сѣверовосточной части Владимірской губерніи. Судя по картѣ г. Дубенскаго, ² въ него входитъ бóльшая часть Вязниковскаго уѣзда (сѣверная), и часть Козровскаго (средняя). Его орошаютъ рѣки Клязьма (въ среднемъ своемъ теченіи) и Теза. Вся эта мѣстность не представляетъ естественныхъ условій, выгодныхъ для земледѣлія; бóльшая ея часть песчана и неплодоносна, есть и болотистыя мѣста. Край этотъ весьма населенъ, а около главныхъ центровъ промышленности даже чрезвычайно густо; есть впрочемъ мѣста и съ рѣдкимъ населеніемъ

¹ Читателямъ, желающимъ ближе ознакомиться съ офенями, мы рекомендуемъ любопытную статью г. Максимова въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1860 г. (№ 8.)

² *Статистическая карта влад. губ. изд. въ 1857 г.* Всякій, путешествующій по Владимірской губерніи, обязанъ особенною благодарностію г. Дубенскому за этотъ трудъ, служащій важнымъ пособіемъ для знакомства съ губерніей.

даже пустынные, именно въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и на вовсе-безплодной почвѣ (собственно въ восточной части). При условіяхъ почвы, весьма богатой дарами природы и потому не важной для равномернаго распредѣленія народонаселенія, оно очевидно громоздилось около промышленныхъ и обжитыхъ пунктовъ, и судоходныхъ и торговыхъ путей.

Оконечности офенскаго края со всѣхъ сторонъ врѣзываются въ другія сосѣднія полосы, гдѣ всюду можно встрѣтить дома офеней, разбѣянные между совершенно иными группами народонаселенія, съ которыми они однако не смѣшиваются. Они попадаютъ и въ той мѣстности, которую я описывалъ, и чѣмъ ближе подъѣзжаешь (съ востока и юга) къ Вязникамъ, тѣмъ чаще. Дома офеней можно тотчасъ отличить; они построены на подобіе деревенскихъ помѣщичьихъ домовъ старої архитектуры, съ рѣзными вычурностями и украшениями. Посреди сплошной линіи крестьянскихъ избъ, болѣе или менѣе обширныхъ и болѣе или менѣе изукрашенныхъ рѣзбою, но неумолимо покорныхъ одному и тому же обряду деревенскаго міра, посреди великорусской деревни просторной и раскинувшейся во всѣ концы, утомляющей глазъ однообразіемъ своего строя, но и внушающей глазу почтеніе неуклонною строгостію на всемъ царящаго обряда, подлѣ избы, распахнувшейся на всѣ стороны, съ мужичкомъ въ грязной холщевой рубахѣ, богатырски храпящимъ на завадникѣ, съ полнѣйшею безпечностью растворившаго всѣ свои затворы и солнечному зною, и вѣтру, и всякому прохожему,— по неволѣ бросается въ глаза этотъ чистенькій одноэтажный домикъ господской архитектуры (почти всегда крашеный), съ мезониномъ, тщательно со всѣхъ сторонъ притворенный и убранный, съ горшками геранія и миткалевыми занавѣсками въ окнахъ, съ двойными рамами въ іюльскій зной, и разными сухими травками, сухими цвѣточками между рамами,—домикъ со всѣхъ сторонъ собранный, а также и этотъ человѣчекъ, не менѣе собранный, его хозяинъ, въ безукоризненно-черномъ одѣяніи (черныхъ суконныхъ панталонахъ, такомъ же жилетѣ съ свѣтящимися стеклянными и металлпческими пуговками, такомъ же длинномъ сюртукѣ стариннаго покроя, и такой же фуражкѣ), малорослый аккуратно сидящій на скамейкѣ подъ окнами, съ лицомъ сосредоточеннымъ, соображающимъ, съ правою рукою всегда готовою подняться къ козырьку передъ всякимъ проѣзжимъ благороднаго званія, съ небольшими

глазками, если и не бойко, не слишкомъ рѣшительно окидывающими каждаго проѣзжающаго, то весьма быстро и осторожно проѣзжающими всѣ малѣйшія части и подробности его личности, отъ головы до ногъ. Иногда на такомъ домикѣ или на такомъ господинѣ васъ поразить какая-нибудь бездѣлка, о которой вы долго будете потомъ размышлять, придумывая какими путями она могла залетѣть въ русскую деревушку; такъ поразятъ васъ длинные олени рога, самой рѣдкой породы, прикрѣпленные посреди фасада такого домика, или алжирское бронзовое украшеніе съ восточными таинственными знаками, воткнутое въ бѣлую манишку такого господина, можетъ быть многіе годы скитавшееся по лицу земли, прежде чѣмъ попало въ глубь Вязниковскаго уѣзда.

— Это ужъ безпремѣнно офеня, говоритъ вамъ съ усмѣшкою ямщикъ, экой затѣйникъ! Гляди какой домъ поставилъ; поди-тка, и одѣвается какъ господа, а такой же мужикъ... Есть и такіе щеголи, чѣмъ къ порткамъ эдакіе суконные ремешки подъ сапоги прикрѣпляютъ (штрипки).

— Чай въ дороги хаживали, кричитъ ямщикъ черненькому господину.

— Что ты? вѣдь этакъ ты его обидишь.

— Помилуйте, баринъ, да они это себѣ во славу считаютъ. Вѣдь вы все спрашивали у меня про офеней; такъ вотъ я вамъ ихъ покажу.

— Какъ-же-съ, всякій народъ видали, ко всякому званію пріобыкли, отвѣчаетъ черненькій господинъ ямщику, презрительно на него поглядывая, и вѣжливо вставая и раскланиваясь съ сѣдокомъ благороднаго званія.

Вотъ этотъ офеня, этотъ типъ, съ своеобразною физиономіей, съ особеннымъ бытомъ, даже съ своимъ самодѣльнымъ языкомъ, во многихъ отношеніяхъ загадочный для изслѣдователя; вы легко его замѣчаете, и съ любопытствомъ въ него всматриваетесь, даже безъ всякаго указанія ямщика, однако онъ не слишкомъ долголюбиваетъ пытливый взоръ, и бережно уходитъ въ свой домъ, запирая за собою калитку. А очень не хотѣлось бы отказаться отъ наблюденія надъ этимъ человѣкомъ, претерпѣвшимъ всякіе земные климаты и такъ отходящимъ отъ всей окружающей среды. Онъ очень выпукло выставляется, съ этою собранностію, обглаженностію, аккуратностію и миниатюрностію своего бытія, начиная отъ припомаженной головы до узкихъ панталонъ и опойковыхъ

сапогъ, тщательно вычищенныхъ, съ этою осторожностію всѣхъ своихъ движеній, — рѣзко выдается на этомъ общемъ фонѣ русской равнины, съ ея широкими, массивными очертаніями, съ ея привольемъ и распущенностью, съ размашистостью движеній и удалствомъ быта. И этотъ полный особенностей человекъ—точно такой же крестьянинъ какъ и его сосѣдъ, совершенно ему соплеменный, и даже большею частію такой же точно крѣпостной, теперь временно-обязанный.

Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ до Вязниковъ съ жилищами офеней, я наконецъ попалъ въ самое сердце офенскаго края, на дорогу изъ Вязниковъ до Хóлуя. Эта дорога, идущая отъ нижегородскаго шоссе на сѣверъ, къ Шуѣ, къ Иванову, къ Волгѣ, принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ коммерческихъ трактовъ, чрезвычайно оживленныхъ и бойкихъ. Время года было также весьма благопріятное, чтобы взглянуть на народную дѣятельность въ этой мѣстности. Около іюня, собираются ходоушники со всѣхъ концовъ Россіи, для закупки товаровъ и для свиданія съ семействами; нѣкоторые, не дальніе, приходятъ домой ежегодно; другіе, торгующіе въ дальнихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ Сибири, возвращаются черезъ нѣсколько лѣтъ, иногда только черезъ пять. 24-го іюня начиналась тихвинская ярмарка въ Хóлуѣ, до нея была ярмарка въ Мстерѣ¹, одномъ изъ главныхъ средоточій офенскаго народонаселенія, и около этого времени развертывается цѣлый рядъ ярмарокъ и торжковъ, вѣнчающихся полномостнымъ рѣшителемъ судебъ всего ярморочнаго міра — Макаріемъ.

Дорога отъ Вязниковъ до Мстеры идетъ по правому берегу Клязьмы и очень живописна. Этотъ переѣздъ можно назвать прогулкой, и я весьма сожалѣю, что не сдѣлалъ его пѣшкомъ, хотя ѣхалъ не спѣша, безпрестанно выходя изъ телѣжки, и постоянно бесѣдовалъ съ моимъ пріателемъ ямщикомъ.

Жаль однако, что я не успѣлъ запастись попутчикомъ-офеней. Я отдавалъ попутчика въ пользу ямщика, лишь бы попутчикъ былъ подходящій подъ мои виды, извѣстные ямщику, вступившему со мной въ самый тѣсный союзъ, но всѣ старанія ямщика найти въ Вязникахъ попутчика изъ офеней остались тщетны, хотя толпы офеней и шли въ Хóлуѣ на ярмарку. Всѣ,

¹ *Мстера*, по мѣстному произношенію. На картѣ *Мстера*.

съ кѣмъ рѣдился ямщикъ, смекнули съ свойственною имъ пронырливостью, что представлялся случай проѣхать чуть-чуть не задаромъ и предлагали плату неслыханно низкую. Ямщикъ готовъ былъ везти для меня попутчика и даюмъ, да подряжавшіе офени больно одолевали кладью, которую они намѣревались закупить на ярмаркѣ и которую слѣдовало везти въ Вязники на обратномъ пути. Особенно прижимистъ былъ одинъ богатый вязниковскій торговецъ, уже осывшій офеня, и потому не совсѣмъ подходившій подъ наши виды.

Дорога отъ Вязниковъ до Мстеры извивается по нагорному берегу Клязьмы, то взбираясь на самый верхъ горы и развертывая передъ глазами путешественника чудную, на десятки верстъ, панараму теченія рѣки и множества сель и деревень, которыми усыяна равнина за рѣкой, то быстро спускаясь въ долину, къ самой рѣкѣ, и создавая сельскіе виды иного характера, но не менѣе живописные: съ одной стороны передъ вами голубыя, тихія воды Клязьмы; съ другой — крутая какъ стѣна гора, поросшая деревьями и кустарниками. Бѣльшая часть дороги внизу окаймляется аллеей березъ. Эта мѣстность такъ населена, что едва ли не на каждой верстѣ,—безъ преувеличенія на каждыя двѣ верстахъ,—стоитъ деревня или на самой дорогѣ, или вблизи отъ нея. Это уже сплошныя офенскія поселенія. Густота народонаселенія служитъ первымъ поводомъ къ развитію торгашества въ этой мѣстности; но, разумѣется, для объясненія офенства надо искать и другихъ историческихъ причинъ. На всемъ протяженіи дороги, то толпами, то поодинокъ, снуютъ народъ, идутъ возы съ самыми разнообразными товарами; дорога болѣе похожа на улицу, даже весьма оживленную улицу, нежели на русскій проселочный трактъ. Весь этотъ встрѣчный людъ былъ почти исключительно изъ офеней.

Ямщику больно хотѣлось посадить сѣдока въ нашу тележку, и многимъ прохожимъ онъ предлагалъ подвезти до Мстеры.

— Благодарствуйте, насидѣлись, бывалъ отвѣтъ.

— Ишь какой народъ! Чай тысячу верстъ прошелъ пѣшкомъ, а такъ куражится, разсуждалъ ямщикъ, котораго мнѣ уже приходилось унимать въ его рвеніи къ общественно-физиологической наукѣ. Безъ сомнѣнія, приведенный отвѣтъ офени обнаруживалъ, большею частію, только желаніе выторговать какъ

можно сходнѣ цѣну за провозъ и не уронить своего пѣшеходнаго ходенія въ глазахъ порядочно-одѣтаго проѣзжаго.

Группы народа по дорогѣ чрезвычайно оживлены присутствіемъ женщинъ. Во всей мѣстности, которую я здѣсь описываю, сарафанъ и всё принадлежности народнаго женскаго одѣянія совсѣмъ исчезли изъ употребленія; ихъ почти не увидишь. Преобладающая здѣсь женская одежда для женщинъ и дѣвушекъ состоитъ въ платьѣ (ситцевомъ, шерстяномъ, а иногда и шелковомъ), передникѣ, всегда другаго цвѣта, и большомъ платкѣ (съ пестрыми узорами, бумажномъ, или шалевомъ, то-есть шерстяномъ, иногда шелковомъ), надѣтомъ на голову и висящемъ со всѣхъ сторонъ до пояса. Это одѣяніе однообразно и не граціозно; головной платокъ, не снимаемый даже дома, окаймляетъ и какъ-то сжимаетъ лицо, покрываетъ не только прическу, но почти всѣ волосы, и весь станъ. Женщины здѣсь не отличаются красотой; онѣ представляютъ такую же противоположность въ отношеніи къ общему типу великорусской крестьянки, какъ мужчины-офени въ отношеніи къ мужичку. Ихъ малорослость, ихъ вертлявость и изысканность (что бы не сказать искусственность) не напоминаютъ вамъ о дюжей и здоровой русской бабѣ, но также не напоминаютъ и о ея статности и плавности; самыя красивыя между ними могутъ быть названы развѣ только миловидными. Здѣшній женскій полъ, со всею своею обстановкой, всего ближе подходитъ подъ тотъ типъ, который мы привыкли соединять съ понятіемъ о русской мѣщанкѣ, въ провинціальныхъ и уѣздныхъ городахъ, — типъ блѣдный, нерѣшительный, промежуточный, бойкій, только въ самыхъ внѣшнихъ и механическихъ своихъ проявленіяхъ, типъ, который не знаешь какъ поставить, позади или впереди типа чистой великорусской крестьянки, точно также какъ недоумѣваешь, кто болѣе выдвигается впередъ въ успѣхахъ народной жизни—офени или его сосѣдь-земледѣлецъ?

На дорогѣ большею частію встрѣчаешь торгашей-ходебщиковъ, попарно съ ихъ женами. Эти вездѣ разсѣянные по тропинкамъ и полямъ парочки, предающіяся мирному удовольствію прогулки и погруженные въ тихую, интимную бесѣду, пріятно поражаютъ глазъ, и порадовали бы васъ мыслию о тихомъ счастіи семейной жизни, которое вкушаетъ все это народонаселеніе, еслибы такая идиллія не разлеталась мечтою при мысли, что всѣ эти домашнія радости озаряютъ офению въ

теченіи 2 — 6 недѣль, послѣ одиночнаго скитанія въ теченіи цѣлаго года, часто двухъ, трехъ, пяти лѣтъ. Это не семейная жизнь, а побывка на дому посреди вѣчнаго шатанья и холостой жизни, льготами которой пользуется и прекрасная половина вѣнчальнаго союза. Не столько своею семьею, сколько побывкой наслаждается офеня. Претерпѣвъ всякія невзгоды и лишенія, вездѣ ежась и сгибаясь, онъ здѣсь самъ себя хозяинъ. Отрада чувствовать себя хозяиномъ, быть у себя дома, имѣть кому приказать, передъ кѣмъ похвастаться, кого удостоить своей компаніи, наконецъ имѣть минуты покоя, въ которыя нѣтъ обязанности напрягать всѣ свои умственные силы на плутни, или на защиту отъ чужихъ плутней, — эта отрада велика для человѣка, котораго вся жизнь есть скитаніе по чужимъ домамъ и дорогамъ, пролѣзаніе во всякія щели, выпрашиваніе товара и кредита, натираніе себѣ всякихъ мозолей, физическихъ и нравственныхъ. И надо видѣть, съ какою нѣгой предается офеня наслажденію побывки. Ему важно не то что у него есть жена, а то что можно ее показать; и вотъ онъ наряжаетъ ее, и чинно выходитъ съ нею напоказъ. Чрезвычайно забавляли меня разказы ямщиковъ, какъ хвастливы офени, когда они возвращаются домой съ дальней стороны. Разспросамъ о житьѣ-бытьѣ на родинѣ, о подробностяхъ на счетъ каждаго изъ земляковъ и родныхъ, о слухахъ про того или другаго — конца нѣтъ. Надо знать, съ какой стороны подѣхать къ каждому изъ старыхъ пріятелей, чѣмъ себя показать и чѣмъ лучше удивить, да и о женѣ не мѣшаетъ провѣдать. Иногда нѣсколько тысячъ верстъ пройдетъ офеня пѣшкомъ, а къ самому дому надо непременно подѣхать на лошадахъ. Бдутъ офени на парѣ, вдали отъ деревень хотъ и шагомъ, а въ деревню надо всегда вѣхать вскачь, пофорсистѣе; передъ вѣздомъ въ деревню часто стрѣляютъ изъ своихъ ружей, чтобы вѣздъ былъ великолѣпнѣе. Любимый костюмъ офени, когда онъ у себя дома — халатъ, который онъ считаетъ самымъ передовымъ франтовствомъ въ мірѣ. Халатъ—большею частію восточный и на ватѣ (несмотря на лѣтній зной). Офеня надѣваетъ его (поверхъ черныхъ панталонъ, галстука и жилета съ часами и бронзовою цѣпочкою) и на прогулку, даже на разныя игры, которыми увеселяется молодежь на лугу около деревень. Кромѣ халата, составляющаго роскошное одѣяніе, офени одѣваются и по городскому, всегда въ черное или самое темное цвѣтное сукно. Ихъ можно, не зная, вообще всего скорѣе при-

нять за лакеевъ; они почти все замѣчательно мелкой породы, посреди массы крупнаго и статнаго великорусскаго населенія; у нихъ угловатая фізіономія, черные волосы и мягкій органъ голоса. Есть также много офеней, принадлежащихъ къ самому низшему или бѣдному слою этой группы людей, и ничѣмъ по своему внѣшнему виду и одеждѣ не отличающихся отъ обыкновенныхъ крестьянъ.

Я упомянулъ объ играхъ. Ими еще болѣе оживлялась дорога, по которой я проѣзжалъ. Хороводы и хоровыя пѣсни изгнаны отсюда, и ихъ нигдѣ не услышишь, не увидишь. Ихъ замѣняютъ разныя деревенскія увеселенія городскаго характера, и преимущественно горѣлки, какъ наиболѣе соответствующія здѣшней тонкости обращенія между полами. И все это веселится и гуляетъ безъ крика, шума и пѣсень, весьма чинно и прилично; изысканности въ манерахъ халатовъ и сибирокъ, бѣгающихъ съ подобающею важностью, не слишкомъ шибко, за своими дамами, въ горѣлкахъ,—стараются подражать и дамы.

Такія группы мушкетъ и женщинъ были живописно разбросаны около дороги, на полянахъ и пригоркахъ; инныя изъ нихъ мирно предавались бесѣдѣ, превращавшей дугъ въ салонъ. Конечно общая гармонія этой чинной и приглаженной картины нарушалась иной разъ крѣпкимъ русскимъ словомъ, прорывавшимся у того или другаго кавалера, при разказѣ о какой нибудь коммерческой неудачѣ или при неловкомъ паденіи въ горѣлкахъ, либо нѣсколько развязными объятіями собесѣдниковъ и собесѣдницъ, позабывшихъ, что они веселятся на людяхъ; но эти невольные прорывы натуры, напоминающіе зрителю объ иныхъ нравахъ и отношеніяхъ, которыя замаскированы декорацией веселящагося общества, нельзя поставить въ упрекъ людямъ, которые исполнены искреннѣйшаго желанія держаться правилъ благовоспитанности. Да и гдѣ не случается подобныхъ прорывовъ? Отъ нихъ не упасешься и посреди многихъ другихъ, болѣе знакомыхъ намъ слоевъ общества, приглаженныхъ уже не вязниковскою, а настоящею парижскою помадой.

Но не будемъ пускаться въ разсужденіе, чтобы не забраться слишкомъ далеко отъ этой пестрой группы, которая разсѣлась около одной изъ деревень на мстерской дорогѣ и показала мнѣ особенно людною и привлекательною; я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи присоединиться къ этому обществу. Оно весьма радушно приняло меня. Когда я извинился,

что можетъ-быть обезпокою компанію моимъ присутвіемъ, мнѣ отвѣчали:

— Помилуйте, сударь, мы пріятному гостю всегда рады; мы люди привычныя; со всякимъ званіемъ скошеніе имѣли-сь.

Дѣйствительно, никакое постороннее лицо не смутить этихъ людей; они легко вступаютъ въ разговоры со всякимъ проѣзжимъ, хотя и никогда не выскажутся больше чѣмъ нужно. Чрезвычайно умильно кланяется мнѣ на дорогѣ одинъ прохожій и видимо напрашивается на разговоръ; кланяюсь и спрашиваю, не знакомый ли. Отвѣтъ:

— Кланяюсь я потому, что вижу благородное лицо. Мы крестьяне господѣ П., такъ сызмала къ благороднымъ особамъ уваженіе получили.

Такимъ запахомъ въ достаточной пропорціи пропитанъ весь офенскій край, который большею частію состоитъ изъ помѣщичьихъ имѣній. Элементы крѣпостнаго права вошли въ составъ офенской фizioноміи, и можетъ-быть многія послѣдствія крѣпостнаго состоянія, въ обширномъ его значеніи (обязательная приписка по ревизіи и искусственныя препятствія свободному избранію мѣстожителства и занятій), и обусловили это шатанье, замкнутость, скрытность и терпкость характера.

Деревня, около которой я остановился, была очень незначительная. На горѣ стоялъ особнякомъ ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями, со всѣхъ сторонъ заколоченный.

— Вотъ какой жалкій домишко у помѣщика этой деревни; а у его же крестьянъ много домовъ богаче и лучше. Говорятъ, у многихъ найдутся сотни тысячъ капитала, замѣтилъ я моему ямщику.

— Да тутъ господа никогда и не живутъ. Этотъ домъ давно стоитъ пустой; въ немъ жить нельзя. Въ немъ черти живутъ. Пытали въ немъ жить, такъ одной ночи никто не вытерпитъ, такой содомъ поднимаютъ, объяснилъ мнѣ ямщикъ.

— Ужъ не офени ли выдумали этихъ злыхъ духовъ. Безъ барина-то жить все-таки попросторнѣе?

— А кто ихъ знаетъ они на всякія выдумки горазды.

Офенскій народъ, какъ видно изъ моихъ разказовъ, самый *обходительный*. Замѣчу здѣсь фактъ несовсѣмъ безразличный: въ массѣ народонаселенія, здѣсь преобладаютъ въ разговорѣ мѣстоименіе *вы* и обозначеніе лицъ по имени и отчеству. Весьма характерично, что лучшею похвалой

служить здѣсь сказать про человѣка, что онъ обходительный. Это здѣсь почти то же, что въ другихъ сферахъ назвать кого «порядочнымъ человѣкомъ», или «джентльменомъ».

Прежде чѣмъ говорить о Мстерѣ, куда [привелъ насъ мой разказъ, сообщу, въ связи съ предыдущими замѣтками, нѣсколько свѣдѣній объ офеняхъ. По всеобщимъ отзывамъ, офенство падаетъ; самые значительные изъ офеней дѣлаются осѣдлыми торговцами и совсѣмъ не возвращаются на родину (въ особенности изъ Сибири); говорятъ, что до пятисотъ офенскихъ семействъ выселились въ послѣднее время изъ Вязниковскаго уѣзда. Это явленіе весьма понятно. Развитие правильныхъ путей и способовъ сообщенія, развитие мѣстной торговли въ отдаленныхъ краяхъ имперіи, по необходимости должны упразднить промыселъ торговцевъ-ходебщиковъ, основанный на *непостоянствѣ* и *нелѣпности* общественныхъ условій торговли. Успѣхи промышленности стали требовать болѣе точныхъ и правильныхъ способовъ сбыта и болѣе определенныхъ условій для коммерческихъ сдѣлокъ,—способовъ и условій, которые бы болѣе поддавались точному разчету и заранѣе принятому плану, ибо безъ точнаго разчета и предначертаннаго плана операциі не можетъ обходиться современемъ по преимуществу механическая форма фабрикаціи. Лучшіе фабриканты теперь избѣгаютъ офен ей, иные даже систематически не хотятъ имѣть съ ними никакого дѣла, и предпочитаютъ имѣть постоянныхъ гуртовыхъ покупателей въ мѣстныхъ торговцахъ и пересылать имъ товаръ собственнымъ попеченіемъ. Кредитныя сдѣлки, преобладающія въ дѣлахъ съ офенями, стали весьма не вѣрны; онѣ вѣроятно и никогда не были очень вѣрны, но прежде легче отпускался товаръ на вѣру, безъ всякихъ документовъ, чѣмъ теперь; требованія торговли были иные. Говорятъ, что самые обыкновенные прежде случаи отпуска ходящиму товару въ кредитъ, съ придачею даже отъ фабриканта значительныхъ наличныхъ денегъ на путевые расходы, теперь почти не бывають. Большинство офеней не знаетъ грамоты; память и сноровка въ обращеніи, знакомство съ товаромъ, замѣняютъ для нихъ всякіе письменные счета, книги и записки; но съ успѣхами просвѣщенія едва ли будутъ въ состояніи безграмотные торговцы конкурировать съ грамотными, какъ ни изумительны фокусы памяти и наблюдательности, придуманные въ замѣну письма. При этомъ намъ не разъ приходила въ голову мысль о силѣ рутинѣ, которая заставляетъ цѣлыя поколѣнія людей подвергать свои

умственные способности не вѣсть какимъ истязаніямъ, необходимымъ въ этой мнемонистикѣ, вмѣсто того чтобы замѣнить ихъ такою простою машиною какъ азбука, требующая несравненно меньшихъ усилій. Извѣстно, что офени имѣютъ издавна свой собственный языкъ, котораго тайны они стараются скрыть отъ непосвященныхъ. Сущность офенскаго языка заключается, въ условномъ употребленіи однихъ русскихъ словъ вмѣсто другихъ (напримѣръ *рюмка* называется *аршиномъ*, *лошадь*—*острякомъ*, и проч.); въ филологическомъ же отношеніи это тотъ же самый русскій языкъ. Мы слышали на мѣстѣ, что офенскій языкъ безпрестанно измѣняется, и если это справедливо, то въ составленіи офенскихъ словарей необходимо было бы принять элементъ хронологическій. Этотъ особый языкъ, которымъ славятся офени, придаетъ имъ нѣкоторый оттѣнокъ таинственности, загадочности и сектаторской замкнутости, и весьма характеризуетъ ту ступень коммерческаго развитія, къ которой принадлежитъ офенство.

Какъ я уже сказалъ выше, мнѣ предстояла станція въ селѣ Мстерѣ. Это одно изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ края. Мстера (имѣніе графа Панина) только носитъ офиціальное званіе села, а по фабричной дѣятельности (разныя домашнія производства, преимущественно иконопись ¹) и торговли, и по всему быту жителей, вовсе не занимающихся земледѣіемъ, кромѣ огородничества, въ особенности значительнаго разведенія лука,—это настоящій городъ. Подъ словомъ городъ мы разумѣемъ не болѣе какъ ту помѣсь города съ деревней, фабричности и коммерціи съ сельскимъ бытомъ, городскихъ нравовъ съ крестьянскими, какою представляется множество поселеній въ этомъ краѣ. Иваново есть высшее выраженіе этого типа. Онъ никакъ не подходитъ подъ понятіе города въ западно-европейскомъ смыслѣ, однако гораздо болѣе принадлежитъ къ категоріи городовъ чѣмъ многіе наши офиціальные города. Во всякомъ случаѣ, такіе центры населенія съ преобладающею промышленною и торговою дѣятельностію—пока самые

¹ Иконописное производство въ Мстерѣ въ особенности замѣчательно наконецъ старинныхъ иконъ, сбываемыхъ за большія деньги раскольникамъ. Къ сожалѣнію я не успѣлъ посѣтить этого рода мастерскія, содержимыя въ нѣкоторой тайнѣ, хотя и имѣлъ къ тому случай. Сколько мнѣ извѣстно, эту контрафакціей занимаются сами раскольники.

естественные города у насъ, и еслибы не искусственные препоны, они получили бы иное, еще болѣе широкое развитіе. Самый внѣшній видъ Мстеры интересенъ въ этомъ отношеніи: нѣсколько большихъ старинныхъ церквей, каменныхъ зданій, какихъ не имѣютъ многіе города, лавокъ, переѣзженныхъ съ избами и деревенскими постоянными дворами. Здѣсь коммерческій пунктъ, и самый пестрый проѣзжій народъ смѣняется ежеминутно на постоянныхъ дворахъ. Дворникъ или хозяинъ постоялаго двора встрѣчаетъ всякаго гостя съ распростертыми объятіями, и самъ всегда навеселѣ. Мы остановились у самаго бойкаго. Нечего сказать, тертый калачъ этотъ человекъ; много дѣлъ прошло черезъ его руки. Его постоянный дворъ едва ли уступить въ оживленности любой петербургской или московской гостиницѣ, но рѣшительно превзойдетъ ихъ развязною общительностію и непринужденною веселостію постояльцевъ. Безпрестанно отъѣзжаетъ экипажъ отъ воротъ, и безпрестанно въѣзжаетъ новый. Хозяинъ самъ каждого встрѣчаетъ, цѣлуется, подаетъ руку (всякому, даже кого онъ видитъ въ первый разъ), сообщаетъ всѣ нужныя ему новости, и въ мигъ отыскиваетъ и приводитъ всѣхъ нужныхъ ему людей. Возгласы привѣтствія: «Иванъ Петровичъ, Трофимъ Васильевичъ, добро пожаловать, а мы васъ таки поджидали» и т. д. ежеминутно раздаются на дворѣ и въ сѣняхъ. Соображенія объ іерархической важности пріѣзжаго лица не входятъ въ мысли хозяина, да и всѣхъ присутствующихъ. Каждый пріѣзжаетъ или проѣзжаетъ за дѣломъ, и за собственнымъ дѣломъ, а интересы настоящаго дѣла гонятъ отъ себя всѣ китайскія церемоніи, губящія время людей, которыя занимаются не своимъ, а чужимъ дѣломъ. Самоваръ кипитъ, и въ мигъ образуется на постояломъ дворѣ компанія изъ всѣхъ проѣзжихъ, безъ разбору чиновъ и званій. Хозяинъ садится за общій столъ; къ компаніи присоединяются и ямщики, которые тутъ же получаютъ расчетъ или рядятся съ новыми сѣдоками. Чай и водка развязываютъ языки, и живая бесѣда, со всѣми приправами русскаго юмора и злорѣчія, льется непринужденною рѣкой. Чай и водка не мѣшаютъ однако дѣлу; посреди болтовни завязываются и развязываются дѣла, и собесѣдники часто удаляются въ сторону или въ особую комнату для *своего* разговора. Ходу веселой бесѣды и дѣла хозяинъ способствуетъ съ величайшимъ тактомъ, и, несмотря на учащающіяся порціи очищенной, не пропуститъ между ушей ни одного слова. Заботы по хозяйству и угощенію не обременя-

няютъ его, на это есть у него Машенька (его дочь), молодая дѣвушка,—сущее провидѣніе дома и всѣхъ проѣзжихъ. Дѣятельность ея, которая, кажется, не вѣдаетъ что такое усталъ, повстинѣ изумительна. Всѣ проѣзжающіе по этому тракту знаютъ Марью Васильевну ¹ и чествуютъ ее. Безъ нея, при склонности отца къ винцу, было бы плохо постоялому двору. Посреди всѣхъ своихъ заботъ по хозяйству и бѣготни по дому и селу, отъ раннаго утра до поздней ночи, она должна еще отвѣчать на любезности гостей, подпѣвать иногда веселой компаніи, въ которой ей также приходится участвовать, и которая относится въ ней однако съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Это—бойкая, но, какъ говорятъ, «соблюдающая себя» дѣвица, хотя доля ея не легка, посреди исполненія всякихъ приказаній пьянаго отца, безпрестанно оглашающихъ постоялый дворъ: «Машенька сбѣгай въ кабакъ за косушкой, Машенька тебя постояльцы зовутъ чай пить» и т. д. Посреди веселости всякихъ гостей, которыхъ надо «уважить», если не за то, что они милы, такъ за то, что карманы ихъ толсты, много проносится нескромныхъ словъ мимо ея дѣвическаго уха, и «соблюденіе себя» выходитъ подвигомъ уже черезчуръ труднымъ. Эта Машенька, или Марья Васильевна,—не исключительное явленіе въ здѣшнемъ краю. Нигдѣ не случалось намъ до сихъ поръ встрѣтить на Руси женщинъ, и въ особенности дѣвушекъ, до такой степени обремененныхъ работою, и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ живыхъ, бойкихъ, неутомимыхъ и безропотныхъ какъ здѣсь; онѣ напомнили намъ женщинъ въ Германіи, въ особенности неутомимыхъ служительницъ въ тамошнихъ гостиницахъ. Въ описываемомъ мною краю, этотъ женскій типъ, и вообще рабочая жизнь женщинъ въ семьяхъ не очень богатыхъ, кажутся намъ послѣдствіемъ крайняго индустріализма, который здѣсь преобладаетъ.

Хозяинъ постоялаго двора, съ свойственною ему проницательностію, сразу смекнулъ кого намъ нужно. Несмотря на поздній часъ ночи, сдѣлано было чрезъ Машеньку надлежащее распоряженіе, и черезъ десять минутъ уже сидѣлъ подлѣ меня, около всеоухотворяющаго самовара, мѣстный литераторъ-крестьянинъ...

¹ Предупреждаю, что имена въ моемъ разказѣ вымышленныя.

Посреди всѣхъ этихъ впечатлѣній, бѣгло набросанныхъ мною, чувствуешь столь рѣдкую на Руси струю публичной жизни, настоящей, неподдѣльной, народной, которая журчитъ около селъ по всему этому тракту, и придаетъ здѣшнему быту особенный колоритъ. Самымъ отличительнымъ признакомъ публичности я считаю свободное обращеніе съ чужимъ человѣкомъ. Эта струя будетъ расти по направленію къ главному ярморочному центру, и разольется наконецъ въ Хблѣвъ полнымъ разливомъ, вмѣстѣ съ своею спутницей водкой. Какъ ни грязны многіе ея оттѣнки, какъ ни дики и невѣжественны многія ея проявленія, но чувствуешь себя какъ будто посреди настоящей жизни, не приводимой въ движеніе никакими пружинами, и не приводящей въ движеніе никакихъ автоматовъ, а привольно раскинувшейя около дѣйствительныхъ человѣческихъ нуждъ и влеченій. Если бы вдохнуть нѣсколько болѣе идей въ эти влеченія и нѣсколько болѣе просвѣщенія въ эти интересы, какъ хорошо развернулась бы эта жизнь! Но при этой мысли, невольно западающей въ душу, васъ обемлетъ страхъ, основанный на томъ опытѣ, что и просвѣщеніе можетъ пойти избитою колею регламентацій, которая будетъ еще неудобнѣе для проѣзда чѣмъ эти натуральные ухабы, и намъ становится жаль коммерческаго тракта, и вы уже готовы пожалуй, вступитья за его права, за его свободу, противъ просвѣщенія....

— Ну, Петръ Петровичъ, вотъ тебѣ графинчикъ, распоясывайся живѣй, да разказывай ему все, и про свою статистику, и про все, чтò ты намаралъ. Онъ можетъ и пособить; разказывай все, ему можно, говорить хозяинъ литератору, и дружельюбно треплетъ меня по плечу своею здоровою ладонью.

Спать было нельзя, за неимѣніемъ на кровати бѣлья въ этомъ эльдорадо, и я употребилъ ночь на разсмотрѣніе картинокъ, (почти исключительно такъ-называемыхъ лубочныхъ), которыми покрыты всѣ стѣны, съ верху до низу, на постояломъ дворѣ. Сюжеты коллекціи мстерскаго постоялаго двора заключаются преимущественно: въ изображеніяхъ особъ русскаго царствующаго дома (наибольшее количество экземпляровъ приходится, какъ всегда, на долю Петра Великаго) разныхъ аллегорическихъ мукъ, ниспосылаемыхъ за разные пороки, рѣдкихъ и диковинныхъ чужестранныхъ сатиръ на женскія слабости, и женщинъ въ разныхъ соблазнительныхъ положеніяхъ.

Послѣдняго рода картинокъ особенно много, и передъ ними посѣтители постоялаго двора останавливаются съ особеннымъ удовольствіемъ, хотя соблазнъ этихъ весьма неискусныхъ изображеній заключается почти единственно въ намѣреніяхъ художника, высказывающихся въ подписяхъ, а отнюдь не въ исполненіи (прелестная одалиска, купающіяся сильфиды и проч.) Большинство картинокъ — произведенія мѣстнаго искусства, *мстерской литографіи*, и изданы въ послѣдніе два года. Особенно замысловатою показалась мнѣ одна аллегорическая картинка съ слѣдующею объяснительною подписью: «*злость*». Представляютъ ее въ образѣ женщины среднихъ лѣтъ, гласить даѣе подпись для того, что въ сихъ лѣтахъ имѣютъ гораздо болѣе склонности къ безстыдству, побѣдивъ застычивость. Взглядъ ея ужасенъ, видъ пасмуренъ, и волосы въ безпорядкѣ изъясляютъ внутреннія движенія души. Съ удовольствіемъ взираетъ она на Аспида и на кинжалъ. Прочія знаменованія ея суть змѣй съ лицомъ человѣческимъ, означаетъ хитрость, обезьяна есть эмблема злобы, а паукъ, основывающій свою паутину, относится къ сѣтямъ, которыя злоба постановляетъ чести, жизни и благостоянію ближнихъ ¹.»

Не безъ сожалѣнія долженъ былъ я на другое утро разстаться съ моею удобною обсерваторіей. Утромъ, постоялый дворъ вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ, послѣ обычной вечерней выпивки; на ногахъ была одна Марья Васильевна, неизвѣстно когда отдыхающая, и купеческій прикащикъ, заботливо вставшій прежде другихъ прикащиковъ, конкурирующихъ съ нимъ и въ одно время съѣхавшихся въ Мстерѣ для закупки одного и того же товара. Бдительность прикащика, спѣшившаго раннею закупкой товара посадить своихъ пріятелей, была замѣчательна, но онъ скоро успокоилъ мое удивленіе объясненіемъ: «нашему брату, разумѣется, отъ хозяйскихъ барышей пользы никакой нѣтъ; ну, да ловко повернешь дѣло, такъ хозяина маленько и ущипнуть можно.» Прикащикъ, по значительности своего хозяина, принадлежалъ къ разряду тѣхъ прикащиковъ, которые, обладая полною довѣренностью своихъ хозяевъ и распорядяясь огромными капиталами и оборотами, принадлежать къ главнымъ дѣятелямъ всероссійскаго торговаго міра.

¹ Подпись передается здѣсь съ буквальною точностью, кромѣ своеобразной орфографіи.

Передъ выѣздомъ изъ Мстеры, я успѣлъ однако посѣтить обратъ по литературному ремеслу. Впрочемъ, выраженіе *ремесло* здѣсь не совсѣмъ точно, ибо мстерскій писатель занимается литературой по любви, а ремесло его миниатюрная иконопись. Мы легко нашли другъ въ другъ сочувственныя струны и общій для нихъ языкъ, какъ члены одной семьи (*respublica litterarum*). Сосѣдство питейнаго дома нарушало нѣсколько разъ миръ нашей бесѣды. Мстерскій литераторъ былъ не веселъ какъ и вся его семья, но его горе было не похоже на обыкновенное горе литераторовъ: рекрутчина, оброкъ помѣщику, обиды бурмистра, плутни офеней, въ расплатахъ за его произведенія (иконы), и преслѣдованія другихъ его враговъ, старовѣровъ ¹, озабоченныхъ за его археологическія розысканія и даже воспретившихъ ему входъ въ свои церкви. Этотъ человекъ не всегда однако былъ въ нищетѣ, какъ свидѣтельствуетъ его каменный двухъ-этажный домъ, вмѣщавшій въ себѣ прежде цѣлую иконописную фабрику. Теперь этотъ домъ кажется какимъ-то пустыннымъ и мрачнымъ жилищемъ; онъ буквально пустъ внутри; покочнувшійся столъ съ нѣсколькими начатыми иконами и пожелтѣвшими рукописями, два сломанные стула, самоваръ и штофъ съ рюжкой—почти единственныя вещи во всемъ домѣ, которыя не только не оживляютъ его, но еще какъ-то иронически смотрятъ на васъ посреди этой пустыни. Крестьянинъ-литераторъ съ чахлымъ, блѣднымъ лицомъ, особенно рѣзко выступающимъ при черной густой бородѣ и красной ситцевой рубахѣ, съ сверкающими и озирающимися изъ-подъ лобья глазами, съ судорожными движеніями, медленно и протяжно, церковнымъ голосомъ, разбирающій свои безконечныя рукописи... также не веселое явленіе въ пустынѣ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова самоучка и остается совершенно чуждъ нынѣшней литературѣ, а потому и не производитъ собою тѣхъ впечатлѣній какъ другіе простонародные литераторы, которыхъ часто встрѣчаешь на нашихъ дорогахъ—съ мутными, несознанными тенденціями, съ гениемъ на челѣ и съ языкомъ, механически составленнымъ изъ фразъ, вытверженныхъ наизусть и производящихъ въ слушателя тошноту несказанную.

¹ Половина жителей Мстеры раскольники.

Разставаясь съ Мстерой, я обязанъ упомянуть о мѣстномъ литографическомъ заведеніи Александра Кузьмича Голышева. Къ сожалѣнію, я не могъ осмотрѣть самаго заведенія, ибо всѣ работы на немъ были пріостановлены въ теченіи холуйской ярмарки; но я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ почтеннымъ хозяиномъ уже въ Холуѣ, и долженъ выразить здѣсь Александру Кузьмичу благодарность, какъ одному изъ лицъ, оказавшихъ мнѣ радушное содѣйствіе въ моемъ путешествіи. Голышевъ производитъ обширную торговлю книгами, преимущественно для народнаго чтенія и чрезъ посредство офеней; въ этомъ отношеніи (то-есть, по народной книжной торговлѣ и литературѣ) онъ обладаетъ огромнымъ запасомъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ десятками годовъ дѣятельности и постоянныхъ ежедневныхъ сношеній съ народомъ, такъ что едва ли кто другой можетъ съ нимъ сравниться. При самомъ короткомъ знакомствѣ со всѣми преданіями, обычаями и условіями дѣла, весьма сложнаго и прихотливаго, каково изданіе книгъ и картинъ для народа и торговля ими, при полномъ навыкѣ и при самомъ практическомъ взглядѣ на вещи, г. Голышевъ мучимъ тѣми стремленіями къ усовершенствованію дѣла, къ нововведеніямъ, къ новымъ путямъ, которыя такъ рѣдко встрѣчаются у нашихъ практическихъ людяхъ. Имя его пользуется всеобщимъ уваженіемъ въ краѣ, доказывающимъ добросовѣстность въ веденіи дѣла. При содѣйствіи людей, посвятившихъ себя великому дѣлу народнаго образованія — такой человѣкъ, въ самомъ сердцѣ народной жизни, можетъ сдѣлаться однимъ изъ полезнѣйшихъ его дѣятелей. Отъ него мы слышали, что офени любятъ запасаться книгами, дабы подъ прикрытіемъ ихъ производить безъ торговаго свидѣтельства торговлю другими товарами.

Въ собственномъ своемъ заведеніи, г. Голышевъ литографируетъ и раскрашиваетъ картины, преимущественно для простаго народа. Пріятно поражаетъ глазъ въ селеніи Мстерѣ вывѣска большими буквами: *Литографія Голышева*, которою гордятся всѣ жители. Въ самомъ дѣлѣ: почему бы кажется заводить въ селѣ литографію, состоящую въ разрядѣ городскихъ промышленныхъ заведеній, и заводить крестьянину, да еще крѣпостному? Когда встрѣчаешься очію со всѣми подобными вопросами, на которые рѣшительно нечего отвѣчать, кромѣ повторенія самаго вопроса съ отрицательною частицей (а почему бы не заводить?) тогда уже не можешь съ само

довольствомъ разсуждать о недостаткѣ самодѣтельности и инициативы въ народѣ, или о необходимости таможеннаго тарифа для успѣховъ народной промышленности.

Перѣздъ изъ Мстеры въ Холуй былъ очень не веселъ и утомителенъ. Дорога шла почти все песками и лѣсами. Однообразіе дороги прерывалось лишь перевозомъ на холуйской пристани (на Клязьмѣ) и часовнею съ деревяннымъ изваяніемъ святаго чудотворца Николая, стоящею посреди мрачнаго лѣса. Съ этою часовней связаны народныя легенды, которыя съ трепетомъ разказывалъ мнѣ ямщикъ; между прочимъ, изображеніе святаго нѣсколько разъ было переносимо въ монастырь, которому принадлежитъ часовня, но каждый разъ оно вновь появлялось въ часовнѣ. Темнота и холодъ въ этой древней часовнѣ, посреди нея колосальная бѣлая фигура угонника, стоящаго съ большимъ мечомъ въ рукахъ и пустынный лѣсъ вокругъ, дѣйствительно производятъ трепеть въ душѣ.

Въ Холуй я прибылъ въ самый разгаръ тихвинской ярмарки, въ *коренной* ея день (24 іюня), и потому могъ вполнѣ насладиться зрѣлищемъ нравовъ холуйскихъ жителей и посѣтителей ярмарки; но за то не могъ видѣть самаго производства работъ тамошнихъ иконописцевъ, такъ-называемыхъ въ простонародь, *богомазовъ*.

Холуй ¹ (или Холуйская слобода) расположенъ довольно живописно на рѣкѣ Терѣ, протекающей по самой его срединѣ. Одна часть слободы принадлежитъ графу Бобринскому и населена крестьянами на помѣщицьемъ правѣ (то-есть временно-обязанными), а другая принадлежитъ казнѣ и населена государственными крестьянами. Стройка почти исключительно деревянная; дома двухъ-этажные, небольшіе, преимущественно на манеръ постоянныхъ дворовъ: съ свѣтелками, мезонинами и разными пристройками. Большихъ каменныхъ домовъ, какъ въ другихъ подобныхъ промышленныхъ селеніяхъ, здѣсь не видно, но также не видно и крестьянскихъ избъ. Здѣсь рѣшительно не замѣтно той капитальной зажиточности, какая поражаетъ васъ въ другихъ селеніяхъ этого края; здѣсь и нѣтъ вовсе мѣстныхъ крупныхъ капиталовъ, но *здѣсь вовсе нѣтъ и*

¹ Обращаю вниманіе на удареніе въ словѣ Холуй; мѣстные жители иначе не произносятъ его какъ съ удареніемъ на о, тогда какъ всякій зъ насъ расположенъ сдѣлать удареніе на у, и произносить о какъ а.

крестьянъ, хотя бы всѣ холуйскіе жители и именовались офіціально крестьянами. Холуй и его жители, при характерѣ, общемъ всему офенскому краю, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою собственную фizioномію и особенности въ своемъ бытѣ, совершенно отличныя отъ всего окружающаго міра. Иконопись составляетъ исключительный промыселъ жителей; земледѣіемъ здѣсь вовсе не занимаются. Нужды народонаселенія, всѣ безъ изъятія, удовлетворяются произведеніями другихъ мѣстъ. Холуй, имѣющій въ теченіи года четыре гуртовыя ярмарки, на которыхъ производятся огромные обороты по распродажѣ произведеній московскихъ и владимірскихъ фабрикъ, есть главное средоточіе массы офенскаго народонаселенія, которое преимущественно здѣсь запасается своимъ товаромъ и разноситъ его по всему лицу земли Русской; разумѣется, отсюда надо исключить самыхъ крупныхъ торгашей-офеней, которые покупаютъ товаръ на нижегородской ярмаркѣ или съ фабрикъ. Торгашество офенскаго міра, тѣсно связанное въ своемъ историческомъ развитіи съ иконописью, даетъ жизнь Холую. Эта слобода какъ будто живетъ со дня на день, и это придаетъ всему мѣстному быту, дѣятельности и заработкамъ, характеръ случайности. Это — жизнь небезбѣдная, вслѣдствіе постоянного (даже и не въ ярмарочное время) движенія коммерческихъ оборотовъ и прибылей, безпрестаннаго прилива офеней, возвращающихся на побывки, и легкости разныхъ случайныхъ барышей и заработковъ. Я слышалъ, что самаго простаго поденщика нельзя найдти здѣсь дешевле 75 к. въ день; за то и пьянство достигаетъ здѣсь самыхъ неистовыхъ, невѣроятнѣйшихъ размѣровъ¹.

¹ Пьянства, подобнаго холуйскому, я нигдѣ не видывалъ. То же самое говоритъ г. Максимовъ, въ своей статьѣ (упомянутой выше). Мое показаніе еще не имѣло бы такого значенія, какъ показаніе этого писателя, гораздо болѣе меня опытнаго въ дѣлѣ путешествій и изучившаго многіе, самые разнообразныя, края Россіи. Г. Максимовъ говоритъ, что «пьянства большаго, чѣмъ по воскресеньямъ въ Холуѣ, онъ нигдѣ не видалъ, ни прежде, ни послѣ.» Съ нимъ можетъ сравниться развѣ только пьянство въ Ивановѣ, въ казанскій (годовой) праздникъ, судя по разказамъ Ивановцевъ. Но ивановское пьянство, хотя вообще также замѣчательное, достигаетъ такихъ размѣровъ только разъ въ годъ, и потому пока пальма первенства принадлежитъ все-таки Холую.

Холуй производитъ исключительно самый низшій и дешевый разборъ визниковской иконописи (такъ называемой суздальской ¹) Произведения этого искусства развѣ только въ насмѣшку могутъ быть названы произведениями искусства; дешевизна ихъ и скорость работы, выходящая изъ границъ всякаго вѣроятія, составляютъ предметъ народнаго юмора, выражающагося въ разныхъ анекдотахъ и поговоркахъ, вымышленныхъ на счетъ этихъ художниковъ, прозванныхъ въ народѣ богомазами. При такихъ невѣроятно низкихъ цѣнахъ (напримѣръ 6 к. с. за икону въ $\frac{1}{4}$ арш. величины, изображающую нѣсколько лицъ или цѣлую картину), едва превосходящихъ цѣну матеріала или кусковъ дерева, не понимаешь, какое можетъ оставаться вознагражденіе за трудъ; прибыль происходитъ единственно отъ массы и быстроты этого производства, мгновенно превращающаго возы лѣса (еловаго, ольховаго, дубоваго, частію кипариснаго) въ возы съ иконами, то-есть *доски* въ *дски*. Предложеніе товара велико, оно сбиваетъ цѣны до самыхъ крайнихъ предѣловъ заработной платы и промышленной прибыли (въ рукахъ офеней однако значительно возрастающей вмѣстѣ съ цѣною), но и требованіе велико; оно возникаетъ изъ всеобщей насущной потребности десятковъ миллионovъ народа, въ которомъ каждый нищій скорѣе согласится обойтись въ своемъ углу безъ куска хлѣба, даже безъ водки, чѣмъ безъ *благочестія*. Громадность этой потребности, не умолкающей посреди всякихъ внѣшнихъ переворотовъ и потрясеній въ народномъ быту, не позволяетъ пока заработку богомаза низойти до цѣнъ, при которыхъ его промыселъ былъ бы невозможенъ, до цѣнъ лѣса и красокъ.

Какъ промыселъ, холуйская иконопись, о которой мастера въ Мстерѣ и Палехѣ говорятъ съ презрѣніемъ, но которая тѣмъ не менѣе удовлетворяетъ главныя массы потребителей, не совершенствуется. Онъ соответствуетъ той области народнаго быта, который измѣняется не быстро; будущность его, какъ она ни любопытна для экономиста, трудно предугадывать. Машинъ, угрожающихъ всякимъ другимъ мѣстнымъ домашнимъ производствамъ, опасаться здѣсь нечего; но просвѣщеніе (въ особенности дѣйствующее посредствомъ предписаній),

¹ Главныя средоточія иконописи въ этомъ краю: Мстера, Холуй, Мордовское и Палеха.

даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ относительно усовершенствованія промысла, должно прикасаться къ нему съ осторожностію. Заботы объ улучшеніи этого весьма щекотливаго производства, о распространеніи между мастерами болѣе правильныхъ понятій о рисункѣ, могутъ повести, вопреки лучшимъ желаніямъ, къ невыгоднымъ результатамъ, и поставить цѣнность иконы въ глазахъ покупателей, несмотря на правильность ея рисунка и точность перспективы, гораздо ниже цѣнности холуйской дски, съ ея нелѣпою техникой.¹

Иконописцы могутъ быть раздѣлены на три категоріи: фабриканты, работники-хозяева и простые работники, къ числу которыхъ принадлежатъ и мальчики. Сколько мы могли замѣтить между этими тремя классами нѣтъ слишкомъ рѣзкихъ различій, ибо очень крупныхъ фабрикантовъ и капиталистовъ здѣсь не замѣтно. Фабриканты содержатъ мастерскія, въ которыхъ пишутъ 10, 15, 20 человекъ работниковъ. Работниками-хозяевами я называю тѣхъ, которые имѣютъ свое хозяйство и занимаются исключительно у себя на дому, поставляя работу или фабриканту, или скупщику. Знакомство и даже сближеніе со всѣми этими людьми—не трудно; холуйскіе жители отличаются необыкновеннымъ гостепріимствомъ и обходительностію. На улицѣ каждый проходящій готовъ вступить съ вами въ разговоръ, и воспользоваться малѣйшимъ поводомъ чтобы завзвать васъ къ себѣ. И тутъ ужъ начинается потчиванье, такое радушное, какого мы не видавали. Впервыхъ водка!.. Объ этомъ ежечасномъ и повсемѣстномъ угощеніи водкой, не побывавъ въ Холуѣ, нельзя имѣть никакого понятія. Вообще, рѣшившись странствовать по разнымъ внутреннимъ тропамъ нашего отечества, чтобы видѣть живыхъ людей, а не однѣ дороги и не одну безконечную даль равнины, необходимо обречь свои нервы въ жертву божествамъ чая и водки. Съ нѣкоторымъ природнымъ русскимъ расположеніемъ и навыкомъ къ первому напитку можно легко достигнуть способности наслаждаться имъ во всякій часъ дня и ночи, и проводить цѣлые дни за самоваромъ. Но второй напитокъ представляетъ болѣе затрудненій, а между тѣмъ чай еще только

¹ Къ сожалѣнію мы ничего не знаемъ о послѣдствіяхъ благихъ намѣреній мѣстной палаты государственныхъ имуществъ, пригласившей учителя живописи для иконописнаго училища, недавно заведеннаго въ селѣ Алексинѣ.

приступъ, чаемъ только начинается распаясыванье, и безъ спиртнаго напитка, если хочешь сколько-нибудь проникнуть въ душу собесѣдника, обойдтись невозможно. А заставлять пить другаго и не пить самому—скверное дѣло въ глазахъ каждаго русскаго человѣка, да и дѣйствительно оно скверное. Впрочемъ, и этотъ напитокъ самъ по себѣ (по крайней мѣрѣ, для многихъ) еще не заключаетъ въ себѣ особенныхъ неудобствъ, ибо впервыхъ вы можете, болѣею частію, употреблять очищенную, хотя тѣхъ двусмысленныхъ свойствъ, какія придаютъ ей содержатели акцизно-откупнаго комиссіонерства, а воторыхъ задача наблюдателя не можетъ требовать вкушенія этого напитка сверхъ мѣры. Но дѣло въ томъ, что трудно пріобрѣсть навыкъ къ употребленію водки, какъ чая, во всякое время, и въ особенности натошакъ, раннимъ утромъ. А такое неправильное употребленіе водки пользуется у насъ особенною народною любовью, и по нашему мнѣнію, въ особенности губельно, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи; ибо человѣкъ, опьянѣвшій съ утра, прежде чѣмъ принялся за работу, рѣшительно ни на что не годенъ. Однажды (и именно, кажется, въ Холуѣ), когда въ подобномъ случаѣ мы объясняли затруднительность нашего положенія хозяйкѣ постоялаго двора, она намъ отвѣчала: «И, батюшка, да нынче, кажется и человѣка такого на свѣтѣ не найдешь, который бы не опохмѣлялся». Холуйскіе жители рѣшительно превзошли всѣхъ угощеніемъ водкой. Она стоитъ на столѣ и ожидаетъ готовая каждаго мимо идущаго человѣка, въ каждомъ домѣ, въ каждой жилой комнатѣ. Вы идете къ ямщикамъ нанимать лошадей, къ вашей хозяйкѣ спросить чего-нибудь недостающаго въ вашей квартирѣ, къ мирскимъ властямъ, къ чиновнику объяснить по какому-нибудь дѣлу, и вамъ прежде всякаго разговора предлагаютъ выпить водки. И все это дѣлается съ такою любезностью и мягкосердечіемъ, что отказаться—выше всякихъ силъ.

Читатель можетъ-быть не прочь будетъ войти съ нами въ домъ къ одному изъ холуйскихъ жителей, къ иконописцу. Этотъ домъ, хотя также крестьянскій, есть совершенный контрастъ съ тѣми крестьянскими избами, о которыхъ я говорилъ, при описаніи поѣздки на югъ отъ Вязниковъ, Домъ весьма просторенъ, но въ немъ чрезвычайная неопрятность и беспорядокъ. Здѣсь есть и кровати, и самоваръ, и разная мебель, и многія иныя принадлежности городского ком-

форта; но видъ этого жилища, при всемъ хлѣбосольствѣ хозяина, не радуеть души, и съ удовольствіемъ вспоминаешь объ избѣ зажиточнаго вязниковскаго или гороховецкаго крестьянина; въ этой избѣ вамъ просторнѣе, хотя она и гораздо меньше, въ ней вы знаете, куда вамъ сѣсть, и какъ сѣсть, и какъ повести разговоръ: вы рѣшительно садитесь въ красный уголь и безмятежно бесѣдуете съ хозяиномъ, который попросту садеть подлѣ васъ, если вы не слишкомъ заняты вашимъ дворянскимъ происхожденіемъ; вездѣ довольство и изобиліе: все въ гармоніи съ крѣпко-сложившимся бытомъ. А здѣсь вы именно не знаете какъ сѣсть и на какой стулъ, и несмотря на чай и водку, на пестрыя угощенія, непременно за ними слѣдующія (изюмъ, миндальные орѣшки, конфеты, мармеладъ), вы уныло смотрите на кровати, невѣдающія бѣлья, на полурастворенный шкафъ, съ подбитыми экземплярами всякой посуды, со штофомъ всегда полнымъ, даже и въ такую пору, когда въ цѣломъ домѣ не отыщется ни куска хлѣба,—на эти произведенія досуга, свѣтскія картины, валяющіяся на полу, и въ художественномъ отношеніи уступающія даже произведеніямъ ремесла, то есть, дскамъ, въ которыхъ размахи кисти обуздываются, по крайней мѣрѣ, обрядомъ; наконецъ посреди этого сора всего неприятнѣе подѣйствуетъ на васъ какая-нибудь прихотливая вещьца, напримѣръ футляръ для папиросокъ, этихъ необходимыхъ спутниковъ каждаго холуйскаго жителя, футляръ съ какимъ-нибудь нескромнымъ французскимъ изображеніемъ, дико разящимъ подлѣ дски, на которую онъ былъ обмѣненъ. Вы чувствуете себя посреди кучи обрывковъ изъ всякихъ бытовъ и цивилизацій, которую вѣтры офенской всесвѣтной комерціи вносятъ въ головы и жилища этихъ людей, оцѣпившихъ надъ производствомъ предмета самаго неизмѣннаго и самаго покорнаго преданію и обряду. Въ это же время эти люди, несмотря на боевую арморочную жизнь и токи всякихъ иноземныхъ вѣстей вокругъ, сами до сихъ поръ были прикованы къ почвѣ крѣпостнаго права, изъ котораго высунуться, болѣе чѣмъ на папироску, нельзя было безъ особенныхъ прѣбытковъ. А прѣбытки иконописцевъ, какъ мы уже видѣли, весьма не велики; они ничтожны въ сравненіи съ прѣбытками отъ ивановскихъ ситцевъ и офенскаго торгашества, ослившихъ кору крѣпостнаго права. Такъ объясняемъ мы себѣ этотъ хаосъ въ понятіяхъ и бытѣ. Обрывки принадлежностей всякаго быта носятъ арморочною пылью вокругъ холуйскаго богомаза, и садятъ

ся, то тамъ, то сямъ на его платьѣ, въ его домѣ, въ его головѣ; но ни въ его домѣ, ни въ его головѣ, всѣ эти обрывки не могутъ претвориться ни въ цѣльное убранство быта, ни въ цѣльное понятіе, ни въ цѣльное стремленіе, также точно какъ когда его ремесло, по самой своей сущности, не можетъ перейти ни въ настоящее художество, ни въ правильное промышленное предпріятіе; такой переходъ былъ бы днемъ его смерти. ¹ Этотъ человекъ потчуетъ папирской и развязно закуриваетъ ее, вдругъ брякнетъ вамъ какою-нибудь фразой, безконечно далекой отъ круга понятій, связанныхъ съ его произведеніями, распахнется смутными извѣстіями о похожденияхъ Гарибальди и Лудовика-Наполеона, котораго портретъ непременно украшаетъ и армарку и постоялый дворъ, и потомъ прилежно займется съ вами толкованіями своего суздальскаго письма и его узкими очертаніями, не вѣдающими никакихъ законовъ перспективы и искусства, кромѣ двухъ, трехъ преданій, которымъ онъ неограниченно покоренъ и въ которыхъ онъ собственно ничего не видитъ. Вашъ амфитріонъ видимо терзается мыслию какъ съ вами обойдтись, и также быстро садится съ вами за самоваръ и за водку, какъ быстро встаетъ, чтобы съ подобострастіемъ крѣпостнаго крестьянина отвѣчать на ваши вопросы, какъ на вопросы своего барина, или бѣжать въ другую комнату и прикрыть черною суконною сибиркой свою ситцевую крестьянскую рубашку. А этотъ другой его товарищъ, нѣсколько поразившійся, пошелъ еще дальше его; онъ носитъ какую-то черную широкую и длинную одежду, похожую на пальто и на плащъ, но всего болѣе напоминающую артистическіе костюмы; въ его манерахъ лоскъ благовоспитанности, прическа и усы рѣшительно à l'artiste, и оригинальная, верхняя одежда накинута съ театральною небрежностью, но она едва прикрываетъ нижнее бѣлье и голенища сапогъ, непосредственно подъ нею находящіяся. Вы ищете смысла, и пожалуй исторіи этого наряда, и блуждаете; эта непосредственность никакъ не вяжется съ пальто, она съ нимъ невозможна, она принадлежитъ крестьянину, который точно также непосредственно надѣваетъ армякъ или кафтанъ,

¹ Мы разумѣемъ здѣсь именно холуйскую живопись, а никакую иную той же категоріи.

какъ здѣсь надѣто пальто, исправляющее его должность. Ваше смущеніе еще болѣе возрастаетъ, когда передъ вами стоитъ, съ подносомъ чая, молодая хозяйка, окончательно преобразившаяся въ шелки и кринолины.

Другой элементъ жизни Холуя—его ярмарки. Эти ярмарки такъ значительны, что ежегодный сборъ съ лавокъ доставляетъ 30.000 р. с. Но ярмарки бываютъ по преимуществу гуртовыя, и ничего особеннаго для глаза не представляютъ; главные обороты совершаются партіями и потому не на виду. Къ лавкамъ подходятъ {торговаться только покупщики-потребители: крестьяне и бабы и мелкіе торгаши-офени; главные сдѣлки производятся въ трактирѣ, гдѣ офени угощаются фабрикантами, и также по домамъ. Въ рядахъ можно развѣ только приглядѣться къ уловкамъ торгашества мелкихъ офеней въ схваткѣ съ не менѣе продувными московскими и ивановскими прикащиками. «Товаръ больно былъ, давайте краснѣе»—«Чего же вамъ краснѣе? краснѣе не бываетъ.» Торгашъ удаляется отъ лавки, не вмѣющей болѣе краснаго товара, но прикащикъ останавливаетъ его: «Есть и покраснѣе.»—«Такъ вы его показывайте.»—«Да вѣдь на какой товаръ какой покупщикъ; покраснѣе будетъ подороже» и т. д. Изъ этихъ нескончаемыхъ разговоровъ можно замѣтить, что офенскіе коммерческіе обычаи не чужды и другой сторонѣ, вопіющей однако противъ мошенничества офеней и конкуренціи англійскихъ мануфактуръ.

Ярмарки въ Холуѣ спеціально офенскія; здѣсь единственное мѣсто во всемъ торговомъ мѣрѣ, гдѣ офени уже у себя дома, и московская и владимірская фабрикація уже сама идетъ къ нимъ за покупщикомъ. Это заставляетъ горделивую фабрикацію дѣлать первый шагъ, не совѣтъ необходимый при нынѣшнихъ ея отношеніяхъ къ офенямъ и какъ будто обидный; возникла даже мысль, въ нѣкоторыхъ *передовыхъ* коммерческихъ умахъ (кажется, между гражданами Вознесенскаго посада), о сокращеніи этого обиднаго шага, посредствомъ перенесенія холуйскихъ ярмарокъ въ Шую. Но подобныя насильственные перенесенія, какъ извѣстно, не всегда удаются и такъ же мало вяжутся съ передовыми намѣреніями, какъ и заботы о таможенномъ покровительствѣ. Ограничусь пока этими свѣдѣніями о холуйскихъ ярмаркахъ, замѣтивъ, что нынѣшній разъ Тихвинская ярмарка была, по всемъ отзывамъ, особенно тиха.

Мнѣ остается сказать о третьей и послѣдней стихіи

Холуй—пьянствѣ. Пьянство здѣсь, какъ сказано, невообразимое; утромъ народъ еще кой-какъ держится, но къ вечеру безусловно все что есть на улицѣ—пьяно, до тѣхъ дикихъ размѣровъ, до какихъ пьянство доходитъ теперь только въ Россіи. Нѣсколько болѣе опрятные офени однако не валяются по улицамъ; они наслаждаются въ четырехъ стѣнахъ, въ своей компаніи. На улицѣ гамъ, крики, вопли, пѣсни, доходятъ до такого неистовства, что, при самомъ упорномъ желаніи и навѣкъ къ постояннымъ дворамъ, нѣтъ никакой возможности чѣмъ бы то ни было заняться въ своей комнатѣ. Къ несчастію, я помѣщался въ нижнемъ этажѣ, который словно тонулъ въ обступавшихъ его со всѣхъ сторонъ волнахъ гуляющаго народа. При добромъ чувствѣ къ народу, всячески отворачиваешься отъ этихъ отвратительныхъ вакханалій, обезображивающихъ его прекрасную личность; всячески стараешься остановиться мыслію на ея лучшихъ чертахъ. Подобною успокоительною чертой можетъ служить напримѣръ тотъ замѣчательный фактъ, что посреди всей этой изступленной гульбы количество важныхъ уголовныхъ преступленій весьма ничтожно; о злодѣйствахъ почти не слышно.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о холуйскомъ пьянствѣ и нравахъ, разкажу вкратцѣ ночь, проведенную мною на постояломъ дворѣ. По пріѣздѣ моемъ, все семейство хозяина двора представилось мнѣ въ самомъ привлекательномъ видѣ. Хозяинъ, почтенный старецъ, хотя и вертлявый, какъ всѣ здѣшніе жители, въ городской одеждѣ, тотчасъ сѣлъ со мною бесѣдовать и, съ обходительностью содержателей прирейнскихъ гостиницъ, осыпалъ меня попеченіями о самонаибѣйшихъ нуждахъ путешественника. Онъ прикомандировалъ ко мнѣ, въ качествѣ чичероне, сына, благообразнаго молодаго человѣка лѣтъ семнадцати, съ виду настоящаго джентльмена, находящагося въ услуженіи у сосѣдняго помѣщика. Дочь хозяина—щеголеватая молодая дѣвица (экземпляръ типа, уже описаннаго выше), кромѣ того кучамаленькихъ дѣтей, прибранныхъ и выглаженныхъ, и мать, со всею семьей, преданная заботамъ о благосостояніи дома. Къ вечеру, когда я шелъ домой, глава семейства, скинувъ все верхнее платье, въ красной рубахѣ, возвращался изъ сосѣдняго кабака, мертвецки пьяный, и передо мной, на мѣстѣ прежняго цивилизованнаго содержателя прирейнской гостиницы, явился мужикъ, въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова. Не смотря на мольбы всей семьи (жившей подлѣ моей комнаты) улечься

спать, онъ принудился неистовствовать по всему дому и наконецъ привелъ въ мой номеръ какую-то старую, пьяную женщину и усаживъ подлѣ меня пить съ нею чай и водку. На всѣ мои просьбы освободить меня отъ такой подозрительной компаніи, наконецъ даже на мои угрозы, хозяинъ отвѣчалъ мнѣ, что «эту женщину надо уважить, что она родственница бурмистра.» Наконецъ я принялъ рѣшительныя мѣры и заперся въ моей комнатѣ. Ночью хозяинъ, а за нимъ и жена его ушли въ кабакъ. Весь постоялый дворъ остался на отвѣтственности ихъ молодой дочери; но эта отвѣтственность была не легкая. Двери дома были буквально осаждаемы всѣми пьяными, толкавшимися на улицѣ, которые рвались въ домъ. Желѣзный запоръ не много обезпечивалъ внутреннюю безопасность, ибо то самъ отецъ, то сама мать требовали впуска въ домъ и потомъ опять уходили въ кабакъ. Джентльменъ возвратился домой съ ватагой пріятелей, не скоро уступившею мольбамъ сестры. Наконецъ и мои запоры не выдержали; какой-то пьяный поедумникъ сорвалъ крючокъ и ворвался уже въ мою комнату. Приходилось подумать о личной безопасности... Когда на другое утро, послѣ такихъ волнений и личной защиты, чуть-чуть не рукопашной, я старался объяснить хозяйкѣ опасность, которой были подвержены ихъ жилище и дѣти, то она отозвалась, что, при видѣ мужа не въ своемъ видѣ, и ей захотѣлось повеселиться, а за домоу и ребятишками смотрѣла дочь, что она «дѣвка золотая, со всѣмъ можетъ управиться.»— «Но вѣдь и ей приходилось плохо. Да и какъ оставлять семнадцатилѣтнюю дѣвушку посреди пьянаго народа? наконецъ все это можетъ и ее ввести въ грѣхъ.»—Куда! Смѣетъ она у насъ! да ей отецъ голову отрубить, коли что про нее узнаеть...» таково было объясненіе матери семейства, едва стоявшей на ногахъ отъ ночной попойки, въ то время какъ самъ грозный отецъ проснулся отъ мертвецкаго сна и неистово кричалъ дочери, чтобъ она принесла ему опохмѣлиться... Такова семейная жизнь, и таковы нравы!..

Холуемъ закончились мои странствованія по офенскому краю. Но прежде чѣмъ его покинуть, я сдѣлалъ, съ дороги въ Шую, быстрый заѣздъ въ селеніе Палеху, стоящее на самомъ рубежѣ этого края (на сѣверовостокъ отъ Холуя, на востокъ отъ Шуи). Палеха (имѣніе гг. Батурлина и Грязева) славится своими иконописными мастерскими, занимающими первое мѣсто не только въ вязниковской иконописной полосѣ, но едва ли не во всей

Россіи. Порядокъ производства работъ здѣсь тотъ же какъ и въ Холувъ, то-есть на дому, у отдѣльныхъ хозяевъ, и на фабрикахъ или въ большихъ мастерскихъ (называемыхъ здѣсь заводами); но палеховская иконопись по своей техникѣ стоитъ неизмѣримо выше холуйской. Это уже искусство. Главный производитель въ селеніи Палехъ—Н. И. Сафоновъ, которому я обязанъ благодарностью за показаніе его заведенія и за сообщеніе многихъ любопытныхъ свѣдѣній объ иконописи. На заводѣ г. Сафонова работаетъ до 50 человекъ, изъ которыхъ лѣтомъ болѣе часть разсылается имъ для работъ по церквямъ, въ разныя стороны и даже въ весьма-отдаленные края Россіи. Г. Сафоновъ получаетъ заказы даже изъ Сибири. У него можно найти систематическія коллекціи картинъ разныхъ стилей и собраніе классическихъ иностранныхъ сочиненій по части живописи. Въ Палехѣ занимаются иконописью не одни мѣстные крестьяне, но многіе приходящіе и изъ другихъ мѣстъ и даже частію переселившіеся сюда, съ семействами. Переселенія были однако весьма затруднительны, такъ какъ Палеха помѣщичье имѣніе. Здѣсь мы слышали замѣчаніе, что люди, занимающіеся иконописью, вслѣдствіе сидячей жизни, вообще болѣзненные (чахоточные), и народонаселеніе мало нарастаетъ. Не знаю въ какой степени это замѣчаніе основательно.

Въ Палехѣ крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, и здѣсь чувствуешь себя на границѣ другаго края. По дорогѣ къ Шуѣ, въ большомъ торговомъ селѣ Васильевскомъ, я былъ уже совсѣмъ въ другой области быта.

В. Безобразовъ.

1 августа 1861.
Посково.

ПРАЗДНИКЪ СТАТУТА

И

ЕДИНСТВА ИТАЛІИ ВО ФЛОРЕНЦІИ

День 2-го іюня, постановленный парламентомъ для празднованія единства Италіи, во всей Италіи послужилъ поводомъ высшему духовенству къ демонстраціи противъ настоящаго конституціоннаго правительства. Журналы были наполнены протестациями епископовъ, ихъ запрещеніями подчиненному духовенству принимать участіе въ народномъ праздникѣ. Во Флоренціи ходилы основывали огромныя надежды на этомъ событіи; ожидали, что будутъ беспорядки въ этотъ день, и что первый праздникъ національной независимости и единства обогрится кровью. Клерикалы приготавливались восхвалять мученическіе вѣнцы, приобретенные благородными прелатами, слѣпо повинующимися приказаніямъ римской куріи. *Armonia*, *Contemporaneo*, *Campanile* заготавливали статьи, въ которыхъ съ клерикальною желчью должны были говорить о преслѣдованіяхъ, гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ служителями алтара. Въ Римѣ потирали уже руки и были увѣрены, что начало реакціи близко. Ожиданія враговъ свободной и независимой Италіи не сбылись. Беспорядковъ не было, развѣ въ Миланѣ; но тамъ это было не народное возмущеніе, а нашествіе австрійскихъ эмиссаровъ. Слова, произнесенныя графомъ Кавуромъ въ парламентъ: *In uno stato libero la chiesa deve essere libera* (въ свободномъ государствѣ церковь должна быть

свободна), оказались не пустою фразой, но дѣйствительнымъ принципомъ. Духовенство желало, чтобъ его принудили принять участіе въ народномъ праздникѣ, желало, чтобъ его силой заставили пѣть амвросіанскій гимнъ; наконецъ, оно думало, что народъ, оскорбленный имъ, возстанетъ противъ него, и тогда — неизвѣстно до чего дойдетъ народная манифестация... Какой великолѣпный сюжетъ для жалобъ противъ настоящаго, для восхваленія прошедшаго! Но духовенство ошиблось въ расчетъ; не побѣдой запишетъ оно день 2 іюня въ своей исторіи; а скорѣе пораженіемъ, и пораженіемъ безъ битвы. Этотъ день доказалъ, что вся мыслящая Италія тяготеетъ распрями, въ которыхъ официальные представители религіи употребляютъ религію средствомъ для достиженія цѣлей далеко нерелигіозныхъ; и не будь заявленій со стороны лучшей части духовенства, протестантская пропаганда много бы выиграла отъ дѣла 2-го іюня. Впрочемъ и безъ того, по крайней мѣрѣ во Флоренціи и въ Ливорно протестантизмъ быстро развивается и распространяется. Достаточно въ воскресенье побывать во Флоренціи на Lung'Arno, а въ Ливорно—на набережной канала около гостиницы Aquila Nera, и потомъ зайти въ любую церковь и сравнить: придешь къ заключенію, что протестантская пропаганда сдѣлала въ Тосканѣ быстрые успѣхи, хотя началась недавно.

Въ Австріи говорятъ, что интересы религіи страдаютъ отъ настоящаго положенія дѣлъ въ Италіи. Однако представители религіи никогда не пользовались такою нестѣсненною свободою дѣйствій, какъ теперь въ Италіи. Значитъ интересы религіи не могутъ страдать отъ новаго порядка вещей. А если что дѣйствительно страдаетъ, такъ это вліяніе духовенства какъ касты, свѣтская власть духовенства; но кто же въ этомъ виноватъ? Какъ удивляться, что общественное мнѣніе противъ духовенства, когда оно является представителемъ той мысли, что иноземное владычество необходимо въ Италіи, когда все узкое, эгоистическое въ мелкихъ интересахъ касты, ставится духовенствомъ выше независимости и единства отечества? Случай 2-го іюня доказалъ въ Тосканѣ, съ одной стороны, равнодушіе народа къ церкви, происходящее отъ презрѣнія къ ея представителямъ; съ другой—отчужденіе духовенства отъ отечества, пренебреженіе къ его жизни, увлеченіе интересами касты. По поводу вопроса, пѣть или не пѣть молебень, обѣ партіи посмотрѣли другъ другу въ лицо: съ одной стороны Италія, съ другой близорукіе приверженцы римскаго двора и свѣтскаго владычества папъ. Послѣ 2-го іюня обѣ партіи еще глубже раздѣлились.

Прежде чѣмъ опишемъ празднество 2-го іюня, скажемъ

нѣсколько словъ обо всей предшествовавшей недѣлѣ, особенно богатой праздничевами разнаго рода.

29-го мая, въ среду, исполнилось тринадцать лѣтъ, какъ въ 1848 году подъ Монтанарой и Куртатоне храбрая тосканская молодежь, едва вооруженная, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ съ удивительною храбростью, со стойкостью привычнаго, стараго войска, противилась неприятелю втрое сильнѣйшему. Въ память погибшихъ въ этомъ сраженіи, служилъ въ среду заупокойную обѣдню во флорентинскомъ пантеонѣ, въ церкви Santa Croce. Въ прошломъ году эта обѣдня была очень торжественна. Она тогда въ первый разъ свободно и открыто, такъ сказать официально, была исполнена въ этой церкви. Новая музыка была написана талантливымъ маэстро Мабеллини, который впрочемъ кодинъ, что однако не помѣшало ему самому дирижировать огромнымъ оркестромъ и хоромъ. Принцъ Кариньянскій, тогда намѣстникъ короля въ Тосканѣ, присутствовалъ со всѣмъ штабомъ; стеченіе народа было чрезвычайное. Въ нынѣшній разъ память павшихъ Тосканцевъ праздновалась съ меньшею торжественностью; но въ церемоніи было много задушевнаго.

Церковь Санта-Кроче, въ которой находятся гробницы столькихъ знаменитыхъ людей: Данте, Микель-Анджело, Макиавелли, Галилея, справедливо называется флорентинскимъ пантеономъ. Черезъ годъ будетъ окончень фасадъ церкви, — фасадъ великолѣпный, сколько мы могли видѣть, гуляя по лѣсамъ и смотря на рисунокъ плана. Всего замѣчательнѣе баснословная дешевизна этого фасада. Городской муниципальный совѣтъ опредѣлялъ на постройку его всего 56.000 франковъ; остальное добавлено добровольными приношеніями. Смѣта на совершенное окончаніе и постройку фасада простирается менѣе чѣмъ на 60.000 піастровъ, (около 75.000 р. с.). Если взять въ соображеніе богатую обшивку всего фасада разными цѣнными мраморами, большое количество статуй, нѣсколько барельефовъ, и все изъ лучшаго каррарскаго мрамора, то не вѣрится, чтобъ эта смѣта была окончательная, и приходитъ на мысль, что должно-быть есть еще дополнительная, которая далеко выше первой. Но это не такъ: смѣтой въ 75.000 рублей дѣйствительно обнимаются всѣ работы, и фасадъ будетъ окончень ранѣе назначеннаго срока, то-есть къ 24 іюня будущаго года, и никакой дополнительной смѣты, которая бываетъ всюду и всегда, на этотъ разъ не будетъ. Вотъ какъ объясняется эта дешевизна: всѣ работы производятся по уменьшеннымъ цѣнамъ, по добровольному желанію подрядчиковъ. Весь матеріалъ доставленъ по цѣнѣ, которая существуетъ на мѣстѣ его добыванія; доставка принята самими подрядчиками бесплатно. Многіе художники даромъ работали, другіе брали за статуи и барельефы

то, чего стоить одинъ мраморъ. Главный архитекторъ даромъ составилъ планъ, и безъ всякаго вознагражденія наблюдаетъ за работами. Хозяйственная коммиссія, распоряжающаяся работами, не только занимается этимъ дѣломъ бесплатно, но и всѣя члены сдѣлали значительныя пожертвованія. Кроме того, всѣ рабочіе, каменщики, рѣшники и другіе, добровольно уменьшили заработную плату и увеличили число рабочихъ часовъ. Взявъ это въ соображеніе, мы не будемъ удивляться дешевизнѣ великолѣпнаго фасада, хотя на эти деньги, то-есть на 300.000 франк., во Флоренціи не обощешь мраморомъ и двухъэтажнаго, небольшого дома, не только фасада монументальнаго храма.

Всѣ эти свѣдѣнія намъ передалъ одинъ членъ строительной коммиссіи, который самъ по себѣ весьма любопытная личность. Онъ родомъ Англичанинъ, и лѣтъ двадцать пять тому назадъ пріѣхалъ во Флоренцію гувернеромъ въ одномъ русскомъ семействѣ, съ жалованьемъ въ 2000 франковъ въ годъ. Случайно мистеръ С^{***} нашелъ мѣдныя рудники въ Мареммахъ и принялся ихъ разрабатывать. Теперъ онъ одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Италіи, и недавно купилъ имѣніе герцога моденскаго.

Прежде чѣмъ говорить о заупокойной обѣднѣ въ память павшихъ на поляхъ Монтанары и Куртатоне, не лишнимъ будетъ упомянуть, какъ правительство великаго герцога Леопольда преслѣдовало даже молитвы объ убитыхъ австрійскими пулями и штыками. До чего можетъ довести слѣпая преданность! Однажды, это было въ 1851 году, родственники, товарищи убитыхъ, собрались въ Санта-Кроче и заказали обѣдню. По обычаю римско-католической церкви дозволяется заказать заупокойную обѣдню *secondo l'intenzione*, то-есть не высказывая по комъ именно желательно, чтобы совершена была обѣдня. Никакой священникъ не имѣетъ права отказать въ исполненіи такой просьбы. Желающіе почтить память убитыхъ братьевъ, отцевъ, мужей собрались въ небольшомъ количествѣ въ Санта-Кроче; между ними было много женщинъ и дѣтей. Чтобы не подать повода къ вышатамъ полиціи, собравшіеся въ церкви тщательно избѣгали всего, что могло придать ихъ собранію характеръ манифестаціи, непріязненной велико-герцогскому правительству. Служили простую обѣдню; даже *Requiem*, поющійся обыкновенно въ заупокойныхъ обѣдняхъ, на этотъ разъ не былъ пѣтъ. Большая часть мужчинъ не взяла съ собою трости, чтобы про нихъ не могли сказать, что они были въ церкви вооруженные. Всѣ предосторожности были приняты; но все это нисколько не обезоруживало правительства герцога, преданнаго Австріи. Во время богослуженія, благоговѣйная тишина молящихся была внезапно прервана ротою австрійскихъ солдатъ, сирятанныхъ около главнаго алтаря, въ склепѣ. Солдаты

бросались въ штыки на беззащитную толпу, и одержали побѣду. Въ нѣсколько минутъ церковь была очищена, нѣсколько женщинъ были задавлены, многіа ранены! Полиція разыскивала раненныхъ и брала ихъ подъ арестъ. Ихъ потомъ отдавали подъ судъ, держали годы въ тюрьмѣ. Поневоля всякій, кто былъ раненъ, прятался и не показывался.

Вотъ обращикъ правленія великаго герцога Леопольда, столь прославляемаго кодинами за свое добрѣйшее сердце.

Но возвратимся къ 29-му мая 1861 года. Прошедшаго не воротимъ, поговоримъ о настоящемъ.

Еще прежде десяти часовъ отправился я со своими дамами въ Санта-Кроче; у насъ были билеты на *posti distinti*, и чтобъ имѣть получше мѣсто, мы забрались поранѣе; мѣра была недурная, такъ какъ мы дѣйствительно успѣли занять стулья въ первомъ ряду не далеко отъ двухъ кресель, приготовленныхъ—одно для генераль-губернатора, маркиза Саули, другое для *generale comendante territoriale*, генерала Джанотти. Странная вещь, оба, и Саули, и Джанотти, говорятъ по русски, потому что оба были въ Россіи,—Саули очень хорошо, Джанотти похуже. Когда мы пріѣхали, въ церкви было очень мало народу, и мѣста, приготовленные для разнаго рода властей, были не заняты. Это дало возможность рассмотреть хорошенько траурное убранство церкви. Въ отношеніи къ внѣшней орнаментациі, нѣтъ церкви, которая бы столько дѣйствовала на воображеніе, какъ римско-католическая. Церковь Санта-Кроче, которая и безъ того всегда немного темна, въ этотъ день смотрѣла обширнымъ подземельемъ. Всѣ окна были завѣшены черною матеріей, и очень мало пропускали свѣта. Главная дверь одна, растворенная для прохода отрядамъ войскъ, широкимъ столбомъ свѣта освѣщала церковь до половины. Окружающій полумракъ еще ярче выдавался отъ этихъ лучей, которые замирали на монументальномъ катафалкѣ, воздвигнутомъ посреди церкви. Катафалкъ имѣлъ видъ античнаго саркофага на высокомъ пьедесталѣ; на немъ вѣнки цвѣтовъ перемѣшивались съ военными трофеями и трехцвѣтными національными флагами. Вокругъ стояли свѣчи; а по угламъ четыре пирамиды ружей, изящно составленные, съ громадными букетами на верху. Отъ катафалка къ алтарю, по обѣимъ сторонамъ широкаго прохода, были устроены скамьи, крытыя зеленымъ сукномъ, направо—для судебного сословія, направо—для офицеровъ флорентинскаго гарнизона, флорентинской національной гвардіи, и неаполитанской мобилизированной, находившейся въ гарнизонѣ или лучше сказать въ гостяхъ во Флоренціи. Далѣе, ближе къ алтарю, направо—мѣста генераль-губернатора, коменданта и ихъ свиты; направо—мѣста пре-

фекта, гонфалоньера, муниципальнаго совѣта, и сзади—чиновниковъ всѣхъ частей администраціи. Отдѣльные мѣста для посѣтителей находились по сторонамъ скамей судей и офицеровъ, въ боковыхъ галлерейхъ, идущихъ параллельно главному протяженію церкви.

Сзади этихъ мѣстъ помѣщался народъ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда стали входить въ церковь войска. Мы уже привыкли видѣть здѣсь въ церкви, во время богослуженія, солдатъ, стоящихъ въ полномъ вооруженіи и съ киверомъ на головѣ; это дѣлается во всемъ католицизмѣ; но прежде, когда мы это увидѣли въ первый разъ, насъ это очень поразило. Особенно, я помню, въ Дрезденѣ, который мы посѣтили вскорѣ по выѣздѣ изъ Россіи, мы пошли въ Kreuzkirche слушать ораторію *Elias*. Мы чрезвычайно были удивлены, при входѣ въ церковь, полнымъ превращеніемъ ея въ театръ. Оркестръ и хоръ помѣщались на мѣстѣ главнаго алтаря, лицомъ къ публикѣ; мѣста были нумерованныя, покупались у входа; въ самой церкви продавались афиши; были и ложи; наконецъ раздавались апплодисменты. Сначала мы были скандализированы; но потомъ мы невольно отдались впечатлѣнію великолѣпной музыки, отлично исполненной, въ этомъ сумрачномъ готическомъ храмѣ. Вслушиваясь въ музыку, мы забыли, гдѣ мы; напротивъ, намъ уже казалось, что мѣстность особенно гармонировала съ характеромъ исполняемой ораторіи, и съ тѣхъ поръ мы перестали скандализироваться, и даже видъ солдата, стоящаго въ киверѣ съ ружьемъ около самаго алтаря, не производитъ на насъ никакого впечатлѣнія.

Мало-по-малу всѣ мѣста въ Санта-Кроче были заняты. Вотъ офицеры въ мундирахъ, судьи въ красныхъ античныхъ костюмахъ, гонфалоньеръ въ красной съ желтымъ тогѣ, въ родѣ судейской; народу множество; а вокругъ насъ, какъ водится, пропасть Англичанъ и Англичанокъ. Обѣдня началась, оркестръ и хоръ помѣщались сзади алтаря, и ихъ не было видно. Музыка Керубини невидимая носилась подъ высокими сводами церкви. Надо однако сказать, что музыкальное исполненіе обѣдни безсмертнаго Керубини было плоховато. И оркестръ и хоръ иногда чрезвычайно фальшивили; видно было, что оба недостаточно приготовились, но въ иныхъ мѣстахъ шло отлично.

Въ концѣ священникъ Анжелико Марини произнесъ проповѣдь. Сѣдой и драхмый священникъ съ трудомъ взошелъ на убранную чернымъ бархатомъ и серебромъ каеэдру, и началъ словами, что, почти слѣпой, онъ не могъ написать и приготовить свою проповѣдь; но будетъ говорить то, что думаетъ, то, что находится въ его сердцѣ, и такъ какъ можетъ. Почтенный священникъ,

увлекаясь все болѣе и болѣе, сталъ говорить громче жечь его сдѣлался живѣе, и слушая его звучный, пріятный голосъ, по временамъ не вѣрилось, что проповѣдникъ очень старъ, слѣплъ и едва ходить. Вообще, сколько намъ ни случалось слышать проповѣдниковъ въ Италіи, мы находили, что всѣ злоупотребляютъ жестикуляціей и риторическою фигурой повторенія. Въ Неаполѣ все это еще сильнѣе чѣмъ въ остальной Италіи; тамъ проповѣдникъ просто бѣгаетъ по кафедрѣ; а уже жесты—такъ это Боже упаси! Въ Неаполѣ, я помню, на второй день Пасхи въ нынѣшнемъ году, мы были на парадной обѣднѣ, которую совершалъ кардиналъ епископъ неаполитанскій въ церкви Св. Януарія. Проповѣдь говорилъ одинъ каноникъ, не помню имени, какая-то неаполитанская знаменитость. О жестахъ и бѣготнѣ на кафедрѣ я уже не говорю; бѣдный каноникъ, отъ природы довольно толстый, до того утомался этими упражненіями, что постоянно отиралъ потъ съ своего лица. Но когда онъ началъ, постепенно возвышая голосъ, говорить: *amatevi perche tomo*; *amatevi* и т. д., я сосчиталъ, двѣнадцать разъ давалъ онъ этотъ совѣтъ, и въ двѣнадцатый съ необычнымъ крикомъ: бѣдный каноникъ употреблялъ сверхъестественныя усилія, закинулъ голову назадъ, уперся ладонями въ грудь, чтобы провозгласить *amatevi* въ послѣдній, двѣнадцатый разъ.

Почтенный Марини гораздо менѣе предается жестикуляціи нежели многіе изъ флорентинскихъ проповѣдниковъ, однако, и въ его рѣчи фигура повторенія играла не послѣднюю роль, особенно когда онъ говорилъ, какъ надо почитать тѣхъ, которые пали на поляхъ Монтанары и Куртатоне, и кто они были. Они не были то, они не были также это, и т. д. Это повторялось очень часто, и мы, услыхавъ пять или шесть разъ чѣмъ не были герои Монтанары и Куртатоне, наконецъ узнали чѣмъ они были. Вообще вся проповѣдь не имѣла нисколько характера религіознаго; это была скорѣе рѣчь совершенно политическаго содержанія. Въ ней Марини особенно настаивалъ на необходимости дружнаго союза всѣхъ Италійцевъ для достиженія полнаго единства и независимости дорогаго отечества. Рѣчь была проникнута теплымъ патріотизмомъ, и, какъ кажется, произвела не малое впечатлѣніе на окружающихъ. Задушевнымъ словомъ почтилъ Марини память храбрыхъ юношей, навшихъ подъ пулями враговъ италіянскаго единства, и выразилъ надежду, что ихъ примѣръ, когда будетъ нужно, найдетъ многихъ послѣдователей, и что никогда никто не задумается принести свою жизнь въ жертву дорогому отечеству, когда обстоятельства этого потребуютъ. Рѣчь окончилась, и не будь мы въ церкви, многое въ ней, безъ сомнѣнія, побудило бы насъ къ восторженнымъ рукоплесканіямъ.

Затѣмъ начался торжественный *requiem* около самаго катаfalка, и церемонія окончилась. Во время обѣдни, многія дамы изъ высшаго общества, каждая въ сопровожденіи офицера національной гвардіи, собирали добровольныя приношенія присутствующихъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрасенія жителей *Citta della Pieve*. Двое воспитанниковъ *scuola magistratale* роздали всѣмъ по экземпляру стиховъ, написанныхъ ихъ достойнымъ директоромъ, г. Туаромъ, который, къ сожалѣнію, черезъ нѣсколько дней послѣ этого умеръ. Но объ этомъ, такъ какъ это случилось тоже на этой недѣлѣ, мы упомянемъ ниже.

Церемонія, если не была такъ торжественна, какъ въ прошломъ году, имѣла, однакожь, какъ я уже сказалъ, въ этотъ разъ болѣе задушевный характеръ, чѣмъ тогда. Одинъ мой знакомый, украшенный медалью за кампанію 1848 года, и также членъ распорядительной комиссіи этого праздника ¹, говорилъ мнѣ послѣ церемоніи, что онъ больше доволенъ церемоніей 1861 года, нежели былъ доволенъ такою же церемоніей, бывшею въ 1860 году. Дѣйствительно, въ 1860 году Тоскана находилась въ ненормальномъ положеніи, и все въ то время носило характеръ временнаго; теперь Тоскана пожертвовала своею автономіей на пользу всей Италіи. Тосканцевъ нѣтъ болѣе, есть одни Италіянцы, какъ отвѣчали тосканскіе депутаты на запросъ докладчика комиссіи парламента по дѣлу о выставкѣ произведеній всякаго рода, долженствующей быть во Флоренціи, въ сентябрѣ этого года. «Мы—провинція, Флоренція — провинціальный городъ,» съ гордостью говорятъ Флорентинцы, какъ намъ не разъ приходилось слышать. Вслѣдствіе этого, и церемонія въ Санта-Кроче, въ нынѣшнемъ году носила характеръ обыденнаго проявленія жизни свободнаго народа; но отъ этого она нисколько не потеряла ни въ силѣ, ни въ задушевности.

Выѣжая изъ церкви на *Piazza della Santa-Croce*, мы нашли толпы народа, который рукоплескалъ уѣзжавшимъ губернатору и коменданту, какъ бы благодаря ихъ, что они почтили память убитыхъ ихъ братьевъ.

На другой день, въ четвергъ ¹⁶/₃₀ мая, въ 8 часовъ утра, должна была быть процессія Тѣла Господня. Я отправился къ одному знакомому, живущему на *Via Legnajoli*, по которой должна была пройти процессія. Мой пріятель—кодинъ, и все время, какъ я сидѣлъ у окошка, толковалъ мнѣ, что въ счастливыя времена великаго герцога эта церемонія была особенно блестяща. «Сзади багдахина, говорилъ онъ, подъ которымъ *Monsignor Arci-*

¹ Члены комиссіи, и всѣ имѣющіе медаль 1848 года, какъ хозяева, находились, во время богослуженія, вокругъ катаfalка.

vescovo, окруженный канониками, несъ святые дары, шелъ самъ Granduca со всѣмъ семействомъ, дворомъ и военнымъ штабомъ. Guardia Nobile замыкала шествіе, съ великолѣпнымъ оркестромъ, исполнявшимъ приличныя обстоятельству симфоніи. Теперь вы увидите, прибавилъ онъ,—что процессія далеко не интересна; она много, много потеряла. Если хотите, для васъ, иностранца, это еще пожалуй интересно, но у насъ, видѣвшихъ ее въ такой блестящей обстановкѣ, у насъ сердце сжимается.»

Почти полчаса тянулась процессія крестовъ, покрытыхъ, какъ зонтиками, богатыми матеріями, бархатомъ, парчей и газетомъ; за каждымъ изъ нихъ шли различныя священныя конгрегаціи, въ бѣлыхъ, черныхъ или коричневыхъ балахонахъ, и съ капишономъ на головѣ, въ которомъ только дырки для глазъ. Большею частію капишоны не опущены на лицо, но приподняты, и выраженіе лицъ не отличалось религіознымъ настроеніемъ. Иные изъ конгрегацій были въ сапогахъ, иные въ сандаляхъ, а иные босоногіе. Впередѣ встѣхъ, въ началѣ процессіи, несли громадныя хоругви, на обѣихъ сторонахъ которыхъ были изображенія Спасителя, Божіей Матери и разныхъ святыхъ. Послѣ крестовъ показались длинныя и узкія хоругви съ большимъ крестомъ на верху; зади каждой шло духовенство той церкви, къ которой принадлежала хоругвь. Вслѣдъ за ними показались капуцины по два въ рядъ. Они шли немного театральнo, съ поникшими головами, съ сложенными руками на груди, и съ такою аффектаціей благочестія, что невольно ему не вѣрилось, и на умъ приходили мысли совсѣмъ противоположныя видимому, тѣмъ болѣе что почтенныя капуцины не пользуются хорошою репутаціей. Позади ихъ шли семинаристы, каноники, и, наконецъ, каноники флорентинскаго собора, въ лиловыхъ рясахъ, съ богатыми кружевными пелеринками подъ шелковою лиловою. Ближе къ балдахину каноники становились старше и тучиѣе. За ними, свѣчи, кадла, несомыя служками, въ лиловыхъ рясахъ, въ бѣлыхъ короткихъ туникахъ и потомъ балдахинъ изъ золотого газета, съ страусовыми перьями, подъ которымъ архіерей несъ святые дары, вокругъ него было человекъ пять ассистентовъ въ богатыхъ рясахъ. Шествіе замыкалось дюжиной жандармовъ, которые сдерживали народъ.

— Посмотрите, говорилъ мой пріатель кодинъ,—за балдахиномъ народъ. Никто изъ мѣстной власти не сопровождаетъ процессіи. Вы знаете, имъ всѣмъ изъ Турина запретили участвовать въ праздникахъ и церемоніяхъ церкви. Ахъ, еслибы вы видѣли, что это прежде была за картина!

Мнѣ очень жаль, что я не видалъ, какъ добрый герцогъ, съ сыновьями, дворомъ и гвардіей, сопровождалъ священныя про-

цессіи. По всему вѣроятію, это было гораздо красивѣе, чѣмъ видѣнные мною двѣнадцать жандармовъ; но по истинѣ, кто можетъ укорить Мингетти въ несправедливости за его извѣстный циркуляръ къ губернаторамъ, префектамъ, синдикамъ? Можно ли требовать отъ правительства, чтобъ оно продолжало поддерживать духовенство, когда это духовенство не только совершенно отдѣлилось отъ него, но не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не выказать явно своей оппозиціи къ нему?

Несмотря на отсутствіе великаго герцога и его блестящей свиты, процессія представляла живую, интересную и весьма оригинальную картину. Народу на улицѣ было довольно, въ окнахъ домовъ очень мало; впрочемъ, отъ поздно-встающей Флоренціи, какъ и требовать большаго въ такой ранній часъ? Особенно эффектно было появленіе въ толпѣ крестовъ, хоругвей, изъза угла улицы Porta Rossa. Утро было чудное, и вся перспектива улицы съ народомъ, съ медленно-движущеюся процессіей, въ красивой улицѣ Legnajoli, при такой обстановкѣ, какъ древнія зданія муниципія, Palazzo Strozzi, колонны на Piazza della Trinita; а вдали Ponte Trinita, ярко освѣщенные солнцемъ и на последнемъ планѣ старинные дома той стороны Арно, все это вмѣстѣ составляло картину чрезвычайно привлекательную. Одно, что, по моему, нарушало эффектъ этой движущейся картины, это пѣніе участвовавшихъ въ церемоніи. Не только священнослужители всѣхъ приходовъ, но даже въ каждой конгрегаціи, по крайней мѣрѣ, четыре человека гнусили далеко не гармонически, какимъ-то монотоннымъ напѣвомъ, приличныя дѣлу литаніи, и потомъ около свѣчъ, которыя несли у каждаго креста и хоругви, шелъ оборванный мальчишка съ лоскуткомъ бумаги и собиралъ въ него капавшій со свѣчъ воскъ. Эта, должно-быть чисто частная, индустрія производилась точно такъ же у самаго балдахина, какъ и въ передовыхъ отдѣленіяхъ. Какъ хотите, но это собраніе воска, какъ оно ни уважительно, портитъ общій видъ процессіи.

Изъ окна моего пріятеля, кромѣ меня, смотрѣлъ на процессію еще одинъ баринъ, иностранецъ, католикъ. Этотъ былъ оскорбленъ равнодушіемъ, съ которымъ народъ смотрѣлъ на шествіе. Никто изъ присутствующихъ на улицѣ не скидалъ шляпы, когда мимо несли образа, кресты, хоругви; только при появленіи балдахина многіе обнажили головы, нѣкоторые даже стали на колѣни. При этомъ, надо правду сказать, и участвовавшіе въ шествіи, особенно конгрегаціи, вовсе не обнаруживали религіознаго настроенія. Все это болтало, смѣялось, и подвигалось по видимому въ очень-веселомъ расположеніи духа. Въ нѣкоторыхъ дѣтахъ, — а ихъ много

почти во всякой конгрегаціи — появлялась такая настоятельная надобность рукопашнымъ боемъ покончить какую-нибудь важную распрю, что они тутъ же, на ходу, удовлетворяли этой печальной необходимости. Этихъ грустныхъ случаевъ намъ пришлось видѣть не одинъ; но справедливость требуетъ сказать, что въ каждой конгрегаціи находился баринъ во фракѣ, бѣломъ галстухѣ и съ алымъ бантомъ въ петлицѣ. Повидимому, его назначеніе было охранять порядокъ по ввѣренному ему отдѣленію. Каждый разъ, какъ юные члены конгрегаціи вступали въ раздоръ и энергическими движеніями выказывали намѣреніе не ограничиваться словами,—баринъ въ черномъ фракѣ немедленно принималъ мѣры къ восстановленію порядка, и оба провинившіеся обыкновенно получали нѣсколько толчковъ, въ видѣ должно быть внушенія, что рѣшеніе ихъ частныхъ интересовъ можетъ-быть отсрочено на нѣкоторое время. Дѣйствительно, иностранецъ былъ правъ, религіознаго настроенія не было замѣтно ни въ народѣ, ни въ конгрегаціяхъ, ни даже въ самомъ духовенствѣ. Лилловые каноники нюхали табакъ, и переваливаясь съ ноги на ногу, любовнательно посматривали на окружающихъ, какъ будто отыскивая знакомыхъ; между собою они толковали, указывая иногда на кого-нибудь въ толпѣ, что впрочемъ нисколько не мѣшало имъ гнустить свои литанія. Если таково равнодушіе къ процессіямъ въ участвующихъ и въ приеутствующихъ, то вы пожалуй спросите: за чѣмъ же ихъ дѣлать? На этотъ вопросъ я рѣшительно не знаю какъ отвѣтить, хотя многое можно было бы сказать.

Въ пятницу, 19/21 мая, было объявлено экстраординарное представленіе въ театрѣ Пальяно, въ пользу пострадавшихъ отъ недавняго землетресенія въ Умбрин и долині Кіаны (Valle di Chiana). Представленіе пріобрѣтало особый интересъ какъ по своей цѣли, такъ и потому, что въ немъ должна была принять участіе знаменитая пѣвица Маріетта Пикколомини¹, нинѣ маркиза Лаваль дельа Фаринья.

Театръ Пальяно одинъ изъ самыхъ громадныхъ театровъ въ Европѣ. По величинѣ партера и сцены, онъ выдержитъ сравненіе съ Ла Скалой въ Миланѣ и Санъ-Карло въ Неаполѣ. Главные его недостатки въ томъ, что онъ чрезвычайно глухъ и что ложи въ немъ недостаточно глубоки. Въ Италіи, гдѣ ложа въ театрѣ есть необходимое дополненіе къ общественной жизни, гдѣ въ театрѣ ѣздятъ не для того чтобы смотрѣть и слушать, а

¹ Пикколомини дебютировала, во Флоренціи, на театрѣ Пергола, въ зиму 1851—52 года, въ оперѣ *Lucretia Borgia*. Последній разъ играла въ Лондонѣ, въ сезонъ 1859 года, на театрѣ Дрюриленскомъ въ *Traviata*.

чтобы видѣть знакомыхъ, потолковать и провести вечеръ, Пальяно, какъ ни старается его хозяинъ и строитель *sig. Pagnano*, стяжавшій значительное богатство продажей сыропа имъ открытаго, никогда не будетъ театромъ первокласснымъ. Итальянцы въ своихъ обычаяхъ совершенные консерваторы; у нихъ во Флоренціи есть Пергола, они къ ней привыкли, и даже будъ въ Пальяно группа вдвое лучше чѣмъ въ Перголѣ, они, разъ или два побывавъ въ Пальяно, все-таки будутъ ѣздить постоянно въ Перголу. Это уже такъ принято Богъ знаетъ за сколько лѣтъ, и съ тѣхъ поръ никто отъ этого обычая ни за что не отступитъ. Къ тому же, въ ложѣ Перголы, человѣкъ двѣнадцать могутъ свободно сидѣть и толковать что бы на сценѣ ни происходило; а въ Пальяно и пилтерымъ тѣсно. Вотъ причины, по которымъ, какъ ни великъ Пальяно, однако ему никакъ не выйдти изъ разряда второстепенныхъ театровъ; впрочемъ меблировка его далеко не роскошна.

Эту весну Пергола была закрыта, и опера давалась только въ Пальяно, гдѣ на весенній сезонъ были назначены двѣ оперы: безсмысленный *Троваторъ* и новая опера маэстро Боттезини, именуемая *Assedio di Firenze*. Впрочемъ *Osada Флоренціи* совсѣмъ не новость: она въ первый разъ была дана года три тому назадъ въ Парижѣ. Несмотря на участіе первыхъ талантовъ, каковы Маріо, Пенко и Граціани, она упала въ Парижѣ. Сочинитель, знаменитый контрабасистъ, г. Боттезини, знакомитъ съ нею итальянскую публику, самъ дирижируя оркестромъ, и взявъ на себя трудную роль импрессаріо. Въ Миланѣ она не имѣла успѣха; во Флоренціи очень мало. Знатоки говорятъ о ней, что она отлично инструментована и что увертюра и финалы 1-го и 2-го акта великолѣпны. Намъ она показалась скучноватою, но мы не считаемъ себя знатоками въ музыкѣ.

Программа экстраординарнаго представленія объявляла, что будетъ дана опера *Osada Флоренціи*; послѣ перваго акта il celebre concertista Sig. Gio. Bottesini сыграетъ на контрабасѣ фантазію на мотивы изъ *Beatrice di Tenda*; а послѣ втораго акта: la rinomatissima artista di canto Sig. Marietta Piccolomini, Marchesa Laval della Fargna canterà l'Inno con cori. *La Croce di Savoja*—del M. C. Romani. Программа оканчивалась приглашеніемъ къ il buon popolo fiorentino участвовать въ добромъ дѣлѣ; и заключалась словами: *Così vedranno i calunniatori che la Libertà è sprone alle più nobili azioni e che l'amore di Patria è un sacro fuoco che tien viva la fiamma di Carità la più efficace e magnanima d'ogni virtù.*

¹ Такъ увидятъ клеветники, что Свобода способна къ самымъ благороднымъ дѣяніямъ, и что любовь къ отечеству есть священный огонь, поддерживающій пламя любви къ человѣчеству, самой возвышенной и самой дѣйствительной изъ всѣхъ добродѣтелей!

Флорентинцы послѣдовали приглашенію программы: съ четверга вечера уже всё ложи въ театрѣ Пальано были разобраны; а вечеромъ въ плаглицу было столько народу въ театрѣ, что партеръ былъ рѣшительно биткомъ набитъ, и многіе принуждены были помѣститься въ дверяхъ и корридорахъ. Публика была повидимому отлично настроена и аплодировала многимъ мѣстамъ оперы, тогда какъ въ другіе дни она вообще далеко не такъ благосклонна. Въ первомъ антрактѣ, Боттезини, съ волшебнымъ смычкомъ, былъ привѣтствованъ жаркими рукоплесканими. Нѣсколько разъ его прерывали, и по окончаніи сыгранной имъ фантазіи раза три вызвали. Невозможно себя представить, что Боттезини выдѣлываетъ на своемъ громоздкомъ и неблагодарномъ инструментѣ. Иной разъ не вѣршишь, что это контрбасъ, а скорѣе подумаешь, что скрипка, флейта, кларнетъ что угодно, но никакъ не контрбасъ. Мы разъ слышали, какъ онъ на своемъ инструментѣ игралъ родъ попури изъ мотивовъ *Соннамбулы*,—рѣшительно это можно было назвать скорѣй пѣніемъ чѣмъ игрою. Но когда послѣ мотива начнутся варіаціи—инструментъ беретъ свое, и слышишь что-то не натуральное, искусственное, насильно навязанное почтенному контрбасу. Говорятъ, это ужасныя трудности. Богъ съ ними! Но скажите, пожалуйста, какое можетъ быть удовольствіе слышать безпрестанные скачки отъ флажолета къ густымъ басовымъ нотамъ, и обратно? Впрочемъ, повторяемъ, мы не знатоки въ музыкѣ; можетъ быть это такъ и слѣдуетъ.

Послѣ втораго антракта, занавѣсъ поднялся при громѣ рукоплесканій; музыка должна была остачовиться и ждать довольно долго, пока будетъ можно начать. На сценѣ, въ глубинѣ, былъ устроенъ громадный трофей изъ трехцвѣтныхъ, національныхъ знаменъ; по серединѣ трофея стоялъ бюстъ короля. Музыка мобилизованной національной гвардіи неаполитанской занимала всю глубину сцены; впереди, раздѣленные на двѣ партіи стояли хористы, одѣтые, какъ въ оперѣ, воинами среднихъ вѣковъ, посреди ихъ находилась г-жа Пикколомини между двухъ большихъ національныхъ знаменъ, которыя держали два молодые челоѣка въ партикулярномъ платьѣ.

Пикколомини была одѣта въ бѣлое бальное платье, по которому были набросаны красныя розы съ зелеными листьями. На головѣ уборъ, въ которомъ также были три національные цвѣта. Она очень хороша собою; но мала ростомъ и какъ будто слишкомъ полновата.

Гимнъ начался хоромъ, а затѣмъ послѣдовало соло, нарочно вставленное для Пикколомини. Мы наконецъ услышали этотъ знаменитый голосъ, которымъ пять лѣтъ сряду такъ восторженно

восхищались въ Her Majesty и Drury Lane'скомъ театрѣ, въ Лондонѣ. Голосъ далеко не свѣжъ, чрезвычайно форсированъ, и не великъ. Можетъ-быть по причинѣ огромности и глухости театра, но въ высокихъ нотахъ это было не пѣніе, а совершенный крикъ. Впрочемъ, это бы еще ничего, и мы, взявъ въ соображеніе благотворительную цѣль, присоединили бы безъ оговорокъ и наши скромныя рукоплесканія ко всеобщимъ, которыми былъ привѣтствованъ конецъ перваго куплета. Но во второмъ Пикколомини превзошла все мною до сихъ поръ видѣнное по части жестикуляціи, въ Италіи. Она быстро разводила своими маленькими, пухленькими ручками, била себя въ грудь, и наконецъ, быстро повернувшись, схватила знамя, которое было отъ нея налѣво, и такъ какъ въ куплетѣ дѣло шло о славномъ савойскомъ крестѣ, то она обратилась къ изображенному на знамени кресту съ такими энергическими жестами, что мнѣ, ей Богу, невольно совѣстно сдѣлалось. Однако все въ театрѣ зарукоплескало, и когда она въ концѣ, съ нечеловѣческими усиліями, прокричала заключительную фразу: *Viva il re*, то разразился такой энтузіазмъ, какой мнѣ рѣдко случалось видѣть въ хладнокровной Флоренціи. По окончаніи, публика нѣсколько разъ вызывала пѣвицу, и потребовала повторенія гимна. Снова начала хорошенькая Пикколомини *la bianca Croce di Savoia*, и рукоплесканія при повтореніи гимна были еще задумшевіе и сильнѣе. Подъ конецъ мнѣ показалось, что и сама пѣвица была дѣйствительно одушевлена тѣмъ, что пѣла, и что чувство, которое она вкладывала въ каждое слово, была не игра, а истина. Да какъ и не увлечься въ этихъ манифестаціяхъ, когда тысячи четыре народа, обоюго пола, рукоплещуть съ такою энергіей, съ такимъ одушевленіемъ? Самъ, не замѣчая, захопаешь такъ, что руки заболать.

По окончаніи повторенія, съ полдюжины большихъ букетовъ посыпались на сцену, Пикколомини одна всѣ ихъ подобрала, и ушла за кулисы, поистинѣ покрытая цвѣтами. Какъ водится, всѣ букеты были съ савойскимъ крестомъ.

Около меня (я сидѣлъ въ креслахъ или такъ называемыхъ *posti distinti* (во время представленія находился одинъ баринъ мнѣ знакомый, который принадлежитъ къ партіи движенія (*partito d'azione*)). Собственно, это бывшіе республиканцы 1848 и 1849 годовъ. Слушая гимнъ, онъ не могъ пропустить случая, чтобы не сказать чего-нибудь выражающаго его мнѣніе.

— Все про Савою толкуютъ здѣсь, шепнулъ онъ мнѣ, указывая на сцену, — а гдѣ Савоія? Ее давно продалъ Кавуръ.

Я невольно улыбнулся, и не отвѣчалъ. Не заводить же въ театрѣ политическаго спора? Притомъ мнѣ такъ часто случалось спорить съ республиканцами о настоящемъ положеніи дѣлъ въ

Италіи, что все, что они говорятъ въ этихъ случаяхъ, мнѣ давно извѣстно. Съ чего бы ни начался разговоръ, а все мало-по-малу приходитъ къ тому, что Кавуръ унижаетъ Италію, что не дипломатіей можетъ быть достигнуто единство Италіи, а войной; не деньгами, а кровью надо купить Венецію и Римъ; что рано или поздно Франція обратится противъ Италіи; зачѣмъ была распушена южная армія волонтеровъ, и т. д. Положимъ даже, что *in principio* все это болѣе или менѣе справедливо; но во всякомъ случаѣ такіе разговоры, врядъ ли приличны и своевременны при настоящемъ положеніи Италіи. Правительство одною унификаціей Италіи, не считая римскаго и венеціанскаго вопроса, поставлено въ весьма-затруднительное положеніе. Въ такомъ случаѣ истинный патриотизмъ долженъ заставить всякаго Италіанца не дѣлать систематической оппозиціи національному правительству; въ патриотизмъ нѣтъ недостатка у нартін движенія; но въ ней еще болѣе *экзажерации*, отъ которой она очень много теряетъ въ общественномъ мнѣніи.

Чтобъ окончить разказъ о гимнѣ, скажу еще одно, что почти всѣми признано. Всѣ сожалеютъ, что до сихъ поръ въ Италіи, отечествѣ музыки и искусствъ, нѣтъ народнаго гимна. Ихъ собственно очень много; всякій городъ воспѣлъ по своему *il risorgimento italiano*; есть наконецъ королевскій піемонтскій маршъ, освященный кампаніей 1859 года; но все это довольно слабо. Всего болѣе имѣетъ характеръ чисто народнаго гимна знаменитая фанфара Гарibaldi, но она очень спеціально; народъ привыкъ слышать въ ней собственно лишь воспоминаніе о своемъ героѣ; а наконецъ, въ музыкальномъ отношеніи, она нисколько не знаменуетъ Италіи единой и свободной. Надобно надѣяться, что и этотъ недостатокъ будетъ скоро восполненъ. При музыкальныхъ талантахъ, которыми изобилуетъ Италія, мы имѣемъ полное право питать такую надежду. Впрочемъ, единство Италіи еще не совершилось окончательно, можетъ-быть только это обстоятельство и препятствуетъ, чтобъ Италія и въ музыкальномъ отношеніи имѣла достойное выраженіе чувства своего единства.

Въ субботу, 1-го іюня, грустное обстоятельство случилось во Флоренціи: въ три часа до-полудни скончался достойный и всѣми уважаемый Пьетро Туаръ, послѣ непродолжительнаго хворанья, отъ мильяры (*miliare*)¹. Мы хотя и знали его, однакожь

¹ Мильяра—болѣзнь происхожденія ломбардскаго; говорятъ, первые ея признаки показались около Мантуи и Вероны, въ долинь По; оттуда она перешла въ Тоскану, гдѣ теперь сдѣлалась постоянною. Случаи мильяры теперь очень рѣдки, но почти всегда сопровождаются смертью. Болѣзнь эта въ родѣ тифа; ея особые признаки — мелкая сыпь на груди.

не столько знакомы со всею его жизнію, чтобы позволить себѣ написать хотя краткую его біографію; но нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ объ этомъ достойномъ человѣкѣ. Туаръ посвятилъ всю свою жизнь воспитанію юношества и педагогическимъ занятіямъ. Онъ много писалъ для школъ, для народа, и его сочиненія дѣлятся очень высоко. Правительство великаго герцога не давало ему ходу за его образъ мыслей. Съ освобожденіемъ Тосканы, онъ наконецъ приобрѣлъ возможность осуществитъ давно-задуманный имъ планъ. Съ помощію правительства, онъ основалъ школу, цѣлью которой было приготовленіе деревенскихъ школьныхъ учителей. Въ помѣщеніи монастыря Sanctissima Annunziata, отвели ему нѣсколько комнатъ и трехъ-четырехъ помощниковъ. Съ этими скудными средствами, Туаръ принялся за свое дѣло. Самъ онъ преподавалъ педагогикку и итальянскій языкъ; но часто, за недостаткомъ другихъ учителей, онъ читалъ и физику, и Законъ Божій, и математику, и что бы то ни было. Школа дѣлится на два отдѣленія, scuola magistrale, въ которой собственно готовятся учителя, и scuola sperimentale, въ которой будущіе педагоги учатся приемамъ преподаванія. Въ экспериментальной школѣ обучаются дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ, и преподаваніе начинается съ азбуки. Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ читателями *Русскаго Вѣстника* объ этой школѣ, но меня остановило то, что въ нынѣшнюю зиму ее осматривалъ одинъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ писателей, который въ настоящее время занимается вопросомъ народнаго воспитанія. Онъ, вѣроятно, опишетъ ее, и навѣрное въ тысячу разъ лучше, чѣмъ могли бы это сдѣлать мы. Вопросъ народнаго воспитанія, всегда одинъ изъ важнѣйшихъ въ жизни народа, особенно важенъ теперь въ Россіи, гдѣ, при устройствѣ элементарныхъ школъ, слѣдуетъ рѣшить еще болѣе вопросъ, какъ ихъ устроить, по какому методу, по какой системѣ. Мы недостаточно изучали этотъ вопросъ, чтобы имѣть право говорить о немъ, а къ этому неминуемо повлекло бы насъ подробное описаніе школы Св. Анунціаты. Поэтому, въ настоящее время, мы даемъ только нѣкоторое понятіе о школѣ Туара и его дѣятельности. Смерть остановила его въ самомъ началѣ предпринятаго имъ дѣла, но мы надѣемся, что надежда, выраженная сенаторомъ Ламбускини (Lambruschini) въ рѣчи, сказанной имъ въ понедѣльникъ, 3-го іюня, на похоронахъ бѣднаго Туара, сбудется, и что его труды не пропадутъ для народнаго образованія, что найдутся преемники, которые будутъ трудиться по указанному Туаромъ пути, и что школа, устроенная имъ, не погибнетъ, потерявъ своего директора.

Программа праздника 2-го іюня была не затѣйлива: обѣдня

на дугу, въ Кашинахъ, въ присутствіи всѣхъ войскъ, находящихся во Флоренціи, потомъ парадъ, вечеромъ корсо, иллюминація и народный балъ на Piazza della Indipendenza. Кажется, чего проще? Мы опускаемъ раздачу бѣднымъ ассигнованной отъ города суммы; это не было публично, а потому мы объ этомъ не можемъ и говорить.

Въ десять часовъ утра, пошли мы въ Кашины. На великолѣпномъ дугу была уже куча народу, и чѣмъ ближе мы подвигались съ почтеннымъ А¹ къ павильйону, въ которомъ шла обѣдня, тѣмъ гуще становилась толпа, и тѣмъ труднѣе было пробираться. Около павильйона были выстроены войска. Наѣво крайними были четыре батальйона флорентинской національной гвардіи, потомъ передъ самымъ павильйономъ стоялъ кавалерійскій полкъ Piemonte reale; далѣе полубатальйонъ неаполитанской мобилизованной національной гвардіи; еще далѣе, кадетскіе корпуса; сзади артиллерійскій полкъ, котораго одна батарея была сформирована во Флоренціи. У самой лѣстницы павильйона стоялъ верхомъ команданте della divisione territoriale, генералъ Джіанотти, съ своимъ штабомъ¹. Въ павильйонѣ находились всѣ гражданскія власти, флорентинскіе и нефрунтовые офицеры городской національной гвардіи.

Мы не безъ труда добрались почти до самаго павильйона; но и тамъ, изъ-за стоящихъ впереди, ничего не было видно. Тутъ un popolano предложилъ за два граціи², съ каждаго, очень зыбкую скамейку. Какъ ни казалась она опасною, мы взобрались на нее, и, что удивительно, она не подломилась. Зрѣлище было очень красивое: тутъ войска, выстроенныя неподвижно передъ высокимъ павильйономъ, убраннымъ тремя національными цвѣтами; на дугу разнохарактерная толпа народа, непрерывно прибывавшая; сзади, въ аллеѣ Кашинъ, подъ высокими, тѣнистыми деревьями,—кучи экипажей и людей; вдали высокіе отроги Аппенинъ, покрытые безчисленными виллами и фермами; между народомъ то и дѣло сновали продавцы фруктовъ, питей всякаго рода, сластей, сигаръ и всякой всячины. Всѣ эти торговцы рѣзкимъ голосомъ предлагали свой товаръ; иной къ громкимъ предложеніямъ прибавлялъ разныя прибаутки. Все окружающее дышало жизнію, двигалось, толкало, сибялось, но нельзя сказать, чтобы шумѣло, или вело себя безпорядочно. Солнце держало

¹ Около нихъ стояли четыре хора музыкантовъ, принадлежащихъ къ выстроеннымъ войскамъ

² Граціи $\frac{1}{8}$ паола—7 сантимамъ. Монета уже не существуетъ; но названіе ея еще живетъ въ народѣ. Декретомъ 10 іюня 1860 г. въ Тосканѣ введена десятичная монетная система.

себя какъ-то нерѣшительно; то оно спрячется за облакомъ; а то во всю силу направитъ свои лучи, такъ что въ черной шляпѣ приходилось нестерпимо; а то такъ даже и дождичекъ накрапывалъ. У насъ на Руси говорятъ, что дождикъ въ день свадьбы — къ добру. А 2-е июня можно пожалуй назвать днемъ обрученія короля *galantuomo* съ Италіей, — впрочемъ, развѣ только оффициальнаго, потому что сердечно они давно связаны. Какъ бы то ни было, но солнце показало нѣкоторыя кодинскія замашки въ началѣ; какъ будто хочется и посмотреть, и вмѣстѣ не хочется компрометироваться участіемъ на запрещенномъ папой праздникѣ. Но въ концѣ, во время врученія знаменъ и развода, оно не выдержало, и всѣмъ своимъ блескомъ освѣтило предестынные Капины и красивый лугъ; по всему вѣроятію, въ эту минуту оно совершенно поссорилось съ *sacra poenitentiaris*.

Обѣдня окончилась, генераль Джіанотти вручилъ новое знамя полку *Piemonte reale*; прочелъ форму присяги, повторенную всѣмъ полкомъ, наконецъ прочелъ прокламацію короля къ войскамъ. По окончаніи чтенія, громадное ура огласило воздухъ; народъ отвѣчалъ громкими и продолжительными рукоплесканіями.

Парадъ начался, губернаторъ со всѣми гражданскими властями помѣстился наверху лѣстницы павильона, генераль Джіанотти не много лѣвѣй остался верхомъ съ своею свитой, адъютанты поскакали точно у насъ на Руси; между войсками пошло движеніе, которое распространилось и на окружающую насъ толпу. Всякій хотѣлъ придвинуть поближе свой стулъ, свою скамейку, а кто не имѣлъ этого способа, чтобы возвыситься надъ окружающими, тотъ старался пробраться въ первый рядъ зрителей. Въ возникшемъ движеніи, дамы отличались особымъ рвеніемъ занять мѣста, если не повиднѣе, то такія, откуда лучше видно. Прекрасному полу не всегда удавалось достигнуть исполненія этихъ желаній. Вообще въ Италіи дамы средняго круга, и даже ниже средняго, злоупотребляютъ нѣкоторою частью женскаго туалета, называемою кринолиномъ. Въ то время, какъ войска приготавлились къ церемоніальному маршу, я съ любопытствомъ слѣдилъ за двумя барынями, весьма прилично и обширно одѣтыми, которыя пытались продраться сквозь живую стѣну зрителей. Всѣ попытки оказались тщетными, и обѣ бѣдняжки, въ нѣкоторомъ отдаленіи, тихо между собою о чемъ-то совѣщались. Одна была постарше, можно бы сказать совсѣмъ старая, еслибы прекрасный полъ могъ старѣться, другая помоложе и не дурна собой. Повидимому, онѣ пришли пѣшкомъ, ожидали, приготавливались къ празднику, думали все видѣть, — и вдругъ вмѣсто парада, злая судьба предлагаетъ имъ зрѣлище со-

всѣмъ не интересно: смотрѣть на толпу не съ лицевой ея стороны! На ихъ раскраснѣвшихся и влажныхъ лицахъ было скорбное выраженіе. Я душевно принималъ участіе въ ихъ несчастномъ положеніи; но предложить имъ мѣсто на нашей зыбкой скамейкѣ значило всѣмъ намъ рисковать если не живію, то цѣлостію нашихъ рукъ и ногъ. На публичныхъ праздникахъ и гуляньяхъ, я очень люблю наблюдать за тѣмъ классомъ народа, который всего болѣе принимаетъ участія въ такого рода празднествахъ. Самый низшій классъ пользуется ими какъ пріятными случайностями, нарушающими его однообразную, ежедневную жизнь; но для класса, ступенью выше поставленнаго на социальной лѣстницѣ, гулянье или парадъ въ Кашинахъ есть задача, разрѣшеніе которой требуетъ заблаговременной распорядительности. Всмотритесь въ иную парочку, съ наслажденіемъ гуляющую, въ прелестныхъ аллеяхъ Кашинъ, въ воскресный или праздничный день. Дама въ прехорошенькой шляпкѣ, на плечахъ у нея шаль легкой шерстяной матеріи, и ея шелковое, легкое платье очень не дурно; но за то все лижетъ на себѣ отпечатокъ мудрой заготовки именно къ празднику; то же самое замѣтно и въ сопровождающемъ ее молодомъ человѣкѣ: та же тщательная чистота во всемъ платьѣ и удивительный лоскъ на шляпѣ. Есть люди, которые смѣются надъ этимъ праздничнымъ преобразованиемъ работника (*endimanché*), который всю недѣлю, въ одномъ жилетѣ и съ засученными рукавами, работаетъ въ хозяйской мастерской. Я нѣтъ, избави Богъ! Напротивъ, я всегда задумаюсь передъ такою счастливою парочкой; для меня каждая часть ихъ туалета представляетъ цѣлую повѣсть, повѣсть грустныхъ, ежедневныхъ лишеній, надеждъ, ожиданій, и наконецъ полного счастья. Эта черная, лоснящаяся шляпа, эта полосатая шаль, друзья мои, я ихъ не знаю: я васъ видѣлъ постомъ на гуляньи въ Porta San-Gallo; у него была старая, порыжѣвшая шляпа; а у васъ, немного выдѣтшій, кашемировый платокъ. Скажите мнѣ, сколько разъ онъ долженъ былъ отказать себѣ въ вечернихъ засѣданіяхъ въ кофейнѣ, въ театрѣ, въ рюмкѣ вермута и въ стаканѣ кислаго родимаго вина, а вы сколько разъ лишали себя въ оливкахъ и лачаніи, составляющихъ почти весь вашъ обѣдъ, чтобы купить—онъ шляпу, а вы—шаль? Но за то, какъ я думаю, обѣ эти такъ дорого пріобрѣтенныя вещи теперь бережно хранятся, ходятъ, и какъ вы были счастливы, когда въ первый разъ показали ихъ на Божій свѣтъ!

Но вотъ войска отошли направо; адъютантъ генерала Джанотти нештовомъ скачетъ, что повидимому не совсѣмъ нравится его коню, который разъ такъ лягнулъ на всемъ скаку, что будь я на мѣстѣ адъютанта, непременно бы упалъ, а онъ усидѣлъ,—

честь и слава. Наконецъ парадъ начался, и, грѣшный человѣкъ, я засмотрѣлся на флорентинскую національную гвардію, открывшую шествіе. Когда я снова обернулся, то уже не видалъ болѣе дамъ, находившихся въ отчаянномъ положеніи. Флорентинцы съ усердіемъ старались равняться, вытягивать носки, однимъ словомъ—показать себя совершенно военными людьми. Шло все очень прилично, и я съ полнымъ убѣжденіемъ произнесъ: «вѣдь не дурно,—молодцы.» Мой товарищъ, къ великому моему удивленію, нисколько не раздѣлялъ этого мнѣнія.

— Какой это парадъ, замѣтилъ онъ,—это Богъ знаетъ что! Посмотрите, генералъ стоитъ налѣво!

Впрочемъ, кто видѣлъ что дѣлается на Царицынскомъ лугу, въ Петербургѣ, того парадами не удивишь въ Европѣ. Напримѣръ майскій парадъ, ну гдѣ вы увидите что-нибудь подобное? — уже не въ Кашинахъ же во Флоренціи.

За Флорентинцами шелъ кавалерійскій полкъ *Piemonte reale*. Люди молодцы, все народъ рослый, но лошади мнѣ показались мелкими въ сравненіи съ солдатами. За ними Неаполитанцы, съ своею великолѣпною музыкой впереди. При этомъ почтенный А. далъ мнѣ замѣтить, что какъ неудобно даже для музыки заходить, а въ кавалеріи заѣзжать направо, когда начальникъ стоитъ налѣво. Мнѣ, какъ не военному, это, кажется, ей Богу, все равно.

Вслѣдъ за Неаполитанцами шли кадетскіе корпуса: первый, *Liceo Militare*, одѣтъ какъ итальянская пѣхота; второй, *Collegio Militare*, имѣетъ извѣстную форму берсальеровъ, что очень красиво.

Оба корпуса готовятъ офицеровъ для арміи, но офицерскій чинъ не дается прямо по выходѣ изъ корпуса; для достиженія его; выпущенные воспитанники должны прослужить отъ шести мѣсяцевъ до года во фронтѣ, въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ.

Шествіе заключала артиллерія, которая была монтирована по новой модели. Тяжелыя нарѣзныя пушки запряжены въ шесть лошадей, и на каждой сидитъ по ѣздовому; кромѣ того, на зарядномъ ящикѣ, поставленномъ на передовой части лафета, помещаются еще три человѣка. Въ случаѣ надобности, число это можетъ быть удвоено. Такимъ образомъ, вся прислуга орудія пріобрѣтаетъ болѣе подвижности, и почти вся перемѣщается вмѣстѣ съ орудіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это весьма удобно въ военное время, но имѣетъ тотъ недостатокъ, что лошадь слишкомъ отягощена, и въ трудной мѣстности, послѣ значительнаго перехода, я увѣренъ, шести лошадей, такъ нагруженныхъ, мало на большое орудіе.

Парадъ кончился, Джіанотти съ своимъ штабомъ поскакалъ

по лугу, въ направленіи къ городу, а толпа окружила павильйонъ. Мы послѣдовали за ней. Стоявшія въ павильйонѣ гражданскія власти, съ губернаторомъ во главѣ, другъ за дружкой уѣхали, причѣмъ губернатору немного аплодировали; наконецъ и карабинеровъ, стоявшихъ подъ ружьемъ на ступеняхъ лѣстницы павильйона, свели, а толпа все не расходилась. Меня интересовало узнать чего ждетъ народъ, и я послѣдовалъ всеобщему примѣру. На верху лѣстницы, въ павильйонѣ, показался почтенный дивизионный капелланъ, который служилъ объдню. При видѣ его, громкія рукоплесканія и виваты загремѣли съ такимъ единодушьемъ, какого нельзя было ожидать. Старикъ видимо былъ тронуть, онъ скинулъ свою шляпу съ широкими полями, кланялся и кротко улыбался. Рѣдкіе сѣдые волосы капеллана серебрились, освѣщенные яркими лучами солнца, лицо его выражало, что онъ болѣе чѣмъ тронуть, что онъ сконфуженъ этими неожиданными рукоплесканіями и виватами. Онъ то скидалъ шляпу, то опять надѣвалъ, разводилъ руками, какъ бы желая сказать, что не заслужилъ такихъ выражений участія, и началъ медленно спускаться по лѣстницѣ. Когда онъ сошелъ, настало нѣсколько минутъ тишины; но потомъ опять загремѣли рукоплесканія и виваты, капелланъ еще разъ поклонился и поспѣшно ушелъ. Эта манифестація была чрезвычайно трогательна; видимо она носила на себѣ отпечатокъ задушевности, и никакой кодинъ не могъ бы, я думаю, сказать, что ее подготовили заранее, и что тутъ кричали подосланные люди. Я былъ самъ среди этой рукоплескавшей толпы, и слышалъ, какъ при появленіи капеллана въ толпѣ говорили: «это тотъ, который служилъ объдню, онъ не принадлежитъ къ нашему *austriacante* духовенству,»—и крики загремѣли. И какіе крики! Такихъ криковъ не купишь. Да и кто станетъ покупать?

Наша любознательность не ограничилась однако этимъ окончаніемъ, мы пошли осмотрѣть павильйонъ. Насъ съ любезностью допустили, и мы вошли наверхъ. Временная церковь была очень красиво отдѣлана и убрана, особенно алтарь; распятіе, великолѣпные бронзовые подсвѣчники старинной работы и прочія украшенія, были взяты изъ дворцовой часовни palazzo Pitti. Они, кажется, служили Медичисамъ, но навѣрное принадлежали австро-лотарингскому дому, и вѣрно ни разу не были употреблены съ такою пользой, и для такого хорошаго дѣла, какъ нынче. На возвратномъ пути полкъ Piemonte reale, возвращавшійся съ церемоніи, заставлялъ не мало ждать нашъ скромный «якръ». Отъ-нечего дѣлать, я смотрѣлъ на проходившихъ солдатъ: дѣйствительно молодцы, и бѣдугъ тихо, безъ аффектаціи, съ

достоинствомъ. Общее впечатлѣніе, произведенное полкомъ, немного было испорчено ѣхавшимъ въ концѣ полковымъ священникомъ. Докторъ, который ѣхалъ около него, велъ себя респектабельно; но священникъ просто неприлично. Конь у него былъ добрый, и самъ онъ повидимому ѣздитъ отлично. Онъ шпорилъ своего коня, и все время велъ его въ шенкеляхъ, такъ что несчастная лошадь, все на задѣ, выдѣлывала такіа лансады и штуки. Впрочемъ, надо и то сказать, священникъ дѣйствительно ѣздитъ великолѣпно.

Въ 7 часовъ вечера у цѣпнаго моста, въ кварталъ, именуемомъ Пиньоне (Pignone), должна была происходить гонка судовъ, а потомъ желающимъ предоставлялось лазить на высокую мачту, поставленную въ самой срединѣ рѣки; достигавшей конца мачты прибрѣталъ ничтожный призъ. Пиньоне—интересный кварталъ по воспоминаніямъ. Въ прежнія времена это была торговая пристань Флоренціи, и торговля была весьма значительная, судя по количеству приходившихъ и отходившихъ оттуда барокъ или скорѣй лодокъ; теперь отъ прежняго времени осталось одно воспоминаніе, и лодокъ у пристани болѣе не видать. Впрочемъ, доставка товаровъ по Арно мнѣ кажется, довольно проблематическою. Въ обыкновенное время въ немъ нѣтъ достаточно воды, даже для мелкихъ лодокъ; когда же, послѣ сильныхъ дождей, онъ становится полонъ, то теченіе бываетъ такъ сильно, что ѣхать по немъ невозможно. Однако, несмотря на желѣзную дорогу, до сихъ поръ, въ Ливорно и обратно, ходятъ лодки по Арно, болѣею частію съ строевымъ лѣсомъ. Лодки формою напоминаютъ тѣ, которыя видишь на античныхъ барельефахъ. Онѣ довольствуются самою ничтожною глубиной, однако беспрестанно садятся на мель.

Въ настоящее время бѣдный Арно почти не имѣетъ воды, но все мутенъ, грязенъ, и часто по вечерамъ издаетъ запахъ весьма непріятный. Какъ при этомъ вѣрить великому поэту, который, въ своемъ *Чайльдъ-Гарольдѣ*, сказалъ:

Along the banks where smiling Arno sweeps?

Флорентинцы увѣраютъ, что Байронъ говоритъ про Арно, когда онъ освѣщенъ луною въ прекрасную ночь. Если такъ, то это совершенно справедливо, и видъ набережныхъ Арно въ сумерки, или при лунномъ свѣтѣ, дѣйствительно смѣющійся, или скорѣй улыбающійся, какъ говоритъ Байронъ.

Съ 7 часовъ вечера и почти до полуночи продолжался корсо,

который далеко не былъ такъ великъ, какъ ожидали. Часу въ девятомъ, два оркестра, расположенные въ двухъ павильонахъ на обширной площади Независимости¹, играли попеременно. Танцевъ однако не было. Нѣсколько особенно рѣзвыхъ мужчинъ потанцовали немного между собой; дамы же не принимали участія, и танцы не клеились. «Отчего?» спрашивалъ я нѣсколькихъ Флорентинцевъ. — «У насъ нѣтъ этого обычая,» былъ у всѣхъ одинъ отвѣтъ. Рѣшительно, консервативное начало преобладаетъ въ жителяхъ счастливой Тосканы.

Несмотря на отсутствіе танцевъ, не было недостатка въ движеніи и одушевленіи на площади Независимости. Вся площадь представляла волшебное зрѣлище. Иллюминація была великолѣпная. Все пространство было наполнено безчисленными столбами, на которыхъ были утверждены стеклянные шары съ маленькими лампами внутри. Эти шары составляли родъ свѣтлыхъ шапокъ на оконечности столбовъ. Толпы народа гуляли въ этихъ свѣтлыхъ искусственныхъ аллеяхъ. Повсюду пѣсни, смѣхъ, веселый говоръ, а вокругъ площади медленно подвигалась двойная вереница экипажей. Въ одномъ изъ угловыхъ домовъ зажгли трехцвѣтныя бенгальскіе огни; цвѣта, какъ водится, были національные; этому примѣру скоро слѣдовали многіе, и вся площадь освѣщалась то краснымъ, то зеленымъ, то бѣлымъ свѣтомъ, а то всѣми тремя вмѣстѣ. Юное поколѣніе флорентинскихъ читатинновъ всего болѣе наслаждалось этимъ зрѣлищемъ; но и народъ толпился болѣе вокругъ шипящихъ трубокъ съ бенгальскими огнями. Толпа была безчисленная, а все было тихо и чинно; мы съ нѣсколькими пріятелями часа два гуляли по площади во всѣ концы, и нигдѣ не замѣтили никакого безпорядка.

Часу въ двѣнадцатомъ мы уѣхали въ фіакръ и объѣхали почти весь городъ. Всюду толпы народа, веселье, пѣсни, несмотря на поздній часъ. Иллюминація 2-го іюня было однако менѣе блистательна нежели 5 (17) марта, когда праздновалось провозглашеніе Виктора-Эммануила королемъ Италіи. Не знаю уже, чему это приписать; можетъ-быть, 2 іюня вечерній праздникъ былъ болѣе сосредоточенъ на площади Независимости и окружающихъ ее улицахъ, и потому прочія части города терли при сравненіи. Однако было много домовъ и мѣстъ, которые представляли собой очаровательныя картины, особенно palazzo Vecchio, который съ своими безчисленными шкаликами имѣлъ видъ прозрачнаго, какого-то волшебнаго зданія.

¹ Нынѣ Piazza dell' Indipendenza, прежде Maria Antonia, еще прежде Barbano. Цѣлая исторія города въ этихъ трехъ названіяхъ.

Иллюминація догорала, но долго еще гулялъ народъ на свѣтлыхъ улицахъ города. Потомъ мало-по-малу толпа стала рѣдѣть, но тишина до самаго поздняго часа прерывалась то группою возвращавшихся домой горожанъ, оглашавшихъ воздухъ веселою пѣсней, то какимъ-нибудь страстнымъ патриотомъ, по какому-либо случаю не успѣвшимъ за весь вечеръ достаточно высказать свои мнѣнія и теперь, несмотря на воцаряющуюся тишину, провозглашавшимъ многократно: « Viva l'unità, viva il re ». Наконецъ и эти вспышки угасавшаго праздника прекратились, все замолкло, и городъ заснулъ, а праздника какъ будто и не бывало.

Кн. Д. Д—ой.

БИТВА ЖИЗНИ.

(Изъ собранія стихотвореній: *На дорогѣ и дома.*)

Когда припомню я и жизнь, и все бывшее,
Рисуется мнѣ жизнь—какъ поле боевое,
Обложенное все рядами мертвыхъ тѣлъ,
Средь коихъ я одинъ какъ чудомъ уцѣлѣлъ.
Дружиной бодрою, отважной молодежью
Мы рано вышли всѣ въ походъ, на волю Божью.
У каждого былъ жезлъ фельдмаршальскій въ сумѣ.
У каждого—своя побѣда на умѣ,
У каждого—свои надежды, цѣль и радость;
Довѣрчиво судьбу опрашивала младость.
Но скоро ворвалась смерть въ юный нашъ отрядъ.
Сплошнѣй сомкнули мы разорванный свой рядъ,
И скорбью поминувъ утраченного брата,
Самонадѣянно, удалые ребята
И каждый о себѣ безпечный, шли впередъ,
Бѣгомъ—на крутизну, потокомъ—въ плавь и въ бродъ.

Мы пѣснью боевой весь воздухъ оглашали.
 Задачи бытія восторженно рѣшали
 Горячія сердца и смѣлые умы.
 Но полдень наступилъ, и оглянулись мы:
 Ужъ многихъ нашихъ мѣтъ и лучшихъ нѣтъ изъ братій;
 Смерть выхватила ихъ изъ дружескихъ объятій
 Внезапно, въ золотой порѣ цвѣтущихъ силъ,
 Когда ихъ зрѣлый духъ такъ плодороденъ былъ!
 Тутъ робкій взглядъ—впередъ и на себя—печальный
 Вперши мы: кладѣль тотъ пылъ первоначальный,
 Которымъ наша грудь кипѣла, а нашъ умъ
 Насытиться не могъ въ тревогѣ смѣлыхъ думъ.
 Сталъ небосклонъ темнѣй и путь какъ будто уже.
 Въ угасшихъ дняхъ друзей и наши гасли вчужь;
 А все еще рѣдѣлъ, прострѣленный насквозь,
 Строй—нѣкогда стѣна—теперь разбитый врозь.
 Когда же зорю мы пробили въ часъ молитвы,
 Насъ на лицо два-три сошлись на полѣ битвы.
 Сталъ недочетъ и въ тѣхъ, оставшихся... Позднѣй
 Оплакивалъ одинъ я всѣхъ моихъ друзей.

Князь П. Вяземскій.

ПОХОРОНЫ.

Разносится нашъ торжественно-печальный,
 И поѣздъ движется блестящій погребальный:
 Вослѣдъ ему толпа народная валитъ,
 Предъ гробомъ стройно гимнъ напутственный звучитъ,
 Съ кадильницъ ошмянъ отъ ладона клубится,
 Дымятся факелы, и съ громомъ колесница

Везетъ бездушные останки богача;
 Повсюду золото и бархатъ и парча
 Надъ нимъ и вокругъ него блистаетъ и пестрѣтъ,
 И тяжкій балдахинъ колеблется и рдѣтъ
 На солнечныхъ лучахъ. За гробомъ стройно, въ рядъ,
 Въ глубокомъ траурѣ, отъ головы до пятъ,
 Съ изящной прелестью одѣты по картинкѣ,
 Идутъ наследники — на лицахъ ни слезинки!
 И безконечною процессіей имъ вслѣдъ
 Гремить торжественно блестящій рядъ каретъ.
 Звѣаки мелкіе на улицѣ толпятся,
 Большія барыни заботливо тѣснятся
 Съ дѣтми и няньками у зеркальныхъ оконъ,
 Любуясь зрѣлищемъ роскошныхъ похоронъ.
 Повсюду слышится: «кого, кого хоронятъ?»
 Хожалые съ пути простой народъ сторонять —
 Толкаютъ и кричатъ и щедро сыплютъ брань,
 Желая принести свою посильную дань,
 Дань почестей чинамъ почившаго вельможи.

Какіе хлопоты и шумъ — и изъ чего же?
 Когда и гдѣ, въ какой святой, великій часъ!
 Какое зрѣлище для сердца и для глазъ!
 Какое странное, нестройное смѣшенье:—
 Гремить, какъ Божій гласъ, святое пѣснопѣнье
 Во всеуслышанье о суетѣ земной,
 А все вокругъ полно бездушной суетой!
 И смерти грозное и мрачное величье,
 И свѣта тонкія, жеманныя приличья
 Идутъ здѣсь объ руку, — и дикой пестротой
 Пугаютъ мысль и взоръ... и чувствъ тяжелыхъ рой
 Такъ беспорядочно, такъ смутно въ грудь тѣснится:
 Не знаешь, хочешь ли смотрѣть или молиться?

А въ тотъ же день и часъ, по тряской мостовой,
 Везутъ на домовомъ сосновый гробъ простой,
 Ни шелкомъ, ни парчой блестящей не обитый,
 Кой-какъ сколоченный, веревкой перевитый...

Въ немъ труженникъ-бѣднякъ. Сведи его туда
Усиля тяжкія суроваго труда,
Нужда, сырой подвалъ, да знахарка-лѣкарка,
Да, наша общая губительница, чарка.
За гробомъ чуть бредеть отъ горести, въ слезахъ,
Жена покойника съ младенцемъ на рукахъ.
За нею тянется въ лохмотьяхъ вся убогихъ
Толпа пискливая голодныхъ, босоногихъ,
Худыхъ, безъ помощи осгавленныхъ сиротъ,
Прямыхъ наследниковъ труда и злыхъ заботъ.
За ними вслѣдъ бредеть, потупя взоръ угрюмо,
Собрать умершаго, томимый мрачной думой,
Такой же какъ и онъ безпомощный бѣднякъ.
За гробомъ не бѣгутъ шума толпы зѣвакъ;
Хожалый съ улицы народъ простой не гонитъ:
Никто не хочетъ знать, кого и кто хоронитъ.
И только бѣдная старушка съ костылемъ,
Приблизившись къ вдовѣ съ растроганнымъ лицомъ,
Вопросъ ей дѣлаетъ, съ участіемъ къ печали:
«Какъ, матушка, скажи покойника-то звали?»
— Ивановъ, та въ отвѣтъ, рыдая, говоритъ.
И имя то, крестясь и охая, твердитъ
Старушка, чтобъ предъ сномъ, въ часъ тишины глубокой,
То имя помянуть въ молитвѣ одинокой.

Б. Алмазовъ.

9 августа, 1861 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

Физическая географія моря, сочиненіе Мори, переводъ А. Толстопятова.
Москва, 1861.

Въ числѣ полезныхъ изданій по части естествовѣдѣнія, въ обиліи появившихся въ последнее время, можно указать на отчетливый и добросовѣстный переводъ извѣстной книги американскаго ученаго Мори, сдѣланный г. Толстопятовымъ. Въ предостереженіе читателей считаемъ не лишнимъ упомянуть, что почти въ одинъ день съ переводомъ г. Толстопятова появился другой переводъ той же книги, сдѣланный г. Модестовымъ, и представляющій удивительное искаженіе подлинника.

Извѣстность Мори началась съ 1848 года, когда появился первый опытъ его путевыхъ картъ. Завѣдуя архивомъ морскихъ картъ и журналовъ, Мори шесть лѣтъ трудился надъ собраніемъ матеріаловъ для своего труда; досталъ, сколько было возможно, корабельныхъ журналовъ отъ капитановъ купеческихъ кораблей, вошелъ въ сношенія съ учеными обществами и наконецъ составилъ карты съ практической цѣлю сократить продолжительность морскихъ переездовъ. Капитанъ Джонстонъ, слѣдуя картѣ Мори, совершилъ переездъ изъ Балтимора къ экватору въ 24 дня, вмѣсто прежнихъ 40. Это былъ первый успѣхъ. Вскорѣ, благодаря указаніямъ Мори, измѣнился путь изъ Европы въ Америку, переездъ въ Калифорнію уменьшился болѣе чѣмъ на мѣсяць, и т. д. Послѣ такихъ осязательныхъ, выражаемыхъ долларами доказательствъ пользы новыхъ картъ, изслѣдованія Мори обратили на себя всеобщее вниманіе и встрѣтили повсюду сочувствіе и поддержку. По его мысли, въ 1853 году, собрались въ Брюсселѣ представители всѣхъ морскихъ государствъ Европы, и на этомъ конгрессѣ былъ составленъ планъ однообразной системы наблюденій надъ морскими явленіями. Матеріалы удешевились. Правительство Соединенныхъ Штатовъ издало на свой счетъ карты и *Мореходныя Наставленія* Мори. Болѣе 200.000 тѣхъ и другихъ роздано бесплатно съ единственнымъ условіемъ доставлять корабельные дневники въ національную обсерваторію въ Вашингтонъ. Мори выдаетъ *Мореходныя Наставленія* ежегодно, пополняя ихъ по временамъ отдѣльными монографіями.

Карты и *Наставленія*, такъ важныя какъ въ научномъ, такъ и въ

практическомъ отношеніи, составляютъ спеціальную часть трудовъ Мори, на которой основывается его извѣстность. Въ нихъ его главнѣйшая заслуга. Сочиненіе, которое мы разсматриваемъ, имѣетъ другое значеніе. Физическая географія моря принадлежитъ къ числу учено-литературныхъ произведеній, имѣющихъ цѣлію ознакомить читателя только съ результатами спеціальныхъ изслѣдованій. Въ этомъ отношеніи книга Мори одинаково любопытна какъ для ученыхъ, такъ и для массы читающей публики. Ученый найдетъ здѣсь любопытныя мнѣнія и замѣтки о морскихъ теченіяхъ и вѣтрахъ,—мнѣнія человѣка, такъ коротко знакомаго съ этимъ предметомъ. Всякій образованный человѣкъ съ большимъ интересомъ прочтетъ увлекательное описаніе явленій морской природы, чудесъ гольфъ-стрима, этой рѣки среди океана, не мелящей ни въ какую засуху, не выходящей изъ береговъ ни при какомъ наводненіи, которой берега и дно состоятъ изъ холодной воды, между тѣмъ какъ ея собственныя струи теплыя; описаніе благораствореннаго вѣянія пассатовъ, душнаго пояса затишья, смѣны береговыхъ и морскихъ вѣтровъ; горъ и долинъ морскаго дна; важность роли, какую играетъ соль въ экономіи моря и т. д.

Книга Мори написана съ увлеченіемъ и любовію; авторъ видимо отдыхалъ на ея страницахъ отъ утомительныхъ спеціальныхъ трудовъ. Въ его живыхъ очеркахъ нашлось много мѣста воображенію и чувству. Онъ свободно переходитъ отъ предмета къ предмету, высказывая предположенія, намеки, смѣлыя гипотезы, которыя, какъ напримѣръ гипотеза о пересѣченіи воздушныхъ потоковъ подъ вліяніемъ земнаго магнетизма, далеко не могутъ считаться доказанными. Авторъ не столько доказываетъ, сколько просто передаетъ свои мысли и догадки.

Особый колоритъ придаетъ изложенію искреннее религіозное чувство, полное библейскаго величія и библейской простоты, какими проникнутъ авторъ физической географіи моря. Онъ слышитъ гласъ божества во всякомъ всплескѣ волнъ, ощущаетъ его присутствіе въ каждомъ дуновеніи вѣтра.

Изслѣдованія Мори имѣютъ значеніе не для однихъ мореходцевъ. Практическая годность добытыхъ имъ результатовъ только возвышаетъ ихъ значеніе. Если есть наука, которая менѣе всего даетъ практическихъ приложеній, хотя по своему предмету казалась бы къ этому весьма способною, такъ это метеорологія. Состояніе атмосферы имѣетъ прямое вліяніе на все живущее, отъ растенія до человѣка. Понятно, что точное знаніе условій и границъ атмосферныхъ переимѣнъ можетъ вести ко множеству практически-полезныхъ заключеній и предсказаній. Вопросъ о законахъ измѣняемыхъ явленій воздушнаго круга—вопросъ въ выс-

шей степени сложный; но еще рано назвать его неразрѣшимымъ.

Мы думаемъ, что бѣдность метеорологическихъ выводовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ недостатка матеріала. Несмотря на миллионы цифръ, заключающихся въ громадныхъ томахъ метеорологическихъ таблицъ, можно не колеблясь сказать: метеорологія мало движется впередъ по недостатку матеріала, необходимаго для вывода полезныхъ заключеній. И еслибъ утроилось число цифръ, собираемыхъ нынѣ употребляемымъ способомъ, то и тогда, не думаемъ, чтобы рѣшеніе вопроса много подвижилось впередъ.

Метеорологія есть естественная исторія явленій воздушнаго круга. Здравый смыслъ говоритъ, что какъ бы точно и внимательно ни были произведены наблюденія *въ одномъ мѣстѣ*, въ томъ уголѣ, гдѣ помѣщенъ наблюдатель съ своими снарядами, мы черезъ это не много узнаемъ о томъ, что насъ интересуетъ: объ общемъ состояніи и границахъ громаднаго атмосфернаго потока, котораго одна случайная струйка прошла надъ наблюдателемъ. Еслибы муравей представилъ подробныя наблюденія надъ температурой и давленіемъ воздуха подъ камнемъ, сошедшимъ съ его муравейникомъ, то не думаемъ, чтобы эти таблицы имѣли большое значеніе, хотя бы даже они были точны до тысячныхъ долей миллиметра и градуса. Атмосферныя явленія, разсматриваемыя по отношенію къ одному мѣсту, представляютъ, по крайней мѣрѣ въ нашихъ широтахъ, одну безконечную игру случайностей. Они утрачиваютъ этотъ характеръ, какъ скоро показана ихъ связь съ общимъ атмосфернымъ явленіемъ, заразъ обнаруживающимся на значительномъ протяженіи. Изученіе должно стремиться къ тому, чтобы опредѣлить границы и характеръ этого общаго крупнаго явленія; тогда частныя признаки, симптомы, какими оно сопровождается въ данномъ мѣстѣ, объяснятся сами собою. Источникъ погоды, крупное явленіе, какимъ опредѣляется состояніе атмосферы, есть вѣтеръ. Мы живемъ на днѣ воздушнаго моря. Смѣнился воздушный потокъ, въ который мы погружены, все вокругъ насъ измѣняется. Хлынули волны воздуха съ сѣверо-востока—небо очищается, воздухъ сухъ и прохладенъ, замѣчается рѣзкая разница температуры предметовъ, на солнцѣ и въ тѣни, барометръ повышается.

Такимъ образомъ естественная исторія воздушныхъ перемѣнъ приводится главнымъ образомъ къ опредѣленію границъ и характера воздушныхъ теченій. Это можетъ быть достигнуто только при помощи одновременныхъ наблюденій, заразъ, на значительномъ протяженіи. Хотя, съ точки зрѣнія теоріи, эти наблюденія весьма просты, ибо они могутъ быть приведены почти исключи-

тельно къ опредѣленію направленія вѣтра; но понятно, что ихъ осуществленіе на практикѣ соединено съ огромными матеріальными трудностями. Составить карту теченій для тропическихъ странъ, какъ это и сдѣлалъ Мори, легче, ибо тамъ метеорологическія явленія свершаются съ правильностію, незнакомою намъ. Для той же цѣли, въ нашихъ широтахъ, необходимъ одновременный трудъ нѣсколькихъ сотъ наблюдателей. Этотъ трудъ долженъ обнимать достаточно длинный промежутокъ времени. Нельзя составить постоянную карту воздушныхъ потоковъ, можно составить только карту типическихъ измѣненій движеній атмосферы.

Трудности, съ какими соединено подобное предпріятіе, были безъ сомнѣнія причиною того, что вниманіе метеорологовъ обращалось не столько на составленіе подробной карты одновременнаго состоянія атмосферы на значительномъ протяженіи, сколько на собраніе и изученіе наблюденій, относящихся къ одному данному мѣсту, на усовершенствованіе способовъ, какими они производятся, и на увеличеніе числа метеорологическихъ станцій или обсерваторій. Мы думаемъ, впрочемъ, что простота основнаго наблюденія (направленіе вѣтра) много уменьшаетъ трудности, сопряженныя съ одновременнымъ наблюденіемъ состоянія атмосферы во многихъ пунктахъ на значительномъ протяженіи. Конечно, во всякомъ городѣ, даже селѣ, найдется человѣкъ, который, если заинтересованъ дѣломъ, въ состояніи отмѣтить съ какой стороны дулъ вѣтеръ въ данный день и часъ.

Самый разборъ метеорологическихъ наблюденій дѣлается обыкновенно по способу *среднихъ чиселъ*. Этимъ способомъ обнаруживается присутствіе постоянной причины въ сложныхъ явленіяхъ, гдѣ совместно дѣйствуетъ множество условій, придающихъ явленію характеръ случайности. Помощію среднихъ чиселъ можно въ отдѣльности указать участіе опредѣленной причины въ явленіи, которое есть слѣдствіе совокупнаго дѣйствія многихъ причинъ. Какъ орудіе, какъ приемъ изслѣдованія, средняя числа имѣютъ важное значеніе въ наукѣ. Но сами по себѣ они не должны составлять цѣли изслѣдованія. Это идеальныя числа, въ которыхъ сглаживаются всѣ частности явленія, тогда какъ для насъ именно эти частности имѣютъ интересъ. Мы живемъ не при средней температурѣ, в растенію, которое погибаетъ отъ весенняго утренника, не легче оттого, что это случайный холодъ, не имѣющій вліянія на среднюю температуру мѣста. Известенъ анекдотъ о геометрѣ, который, слушая музыку Россини, спросилъ: «что же этимъ доказывается?» Почтенный маэстро во многихъ случаяхъ въ правѣ спросить ученаго метеоролога, что доказывается даннымъ среднимъ числомъ. Единственное значеніе многихъ метеорологическихъ наблюденій состоитъ въ томъ,

что они прибавляютъ новыя числа къ суммѣ, черезъ дѣленіе которой получается средній выводъ. Но немного болѣе, немного менѣе точное знаніе средняго числа имѣеть рѣшительно одинаковое значеніе.

Изученіе метеорологическихъ явленій на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ на отдѣльной станціи, метода среднихъ чиселъ, сдѣлала свое дѣло. Въ настоящее время главнѣйшая задача метеорологич—изученіе атмосферныхъ явленій одновременно въ цѣлой мѣстности, и на первомъ планѣ —изученіе воздушныхъ теченій. Въ этомъ отношеніи труды Мори занимаютъ видное мѣсто и составляютъ первый шагъ науки по новому пути.

Возвратимся къ разбираемому нами сочиненію. Чтобы познакомить читателей съ книгой американскаго ученаго, вышедшею въ Америкѣ уже девятымъ изданіемъ, переведенною на французскій, нѣмецкій, голландскій языки, сдѣлаемъ, слѣдуя Мори, очеркъ явленій, представляемыхъ пассатами, и приведемъ его любопытную гипотезу о перекрещиваніи вѣтровъ въ поясахъ затишья.

Корабль, идущій изъ Европы или Америки въ южное полушаріе, миновавъ около тридцатаго градуса сѣверной широты страну переменныхъ вѣтровъ, вступаетъ въ область сѣверо-восточныхъ пассатовъ. Морякамъ кажется, какъ говоритъ голландскій капитанъ Ясенъ, что они вошли въ совершенно другой міръ. Въмѣсто сумрачнаго неба и переменной, то пронзительно холодной, то удушливо-жаркой погоды наступаетъ постоянная температура и отличная погода, и эта перемена совершается мгновенно, почти безъ всякаго промежутка.

Всякій радуется, глядя на ясное небо, по которому проносятся маленькія пассатныя облачка, придающія солнечному закату въ этой странѣ такую невыразимую прелесть. Темная синева моря, по которой рѣютъ и блещутъ на солнцѣ различныя и рѣдкія породы морскихъ птицъ и даютъ издали водной равнинѣ видъ обширнаго, усыпаннаго цвѣтами луга, правильныя гряды волнъ съ ихъ серебристою пѣной, черезъ которую порхаютъ летучія рыбы, разноцвѣтные дельфины, стаи тунцовъ, все это прерываетъ однообразіе моря.

Колумбъ, находясь въ странѣ сѣверо-восточнаго пассата, писалъ въ своемъ путевоиъ журналѣ 8 октября 1492 года: «Море, благодаря Бога, прелестно какъ рѣка въ Севильѣ, воздухъ благорастворенъ какъ въ Андалусіи; пріятно дышать воздухомъ, который проникнуть ароматомъ.» Замѣчательно, прибавимъ мимоходомъ, что эти строки, какъ указалъ Гумбольдтъ, были писаны Колумбомъ въ тотъ самый день, когда по словамъ нѣкоторыхъ его биографовъ, экипажъ возмутился противъ Колумба и хотѣлъ

бросить его въ море. Въ журналѣ Колумба только сказано, что видя постоянство вѣтра, «люди стали безпокоиться, думая что въ этихъ моряхъ никогда не дуетъ попутный вѣтеръ для возвращенія въ Испанію.»

По по мѣрѣ приближенія къ экватору и углубленія въ страну экваторіальнаго затишья и дождей, термометръ поднимается выше, воздухъ дѣлается нестерпимо душень и зноенъ; морякъ къ великой своей досадѣ замѣчаетъ, что у него пропала упругость членовъ и та легкость дыханія, которую онъ чувствовалъ въ освѣжающей атмосферѣ пассата, онъ очутился въ странѣ *дольдрума* подъ облачнымъ кольцомъ. «Это, безъ сомнѣнія, говоритъ одинъ морякъ, самая безотрадная страна на всемъ земномъ шарѣ. Тяжелая, знойная атмосфера лежитъ надъ океаномъ; буря, сопровождаемая проливнымъ дождемъ, немного освѣжаютъ его, и то не надолго; жгучее солнце скоро опять разгорячаетъ воздухъ и производитъ жаръ, который былъ бы рѣшительно не выносимъ, еслибы не полотняная кровля надъ палубой и не колыханье парусовъ. Кто не прошелъ самъ этой полосы, тотъ не можетъ себѣ составить настоящаго понятія о ея невыносимо тягостномъ дѣйствіи на человѣчскій организмъ. Чувствуешь неодолимую вялость, противъ которой не помогаетъ даже купанье, обыкновенно столь полезное. Въ продолженіе всей моей службы, мнѣ не случилось никогда, исключая часы дѣйствительной опасности кораблекрушенія, проводить такіе мучительные двѣнадцать дней, какіе провелъ я въ этой полосѣ безвѣтрія.»

Полоса экваторіальнаго затишья (экваторіальный дольдрумъ) обязана своею незавидною извѣстностью не одному безвѣтрію или сбивчивымъ вѣтрамъ, но и непрерывному дождю и вѣчнымъ облакамъ, которые дѣлаютъ эту полосу въ высшей степени неприятною и опасною. Корабли, идущіе изъ Европы въ Австралію съ переселенцами, не могутъ миновать этого пояса. Они носятъ здѣсь не рѣдко по двѣ и по три недѣли; дѣти и слабые здоровьемъ страдаютъ тогда всего болѣе. На пути къ золотой землѣ лежитъ здѣсь ужасное кладбище.

Экваторіальное затишье есть поясъ непрерывнаго осадка. Онъ составляетъ облачное кольцо, облекающее экваторъ. Барометръ подъ облачнымъ кольцомъ стоитъ въ срединѣ гораздо ниже чѣмъ по краямъ. Разогрѣтый воздухъ въ этомъ поясѣ поднимается вверхъ.

Полоса экваторіальнаго затишья образуется тамъ, гдѣ сталкиваются между собою два непрерывные вѣтра, огибающіе весь земной шаръ, а именно сѣверо-восточный пассатъ, дующій въ нашемъ полушаріи, и юго-восточный — въ южномъ. «Пассаты, говоритъ Морш, дуютъ всегда въ одномъ направленіи, и

притомъ также непрерывно, съ такимъ же постоянствомъ, съ ка-
кимъ рѣка Миссиссипи катитъ свои воды, исключая тѣ случаи,
когда они подъ вліяніемъ пустынь измѣняются въ монуны, въ
береговыя и морскія бризы. Такъ какъ оба воздушныя теченія
приливають къ экватору, то необходимо предположить суще-
ствование канала, по которому стѣсненный здѣсь воздухъ отли-
валъ бы снова къ полярнымъ странамъ. Еслибы не было этого
обратнаго теченія, то пассаты совершенно истощили бы совре-
менемъ всю атмосферу полярныхъ странъ, пригнавъ ее къ
экватору, наконецъ исчезли бы и сами за недостаткомъ воздуха.
Потому, въ верхнихъ слояхъ атмосферы, должны существовать
обратныя теченія.»

Начало пассатовъ находится около тридцатаго градуса. Сѣве-
ро-восточный пассатъ начинается отъ полосы затишья Рака,
юго-восточный отъ полосы затишья Козерога. Полоса затишья
рака носитъ характеристическое названіе «конскихъ широтъ».
Корабли, перевозившіе переселенцевъ и войска въ западную
Индію, страшились переѣзда чрезъ эту страну моря. Много разъ,
по цѣлымъ мѣсяцамъ, принуждены они были оставаться непод-
вижно среди океана. Не имѣя чѣмъ поить и кормить лошадей,
ихъ выбрасывали въ море. Полосы затишья составляютъ гра-
ницу пассатовъ. Изъ нижняго слоя, говоритъ Мори, воздушнаго
вала, называемаго у моряковъ «конскими широтами» (Horse
Latitudes, затишье Рака), извергаются два нижнія теченія:
одинъ изъ этихъ воздушныхъ потоковъ устремляется къ
экватору въ видѣ сѣверо-восточнаго пассата, другой по на-
правленію къ полюсу въ видѣ юго-западнаго вѣтра. Оба
эти вѣтра выходятъ изъ нижняго слоя тихой атмосферы и дол-
жны быть замѣнены теченіями, нисходящими изъ верхняго слоя
того же пояса. Здѣсь происходитъ то же самое, что мы замѣ-
чаемъ въ сосудѣ, въ который вливають сверху, съ противопо-
ложныхъ сторонъ двѣ струи, и изъ котораго въ то же время
вытекаетъ вода двумя равными отверстіями въ днѣ въ противо-
положныхъ направленіяхъ. Движеніе воды въ сосудѣ, равно какъ
и движеніе воздуха въ поясѣ затишья, будетъ нисходящее.

Подобное явленіе происходитъ къ югу отъ экватора въ затишье
Козерога. Барометръ въ странѣ затишья стоитъ выше, чѣмъ къ
сѣверу или къ югу отъ нея. Мори видитъ въ этомъ новое дока-
зательство нисходящаго движенія воздуха, усиливающаго дав-
леніе.

Для теоріи пассатовъ очень важно разрѣшить вопросъ о томъ,
что происходитъ въ поясахъ затишья. Въ экваторіальномъ поясѣ
затишья, воздухъ поднимается вверхъ, замѣщаясь новыми о въз-
душными массами, приносимыми съ сѣверо-востока и юго-вост-

тока. Поднявшійся воздухъ разливается опять къ сѣверу и къ югу, образуя верхніе обратные потоки. Спрашивается, отливаетъ ли обратно къ сѣверу тотъ самый воздухъ, который былъ принесенъ сѣвернымъ пассатомъ, и къ югу тотъ, который принесенъ съ юга; или не переходитъ ли воздухъ южнаго полушарія въ сѣверное, и наоборотъ. Мори допускаетъ такой переходъ воздушныхъ потоковъ изъ одного полушарія въ другое. По его мнѣнію, воздухъ сѣверо-восточнаго пассата, поднявшись вверхъ въ поясѣ экваторіальнаго затишья, переходитъ экваторъ и продолжаетъ путь въ южномъ полушаріи въ видѣ верхняго экваторіальнаго потока до пояса затишья Козерога, гдѣ спустившись внизъ, движется далѣе къ югу, въ видѣ сѣверо-западнаго вѣтра. Подобнымъ образомъ юго-восточный пассатъ, пересѣкши въ экваторіальномъ затишьѣ потокъ сѣвернаго воздуха и свершивъ путь въ верхнихъ слояхъ атмосферы, спускается внизъ, образуя юго-западный вѣтеръ сѣвернаго полушарія. Мори приводитъ факты, подтверждающіе, по его мнѣнію, перекрещиваніе воздушныхъ потоковъ подъ экваторомъ.

«Въ тѣ времена года, когда область юго-восточнаго пассата достигаетъ своей наибольшей ширины и когда этотъ вѣтеръ производитъ въ южномъ полушаріи самое быстрое испареніе — въ сѣверномъ выпадаютъ самые обильные дожди. Поэтому не будетъ никакой натяжки, если мы огромное количество паровъ, поднимающихся по ту сторону экватора, признаемъ за прямой источникъ дождей, ниспадающихъ по сѣверную его сторону. Испаряющія водныя пространства въ южномъ полушаріи гораздо обширнѣе, нежели въ сѣверномъ, а между тѣмъ всѣ самыя большія рѣки находятся по сю сторону экватора (Амазонку мы причисляемъ къ обоимъ полушаріямъ). Это говоритъ ясно въ пользу перекрестнаго движенія пассатовъ.»

«Не будь перехода вѣтра изъ одного полушарія въ другое, составныя части атмосферы въ сѣверномъ и южномъ полушаріяхъ, при неравномѣрномъ распредѣленіи въ нихъ суши и воды, растений и теплокровныхъ животныхъ, въ теченіе столѣтій, измѣнились бы до такой степени (?), что человѣкъ не могъ бы перейти изъ одного полушарія въ другое безъ вреда своему здоровью.»

Еслибы изъ юго-восточнаго пассата можно было выдѣлать одну частицу воздуха и придать ей такой значокъ, по которому могли бы признать ее всюду, то не трудно было бы прослѣдить какъ движется воздухъ, поднявшійся надъ экваторомъ. «Частицы такъ называемой сироккской или африканской пыли, которую Эренбергъ тщательно наблюдалъ, оказались именно такими значками. Микроскопическія изслѣдованія показали, что эта

нассатная пыль состоитъ изъ имфузорій и вообще организмовъ, которыхъ отечество не въ Африкѣ, а въ Южной Америкѣ, и именно въ странѣ юго-восточнаго пассата. Итакъ, прибавляетъ Мори, теперь можно считать неопровержимо доказаннымъ, что изъ южной Америки идетъ въ сѣверную Африку непрерывный воздушный потокъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы.»

Вотъ главные обстоятельства, приводимыя Мори въ пользу своего любопытнаго, но конечно еще далеко не вполне доказаннаго ученія о перекрещиваніи воздушныхъ потоковъ подъ экваторомъ. Мори не останавливается на этомъ. Подобное пересѣченіе воздушныхъ потоковъ видитъ онъ и въ поясахъ затишья Рака и Коверога. Воздушная частица, поднявшись у сѣвернаго полюса, течетъ въ верхнемъ воздушномъ потокѣ до пояса затишья, опускается на землю, продолжаетъ путь въ сѣверо-восточномъ пассатѣ, подъ экваторомъ снова поднимается, переходитъ въ южное полушаріе, течетъ въ верхнемъ потокѣ до затишья Коверога, опять опускается и т. д. Пересѣченіе потоковъ, по мнѣнію Мори, происходитъ подъ вліаніемъ земнаго магнетизма. Но мы не будемъ слѣдить за Мори въ этой области не доказанныхъ гипотезъ, и ограничимся сказаннымъ.

Въ заключеніе пожелаемъ переводу книги Мори того же успѣха, какой имѣлъ переводъ астрономіи Митчеля.

О кредитѣ и банкахъ, сочиненіе Коклена, переведено подъ редакціей Висковатаго. Санктъ-Петербургъ. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1861.

Среди разнообразныхъ промышленныхъ и общественныхъ успѣховъ, совершенныхъ въ послѣднее время, нельзя не остановиться съ удивленіемъ передъ громаднымъ развитіемъ кредита. Участіе его замѣтно во всѣхъ отрасляхъ промышленности, во всѣхъ общепользныхъ предпріятіяхъ, характеризующихъ современную эпоху. Ему главнымъ образомъ обязаны мы безчлениными желѣзными дорогами, покрывающими нынѣ Европу и Америку, развитіемъ пароходства, устройствомъ каналовъ, общественныхъ зданій, исполинскими успѣхами торговли и мануфактуръ, распространеніемъ цивилизаціи далеко за предѣлами европейскаго материка. При помощи его поэтическая, но скудно одаренная Шотландія, быстро поднялась изъ своего печальнаго экономическаго положенія, развила до высокой степени земле-

дѣліе и промышленность, и въ настоящее время стала въ уровень съ самыми цвѣтущими странами Европы. Наконецъ силою же могущественнаго вліянія кредита оживлены пустыни Нового Свѣта, преодолѣна непокорная природа, и среди лѣсовъ и пустынь, гдѣ бродили разсѣяныя орды дикихъ звѣролововъ, созданъ новый міръ, населенный дѣятельнымъ и промышленнымъ народомъ, достигшимъ нынѣ степени торговаго величія, неизвѣстной даже странамъ издавна процвѣтавшимъ на этомъ поприщѣ. Очевидно, что силу, создавшую эти чудеса, мы, по всей справедливости, можемъ назвать величайшимъ двигателемъ современной промышленности, нисколько не думая уменьшать этимъ важности вліянія другихъ условій экономическаго успѣха: открытій и изобрѣтеній, просвѣщенія, вліянія техническаго и промышленнаго образованія и т. д. Дѣйствительно, кредитъ является нынѣ душою промышленности, оживляетъ ее своимъ могущественнымъ дыханіемъ, придаетъ энергію труду, содѣйствуетъ накопленію капиталовъ. Поражаемый личнымъ интересомъ, онъ приводитъ въ движеніе бездѣйствующіе капиталы, ускоряетъ и облегчаетъ обращеніе народныхъ цѣнностей, находитъ полезныя занятія способностямъ и рукамъ человѣка, предлагаетъ въ минуты нужды и опасности правительствамъ такія средства, которыхъ они никогда не дождались бы отъ самаго пламеннаго и восторженнаго патріотизма, наконецъ развиваетъ въ народѣ довѣріе, честность и добросовѣстность, побуждая каждаго къ правильному исполненію принятыхъ на себя обязательствъ.

Но какъ ни велико значеніе кредита въ сферѣ совершающихся вокругъ насъ явленій, не должно думать, чтобъ онъ составлялъ силу, вовсе неизвѣстную прежнимъ временамъ, исключительно принадлежащую новой эпохѣ. Какъ показываетъ историческое изученіе и какъ само по себѣ естественно, кредитъ существовалъ всюду, гдѣ только возникали общественныя связи. вмѣстѣ съ обшежитіемъ появляется раздѣленіе труда, а вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ возникаетъ необходимость мѣны услугъ и цѣнностей. Такая мѣна совершается или при помощи непосредственнаго обмѣна произведеній на произведенія, или при помощи одного общаго товара—денегъ, или же наконецъ при помощи идеальнаго, невещественнаго товара—кредита; то-есть: обмѣна цѣнностей и личныхъ услугъ на основаніи довѣрія къ будущему вознаграженію. Всѣ эти формы обмѣна существуютъ въ хозяйствахъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія, но тѣмъ не менѣе каждая изъ этихъ ступеней отличается преобладаніемъ той или другой формы. Кредитная мѣна, хотя также существуетъ во всѣ періоды хозяйства, но тѣмъ не

менѣе въ первыя эпохи играетъ весьма незначительную роль; она является формой преобладающею только въ хозяйственной жизни народовъ высоко развитыхъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніи. Это происходитъ оттого, что широкое развитіе кредита необходимо требуетъ существованія правильной администраціи, неподкупнаго и быстрого судопроизводства, личной и имущественной безопасности, свободы въ промышленности и торговлѣ, достаточнаго народнаго образованія и множества другихъ условий, сочетаніе которыхъ можно встрѣтить только у наиболѣе развитыхъ народовъ. Вслѣдствіе этого, хотя кредитъ и составляетъ явленіе, присущее всѣмъ эпохамъ, тѣмъ не менѣе только въ настоящее время, отличающееся болѣе широкимъ умственнымъ и общественнымъ развитіемъ и никогда не бывавшемъ прежде накопленіемъ капиталовъ, сдѣлалось возможнымъ то широкое развитіе, то разнообразіе формъ и то совершенство организаціи, которыя мы наблюдаемъ теперь въ проявленіяхъ кредита. Понятно поэтому, отчего кредитъ въ настоящее время сдѣлался предметомъ столь тщательнаго изученія со стороны практическихъ дѣятелей и людей науки, отчего онъ привлекаетъ всеобщее вниманіе и возбуждаетъ высочайшій интересъ. Всѣ мыслящіе и слѣдящіе за этимъ вопросомъ люди очень хорошо сознаютъ, что при всемъ громадномъ современномъ развитіи кредита, въ будущемъ готовится ему несравненно большее поприще для дѣйствія. Если это справедливо для странъ, стоящихъ во главѣ современнаго промышленнаго движенія, то тѣмъ болѣе это справедливо для нашей страны, гдѣ несмотря на развитіе частнаго кредита, играющаго немаловажную роль въ нашей торговлѣ и промышленности, гдѣ, несмотря слѣдовательно на большую потребность въ кредитѣ, общественныя кредитныя учрежденія находятъ еще въ состояніи зародыша. Причины этого явленія заключаются главнымъ образомъ въ непривычкѣ къ совокупному дѣйствію и совокупной предпримчивости, которая въ свою очередь не только не находитъ благопріятныхъ условий для своего развитія, но напротивъ того на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ безчисленныя стѣсненія, отбивающія всякую охоту къ какимъ-либо общественнымъ предпріятіямъ. Но очевидно, что такое положеніе не можетъ продолжаться. Сознаніе въ необходимости кредита съ каждымъ днемъ усиливается и крѣпнеть. Великій переворотъ, совершающійся въ нашемъ земледѣльческомъ мірѣ, уже всѣхъ привелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее успѣшное развитіе нашего земледѣлія будетъ возможно только при хорошо-организованной системѣ кредитныхъ учреждений. Но если это сознано для земледѣлія, то не менѣе необходимо сознать ту же потребность для нашей промышленности и торговли, ко-

торыя тоже находятся въ настоящее время въ неестественномъ состояніи. Вся наша торговля въ различныхъ своихъ отрасляхъ совершается преимущественно подъ вліяніемъ монополіи, обусловливаемой недостаткомъ кредита, который одинъ въ состояніи доставить возможность болѣе легкаго добыванія капиталовъ, что усилило бы соперничество, облегчило бы промышленниковъ и фабрикантовъ, освободило бы ихъ отъ тягостной зависимости отъ купцовъ, понизило бы чрезвычные барыши этихъ послѣднихъ и привело бы торговлю къ болѣе нормальному и правильному положенію.

Но для успѣшнаго развитія въ этомъ отношеніи, намъ необходимо стараться избѣгать тѣхъ ошибокъ и промаховъ, которые были сдѣланы въ другихъ мѣстахъ, и руководствоваться тѣми разумными началами, которыя сознаны наукой и подтверждены опытомъ. Очевидно, что знакомство съ этими началами и тщательное изученіе кредитныхъ учреждений въ различныхъ государствахъ составляетъ существенную необходимость настоящаго времени.

Сочиненіе Коклена о кредитѣ и банкахъ, изданное въ первый разъ въ 1848 году, принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ лучшимъ политико-экономическимъ трудамъ, написаннымъ по этому вопросу. Русскій переводъ сдѣланъ со втораго изданія, дополненнаго послѣ смерти автора введеніемъ и примѣчаніями г. Курсель-Сенеда съ присовокупленіемъ біографической замѣтки, составленной г. Молинари.

Не распространяясь о переводѣ, о которомъ можно сказать вообще, что онъ добросовѣстенъ, хотя не вездѣ ловокъ, мы обратимся къ содержанію этого сочиненія, первое появленіе котораго составило важное явленіе въ политико-экономической литературѣ. Не говоря уже о ясности изложенія и убѣдительности доказательствъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу защищаемыхъ имъ идей, настоящее сочиненіе имѣетъ важное значеніе въ исторіи развитія политико-экономическихъ понятій, какъ первое основательное изложеніе теоріи кредита на основаніи началъ, положенныхъ Адамомъ Смитомъ. Опираясь на коренныя идеи Смитовской школы — начало частнаго интереса и свободы промышленности — Кокленъ удачно проводитъ эти идеи и во области кредита. Оставаясь вѣрнымъ началу естественнаго порядка вещей, онъ вноситъ въ теорію кредита начало свободы, отвергаетъ всякое постороннее вмѣшательство, показываетъ вредное слѣдствіе монополій и привилегій, даруемыхъ банкамъ, постоянно влекущихъ за собою торговля потрясенія и кризисы. Только въ полной свободѣ, предоставленной банкамъ, заключается, по его мнѣнію, истинное и непреложное средство противъ этихъ пе-

чальныхъ явленій, сопровождающихъ нимъ развитіе кредита. Эту мысль онъ подтверждаетъ историческимъ и сравнительнымъ изученіемъ кредитныхъ учрежденій Франціи, Англіи, Шотландіи и Северо-Американскихъ Штатовъ.

Въ началѣ своего труда онъ представляетъ краткій историческій очеркъ постепеннаго образованія банковъ.

Первый банкъ, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ венеціанскій, основанный въ 1175 году. За нимъ слѣдовали банки генуэзскій, гамбургскій, амстердамскій, роттердамскій и др. Образъ дѣйствій этихъ банковъ былъ чрезвычайно простъ. Вся дѣятельность ихъ ограничивалась пріемомъ вкладовъ въ видѣ монеты и слитковъ отъ частныхъ лицъ и въ открытіи имъ кредита, соразмѣрно внесеннымъ ими суммамъ. Подобные банки, извѣстные подъ именемъ депозитныхъ (сохранныхъ) или джиро-банковъ, обыкновенно сохраняли неприкосновенными внесенные капиталы, не производили ни учета векселей, ни ссудъ надличными деньгами, ни выпуска билетовъ и ограничивались только трансфертами или переводами платежей по книгамъ, избавляя такимъ образомъ своихъ кліентовъ отъ излишняго обращенія и перемѣщенія звонкой монеты. Другая важная заслуга этихъ банковъ въ торговомъ отношеніи состояла въ употребленіи условной банковской монеты, что было истиннымъ благодѣяніемъ для торговыхъ оборотовъ въ эпоху, когда поддѣлка монеты почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ считалась самымъ обыкновеннымъ финансовымъ средствомъ.

Но дѣятельность банковъ не остановилась на этомъ. Вклады достигали громаднхъ размѣровъ, и опытъ показывалъ, что они большею частію лежали непроизводительно въ кассахъ банка, и если вынимались небольшими суммами, то тотчасъ же вновь замѣнялись другими вкладами. Очевидно было, что если бы эти праздна цѣнности можно было пустить въ оборотъ инымъ путемъ, то онъ приносили бы значительныя выгоды. Такимъ средствомъ былъ учетъ векселей, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ повести къ дальнѣйшему шагу — выпуску банковыхъ билетовъ.

Такая новая эпоха для банковыхъ операцій началась, впрочемъ, довольно поздно, именно со времени основанія англійскаго банка въ концѣ XVII столѣтія и относится къ царствованію Вильгельма Оранскаго. Главною причиною основанія банка было затруднительное финансовое положеніе правительства. Въ силу хартіи 27-го іюля 1694 года, англійскій банкъ получилъ право торговать всевозможными билетами или коммерческими бумагами, золотомъ и серебромъ въ монетѣ и слиткахъ, принимать въ залогъ всякаго рода товары, производить съ разрѣшенія на-

латъ ссуды правительству, наконецъ выдавать векселя, уплачиваемые по предъявленіи и на предъявителя, но только не свыше суммы основнаго капитала въ 1.200.000 фунт. стерл. Въ заимствіи этихъ привилегій, англійскій банкъ долженъ былъ отдать въ заемъ правительству весь свой овновной капиталъ. Такимъ образомъ для производства торговыхъ оборотовъ оборотовъ у него было только 96.000 фунт. стерл. процентовъ съ долга правительства и 40.000 фунт., назначенныхъ для уплаты издержекъ банка по сношеніямъ съ государственными казначействами. Съ такимъ-то незначительнымъ капиталомъ во 100.000 фунт., англійскій банкъ долженъ былъ начать выпускъ билетовъ и положить основаніе тому колоссальному кредиту, къ которому онъ постоянно съ тѣхъ поръ стремился. Понятно, почему первоначальное развитіе оборотовъ англійскаго банка было чрезвычайно медленно и трудно. Не разъ находился онъ въ критическомъ положеніи и, по всей вѣроятности, кончилъ бы весьма печально свое существованіе, еслибы на помощь къ нему не явилось неожиданное обстоятельство, поддержавшее его кредитъ и опредѣлившее дальнѣйшую его участь. Закономъ 1708 года разрѣшено было производить банковую торговлю и выпускъ билетовъ въ Англии и Валлисѣ всѣмъ обществамъ, но только съ тѣмъ страннымъ ограниченіемъ, чтобъ эти общества состояли не болѣе, какъ изъ шести человекъ. Вслѣдствіе этого закона появилось въ странѣ множество мелкихъ банковъ (private bank), хотя и имѣвшихъ всѣ права большаго банка, въ томъ числѣ и право выпускать билеты, уплачиваемые на предъявителя и по предъявленіи; но тѣмъ не менѣе не могшихъ пользоваться этимъ правомъ на дѣлѣ, вслѣдствіе слабости средствъ. Они рѣшились войти въ тѣсную связь съ привилегированнымъ банкомъ. Частные банки производили учетъ векселей, но вмѣсто своихъ билетовъ выдавали билеты центральнаго банка. Мелкіе банки доставляли послѣднему въ заемъ свои денежныя средства, которыя въ совокупности были довольно значительны, и тѣмъ придали ему прочность, которой онъ самъ по себѣ не имѣлъ; въ свою очередь они получили право выпуска его билетовъ. Такимъ образомъ, принужденные употреблять при своихъ учетахъ билеты англійскаго банка, они должны были, для собственной выгоды, поддерживать ихъ обращеніе и часто въ минуты кризиса брали на себя формальную отвѣтственность за нихъ передъ публикой. Благодаря этой неожиданной поддержкѣ, англійскій банкъ дѣйствовалъ съ такимъ блескомъ, несмотря на очевидные недостатки его первоначальнаго устройства.

Почти въ одно время съ англійскимъ банкомъ, именно въ 1695 году былъ основанъ шотландскій банкъ съ капиталомъ въ

100.000 фунт. стер., за тѣмъ въ 1727 г. королевскій шотландскій банкъ и наконецъ въ 1746 году банкъ подъ именемъ британской льняной компаніи. Всѣ эти банки были основаны въ столицѣ Шотландіи съ разрѣшенія правительства и получили права корпорацій, то-есть нашихъ акціонерныхъ компаній, гдѣ участвующіе отвѣчаютъ въ случаѣ неудачи только внесенными ими суммами. Но Шотландіи этимъ не удовлетворялась, и черезъ нѣсколько времени открыто было множество вольныхъ банковъ на основаніи товарищества на вѣрѣ (joint-stock banks). Отличительныя черты этихъ товариществъ заключаются въ томъ, что они не нуждаются въ предварительномъ разрѣшеніи правительства, и что участники ихъ отвѣчаютъ не только внесенными суммами, но и всѣмъ своимъ достояніемъ и личностью. Хотя такая тяжелая отвѣтственность имѣетъ свои невыгодныя стороны, тѣмъ не менѣе она не могла воспрепятствовать быстрому развитію банковъ въ Шотландіи, которые вскорѣ опередили англійскіе и представляютъ дальнѣйшую ступень развитія банковаго устройства.

Самое важное нововведеніе шотландскихъ банковъ состояло въ приѣмѣ вкладовъ съ платежомъ процентовъ. Съ этого времени всякій, имѣвшій у себя извѣстную сумму денегъ, ненужную ему на нѣкоторое время, могъ извлекать изъ нея выгоду, въ ожиданіи минуты, когда она ему понадобится. «Обыкновеніе помещать деньги въ банкъ, говоритъ Кокленъ, распространилось все болѣе и болѣе, проникло наконецъ и до низшихъ классовъ общества, и на долю шотландскихъ банковъ выпала новая неожиданная, вмѣстѣ съ тѣмъ высокая обязанность. Рядомъ съ капиталами богачей, въ банки стали поступать и незначительныя сбереженія бѣдняковъ. Составляя сохранныя и резервныя классы для первыхъ, они сдѣлались для послѣднихъ кассами сбереженія. Шотландскіе банки съ успѣхомъ исполняли эту священную обязанность задолго еще до того времени, когда въ Англии и во Франціи сдѣлалось извѣстнымъ столь популярное теперь названіе сберегательныхъ кассъ. Будучи лучше организованы и имѣя возможность пускать капиталы въ обращеніе посредствомъ ссудъ и учета, они не имѣли надобности, какъ послѣдніе, опредѣлять мѣру своихъ благодѣяній, они не постановляли точнаго предѣла, на которомъ должна была останавливаться цѣфра вкладовъ одного лица (во Франціи сберегательныя кассы принимаютъ только до 1.000 фр.) Потому трудолюбивый работникъ, вѣрившій имъ свои деньги, могъ рядомъ дополнительныхъ вкладовъ и оставленіемъ въ банкъ причитающихся на нихъ процентовъ, увеличивать размѣръ своего вклада до назначеннаго имъ самимъ предѣла и такимъ образомъ составить себѣ не только резервный фондъ на случай болѣзни и зстоя въ работѣ, но и

подняться выше своего состоянія, устроивъ на свои деньги собственную мастерскую.»

Но кромѣ того выдача процентовъ за вклады имѣла другое благотворительное слѣдствіе — солидность банковъ, потому что обезпечила ихъ отъ внезапныхъ требованій вкладовъ, что такъ часто случается съ тѣми банками, которые не платятъ процентовъ по вкладамъ.

Другія отличительныя черты шотландскихъ банковъ, заключаются въ томъ, что они открываютъ солиднымъ промышленникамъ личный кредитъ (безъ вещественнаго обезпеченія) и пользуются правомъ выпускать билеты на мелкія суммы до одного фунта, — выгода немаловажная, потому что, какъ показываетъ опытъ, эти мелкіе билеты гораздо долѣе остаются въ публикѣ и рѣже предъявляются къ уплатѣ.

Всѣ эти условія въ совокупности доставили шотландской банковской системѣ рѣшительное первенство въ Европѣ, и обезпечили ее отъ тѣхъ потрясеній и кризисовъ, которымъ подвергались банки Франціи и Англій. Стопятидесятилѣтнее существованіе шотландскихъ банковъ, почти не подверженное никакимъ кризисамъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ прочности, а количество вкладовъ, достигавшее въ 1847 году до 30 милл. фунт. стерл., и превышавшее почти вшестеро сумму билетовъ, находившихся въ обращеніи со включеніемъ суммы дѣйствительнаго капитала всѣхъ шотландскихъ банковъ, показываетъ какъ велико довѣріе, которымъ они пользуются въ публикѣ.

Но въ этомъ послѣднемъ фактѣ заключается вмѣстѣ съ тѣмъ общественная невыгода, въ которой многіе видятъ даже злоупотребленіе. Между тѣмъ какъ акціонеры банковъ получаютъ значительный дивидендъ въ 9%, вкладчики получаютъ большую частью 2½ и рѣдко достается имъ 4%. Раждается вопросъ, на чемъ основано такое поразительное неравенство между доходами акціонеровъ и доходами вкладчиковъ? Такое явленіе, по мнѣнію Коклена, есть неизбежное слѣдствіе закона, налагающаго на акціонерныя банки безграничную отвѣтственность (unlimited liability). Многіе охотнѣе соглашались получать по 2½ или по 3%, будучи кредиторами банка, нежели получать втрое большую прибыль, соединенную съ столь тяжелою отвѣтственностію и рискомъ. Другіе же, составляющіе большинство, не вступаютъ въ банковыя общества, потому что ихъ не принимаютъ въ акціонеры, какъ не представляющихъ достаточнаго ручательства въ состоятельности. Между тѣмъ эти послѣднія лица очень могли бы быть акціонерами въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ каждый отвѣчаетъ только суммой своего взноса. При существованіи же настоящаго закона, они не могутъ быть приняты въ банкъ, гдѣ берется въ соображеніе болѣе репутація и

будущая состоятельность акціонера, нежели его дѣйствительный взносъ. Очевидно, что устраненіе этихъ затрудненій заключается въ дозволеніи банкамъ основываться въ видѣ акціонерныхъ обществъ, гдѣ каждый отвѣчаетъ только своимъ взносомъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого закона было бы, что большая часть капиталовъ, лежащихъ нынѣ въ банкахъ въ видѣ вкладовъ, обратилась бы на покупку акцій. Такимъ образомъ мгновенно увеличился бы незначительный нынѣ капиталъ шотландскихъ банковъ и уменьшилась бы въ той же пропорціи сумма вкладовъ. Выгодныя слѣдствія такой мѣры очевидны. Съ одной стороны, была бы придана банкамъ еще большая прочность вслѣдствіе увеличенія основнаго капитала; съ другой, исчезло бы неравенство въ доходахъ, и прибыль распредѣлилась бы поровну между всѣми капиталами, хотя, разумѣется, процентъ, доставляемый банками акціонерамъ, вслѣдствіе болѣе свободнаго соперничества понизился бы. Въ 1854 году количество главныхъ банковъ въ Шотландіи, по свидѣтельству Вагнера (*Beiträge zur Lehre von den Banken*. 1857), простиралось до 17 банковъ съ 462 отдѣленіями, находившимися не только во всѣхъ городахъ, но и въ большей части населенныхъ мѣстечекъ.

Очевидные успѣхи шотландскихъ банковъ и затруднительное положеніе англійскихъ побудили парламентъ въ 1826 году разрешить и въ Англии основаніе банковъ на началѣ товарищества на вѣрѣ, но только не ближе 65 миль отъ Лондона. Несмотря на такое ограниченіе, эта мѣра не осталась безъ благотворнаго вліянія на улучшеніе англійской банковской системы, и количество банкротствъ значительно уменьшилось.

Такимъ образомъ нынѣшняя англійская банковая система состоитъ главнымъ образомъ, во первыхъ, изъ привилегированнаго Англійскаго банка со множествомъ конторъ; во вторыхъ изъ частныхъ банковъ (*private banks*), и третьихъ изъ банковъ, основанныхъ на товариществѣ на вѣрѣ (*joint-stock-banks*), число которыхъ уже въ 1836 году простиралось до 80.

Основной капиталъ Англійскаго банка достигаетъ нынѣ до 14½ милл. фунг. стерл. и отданъ въ безвозвратный заемъ правительству. Банкъ этотъ вполне сохранилъ первоначальные слѣды своего происхожденія, представляя въ одно и то же время заведеніе частнаго кредита, но главнымъ образомъ часть государственнаго финансоваго управленія. Онъ хранитъ въ своей кассѣ государственные доходы, уплачиваетъ проценты по большей части государственныхъ долговъ, производитъ обороты билетами казначейства, выдаетъ правительству впередъ всю годовую сумму поемельнаго налога и акциза съ солода, производитъ учеты, торуетъ золотомъ и серебромъ, даетъ займы подъ залогъ това-

ровъ и принимаетъ вклады для текущихъ счетовъ, не платя за это процентовъ.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, самое высшее развитіе кредита и банковской системы представляютъ нѣкоторые штаты Сѣверной Америки. Говоря о банкахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, необходимо сдѣлать предварительное замѣчаніе. Такъ какъ каждый отдѣльный штатъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ общихъ дѣлъ, управляется своими собственными законами, то и устройство банковъ и управление ими измѣняется въ Сѣверной Америкѣ съ каждымъ штатомъ и представляетъ величайшее разнообразіе. Тамъ мы находимъ всѣ степени банковъ, начиная отъ привилегированнаго банка Южной Каролины до множества почти вполнѣ свободныхъ банковъ въ штатахъ Новой Англіи. Хотя и въ послѣднихъ необходимо также разрѣшеніе правительства, но тѣмъ не менѣе на дѣлѣ господствуетъ полная свобода, потому что разрѣшеніе основывать банки безпрекословно дается всякому желающему. По мѣрѣ же приближенія къ югу и западу стремленіе къ ограниченіямъ банковъ постепенно возрастаетъ, и привилегіи ихъ увеличиваются.

Вслѣдствіе такой свободы количество банковъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ возрастало съ поразительною быстротой. Въ 1811 году во всемъ Американскомъ Союзѣ считалось только 88 банковъ, общій капиталъ которыхъ простирался до 57 милл. р. сер.; въ 1838 г., по свидѣтельству г. Кареля, находилось уже 677 банковъ съ капиталомъ въ 510 милл. р. сер., въ 1851 г. число ихъ доходило до 865, а въ 1858 до 1473.

Существенное отличіе нынѣшнихъ банковъ Соединенныхъ Штатовъ отъ англійскихъ и шотландскихъ заключается въ образѣ ихъ устройства, какъ обществъ. Въ то время какъ англійскіе и шотландскіе банки почти всѣ сложились въ товарищества на вѣрѣ (joint-stock-companies), гдѣ всѣ члены отвѣчаютъ своею личностью и всѣмъ имуществомъ за обязательства общества, американскіе банки сложились большею частью въ безыменныя акціонерныя общества, гдѣ каждый отвѣчаетъ только тѣми суммами, которыя онъ внесъ въ капиталъ общества. Обязательство это, допуская большую свободу образованія банковъ, имѣло важное вліяніе на расширеніе банковской системы.

По мнѣнію Коклена, банковая система Новой Англіи, преимущественно штата Родъ-Эйланда, наиболѣе приближается къ типу безусловнаго совершенства, потому что пользуется наибольшою свободой. Дѣйствительно, она отличается не только энергичностью своего вліянія на торговлю, но и прочностью своего существованія. Вообще же въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, несмотря на почти-неограниченную свободу, господствующую въ

нѣкоторыхъ штатахъ, банкротства банковъ оказывали несравненно меньшій вредъ и убытокъ нежели въ Англіи. «Въ Америкѣ, говоритъ г. Карей, съ самаго основанія банковъ до 1837 года, банкротствъ было на $\frac{1}{4}$ менѣе, нежели въ Англіи въ теченіе 1814, 1815 и 1816 годовъ; а цифра потерь, понесенныхъ частными лицами, представляетъ вѣроятно пропорцію еще меньшую, сравнительно съ суммою произведенныхъ оборотовъ.»

Вслѣдъ за краткимъ историческимъ очеркомъ, Кокленъ приступаетъ къ теоретическимъ вопросамъ, разбираетъ происхожденіе и развитіе мѣны, употребленіе денегъ при обмѣнѣ, вліяніе кредита, значеніе банковыхъ билетовъ, вліяніе банкировъ и общественныхъ банковъ и другіе вопросы относительно выпуска и обращенія билетовъ, относительно вкладовъ, кредита безъ обезпеченія (*credit à découvert*), происхожденія кризисовъ и т. д.

Нужно сознаться, что вопросъ о кредитѣ представляется однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ науки и только въ последнее время началъ уясняться. Какъ ни проста идея кредита, какъ ни легко сознаются его выгоды тѣми, которые имъ пользуются, тѣмъ не менѣе опытъ показываетъ, что не такъ легко опредѣлить сущность его, значеніе и условія его существованія въ общественномъ хозяйствѣ. Почти ни одинъ политико-экономическій вопросъ не представляетъ такого множества разнообразныхъ и противорѣчащихъ мнѣній. Противорѣчіе господствуетъ и въ опредѣленіяхъ кредита, и въ назначеніи мѣры вліянія его и относительно устройства банковъ и т. д. Это происходитъ, съ одной стороны, вслѣдствіе одностороннихъ воззрѣній, извлеченныхъ изъ наблюденія внѣшнихъ сторонъ дѣла, съ другой, вслѣдствіе неточнаго пониманія основныхъ научныхъ началъ. Такъ какъ всѣ вопросы относительно кредита находятся въ самой тѣсной связи со всею совокупностью политико-экономическихъ воззрѣній, то очевидно, что всякое ложное и одностороннее пониманіе различныхъ условій, опредѣляющихъ существованіе кредита, отзывается и въ теоріи его. Впрочемъ этого нельзя сказать о сочиненіи Коклена, которое представляетъ наиболѣе ясное и основательное изложеніе этого вопроса.

Единственныя возраженія, которыя можно сдѣлать ему, состоятъ впервыхъ въ томъ, что онъ слишкомъ ограничиваетъ область кредита. Это видно изъ опредѣленія, которое онъ даетъ ему. По его мнѣнію, кредитъ есть довѣріе, примѣненное къ коммерческимъ дѣламъ. Но такое тѣсное опредѣленіе, безъ всякаго основанія, исключаетъ изъ области кредита множество явленій, существенно ей принадлежащихъ. Самое лучшее опредѣленіе кредита, по нашему мнѣнію, есть то, которое принялъ г. Бунге въ

извѣстномъ сочиненіи о кредитѣ. По этому опредѣленію, кредитъ есть видъ мѣны, въ которомъ передается цѣнность или личная услуга по довѣрію къ будущему вознагражденію. Такое опредѣленіе, указывающее высшее родовое понятіе кредита и отличительные характеристическіе признаки его, имѣетъ преимущество передъ остальными.

Другой упрекъ, который былъ уже сдѣланъ Коклену Дюпюномъ въ критическомъ разборѣ этого сочиненія въ *Журналъ Экономистовъ*, состоитъ въ томъ, что онъ преувеличилъ значеніе кредита. Извѣстно, какое разнообразіе существуетъ въ мнѣніяхъ относительно вліянія кредита. Въ то время какъ одни, подъ вліяніемъ фантастическихъ представленій, преувеличиваютъ значеніе его и представляютъ его себѣ въ видѣ какой-то таинственной силы, обладающей сверхъестественною властью создавать капиталы и творить богатства изъ ничего, другіе, подъ вліяніемъ иныхъ впечатлѣній, поражаемыхъ тѣми промышленными кризисами, которые являются какъ бы неизбежными слѣдствіями развитія кредита, считаютъ его зломъ въ сферѣ общественнаго хозяйства, вреднымъ и разрушительнымъ дѣятелемъ, незначительныя выгоды котораго покупаются слишкомъ дорогою цѣной промышленныхъ потрясеній. Между этими двумя крайними мнѣніями колеблется множество другихъ, то преувеличивающихъ, то уменьшающихъ значеніе кредита. Что касается до Коклена, то хотя онъ далекъ отъ увлеченій крайностями, далекъ и отъ слѣпой вѣры въ магическую силу этого дѣятеля, далекъ и отъ противоположнаго скептическаго воззрѣнія, тѣмъ не менѣе и онъ, вслѣдствіе неточности выраженій, подалъ поводъ къ справедливому возраженію. По его мнѣнію, выгоды кредита не ограничиваются, какъ думали нѣкоторые экономисты, только значительною экономіей при употребленіи звонкой монеты, но распространяются несравненно шире. Кредитъ, говоритъ онъ, сообщаетъ капиталамъ новую дѣятельность, пробуждаетъ ихъ отъ несчастнаго усыпленія, приводитъ въ постоянное соприкосновеніе съ работою, оплодотворяетъ самый трудъ, возбуждая всѣ жизненныя силы общества. Но, кромѣ того, прибавляетъ онъ, постоянное слѣдствіе кредита есть постоянное уменьшеніе процента, платимаго за пользованіе капиталомъ. Такое уменьшеніе, говоритъ онъ, есть признакъ и необходимое слѣдствіе умноженія капиталовъ, которое онъ приписываетъ кредиту. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, кредитъ имѣетъ чудесное свойство умножать капиталы; на этомъ-то возражали и поймали Коклена. Впрочемъ это возраженіе болѣе относится къ неточности выраженія, потому что хотя кредитъ и не творитъ непосредственно новыхъ капиталовъ, тѣмъ не менѣе, уменьшая употребленіе звонкой монеты, призы-

вая недѣляемые капиталы къ производству, устанавливая лучший порядокъ въ накопленіи и сбереженіи капитала, кредитъ тѣмъ самымъ содѣйствуетъ размноженію капиталовъ и увеличенію производительной силы ихъ. Какъ велики выгоды, происходящія отъ одного сбереженія при употребленіи звонкой монеты, можно видѣть изъ сравненія Франціи съ Англіей. Между тѣмъ какъ въ Англіи всѣ торговые обороты совершаются при помощи 750 милл. фр., во Франціи употребляется для той же цѣли 3.500 милл., несмотря на то что количество оборотовъ несравненно значительнѣе въ Англіи. Очевидно, что еслибы Франція могла сравниться въ этомъ отношеніи съ Англіей, то она употребляла бы только 750 милл. вмѣсто 3.500. Тогда 2.750 милл. были бы чистымъ сбереженіемъ и увеличили бы народный капиталъ, назначенный для производства. Этотъ излишекъ въ 2.750 милл., необходимый только вслѣдствіе неразвитости кредита и вслѣдствіе банковской монополіи, приноситъ Франціи ежегодной потери 139 $\frac{1}{2}$ милл. фр.

Не имѣя возможности разсмотрѣть всѣ вопросы, которыхъ коснулся Кокленъ, мы остановимся на послѣдней части его сочиненія, гдѣ онъ разсуждаетъ о различныхъ банковыхъ системахъ, существующихъ нынѣ во Франціи, Англіи, Шотландіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Банки существуютъ въ настоящее время почти во всѣхъ образованныхъ государствахъ, но существованіе ихъ, какъ уже отчасти видно изъ вышеприведеннаго историческаго очерка, основано на весьма-различныхъ началахъ. Различіе это заключается въ большей или меньшей свободѣ, какая предоставлена частной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи въ различныхъ странахъ мы находимъ цѣлый рядъ учрежденій, начиная отъ привилегированнаго французскаго банка, вооруженнаго почти исключительно монополіей выпускать банковые билеты, до неограниченнаго множества частныхъ банковъ Новой Англіи, пользующихся почти полною свободой. Раждается весьма важный вопросъ: какая же изъ этихъ разнообразныхъ системъ наиболѣе удовлетворяетъ общественному благу, наиболѣе содѣйствуетъ общественному развитію? Дѣйствительно ли право совершать банковыя операціи должно быть предоставлено неограниченной свободѣ, или же общественное благо требуетъ, чтобы это право было ограничено законодательствомъ и давалось только по усмотрѣнію правительства? Вопросъ этотъ породилъ множество преній и долгое время рѣшался большинствомъ экономистовъ въ пользу ограниченія и вмѣшательства правительства, но такое рѣшеніе главнымъ образомъ происходило отъ ложнаго мнѣнія, будто бы главное назначеніе банковъ состоитъ въ выпускѣ банковыхъ билетовъ, замѣняющихъ собою деньги. Что же касается до Кокле-

на, то онъ утверждаетъ впервыхъ, что банковые билеты суть не что иное, какъ торговыя обязательства, право выпуска которыхъ должно принадлежать всѣмъ, и ввторыхъ, что существенное назначеніе банковъ состоитъ не въ выпускѣ банковыхъ билетовъ, какъ многіе ошибочно предполагаютъ, но въ томъ, чтобы собирать всѣ мертвые капиталы, всѣ сбереженія, которыя не могутъ быть пущены въ оборотъ самими владѣльцами, и передавать ихъ въ руки промышленниковъ, могущихъ извлечь изъ нихъ пользу. На этомъ основаніи онъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу свободы банковъ. Основательное изученіе и разборъ существующихъ нынѣ кредитныхъ учреждений во Франціи, Англіи, Шотландіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, еще болѣе придаетъ силы его убѣжденію, что только самая полная и широкая свобода въ дѣлѣ кредита можетъ доставить ему ту прочную основу, которую не въ состояніи сообщить ему ни власть и помощь правительства, ни монополіи и привилегіи, какъ бы велики онѣ ни были. Такой выводъ вполне сообразуется съ опытомъ, который даже слишкомъ ясно показываетъ, что тѣ страны, гдѣ существуетъ большая свобода банковъ, пользуются болѣею безопасностью, большими выгодами. Напротивъ, всѣ привилегіи и монополіи, устанавливаемая съ цѣлью правительственныхъ выгодъ, точно также какъ всѣ боязливныя мѣры изъ желанія оградить общественные интересы, приводятъ къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ, нарушаютъ правильное управленіе кредита, препятствуютъ народному развитію и неизбежнымъ образомъ поражаютъ тѣ періодическіе промышленныя потрясенія и кризисы, которые такъ часто въ теченіе нынѣшняго столѣтія обрушивались надъ Англіей и Франціей. Такое зловредное вліяніе привилегированныхъ банковъ на происхожденіе промышленныхъ кризисовъ прекрасно представлено Кокленомъ въ 7-й главѣ его сочиненія, подъ заглавіемъ: *Коммерческіе кризисы. Единство и многочисленность. Привилегія и свобода.* Мы не имѣемъ возможности привести всѣ его доводы противъ монополій и привилегій и отсылаемъ всякаго желающаго ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ къ самому сочиненію Коклена, изъ котораго очевидно, что услуги и благодѣянія, оказываемыя банками, постоянно и всюду увеличивались по мѣрѣ развитія свободы, предоставляемой этимъ учрежденіямъ, и что въ будущности банковъ лежитъ полная свобода. Такимъ образомъ и въ кредитѣ, точно также какъ и вообще во всѣхъ отрасляхъ торговли и промышленности, только при помощи свободы можно достигнуть соединенія всѣхъ выгодъ правильного употребленія общественнаго капитала, уменьшенія издержекъ, справедливаго распредѣленія доходовъ и наконецъ полной без-

опасности въ операціяхъ. Заключимъ нашу статью словами Коклена: «Законодателю нѣтъ надобности устраивать банки по своему усмотрѣнію, ограничивать кругъ дѣйствій ихъ, опредѣлять операціи, которыя они могутъ предпринимать, и тѣ, отъ которыхъ должны воздерживаться, однимъ словомъ, подчинять ихъ исключительнымъ правиламъ, какъ это теперь почти всюду дѣлается. Напротивъ, всякая попытка въ этомъ родѣ сопровождается пагубными послѣдствіями. Изучайте исторію банковъ, и вы увидите, что бѣдствія, которыми они иногда обрушивались на народъ, простекали, какъ изъ зараженнаго источника, изъ беззаконнаго вліянія на нихъ правительства. Еще вреднѣе ограничивать число банковъ, потому что оно должно ограничиваться потребностью, а потребность никто не можетъ опредѣлить впередъ. Вообще размноженіе такихъ учрежденій хорошо, потому что чѣмъ больше ихъ, тѣмъ менѣе чувствительны ихъ частныя ошибки; но тщетно правительство будетъ искать опредѣленную норму въ этомъ отношеніи: оно или не допадетъ или перешагнетъ,—стѣсненіе въ одномъ случаѣ, опасность въ другомъ.» Мнѣніе Коклена стоитъ въ настоящее время не одиноко въ литературѣ, и съ каждымъ днемъ защищаемый имъ принципъ привлекаетъ къ себѣ все болѣе и болѣе приверженцевъ среди истинныхъ знатоковъ дѣла.

М. Вольскій.

Разказы о темныхъ предметахъ, о волшебствѣ, натуральной магіи, обманѣ чувствъ, суевѣрїяхъ, фокусничествѣ, колдунствѣ, едѣмахъ и т. п., изданные М. С. Хотинскимъ. Съ полтипажными рисунками. С.-Петербургъ, 1861. 579 стр. въ б. 18 д. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Это легенькая и красивая книжка. Въ ней, какъ бы по закону эстетики, внутреннее выразилось внѣшностью. Форма (въ типографскомъ отношеніи) отлилась по содержанію. Въ самомъ дѣлѣ, это компиляція легкая, весьма легкая, легкимъ языкомъ написанная; она не останавливаетъ васъ никакою оригинальностью и словно играетъ своимъ предметомъ съ читателями. Чего бы лучше? Но нѣтъ ли и въ этомъ чего недобраго?

Кажется, мы не ошиблись, назвавъ сочиненіе г. Хотинскаго компиляціей. Въ немъ почти все заимствовано, даже такія сужденія и указанія, которыя высказываются иногда авторомъ, какъ его собственныя. Напримѣръ, г. Хотинскій, сказавъ, что былъ бы въ высшей степени интересенъ трудъ учена-

го, который, помощьюъ новѣйшей науки, объяснилъ бы мнимыя чудеса магіи и чародѣйства древнихъ, продолжаетъ: «Попытка такого рода была уже сдѣлана Евсевіемъ Сальвертомъ, въ его сочиненіи *О тайныхъ наукахъ*; но должно откровенно признаться, что, несмотря на умъ, знаніе и трудолюбіе этого автора, собранныя имъ факты слишкомъ малочисленны, а объясненія часто весьма неудовлетворительны. Мы уже не говоримъ объ одностороннемъ взглядѣ автора, скептицизмъ котораго зашелъ слишкомъ далеко.» Все это взято у Брустера ¹, съ нѣкоторою переиной, чуть не сказали—искаженіемъ текста въ переводѣ. Вотъ подлинникъ: «This task has, to a certain extent, been performed by M. Eusebe Salverte, in a work on the occult sciences, which has recently appeared; but notwithstanding the ingenuity and learning which it displays, the individual facts are too scanty to support the speculations of the author, and the descriptions are too meagre to satisfy the curiosity of the reader». И въ выноскѣ: «We must caution the young reader against some of the views given in M. Salverte's work», etc. Г. Хотинскій переводитъ: *Собранные факты слишкомъ малочисленны*. Это довольно строго. Неужели мало двухъ томовъ, наполненныхъ большею частію фактами и ссылками на авторовъ, древнихъ и новыхъ? Да и въ количествѣ ли фактовъ главный трудъ историка? Кювье по одной кости, по одному обломку ея, возстановлялъ цѣлую форму допотопнаго животнаго, даже опредѣлялъ его свойства. Ксаги о Сальвертѣ. По странной случайности, г. Хотинскій ссылается на него только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть подобная ссылка у Брустера. Зато онъ умолчалъ о Сальвертѣ (ссылки не было у Брустера), выписавъ изъ него сряду нѣсколько страницъ (стр. 434—437) ², со всеми его цитатами, въ числѣ тринадцати. Въ этой *тырадѣ* есть нѣсколько строчекъ самого г. Хотинскаго, и опущена часть текста. Между цитатами онъ оставилъ одну хуже чѣмъ не нужную. У Сальверта она имѣетъ *свой* смыслъ; но какой смыслъ она мо-

¹ *Letters on natural magic addressed to Sir Walter Scott, Bart* by Sir David Brewster K. H. London, 1834, 16^o pag. 6. Хотя, по времени изданія, книга эта уже не нова, но по содержанию свѣжа и современна. Книгопродавецъ Мургау издалъ въ Лондонѣ коллекцію популярныхъ книгъ, подъ общимъ названіемъ *Фамиліной библіотеки (the Family Library)*, въ сочиненія которыхъ участвовали отличнѣйшіе писатели Великобританіи, въ томъ числѣ Вальтеръ-Скоттъ и Брустеръ. Сочиненія перваго *О демонологіи и волшебствѣ* составляютъ 16-й томъ, а послѣдняго *О натуральной магіи* 33-й томъ *Фамиліной Библіотеки*. На эти сочиненія Брустеръ и Вальтеръ-Скоттъ вызвали себя взаимно, одинъ послѣ другаго, и отдали одинъ другому подобающую честь въ своихъ демонологическихъ книгахъ.

² У Сальверта стр. 123—128 изд. 1829 года. Новѣйшаго изданія 1856 г. не имѣемъ въ рукахъ.

жегъ жить въ сочиненіи г. Хотинскаго, особенно по выпускѣ текста? Еще замѣтимъ: г. Сальвертъ, которымъ такъ удачно воспользовался г. Хотинскій, заслуживаетъ ли такого презрительнаго отзыва: «механизмъ, который, по предположенію Сальверта, былъ устроенъ въ головѣ статуи Мемнона, существовалъ только въ воображеніи Сальверта, и не можетъ быть допущенъ здравомыслящимъ человекомъ» (стр. 306 — 307)? Не самъ ли г. Хотинскій прекрасно совѣтуетъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 382): «не плюйте въ тотъ ключъ» и пр.? Но возвратимся къ тому, о чемъ начали говорить, о *своихъ чужихъ* сужденіяхъ и указаніяхъ г. Хотинскаго. Въ одномъ мѣстѣ, послѣ словъ объ основномъ законѣ пневмологіи, по Брустеру, г. Хотинскій продолжаетъ: «Здѣсь не мѣсто входить въ подробныя объясненія и даже описанія опытовъ, относящихся къ этому предмету. Скажемъ только вообще, что всѣ привидѣнія, вызванныя памятью или воображеніемъ, постоянно являются въ прямомъ направленіи зрѣнія, и въ точности раздѣляютъ движенія впечатлѣній свѣтащихся тѣлъ, послѣ того какъ эти послѣднія будутъ удалены» (стр. 169). И такъ далѣе, и далѣе, и далѣе. Развѣ это говорить не тотъ же Брустеръ: «it would be out of place etc. (pag. 49)? Такихъ мѣстъ много. Не мало и такихъ, какъ слѣдующее: «Приведемъ здѣсь описанія воздушныхъ призраковъ, видѣнныхъ Джемсомъ Кларкомъ и неподверженныхъ никакому сомнѣнію, по причинѣ самыхъ положительныхъ свидѣтельствъ. Мы почерпаемъ ихъ изъ Кларкова описанія Кумберландскаго озера» (стр. 220). По повѣркѣ оказывается, что и предисловіе это и слѣдующее за нимъ описаніе взяты изъ того же Брустера (pag. 134). Но рассмотримъ ближе сочиненіе г. Хотинскаго, чтобы удостовѣриться, точно ли оно компіляція.

Всю книгу *Разказовъ о темныхъ предметахъ* составляютъ семь статей, перепечатанныхъ изъ *Сына Отечества* (Предисл.). Сочинитель сдѣлалъ эту перепечатку, повидимому, съ дипломатическою точностью; потому что на стр. 383 остались слова автора: «Мы не можемъ подробно разоблачить всѣхъ этихъ таинственныхъ орудій въ *журнальной* статьѣ.» Мы однако сказали *повидимому*, не имѣя въ рукахъ *Сына Отечества* для сравненія. Трудно намъ, бѣднымъ провинціаламъ, пользоваться всеми сокровищами русской литературы.

Изъ семи статей *Разказовъ*, I — *О суевѣрїяхъ* (стр. 1—103), за исключеніемъ предварительныхъ разсужденій, не занимающихъ въ книгѣ и трехъ страницъ, состоитъ вся изъ того, что не принадлежитъ сочинителю, — изъ суевѣрій и заблужденій ума. Это дань, принесенная сочинителю съ разныхъ сторонъ, изъ разныхъ частей свѣта.

Четыре слѣдующія статьи, II, III, IV и V (отъ 104 до

433 стр.), и если принадлежащія къ нимъ рисунки взяты у многопомянутаго Брустера, съ нѣкоторыми вставками изъ другихъ источниковъ или собственными поясненіями автора. Г. Хотинскій во всѣхъ этихъ четырехъ статьяхъ слѣдуетъ неуклонно, шагъ за шагомъ, за своимъ образцомъ, передавая его зачастую почти буквально. Такое самоотчужденіе мы относимъ къ заслугѣ автора. Онъ этимъ доставилъ большинству своихъ читателей множество полезныхъ свѣдѣній. Самъ онъ чувствовалъ это очень хорошо; описывая или объясняя необыкновенныя явленія, онъ иногда говоритъ: «а вѣдь не всякій и въ наше время знаетъ достаточно физiku и естественную исторію, чтобы понять нелѣпость разказа» (стр. 5). Или: «многіе ли изъ нашихъ читателей знаютъ, что если смотрѣть однимъ глазомъ» и т. д. (стр. 119). Весьма и весьма благодарны за наученіе! Это могутъ сказать по всей справедливости очень многіе изъ читателей г. Хотинскаго. Авторъ, подъ легкою и занимательною формою *Разказовъ*, въ четырехъ этихъ статьяхъ, внесъ въ нашу популярную литературу цѣлую массу здравыхъ понятій объ удивительныхъ явленіяхъ природы или о диковинкахъ искусства. Въ этомъ отношеніи книга г. Хотинскаго достойна всякой похвалы; но она теряетъ много цѣны своей отъ примѣси разныхъ ошибокъ, о которыхъ скажемъ ниже. Примѣсью ихъ подрывается довѣріе ко всему сочиненію; она портитъ его, какъ дурной запахъ портитъ хорошее кушанье. Чтобы увидѣть въ какихъ размѣрахъ г. Хотинскій списывалъ Брустера, сличимъ по страницамъ того и другаго.

Страница 107, со слова «акустика», взята у Брустера, гдѣ онъ пишетъ: «the science of Acustics (pag. 3, 4). Переводъ этого мѣста занимаетъ и часть 108 страницы. Страница 109 переведена почти вся изъ Брустера, со слова «гидростатика» (The principles of Hydrostatics... pag. 41). Замѣтимъ мимоходомъ, что въ собственной вставкѣ автора, помѣщенной между текстомъ Брустера на стр. 108 и 109, есть уже ошибка. Авторъ говоритъ: «Въ древности онъ бы (Антонъ Марковичъ Гомулицкій) весьма хорошо могъ занять мѣсто гимнософиста въ какомъ-нибудь египетскомъ храмѣ.» Гимнософистами назывались не египетскіе жрецы, а мудрецы индійскіе и иногда (какъ у Филострата, *Vita Apollon. VI, 5 et seqq.*) египетскіе какъ родъ же индійскій (*Phil. Vita Apoll. III, 20*). Въ другомъ мѣстѣ г. Хотинскій опять говоритъ объ египетскихъ гимнософистахъ (стр. 443). Это у него ученое убѣжденіе. Продолжаемъ сличеніе. Страница 110, за исключеніемъ четырехъ строкъ, взята изъ Брустера (р. 4 и 5). Страница 111, вся вольный переводъ оттуда же (р. 5), съ перестановкою одной части текста подъ другую. Безъ всякой перестановки,

но съ поясненіемъ переведена и вся 112 страница: «Но изъ всѣхъ физическихъ наукъ оптика» и пр. (*But of all the sciences Optics*, pag. 5 и 6). И точно такимъ же образомъ продолжается выписка или вольный переводъ до 154 страницы, съ нѣкоторою, мѣстами маловажною переработкой, съ выпускомъ описанія строенія глаза, и отчасти съ добавленіями. Такъ напримѣръ добавлено: «Книга Брустера для нихъ (фельетонныхъ крикуновъ) недоступна по ограниченности ихъ собственныхъ познаній въ физикѣ; за то штуки Пинетти и Боско совершенно въ ихъ вкусъ» (стр. 115). Но какъ же эту недоступность согласить съ сказанными передъ тѣмъ словами самого же автора: «англійскій физикъ старался по возможности объяснить всѣ эти мнимыя чудеса самымъ естественнымъ и общепонятнымъ образомъ?» Неужели головы фельетонныхъ крикуновъ не могутъ понять и общепонятнаго? Самъ Кузьма Прутковъ не такъ строгъ; онъ говоритъ только, что нельзя объять необъятнаго. Даже и Кузьму Пруткова нельзя одобрить, когда онъ съ какою-то азартною выговорилъ свою, очень справедливую впрочемъ, мысль: «плюнь тому въ глаза, кто скажетъ, что можно объять необъятное.» Продолжаемъ. На страницѣ 154 находится небольшая вставка двухъ собственныхъ наблюденій автора, потомъ опять появляется текстъ Брустера и длинный разказъ изъ него о призракахъ одной дамы, которую г. Хотинскій вездѣ называетъ г-жою М^{***}, тогда какъ она у Брустера M^{rs} A., то-есть мистриссъ А. Безполезно утомлять читателя дальнѣйшими постраничными сличеніями; потому что они были бы совершенно похожи на предыдущія. Достаточно сказать: всѣ четыре статьи *Разказовъ* взяты или переведены изъ Брустера, съ нѣкоторыми пропусками и дополненіями. Послѣ этого какъ-то странно встрѣчать мѣстами указанія въ родѣ слѣдующихъ: «Сэръ-Давидъ Брустеръ справедливо замѣчаетъ по этому случаю» (стр. 107) «... Брустеръ говоритъ, что если» и проч. (стр. 276) «... Объ этомъ явленіи Брустеръ разказываетъ» (стр. 339). Конечно было бы еще страннѣе встрѣтить въ небольшой книгѣ тысячу или болѣе ссылокъ сразу на одного и того же сочинителя. Но не было бы странно, а справедливо, оговориться автору, что около половины книги его *Разказовъ* почерпнуто почти цѣликомъ изъ *Писемъ Брустера о натуральной магійи*. Взглянемъ теперь на пропуски и дополненія, которые характеризуютъ обдѣлку Брустеровъ трактата для русскихъ читателей. Добавленія г. Хотинскаго двухъ родовъ, или пояснительныя, или юмористическія. Они большею частію заключаются въ нѣсколькихъ строчкахъ; но есть три длинныя, о которыхъ и мы нѣсколько распространимся. Въ первомъ авторъ описываетъ и объясняетъ явленіе возврата, ночью, съ того свѣта, для игры на «лейтѣ»,

только что похороненнаго своего родственника. Случай этотъ заслуживаетъ дѣйствительно вниманія, но онъ бы могъ быть описанъ короче; къ чему напримѣръ подробности въ родѣ слѣдующихъ: «Въ самый день полученія печальной вѣсти (о смерти родственника) и еще наканунѣ валилъ густой снѣгъ, а къ вечеру сильно заморозилъ. Я проворно собрался (изъ Петербурга въ помѣстье П—ой губернии, гдѣ былъ покойникъ) и черезъ полторы сутки былъ уже на мѣстѣ» (стр. 257)? Второе, длинное дополненіе, знакомитъ читателя съ открытою г. Бутиньи тайной противъ возгаранія тѣла, при прикосновеніи съ раскаленнымъ металломъ, и т. п. Открытіе это сдѣлано и утвердилось уже послѣ изданія *Писемъ о натуральной мани*, и его описаніе какъ нельзя болѣе у мѣста. Г. Хотинскій имѣетъ право за него на полную благодарность, хотя и не въ первый разъ открытіе Бутиньи сдѣлалось извѣстно въ русской печати. Наконецъ, третье дополненіе есть продолженіе Брустеровъ текста о самовозгораемости человѣческаго тѣла. Оно, конечно, любопытно, но едва ли умѣстно въ той обширности, какую придалъ ему г. Хотинскій; потому что, несмотря на авторитетъ Либиха, вопросъ о самовозгораемости остается мерзшеннымъ. Онъ далеко не въ такомъ состояніи, какъ вопросъ о противо-возгараніи, и принадлежитъ пока къ области ученыхъ изысканій. Для публки достаточно имѣть о немъ только общія понятія; подробности принадлежатъ специалистамъ или специальной статьѣ о самовозгораемости. Теперь нѣсколько словъ о пропускахъ. Они также двухъ родовъ. Одни—пропускъ многихъ политипажей съ ихъ объясненіемъ, вѣроятно, для того чтобы по возможности удешевить книгу; въ этомъ случаѣ авторъ достигъ своей цѣли, что доказываетъ весьма умѣренная цѣна книги. Другіе, какъ видно, произошли изъ опасенія, чтобы она не вышла тяжела отъ учености. Авторъ оборонялся, сколько могъ, отъ слишкомъ большой научной серіозности. Полагая можетъ-быть, что публка до нея *не дозрѣла*, или, какъ онъ выражается, «стараясь избѣгать непопулярности», онъ пропустилъ изъ Брустера все, что казалось ему не подъ уровнемъ нашей публки,—и пропусковъ такихъ вышло очень-очень много.

VI статья *О чернокижѣ и волшебствѣ въ средніе вѣка* (стр. 433—495) самая слабая. Въ ней грустно отозвалось отсутствіе наставника и руководителя Брустера. Но о ней мы скажемъ нѣсколько словъ послѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что въ ней помѣщена та безыменная выписка съ цитатами изъ Сальверта, о которой прежде сказано.

Послѣдняя статья VII (стр. 496—579) отличается благороднымъ сознаніемъ автора, что она «извлечена преимущественно изъ ученыхъ и чрезвычайно любопытныхъ изслѣдованій извѣстнаго знатока русской старины, А. Н. Афанасьева» (стр. 496).

Всего этого, кажется, довольно для доказательства, что *Разказы о темныхъ предметахъ*—компиляція. Мы сказали еще, что они *компиляція легкая, весьма легкая*. Объяснимся. Мы видѣли многообъемлющее заимствованіе у Брустера. Кто не согласится, что извлекать самому свѣдѣнія изъ множества различныхъ писателей, приводить ихъ въ систему и изъяснять собранные факты гораздо труднѣе чѣмъ взять все это готовымъ? Последняя работа сравнительно очень легка. Правда, много у г. Хотинскаго заимствовано и изъ другихъ сочиненій, кромѣ Брустеровыхъ; но вездѣ ли онъ почерпалъ свой матеріалъ изъ первоначальныхъ источниковъ, къ которымъ доступъ вообще не легокъ? Сомнѣваемся; намъ кажется, напротивъ, что онъ не рѣдко предпочиталъ этому труду легкій трудъ пользоваться чужою, далеко не всегда истинною эрудиціей. Иначе, какъ объяснить его частыя ошибки и невѣрности въ цитруемыхъ текстахъ и ссылкахъ на нихъ? Легкость работы показываютъ и нѣкоторыя его собственные обмолвки. Даже и самъ Брустеръ не служилъ ли ему въ какомъ-нибудь свободномъ или въ своевольномъ переводѣ, какими отличаются многіе Французы, а не въ подлинникѣ? Этимъ только мы и объясняемъ равныя странности перевода въ родѣ слѣдующихъ: «По прекрасному выраженію одного современнаго физика, говоритъ г. Хотинскій (г. Хотинскій не называетъ его,—это Брустеръ), глазъ есть стражъ, стоящій въ предѣлахъ двухъ міровъ—естественнаго и сверхъестественнаго (стр. 118). У Брустера: «... между мірами *вещества и духа*» (стр. 10). Это огромная разниця. Выходитъ, что *прекрасное выраженіе* надобно отнести не къ Брустеру, а къ самому г. Хотинскому. Или: «Неспособность глаза выдерживать долгое время косвенно видѣніе предметовъ вознаграждается большею *неподвижностью*» частей глаза, отличающихся (!) упомянутымъ недостаткомъ» (стр. 126). Въ подлинникѣ: «This inability of the eye to preserve a sustained vision of objects seen obliquely, is curiously compensated by the greater *sensibility* of those parts of the eye that have this defect» (pag. 15). Въ подлинникѣ говорится *чувствительность*, въ переводѣ—*неподвижность*. Приведемъ теперь нѣсколько ошибокъ или неточностей самого сочинителя *Разказовъ*.

Въ одномъ мѣстѣ (стр. 11) Аристотель называется *Стратитомъ*, вмѣсто Стагирита. Это очевидно типографская ошибка. Такія же ошибки: Докторъ *Бишъ* (стр. 302), вмѣсто Бирчъ, какъ у Брустера;—*Бранедокъ*, нѣсколько разъ (стр. 376, 377) у Брустера Brockedon, такое же число разъ (pag. 284, 285). Кто виноватъ—не знаемъ. «Въ этой формулѣ (met) будетъ m—*масло*» (стр. 391), вмѣсто масса. Но самая несчастная опечатка, искажившая весь параграфъ, случилась на страницѣ 435:

«Магія играетъ важную роль въ *европейскихъ* (вмѣсто еврейскихъ) преданіяхъ». Къ типографскимъ ошибкамъ относимъ и слѣдующія: «*Кассемусъ* (вмѣсто Касселіусъ) въ диссертациі своей *О говорящихъ камняхъ* ссылается на *Схолиаста* и *Ювенала*,» какъ будто схолиастъ есть собственное имя, а не толковникъ, и какъ будто Касселіусъ ссылается на двухъ авторовъ, а не на одного, именно схолиаста на Ювенала. Другая ошибка: «*Жрецы Діаны въ Кападокіи* (вмѣсто Каппадокіи), по увѣренію Страбона, *босоногіе* ходили, въ *извѣстные праздники*, по раскаленнымъ угольямъ» (стр. 384). Страбонъ говоритъ (lib. XII) не о босоногихъ жрецахъ, а о жрицахъ. Вотъ его слова въ латинскомъ переводѣ: «Castabalis est Dianæ Persicæ fanum, ubi dicunt *sacras mulieres* illaesas nudis pedibus super prunas ingredi.»—и только: *извѣстныхъ праздниковъ* у Страбона нѣтъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что прилагательное *извѣстный* любимое словечко у г. Хотинскаго; онъ его прилагаетъ и къ извѣстному, и къ малоизвѣстному, и къ неизвѣстному: *извѣстный* докторъ Дя,—*извѣстная* пѣсня «Meine liebe Dogis,—*извѣстное* Мойрское (вмѣсто Мораское) дѣло,—*извѣстная* черная книга чародѣевъ,—*извѣстный* французскій ученый Араго. Но корректоръ ли виноватъ, что одинъ и тотъ же старинный французскій писатель, маловѣръ и вмѣстѣ суевѣръ, Боден¹, называется то Боденемъ, то Боденомъ, то Бодинусомъ (стр. 55, 441)? Не хотѣлъ ли авторъ одною переменною въ окончаніи имени научить читателя, что есть и французскія и латинскія изданія трактата *О демонологіи*? Въ такомъ случаѣ не мѣшало бы упомянуть и Бодино, потому что есть и италіанскій,

¹ Пользуемся здѣсь, по примѣру нѣкоторыхъ, буквою н' съ апострофомъ, для означенія, въ собственныхъ именахъ, французской носовой буквы n. Лѣтъ около тридцати назадъ, мы предлагали употреблять для этого букву n съ другою надъ нею буквою z, на томъ основаніи, что носовая французская буква n сложена изъ двухъ стихій: n и g, хотя послѣдняя изъ нихъ едва слышна и какъ бы уходитъ чрезъ носъ. Болѣе или менѣе подобную сложность видимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ буквы n и g, стояція рядомъ, произносятся довольно полно, но въ шведскомъ и англійскомъ буква g послѣ n, въ концѣ словъ, почти вся пропадетъ въ произношеніи. Конечно, было бы нелѣпо вводить для обозначенія всѣхъ иноязычныхъ звуковъ новыя буквы въ свою азбуку. Но пока у насъ французскій языкъ занимаетъ такое обширное мѣсто въ литературѣ и обществѣ, не бесполезно, хотя временно, ввести новую букву для французскихъ собственныхъ именъ.—Тогда же предлагали мы, уже по великому авторитету Палласа (*Сравн. Словар.* Ч. 1. Explicatio litterarum alphabeti rossici), употреблять букву г, когда оно произносится какъ латинское h, съ придачею къ ней знака греческаго, густаго придыханія ('), по крайней мѣрѣ въ собственныхъ именахъ, напр. Гегель, и въ иностранныхъ словахъ, напр. гіероглифъ. Предложеніе это считаемъ не бесполезнымъ возобновить.

восьма старинный, переводъ этого, изданнаго первоначально на французскомъ языкѣ, трактата. Вообще собственные имена передаются г. Хотинскимъ какъ-то оригинально: Цезарь называется, по-библейски, Кесаремъ (стр. 28), англійскій Thomas—то Томасомъ, то Томою; Томасъ Юнгъ, Тома Топгэмъ (стр. 203—283), французскій Piette—то Пьеромъ, то Петромъ: Пьеръ Жиль, Петръ Бовито (стр. 43, 418),—фанъ-Даль — фонтъ-Далемъ (стр. 468). Авторъ пишетъ: «сочиненія Понционибіуса (вмѣсто Понцинибіуса, юриста), Віеруса (вмѣсто Вiera или Вира, врача), Петра Аппони (вмѣсто де-Абано или де-Апоно) (стр. 466). Изумительный ученый труженикъ XVI столѣтія Гезнеръ названъ Гесснеромъ (стр. 43), Датчанинъ Бартолинъ названъ Бартолини (стр. 44), какъ будто онъ Италіанецъ; знаменитый древній врачъ, Грекъ родомъ, жившій большею частію въ Римѣ, Галенъ, вездѣ называется Галиеномъ, какъ будто съ французскаго Galien; Гоэолія—Аэалію (стр. 16), также съ французскаго Athalie. Не помогли автору и извѣстные стихи:

О Расинъ! Откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ;
Изъ Россійскаго Стоглава
Ты Гоэолію укралъ!

Химистъ Синезій названъ Синеціемъ, какъ будто съ нѣмецкаго, для разнообразія (стр. 19). Олафъ Магнусъ—Олаемъ Великимъ (стр. 56). Это уже съ латинскаго; но это ужъ изъ рукъ вонъ. Шведа Магнуса произвели въ *Великаго* за то, что фамилія его одинакова съ латинскимъ словомъ magnus (большой), странно, чтобы не сказать иначе. Согласно, что у всѣхъ стѣлъ фоліантъ *Olai Magni historia gentium septentrionalium*¹, наполненный множествомъ ксилографическихъ рисунковъ и суевѣрныхъ разказовъ, не лишенъ занимательности, но это просто большее, а не великое твореніе. Въ исторіи эрудиціи славенъ только одинъ подобный примѣръ. Кардиналъ Бароній помѣстилъ въ своемъ *Martyrologium romanum*, подъ числомъ 24 января, мученицу Ксннориду, на основаніи одного мѣста четвертой бесѣды Златоуста о Лазарѣ, гдѣ Бароній не всмотрѣлся, что Хупорис (по греч. *παρα*) не собственное имя, а указываетъ на *двухъ* мучениковъ, именно Ювенція и Максима. Библиоманы очень дорожатъ тѣми изданіями *Martyrologii*, особенно первымъ римскимъ 1586 года, in-fol., гдѣ находится несчастная ошибка. Въ антверпенскомъ изданіи 1589 года, in-fol., нѣтъ уже въ текстѣ Ксннориды, но она уцѣлѣла въ индексѣ, въ послѣдующихъ вовсе исчезла. Бароній эту

¹ Romae 1555, in-fol. Basileae, 1564, 1567, in-fol.

ошибку и разныя погрѣшности въ самыхъ его *Annales ecclesiasticae* искупилъ колоссальнымъ твореніемъ *Annalium*, и по справедливости заслужилъ свою громкую славу. Великія заслуги, какъ великая любовь, покрываютъ многое. Но если заслугъ мало, или нѣтъ ихъ, то... пускай договариваетъ скромный сынъ Тезея, словами Расина ¹:

Я викакихъ еще чудовищъ не смирилъ,
И права погрѣшать, какъ онъ, не получилъ.

Но объ именахъ довольно; развѣ упомянуть еще о Карданѣ, котораго авторъ вездѣ называетъ математикомъ, тогда какъ онъ былъ дѣйствительно, и всегда печатался, врачомъ, а иногда врачомъ и философомъ. Чтобъ увѣриться въ этомъ, стоить только взглянуть на заглавіе котораго-нибудь изъ многочисленныхъ его сочиненій. Можно подумать, что авторъ, читая книги, не обращаетъ никакого вниманія на ихъ заглавный листъ. Да и что нашелъ онъ математическаго у Кардана? Развѣ только астрологическое его сочиненіе *De astrorum judiciis*, гдѣ находится нечестивый его гороскопъ Спасителя ², за что и былъ посаженъ въ тюрьму. Сказку о его смерти, во славу астрологіи, напрасно авторъ выдаетъ за историческую истину (стр. 28). Изъ желанія посмѣяться что ли?

Огъ ошибокъ въ словахъ переходимъ къ ошибкамъ въ мысляхъ.

«Ученый иезуитъ Кирхеръ, говоритъ авторъ, въ своемъ *Подземномъ мірѣ*, и въ наше время Сальгъ, въ подробности разсмотрѣли суевѣрія, предрасудки и другія заблужденія ума, проявлявшіяся какъ въ древнія, такъ и въ новыя времена» (стр. 8, 9). Къ этимъ именамъ авторъ могъ бы приложить не одинъ десятокъ другихъ. Но не въ томъ дѣло. Кирхеръ и Сальгъ можетъ быть альфа и омега въ этомъ случаѣ. Судите: Аѳ. Кирхеръ въ обоихъ фолиантахъ своего *De mundo subterraneo*, не только въ подробности, но и вовсе ничего не говоритъ о суевѣріяхъ и пр.; г. Сальга не имѣемъ въ рукахъ, и потому на слово вѣрнимъ г. Хотинскому.

«Аѳалія, по словамъ г. Хотинскаго, умерщвляетъ внука, повинуюсь вліянію сонныхъ грезъ» (стр. 16, 17). Помилуйте! Есть ли что-нибудь подобное въ Библии, не говоря уже объ имени Аѳалія? Это только у Расина въ трагедіи, вымыселъ поэта, а не библейское сказаніе.

¹ Въ переводѣ, кажется, Коробанова.

² *Hier. Cardani in Ptolemaei Pelusiensis IV de astrorum judiciis. Baselese, 1554, in-fol., pag. 159.*

Г. Хотинскій пишетъ: «Самъ отецъ медицины сообразуется съ сновидѣніями при леченіи болѣзней. Напримеръ, если кто-нибудь видѣлъ во снѣ померкнувшія звѣзды, то немедленно предписывалось ему бѣгать кругообразно» (стр. 17). Внизу выноска: *De insomniis*, IV et V. Что значать эти IV et V, тайна автора. Умѣть читать Гипократа не легко. Собраніе извѣстныхъ подъ его именемъ сочиненій дѣлится хронологически на четыре класса: на сочиненія *до-гипократовскія*, Гипократомъ только изданныя или обдѣланныя, — *чисто-гипократовскія*, которыхъ очень немного, — *по-гипократовскія*, или сочиненія его учениковъ, гипократидовъ, написанныя въ духѣ или по началамъ учителя, — наконецъ, *не-гипократовскія*, поддѣланныя, въ послѣдствіи времени, изъ корысти. Книга *De insomniis* принадлежитъ къ первому разряду и, повидимому, есть продолженіе трехъ книгъ о діететикѣ, составленныхъ, быть-можетъ, различными сочинителями до Гипократа. Въ этой книгѣ, между прочимъ, говорится, что звѣздамъ (солнцу и лунѣ) соответствуетъ виѣшній округъ тѣла (по переводу Фоезіа, *exterior corporis ambitus*), солнцу—средній, а лунѣ—обращенный къ полостямъ, и что душа человѣческая, которая никогда не спитъ, представляетъ въ сновидѣніяхъ какъ здоровое, такъ и болѣзненное состояніе тѣла. Если чтѣ въ этихъ звѣздахъ покажется померкшимъ, испорченнымъ, исчезнувшимъ, задержаннымъ въ движеніи, то это знакъ болѣзни въ соответственныхъ частяхъ тѣла. Для отвращенія ея нужно усиленное движеніе, кругообразное бѣганье въ теплой одеждѣ, для возбужденія сильной испарины, при томъ діета дней на пять и даже, при тяжкой болѣзни, припарки. У г. Хотинскаго все это гораздо проще: видѣлъ померкнувшія звѣзды—бѣгать кругообразно. Затѣмъ г. Хотинскій восклицаетъ съ однимъ сочинителемъ: «Желательно было бы знать, по какой линіи бѣжалъ Гипократовъ умъ, когда онъ писалъ приведенныя сейчасъ строки» (тамъ же). Есть тонкое и вѣрное замѣчаніе у нашего автора, взятое имъ у Сальверта: «Правду говоритъ Сальвертъ, что человѣкъ рождается и умираетъ легковѣрнымъ, но это легковѣріе происходитъ изъ свѣтлаго источника, изъ прирожденнаго человѣку стремленія къ правдѣ. Величайшій обманщикъ чаще готовъ вѣрить чужимъ словамъ чѣмъ подозрѣвать въ нихъ ложь. Чувство правды такъ присуще человѣку, что въ самыхъ даже уклоненіяхъ отъ него непрерывно проявляется невольное къ нему уваженіе» (стр. 3). Вотъ этимъ-то чувствомъ иногда и увлекается, ко вреду своихъ читателей, г. Хотинскій при разработкѣ чужихъ матеріаловъ. Посмотримъ далѣе.

Г. Хотинскій приводитъ слѣдующія снотолкованія изъ Артемидора (стр. 19):

Видѣть во снѣ:	значить:
Лишеніе зрѣнія.	Близкую потерю одного изъ дѣтей или ближняго родственника.
Смерть.	Близкій бракъ.
Цвѣты.	Благополучіе.
Сокровища.	Горе, заботы и бѣдность.
Паденіе съ горы.	Изгнаніе или заключеніе въ темницу.

Передъ этою выпиской г. Хотинскій отозвался объ Артемидорѣ какъ о замѣчательномъ древнемъ писателѣ. Чтò жь читатель видитъ замѣчательнаго изъ приведенной выписки? Можетъ-быть онъ что-нибудь и увидѣлъ бы, еслибы выписка сдѣлана была точнѣе и выбрана лучше. «Лишеніе зрѣнія значитъ близкую потерю одного изъ дѣтей или ближняго *родственника*.» (Вовсе не родственника, а родителей). У Артемидора находимъ вотъ что: «Слѣпота обоихъ глазъ во снѣ грозитъ потерю дѣтей, братьевъ и родителей: *дѣтей*, потому что глаза сходны съ дѣтьми, любезны и путеводители тѣла, какъ дѣти отцу въ старости; *братьевъ*, потому что глаза какъ братья между собою; *родителей*, потому что глазамъ и родителямъ мы обязаны тѣмъ, что свѣтъ увидѣли. Потеря зрѣнія въ одномъ глазѣ другое значитъ, по другой причинѣ. Сны о глазахъ значатъ много разнаго, все по своимъ причинамъ.» (Artem. I. 28.) Смерть во снѣ, при разныхъ обстоятельствахъ, предвѣщаетъ разное. Не женатымъ она предсказываетъ бракъ, потому что смерть и бракъ предѣлы людскіе, и всегда означаютъ себя взаимно. (Artem. II. 54.) «Сокровища (пропущено: *выкапывать*) во снѣ значитъ горе, заботы и бѣдность.» (Пропущено: и *смерть*). «Смерть—потому что безъ землекопанія не обходится ни добываніе сокровища, ни могила покойника.» (Artem. II. 64.) Цвѣты и паденіе съ горы пропускаемъ, потому что не нашли ихъ въ Артемидорѣ. Не умѣемъ себѣ объяснить, по какому соображенію г. Хотинскій сдѣлалъ такой безцвѣтный выборъ изъ этого автора. Опять не невольное ли уваженіе, по присущему чувству правды, ко всякимъ писателямъ? Мы конечно не рекомендуемъ для *Разказовъ* мѣста изъ Артемидора V. 16. 39. 63. 69, которыя слишкомъ бы озадачили какого угодно читателя, не рекомендуемъ и I. 70. 71. 72. Въ Артемидорѣ находится много свѣдѣній о древнихъ обрядахъ. Почему бы ими не воспользоваться? Они, кажется, отнюдь не помѣшали бы цѣли сочиненія г. Хотинскаго. Тутъ не было бы двухъ зайцевъ.

Читаемъ у г. Хотинскаго: «Эпикурейцы и въ особенности Ксенофанъ сравнивали» и пр. (стр. 21). Можно изъ этого подумать, что Ксенофанъ эпикуреецъ, тогда какъ эпикурейская школа возникла сто лѣтъ спустя послѣ Ксенофана, основателя школы элеатской.

«У Геродота читаемъ, что нилскій пастухъ заговорилъ Ама-

зиса Великаго и Лаодикию» (стр. 52), то-есть Ладкию. Нѣтъ этого пастуха у Геродота. Обстоятельства Амазиса и Ладкии разказы-ваются у Геродота совсѣмъ иначе. (*Эстерна*. въ концѣ.)

• Подобному же наказанію (внѣшнцѣ) подвергся Шамульяръ, въ 1597 году, за заговариваніе дѣвушекъ, вступавшихъ въ бракъ» (стр. 54). Не дѣвушекъ, а дѣвицы де-ла-Барьеръ. Замѣчательно, скажемъ при этомъ случаѣ, что во Франціи жгли и вѣшали за колдовство парламенты, а не духовенство; страшныя преслѣдованія были всѣ со стороны свѣтской, а не духовной.

Въ первой статьѣ: *О суеврїяхъ*, есть длинный разказъ, на 28 страницахъ (стр. 60—88), о диковинкахъ и приключеніяхъ *гре-нобльскаго* (хотя онъ не Греноблецъ) крестьянина Эмара (вѣрнѣе Эмара) съ его вѣщимъ прутикомъ (*baguette divinatoire*). Разказавъ, между прочимъ, анекдотъ, какъ нѣкоторымъ маловѣрамъ не удалось однажды поймать Эмара въ обманѣ, авторъ, вспоминая можетъ-быть г. Сенковскаго, говоритъ: «Скептики накушались грязи и, сѣвъ на коврѣ недоумѣнія, положили въ ротъ палецъ удивленія» (стр. 67). Внизу страницы ссыла: см. *Lettres sur la magie et les maléfices, écrites par le docteur de Saint-André, № 7*¹. Можно подумать, что все это взято изъ Сентъ-Андре. Но, во первыхъ, нѣтъ у него письма № 7; во вторыхъ, нѣтъ у него этого анекдота. Далѣе, разказавъ еще анекдотъ, какъ Эмаръ, съ завязанными глазами, посредствомъ своего прутика, узналъ изъ четырехъ костей, разложенныхъ по угламъ комнаты, ту именно, которою одинъ злодѣй срѣзалъ женѣ своей голову, авторъ продолжаетъ: «Ученый врачъ Сентъ-Андре былъ свидѣтелемъ этого подвига, и написалъ по этому поводу нѣсколько весьма любопытныхъ писемъ... Въ этихъ письмахъ доказывалось, между прочимъ что искусство открывать преступниковъ помощію орѣховаго прутика было извѣстно гораздо ранѣе Эмара» (стр. 70). Но Сентъ-Андре не былъ свидѣтелемъ этого подвига; объ Эмарѣ онъ зналъ только по слухамъ, что видно изъ его перваго письма о магїи, въ которомъ ничего нѣтъ объ исторїи вѣщаго прутика. Историческія же и многія другія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ издалъ, прежде Сентъ-Андреевскихъ писемъ, дѣйствительный очевидецъ Эмара, de Vallemont въ трактатѣ *La physique occulte*². Сентъ-Андре объ Эмарѣ не слишкомъ распространяется, и его объясненія вѣщаго прутика, если есть таковой, какъ самъ онъ говоритъ, совершенно не во вкусѣ

¹ Заглавіе не такъ-то вѣрно; исправляемъ: *Lettres de Mr. de St-André, conseiller-médecin ordinaire du roy, au sujet de la magie, des maléfices et des sorciers*. Paris, 1725, in-12.

² *Amsterd. 1690. 1893. In-12. Paris, 1699. 1709. In-12.*

г. Хотинскаго; они основываются на испареніи тѣлъ. Послѣ всего этого какъ-то невольно припоминается о пальцѣ удивленія. Припоминается и то, съ какою нецеремонностью авторъ иногда трактуетъ ученыхъ, говоря: «Чего не набредли» (стр. 9)... Или: «Уважаемый французскій натуралистъ Ламаркъ выкинулъ дикую мысль» (стр. 10)... Или: «Лебрень и ученый Малобраншъ написали цѣлые томы страшной галиматъи объ Эймарѣ и его таинственныхъ дѣйствіяхъ. Читая этихъ господъ (!), скорѣе можно повѣрить, что писали не академикъ, а постоянные нахлѣбники дома умалишенныхъ» (стр. 68.) Эта фраза такъ понравилась сочинителю, что черезъ четыре страницы онъ опять ее повторяетъ: «Цѣлые томы страшной галиматъи, достойной постоянныхъ обитателей дома умалишенныхъ.» Хорошо бы *знать мѣру*, хорошо бы держаться разумнаго правила Горациа: *est modus in rebus etc.*

Указанныя нами до сихъ поръ ошибки всѣ, какъ читатель видитъ, не далеко отошли отъ начала *Разказовъ*. Перейдемъ на другой конецъ книги и взглянемъ на ошибку-monstre, какъ говорятъ Французы, на ошибку въ 50 страницъ, мы разумѣемъ всю VI-ю статью *О чернокнижіи и волшебствѣ въ средніе вѣка*. Здѣсь, за исключеніемъ разказа о *Синей Бородѣ*, вовсе нѣтъ среднихъ вѣковъ, не было бы даже, можетъ-быть, и *Синей Бороды*, еслибъ это сказаніе не имѣло увлекательной занимательности. Первая десятъ страницъ VI статьи посвящены древней исторіи, за нею слѣдуетъ новая, и баста, какъ говаривалъ Булгаринъ. Всмотриваясь въ эту статью, вы съ удивленіемъ примѣчаете, что авторъ относитъ къ среднимъ вѣкамъ—XVI и XVII и даже позднѣйшіе. Авторъ пишетъ о бывшихъ въ эти столѣтія преслѣдованіяхъ и процессахъ колдуновъ какъ о средневѣковыхъ. Среднихъ вѣковъ, по прежнимъ понятіямъ, у него какъ бы не существуетъ, или онъ не признаетъ ихъ. Онъ пишетъ: «Демонологіи XIV вѣка (это по прежнимъ понятіямъ средній вѣкъ) описываютъ злаго духа въ образѣ» (скажемъ коротко: ужасномъ). Совсѣмъ другое читаемъ у многихъ средневѣковыхъ писателей» (стр. 444), то-есть средневѣковыхъ по разумнію г. Хотинскаго. «Всѣ эти средневѣковыя бредни», говоритъ авторъ... Бредни эти относятся къ XVII столѣтію (стр. 441). По автору, ничего нѣтъ страннаго въ сходствѣ показаній колдуновъ и вѣдьмъ. «Въ средніе вѣка, говоритъ онъ, господствовало довольно однообразное мнѣніе о колдовствѣ» и пр. (стр. 461). Въ подтвержденіе и объясненіе этого слѣдуютъ факты изъ XVI и XVII и даже слѣдующаго столѣтія. Сущій переворотъ въ хронологіи! Кромѣ этой генеральной ошибки, много въ VI статьѣ спеціальныхъ. Для примѣра рассмотримъ изъ нихъ одну

только; надо же щадить терпѣніе читателя и предоставить самому сочинителю исправлять погрѣшности своей книги для будущихъ ея изданій. «Люди, говоритъ онъ, вѣровавшіе въ дѣйствительность магіи, какъ науки, существовали еще въ нынѣшнемъ столѣтіи, существуютъ еще и понынѣ, и мы можемъ доказать это печатными фактами. Такъ, лѣтъ около тридцати тому назадъ (не тридцати, а сорока), въ ученой Германіи существовало періодическое изданіе, исключительно посвященное предметамъ чародѣйства.» Авторъ говоритъ о *Zauber-Bibliothek*, и сдѣлалъ неудачный для себя выборъ. *Zauber-Bibliothek* вовсе не чародѣйскаго убѣжденія. Въ доказательство мнѣнія г. Хотинскаго служить, по духу и направленію, другое періодическое изданіе, новѣйшее, которое продолжалось съ 1831 года по 1854, сперва подъ заглавіемъ *Blätter aus Prevorst*, а потомъ, съ 1840 года, подъ заглавіемъ *Magicon*, и котораго редакторомъ былъ известный, какъ любить говорить авторъ, Юстинусъ Кернеръ. Неужели г. Хотинскій не зналъ этого журнала, издававшагося 23 года? а если зналъ, то странно, что онъ предпочелъ ему сборникъ, совершенно не соответствующій цѣли, которую г. Хотинскій имѣлъ въ виду. Продолжаемъ выписку... «Сотрудники были всѣ, почти безъ исключенія, люди ученые» и пр. (Сотрудниковъ у издателя вовсе не видно.) «Странныя писанія этихъ новѣйшихъ мистиковъ и демонологовъ (воображаемыхъ) отличались какою-то необъяснимою смѣью наивности, учености, глубокомыслія и легковѣрія.» (*Zauber-Bibliothek* отличается не такою жалкою смѣью качествъ, а истинно ученымъ безпристрастіемъ, и цѣль ея чисто историческая. Наивность, легковѣріе и другія гораздо худшія свойства принадлежатъ всѣ стариннымъ рукописямъ, въ ней изданнымъ, или же сочиненіямъ, перепечатаннымъ въ ней, по ихъ рѣдкости и примѣчательности. Это матеріалы для исторіи волшебства.) «Редакторомъ журнала былъ Георгъ Конрадъ Хорстъ¹. Этотъ сборникъ выходилъ въ Майнцѣ, и явившіеся его выпуски составляютъ два большихъ тома.» (Составляютъ не два, а шесть томовъ.) Въ заключеніе, послѣ нѣкоторыхъ другихъ замѣчаній, съ которыми согласиться нельзя, авторъ восклицаетъ: «Непостижимо!» (Стр. 439.) И мы повторяемъ то же восклицаніе.

Спрашиваемъ безпристрастнаго читателя: не въ правѣ ли мы были сказать, что сочиненіе г. Хотинскаго есть *комплиция легкая, весьма легкая?*

Уже не въ смыслѣ осужденія, а въ смыслѣ похвалы, мы при-

¹ По какому-то особенному пристрастію къ буквѣ *a*, авторъ употребляетъ ее вмѣсто : въ большей части иностранныхъ словъ и именъ: *Хуае, Хебуудъ, Халлюцинація*.

бавили къ этимъ словамъ: *легко написанная*. Дѣйствительно, авторъ обладаетъ литературнымъ навыкомъ писать языкомъ легкимъ и пріятнымъ. Если встрѣчаются кой-гдѣ грамматическія небрежности, то онѣ очень рѣдки. Замѣтимъ одну изъ нихъ, самую неловкую... «Объ исчезаніяхъ дѣтей, *случающихся* каждую пятницу» (стр. 485). Здѣсь какъ-то дурно мысль автора не ладитъ съ смысломъ грамматическимъ. Слѣдующій примѣръ туманныхъ словъ до того не согласенъ со всегдашнею ясностію изложенія, какою отличается книга *Разказовъ*, что онъ кажется чужимъ: «Дѣйствіе при этомъ (какъ скоро умъ выйдетъ изъ установленныхъ ему границъ) будетъ постоянно неправильное, хотя и разнообразное, смотря по тому, за какія границы переступилъ умъ—за внѣшнія или внутреннія. Въ первомъ случаѣ слишкомъ обширное поле дѣйствія ослабляетъ дѣятеля; во второмъ, онъ, по слишкомъ-ограниченному пространству, не можетъ выполнять назначенныхъ для него природою нормальныхъ отправлений» (стр. 8). Темновато очень, можетъ-быть потому что глубоко. Только это не нѣмецкая философія. Такіе маловажные недостатки не отняли бы цѣны у сочиненія г. Хотинскаго, еслибы не было другихъ, гораздо важнѣйшихъ. Ему вредитъ иногда, по нашему мнѣнію, самая его шутливость, его желаніе забавлять своего читателя; потому что юморъ его не всегда чисто-русскій. Русскій человѣкъ смѣется, даже насмѣхается съ серіозною миной, какъ ни въ чемъ не бывало. Иногда онъ и ругнетъ такими словами (мы говоримъ не о простонародьи, а о народности), съ такими ихъ поворотами, что тотъ, къ кому они относятся, не вдругъ пойметъ, дурачатъ его или хвалятъ. У всѣхъ, не у однихъ Русскихъ, притворный или неестественный смѣхъ не смѣшонъ, и мы полагаемъ въ числѣ неудачныхъ слѣдующую фразу: «Сотрудники (*Волшебной Библиотеки* Горста)... не рѣдко выказывавшіе сильный скептицизмъ, и при всемъ томъ серіозно толковавшіе о такихъ предметахъ, что волосы становились дыбомъ, и при томъ читатель раздражался гомерическимъ хохотомъ» (стр. 438). Тутъ непременно что-нибудь одно: или волосы дыбомъ, или гомерическій хохотъ. Увлекаясь веселостію, можно что-нибудь и переименовать. У г. Хотинскаго Цирцея превращаетъ Улиссовыхъ спутниковъ въ поросятъ (стр. 2), а не въ свиней, какъ у Гомера въ X пѣсни *Одиссеи*. Что за бѣда? Гомеръ Гомеромъ, и свиньи свиньями, а поросята какъ-то забавнѣе; это правда, только не вѣрно. Г-ну Хотинскому кажется смѣшнымъ (а не отвратительнымъ) индійскій идолъ съ чудовищными и исковерканными членами» (стр. 442). «Посмотримъ, говоритъ авторъ, что скажутъ черезъ сотню лѣтъ о тѣхъ изъ нашихъ ученыхъ, которые видятъ въ физиологическихъ процессахъ одни только

процессомъ химическіе» (стр. 12). Приглашеніе заманчиво.. только не шутить ли сочинитель? Не шутить ли онъ и съ своимъ совѣтомъ: «Читайте, говоритъ, Геродота, Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Тита Ливія, Эліана, Светонія, Помпонія Мелу и многихъ другихъ, (для чего?) и вы найдете въ этихъ авторахъ кучу разказовъ» (договоримъ коротко) о нелѣпостяхъ антропологическихъ и другихъ разныхъ (стр. 6). Нѣтъ, ужь посо-вѣтуйте лучше прочитать этихъ авторовъ съ другою цѣлю; а для указанной вами достаточно что-нибудь полегче, напримѣръ *Разказы о темныхъ предметахъ*. Не всѣмъ чтеніе древнихъ до-стается такъ легко, какъ можетъ-быть автору. Ему самому слу-чалось выбирать что полегче. Не его ли эти слова: «Когда я рылся въ пыли фолиантовъ Парижской, бывшей королевской, а нынѣ императорской, бібліотеки, собирая матеріалы для моей *Исторіи чародѣйства и тайныхъ наукъ*, то по цѣлымъ днямъ не могъ оторваться отъ варварскихъ страницъ какого-нибудь *Великаго Альберта, Краснаго дракона, Эхиридіона Льва III, или Discoverie (то-есть the discovery) of Witchcraft (то-есть of witchcraft) Реджинальда-Скотта*. Сколько истратилъ я времени надъ то-мами (то-есть надъ однимъ томомъ) *Деланкра, De l'inconstance des mauvais anges?*» (Стр. 439—440.) Ясно изъ этого, что между пыльными фолиантами авторъ выбиралъ для своего чтенія маленькія книжки, исключая развѣ Скотта; *Le dragon rouge*—книжки въ 18, *Encheiridion Leonis Parae*—въ 12, *Albertus Magnus* (конеч-но *De secretis mulierum*, а не полное собраніе его сочиненій въ 21 томѣ in fol, которые вовсе не относятся къ демонологіи), всегда почти въ 24. Другое свойство русскаго ума (мы не ду-маемъ исчислять всѣхъ его свойствъ), ѣдкій сарказмъ, перера-ждается у г. Хотинскаго чуть не въ брань: «чего не набредили» и т. п. Но оставимъ всѣ эти мелочи, и перейдемъ къ болѣе-се-ріозному. Пора окончить эту длинную рецензію.

Въ предисловіи своемъ авторъ говоритъ: «Я отнюдь не имѣю претензій приписывать этому труду какое-либо особое (?) зна-ченіе. Мои притязанія ограничиваются желаніемъ доставить нѣсколько сотенъ страницъ не утомительнаго, а можетъ-быть и не бесполезнаго чтенія.» Между тѣмъ выше онъ объявилъ, что онъ приготовляетъ къ печати *Исторію чародѣйства и тайныхъ наукъ*, что она у него почти совершенно готова, что онъ печаталъ въ разныхъ журналахъ сокращенные изъ нея отрывки, и что семь такихъ отрывковъ или статей и предлагаются теперь особою книжкою. Не показываетъ ли это самаго страннаго по-ниманія исторіи—доставить читателю нѣсколько страницъ неуто-мительнаго чтенія? Какъ она умалена! Вотъ вамъ и *Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia*

octustatis! ¹ Или думаетъ авторъ, что исторія чародѣйства не достойна занять мѣсто въ кругу другихъ историческихъ знаній? Онъ этого не думаетъ; иначе не написалъ бы панегирика изученію натуральной магіи (стр. 114), далеко не главной части тайныхъ наукъ. Здѣсь возвращаемся опять къ шутовству автора, уже не какъ къ украшенію рѣчи, а какъ къ господствующему тону всего сочиненія. Такой тонъ намъ кажется столько же неприличнымъ, какъ смѣхъ надъ больными въ домѣ упомишанныхъ. Кто входитъ въ этотъ ужасный лаваретъ отъ нечего-дѣлать, для развлеченія, осматриваетъ его съ веселостію, и выходя изъ него, не выноситъ съ собою другаго чувства, кромѣ удовлетвореннаго празднаго любопытства, тотъ не понимаетъ своего поступка. Явленія чародѣйства, по существу своему, принадлежатъ къ самымъ страшнымъ, потрясающимъ душу. Вѣра въ сообщеніе съ міромъ духовъ и борьба съ нею есть непрерывная цѣпь тяжелыхъ фактовъ, оковывающихъ все человѣчество отъ начала вѣковъ, и укоренена въ самой глубинѣ души. Она соединена съ религіознымъ взрваніемъ всѣхъ народовъ, и явно или тайно съ чувствомъ каждаго человѣка. Она бьетъ ключомъ внутри насъ. Понятія разума засыпаютъ его своими камнями, но часто родинка этотъ пробиваетъ толстѣйшія насыпи, которыми разсудокъ старается его завалить. Если стремленіе ко взаимодѣйствию съ существами невидимаго міра есть только слѣдствіе предрасудка и невѣжества, какъ думаетъ и авторъ, то не славная ли задача для его историка—разъяснить этотъ колоссальный всемірный предрасудокъ, разсѣять это всенародное невѣжество и вылѣчить человѣческое улопомѣшательство?

Кажется, такая задача не по силамъ г. Хотинскаго. Онъ даже не составилъ себѣ опредѣленнаго, хотя бы и не истиннаго, понятія о происхожденіи волшебства. Вотъ какъ шатки его мнѣнія объ этомъ предметѣ: «Идея о возможности сношенія съ невидимымъ міромъ, котораго существованіе было смутно понимаемо всѣми народами, породила волшебство и чародѣйство» (стр. 442—443). «Страсти, преимущественно властолюбіе и любостыжаніе, породили волшебниковъ, астрологовъ, алхимиковъ, знахарей, колдуновъ и вѣдьмъ» (стр. 2). Онъ не говоритъ, что названныя страсти расплодили волшебниковъ и пр., нѣтъ, онъ говоритъ: *породили* ихъ. Итакъ два мнѣнія, несогласныя одно съ другимъ, положены въ основаніе его исторіи. Можеть-быть, въ послѣдствіи, явятся и

¹ - Исторія свидѣтельница временъ, свѣточъ истины, живъя памяти, наставница язики, вѣстница вѣномъ прошедшихъ. «Cicero, De orat. II, 9.

другія. Взглядъ—автора, если это точно взглядъ,—не новый; онъ замаяненъ лѣтъ десять тому назадъ въ *Современникѣ*, за 1880 годъ. Тамъ было помѣщено нѣсколько статей изъ *Исторіи чародѣйства* г. Хотинскаго. Потомъ послѣдовало продолжительное молчаніе, его *populi prestantur in annum*. И вотъ прежнее явилось вновь... попрежнему. Нѣтъ спора, что задача о чародѣйствѣ очень трудна. Волшебнаго матеріала накопилось страшное количество. Самая литература его стала очень обширна. Неутонченный историкъ литературы и библиографин Грессе (Gressé) выдалъ, въ 1843 году, каталогъ демонологическихъ книгъ подъ названіемъ: *Bibliotheca magica et pneumatica*. Каталогъ его весьма не полонъ, даже въ отношеніи къ нѣмецкимъ книгамъ, но въ немъ насчитывается болѣе двухъ тысячъ авторовъ; сочиненій же, натурально, гораздо болѣе. Прибавьте къ этому рукописную литературу чернокнижія; прибавьте еще чародѣйную буддійскую литературу. Сколько же въ этой кладовой, которая называется матеріалами для исторіи магіи, различныхъ духовъ, припадчій, призраковъ, упырей, чародѣйства, отчаянія, проклятій, нищеты, безжалостныхъ мучителей, невинныхъ жертвъ, изувѣрства, свирѣпости, позорныхъ страстей, беззаконій, шарлатанства, обмановъ, предрасудковъ, глупости, невѣжества, всякой скверности, всякой пошлости, всякаго безумія и нечистой силы! Все это перемѣшано, перепутано, загромождено одно другимъ. Много нужно пронизательности, чтобъ отличить кажущееся отъ истиннаго, призракъ отъ дѣйствительности, которые иногда похожи, какъ двѣ капли воды, одно на другое. Думаетъ ли авторъ, что всѣ описанныя имъ явленія подходятъ подъ его теорію? Думаетъ ли онъ, что и Брустеръ объяснилъ достаточно всѣ факты, о которыхъ онъ упоминаетъ? Трудность историческая именно велика тамъ, гдѣ вещи, по внутреннему существу различныя, кажутся одинаковыми по наружности. Однообразна капля воды, но подѣ освѣщеніемъ солнечнаго микроскопа является не безжизненною уже жидкою частицею, а сборищемъ живыхъ, движущихся чудовищъ, пожирающихъ одно другое, измѣняющихся въ своей уродливой формѣ, умирающихъ иногда передъ вашими глазами въ конвульсіяхъ, или уже умершихъ. Такъ и въ магіи, не все мертво или вымерло; напротивъ, много, очень много такого, что еще живо, живуще, много и такого, что не легко дается объясненію.

Но возвратимся къ г. Хотинскому. Не будемъ слишкомъ внимательны. Не всякому дано овладѣть обширнымъ и сложнымъ предметомъ сочиненія и съ внутренней, и съ наружной его стороны. Описаніе чародѣйства и тайныхъ наукъ не лишено будетъ

своей пользы и занимательности въ русской литературѣ, хотя бы и изображало одну внѣшнюю его сторону. Книга *Разказовъ о темныхъ предметахъ* должна имѣть большой успѣхъ, потому что интересна по своему предмету, затрогивающему почти всякаго, и потому что вышла совершенно вовремя. Нынче вездѣ возбуждено вниманіе къ демонологіи, и она, такъ сказать, въ модѣ; демонологическія книги появляются въ печати одна за другою во всѣхъ литературахъ; въ русской она еще имѣетъ преимущество новости. Авторъ хорошо сдѣлаетъ, если исполнитъ свое обещаніе выдать вторую, третью и можетъ-быть четвертую книгу *Разказовъ*. Но если онъ желаетъ исполнѣ заслуженнаго и прочнаго имъ успѣха, то пусть приложитъ къ нимъ болѣе старанія и отчетливости чѣмъ къ первой. Онъ не долженъ быть слишкомъ довѣрчивъ къ чужимъ показаніямъ, но повѣрять ихъ, и собирать свѣдѣнія изъ настоящихъ, чистыхъ источниковъ, а не изъ заплѣсневѣлой бочки какаго-нибудь водовоза. Нужна также осторожность въ сужденіи о предметахъ мало извѣстныхъ. Къ чему, напримѣръ, послужить презрительно-рѣшительный тонъ о такихъ сочиненіяхъ, какъ *Книга Іезира* и *Зонарь*, которыя авторъ титулуетъ то *Сефарь-Іезира*, *Сохарь* (*Сохаря*), то *Сефарь-Іезира*, *Сохарь*? (Стр. 434. 493.)

Заклучимъ, въ подражаніе г-ну Гымалэ, которому не разъ мы сочувствовали въ его литературныхъ впечатлѣніяхъ, также литературнымъ впечатлѣніемъ. Просмотрѣвъ наскоро книгу *Разказовъ* г-на Хотинскаго, мы принялись за разборъ ея въ какомъ-то веселомъ настроеніи духа, но по той мѣрѣ какъ всматривались въ нее ближе и ближе, настроеніе это исчезало и замѣнялось другимъ, противоположнымъ. Мы теряли почему-то изъ виду и г-на Хотинскаго, и его сочиненіе; передъ нами носилась толпа скороспѣлыхъ ученыхъ, недозрѣлыхъ писателей, литераторовъ, подававшихъ блистательныя надежды... не сбывшіяся. Цвѣтъ ихъ не принесъ роскошнаго плода, котораго ждали напрасно. Нещадное время быстро обрывало одинъ за другимъ лепестки, и оставило, вмѣсто плода, что-то некрасивое и засохшее. И это не одно прошедшее, печальное явленіе не кончилось. Кто не примѣчаетъ его въ нѣкоторыхъ писателяхъ, вступившихъ на литературное поприще со славою? Но не одна толпа пишущихъ и не пишущихъ людей мелькала передъ нашимъ воображеніемъ; ее смѣняли другія толпы, многія, разныя, толпы всякаго рода, художники, воспитатели, наставники, администраторы, мастеровые, простые работники, все спѣшить преждевременно покончить свою работу. Усидчивость всѣмъ противна. Не вѣрять русскій человекъ, что гонимъ—терпимъ въ трудѣ. Онъ вѣрять въ свою понятливость, которую Богъ

щедро одарилъ его, и беззаботно предается лѣности своей натуре. Понятливость конечно прекрасное свойство. Но безъ труда что оно? Пустощество. Не золото ли Перу, даровое, не трудовое, послужило къ упадку и расслабленію Испаніи? Не хлѣбное ли дерево — одна изъ главныхъ причинъ неразвитости полнелѣтца? Энергія труда, вотъ что нужно прежде всего для всякаго успѣха. А успѣхъ и есть земное счастье. Безъ этой энергіи все гложетъ. Въ молодости, мы слышали отъ одного высоко-образованнаго русскаго человѣка зловѣщее слово: Россія покажетъ собою отрицательный примѣръ въ исторіи. Это слово было и есть подъ нашимъ проклятіемъ. Въ Россіи встрѣчается столько доблести, что нельзя не вѣрить въ великую ея судьбу. Но зачѣмъ зловѣщее слово «отрицательнаго примѣра» нападаетъ иногда кошмаромъ на сердце? И зачѣмъ оно припоминалось по поводу небольшой и малозначительной книжки, хотя авторъ и двадцать лѣтъ трудился надъ ея обработкою?

Нѣтъ! Не весело иногда быть рецензентомъ.

Докторъ Ястребцовъ.

Аксель, повѣсть Исаи Тегнера, въ русскомъ переводѣ Д. Ознобишина. С.-Петербургъ; въ тип. Гогенфельдена и К°. 1861; in-12; стр. 73. Цѣна 1 руб. сер.

Шведскій поэтъ, епископъ Тегнеръ (родился 1782, умеръ 1846), сдѣлался извѣстнымъ у насъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Въ тогдашнемъ *Современникѣ* стали появляться статьи о скандинавской литературѣ и переводы нѣкоторыхъ лучшихъ ея произведеній. Публика наша обязана была и тѣмъ и другимъ Я. К. Гроту, занимавшему тогда катедру исторіи Россіи и ея литературы въ Александровскомъ университетѣ и посвятившему себя занятіямъ по изученію словесности, мало у насъ знакомой. Въ 1841 году г. Гротъ напечаталъ въ Гельсингфорсѣ отдѣльную книжкой свой стихотворный переводъ извѣстнѣйшей изъ поэмъ Тегнера *Фри-тиофъ, скандинавскій богатырь*. Переводъ этотъ, отличающійся изяществомъ стиха и, по отзыву знатоковъ, необычайною близостию къ подлиннику, заслужилъ общее одобреніе. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, и вотъ Д. П. Ознобишинъ даритъ

нась переводомъ другой поэмы Тегнера, *Аксель*, которая пользуется также большою извѣстностію въ отечествѣ автора.

Въ этой поэмі разказана судьба Акселя, одного изъ десяти неустрашимыхъ драбантовъ Карла XII, которые при вступленіи въ это званіе давали обѣтъ храбрости и вѣрности, и клялись не вступать въ бракъ до тѣхъ поръ, пока самъ король не будетъ обрученъ. Мы не будемъ разказывать здѣсь, въ чемъ состояли похождения Акселя. Вопервыхъ, мы не хотимъ отнимать у читателей удовольствія прочитати ихъ въ поэмі. Вторыхъ, достоинство поэмы Тегнера заключается не въ числѣ и разнообразіи событій, а въ прелести разказа, основаннаго на народномъ преданіи, которое лишится своего колорита и характера, при передачѣ его въ библиографической статьѣ. Задача поэта преста, но поэма дышитъ неподдѣльною прелестію; духъ истинной поэзіи, свѣжей и оригинальной, вѣетъ въ этомъ безыскусственномъ разказѣ, оживляемомъ безпрестанно картинами фантастическаго міра и своеобразнаго міросозерцанія, составляющихъ пріятельнѣйшую изъ особенностей скандинавскихъ пѣсней.

Намъ очень пріятно встрѣтити въ печати имя г. Ознобишина, которое давно почти не являлось въ литературномъ мірѣ. Г. Ознобишинъ принадлежитъ къ числу поэтовъ пушкинскаго времени. Около Пушкина и ближайшихъ къ нему талантовъ составила тогда «аланга людей съ дарованіями, и изъ ихъ стиховъ можно было бы составить премилую антологию, которая доставила бы пріятное чтеніе и характеризовала бы одну изъ сторонъ цѣлой литературной эпохи. Въ нее могутъ войти стихотворенія Рачча, Туманскихъ, А. Крылова, Григорьева, Розена, Щастнаго, Плетнева, Шишкова 2, Деларю и другихъ. Въ числѣ ихъ долженъ занять почетное мѣсто и г. Ознобишинъ, прекрасно владѣющій стихомъ, какъ и большая часть названныхъ нами поэтовъ, составляющихъ первое поколѣніе послѣдователей Пушкина. Кстати замѣтимъ здѣсь, что одно изъ стихотвореній г. Ознобишина приписано еще недавно Пушкину и вошло въ собраніе его стихотвореній; это пѣса къ Е***, начинающаяся стихомъ: «Страдалецъ произвольной муки» (*Соч. Пушкина*. Изд. Исакова, т. I, стр. 562).

Мы не можемъ судить, до какой степени близокъ и вѣренъ переводъ *Аксель*, но пріятнѣнія, приложенныя къ нему переводчикомъ и необходимыя для уразумѣнія многихъ чисто-мѣстныхъ выраженій и сравненій, могутъ служить ручательствомъ въ томъ, что г. Ознобишинъ близко знакомъ съ мнѳологіей, исторіей и обычаями скандинавскихъ племенъ и исполнилъ трудъ свой съ полнымъ знаніемъ предмета.

Что касается до стиховъ, то они большею частію прекрасны и совершенно соотвѣтствуютъ воздушности и нѣрѣдко туман-

ности образовъ и представленій, характеризующихъ поэзію Тегнера. Относительно фактуры стиха, переводчика могутъ упрекнуть развѣ только за слишкомъ часто встрѣчающуюся у него неровноту словъ въ родѣ: «Полей съ колосьями густыми, Деревъ съ плодами золотыми» (стр. 23), или «Царя Петра былъ въ войскахъ оныхъ» (стр. 24) и пр. Но это не помѣшаетъ отдать полную справедливость искусству переводчика. Большая часть поэмы переведена поэтически. Выписываемъ наудачу слова влюбленной Маріи (стр. 27):

Въ моей груди такъ сердце бьется,
 Но этотъ трепеть сладокъ мнѣ.
 Моя душа куда-то рвется,
 Къ безвѣстной, дальней сторонѣ.
 То больно мнѣ, то вдругъ пріятно;
 Безцѣльной душой мысль полна;
 Какой-то властью непонятной
 Невольно я увлечена.
 То мнится мнѣ — лечу надъ бездной
 И прахъ земной стрясая съ крылъ,
 И близокъ мнѣ предъ мною звѣздной,
 И Божій тронъ, вѣнецъ свѣтилъ!
 То вдругъ низвержена стрѣлою
 Къ роднымъ мѣстамъ, на землю вновь...
 Вы, роши, выросшія со мною,
 Ты, холмъ, украшенный весною,
 Ручей, журчащій про любовь, —
 Васъ слышала, васъ прежде зрѣла,
 Быть-можетъ, тысячи я разъ;
 На васъ какъ статуя смотрѣла,
 А нынѣ, — понимаю васъ!..

Послѣ выписки наудачу, слѣлаемъ и другую, уже нарочно, чтобы представить читателямъ превосходное описаніе созвѣздіа, благодѣтельному вліанію котораго вѣрнулъ Карлъ XII. Оно находится въ разказѣ о путешествіи Акселя (стр. 31).

Въ глуши лѣсовъ оны днемъ таятъ;
 Но только вечера заря
 Погаснетъ, — въ мглѣ безднуной ночи
 Обычный путь ведетъ оны свой,
 Вперя зорко въ небо очи
 Вслѣдъ за полярною звѣздой,
 Или за небесною Возницей —
 Созвѣздемъ Карлу дорогимъ,
 Чей блескъ всегда на небѣ зрима
 Съ сребристымъ дышломъ въ колесницѣ,
 Съ золотымъ геодезомъ на каждой спицѣ
 Колесъ, кружащихся подъ нимъ.

Мы, можетъ-быть, оказали дурную услугу г. Ознобишину, упомянувъ, что поэтическая его дѣятельность началась давно. Нѣкоторые рецензенты, не знающіе нашей прежней литературы, провѣдаютъ теперь, что онъ писалъ въ то время, когда она еще жила съ народомъ, лепетала «французскія пѣсенки» и пр., и нападутъ на него тѣмъ болѣе, что онъ переводитъ Тегнера, а не принадлежитъ къ числу тѣхъ обличителей, которые могутъ сказать съ самодовольствомъ:

Мы сплетень соръ выносимъ изъ лакейскихъ
И въ закоулкахъ провѣряемъ грязь.

Но мы увѣрены, что г. Ознобишинъ не слишкомъ огорчится подобными отзывами.

Михаилъ Лонгиновъ.

ЭРОНДЕЛЕВО ОБЩЕСТВО ВЪ ЛОНДОНѢ.

Съ недавняго времени начали обращать на себя вниманіе не только знатоковъ искусства, но и большинства европейской образованной публики художественныя изданія и коллекціи одного общества, недавно образовавшагося въ Англии. Въ 1849 году небольшое число художниковъ, литераторовъ и другихъ просвѣщенныхъ людей соединилось въ общество съ намѣреніемъ распространять въ массѣ англійской публики желаніе серьезно изучать великія художественныя произведенія прошлыхъ временъ. Такое изученіе, по мнѣнію учредителей, должно возвысить вкусъ публики, часто увлекаемой ложными направленіями современнаго искусства, и указать ей на вѣчныя цѣли искусства. По обычаю новое общество избрало себѣ патрономъ, отъ котораго и получило свое названіе, графа Томаса Эрондела, знаменитаго знатока искусства и собирателя художественныхъ произведеній въ XVII столѣтіи, который первый умѣлъ возбудить въ Карлѣ I любовь къ искусству, обогатившую англійскіе музеи многими превосходными произведеніями¹.

¹ Этой страсти короля къ собиранію художественныхъ сокровищъ, Англія между прочимъ обязана обладаніемъ картоновъ Рафаэля.

Для достиженія своихъ цѣлей Эрнделеево общество нашло себѣ помощь въ тѣхъ недавнихъ изобрѣтеніяхъ, съ которыми возможно стало съ такимъ успѣхомъ распространять въ публикѣ воспроизведенія знаменитыхъ созданій искусства. Правда, гравюра на мѣди издавна уже служила этой цѣли, и много знаменитыхъ граверовъ содѣйствовали распространенію славныхъ произведеній живописи. Но гравюры вообще цѣнны, и къ тому же большая часть граверовъ выбирали для своего рѣза произведенія времени послѣ-рафаэлевскихъ. Кто изучалъ исторію италіанской живописи до Рафаэля по однимъ гравюрамъ, тотъ, можно сказать, вовсе не знакомъ съ нею. Поэтому Эрнделеево общество прибѣгло къ литографіи, гравюрѣ на деревѣ и преимущественно къ хромолитографіи, искусству, нмѣ столь усовершенствованному и столь удобному для передачи нѣкоторыхъ родовъ живописныхъ произведеній. Опираясь на эти средства воспроизведенія, Эрнделеево общество начертало себѣ спеціальныя планъ для своихъ дѣйствій: оно вознамѣрилось познакомить публику съ тѣми художественными произведеніями, которыя для большей части путешественниковъ трудно доступны по отдаленности мѣстности. Всѣ туристы бывають во Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ; но сколько изъ нихъ бывали въ Ассизи, Кальви, Орвието, Перуджин или Урбино? Даже люди, путешествующіе съ цѣлю изучать произведенія италіанскаго искусства, рѣдко заглядываютъ въ эти мѣстности, лежащія вдалекѣ отъ большихъ дорогъ, и даже въ томъ случаѣ, если побываютъ въ нихъ, посвящаютъ имъ только нѣсколько часовъ. Далѣе, Эрнделеево общество въ особенности обратило свое вниманіе на воспроизведеніе тѣхъ художественныхъ произведеній, которыхъ существованіе или удовлетворительное сохраненіе, вслѣдствіе ли ихъ древности или безпечности мѣстныхъ властей, подвержено опасности. Вотъ почему Эрнделеево общество прежде всего обратило вниманіе на великія произведенія фресковой живописи въ Италіи отъ XIII до XVI вѣка. Ни одна страна новѣйшей Европы не представляла столь обширнаго поприща для художественнаго вандализма, какъ Италія, наслѣдница художественныхъ сокровищъ міра античнаго, міра древне-христіанскаго, среднихъ вѣковъ и блестящей эпохи возрожденія. Было время, когда въ Италіи всѣ сокровища искусства были продажи; когда цѣлыя галереи переѣзжали черезъ Альпы и находили себѣ новую родину въ Германіи, Франціи, Англии и Россіи. Корыстолюбіе и невѣжество италіанскаго духовенства, преимущественно монаховъ, и обиднѣніе аристократическихъ семействъ лишили церкви, монастыри и дворцы лучшихъ и драгоцѣннѣйшихъ украшеній. Можно быть увѣреннымъ, что еслибы въ эти времена представилась воз-

возможность переносить фрески или цѣлыя зданія, то и они перешагнули бы Альпы. Несмотря на строгія запрещенія недавнихъ и нынѣшнихъ правительствъ Италіи, она уже въ послѣдніе годы лишилась собранія старинныхъ картинъ Ломбарди, знаменитой картины Паоло Веронезе *Семейство Дарія у ногъ Александра* и неоцѣнимаго музея маркиза Кампаны.

Впрочемъ, вывозъ художественныхъ произведеній изъ Италіи измѣняетъ лишь мѣсто ихъ находенія, гораздо большаго сожалѣнія заслуживаетъ то пренебреженіе, въ которомъ до сихъ поръ находится тамъ значительная часть произведеній монументальной живописи. Муниципальныя власти не обращаютъ на нихъ никакого вниманія и даже забываютъ ихъ, если имъ не нравится содержаніе, чему примѣръ можно найти въ Ратушѣ (*palazzo pubblico*) города Сіены. Въ стѣнахъ, покрытыхъ старинными и рѣдкими фресками, монахи пробиваютъ двери и окна, чему примѣры показывалъ мнѣ Рамбу, зачертившій въ своемъ альбомѣ выбитыя части. Всему міру извѣстна жалкая участь знаменитой *Тайной Вечери* Леонардо-да-Винчи въ доминиканскомъ монастырѣ S. Maria delle Grazie въ Миланѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ фреска, изображающая тоже Тайную Вечерю и приписываемая Рафаэлю, найдена была во Флоренціи, въ извощичьемъ сараѣ. Фрески Джіорджіоне, Тиціана и Тинторетто, которыми эти великіе живописцы украшали фасады венеціанскихъ дворцовъ, давно погибли. Кой-какіе остатки другихъ фресокъ видны еще на домахъ въ Веронѣ, да въ Сіенѣ еще сохранилось нѣсколько фресокъ знаменитаго Содомы. Иногда и вздумаютъ приступить къ реставраціи подобныхъ произведеній, но добрыя намѣренія приходятъ на умъ властямъ иногда слишкомъ поздно, что и случилось имзною съ превосходными фресками Мантеньи въ церкви Eremitani въ Падуѣ. Иногда для спасенія этихъ неоцѣнимыхъ монументальныхъ произведеній прибѣгаютъ къ страннымъ средствамъ. Такъ напримѣръ во Флоренціи монастырь Св. Марка, въ которомъ большая часть стѣнъ покрыта неоцѣнными фресками Фра Беато Анджелико да-Фьезоле, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ превращенъ въ казармы для австрійскаго гарнизона, охранявшаго пресголь австрійскаго эрцъ-герцога. Чтобы спасти эти фрески отъ своеволія солдатъ, стѣны наглухо заколотили досками, и любители искусства были лишены возможности любоваться ими. Вѣдь погибли же фрески школы Джотто отъ своеволія французскихъ солдатъ въ папскомъ дворцѣ въ Авиньонѣ, тоже превращенномъ въ казармы.

Можно привести много примѣровъ подобнаго запущенія, въ которомъ гибнуть медленною, но вѣрною смертію замѣчательнѣйшія произведенія монументальной живописи въ Италіи. Фрески

Франческо Франчіа, величайшаго изъ старинныхъ болонскихъ живописцевъ, и его ученика Лоренцо Коста изъ Феррары въ капеллѣ Св. Цециліи въ Болоньѣ почти совершенно разрушены, потому что капелла была обращена въ конюшню (для кавалеріи) и солдаты разрушили фрески до той высоты, до которой только могли достать. Одна изъ лучшихъ фрескъ Фра Бартоломео находится въ заброшенномъ сараѣ, во Флоренціи, гдѣ гибнетъ отъ сырости. Въ скоромъ времени въ Спелло погибнуть также фрески Пинтуриккіо, современника Перуджинова и друга Рафаэлева, и та же участь постигаетъ и отчасти уже постигла нѣкоторыя фрески Джованни Санти, отца Рафаэлева, въ Кальи, старинномъ городѣ герцогства Урбинскаго. Къ величайшимъ рѣдкостямъ принадлежатъ фрески Пьетро делла-Франческа. Вазари называетъ его произведенія «слишкомъ прекрасными для его времени». Рафаэль усвоилъ у него инстинктъ свѣто-тѣни. Въ Борго Санъ-Сеполькро есть зала, которую онъ украсилъ фресками. Теперь она служитъ складочнымъ мѣстомъ для ссудной казны (monte di pietà) и наполнена ветошью и всякимъ хламомъ, а такъ какъ окна въ ней всегда закрыты, то туда не проникаетъ ни воздухъ, ни свѣтъ. Одна изъ фрескъ представляетъ воскресеніе Спасителя: она прекрасно сочинена, и рисунокъ отличается благородствомъ. Такими же достоинствами отличается Сновидѣніе Константина Великаго, которому является знаменіе креста. Эти прекрасныя произведенія находятся въ страшномъ пренебреженіи. Когда надъ Сновидѣніемъ Константина пробилъ окно, то разрушили въ половину голову одного изъ пажей, находящихся при императорѣ. Какой-то иностранецъ, присутствовавшій при этомъ актѣ вандализма, сталъ дѣлать замѣчанія каменщикамъ, но они отвѣчали: «Per Vascho! мы напишемъ новую голову!»

На эти-то и подобныя произведенія монументальной живописи въ Италіи обратило свое вниманіе Эрнделево общество; ихъ предприняло оно издавать. Я не стану говорить о высокомъ значеніи ихъ въ исторіи италіанской живописи: оно извѣстно всѣмъ, занимающимся этимъ предметомъ. Картины италіанскихъ художниковъ до временъ Рафаэля, писанныя а tempera или масляными красками (tableaux de chevalet) и находящіяся въ европейскихъ картинныхъ галлерейхъ, не могутъ дать никакого представленія объ обширности мыслей и глубинѣ религіознаго убѣжденія живописцевъ тѣхъ вѣковъ: великое содержаніе италіанской живописи отъ XIII до XVI вѣка можно изучать только на стѣнахъ церквей, монастырей и общественныхъ зданій, на самомъ мѣстѣ, иногда въ отдаленнѣйшихъ углахъ Италіи, вдали отъ большихъ дорогъ, въ глухихъ и трудно доступныхъ мѣстностяхъ. Уже болѣе двѣнадцати лѣтъ дѣйствуетъ Эрнделево общество и испол-

являть свою задачу во многихъ отношеніяхъ весьма удовлетво- рительно. Чего не возможно было бы достигнуть частному лицу, то достигается усиліями общества. Но и Эронделево общество, хотя и составившееся въ странѣ образованной и чрезвычайно богатой, не было бы въ состояніи предпринять что-либо важное, еслибъ его не поддержали одушевленіе къ искусству и щедрость нѣкоторыхъ лицъ, которые принесли Обществу въ жертву свои знанія, время, деньги, труды и сокровища искусства. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ гг. Джонъ Роскинъ, весьма извѣстный въ Англіи писатель объ искусствѣ, преданный искусству среднихъ вѣковъ даже до фанатизма, и Ос- тинъ Леардъ, знаменитый своими открытіями ниневійскихъ дворцовъ, нынѣ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ. По- слѣдній въ особенности много содѣйствовалъ успѣхамъ Обще- ства; онъ путешествовалъ по Италіи съ цѣлію изучить мало- извѣстныя, погибающія и находящіяся въ отдаленныхъ мѣстахъ произведенія италіанской монументальной живописи. Онъ срисовывалъ или поручалъ другимъ копировать эти какъ бы вновь открытыя имъ древнія сокровища искусства, читалъ о нихъ лекціи, печатавшіяся потомъ въ англійскихъ газетахъ, и наконецъ онъ же пишетъ большую часть любо- пытныхъ статей, сопровождающихъ изданія Эронделева общества. Благодаря этимъ энергическимъ усиліямъ, дѣятельность Обще- ства расширяется ежегодно болѣе и болѣе: нынѣ оно считаетъ въ Англіи уже болѣе 400 членовъ, которые вносятъ ежегодно по гинеѣ (7 р. сер.), но за то получаютъ всѣ изданія Общества, стоящія въ торговлѣ втрое дороже. Эронделево общество истра- чиваетъ ежегодно на свои изданія до 4.000 р. сер. Эти изданія начинаютъ проникать и на континентъ: во Франціи свѣдѣнія о нихъ распространяетъ преимущественно извѣстный Дид- ронъ, издатель журнала *Annales archéologiques*. Многія школы рисованія и провинціальныя музеи Франціи сдѣлались членами Общества. Въ Германіи Общество недавно тоже приобрѣло дѣ- тельныхъ агентовъ. У насъ эти изданія находятся въ импера- торской публичной библіотекѣ, а слѣпки съ средневѣковыхъ скульптуръ—въ Академіи художествъ въ С.-Петербургѣ.

Перейдемъ теперь къ обзору изданій Эронделева общества. Прежде всего обратило оно вниманіе на великаго Джотто, истин- наго отца италіанской живописи. Одно изъ самыхъ глубоко- обдуманыхъ и привлекательныхъ его произведеній суть фрески въ небольшой церкви S. Maria dell' Arena въ Падуѣ. Содержание ихъ составляетъ обширный циклъ религіозно-аллегорическаго содержания, и хотя италіанскіе ученые, напримѣръ, маркизъ Сельватико, прілежно изучали ихъ, но сравнительно они мало извѣстны. Общество издало хромофотографированный общій видъ

внутренности этой капеллы, а композиціи Джотто, весьма многочисленныя, передаетъ въ гравюрахъ на деревѣ, которыя по стилю своему суть подражаніе гравюрамъ старинныхъ мастеровъ. Другое, въ высшей степени интересное произведеніе Джотто, есть портретъ его современника и друга, Данте, находящійся въ одной изъ фрескъ, которыми великій живописецъ украсилъ стѣны зданія, именуемаго palazzo del podestà или bargello во Флоренціи. Исторія открытія этихъ фрескъ весьма интересна. Баргелло, а въ томъ числѣ и комната, въ которой находятся фрески Джотто, служилъ въ послѣдніе годы тюрьмою. Зданіе внутри было перекрашиваемо нѣсколько разъ, и фрески Джотто были забѣлены. Одинъ англійскій туристъ, г. Сеймуръ Керкупъ, прилежно читавшій Вазари (біографіи живописцевъ), и убѣжденный, что на стѣнахъ Баргелло непременно отыщется неизвѣстные до тѣхъ поръ фрески Джотто, проникъ съ трудомъ въ это зданіе и въ самомъ дѣлѣ въ 1841 году имѣлъ счастье открыть фрески. Онѣ находятся въ очень испорченномъ состояніи, въ чемъ я убѣдился лично. Въ числѣ другихъ знаменитыхъ лицъ живописецъ изобразилъ Данте, въ юныхъ лѣтахъ, съ розой въ рукахъ. Тотчасъ послѣ открытія этотъ подлинный портретъ постигла весьма странная участь. Когда стали очищать его отъ лежавшихъ на немъ слоевъ стѣнной окраски, то оказалось, что гвоздь былъ вбитъ въ глазъ поэта. Великій герцогъ тосканскій приказалъ какому-то живописцу написать ему новый глазъ. Но чтобы старыя краски лица Данте находились въ гармоніи съ новымъ глазомъ, живописецъ, по обычаю всѣхъ реставраторовъ, реставрировалъ и все лицо. Къ несчастію, на Данте былъ красный баретъ и зеленая одежда, а такъ какъ это цвѣта единой Италіи, то австрійскій эрцгерцогъ приказалъ перекрасить ихъ въ шоколадный, ни для кого не обидный. Эрндеделово общество издало этотъ любопытный портретъ, но съ рисунка, снятаго до его реставраціи и принадлежащаго лорду Вернону.

Столь же важны и любопытны другія копія съ мало-извѣстныхъ италіанскихъ фресокъ, изданныя до сихъ поръ Эрндеделовымъ обществомъ. Таковы: копія съ фрески Оттавіано Нелли (одного изъ главныхъ основателей умбрійской школы), находящейся въ церкви S. Maria nuova, въ Губбію, древней столицѣ Умбріи; копія съ фрески Пинтуриккіо: *Христосъ по среди учителей*, въ соборѣ города Спелло, въ которой весьма разнообразны и интересны костюмы еврейскихъ учителей; того же живописца: *Рождество Спасителя*, фреска, тамъ же находящаяся. Къ самымъ любопытнымъ памятникамъ принадлежитъ фреска Джованни Сантѣ, отца Рафаэлева, изображающая Божію Матерь съ Младен-

цемъ Спасителемъ, окруженную двумя ангелами и четырьмя святыми. Голова одного изъ ангеловъ—портретъ Рафаэля ребенка. Эта фреска находится въ церкви Св. Доминика въ Кальви. Эронделево общество познакомило насъ также и съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній учителя Рафаэлева—Пьетро Перуджино: *Мучение Св. Себастьяна*, которое находится въ Паникале. Наконецъ, еще большею извѣстностію пользуются два произведенія, недавно изданныя Эронделевымъ обществомъ, а именно: *Божія Матерь съ младенцемъ-Спасителемъ и ктиторомъ*, фреска Леонардо да-Винчи въ монастырѣ Св. Онуфрія въ Римѣ, и *Погребеніе Св. Екатерины*, фреска Луини, которая нынѣ сохраняется въ галереѣ Брера въ Миланѣ, и съ которой снята въ послѣднемъ городѣ фотография.

Смутныя политическія обстоятельства Италіи въ послѣдніе годы и постепенная гибель ея лучшихъ художественныхъ произведеній, внушили Эронделеву обществу мысль—собрать фондъ для немедленнаго копирования тѣхъ произведеній живописи, которымъ грозитъ скорое разрушеніе, чтобы хотя посредствомъ гравюры или хромофотографіи сохранить ихъ для потомства. Фондъ этотъ уже довольно значителенъ.

Въ заключеніе должно указать на одно изъ важнѣйшихъ предпріятій Эронделева общества. Чтобы познакомить публику съ полною исторіей развитія средневѣковой скульптуры, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанской эры до XVI вѣка, Общество издало собраніе слѣпковъ, приготовленныхъ изъ особой массы и снятыхъ съ скульптуръ слоновой кости, сохранившихся отъ этихъ эпохъ. Ни въ одной вѣтви скульптуры нельзя съ такою полнотою и въ такомъ обширномъ объемѣ прослѣдить исторію этого развитія, какъ въ скульптурахъ изъ слоновой кости. Памятники скульптуры изъ мрамора или камня отъ V до XI вѣка сохранились въ очень незначительномъ числѣ; а византійская скульптура извѣстна почти исключительно по произведеніямъ изъ слоновой кости. Скульптуры изъ этого матеріала представляютъ непрерывный рядъ памятниковъ, по которымъ можно изучитъ всѣ варіаціи ваятельнаго стили въ средніе вѣка. Коллекція Эронделева общества состоитъ изъ 14 серій; а число всѣхъ слѣпковъ, начинающихся языческими диптихами (складными), простирается до 117. Образцы различныхъ стилей въ разныя времена выбраны съ умѣньемъ; собиратели руководились лучшими сочиненіями объ этомъ предметѣ. Это единственное въ своемъ родѣ собраніе, необходимое въ каждомъ музеѣ, продается членамъ Общества по уменьшенной цѣнѣ.

К. Герцъ.

ОПТИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ.

(Последнія открытія Бунсена и Киргофа.)

Въ одномъ изъ недавнихъ №№ *Современной Литературы* было сообщено краткое извѣстіе объ изслѣдованіяхъ нѣмецкихъ химиковъ, Бунсена и Киргофа, открывающихъ новую эру въ аналитической химіи. Предлагаемъ здѣсь болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, пользуясь отчетомъ Лондонскаго королевскаго общества.

На основаніи этихъ открытій, можно опредѣлить теперь составъ коры земной съ такою точностью, до какой химіи еще не доходили. Эти открытія показали намъ также, что химическіе элементы, считавшіеся до сихъ поръ въ числѣ весьма рѣдкихъ, на самомъ дѣлѣ обильно распространены по землѣ. Важность этихъ открытій дѣлается еще болѣе очевидною и пріобрѣтаетъ новое значеніе, когда мы слышимъ, что заключенія, къ которымъ они ведутъ, оставляютъ за собою самыя предѣлы нашей планеты, и даютъ намъ возможность опредѣлить присутствіе нѣкоторыхъ, хорошо извѣстныхъ на этой землѣ веществъ, какъ напримѣръ, желѣза, натрія, калия, въ составѣ солнца.

Извѣстные цвѣта, сообщаемые пламени нѣкоторыми тѣлами при горѣніи, уже давно употреблялись какъ одна изъ химическихъ пробъ ихъ присутствія. Такъ, напримѣръ, было извѣстно, что сода сообщаетъ желтый цвѣтъ пламени, поташъ фиолетовый, стронцій—яркій малиновый, барій—зеленый, и такъ далѣе. Причина этого явленія состоитъ въ томъ, что всѣ эти тѣла летучи; они даютъ отъ себя паръ въ возвышенной температурѣ пламени, и этотъ паръ, воспламеняясь, принимаетъ свой извѣстный цвѣтъ. Если мы станемъ нагрѣвать кусокъ платиновой проволоки въ легкомъ пламени, то въ цвѣтъ его не произойдетъ нисколько перемѣны, потому что платина не испаряется при низкой температурѣ. Факты эти, какъ мы сказали, были давно уже извѣстны и замѣчены, но Бунсенъ и Киргофъ первые представили это прекрасное явленіе въ его настоящемъ свѣтѣ и приложили къ нему современный методъ изслѣдованія, открывъ такимъ образомъ новое обширное поле для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Эту трудную работу они выполнили съ удивительнымъ совершенствомъ, изслѣдовавъ окрашенное пламя посредствомъ

призмы и разложивъ, такимъ образомъ, свѣтъ, производимый воспламененнымъ паромъ различныхъ металловъ. Если мы пропустимъ бѣлый солнечный свѣтъ сквозь призму, то получимъ солнечный призматическій спектръ, открытый Ньютономъ, хорошо знакомый всѣмъ изучавшимъ физику. Теперь, если вмѣсто солнечнаго свѣта, мы употребимъ для той же цѣли желтый свѣтъ, получаемый отъ пламени соды, мы увидимъ призматическій спектръ соды, въ которомъ всѣ радужные цвѣта солнечнаго призматическаго спектра будутъ замѣнены одною яркою желтою линіей. Это показываетъ намъ, что сода имѣетъ только одинъ извѣстный свѣтъ, то-есть, что желтое пламя соды заключаетъ въ себѣ только свѣтъ одного рода. Подобнымъ же образомъ, изслѣдуя посредствомъ призмы пламя, производимое другими металлами, мы найдемъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой призматическій спектръ, съ особеннымъ систематическимъ распределеніемъ линій. Аппаратъ, посредствомъ котораго мы можемъ получить эти призматическіе спектры различныхъ металловъ, весьма простъ. Онъ состоитъ изъ призмы, вставленной въ черный футляръ, съ каждой стороны которой находится по телескопу. На мѣстѣ глазной трубки перваго телескопа укрѣпленъ кружокъ съ продолговатымъ отверстіемъ, которое совпадаетъ съ фокусомъ предметнаго стекла. Отраженное пламя находится передъ этимъ отверстіемъ, и если мы будемъ смотрѣть въ другой телескопъ, то мы увидимъ, поставивъ призму въ настоящее положеніе, призматическій спектръ вещества, нагрѣваемаго въ пламени.

Чтобъ объяснить это новое приложение пламени, предположимъ, что намъ дана смѣсь двухъ солей калия и содія, содержащая двадцать частей калия и одну часть содія. Если мы станемъ нагрѣвать эту смѣсь прямо въ пламени, то мы не увидимъ въ немъ почти никакихъ признаковъ присутствія калия. Въ этомъ случаѣ сода поглощаетъ въ своемъ яркомъ желтомъ цвѣтѣ, болѣе слабый цвѣтъ калия, несмотря на то, что пропорція его въ двадцать разъ превышаетъ пропорцію первой. Но если мы посмотримъ на это же самое пламя сквозь призму, то увидимъ совершенно отдѣльные призматическіе спектры содія и калия. Содій будетъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ мы увидимъ только его яркую желтую линію, но возлѣ его мы въ состояніи будемъ различить съ такою же ясностію и призматическій спектръ калия. То же самое бываетъ со смѣсями всѣхъ металлическихъ солей, и во всѣхъ случаяхъ мы ясно видимъ ихъ соответствующіе призматическіе спектры, которые дѣлятся, такимъ образомъ, самымъ вѣрнымъ признакомъ присутствія этихъ металловъ. Такъ желтая линія есть несомнѣнное доказа-

тельство присутствія содія, красная—присутствія стронція, фіолетовая—калія и т. д.

Чтобы показать все превосходство анализа этого рода, мы должны упомянуть, что для опредѣленія присутствія вышепомянутыхъ алкалическихъ металловъ, посредствомъ обыкновеннаго процесса химическаго анализа, химику нужно было бы употребить отъ двухъ до трехъ часовъ, и послѣ того онъ не могъ бытъ еще совершенно увѣренъ въ точности своихъ результатовъ, особенно если вещества эти входили въ составъ изслѣдуемой смѣси въ весьма малыхъ пропорціяхъ. Вотъ что говоритъ Бунсенъ объ этомъ предметѣ въ своемъ интересномъ мемуарѣ: «Смѣсь хлорнаго содія, калия, кальція, литія, стронція и барія, содержащая не болѣе одной десятитысячной части грана каждой изъ этихъ солей, была подвержена дѣйствию пламени и происшедшіе призматическіе спектры была наблюдаемы. Въ началѣ появилась яркая, желтая линія содія на фонѣ, состоящемъ изъ неопредѣленнаго призматическаго спектра блѣднаго цвѣта. Какъ скоро эта линія начала исчезать, была замѣчена яркая, красная линія литія, и еще далѣе отъ нея находилась слабая, красная линія калия, между тѣмъ какъ двѣ характеристическія линіи барія были видны въ другомъ мѣстѣ. По мѣрѣ того, какъ соли калия, содія, литія и барія испарялись, ихъ призматическіе спектры становились блѣднѣе и блѣднѣе и ихъ характеристическія линіи начинали исчезать одна за другой, между тѣмъ какъ три линіи стронція дѣлались мало-по-малу замѣтными и, подобно туманной картинѣ, достигли наконецъ высокой степени отчетливости и яркости краски. Черезъ нѣсколько времени, онѣ также начали блѣднѣть; и наконецъ исчезли совершенно.»

Такимъ образомъ, мы теперь въ подмунуты можемъ получить результаты, которые при старой методѣ анализа, потребовали бы по крайней мѣрѣ трехъ часовъ пристальной работы. Но это еще не единственное приложение открытія; оно не только даетъ намъ возможность сдѣлать легко и скоро то, что было соединено съ трудностями при употребленіи стараго способа, но и ведетъ къ изслѣдованіямъ, совершенно недоступнымъ послѣднему. Мы можемъ опредѣлить посредствомъ этой методы, вещества въ количествахъ, недоступныхъ воображенію по своей малости. Такъ, Бунсенъ опредѣлялъ присутствіе $\frac{1}{180.000.000}$ грана соды. Это число кажется почти неслѣпостью. Сода всегда находится въ воздухѣ. Всѣ тѣла, находящіяся въ немъ, даютъ призматическій спектръ соды. Если мы станемъ трести пыльную книгу надъ пламенемъ, мы увидимъ признаки соды. Если мы оставимъ платиновую проволоку часа на два въ воздухѣ, она также сообщитъ пламени желтый цвѣтъ соды.

$\frac{1}{6.000.000}$ грана литія также можетъ быть легко признана посредствомъ этого способа. Литій до настоящаго времени былъ найденъ только въ четырехъ минералахъ. Оптическій анализъ показываетъ намъ теперь, что это одно изъ самыхъ обильно-распространенныхъ веществъ. Оно находится почти во всѣхъ породахъ, въ каждахъ трехкубическихъ дюймахъ морской и рѣчной воды; въ пеплѣ большей части растений, въ человѣческой крови и фибринѣ. Одинъ изъ опытовъ Бунсена—онъ особенно любитъ показывать его—состоитъ въ томъ, что онъ кладетъ въ пламя конецъ своей сигары, и, смотря на него сквозь призму, вы ясно видите призматическій спектръ литія, состоящій изъ одной красной линіи.

Наблюдая, посредствомъ этого аппарата призматическій спектръ щелочей, получаемыхъ изъ нѣкоторыхъ минеральныхъ водъ Германіи, Бунсенъ замѣтилъ двѣ ярко-голубыя линіи, которыхъ не было ни въ одномъ изъ прежде-изслѣдованныхъ имъ призматическихъ спектровъ этихъ веществъ. Онъ заключилъ, что этотъ призматическій спектръ принадлежитъ какому-нибудь новому алкалическому металлу. Послѣдующія разсканія подтвердили его предположеніе. Бунсенъ нашелъ этотъ неизвѣстный металлъ и отделилъ его отъ соединенныхъ съ нимъ щелочей, хотя для полученія количества не болѣе полунаперстка, неутомимый ученый долженъ былъ выпарить до четырехъ тоннъ воды. Этотъ новый металлъ сообщаетъ пламени яркій фіолетовый цвѣтъ; его призматическій спектръ состоитъ изъ двухъ голубыхъ линій. По своимъ отличительнымъ свойствамъ онъ походитъ на калий. Бунсенъ назвалъ его *цезіемъ* отъ латинскаго слова «caesius» сѣро-голубой. Вотъ что говоритъ Бунсенъ, по прошествіи только нѣсколькихъ недѣль послѣ этого открытія, въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей: «Вещество, которое я послалъ вамъ, подъ именемъ нечистой виннокаменной окиси цезія, содержитъ еще новый алкалическій металлъ. Въ настоящее время, я занятъ приготовленіемъ его солей, но скорѣ я буду въ состояніи сообщить вамъ болѣе подробное описаніе его.» Этого, мы полагаемъ, будетъ достаточно, чтобы дать понятіе о томъ, какихъ результатовъ мы можемъ ожидать отъ этой новой части анализа. Если только при изслѣдованіи щелочей одной минеральной воды было открыто два новыхъ вещества, то сколько металловъ еще ожидаютъ изслѣдованія?

Что этотъ самый методъ изслѣдованія можетъ быть приложенъ ко всѣмъ металлическимъ элементамъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно. Выше упомянуто, что платиновая проволока, при нагреваніи въ пламени, не даетъ особеннаго призматическаго спектра, потому что платина недовольно летуча. Но если мы возьмемъ температуру достаточно, чтобы получить воспламенен-

ный паръ платины, мы тогда увидимъ ея характеристическій призматическій спектръ. Киргофъ утверждаетъ, что самыя рѣдкіе металлы, напримѣръ, эрбій и тербій, которые почти никогда не попадаются химикъ, могутъ быть признаны посредствомъ оптическаго анализа. Бунсенъ и Киргофъ въ настоящее время заняты опытами, цѣль которыхъ сдѣлать этотъ методъ разсканія удобо-приложимымъ ко всѣмъ металламъ. Всѣ дальнѣйшія разсужденія будутъ еще преждевременны.

Теперь мы обратимся къ другой части этого открытія, именно, къ заключеніямъ относительно состава солнечной атмосферы, которая была результатомъ вышеприведенныхъ наблюдений. Выше мы показали какъ очевидна важность ихъ, въ расширенія нашего знанія земной коры. Мы видѣли, что они доказываютъ обильное распредѣленіе по землѣ веществъ, считавшихся до сихъ поръ рѣдкими, и что при ихъ помощи были открыты новыя, до сихъ поръ неизвѣстные элементы. Но при всемъ томъ, врядъ ли читатель будетъ въ состояніи ясно представить себѣ, какое отношеніе эти наблюденія имѣютъ къ солнцу, и какимъ образомъ эти опыты могутъ привести насъ къ заключенію о присутствіи желѣза, магnezія, никеля, калия и проч. въ составѣ солнца. Мы постараемся, какъ возможно кратче, отвѣтить на эти вопросы, и показать читателю, что присутствіе желѣза, магnezія, калия и проч. въ составѣ солнца теперь такой же фактъ какъ и присутствіе этихъ веществъ въ земной корѣ.

Мы неизмѣнно замѣчаемъ въ солнечномъ призматическомъ спектрѣ множество темныхъ линій. Онѣ были прозваны «фрауэнгоферовыми линіями», по имени ихъ перваго наблюдателя. Что показываютъ эти линіи? Они показываютъ намъ отсутствіе въ солнечномъ свѣтѣ нѣсколькихъ лучей, и такъ какъ эти черныя линіи сохраняютъ всегда одно и то же положеніе, то это отсутствіе нѣсколькихъ лучей въ солнечномъ свѣтѣ должно быть постояннымъ. Во всю длину солнечнаго призматическаго спектра, начиная отъ красной до фиолетовой полосы, мы всегда видимъ тысячи этихъ темныхъ линій, которыя, мы должны помнить, составляютъ отличительный признакъ только одного солнечнаго свѣта, потому что свѣтъ другихъ небесныхъ тѣлъ и неподвижныхъ звѣздъ не походитъ на солнечный свѣтъ. И въ ихъ призматическихъ спектрахъ могутъ быть темныя линіи, но онѣ не имѣютъ сходства, по своему расположенію и характеру, съ фрауэнгоферовыми линіями солнечнаго спектра.

Отчего происходятъ эти черныя линіи въ солнечномъ свѣтѣ? Разрѣшеніе этого вопроса Киргофомъ повело къ заключенію о составѣ солнечной атмосферы. Для большей ясности мы

представимъ отдѣльно главные пункты открытія и покажемъ отношеніе, существующее между ними:

1) Солнечный призматическій спектр неизмѣнно содержитъ въ себѣ неопредѣленныя черныя линіи, называемыя «фраунгоферовыми линіями».

2) Призматическіе спектры, производимые воспламененнымъ паромъ разныхъ металловъ, заключаютъ въ себѣ особенныя свѣтлыя линіи, отличныя въ каждомъ изъ нихъ. Послѣднія наблюденія показали, что каждая изъ этихъ свѣтлыхъ линій, производимыхъ известными металлами, — какъ напримѣръ, содіемъ, кальемъ, магниемъ, желѣзомъ, совершенно совпадаетъ съ соответствующею темною линіею солнечнаго призматическаго спектра. Если мы будемъ смотрѣть на солнечный призматическій спектръ, и направимъ въ то же время на него, сквозь призму, лучъ пламени содіа, то мы увидимъ, что желтая линія призматическаго спектра этого металла совпадаетъ точка въ точку съ одною изъ темныхъ солнечныхъ линій. Возьмемъ какой-нибудь другой металлъ, напримѣръ, желѣзо, призматическій спектръ котораго заключаетъ въ себѣ множество свѣтлыхъ линій различной степени яркости и тонкихъ какъ нить паутины; если мы покроемъ солнечный спектръ призматическимъ спектромъ желѣза, то мы увидимъ, подъ каждою свѣтлою линіею послѣдняго, соответствующую темную линію въ первомъ. Изъ этого мы съ полною увѣренностью заключаемъ, что какое-нибудь соотношеніе должно существовать между темными солнечными линіями и свѣтлыми линіями металла. Постараемся объяснить это соотношеніе.

Каждая изъ темныхъ линій солнечнаго призматическаго спектра происходитъ оттого, что въ атмосферѣ солнца присутствуетъ воспламененный паръ того металла, призматическій спектръ котораго заключаетъ соответствующую ей свѣтлую линію. Возьмемъ для примѣра содіи. На какомъ основаніи мы заключаемъ, что этотъ металлъ находится въ солнечной атмосферѣ? Воспламененный паръ содіа одного цвѣта; въ призматическомъ спектрѣ содіа мы также видимъ только двѣ яркія желтыя линіи. Эта двойная желтая линія вполне совпадаетъ съ двойною черною линіею Фраунгофера въ солнечномъ призматическомъ спектрѣ, которую для краткости назовемъ D. То же самое бываетъ съ другими металлами, призматическіе спектры которыхъ заключаютъ въ себѣ не одну, подобно содію, а нѣсколько сотъ линій. Спектръ друммондова свѣта не заключаетъ въ себѣ черныхъ линій. Но если между призмою и друммондовымъ свѣтомъ будетъ находиться пламя соды, то мы увидимъ двойную темную линію. Эта послѣдняя совершенно одинакова съ вышеупомянутою линіею D, которую мы находимъ въ солнечномъ свѣгѣ. Если вмѣсто друммондова свѣта, мы пропустимъ солнечный лучъ сквозь пламя со-

ды, то темная линия D будетъ гораздо замѣтнѣе той, которую мы получимъ, направивъ солнечный лучъ прямо на призму. Пламя соды слѣдовательно поглощаетъ однородный съ нимъ цвѣтъ, и не пропускаетъ желтыхъ лучей D. Изъ этого мы заключаемъ, что воспламененный паръ соды въ атмосферѣ солнца, долженъ быть причиною существованія двойной темной линіи D въ солнечномъ призматическомъ спектрѣ, потому что свѣтъ внутренняго ядра солнца не заключаетъ въ себѣ такой линіи. Это послѣднее обстоятельство подтверждается упомянутымъ опытомъ съ друммондовымъ свѣтомъ, посредствомъ котораго мы можемъ произвести родъ искусственнаго солнечнаго свѣта. Подобнымъ же образомъ было доказано присутствіе желѣза, магnezія, никкеля и хрома въ солнечной атмосферѣ.

Чтобы сдѣлать то же объясненіе болѣе понятнымъ, мы приведемъ мнѣніе самого Киргофа. Онъ замѣтилъ, что паръ соды не пропускаетъ свѣтъ желтаго пламени того же металла. И его теорія, что внутреннее свѣтоносное ядро солнца окружено пылающею газообразною атмосферой. «Еслибы мы могли видѣть,» говоритъ Киргофъ, призматическій спектръ одной солнечной атмосферы, то замѣчаемая теперь темная линія — эти отличительные признаки разныхъ металловъ, входящихъ въ ея составъ, — показались бы намъ свѣтлыми. Болѣе сильный свѣтъ внутренняго ядра солнца препятствуетъ совершенному явленію призматическаго спектра его атмосферы. Согласно съ открытымъ мною закономъ, этотъ призматическій спектръ виденъ наизворотъ; такъ что вмѣсто свѣтлыхъ линій, которыя были бы замѣтны въ отдѣльномъ спектрѣ солнечной атмосферы, являются темная линія. Мы видимъ не призматическій спектръ солнечной атмосферы, а отрицательное изображеніе его. Но оно все-таки даетъ намъ возможность опредѣлить съ одинаковою вѣрностью присутствіе нѣкоторыхъ металловъ въ солнечной атмосферѣ. Для такихъ изслѣдованій намъ нужно лишь точное знаніе солнечнаго призматическаго спектра и спектровъ каждаго изъ металловъ.»

Въ настоящее время Киргофъ занятъ этими наблюденіями; онъ уже замѣтилъ въ солнечномъ призматическомъ спектрѣ до семидесяти линій, происходящихъ отъ желѣза. Многія другія линія, доказывающія присутствіе никкеля, калия, хрома и соды въ солнечной атмосферѣ были также замѣчены. Но, съ другой стороны, мы видимъ, что свѣтлыя линія призматическихъ спектровъ нѣкоторыхъ другихъ металловъ не имѣютъ соответствующихъ темныхъ линій въ солнечномъ спектрѣ; изъ этого, разумѣется, испытатель выводитъ, что такіе металлы, какъ напримѣръ, золото, серебро, мѣдь, олово, антимоній и проч., не входятъ въ составъ солнечной атмосферы.

ВИДЫ НА ENTENTE CORDIALE

СЪ СОВРЕМЕННОМЪ.

Ночтенный редакторъ *Современника*, въ своихъ *Полемическихъ Красотахъ* (*Современникъ* № 6), изъявлялъ надежду, что когда-нибудь наступитъ очередь такихъ вопросовъ, по которымъ его журналъ можетъ дѣйствовать съ нами за одно. Тонъ статьи, гдѣ надежда эта была высказана, и многое, что въ этой статьѣ содержалось, также многое, чѣмъ она была обставлена въ книжкѣ, не очень убѣдительно говорили въ пользу этой надежды. Долгъ вѣжливости, однако, побуждалъ насъ упомянуть о добромъ желаніи журнала, съ которымъ до сихъ поръ мы не имѣли ничего общаго. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы также побуждаемся поближе всмотрѣться въ политику державы, предлагающей намъ свой союзъ. Въ этомъ интересѣ прочли мы вторую коллекцію *Полемическихъ Красотъ* въ *Современникѣ* (№ 7), и считаемъ своею обязанностью высказать внушенная этимъ чтеніемъ замѣчанія.

Одинъ изъ министровъ этой державы, повидимому первенствующій, говоря отъ своего имени и за все свое правительство, обращается къ *Отечественнымъ Запискамъ*, или, по его выраженію, «развлекается» ими. Это все тотъ же г. Чернышевскій. Послѣ нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ для него событій, онъ захотѣлъ поправить себя во мнѣніи своей страны и заглушить невыгодное впечатлѣніе полемическимъ громомъ. Побужденіе весьма естественное. Однако совершенно ли такъ надобно поступать, какъ поступаетъ онъ, чтобы возстановить себя во мнѣніи порядочныхъ людей,—потому что только во мнѣніи такихъ людей приятно занимать хорошее мѣсто?

I.

Г. Чернышевскій прежде всего произноситъ общій приговоръ объ *Отечественныхъ Запискахъ*. Онъ объясняетъ, что это журналъ ничтожный, безхарактерный, издаваемый неспособною рукой, сшивокъ нѣсколькихъ журнальцевъ. Хорошо ли это? У него съ *Отече-*

стивными *Замисками* были нѣкоторые опредѣленные вопросы для препирательства: зачѣмъ же онъ не ограничился этимъ? Зачѣмъ онъ пустился въ общіе отзывы о редакціи этого журнала. Или онъ думалъ подкрѣпить этимъ свое мнѣніе относительно спорныхъ вопросовъ? Но неужели ему не извѣстно, что всякое доказательство только портится, когда къ нему присоединяются посторонніе элементы?

Чѣмъ долѣе, тѣмъ хуже. Онъ обругалъ въ глаза, настоящимъ образомъ обругалъ не какихъ-нибудь зуавовъ или *chasseurs d'Afrique*, а гг. Альбертини, Буслаева, Громеку, Дудышкина. Онъ счелъ нужнымъ обругать ихъ не за то, что они высказывали какія-нибудь дурныя или ошибочныя мысли, не за какіе-нибудь общіе интересы, а за то, что они осмѣлились задѣть его лично. Г. Альбертини выгоднаго мнѣнія о Кавурѣ; г. Чернышевскій и К^о — невыгоднаго. Но не за это г. Альбертини обруганъ, потому что то же самое мнѣніе высказывалось и въ другихъ журналахъ. Онъ обруганъ именно за то, что позволилъ себѣ противорѣчить *Современнику*. По этому поводу, сдѣланы выводы о неблагонадежныхъ свойствахъ его нравственнаго характера. Г. Буслаевъ представленъ человѣкомъ, хотя и добродушнымъ, но лишеннымъ разсудка, потому что позволилъ себѣ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе противъ критики *Современника*. Также поступлено съ г. Громекой и съ г. Дудышкинымъ. Всѣ они порознь и вмѣстѣ обруганы напрямки и поставлены ниже всякой умственной или нравственной величины, чуть ли даже не ниже Кавура. Но этого мало. Г. Чернышевскій привелъ споръ къ первобытной формѣ: вы глупы и дурны, а я уменъ и хорошъ. Не то, чтобы г. Чернышевскій побуждалъ читателей придти къ такому заключенію; не то, чтобы изложеніе дѣла производило у него такое впечатлѣніе на читателей, — къ сожалѣнію, такого впечатлѣнія не выходитъ, — нѣтъ, онъ самъ говоритъ: вы глупы, а я уменъ. Положимъ, что такъ; но какъ же ему самому-то это говорить? Хотя бы онъ развивалъ только первую половину своего тезиса, а вторую оставилъ читателямъ. Положимъ, что онъ нисколько не ошибается въ чувствѣ собственнаго достоинства и въ ничтожествѣ своихъ противниковъ; положимъ, что сравнить ихъ съ нимъ значитъ ихъ уничтожить; но онъ ошибся, думая, что это сравненіе прилично сдѣлать ему самому. Онъ ошибся, и ошибка его, во мнѣніи порядочныхъ людей, весьма не маловажна, тѣмъ болѣе что она вмѣстѣ и умственнаго, и нравственнаго свойства. Вотъ почему вопросы серіозные, которые разчитываются не на публику гимназій и кадетскихъ корпусовъ, а на людей сколько-нибудь мыслящихъ, должны остерегаться въ выборѣ себѣ поборниковъ.

Г. Чернышевскій писалъ свою статью съ помощью всѣхъ страгемъ литературной полемики. При гомерической откровенности, она еще одобрена разными приносами. Гдѣ покажется нужнымъ, авторъ беретъ тонъ русскаго національнаго юродства. Гдѣ нужно, онъ, на иностранный манеръ, блестящими силлогизмами, на которые такой мастеръ, вдругъ зайдетъ съ тыла своему противнику и захочетъ, воображая себѣ его оторопѣлый видъ. Онъ не только наноситъ противнику удары, но и самъ предупредительно испускаетъ за него раздражающій вопль боли. Онъ объявляетъ, что г. Альбертини не зналъ куда дѣться отъ тоски, когда слышалъ, что въ *Современникѣ* собирается гроза противъ *Отечественныхъ Записокъ*. «Боязнь, говоритъ онъ, моего заслуженнаго сарказма конечно заставляла его въ эти послѣднія недѣли припоинать съ раскаяніемъ тѣ выходы противъ *Современника*, до которыхъ унижался онъ. Я увѣренъ, что въ таже-ломъ ожиданіи этой моей статьи, онъ внутренно проклиналъ чужія внушенія, которыя подвели его подъ удары, грозившіе ему, по его мнѣнію.» Однако, онъ успокоиваетъ бѣднаго г. Альбертини; онъ говоритъ, что ему жаль наказывать его; онъ обѣщаетъ ему снисходительность; онъ только предостерегаетъ его, «чтобъ онъ не спѣшилъ впередъ спорить какимъ бы то ни было тономъ—*срубымъ ли, деликатнымъ ли*,—съ людьми, которые гораздо лучше его знаютъ, что говорятъ, почему и зачѣмъ говорятъ. Не при-вода его непрямичныхъ выраженій, чтобы не позорить публично челоуѣка, уже стыдящагося въ душѣ, я возьму.... и т. д. Это конечно забавно, и если редакторъ *Современника* имѣлъ въ виду посмѣшить публику, то онъ достигъ своей цѣли и можетъ-быть болѣе чѣмъ сколько нужно, потому что, какъ надобно думать, и самъ г. Альбертини смѣялся не менѣе другихъ. Зрители смѣются, не смѣшно только самому потѣшнику, занятому выдѣлкою шутокъ; на душѣ у него даже мрачно, какъ можно видѣть изъ другихъ словъ, которыя неволью вырываются у него, хотя онъ и обѣщалъ пощадить свою жертву. Онъ находитъ, что г. Альбертини можетъ поступать хорошо, только живя въ обществѣ благородныхъ людей; но если онъ попадетъ въ общество не такихъ людей, то и самъ дѣлается не такой. Это уже суровое слово, свидѣтельствующее о мрачномъ настроеніи духа. Г. Альбертини былъ прежде окруженъ благородными людьми, а потому и дѣйствовалъ хорошо; теперь г. Альбертини поступаетъ не хорошо, онъ окруженъ теперь людьми совсѣмъ другаго сорта. Г. Альбертини, какъ известно, участвуетъ теперь въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Всѣмъ известно, кѣмъ окруженъ г. Альбертини. Онъ поступаетъ теперь не хорошо: публикѣ предоставляется вы-

вести заключеніе, что онъ былъ бы иной человекъ, еслибы попалъ въ общество *Современника*. Однако публика можетъ придти въ большое недоумѣніе при рѣшеніи такой щекотливой тажбы. Почему она знаетъ кто изъ васъ благороденъ или неблагороденъ? Г. Альбертини, пользуясь вашимъ примѣромъ, можетъ обратиться къ кому-нибудь изъ господъ, печатающихъ свои статьи въ вашемъ журналѣ, и сказать, подражая вамъ: «Милое дитя! У васъ нетвердый характеръ! а потому остерегайтесь общества гг. Некрасова, Чернышевскаго, и пр.» Чтò тутъ дѣлать публикѣ? какъ ей разбирать? Почему она знаетъ, у кого изъ васъ какой характеръ? Она можетъ знать ваши статьи, но не судья въ вашихъ домашнихъ счетахъ. Если же вы непременно добиваетесь ея суда, такъ по крайней мѣрѣ дайте факты. Или вы думаете, что Россія вскочитъ какъ одинъ человекъ, слышавъ имена гг. Чернышевскаго, Некрасова и др. и воскликнетъ: «благородные люди!»

Вы скажете, что г. Альбертини самъ не скупился на рѣзкія выраженія въ своей полемикѣ противъ васъ. Но вы не вслите ему возражать и деликатнымъ тономъ; значить, это все равно. Во всякомъ случаѣ, онъ, въ сравненіи съ вами, обрѣтается въ авантажъ. Положимъ, что онъ былъ несправедливъ и непозволительно рѣзокъ; но онъ спорилъ съ вами о предметѣ постороннемъ, не о себѣ. Онъ спорилъ съ вами о Кавурѣ; а вѣдь это для русскихъ журналистовъ почти метафизика. Чтò такое Кавуръ для васъ, и чтò такое Кавуръ для г. Альбертини?

•И что ему Гекуба!»

Г. Альбертини виноватъ только тѣмъ, что принялъ ваши статьи за дѣло серіозное. Онъ не догадался, что вы развлекаетесь невинною игрою въ *Гарибальди* и *Кавура*.

Кавуръ былъ не въ ладахъ съ *Гарибальди*; онъ былъ въ непримиримой враждѣ съ клерикалами, съ Австрійцами, съ партией *Мадзини*, и вотъ вы, увлекаясь шалостью своей фантазіи, вообразили, что и вы тутъ замѣшаны, что вамъ непременно слѣдуетъ «тузить» и «топтать въ грязь» *Кавура*, вмѣстѣ съ г. *Кокоревымъ*. Содержаніе и цвѣтъ вашихъ пасквилей на *Кавура* замислованы изъ дѣйствительныхъ памфлетовъ, которые писались его врагами, а враговъ у него было довольно. Вы переложили эти памфлеты на русскіе нравы и дополнили ихъ красотами собственнаго издѣлія. Зачѣмъ вы это дѣлали? Когда какой-нибудь мадзинистъ осыпалъ ругательствами *Кавура* и пользовался всѣми его ошибками, недостатками и слабостями, чтобы подорвать его кредитъ въ

Италіи или въ Европѣ, онъ имѣлъ практическую цѣль, пасквили его имѣлъ смыслъ, дѣло происходило въ средѣ дѣйствительности. Точно также когда писалъ о Кавурѣ какой-нибудь неистовый кодиню; точно также когда писали о немъ въ пылу борьбы австрійскіе публицисты. Чтѣ бы эти господа ни писали тамъ о немъ, справедливо или нѣтъ, они писали по дѣйствительному побужденію; они дѣлали дѣло, какое бы ни было оно, дурное или хорошее. Кавуръ отнималъ у нихъ власть, силу, значеніе; они боролись съ нимъ за свое существованіе; они всѣ естественно его ненавидѣли. Все это происходило между живыми людьми, на яву, въ дѣйствительности. А вы чтѣ дѣлаете? Ваши-то пасквили какое имѣютъ значеніе? Вы-то зачѣмъ съ такимъ задоромъ, съ такою настойчивостью, съ такимъ увлеченіемъ (значитъ не правъ г. Громека, упрекая васъ въ недостаткѣ увлеченій) резюмируете все, чтѣ было сказано страстью и враждой противъ человѣка, создавшаго Италію? Зачѣмъ вы не только резюмируете, чтѣ было сказано дѣйствительными врагами Кавура, но и теряете всякую мѣру въ преувеличеніяхъ? Вы ужъ говорите то, чего и италіянскіе враги Кавура не говорили; вы, петербургскій врагъ Кавура, перещеголяли и кардинала Антонелли, и Малзани, и французскихъ легитимистовъ, и австрійскихъ абсолютистовъ. Отчего это? Оттого, конечно, почему выдуманная страсть, сочиненное чувство выражаются, несравненно размахистѣе чѣмъ дѣйствительное. Нѣмецкій романистъ Тикъ, на старости лѣтъ, вздумалъ изобразить самыя неистовыя любовныя страсти, и написалъ романъ *Витторіо Аккарамбону*, гдѣ такія страсти, что и самому кипучему юношѣ не пригрезятся. Это такъ всегда бываетъ; это мы можемъ безпрестанно видѣть и въ себѣ самихъ, и въ другихъ людяхъ. Вы играли въ Гарibaldi и Кавура; при этомъ вы ничѣмъ серьезно заняты не были, и вотъ естественно ваша безкорыстная, воздушная вражда съ Кавуромъ приняла фантастическіе размѣры, и Кавуръ, которому вся Италія теперь ставитъ памятники, котораго оплакиваетъ, вмѣстѣ съ нею, весь цивилизованный міръ, съ памятью котораго начинаютъ мириться лучшіе изъ враговъ его, освистанъ вами, какъ пустѣйшій человѣкъ и дрянъ, и сожженъ *in effigie* какъ плутъ и мошенникъ.

Г. Альбергини не догадался, что вы занимаетесь искусствомъ для искусства, что вы играете *aux petits jeux*, что вы сочинили игру въ Кавура и Гарibaldi, водевилъ имѣющей своимъ сюжетомъ прогрессистовъ крайнихъ и прогрессистовъ умѣренныхъ. Онъ принялъ все это въ серьезную сторону и посѣдѣшилъ на помощь къ Кавуру, котораго вы такъ обижали. Онъ писалъ съ негодованіемъ, съ жаромъ. Мы согласны, что онъ не скупился

на рѣзкія выраженія. Однако, совѣтникъ нашъ, если не передъ публикой, то по крайней мѣрѣ въ дружескомъ разговорѣ съ г. Пыпинымъ, по крайней мѣрѣ въ душѣ своей, согласитесь, что г. Альбертини былъ правъ въ основаніи. Онъ говорилъ о Кавурѣ и объ Италіи то самое, что высказывается общественнымъ мнѣніемъ цѣлаго образованнаго міра. Онъ не стерпѣлъ вашихъ пассивностей. Что жъ дѣлать! Вѣдь вотъ вамъ не терпится же, когда кто-нибудь скажетъ что-нибудь не по васъ; вы тотчасъ заявите это съ надлежащимъ «свистомъ и визгомъ». Г. Буслаевъ находитъ, что Чимабуэ и Перуджино имѣютъ важное значеніе въ исторіи живописи: вѣдь вы его за это дуракомъ называете. А кажется, что бы за бѣда, что г. Буслаевъ интересуется этими старинными мастерами, которыми интересуется вслкій, что-нибудь смыслящій въ исторіи живописи? Или, что за дѣло, что онъ часто цитуетъ *Божественную Комедію* Данта и еще чаще заглядываетъ въ *Нѣмецкую грамматику* Гримма? А вѣдь вы его и за это подвергаете посмѣянію; вы глумитесь надъ нимъ даже за то, что онъ не пускается въ горячіе вопросы, а посвящаетъ себя исключительно ученымъ занятіямъ, которыя, по вашему мнѣнію, не стоятъ гроша. Положимъ, что не стоить; но согласитесь, что относительно всѣхъ этихъ пунктовъ можно соблюсти гораздо болѣе спокойствія и хладнокровія чѣмъ по поводу тѣхъ вопросовъ, которые вы задѣли своими памфлетами о Кавурѣ.

Можетъ-быть было бы лучше, еслибы наши журналисты поменьше негодовали другъ на друга, болѣе занимались своимъ дѣломъ нежели дѣломъ своего сосѣда. Если вы такъ думаете, то мы съ вами будемъ согласны, потому что такъ всегда думали. Должно-быть вы такъ думаете, иначе зачѣмъ бы вы стали такъ настойчиво убѣждать своихъ противниковъ не пускаться съ вами въ полемику? Вѣдь вы конечно только для шутки даете тонъ интимизаціи вашимъ увѣщаніямъ; вѣдь вы не хотите же серьезно сказать, чтобы только противъ васъ писать не смѣли. Или вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете? Но думать такъ было бы неразумно, и потому, согласитесь, что вамъ прежде всего надобно умѣрить самихъ себя, если хотите, чтобы другіе соблюдали умѣренность относительно васъ. Который изъ нашихъ журналовъ можетъ похвалиться честію инициативы не только всякаго рода полемики, но и всякаго рода скандаловъ? Который, скажите?

Конечно, вы хоть и смутно, а все-таки должно-быть чувствуете, что въ основаніи своей полемики г. Альбертини былъ правъ, и что все написанное вашими публицистами или вами самими о Кавурѣ не имѣетъ никакого значенія. Вы сами навѣрное очень хорошо знаете, что въ политическихъ предметахъ вы точно такой же знатокъ, какъ, напримѣръ, въ химіи; вы доказы-

вете это уже и блестящимъ разказомъ своимъ о дѣятельности Кавура, написаннымъ вами въ поученіе г. Альбертини. Вы говорите такимъ тономъ, какъ будто вездѣ присутствовали лично, все узнали, все обдумали. А вы даже не знаете того, что не Кавуръ началъ распускать неаполитанскія войска, которыя послѣ разбрелись разбойничьими шайками по странѣ. Вы даже не знаете, что впервые сдѣлалъ это Гарибальди и сдѣлалъ въ то время, когда это могло быть всего опаснѣе. А вѣдь вы еще пока не называете Гарибальди ни дуракомъ, ни мерзавцемъ. Для васъ онъ еще пока герой. И онъ дѣйствительно герой. Онъ человѣкъ энтузіазма и увлеченія, но онъ никогда бы не могъ создать Италію. Кто же этого не знаетъ? Кто не знаетъ, что его блестящая экспедиція въ Сицилію и его успѣхи въ Неаполѣ были бы невозможны, еслибы во главѣ Италіи не находился тогда тотъ государственный человѣкъ, на котораго вы пасквили пишете? Благодаря ему, въ Европѣ устроилась такая комбинація, которая сдѣлала возможнымъ италянское движеніе. Благодаря ему, сокрушена была сила Австріи, изъ-подъ которой не могла бы вырваться Италія; благодаря ему, провозглашено въ Европѣ начало невмѣшательства и удержано въ должныхъ предѣлахъ французское вліяніе; благодаря ему, подъ прикрытіемъ этого начала невмѣшательства, сталъ возможенъ дальнѣйшій ходъ движенія, и самая высадка въ Сицилію; благодаря ему, конституціонная свобода, утвердившаяся въ Сардиніи, стала пунктомъ соединенія для Италіи и обезпечила за ней сочувствіе цѣлой Европы; благодаря ему, общественное мнѣніе, которому италянское дѣло было обязано своимъ окончательнымъ успѣхомъ, стояло за него вездѣ, даже въ Австріи. Есть ли смыслъ упрекать Кавура за то, что онъ будто бы не понималъ значенія Рима для Италіи, и не хотѣлъ его присоединенія къ ней? «Римъ» былъ послѣднимъ словомъ его во время агоніи. Но Италія конечно обязана ему вѣчною благодарностью за то, что онъ не побоялся минутнаго ущерба своей популярности и заставилъ Гарибальди отказаться отъ безумнаго похода на Римъ: что было бы съ Италіей, что было бы съ Европой, еслибы Гарибальди дѣйствительно двинулъ свои ватаги на Римъ, занятый французскими войсками? Вспомнимъ, на какомъ тонкомъ волоскѣ висѣли судьбы Италіи, когда Гарибальди бился до изнеможенія подъ Капуей; вспомнимъ, что еще немного, и король Францискъ II возвратился бы съ торжествомъ въ Неаполь, отбросивъ эти дружины волонтеровъ, которымъ съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе было держаться и съ которыми едва могъ справляться ихъ блистательный полководецъ; вспомнимъ, какихъ усилій стоило наконецъ взять Гаэту. Что стало бы съ гарибальдѣйскими дру-

жинами, чѣмъ кончилось бы итальянское движеніе, еслибы въ роковую минуту, во главѣ этого движенія, не находился человекъ, который, стоя подъ международнымъ закономъ, могъ однако безнаказанно нарушить его? Чтѣ было бы, еслибы пиемонтскія войска не овладѣли Умбріей и Мархіями, и не явились на выручку итальянскому дѣлу въ Неаполь? Другаго выбора не было: надобно было или принять это рѣшеніе, или отказаться отъ Италіи. Это былъ фактъ принадлежащій къ числу немногихъ въ исторіи, которымъ нарушалось существующее право, но съ тѣмъ чтобы стать началомъ новаго права. Рука Кавура была необходима въ Неаполѣ не для того только, чтобы спасти гарибальдійскія дружины, чтобы запретить Франциска въ Гаэтѣ и наконецъ овладѣть этимъ послѣднимъ убѣжищемъ павшей династіи и стараго, порядка; она была необходима и для того, чтобы спасти страну отъ совершенной анархіи, которая ей угрожала. Кто не знаетъ, въ какомъ положеніи находилось тогда Неаполитанское королевство? Кому не извѣстно, въ какомъ страшномъ хаосѣ были тамъ всѣ дѣла? Человекъ энтузіазма, человекъ торжественныхъ минутъ, Гарибальди не политикъ, не администраторъ; еще минута, и самая популярность его подвергалась опасности; еще минута, и вся Европа, восторженно рукоплескавшая ему, готова была развѣнчать его. Добродушный и безхитростный, неопытный въ запутанномъ лабиринтѣ общественныхъ дѣлъ, отношеній и интересовъ, онъ способенъ былъ поддаваться всякому вліянію. Онъ именно изъ числа тѣхъ гениальныхъ простачковъ, которыми могутъ пользоваться всякаго рода недостойные люди. Ужь на чтѣ, кажется, г. Александръ Дюма-старшій, надъ которымъ, по странному противорѣчію себѣ, всегда такъ издѣвается *Современникъ*, а вѣдь и Александръ Дюма-старшій былъ важнымъ лицомъ при Гарибальди и закадычнымъ его другомъ. Чтѣ за поэзія разыгралась бы въ Италіи, еслибы люди, подобные этому знаменитому романисту, стали исполнять свои фантазіи руками Гарибальди? Чтѣ стало бы тогда съ бѣдною Италіей? Эта опасность была чуть ли не важнѣе арміи Франциска II, даже арміи императора Франца-Иосифа.

Но намъ совѣстно, что мы разговаривали серіозно объ итальянскомъ дѣлѣ, о Гарибальди, о Кавурѣ, по поводу пасквилей, писанныхъ для смѣха. Однако, такъ какъ мы уже разговаривали, то не можемъ не упомянуть объ одномъ интересномъ упрекѣ, который дѣлается Кавуру его свистунами-антагонистами. Они ставятъ ему въ вину *подпусканіе шпилекъ*, какъ они выражаются. «Кавуръ, говоритъ редакторъ *Современника*, унижался до мелочнаго подпусканія шпилекъ, которое простительно только пустымъ людямъ.» Чтѣ значить: простительно пустымъ людямъ? За

что же пустымъ-то людямъ прощать? Лучше проститъ вѣдѣльнымъ. Лучше бы сказать не то, что простительно, а свойственно пустымъ людямъ. Почтенному редактору *Современника* конечно не безызвѣстно, который изъ русскихъ журналовъ особенно склоненъ къ «подпусканію шпилекъ». Но не слишкомъ ли крѣпокъ эпитетъ, который онъ, по странной развѣянности, даетъ художникамъ въ этомъ искусствѣ?

Очень интересна теорія прогрессистовъ умѣренныхъ и крайнихъ, преподанная намъ по поводу Кавура. Есть на свѣтѣ консерваторы и прогрессисты; прогрессисты раздѣляются на крайнихъ и умѣренныхъ; польза для націи бываетъ только тогда, когда тѣ и другіе прогрессисты дѣйствуютъ заодно. Крайніе прогрессисты — люди исполненные великодушія и самопожертвованія; они готовы ограничить свои требованія, чтобы дѣйствовать, на общую пользу, въ союзѣ съ умѣренными прогрессистами. Умѣренные прогрессисты должны это съ благодарностію чувствовать, и пользоваться предлагаемою помощью. Кавуръ потому и глупъ, что не понималъ этого. Онъ прогрессистъ умѣренный, а въ Италіи есть еще прогрессисты крайніе. Онъ грубо отталкивалъ ихъ отъ себя и не хотѣлъ съ ними знаться. Умные люди поступаютъ иначе; напримеръ, лордъ Пальмерстонъ — тоже умѣренный прогрессистъ, но онъ принимаетъ помощь г. Брайта, который есть прогрессистъ крайній; оттого-то у лорда Пальмерстона дѣла идутъ успѣшно, и онъ пользуется силой. Онъ силенъ, когда его поддерживаетъ Брайтъ, и падаетъ, какъ только оттолкнетъ отъ себя Брайта.

Нельзя читать эту теорію безъ смѣха, впрочемъ самаго добродушнаго. Какъ вѣетъ отъ ней тою счастливою порой, отъ которой остались тетрадки у г. Чернышевскаго! «Ваня, я скептической школы, а ты?» — «Я, Вася, сенсуалистъ.»

Хорошъ этотъ лордъ Пальмерстонъ, умѣренный прогрессистъ, и этотъ г. Брайтъ, крайній. Поучительно это глубокое постиженіе парламентарнаго механизма въ Англіи, и раскрытіе въ чемъ состоитъ тайна популярности и силы лорда Пальмерстона. Но когда же это Брайтъ подпиралъ собою кабинетъ Пальмерстона? Не тогда ли, когда онъ агитировалъ въ пользу мира противъ восточной или китайской войны, и потерялъ свое мѣсто въ парламентѣ? Не тогда ли подперъ онъ Пальмерстона, когда тотъ палъ, вздумавъ, въ интересъ мира съ Франціей, провести законъ объ иностранныхъ заговорщикахъ? Какъ бы то ни было, все-таки очень милъ этотъ лордъ Пальмерстонъ, умѣренный прогрессистъ, дѣйствующій въ согласіи съ Брайтомъ, — лордъ Пальмерстонъ, который чуть ли не менѣе торіевъ податливъ на внутреннюю реформу и на согласіе съ Брайтомъ. Очень хорошъ также выходитъ

и радикаль Брайтъ, этотъ честный манчестерскій квакеръ и другъ мира quand même, для котораго вся политика резюмируется въ свободной торговлѣ, и для котораго вопросъ о національностяхъ и всякія тому подобныя причуды—чистое сумасбродство, хорошъ онъ, поставленный въ одинъ разрядъ съ италіанскими агитаторами!

Дѣйствительно, въ тѣхъ обществахъ, гдѣ развивается политическая жизнь, сами собою обозначаются двѣ партіи, изъ которыхъ одна дѣйствуетъ въ интересѣ охраненія и упора, другая—въ интересѣ движенія и переменъ. Тотъ и другой интересъ равно необходимы для исторической жизни. Нельзя сказать вообще и отвлеченно, который интересъ лучше, и которое направленіе справедливѣе или полезнѣе. Они неразрывно связаны между собою, и чѣмъ плодотворнѣе движеніе, тѣмъ также крѣпче въ народѣ и сила хранительная, и наоборотъ. Одно другимъ измѣряется, и одно безъ другаго не имѣетъ смысла. Лишь только то и можетъ преобразовываться, что держится крѣпко и не теряетъ почвы. Что, напримѣръ, толку въ тѣхъ людяхъ, которые переливаются налегчайшимъ манеромъ изъ бутылки въ бутылку, изъ пустаго въ порожнее? Они занимаютъ все, вездѣ успѣли, все произошло и ко всему имѣютъ готовое слово; послушать ихъ, они вамъ въ пять минутъ обдѣлаютъ самыя трудныя дѣла: устроить Италію, облагодѣтельствуютъ Англію, успокоятъ Францію, удовлетворятъ Германію и налегчайшимъ способомъ осчастливятъ весь міръ; они только понюхаютъ книжку, и уже знаютъ, что тамъ написано; всѣ философскія системы и всѣ науки имъ ни по чемъ; имъ извѣстно все что было, и еще лучше все что будетъ. Подобныхъ людей встрѣтите вы на всѣхъ перекресткахъ; особенно у насъ расплодилось ихъ множество, въ нашей призрачной цивилизаціи, въ нашемъ обществѣ, никогда не жившемъ самостоятельною жизнью. Что это, прогрессисты, или консерваторы? Ни то, ни другое; они пустоцвѣты, и свидѣлствуютъ только объ отсутствіи реальныхъ основъ въ той жизни, среди которой являются.

Жизнь, развитіе, благосостояніе, свобода, все, что мы собирательно означаемъ словомъ *исторія*, въ одномъ случаѣ требуетъ силы устоя, въ другомъ—движенія; одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть въ одномъ случаѣ консерваторомъ, въ другомъ — прогрессистомъ. Нужно ли охранять благосостояніе, справедливость, свободу, истину, или нѣтъ? Конечно, нужно. Нужно ли желать, чтобы тамъ, гдѣ эти интересы подвергаются опасности, гдѣ они недостаточно обезпечены, или гдѣ они составляютъ статью монополіи, произошли переменъ? Конечно, нужно. Кто дѣйствительно преданъ интересамъ, соста-

включающімъ благо и достоинство человѣческой жизни, тотъ будетъ въ равной мѣрѣ сочувствовать и охраненію существующаго въ этомъ смыслѣ, и приобрѣтенію новаго въ томъ же смыслѣ, хотя бы не всегда въ равной мѣрѣ можно было участвовать дѣятельно въ томъ и другомъ направленіи.

Если въ обществѣ, живущемъ политической жизнью, объ партіи находятся въ ностоянномъ антагонизмѣ, то борьба между ними есть нечто иное, какъ функція политической жизни. Объ партіи борются между собою за власть, и борьба ихъ служитъ обезпеченіемъ обществу отъ злоупотребленій власти. Но между мыслящими и безкорыстными людьми той и другой партіи нѣтъ радикальнаго антагонизма во мнѣніяхъ относительно поднятыхъ жизнью вопросовъ и потребностей времени. Одна изъ главныхъ реформъ въ Англіи, давшая новую жизнь странѣ, совершена была людьми изъ консервативной партіи; мы разумемъ реформы сэръ-Гоберта Пила. И теперь гамъ между консерваторами есть столько же реформеровъ, сколько и между либералами. Каждый консерваторъ общается своимъ избирателямъ способствовать реформамъ которыхъ потребуетъ время, а каждый либераль обезпечиваетъ своихъ избирателей, что будетъ вѣренъ духу и основаніямъ конституціи. Вообще, чѣмъ дальше подвигается исторія, чѣмъ болѣе развивается политическая жизнь, тѣмъ болѣе сближаются и связываются между собою интересы охранительные и преобразовательные.

Но гдѣ нѣтъ политической жизни и нѣтъ политическихъ партій, тамъ эти термины: консерваторы и прогрессисты, звучатъ невыразимою пошлостію. Такъ звучатъ они въ нашей маленькой публицистикѣ, когда она отъ созерцанія италіянскихъ и другихъ дѣлъ обращается къ своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, къ своимъ кружкамъ, къ своимъ героямъ, и подводитъ ихъ подъ рубрики консерваторовъ и прогрессистовъ, еще прогрессистовъ умѣренныхъ и неумѣренныхъ. Что такое, напримѣръ, г. Чернышевскій? Консерваторъ или прогрессистъ? Должно быть прогрессистъ. Но г. Чернышевскій всегда горой стоялъ за общинное владѣніе. Превращеніе общиннаго владѣнія въ собственность есть прогрессъ, и однако г. Чернышевскій въ этомъ пунктѣ всегда показывалъ себя неумѣреннымъ консерваторомъ, хотя сама жизнь требуетъ въ этомъ пунктѣ реформы.

Вообще *Современнику* какъ-то не счастливаются въ его охранительныхъ и прогрессивныхъ тенденціяхъ. Редакторъ его очень обрадовался отзыву о *Современникѣ* въ какой-то книжкѣ враждебнаго ему журнала, *Отечественныхъ Записокъ*. Гдѣ-то тамъ было сказано, что *Современникъ*, глумясь надъ всѣмъ, не глумится только надъ свободою женщины и простолудиниомъ. Редакторъ *Современника* съ торжествомъ предъ-

являетъ эту грамоту на дворянство, выданную ему изъ *Отечественныхъ Записокъ*. Онъ не глумится надъ простолюдиномъ! Въ самомъ дѣлѣ, какая заслуга! Да кто жъ глумится надъ простолюдиномъ вообще? Еще бы надъ этимъ глумиться! Однако бесѣдуя съ г. Буслаевымъ, редакторъ *Современника* считаетъ долгомъ поплевать на многое такое, что составляетъ драгоценность для простолюдина, и потѣшается надъ г. Буслаевымъ за то, что тотъ, напротивъ, считаетъ своимъ долгомъ изучать проявленія народнаго чувства. Что же касается до свободы женщины, то нѣтъ предмета болѣе подсуднаго честной насмѣшкѣ, какъ тѣ пошлости, которыя такъ часто высказываются у насъ объ этой свободѣ. Вотъ тутъ-то бы и слѣдовало погдуматься, именно въ интересѣ самой этой свободы, ибо ничто такъ не вредитъ истинной свободѣ, какъ ея фальшивое подобіе.

Но возвратимся къ прогрессистамъ. Умѣренные прогрессисты, крайніе прогрессисты! Какая рутина въ этой росписи прогрессистовъ! Чтò такое крайній прогрессистъ? Прогрессъ, такъ прогрессъ: какой еще можетъ-быть крайній и не крайній прогрессъ? Каждая эпоха жизни, каждый настоящій моментъ имѣетъ свои потребности, и эти потребности должны быть удовлетворены, и удовлетворены вполнѣ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы понимать эти потребности и находить способъ для ихъ удовлетворенія, а не въ томъ, чтобы быть умѣренными или неумѣренными прогрессистами. Вотъ человѣкъ, который умираетъ съ голода. Чтò надобно сдѣлать? Ну, конечно, надобно немедля дать ему чтò окажется подъ рукою и чтò будетъ годно для удовлетворенія этой потребности, не терпящей отлагательства. А можетъ-быть надобно побалагурить, какъ Иванъ Ивановичъ у Гоголя съ нищенкой, просившей у него милостыни: «Хлѣбца? а тебѣ можетъ-быть также и говядинки хочется?»

Однако, правда и то, что всякій живой человѣкъ, принадлежа настоящему: имѣетъ еще отношенія и къ будущему. У каждаго живаго человѣка есть свои мечты, фантазія, идеалы, вѣрованія. Это область обширная и обильная; тутъ сходятся всевозможныя разногласія и контрасты. Кто мечтаетъ объ объятіяхъ гурій или объ охотѣ въ равнинахъ великаго духа; кто гадаетъ о томъ, какъ черезъ полтора ста лѣтъ всѣ люди будутъ жить на правахъ общиннаго владѣнія, и трудъ будетъ наслажденіемъ для мускуловъ и утѣхой для нервовъ; кто о томъ, какъ въ 1961 году будутъ по всѣмъ направленіямъ летать аэростаты, а въ 2061 люди будутъ строить города на облакахъ. Опытъ жизни и наука вносятъ порядокъ, истину и разумъ въ этотъ міръ идеаловъ, гаданій и вѣрова-

ній. Тутъ возможенъ всякаго рода антагонизмъ, нескончаемая борьба и непримиримые споры. Но согрѣваясь внутри души своимъ идеаломъ, своею вѣрою, всякій человѣкъ, желающій полезно жить и дѣйствовать, не долженъ терять изъ виду настоящей дѣйствительности. Надобно, чтобъ идеалы и вѣрованія возвышали, а не роняли силы человѣка; надобно, чтобъ они освѣжали и ободряли, а не ошьяняли какъ гашишъ или опиумъ. Будьте вы чѣмъ хотите въ вашихъ мечтаніяхъ, хоть по потолку ходите, но оставайтесь трезвы въ дѣйствительной жизни, и не вздумайте въ самомъ дѣлѣ ходить внизъ головой. Что можетъ быть пошлѣе и безмысленнѣе этихъ глумленій одного изъ русскихъ журналовъ, такъ хорошо извѣстнаго редактору *Современника*, надъ судебными реформами, надъ говорильнями, надъ литературой, искусствомъ, наукой? Журналъ этотъ можетъ въ оправданіе себѣ сказать, что изъ возвышенной сферы идеаловъ, гдѣ онъ пребываетъ, ему дѣйствительно кажутся мизерными всѣ эти мелкія заботы о лучшемъ судоустройствѣ, о правильной администраціи; онъ знаетъ, что черезъ полтора года, вездѣ само собою разольется полнѣйшее довольство, люди будутъ самымъ сладостнымъ образомъ сокращать свои мышцы; мозги во всѣхъ головахъ будутъ въ наилучшемъ порядкѣ; не будетъ надобности ни въ судахъ, ни въ администраціи; жаренныя утки сами собою будутъ влетать въ ротъ. Упившись созерцаніемъ этого будущаго блаженства, можемъ ли мы, скажетъ этотъ журналъ, смотрѣть иначе какъ съ презрѣніемъ на тотъ муравейникъ, гдѣ дѣйствуютъ Пальмерстоны и Кавуры? Можемъ ли мы не освистать и г. Громеку, который вздумалъ горячиться о лучшемъ устройствѣ полиціи?

Кстати о г. Громекѣ. Вы лукаво напоминаете ему, что онъ когда-то, за какую-то вашу статью, хотѣлъ прислать вамъ какую-то изъ своихъ вещей, которая стала для него ненужною. Это относится къ темной области непонятныхъ для публики намековъ и сплетенъ. Да проститъ намъ редакторъ *Современника*; но мы не можемъ не сказать, что въ его статьѣ то и дѣло проглядываетъ этотъ элементъ сплетенъ. Онъ то и дѣло говоритъ, что вотъ въ литературныхъ кругахъ то-то извѣстно, что ему то-то передавали, что онъ извѣстился, какъ г. Буслаевъ гдѣ-то сказалъ что-то, а г. Дудышкинъ сдѣлалъ что-то. Посудите, какъ это неловко и неприлично. Сплетни, согладатайство; переносы, все это столько тысячъ разъ осмѣивалось въ повѣстяхъ и комедіяхъ. Вы труните надъ простыми людьми, а сами то же дѣлаете въ литературныхъ кругахъ, и не только, что сами занимаетесь этимъ пріятнымъ препровожденіемъ времени, но и публику хотите сдѣлать въ немъ участницей. Простые смертные по-крайней мѣрѣ этого не дѣлаютъ; они согладательствуютъ и сплетни-

чаютъ въ своемъ кружку, гдѣ предметъ сплетень всѣмъ извѣстенъ и во всѣхъ возбуждаетъ живѣйшій интересъ. А вы еще дурачите публику, вы подбиваете ее сплетнями, которыхъ она не понимаетъ; вы мигаете, киваете на разные предметы, совершенно ей неизвѣстные; въ какое же глупое положеніе вы ее ставите! Вы ужь лучше бы разказывали ей прямо все: какъ такой-то литераторъ былъ вчера навечерѣ у г. Дудышкина, а нынче утромъ забѣгалъ онъ къ г. Пыпину, и передалъ ему все, что говорилъ о васъ г. Альбертини и что при этомъ замѣтилъ г. Буслаевъ, а г. Пыпинъ и тотчасъ же побѣжалъ разказалъ вамъ всю эту исторію, такъ интересную для публики, ибо она касается вашей личности. Но это такъ, къ слову. Возвратимся къ вещицѣ, которую черезъ кого-то обѣщали вамъ доставить г. Громека. Мы выжидали въ этотъ намекъ и кажется его поняли. Вы съ презрительнымъ величіемъ говорите объ этой забавной выходкѣ. Но одинъ ли г. Громека находилъ васъ достойнымъ нѣкоторыхъ подарочковъ? Вспомните, что подобнаго рода подарочки сулились вамъ и печатно, и не только вблизи, но и вдали. Что-нибудь было же въ вашихъ мнѣніяхъ или въ вашемъ образѣ дѣйствій, почему люди разныхъ мнѣній, не знавшіе васъ лично, не имѣвшіе съ вами никакихъ столкновеній обѣщали вамъ нѣкотораго рода подарки? Выубѣждены, что о васъ дѣлали несправедливыя заключенія; вы себя знаете. Новаша личность есть вопросъ второстепенный, дорогой только для васъ и для вашихъ друзей. Разбираются мнѣнія, а не личности. А ваши мнѣнія, вашъ образъ дѣйствій въ литературѣ были такого свойства, что порядочные люди, не зная васъ лично, имѣли нѣкоторое основаніе обѣщать вамъ подарочки. Доказательства представить не трудно, и когда-нибудь вы дождетесь ихъ. А между тѣмъ подумайте сами; можетъ-быть и сами доберетесь.

Ну, а что же крайніе прогрессисты? Въ какомъ положеніи мы ихъ оставили? Они хотятъ дѣйствовать за одно съ умѣренными; они великодушны и готовы ограничить свои требованія. Да вѣдь это значитъ, что и они умѣренные, если могутъ владѣть собою, ограничивать себя и дѣйствовать съ полною искренностію за одно съ умѣренными. Или они только такъ говорятъ, прикидываются только искренними, а про себя думаютъ какъ бы надуть? Если они говорятъ искренно, то значитъ дѣло упростилось, и изъ него выскочилъ совершенно лишній элементъ: крайнихъ прогрессистовъ не оказывается. Если же неискренно, то значитъ Кавуръ былъ правъ, что отбывался отъ нихъ до послѣдней минуты своей жизни. Теперь трудно рѣшить—это рѣшитъ исторія—правъ или неправъ былъ Кавуръ въ своей недовѣрчивости къ демагогамъ, которые отказались отъ своихъ теорій и

захотѣли служить настоящему дѣлу Италіи. Можетъ-быть Кавуръ дѣйствительно оскорблялъ понапрасну нравственное чувство многихъ изъ этихъ людей, которые съ такою же полною искренностію, какъ и знаменитый защитникъ Венеціи, покойный Манинъ, измѣнились въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ, и изъ тяжкаго опыта, изъ торжественныхъ откровеній исторіи, вынесли болѣе зрѣлыя, болѣе годныя для жизни убѣжденія. Очень вѣроятно, что если не во всѣхъ, то во многихъ приверженцахъ республиканской партіи въ Италіи, произошла дѣйствительно такая перемена; очень вѣроятно, что Италія вскорѣ совершенно освободится отъ этихъ элементовъ, какъ освободилась отъ нихъ Англія. Но въ Кавурѣ, главномъ виновникѣ того положенія дѣла въ Италіи, которое отнимаетъ у демагоговъ основы для существованія,—въ Кавурѣ могла весьма естественно развиться даже болѣзненная недовѣрчивость къ той партіи, съ которою онъ боролся всю свою жизнь.

Однако, такъ или иначе, отъ крайнихъ прогрессистовъ мы отдѣлялись; они незамѣтно исчезли, остались только просто прогрессисты, прогрессисты да консерваторы. Но за то насъ ждетъ теперь другая система раздѣленія людей. Этою другою классификаціей, которую нашъ будущій почтенный союзникъ преподаетъ въ поученіе г. Громеку, «съ душою, съ любовью, съ вѣрою», люди раздѣляются на три разряда. Впервыхъ есть люди, у которыхъ честность соединяется съ проникательностію; этихъ людей очень немного. Кто эти люди? Редакторъ *Современника* мигаетъ г. Громеку и говоритъ ему: эти люди мы, редакторы *Современника*. Затѣмъ есть небольшое количество плутовъ, а все остальные простяки, которыхъ безчисленное множество. Итакъ, 1, люди соединяющіе честность съ проникательностію, 2, плуты и 3, простяки. Хорошо, но зачѣмъ классификаторъ поспѣшилъ самъ отвести себѣ мѣсто въ этомъ трехчленномъ дѣленіи? Отнеся себя къ первому разряду, классификаторъ отнесъ г. Громеку къ послѣднему, то-есть къ простякамъ. Простяки народъ добрый, и ими пользуются плуты; плуты ѣздятъ на простякахъ, а простяки служатъ имъ орудіемъ. Намъ жаль нашего будущаго союзника. Чтò онъ говоритъ? Да откуда же онъ знаетъ, что г. Громека былъ когда-нибудь орудіемъ плутовъ? Когда, въ чемъ, въ какой статьѣ своей, въ какомъ поступкѣ? Союзникъ нашъ, къ какому же разряду въ самомъ-то дѣлѣ вы относитесь? Гдѣ же ваша проникательность, не говоря о другомъ вашемъ качествѣ?

II.

На г. Буслаевъ нашъ воинственный союзникъ хотѣлъ показать силу своего удара. Г. Буслаева рѣшился онъ показывать въ поученіе г-ну Альбертини. «Къ г-ну Альбертини я былъ снискодителенъ... Но мнѣ наскучило сдерживать себя... Надобно и показать на комъ-нибудь примѣръ г-ну Альбертини, чтобъ онъ видѣлъ, какъ могло бы ему достаться...»

Мы прочли, что будущій нашъ союзникъ написалъ о г. Буслаевѣ. Да, очень сильно: сильно и то, что относится къ г. Буслаеву, а еще сильнѣе то, что относится къ его гнѣвному карателю. Онъ потѣшился надъ сравнительными изслѣдованіями г. Буслаева, надъ безтолковостію и бесполезностію его трудовъ, коснулся его душевныхъ качествъ, похвалилъ его добродушіе и пожалѣлъ объ его головѣ.

Но это было въ планѣ: рѣшено было отдѣлать г. Буслаева. Зачѣмъ же нашъ безпардонный воинъ не поберегъ себя, хотя бы ради союза, которымъ онъ намъ польстилъ? Пусть трудами г. Буслаева наука пользоваться не можетъ; но зачѣмъ вы сказали, что если захотите, то можете подарить наукѣ труды не хуже, а еще лучше? Положимъ, что можете; да какъ же такъ хвастаться? Вѣдь вы этимъ противнику удовольствіе дѣлаете, и обращаете въ прахъ всѣ ваши отзывы о немъ? Ну, какіе будете вы писать ученые труды? Вѣдь вы сами знаете, что не напишете; а если что напишете, то выйдетъ то же, что по части химіи, физіологіи, психологіи и политической экономіи. Выйдетъ опять какая-нибудь ржавчина вмѣсто стали. Вы гордитесь титломъ свистуна; ограничьтесь же этою дѣятельностію, оставьте по крайней мѣрѣ ту скромную область, гдѣ трудится г. Буслаевъ. Вы говорите, что знали миллионъ всякаго рода фактовъ и поэтой части, только забыли, и хотите собрать ваши книжки по этому предмету, розданныя вашимъ пріятелямъ. Нѣтъ, лучше не пишите. Вотъ посмотрите, что вы уже сдѣлали на первыхъ порахъ: вы перифразируете г. Буслаева за его сравнительныя изслѣдованія, и желая щегольнуть вашими свѣдѣніями, очень важно объясняете, что г. Буслаевъ «облазилъ эксцентрическими прыжками Якова Гримма, любящаго поэтическія вольности въ сравненіяхъ корней «и «ормъ.» Вотъ и промахнулись. Яковъ Гриммъ вовсе не любитъ такихъ прыжковъ; Яковъ Гриммъ вовсе не занимается сравнительнымъ языкованіемъ, онъ не изучалъ санскритскаго языка и почти

вовсе не пользуется результатами сравнительнаго языковѣдѣнія. Г. Буслаевъ-то не у него позаимствовался сравнительнымъ методомъ. Видите, какъ это опасно. Но намъ стало очень совѣстно (простите, что мы приняли въ васъ такое участіе; вы дали намъ на то право видами на союзныя отношенія къ вамъ), намъ стало совѣстно, когда вы заговорили объ исторіи живописи, о старинныхъ мастерахъ, о Рафаэлѣ. Да вы почему это вдругъ вздумали восторгаться Рафаэлемъ до такой степени, что отрицаете всякое значеніе до-Рафаэлевской эпохи, и объявляете дуракомъ всякаго, кто вздумалъ бы ею интересоваться? Вы думаете, что отъ этого больно г. Буслаеву, что вы его этимъ компрометируете? И вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что говорите дѣло? Вы точно думаете, что любить картины Фра Беато Анджелико все то же, что любить романы Александра Дюма-старшаго, что Чимабуэ и Перуджино соответствуютъ Полю Февалю и маркизу Фудрасу, что воздавать честь Гольбейну и Альбрехту Дюреру тоже, что пльняться Августомъ Лафонтеномъ и Коцебу? Вы такъ и подумали, что г. Буслаевъ, при чтеніи этихъ прелестей, погрузится въ мрачную тоску и уныніе? Но чувствительна ли брань изъ тѣхъ устъ, которыя говорятъ такія золотыя вещи? Перуджино соответствуетъ маркизу Фудрасу, не говоря уже о Чимабуэ и Беато Анджелико! Боже, что еще могутъ писать у насъ! И Перуджино такъ мальтретируется съ тою цѣлю, чтобы показать великое значеніе Рафаэлевой эпохи, хотя Перуджино учитель Рафаэля, и весь въ Рафаэлѣ, какъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ его элементовъ.

Вотъ, что значитъ расхрабрится чрезъмѣру. Вы хотѣли огорчить г. Буслаева, а доставили ему веселую минуточку. Вамъ бы ограничиться однимъ свистомъ, и не касаться ученыхъ матерій, чтобы не утѣшить г. Буслаева, среди причиненной ему отъ васъ горести.

Но этого мало: развлекаясь г. Буслаевымъ, Яковомъ Гриммомъ и старыми живописцами, вы готовите вашему противнику ударъ самый страшный. Вы дразните его, тѣшите въ воображеніи тѣми муками, который онъ долженъ испытывать, ожидая этого послѣдняго удара. Съ ужасомъ стоимъ мы всѣ и ждемъ что будетъ. Ахъ, храбрый воинъ! Какже намъ послѣ будетъ сражаться въ союзъ съ вами? Вѣдь вы этимъ послѣднимъ ударомъ совсѣмъ развеселили вашего противника, уничтожили все обидное что высказали прежде, и успокоили его насчетъ будущаго. Погорячившись, вы неосторожно открыли публикѣ тайну вашей механики. Вы рассказали вашу интимную бесѣду съ г. Пыпинымъ, и сами заявили, какой смыслъ имѣетъ ваша литературная дѣятельность, ваши критики и ваши свисты. Вы говорите, что у васъ есть друзья, есть поклонники, которые видятъ въ васъ героя; безъ сомнѣнія, это люди очень добрые, но и съ ними ну-

жна осторожность; и они, пожалуй, могут догадаться въ чемъ дѣло, когда въ излишнемъ увлеченіи вы будете неосторожно распахиваться.

О чемъ бесѣдовали вы съ г. Пыпинымъ? Г. Буслаевъ издалъ свою книгу; вы нашли нужнымъ помѣстить о ней критическую статью въ вашемъ журналѣ. Вотъ вы просите г. Пыпина, какъ спеціалиста, написать эту статью. Г. Пыпинъ отказывается по какимъ-то таинственнымъ причинамъ, которыя вы держите въ резервѣ, и которыми пугаете г. Буслаева. Но статья вамъ нужна, и вы къ вашему сотруднику пристааете неотступно. Г. Пыпинъ отказывается; вы употребляете наконецъ послѣдній аргументъ, и г. Пыпинъ сдается. «Я сказалъ, повѣствуетъ г. Чернышевскій, если не напишетъ онъ, придется писать кому-нибудь изъ насъ, свистуновъ.»—«Если такъ, сказалъ г. Пыпинъ, я согласенъ избавить г. Буслаева отъ статьи, писанной вами...»—«Эхъ, батюшка мой, г. Буслаевъ, восклицаетъ нашъ союзникъ, отблагодарили же вы добро челоуѣка за желаніе избавить васъ отъ бѣды!»

Зачѣмъ вы это написали, нашъ союзникъ? Чтѣ вы хотѣли доказать? Вы думали, что это аргументъ противъ г. Буслаева? Какая несообразительность! Посмотримъ.

Г. Пыпину очень не хотѣлось приниматься за статью; онъ имѣлъ на то свои резоны, и очень важные, какъ вы говорите; и однакожь онъ рѣшился, чтобъ избавить отъ вашей статьи г. Буслаева. Это дѣлаетъ честь г. Пыпину. По ревелацимъ литературныхъ кружковъ, которая проглядываетъ въ вашей статьѣ, г. Пыпинъ находится какъ будто не совсѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ своему сотоварищу по наукѣ; но онъ на столько деликатенъ, что не желалъ быть свидѣтелемъ скандала. Вѣдь вы какую статью написали бы на г. Буслаева! Вѣдь вы написали бы то, чтѣ написали теперь. Вы помните, что разказывалъ г. Прыжовъ объ Иванѣ Яковлевичѣ. Онъ будто бы выливаетъ разныя мерзости, какъ выражался его жизнеописатель, на головы нѣкоторыхъ изъ своихъ поклонниковъ. Но мы какъ-то замѣтили, что въ Иванѣ Яковлевичѣ похвально по крайней мѣрѣ то, что онъ производитъ эту операцію только надъ своими поклонниками, только надъ тѣми, кто съ любовью и вѣрой подставляетъ ему свою голову; но онъ не употребляетъ этого средства въ видѣ аргумента противъ своихъ недруговъ, противъ тѣхъ, кто приходитъ къ нему съ недоуверіемъ и неприязнью. Онъ, значитъ, гнушается подобнымъ средствомъ для склоненія людей къ своему культу, и это, конечно, похвальная черта, которая выгодно отличаетъ его отъ жрецовъ другаго культа, любящихъ такія средства для пропаганды своихъ вѣрованій. Мы замѣтили это, и вы на насъ разсердились, заключивъ, что мы

имѣемъ въ виду васъ, и что мы очень оскорбляемъ васъ сближеніемъ съ Иваномъ Яковлевичемъ. Мы говорили вообще, ни къ кому лично не относя нашего замѣчанія; но мы не сближали съ Иваномъ Яковлевичемъ жрецовъ другаго культа, а напротивъ показывали какъ они далеки отъ его гуманности. Теперь возвратимся къ вашей статьѣ.

Итакъ, г. Пыпинъ рѣшился лучше приняться за непріятное дѣло чѣмъ видѣть вашу статью въ печати. Вѣдь еслибы г. Пыпинъ думалъ, что статья ваша будетъ заключать въ себѣ что-нибудь хорошее, то зачѣмъ бы ему не допускать васъ до нея? Если г. Пыпину было бы непріятно видѣть ее въ печати, то вѣроятно и всѣмъ порядочнымъ людямъ было бы это не совсѣмъ пріятно. Вы имѣли бы цѣлю оскорбить г. Буслаева, но оскорбили бы съ нимъ вмѣстѣ порядочныхъ людей. Для довершенія удара, вы говорите, что впредь, когда г. Буслаевъ что-нибудь издастъ, то критики на него будутъ писать уже не г. Пыпинъ, а вы. Вотъ бѣда, которою вы ему грозите! Вы заранѣе страшаете его, что послѣ вашихъ критикъ люди, уважающіе теперь его ученые заслуги, измѣнятъ о немъ свое мнѣніе. Значитъ, ваши критики будутъ дѣльнѣе и лучше чѣмъ критика челоуѣка знающаго. Г. Пыпинъ, вы говорите, специалистъ, знающій предметъ не хуже г. Буслаева. И что же? его критики не страшны для г. Буслаева, а страшны статьи людей, которые гордятся совершеннымъ равнодушіемъ и даже презрѣніемъ къ предмету. Сужденія челоуѣка знающаго, не важны, а важенъ свистъ людей, которымъ до предмета нѣтъ никакого дѣла, которымъ въ сущности все равно, такъ или иначе о немъ говорится. Вотъ новая теорія, къ которой мы приходимъ послѣ теоріи прогрессистовъ и трехчленнаго дѣленія рода челоуѣческаго. И вы рѣшились высказать это публично и торжественно?

Г. Буслаевъ напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* свой отвѣтъ на критику г. Пыпина. Въ этомъ отвѣтѣ онъ высказалъ нѣсколько замѣчаній, которыя особенно не понравились *Современнику*; они-то собственно и вызвали бурю противъ этого почтеннаго ученаго. Онъ позволялъ себѣ замѣтить, что пора наконецъ бросить грубую и недостойную нашего времени мысль дѣйствовать на людей насильственными средствами, что если въ обществѣ есть предрасудки, въ народѣ есть суевѣрія, то надобно заботиться не о томъ, чтобы жечь книги, которыя покажутся намъ вредными, или преслѣдовать людей, которые имѣютъ ложныя, по нашему мнѣнію, абъжденія, а о томъ чтобы давать ходъ лучшему. Г. Буслаевъ возвращается къ этой мысли не разъ въ своемъ отвѣтѣ, и высказываетъ ее съ разныхъ сторонъ.

Съ этою мыслию, совершенно вѣрною, нельзя не согласиться, Она особенно должна быть пріятна людямъ, которые причисляютъ себя къ прогрессистамъ. Терпимость, свобода мѣтнія,—это самое плодотворное начало, которое ручается за всевозможные успѣхи; оно составляетъ душу науки, и никакое убѣжденіе не можетъ разчитывать на прочный успѣхъ, если не сумѣетъ связать себя съ этимъ началомъ. Но именно замѣчаніями о терпимости и обидѣлся редакторъ *Современника*. Онъ допрашиваетъ г. Буслаева, зачѣмъ онъ это говорилъ, съ какою цѣлію, на кого мѣтилъ? Онъ не допускаетъ возможности, чтобы г. Буслаевъ осмѣлился мѣтить именно на него и на его друзей. Однакожь, по куріозному припадку самосознанія, онъ находитъ, что ни къ кому другому эти намеки примѣнены быть не могутъ. Отсюда выводитъ онъ заключеніе, что г. Буслаевъ обдѣленъ разсудкомъ этотъ добродушный, но несообразительный человекъ не понялъ, что слова его могутъ быть приняты за намекъ на *Современникъ*, и нагородилъ ихъ с проста. Но, къ сожалѣнію, заключеніе это ошибочно.

Добродушенъ или нѣтъ г. Буслаевъ въ другихъ частяхъ своей статьи, не рѣшаемъ; но въ этихъ замѣчаніяхъ, основательно принятыхъ редакторомъ *Современника* за поучительный намекъ, г. Буслаевъ поступилъ не совсѣмъ добродушно. Въ этомъ случаѣ намекъ, сдѣланный г. Буслаевымъ, былъ вовсе не добродушенъ, а очень золь, но за то очень мѣтко. Отчего же вы такъ разсердились на него, еслибъ онъ былъ не мѣтокъ и не попалъ куда слѣдовало? Вы не бьете, не жжете: еще бы! вамъ бы руки связали. Никто съ вами спорить не станетъ, что вы явленіе маленькое и эфемерное, возникшее благодаря только нѣкоторымъ смутнымъ обстоятельствамъ нашего образованія. Но законы природы одни и тѣ же въ большомъ и маломъ. Вы не колотите, не жжете; но въ предѣлахъ вашей возможности, вы дѣлаете то, что вполне соответствуетъ этимъ актамъ; въ васъ тѣ же инстинкты, которые при другихъ размѣрахъ, на другомъ поприщѣ, еслибы вы стояли на другой сторонѣ, выражались бы во всякаго рода насильственныхъ дѣйствіяхъ. Что можете, то вы и дѣлаете. Анализуйте себя, и вы должны будете согласиться, что г. Буслаевъ упрекнулъ васъ не с проста, а очень мѣтко. Чтобы не ходить далеко, возьмите для анализа хоть ту самую угрозу, которою хотѣли вы застращать г. Буслаева. Ваша угроза болѣе смѣшна нежели ужасна, это правда. Но вѣдь вы высказали ее не съ тою цѣлію, чтобы только посмѣшить г. Буслаева; что онъ надъ ней смѣется, этого не было въ вашемъ планѣ; въ планѣ вашемъ было поразить его, застращать, терроризировать. Вы говорите, что его ожидала бѣда, отъ которой избавилъ его г. Пыпинъ и отъ которой впредь не избавить. Эта бѣда—что она

такое?—невѣжественныя выходки, исполненныя грубаго презрѣнія къ обществу, статьи, которыя должны имѣть свою цѣлю какъ-нибудь уколоть, обругать, оплевать человѣка. Вѣдь дѣло несомнѣнное, что человѣкъ знающій могъ бы лучше, вѣрнѣе и чувствительнѣе для г. Буслаева указать недостатки его ученыхъ трудовъ чѣмъ кто-нибудь изъ свистуновъ; но оказывается, что критика знающаго человѣка — не бѣда, а избавленіе отъ бѣды, какъ говорите вы сами; ваши же статьи, прибавляете вы съ самодовольствіемъ, бѣда. На что же вы разчитываете? Не на то ли, что человѣкъ смиренный испугается всѣхъ тѣхъ прелестей, которыя вы ему наговорите, въ надеждѣ заставить его молчать? Этимъ средствомъ вы надѣетесь приобрести значеніе въ литературѣ, разчитывая на ея слабость и на незрѣлость публики. Не говорите, что вы употребляете эти средства для добрыхъ цѣлей; не прельщайте г. Громеку, что вы имѣете въ виду благо вашей родины; не увѣряйте въ чистотѣ и искренности вашихъ личныхъ намѣреній, и забудьте на минуту вашу личность: относительно личныхъ вашихъ намѣреній могутъ вамъ вѣрить и не вѣрить, но дѣло не въ нихъ, дѣло въ дѣлѣ. Пусть будутъ ваши намѣренія честны и искренни, цѣли возвышенны,—для васъ все-таки общій законъ не измѣнится: систематическое употребленіе дурныхъ средствъ не можетъ вести къ добрымъ цѣлямъ, и есть положительное зло. Что бы вы ни высказывали, хотя бы что-нибудь дѣйствительно обдуманное и зрѣлое, все у васъ будетъ испорчено и отравлено, если вы будете говорить въ духѣ нетерпимости. О чемъ бы вы ни хлопотали, что бы ни выдавали цѣлю вашихъ стремленій, ничего не придумаете, ничего не выставите важнѣе и дороже свободы убѣжденія; никакого прока не можетъ быть для человѣка въ той мысли, которая навязывается ему диктаторски и съ *пристрастіемъ*. Какъ въ наукѣ мало знать формулу, а надобно дойти до нея методически, такъ и въ жизни—только то убѣжденіе плодотворно, которое не навязано, а развилось опытомъ и сознаніемъ. Мы должны желать полнѣйшей возможности развивать мысль нашу во всей ея послѣдовательности, не стѣсняясь посторонними соображеніями какого бы то ни было свойства. Но чего мы желаемъ себѣ, то должны предоставлять и другимъ: это неизбѣжно. Развивая наши воззрѣнія, мы, конечно, не можемъ оставаться равнодушны къ воззрѣніямъ противоположнымъ. Живая мысль дѣйствуетъ и положительно, и отрицательно вмѣстѣ. Но отпугивать людей отъ однихъ идей и приманивать ихъ къ другимъ какими-либо виѣшними средствами—недостойно и грубо. Извольте сколько угодно обличать ложь и односторонность, будьте безпощадны, рѣзки, «суровы»; но ваша суровость должна обращаться на то,

что подлежитъ обсужденію на самое дѣло, на самую мысль, а не на кожу человѣка и также не на его самолюбіе. Критика мнѣній состоитъ не въ томъ, чтобы щипать, тузить и топтать въ грязь человѣка.

III.

Нѣтъ сомнѣнія, что по поводу какого-нибудь дѣла, которому причастны тысячи, не слѣдуетъ дѣлать отвѣтственнымъ кого-нибудь одного, не болѣе прочихъ причастнаго, который случайно подвернется намъ подъ руку. Это все равно что наказывать десятаго. Мы кричимъ, негодуемъ и свищемъ, если что-нибудь подобное гдѣ-нибудь повстрѣчается намъ. Хорошо; но потому-то и не должны мы сами поступать подобнымъ образомъ.

Редакторъ *Современника*, безъ сомнѣнія, согласенъ съ нами, что не слѣдуетъ лично упрекать человѣка за недостатки цѣлой школы, которой онъ держится. Мы увѣрены, что онъ согласенъ; а если нѣтъ, мы убѣдительнѣйше попросимъ его согласиться. Онъ такъ добръ, что безъ затрудненія уступитъ нашему желанію. Вотъ что онъ пишетъ въ своихъ *Полемическихъ Красотахъ*:

«Скажите же, какая мнѣ надобность серьезно смотрѣть на автора ли известной статьи, на людей ли его хвалащихъ, когда я вижу, что лично противъ меня они повторяютъ вещи, испоконъ вѣка повторяемыя про каждаго мыслителя школы, которой я держусь? Я долженъ судить такъ: или они не знаютъ, или они притворяются незнающими, что эти упреки не противъ меня, а противъ цѣлой школы; слѣдовательно, они люди или плохо знакомые съ исторіей философіи, или только дѣйствуютъ по тактикѣ, фальшивость которой сами знаютъ. Въ томъ или въ другомъ случаѣ такіе противники недостойны серьезнаго спора.»

Итакъ, г. Чернышевскій согласенъ, что нельзя серьезно смотрѣть на людей, которые отвѣтственность за цѣлую школу возлагаютъ на того или другаго изъ ея приверженцевъ. Онъ находитъ, что такіе люди сознательно фальшивятъ (это очень сильно), и что они не достойны серьезнаго спора (это не менѣе сильно).

Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія, г. Чернышевскій старается пояснить это правило примѣромъ. Онъ обращается къ редактору *Отечественныхъ Записокъ*:

«Скажите, напримѣръ, еслибы кто сталъ лично васъ упрекать въ незнаніи за то, что вы считаете народность важнымъ для литературы элементомъ, — относился ли бы этотъ упрекъ лично

«къ вамъ? Нѣтъ, онъ относился бы къ цѣлой школѣ. Почли ли бы вы за нужное доказывать, что дескать «если я называю народность важнымъ элементомъ литературы, это еще не признакъ моего незнанія»,—конечно, вы почли бы ниже своего достоинства доказывать это.»

Послѣ такихъ рѣшительныхъ, ясныхъ, положительныхъ словъ, мы должны были бы устыдиться, еслибъ имѣли какое-нибудь сомнѣніе относительно взгляда редактора *Современника* по этому вопросу. Вотъ наконецъ и оказывается вопросъ, гдѣ между нами полная *entente cordiale*. И съ какою энергіей онъ выражается! Какъ предупреждаетъ всякое недоразумѣніе!

А по какому случаю высказываетъ онъ это важное правило не преслѣдовать челоуѣка, не являть его лично за то, что составляетъ достояніе цѣлой школы, цѣлаго направленія?

Онъ высказываетъ это съ похвальною цѣлью оградить свою особу отъ подобныхъ уязвленій. Онъ очень хорошо понимаетъ силу этого правила, когда нужно обратить его противъ другихъ для защиты себя.

Однако пусть подумаетъ онъ, — авось память не измѣнитъ ему, — какой журналъ, изъ всѣхъ русскихъ журналовъ, постоянно нарушалъ вышесказанное правило. Онъ, безъ сомнѣнія, припомнить, кто эти люди, «не достойные серьезнаго спора», кто эти люди, съ которыми говорить значитъ унижать свое достоинство (мы употребляемъ его собственныя выраженія), кто эти писатели въ нашей литературѣ, которые въ томъ только и полагаютъ свое дѣло и значеніе, чтобъ оскорблять грубѣйшимъ образомъ людей за школу, которой они держатся, за мнѣнія, которые они раздѣляютъ? Г. Чернышевскому извѣстно какой это журналъ, извѣстно кто эти люди. Ему извѣстно въ какомъ журналѣ употребляются, вмѣсто брани, имена людей, писавшихъ у насъ по философіи не за то, чтобъ они сдѣлали какое-нибудь позорное дѣло, или чтобъ явились какимъ-нибудь недостойнымъ образомъ въ литературѣ, а за то, что они принадлежатъ не къ той, а вотъ къ этой школѣ въ наукѣ. Ему какъ нельзя болѣе извѣстно, въ какомъ журналѣ употребляются, тоже вмѣсто бранныхъ словъ, имена всѣхъ, кто пишетъ у насъ по предметамъ экономическимъ, и тоже не за какое-нибудь преступное дѣло, не за ошибки, не за незнаніе, не за шарлатанство, а за то напримѣръ, что они держатся принципа экономической свободы, во всей его силѣ и во всѣхъ его видахъ. Ему извѣстно, въ какомъ журналѣ грозятъ «бѣдою», то-есть «визгомъ» и «свистомъ» за всякое разногласіе по какимъ бы то ни было вопросамъ, а иногда просто за то, что здорово живешь.

Г. Чернышевскому не нравится, что г. Чернышевскаго будто

бы упрекають въ недостаткахъ школы, къ которой принадлежать онъ желаетъ. Когда воинственный пылъ его спадеть, когда онъ успокоится, пусть онъ спроситъ себя, нравятся ли ему тѣ выходы, которыми отличается извѣстный ему журналъ, — конечно не противъ него, а противъ другихъ, — выходы, которыя онъ съ такимъ достоинствомъ и такъ безпощадно заклеивалъ. Пусть онъ подумаетъ, можетъ ли онъ впредь позволять себѣ что-нибудь подобное, можетъ ли дѣлать онъ подобныя угрозы, какія дѣлалъ г. Буслаеву, — и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять уваженіе къ своей особѣ? Онъ знаетъ мудрое правило, очень убѣдительно доказываетъ его, очень сильно характеризуетъ тѣхъ, кто его нарушаетъ, — пусть же онъ это помнитъ.

Но вотъ что жаль: мудрое правило, которое онъ такъ хорошо сознаетъ, приведено имъ очень некстати. По какому случаю онъ приводитъ его? Онъ приводитъ его не въ защиту г. Буслаева, не въ уликъ свистуновъ. Мы знаемъ, что онъ приводитъ его въ огражденіе своей особы. Но по какому случаю? Все по тому же, все по случаю статьи г. Юркевича, которая не выходитъ у него изъ головы, преслѣдуетъ его неотступно, несмотря на то, что онъ питаетъ къ ней полнѣйшее равнодушіе. Вѣдь и г. Буслаевъ, и гг. Дудышкинъ, Громека и Альбертини обруганы, какъ кажется, по случаю этой статьи. Не будь этой статьи, очень вѣроятно, что г. Чернышевскій не пришелъ бы въ такой азартъ. Думали ли, гадали ли вышеупомянутыя лица, что они пострадаютъ за статью г. Юркевича, что они стануть жертвою гнѣва и мести за обиду, нанесенную этому воинственному человѣку скромнымъ кievскимъ профессоромъ?

Говоря, что онъ презираетъ ставящихъ ему въ упрекъ недостатки школы, къ которой онъ принадлежитъ, онъ разумѣетъ г. Юркевича, котораго критическая статья извѣстна нашимъ читателямъ, и г. Дудышкина, который похвалилъ эту статью, и выписалъ отрывокъ изъ нея въ своемъ журналѣ. Какъ жаль: въ первый разъ случилось г. Чернышевскому высказать правило объ обязанностяхъ критики, правило разумное и вѣрное, въ которомъ мы совершенно съ нимъ согласны, и — совершенно не кстати!

Г. Юркевичъ, въ своей критикѣ, ни однимъ словомъ не возлагаетъ на автора разбираемой имъ статьи ответственности за школу, къ которой онъ принадлежитъ. Утверждая противное, г. Чернышевскій говоритъ не то, что думаетъ — и да проститъ онъ намъ болѣе точное выраженіе — говоритъ неправду. Г. Юркевичъ упрекаетъ автора этой статьи за то, что онъ не понимаетъ даже своихъ собственныхъ авторитетовъ;

онъ упрекаетъ его за его промахи, за его ошибки, въ предѣлахъ той школы, которой приверженцемъ онъ выдаетъ себя. Г. Юркевичъ изобличаетъ незрѣлость мысли, дѣтскую самонадеянность, наконецъ шарлатанство въ разобранной имъ статьѣ. Г. Юркевичъ указываетъ на такія мѣста въ этой статьѣ, которыя не могли быть сказаны никакимъ мыслящимъ человѣкомъ, къ какой бы школѣ онъ ни принадлежалъ. Критикъ изобличаетъ автора именно тамъ, гдѣ онъ хвастается новизною и оригинальностью, гдѣ онъ гениальничаетъ. Авторъ, напримѣръ, придавая себѣ видъ глубокаго мыслителя, предлагаетъ, для разрѣшенія вопроса, совершенно новый и весьма сложный логическій приемъ: критикъ показываетъ, что этотъ приемъ, неслышанный въ логикѣ, никѣмъ никогда не употреблялся и употребляться, не можетъ, потому что противорѣчить всѣмъ основаніямъ мышленія и есть совершенная безсмыслица. Авторъ статьи утверждаетъ, что человѣку неизвѣстны никакія другія явленія кромѣ тѣхъ, которыя можно видѣть, щупать и т. д. Критикъ напоминаетъ ему, что онъ не понималъ тѣхъ книжекъ, изъ которыхъ вычиталъ эту мысль, что никто не отрицалъ явленій другаго рода кромѣ означенныхъ, что сущность ученій, которыхъ авторъ держится, состоитъ не въ отрицаніи этихъ явленій, а въ ихъ объясненіи физіологическими началами. Авторъ, въ бессознательномъ увлеченіи теоріей, которую принималъ на вѣру, доходитъ до неслышанныхъ результатовъ, утверждая, что въ курицѣ, когда она подбираетъ зерна, совершается такой же процессъ мышленія, какой происходилъ въ Ньютонѣ, когда онъ открывалъ всемірный законъ тяготѣнія, — что наконецъ та же курица не только способна ко всѣмъ чувствованіямъ, влеченіямъ и побужденіямъ, какъ и человѣческое сердце, но и превосходитъ его глубиною и возвышенностью своихъ чувствованій: критикъ предаетъ должному посмѣянію серьезный и учительный тонъ, какимъ излагаются у автора эти шуточки. Авторъ описываетъ естественное человѣческое мышленіе, а выходитъ, какъ показываетъ критикъ, что онъ краснорѣчиво изображаетъ состояніе сумашествія. Вотъ въ чемъ г. Юркевичъ упрекаетъ автора разбираемой имъ статьи, а не въ томъ, что онъ принадлежитъ къ какой-нибудь школѣ. Г. Юркевичъ, конечно, полемизируетъ съ авторитетами, предъ которыми наивно и бессознательно, безъ повѣрки собственной мысли, преклоняется авторъ разобранной статьи; но полемизируя ихъ, раскрывая недостатки и односторонности школы, къ которой относитъ себя авторъ, критикъ не ставитъ ихъ ошибокъ въ вину ему; онъ понималъ, что въ ошибкахъ, къ которымъ способны мыслящіе люди, авторъ виновенъ быть не можетъ.

А знаетъ ли г. Чернышевскій, что собственно должно было вызвать критику вышесказанной статьи? Г. Чернышевскій жалуется, что его безпрестанно упрекаютъ въ незнаніи того или другаго, въ ошибкахъ, промахахъ. Мало ли на свѣтѣ людей, которые и того не знаютъ, что знаетъ г. Чернышевскій? Но людей не знающихъ не упрекаютъ, когда они не говорятъ о томъ, чего не знаютъ. Да мало ли и такихъ людей, особенно у насъ, которые говорятъ, чего не знаютъ? «Мы всё учились понемногу», скажемъ еще разъ словами поэта —

Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

Наконецъ, кто не увлекается за предѣлы своихъ познаній и не дѣлаетъ ошибокъ? Но ошибки ошибкамъ рознь, къ тому же ошибка можетъ чѣмъ-нибудь искупаться, или она не искупается ничѣмъ. Если дѣльный человекъ промахнется, то промахъ прощается ему за его дѣльность; если мыслящій человекъ завлечется въ противорѣчіе и нелѣпость, то, уличая его ошибку, мы нисколько не теряемъ къ нему уваженія. Если у человека есть капиталъ, покрывающій долги, онъ можетъ честно расплатиться, и его не посадятъ въ яму.

Но не столько важно то, что дѣлаются ошибки, сколько то, съ какими сопутствующими обстоятельствами онѣ дѣлаются. Было бы очень печальнымъ дѣломъ ловить случайные промахи и изобличать незнаніе тамъ, гдѣ оно является безъ особенныхъ претензій. Совсѣмъ иное, когда недостатокъ мысли и знанія выдается за глубину премудрости, когда пошлость лѣзетъ въ гениальность, когда безмысліе топорщится, незнаніе кичится. Однако, скажемъ ли?—даже такого рода явленія, какъ они ни грустны, могутъ еще ожидать себя нѣкоторой пощады тамъ, гдѣ все вокругъ пусто или не зрѣло. Вина за подобныя явленія падаетъ главнымъ образомъ на общественную среду, которая дѣлаетъ ихъ возможными.

Но вотъ что еще бываетъ: съ недостатками мысли и знанія, съ ребяческою кичливостью и самомнѣніемъ, можетъ соединяться всякаго рода неблагопристойность, нетерпимость, нелѣпый и бессмысленный фанатизмъ. Бываетъ такъ, что человекъ не только обнаруживаетъ непониманіе того, о чемъ говоритъ, не только воображаетъ себя мыслящимъ и знающимъ, но съ неистовствомъ требуетъ, чтобъ и другіе воображали его такимъ. Кто свои незрѣлыя мнѣнія хочетъ навязывать другимъ насильно, оскорбляя всеми способами тѣхъ, кто съ нимъ несогла-

сень,— тотъ имѣеть ли какое-нибудь право жаловаться, что его не щадать?

Редакторъ *Современника* въ сильномъ негодованіи на *Отечественныя Записки*, за благопріятный отзывъ ихъ о статьѣ г. Юркевича. Онъ видитъ въ этомъ только недоброжелательство редакціи *Отечественныхъ Записокъ* къ нему лично, и еще разъ упрекаетъ этотъ журналъ за безхарактерность.

Дѣлая отзывъ о статьѣ г. Юркевича, редакція *Отечественныхъ Записокъ* приводитъ отрывокъ изъ *Физиологіи* Льюиса, недавно вышедшей на русскомъ языкѣ, въ прекрасномъ переводѣ гг. Рачинскаго и Борзенкова. Она привела этотъ отрывокъ въ доказательство, что мысли, изложенныя г. Юркевичемъ, согласны со взглядомъ мыслящихъ натуралистовъ, и вообще съ современнымъ состояніемъ естественныхъ наукъ. Г. Чернышевскій изливаетъ за это на г. Дудышкина флягу своего гнѣва. Онъ караетъ его самою тяжкою карой, онъ сравниваетъ его съ собою по уму и по образованію, то-есть уничтожаетъ его. Съ неслышанною въ литературѣ скромностію, онъ говоритъ: «...Какъ обширны мои знанія? На это могу отвѣчать вамъ только одно: несравненно обширнѣе вашихъ. Да это вы и сами знаете. Такъ зачѣмъ же вы добивались получить печатно такой отвѣтъ? Неразсудительно, неразсудительно вы подводили себя подъ него.»

Вообще то мѣсто, гдѣ г. Чернышевскій мѣрятся съ г. Дудышкинымъ, производитъ эффектъ сильнаго волнообразнаго движенія. Г. Чернышевскій возноситъ читателя на высоту своихъ познаній; но вслѣдъ за тѣмъ, стремясь унижить редактора *Отечественныхъ Записокъ*, онъ вдругъ опускается въ преисподнюю: «Да вы, пожалуста не примите этого за гордость,» говоритъ онъ г. Дудышкину, «есть чѣмъ тутъ гордиться, что знаешь гораздо больше нежели вы.»

Но сказавъ это, г. Чернышевскій чувствуетъ, что слишкомъ униживъ противника, онъ понизилъ и себя, а потому естественною реакціей онъ снова стремится вверхъ и по необходимости поднимаетъ за собою и г. Дудышкина. Изъ пучины, снова встаетъ высокій валъ. Г. Чернышевскій говоритъ: «И опять не примите этого такъ, что я хочу сказать, будто вы имѣете слишкомъ мало знаній. Нѣтъ, ничего-таки: кое-что знаете, и вообще вы человекъ образованный.»

Выписка изъ Льюиса приведена г. Дудышкинымъ не безъ смысла, какъ г. Чернышевскій хочетъ увѣрить публику, а очень кстати. Въ чемъ состоялъ главный предметъ спора между нимъ и г. Юркевичемъ? Чтò утверждалъ г. Чернышевскій въ своей статьѣ, которая подверглась обличенію? Онъ утверждалъ, что фи-

Лософія и психологія ничего не видятъ въ человѣкѣ, кромѣ того, что видятъ въ немъ химія и физиологія.

А что говоритъ Льюисъ?

— Есть, говоритъ Льюисъ, одно основное правило, нарушение котораго никогда не можетъ остаться безнаказаннымъ и которое, несмотря на это, постоянно нарушается при нашихъ попыткахъ добиться истины. Это правило состоитъ въ слѣдующемъ: *не должно никогда пытаться рѣшать вопросы одной науки помощью ряда понятій исключительно свойственныхъ другой.* Есть рядъ понятій, свойственныхъ только физикѣ, другой—принадлежащій химіи, третій—физиологич., четвертый—психологич., пятый свойственъ социальнымъ наукамъ. Хотя всѣ эти науки тѣсно связаны между собою, однакоже каждая имѣетъ свою независимую сферу, и эта независимость должна быть уважаема. Такъ химія предполагаетъ физику, а физиологія химію; но одни только физическіе законы не могутъ объяснить химическихъ явленій; одни химическіе законы не могутъ объяснить явленій жизненныхъ; такъ же точно и наоборотъ, химія не можетъ рѣшать физическихъ вопросовъ и физиологія химическихъ. При совершеніи всякаго жизненнаго явленія играютъ роль физическіе и химическіе законы и знаніе ихъ необходимо; но кромѣ этихъ законовъ, и выше ихъ, стоятъ особенные законы жизни, которые не могутъ быть выведены ни изъ физики, ни изъ химіи.

Г. Чернышевскій говоритъ: «Съ Льюисомъ-то я согласенъ.» Очень пріятно узнать; но съ которыхъ поръ? Пусть же согласится онъ и съ г. Юркевичемъ, который всячески старался убѣдить его въ этой истинѣ.

«Съ Льюисомъ я согласенъ», говоритъ г. Чернышевскій, и въ то же время такъ комментируетъ этого Льюиса, съ которымъ ему угодно подружиться, что обнаруживаетъ совершенное непониманіе дѣла, а не то желаніе—сыграть шутку съ публикой. Льюисъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ, что физиологическіе законы никогда не могутъ совпадать съ химическими, что законы жизни не могутъ быть выведены ни изъ физики, ни изъ химіи. Г. Чернышевскій, не приводя словъ самого Льюиса, увѣряетъ свою публику, будто бы этотъ натуралистъ утверждаетъ, что между законами жизненными и законами химическими, точно такое же отношеніе, какое оказывается между двумя способами просушки сигаръ, скорой и медленной, кратковременной и долговременной. Разказъ о просушкѣ сигаръ отличается художественною прелестью.

И человѣкъ, разсуждающій такимъ образомъ, считаетъ себя принадлежащимъ къ какой-либо философской школѣ, приверженцемъ какой-либо теоріи!

Онъ торжественно объявляетъ, что принадлежитъ къ школѣ послѣдней, самой новѣйшей, которая непосредственно произошла изъ Гегелевой философій. Съ тонкою и лукавою миной мучить онъ любопытство г. Дудышкина, заставляя его угадать, кто тотъ великій мыслитель, самый послѣдній и самый новѣйшій, кото-

рому онъ слѣдуетъ? Онъ такъ и оставляетъ публику въ недоумѣніи, кто этотъ великій мыслитель, въ котораго уперлось движеніе философіи. Добрый г. Чернышевскій! Онъ запомнилъ изъ своихъ тетрадокъ, что все на свѣтѣ идетъ по стрункѣ, по ниточкѣ, по одной линіи, что за Кантомъ слѣдовалъ Фихте, за Фихте Шеллингъ, за Шеллингомъ Гегель. А за Гегелемъ уже слѣдуетъ тотъ неизлаолаанный, тотъ таинственный авторитетъ, которому покорствуется г. Чернышевскій, то новое божество, которому онъ молится.

Этотъ неизлаолаанный произошелъ отъ Гегеля. А вотъ, что пишетъ о системѣ Гегеля тотъ самый Льюисъ, съ которымъ г. Чернышевскій такъ подружился, и котораго считаетъ единомышленнымъ себѣ. «Что касается до этой системы, говорить Льюисъ въ другомъ своемъ сочиненіи, то предоставляемъ нашимъ читателямъ судить, заслуживаетъ ли она какого-либо вниманія кромѣ развѣ только того, чтобы служить примѣромъ заблужденія мысли... Она все оставляетъ во мракѣ и не заслуживаетъ вниманія серьезныхъ людей. Она не только бесполезна, но и вредна. Легкость, съ которою люди могутъ бросать всѣ вопросы въ систематическое омраченіе метафизики, была долгое время истиннымъ бѣдствіемъ германской мысли и литературы.»¹

(Мы не согласны съ этимъ рѣзкимъ отзывомъ англійскаго ученаго о германской, философіи; это, безъ сомнѣнія, односторонность и крайность. Но очевидно по крайней мѣрѣ то, что натуралисты, за которыхъ такъ цѣпко хватается г. Чернышевскій, не признаютъ источника мудрости, изъ которой вышло таинственное божество, и наконецъ обидно игнорируютъ самое существованіе этого божества.

Г. Чернышевскій говоритъ, что неизлаолаанный авторитетъ записанъ уже въ исторію философіи, какъ послѣднее явленіе развитія философской мысли, и приглашаетъ редактора *Отечественныхъ Записокъ* заглянуть для справки въ лучшія современныя руководства по исторіи философіи. Увы! онъ не сообразилъ, что фактъ, вошедшій уже въ исторію, не есть что-нибудь самое новѣйшее. Онъ невольно возбуждаетъ подозрѣніе, что этотъ таинственный авторитетъ уже сданъ въ архивъ. Въ самомъ дѣлѣ, не ужели онъ думаетъ, что съ тѣхъ поръ какъ онъ впервые слышалъ въ своей семинаріи о новомъ авторитетѣ,—что съ тѣхъ поръ время остановилось, человѣческая мысль замерла, или осталась пережевывать одно и то же? Онъ не знаетъ, что авторитетъ, которому онъ поклоняется, тоже давно устарѣлъ; онъ не подозрѣваетъ, что движеніе мысли со-

¹ *The Biographical History of Philosophy*. стр. 609.

вершается не по линейкѣ, что въ то время какъ мы зѣваемъ на одно, начинаются тамъ и тутъ другія развитія, которыя не ждутъ насъ. Г. Чернышевскій думалъ поразить и публику, и г. Дудышкина, и г. Юркевича благоговѣйнымъ ужасомъ передъ самоновѣйшею философіею, передъ самоновѣйшимъ авторитетомъ, который вышелъ изъ Гегелевой системы, и по мнѣнію г. Чернышевскаго, господствуетъ теперь въ цѣломъ мірѣ надъ умами. Можемъ смѣло увѣрить его, что это господство не болѣе какъ его мечта, что никакого такого владычества нигдѣ не оказывается, развѣ между весьма молодыми людьми, въ какихъ-нибудь отсталыхъ краяхъ, можетъ-быть напримѣръ въ Молдавіи и Валахіи. Можемъ порадовать его, что въ настоящее время даже неловко и говорить о философскихъ школахъ. Время философскихъ школъ и системъ, приуроченныхъ къ какому-нибудь имени, или обозначаемыхъ какимъ-нибудь ярлыкомъ, уже миновало, и теперь открывается для этого вѣдѣнія, какъ и для всѣхъ наукъ, широкій путь, общій для всѣхъ. Теперь требуется самостоятельный трудъ мысли, а не ученическое отношеніе къ какой-либо системѣ, которая скрѣплена именемъ ея основателя.

Если мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовали трудъ г. Юркевича, то именно потому, что находили въ немъ эти качества, которыми обозначился въ наше время духъ серьезной и плодотворной науки. Онъ не ставитъ себѣ въ честь относиться ученически къ какой-нибудь системѣ или школѣ, точно также какъ изслѣдователь по части физики или химіи не причисляетъ себя къ какой-нибудь особенной школѣ Фарадея или Араго, Либиха или Бунзена. Онъ ищетъ знанія предмета, а не соглашенія съ какою-нибудь школою. А потому онъ и примыкаетъ къ тѣмъ изслѣдователямъ по своей части, которые въ наше время преимущественно содѣйствуютъ сообщенію философскимъ изслѣдованіямъ такого характера, какой давно уже приобрѣтенъ другими науками. Трудъ г. Юркевича потому и представляетъ пріятное явленіе въ нашей литературѣ, что служитъ отголоскомъ этихъ прогрессивныхъ тенденцій въ сферѣ его изученія. Самое прогрессивное начало во всякомъ дѣлѣ есть сила живаго понятія и духъ науки, ясно отличающій знаніе отъ незнанія и стремящійся къ знанію.

Но чтобы промзвести на г. Чернышевскаго эффектъ вполне благопріятный, мы скажемъ ему по секрету, что у г. Юркевича есть книжки поновѣе чѣмъ творенія *неизглаженныхъ* авторитетовъ, которые новы только для г. Чернышевскаго. Какъ онъ думаетъ, къ кому изъ современныхъ изслѣдователей примыкаетъ всего болѣе г. Юркевичъ? Къ какому-нибудь щеголю-метафизику, который въ два-три приѣма сложить и раз-

ложить вамъ цѣлый міръ, создать и уничтожить человѣка, положить и смахнуть абсолютнаго духа? Къ какому-нибудь ритору-софисту, который, забывъ о серьезныхъ цѣляхъ знанія, тѣшить себя и публику калейдоскопомъ бойкихъ словъ? Къ какому-нибудь суровому ястребу, который жадно терзаетъ всякую падаю и за этимъ, впрочемъ полезнымъ, дѣломъ ничего не видитъ и видѣть не хочетъ?—Къ кому же? спросить г. Чернышевскій. Ужь не къ Фейербаху ли?—Да, угадали.

Г. Чернышевскій оказываетъ особенный почетъ физиологамъ и медикамъ. Онъ говоритъ, что философія должна видѣть въ человѣкѣ только то, что видятъ въ немъ физиологи и медики. Ну вотъ мы, значитъ, порадуемъ его, если скажемъ, что изслѣдователь, къ которому преимущественно примыкаетъ г. Юркевичъ, есть именно физиологъ и не только физиологъ, а еще медикъ. Вѣроятно ему пріятно будетъ узнать, что главные труды этого изслѣдователя суть: вопервыхъ, *физиологія*, вовторыхъ, *медицинская психологія*, втретьихъ, *антропологія*,—все титулы самые пріятные для г. Чернышевскаго (вѣдь онъ и самъ писалъ объ антропологическомъ принципѣ въ философіи.) Въ своихъ физиологическихъ изученіяхъ, этотъ изслѣдователь чуть ли не дальше пошелъ чѣмъ Льюисъ, которому г. Чернышевскій предложилъ свою дружбу. Этотъ изслѣдователь все въ физиологіи объясняетъ чистѣйшимъ механизмомъ. Имя его съ уваженіемъ цитруется самыми крайними матеріалистами.

Вотъ какія бываютъ на свѣтѣ запутанности, вотъ какъ бываетъ мудроно жить на свѣтѣ и какъ мудроно заниматься философіей! И медикъ, и физиологъ, и самый послѣдовательный механикъ, и самоновѣйшій изслѣдователь, и все-таки не то, что вы ожидаете,—и все-таки г. Юркевичъ съ нимъ согласенъ,—и все-таки матеріалистическія ученія (которыя вовсе и не новость, а напротивъ подновляемая старь) встрѣчаютъ въ Германіи самое сильное противодѣйствіе себѣ въ его изслѣдованіяхъ.

Сказать ли г. Чернышевскому, кто этотъ изслѣдователь, чтобы онъ могъ пріобрѣсти его книжки? Нѣтъ, пусть онъ прежде прочтетъ статью г. Юркевича, но только спокойно, безъ сердца и съ должнымъ вниманіемъ.

Г. Чернышевскій, какъ извѣстно, перепечаталъ въ своемъ журналѣ отрывокъ изъ статьи г. Юркевича. Онъ это сдѣлалъ, какъ самъ сознается, съ цѣлью убѣдить публику, что не боятся доводовъ своего критика, что онъ ихъ превираетъ и считаетъ себя выше ихъ. Онъ въ этомъ случаѣ очевидно разчитывалъ, что его публика вникать въ дѣло не станетъ, что она не будетъ вдумываться въ этотъ отрывокъ, который для пущаго эффекта даже и пресѣкъ на полусловѣ, что она не пойметъ его, и бу-

дѣтъ уже достаточно предубѣждена противъ г. Юркевича этимъ очевиднымъ доказательствомъ совершеннаго къ нему презрѣнія. Но въ *Отечественныхъ Запискахъ* взять отрывокъ побольше. Выписано также заключеніе критической статьи г. Юркевича. Разумѣется это не поправилось г. Чернышевскому, и уничтожая редактора *Отечественныхъ Запискахъ*, онъ старается еще какимъ-нибудь образомъ дискредитировать г. Юркевича во мнѣніи своей публики. Для этого онъ употребляетъ одинъ очень интересный пріемъ, дѣлающій честь его изобрѣтательности. Онъ пытается вкрадчивымъ образомъ внушить своимъ читателямъ, будто бы г. Юркевичъ основывается въ своихъ выводахъ на такого рода фактахъ какъ вызываніе духовъ и т. п., и для этого выводитъ на сцену извѣстнаго *медіума* Юма. Онъ такъ увѣренъ въ добродушіи своей публики и въ ея неспособности понять дѣло, что распространяетъ этотъ маневръ на цѣлую страницу, надеясь произвести этимъ сильнѣйшій эффектъ. Выходитъ, что г. Юркевичъ спорилъ съ г. Чернышевскимъ о томъ, дѣйствительно ли г. Юмъ можетъ видѣть изъ Петербурга человека, сидящаго въ Пенсильваніи, въ Америкѣ, и сообщать точныя свѣдѣнія о его здоровьѣ. Г. Юркевичъ, будто бы признавая въ этомъ знаменитомъ Юмѣ особенныя удивительныя силы, говоритъ г. Чернышевскому: Извольте-ка объяснить эти явленія физиологіей, химіей, діоптрикой и катоптрикой. А г. Чернышевскій будто бы отвѣчаетъ ему: Милостивый государь, этого факта, на который вы ссылаетесь, я не вижу, а вижу другой фактъ: г. Юмъ ничего изъ Петербурга не видѣлъ, а только васъ дурачилъ. На это будто бы противникъ отвѣчаетъ ему: въ вашихъ словахъ, отрицающихъ мое мнѣніе о Юмѣ, я вижу только наглость вашего незнанія.

Г. Чернышевскій, разумѣется, не утверждаетъ, чтобы между нимъ и Юркевичемъ происходилъ именно такой разговоръ; это было бы черезчуръ. Но онъ утверждаетъ, что споръ его съ Юркевичемъ именно такого свойства, что его критикъ ссылается именно на такіе факты, какъ *медіумъ* Юмъ съ его таинственными силами, не существующими для науки. Но если этотъ Юмъ дѣйствительно отличный фокусникъ, то, да проститъ намъ г. Чернышевскій, и самъ онъ тоже не промахъ въ этомъ искусствѣ. Вѣдь все то, что онъ разказываетъ о Юмѣ, стараясь привести его въ связь съ своимъ критикомъ, есть отличный фокусъ, достойный Пинетти. Нужно ли говорить, что ни о какихъ таинственныхъ силахъ нѣтъ и помину у г. Юркевича. Въ своихъ объясненіяхъ онъ не только не касается какихъ-нибудь удивительныхъ явленій, но даже и ничего такого, о чемъ бы мы не могли имѣть самыхъ ясныхъ, определенныхъ, научныхъ понятій. Онъ не думалъ говорить о томъ, можно ли какъ-нибудь объяснить сомнамбулизмъ, животный ма-

гнетизмъ и т. п.; ни о чемъ подобномъ не было у него рѣчи, не было ни малѣйшаго намека. Рѣчь шла о самыхъ простыхъ ежедневныхъ, ежеминутныхъ, всякому всего болѣе известныхъ явленіяхъ: о томъ что такое видѣть, слышать, ощущать, мыслить и т. д. Нѣтъ человѣка, который бы ежеминутно не чувствовалъ чего-нибудь, не представлялъ чего-нибудь, не мыслить о чемъ-нибудь; рѣчь шла только о томъ, могутъ ли эти явленія, которыя мы называемъ ощущеніями, представленіями, мыслями, могутъ ли они объясняться изъ физическихъ или химическихъ началъ. Рѣчь шла не о томъ, можно ли видѣть изъ Петербурга что дѣлается въ Пенсильваніи, а о томъ можно ли объяснять одними данными физики, химіи, физиологіи, способность видѣть слышать, ощущать что-нибудь. Рѣчь шла только о томъ, существуетъ ли особое вѣдѣніе для явленій этого рода, и если существуетъ, то должна ли наука этихъ явленій имѣть свое понятіе, или брать ихъ изъ другихъ наукъ? Г. Юркевичъ понимаетъ это дѣло точно также какъ высказалъ Льюисъ въ вышеприведенной цитатѣ: «не должно никогда рѣшать вопроса одной науки помощію ряда понятій исключительно свойственныхъ другой»; следовательно наука, имѣющая своимъ предметомъ психическія явленія должна для объясненія ихъ имѣть свои начала, а не прибѣгать за ними къ физиологіи или химіи.

Вотъ вся сущность вопроса: за чѣмъ же тутъ понадобился Юмъ съ его таинственными силами? Фокусникъ или не фокусникъ Юмъ, но какое до него дѣло г. Юркевичу?

Что такое химія, физика, физиологія математика? Фокусы таинственныхъ силы, Юмъ видащій изъ Петербурга какъ ставить пѣвки въ Пенсильваніи? Конечно нѣтъ, а между тѣмъ все это силы дѣйствительныя, несомнѣнныя; все это понятія, все это процессы, принадлежащіе къ области явленій психическихъ въ обширномъ смыслѣ; ихъ нельзя видѣть, нельзя слышать, нельзя схватить руками, а между тѣмъ это все-таки силы, не подлежащія сомнѣнію, и при томъ вовсе не мистическія, а напротивъ разгоняющія всякій мистицизмъ. Вотъ о чемъ говорили г. Чернышевскому, а онъ хватается за Юма.

И что ему это вздумалось вывести на сцену Юма? Тутъ неприемлемо долженъ быть какой-нибудь фокусъ. Почему г. Чернышевскій взялъ Юма, почему не Гудена, почему не Боско? Дѣло вотъ въ чемъ: у г. Юркевича дѣйствительно упоминается не разъ имя известнаго шотландскаго мыслителя, скептика Давида Юма, жившаго въ прошломъ столѣтіи. Между тѣмъ Юмомъ, о которомъ говорилъ г. Юркевичъ, и этимъ Юмомъ, котораго вызываетъ для своихъ цѣлей г. Чернышевскій, также мало общаго, какъ между самимъ г. Чернышевскимъ и Рабле, Вольтеромъ, Белемъ, Кан-

томъ и другими знаменитыми людьми, къ которымъ, съ величайшею скромностію, приравниваетъ себя нашъ будущій союзникъ. Между Давидомъ Юомъ, на котораго ссылается г. Юркевичъ, и Юомъ, котораго приводитъ г. Чернышевскій, нѣтъ ни малѣйшей аналогіи. Но такъ какъ имя Юма встрѣчается въ статьѣ г. Юркевича и такъ какъ цитатой изъ этого мыслителя даже заключаются его статьи,—значитъ оно встрѣчается на самомъ видномъ мѣстѣ, вслѣдъ за непріятными для г. Чернышевскаго уликами въ пустословіи, цинизмѣ, незнаніи и шарлатанствѣ,—то г. Чернышевскій весьма практически воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ подумалъ: моя публика не разберетъ, о какомъ это Юмѣ говоритъ Юркевичъ? Благо этотъ Юркевичъ упомянулъ о Юмѣ, давай же я скажу, что онъ опровергаетъ меня тѣмъ Юомъ, о которомъ пишутъ въ газетахъ. Это будетъ очень эффектно и сразу порѣшитъ вопросъ во мнѣніи моей публики.

Къ числу эффектныхъ штукъ принадлежитъ также ссылка на Бокля, автора *History of Civilisation in England*. Отечественныя Записки помѣщаютъ у себя переводъ этого сочиненія. Г. Чернышевскій видитъ здѣсь новое доказательство безхарактерности этого журнала. Онъ увѣряетъ, что въ томъ журналѣ, гдѣ печатается Бокль, нельзя соглашаться съ мнѣніями г. Юркевича. Онъ съ торжествомъ указываетъ на это противорѣчіе и съ столетомъ въ рукѣ пристаеетъ къ г. Дудышкину: жизнь или смерть, Бокль или Юркевичъ!

Г. Чернышевскій свидѣтельствуетъ о своей дружбѣ съ Боклемъ, точно также какъ о сердечномъ согласіи съ Льюисомъ.

Но зачѣмъ онъ напрашивается на дружбу съ Боклемъ? Бокль не чтитъ его авторитетомъ, и по всему вѣроятію, не знаетъ ихъ. Бокль писатель самостоятельный, съ дарованіемъ, съ познаніями, склонный, какъ и многіе, къ увлеченіямъ, парадоксамъ и односторонностямъ, но серьезно поднимающій одинъ изъ важныхъ современныхъ вопросовъ и работающій въ чистомъ интересѣ знанія. Онъ, конечно, увлекается воображая себя, что первый поднялъ вопросъ объ исторіи какъ положительной наукѣ; но онъ оригинально приступаетъ къ дѣлу, возбуждаетъ мысль, привлекаетъ ее къ изученію важнаго предмета, интересно группируетъ разнообразныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ источниковъ, и даже своими односторонностями и промахами способствуетъ къ уясненію дѣла.

Журналъ, печатающій у себя главы изъ его исторіи, вовсе не обязанъ, вслѣдствіе этого, соглашаться съ нимъ во всемъ, на вѣки по его кодексу опредѣлять свои симпатіи и антипатіи, и видѣть въ немъ непререкаемую норму для всѣхъ своихъ помысловъ и чувствованій. Да вотъ и самъ г. Чернышевскій, хоть

онъ и склоненъ творить себѣ кумиры, хотъ онъ и возымѣлъ вдругъ особенное пристрастіе къ Боклю, а все-таки считаетъ нужнымъ оговориться, что есть у Бокля страницы, которыя ему не совсѣмъ нравятся. Охотно вѣримъ. Пусть онъ поищетъ, онъ найдетъ у Бокля еще и другія страницы, которыя можетъ-быть также не очень понравятся ему. Значитъ, онъ понимаетъ, что можно находить достоинства въ авторѣ и читать съ интересомъ и пользою его труды, не обязываясь однако соглашаться съ нимъ во всемъ. Зачѣмъ же онъ пристаеъ къ г. Дудышкину?

Только люди, у которыхъ въ головѣ остается еще закваска школьных тетрадокъ, способны распредѣлять труды науки и мысли по ярлыкамъ. Вотъ напримѣръ какой-нибудь изслѣдователь съ ярлычкомъ матеріализма. Значитъ, долой его; онъ никуда не годится. Положимъ, что иной матеріалистъ и дѣйствительно никуда не годится. Но матеріалистъ можетъ быть не просто только матеріалистъ: онъ можетъ быть еще и естествоиспытатель, физиологъ или химикъ, а это совсѣмъ не то, что матеріализмъ. Онъ можетъ быть ошибается въ своихъ теоріяхъ касательно психическихъ явленій, въ своихъ фантазіяхъ объ устройствѣ общества, но онъ можетъ быть отлично дѣйствуетъ въ химическомъ анализѣ и въ опытахъ надъ нервной системой. Въ одномъ случаѣ онъ можетъ быть фантазеръ, въ другомъ— дѣльный ученый и основагелный мыслитель.

Прочному приобрѣтенію знанія не всегда вредитъ ошибочная мысль, которая ему сопутствуетъ, а бываетъ даже такъ, что и помогаетъ. И наоборотъ, серіозныя заслуги, оказанныя какимъ-либо изслѣдователемъ, не дѣлаютъ чѣмъ-нибудь святымъ и неприкосновеннымъ всякую нелѣпость, которая по разнымъ причинамъ сложится въ его мысляхъ. Одинъ и тотъ же умъ, въ разные моменты своей жизни, можетъ быть и великимъ и ничтожнымъ. Вотъ сфера, гдѣ человекъ мыслить здраво и плодотворно; вотъ другая, гдѣ онъ сущій ребенокъ. Или вы думаете, что если мы съ вами кое-что знаемъ и кое о чемъ имѣемъ понятіе, такъ ужъ мы со ipso и все на свѣтѣ знаемъ, и ко всему можетъ подойти съ одними и тѣми же понятіями? Вотъ вы напримѣръ, знаете толкъ въ сигарахъ, и васъ фабрикантъ не надуетъ: вы отличите, какія просушены хорошо, какія дурно. А въ винахъ вы можетъ-быть толку не знаете: пойдете покупать, и васъ пожалуй обманутъ.

Но возвратимся къ тяжбѣ *Современника* съ *Отечественными Записками* по поводу Бокля. Бокль ни матеріалистъ, ни спиритуалистъ. Онъ хлопочетъ только о томъ, чтобы оградить себя отъ всякой метафизики, въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Посмотримъ однако, какія у Бокля основныя начала, независимо

отъ достоинствъ или недостатковъ его труда, и какъ по этимъ началамъ рѣшается вышесказанная тѣжба.

Бокль ставитъ, какъ историческій законъ, что одинъ изъ самыхъ главныхъ враговъ цивилизаціи есть духъ покровительства и вмѣшательства въ дѣло жизни. Чтожь? это основательно. *Отечественныя Записки* могутъ быть вполне того же мнѣнія, при совершенномъ согласіи съ мнѣніями, высказанными г. Юркевичемъ.

Бокль полагаетъ также, что съ развитіемъ цивилизаціи умственные истины получаютъ перевѣсъ (не абсолютный, а относительный) надъ истинами нравственными, потому что первая способны къ приращенію и усиленію, а вторыя болѣе неподвижнаго свойства. Чтожь? эта мысль не лишена основанія; но справедливо и то, что умственное развитіе само дѣйствуетъ какъ нравственная сила, и въ сущности не разнится отъ нея. *Отечественныя Записки* могутъ безъ труда сгруппировать эту мысль оставаясь при мнѣніи, которое онѣ высказали о г. Юркевичѣ.

Бокль въ основаніе всему полагаетъ убѣжденіе, что наука есть главная сила человѣческаго прогресса. А въ какомъ русскомъ журналѣ съ наукою обращаются самымъ кавалерскимъ образомъ?

Бокль видитъ главное зло въ духѣ нетерпимости. А какой русскій журналъ отличается нетерпимостью до нарушенія всѣхъ правилъ приличія?

Пока довольно. Очень жалѣемъ, что на этотъ разъ наблюденія надъ нашимъ союзникомъ привели насъ, какъ видятъ читатели, къ результатамъ не весьма благонадежнымъ для нашей *entente cordiale*.

ЗАМѢТКА ДЛЯ ЖУРНАЛА *ВРЕМЯ*.

Журналъ *Время*, еще до своего появленія на свѣтъ, объявлялъ, что будетъ, не стѣсняясь, чинить судъ и расправу надъ другими журналами. Никто ему не мѣшаетъ въ отправленіи этой многотрудной обязанности. Онъ постановляетъ приговоры, критикуетъ, полемизируетъ какъ ему угодно. Но думаетъ ли онъ, что это право исключительно принадлежитъ ему, и что, напримѣръ, мы не имѣемъ права съ своей стороны упомянуть о журналѣ *Время*?

Мы не имѣемъ претензіи учить другіе журналы какъ имъ лучше вести свои дѣла, какія помѣщать статьи, какъ располагать книжки и какими способами придавать изданію возможно большій интересъ. Мы думаемъ, что редакція

каждаго журнала сама знаетъ какъ ей вести свои дѣла, и что можно безъ грѣха уволить себя отъ излишнихъ заботъ по дѣламъ сѣзда. Но объ этомъ щекотливомъ пунктѣ мы предоставляемъ каждому журналу имѣть свое мнѣніе. Если *Время* считаетъ ошибочнымъ нашъ взглядъ на взаимныя отношенія журналовъ между собою, то пусть онъ держится своего взгляда и заботится, въ видахъ общей пользы, объ улучшеніи другихъ журналовъ. Но мы не понимаемъ, какъ при его взглядѣ можно сердиться на всякое замѣчаніе, сдѣланное о немъ въ другомъ журналѣ. Предоставляя себѣ полное право голоса о другихъ, можетъ ли этотъ журналъ сердиться, если другіе заглянуть иногда въ его книжки и скажутъ свое мнѣніе?

Какъ-то, не пускаясь ни въ какія отзывы о самомъ этомъ журналѣ, мы коснулись случайно одной статьи въ немъ, фельетона, гдѣ высказывались престранныя вещи. Мы не знали и не имѣли надобности знать кто авторъ этой статьи, напечатанной безъ подписи, и взяли нѣкоторыя мѣста изъ нея, поразившія насъ своею странностію. Кто захочетъ слышать эту статью съ нашимъ отзывомъ, тотъ непременно согласится, что отзывъ нашъ не былъ преувеличенъ, и что объ этой статьѣ нельзя отозваться слишкомъ рѣзко. Насъ однако упрекнули въ одной газетѣ за преувеличеніе и излишнюю рѣзкость. Но въ какомъ отношеніи находили наше мнѣніе преувеличеннымъ? Находили, что мы слишкомъ мрачно вообще смотримъ на русскую литературу и придаемъ слишкомъ много значенія ничтожной статьѣ, вида въ ней характеристическую черту цѣлой литературы. По мнѣнію рецензента *Сѣверной Пчелы*, статья эта точно возмутительна своею пошлостію и нелѣпостію; онъ согласенъ, что о ней должно было отозваться, и самъ отзывается въ такомъ же смыслѣ какъ мы. Онъ еще указываетъ на нѣкоторыя другія прелести этой статьи, которыхъ мы не касались, довольствуясь только тѣмъ, на чемъ случайно развернулась книжка. Мы привели только тѣ мѣста, гдѣ авторъ любитъ мошенникомъ и восторгается разбойникомъ. Мы ничего еще не говорили о его безконечной любви къ Плюшкину. Мы не говорили также о томъ, какъ по мнѣнію фельетониста надобно смотрѣть на статую, и куда не показывать пальцемъ. Мы вовсе не хотѣли эксплуатировать эту статью, какъ и вообще не имѣемъ въ виду эксплуатировать журналъ *Время*. Повторяемъ, что статья эта случайно подвернулась намъ подъ руку и очень можетъ быть, что перелистывая ту же книжку, мы нашли бы въ ней и многое другое не хуже этого фельетона. Мы однако ничего этого не дѣлали, и все преувеличеніе, за которое можно насъ упрекать, состоитъ развѣ только въ томъ, что мы привели этотъ фельетонъ въ связь съ общимъ положеніемъ русской литературы. Мы, можетъ

быть, оскорбили этимъ нашу литературу, нашихъ фельетонистовъ, и фельетонисты дѣйствительно обидѣлись. Мы, значитъ, виноваты передъ ними, но никакъ не передъ журналомъ *Время* и его фельетонистомъ. Еслибы мы хотѣли лично оскорбить этотъ журналъ или его фельетониста, то мы напротивъ должны были бы всю отвѣтственность за странныя мнѣнія, высказанныя въ этой статьѣ, возложить на нихъ однихъ, а не оправдывать надъ общимъ состояніемъ нашей литературы. Мы говорили, что типъ хлестаковства господствуетъ у насъ вездѣ. Можетъ-быть мы были не правы, можетъ-быть мы преувеличивали, слишкомъ распространяя сферу этого типа. Но развѣ было бы лучше для журнала *Время* или для его фельетониста, еслибы мы этотъ типъ сосредоточили на нихъ?

И что же, однако? *Время* осыпаетъ насъ укорами и предастъ насъ поруганію за то, что мы осмѣлились коснуться статьи, напечатанной въ этомъ журналѣ. Оно видитъ въ нашей статьѣ признакъ какой-то безсильной, «женской», какъ оно выражается злобы, «литературную истерику». Доказывая, что журналы не только могутъ, но и должны судить другъ о другѣ, редакція *Времени* видитъ признаки истерики и злобы въ замѣчаніи по поводу какой-нибудь статьи въ немъ.

Редакція *Времени* упрекаетъ насъ за то, что мы не вышли съ ней на какой-то «прямой и честный бой», а «подкрались сзади, ущипнули и убѣжали прочь». Но какой же это бой предлагала намъ редакція *Времени*? Она оскорблена была тѣмъ, что мы назвали *Египетскія ночи* Пушкина фрагментомъ, и доказывала въ обстоятельной эстетической диссертациі, что это не фрагментъ, а цѣльное произведеніе, комментировала эту піесу и разложила ее на акты. О чемъ же тутъ спорить? Мало ли кто-то думаетъ? Какая намъ надобность мѣшать журналу *Время* имѣть свое мнѣніе, не только по этому, но и по другимъ предметамъ?—Далѣе, въ этомъ журналѣ пространно разбиралась одна изъ нашихъ статей. Разборъ этотъ дѣйствительно не отличается ни особенною добросовѣстностью, ни знаніемъ дѣла; рецензентъ находитъ въ статьѣ то, чего авторъ не говоритъ; спутываетъ мысли и факты, и опровергаетъ произведенія собственной фантазіи; но у насъ достаточно своихъ заботъ, и мы не имѣемъ досуга заботиться еще объ улучшеніи критики въ этомъ журналѣ; защищаться же отъ его критики не имѣемъ ни охоты, ни надобности. — Наконецъ, въ этомъ журналѣ встрѣчаются разные отзывы вообще о насъ, благопріятные или неблагопріятные. Какъ объ этомъ, спорить? Мы безъ всякаго спора предоставляемъ всякому имѣть о насъ какое угодно мнѣніе. Скажутъ намъ, что мы дурны, — можемъ ли мы отвѣчать: нѣтъ,

мы хороши? И что мы были бы за дикіе, еслибы вздумали принимать бой на такомъ полѣ?

Но съ другой стороны, предоставляя журналу *Время* судить о насъ какъ ему угодно, мы не думаемъ, чтобы намъ было воспрещено сказать когда-нибудь наше слово о томъ, что въ немъ пишется. За что же отнимать у насъ это право? Если вамъ сужденія наши не нравятся, пишите противъ нихъ, браните насъ за эти сужденія, но не браните насъ за то, что мы позволяемъ себя ихъ высказывать. Редакція *Времени* говоритъ, что мы коварно ущипнули ее зади; она открываетъ тайну автора того фельетона, котораго мы коснулись; имя этого фельетониста г. Кусковъ. Къ чему все это? Хотѣла ли редакція поскорѣе сложить съ себя ответственность за неподписанную статью? хотѣла ли она, напротивъ, придать авторитетъ этому фельетону? Г. Кусковъ отозвался съ своей стороны письмомъ къ *Русскому Вѣстнику*, въ которомъ вложено еще письмо къ нему отъ какого-то его пріятеля. Благодаримъ его за всѣ любезности, но смѣемъ увѣрить его, что мы, говоря о фельетонѣ, который оказался его произведеніемъ, не имѣли и не могли имѣть въ виду ни его, ни кого-либо другаго, и что намъ рѣшительно все равно, онъ или не онъ писалъ эту статью. Мы говорили вообще, не имѣя въ виду ни чьей личности. Но мы думаемъ, во всякомъ случаѣ, что редакція журнала, въ которомъ онъ пишетъ свои фельетоны, гораздо болѣе оскорбила его лично нежели могли мы, не зная его и не имѣя о немъ никакого понятія. Редакція *Времени* находитъ, что его статья не можетъ быть предметомъ честной полемики: вѣдь это обидно. Она говоритъ, что задѣвъ г. Кускова, мы подкрались къ ней зади и ущипнули ее. Почему же коснуться г. Кускова, значить ущипнуть журналъ *Время* зади? Признаемся, мы не понимаемъ, какъ можно до такой степени грубо относиться о своемъ сотрудникѣ.

ДВА СЛОВА ВЪ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ № 182 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* напечатанъ отзывъ г. Г., автора *Философскаго Словаря* на нѣсколько словъ, сказанныхъ по поводу его словаря въ нашемъ журналѣ. Авторъ недоуменъ нашею замѣткой, и можетъ-быть, не совсѣмъ безъ основанія. Мы отозвались объ его трудѣ слишкомъ легко, при случаѣ, мимоходомъ, а не въ особой рецензіи, которой онъ заслу-

живалъ. Правда, мы отдали справедливость добросовѣстности этого труда, и говоря о неудовлетворительномъ по нашему мнѣнію способѣ изложенія философскихъ системъ, мы именно сказали, что не должно ставить ему въ вину эту неудовлетворительность, и что исторія философій, какъ наука, находится еще *in spe*. Тѣмъ не менѣе все, что мы сказали въ похвалу или оправданіе составителю *Словаря*, могло показаться лишь не существенными и формальными оговорками, въ сравненіи съ тѣмъ, что сказано вообще о неудовлетворительности господствующаго метода въ изложеніи философскихъ системъ, и отзывъ нашъ объ его трудѣ могъ дѣйствительно показаться черезчуръ неблагопріятнымъ. Этого не было въ нашемъ намѣреніи, и потому мы благодаримъ г. Г. за данный имъ поводъ устранить это случайное недоразумѣніе.

Г. Г. особенно сътуетъ на то, что было сказано нами по поводу изложенной у него системы Гегеля. Онъ соглашается, что далъ этому изложенію мѣста болѣе чѣмъ сколько слѣдовало въ *Словарь*, но находитъ, что всѣ дальнѣйшія наши замѣчанія придирчивы и не справедливы. Особенно не понравился ему нашъ упрекъ, что онъ съ какимъ-то благоговѣніемъ старается переносить термины нѣмецкаго мыслителя на русскій языкъ. Но съ этимъ замѣчаніемъ мы не соединяли ничего оскорбительнаго или неблагопріятнаго для автора. Мы вовсе не хотѣли сказать, что онъ дѣйствительно былъ исполненъ какого-нибудь благоговѣйнаго чувства. Мы хотѣли только сказать этимъ, что онъ напрасно тратилъ свои усилія на такое дѣло, которое вовсе не требовало ихъ, тогда какъ онъ могъ бы упогрѣбить ихъ болѣе производительнымъ образомъ. Мы замѣтили также, что излагая Гегелеву систему, какъ многозначительную фазу въ развитіи философской мысли, составитель въ то же время отзывается о ней какъ о жалкой ошибкѣ, основанной чуть не на игрѣ словъ. Мы думали, что имѣли право замѣтить это противорѣчіе.

И однако жъ мы охотно сознаемся, что въ самомъ дѣлѣ безкорыстный и усердный трудъ, плодъ многолѣтней дѣятельности, заслуживаетъ болѣе спеціальной и обстоятельной оцѣнки. Намъ жаль, что нѣсколько словъ, сказанныхъ нами по поводу *Философскаго Словаря*, могли показаться рецензіей этого труда. Мы постараемся, при слѣдующемъ томѣ, почтить это изданіе спеціальнымъ разсмотрѣніемъ и отдать ему всю должную справедливость.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ КАТРОВА И К°

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 31-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ Правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ тканей челоѳического тѣла. Д-ра А. Винтера. Переводъ съ Нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р., 25 коп.

ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ къ постройкѣ фабричныхъ и жилыхъ строеній и къ составленію для нихъ проектовъ и смѣтъ. Составл. А. Р. Съ 8-ю таблицами чертежей. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1835. Ц. 30 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по англичному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 руб.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОМОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БЮГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 30 к., съ пер. 75 к. •

— Робартсъ, вы когда-нибудь раскаетесь въ жестокости вашихъ словъ.

— Желалъ бы я знать, раскаетесь ли вы когда-нибудь въ своихъ жестокихъ поступкахъ, или вамъ все это ни почемъ!

— Я теперь разоренъ окончательно, сказала Соверби.—Я всего долженъ лишиться, и положенія въ свѣтѣ, и семейнаго достоянія, и отцовскаго дома, и мѣста въ парламентѣ, и возможности жить между моими соотечественниками, вообще возможности жить гдѣ бы то ни было; но все это не такъ меня мучаетъ, какъ то, что я васъ запугалъ въ свою гибель.

И Соверби въ свою очередь отвернулся, утирая непритворныя слезы.

Робартсъ все еще ходилъ по комнатѣ, но онъ уже не былъ въ силахъ возобновлять свои обвиненія. Такъ обыкновенно бываетъ. Пусть человѣкъ самъ себя осыплетъ упреками, и упреки другихъ непремѣнно замолкнутъ на время. Соверби инстинктивно попалъ на этотъ путь, и теперь видѣлъ возможность завязать разговоръ.

— Вы несправедливы ко мнѣ, сказалъ онъ,—если полагаете, что я не стараюсь изъ всѣхъ силъ какъ-нибудь спасти васъ. Только въ этой надеждѣ я и пріѣхалъ сюда.

— Какая же у васъ надежда? Вы хотите вѣроятно, чтобъ я еще подписалъ нѣсколько векселей...

— Нѣтъ, не нѣсколько векселей; нужно только возобновить одинъ вексель на...

— Послушайте, мистеръ Соверби. Ни за какія блага въ мірѣ не соглашусь я подписать какой бы то ни было вексель. Я былъ слабъ, и стыжусь своей слабости, но я надѣюсь, что теперь у меня достанетъ силы сдержать свое слово. Никогда не подпишу я новаго векселя, ни для васъ, ни для себя.

— Но вѣдь это безуміе, Робартсъ, при теперешнихъ вашихъ обстоятельствахъ.

— Положимъ, что безуміе.

— Видѣли вы Форреста? Если вы поговорите съ нимъ, вы сами убѣдитесь, что еще можно все уладить.

— Я и такъ долженъ мистеру Форресту сто пятьдесятъ фунтовъ; я ихъ занялъ у него, когда вы потребовали съ меня деньги за лошадь; ни за что на свѣтѣ я не увеличу этого долга. Вотъ и въ этомъ случаѣ я дамъ одурачить себя кругомъ. Вы можете быть забыли, что деньги за лошадь должны были пойти на погашеніе долга.

— Помню, помню; да я вамъ объясню, какъ это случилось.

— Не нужно; ужъ видно все одно къ одному.

— Но выслушайте же меня. Я увѣренъ, что вы пожалѣли бы

обо мнѣ, еслибы знали все, что мнѣ приходилось выносить. Я даю вамъ честное слово, что не имѣлъ намѣренія требовать съ васъ денегъ за эту лошадь; повѣрьте же мнѣ, хоть на этотъ разъ. Но вспомните то несчастное дѣло съ Лофтономъ, вспомните, въ какихъ сердцахъ онъ пришелъ къ вамъ въ гостиницу по поводу какого-то недоплаченного векселя.

— Я знаю только, что въ отношеніи ко мнѣ онъ былъ совершенно не правъ.

— Конечно, но не въ этомъ вопросъ. Онъ былъ въ такой ярости, что рѣшался разгласить все это дѣло; это было бы крайне не пріятно для васъ, такъ какъ вы только что приняли бенефицію въ Барчестерѣ.

Тутъ бѣднаго бенефицианта страшно покорибило.

— Я употребилъ всѣ усилія, чтобы купить этотъ вексель. Эти алчные ястреба впились въ свою добычу, когда увидѣли, что я ею дорожу, и я былъ принужденъ дать имъ за этотъ вексель слишкомъ сто фунтовъ, хотя Господь вѣдаетъ, что я давнымъ-давно уплатилъ по немъ до послѣдняго шиллинга. Никогда въ жизни я такъ не бился изъ-за денегъ какъ въ тотъ разъ, для того чтобы достать эти сто двадцать фунтовъ, и, клянусь честію, я это дѣлалъ для васъ. Лофтонъ не могъ причинить мнѣ никакого вреда.

— Вѣдь вы ему сказали, что вы за векселя дали не болѣе двадцати пяти фунтовъ.

— Да что же мнѣ было дѣлать? Я долженъ былъ это говорить, чтобы не показать ему до какой степени было для меня важно это дѣло. Вы знаете, что я не могъ объяснить все это при васъ и при немъ. Вы бы съ негодованіемъ отказались отъ своего мѣста въ капитулѣ.

«И жаль, что я этого не сдѣлалъ тогда!» подумалъ Маркъ; но увы! это желаніе пришло слишкомъ поздно. Въ какой омутъ попалъ онъ вслѣдствіе одной этой минуты слабости, накануне своего отъѣзда изъ Гадеромъ-Кассля! Но неужели онъ за эту неосторожность долженъ будетъ поплатиться совершенною гибелью? Ему тошно становилось отъ всей этой жижи, отъ всей этой грязи, черезъ которую онъ долженъ былъ пройти. Онъ нечаянно связался съ самымъ низкимъ отребьемъ человѣчества, и зналъ, что рано или поздно молва соединитъ его имя съ обезчещенными именами. И для чего же онъ подвергся всему этому? Для чего онъ до такой степени унижилъ и себя, и свой санъ? Неужели для того, чтобы одолжить такого человѣка, какъ мистеръ Соверби?

— Я наконецъ досталъ денегъ, продолжалъ Соверби,—но вы бы съ трудомъ повѣрили какимъ я долженъ былъ подчиниться

условіямъ. Я досталъ ихъ отъ Гарольда Смита, и никогда въ жизни я уже не попрошу у него никакой услуги. Я занялъ у него эту сумму всего на двѣ недѣли, и чтобы заплатить ему, я былъ принужденъ просить у васъ деньги за лошадь. Маркъ, повѣрьте мнѣ, я все это дѣлалъ для васъ.

— А я теперь долженъ буду заплатить за все это потерей всего моего состоянія!

— Если вы поручите дѣло мистеру Форресту, они васъ и пальцемъ не тронуть; вамъ можно будетъ уплатить весь долгъ постепенно изъ вашихъ доходовъ. Вы должны будете подписать рядъ векселей.

— Я не подпишу ни одинаго векселя; на это я рѣшился окончательно. Пусть они придутъ и берутъ что хотятъ.

Мистеръ Соверби долго настаивалъ, но ему не удалось поколебать рѣшимость Марка. Онъ не хотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры, ни въ какія сдѣлки; онъ объявилъ, что останется у себя, въ Фремлеѣ, и что всякій, кто имѣетъ на него какія-либо притязанія, можетъ ихъ предъявить законнымъ путемъ.

— Я самъ ничего не буду дѣлать, говорилъ онъ,—но если меня потребуютъ къ суду, я докажу, что не имѣлъ въ своихъ рукахъ ни шиллинга изъ этихъ денегъ.

На этомъ они и разстались.

Въ теченіи разговора, мистеръ Соверби намекнулъ было о возможности занять деньги у Джона Робартса; но Маркъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Притомъ же онъ въ настоящую минуту вовсе не былъ расположенъ слушать совѣты мистера Соверби.

— Мнѣ куда не возможно объявить, что именно я намѣренъ дѣлать, сказалъ онъ: — мнѣ нужно видѣть сперва, что станутъ дѣлать другіе.

Потомъ онъ взялъ шдяпу и вышелъ; на дворѣ гостиницы онъ сѣлъ на ту самую лошадь, которая такъ дорого досталась ему, и медленно поѣхалъ домой.

Много мыслей и предположеній промелькнуло въ его умѣ по дорогѣ домой, но на одномъ рѣшеніи стоялъ онъ твердо: онъ долженъ все повѣрить женѣ. Слишкомъ было бы жестоко оставлять ее въ прежнемъ невѣдѣніи дѣла, пока не постучатся къ нимъ въ дверь съ тѣмъ чтобы отвести его въ тюрьму и распродать все изъ его дома, все, до послѣдней кровати. Да, онъ признается ей во всемъ съ полною откровенностію, тотчасъ же, прежде чѣмъ успѣетъ остыть въ немъ благое намѣреніе. Онъ сошелъ съ лошади передъ своимъ домомъ, и увидѣвъ у дверей кухни горничную жены, поручилъ ей попросить Фанни къ нему въ бібліотеку. Онъ ни на минуту не хотѣлъ откладывать необходимого объясненія. Если человѣку суждено утонуть, не лучше ли ужь утонуть сразу, и дѣло съ концомъ?

Мистриссъ Робартсъ вошла въ комнату почти въ одно время съ нимъ, и положила ему руку на плечо.

— Мери говоритъ, что ты меня спрашивалъ. Я прямо изъ сада; она меня встрѣтила на самомъ порогѣ.

— Да, Фанни, мнѣ нужно съ тобою поговорить. Присядь на минуту.

А самъ онъ прошелъ по комнатѣ и повѣсилъ хлыстикъ на обычное мѣсто.

— Ахъ, Маркъ, не случилось ли чего-нибудь?

— Дз, душа моя, да. Садись, Фанни, мнѣ ловче будетъ говорить съ тобою, когда ты сидеши.

Но ей, бѣдняжкѣ, не хотѣлось садиться. Онъ намекнулъ на какое-то несчастіе, и потому она чувствовала непреодолимое желаніе обнять его, прижаться къ нему.

— Ну хорошо; я сяду, если ты непременно этого хочешь. Но не пугай меня, Маркъ: отчего ты такъ печаленъ и разстроенъ?

— Фанни, я поступилъ не хорошо, сказалъ онъ,—я сдѣлалъ непростительную глупость. Боюсь, что я причину тебѣ много горя и хлопотъ.

И онъ отвернулся отъ нея, закрывъ лицо рукой.

— О, Маркъ, милый, дорогой, безцѣнный мой Маркъ, что такое? И быстро подбѣжавъ къ нему, она бросилась передъ нимъ на колѣни.— Не отворачивайся отъ меня... Скажи мнѣ, Маркъ, скажи мнѣ все, чтобъ я могла раздѣлять твое горе.

— Да, Фанни, я теперь все долженъ сказать тебѣ. Но я не знаю, что ты подумаешь, когда узнаешь...

— Я буду думать, что ты мой мужъ, мой дорогой Маркъ! Это буду думать я прежде всего.

И она къ нему ласкалась, смотрѣла ему въ лицо, и взявъ его руку, сжимала ее въ своихъ.

— Если ты сдѣлалъ глупость, то кому же и извинить, тебѣ если не мнѣ?

И онъ разказалъ ей все, начиная съ того вечера, когда мистеръ Соверби зазвалъ его въ свою комнату, всю эту исторію о векселяхъ и лошадяхъ, такъ что бѣдная жена его совершенно растерялась въ этомъ лабиринтѣ разчетовъ. Она не въ состояннн была услѣдить за всѣми подробностями дѣла, она не могла также вполне раздѣлять его негодованіе противъ мистера Соверби, потому что не понимала хорошенько, что собственно значить «возобновить» вексель. Для нея былъ важенъ только вопросъ, сколько именно долженъ заплатить ей мужъ, да еще ея надежда, почти доходившая до твердаго убѣжденія, что онъ уже никогда не будетъ входить въ долги.

— А что же это составляетъ все вмѣстѣ, другъ мой?

— Они съ меня требуютъ девять сотъ фунтовъ.

— Боже мой! Вѣдь это страшная сумма.

— Да еще полтораста фунтовъ, которые я занялъ въ банкѣ: это за лошадь; да еще есть кой-какіе долги, немного, кажется, но теперь съ меня требуютъ все, до послѣдняго шиллинга. Вообще придется заплатить тысячу двѣсти или триста фунтовъ.

— Это весь головой доходъ нашъ, Маркъ, даже съ новымъ мѣстомъ.

Это было съ ея стороны единственнымъ словомъ упрека, если только это можно назвать упрекомъ.

— Да, сказалъ онъ. — И я знаю, что эти люди будутъ безжалостны. А вѣдь я не получилъ ни шиллинга изъ этихъ денегъ. Чѣмъ ты теперь подумаешь обо мнѣ?

Но она ему клялась, что никогда и въ душѣ не будетъ его попрекать этимъ, что ни на волосъ не уменьшится ея довѣріе къ нему. Развѣ онъ не мужъ ея? Она такъ рада, что теперь ей все извѣстно, что она можетъ угѣшать и поддерживать его. И она точно стала угѣшать его. Все легче и легче казалось ему угрожающее горе по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ съ нею. Такъ всегда бываетъ. Бремя, слишкомъ тяжкое для силъ одного человѣка, становится легче пера, когда его несешь вдвоемъ и когда каждый готовъ взять на себя самую тяжелую часть.

Жена съ радостью и благодарностью приняла доставшуюся ей часть бремени. Не трудно ей было выносить вмѣстѣ съ мужемъ его горе и страданія; это было ея *дѣло*, ея обязанность. Одно бы ей показалось невыносимымъ: знать, что у мужа есть горе и заботы, которыя онъ отъ нея скрываетъ.

Потомъ они стали вмѣстѣ обсуживать, какъ бы имъ лучше выпутаться изъ этого страшнаго затрудненія. Какъ истая женщина, мистриссъ Робартсъ тотчасъ же предложила отказаться отъ всякаго рода роскоши. Они продадутъ всѣхъ своихъ лошадей; коровъ они не продадутъ, но будутъ продавать масло; продадутъ кабриолетъ и разстанутся съ конюхомъ. Само собой разумѣется, что лакея придется отпустить. Но что касается до дома въ Барчестерѣ, до этого великолѣпнаго жилища въ соборной оградѣ, — нельзя ли имъ будетъ еще съ годъ туда не переезжать — отдать бы его внаймы? Конечно, свѣтъ узнаетъ о ихъ несчастіи; но если они это несчастіе будутъ выносить бодро и твердо, свѣтъ не такъ строго станетъ осуждать ихъ. Во всякомъ случаѣ, нужно во всемъ признаться леди Лофтонъ.

— Ты можешь быть увѣрена въ одночъ, Фанни, сказалъ онъ, — ни за какія сокровища въ мірѣ не соглашусь я подписать ни единого векселя.

Поцѣлуй, которымъ она поблагодарила его за это обѣщаніе, былъ такъ горячъ и радостенъ, какъ будто бы онъ принесть ей самыя лучшія вѣсги; и вечеромъ, разсуждая обо всемъ этомъ не только съ женой, но и съ сестрою Люси, онъ самъ удивлялся, что вдругъ ему такъ легко стало на душѣ.

Не беремса рѣшить въ эту минуту, слѣдуетъ ли человѣку затавать въ себѣ свои радости; но, право, не, стоитъ затавать въ душѣ горе!

XXXIV.

Возвращаясь въ Лондонъ, лордъ Лотонъ не вдругъ умѣлъ рѣшить въ своемъ умѣ какъ ему поступить. Минутами возникалъ въ немъ вопросъ, дѣйствительно ли Люси заслуживаетъ тѣхъ заботъ и хлопотъ, которыя она бросила на его дорогу. Въ такія минуты онъ говорилъ себѣ, что онъ конечно очень ее любитъ, и очень былъ бы счастливъ имѣть ее женою, но... Впрочемъ, онъ не долго останавливался на подобныхъ мысляхъ. Человѣкъ влюбленный рѣдко охлаждается къ предмету своей страсти вслѣдствіе какихъ-нибудь затрудненій. И потому, онъ мало-по-малу приходилъ къ рѣшенію немедленно открыться матери, просить ее, чтобъ она увѣрила миссъ Робертсъ въ своемъ согласіи. Онъ зналъ, что она не слишкомъ будетъ довольна такимъ бракомъ; но если онъ покажетъ твердую, непоколебимую рѣшимость, то она едва ли захочетъ противорѣчить ему. Онъ не станетъ смиренно упрашивать ее, какъ о какой-нибудь милости; но смѣло потребуетъ какъ исполненія одной изъ тѣхъ обязанностей, которыя добрая мать всегда беретъ на себя относительно сына. На этомъ рѣшеніи онъ остановился, прибывъ вечеромъ въ свою квартиру въ Альбани.

На другой день онъ не видался съ матерью. Онъ думалъ, что лучше будетъ переговорить съ нею передъ самымъ отъѣздомъ въ Норвегію, чтобъ не пришлось еще нѣсколько разъ возобновлять тягостный разговоръ; и потому онъ отложилъ свое объясненіе до послѣдняго дня, и нарочно для этого отправился, наканунѣ своего отъѣзда, завтракать въ Брутонъ-стритъ.

— Матушка, сказалъ онъ отрывисто, усаживаясь на одно изъ креселъ въ столовой, — мнѣ нужно поговорить съ вами.

Мать тотчасъ же поняла, что рѣчь должна идти о чемъ-то важномъ, и съ тонкимъ женскимъ инстинктомъ сообразила, что вопросъ касается женитьбы. Она знала, что еслибы сынъ захотѣлъ погово-

рять съ нею о деньгахъ, то выраженіе его лица и голоса было бы совсѣмъ другое; выраженіе его лица было также не то, если бы ему вздумалось предпринять путешествіе въ Пекинъ, или отправиться на рыбную ловлю куда-нибудь на берега Гудзонова залива.

— Поговорить со мною, Лудовикъ! Я съ удовольствіемъ готова тебя слушать.

— Мнѣ хочется знать, что вы думаете о Люси Робартсъ?

Леди Лофтонъ поблѣднѣла; ее такъ и кольнуло въ сердце. Она и передъ тѣмъ больше испугалась чѣмъ обрадовалась, угадывая что сынъ ея заговорить о любви; но такого удара она не предвидѣла.

— Что я думаю о Люси Робартсъ? повторила она, совершенно растерявшись.

— Да, матушка; вы говорили какъ-то недавно, что мнѣ надо жениться, и я самъ начинаю соглашаться съ вашимъ мнѣніемъ. Вы выбрали мнѣ въ невѣсты дочь священника; но эта дѣвица, кажется, нашла случай гораздо лучше пристроить себя...

— Совсѣмъ нѣтъ, рѣзко прервала леди Лофтонъ.

— И потому я выбралъ для себя сестру другаго священника. Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ миссъ Робартсъ?

— О, Лудовикъ!

Леди Лофтонъ больше ничего не была въ силахъ выговорить.

— Какіе вы находите въ ней недостатки? Что вы можете противъ нея сказать? Или вы думаете, что я не могу быть съ нею счастливъ.

Минуты двѣ леди Лофтонъ сидѣла молча, стараясь собрать свои мысли. Она находила, что очень многое можно сказать противъ Люси Робартсъ, если смотрѣть на нее какъ на будущую леди Лофтонъ. Ей трудно было бы сразу изложить всѣ свои доводы, но она не сомнѣвалась въ ихъ силѣ и важности. Въ ея глазахъ, Люси Робартсъ не имѣла ни красоты, ни прелести, ни изящества въ приемахъ, ни даже такого образованія, какого можно бы пожелать. Леди Лофтонъ сама не была свѣтскою женщиной; въ ней было даже замѣчательно мало свѣтскости для особы ея положенія. Но, тѣмъ не менѣе, она инныя свѣтскія качества считала необходимыми для молодой дѣвушки, долженствующей заступитъ ея мѣсто. Она, конечно, желала, чтобы жена сына соединяла эти качества съ другими, съ нравственными достоинствами. Она не бралась рѣшить, имѣетъ ли Люси Робартсъ эти нравственныя достоинства; другихъ же необходимыхъ свойствъ положительно не доставало. Очевидно было, что она никогда не будетъ смотрѣть настоящею леди Лофтонъ, никогда не сумѣетъ держать себя въ графствѣ какъ подобаетъ супругѣ лорда Лофтона. Она не

имѣла ни той плавности, ни той осанки, ни того величаваго спокойствія, которыя леди Лофтонъ такъ цѣнила въ молодой женщинѣ высшаго круга. Люси, по ея мнѣнію, не могла имѣть никакого значенія въ обществѣ, развѣ только посредствомъ своего языка; между тѣмъ какъ Гризельда Грантли, не раскрывая рта въ продолженіи цѣлаго вечера, на всѣхъ можетъ подѣйствовать однимъ величіемъ своего присутствія. Притомъ Люси не имѣла никакого состоянія; притомъ же еще она сестра священника ея собственнаго прихода. Трудно прослыть пророкомъ въ своемъ отечествѣ, и Люси не была пророкомъ въ Фремлеѣ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ леди Лофтонъ. Читатель припомнить, что уже прежде у нея были нѣкоторыя опасенія, не столько за сына—ей и въ голову не приходило подозрѣвать его въ такомъ безразсудствѣ—сколько за самую Люси, которая могла бы себя вообразить, что молодой лордъ влюбленъ въ нее. И вотъ теперь—увъ!—какимъ страшнымъ ударомъ палъ на бѣдную женщину вопросъ Лудовика!

— Или вы думаете, что я не могу быть съ нею счастливъ?

Таковы были послѣднія его слова.

— Лудовикъ, милый, безцѣнный Лудовикъ,—и она невольно встала съ мѣста и подошла къ нему: — я это думаю; я точно это думаю.

— Что же вы думаете? спросилъ онъ почти съ досадою.

— Я думаю, что она точно не пара тебѣ. Она не принадлежитъ къ тому классу, изъ котораго ты могъ бы выбрать себѣ по-другу.

— Она принадлежитъ къ одному классу съ Гризельдой Грантли.

— Нѣтъ, другъ мой. Совсѣмъ не то. Семейство Грантли постоянно жило въ совершенно иномъ кругу. Ты самъ не можешь этого не сознать...

— Даю вамъ честное слово, матушка, я нисколько не сознаю. Одинъ ректоромъ въ Пломстедѣ, другой викаріемъ въ Фремлеѣ. Но что объ этомъ спорить! Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы полюбили Люси Робартсъ; я пришелъ именно просить васъ объ этомъ.

— Чтобъ я полюбила ее какъ твою жену, Лудовикъ?

— Да, какъ мою жену.

— Значить вы уже другъ другу дали слово?

— Нѣтъ, этого я не могу еще сказать; но будьте увѣрены, что я съ своей стороны сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы добиться ея согласія. Я уже рѣшился, и мое рѣшеніе ничто не можетъ поколебать.

— И молодой особѣ извѣстно твое намѣреніе?

— Конечно.

«Хитрая, безсовѣстная притворщица!» подумала про себя леди Лофтонъ, не смѣя открыто высказать это мнѣніе при сынѣ. Какая можетъ быть надежда, если лордъ Лофтонъ уже связалъ себя формальнымъ предложеніемъ?

— А ея братъ и мистриссъ Робартсъ? Они также все это знаютъ?

— Да.

— И они одобряютъ?

— Нѣтъ, не могу сказать. Я не видалъ еще мистриссъ Робартсъ, и не знаю, какъ она смотритъ на это дѣло. Но, признаться, мнѣ кажется, что Маркъ не совсѣмъ доволенъ; я думаю, что онъ васъ побаивается, и желаетъ сперва узнать ваше мнѣніе.

— Я очень рада это слышать, серьезно проговорила леди Лофтонъ,—съ его стороны было бы крайне низко потворствовать такому дѣлу.

Послѣдовало опять нѣсколько минутъ молчанія.

Лордъ Лофтонъ рѣшился не объяснять матери настоящаго положенія дѣла. Ему не хотѣлось говорить ей, что все зависитъ отъ ея слова, что Лусси соглашается выйти за него только съ условіемъ, чтобъ она, леди Лофтонъ, сама сдѣлала ей предложеніе. Ему не хотѣлось показать ей, что она можетъ рѣшить его судьбу. Ему было бы очень неприятно спрашивать у матери позволенія жениться, а ему бы пришлось это сдѣлать, еслибъ онъ сказалъ ей всю правду. Теперь онъ имѣлъ въ виду лишь лучше расположить ее къ Лусси, побудить ее быть повѣликодушнѣе и поласковѣе въ Фремлей. Такимъ образомъ, все уладилось бы къ возвращенію его изъ Норвегіи. Онъ разчитывалъ на то, что леди Лофтонъ сочтетъ напраснымъ противиться тому, чего она не въ силахъ измѣнить. Но еслибъ онъ сказалъ ей, что все въ ея рукахъ, что все зависитъ отъ ея рѣшенія, то она по всему вѣроятію не изъявила бы согласія; такъ по крайней мѣрѣ думалъ лордъ Лофтонъ.

— Какой же вы мнѣ дадите отвѣтъ, матушка? сказалъ онъ наконецъ.—Я уже окончательно рѣшился, иначе я не сталъ бы и говорить вамъ объ этомъ. Вы теперь вернетесь въ Фремлей; могу ли я надѣяться, что вы встрѣтите Лусси такъ, какъ вы сами захотѣли бы встрѣтить будущую мою невѣсту?

— Но вѣдь ты говоришь, что вы другъ другу не дали слова.

— Нѣтъ еще; но я просилъ ея руки, и она мнѣ не отказала. Она призналась, что любитъ меня, не мнѣ самому, но брату. При такихъ обстоятельствахъ, могу ли я надѣяться, что вы примете ее хорошо?

Его тонъ и пріемы почти пугали леди Лофтонъ, и наводили

ее на мысль, что за словами скрывается еще что-то недосказанное. Вообще, манеры у него были открытыя, доверчивыя и мягкія; но на этотъ разъ, казалось, будто онъ напередъ обдумалъ всѣ свои слова и рѣшился быть настойчивымъ до жесткости.

— Я такъ удивлена и поражена, Лудовикъ, что мнѣ трудно дать тебѣ какой-либо отвѣтъ. Если ты хочешь знать, одобряю ли я такой бракъ, то я откровенно скажу тебѣ, что нѣтъ. По моему мнѣнію, миссъ Робартсъ далеко не стоитъ тебя.

— Вы это говорите потому, что не знаете ея.

— А не можетъ ли статься, что я ее знаю лучше, милый Лудовикъ? Ты за нею ухаживалъ.

— Терпѣть не могу этого пошлаго слова.

— Ну хорошо; ты былъ въ нее влюбленъ, а въ такомъ положеніи мужчины часто бываютъ слѣпы.

— Какъ же вы хотите, чтобы мужчина женился на дѣвушкѣ, не влюбившись въ нее сперва? Дѣло въ томъ, матушка, что у насъ съ вами разные вкусы. Вы любите молчаливую красоту, а я люблю красоту говорящую, и потому...

— Ты не скажешь однако, что миссъ Робартсъ хороша собою?

— Да, она очень хороша; у ней именно такая красота, какую я цѣню. Прощайте, матушка; я съ вами уже не увижусь до моего отъѣзда. Писать ко мнѣ не стоитъ; я пробуду такъ не долго, и даже не знаю хорошенько гдѣ мы остановимся. Я приѣду въ Фремлей какъ только вернусь, и тогда узнаю отъ васъ положеніе дѣлъ. Я вамъ высказалъ свои желанія, и вамъ остается рѣшить, на сколько вы можете согласиться съ ними.

Онъ поцѣловалъ ее, и ушелъ не дожидаясь отвѣта.

Бѣдная леди Лофтонъ, оставшись одна, почувствовала, что голова у нея идетъ кругомъ. Неужели таковъ долженъ быть конецъ всему ея честолюбію, всей любви ея къ сыну? Неужели таковъ долженъ быть результатъ ея дружескихъ попеченій о семействѣ Робартсъ? Она почти ненавидѣла Марка Робартса при мысли, что она же сама, поселивъ его въ Фремлей, былъ косвенною причиною водворенія тамъ его сестры. Она перебрала въ умѣ всѣ его прегрѣшенія, его частыя отсутствія изъ прихода, его поѣздки въ Гадеромъ-Кассль, мѣсто, которое онъ получилъ, какъ сказывали ей, черезъ покровительство герцога Омниума. Могла ли она любить его въ такую минуту? А потомъ, она вспомнила объ его женѣ. Неужели и Фанни Робартсъ, ея давнишній другъ, также измѣнила ей? Неужели она помогала устроить тотъ бракъ? Или, по крайней мѣрѣ, не употребила всѣхъ усилій, чтобъ его разстроить? Она уже

говорила съ Фанни объ этомъ самомъ предметѣ, не боясь еще за сына, но сознавая неприличіе такой короткости между дѣвушкой, какъ Люси, и молодымъ человѣкомъ, какъ лордъ Лофтонтъ, и Фанни тогда согласилась съ ней. Неужели же теперъ и въ ней приходится видѣть врага?

Леди Лофтонтъ понемногу стала обдумывать, какія слѣдуетъ ей принять мѣры. Впервыхъ, должна ли она сразу уступить и изъявить согласіе на бракъ сына? Одно ей было ясно, что не стоило бы и жить на свѣтѣ, еслибы пришлось серьезно разсориться съ Лудовикомъ; ее бы это просто убило. Когда ей случилось слышать или читать про подобныя распри въ другихъ аристократическихъ семьяхъ, она невольно оглядывалась на себя, отчасти фарисейскимъ взглядомъ, и говорила себѣ, что ея судьба выходитъ изъ ряду. Въ ея глазахъ, такія размолвки между отцами и дочерьми, матерями и сыновьями, бросали самую невыгодную тѣнь на лица, въ нихъ замѣшанныя. Съ мужемъ она прожила согласно, ладила со всѣми сосѣдями, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, а главное съ дѣтьми жила душа въ душу. О лордѣ Лофтонтѣ она постоянно говорила, какъ о существѣ исполненномъ всякихъ совершенствъ, и дѣйствительно считала его таковымъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, не лучшими согласиться на всякій бракъ нежели пойти на ссору?

Но, съ другой стороны, какой страшный ударъ ея самолюбію! И нельзя ли разстроить этотъ бракъ безъ всякой ссоры? Что такая дѣвчонка какъ Люси прискучить ея сыну мѣсяцевъ черезъ шесть, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: почему же не стараться предупредить такую несчастную развязку? Очевидно было, что самъ лордъ Лофтонтъ не считалъ этого дѣла совершенно поконченнымъ; также было видно, что окончательное его рѣшеніе отчасти будетъ зависѣть отъ согласія матери. Не лучше ли будетъ для нея, не лучше ли будетъ для нихъ всѣхъ, если она будетъ думать только о своемъ долгѣ, а не о тѣхъ непріятныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ можетъ повести его исполненіе? Она не могла считать своимъ долгомъ согласиться на этотъ бракъ, и потому собиралась всячески противодействовать ему. По крайней мѣрѣ, она рѣшилась съ этого начать.

Потомъ она опредѣляла себѣ планъ дѣйствія. Тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Фремлей, она пошлетъ за Люси Робартсъ и употребить все свое краснорѣчіе, и также отчасти строгое достоинство, которымъ она всегда отличалась, чтобы растолковать молодой дѣвушкѣ, какъ прегрѣшно съ ея стороны навязываться такому семейству какъ Лофтонты. Она объяснитъ Люси, что ей нельзя ожидать себѣ счастья отъ подобнаго брака, что

люди, брошенные злою судьбой въ слишкомъ высокую сферу, всегда бываютъ несчастны; однимъ словомъ, она изложитъ ей всѣ высоко-нравственныя поученія, обыкновенно употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ. Конечно, Люси можетъ-быть и не пойметъ этихъ поученій, но леди Лофтонъ много надѣялась на свое строгое достоинство. Остановившись на этомъ рѣшеніи, она стала приготовляться къ отъѣзду въ Фремлей.

Въ домѣ фремлейскаго священника немного говорили о лордѣ Лофтонѣ послѣ его объясненія съ Маркомъ, по крайней мѣрѣ въ присутствіи Люси. Фанни конечно разсуждала съ мужемъ объ этомъ дѣлѣ, но при Люси оба они рѣдко о немъ упоминали. Они рѣшились предоставить ее собственнымъ мыслямъ, можетъ-быть, собственнымъ надеждамъ.

Притомъ, явились другіе вопросы, отвлекшіе вниманіе жителей Фремлея. Впервыхъ, свиданіе Марка съ мистеромъ Соверби и послѣдовавшее за тѣмъ его признаніе женѣ. Потомъ, вскорѣ, прежде еще чѣмъ Фанни и Люси успѣли рѣшить между собой, какія ввести въ домѣ экономическія преобразованія, отъ которыхъ не пострадало бы удобство хозяина, до нихъ дошла вѣсть; что мистриссъ Кролей, жена гоггльстокскаго священника, заболѣла горячкой.

Извѣстіе это страшно поразило всѣхъ, коротко знавшихъ это бѣдное семейство. Трудно было представить себѣ, что станется съ нимъ, если хоть на одинъ день сляжетъ эта бодрая голова. Къ тому же, бѣдность бѣднаго мистера Кролея была такова, что едва ли бы могъ онъ найти средство удовлетворить всѣмъ прискорбнымъ потребностямъ ора болѣзни безъ чужой помощи.

— Я тотчасъ же отправлюсь къ ней, сказала Фанни.

— Душа моя! сказалъ ей мужъ:—вѣдь это тифозная горячка; ты должна подумать о дѣтяхъ. Я самъ поѣду.

— Помилуй, Маркъ! Зачѣмъ же ты-то поѣдешь? Мужчины никуда не годятся въ подобныхъ случаяхъ, да къ тому же они гораздо болѣе подвержены заразѣ.

— У меня нѣтъ дѣтей, и я не мужчина, сказала Люси улыбаясь,—а потому я поѣду.

На этомъ порѣшили, и Люси отправилась въ кабриолетѣ, взявъ съ собою разныхъ запасовъ и снадобій, которые могли бы пригодиться больной. Когда она прибыла въ Гоггльстокъ, ей пришлось войти въ домъ священника безъ доклада, потому что дверь была открыта, и она никакъ не могла отыскать служанку. Въ гостиной она застала Гресь Кролей, старшую дѣвочку, степенно сидѣвшую на мѣстѣ матери съ малюткой на рукахъ. Не смотря на свой одиннадцатилѣтній возрастъ, она хорошо пони-

мала, какія обязанности налагаетъ на нее болѣзнь матери, и принялась за ихъ исполненіе не только съ рвеніемъ, но и съ какою-то торжественностью. Подлѣ нея былъ братъ, мальчикъ лѣтъ шести, который присматривалъ за другимъ ребенкомъ. Они сидѣли тихіе, серіозные, молчаливые, чувствуя, что они сами обязаны заботиться другъ о другѣ, такъ какъ уже некому еще позаботиться о нихъ.

— Какова твоя маменька, милая Гресь? спросила Люси, подойдя къ ней и взявъ ее за руку.

— Бѣдная маменька очень больна, отвѣчала Гресь.

— А папенька такой печальный, прибавилъ Бобби.

— Я не могу встать, потому что держу малютку, но Бобби пойдетъ и вызоветъ папеньку.

— Я сама постучусь, сказала Люси, и подошла къ двери.

Ей пришлось постучаться три раза, прежде чѣмъ хриплый, подавленный голосъ попросилъ ее войти. Отворивъ дверь, она увидала мистера Кролея у изголовья жены, съ книгою въ рукахъ. Онъ посмотрѣлъ на нее какъ-то странно, какъ будто ему не совсѣмъ было пріятно ея появленіе, и Люси догадалась, что она прервала его молитву. Впрочемъ, онъ пошелъ къ ней на встрѣчу, пожалъ ей руку, и отвѣчалъ на ея разспросы обычнымъ, серіозно-торжественнымъ голосомъ.

— Жена моя очень больна, сказалъ онъ, — очень больна. Господь послалъ намъ тяжкое испытаніе, но да будетъ воля Его! Вамъ лучше не подходить къ ней, миссъ Робартсъ; вѣдь это глѣзъ.

Впрочемъ, предостереженіе его пришло слишкомъ поздно. Люси уже стояла у изголовья больной, и взяла ее протянутую руку.

— Вы такъ добры, что пріѣхали, дорогая миссъ Робартсъ, сказала больная; — но мнѣ грустно видѣть васъ здѣсь.

Люси, не теряя времени, принялась распорядиться въ домѣ; она старалась разузнать, въ чемъ всего больше нуждалась бѣдная семья. Положеніе въ самомъ дѣлѣ было тяжелое. Единственную служанку, дѣвушку лѣтъ шестнадцати, увела мать, лишь только стало извѣстно, что мистриссъ Кролей заболѣла тифомъ. Правда, бѣдная мать общала сама приходитъ каждое утро и каждый вечеръ, на часъ или на два, чтобы сколько-нибудь помогать по хозяйству; но, говорила она, ей невозможно подвергать дочь заразы. Мистеръ Кролей самъ рѣшился взять на себя всѣ ея обязанности. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ обращаться съ больными, онъ палъ на колѣни у кровати жены и погрузился въ молитву. Конечно, если молитва, — искренняя, настоящая молитва, — въ состояніи была помочь ми-

стриссъ Кролей, она могла быть увѣрена въ этой помощи. Но Люси думала, что ей нужно и другаго рода пособіе.

— Если вы хотите что-нибудь сдѣлать для насъ, сказала мистриссъ Кролей,—заботьтесь о бѣдныхъ моихъ дѣткахъ.

— Я всѣхъ ихъ увезу отсюда, пока вы не поправитесь, смѣло отвѣчала Люси.

— Увезете ихъ! повторилъ мистеръ Кролей, которому даже въ эту минуту тягостна была мысль, что кто-нибудь захочетъ избавить его хоть отъ малой части его бремени.

— Да, сказала Люси,—право лучше вамъ разстаться съ ними на недѣлю или на двѣ, пока мистриссъ Кролей не станетъ на ноги.

— Но куда же ихъ отправить? спросилъ онъ мрачнымъ голосомъ.

На это Люси не нашлась сразу отвѣчать. Уѣзжая изъ Фремлея, она не успѣла обо всемъ переговорить. Ей нужно было потолковать съ Фанни, чтобы рѣшить, какимъ образомъ удалить дѣтей отъ опасности. Почему бы ихъ всѣхъ не приютить въ Фремлей, у нихъ же въ домѣ, лишь только достоверно окажется, что они не заражены ядомъ горячки? Англичанка добраго сорта сдѣлаетъ все на свѣтъ въ пособіе больному сосѣду; но ми для кого на свѣтъ не согласится она допустить заразительную болѣзнь въ свою дѣтскую.

Люси стала вынимать изъ кабриолета банки съ вареньемъ и разные другіе припасы; мистеръ Кролей смотрѣлъ на нее, грозно нахмуривъ брови. Вотъ до чего довела его судьба! Передъ его глазами, въ его домъ, привозятъ, какъ милостину, разные съѣстные припасы, и онъ долженъ это терпѣть! Въ душѣ онъ негодовалъ на Люси. Онъ не рѣшился наотрѣзъ отказаться отъ всего, какъ бы сдѣлалъ, конечно, если бы его жена не была въ такомъ положеніи. Но теперь, при ея болѣзни, такой отказъ былъ бы слишкомъ безчеловѣченъ; притомъ, щадя ея, онъ не хотѣлъ поднимать шума; но каждый новый свертокъ, вносимый въ домъ, тяжелымъ камнемъ ложился ему на сердце. Жена его все это видѣла и понимала, несмотря на свою болѣзнь, и силилась чѣмъ-нибудь успокоить его. Но Люси безжалостно пользовалась выгодною минутой, и цыпята для бульйона были вынуты изъ корзинки подъ самымъ носомъ мистера Кролея.

Впрочемъ, Люси недолго пребыла въ Гоггльстокѣ; она уже рѣшила внутренно что ей слѣдуетъ дѣлать, и торопилась вернуться въ Фремлей.

— Я скоро возвращусь, мистеръ Кролей, сказала она,—вѣроятно сегодня же вечеромъ, и останусь съ нею, пока она не поправится.

— Для сидѣлки не нужно особой комнаты, продолжала она, когда мистеръ Кролей пробормоталъ что-то насчетъ того, что у нихъ нѣтъ порядочной особой комнаты,—я устрою себѣ постель на полу, подлѣ ея кровати, и мнѣ будетъ очень хорошо.

Затѣмъ она сѣла въ кабриолетъ и уѣхала домой.

ГЛАВА XXXV.

Люси должна была многое обдумать по дорогѣ въ Фремлей. Она уже рѣшила въ своемъ умѣ, что вернется въ Гоггльстокъ и будетъ ухаживать за мистриссъ Кролей во все время ея болѣзни. Она въ правѣ была располагать собою, и ничто не могло помѣшать ей исполнить это намѣреніе. Но какимъ образомъ сдержать она свое обѣщаніе насчетъ дѣтей? Множество плановъ мелькало у нея въ головѣ; она подумывала о фермерахъ, къ которымъ можно бы пристроить маленькихъ Кролеевъ, о коттеджахъ, которые бы можно нанять для нихъ; но для осуществленія всѣхъ этихъ плановъ требовались деньги, а вѣдь въ эту минуту весь домъ обязанъ былъ соблюдать строжайшую экономію. Еслибы не болѣзнь мистриссъ Кролей, она не позволила бы себѣ даже употребить кабриолетъ, потому что предполагалось продать и экипажъ, и бѣднаго пони. Однако обѣщаніе дано, и хотя денежные средства ея были очень скудны, она исполнить его.

Она пріѣхала домой, озабоченная всѣми этими предположеніями, но въ ея отсутствіе случилось нѣчто, сильно отвлекшее вниманіе Фанни отъ судьбы гоггльстокскихъ жителей. Леди Лофтонъ вернулась изъ Лондона въ это утро, и тотчасъ же прислала записку на имя миссъ Люси Робартсъ; записка эта была въ рукахъ у Фанни, въ ту минуту какъ Люси вышла изъ кабриолета. Слуга, принесшій ее, просилъ отвѣта, но ему сказали, что миссъ Робартсъ нѣтъ дома, и что она пришлетъ отвѣтъ, когда воротится.

Нельзя не сознаться, что Люси вся вспыхнула, и рука у нея задрожала, когда въ гостиной Фанни подала ей записку. Вся судьба ея могла зависѣть отъ этихъ строкъ; однако она не спѣшила распечатать записку, она стояла держа ее въ рукѣ, и когда Фанни стала торопить ее, опять свернула разговоръ на мистриссъ Кролей.

Но между тѣмъ всѣ мысли ея сосредоточились на письмѣ, и она уже вывела невыгодныя для себя заключенія изъ почерка и надписи. Еслибы леди Лофтонъ была милостиво къ ней расположена,

она бы адресовала письмо просто къ миссъ Робартсъ, безъ при-
совокупленія ея имени; такъ по крайней мѣрѣ сообразила Люси,
совершенно безсознательно, какъ обыкновенно соображаемъ мы
въ подобныхъ случаяхъ. Иной половину умозаключеній сдѣлаегъ
въ своей жизни, не сознавая, проходили ли въ его умѣ всѣ нуж-
ныя послышки.

Фанни и Люси были наединѣ; Маркъ куда-то уѣхалъ.

— Что же ты не распечатаешь ея письма? сказала мистриссъ
Робартсъ.

— Сейчасъ; но послушай, Фанни, мнѣ нужно съ тобою пого-
ворить о мистриссъ Кролей. Я поѣду туда опять сегодня вече-
ромъ и останусь съ нею; я общала это, и непременно должна
сдержать слово. Я также общала увезти дѣтей отъ нихъ, и намъ
нужно будетъ какъ-нибудь ихъ устроить. Страшно подумать, въ
какомъ она положеніи! Никакого нѣтъ при ней, кромѣ мистера Кро-
лея, а дѣти совершенно одни.

— Такъ ты хочешь туда отправиться надолго?

— Да, я ужъ это общала; а на счетъ дѣтей, Фанни, не мо-
жешь ли ты ихъ приютить гдѣ-нибудь? На первый разъ хоть бы
не въ самомъ домѣ.

А пока она все это говорила и хлопотала о маленькихъ Кро-
леяхъ, она внутренно старалась угадать содержаніе письма, ко-
торое держала въ рукахъ.

— И она точно опасно больна? спросила мистриссъ Робартсъ.

— Объ этомъ я ничего не умѣю тебѣ сказать. Вѣрно то, что
у нея тифозная горячка. Былъ у нихъ какой-то лѣкарь или под-
лѣкарь изъ Сильвербриджа; но мнѣ кажется, что нужно бы по-
совѣтоваться съ кѣмъ-нибудь поискуснѣе.

— Однако, Люси, когда же ты прочтешь письмо? Мнѣ право
странно твое равнодушіе.

Люси далеко не равнодушно смотрѣла на письмо. Она распе-
чатала конвертъ и прочла слѣдующія строки:

«Любезная миссъ Робартсъ, мнѣ очень нужно повидаться
съ вами, и вы премоно меня обяжете, если зайдете ко мнѣ, въ
Фремле-Кортъ. Прошу васъ извинить безцеремонность моего
приглашенія, но вы сами вѣроятно поймете, что намъ обѣмъ
удобнѣе будетъ переговорить здѣсь нежели въ домѣ вашего
брата. Преданная вамъ. М. Лофтонъ.»

— Ну вотъ, сказала Люси, передавая записку мистриссъ
Робартсъ. — Я должна буду выслушать такія вещи, какихъ не
случалось слышать ни одной злополучной дѣвушкѣ; а вѣдь это
жестокое, если подумать о томъ, что я сдѣлала.

— Да, и о томъ чего ты не сдѣлала.

— Именно, и о томъ что я могла сдѣлать и не сдѣлала.
Однако мнѣ пора идти.

И она опять стала завязывать только что развязанныя ленты своей шляпки.

— Ты хочешь отправиться тотчасъ же?

— Разумѣется; почему же нѣтъ? Лучше кончить все это до отъѣзда къ мистриссъ Кролей. Но право, Фанни, грустно то, что я знаю все напередъ, что будетъ говорено; для чего же мнѣ подвергаться всѣмъ этимъ непріятностямъ? Ты можешь представить себѣ, какимъ тономъ станетъ она исчислять мнѣ всѣ общественныя неудобства отъ неровнаго брака? Она повторитъ все, что было сказано, когда царь Коэтуа захотѣлъ жениться на дочери нищаго; она подробно изложитъ мнѣ все, что пришлось вынести Гризельдѣ, той другой Гризельдѣ, конечно, не дочери нашего архидьякона?

— Но вѣдь для Гризельды все кончилось благополучно.

— Да, но опять таки я не Гризельда, и, разумѣется, конецъ мнѣ будетъ плохой. Да что толку въ томъ, что я все, это знаю напередъ? Вѣдь я предлагала царю Коэтуѣ перенести въ другое мѣсто и свою особу, и свою корону?

Она отправилась, промолвивъ еще нѣсколько словъ о дѣлахъ мистриссъ Кролей, и наказавъ приготовить себѣ пони съ кабриолетомъ. Почти рѣшено было также, что кабриолетъ привезетъ къ вечеру воишь четырехъ дѣтей, хотя насчетъ этого нужно еще было посовѣтоваться съ Маркомъ. Предполагалось покуда помѣстить дѣтей въ отдѣльномъ флигелѣ, гдѣ прежде была молочня, а теперь жилъ конюхъ съ женою; потомъ, когда уже нечего будетъ опасаться заразы, предполагено перевести ихъ въ самый домъ. Впрочемъ все это нужно было обдумать хорошенько.

Фанни совѣтовала сестрѣ сперва отправить записку въ Фремле-Кортъ, чтобы предувѣдомить леди Лофтонъ о своемъ посѣщеніи. Но Люси ушла, едва отвѣтивъ на это предложеніе.

— Къ чему такія длинныя церемоніи? сказала она:—я знаю, что она дома, а если нѣтъ, не велика бѣда, что я пройду даромъ десять шаговъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она уже была у дверей Фремле-Корта, и узнала, что миледи у себя. Сердце дрогнуло у Люси, когда она вошла въ комнату леди Лофтонъ, на верху, во второмъ этажѣ. Мы съ вами, любезный читатель, уже знаемъ эту комнату, но Люси въ первый разъ переступала этотъ священный порогъ. Во всемъ ея убранствѣ было нѣчто долженствующее внушать почтительный ужасъ каждому, кто въ первый разъ видѣлъ леди Лофтонъ, сидящую прямо и чинно въ высокомъ плетенномъ креслѣ, обычномъ ея мѣстѣ, когда она занималась своими бумагами или книгами; она это знала, и по этому самому хотѣла принять Люси здѣсь. Но въ этой же ком-

натѣ, у каминна, стояло другое кресло, мягкое, покойное, уютное; тѣмъ, кому случилось застать на немъ леди Лофтонтъ, погруженную въ сладкую послѣобѣденную дремоту, она уже вовсе не казалась такъ страшна.

— Миссъ Робартсъ, сказала она, не вставая съ мѣста, но протягивая руку своей гостьѣ,—я вамъ очень благодарна за ваше посѣщеніе. Вы вѣрно угадываете, о какомъ предметѣ мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами, и вѣрно соглашаетесь со мною, что намъ лучше повидаться здѣсь нежели въ домѣ вашего брата.

Въ отвѣтъ на это, Люси только молча наклонила голову и сѣла на стулъ, приготовленный для нея.

— Мой сынъ, продолжала леди Лофтонтъ,—говорилъ мнѣ о.... о.... Если я не ошибаюсь, миссъ Робартсъ, вы другъ другу еще не дали слова?

— Нѣтъ, отвѣчала Люси, — онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я ему отказала.

Она сказала это довольно рѣзко, рѣзче можетъ-быть чѣмъ того требовали обстоятельства. Съ ея стороны это было и невѣжливо, и неблагоприятно. Но въ эту минуту, она думала о своемъ положеніи относительно леди Лофтонтъ, а не лорда Лофтонтъ; о своихъ чувствахъ къ старой леди, а не къ молодому лорду.

— О! проговорила леди Лофтонтъ, повидимому озадаченная тономъ Люси:—вы хотите сказать, что теперь ничего нѣтъ между вами и моимъ сыномъ? Что все между вами кончено?

— Это совершенно зависить отъ васъ.

— Отъ меня? Какимъ же это образомъ?

— Я не знаю, что именно сказалъ вамъ сынъ вашъ, леди Лофтонтъ. Что до меня касается, я въ этомъ дѣлѣ ничего рѣшительно не намѣрена скрывать; вѣроятно, и у него то же самое желаніе, потому что, если не ошибаюсь, онъ съ вами уже говорилъ объ этомъ предметѣ. Не такъ ли?

— Да, конечно; потому-то именно я и рѣшилась попросить васъ къ себѣ.

— Могу ли я у васъ спросить, что онъ сказалъ вамъ?—относительно меня, конечно.

Леди Лофтонтъ не тотчасъ же дала отвѣтъ; ей казалось, что миссъ Робартсъ уже слишкомъ смѣло и нецеремонно объясняется съ нею и вообще придаетъ разговору совсѣмъ не тотъ оборотъ, какой она имѣла въ виду.

— Онъ мнѣ говорилъ, что сдѣлалъ вамъ предложеніе, сказала леди Лофтонтъ:—для меня, какъ для матери, это конечно вопросъ самый важный. И потому я подумала, что мнѣ лучше всего повидаться съ вами и обратиться къ собственному вашему здравому уму, собственной вашей деликатности. Вы конечно знаете...

Тутъ должна была начаться проповѣдь, украшенная примѣромъ царя Коэстун и Гризельды. Люси однако успѣла перебить леди Лофтонъ.

— Лордъ Лофтонъ передалъ вамъ также мой отвѣтъ?

— Нѣтъ, не вполнѣ; но вы сами говорили мнѣ сейчасъ, что отказали ему, и я не могу не выразить вамъ искренняго моего уваженія къ вашему примѣрному...

— Позвольте, леди Лофтонъ. Вашъ сынъ предложилъ мнѣ свою руку. Онъ это сдѣлалъ лично, въ домѣ моего брата, и я ему тогда отказала; можетъ-быть это было и безразсудно, потому что я люблю его всею душой. Но меня побудила къ этому смѣсь различныхъ чувствъ, которыя мнѣ не для чего теперь разбирать; главнымъ побужденіемъ было конечно опасеніе вашего неудовольствія. Потомъ онъ пришелъ еще разъ, не ко мнѣ, а къ моему брату, и повторилъ ему свое предложеніе. Ничего конечно не можетъ быть благороднѣе и нѣжнѣе его образа дѣйствій относительно меня. Сперва, когда онъ говорилъ со мною, мнѣ показалось что онъ увлекался прихотью. Я не повѣрила егò любви, хотя я видѣла, что онъ былъ увѣренъ въ себя. Но я не могла не повѣрить ему, когда онъ опять пріѣхалъ и обратился къ моему брату. Я не знаю, поймете ли вы меня, леди Лофтонъ, но дѣвушка какъ я гораздо больше придаетъ цѣны такого роду объясненію нежели всему тому, что онъ могъ бы сказать ей самой, подъ вліяніемъ минутной вспышки. Притомъ, вспомните, что я сама его полюбила, полюбила съ самаго начала нашего знакомства. Я была безразсудна понадѣявшись, что могу сблизиться съ нимъ, не полюбивъ его.

— Я все это видѣла, сказала леди Лофтонъ, тономъ глубокой мудрости,—и приняла мѣры, чтобы по возможности вовремя прекратить опасныя отношенія.

— Да и всѣ это видѣли; это вещь такая естественная, подхватила Люси, однимъ ударомъ повергая во прахъ всю мудрость леди Лофтонъ.—Да, я его полюбила, сама этого не замѣчая, и теперь я люблю его всею душою. Къ чему буду я увѣрять себя въ противномъ? Я завтра же могла бы отдать ему свою руку, съ сознаниемъ, что буду ему вѣрною и нѣжною женой. А теперь, когда онъ говорилъ вамъ о своей любви ко мнѣ, я въ нее вѣрю, какъ въ свою собственную.....—Она остановилась.

— Однако, дорогая миссъ Робартсъ..... начала было леди Лофтонъ.

— Извините меня, леди Лофтонъ, я тотчасъ же кончу, и тогда буду готова васъ выслушать. Итакъ, братъ пришелъ ко мнѣ, и передалъ мнѣ слова лорда Лофтона, не уговаривая меня въ его пользу, не давая мнѣ никакихъ совѣтовъ; онъ совершенно предо-

ставилъ меня собственному рѣшенію, и предложилъ мнѣ видѣться съ вашимъ сыномъ на слѣдующее утро. Еслибъ я увидѣла его, я бы конечно приняла его предложеніе. Подумайте сами, леди Лофтонъ: могла ли бы я ему отказать, когда уже давно сознавала въ душѣ, что люблю его?

— Ну? проговорила леди Лофтонъ, не желая уже прерывать ея рѣчи.

— Я не рѣшилась его видѣть; я не рѣшилась на это изъ робости. Мнѣ нестерпима была мысль вступитъ въ этотъ домъ женой вашего сына, и найти у васъ холодный пріемъ. Какъ я его ни любила, какъ ни люблю до сихъ поръ, какъ ни цѣню великодушное его предложеніе, я не въ силахъ была бы вынести ваше презрѣніе. И потому я поручила сказать ему, что соглашусь выйти за него только тогда, когда вы сами сдѣлаете мнѣ предложеніе.

И Люси, оправдывая такимъ образомъ себя и своего возлюбленнаго, замолчала и приготовилась выслушать сказаніе о царѣ Кофетуѣ, переложенное на новѣйшіе нравы.

Но для леди Лофтонъ довольно трудно было начать свою рѣчь. Впервыхъ, она вовсе не была жестокосердою эгоисткой; и еслибы только дѣло не касалось ея сына, семейнаго величія и блеска, она бы горячо сочувствовала Люси Робартсъ. Даже теперь она не могла отказать ей въ сочувствіи и уваженіи; она даже стала понимать, что именно привлекло ея сына къ этой молодой дѣвушкѣ, почувствовала даже, что еслибы тутъ не примѣшались нѣкоторыя злополучныя обстоятельствова, дѣвушка эта, быть-можетъ, была бы и достойна носить имя леди Лофтонъ. Люси какъ будто выросла въ ея глазахъ въ продолженіи разговора; она уже не казалась пустою, незначащею дѣвочкой, какою до сихъ поръ считала ее леди Лофтонъ. Дѣвушка, сумѣвшая говорить такъ прямо и открыто, сумѣвшая такъ опредѣлить свое настоящее положеніе, навѣрное и при другихъ обстоятельствахъ сумѣетъ постоять за себя.

Но, при всемъ томъ, леди Лофтонъ и не думала уступать. Въ ея рукахъ находилась власть устроить или разстроить этотъ бракъ (власть и по праву принадлежащая ей), и она обязана была употребить ее для блага сына, по своему крайнему разумѣнію. Какъ ни сочувствовала она Люси, она не могла пожертвовать счастьемъ сына этому сочувствію. Вѣдь все же оставались тѣ злополучныя обстоятельства, которыя въ ея глазахъ дѣлали этотъ бракъ невозможнымъ. Люси была сестра человѣка, который, по званію приходскаго священника въ Фремлеѣ, вовсе не годился въ свояки фремлейскому владѣльцу. Никто больше леди Лофтонъ не любилъ священнослужителей, никто не могъ быть болѣе расположенъ жить съ ними въ отношеніяхъ самой дружеской корот-

кости, но при всемъ томъ она на священника своего прихода отчасти смотрѣла какъ на часть подвѣдомственнаго ей быта, какъ на нѣчто отъ ней зависящее, и ей казалось не совсѣмъ ладнымъ, чтобы лордъ Лофтонъ породнился съ нимъ. Конечно, леди Лофтонъ не выговаривала себѣ этого совершенно ясно, но во глубинѣ души она такъ смотрѣла на вопросъ. При томъ, воспитаніе Люси во многихъ отношеніяхъ было недостаточное. Она ни малѣйшаго понятія не имѣла о свѣтской жизни, о свѣтскихъ обычаяхъ. Недостатокъ этотъ обнаружился даже въ томъ, какъ она въ настоящемъ случаѣ повела разговоръ. Она выказала умъ, энергію, добрый нравъ и здравый взглядъ на вещи, но въ ней не было достоюжнаго спокойствія, невозмутимости. Въ молодыхъ дѣвушкахъ леди Лофтонъ всего больше цѣнила силу инерціи, составляющую принадлежность изящной и исполненной достоинства сосредоточенности, а этого-то и не было въ бѣдной Люси. При томъ же она не имѣла состоянія, что хотя и меньшее зло, а все таки зло; не было у нея *имени* въ свѣтскомъ смыслѣ этого слова, а это уже похуже. Наконецъ, хотя ея глаза такъ ярко засверкали, когда она признавалась въ своей любви, леди Лофтонъ не была расположена находить, чтобы она обладала положительною красотой. Вотъ тѣ злополучныя сопутствующія обстоятельства, которыя утверждали леди Лофтонъ въ рѣшеніи разстроить этотъ бракъ.

Впрочемъ эта задача теперь казалась ей гораздо труднѣе чѣмъ она сперва предполагала, и она увидѣла себя принужденною просидѣть молча минуту или двѣ; миссъ Робартсъ, съ своей стороны, не заботилась о продолженіи разговора.

— Я не могу не удивляться, показала наконецъ леди Лофтонъ, — примѣрному, благоразумію, которое вы сказали во всемъ этомъ дѣлѣ; и позвольте мнѣ сказать вамъ, миссъ Робартсъ, я теперь смотрю на васъ съ совершенно инымъ чувствомъ чѣмъ недавно еще, когда я выѣзжала изъ Лондона.

На это Люси отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы, довольно впрочемъ принужденнымъ, какъ будто бы она болѣе принимала къ свѣдѣнію прошлое не совсѣмъ лестное мнѣніе, высказанное намекомъ, нежели явно сказанную похвалу въ настоящемъ.

— Но все же, въ этомъ дѣлѣ, продолжала леди Лофтонъ, — всего сильнѣе должно говорить во мнѣ чувство матери. Я не буду теперь разсуждать о томъ, какъ бы я поступила, еслб бы мой сынъ точно на васъ женился. Но я должна признаться, что такой бракъ считала бы я весьма... весьма неблагоприятнымъ. Трудно найти молодаго человѣка добрѣ лорда Лофтона, человѣка съ лучшими правилами, болѣе вѣрнаго своему слову; но онъ, болѣе чѣмъ кто другой, способенъ завлечься и ошибиться въ

своихъ видахъ на будущее. Еслибъ онъ женился на васъ, вы оба были бы несчастливы...

Очевидно, что приближалась давно-грозившая проповѣдь; и такъ какъ Люси откровенно созналась въ своей слабости и всю силу рѣшенія передала въ руки леди Лофтонъ, то она не видѣла андобности, зачѣмъ бы ей выслушивать эту проповѣдь.

— Чтò намъ объ этомъ спорить, леди Лофтонъ, прервала она:—я вамъ сказала, при какихъ обстоятельствахъ могу я согласиться выйти за вашего сына; слѣдовательно, вамъ нечего опасаться.

— Нѣтъ, я и не хотѣла съ вами спорить, сказала леди Лофтонъ почти смиреннымъ тономъ,—мнѣ хотѣлось только оправдаться передъ вами, чтобы вы не обвиняли меня въ жестокости, если я не дамъ своего согласія на этотъ бракъ. Мнѣ хотѣлось убѣдить васъ, что я поступаю такъ для блага сына.

— Я знаю, что вы въ этомъ убѣждены, и потому не нужны никакія оправданія.

— Да, именно; конечно, тутъ дѣло убѣжденія, и я именно такъ убѣждена. Я не могу повѣрить, чтобы этотъ бракъ послужилъ къ вашему обоюдному счастью, и потому я поступила бы дурно, еслибы дала свое согласіе.

— Въ такомъ случаѣ, леди Лофтонъ, сказала Люси, вставая съ своего мѣста,—мы кажется высказали другъ другу все чтò было нужно, и теперь я съ вами прощусь.

— Прощайте, миссъ Робартсъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы совершенно поняли, какъ высоко я уважаю и цѣню вашъ образъ дѣйствій въ настоящемъ случаѣ. Онъ выше всякихъ похвалъ, и я не задумаюсь высказать это, при свиданіи съ вашими родственниками.

Это не слишкомъ-то пріятно было для Люси. Чтò ей за дѣло до того, какъ леди Лофтонъ станетъ относиться о ней въ присутствіи ея родственниковъ.

— Прошу васъ передать мой дружескій поклонъ мистриссъ Робартсъ, продолжала леди Лофтонъ;—скажите ей, что я надѣюсь скорѣ увидѣть ее у себя, вмѣстѣ съ мистеромъ Робартсомъ. Мнѣ хотѣлось бы васъ всѣхъ пригласить сюда отобѣдать; но знаете, лучше мнѣ прежде повидаться съ Фанни и потолковать съ нею наединѣ.

Люси пробормотала что-то похожее на отказъ отъ предполагаемаго обѣда, и затѣмъ простилась. Ясно было, что въ этомъ свиданіи она одержала верхъ; сознаніе этого было въ сердцѣ, когда она дала леди Лофтонъ пожать свою руку. Ей удавалось остановить свою противницу при каждой ея по-

пыткѣ начать заготовленное поученіе; на каждое слово леди Лофтонъ она отвѣчала тремя. Но, при всемъ томъ, она возвращалась домой съ тяжелымъ чувствомъ обманутаго ожиданія, съ какимъ-то сознаниемъ, что она сама виною своего несчастія. Зачѣмъ ей было поступать съ такимъ романтическимъ, рыцарскимъ самоотверженіемъ? Не пожертвовала ли она и его счастьемъ точно также какъ своимъ? Отчего она такъ хлопотала, чтобъ отдать все дѣло въ руки леди Лофтонъ? Не оттого конечно, чтобъ она признавала необходимымъ общественнымъ правиломъ для дѣвушки отказываться отъ руки любимаго человѣка, пока сама мать не будетъ желать этого брака. По ея мнѣнію, дѣвушка обязана принять въ соображеніе голосъ собственнаго своего семейства, а больше ничей. Ею руководило не чувство долга, а только трусость; она не могла утѣшать себя сознаниемъ собственной безупречной правоты. Она просто боялась леди Лофтонъ, и это чувство было подло, недостойно той силы духа, которою она любила одарить себя въ своемъ воображеніи. Вотъ въ чемъ она внутренне обвинила себя, и это убивало въ ней всякое чувство торжества.

Когда она вернулась домой, Маркъ и Фанни ожидали ее.

— Ну что? проговорила она отрывисто и торопливо.— Готовъ кабриолетъ? Мнѣ некогда мѣшкать; еще нужно будетъ кой-что уложить. Что жь, Фанни, какъ ты рѣшила на счетъ дѣтей?

— Сейчасъ скажу. Ну что ты видѣла леди Лофтонъ?

— Ужъ конечно видѣла. Вѣдь она за мной присылала, и я не могла ослушаться ея приказанія.

— Ну что же она сказала?

— Какъ ты неопытенъ, Маркъ! И не только неопытенъ, да и неучтивъ; зачѣмъ ты заставляешь меня разказывать исторію моего униженія? Разумѣется, она мнѣ сказала, что не хочетъ, чтобы на мнѣ женился благородный лордъ, ея сынъ; а я, разумѣется, отвѣчала ей, что сама не подумаю за него выйти замужъ, при такихъ обстоятельствахъ.

— Люси, я понять тебя не могу, сказала Фанни серьезно, — я иногда сомнѣваюсь въ истинѣ твоего чувства. Если ты точно любишь его, какъ можешь ты все обращать въ шутку?

— Да, оно конечно странно; и на меня также иногда находить сомнѣніе. Мнѣ бы слѣдовало блѣднѣть и худѣть, не правда ли? чахнуть отъ горя, и понемножку сходить съ ума? Но я не имѣла ни малѣйшаго намѣренія поступать такимъ образомъ, а потому не стѣбитъ и толковать обо всемъ этомъ дѣлѣ.

— Но она съ тобою обошлась привѣтливо и учтиво? спросилъ Маркъ.

— О, чрезвычайно учтиво! Трудно повѣрить, но она даже пригласила меня обѣдать. Ты знаешь, она всегда это дѣлаетъ, когда хочетъ изъявить свое благоволеніе. Еслибы ты сломалъ себѣ ногу, и ей бы захотѣлось тебя утѣшить, она бы непремѣнно пригласила тебя обѣдать.

— Я увѣрена, что она сдѣлала это съ добрымъ намѣреніемъ, сказала Фанни, которая не хотѣла дать въ обиду свою старую пріятельницу, хотя вполнѣ была готова изо всѣхъ силъ сражаться съ нею за Люси.

— Люси такая взбалмошная, сказалъ Маркъ, — что отъ нея невозможно ничего добиться толкомъ.

— Да, право, я сказала все какъ было. Она спросила, дѣлалъ ли мнѣ лордъ Доугонъ предложеніе? Я отвѣчала да. Потомъ она спросила, намѣрена ли я принять его. Я отвѣчала: не приму безъ ея согласія. Потомъ она вслѣхъ насъ просисла къ себѣ обѣдать, — вотъ и все. Я не вижу, почему же я взбалмошная.

Она бросилась въ кресло, а Маркъ и Фанни молча переглянулись между собою.

— Маркъ, сказала она спустя минуту, — не сердись на меня. Я нарочно стараюсь обращать это въ шутку, чтобы не мучить ни васъ, ни себя. Повѣрь, Фанни, это гораздо лучше, чѣмъ ревѣть коровой.

Они взглянули на нее и увидѣли, что слезы были готовы брызнуть изъ ея глазъ.

— Люси, милая, безцѣнная Люси, сказала Фанни, опускалась передъ нею на колѣни, — впередъ я буду осторожнѣе съ тобою.

И обѣ онѣ дали полную волю своимъ слезамъ.

ГЛАВА XXXVI.

Впрочемъ, онѣ плакали не долго. Люси вскорѣ сидѣла уже въ кабриолетѣ. На этотъ разъ Маркъ взялся самъ довести ее, и рѣшено было, что онъ привезетъ съ собою всѣхъ дѣтей мистера Кролея. Все устроили какъ нельзя лучше; конюха съ женой рѣшено помѣстить въ самомъ домѣ, а комнату, занимаемую ими, на противоположномъ концѣ двора, превратить на время въ карантинный госпиталь, пока не минуетъ опасность. На полдорогѣ въ Гоггльстокъ, ихъ нагналъ какой-то господинъ верхомъ, и когда онъ поравнялся съ ними, Маркъ узналъ доктора Эребина, барчестерскаго декана, главу капитула, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Оказалось, что деканъ также

ѣдетъ въ Гоггльстокъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ его друзей; онъ отправился тотчасъ же, съ тѣмъ чтобы увидѣть какъ помочь имъ; такъ какъ ему приходилось проскакать для этого около сорока миль, то онъ не надѣялся вернуться домой прежде полуночи.

— Вы будете проѣзжать черезъ Фремлей? спросилъ Маркъ.

— Да, отвѣчалъ деканъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы у насъ пообѣдаете и отдохнете, въ и ваша лошадь, что почти такъ же важно.

На этомъ и порѣшили, и послѣ обычной церемоніи представленія между деканомъ и Люси, разговоръ опять обратился къ мистеру Кролею.

— Я знаю его съ самаго дѣтства, сказалъ деканъ, — мы вмѣстѣ учились въ школѣ и въ коллегіи, и съ тѣхъ поръ постоянно были въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, но несмотря на все это, я не знаю, какъ помочь ему въ эту трудную минуту. Я никогда не встрѣчалъ человѣка болѣе гордаго и сосредоточеннаго; онъ боится дѣлать свое горе даже съ друзьями.

— Онъ часто говорилъ мнѣ о васъ, сказалъ Маркъ.

— Вы не можете представить себя, какъ грустно мнѣ думать, что человѣкъ, котораго я искренно люблю, живетъ такъ близко отъ меня, а я почти никогда не вижу его. Но чтѣ же мнѣ дѣлать? У меня онъ не хочетъ бывать, а когда я къ нему приѣду, онъ на меня сердится за то, что я, видите, ношу шляпу и разѣзжаю на лошади.

— Я шляпу и лошадь оставила бы на рубежѣ сосѣдняго прихода, замѣтила Люси робкимъ тономъ.

— Положимъ такъ. Конечно, мы должны стараться не оскорблять друзей даже въ такихъ бездѣлицахъ, но дѣло въ томъ, что его точно такъ же оскорбляли бы мой сюртукъ и жилетъ. Я перемѣнился, то-есть наружно перемѣнился, а онъ нѣтъ. Это раздражаетъ его, и пока я не буду представляться ему такимъ, какимъ я былъ прежде, онъ не захочетъ смотрѣть на меня прежними глазами.

И онъ уѣхалъ впередъ, сказавъ, что имъ съ Кролеемъ легче будетъ встрѣтиться наединѣ, до приѣзда Робартса и его сестры.

Мистеръ Кролей стоялъ у своей двери прислонившись къ маленькой деревянной рѣшеткѣ, когда деканъ подскакалъ на своей лошади. Просидѣвъ большую часть дня у постели больной, онъ вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ, держа на рукахъ младшаго ребенка. Бѣдное дитя сидѣло смиренно, не кричало, но и не слишкомъ весело смотрѣло. Мистеръ Кролей горячо и нѣжно любилъ своихъ дѣтей, но онъ не имѣлъ той особой

ухватки, которая привлекаетъ дѣтей. Говорю ухватки, потому что едва ли можно назвать какъ-нибудь болѣе эту способность иныхъ людей привлекать дѣтскія сердца. Эти люди не всегда бываютъ самыми лучшими отцами и надежнѣйшими попечителями; но въ ихъ пріемахъ есть нѣчто, обаятельно дѣйствующее на дѣтей, нѣчто такое что мигомъ уничтожаетъ все разстояніе между пятью годами и сорока пятью. Мистеръ Кролей былъ человѣкъ строгій, онъ постоянно думалъ о душѣ и умѣ своихъ дѣтей, какъ подобаегь отцу; но онъ также думалъ, что слѣдуетъ постоянно, ежеминутно наставлять и развивать эти юныя души и умы, и тутъ онъ, кажется, ошибался. Вотъ почему дѣти старались избѣгать его, и ихъ отчужденіе было новою мукой для его истерзанной души, но оно нисколько не уменьшало его горячей любви къ нимъ.

Онъ стоялъ на крыльцѣ съ малюткой на рукахъ; дитя сидѣло смирно и тихо, но въ немъ не видно было ни малѣйшаго расположенія поцѣловать своего отца, погладить его полицу своими нѣжными ручонками, какъ въ душѣ хотѣлось бы отцу, когда показался деканъ. Мистеръ Кролей еще издали узналъ своего пріятеля и успѣлъ обдумать свой пріемъ, онъ былъ зорокъ какъ рысь на открытомъ воздухѣ, хотя дома, въ своемъ кабинетѣ, не могъ обходиться безъ очковъ, сидя надъ своими старыми, захватанными книгами.

Очевидно, что и Эребинъ пріѣхалъ, если не съ цыплатами и вареньемъ, то съ деньгами и съ совѣтомъ, какіе только богатый деканъ могъ предложить своему бѣдному собрату; и мистеръ Кролей, несмотря на свое безпокойство о женѣ, ужь заранѣе съѣжился и сталъ раздумывать о томъ, какъ бы ему отказаться отъ этихъ услугъ.

— Ну, что? Какъ она себя чувствуетъ? было первымъ вопросомъ декана, когда онъ остановилъ лошадь у самой двери, и протянулъ руку пріятелю.

— Какъ твое здоровье, Эребинъ? сказалъ мистеръ Кролей.— Спасибо, что рѣшился пріѣхать въ такую даль, тогда какъ у тебя столько дѣла въ Барчестерѣ. Не могу сказать, чтобъ ей было лучше, но на сколько я могу судить, ей и не хуже. Иногда мнѣ кажется, что у нея бредъ, но и въ этомъ я не увѣренъ. По временамъ, она лежитъ въ забытѣхъ, а потомъ засыпаетъ.

— Но жаръ уменьшился?

— Иногда уменьшается, иногда увеличивается.

— А дѣти?

— Бѣдняжки! Покуда здоровы.

— Ихъ нужно увезти отсюда, Кролей, увезти какъ можно скорѣй.

Мистеру Кролею показалось, что деканъ принимаетъ съ нимъ

нѣсколько повелительный тонъ, и онъ тотчасъ же приготовился къ упорному сопротивленію.

— Не знаю еще какъ это устроить; я еще не рѣшился на этотъ счетъ.

— Однако, любезный Кролей...

— Такія перемѣненія не всегда возможны, сказалъ онъ:—у бѣдныхъ людей дѣти неизбѣжно подвергаются этимъ опасностямъ.

— Иногда это точно неизбѣжно, отвѣчалъ деканъ, не желая вступать въ споръ,—но въ настоящемъ случаѣ неизбѣжности никакой нѣтъ. Ты мнѣ дозволишь прислать за ними и озаботиться этимъ дѣломъ, потому что тебѣ и безъ того довольно хлопотъ съ больною.

Хотя миссъ Робартсъ, въ разговорѣ съ мистеромъ Эребиномъ и объявила, что останется съ мистриссъ Кролей, но не упомянула еще о своемъ намѣреніи увести дѣтей.

— Ты хочешь снять бремя съ моихъ плечъ, то-есть попросту заплатить за моихъ дѣтей? Я не могу этого позволить, Эребинъ. Они должны дѣлать часть отца и матери.

Деканъ опять счелъ за лучшее не вступать въ словопрerie и отложить вопросъ о дѣтяхъ до другой, болѣе удобной минуты.

— При ней нѣтъ сидѣлки? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; я самъ за нею ухаживаю покуда. А вечеромъ придетъ къ намъ женщина.

— Какая женщина?

— Зовутъ ее мистриссъ Стоббсъ; она живетъ въ здѣшнемъ приходѣ. Она уложитъ младшихъ дѣтей, и .. и... да что мнѣ надобно тебѣ всѣми этими мелочами!... Сегодня утромъ у насъ была одна молодая дѣвушка, и обѣщалась пріѣхать опять. Но, кажется, она нашла это для себя неудобнымъ, да и гораздо лучше такъ.

— Ты говоришь о миссъ Робартсъ? Она будетъ здѣсь черезъ нѣсколько минутъ; я обогналъ ее дорогой.

Едва докторъ Эребинъ успѣлъ договорить, какъ уже послышался стукъ колесъ.

— Я пойду теперь въ комнаты, и посмотрю, не проснулась ли она, сказалъ мистеръ Кролей, и вошелъ въ домъ, оставя декана на лошади у калитки.

«Онъ побоятся заразы, я его не приглашу войти въ домъ,» подумалъ мистеръ Кролей.

«Если я войду не прошенный, я покажусь ему нескромнымъ и навязчивымъ,» сказалъ про себя деканъ, и не двигался съ мѣста, пока пони, уже ознакомившійся съ мѣстностію, не остановился у калитки.

— Вы еще не входили туда? спросилъ Робартсъ.

— Нѣтъ, Кролей разговаривалъ со мною у крыльца. Онъ, кажется, сейчасъ выйдетъ опять.

И Маркъ Робартсъ также приготовился ждать появленія хозяйна дома.

Но Люси мало заботилась о томъ, оскорбится ли мистеръ Кролей или нѣтъ. Ей хотѣлось ухаживать за бѣдною страдальницей, хотѣлось поскорѣе услатъ всѣхъ четырехъ дѣтей, съ согласія отца, если возможно, но и безъ его согласія въ случаѣ нужды. Она вышла изъ кабриолета, взявъ съ собою кой-какіе свертки и узлы, и отправилась прямо въ домъ.

— Тутъ подъ сидѣньемъ остался большой узелъ; Маркъ, сказала она,—вынь его отсюда, а я сейчасъ за нимъ приду.

Минугъ съ пять, обѣ духовныя особы оставались у воротъ, одна на лошади, другая въ кабриолетѣ, изрѣдка обмѣниваясь словомъ, и выжидая не появится ли кто-нибудь изъ дому. Наконецъ до нихъ долетѣлъ голосъ Люси:

— Мы все устроили какъ нельзя лучше, говорила она,—не будетъ ни хлопотъ, ни издержекъ, и мы привеземъ ихъ назадъ какъ только мистриссъ Кролей встанетъ съ постели.

— Однако, миссъ Робартсъ, могу васъ увѣрить... слышался голосъ мистера Кролея, шедшаго за нею вслѣдъ. Но тутъ кто-то изъ дѣтей позвалъ его къ больной, а Люси пошла распорядиться по своему.

— Вы хотите дѣтей увезти съ собою? спросилъ деканъ.

— Да, жена приготовила имъ комнату, отвѣчалъ Маркъ.

— Я вижу, что вы съ моимъ старымъ другомъ можете поступать безцеремоннѣе чѣмъ я.

— Все устроила сестра. Въ такихъ дѣлахъ женщины гораздо храбрѣе мужчинъ.

Тутъ на порогѣ показалась Люси, въ сопровожденіи Бобби и одного изъ младшихъ дѣтей.

— Ты не слушай, что онъ будетъ говорить, сказала Люси,— а уѣзжай домой какъ только я усажу всѣхъ дѣтей. Скажи Фанни, что я уложила въ корзину всѣ дѣтскія вещи, какія только нашла, но ихъ очень немного. Ей будетъ нужно на время занять платья для Грессъ у маленькой дочки мистриссъ Гренджеръ. А теперь, Маркъ, повороти пони, чтобы можно было немедленно ускакать. Я сейчасъ приведу Грессъ съ другимъ ребенкомъ.

Поручивъ брату усадить какъ слѣдуетъ Бобби и его маленькую сестрицу на заднемъ сидѣньи кабриолета, Люси вернулась въ комнаты. Она лишь на минуту заглянула къ мистриссъ Кро-

лей, улыбнулась ей, положила на стулъ свой увелъ, въ знакъ того, что она прѣехала надолго, и, не сказавъ ни слова, отправилась къ дѣтямъ. Она попросила Гресь указать ей всѣ дѣтскія вещи, которыя нужно будетъ повезти въ Фремлей, и, сколько могла, старалась объяснить малюткамъ ожидавшую ихъ участь; потомъ она принялась готовить все къ отъѣзду, ни слова не говоря мистеру Кролею. Бобби и старшая изъ малютокъ спокойно позволили усадить себя въ кабриолетъ; они молча гляѣли на декана, и безпрекословно подчинялись всѣмъ распоряженіямъ мистера Робартса; повидимому на нихъ сильно подѣйствовала неожиданность.

— Ну теперь, Гресь, садись скорѣе, душка, сказала Люси, возвращаясь съ самымъ крошечнымъ ребенкомъ на рукахъ.— Да хорошенько береги малютку. Дай мнѣ корзинку, я уставляю ее, когда вы всѣ усядетесь.

И дѣти, и корзинка съ платьемъ, наконецъ, кое-какъ умѣстились въ кабриолетъ.

— Вотъ такъ хорошо. Маркъ, прощай; скажи Фанни, чтобъ она непременно прислала сюда кого-нибудь послѣ завтра, да чтобъ она не забыла...—И Люси шепнула на ухо брату разныя порученія насчетъ присылки кое какихъ припасовъ, о которыхъ страшно было и заикнуться въ присутствіи мистера Кролея.

— Прощайте, милыя дѣтки, будьте умны; послѣзавтра я вамъ дамъ непременно знать о здоровьи маменьки, сказала Люси, и пони, подстрекаемый легкимъ движеніемъ вожжей, уже двинулся впередъ, когда мистеръ Кролей показался у порога.

— Погодите, погодите! закричалъ онъ.—Миссъ Робартсъ, право лучше будетъ...

— Поѣзжай, Маркъ, проговорила Люси очень внятнымъ шепотомъ. И Маркъ, который было пріостановилъ лошаду при явленіи мистера Кролея, взмахнулъ хлыстомъ, и пони поскакалъ, потряхивая головой, такую быстрою рысцой, что и кабриолетъ, и дѣти-вскорѣ скрылись изъ глазъ озадаченнаго отца.

— Миссъ Робартсъ, началъ было онъ,—я долженъ объявить, вамъ, что отнюдь не думалъ соглашаться на...

— Да, да, перебила она:—брату моему, нужно было поспѣшить. Вы знаете, дѣти всѣ будутъ жить у насъ; я увѣрена, что это будетъ всего пріятнѣе для мистриссъ Кролей. Дня черезъ два-три ими займется сама Фанни.

— Но увѣрю васъ, любезная миссъ Робартсъ, я ни малѣйшаго не имѣлъ намѣренія сваливать на другихъ свои семейныя заботы. Дѣти должны возвратиться домой, какъ только будетъ возможно привезти ихъ назадъ.

— Мнѣ, право, кажется, что миссъ Робартсъ все очень хорошо устроила, сказалъ деканъ,—мистриссъ Кролей вѣрно гораздо будетъ спокойнѣе при мысли, что ея дѣти внѣ опасности.

— Право, имъ будетъ очень хорошо у насъ, сказала Люси.

— Я ни сколько въ этомъ не сомнѣваюсь, сказалъ мистеръ Кролей,—я, напротивъ, боюсь, что они слишкомъ привыкнутъ къ этимъ удобствамъ, что имъ трудно будетъ вернуться къ прежней жизни; да притомъ... я могъ бы пожелать, чтобы сперва со мною посовѣтовались...

— Да вѣдъ мы рѣшили сегодня утромъ, что дѣтей лучше удалить, сказала Люси.

— Я не помню, чтобъ я изъявилъ согласіе на такого рода мѣру; впрочемъ... я полагаю, что ихъ нельзя будетъ привезти сегодня же?

— Нѣтъ, сегодня невозможно, сказала Люси.—А теперь я пойду къ вашей женѣ.

И она вернулась въ домъ, оставивъ декана и мистера Кролея у дверей. Въ эту минуту проходилъ мимо какой-то мальчикъ, и деканъ успѣвши поручить ему свою лошадь, и стать такимъ образомъ на равную ногу съ своимъ пріятелемъ.

— Кролей, сказалъ онъ, прислонившись подлѣ него къ перильцамъ и ласково положивъ ему руку на плечо: — она хорошая дѣвушка, отличная дѣвушка.

— Да, проговорилъ онъ протяжно,—у нея намѣренія хорошія.

— Нѣтъ, больше того; она поступаетъ превосходно. Что можетъ быть лучше ея теперешняго поведенія? Пока я раздумывалъ, какъ бы мнѣ помочь твоей женѣ въ эту трудную минуту...

— Мнѣ не нужна помощь, по крайней мѣрѣ помощь человѣчская, съ горечью перервалъ его Кролей.

— О, другъ мой! Подумай о томъ, что ты говоришь! Подумай, какъ грѣшно подобное настроеніе! Можетъ ли человѣкъ полагаться такъ на собственныя силы, отказываясь отъ пособія братьевъ?

Мистеръ Кролей не тотчасъ же отвѣчалъ ему; заложивъ руки за спину и сжавъ кулаки,—какъ привыкъ дѣлать, когда раздумывалъ о горькой своей долѣ,—онъ принялся ходить взадъ и впередъ по дорогѣ передъ домомъ. Онъ не предложилъ пріятелю присоединиться къ нему, впрочемъ не высказывалъ и желанія, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ. Вечеръ былъ теплый и тихій, въ ту чудную пору года, когда лѣто только что смѣняетъ весну, и всѣ оттѣнки зелени еще сіяютъ незапятнаною свѣжестью. Яблони были въ полномъ цвѣту, живыя изгороди ярко цвѣли. Вдали раздавался однообразный отзвѣвъ ку-

кушки, воздухъ былъ пропитанъ запахомъ молодой травы. Дубы уже покрылись листьями, но листья еще не висѣли тяжелыми, сплошными гирями; сквозь нихъ еще виденъ былъ изгибъ каждой вѣтви, каждаго сучка. Никакая пора въ году не можетъ сравниться красотой съ первыми лѣтними днями; никакія краски въ природѣ, не исключая даже богатыхъ оттѣнковъ осени, не могутъ превзойти нѣжной зелени, распутившейся отъ теплыхъ лучей майскаго солнца.

Мы уже говорили, что Гоггльстокъ не могъ похвастать красотой мѣстности; домъ священника не былъ расположенъ на зеленѣющемъ скатѣ холма, въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги; окна его не выходили на мягкій лугъ, окаймленный кустарниками, надъ которыми возвышалась бы небольшая старинная перковная колокольня; онъ былъ лишенъ всѣхъ этихъ прелестей, которыми, обыкновенно, привлекаютъ насъ уютные домики нашихъ духовныхъ пастырей, въ земледѣльческихъ краяхъ Англій. Домъ гоггльстокскаго священника стоялъ одинокій у самой дороги, не защищенный какою-нибудь хорошенькою изгородью, усаженною внутри остролистымъ шиповникомъ, португальскимъ лавромъ и розовымъ деревомъ. Но даже и Гоггльстокъ былъ хорошъ въ эту пору; яблони и кустарники бѣлѣли цвѣтами; дрозды и малиновки оглашали воздухъ своимъ пѣніемъ; и мѣстами, у дороги, возвышался дубъ въ своей одинокой величавой красѣ.

— Пройдемся немного, сказалъ деканъ, — миссъ Робартсъ теперь съ нею, а тебѣ не худо отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, — я долженъ быть тамъ; не могу же я допустить, чтобъ эта молодая дѣвица брала на себя мое дѣло.

— Погоди, Кролей! сказалъ деканъ, останавливая его за руку. — Она дѣлаетъ свое дѣло; ты бы самъ это сказалъ, еслибы рѣчь шла о какомъ-нибудь другомъ семействѣ, а не о твоёмъ. Не утѣшительно ли для тебя, что твоя жена въ эту минуту имѣетъ при себѣ женщину, и женщину способную ее понять и ей сочувствовать?

— Это такая роскошь, на которую мы не имѣемъ права. Я, конечно, не много могу сдѣлать для бѣдной моей Маріи, но я сдѣлалъ бы для нея все, что только въ моихъ силахъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь; я это знаю. Ты готовъ для нее сдѣлать все, что только возможно человѣку, все, кромѣ одного.

И, говоря это, деканъ посмотрѣлъ ему въ лицо.

— А чего же именно, по твоему, не захотѣлъ бы я сдѣлать для нея? спросилъ Кролей.

— Пожертвовать своею гордостію!

— Мою гордостію?

— Да, твоею гордостью.

— Кажется, не много во мнѣ осталось гордости. Эребинъ, ты не знаешь, какова моя жизнь. Какая можетъ быть гордость у человѣка, который...

И онъ пріостановился, не желая перечислять длинный рядъ несправедливостей судьбы, которыя, по его мнѣнію, должны были убить въ немъ послѣдніе зародыши гордости, или распространяться о своей незаслуженной бѣдности, о своемъ горькомъ положеніи.

— Нѣтъ, желалъ бы я еще быть гордымъ. Слишкомъ тяжела была моя жизнь; я уже давно забылъ, что такое гордость.

— Съ которыхъ поръ мы знаемъ другъ друга, Кролей?

— Съ которыхъ поръ? Ахъ, Боже мой! съ самаго почти рожденія.

— Когда-то мы жили съ тобой какъ родные братья.

— Да, мы тогда были равны какъ братья, равны по вкусамъ, по состоянію, по образу жизни.

— А вотъ ты все не хочешь позволить мнѣ помочь тебѣ и твоему семейству, которое для тебя дороже всего на свѣтѣ, облегчить хоть сколько-нибудь бремя, которое досталось тебѣ въ удѣлъ?

— Я не хочу жить на чужой счетъ, проговорилъ Кролей отрывисто, почти съ сердцемъ.

— Развѣ это не гордость?

— Да, это своего рода гордость, но не та гордость, о которой ты говорилъ сейчасъ. Невозможно быть честнымъ человекомъ, не имѣя въ себѣ доли гордости. Да ты самъ... не согласился ли бы ты скорѣе голодать чѣмъ просить милостыню?

— Я бы скорѣе захотѣлъ просить милостыню чѣмъ видѣть, что голодаетъ моя жена.

При этихъ словахъ Кролей быстро отвернулся; онъ стоялъ спиною къ декану, закинувъ руки назадъ и потупивъ глаза въ землю.

— Но тутъ идетъ рѣчь не о милостынѣ, продолжалъ деканъ, мнѣ бы хотѣлось помочь друзьямъ, удѣлить имъ частичку тѣхъ земныхъ благъ, которыми такъ щедро осыпало меня Провидѣніе.

— Да она не голодаетъ, проговорилъ Кролей, все еще съ горечью; но въ его тонѣ слышалось и желаніе оправдать себя.

— Нѣтъ, другъ мой, я знаю, что она не терпитъ голода; не сердись на меня, что я старался выяснитъ тебя свою мысль рѣзкими выраженіями.

— Ты на вопросъ смотришь только съ одной стороны, Эребинъ; а я могу смотрѣть на него только съ другой, противоположной. Отрадно *давать*, я въ томъ не сомнѣваюсь, но тяжело, очень тяжело принимать. Хлѣбъ подаенія останавливается въ

горла у человека, отравляетъ его кровь, свинцомъ ложится ему на сердце. Тебѣ никогда не приходилось испытать это.

— Да за это-то самое я и упрекаю тебя. Вотъ именно та гордость, которою ты долженъ пожертвовать.

— А зачѣмъ же я буду ею жертвовать? Развѣ я не могу, или не хочу работать? Развѣ я не трудился всю жизнь безъ отдыха? Какъ же ты хочешь, чтобъ я подбиралъ крохи, падающія отъ трапезы богатаго? Эребинъ! мы съ тобой когда-то были товарищами, равными; мы умѣли другъ друга понимать, другъ другу сочувствовать, но теперь это кончилось.

— Кончилось только съ твоей стороны.

— Можетъ-быть, потому что въ нашихъ отношеніяхъ всѣ страданія и недостатки были бы на моей сторонѣ. Ты бы не оскорбился, увидѣвъ меня за своимъ столомъ въ истертомъ платьѣ, въ дырчатыхъ башмакахъ. Я знаю, что ты неспособенъ на такую мелочность. Ты бы радъ былъ угощать меня, еслибы даже я былъ одѣтъ въ десять разъ хуже твоего лакея. Но мнѣ тяжело и обидно было бы думать, что всякій, кто взглянулъ бы на меня, удивился бы моему присутствію у тебя.

— Вотъ именно та самая гордость, о которой я говорилъ,— ложная гордость.

— Называй ее такъ, если хочешь; но знай, Эребинъ, что всѣ твои увѣщанія пропадутъ даромъ. Эта гордость— послѣдняя моя поддержка. Бѣдная страдалница, которая теперь лежитъ въ постели, больная мать моихъ дѣтей, которая для меня пожертвовала всѣмъ, дѣлила со мной и горе и заботы, даже она не въ состояніи измѣнить меня въ этомъ отношеніи, хотя одинъ Господь вѣдаетъ, какъ тяжело мнѣ видѣть ея постоянныя лишенія. Но, даже ради ея, я не захочу протянуть руку за подаваніемъ.

Они дошли до дверей дома, и мистеръ Кролей почти безсознательно переступилъ порогъ.

— Нельзя ли мнѣ будетъ видѣть мистриссъ Кролей? спросилъ деканъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Лучше тебѣ не входить къ ней, сказалъ мистеръ Кролей,— мистриссъ Эребинъ будетъ бояться заразы.

— Повѣрь, что я нисколько за себя не боюсь, сказалъ деканъ.

— Да къ чему же подвергаться опасности? Притомъ ея комната въ такомъ жалкомъ видѣ... Ты знаешь, и въ другихъ комнатахъ воздухъ можетъ быть заразителенъ.

Между тѣмъ они дошли до гостиной, и докторъ Эребинъ рѣшился не идти дальше, видя, какъ это непріятно хозяйну.

— Во всякомъ случаѣ, для насъ утѣшительно знать, что миссъ Робартсъ остается при ней.

— Миссъ Робартсъ очень добра, чрезвычайно добра, сказалъ Кролей,—но я надѣюсь, что она завтра же возвратится къ своимъ роднымъ. Возможно ли ей оставаться въ такомъ бѣдномъ домѣ, какъ мой? Она здѣсь не найдетъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ привыкла:

Деканъ подумалъ про себя, что Люси, при настоящихъ своихъ занятіяхъ, врядъ ли станетъ помышлять о большихъ удобствахъ, и потому уѣхалъ съ утѣшительною мыслию, что будетъ кому ухаживать за несчастною больной.

ГЛАВА XXXVII.

Между тѣмъ въ Вестъ-Барсетширѣ готовилось что-то необычайное, всѣ умы были въ волненіи. Роковое слово было уже произнесено: королева распустила свой вѣрный парламентъ. Титаны, чувствуя себя не въ силахъ ладить съ прежнею палатой, рѣшились испробовать, не лучше ли будетъ новая, и суматоха всеобщихъ выборовъ должна была распространиться по всей странѣ. Это производило вездѣ большее раздраженіе и досаду, потому что не прошло еще трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ составила послѣдняя палата; а члены парламента, хотя и очень рады повидаться съ друзьями, пожать руку многоуважаемымъ своимъ избирателямъ, все же на столько причастны слабостямъ человеческимъ, что принимаютъ къ сердцу опасность лишиться своего мѣста, или во всякомъ случаѣ необходимость значительныхъ вздержекъ, чтобъ удержать его за собой.

Никогда еще древняя распря между богами и гигантами не разгоралась до такого ожесточенія. Гиганты объявили, что каждое усиліе ихъ на пользу страны задерживалось интригами бессмысленной партіи, несмотря на всѣ обольстительныя обѣщанія помощи и содѣйствія, такъ недавно сдѣланныя ею; боги же отвѣчали, что ихъ вызвала на такую оппозицію беотійская нелѣпость гигантовъ. Правда, они, обѣщали свою помощь, и до сихъ поръ готовы были содѣйствовать каждой, не совершенно безразсудной мѣрѣ, но ужъ разумѣется не биллю, который даетъ правительству право назначать по своему благоусмотрѣнію пенсіи для престарѣлыхъ епископовъ. Итъ, на все есть мѣра; и тѣ, которые рѣшились сдѣлать палатѣ такое предложеніе, очевидно преступили всякія границы приличія.

Все это происходило во всеуслышаніе, день или два спустя, послѣ намека, случайно брошеннаго Томомъ Тауэрсомъ на вечерѣ у миссъ Данстеблѣ,—Томомъ Тауэрсомъ, милѣйшимъ изъ милыхъ людей. И какже онъ могъ узнать это, онъ, легкій мотылекъ, вѣчно перепархивающій съ цвѣточка на цвѣточекъ? Но его намекъ скоро превратился во в еобщій слухъ, а слухъ въ дѣйствительность. Весь политическій міръ пришелъ въ броженіе. Гиганты, разъяренные неудачей въ дѣлѣ о епископахъ, стали—довольно безразсудно — угрожать палатѣ распущеніемъ. Тогда представилось великолѣпное зрѣлище: члены вставали одинъ за другимъ, горя негодованіемъ и безкорыстіемъ, объявляя, что ни одинъ порядочный человекъ въ палатѣ не дастъ подкупить себя страхомъ или надеждой утратить или сохранить свое мѣсто. Такимъ образомъ распря разгоралась, и никогда еще враждебныя стороны не нападали другъ на друга съ такимъ ожесточеніемъ какъ тебѣрь, недѣли три спустя послѣ столькихъ увѣреній въ доброжелательствѣ, уступчивости, уваженіи!

Но, переходя отъ общаго вопроса къ частному, мы смѣло можемъ сказать, что нигдѣ не распространился такой ужасъ и смятеніе какъ въ вестъ-барсетширскомъ избирательномъ округѣ. Лишь только дошла туда вѣсть о роспускѣ парламента, какъ стало также извѣстно всѣмъ, что герцогъ не намѣренъ болѣе поддерживать мистера Соверби, а напротивъ постарается замѣстить его кѣмъ-нибудь другимъ. Мистеръ Соверби былъ представителемъ графства со временъ Реформъ-Билля. На него смотрѣли какъ на какую-то неотъемлемую принадлежность графства, и даже любили его по старой памяти, несмотря на его извѣстное всѣмъ мотовство и безразсудство. Теперь же все должно измѣниться. Причина еще не была высказана вслухъ, но всѣ уже знали, что герцогъ употребитъ свое огромное вліяніе въ пользу лорда Домбелло, хотя послѣдній не владѣлъ никакими помѣстьями въ графствѣ. Правда, шли слухи, что лордъ Домбелло вскорѣ вступитъ въ болѣе тѣсную связь съ Барсетширомъ. Онъ былъ помолвленъ на молодой дѣвухѣ (изъ другой, впрочемъ, части графства), и въ это самое время велъ переговоры съ правительствомъ насчетъ покупки казенныхъ земель, извѣстныхъ подъ названіемъ *Чальдикотскаго Чеза*. Поговаривали также — но объ этомъ покуда шли только темные намеки, — что самъ чальдикотскій замокъ перейдетъ въ руки будущаго маркиза. Герцогъ предъявилъ свои права на этотъ замокъ, и—какъ говорила молва—соглашался уже перепродать его лорду Домбелло.

Но съ другой стороны распространялись слухи совершенно противоположные этимъ. Люди говорили, то-есть, тѣ немногіе

люди, которые дерзали возставать противъ герцога, да еще многое изъ тѣхъ, которые не рѣшились возстать на него, когда наступила минута битвы, — люди говорили, что не отъ герцога зависить сдѣлать лорда Домбелло барсетширскимъ магнатомъ. Казенныя земли, увѣряли эти люди, должны достаться молодому Грешаму изъ Боксалль-Гила, онъ уже совсѣмъ сторговалъ ихъ у казны. Что же касается до помѣстья мистера Соверби и до Чальдвикотскаго замка, продолжали эти противники герцога Омніума, вовсе неизвѣстно еще, достанутся ли они герцогу. Во всякомъ случаѣ они ему не достанутся безъ ожесточенной борьбы, и весьма вѣроятно, что повсѣмъ вѣксямъ будетъ заплачено извѣстною дамой, славящеюся своими несмѣтными богатствами. Притомъ, къ этимъ слухамъ примѣшивался легкій романическій оттѣнокъ. Говорили, что мистеръ Соверби ухаживалъ за этою богатою дамой, даже сватался за нее, что она сама призналась ему въ своей любви къ нему, но не захотѣла за него выйти, испугавшись его репутаціи. Однако, чтобы доказать ему свою привязанность, она непременно хотѣла уплатить его долги.

Вскорѣ стало достовѣрно извѣстно по всему графству, что мистеръ Соверби не намѣренъ безъ бою уступить герцогу. По всему округу было разслано объявленіе, въ которомъ не было прямаго намека на герцога, но въ которомъ мистеръ Соверби предостерегалъ своихъ друзей противъ ложныхъ слуховъ, будто бы онъ думаетъ отступить отъ званія члена за графство. «Онъ представлялъ это графство въ продолженіи четверти столѣтія», гласило объявленіе, «и теперь не намѣренъ такъ легко отказаться отъ почести, которая столько разъ была ему предложена, и которую онъ цѣнитъ такъ высоко. Въ палатѣ, въ настоящую минуту, не много считается лицъ, соединенныхъ такою давнишнею и непрерывною связью съ однимъ и тѣмъ же обществомъ избирателей, какою связанъ онъ съ Вестъ-Барсетширомъ; онъ твердо надѣется, что эта связь продлится и на будущіе годы, пока наконецъ онъ не удостоится чести увидѣть себя старѣйшимъ изъ представителей комитатовъ въ нижней палатѣ!»

Многое еще было сказано въ объявленіи; оно касалось различныхъ вопросовъ весьма важныхъ для графства, но ни единымъ словомъ не упоминало о герцогѣ Омніумѣ, хотя всѣмъ было понятно и ясно, какого рода участіе приписывалось ему въ этомъ дѣлѣ. Герцогъ Омніумъ игралъ роль какого-то далай-ламы, скрытаго во глубинѣ своего святилища, незримаго, непроницаемаго, неумолимаго; простые смертные не смѣли возводить къ нему очей, не смѣли даже произносить его имени безъ внутренняго содроганія. Но тѣмъ не менѣе, подразумевалось, что онъ ворочаетъ всѣмъ.

И потому предполагали, что нашъ пріятель Соверби мало имѣ-

еть вѣроятностей въ свою пользу; но къ счастью онъ нашелъ себѣ подмогу тамъ, гдѣ всего меньше могъ бы ея ожидать. Во все свое политическое поприще онъ ревностно поддерживалъ боговъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ члена, выбраннаго по вліянію герцога Омніума; тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, около него собрались всѣ гиганты въ графствѣ. Они дѣлали это не съ явно-высказаннымъ намѣреніемъ въ чемъ-нибудь перечить герцогу; они объявили, что имъ грустно и больно видѣть такого стариннаго представителя графства, лишеннаго своего мѣста въ парламентѣ; но весь свѣтъ понималъ, что они собственно ратуютъ противъ далай-ламы. Борьба должна была завязаться между аристократическими и олигархическими началами въ Вестъ-Барсетширѣ; демократія, скажемъ мимоходомъ, въ этомъ графствѣ принимала мало участія какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Никакого не могло быть сомнѣнія, что низшія разряды избирателей, мелкіе фермеры и торговцы присоединятся къ герцогу, стараясь увѣрить себя, что они этимъ самымъ содѣйствуютъ либеральной сторонѣ; но собственно ими руководила бы тутъ давнишняя, заветная преданность далай-ламѣ, и опасеніе его гнѣва. Ну, чтобы случилось съ графствомъ, еслибы далай-лама вдругъ вздумалъ удалиться, съ своими сателитами, съ своею арміею, съ своими придворными? Конечно, онъ и теперь довольно рѣдко посѣщалъ этотъ край, и еще рѣже показывался въ средѣ его обитателей, но тѣмъ не менѣе, или лучше сказать *тѣмъ болѣе*, покорность казалась полезною, а сопротивленіе казалось опаснымъ. Сельскіе далай-ламы до сихъ поръ еще довольно могущественны въ Англіи.

Но первосвященникъ храма, мистеръ Фодергиллъ, довольно таки часто показывался толпѣ. Мелкимъ фермерамъ (не только съ гадеромскихъ владѣній, но и съ окружающихъ) онъ говорилъ о герцогѣ какъ о какомъ-то добромъ геніи, распространяющемъ вокругъ себя благоденствіе, поднимающемъ цѣны однимъ своимъ присутствіемъ; доказывалъ, что, благодаря его присутствію, такса въ пользу бѣдныхъ не возвышается сверхъ шиллинга и четырехъ пенсовъ на фунтъ, такъ какъ онъ столькими людьми даетъ работу. Нужно быть сумашедшимъ, думалъ мистеръ Фодергиллъ, чтобы идти противъ герцога. Владѣльцамъ нѣсколько отдаленнымъ онъ объявлялъ, что герцогъ тутъ ни въ чемъ не причастенъ, на сколько по крайней мѣрѣ ему извѣстны намѣренія герцога. Люди вѣчно любятъ толковать о томъ, чего не понимаютъ. Въ правѣ ли кто-нибудь утверждать, чтобы герцогъ замскивалъ чьего-либо расположенія, добивался чьего-либо голоса? Такія рѣчи конечно

не измѣняли внутренняго убѣжденія слушающихъ; но все же онѣ имѣли свое дѣйствіе, и еще усугубляли таинственный полумракъ, которымъ герцогъ окружалъ все свои дѣйствія. Но людямъ приближеннымъ, сосѣднему дворянству, мистеръ Фодергиллъ только лукаво подмигивалъ. Они другъ друга понимали и безъ словъ. Они знали, что герцогъ до сихъ поръ никогда не оставался въ дуракахъ, и мистеръ Фодергиллъ полагалъ, что онъ и въ этомъ дѣлѣ не захочетъ дать себя въ обиду.

Я никогда не могъ разузнать, какую собственно мзду мистеръ Фодергиллъ получалъ за разнообразныя услуги, которыя оказывалъ онъ герцогу по его барсетширскимъ помѣстьямъ; но какова бы ни была эта мзда, я твердо убѣжденъ, что онъ вполне заслуживалъ ее. Трудно было бы найти болѣе вѣрнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе скромнаго партизана. Касательно будущихъ выборовъ, онъ объявлялъ, что онъ *самъ*, лично, намѣренъ употребить все свои усилія въ пользу лорда Домбелло. Мистеръ Соверби старинный пріятель его и отличный малый, это такъ. Но всемъ извѣстно, что мистеръ Соверби, по своему теперешнему положенію, не годится въ члены за графство. Онъ раззорился въ прахъ, и ему самому не выгодно долѣе занимать мѣсто, приличное только для челоуѣка съ состояніемъ. Онъ, Фодергиллъ, зналъ, что мистеру Соверби скоро придется отказаться отъ всякихъ правъ на чальдикотское помѣстье; послѣ этого не безмысленно ли будетъ утверждать, что онъ имѣетъ право на сѣдалище въ парламентѣ? Чтѣ же касается до лорда Домбелло, онъ въ скоромъ времени сдѣлается однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ въ цѣломъ Барсетширѣ; поэтому, кто лучше его можетъ явиться въ парламентѣ представителемъ графства? Притомъ, мистеръ Фодергиллъ не боялся признаться, что онъ имѣетъ въ виду управлять дѣлами лорда Домбелло; онъ вовсе этого не стыдился. Онъ зналъ, что эти занятія ни сколько не помѣшаютъ другимъ его обязанностямъ и потому, разумѣется, намѣревался всеми силами поддерживать лорда Домбелло, то-есть онъ *самъ*, лично. Чтѣ же касается до мнѣнія герцога въ этомъ дѣлѣ... Но мы уже объясняли, какъ въ этомъ случаѣ распорядился мистеръ Фодергиллъ.

Около этого времени, мистеръ Соверби пріѣхалъ въ свое помѣстье; покуда оно, хотя номинально, принадлежало еще ему. Но онъ пріѣхалъ безъ всякаго шума, такъ что даже въ самомъ селеніи не многіе знали о его пріѣздѣ. Хотя его объявленіе было разослано и развѣшано повсюду, онъ не хлопоталъ о выборахъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ. Онъ зналъ, что званіе члена парламента уже недолго будетъ ограждать его отъ ареста, и слухи шли, что

кредиторы воспользуются первою возможностью, чтобъ его схватить; такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли недоброжелатели герцога. И точно, весьма вѣроятно было, что при первомъ удобномъ случаѣ возьмутъ его подъ арестъ, но врядъ ли по настояноу герцога. Мистеръ Фодергилль объявилъ, что не можетъ слышать подобныхъ намековъ, безъ гнѣва и негодованія; но не такой онъ былъ человекъ, чтобы безъ толку прогнѣваться, напротивъ того, онъ отлично умѣлъ употреблять въ свою пользу всѣ несправедливыя и преувеличенныя обвиненія.

Итакъ, мистеръ Соверби пріѣхалъ въ Чальдикотсъ, и пробылъ тамъ нѣсколько дней въ совершенномъ одиночествѣ. Чальдикотсъ теперь имѣлъ совершенно иной видъ нежели въ тотъ день, когда, въ самомъ началѣ нашего разказа, посѣтилъ его Маркъ Робартсъ. Окна не сіяли огнемъ, въ конюшняхъ не раздавалось голосовъ, не слышалось даже лая собакъ; все было мертво и безмолвно какъ въ могилѣ. Эти два дня онъ почти не выходилъ изъ дома, и оставался совершенно одинъ, почти въ совершенномъ бездѣйствіи. Онъ даже не распечатывалъ писемъ, лежавшихъ у него на столѣ огромною кипой: писъма къ такого рода людямъ обыкновенно приходятъ кипами, но очень не многія изъ нихъ бываетъ пріятны для прочтенія. Такъ онъ сидѣлъ съ утра до ночи, лишь изрѣдка прохаживаясь по дому, и грустно размышляя о томъ, до какого положенія онъ довелъ себя. Какъ станетъ свѣтъ на него смотрѣть, когда онъ не будетъ уже владѣльцемъ Чальдикотса, не будетъ уже представителемъ графства? До сихъ поръ онъ постоянно жилъ *для свѣта*, и среди непрерывныхъ заботъ и затрудненій, утѣшалъ себя своимъ виднымъ положеніемъ; до сихъ поръ онъ выносилъ запутанность своихъ дѣлъ, свои долги и хлопоты, выносилъ ихъ такъ долго, что наконецъ привыкъ думать, что они никогда не стануть невыносимы. Но теперь...

Векселя уже были поданы ко взысканію, гарпіи закона спѣшили уже запустить когти въ его собственность, какъ бы желая вознаградить себя за долгое ожиданіе. Но въ то же время появилась повѣстка о его кандидатурѣ. Эта повѣстка было составлена и разослана общими стараніями его сестры, миссъ Данстеблъ и одного извѣстнаго агента по выборамъ, по имени Клозерстила, считавшагося приверженцемъ титановъ. Но бѣдный Соверби мало надѣялся на эту повѣстку. Никто лучше его не зналъ какъ велика сила герцога.

Въ самомъ безнадежномъ расположеніи духа прохаживаясь онъ по опустѣлымъ комнатамъ, раздумывая о прошлой своей жизни, и о томъ, что ожидаетъ его въ будущемъ. Не лучше ли бы ему теперь же умереть, такъ какъ онъ долженъ утратить

все, что украшаетъ жизнь! Мы часто встрѣчаемъ такихъ людей какъ мистеръ Соверби, и обыкновенно думаемъ, что они наслаждаются всѣми жизненными удовольствіями, не платя за нихъ ни трудомъ, ни заботой; но я полагаю, что даже на самыхъ зачерствѣлыхъ часто находятъ минуты тяжкаго страданія. Свѣжая рыба въ февралѣ и зеленый горошекъ да молодой картофельъ въ мартѣ не могутъ вполнѣ составить счастье челоуѣка, даже если не платить за нихъ; и не слишкомъ-то пріятно сознавать всю жизнь, что за вами гонится медленная, но неизбѣжная Немезида, которая рано или поздно должна настичь васъ. На этотъ разъ, герой нашъ чувствовалъ, что страшная Немезида нагнала его; она схватила его наконецъ, и ему ничего болѣе не оставалось какъ только переносить удары ея бича, и слушать какъ другіе издѣваются надъ его предсмертными муками.

Большой чальдикотскій домъ имѣлъ теперь унылый и опустѣлый видъ, и хотя лѣса покрылись молодой зеленью, а сады зацвѣрили цвѣтами, но и въ нихъ было что-то грустное и опустѣлое. Лужайки не были скошены, дорожки заросли травой, тамъ-сямъ какая-нибудь разбитая дріада, свалившаяся съ своего подножья, придавала саду видъ запущенія и безпорядка. Деревянные шпалеры кой-гдѣ поломались, кой-гдѣ погнулись до земли; чудныя розовыя деревья совсѣмъ повалились, и прошлогодніе листья нигдѣ еще не были расчищены. На другой день по пріѣздѣ, поздно вечеромъ, мистеръ Соверби вышелъ погулять; черезъ сады онъ прошелъ въ лѣсъ. Изъ всѣхъ неодушевленныхъ предметовъ въ мірѣ, ему всего дороже былъ чальдикотскій лѣсъ.

Мистеръ Соверби вообще не слылъ за челоуѣка съ сильнымъ поэтическимъ чутьемъ, но здѣсь, въ чальдикотскомъ чезѣ, онъ становился почти поэтомъ. Ему дѣлались доступны красоты природы, отъ времени до времени онъ останавливался, чтобы сорвать дикій цвѣтокъ, или прислушаться къ чиликанью птичекъ. Онъ невольно подмѣчалъ постепенное разрушеніе старыхъ деревьевъ, быстрый ростъ молодыхъ; на каждомъ поворотѣ представлялась ему какая-нибудь живописная группа зелени. Его взглядъ останавливался на узенькой дорожкѣ, спускающейся въ оврагъ, къ ручейку, неправильными изгибами и уступами. А потомъ опять находило на него раздумье, опять припоминался ему старинный его родъ; припоминалось ему, что его предки жили тутъ, въ этихъ лѣсахъ, съ незапамятныхъ временъ, и наслѣдіе ихъ переходило отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, ненарушимо и цѣло. И опять онъ повторялъ себѣ, что лучше бы ему не родиться на свѣтъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда онъ направился домой; онъ

вернулся съ рѣшеніемъ немедленно уѣхать отсюда и отказаться отъ всякой борьбы. Пусть герцогъ возьметъ его помѣстье и распорядится имъ какъ знаетъ; пусть его мѣсто въ парламентъ достанется лорду Домбелло или какому-нибудь другому молодому аристократу. Онъ самъ исчезнетъ съ поля битвы, уѣдетъ куда-нибудь подальше, гдѣ никто его не знаетъ, никто про него не слышалъ, и гдѣ ему придется голодать. Вотъ что ему предстояло въ будущемъ; а между тѣмъ, по физической силѣ и здоровью, онъ еще находился въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ. Да, въ цвѣтѣ лѣтъ! Но что ему дѣлать, съ остальными годами, которые придется доживать? Какъ ему обратить въ пользу свои умственные и физическія силы? Какъ ему зарабатывать себѣ хоть насущный хлѣбъ? Не лучше ли ему умереть? Пусть никто не завидуетъ судьбѣ мота; сколько бы ни длились дни его разгула, хромая Немевида непременно достигнетъ его.

Дома, мистеръ Соверби нашелъ телеграфическую депешу отъ сестры: она извѣщала его, что будетъ къ нему въ эту же ночь. Она хотѣла пріѣхать въ Барчестеръ съ экстреннымъ поѣздомъ, уже заказала тамъ, по телеграфу, почтовыхъ лошадей, и думала прибыть въ Чальдикотъ часа въ два по-полуночи. Очевидно было, что она ѣдетъ по какому-нибудь важному дѣлу.

Ровно въ два часа утра подкатила почтовая карета, и мистеръ Гарольдъ Смитъ, прежде чѣмъ лечь отдохнуть, имѣла длинный разговоръ съ братомъ.

— Ну что? сказала она, на слѣдующее утро, когда они сѣли вмѣстѣ завтракать: — на чемъ же ты порѣшилъ. Если ты согласенъ на ея предложеніе, ты долженъ повидаться съ ея адвокатомъ сегодня же вечеромъ.

— Кажется, нужно будетъ согласиться, отвѣчалъ онъ.

— Конечно, я сама такъ думаю. Правда, помѣстье совершенно уйдетъ у тебя изъ рукъ, точно также какъ если бы оно досталось герцогу. Но домъ останется за тобой, по крайней мѣрѣ пожизненно.

— На что же мнѣ домъ, если мнѣ нечѣмъ будетъ поддерживать его?

— Да это еще вопросъ. Она станетъ требовать не больше, какъ законныхъ процентовъ, а если имѣніемъ распорядиться какъ слѣдуетъ, можетъ-быть останется и излишекъ хоть бы на столько чтобы поддерживать домъ. Къ тому же, ты знаешь, намъ съ мужемъ необходимо умѣть какой-нибудь деревенскій пріютъ.

— Говорю тебѣ напрямикъ, Гарриетъ, я не хочу имѣть никакихъ денежныхъ дѣлъ съ Гарольдомъ.

— Ахъ! это все оттого, что тебѣ вздумалось обратиться къ нему. Зачѣмъ ты прямо со мною не переговорилъ? Да притомъ,

Натаниель, это для тебя единственное средство сохранить мѣсто въ парламентѣ. Она престранная женщина; но дѣло въ томъ, что она непременно хочетъ пересилить герцога.

— Я хорошенько не понимаю ея дѣли; впрочемъ, я самъ отъ этого не пречъ, сказалъ мистеръ Соверби.

— Ей кажется, что онъ мѣшаетъ молодому Грешаму въ покупкѣ казенныхъ земель. Я и не воображала, что она такъ вникаетъ въ дѣла. Какъ только я завела рѣчь о Чальдикотсѣ, она тотчасъ же поняла все и стала объ этомъ рассуждать какъ опытный дѣлецъ. Она, кажется, совсѣмъ позабыла ту неудачную наше попытку.

— Ахъ, желалъ бы и я о ней позабыть! сказалъ мистеръ Соверби.

— Я увѣрена, что она забыла. Разъ мнѣ было нужно намекнуть на это, или по крайней мѣрѣ мнѣ показалось, что это было нужно; я потомъ раскаялась, но она только захохотала по своему обычаю, а потомъ опять свела разговоръ на дѣла. Впрочемъ, она очень ясно оговорила насчетъ того, что всѣ издержки по случаю выборовъ будутъ причислены къ той суммѣ, которую она даетъ тебѣ, а домъ останется въ твоемъ распоряженіи безъ всякой ренты. Если ты захочешь взять землю вокругъ дома, тебѣ придется платить по акрамъ, какъ фермеры. Она объяснялась такъ опредѣлительно, какъ будто бы всю жизнь провела въ маклерской контрѣ.

Читателямъ будетъ не трудно угадать, о какомъ дѣлѣ хлопотала мистриссъ Гарольдъ Смитъ, и ихъ вѣрно не удивитъ, что въ этотъ же вечеръ мистеръ Соверби поспѣшилъ назадъ въ Лондонъ, чтобы повидаться съ нотаріусомъ миссъ Данстеблѣ.

ГЛАВА XXXVIII.

Теперь я приглашу читателя въ другое помѣстье въ Барсетширѣ, но на этотъ разъ въ восточномъ округѣ графства. Здѣсь, какъ и вездѣ, умы поглощены предстоящими выборами. Мы уже говорили, что мистеръ Грешамъ младшій, молодой Франкъ Грешамъ какъ его обыкновенно именовали, жилъ въ помѣстьѣ, называемомъ Боксалль-Гилль. Помѣстье это досталось его женѣ по завѣщанію, и онъ поселился тутъ, между тѣмъ какъ отецъ его продолжалъ жить въ старинномъ родовомъ замкѣ Грешамовъ Греламберійскихъ.

Въ настоящую минуту, миссъ Данстеблѣ гостила въ Боксалль-

Гиллѣ у молодой мистриссъ Грешамъ. Она уѣхала изъ Лондона, какъ и весь модный свѣтъ, къ великому огорченію лондонскихъ торговцевъ. Распущеніе парламента раззорало всѣхъ, исключая сельскихъ трактирщиковъ, и между прочимъ оно разстроило лондонскій сезонъ.

Мистриссъ Гарольдъ Смитъ насилу успѣла поймать миссъ Данстеблѣ, передъ ея отъѣздомъ изъ столицы; однако ей удалось переговорить, съ нею и богатая наслѣдница тотчасъ же послала за своимъ нотаріусомъ, и подробно объяснила ему свои намѣренія, относительно чальдикотскаго помѣстья. Миссъ Данстеблѣ обыкновенно такимъ манеромъ говорила о своихъ денежныхъ дѣлахъ, что какъ будто бы она никогда ихъ не касалась и мало знаетъ въ нихъ толку; но это было не болѣе какъ шутка; рѣдкая женщина, или даже рѣдкій мужчина такъ вникалъ въ свои дѣла и такъ самостоятельно распоряжался ими какъ миссъ Данстеблѣ. Последнее время ей часто приходилось бывать въ Барсетширѣ, и она очень сблизилась съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ жителей. Ей очень хогѣлось приобрести помѣстье въ Барсетширѣ, и она уже сговорилась съ молодымъ мистеромъ Грешамомъ относительно покупки казенныхъ земель. Такъ какъ переговоры начались отъ его имени, то и предполагалось вести ихъ такимъ же образомъ до окончанія дѣла; теперь же шли слухи, что вѣроятно герцогу Омниуму или маркизу Домбелло удастся удержать за собою Чальдикотскій чезъ. Но миссъ Данстеблѣ любила поставить на своемъ, и въ настоящемъ случаѣ очень рада была возможности вырвать изъ когтей герцога часть чальдикотскихъ земель, принадлежавшую мистеру Соверби. Зачѣмъ герцогъ вздумалъ вступить въ состязаніе съ нею, или съ ея другомъ, Франкомъ Грешамомъ, въ дѣлѣ о покупкѣ казенныхъ земель? Вотъ же ему! Поэтому было рѣшено заплатить герцогу сполна весь долгъ мистера Соверби по первому требованію; но съ другой стороны, миссъ Данстеблѣ также позаботилась и о томъ, чтобъ ея капиталъ былъ достаточно обезпеченъ.

Миссъ Данстеблѣ дѣлалась совершенно инымъ человѣкомъ, когда изъ Лондона переѣзжала въ Грешамсбери или въ Боксаль-Гиллѣ; и эта-то разница сильно огорчала мистриссъ Грешамъ. Ей было досадно не то, что ея пріятельница не привозила съ собою въ деревню свое лондонское остроуміе и готовность пошутиться надъ ближнимъ, но то, что она не брала съ собою въ Лондонъ той задушевности, той милой доброты, которыя дѣлали ее такъ привлекательною въ деревнѣ. Она вдругъ совершенно измѣнилась, и мистриссъ Грешамъ рѣшительно не понимала, чтобъ женщина могла быть болѣе суетною въ одно время года чѣмъ въ другое, или въ одномъ мѣстѣ болѣе чѣмъ въ другомъ.

— Откровенно скажу вамъ, душа моя, начала миссъ Данстембль въ первое же утро по прїѣздѣ, усаживаясь за письменный столъ,—я очень рада, что мы наконецъ ото всего этого отдѣлались!

— Отъ чего именно? спросила мистриссъ Грешамъ.

— Да, разумѣется, отъ лондонскаго дыма и лондонскихъ вечеровъ, наконецъ отъ удовольствія цѣлыхъ четыре часа стоять на ногахъ, въ собственной своей прїемной, и раскланиваться со всякимъ, кому вздумается къ вамъ прїѣхать. Мы отдѣлались отъ всего этого, по крайней мѣрѣ на этотъ годъ.

— Но очевидно, что вамъ все это нравится.

— Нѣтъ, Мери; въ томъ-то и дѣло, что для меня вовсе не очевидно, нравится ли мнѣ это или нѣтъ. Иногда, когда на меня повѣетъ настроеніемъ этой милѣйшей женщины, мистриссъ Гарольдъ Смитъ, мнѣ кажется, что я люблю эту жизнь. Но другія лица наводятъ на меня иное настроеніе.

— Какія же это лица?

— Ну, вы конечно, между прочими. Но вы слабенъкое созданіе; гдѣ вамъ бороться съ такимъ Самсономъ какъ мистриссъ Гарольдъ Смитъ? Да притомъ вы сами не безъ грѣха. Вы сами прилюбили Лондонъ, съ тѣхъ поръ какъ сѣли за трапезу богача. Вотъ вашъ дядя, тотъ настоящій Лазарь, неприступный и неподкупный; онъ вѣчно говоритъ про непроходимую бездну, которая отдѣляетъ его отъ насъ. Любопытно знать, какъ бы онъ поступалъ, еслибы вдругъ ему свалилось съ неба, напримѣръ, хоть десять тысячъ фунтовъ дохода?

— Онъ бы навѣрное поступалъ отлично.

— О конечно! Онъ теперь благочестивый Лазарь, и мы обязаны хорошо отзываться о немъ. Но я бы желала, чтобы судьба испытала его. Я увѣрена, что не прошло бы года, какъ онъ завелъ бы себѣ домъ на Бельгревъ-Скверѣ, и скоро весь Лондонъ заговорилъ бы объ его отличныхъ обѣдахъ.

— А почему же нѣтъ? Не жить же ему отшельникомъ!

— Я слышала, что онъ хочетъ попробовать счастья, не съ десятью тысячами въ годъ, а съ двумя.

— Я васъ не понимаю.

— Дженъ говоритъ, что въ Грешамсбери всѣ толкуютъ о томъ, что онъ женится на леди Скатчердъ.

Леди Скатчердъ была вдова, жившая по сосѣдству, отличная женщина, но вовсе неспособная служить украшеніемъ высшему кругу.

— Какъ! воскликнула мистриссъ Грешамъ, вскочивъ съ своего стула; глаза у нея засверкали отъ негодованія.

— Успокойтесь, душа моя, успокойтесь, я сама этого не утверждаю, я только повторяю, что мнѣ сказала Дженъ.

— Вамъ бы слѣдовало прогнать вашу Дженъ за такія нелѣпыя выдумки.

— Вы можете быть увѣрены въ одномъ, душа моя: Дженъ не стала бы этого говорить, еслибы не слышала отъ кого-нибудь.

— А вы ей повѣрили?

— Этого я не говорю.

— Но вы такъ смотрите какъ будто бы повѣрили.

— Въ самомъ дѣлѣ? Любопытно видѣть какъ смотрятъ люди вѣрующіе.

И миссъ Данстеблъ встала и подошла къ зеркалу.

— Но послушайте, Мери, душа моя, неужели долголѣтній опытъ не научилъ васъ, какъ обманчива наружность людей? Въ наше время ничему нельзя вѣрить; и я сама не повѣрила этой сплетнѣ про бѣдную леди Скатчердъ. Я довольно знаю докгора, чтобы смѣло сказать, что онъ вовсе не изъ жениховъ. Сейчас видно, собирается ли человѣкъ жениться или нѣтъ.

— А въ женщинахъ это также видно?

— Женщины — дѣло другое. Конечно, подразумѣвается, что всѣ дѣвушки не прочь отъ замужества, но тѣ, которыя умѣютъ держать себя, этого не высказываютъ ясно. Вотъ напримѣръ Гривельда Грантли: она, разумѣется, желала себя пристроить, и пристроилась великолѣпно, а между тѣмъ, у нея такой былъ видъ, какъ будто бы и масло не растаеетъ у нея во рту. Объ ней нельзя сказать, чтобы она замужъ собиралась.

— Какъ еще собиралась! сказала мистриссъ Грешамъ, съ тою особенною язвительностью, съ какою обыкновенно одна хорошенъкая женщина относится о другой, не менѣ красивой. — Но вотъ, напримѣръ, о васъ я рѣшительно не сумѣю сказать, собираетесь ли вы замужъ или нѣтъ? Я нѣсколько разъ задавала себѣ этотъ вопросъ.

Миссъ Данстеблъ промолчала нѣсколько минутъ, какъ будто бы сперва приняла довольно серьезно этотъ вопросъ; но потомъ, одумавшись, она захотѣла обратить его въ шутку.

— Мнѣ странно ваше недоумѣніе, сказала она, — тѣмъ болѣе что я на дняхъ еще говорила вамъ, сколькимъ я отказала женихамъ.

— Да; но вы мнѣ не говорили, былъ ли между ними такой, за котораго вы могли бы, при другихъ обстоятельствахъ, выйти замужъ.

— Нѣтъ, такого не оказалось. Кстати о женихахъ; я никогда не забуду вашего двоюроднаго брата, достопочтеннаго Джорджа.

— Какой же онъ мнѣ двоюродный братъ?

— Все равно, онъ родня вашему мужу. Я знаю, что не совсемъ честно показывать письма такого рода, а то бы мнѣ очень хотѣлось дать вамъ прочесть его посланія.

— Итакъ, вы рѣшились не выходить замужъ?

— Я этого не говорила. Но почему же вы меня такъ допрашиваете?

— Потому, что я такъ много о васъ думаю. Я боюсь, что вы такъ привыкли не довѣрять искренности людей, что наконецъ не повѣрите даже любви честнаго человѣка. А между тѣмъ, мнѣ часто кажется, что вы стали бы счастливѣе и лучше, еслибы вышли замужъ.

— За какого-нибудь достопочтеннаго Джорджа, напримѣръ?

— Нѣтъ, не за такого человѣка какъ онъ; вы выбрали самаго негоднаго.

— Или за мистера Соверби?

— Нѣтъ, и не за мистера Соверби; мнѣ бы не хотѣлось васъ видѣть замужемъ за человѣкомъ, который бы дорожилъ преимущественно вашимъ состояніемъ.

— А какъ же я могу надѣяться встрѣтить такого, который бы не дорожилъ преимущественно моимъ состояніемъ? Неужели вы этого не понимаете, душа моя? Еслибы за мною было всего какихъ-нибудь пятьсотъ фунтовъ дохода, я бы можетъ-быть и встрѣтила какого-нибудь почтеннаго человѣка среднихъ лѣтъ, которому бы и я достаточно понравилась, и мое скромное приданое также понравилось бы. Онъ бы не сталъ черезчуръ лгать мнѣ, можетъ-быть и вовсе не старался бы меня обманывать. И я могла бы полюбить его извѣстнымъ образомъ, и не мудрено, что мы были бы очень счастливы вмѣстѣ. Но теперь, возможно ли, чтобы меня кто-нибудь полюбилъ совершенно безкорыстно? Кому можетъ это придти на умъ? Если вдругъ появится овца о двухъ головахъ, каждый конечно прежде всего или даже единственно обратитъ вниманіе на то, что у нея двѣ головы, и это весьма понятно. Вотъ я такая овца о двухъ головахъ. Эти несмѣтные деньги, которыя накопилъ мой отецъ, и которыя потомъ еще выросли какъ трава на майскомъ дождѣ, сдѣлали изъ меня какое-то чудовище. Я, конечно, не баснословная великанша, не карликъ, что помѣщается на ладони, не....

— Не овца о двухъ головахъ.

— Но я невѣста съ полдюжиной милліоновъ приданого; такъ по крайней мѣрѣ предполагаютъ многіе. Могу ли я, послѣ этого, искать себѣ тихій уголокъ съ зеленою травкой, какъ другія обыкновенныя одноголовыя животныя? Я никогда не от-

личалась красотой, а теперь не стала лучше чѣмъ была пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Да не въ этомъ дѣло. Вы знаете, что вы не дурны собою, а мы ежедневно видимъ, что женщины самыя не красивыя выходятъ замужъ и могутъ быть любимы не меньше первыхъ красавицъ.

— Вы полагаете? Впрочемъ мы не станемъ объ этомъ спорить; только я не думаю, чтобы теперь какой-нибудь женихъ могъ прельститься моею красотой: если вы узнаете про такого человѣка, не забудьте мнѣ сообщить.

Мистриссъ Грешамъ чуть было не отвѣтила ей, что точно она такого человѣка знаетъ, подразумевая своего дядю. Но по совѣсти она не могла этого утверждать, не могла даже увѣрять, что имѣеть сильныя причины думать такъ; во всякомъ случаѣ не имѣла права говорить. У дяди она до сихъ поръ ничего рѣшительно не могла выпытать; онъ только смутился и смѣшался, когда она намекнула ему на возможность жениться на миссъ Данстеблѣ. Но тѣмъ не менѣе мистриссъ Грешамъ полагала, что они пара, и будутъ счастливы вмѣстѣ. Конечно, много предвидѣлось препятствій къ ихъ соединенію. Мери Грешамъ знала напередъ, что доктора будетъ пугать мысль, что его могутъ заподозрить въ корыстолюбіи, а миссъ Данстеблѣ врядъ ли рѣшится сдѣлать первый шагъ.

— Я знаю одного только человѣка, который могъ бы вамъ быть подъ пару; это мой дядя, проговорила мистриссъ Грешамъ, сама удивляясь своей смѣлости.

— Какъ, неужели мнѣ отбивать его у бѣдной леди Скатчердъ? сказала миссъ Данстеблѣ.

— О! если вамъ угодно надъ нимъ насмѣхаться такимъ образомъ, я ни слова болѣе не скажу.

— Помилуйте, душа моя! Да чего же вы отъ меня хотите? Вы такъ яростно заступааетесь за доктора, какъ будто бы рѣчь шла о семнадцатилѣтней дѣвушкѣ.

— Я не за него заступаюсь; но стыдно смѣяться надъ бѣдною леди Скатчердъ. Еслибъ она могла это слышать, то это совершенно испортило бы ея дружескія отношенія къ дядѣ.

— И вамъ угодно, чтобы я за него вышла замужъ, для того только чтобы ей было покойнѣе и свободнѣе съ нимъ?

— Прекрасно. Я больше ни слова не скажу.

И мистриссъ Грешамъ принялась разбирать цвѣты, только что нарѣзанные въ саду, и дѣлать изъ нихъ букеты. Настало молчаніе; наконецъ ей пришло въ голову, что вѣдь и ее можно заподозрить въ томъ, что она ловить богатую невѣсту для своего дяди.

— Что же, вы сердитесь на меня? сказала миссъ Данстеблъ.

— Ни сколько.

— Конечно сердитесь. Неужели вы думаете, что я не могу замѣтить, когда человекъ раздосадованъ? Вы бы не оборвали этой вѣточки гераніи, еслибы находились въ болѣе-кроткомъ расположеніи духа.

— Миѣ не нравится эта шутка насчетъ леди Скатчердъ.

— И больше ничего, Мери? Будьте откровенны, если можете. Вспомните объ епископѣ. *Magna est veritas.*

— Дѣло въ томъ, что вы въ Лондонѣ такъ привыкли острить и говорить колкости, что теперь съ вами слова нельзя сказать.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какой вы строгій менторъ, Мери! Вы читаете миѣ мораль точно школьнику, который испалился на вакаціи. Ну хорошо, я прошу прощенія у доктора Торна и у леди Скатчердъ, и ужь никогда не стану острить, и объѣщаю вамъ... чего бишь вы отъ меня требовали? — чтобы я за него вышла замужъ, не такъ ли?

— Нѣтъ, вы его не стоите.

— Я это знаю; я въ этомъ убѣждена. Хоть я и люблю острить, а свое мѣсто помню. Вы не можете обвинять меня въ томъ, что я себя слишкомъ высоко цѣню.

— Напротивъ, вы самую-то себя, можетъ-быть, слишкомъ низко цѣните.

— Но наконецъ, что же вы хотите сказать, Мери? Полно мучить меня намеками; говорите прямо, если у васъ есть что-нибудь на душѣ.

Но мистриссъ Грешамъ покуда не хотѣла еще прямо высказываться. Она молча продолжала разбирать цвѣты, впрочемъ уже не съ прежнимъ недовольнымъ видомъ, и уже не обрывала листовъ гераніи. Составивъ наконецъ букетъ, она принялась переносить вазу съ одного конца комнаты на другой, по видимому раздумывая, какъ бы помѣстить ее позакрѣтнѣе; казалось, всѣ ея мысли поглощены были цвѣтами.

Но миссъ Данстеблъ не способна была допустить это. Она сдѣлала молча, покуда ея пріятельница раза два прошла по комнатѣ, потомъ она и сама встала.

— Мери, сказала она, — бросьте эти несносные цвѣты, и оставьте вазы тамъ, гдѣ онѣ стоятъ. Вы должно-быть хотите вывести меня изъ терпѣнія.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорила мистриссъ Грешамъ, оставившись передъ большою вазой и слегка наклонивши голову на бокъ, чтобы лучше осмотрѣть ее.

— Признайтесь что такъ, а все погому, что у васъ не хва-

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ

Физическая географія моря, сочиненіе Мори, переводъ А. Толсто-
пятова Н. А. А—ва.

О кредитѣ и банкахъ, сочиненіе Коклена, переведено подъ редакціей
Висковатаго. М. И. ВОЛЬСКАГО.

Разказы о темныхъ предметахъ, о волшебствѣ, натуральной магіи
и проч., изданные М. С. Хотинскимъ. Съ политипажными рисун-
ками. ДОКТОРА ЯСТРЕБЦОВА.

Аксель, повѣсть Исаи Тегнера, въ русскомъ переводѣ Д. Озноби-
шина. М. Н. ДОНГИНОВА.

Эронделево общество въ Лондонѣ. К. К. ГЕРЦА.

Оптический анализъ. X.

Виды на entente cordiale съ *Современникомъ*.

Замѣтка для журнала *Время*.

Два слова въ объясненіе.

Книжки **РУССКАГО ВѢСТНИКА** выходятъ ежемѣсячно; **СО-
ВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ** ежеведѣльво, по четвергамъ

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и
№, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книж-
ной лавкѣ Базунова, на Страстномъ
Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у
другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ княжой лавкѣ г. Базунова, на
Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгель-
гардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ
Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*,
въ Москву.

Цена за **РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ** и **СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ**
въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ перс.сылкой
и доставкой на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ
КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ. За книжки **РУССКАГО ВѢСТНИКА**
безъ газеты **СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ** въ Москвѣ и Петер-
бургѣ ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересыл-
кой и доставкой на домъ ДВѢНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ. За газету **СО-
ВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ** безъ книжекъ журнала: за годъ—
въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ,
съ пересылкой и доставкой СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ; за вто-
рое полугодіе въ Москвѣ и Петербургѣ ТРИ РУБЛЯ ДВАДЦАТЬ
ПЯТЬ КОПѢЕКЪ, съ пересылкой и доставкой ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ
СЕРЕБРОМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цена за годовое изда-
ніе **РУССКАГО ВѢСТНИКА** и **СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ** съ пересылкой
во всѣ мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 тал. 5 гр.

Печатать дозволяется.

Августа 26-го. Цензоръ А. Петровъ

Цензоръ Н. Гиларовъ-Платоновъ.

INDEXED

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

— 511100 —

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

1861

АВГУСТЪ .

СОДЕРЖАНІЕ:

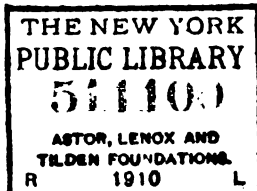
- I.—ВОСПОМИНАНІЯ О КАРСѢ. А. С. КОРСАКОВА.
II.—ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА. Единство рода человѣческаго. III. Статья Катфежа.
✓ III.—ЧУЖОЕ ИМЯ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть третья. IV—VI. Н. Д. АХШАРУМОВА.
IV.—КОНСТИТУЦІЯ ИТАЛИЙСКАГО КОРОЛЕВСТВА. В. Д. СКАРЯТИНА.
✓ V.—БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарльза Диккенса. XLV.—LVIII. (Окончаніе.)
VI.—ЗАМѢТКА. Стихотвореніе. Кн. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.
VII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОРЪНІЕ И ЗАМѢТКИ.
(См. на оборотъ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Фремлейскій приходъ. Романъ Троллопа. Переводъ съ англійскаго.
Гл. XXXIX—XLI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.



ВОСПОМИНАНІЯ

О

КАРСЪ

Прошло уже болѣе пяти лѣтъ послѣ сдачи Карса, а въ русской печати не появилось до сихъ поръ ни одного разказа, который бы закрѣпилъ въ нашей памяти событіе, порадовавшее въ свое время Россію. Годъ проходитъ за годомъ, забывается минувшее, и все труднѣе и труднѣе оживить и возстановить его въ истинномъ его видѣ. Такое молчаніе побудило меня напечатать эти записки, набросанныя мною еще въ лагерьъ подъ Карсомъ. Въ нихъ содержится бѣглый разказъ о всѣдневной жизни нашей въ отрядѣ, въ послѣдніе мѣсяцы блокады, и по возможности подробное описаніе самой сдачи Карса. Товарищи мои, очевидцы всего дѣла, многое въ запискахъ этихъ дополнили и исправили¹. Тѣмъ не менѣе я очень хорошо знаю, что еще многое остается въ нихъ неполно и многое недовольно точно. Посвящаю ихъ, какъ онѣ есть, всѣмъ моимъ бывшимъ товарищамъ по карсской арміи, и убѣдительно прошу каждого, кто только имѣетъ вѣрные матеріалы подъ рукой, — добавить неполное и разъяснить неточное. Такимъ образомъ, благодаря общему содѣйствію и труду.

¹ Особенно полезны были мнѣ замѣчанія Н. С. К—ва, М. Н. Ч—ва, К. П. Ф.—К—на и Н. П. П—ва.

соберутся запасы свѣдѣній вѣрныхъ, разнообразныхъ и положительныхъ, и правдивый разказъ передать потомству важное событіе, до сей поры мало извѣстное, а потому и мало оцѣненное. Тогда будетъ видно, кто честно работалъ въ общемъ дѣлѣ. Пусть же и уваженіе, и благодарность соотечественниковъ будетъ удѣломъ этихъ людей, гдѣ бы они теперь ни находились. Въ тяжелое для Россіи время явились они сильными, отважными дѣятелями, и трудомъ своимъ, а многіе и кровью, дали возможность русскому сердцу лишній разъ вздохнуть легко и свободно.

Сентября 20. Уже темнѣло, когда я пріѣхалъ въ Александрополь верхомъ по горной дорогѣ изъ Эчмиадзина черезъ Башъ-Абаранъ. Со мной были два проводника, тоже верхомъ, изъ Армянъ ближней деревни, гдѣ я мѣнялъ лошадей, и одинъ вьюкъ. Спустившись мимо большихъ огородовъ въ городъ, я долго развѣзжалъ по улицамъ, не зная гдѣ пристать. Базаръ кипѣлъ жизнью: много Армянъ, солдатъ и всякаго народа; все напоминало мнѣ Тифлисъ. Отыскивая гостиницу Гросса, я наткнулся на двухъ офицеровъ, которые вполголоса разговаривали между собою. Они передали мнѣ первый слухъ объ отбитомъ штурмѣ 17 сентября. Извѣстія ихъ, конечно преувеличенныя, поразили меня, потому что я ожидалъ узнать совершенно противное и боялся, что не успею въ отрядъ ко взятію Карса. Наконецъ отыскалъ Гросса. И тамъ общее смятеніе. Насилу впустили меня въ маленькую комнатку, чтобы только переночевать. Весь домъ очищается подъ раненыхъ; выносятъ столы, стулья; разставляютъ койки. Въ общей комнатѣ, гдѣ еще стоялъ бильярдъ, нашелъ я нѣсколько офицеровъ, и они подтвердили мнѣ горькія вѣсти; но все это еще смутно, не подробно. Видно только, что мы штурмовали укрѣпленныя высоты кругомъ Карса, и были отбиты; потеря огромная, говорятъ до семи тысячъ выбывшихъ изъ строя; есть и генералы убитые; называютъ: Ковалевскаго, князя Гагарина, полковника Кауфмана; Броневскій безъ руки; Майделю оторвало ногу. Слухи эти, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, были не вѣрны; впрочемъ, потеря наша точно простиралась до 7

тысячь; но изъ того числа до 500 человекъ, контуженныхъ и легко раненыхъ, не выходили изъ строя. По болѣе точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ уже въ послѣдствіи, полная потеря на штурмѣ 17 сентября была 7.226 человекъ: изъ нихъ убито 2.278. Изъ офицеровъ мы потеряли всего: генераловъ 4, штаб-офицеровъ 34; оберъ-офицеровъ 214; изъ того числа убито: штаб-офицеровъ 11, оберъ-офицеровъ 65. Въ пленъ попалось нашихъ до 40 человекъ. Вообще много было тяжело раненыхъ, больше чѣмъ въ обыкновенныхъ случаяхъ приходится на полную потерю. Изъ генераловъ одинъ, генераль-лейтенантъ Ковалевскій, былъ раненъ смертельно. Генераль-майоръ Майдель былъ раненъ пулями въ руку и грудь. Я наскоро переодѣлся въ мундиръ и поѣхалъ на извозчикъ къ коменданту, генераль-майору Журавскому, въ крѣпость. Тамъ тоже не много узналъ я положительнаго; во всякомъ случаѣ хорошаго мало. Въ отрядъ нашъ, блокирующій Карсѣ, вѣдаютъ обыкновенно съ оказіей; иногда даютъ особый конвой, но часто приходится подолгу ждать въ Александрополь. Поэтому я просилъ генераль-майора Журавскаго не задерживать меня и, если можно, отпривить поскорѣе съ конвоемъ. Потомъ прошелъ я въ канцелярію справиться—и здѣсь ничего не знають. Плацъ-адъютантъ Тиграновъ сказалъ мнѣ только, что онъ видѣлъ списокъ штаб-офицеровъ, убитыхъ и раненыхъ на штурмѣ; но что брата моего въ числѣ ихъ нѣтъ. У меня немножко отлегло на сердцѣ. Въ канцеляріи мнѣ назначили попутчика, майора Ш., дали его адресъ въ городѣ и записку для полученія на завтра казачьяго конвоя; все это второпяхъ, потому что канцелярія завалена спѣшною работою о размѣщеніи и устройствѣ большаго транспорта раненыхъ, котораго ожидаютъ завтра или послѣзавтра въ городѣ.

Грустно и тяжело; не то я ожидалъ найти. Въ городѣ темно; идетъ мелкій дождь; грязь распустилась на улицахъ. Насилу отыскалъ я своего будущаго спутника; условился съ нимъ объ отъѣздѣ, послалъ съ солдатомъ въ донскую сотню выданную мнѣ въ канцеляріи записку о конвоѣ, потомъ вернулся къ Гроссу, напился чаю и залегъ спать усталый съ дороги.

Сентября 21. Нѣтъ козаковъ. Майоръ Ш. завернулъ за мной утромъ рано, но у меня лошади еще не было; онъ ждать не могъ и уѣхалъ одинъ, потому что очень торопился въ отрядъ, куда ему предписано прибыть немедленно по крайнему недо-

статку штабъ-офицеровъ въ полкахъ. Наконецъ явились двое Донцевъ, назначенные мнѣ въ конвой, привели лошадь для меня и другую подъ вьюкъ, и я отправился верхомъ. Мимо крѣпости спустились мы къ бѣленькимъ домикамъ карантина, въ страшную грязь, и Арпачай, границу нашу съ Турціей, переѣхали въ бродъ, потому что черезъ мостъ не пускали. Мостъ этотъ былъ устроенъ на козлахъ, и какъ лѣсъ былъ дорогъ, то берегли настилку для ѣзды на случай возвышенія воды въ Карсъ-чаѣ, черезъ который въ обыкновенное время бродъ былъ удобенъ.

До казачьяго поста, гдѣ мѣняютъ лошадей, считается 30 верстѣ. Отъ грязи пришлось ѣхать почти все время шагомъ, рѣдко гдѣ маленькою рысью. Страна возвышенная, холмистая, но голая; нигдѣ ни деревца, ни кустика. Я обогналъ нѣсколько партій солдатъ; на встрѣчу также попадались мнѣ и пѣшія команды, и одиночные всадники, и арбы, запряженные волами и буйволами. Помню одного Курда въ красной курткѣ и высокой чалмѣ: поравнявшись со мною, онъ придержалъ лошадь свою и закричалъ мнѣ «курсакъ пропалъ», что, по объясненію моего казака, значило: я голоденъ, или давай хлѣба. Мнѣ говорили, что *курсакъ* означаетъ по-татарски животъ. Помню также, какъ въ сторонѣ отъ дороги, сидя на холму, одна собака жалобно выла, обратясь въ ту сторону, гдѣ Карсъ. «Видно не къ добру,» ворчалъ козакъ: «уймись проклятая. Этакъ вотъ онъ и передъ штурмомъ выли,» прибавилъ онъ въ поясненіе. Вообще же, по всей дорогѣ, замѣтно было большое движеніе; меня поразило также во всемъ, что я видѣлъ, совершенное отсутствіе мысли объ опасности: нельзя было и подумать, что мы были на непріятельской землѣ и такъ не далеко отъ Карса.

За нѣсколько верстѣ до поста, когда я поднялся на гору, передо мной открылся огромный поѣздъ, который покрывалъ всю дорогу — это подвигалась оказія изъ отряда, транспортъ съ нашими ранеными. Впереди солдаты несли крытые носилки «это долженъ быть генералъ убитый,» сказалъ мнѣ козакъ. Я снялъ фуражку и перекрестился. Въ это время носилки поравнялись со мною: изъ отдернутой занавѣски смотрѣлъ на меня раненый офицеръ. Дальше увидѣлъ я много такихъ носилокъ, въ которыхъ лежали раненые офицеры; другіе ѣхали въ экипажахъ, коляскахъ и тарантасахъ; раненые солдаты съ повязанными головами, руками и ногами, сидѣли и лежали на повозкахъ, которыя лѣниво тащили волю. Многие

шли пѣшкомъ; помню одного солдата безъ руки, который шелъ возлѣ арбы. Оказію прикрывалъ отрядъ пѣхоты и козаки, и все это тянулось медленно, шагъ за шагомъ, версты на двѣ или на три. Сжимается сердце и у привычнаго, когда онъ видитъ грустную картину страданія и разрушенія; для меня же все это было ново; въ первый разъ видѣлъ я раненыхъ, и горько думалось мнѣ, какъ много страданій заключалъ въ себѣ тянувшійся мимо меня транспортъ, и какъ многимъ страданія эти будутъ отзываться въ продолженіе всей остальной ихъ жизни.

Казачій постъ (полсотни) расположенъ въ брошенномъ жителями аулѣ Огузлы, съ развалинами армянской церкви. Внизу у ручья сидѣло нѣсколько плѣнныхъ Турокъ; ихъ вели въ Александрополь. Мнѣ тотчасъ перемѣнили лошадей, и я продолжалъ дорогу съ однимъ козакомъ и двумя милиціонерами изъ Татаръ. Опять дорога вела по голымъ холмамъ и опять попадались мнѣ партіи солдатъ и верховые и арбы съ погонщиками, а по сторонамъ виднѣлись кое-гдѣ развалины и покинутыя сакли.

Лагерь майора, князя Чавчавадзе, начальника отряда, поставленнаго близъ аула Хадживали, расположенъ за глубокимъ каменистымъ оврагомъ. Въ послѣдствіи князь Чавчавадзе перешелъ въ самый аулъ Хадживали. Аулъ этотъ находился впереди оврага; онъ былъ брошенъ жителями, и отъ саклей остались однѣ каменные стѣны, потому что все дерево было сожжено нашими оказіями, которыя на пути въ Александрополь имѣли здѣсь обыкновенно ночлеги и стоянки. Подъ конецъ блокады, въ сакляхъ хранились запасы саману. Я нашелъ князя въ палаткѣ, на коврѣ, по азіатскому обычаю. Надѣясь еще сегодня вечеромъ попасть въ главный отрядъ, я просилъ его поскорѣе дать мнѣ проводниковъ и конвой, который здѣсь долженъ быть сильнѣе по причинѣ близости отъ Карса. Пока онъ отдавалъ приказаніе и меня снаряжали, я напился у него чаю и познакомился съ Рустамъ-бекомъ, молодцомъ-Татариномъ, огромнаго роста, офицеромъ мусульманской милиціи. Въ этотъ день, разгонъ былъ великъ, и мнѣ назначили только четырехъ милиціонеровъ, приказавъ двумъ, пріѣхавшимъ со мною изъ Огузлы, провожать меня дальше, пока я не нагоню оказіи, которая, какъ мнѣ говорили, недавно выступила отсюда. Распоряженіе это однако очень мнѣ не нравилось; оба прежніе спутника долго ворчали между собою, и хотя выѣхали со мною, но въ первомъ же оврагѣ отстали и повертели назадъ, несмотря на крики и брань другихъ проводниковъ, отговари-

ваясь тѣмъ, что замучать лошадей, если поѣдутъ съ нами. При мнѣ остались четыре человѣка: трое Татаръ, изъ нихъ одинъ на вьюкъ, и Армянинъ, который зналъ нѣсколько словъ по-русски. Становилось поздно, а переѣздъ предстоялъ большой, верстъ сорокъ. Оказіи не видно. Дорога идетъ то возвышенностями, то долинами. Съ одной горы, Армянинъ указалъ мнѣ на Карсъ; но какъ я ни старался смотрѣть вдаль, ничего не могъ различить. Вскорѣ сѣло солнце и начало темнѣть. Хотя хиязь Чавчавадзе и говорилъ мнѣ, что переѣздъ до отряда безопасенъ, но я торопилъ лошадей: не хотѣлось мнѣ, чтобы ночь застала меня на дорогѣ съ проводниками, на вѣрность которыхъ и не очень полагался. Намъ повстрѣчался нашъ конный татарскій разѣздъ, перекликнулся съ моими проводниками и проѣхалъ мимо. Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Въ сторонѣ отъ дороги слышали мы лай собакъ. Насъ окликнули, но мы не отвѣчали, а только ударили по лошадямъ. «Кто ихъ знаетъ? Неравно не свои,» говорилъ Армянинъ.

Ѣдемъ. Все небо покрыто звѣздами. Мѣстность совершенно не знакомая; знаю только, что мы должны проѣзжать недалеко отъ Карса, оставивъ его вправо. Но вотъ вдали мелькнулъ огонь, должно-быть въ передовомъ отрядѣ графа Нирода. Мы обогнули двѣ большія горы, ваяли отъ нихъ вправо и продолжали ѣхать шагомъ. Огни скрылись. Между проводниками моими я сталъ замѣчать что-то неладное; они вполголоса переговаривались, а Татаринъ на вьюкъ, который мнѣ и сначала не нравился по всему своему виду, забиралъ все въ сторону и все вправо. Я закричалъ ему, чтобъ онъ ѣхалъ съ нами. Армянинъ остановилъ меня словами: «тише, барниъ, вотъ Карсъ», и показалъ прямо предъ собою по дорогѣ, по которой мы ѣхали. Мы остановились и стали молча прислушиваться. Ничего не слышно, ничего не видно. Сдѣлали маленькое совѣщаніе; оказалось, что мы сбились съ дороги и не знаемъ куда ѣдемъ, похоже на то, что прямо въ Карсъ. Рѣшили круто взять влѣво; молча выѣхали въ поле безъ дороги; часто останавливались и прислушивались; потомъ спустились въ каменный оврагъ, перебрались чрезъ ручей пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу, и подыались по камнямъ въ гору на другой берегъ. Огней все не видно. Мы поворотили назадъ къ двумъ горамъ, и я послалъ Татаръ отыскивать дорогу. Наконецъ вдали опять показались огни, и мы прямо поѣхали въ ту сторону. Это былъ нашъ транспортъ, Арбы стояли отло-

женныя, и погонщики спали кругомъ костровъ; они указали намъ, какъ проѣхать долиной въ драгунскій лагерь № 8 полка. Здѣсь тоже были разведены огни; кругомъ спали и сидѣли солдаты. Меня провели къ караулу и потомъ въ палатку къ полковому адъютанту, поручику Михайлову. Было уже поздно, и я, по предложенію его, рѣшился переночевать здѣсь, чтобы завтра утромъ явиться въ главный отрядъ. Пріятно мнѣ было, послѣ моего сомнительнаго путешествія, очутиться въ вѣрномъ убѣжищѣ и въ обществѣ моего радушнаго хозяина и другихъ офицеровъ полка. Въ такихъ случаяхъ знакомишься скоро. Разумѣется, много говорили мы о положеніи нашихъ дѣлъ подъ Карсомъ, о неудачномъ штурмѣ,—и какъ отраднo было для меня, особенно послѣ всего, что я слышалъ въ Александровѣ, найти и здѣсь не только не уныніе, а напротивъ бодрость и даже увѣренность въ успѣхѣ!

Четвертъ. Сентября 22-го. Отъ лагеря графа Нирода до главнаго отряда—версть пять или шесть. Мѣстность волнистая, дорога идетъ подъ гору; по сторонамъ поля; дальше горы, впереди тоже горы тянутся по горизонту непрерывною синеватою цѣпью. Бѣлыя палатки открываются версты за двѣ подъ горой, и чѣмъ ближе подъѣзжаемъ, тѣмъ шире раскидывается русскій лагерь на Карсъ-Чаѣ. Было часовъ восемь утра. Я проѣхалъ къ палаткамъ штаба, отдалъ лошадь драгуну и вышелъ одинъ пѣшкомъ на площадку, гдѣ собирался кружокъ офицеровъ. Тутъ обнялъ я моего брата ¹ и многихъ знакомыхъ, съ которыми разстался еще въ апрѣлѣ, уѣзжая въ Персію; потомъ, какъ былъ одѣтъ, по дорожному, въ сѣрой шинели и высокихъ сапогахъ, пошелъ къ главнокомандующему.

Большая бѣлая палатка главнокомандующаго стояла отдѣльно, близъ крутаго спуска къ Карсъ-Чаю. Николай Николаевичъ Муравьевъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, лицомъ ко входу; передъ нимъ стоялъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ ², въ сюртукѣ безъ эпюлетъ, и какой-то Татаринъ. Маленькая комнатка убрана очень скромно; палатка подбита зеленымъ сукномъ; земляной

¹ Братъ состоялъ при главнокомандующемъ, для особыхъ порученій, въ чинѣ полковника.

² Полковникъ Лорисъ-Меликовъ состоялъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ и командовалъ милиціей, Курдами и охотниками, имѣя въ своемъ вѣдѣніи и лазутчиковъ, какъ знатока языка, нравовъ и обычаевъ азіятскихъ.

поль устланъ коврами; въ углу складная желѣзная кровать; письменный столъ, поперекъ палатки, придвинуть къ единственному небольшому окну; на столѣ открытая дорожная шкатулка, всюду сопровождающая главнокомандующаго; въ другомъ углу еще столъ съ картами и планами; наконецъ мангалъ (камнемъ выложенная яма, куда насыпается раскаленный уголь для тепла), кресло и нѣсколько складныхъ, кожаныхъ табуретовъ; возлѣ постели образъ.

Николай Николаевичъ принялъ меня такъ ласково и сердечно, что я былъ тронуть до слезъ; нашелъ, что я поблѣднѣлъ и похудѣлъ,—но что еще годенъ для службы, и тутъ же сказалъ мнѣ, чтобы послѣ обѣда я съѣздилъ съ братомъ посмотреть госпиталь нашъ, гдѣ лежатъ раненные. Татаринъ, за принесенныя имъ какія-то добрыя вѣсти, получилъ 30 руб. сер. Николай Николаевичъ не разъ потомъ шутя требовалъ съ меня этихъ денегъ, говоря, что онъ тогда передалъ Татарину на радости, что я живой вернулся въ отрядъ.

Я помѣстился съ братомъ въ обыкновенной офицерской палаткѣ, и тотчасъ занялись мы устройствомъ своего жилья: поставили двѣ складныя походныя кровати, между ними противъ входа столъ, на него портфель, бумаги, чернильницу и пр., подъ столъ жестянку съ сахаромъ, бутылки и т. п.; развѣсили ногайки и кое-что изъ платья, и квартира была готова ¹. Въ отрядѣ нашелъ я своего человѣка, Якова, уже давно прибывшаго изъ Персіи; нашелъ лошадей, вещи и цѣлую грудку писемъ изъ Россіи. Черезъ нѣсколько времени пришелъ Черкесовъ изъ своей батареи; такъ сошлись мы здѣсь втроемъ и пріятно потолковали, вспоминая далекихъ друзей своихъ.

Въ лагерь все еще полно воспоминаніями о штурмѣ 17-го сентября, и всякій разговоръ невольно кончается разказами гдѣ кто былъ въ этотъ день, что видѣлъ и что дѣлалъ. И здѣсь опять не замѣтилъ я того смущенія, которое встрѣтилъ въ Александрополѣ. Тяжела была потеря, горько отозвалась не-

¹ Надо замѣтить, что одинъ изъ насъ поочередно всегда спалъ у главнокомандующаго на случай могущихъ быть ночью посылокъ. И палатка и домикъ его стояли близко отъ большой дороги къ мосту на Карсъ-чаѣ, и слышно было, когда кто проѣзжалъ по ней; поэтому иногда случалось ночью справляться, по приказанію главнокомандующаго, кто проѣхалъ, куда и зачѣмъ.

удача; но сколько мнѣ показалось, въ иныхъ она только усилила энергію. Генераль-майоръ Броневскій былъ начальникомъ военно-походной канцеляріи главнокомандующаго. 17-го сентября онъ былъ посланъ главнокомандующимъ осмотрѣть, что дѣлаетъ штурмовая колонна генерала Майделя. Генераль-майоръ Майдель былъ уже раненъ, и начальство принялъ полковникъ Гонецкій. На пути, генераль Броневскій встрѣтилъ батальонъ Тульцевъ, который съ громкими криками *ура* взлѣзалъ на возвышеніе, обстрѣливаемое непріателемъ. Генераль Броневскій остановилъ батальонъ, ободрилъ солдатъ, но сказалъ: не кричать *ура*, потому что до Турокъ было еще далеко, и народъ понапрасну утомился бы отъ крику; люди падали изъ строя пока онъ говорилъ батальйону. Вернувшись къ главнокомандующему, генераль-майоръ Броневскій доложилъ, что полагаетъ нужнымъ усилить колонну двумя батальйонами. Главнокомандующій подумалъ; потомъ сказалъ ему: «Поручаю же вамъ, Павелъ Николаевичъ, это исполнить.» Приказаніе это было неожиданно. Генераль-майоръ Броневскій тотчасъ отправился, но не пришлось ему ввести резервъ въ дѣло: онъ былъ раненъ штуцерною пулей въ лѣвую руку, пониже плеча. Пѣшкомъ вернулся онъ на перевязку: пуля раздробила кость. Въ послѣдствіи ему вылутили руку въ самомъ плечѣ; пули не нашли, долго искали ее и въ ранѣ, и уже въ отнятой рукѣ. Броневскій еще не уѣхалъ. Я зашелъ къ нему въ палатку, хотѣлъ обнять его, онъ остановилъ меня: «тише, тише, юноша, я безъ руки»; въ самомъ дѣлѣ лѣвый рукавъ шинели болтался пустой. Онъ былъ блѣденъ, страдалъ, но операція сдѣлана удачно, и рана хороша. Въ часъ собрались мы обѣдать у главнокомандующаго, въ большой столовой палаткѣ; тутъ же были, кромѣ лицъ штаба, приглашенные къ столу офицеры двухъ первыхъ батальйоновъ Эриванскаго полка.

Послѣ обѣда поѣхалъ я съ братомъ къ деревнѣ Каныкой въ вагенбургъ, гдѣ устроенъ временной госпиталь. Раненые размѣщены въ большихъ теплыхъ палаткахъ; но, за недостаткомъ ихъ, иные, менѣ трудные, лежатъ и въ маленькыхъ, солдатскихъ. Мы обходили всѣхъ, вездѣ опрашивали и осматривали; доктора и фельдшера, работая неутомимо, поспѣваютъ перевязывать раны только одинъ разъ въ сутки; пища раненымъ хорошая, даютъ и супъ и говядину, кромѣ того

чай, на деньги, которыя съ этою цѣлю офицеры собрали между собой.

Много видѣлъ я страданія, но видѣлъ также покорность и терпѣніе, которыя изумили меня. Рѣдко гдѣ стоны; благодарятъ, что не забываютъ ихъ, говорятъ, что имъ хорошо; просить только, чтобы поскорѣе перевязывали раны. Зашелъ я также въ офицерскую палатку. На одной постелѣ нашелъ Невельскаго, брата контръ-адмирала, котораго я зналъ въ Петербургѣ. У него пуля въ груди, и докторъ сказалъ мнѣ, что рана смертельна. Онъ дышалъ тяжело, говорилъ съ трудомъ, просилъ передать поклонъ брату, когда его увижу. Возлѣ него умиралъ офицеръ, не помню какаго-то полка; онъ также раненъ пулей въ грудь; трудно кашлялъ и задыхался.

Вагенбургъ и временной госпиталь находятся въ завѣдываніи генераль-майора Шонерта. Въ сторонѣ, подъ горой, сложены огромные стоги сѣна, и подъ строгою отвѣтственностію запрещено расходовать ихъ. Это наши запасы ¹. Богъ знаетъ сколько еще времени придется стоять намъ подъ Карсомъ.

Вечеромъ приводили нѣсколько перебѣжчиковъ изъ Карса.

Пятница. Сентября 23-го. До сихъ поръ я никогда не живалъ въ боевомъ отрядѣ, а потому нахожу много новаго и интереснаго въ теперешней нашей жизни. Разказы о 17-мъ сентябрѣ продолжаютъ. Штурмъ былъ рѣшенъ главнокомандующимъ за нѣсколько дней и обсужденъ на совѣщаніи съ старшими лицами отряда; на совѣщаніи были генераль-лейтенантъ Бриммеръ, генераль-лейтенантъ Ковалевскій, генераль-майоръ Броневскій, генераль-лейтенантъ, князь Гагаряиъ, генераль-майоръ Майдель, полковникъ Кауфманъ. Горячѣе всѣхъ настаивалъ на необходимости штурма генераль-майоръ Броневскій; въ лагерь же узнали о томъ только наканунѣ вечеромъ. Ночью съ 15-го сентября на 16-е, полковникъ Кауфманъ, адъютантъ главнокомандующаго Кульстремъ и артиллеріи капитанъ Добровольскій, се-

¹ Сѣно было заготовлено въ значительномъ количествѣ также и въ Огузлахъ, куда оно большею частію было доставлено изъ Духоборья. Каныкойское же сѣно было добыто изъ окрестныхъ мѣстъ и съ покосовъ къ сторонѣ Салангуча и близъ Айгеръ-Гель. На покосы эти высылались особыя команды изъ отряда, иногда силою въ цѣлый батальйонъ; они жили на мѣстахъ долгое время, занимаясь уборкою сѣна.

кретно переписывали въ нѣсколькихъ экземплярахъ диспозицію штурма; братъ узналъ о штурмѣ только 16-го днемъ; все хранилось въ глубокой тайнѣ; вечеромъ ни одного Татарина-милиціонера не выпускали за цѣпь. По этому случаю мусульманскій полкъ Едигарова, придвинутый къ главному отряду, былъ, по приказанію генерала Ковалевскаго, окруженъ на ночь цѣпью и оставался такимъ образомъ подъ арестомъ во все время штурма, потому что о немъ забыли ¹. Братъ нѣсколько разъ былъ посылаемъ главнокомандующимъ въ самый огонь. Въ одну изъ этихъ повзодокъ Александръ Ивановичъ Попаригопуло ², выпросился ѣхать съ нимъ въ замѣнѣ офицера. Въ дѣлѣ онъ разгорячился и срубилъ двухъ Турокъ. Когда надо было возвращаться, Попаригопуло такъ увлекся, что не хотѣлъ ѣхать. Брату пришлось приказать ему строго. Послѣ, когда зашла объ этомъ рѣчь, А. И. Попаригопуло сказалъ брату: «vous ne pouvez pas comprendre quelle est la jouissance pour un Grec de sabrer les Turcs.» Казакъ, бывшій при немъ, взялъ въ плѣнъ одного Турка; его хотѣли тутъ же убить; но братъ удержалъ; плѣннаго привели къ главнокомандующему на Столовую гору. Первые слова его были: «Сардаръ не вели меня убить.» Это былъ первый плѣнный, взятый нами 17-го сентября.

Въ числѣ раненыхъ есть нѣсколько моихъ знакомыхъ. Капитанъ Казначеевъ получилъ три раны и контузію въ голову и отвезенъ въ Александрополь. Послѣ двухъ пуль въ шею и въ руку, онъ еще шелъ впереди, ободряя Бѣлевцевъ; третья пуля свалила его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рва. Молодой юнкеръ, С. Поливановъ, раненъ въ руку и въ лицо съ поврежденіемъ глаза. Братъ его тутъ же, на мѣстѣ сраженія, сдѣлалъ ему перевязку и тѣмъ, можетъ быть, спасъ ему жизнь.

¹ Гарнизонъ въ Карсѣ былъ въ невѣдѣніи о намѣреніи нашемъ штурмовать 17-го сентября. Объ этомъ полковникъ Лекъ говорилъ въ послѣдствіи поручику Поливанову, сопровождавшему его во время плѣна въ Россію: «Въ три часа ночи я возвратился въ свою квартиру, осмотрѣвъ караулы и посты на Шарохѣ и Чахмахѣ; едва я сталъ раздѣваться какъ вбѣжалъ ко мнѣ генералъ Вильямсъ съ словами: «Мы атакованы со всѣхъ сторонъ,» и вслѣдъ за тѣмъ раздался первый выстрѣлъ.»

² Александръ Ивановичъ Попаригопуло состоялъ по особымъ порученіямъ у намѣстника и занимался въ отрядѣ дѣлами гражданской походной канцеляріи.

Полковникъ Виленскаго полка Шликевичъ убитъ уже на валу укрѣпленія, какъ разказывали сначала, Англичаниномъ Тизделемъ ¹. Полковникъ Серебряковъ, командиръ Мингрельцевъ, раненъ также на верху. Подполковникъ Эриванскаго полка Врангель раненъ въ руку ². Другой Врангель, майоръ того же полка, очень любимый офицерами, раненъ тяжело и умеръ черезъ нѣкоторое время въ Александрополѣ. Полковникъ Тархановъ (правильнѣе Тарханъ-Моуравовъ), командиръ гренадерскаго полка, удивительнымъ случаемъ остался не раненъ. Онъ былъ впереди солдатъ со знаменемъ, и видя, что трудно взять редутъ, бросилъ знамя впередъ въ укрѣпленіе, знамя упало въ ровъ; когда его подняли, оказалось, что копьецо съ верху осталось во рву; копьецо это стовло жизни многимъ гренадерамъ. Полковнику Тарханову случилось въ послѣдствіи разказывать этотъ случай генералу Левину, командовавшему гренадерскою бригадой. «Такъ копьецо и осталось во рву?» съ живостію спросилъ его генералъ Левинъ. «Это то самое копьецо, Левъ Ѳеодоровичъ, что вы видѣли у меня на столѣ», отвѣтилъ Тархановъ. Самъ ли полковникъ Тархановъ отыскалъ и поднялъ его во рву, достали ли гренадеры, не знаю. Въ отрядѣ очень жалѣютъ потерю Петра Петровича Ковалевскаго. Во время боя онъ стоялъ, по своему обыкновенію, раздвинувъ ноги и держа руки въ карманахъ; штуцерная пуля ударила его съ боку, оторвала палець, прошла сквозь обѣ ноги и контузила другую руку. Ковалевскій еще жилъ дня четыре послѣ своихъ тяжелыхъ ранъ; ему сдѣлали мучительную операцію; много страдалъ онъ, наконецъ умеръ, утромъ, 21 сентября. Изъ адъютантовъ его одинъ былъ убитъ, другой—тяжело раненъ. Князь Гагаринъ былъ

¹ Въ послѣдствіи оказалось, что полковника Шликевича убилъ не самъ Тиздель, а Тиздель только видѣлъ какъ его убили. По словамъ полковника Лека, англійскіе офицеры въ день штурма были въ турецкихъ мундирахъ и въ фескахъ, такъ что ихъ нельзя было узнать; притомъ никто изъ нихъ не былъ въ необходимости разряжать свои пистолеты или обнажать сабли. То же самое говорилъ самъ Тиздель капитану Ермолову.

² Подполковникъ Врангель, когда, однажды, за обѣдомъ, говорили о Карсѣ и турецкой табіи на Шарахъ, сказалъ главнокомандующему: «дайте мнѣ, ваше высокопревосходительство, два батальона, и я возьму вамъ это укрѣпленіе; конечно, если еще и резервъ будетъ.»

раненъ въ ключицу и шею противъ горла: обѣ раны отъ одной и той же пули ¹. Братъ, посланный главнокомандующимъ на мѣсто сраженія, встрѣтилъ князя Гагарина, когда онъ, уже раненый, шелъ назадъ одинъ, прямо держа свою голову. «Скажите главнокомандующему, что я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, но больше не могу», сказалъ онъ брату. Князя Гагарина отвели по близости за камни и тутъ же перевязали; перевязочный пунктъ его колонны былъ далеко, въ сторонѣ, потому что, подходя къ турецкимъ укрѣпленіямъ, колонна князя Гагарина приняла очень вѣтвое отъ того направленія, которое было ей назначено по диспозиціи штурма. Подполковника Кауфмана, который съ 4-мъ баталіономъ Рязанцевъ прошелъ сквозь весь турецкій лагерь, у насъ считали убитымъ, а баталіонъ уничтоженнымъ, пока не получили о немъ вѣстей. Изъ отряда генерала Базина, въ сторону котораго онъ пробился ². Назначеніе Кауфмана вести Рязанцевъ случилось такимъ образомъ: главнокомандующій приказалъ поручить баталіонъ надежному штабъ-офицеру, а поняли:—дежурному штабъ-офицеру,—мѣсто, которое занималъ подполковникъ Кауфманъ въ штабѣ генерала Бриммера.

По разказахъ, Турки защищали свои укрѣпленія отлично; самыя укрѣпленія эти были хорошо примѣнены къ мѣстности; всѣ ложбины и овраги между табіями могли быть хорошо обстрѣливаемы; наши войска терпѣли и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, судя по мѣстности, они считали себя внѣ опасности ³. Особенно

¹ По словамъ доктора Глаголева и самого князя.

² О подвигѣ Кауфмана полковникъ Лекъ говорилъ поручику Поливанову: «я видѣлъ какъ мимо всей линіи нашихъ укрѣпленій шла горсть вашихъ молодцовъ, подъ сильнымъ огнемъ нашихъ батарей; они не только сохраняли полный порядокъ, но даже подбирали своихъ раненыхъ. Я хотѣлъ остановить огонь на своей батарее и салютовать имъ.»

³ Замѣчательно и то, что различныя разстоянія отъ табій по направленію выстрѣловъ были обозначены каменными кучками, мы пришли къ этому заключенію вслѣдствіе того, что большая часть непріятельскихъ сварядовъ ложилась около этихъ кучекъ. Должно полагать, что Турки заранѣе опредѣлили углы возвышенія для обозначенныхъ такимъ образомъ дистанцій. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобъ артиллерійскій огонь Турокъ былъ дѣйствителенъ; большая часть ихъ гранатъ, обыкновенныхъ и картечныхъ, лопались высоко надъ нашими головами, не нанося намъ никакого вреда. *Замѣтка очевидца артиллеріи штабс-капитана Ч.*

повредили намъ стрѣлки, вооруженные французскими штуцерами фабрики Tulle и St. Etienne, скрытые въ передовыхъ ямахъ, за камнями и валомъ; тамъ же, гдѣ между укрѣпленій доходило до рукопашнаго боя, Турки хотя и бились, но нигдѣ не могли держаться. Разказывали про одного иностранца, огромнаго роста, который, съ банникомъ въ рукѣ, особенно энергически распорядился на турецкой батарее. Разказывали также, какъ послѣ боя, турецкіе солдаты, на валу и у рва, прикалывали нашихъ раненыхъ, которыхъ мы не могли унести: это было ясно видно въ трубу послѣ отбитаго штурма колонны Ковалевскаго. ¹

Главнoкомандующій, во все время штурма, находился на Столовой горѣ, къ подошвѣ которой долетали иногда турецкія ядра. Молчаливъ, серьезенъ и спокоенъ, сидѣлъ онъ на камнѣ, слѣдя за ходомъ боя въ трубу. «Когда пробьетъ барабанъ къ штурму, я уже больше не начальникъ,» говорилъ, онъ. Свита адъютантовъ и ординарцевъ и др. стояла въ сторонѣ, въ почтительной тишинѣ, и въ полной готовности.

Судя по извѣстіямъ съ главнаго пункта боя на Шорахъ, а также и потому, что можно было различить въ трубу, видно было, что успѣхъ дѣла становился сомнителенъ. Тогда главнoкомандующій поручилъ генералъ-лейтенанту Брим-

¹ Полковникъ Лекъ говорилъ поручику Поливанову, что когда русскія колонны отступили, генералъ Вильямсъ съ англійскими офицерами сталъ объѣзжать батареи; на всѣхъ пунктахъ очи заставляли ужасныя сцены. Турецкіе солдаты добивали русскихъ раненыхъ, а нѣкоторыхъ полуживыхъ сбрасывали въ кучу. Много увѣщаній и угрозъ стоило Англичанамъ, чтобъ удержать остервененіе Турокъ. Многіе изъ раненыхъ солдатъ русскихъ сами просили англійскихъ офицеровъ лучше велѣть ихъ убить чѣмъ брать въ плѣнъ. Турки взяли нашихъ въ плѣнъ до 40 челов. Два дня послѣ штурма одинъ плѣнный солдатъ, раненый въ руку, выползъ изъ турецкой табіи и пришелъ въ нашъ лагерь; онъ еще былъ въ крови; его тотчасъ представили главнoкомандующему, который тутъ же самъ навѣсилъ на него Георгія. Солдатъ разказывалъ, что видѣлъ въ Карсѣ; какъ его водили къ Вильямсу и какъ тотъ его разспрашивалъ о нашемъ войскѣ. Сначала онъ говорилъ изрядно; но такъ какъ его, на радости, въ нашемъ отрядѣ многіе угощали, то онъ, подъ конецъ, расходился и вралъ сильно. Вильямса онъ увѣрялъ, что у насъ въ Александрополь стоитъ войска еще 80 т. чел. и т. под.

меру съ двумя батальонами, взятыми изъ резерва, двинуться къ мѣсту боя, и предоставилъ ему, уже по прибытіи на мѣсто, самому рѣшить, можно ли попытаться съ этими свѣжими силами сбить Турокъ или же слѣдуетъ отступить. Генераль Бриимеръ, прибывъ на мѣсто и убѣдившись въ томъ, что при значительной убыли въ людяхъ мало было надежды на успѣхъ, далъ приказаніе отступить; тогда войска, занимавшія внутреннія линіи укрѣпленій, мгновенно очистили ихъ; равнымъ образомъ высылали на наружную покатость Шорахскихъ выеотъ раненые и всѣ заставіе во рвахъ предъ укрѣпленіемъ; вся покатость горы покрылась быстро отступавшими и перемѣшавшимися толпами войскъ. «Voilà la débâdade qui commence,» сказалъ главнокомандующій и выдвинулъ роту штуцерныхъ по Столовой горѣ, чтобы принять Турокъ на случай, если они двинутся изъ Карса. Разстроенные батальоны, по отступленіи отъ турецкихъ укрѣпленій, были остановлены на время, еще въ виду непріятеля, и устроены между горой Муха и Мечеткой (почти за самой Мухой). Главнокомандующій самъ былъ при этомъ, вызывая Эриванцевъ, Мингрельцевъ и др. Солдаты шли отдѣльными, перемѣшанными толпами и сходились къ своему знамени или на зовъ начальниковъ. Потеря въ офицерахъ была особенно чувствительна: по недостатку штабъ-офицеровъ, одинъ изъ ротныхъ командировъ принялъ тутъ команду Мингрельскаго полка. Главнокомандующій уѣхалъ впередъ; а вслѣдъ за нимъ войско, въ слабomъ составѣ, но еще въ грозномъ боевомъ порядкѣ, вернулось въ лагерь.

Насчетъ хода кампаніи, послѣ штурма 17-го сентября, мнѣнія въ лагерѣ были различны. Иные ожидали втораго немедленнаго штурма и даже ходилъ слухъ, что оканія, которая повезла въ Александрополь раненыхъ, привезетъ намъ фашины, туры, лѣстницы, заготовленные въ большомъ числѣ, а также осадную артиллерію. Такое мнѣніе раздѣлялось преимущественно молодежью. Командиры же частей и большая часть главныхъ начальниковъ, а также многія изъ лицъ, составлявшихъ штабъ главнокомандующаго, имѣли совершенно другое убѣжденіе. Кампанія казалась оконченною днемъ 17-го сентября. Неудача перваго штурма оставляла мало надеждъ на успѣхъ втораго. Возможности принудить крѣпость къ сдачѣ одною блокадою—также мало вѣрили; притомъ такое намѣреніе необходимо вродержало бы отрядъ подъ Карсомъ значительное время, а потому надѣялись, что главнокомандующій не рѣшится на это

средство, крайне невыгодное для отдѣльных частей арміи въ хозяйственномъ отношеніи. Мысль о зимовкѣ подъ Карсомъ и въголову не приходила. Такую мѣру считали положительно невозможною. При обыкновенномъ способѣ веденія войны съ Горцами, части удаются далеко не въ полномъ составѣ, и притомъ на непродолжительное время отъ своихъ штабъ-квартиръ; продолжительная же отлучка, на дальнее разстояніе, совершенно разстраивала хозяйственныя соображенія командировъ частей, а потому, такъ какъ штурмъ не удался, то большая часть изъ насъ ожидала, что главнокомандующій не будетъ уже держать войско подъ Карсомъ, и оно отступить къ Александрополю. «Повоевали въ этомъ году довольно, пора и домой», таково было окончательное сужденіе, которое слышалось чаще всѣхъ другихъ. Первое приказаніе главнокомандующаго послѣ отбитаго штурма, въ тотъ же день, было: «усилить блокаду Карса», и энергическое требованіе — всѣмъ начальникамъ отдѣльных отрядовъ, блокирующихъ Карсъ, — ежедневно доставлять плѣнныхъ Турокъ; тогда же разнесся первый слухъ о предположеніи главнокомандующаго рыть землянки. При описанномъ выше настроеніи, твердость, съ которою главнокомандующій привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, наперекоръ мнѣнію большинства, получаетъ особенно важное значеніе. Только такая непоколебимая воля могла взять Карсъ, послѣ тяжкой неудачи, и мы съ довѣріемъ смотрѣли на начальника, и вѣрилось намъ въ успѣхъ нашего дѣла.

Послѣ обѣда, опять ѣздили мы съ братомъ въ Каныкой, и опять осматривали госпиталь. Больные просили насъ благодарить главнокомандующаго, и сказать ему, что они цѣнятъ его заботы о нихъ. Однако въ маленькихъ палаткахъ холодно и продуваетъ; на дняхъ отправляется большой транспортъ въ Александрополь, и тогда всѣ остальные раненые могутъ быть помѣщены въ большихъ балаганахъ, гдѣ просторно и тепло. Братъ ѣздитъ тоже въ самый аулъ Каныкой, куда только что перевели холерное отдѣленіе; больныхъ немного; размѣщаются они въ сакляхъ чистыхъ и удобныхъ, но не все еще устроено для нихъ, и пища сегодня была холодная; за это досталось и смотрителю и доктору; братъ указалъ мѣсто въ бывшей прачешной, гдѣ поставить котлы и приказалъ исполнить это немедленно. На возвратномъ пути въ вагенбургъ встрѣтили мы генерала Шонерта. Братъ просилъ его обратить вни-

маніе на замѣченный имъ безпорядокъ. Генералъ Шонертъ хлопочетъ съ полнымъ рвеніемъ и обѣщаль все поправить. Онъ живетъ въ маленькой, углубленной землянкѣ; въ его вѣдѣніи всѣ склады и запасы, а также сѣно, которое онъ сторожить съ самоотверженіемъ. Вечеромъ почта изъ Тифлиса принесла много новостей изъ Россіи и Грузіи.

Главнокомандующій много разспрашивалъ меня, какое штурмъ произвелъ впечатлѣніе въ Александрополь и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я проѣзжалъ. Хоть онъ и спокоенъ, но видно, что тяжело легла ему на сердце эта неудача.

Въ лагерѣ, между тѣмъ, познакомился я съ новыми для меня лицами штаба главнокомандующаго: К. П. Кауфманомъ, княземъ Мухранскимъ, молодымъ Баклановымъ и др.

Суббота, сентября 24. Главный отрядъ нашъ расположенъ лагеремъ, по обоимъ берегамъ Карсъ-Чая, верстахъ въ семи отъ передовыхъ укрѣпленій Карса. На лѣвомъ берегу рѣки, въ долину,—нижній лагерь; на правомъ, на возвышенностяхъ, верхній лагерь. Карсъ-Чай переѣзжаютъ черезъ деревянный мостъ, у разореннаго аула Чивтликъ-Чая, а также въ бродъ во многихъ мѣстахъ. Мимо нижняго лагеря идетъ по долину большая эрзерумская дорога въ Карсъ, минуя такъ-называемую Мечетку¹ и кладбище, верстахъ въ трехъ впереди лагеря. Нѣсколько впереди Мечетки—нашъ казачій постъ, а еще дальше—передовая казачья цѣпь. Къ сѣверу отъ главнаго лагеря, верстахъ въ шести, отрядъ князя Дундукова въ Бозгалахъ расположенъ на горѣ; дальѣ, блокадную линію составляютъ отряды подполковника Блястина, майора Лошакова и генералъ-майора Бакланова; послѣдній, сильнѣе другихъ, стоитъ въ Мелькъ-кѣвъ, что приходится почти на прямой линіи черезъ Карсъ и главный отрядъ, не далеко отъ лѣваго берега Карсъ-Чая и верстахъ въ двѣнадцати отъ крайнихъ турецкихъ карадагскихъ укрѣпленій.

Связь между главнымъ лагеремъ и отрядомъ генералъ-майора Бакланова, съ юго-восточной стороны Карса, составляетъ графъ Ниродъ, котораго лагерь расположенъ на горѣ и въ долину впереди деревни Каныкой, и казачьи сотни, выдвинутыя впередъ еще ближе къ Карсу въ деревнѣ Азатъ-кѣвъ. Непрерывность сообщенія съ главнымъ отрядомъ и съ отрядомъ генералъ-

¹ Развалины селенія Гумбетъ.

майора Бакланова поддерживается конными разъездами и выставлемою участками передовою цѣпью. Госпиталь и вагенбургъ расположены въ самомъ аулѣ Каныкой. Съ Александрополемъ постоянное свободное сообщеніе большою дорогою, которою я ѣхалъ черезъ Хадживали и Огузлы. Этимъ путемъ ходятъ въ главный лагерь всѣ транспорты и оказія; только они минуютъ лагерь Нирода, оставляя его у себя влѣво, и идутъ прямою дорогою, черезъ Азатъ-кѣвъ. Къ сторонѣ Эрзерума выдвинуть въ деревнѣ Катанлы (верстахъ въ 16 отъ главнаго лагера) полкъ татарской милиціи, полковника Едигарова, который отъ себя посылаетъ разъезды и доставляетъ всѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Турокъ за Саганлугомъ.

По Ардаганской дорогѣ, верстахъ въ тридцати отъ Карса, въ Маргаѣ, стоитъ генералъ Базинъ съ тремя батальонами, артиллеріей и нѣсколькими сотнями Донцовъ; онъ составляетъ авангардъ на случай дѣйствій противъ Омеръ-паши, если тотъ изъ Батума пойдетъ на освобожденіе Карса. Ко дню штурма, 17-го сентября, Базинъ былъ секретно придвинуть къ Карсу и штурмовалъ Чакмахскія высоты.

Наконецъ, въ долинѣ Аракса расположенъ отдѣльный отрядъ генералъ-майора Суслова, дѣйствующій во флангъ турецкому эрзерумскому отряду, еслибы тотъ выдвинулся къ Саганлугу, что не разъ и случалось. Съ генераломъ Сусловымъ у насъ сообщеніе довольно затруднительное, черезъ горы; порядочныхъ дорогъ нѣтъ, и вѣсти привозятся конными милиціонерами. При отрядѣ генералъ-майора Суслова находится полковникъ Бартоломей для сношеній съ курдскими племенами.

Блокада держится строго; каждый день приводятъ пѣнныхъ и бѣглыхъ, иныхъ отбиваютъ подъ самыми укрѣпленіями, когда они собираютъ бурьянъ, роютъ корни, или выгоняютъ ослонъ на скудное пастбище. Бѣглые выходятъ преимущественно между отрядами Бакланова и графа Нирода, надѣясь незамѣтно пробраться скрытыми извилистыми балками, которыхъ много въ этой сторонѣ. Тутъ ихъ и ловятъ; немногіе защищаются; бѣльшая часть бросаютъ оружіе и сдаются безъ выстрѣла.

Въ Карсѣ Турки сидятъ спокойно. Послѣ дѣла 22 августа, прозваннаго ночнымъ побойщемъ, у нихъ почти вовсе не осталось кавалеріи, а потому аванпостная непріятельская служба плоха, и ничто не препятствуетъ нашимъ казакамъ безнаказанно тревожить Турокъ подъ самыми укрѣпленіями. Вышедшіе изъ Карса

разказываютъ, что теперь лошади есть только у Англичанъ, у начальниковъ, и то не у всѣхъ, да нѣсколько въ запряжкѣ подъ полевыми орудіями. Много лошадей пало отъ недостатка въ кормѣ; многихъ зарѣзали и съѣли.

Сегодня я ѣздилъ верхомъ вдоль берега Карсъ-Чая, который какъ змѣйка извивается въ долину; видѣлъ лагерь грузинской милиціи, а дальше, позади, круглыя зеленыя палатки Курдовъ; потомъ проѣхалъ въ лагерь охотниковъ полковника Лориса; тутъ есть и Татары разныхъ участковъ, и перебѣжчики-Турки, всякій сбродъ, однимъ словомъ—Азія и народъ отчаянный. Ихъ круглыя палатки и коновязи разбросаны въ беспорядкѣ по скату горы. Круглыя азіятскія палатки были у Грузинъ, у Курдовъ и милиціонеровъ, а также частію у линейныхъ казаковъ изъ числа отбитыхъ у Турокъ подъ Пенякомъ 30 августа.

Воскресенье, сентября 25. Походная церковь отряда устроена въ бѣлой палаткѣ, на небольшой площадкѣ, за штабомъ главнокомандующаго. Сегодня, послѣ обѣдни, служили въ ней нѣсколько паннихидъ, и искреннею, простою молитвой поминали присутствующіе своихъ товарищей, погибшихъ въ бою 17 сентября.

Ко мнѣ вернулась моя персидская лихорадка, которая больше мѣсяца задержала меня въ Тавризѣ; я слегъ въ постель въ своей палаткѣ и провалялся три дня; потомъ, благодаря нашему штабному доктору, З. И. Пилецкому, и хининъ, поправился, и во все остальное время держался здоровымъ въ лагерѣ изрядно.

Между тѣмъ, жизнь въ отрядѣ идетъ своимъ чередомъ. Къ обѣду главнокомандующаго приглашаются офицеры полковъ отряда: на дняхъ была очередь артиллеристовъ. На верхней, передней площадкѣ строятъ домикъ главнокомандующему. По прежнему приводятъ плѣнныхъ и бѣглыхъ изъ Карса. На этихъ дняхъ выѣхалъ къ намъ оттуда армянскій архіерей; онъ говорилъ, что въ Карсѣ провізія много и что у Турокъ хорошо. Главнокомандующій приказалъ возвратитъ его въ Карсѣ, такъ какъ ему было хорошо тамъ, и это бѣдному архіерею очень не понравилось. Еще выѣхалъ изъ Карса повѣренный персидскаго консула въ Эрзерумъ; онъ кажется предвидѣлъ, что дольше оставаться въ городѣ будетъ не выгодно. Подъ видомъ своей свиты, онъ вывезъ изъ Карса нѣсколько Турокъ, съ которыхъ за это взялъ, какъ говорили,

большія деньги; но уловка не удалась, Турки были возвращены въ Карсъ, а персидскій повѣренный отправленъ въ Тифлисъ.

Ко мнѣ въ палатку, во время моей болѣзни, часто заходили потолковать товарищи; навѣщалъ тоже и Николай Николаевичъ.

Сентября 28. Въ отрядъ прибылъ изъ Петербурга элигель-адъютантъ гвардіи, ротмистръ Чертковъ, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ на пути узналъ объ отбитомъ штурмѣ и говорилъ, что въ Петербургѣ это произведетъ большое впечатлѣніе, потому что тамъ ожидали скораго успѣха. Сегодня привели много плѣнныхъ, — жителей, вышедшихъ изъ Карса; съ ними были и дѣти: двѣ хорошенькія дѣвочки, дѣтъ трехъ и пяти, съ большими выразительными глазами. Пока нѣкоторыхъ изъ жителей, поумнѣе на видъ, спрашивали, прочіе разсѣялись на площадкѣ и принялись ѣсть хлѣбъ, который имъ приносили. Всѣ эти плѣнные, и взрослые и дѣти, были возвращены въ Карсъ, несмотря на ихъ просьбы отпустить ихъ по деревнямъ, откуда они, кажется, бѣжали въ городъ при приближеніи Русскихъ.

Вообще плѣнные распределяются у насъ слѣдующимъ образомъ:

Вопервыхъ, всѣ военные изъ регулярныхъ полковъ, лазовъ и баши-бузуковъ, взятые съ боя, какъ военно-плѣнные, держатся подъ карауломъ, и потомъ пересылаются партіями въ Александрополь.

Потомъ, военные же, или прямо бѣжавшіе къ намъ изъ Карса, или перехваченные нами безъ сопротивленія: ббольшая часть ихъ возвращается по домамъ на родину, надѣляется при этомъ пищей, иногда деньгами, и получаетъ паспортъ, прокламацію главнокомандующаго, за подписомъ полковника Лориса, къ народонаселеніямъ Азіатской Турціи; тѣ же изъ перебѣжчиковъ, которые желаютъ остаться въ нашемъ лагерѣ, и получаютъ на то разрѣшеніе главнокомандующаго, составляютъ свою отдѣльную команду, прозванную у насъ вольноопредѣляющеюся. Они находятся въ вѣдѣніи полковника Лориса, имѣютъ старшихъ, выбранныхъ изъ ихъ же среды, получаютъ пищу, одежду, иные даже жалованье. Мѣра эта, нѣкоторымъ образомъ, должна уничтожить предубѣжденіе, которое Англичане стараются всячески распространить въ Карсъ противъ Русскихъ. Перебѣжчики разказывали намъ,

какъ еще недавно Вильямсъ разстрѣлалъ, въ виду собранныхъ войскъ, нѣсколько бѣжавшихъ турецкихъ солдатъ, пойманныхъ подъ укрѣпленіями. Онъ объявилъ Туркамъ, что солдаты эти бѣжали къ Русскимъ, но что Русскіе вернули ихъ къ нему, и впередъ будутъ возвращать всѣхъ бѣжавшихъ, которыхъ поймають.

Наконецъ, третій разрядъ плѣнныхъ составляютъ жители Карса и окрестныхъ деревень, укрывшіеся въ Карсѣ. Всѣ они, какъ добровольно вышедшіе изъ города, такъ и отбитые подъ укрѣпленіями во время фуражировокъ, невольно отправляются обратно въ Карсѣ,—и Армяне, и Турки, и мушчины, и женщины, и дѣти. Передъ отправленіемъ ихъ кормятъ въ командъ вольноопредѣляющихся, съ которыми они свободно могутъ разговаривать. Такимъ образомъ, они уносятъ въ городъ, въ опроверженіе словъ Англичанъ, живое доказательство нашего хорошаго обращенія съ выбѣжавшими къ намъ турецкими солдатами ¹.

Въ Карсѣ почти постоянно мы имѣли своихъ лазутчиковъ. Кажется, трехъ изъ нихъ Турки схватили и повѣсили. Одинъ былъ особенно смѣлъ: онъ внесъ въ Карсѣ прокламацію главнокомандующаго, и пустилъ ее въ ходъ; въ другой разъ онъ прибилъ этотъ листокъ къ стѣнѣ въ кофейной, но былъ тутъ же замѣченъ и пойманъ. Помню еще одного молодца, родомъ изъ христіанъ Гурійцевъ, но съ дѣтства взятаго Турками и принявшаго ихъ вѣру; онъ долго сидѣлъ въ Карсѣ въ тюрьмѣ, подъ сильнымъ подозрѣніемъ. Ему удалось бѣжать. Блѣдный, худой, измученный и оборванный, явился онъ въ нашъ лагерь и представился въ такомъ видѣ главнокомандующему, который щедро наградилъ его; въ послѣдствіи онъ состоялъ у Лориса, и вмѣстѣ съ летучимъ отрядомъ ходилъ въ набѣгъ на Ольту.

Сегодня же поймали двухъ жителей съ ихъ арбами, на волахъ, и привели къ столовой палаткѣ. Казаки,

¹ Въ послѣднее время блокады, впрочемъ, у насъ стали къ перебѣжчикамъ строже; стали требовать, чтобъ они выносили свое оружіе, а такъ какъ многіе выходили къ намъ безъ ружей, то нѣсколько человекъ для примѣра были возвращены въ Карсѣ вмѣстѣ съ жителями; какъ сказывали, они на другой же день снова пришли къ намъ съ ружьями. Это разнеслось въ городѣ, и солдаты стали выходить съ оружіемъ.

которые перехватили ихъ, показали, что они пробирались въ Карсъ съ хлѣбомъ. Дѣло серьезное, и можетъ для нихъ худо кончиться. При той блокадѣ, въ которой держится Карсъ, понятно какъ важно, чтобы всякое сообщеніе города съ окрестными селеніями было совершенно прервано, и пресѣченъ подвозъ продовольствія со стороны. Надежда на большую выгоду, сочувствіе къ своимъ, бываетъ однако сильнѣе страха наказанія; пользуясь темными ночами, жители съ нѣсколькими вьюками прокрадываются иногда скрытыми балками въ городъ; поймать ихъ и уличить очень трудно; если они замѣтятъ преслѣдованіе, то сворачиваютъ на первую дорогу, въ одинъ изъ нашихъ отрядовъ, и везутъ свой хлѣбъ продавать Русскимъ.

Пока допрашивали казаковъ, оба Турка стояли въ сторонѣ при своихъ арбахъ, и довольно равнодушно переговаривались вполголоса по-турецки. А какъ просто могла тутъ же и кончиться ихъ жизнь: одно слово главнокомандующаго, и ихъ бы разстрѣляли обонхъ или повѣсили бы для примѣра другимъ жителямъ, пожалуй на ихъ же арбахъ, какъ многіе громко требовали. Но показанія казаковъ были не довольно точны, и главнокомандующій приказалъ произвести прежде строгое изслѣдованіе дѣлу. Онъ самъ допрашивалъ казаковъ, и, какъ мнѣ кажется, нарочно сбивалъ ихъ и спутывалъ, чтобы не было явныхъ уликъ вины, за которую Турки должны были бы поплатиться жизнію.

Потомъ мнѣ случилось говорить объ этомъ съ Николаемъ Николаевичемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что не повѣсилъ бы и не разстрѣлялъ бы ихъ. «Я уже старъ, чтобы вѣшать», прибавилъ онъ, «я не мстить имъ хочу за то, что они подвозятъ хлѣбъ въ городъ; я хочу только, чтобы впередъ не подвозили, а для этого довольно, если и не вѣшая, наказать строго виновныхъ, покрьпче поугаты, да нашумѣть побольше.»

Сентября 29. Собиралась дума георгіевскихъ кавалеровъ подъ предѣдательствомъ генераль-лейтенанта Бриммера. По единогласному рѣшенію ея, подполковникъ фонъ-Кауфманъ, адъютантъ главнокомандующаго Ермоловъ, артиллеристъ штабсъ-капитанъ Броневскій и молодой Пилларъ получаютъ Георгія 4-й степени.

Подполковникъ *фонъ-Кауфманъ*, очутившись съ первымъ батальономъ Рязанскаго полка между турецкими батареями, прошелъ насквозь весь лагерь и вышелъ къ отряду генераль-май-

ора Базина, потерявъ изъ батальона только около 70 человекъ. Въ послѣдствіи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, узнавъ о подвигѣ Кауфмана, въ письмѣ своемъ къ сыну въ отрядъ, просилъ поздравить его и сказать ему, «что онъ молодецъ.» Подполковникъ Кауфманъ говорилъ, что такой отзывъ генерала Ермолова былъ бантикомъ на полученный имъ орденъ Гордія.

Ермоловъ велъ охотниковъ въ отрядъ генералъ-майора Базина и захватилъ нѣсколько орудій; изъ нихъ 3 были увезены нами при отступленіи, прочія или заклепаны ¹, или сброшены въ ручь.

Пилларъ (фонъ-Пилляу), поручикъ гренадерскаго полка, командовалъ ротой, и отдѣляясь съ нею, взялъ съ бою тоже 4 турецкія орудія, изъ коихъ можно было вывести только одно. Тяжело раненъ.

Броневскій, штабсъ-капитанъ, командовалъ своднымъ горнымъ дивизиономъ, дѣйствовавшимъ изъ орудій, взятыхъ подъ Пенякомъ ². Шелъ въ головѣ колонны Майдеа, и въѣхалъ во взятое укрѣпленіе. Стоя на позиціи, онъ дѣйствовалъ картечью, пока дивизионъ его не былъ окончательно разстроенъ! Большая часть людей и лошадей были или убиты, или ранены, и всѣ орудія стала негодны къ дѣйствию; при отступленіи вытнуты только оставшіяся тѣла орудій. Броневскій раненъ въ правую руку.

Сентября 30. Утромъ генералъ-майоръ Броневскій отправился изъ отряда въ Александрополь; ему легче. Съ нимъ

¹ Можно впрочемъ сомнѣваться, чтобы турецкія пушки были дѣйствительно заклепаны, такъ какъ на дѣлѣ оказалось, что пѣхотные солдаты плохо знали какъ обращаться съ орудіями: когда дѣло дошло до того, чтобъ огонь взятыхъ турецкихъ орудій направить противъ Турокъ же, то съ трудомъ нашлись люди, умѣвшіе зарядить орудіе и произвести выстрѣлъ. *Замѣч. Артмлл.*

² Въ составъ горнаго дивизиона, сформированнаго за нѣсколько дней до штурма, были назначены 4 горныя 12-ти фунтовыя гаубицы, отбитыя подъ Пенякомъ. Гаубицы эти отлиты въ Константинополѣ, но конструкціей своей онѣ совершенно сходны съ французскими горными гаубицами, которыя, по всему вѣроятію, и послужили для нихъ образцомъ; гаубицы эти легче нашихъ, но заряды для нихъ нѣсколько больше чѣмъ у насъ. Тѣла орудій были новы и совершенно годны; зафеты же, построенные изъ мѣстнаго непросохшаго лѣса, были плохи и рассыпались не столько отъ непріятельскихъ снарядовъ, сколько отъ собственныхъ выстрѣловъ. *Замѣчаніе Арт. штабсъ-капитана Ч.*

ѣдетъ докторъ. Главнокомандующій пришелъ проводить его, когда онъ садился въ коляску. Еще прежде, когда генералъ Броневскій, собираясь къ отъѣзду, пришелъ въ палатку главнокомандующаго проститься съ нимъ, Николай Николаевичъ велѣлъ позвать урядника Жукова, состоявшаго при генералѣ Броневскомъ, и тутъ же произвелъ его въ хорунжіи. Жуковъ этотъ былъ безотлучно при немъ во все время боя и вывелъ его, когда онъ былъ раненъ. Награда Жукову была особенно пріятна генералу Броневскому, и онъ былъ тронутъ вниманіемъ главнокомандующаго.

Въ лагерь живется помаленьку; военныхъ дѣйствій нѣтъ никакихъ. Начинаютъ вездѣ поговаривать о землянкахъ; каждый день посылаются для фуражировокъ партіи отъ разныхъ частей войскъ. Сегодня выдался счастливый день для штаба: офицеръ изъ конвоя, посланный на фуражировку, досталъ много сѣна и саману,¹ которые жители привезли на своихъ арбахъ въ лагерь, разумѣется за хорошія деньги. Возлѣ нашей палатки пріютился зеленый стожокъ, на который мы смотрѣли съ большимъ удовольствіемъ.

Погода стоитъ хорошая; дни ясные и еще довольно теплые. По вечерамъ играетъ военная музыка, внизу за Карсъ-Чаемъ, противъ палатки главнокомандующаго, и въ верхнемъ лагерь, за оврагомъ, въ сторонѣ отъ спуска къ мосту. Къ музыкѣ собираются офицеры, развѣзжаютъ верхомъ. Попрежнему все полно жизнью въ лагерь. А перядъ нами все Карсъ, и все спокоенъ и недоступенъ, и Богъ знаетъ, что тамъ дѣлается. Видно только съ нашей обсерваторіи² въ большую зрительную трубу, что днемъ толпы Турокъ выходятъ на

¹ Саманъ — ячменная солома, избитая въ труху, при молоченіи ногами лошадей или быковъ, по мѣстному обычаю. Въ послѣднее время, вольныя цѣны на фуражъ были у насъ въ отрядѣ примѣрно слѣдующія: самара ячменю (8 четвериковъ) отъ 8 до 9 р.; саману корнiza (въ полчетверти) 10 к. сер.; сѣна арба (пудовъ 7—8) отъ 1 до 1½ р. сер. Саманъ мы смѣшивали съ ячменемъ для лошадей.

² Обсерваторія была въ вѣдѣніи генералъ-майора Ходзько, и при ней всегда находился одинъ изъ топографовъ. Телескопъ былъ поставленъ въ бесѣдкѣ, и отсюда Карродини, прапорщикъ Нижегородскаго драгунскаго полка, срисовывалъ видъ карскихъ укрѣпленій.

работы, окапываются, строятъ еще укрѣпленія; и все тамъ же стоятъ ряды бѣлыхъ палатокъ, и также много ихъ. Замѣтно только, что скота съ каждымъ днемъ выгоняютъ на пастбу подь укрѣпленія меньше и меньше, а наконецъ и выгонять перестали, да и плѣнные разказываютъ, что голодно въ Карсѣ, что пища плохая, большихъ много; «пропалъ Османъ,» при-бавляютъ иные со вздохомъ.

Октября 1. Прибылъ въ лагерь дия на два, по дѣлу, едигель-адъютантъ, полковникъ Дренакинъ. Онъ находился на Кавказѣ по Высочайшему повелѣнію, для наблюденія за образованіемъ резервовъ. Пріѣзжалъ тоже изъ своего отряда генералъ-майоръ Яковъ Петровичъ Баклановъ; съ нимъ были казаки его, преданные ему на жизнь и на смерть: въ Чечнѣ, одинъ изъ нихъ, теперь хорунжій, былъ раненъ пу-лею, когда кинулся заслонить собою своего генерала отъ вы-стрѣла Горца.¹ У Бакланова есть свой значокъ, въ родѣ зна-мени, который всюду сопровождаетъ его въ дѣлѣ; значокъ — черный, на немъ изображена Адамова голова и написано: «чаю воскресенія мертвыхъ». Баклановъ сказывалъ мнѣ, что значокъ этотъ былъ ему присланъ изъ какого-то монастыря, но гвѣтъ—онъ не знаетъ.

Сегодня отправился изъ отряда капитанъ артиллеріи Добро-вольскій, съ подробнымъ донесеніемъ Государю о штурмѣ 17 сентября.

Понедѣльникъ, октября 3. Утромъ главнокомандующій дѣ-лалъ смотръ двумъ сотнямъ грузинской милиціи. Она возвра-щается въ Тиѣлисъ, но идетъ не прямою дорогою на Алек-сандрополь, а черезъ Ахалцыхъ. Дѣлается это съ тою цѣлію, чтобы появленіе нашей кавалеріи, гдѣ ея не ожидаютъ, было разглашено жителями и имѣло видъ особаго движенія на Омеръ-пашу, ожидаемаго съ сѣвера Ардагана. Главнокоман-дующій благодарилъ Грузинъ за полезную службу въ отрядѣ, и вызывалъ изъ строя нѣкоторыхъ, особенно отличившихся (между прочими князя Циціанова). Грузины, всѣ верхомъ на своихъ добрыхъ лошадяхъ, прошли по верхней площадкѣ мимо главнокомандующаго; потомъ спустились къ мосту, и, перейдя Карсъ-Чай, потянулись съ пѣснями по долину. Въ отрядѣ они исполнили свое дѣло молодцами; 17 числа одна сотня Грузинъ съ другими линейцами была пущена отъ колонны генерала Майделя, съ самаго начала боя, во внутренность турецкаго лагера, гдѣ

они порубили много народа. Казаки говорили, что только дѣшныи не билъ Турокъ, испуганныхъ такою стремительною атакою нашей кавалеріи. Но оставаться долѣе подъ Карсомъ было уже для нихъ тяжело; кони ихъ, хорошихъ кавказскихъ породъ, не привыкли къ бивачной стоянкѣ и холоду, который по временамъ становится чувствителенъ у насъ въ лагерѣ. Причина была, впрочемъ, еще и другая, и едва ли не главная: Грузины усумнились, что мы возьмемъ Карсъ и просились домой. Потому въ Тифлисъ имъ было совѣстно, что они насъ оставили.

Ночью въ Карсъ была тревога у Турокъ, и былъ слышенъ пушечный выстрѣлъ. Оказалось, что тревогу произвелъ Даниль-Бекъ, юнкеръ милиціи, изъ охотниковъ полковника Лориса: съ нѣсколькими товарищами, онъ подѣхалъ тихонько верхомъ къ турецкимъ укрѣпленіямъ; потомъ ударилъ въ барабанъ, поднялъ пальбу, нашумѣлъ, напугалъ и удралъ, когда тревога распространилась въ Карсъ и Турки переполошились, ожидая новаго нападенія. Этотъ Даниль-Бекъ, Данилка, какъ его попросту зовутъ въ отрядѣ, родомъ изъ тифлиссскихъ Армянъ, имѣетъ знакъ солдатскаго Георгія за прошедшую кампанію и исправляетъ въ милиціи обязанность старшаго, или фельдфебеля; къ нему обращаются, чтобы достать ячмень, бревенъ и чего бы ни было. Онъ все обдѣлаетъ,—довкій азіялъ. Неутомимый и отважный на всѣ отчаянныя продѣлки, Данилка, во все время блокады, крѣпко надоѣлъ Туркамъ.

Октября 4. Получено извѣстіе, что персидскій посоль, Адасъ-Кули-ханъ, Сейфъ-Уль-Мулькъ, прибылъ, наконецъ, въ Тифлисъ со всею своею свитой, и отправляетъ въ отрядъ подъ Карсъ къ главнокомандующему второе лицо посольства, сартипа Касимъ-хана. Касимъ-ханъ былъ, до весны 1855 г., консуломъ въ Тифлисъ, гдѣ его полюбили за привѣтливость и совершенное отсутствіе персидскаго чванства; потому онъ былъ отозванъ на время въ Тегеранъ, и теперь ѣдетъ въ Петербургъ съ персидскимъ посольствомъ отъ шаха для поздравленія русскаго императора, со вступленіемъ на престолъ.

Для помѣщенія Касимъ хана въ лагерѣ, назначенъ домикъ главнокомандующаго, только что отстроенный. Для свиты его поставлены большія теплыя палатки и сдѣлано распоряженіе для встрѣчи его въ отрядѣ съ приличною важностію. Главнокомандующій поручилъ заняться этимъ дѣломъ Александру Федоровичу

Крузенштерну ¹, капитану Ермолову и мѣ. Ермоловъ принять на себя все хлопоты по угощению и матеріальному устройству. Я написалъ проектъ торжественной ему встрѣчи, который и былъ принятъ въ руководство съ небольшими измѣненіями.

Подъ вечеръ, главнокомандующій пошелъ пѣшкомъ къ подковнику Лорису. Пока онъ сидѣлъ у него въ саглѣ, пилъ чай и принималъ какихъ-то Курдовъ, а съ любопытствомъ вглядывался въ оригинальный видъ лагеря милиціонеровъ и въ странную смѣсь его обитателей. Курды, пріѣхавшіе по дѣлу съ своими старшинами, въ красныхъ одеждахъ и высокихъ чалмахъ, сидѣли на корточкахъ у сагли и курили трубки; бѣглецы Турки, изъ команды вольноопредѣляющихся, бродили на свободѣ по лагерю; по сторонамъ Татары, Армяне; лица дикія, выразительныя; оружіе хорошее, вѣрное; тутъ есть и бывшіе арестанты, и каторжные, и лазутчики; конечно много и такихъ, которые продадутъ насъ Туркамъ, при первомъ выгодномъ для нихъ случаѣ. Внизу по дорогѣ, вдоль берега Карсъ-Чая, влудъ всадники, тащатся и скрипятъ арбы; за рѣкой музыка — *Лучія Нормя* и *Робертъ*, а дальше весь нижній лагерь. Я какъ-то особенно помню этотъ вечеръ; ко мнѣ возвращались и силы, и здоровье; опять все занимало меня, и я чувствовалъ въ себѣ бодрость и свѣжесть. А какъ хороша была потомъ ночь въ лагерь—свѣтлая лунная ночь—и сколько помню я такихъ чудныхъ ночей! Бывало, сидишь на камнѣ надъ Карсъ-Чаемъ и не можешь уйти: тихо, свѣтло; отъ палатокъ и камней рѣзкія тѣни. Освѣщены и долина, и далекія горы. Спокоенъ лагерь послѣ шумнаго дня, а завтра снова все закипитъ жизнью; и думается опять, не будетъ ли чего завтра, и забывъ ночь и все чѣмъ любовался, опять съ сомнѣніемъ и ожиданіемъ смотрѣшь въ ту сторону, гдѣ за возвышенностями скрывается Карсъ.

Сегодня братъ и князь Мукранскій отправились въ командировку въ Александрополь для осмотра госпиталей, для раздачи денежныхъ пособій раненымъ офицерамъ и по многимъ другимъ порученіямъ ². Въ помощь брату былъ назначенъ князь

¹ А. О. Крузенштеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, былъ въ отрядѣ начальникомъ гражданской пѣхотной канцеляріи намѣстника.

² Главное порученіе брату состояло въ томъ, чтобъ очистить сколько возможно Александрополь отъ раненыхъ и больныхъ, которые наполняли не только госпитали, но и все почти частныя квартиры города. Испол-

Мухранскій. Братъ вернулся въ отрядъ 16-го октября, а князь Мухранскій—недѣлю спустя. Главнокомандующій остался особенно доволенъ всѣми распоряженіями брата и выразилъ ему свою благодарность. Мнѣ приказано присутствовать при докладахъ полковника Кауфмана главнокомандующему. 6-го октября, вечеромъ, была гроза и порядочный громъ.

Воскресенье, октября 9. Утромъ рано вернулся капитанъ

няя приказаніе главнокомандующаго, братъ отправилъ изъ Александрополя въ Тиелісь три транспорта (каждый отъ 500 до 700 человекъ) и самъ ѣздилъ въ Джелаль-Оглу, гдѣ на пути въ Тиелісь, въ штабѣ артиллеріи, былъ также устроенъ временный госпиталь. Всѣ раненые и больные, которые только могли ѣхать, были шривезены изъ Александрополя; послѣ этого, хотя госпитали еще и были полны, но частныя квартиры уже не занимались больными нижними чинами, и только въ нѣкоторыхъ еще лежали офицеры. Мѣра эта была необходима: отъ большого количества больныхъ и раненыхъ, отъ недостатка правильнаго присмотра за ними и т. п., воздухъ въ госпиталяхъ былъ испорченъ и доктора опасались гавгрены, какъ то было въ Александрополѣ два года тому назадъ. Въ числѣ докторовъ особенно искусно и усердно занимался ранеными С. А. Глаголевъ. Въ строеніяхъ казартина помѣщались выздравливающіе.

Въ Александрополѣ сверхъ того находилось много солдатъ здоровыхъ, которые прибыли изъ лагеря съ больными и ранеными, и проживали безъ дѣла въ городѣ. Всѣхъ ихъ (отъ 1500—2000) братъ исподоволь вернулъ въ отрядъ; въ числѣ ихъ были и офицеры. Относительно раненыхъ офицеровъ, главнокомандующій приказалъ брату узнать обстоятельно и доложить ему по возвращеніи о здоровьѣ каждого изъ нихъ; ему же поручено было раздать раненымъ офицерамъ, въ пособіе каждому, отъ 20 до 50 р. сер. изъ пожертвованныхъ на то суммъ, присланныхъ въ отрядъ изъ Россіи. Помощь эта для многихъ была истиннымъ благодѣяніемъ и принималась съ живою благодарностію.

Въ Александрополѣ находился въ это время въ командировкѣ полковникъ Тархзновъ старшій (Конст. Давыд.). Ему порученъ былъ главнокомандующимъ главный надзоръ надъ заготовкою сухарей для отряда, и обращено его вниманіе на соблюденіе большей правильности въ этой операціи, такъ какъ было замѣчено, что на это дѣло сжигается слишкомъ много дровъ, весьма цѣнныхъ въ Александрополѣ. Полковникъ Тархановъ принялся за это дѣло съ полнымъ рвеніемъ и уменьшилъ количество дровъ почти втрое противъ прежняго. Въ Александрополѣ стояли отъ полковъ резервные батальоны, которые содержали караулы и занимались приготовленіемъ сухарей. Главнокомандующій приказалъ брату «быть союзникомъ» полковнику Тарханову въ данномъ ему порученіи. Наконецъ еще предписано было ему по дорогѣ осмотрѣть запасы сѣна въ Огузлахъ и самана въ Хадживали, и сообщить кн. Чавчавадзе, что милиція его бѣгаетъ, и чтобъ онъ принялъ противъ того мѣры.

Ермоловъ, посланный главнокомандующимъ въ Александрополь для встрѣчи Касимъ-хана. Онъ узналъ на дорогѣ, что Касимъ-ханъ уже прибылъ въ Гумры и ѣдетъ въ лагерь за-просто, безъ свиты, съ однимъ чиновникомъ нашей миссіи, Л. П. Иессеномъ. Несмотря на это, встрѣча персидскому посланцу (такъ главнокомандующій приказалъ называть въ бумагахъ Касимъ-хана) у насъ въ отрядѣ была блистательная. Отъ Каны-коя провожали его драгуны графа Нирода, а у черты главнаго лагеря прѣвѣтствовали его, отъ лица главнокомандующаго, полковникъ Лорисъ, съ своими охотниками и Курдами въ красныхъ одеждахъ. Касимъ-ханъ ѣхалъ верхомъ, шагомъ, въ своемъ персидскомъ платьѣ и высокой шапкѣ. Батальионъ пѣхоты, построенный вдоль дороги, отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ. Впереди хоръ трубачей драгунскаго полка игралъ военный маршъ. Множество зрителей покрывало площадку, на которой Касимъ-ханъ остановился и сошелъ съ коня. Главнокомандующій тоже смотрѣлъ въ маленькое окошко своей палатки. Было часа три по-полудни. Я встрѣтилъ Касимъ-хана у дверей его домика, сказалъ ему, черезъ переводчика, нѣсколько привѣтствій отъ главнокомандующаго и ввелъ въ приготовленную для него комнату. Тутъ подали ему и кофе, и чай, разныхъ конфетъ, вареній и прохладительныхъ шербетовъ. Касимъ-ханъ былъ веселъ, курилъ кальянъ, говорилъ любезности. Мнѣ очень пріятно было видѣть его; онъ живо напомнилъ мнѣ еще недавнее пребываніе мое въ Тегеранѣ, гдѣ мы не разъ встрѣчались съ нимъ въ садахъ Сардара.

Сегодня Касимъ-ханъ обѣдаетъ у главнокомандующаго за-просто; офиціальныя же обѣды—завтра. Послѣ заката солнца, Касимъ-ханъ долго заставилъ себя ждать къ обѣду, дѣлая у себя въ домикѣ свой вечерній намазъ (молитву); наконецъ, пришелъ въ столовую, гдѣ собрались къ обѣду нѣсколько генераловъ; дружески встрѣтились они съ главнокомандующимъ, какъ старые знакомые. Обѣдъ былъ веселый и оживленный; кушанья были приготовлены по вкусу и обычаямъ восточнаго гостя; шербетъ замѣнялъ вино, котораго Касимъ-ханъ не пьетъ, исполняя законъ своей вѣры. На площадкѣ, возлѣ столовой, играли попеременно два хора военной музыки.

Вечеромъ Касимъ-ханъ перебрался изъ домика въ палатку. Онъ не могъ вынести теплой русской комнаты, и ему сдѣлалось дурно.

Главнокомандующій пришелъ посѣтить его. Касимъ-ханъ уже

лежалъ въ постели совсѣмъ разстроенный. Призвали доктора Пилецкаго: онъ нашелъ, что у Касимъ-хана была маленькая лихорадка, но ничего серьезнаго. Николай Николаевичъ сълъ возлѣ больного на полъ, на коврѣ, и долго разговаривали они по-татарски и пили малиновый чай. Оригинальна была бесѣда эта въ большой, пустой палаткѣ, слабо освѣщенной двумя свѣчами, поставленными на коврѣ. Два Персіяннина, нукеры Касимъ-хана стояли въ отдаленіи безмолвно, и полные вниманія, слѣдили за малѣйшимъ изъявленіемъ желаній своего господина и его высокаго гостя. Все это такъ и отзывалось Востокомъ.

Ночью въ отрядъ Бакланова захвачена партія лазовъ въ 116 человекъ съ четырьмя офицерами, или старшинами, и съ семью значками. Они уходили изъ Карса, но были замѣчены, окружены казаками и сдались послѣ недолгаго, слишкомъ неравнаго для нихъ боя.

Въ отрядъ прибылъ изъ Тифлиса генераль-майоръ Лукашъ, старый товарищъ Николая Николаевича. Главнокомандующій много съ нимъ говорилъ, пока онъ оставался въ лагерь. Генераль Лукашъ присутствовалъ также и при докладахъ главнокомандующему.

Понедѣльникъ, октября 10. Первое дежурство мое въ отрядѣ. До сихъ поръ, по совѣту доктора Пилецкаго, я не дежурилъ, будучи еще слабъ послѣ лихорадки. Сегодня, для Касимъ-хана, пришлось цѣлый день дежурить въ мундирѣ. Въ 11 часовъ, въ столовой палаткѣ, происходилъ офиціальныи пріемъ персидскаго посланца. Главнокомандующій былъ въ мундирѣ, окруженный генералами и своею свитою, Касимъ-ханъ, уже оправившійся послѣ своего нездоровья, тоже въ мундирѣ и своей сартипской красной лентѣ, поднесъ главнокомандующему съ соответственнымъ привѣтствіемъ высшій персидскій орденъ, портретъ шаха Насредина, осыпанныи алмазами, голубую къ нему ленточку и фирманъ шаха. Портретъ похожъ, и сдѣланъ хорошо. Разговоръ хотя и офиціальныи, но дружескій и ненапрянутый. Николай Николаевичъ вспоминалъ то время, когда онъ получилъ свой первый персидскій орденъ Льва и Солнца, и знакомство свое съ отцомъ, дѣдомъ и прадедомъ Фать-Али-шахъ-Насредина. Тотчасъ послѣ пріема Касимъ-ханъ сдѣлалъ визитъ главнокомандующему въ его палатку, и они бесѣдовали одни. Потомъ главнокомандующій дѣлалъ внизу, на равнинѣ за Карсъ-Чаемъ, смотръ и ученье резервному батальйону вновь прибывшему въ отрядъ. Касимъ-ханъ

присутствовалъ верхомъ. Смотръ былъ не совсѣмъ удаченъ, но очень продолжителенъ. Передъ обѣдомъ мнѣ поручено было поднести Касимъ-хану подарки отъ главнокомандующаго—золотую табакерку и драгоценный перстень. Касимъ-ханъ нюхаетъ табакъ, и тутъ же пересыпалъ табакъ свой въ новую табакерку. Онъ былъ очень доволенъ, веселъ и вообще тронуть ласковымъ и дружескимъ приѣмомъ главнокомандующаго.

Обѣдъ былъ торжественный. Первый тостъ главнокомандующій провозгласилъ за здоровье его величества шаха. Касимъ-ханъ отвѣчалъ тостомъ за нашего государя; затѣмъ слѣдовали многіе другіе тосты; музыка играла какъ и вчера.

Послѣ обѣда Касимъ-хану показывали нашъ лагерь и повезли въ коляскѣ въ отрядъ князя Дундукова. Касимъ-ханъ ѣхалъ съ полковникомъ Лорисомъ, а капитанъ Ермоловъ, Л. П. Гессенъ и я сопровождали его верхомъ. Двѣ сотни линейцевъ, охотники Лориса и Курды составляли конвой, и джигитовка продолжалась всю дорогу. Лагерь князя Дундукова представлялъ видъ самый оживленный. Солдаты поставлены были по всему лагерю въ одинъ рядъ (это князь Дундуковъ сдѣлалъ нарочно, чтобъ отрядъ его казался многочисленнѣе), вдоль обѣихъ сторонъ дороги, которою повезли Касимъ-хана, съ цѣлю показать ему все расположеніе отряда. Передъ домикомъ князя, построеннымъ въ видѣ русской избы, даже съ рѣзнымъ пѣтухомъ на крышѣ, играла музыка, и драгуны съ дикимъ посвистываніемъ, побрякиваніемъ и подтопываніемъ отплясывали удалую лезгинку. Касимъ-ханъ не могъ сохранить своей важности, смѣялся съ нами отъ души и подарилъ пласунамъ семь червонцевъ.

Въ это время партія лазовъ, взятыхъ въ плѣнъ генераломъ Баялановымъ, находилась въ отрядѣ князя Дундукова; ее вели въ главный лагерь. Плѣнные лазы съ ихъ старшинами сидѣли на землѣ въ кружкахъ. Касимъ-ханъ осматривалъ и расспрашивалъ ихъ, и это было кетати.

Домой вернулись еще засвѣтло. Я привезъ главнокомандующему 7 значковъ, отбитыхъ у лазовъ. Николай Николаевичъ послалъ меня показать ихъ Касимъ-хану. На значкахъ этихъ, разныхъ цвѣтовъ, были турецкія надписи, большею частію молитвы изъ Корана, которыя Касимъ-ханъ рассматривалъ и перечитывалъ съ любопытствомъ.

Въ послѣдствіи, къ значкамъ придѣлали древки, и всѣ они были поставлены передъ домикомъ главнокомандующаго;

по зарѣ они снимались на ночь, а днемъ развѣвались по вѣтру и были видны издалека.

Вечеромъ, Касимъ-ханъ приходилъ къ главнокомандующему съ прощальнымъ визитомъ и благодарилъ за оказанный ему радушный пріемъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ только на два дня и торопился въ Тифлисъ, чтобы не задерживать слѣдованія персидскаго посольства въ Петербургъ¹. Вечеромъ главнокомандующій, у себя въ палаткѣ, разспрашивалъ дипломатическаго нашего чиновника при Касимъ-ханѣ, Иессена, объ отношеніяхъ нашихъ съ персидскимъ дворомъ, а позже, при немъ же, долго говорилъ съ полковникомъ Петровымъ, командиромъ сборнаго линейнаго № 2 казачьяго полка, о добываніи фуража, сѣна и т. п.

Пребываніе Касимъ-хана въ русскомъ лагерѣ, конечно, имѣло нѣкоторое значеніе и пользу. Вѣсти о неудачномъ штурмѣ 17 сентября проникли и въ Персію, безъ сомнѣнія искаженныя и преувеличенныя, и не могли не сдѣлать тамъ невыгоднаго для насъ впечатлѣнія. Но посѣтивъ русскій лагерь подъ Карсомъ, довѣренный персидскій агентъ, вмѣсто унынія, вмѣсто войскъ, разстроенныхъ неудачею, находить стройную блестящую армію; вездѣ и во всемъ встрѣчаетъ онъ довольство, которое поддѣлать невозможно. Чѣмъ болѣе всматривается онъ, тѣмъ болѣе увѣряется въ силѣ Русскихъ. Начальника видитъ непоколебимаго и спокойнаго, всѣхъ кругомъ него—бодрыхъ и полныхъ рвенія. Тутъ же, съ другой стороны, встрѣчаетъ выходцевъ изъ Карса, изнуренныхъ и трудами и плохую пищу, и самъ убѣждается личными разспросами о бдѣствіяхъ, переносимыхъ Турками. Все видѣнное и слышанное имъ, конечно, сдѣлается извѣстно въ Персію, а это будетъ для насъ не бесполезно. Въ бытность мою въ Тавриздѣ, я имѣлъ случай узнать, какое значеніе имѣетъ каждый успѣхъ нашъ и какъ дурно отзывается на Востокъ всякая неудача: въ дипломатическихкихъ сношеніяхъ, даже въ мелочныхъ, пустыхъ дѣлахъ,

¹ Персидское посольство привезло также подарки главнокомандующему отъ шаха и разныхъ персидскихъ сановниковъ въ замѣнъ вещей, которыя поднесли мы имъ отъ лица намѣстника во время нашего посольства въ Тегеранъ. Подарки состояли изъ двухъ дорогихъ шалей отъ шаха, двухъ лошадей и мозаичной мебели испаганской работы. Шали Касимъ-ханъ привезъ въ отрядъ. Сколько помню, одна лошадь была отъ Содразамы, другая отъ принца Ферузъ-мирзы, почетнаго правителя Азербейджана, мебель отъ азербейджанскаго каймакана мирзы Садыкъ-хана.

оказывается менѣе уступчивости, замѣтно уклоненіе отъ исполненія законныхъ требованій; на персидской границѣ нашей усиливается разбой и грабежи; цѣлыя партіи прорываются въ смежныя провинціи наши, надѣясь воспользоваться смутнымъ временемъ. Для разсѣянія ложныхъ слуховъ изъ отряда, которые разными путями залетаютъ въ Персію, мнѣ поручено было главнокомандующимъ немедленно сообщать генеральному консулу нашему въ Тавризѣ, дѣйствительному статскому совѣтнику Ханыкову, обо всемъ, что дѣлается у насъ подѣ Карсомъ, а въ особенныхъ случаяхъ даже посылать туда нарочныхъ чрезъ Эривань.

Октября 11. Утромъ Касимъ-ханъ уѣхалъ изъ отряда. Опять провожали его и милиція, и Курды; а по дорогѣ къ Каныкой драгуны, составлявшіе конвой, носились въ атаку маршь-маршемъ, спѣшивались, ходили въ штыки и снова мчались на коняхъ. Все это удивляло и восхищало Касимъ-хана, который никогда не видалъ такого правильнаго и искуснаго маневрированія регулярной кавалеріи.

Въ отрядѣ, между тѣмъ, происходилъ продолжительный допросъ Лазовъ. Плѣнные сидѣли на площадкѣ, разговаривали и ѣли хлѣбъ, который имъ приносили; въ сторонѣ стояло пять-шесть казаковъ, пригнавшихъ ихъ отъ князя Дундукова. Старшинъ и нѣкоторыхъ другихъ, на видъ побойчѣе и смышленѣе, водили поочередно къ главнокомандующему. Допросъ дѣлалъ полковникъ Лорисъ; иногда Николай Николаевичъ разспрашивалъ самъ. Войдя въ палатку, плѣнный обыкновенно почтительно, по восточному, кланяется сардару, поднося руку къ груди, къ губамъ и потомъ ко лбу; на вопросы отвѣчаетъ прилично; но попадаются и озлобленные, которые говорятъ мало, смотрять дико: у насъ, говорятъ, все хорошо въ Карсѣ; и хлѣба много и войска, и скоро помощь придетъ и всѣхъ Русскихъ уничтожить; отъ такихъ ничего не добыешься. Какъ кажется однако, слово сдача (теслимъ) еще неизвѣстно въ войскѣ; хлѣба мало; паекъ уменьшенъ на половину; мяса нѣтъ; солдаты терпятъ нужду; плѣнные не скрываютъ этого, говорятъ, что такъ оставаться нельзя; но не понимаютъ возможности положить оружіе и отдать Русскимъ Карсѣ.

Главнокомандующій все еще живетъ въ своей палаткѣ. Иногда и холодно на дворѣ, да у него есть противъ этого средство. Бывало, если замѣтитъ, что стынетъ въ палаткѣ, крикнетъ: «тепла», и мангалъ тотчасъ наполняется раскален-

нымъ угольемъ; жаръ дѣлается, какъ въ русской банѣ, а главнокомандующій доволенъ, сидитъ безъ сюртука, иногда въ шинели въ накидку, пьетъ чай стаканъ за стаканомъ, куритъ трубку и занимается дѣлами. Отъ этого мангала становилось иногда въ палаткѣ такъ жарко, а можетъ быть и угарно, что разъ съ полковникомъ Кауфманомъ сдѣлалось, во время доклада, дурно; помню, что и мнѣ часто бывало плохо. На Николая Николаевича же мангалъ нисколько не дѣйствовалъ.

Октября 12. День сѣренькій. Главнокомандующій ѣздилъ въ коляскѣ въ отрядъ генераль-майора Бакланова и князя Дундукова. Ротмистръ Башмаковъ, дежурный адъютантъ, сопровождалъ его верхомъ.

Октября 13. Утромъ доставлены въ лагерь два почтара съ постъ-пакетами, перехваченные казаками на пути изъ Эрзерума въ Карсъ. Сумки принесли къ главнокомандующему; въ нихъ оказалось множество писемъ въ Карсъ, частныхъ и официальныхъ, много журналовъ и газетъ. Письма были англійскія, французскія, нѣмецкія, турецкія, татарскія, персидскія, армянскія и другія. Они были розданы для прочтенія и перевода изъ нихъ того, что окажется замѣчательнаго. Мнѣ пришлось съ другими разбирать англійскую переписку; много было въ ней интересныхъ свѣдѣній. Узнали мы о дѣйствіяхъ Омеръ-паши, о высадкѣ Селима въ Трапезунтъ и объ ожиданіи его со вспомогательнымъ курпусомъ въ Эрзерумъ; о предположеніяхъ Турокъ двинуться въ помощь Карсу, которому обѣщалось скорое избавленіе и пр., и пр. Это было также первое наше знакомство съ именами Англичанъ, находившихся въ Карсѣ: Лека, Тизделя, Черчила, Томсона, Сандвиса, какого-то Зораба, котораго мы потомъ не видали; также англійскихъ консуловъ: Брандта въ Эрзерумѣ и Стивенса, кажется, въ Трапезунтъ. Были тутъ и самыя радостныя поздравленія съ отбитіемъ штурма ^{17/20} сентября и надежды, что мы скоро бросимъ блокаду; если же теперь и строимъ землянки, то вѣрно для того, чтобъ отправить впередъ наши палатки и потомъ вдругъ оставить лагерь и отступить безъ преслѣдованія. Были также подробности о занятіи южной стороны Севастополя; о страшной потерѣ въ день штурма 27 августа; прилагались списки убитымъ и раненымъ англійскимъ офицерамъ. Были и вѣсти изъ Константинополя, политическія и частныя; были и сердечныя записки и высушенные цвѣточки, присланные издалека, изъ роднаго края. Въ числѣ

посылокъ оказались перчатки и галстуки генералу Вильямсу, англійская золотая глнея въ письмѣ, два экземпляра турецкой лубочной картинки, представляющей взятіе Севастополя (картинка эта очень похожа на наши произведенія подобнаго рода), англійскіе журналы, иллюстрація, константинопольскія газеты. Замѣчательно французское письмо Омеръ-паша къ генералу Вильямсу¹, повидимому первое изъ ихъ переписки: поздравляетъ съ блистательнымъ успѣхомъ ¹⁷/₂₀ сентября и общаетъ скорое содѣйствіе съ своей стороны; подписано: *Omer*. Интересны также свѣдѣнія отъ англійскаго агента при Омеръ-пашѣ, г. Лингурта, о желаніи его пробраться къ Шамилю, и о неудачѣ Горцевъ въ Карачаѣ, заставившей его отложить эту поѣздку.²

Когда вся перехваченная почта была разобрана, прочитана и приведена въ порядокъ, то обо всѣхъ этихъ письмахъ и бумагахъ доложено было главнокомандующему. Частная переписка и что оказалось удобнымъ изъ официальныхъ бумагъ были отправлены въ послѣдствіи въ Карсѣ съ нашимъ парламентаремъ, Грекомъ. Грекъ этотъ имѣлъ самую суровую наружность; онъ говорил нѣсколько по-французски и ѣздилъ въ Карсѣ всегда съ бѣлымъ значкомъ. Съ Турками, выѣзжавшими къ нему на встрѣчу, онъ обыкновенно вступалъ въ разговоры, иногда предлагалъ имъ папиросы, иногда бранился жестоко и, возвратившись, смѣшилъ насъ своими разказами. Онъ постоянно отвозилъ жителей, вышедшихъ къ намъ и возвращаемыхъ обратно въ городъ; отправлена была и глнея, и посылка генералу Вильямсу, въ полученіи которой онъ прислалъ собственноручную росписку. Прочее задержано, равно какъ и газеты, за что Англичане особенно на насъ сердились!

Каждый день, вечеромъ, отдаются въ лагерь словесныя приказанія главнокомандующаго. Приказанія эти заносятся въ особую книгу, потомъ переписываются въ канцеляріи для разныхъ частей отряда и рассылаются вечеромъ по всему лагерю. Сегодня, когда мы сидѣли, собравшись въ палаткѣ, и казакъ принесъ знакомую всѣмъ книгу, мы прочли, между

¹ Это письмо доставлено было въ главную квартиру 14 октября. Оно поднято было на землѣ, со многими другими письмами, уже послѣ поимки почтарей. У насъ сначала думали, что оно было подкинуто нарочно.

² См. Приложенія.

прочимъ, слѣдующее: «всѣмъ войскамъ быть готовыми къ немедленному выступленію по первому приказанію.»

Сегодня кончена наша землянка, и мы перебрались въ нее съ Ѳ. Л. Кульстромъ. Строилась она дней десять и обошлась намъ со всѣми матеріалами рублей въ 40. Надобно замѣтить, что каждому офицеру въ полку назначено отъ казны на постройку землянокъ въ лагерѣ подъ Карсомъ по 10 р. сер. Штабные получаютъ по 15 р. Сложена наша землянка изъ дерна на поверхности земли, и заключаетъ въ себѣ три комнатки, раздѣленные перегородками съ деревянными дверьми; всевнутреннее пространство ея заключаетъ въ себѣ шагъ 5 въ ширину и 10 въ длину; по срединѣ приходится печь, выложенная изъ камня, съ прямою трубой вверхъ; полъ земляной, убитый; потолокъ деревянный. Одну комнатку, побольше, занимали мы вдвоемъ съ братомъ; во второй—помѣстился Кульстремъ: третья была проходная; въ ней лежали вещи, и спали ночью люди. Стройка этой землянки, теплаго жилья, насъ очень занимала, потому что въ палаткѣ становилось холодно; при томъ палатка наша была обыкновенная, маленькая офицерская, безъ двери, а это было намъ очень горестно. Всякій, кто жила въ такой палаткѣ, конечно, испыталъ, какъ неприятно входить въ нее и выходить во время дождя: палатка тщательно закрыта, чтобы не попадалъ въ нее дождь; надо вынуть внизу колышекъ наружнаго бѣлаго полотна, пролѣзть въ небольшое отверстіе; но внутреннее полотно тоже закрыто,—еще колышекъ, еще пролѣзть нагнувшись, а мокрое полотно бьетъ по лицу, сбиваетъ фуражку, ноги путаются въ холстѣ, застежки рвутся, и потомъ надо ихъ чинить, все опять застегивать; забылъ закрыть—платье на кровати мокро, на землѣ лужи: все это мелочи, конечно, но помню, что часто онѣ приводили меня въ отчаяніе, и я съ наслажденіемъ помышлялъ о двери, которая отворяется и запирается легко и свободно. Много было соображеній, какъ сдѣлать нашу землянку уютнѣе и дешевле; наконецъ, съ общаго согласія, составили планъ и приступили къ дѣлу. Бревна не безъ хлопотъ, съ помощію Данилки, который ко мнѣ съ братомъ оказывалъ особенное уваженіе, добыли на базарѣ и съ фуражировокъ; потомъ подрядили рабочихъ, солдатъ Тульскаго полка, и началась стройка. Дернъ рѣзали внизу за Карсъ-Чаемъ, камень для печки собирали въ развалинахъ аула и въ полѣ. Плотники ставили столбы, пригоняли перекладины; остовъ землянки и дерновыя стѣны замѣтно подымались; на де-

ревянную настилку потолка положили сухой бурьянъ, собранный на корню въ полѣ; потомъ накидали земли; крышѣ придали слабую покатость на двѣ стороны, и верхъ ея вымазали глиной; въ маленькія окна вставили стекла, привезенныя изъ Александрополя; навѣсили двери, и землянка была готова.

Комнатка наша освѣщена однимъ окномъ на подобіе больницы; полъ земляной, крѣпко убитый; кровати поставили мы вдоль стѣнъ, обитыхъ, для избѣжанія сырости, клеенкой; между ними подъ окномъ поставили складной столъ; потомъ еще, гдѣ пришлось, деревянную скамью и два табурета; кое-гдѣ подѣлали полки, развѣсили фуражки и нагайки.

И вотъ вечеромъ, когда все это было устроено, собрались мы въ первый разъ въ теплой комнаткѣ, передъ яркимъ огнемъ, разведеннымъ въ печкѣ. Пріятно вспомнить это время: самоваръ шумѣлъ на полу, мы сидѣли передъ огнемъ, пили чай, курили папироски, и хорошо было намъ въ нашей землянкѣ, весело и легко говорилось. И теперь съ наслажденіемъ вспоминаю я нашъ милый, скромный домикъ, конечно давно уже разрушенный; много было въ немъ задушевныхъ разговоровъ, много всякихъ думъ передъ догаравшимъ огнемъ; въ немъ, въ этомъ тихомъ, уютномъ уголкѣ, среди суетливой внѣшней лагерной жизни подъ Карсомъ, полной тревогъ и волненій, испытывалъ я такъ часто отрадное чувство мира и довольства.

На дворѣ осень. Лагерь измѣняетъ свой видъ: бѣлыя палатки исчезаютъ; вездѣ появляются землянки; вездѣ кипитъ работа, возятъ бревна, дернъ, камни, пилятъ доски, рубятъ, роютъ; и вотъ появляются отдѣльные красивые домики изъ камня и теса, а по землѣ рядами тянутся длинныя невысокія насыпи; изъ нихъ торчатъ трубы и валитъ дымъ: это углубленныя землянки солдатскія, просторныя, теплыя. Большія двойныя суконныя палатки еще держатся; но и у нихъ являютя двери и печки, а кругомъ присыпается земля, чтобы не дуло снизу. Въ штабѣ у насъ тоже все обстраивается: кто врылся въ землю; кто съ надеждой на скорый конецъ окопался въ двойной палаткѣ, и въ земляномъ полу выложилъ печку съ плитой; кто смастерилъ досчатый балаганчикъ; кто вывелъ изъ дерна плотный домикъ, прислонивъ его къ сосѣду. Но старше всѣхъ въ лагерь, по времени постройки,—это такъ-называемый скитъ, маленькая лачужка, сложенная изъ камня и навоза, которая стоитъ одиноко въ ямѣ, на краю верхней площадки, возлѣ спуска къ Карсѣ-

Чаю. Въ скиту жилъ Стратиникъ Васильевичъ Россовъ; онъ находился при главнокомандующемъ чиновникомъ для секретной переписки; писалъ письма къ военному министру подъ диктовку главнокомандующаго и пр. Россовъ и самъ, порой, занимался литературой, и написалъ притчу о возницѣ Николаѣ, анекдотъ о драгунѣ и пр. Въ лагерьъ про него ходило много разказовъ, какъ онъ, однажды, обѣдалъ съ мухами и т. п. Вообще въ лагерьъ, лѣтомъ, и даже въ сентябрь, когда я пріѣхалъ въ отрядъ, было страшное множество мухъ, такъ что къ вечеру весь верхъ палатки, внутри, былъ совершенно покрытъ ими. Россовъ раскидывалъ большой зонтикъ, и когда мухи собирались подъ полотно, онъ опускалъ его и выносилъ изъ своей палатки. Въ скиту у него была теплая печь и водились лягушки и червяки, которые падали къ нему съ крыши. Въ послѣдствіи переселился къ Россову въ скитъ мирза Фетъ-Али-Ахундевъ (переводчикъ для восточныхъ языковъ) со всѣмъ своимъ скарбомъ и сильнымъ запахомъ черемши; у насъ говорили, вслѣдствіе этого, что въ скиту происходила борьба православія съ магометанствомъ.

Вездѣ празднуется новоселье. Главнокомандующій часто прохаживается пѣшкомъ по лагерю, заходитъ въ землянки, полковые лазареты, смотритъ войска; солдаты въ папахъ, полушубкахъ, высокихъ сапогахъ;—и тепло всѣмъ, не боимся мы холода, не боимся зимы. А между тѣмъ дни идутъ за днями, и довольно однообразно. Главнокомандующій встаетъ часовъ въ 7 или 8, пьетъ чай, и въ это время читаютъ ему докладныя записки по разнымъ дѣламъ. Утромъ является комендантъ лагеря, полковникъ Панкратьевъ съ рапортомъ о благосостояніи главной квартиры. Комендантъ имѣетъ внутреннее полицейское управленіе въ лагерьъ: въ вѣдѣніи его находятся маркитанты отряда; у него же содержатся арестанты—военнопленные Турки. Главнокомандующій занимается у себя, принимаетъ доклады, спрашиваетъ пленныхъ и бѣглыхъ, которыхъ приводить къ нему полковникъ Лорисъ. Передъ обѣдомъ обыкновенно онъ прохаживается по лагерю, или по своей верхней площадкѣ, принимаетъ представляющихся, часто тутъ же переговариваетъ съ кѣмъ нужно. Обѣдаетъ въ часъ пополудни, въ столовой палаткѣ. Кромѣ штабныхъ, къ обѣду приглашаются обыкновенно офицеры полковъ, иногда генералы или лица, которымъ главнокомандующій хочетъ передать какія-нибудь приказанія. По средамъ и пятницамъ, Николай Николаевичъ ѣстъ

постное, и часто въ эти дни не выходитъ къ столу. Послѣ обѣда диктуетъ письма или самъ пишетъ, потомъ опять, и нѣсколько часовъ сряду занимается докладами, и за работой много и долго пьетъ чай. Вечеромъ, часовъ въ 10, отдыхъ; читаются газеты, приказы. Въ палаткѣ всегда очень тепло. Въ 11 часовъ приносятъ закусить чего-нибудь: икры, жаренаго картофеля и т. п. и вина, которое обыкновенно Николаѣ Николаевичъ пьетъ изъ *азарпеш*. Спать ложится главнокомандующій въ исходѣ 12 часа. Если что случается экстренное—его будятъ ночью. Наши дни тоже не разнообразны. Если нѣтъ особой работы, то занимаемся чѣмъ-нибудь, читаемъ; много ѣздимъ верхомъ по окрестностямъ, собираемся вмѣстѣ и толкуемъ. Дежурить приходится разъ въ недѣлю, иногда чаще; тогда весь день на ногахъ, часто верхомъ, и къ вечеру устанешь. Кромѣ адъютанта, дежурить при главнокомандующемъ ординарецъ или офицеръ казачей конвойной команды. Дежурные сидятъ обыкновенно въ столовой или въ домикѣ, куда главнокомандующій еще не перебрался. Форма нашей одежды весьма различна. Главнокомандующій самъ ходить въ папахѣ и толстомъ драповомъ сюртукѣ—сюртукъ этотъ зовется у него «изба»; изъ насъ, кто въ папахѣ, кто въ фуражкѣ, кто въ солдатской шинели, кто въ сюртукѣ безъ эполетъ, иные въ тулупчикахъ, всегда только при шашкѣ, а дежурный въ шарфѣ.

Въ отрядѣ есть и базаръ, устроенный по приказанію главнокомандующаго; купцы наѣхали изъ Александрополя, Эривани, иные даже изъ Тифлиса. Въ лавкахъ базара продаютъ говядину, барановъ, хлѣбъ, капусту, вообще овощи; много лавочекъ съ табакомъ, сахарнымъ и краснымъ товаромъ; чай, студень, булки. О заведеніи базара было объявлено окрестнымъ жителямъ чрезъ полковника Лориса, и они подвозятъ бревна, дрова и т. п.; изрѣдка попадаютъ сѣно, саманъ и ячмень, но ихъ обыкновенно скупаютъ еще по деревнямъ. Посреди широкой улицы базара—солдатскій толкучій рынокъ, всегда полный народомъ. Базаромъ завѣдуетъ особый офицеръ, Меримановъ, поручикъ драгунскаго полка; въ распоряженіи у него нѣсколько базарныхъ унтеръ-офицеровъ для соблюденія порядка и полицейскаго надзора. На главные предметы назначена даже такса, и торгъ идетъ успѣшно, несмотря на явную вражду маркитантовъ отряда¹.

¹ См. приложение II.

Въ лагерѣ уже держатся пари о сдачѣ Карса; назначаются сроки. Дундуковъ ожидаетъ къ 25 октября рѣшительнаго оборота дѣлъ; другіе надѣются покончить къ 1 ноября; вообще много разчитываютъ на ноябрь, на холодъ и снѣгъ, на совершенное истощеніе у Турокъ провіанта. Этому провіанту уже давно ведется у насъ примѣрный разчетъ, и нельзя не удивляться, чѣмъ доводится войско въ Карсѣ. По разчету имѣвшагося въ Карсѣ провіанта, должно было ожидать сдачи еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, но вышло иначе, не говоря уже о томъ, что солдатскій паекъ былъ уменьшенъ до $\frac{3}{4}$ фунта въ сутки. Какъ кажется, Вильямсъ, въ послѣднее время блокады, открылъ запасы пшеницы у жителей въ городѣ и пользовался ими для войска ¹. Въ Карсѣ было также довольно много сахару: этотъ товаръ прежде контрабандой впускали въ Грузію, гдѣ сахаръ получался изъ Россіи, и былъ потому дорогъ. О помощи, если она сунется къ Туркамъ изъ-за Саганлуга, у насъ помышляютъ съ радостію. На Омеръ-пашу Вильямсъ разчитывать не можетъ: онъ бросилъ разработку пути изъ Батума на Карсѣ, и дѣйствуетъ въ Мингреліи ².

¹ Должно замѣтить, что не всѣ въ отрядѣ разчитывали на скорую сдачу Карса. Еще за долго до упомянутаго здѣсь времени, полковникъ Кауфманъ былъ убѣжденъ, что сдача можетъ произойти не ранѣ половины ноября. Когда главнокомандующій былъ у Керпи-Кѣва, полковникъ Кауфманъ оставался съ генералъ-майоромъ Бриммеромъ подѣ Карсомъ и писалъ къ полковнику Лорису для доклада главнокомандующему объ этомъ своемъ мнѣніи, основанномъ на разныхъ указаніяхъ. Но какъ данныя полковника Лориса не были согласны съ указаніями полковника Кауфмана, то Николай Николаевичъ не довѣрялъ его сомнѣніямъ, и это обстоятельство, то-есть какъ бы ложное убѣжденіе его, дало главнокомандующему поводъ прозвать полковника Кауфмана *le médecin tant pis*. Николай Николаевичъ любилъ сводить полковника Кауфмана съ княземъ Дундуковымъ, котораго прозвалъ *le médecin tant mieux*, такъ какъ онъ былъ особенно находчивъ на то, чтобы каждое обстоятельство растолковывать въ нашу пользу, между тѣмъ какъ полковникъ Кауфманъ, имѣя убѣжденіе въ поздней сдачѣ Карса, невольно впадалъ въ другую крайность. Главнокомандующій изъ диспутовъ ихъ старался уяснить себѣ такой темный и въ то же время интересный для всѣхъ предметъ. *Замѣчаніе К. П. ф.-К.*

² Изъ Батума есть вьючная дорога, чрезъ Арданучъ въ Ардаганъ, и этимъ путемъ провозились въ Карсѣ колоніяльныя произведенія. Но Омеръ-паша началъ разработку прямой дороги черезъ Аджарскій хребетъ изъ Батума на Кулу. Разработка эта, по своей трудности, была оставлена. Омеръ-паша съѣзъ на суда и высадился въ Сухумъ-Кале. Послѣ этого онъ перешелъ съ боя, черезъ Ингуръ, занялъ Зугдиды и

Октября 17. Въ нашей землянкѣ праздновали мы новоселье, почему и были приглашены гости «на пироги съ капустой». Главнокомандующій смотрѣлъ резервныхъ солдатъ, приведенныхъ въ отрядъ полковникомъ Хоментовскимъ, для пополненія убыли въ полкахъ. Нашъ парламентаръ отвозилъ въ Карсѣ серебряную медаль, найденную при ангайскомъ письмѣ г-жи Томсонъ къ сыну, на томъ мѣстѣ, гдѣ остановили почту. Тутъ же оказалось другое письмо г-жи Томсонъ на имя главнокомандующаго, въ которомъ мать убѣдительно проситъ, на случай если медаль попадетъ въ руки Русскихъ, не лишать ея сына знака отличія, заслуженнаго имъ во время индійской кампаніи въ Пегу. Главнокомандующій исполнилъ ея желаніе.

Октября 18. Ночью, разбудилъ главнокомандующаго дежурный адъютантъ Ермоловъ съ бумагами, присланными княземъ Бебутовымъ изъ Тифлиса съ нарочнымъ. Полковникъ Кауфманъ тоже былъ призванъ въ палатку главнокомандующаго. Бумаги касались дипломатическихъ нашихъ сношеній съ Персіей. Князь Бебутовъ заключалъ изъ своего разговора съ посломъ Абасъ-Кули-ханомъ о возможности союза нашего съ Персіей. Впрочемъ, доброе расположеніе персидскаго правительства къ намъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, было очень не продолжительное.

Въ лагерь, днемъ и ночью, пилать бревна на доски для землянокъ. Въ эту же ночь шумъ не давалъ заснуть главнокомандующему: онъ послалъ узнать, что это работаютъ. То была пила бревенъ для поручика, который разказывалъ потомъ, какъ плотники, услышавъ, что главнокомандующій прислалъ узнать что они дѣлаютъ, бросили работу свою и разбѣжались, объятые страхомъ.

Главный отрядъ раздѣленъ на двѣ части: одна подъ начальствомъ генерала Бриммера, должна двинуться къ Саганлугу, на встрѣчу Селимъ-пашѣ, если онъ только отважится идти на выручку Карса; другая часть остается подъ Карсомъ съ генераломъ Баклановымъ, который для этого вызванъ изъ селенія Меликъ-Кѣва и живетъ въ нашемъ лагерь, внизу за Карсѣ-Чаемъ, у полковника Петрова. Сегодня, генералъ-лейтенантъ Бриммеръ дѣлалъ своимъ войскамъ смотръ, на рав-

подвинулся къ рѣкѣ Цхенисъ-Цхале, въ 40 верстахъ отъ Кутаиса. По сю сторону этой рѣки, въ Марани, были наши хлѣбные магазины, сожженные по распоряженію князя Мухранскаго, начальника гурійскаго отряда.

нинѣ, за Карсъ-Чаемъ. Въ турецкихъ табірѣхъ видно было большое движеніе: очевидно, Турки ожидали новаго нападенія.

20-го октября выѣхалъ къ намъ изъ Карса парламентаръ, турецкій офицеръ, съ предложеніемъ отъ генерала Вильяма возвратить намъ нѣсколько человекъ нашихъ раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ на штурмѣ 17-го сентября. Офицеръ, адъютантъ Керимъ-паша, и спутникъ его, тоже Турокъ, были оба верхомъ. Офицеръ говорилъ очень бойко; ему глазъ не завязывали, и онъ могъ видѣть нашъ лагерь и землянки.

Октября 21. Нѣсколько офицеровъ изъ штаба главнокомандующаго: Б., И., П. и я ѣздили верхомъ прокатиться въ отрядъ князя Дундукова. Мы застали его за обѣдомъ съ офицерами полка. Хозяинъ былъ очень любезенъ, и водилъ насъ по лагерю. Мы ѣздили безъ всякаго конвоя; дорога идетъ равниной; надо переѣхать болотистый ручей; потомъ начинаются возвышенности, и самый лагерь уже стоитъ на высокой горѣ, съ которой спускъ довольно труденъ.

Вечеромъ, полковникъ Мансурадзе былъ посланъ съ фурами для принятія нашихъ раненыхъ изъ Карса. Турки вывезли ихъ тоже въ фурахъ, на равнину, передъ свои укрѣпленія. На дворъ было совсѣмъ темно, когда повозки прибыли на переднюю площадку. Забѣгали фонари. Главнокомандующій самъ вышелъ къ раненымъ; ихъ было 14 солдатъ и одинъ офицеръ; всѣ почти тяжело ранены или увѣчные. Велика была ихъ радость вернуться къ своимъ; къ повозкамъ подходили солдаты, узнавали товарищей; раненые крестились, благодарили Бога, говорили, что день этотъ имъ какъ свѣтлый праздникъ Христовъ. На первое время ихъ помѣстили въ большихъ палаткахъ сапернаго батальона, а офицера, поручика Любимова, въ домикъ главнокомандующаго. Николай Николаевичъ призывалъ его и спрашивалъ у себя въ палаткѣ; но такъ какъ онъ почти все время провелъ въ госпиталѣ подъ присмотромъ и страдалъ отъ раны (онъ былъ раненъ пулей въ глазъ и окривѣлъ, но самъ былъ здоровъ и бодръ), то и не могъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи турецкихъ войскъ. Англичане обходились съ нашими ранеными офицерами очень хорошо, и пищу имъ давали отъ своего стола.

Сегодня, вечеромъ, главнокомандующій послалъ въ селеніе Заримать, верстахъ въ 25 отъ Карса, адъютанта своего, Ермолова. Пронесся слухъ, что въ селеніе это согнано изъ окрест-

выхъ деревень много скота, чтобы, пользуясь темною ночью, вогнать его въ Карсѣ. Капитану Ермолову поручено захватить жителей врасплохъ, и строго, грозою, разобрать дѣло. Въ послѣдствіи оказалось, что слухъ этотъ былъ не основателенъ, но страхъ былъ пущенъ, и могъ служить оградой на будущее время.

Суббота, октября 22. Замѣчено было, что Турки на дняхъ небольшими партіями выходили изъ своихъ укрѣпленій въ аулъ Шорахъ и выбирали оттуда дерево на дрова. По этому случаю поручено генераль-майору Бакланову раззорить аулъ, вывести оттуда чтò можно изъ годнаго лѣса, остальное сжечь. Главнокомандующій осматривалъ артиллерійскій паркъ за лагеремъ по дорогѣ въ Каныкой: лошади были не сбережены и обозъ въ дурномъ видѣ; главнокомандующій сильно распекъ командира парка. Въ это время слышались пушечные выстрѣлы съ Шорахскихъ высотъ. Николай Николаевичъ послалъ къ Бакланову А. И. Попаригопуло, который былъ сегодня дежурнымъ ординарцемъ. Выстрѣлы скоро прекратились. Изъ отряда прискакалъ казакъ съ донесеніемъ, что Турки открыли артиллерійскій огонь изъ своихъ передовыхъ батарей, и что снаряды ихъ даже перелетаютъ за аулъ; поэтому батальоны отведены назадъ и поставлены вѣтъ выстрѣловъ, между обсерваціонною и Столовою горой, и аулъ зажженъ охотниками; при этомъ раненъ у насъ одинъ казакъ, а другой контуженъ.

Главнокомандующій посѣтилъ раненыхъ, привезенныхъ вчера изъ Карса. Вчера еще, по его приказанію, роздалъ я имъ по червонцу на брата. По словамъ нашихъ докторовъ, перевязки сдѣланы Англичанами отлично. Въ числѣ раненыхъ находился одинъ солдатъ безъ ноги. Онъ разказывалъ, что ногу отбило ему ядромъ, когда онъ подходилъ съ батальономъ къ укрѣпленію, но нога еще держалась, и онъ мучился невыносимо; считая свою гибель неизбежною, онъ просилъ товарищей своихъ приколоть его: «согрѣшилъ, ваше превосходительство, хотѣлъ отъ своихъ конецъ принять, да не послушали.» Потомъ, когда наши войска отступали, онъ поползъ къ турецкому валу; здѣсь Турки убивали многихъ нашихъ оставшихся раненыхъ, хотѣли и его приколоть, но ихъ удержалъ Англичанинъ. Его отнесли въ домъ и отрѣзали ногу; передъ операциею хотѣли дать усыпительнаго, но онъ не принялъ. Въ госпиталѣ раненыхъ берегли и смотрѣли за ними хорошо, только мало кормили; на это жаловались всѣ

наши раненые; они увѣряли, что хлѣбъ у Турокъ кончается, и они не могутъ долго держаться въ Карсѣ.

Вечеромъ, съ почтой, получены извѣстія отъ барона Николаи о молодомъ Джемаль-Эддинѣ-Шамилѣ. Его уже женили. Онъ скучаетъ у старика-отца, просить прислать ему книгъ, между прочимъ, *Робинзона Крузе* и *Поваренное искусство*: это разрѣшено ему отцомъ. Вообще имѣется, кажется, надежда начать, черезъ него, торговыя сношенія съ Горцами.

Сегодня начали мы рыть конюшню возлѣ своей землянки. До сихъ поръ кабардинскія лошадки наши стояли на открытыхъ коновязяхъ. Днемъ ихъ угоняли на траву, оставляя для каждаго изъ насъ по одной. Подъ конецъ кормъ въ полѣ былъ уже очень плохой, и въ концѣ октября выгнать перестали.

Воскресенье, октября 23 Главкомандующій переселился, наконецъ, изъ палатки въ свой теплый домикъ; начали тоже рыть большую землянку для столовой. Я ѣздилъ верхомъ къ такъ-называемой Мечеткѣ, на равнинѣ за Карсѣ-Чаемъ. По-видимому, это развалины армянской церкви; далѣе, въ сторонѣ отъ дороги, армянское кладбище. Я проѣхалъ къ передовымъ нашимъ пикетамъ и къ Столовой горѣ: тутъ вездѣ безопасно. Ауль Шорахъ еще дымится, но слабо. На возвратномъ пути я наткнулся на женщину съ тремя маленькими дѣтьми, вышедшую изъ Карса. Она жила въ сосѣдней деревнѣ и ушла съ семьей въ Карсѣ, когда приблизились Русскіе. Мужъ умеръ отъ холеры, и она сама, боясь за себя и за дѣтей голодной смерти, выбѣжала сегодня изъ города, подаривъ часовому какое-то покрывало, чтобъ онъ пропустилъ ее за валъ. Женщина эта умоляла пропустить ее въ ея деревню, а если ей самой нельзя, то передать, по крайней мѣрѣ, дѣтей ея кому-нибудь изъ оставшихся въ ихъ деревнѣ родныхъ. Но на дняхъ еще подтверждено строгое приказаніе главкомандующаго—всѣхъ жителей, выходящихъ изъ Карса, безъ различія пола и возраста, останавливать въ цѣпи и возвращать въ городъ. Просьбы мои у Николая Николаевича сдѣлать исключеніе на этотъ случай не имѣли успѣха, и мать, и дѣти были возвращены въ Карсѣ. Помню, какъ это было мнѣ горько, и какія грустныя размышленія насчетъ войны проходили у меня въ головѣ.

Октября 24. Братъ, К. и я ѣздили верхомъ къ Карсу, на Столовую гору; передъ нами были Шорахскія высоты, и внизу

аулъ Шорахъ еще дымился. Въ послѣдствіи все дерево было потихоньку вытаскано изъ него нашими солдатами. Спускъ съ Столовой горы крутъ и каменистъ. Мы проѣхали его осторожно шагомъ. 17-го сентября, посланные главнокомандующаго спускались здѣсь же скорою рысью. Князь Мухранскій вернулся изъ Александрополя, и остановился у насъ, пока отстраивалась его землянка.

Октября 26. Общество наше увеличилось и оживилось: пріѣхалъ адъютантъ главнокомандующаго, поручикъ Жуконъ, изъ Черноморья. Онъ находился въ распоряженіи генерала Филиппсона и привезъ главнокомандующему подарокъ отъ Черноморцевъ—штуцеръ изъ числа взятыхъ у Англичанъ, во время высадки ихъ около Тамани. Послѣ обѣда поѣхали мы большимъ обществомъ внизъ по берегу Карсъ-Чая, по отличной дорогѣ, ведущей въ Карсъ; потомъ ввали вправо, и когда мы поднялись на гору, передъ нами открылся весь городъ въ прекрасной панорамѣ. Видна была и цитадель, и дома, и мечети, и множество бѣлыхъ палатокъ внизу по табіямъ и также на вершинахъ, окружающихъ городъ. Въ первый разъ удалось мнѣ такъ хорошо видѣть Карсъ. Назадъ мы вернулись черезъ Команцуръ, гдѣ ясно были видны слѣды нашего прежняго лагеря, переведеннаго оттуда въ Чавтликъ-Чай.

Послѣ заката солнца, когда стемнѣло, общество наше, почти въ томъ же составѣ, поѣхало опять къ Карсу смотрѣть тревогу, которую должна была сдѣлать у Турокъ наша небольшая партія съ ракетами. (Съ ракетами ходилъ поручикъ Семчевскій, а въ конвоѣ былъ полковникъ Петровъ съ линейными козаками.)

Насъ было человекъ шесть, да десять козаковъ изъ конвоя, всѣ молодцы на подборъ, бывалые въ такихъ ночныхъ поѣздкахъ и хорошо знающіе мѣстность. Мы ѣхали молча, наготовѣ; остановились мы, сколько могли сообразить, напротивъ Канли-таби, разставили секреты, сами сошли съ лошадей и прошли еще впередъ, пока не обозначилась въ темнотѣ черная полоса—валъ укрѣпленія, отъ котораго мы стояли, примѣрно, на ружейный выстрѣлъ. Команда съ ракетами поѣхала отдѣльно отъ насъ и должна была бросать ракеты въ часть нижняго лагеря, лѣвѣе Канли-таби, ближе къ Карсъ-Чаю. Мы ждали очень долго; слышенъ былъ хорошо лай собакъ въ городѣ, и каждый часъ билъ барабанъ, означая смѣну часовыхъ. Наконецъ загорѣлась ракета, показалась огненная струя, потомъ ракета лопнула. Спустя нѣкоторое время поднялась дру-

гая, но тоже лопнула раньше чѣмъ елѣдовало. Въ городѣ началась тревога, барабанъ забилъ въ разныхъ концахъ; слышны были ружейные выстрѣлы; одна труба, очень заунывная, долго играла. Подождавъ еще немного, мы вернулись домой въ лагерь. Дѣйствіе большихъ ракетъ было неудачно, но команда выпустила также нѣсколько маленькихъ ракетъ, которыя попали въ турецкій лагерь; впрочемъ, цѣль была достигнута: тревога сдѣлана въ Карсѣ, нарушенъ покой Турокъ.

Октября 28. Братъ посылается въ село Катанлы, гдѣ стоитъ полковникъ Едигаровъ съ полкомъ милиціи. Это нашъ крайній передовой пунктъ, верстахъ въ шестнадцать отъ главной квартиры; отсюда высылаются только конные разѣзды по окрестностямъ. Главнокомандующій поручилъ брату осмотрѣть, исправно ли держится отрядъ Едигарова. На пути братъ видѣлъ отличный армянскій аулъ Бегля-Ахметъ; жители его не бросили своихъ домовъ, а напротивъ того обстроились богато, пользуясь лѣсомъ изъ оставленныхъ сосѣднихъ ауловъ.

Дни проходятъ однообразно. Мнѣ поручено проэкзаменовывать нѣсколько юнкеровъ на производство въ офицеры; требуется отъ нихъ очень мало: писать подѣ диктовку по-русски, безъ грубыхъ ошибокъ, первыя четыре правила ариметики и немного изъ дробей, еще легкой грамматическій разборъ. Листы ихъ писанія представляю главнокомандующему, и онъ уже разрѣшаетъ. Вообще познанія слабы, и, несмотря на легкий экзамень, двое юнкеровъ не выдержали его, и производство ихъ было отложено.

Изъ Эрзерума выѣхалъ къ намъ армянскій архіерей: зоветъ туда Русскихъ. Архіерей этотъ былъ въ немилости у Нерцеса и, кажется, даже изгнанъ имъ изъ Грузіи. Главнокомандующій удержалъ его въ лагерь. Въ послѣдствіи, когда Карсъ сдался, архіерей этотъ, уже прощенный Нерцесомъ, былъ назначенъ въ Карсѣ.

Плѣнныхъ и бѣглыхъ приводятъ довольно. Оружіе отъ нихъ отбирается, и для литья пуль къ штуцерамъ, стараніями брата, изготовлены въ стрѣлковомъ батальонѣ пульныя формы. На одномъ турецкомъ выходцѣ нашли черный хлѣбикъ, вѣсомъ отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фунта, составляющій суточную порцію солдата, и корни какой-то травы. Эти корни, по словамъ плѣнныхъ, вырываютъ они въ полѣ подѣ укрѣпленіями и варятъ изъ нихъ супъ. Одинъ вынесъ кусокъ дохлой конины: это теперь пища каресскаго гарнизона. Объ этомъ главнокомандующій писалъ А. Н. Муравьеву,

говоря, что у него въ Карсѣ Турки постятся гораздо лучше чѣмъ всѣ постники въ Петербургѣ ¹.

У насъ все обстроилось; начинаютъ вездѣ рыть конюшни для лошадей; только съ каждымъ днемъ труднѣе добываются на фуражировкахъ ячмень и сѣно. Впрочемъ запасы въ вагенбургѣ еще не тронуты, а между тѣмъ посланъ Н. Л. Дункель въ Духоборье для закупки сѣна и доставки въ лагерь въ большомъ количествѣ. На Саганлугъ отправленъ батальйонъ для рубки лѣса и приготовленія на зимнее время санныхъ полозьевъ, которые на нашихъ повозкахъ доставляются въ отрядъ. Отдано приказаніе о заготовленіи въ полкахъ лопать для расчистки снѣга. Между Александрополемъ и главнымъ лагеремъ устроены три почтовые станціи въ Пирвали, Хадживали и Визинъ-Кѣвъ. На каждой держится малаканами по контракту до 12 лошадей и бѣгаютъ лихія русскія тройки съ колокольчиками по дорогѣ, гдѣ на каждые 50 саженой сложены высокія правильныя пирамиды изъ камня, для обозначенія пути на случай зимнихъ метелей. Офицеры генеральнаго штаба разосланы по санджакамъ Карскаго пашалыка; они дѣлаютъ съемки, собираютъ статистическія свѣдѣнія о населеніи края, о дороггахъ, продовольствіи и проч., и ни откуда не двигается помощь на выручку Карса.

Октября 29. До сихъ поръ еще мы не знаемъ, какъ приняты Государемъ извѣстія о штурмѣ 17-го сентября. Было письмо главнокомандующему отъ военнаго министра, но фельдъегерь, посланный изъ нашего лагеря съ донесеніемъ, не засталъ Государя въ Петербургѣ и отправленъ немедленно въ Николаевъ. Видно, что въ Петербургѣ неудача подѣ Карсомъ поразила своею неожиданностью. Не мудрено: всѣ ожидали отъ генерала Муравьева рѣшительнаго, блистательнаго успѣха.

¹ Капитанъ Томсонъ разказывалъ во время плѣна своего въ Россіи, что когда вся говядина вышла въ Карсѣ, Вильямсъ велѣлъ тайкомъ отъ жителей и войска, ночью убивать лошадей (въ оврагѣ у Карсъ-Чая за цитаделью) отрѣзывать имъ ноги и голову, и разрубивъ на куски, продавать на базарахъ и раздавать въ войскахъ. Жители только чрезъ нѣсколько дней открыли это, и подняли ропотъ, за ними и солдаты; говорили, что грѣшно есть конину. Тогда Вильямсъ и паши вышли на площадь, представили народу положеніе дѣлъ, и надежду на скорое освобожденіе; въ заключеніе Англичане, паши и мулла съѣли по куску конины; тогда войско и жители покорились необходимости. Это случилось, вѣроятно, въ началѣ октября. *Пор. II.*

Сегодня наконецъ возвратился подполковникъ Добровольскій¹, посланный 1-го октября съ письмомъ главнокомандующаго къ Государю. Николай Николаевичъ былъ еще въ постель, когда Добровольскій вошелъ къ нему въ комнату. Первый вопросъ былъ: «есть ли знамя георгиевское?»²—«Есть.» Это очень обрадовало главнокомандующаго. Добровольскій привезъ ему письмо отъ Государя, и передалъ его слова: «Скажите Николаю Николаевичу, что я совершенно согласенъ съ нимъ, что надо было предпринять штурмъ.» Въ письмѣ своемъ Государь жалуется георгиевское знамя 1-му Рязанскому батальону; и въ заключеніе благословляетъ армию на успѣхъ. Добровольскій нашелъ Государя въ Николаевѣ. Главнокомандующій много разспрашивалъ Добровольскаго о нашихъ дѣйствіяхъ противъ союзниковъ, о военныхъ предположеніяхъ и проч. У насъ пронесся было передъ этимъ слухъ, что русскія войска очищаютъ Крымъ.

Солдаты Рязанскаго полка работали столовую землянку, когда главнокомандующій вышелъ изъ своего домика. Онъ вызвалъ людей 1-го батальона и поздравилъ ихъ съ царскою наградой. Хорошая вѣсть быстро разнеслась по всему лагерю.

Послѣ обѣда поѣхалъ я съ Ш., верхомъ, въ нераззоренный аулъ, лежащій вправо отъ дороги въ Каныкой. Тамъ есть жители, и поставлены солдаты наши для охраненія ихъ домовъ и имущества. Аулъ бѣдный, много кизика сложено въ грудахъ. Этою дорогою проѣхали мы въ драгунскій лагерь къ полковнику Есакову, командиру № 13 конной батареи, и въ дружеской бесѣдѣ засидѣлись долго. Уже давно пробили зорю, и совсѣмъ стемнѣло, когда мы поскакали домой. Недалеко отъ лагеря на насъ наскочилъ казачій разъѣздъ. Давно уже насъ искали по всему лагерю и окрестностямъ; братъ былъ въ тревогѣ, и главнокомандующій безпокоился: никто не зналъ, куда мы отправились. За отлучку эту изъ лагеря, послѣ зори, когда полагается быть на мѣстахъ, я получилъ отъ главнокомандующаго строгій выговоръ: «надо бы васъ обоихъ къ Панкратьеву (коменданту) отправить поучиться», и чуть-чуть

¹ По представленію главнокомандующаго, Добровольскій, посланный изъ лагеря капитаномъ, былъ произведенъ Государемъ въ подполковники.

² Для 1-го батальона Рязанскаго полка, прошедшаго съ подполковникомъ Кауфманомъ сквозь турецкій лагерь.

не пришлось намъ съ Ш. провести эту ночь подъ арестомъ,—«съ плѣнными Турками», по словамъ Николая Николаевича.

Воскресенье, октября 30-го. Утромъ главнокомандующій обходилъ пѣшкомъ верхній лагерь, и вызвавъ изъ землянокъ 1-й батальионъ Рязанскаго полка, поздравилъ его съ георгиевскимъ знаменемъ. Мы отстроили свою теплую конюшню, и теперь спокойно можемъ ожидать холодовъ; только землянка наша замѣтно покосилась, когда къ одной стѣнѣ ея прислонилъ свой домишко князь Мухранскій. Послѣ обѣда ѣздилъ я съ братомъ въ вагенбургъ и въ аулъ Каныкой. Стоги сѣна (числомъ до шести) обнесены стѣнкой, сложенною изъ камня; къ нимъ приставленъ караулъ, и сѣно расходуется только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, какъ на примѣръ, на тюфяки въ лазареты, на арбы при перевозкѣ раненыхъ и немного на транспортныхъ быковъ, такъ какъ подножный кормъ прекратился, а транспорты не имѣютъ своихъ запасовъ. Госпиталь переведенъ изъ вагенбурга въ аулъ; помѣщенія для больныхъ устроены отлично, въ удобныхъ и просторныхъ сакляхъ; въ крышѣ отверстія, которыя могутъ закрываться на ночь; вездѣ подѣланы каминны, воздухъ въ сакляхъ чистый и свѣжій.

Октября 31-го. Изъ Карса пріѣзжалъ въ лагерь парламентаръ, опять адъютантъ Керимъ-паши, съ проводникомъ; оба верхомъ. Они проѣхали изъ нижняго турецкаго лагеря прямо въ лагерную цѣпь Рязанскаго полка, не бывъ остановлены передовымъ казачьимъ пикетомъ. Эта оплошность казаковъ не прошла даромъ, и главнокомандующій приказалъ сдѣлать дознаніе, какъ это случилось. Какъ и въ первый разъ, офицеръ этотъ прибылъ съ предложеніемъ вывести къ намъ еще нѣсколько человекъ нашихъ раненыхъ, взятыхъ Турками 17-го сентября. Адъютантъ смотритъ бодро, бранитъ Англичанъ, но полонъ надеждъ на скорое освобожденіе Карса Селимомъ. Кони хорошіе, но тощіе. Парламентаръ свободно осматривалъ лагерь: скрывать нечего; напротивъ, чѣмъ больше видятъ, тѣмъ лучше для насъ.

Вечеромъ къ главнокомандующему прискакалъ курьеръ, князь Челокаевъ, отъ князя Багратіона Мухранскаго, съ донесеніемъ о дѣлѣ подъ Ингуромъ и о переходѣ Омеръ-паши черезъ нашу границу. Самый пріѣздъ курьера и сущность его донесенія были покрыты для насъ какою-то таинственностію, такъ что

сначала мы узнали только урывками въ чемъ было дѣло. Мухранскій доносить, впрочемъ, какъ бы о побѣдѣ, но не очень этому вѣрится: потеря наша, по числительности отряда, значительная; Омеръ-паша вошелъ въ Мингрелію съ боя, и движается къ Кутаису. ¹

Вторникъ, ноября 1-го. Ноябрь, а нѣтъ конца съ Карсомъ. Сегодня проиграно по этому случаю нѣсколько пари; князь Дундуковъ тоже проигралъ; впрочемъ по прежнему ожидаетъ скорой развязки, призывая и другихъ къ терпѣнію: «погодите немножко господа; они (Турки) голодные, да ждутъ, а вы, сытые, не можете подождать.»

Много толковъ о полученныхъ вчера извѣстіяхъ отъ князя Мухранскаго. Кажется, впрочемъ, бояться нечего, потому что не смотря даже на успѣхъ, Омеръ-паша, въ это время года, по причинѣ трудныхъ сообщеній, не можетъ далеко двинуться впередъ въ Мингрелію и Имеретію.

Бѣглыхъ меньше; проговариваются, что обѣщано Карсу из-

¹ По донесеніямъ князя Мухранскаго, нѣсколько штабъ-офицеровъ были въ числѣ убитыхъ и раненыхъ; сверхъ того мы потеряли три орудія. Князь Мухранскій отступилъ къ рѣкѣ Цивѣ. По дорогѣ къ Кутаису, по сю сторону рѣки Цхенись-цхале, близъ впаденія ея въ Ріонъ въ Марани, находились наши хлѣбные запасы для войска, 50.000 четвертей муки. Приказано было княземъ Мухранскимъ сжечь ихъ, когда подойдетъ непріятель. Провіантъ былъ сложенъ на открытомъ воздухѣ, въ бунтахъ, и на всякій случай обложенъ горючими матеріалами: соломой, хворостомъ и т. п. Турки были еще далеко, когда загорѣлись запасы. Говорили, что на рѣкѣ показались турецкія лодки, но это было неосновательно. Унтеръ-офицеръ, бывшій при запасахъ, объяснялъ, что одинъ бунтъ загорѣлся безъ его вѣдома, что онъ старался погасить огонь, но не могъ. Черезъ 4 часа послѣ сожженія запасовъ, въ Маранъ пришелъ съ отрядомъ генералъ-майоръ Бруннеръ, который торопился защитить ихъ отъ Омеръ-паши. Сожженіе маранскихъ запасовъ было подвергнуто въ послѣдствіи главнокомандующимъ строгому изслѣдованію. Недостатокъ въ хлѣбѣ на мѣстѣ, вслѣдствіе этого сожженія, не позволилъ нашимъ войскамъ воспользоваться, въ послѣдствіи, гибельнымъ положеніемъ Омеръ-паши, при его отступленіи къ Редуть-Кале. Князь Мухранскій самъ долженъ былъ отойти въ Кутаисъ; голодъ угрожалъ его отряду. Сдѣлано было распоряженіе о покупкѣ половиннаго количества муки, имѣвшейся на тифлисскомъ рынкѣ. Покупка обошлась по 13 р. 75 к. за четверть; доставка въ отрядъ стоила около того же; одну станцію можно было вести хлѣбъ только на вьюкахъ. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого гибельнаго происшествія, вмѣстѣ съ неисправностію хлѣбнаго подрядчика, былъ голодъ въ Тифлисѣ: цѣна хлѣба въ городѣ доходила на нѣсколько дней до 45 р. сер. за четверть.

бавленіе въ эту джумму (пятницу), и вотъ въ городѣ надѣются и ждутъ джуммы.

Около этого времени слышны были у насъ въ лагерь, къ сторонѣ Эрзерума, пушечные выстрѣлы; по свѣдѣніямъ, собраннымъ нашими передовыми разъѣздами, Турки не переходили за Саганлугъ, и выстрѣлы эти были въ отрядѣ Селима, расположенномъ по ту сторону хребта. Причиной тому, какъ кажется говорили, была раздача жалованья солдатамъ. Кстати замѣтить, что 17 сентября пушечные выстрѣлы были ясно слышны въ Александрополь.

Изъ Александрополя доставлено въ лагерь 11 рядовыхъ и 1 офицеръ турецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ нами въ разное время: всѣ они изъ раненыхъ и неспособныхъ къ военному дѣлу, и отправляются въ Карсъ для размѣна на нашихъ солдатъ. Турки не просили и не ожидали этого размѣна; возвращая намъ нашихъ раненыхъ, они хотѣли, вѣроятно, только избавиться отъ лишнихъ людей, требующихъ пищи и ухода. И бѣднымъ плѣннымъ возвращеніе къ своимъ вовсе не было по сердцу. Ихъ повезли на арбахъ, подѣ парламентарскимъ флагомъ. нашихъ плѣнныхъ, числомъ 11, вывезли изъ Карса тоже на арбахъ, но, по разказамъ парламентаря, лошади въ запряжкѣ уже очень плохи, очень тощи. Турецкій офицеръ, выѣхавшій съ ними, былъ очень удивленъ и не доволенъ размѣномъ; сначала, онъ даже не хотѣлъ принимать своихъ раненыхъ.

Главнокомандующій самъ разспрашивалъ нѣкоторыхъ изъ прибывшихъ сегодня изъ Карса людей. Видно, что бѣдствіе въ городѣ усиливается; въ войскѣ недостатокъ пищи и теплой одежды, изнеможеніе и болѣзни; жители волнуются; все это, впрочемъ, было уже намъ болѣе или менѣе извѣстно. По приказанію главнокомандующаго, былъ я опять въ аулѣ Каныкоѣ разузнать о первыхъ нашихъ раненыхъ, привезенныхъ изъ Карса. Въ верхней части аула живутъ Армяне, внизу Турки; въ полугорѣ вырыты обширныя, подземныя сакли съ переходами, куда запираютъ на зиму скотъ; въ одной саклѣ, мнѣ показали армянскую церковь, бѣдную, почти безъ всякихъ образовъ и украшеній; одна большая сакля, въ нѣсколько отдѣленій, засыпана саманомъ и къ ней приставленъ караулъ. Въ селеніи есть ручей, но его запружаютъ въ другомъ верхнемъ аулѣ въ горахъ, откуда бѣжитъ онъ, такъ что отъ холодовъ ручей начинаетъ вымерзать. Здѣсь, въ Каныкоѣ, нашелъ я доктора

Шнейдера, съ которымъ ѣздилъ въ Персію: онъ лежалъ больной въ лихорадкѣ.

2 и 3 ноября проходятъ въ нѣкоторомъ ожиданіи. Бѣглыхъ замѣтно меньше; бдительность въ цѣпи усилена; казакамъ обѣщана хорошая награда, если перехватятъ кого-либо изъ Англичанъ, когда кто изъ нихъ вздумаетъ бросить Карсъ, чтобы пробраться въ Эрзерумъ.

Отъ несторіанскаго патріарха, изъ города Вана, есть тайное извѣщеніе о расположеніи тамошнихъ жителей къ Русскимъ. Онъ проситъ нашего войска, изъявляя готовность подняться тогда съ своимъ народомъ, чтобы дѣйствовать съ нами за одно противъ Турокъ. Патріарху послана въ подарокъ золотая табакерка; но дѣйствія его до времени пріостановлены.

Въ лагерь отстраиваются новыя землянки и справляются въ нихъ новоселья. Между прочимъ, я былъ на пирогахъ у М. Ч. а потомъ и у командира его, П. И. Брискорна. Во владѣніяхъ батарейной батареи сложены два большіе стога сѣна и саману, такъ-называемые офицерами «большой и малый Араратъ». Теперь, когда добываніе фуража становится съ каждымъ днемъ труднѣе, эти оба Арарата веселятъ взоръ и сердце командирское, и возбуждаютъ невольную зависть. Не малыхъ хлопотъ, заботъ и хитростей стоило продовольствіе лошадей въ послѣднее время въ отрядѣ. Опустѣли деревни, близкія къ лагерю, и за фуражемъ надо было посылать уже далеко. Вдругъ проскользнетъ радостная вѣсть, что по такой-то дорогѣ, въ такомъ-то аулѣ, есть ячмень и сѣно у жителей; но всѣ узнаютъ, всѣ нагрянутъ, а дѣлешь неприятенъ; надо схитрить; и вотъ, въ пріятельской бесѣдѣ, *неосторожно* проговаривается ловкій хозяинъ, что тамъ-то (верстахъ въ 20 въ сторону отъ аула) оказались скрытые запасы, и что завтра онъ посылаетъ туда народъ свой для закупки и привоза фуража въ лагерь; и попадаютъ на этотъ отводъ неопытные въ дѣлѣ командирскомъ, и забираются они сами до восхода солнца въ далекій пустой аулъ, между тѣмъ какъ хозяинъ, тѣмъ временемъ, спокойно, безъ шума и помѣхи, промышляетъ въ новооткрытомъ плодовитомъ мѣстечкѣ.

Вечеромъ, 3-го ноября, главнокомандующій послалъ флигель-адъютанта Черткова и князя Мухранскаго объѣхать всѣ наши посты и цѣпь до отряда полковника Тихоцкаго. Они проѣздили всю ночь и вернулись на другой день къ обѣду. Такія назначенія дѣлаются обыкновенно совершенно неожиданно. Главно-

командующій просить къ себѣ—приходишь; иногда Николай Николаевичъ звалъ просто чай пить, иногда, чтобы передать приказаніе, но случалось, когда войдешь, Николай Николаевичъ молчать долго и думаетъ; тутъ такъ и знаешь, что «путь», и угадываешь только куда, въ Каныкой ли, или въ Бозгалы; а не то къ Бакланову, или и еще подальше; а какъ скажетъ: «возьми конвой и поѣзжай» и т. д., то и станетъ совсѣмъ ясно и вѣрно, что эту ночь будешь напролетъ сидѣть на конѣ, или извѣстное число сутокъ трястись на телѣжкѣ; и все это ни по чемъ; ошеломить сначала немного, а потомъ даже весело станетъ, какъ маленькое развлеченіе въ нашей лагерной жизни.

Пятница, ноября 4-10. Джумма, по словамъ плѣнныхъ, день избавленія, обѣщанный Вильямсомъ Карсу; но все спокойно; не слышать Селима, и въ городѣ тихо. Главнокомандующій ѣздилъ въ коляскѣ въ аулъ Каныкой, осматривалъ госпитали и остался доволенъ; домой вернулся долиной, чрезъ драгунскій лагерь графа Нирода. Адъютанты и ординарцы провожали его верхомъ большою свитой. Генералъ Шонертъ скакалъ впереди другихъ. Въ чертѣ своего отряда, графъ Ниродъ тоже встрѣчалъ и провожалъ главнокомандующаго верхомъ.

Въ ночь на субботу, 5-го ноября, выпалъ первый снѣгъ. Все забывало: и горы, и долины, и крыши нашихъ землянокъ; къ полудню однако все уже стаяло. Это время главнокомандующій вообще часто посылаетъ своихъ адъютантовъ, особенно ночью, повѣрять выставляемые отрядомъ цѣпи и посты. Были у насъ въ лагерьъ разсужденія о возможности сорвать ночью нижній турецкій лагерь, потому что замѣчено, что бдительность Турокъ очень ослабла. Однажды объ этомъ даже зашелъ разговоръ у главнокомандующаго. По его мнѣнію, это дѣло сбыточное: мы можемъ ворваться въ турецкій лагерь и много порубить; но въ темнотѣ нельзя сохранить порядка, и наша потеря можетъ быть значительна.

Воскресенье, ноября 6-10. Утромъ въ пять часовъ прискакалъ къ главнокомандующему гонецъ отъ князя Дундукова съ извѣстіемъ, что Турки выходятъ изъ Карса. Немедленно двинуты въ Бозгалы два батальона Ражцевъ, а мнѣ приказано взять конвой и ѣхать съ молодымъ Баклановымъ въ отрядѣ князя Дундукова, чтобъ узнать въ чемъ дѣло; если будетъ нужно, то проѣхать въ отрядѣ Белястина, и по окончаніи донести. Было темно, когда я поѣхалъ. Мело мокрымъ снѣгомъ; и дорога, и поляна были покрыты ровною, бѣлою пеленой. Ыхали мы почти

наугадъ; попали сначала въ вязкое болото, но выбрались на огни Дундукова, которые обозначились на горѣ. Все было тихо, и выстрѣловъ не слышать. Князя Дундукова я засталъ уже дома: тревога была фальшивая. Ночью Данилка, рыская съ своею командой подъ турецкими табіями, пустилъ въ Карсъ три ракеты, одну за другой: онѣ были замѣчены въ отрядѣ князя; по условію же между имъ и полковникомъ Белоустинымъ, три ракеты были сигналомъ, что Турки выходятъ значительными массами. Въ отрядѣ ударили тревогу; драгуны посажены на коней; артиллерія выскочила въ поле; но скоро все разъяснилось и успокоилось. Я поѣхалъ назадъ; еще было темно, но погода унялась. На встрѣчу мнѣ попались два батальона Ряжскаго полка, впереди ѣхалъ полковникъ Гонецкій съ нѣсколькими верховыми. Узнавъ въ чемъ дѣло, батальоны повернули домой въ лагерь; путь ихъ на бѣлой равнинѣ обозначался на снѣгу широкою черною полосой.

Это былъ единственный случай, во время пребыванія моего въ лагерьъ подъ Карсомъ, когда я надѣялся участвовать въ настоящемъ дѣлѣ съ Турками.

Въ числѣ выбѣжавшихъ изъ Карса появился у насъ въ лагерьъ шутъ изъ турецкаго войска. Когда его допрашивали, онъ зацѣлъ пѣтухомъ и задалъ собакой. Не знаю съ чего прозвали его у насъ *фантазіей*, только это имя такъ и осталось за нимъ между нами. *Фантазія* дѣлалъ много штукъ: ружейные приемы (безъ оружія), съ особенными ужимками и звуками, тихое и скорое заряженіе, артиллерійскую пальбу и т.д. Главнокомандующій много смѣялся его искусству. Шутъ приобрѣлъ извѣстность: его водили показывать по лагерю, и онъ собиралъ себѣ деньги. *Фантазія* такъ понравился Николаю Николаевичу, что онъ приказалъ отвести его на показъ генералу Б. Генералъ Б. занимался у себя въ палаткѣ, когда приведенъ былъ къ нему турецкій шутъ отъ главнокомандующаго. *Фантазія* продѣлалъ всѣ свои штуки, но Б. былъ мало расположенъ смѣяться; наконецъ рулады артиллерійской пальбы вызвали улыбку на серьезномъ лицѣ его, и онъ щедро одарилъ шута. Положеніе того, кто приводилъ шута, было болѣе чѣмъ печальное.

7-го ноября произошло маленькое происшествіе, которое могло надѣлать много шума. Два наши офицера, проѣзжая съ казаками около Карадага, захватили въ плѣнъ молоденькаго башибузука; при этомъ, по донесенію ихъ, одинъ казакъ получилъ легкую рану, и лошадь его была убита и брошена на мѣстѣ;

казакъ этотъ представлялся къ военному ордену. Главнокомандующій, замѣтивъ нѣкоторыя несообразности въ разказѣ, приказалъ брату снять допросъ съ баши-бузука, что братъ и исполнилъ, черезъ переводчика, чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, Жабу, бывшаго до кампаніи нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Эрзерумъ. Разказъ плѣннаго былъ очень наивенъ. Оказалось, что непріятелей было всего трое, и тѣ безъ оружія: одинъ, взятый въ плѣнъ, и два другіе, тоже баши-бузуки; они собирали себѣ травы близь укрѣпленія. Схвативши внезапно въ плѣнъ разказчика и передавъ его своимъ, казакъ наскочилъ на двухъ прочихъ; тѣ разступились; казакъ рубнулъ шашкой въ одного и промахнулся; но въ это время другой ловко подхватилъ его за ногу и перекинулъ черезъ сѣдло; казакъ ушибся о камень при паденіи; а два баши-бузука, подобравъ его шапку, спаслись въ крѣпость, одинъ верхомъ на казацкой лошади, а другой бѣгомъ, уцѣпившись за хвостъ. Такимъ образомъ это маленькое дѣльце, представленное въ довольно блестящемъ видѣ, было совершенно пустое происшествіе. Главнокомандующій приказалъ произвести слѣдствіе: по какому случаю казакъ могъ быть представленъ къ Георгію. Слѣдствіе поручено полковнику Дессаже, и при допросахъ присутствовалъ адъютантъ главнокомандующаго, Кульстремъ. Только развязка съ Карсомъ уменьшила строгость взыскаія по этому дѣлу, въ которомъ главнокомандующій хотѣлъ, для примѣра, показать какъ онъ смотритъ на невѣрныя донесенія.

Отъ 7-го по 11-е ноября. Главнокомандующій поручилъ мнѣ допрашивать плѣнныхъ и бѣглыхъ изъ Карса, съ тѣмъ чтобы изъ показаній ихъ собрать свѣдѣнія о числительности въ настоящее время карскаго гарнизона. Это заняло у меня нѣсколько дней. Распросы дѣлалъ я черезъ переводчика, или у себя въ землянкѣ, или въ столовой, или внизу у полковника Лориса, въ казармахъ, гдѣ помѣщена команда вольноопредѣляющихся. Выходцы изъ Карса были каждый день и каждую ночь, и Лазы, и баши-бузуки, и солдаты, и чауши (унтеръ-офицеры) разныхъ войскъ. Изъ нихъ выбиралъ я тѣхъ, которые были чиновники и казались посмышленѣе, и опрашивалъ каждого только объ его батальюнѣ, о его ротѣ или взводѣ, о командирѣ, гдѣ стоять, чѣмъ вооружены, сколько выходить въ строй, сколько больныхъ и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія легко было повѣрить показаніями другихъ солдатъ, тѣхъ же частей. Такимъ образомъ мало-по-малу собрались данныя о каждомъ батальюнѣ и о каж-

домъ полкъ войскъ карскаго гарнизона. Пльнные говорили довольно охотно; каждый изъ нихъ зналъ, болѣе или менѣе, что дѣлается въ его кругу и не стѣснялся отвѣтами; рѣдко кто лгалъ, а когда чего не зналъ, то такъ и говорилъ. Сначала они приходили испуганные; потомъ, видя, что съ ними обходятся хорошо, становились вольнѣе и смѣлѣе, садились, спрашивали хлѣба, воды, денегъ на табакъ. Большею частію они были истощены на видъ, и хотя приходили на допросъ уже не голодные, но изнуренныя лица, живѣе разказа, говорили о бѣдствіяхъ и нуждахъ, которыя они вынесли; инымъ отъ изнеможенія дѣлалось дурно; другіе засыпали во время распросовъ. Изъ всѣхъ-этихъ турецкихъ пльнныхъ и бѣглыхъ, которыхъ доведось мнѣ допрашивать, приличнѣе другихъ держали себя солдаты Арабистанскаго корпуса. Почти всѣ молодцы, смуглые лицомъ, стройные красивые, они не унижались, не болтали, и умѣли быть почтительными, сохраняя свое достоинство.

Голодь, тяжелая служба, недостатокъ теплой одежды и помѣщеній и, наконецъ, томленіе строгаго блокаднаго положенія, повидимому безвыходнаго, были причинами сильныхъ побѣговъ турецкой арміи. «Я ушелъ, отвѣчалъ одинъ на допросъ, потому что насъ кормятъ худо, одѣваютъ худо, и не вижу я ничего хорошаго впереди.»—«Я не бѣглець, говорилъ другой, я вышелъ съ ружьемъ своимъ; я много работалъ и хорошо сражался, но не можемъ мы дольше жить такъ, какъ живемъ теперь.» Большая часть выходцевъ изъ Карса пробирались къ себѣ домой, въ разные города Анатолиі и Сиріи. Лазы уходили цѣлыми партіями съ оружіемъ; прочіе бѣгали по одиночкѣ, или тоже по нѣскольку человекъ заразъ, съ своими чаушами; кто могъ, выносилъ ружье. Въ Карсѣ, въ числѣ регулярнаго войска, было нѣсколько полковъ редифа или ополченія, уже прослужившаго срокъ своей службы. Изъ редифа побѣги были особенно часты, такъ что часть этого войска Вильямсъ принужденъ былъ раскассировать по многимъ полкамъ. Солдаты редифа считали, что они довольно сдѣлали для отечества, и что теперь имѣютъ нѣкоторое право уйти изъ Карса. Бѣгали также много Анатолиіцы 5-го полка, прозваннаго у насъ за то *рѣзвыми*. Меньше уходило изъ Арабистанцевъ и стамбульской гвардіи; почти совсѣмъ не было бѣглыхъ изъ артиллеристовъ. Кавалеріи въ Карсѣ давно уже не существовало: часть ея легла въ ночномъ побоищѣ, часть погибла отъ недостатка фуража лошадямъ; много коней

было зарѣзано и съѣдено. Въ Карсѣ было особенное конское кладбище, гдѣ зарыто было до 2.400 зарѣзанныхъ лошадей. Кавалерійскіе полки несутъ въ табіяхъ пѣхотную службу. Лошадей верховыхъ имѣютъ еще Англичане, паши, командиры полковъ и нѣкоторые изъ батальонныхъ.

Бѣдствіе въ турецкой арміи велико; раздача мяса давно прекращена; суточная порція солдата: небольшой хлѣбикъ изъ черной пшеничной муки, вѣсомъ отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фунта, и горсточка риса, изъ чего они варятъ супъ шурбу; между тѣмъ непрерывное ожиданіе нападенія, ночныя тревоги. Работы по табіямъ также продолжаются, и отъ уменьшенія людей, съ каждымъ днемъ, служба становится тяжелѣе; солдаты падаютъ въ строю отъ изнуренія; случается, что они умираютъ на мѣстѣ; госпитали завалены больными. Въ послѣдствіи, Черчилъ разказывалъ мнѣ удивительный примѣръ дисциплины турецкаго солдата: часовые при хлѣбномъ магазинѣ падали отъ голода и изнуренія, но печать, оберегаемая ими на ветхихъ дверяхъ и плохомъ замкѣ магазина, оставалась цѣла и сохранна. Подобные случаи разказывали Лекъ и Томсонъ поручику П—у. Часто проѣзжая ночью мимо часоваго, который обликать ихъ, они спрашивали пароль, и чрезъ полчаса возвратясь къ нему, находили его уже мертвымъ отъ изнуренія и голода. Лучше другихъ частей сохранился арабистанскій корпусъ; онъ занимаетъ Тахмасъ-Табію на Шорахскихъ высотахъ. Инглизы, какъ называютъ Англичанъ Турки, дѣятельны и неутомимы. Паши и Вильямсъ обѣщаютъ войску скорое освобожденіе, назначаютъ сроки, но сроки минуютъ, вѣра утрачивается, и духъ войска слабѣетъ. Слово *теслимъ* (сдача) уже было произнесено, хотя еще не ясно понято въ войскѣ.

Изъ всѣхъ допросовъ составилаь такимъ образомъ примѣрная вѣдомость численности карскаго гарнизона, которую при объяснительной запискѣ я представилъ главнокомандующему. Мнѣ приказано было повѣрить свой выводъ по новому разчету, принявъ за основаніе, что по другимъ свѣдѣніямъ, провіанту раздается ежедневно турецкой арміи 18 тысячъ пайковъ, въ томъ числѣ и пашамъ и всѣмъ прочимъ начальникамъ, получающимъ по извѣстной раскладкѣ усиленные дачи. Мнѣ не пришлось кончить этой новой вѣдомости, потому что оборотъ дѣлъ нашихъ подъ Карсомъ измѣнился, и свѣдѣнія эти сдѣлались бесполезными. Въ послѣдствіи, главнокомандующій

говорилъ мнѣ, что смотря по состоянію турецкаго гарнизона, онъ полагалъ рѣшиться на новый штурмъ Карса; но, по собраннымъ свѣдѣніямъ, еще было рано. Для вѣрнаго успѣха главнокомандующій хотѣлъ выждать, чтобы турецкая армія еще болѣе обезсилѣла ¹.

Между тѣмъ ничего не происходило замѣчательнаго въ нашемъ блокадномъ отрядѣ. Изъ Персіи прислана была секретная депеша шифрованная, и за неизвѣніемъ ключа для прочтенія, отослана въ Тифлисъ. Для этой же цѣли пріѣзжалъ въ отрядъ чиновникъ нашей дипломатической канцеляріи, Сент-Тома. Онъ только переночевалъ въ холодной столовой, и поскакалъ обратно въ Тифлисъ. Депеша, какъ я слышала потомъ, говорила совершенно противное замѣчанію князя Бебутова: Персія, кажется, была готова соединиться противъ насъ съ нашими врагами.

По прежнему, почти каждую ночь, охотники полковника Лориса выѣзжали съ Данилкой тревожить Карсъ. Турки уже немного привыкли къ ихъ штукамъ и старались даже перехватить нашихъ. Данилка и Ахметъ-чаушъ ², участвующіе въ этихъ экспедиціяхъ, не разъ переговаривались съ турецкими часовыми на валу, сманивая бѣжать къ намъ. Разъ, для вящаго страха, ночную тревогу произвела въ нижнемъ турецкомъ лагерѣ конная батарея полковника Есакова, подѣхавъ въ темнотѣ къ укрѣпленіямъ и сдѣлавъ по нимъ залпъ изъ орудій. Партіи изъ конвоя главнокомандующаго тоже почти каждую ночь рыскаютъ вокругъ Карса, принимая бѣглыхъ и пользуясь каждою оплошностію Турокъ. Такъ, перехвачено подъ самымъ укрѣпленіемъ стадо ослонъ въ 130 штукъ, взяты охотниками Лориса на Саганлугѣ транспортъ угля въ мѣшкахъ, а хорунжій Тевкешовъ, вновь произведенный изъ старшихъ урядниковъ, подползлъ даже къ самому валу смотрѣть что дѣлается въ лагерѣ. Этотъ Тевке-

¹ См. Приложенія.

² Ахметъ-чаушъ, перебѣщикъ, турецкой службы унтеръ-офицеръ, служилъ намъ очень много и усердно; имѣетъ отъ насъ серебряную медаль въ петлицѣ. Послѣ кампаніи онъ перешелъ съ женою на жительство въ Ахалцыхъ и приходилъ въ Каджоры къ главнокомандующему съ жалобою, что ему не даютъ тамъ мѣста. Николай Николаевичъ щедро наградила его, подарилъ ему часы и 30 червонцевъ, и велѣлъ дать ему въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ должность съ жалованьемъ по 15 р. с. въ мѣсяцъ. Ахметъ былъ совершенно счастливъ.

шовъ имѣлъ намѣреніе пробраться съ товарищемъ въ турецкій лагерь и схватить тамъ, если можно, самого мушира. Онъ просилъ объ этомъ черезъ брата у главнокомандующаго. Николай Николаевичъ позволилъ и сулилъ хорошія награды. Тевкешовъ ползалъ и осматривалъ мѣстность, но убѣдился, что муширъ живетъ внутри лагеря, за вторымъ рвомъ; предпріятіе оказалось слишкомъ дерзкимъ и потому было оставлено. Была, впрочемъ, и маленькая неудача. Шестнадцать человекъ милиціонеровъ Лориса, посланные на Саганлугъ, были по безопасности своей почти все вырѣзаны или уведены въ плѣвъ шайкою Курдовъ; только одинъ спасся и принесъ извѣстіе въ отрядъ. Тогда главнокомандующій, для наказанія жителей, выдавшихъ нашу партію, разрѣшилъ сдѣлать набѣгъ на Ольту. Собралось до 200 охотниковъ; ихъ повелъ одинъ изъ милиціонеровъ-помощниковъ Лориса. Отрядъ прошелъ грозой; потѣшились милиціонеры. Жители Ольты вышли впередъ на встрѣчу; все покорилось, и страхъ разнесся по далекимъ окрестностямъ.

8-го ноября. Н. Л. Дункель вернулся изъ Духоборья. Педрадь съна для отряда состоялся успѣшно, и уже потянулись оттуда обозы въ нашъ лагерь. 9-го ноября Дункель снова былъ командированъ для ускоренія подвоза.

А Селима нѣтъ, какъ нѣтъ. Извѣстія о немъ изъ Эрзерума получаютъ исправно изъ передовыхъ нашихъ отрядовъ; онъ точно подвинулся къ Карсу, но не дошелъ до Саганлуга и боится показаться къ намъ на равнину за горный хребетъ.

Суббота, ноября 12. Ермоловъ—дежурный адъютантъ при главнокомандующемъ. Плѣнныхъ опять приведено мало. Въ 2 часа, послѣ обѣда, прискакалъ казакъ изъ передовой цѣпи съ извѣстіемъ, что изъ Карса выѣхало къ намъ пять человекъ парламентаровъ. Немедленно посланъ офицеръ, чтобы принять ихъ и проводить къ намъ въ лагерь; глазъ не завязывать. Мы еще не разошлись послѣ обѣда и толковали, собравшись на площадкѣ возлѣ столовой. Прибытіе парламентаровъ очень занимало всѣхъ; невольно приходилъ вопросъ: зачѣмъ такъ много, пять? Когда дѣло шло о размѣнѣ плѣнныхъ, пріѣзжалъ одинъ адъютантъ Керимъ-паши съ однимъ солдатомъ. Вѣрно теперь дѣло серьезное, и ѣдетъ кто-нибудь поважнѣе. Я поскакалъ верхомъ къ Мечеткѣ; потомъ завернулъ назадъ на дорогу, по которой подвигалась кучка всадниковъ, и обогналъ парламентаровъ, когда они уже поднимались въ гору отъ Карсъ-Чая. Впереди ѣхалъ Англичанинъ въ мундирѣ и фуражкѣ; его

провели въ столовую; тамъ встрѣтилъ его полковникъ Дорисъ; лошади съ прислугой оставлены на площадкѣ. Доложили главнокомандующему: майоръ Тиздель, адъютантъ генерала Вильямса. Николай Николаевичъ принялъ его у себя въ домикѣ. Тиздель представилъ ему отъ Вильямса письмо, которымъ тотъ просить назначить ему на завтра свиданіе, — зачѣмъ? не извѣстно. ¹ Потомъ Тиздель вернулся въ столовую; туда же пришелъ высокій Англичанинъ въ фескѣ, должно-быть изъ прислуги. Тиздель вовсе не казался смущеннымъ, курилъ сигарку и разговаривалъ съ нами по-французски; лицомъ онъ красивъ; волосы и бакенбарды рыжіе; статенъ, осанка Англичанина. На площадкѣ столпилось много любопытныхъ. Ахметъ-чаушъ и Турки изъ прислуги Англичанъ обмѣнялись страшными взглядами. Тиздель уѣхалъ въ Карсъ съ словеснымъ отвѣтомъ; главнокомандующій просить генерала Вильямса пріѣхать завтра въ 12 часовъ.

Разумѣется, эта вѣсть разошлась по всему лагерю, и вездѣ начались предположенія, зачѣмъ ѣдетъ къ намъ Вильямсъ, — для сдачи ли Карса, или только будетъ онъ просить главнокомандующаго принять жителей изъ города, или еще что-нибудь другое, чего мы не могли придумать? Не все ли было подготовлено къ сдачѣ Карса, и не ожидали ли мы ея со дня на день? А вотъ, когда время пришло свершиться событію, то на всѣхъ напало сомнѣніе. Весь вечеръ не было другихъ разговоровъ. Я назначенъ ѣхать завтра съ конвоемъ на встрѣчу къ Вильямсу. Приказаніе главнокомандующаго: быть съ Англичанами *poli, mais froid*. Вечеромъ, по приказанію Николая Николаевича, я ѣзидилъ въ Каныкой въ Бѣлевскій полкъ собрать свѣдѣнія о двухъ братьяхъ Ильинскихъ: оба были убиты на штурмѣ 17-го сентября.

Воскресенье, ноябрь 13-го. Утромъ Николай Николаевичъ долго занимался у себя съ полковникомъ Кауфманомъ и княземъ Дундуковымъ ². Въ 11 часовъ поѣхалъ я въ мундирѣ на

¹ См. Приложенія.

² По особому довѣрію къ полковнику Кауфману, главнокомандующій возложилъ на него порученіе вести переговоры съ Вильямсомъ на случай, если тотъ пріѣдетъ просить сдачи Карса. Полковникъ Кауфманъ, по весьма понятному недовѣрію къ самому себѣ въ столь важномъ дѣлѣ, просилъ главнокомандующаго назначить еще и князя Дундукова, какъ человѣка опытнаго, способнаго, весьма любимаго главнокомандующимъ.

встрѣчу къ генералу Вильямсу; со мной былъ Александръ Ивановичъ Попаригопуло и въ конвоѣ 10 линейныхъ казаковъ, — все георгіевскіе кавалеры, молодцы на подборъ, — два урядника; четыре драгуна; смотрять звѣрми, по выраженію полковника Мансурадзе. Мы проѣхали за Мечетку. Вдали показался бѣлый флагъ: къ намъ приближалась группа всадниковъ; впереди былъ генералъ Вильямсъ, на бѣлой лошади. Конвой построился вдоль дороги, а мы съ А. И. Попаригопуло выѣхали не много впередъ на встрѣчу къ Вильямсу и привѣтствовали его ~~отъ~~ имени главнокомандующаго. Вильямсъ представилъ намъ своего секретаря Черчила и адъютанта Тиздела; прочіе въ свитѣ его были Англичане изъ прислуги и Турки. День ясный. Мы ѣдемъ шагомъ; дорога грязная. Вильямсъ веселъ и любезенъ, говоритъ съ нами по-французски; разговоръ легкій: о хорошей погодѣ; холодно на горахъ; объ охотѣ на птицу въ окрестностяхъ Карса, мѣстахъ, хорошо извѣстныхъ Вильямсу и Тизделю; о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ; о консулѣ нашемъ въ Рештѣ, Гамазовѣ, и о генералѣ Чириковѣ, съ которыми Вильямсъ долго кочевалъ вмѣстѣ въ Курдистанѣ, разграничивая между Персіи и Турціи. Вильямсъ, какъ кажется, не зналъ гдѣ жилъ нашъ главнокомандующій, и приближаясь къ нижнему лагерю, спросилъ меня: гдѣ же палатка главнокомандующаго? Я отвѣтилъ ему, что *домъ* главнокомандующаго на горѣ: домикъ этотъ былъ виденъ снизу. При проѣздѣ по мосту, черезъ Карсъ-Чай, Англичане съ недоумѣніемъ видѣли, какъ наши солдаты выбѣгали изъ бани, построенной на самомъ берегу ¹, кидались въ воду, и по русскому обычаю полоскались въ замерзавшей рѣкѣ. Для Вильямса приготовлены были комнаты въ только-что отстроенномъ домикѣ полковника Кауфмана; тамъ поставили столъ, нѣсколько стульевъ и вытопили на славу.

Англичане оставили лошадей своихъ на площадкѣ и вошли въ комнаты. Главнокомандующій приказалъ мнѣ передать Вильямсу, что готовъ принять его тотчасъ. Вильямсъ, какъ былъ въ своемъ тулупчикѣ, въ родѣ венгерки, такъ и пошелъ

Назначенію князя Дундукова служило полковнику Кауфману вящимъ обезпеченіемъ въ томъ, чтобы не сдѣлать промаха въ случаѣ необходимости отступить отъ инструкціи главнокомандующаго.

¹ Баня была устроена саперами въ старой турецкой сакль разореннаго аула Чавтликъ-Чая; нѣсколько другихъ сакль внизу были также исправлены и заняты солдатами и маркитантами; тутъ же были портные, сапожники, хлѣбники, булочники и пр.

къ главнокомандующему; въ первой комнатѣ я предложилъ ему снять тулупчикъ, но онъ не обратилъ вниманія на мои слова. За Вильямсомъ дверь затворилась, и онъ остался съ главнокомандующимъ вдвоемъ. Чтò произошло тамъ, мы узнали только въ послѣдствіи, а пока толпы любопытныхъ съ волненіемъ ожиданія окружали домъ. Черчилъ и Тиздель вышли къ намъ на площадку; мы разговаривали съ ними; они были почти веселы. Только нѣкоторые изъ насъ смотрѣли еще сурово и недоувѣрчиво, а братъ даже напомнилъ приказаніе главнокомандующаго: до разъясненія дѣла быть съ Англичанами *«poli, mais froid»*. Въ кабинетъ позвали князя Дундукова и полковника Кауфмана. Вильямсъ вышелъ. Мы старались вычитать что-нибудь на лицѣ у него, на лицахъ Тизделя и Черчила; ничего: лица спокойныя, съ выраженіемъ достоинства. Англичане ушли въ свои комнаты. Пронесся смутный слухъ о сдачѣ Карса:—радость, но еще съ сомнѣніемъ, такъ ли, и какая сдача? Князь Дундуковъ и полковникъ Кауфманъ съ бумагами безпрестанно проходили черезъ площадку то къ Николаю Николаевичу, то къ Вильямсу. Лица у нихъ были озабоченыя, выраженіе таинственное, но подмѣчалось что-то радостное; кое-гдѣ въ нашей толпѣ неволью ронялись слова: сдача, точно сдача Карса.

Между тѣмъ у Англичанъ въ комнатѣ стало невыносимо жарко. Они опять вышли на площадку, и съ радостью приняли предложеніе главнокомандующаго пройтись по нашему лагерю. Мы пошли сперва къ телескопу, потомъ мимо домиковъ Ермолова, генераловъ Бриммера и Ходзько, внутрь лагеря къ саперному батальйону, оттуда къ землянкамъ полковника Десаже, и вернулись назадъ прямою дорогою. Сначала насъ было не много, но по мѣрѣ того какъ мы подвигались, свита наша все увеличивалась, и наконецъ прогулка обратилась въ настоящее торжественное шествіе: офицеры и солдаты всѣ любопытствовали взглянуть на защитниковъ Карса.

Видъ и устройство нашего лагеря поразили Вильямса, и точно, нельзя было не удивляться тому, чтò представлялось глазамъ: красивые домики начальниковъ, сложенные изъ камня, съ печами, каминами; просторныя и сухія землянки солдатъ; теплыя, большія конюшни. У конвойной команды, конюшня еще не была готова; вырыта была только земля, и ставились столбы. Проходя мимо, Вильямсъ, шутя, совѣтовалъ намъ поторопиться ея окончаніемъ; вездѣ запасы сѣна; склады бревенъ, полозьевъ, приготовленныхъ для саней, лопать для разгребанія снѣга;

пирамиды изъ камня для обозначенія дороги. Вильямсъ признался, что они, различая въ зрительныя трубы сложенные нами по дорогѣ столбы изъ камня, не постигали значенія ихъ; они полагали, что это были будки для часовыхъ, давки для маркитантовъ. Вездѣ жизнь и дѣятельность. День былъ, какъ нарочно, особенно хорошъ—ясный, свѣтлый, притомъ и праздникъ—воскресенье; солдаты въ теплыхъ полушубкахъ, въ высокихъ сапогахъ и папахъ, высыпали на линѣйки. Весело было въ лагерѣ: вездѣ пѣсни, пляски, довольство на бодрыхъ лицахъ, довольство и въ землянкахъ; повсюду выраженіе силы, которая прямо бросается въ глаза и которую нельзя поддѣлать никакимъ искусствомъ, если ея нѣтъ. Мнѣ кажется, что еслибы генераль Вильямсъ пріѣхалъ къ главнокомандующему и не для сдачи Карса, то послѣ этого осмотра нашего лагеря, онъ бы убѣдился въ невозможности отстоять Карсъ отъ русской арміи.

Говоря о лагерѣ, Вильямсъ спросилъ главнокомандующаго, какъ онъ думаетъ назвать его. Главнокомандующій сказалъ, что пригготовилъ ему имя, но умолчалъ какое. Послѣ 16 ноября, приказомъ по корпусу, нашъ лагерь при Чивтличаѣ названъ былъ Влади-Карсомъ ¹.

Когда Вильямсъ вернулся къ себѣ, опять князь Дундуковъ и полковникъ Кауфманъ заходили съ бумагами. Потомъ всѣ собрались обѣдать въ столовую. Обѣдъ былъ приготовленъ отличный; пили шампанское. Англичане кушали съ аппетитомъ, и во все время обѣда главнокомандующій очень любезно разговаривалъ съ ними. Въ то же время, въ буфетѣ, пиновала англійская прислуга, и напилась порядкомъ. Кончился обѣдъ; мы вышли на площадку къ камнямъ у обрыва; подали кофе; закурились трубки и сигары на чистомъ воздухѣ. Хорошо было: и погода свѣтлая, и на душѣ весело. Слухъ о сдачѣ уже обратился въ увѣренность. Карскій гарнизонъ сдается военноплѣннымъ; все наше, кромѣ редиѳа, который распускается по домамъ, съ обязательствомъ не служить противъ Русскихъ въ эту войну. Николай Николаевичъ представилъ Вильямсу генераль-майора Бакланова. Англичане знали его по той славі, которую онъ имѣлъ въ отрядѣ, и смотрѣли на него

¹ Обширность карскихъ укрѣпленій и необходимость содержать въ нихъ значительный гарнизонъ навели главнокомандующаго на мысль построить въ Влади-Карсѣ новую крѣпость, сняты были подробные планы нашей позиціи; но мысль эта осталась безъ исполненія.

съ уваженіемъ и удивленіемъ. За Карсъ-Чаемъ играла военная музыка. «Лѣшаго, лѣшаго, *Eralkönig*», закричалъ ей Николай Николаевичъ. Въ это время подъѣхалъ полковникъ Унгернъ со слухомъ о разбитіи Омеръ-паши въ Мингредію. Подковникъ Унгернъ пріѣхалъ въ лагерь, прежде чѣмъ Вильямъ подписалъ условія сдачи Карса; но главнокомандующій объявилъ Англичанамъ слухъ о пораженіи Омера, когда уже все было кончено. Слухъ этотъ оказался, впрочемъ, ложнымъ. Тутъ же получено свѣдѣніе отъ нашихъ разъѣздовъ, что Селимъ-паша не трогается впередъ.

Принесли бумаги. Вильямъ пошелъ къ себѣ, подписалъ ихъ; потомъ бумаги отнесли къ Николаю Николаевичу въ домикъ. Въ этихъ бумагахъ заключалось все. Для возвращенія Вильямса, Николай Николаевичъ приказалъ заложить свою колясочку, но Вильямъ, не зная того, уѣхалъ верхомъ. Я провожалъ его до Мечетки; потомъ мы простились дружески; конвой казачій провожалъ его нѣсколько далѣе. Вернувшись въ лагерь, прошелъ я прямо къ главнокомандующему, у него былъ братъ, на столѣ лежала бумага. «Прочти-ка вслухъ,» говорить мнѣ Николай Николаевичъ. Писано по-французски; это были предварительные десять пунктовъ условій сдачи Карса, подписанные Вильямсомъ. Читаю; на глазахъ у меня слезы отъ радости. Николай Николаевичъ спокоенъ, но тронуть. Братъ молчитъ. Всѣ сомнѣнія исчезли: Карсъ нашъ.

Вечеромъ, когда мы вышли съ братомъ отъ Николая Николаевича, то долго говорили, ходя по площадкѣ. Намъ было такъ хорошо, такъ отрадно на душѣ. Вспомнили мы о горѣ нашемъ, что грызетъ сердце Русскаго, объ оставленномъ Севастополѣ, о бѣдствіяхъ нашихъ въ войнѣ—и паденіе Карса, какъ свѣтлый эпизодъ во всемъ этомъ, получало для насъ новый смыслъ, новую силу. Говорили мы о радости, которая разнесется во всѣ уголки милаго намъ отечества, и мы сами горячо чувствовали эту радость, эту гордость, понятную каждому Русскому. Говорили мы о нашемъ главнокомандующемъ: только ему были мы обязаны этою радостію, его желѣзной волѣ, его не слабѣвшему духу. Ночь была холодная, но свѣтлая, лунная. Огни горѣли въ нашемъ лагерѣ, а вдали на высотахъ безмолвно стояли твердыни Карса. Никогда не забуду я этого вечера.

Вотъ какъ происходило свиданіе между нашимъ главнокомандующимъ и Вильямсомъ: явившись къ главнокомандующему, Вильямъ просто и прямо сказалъ ему, что считаетъ

нынѣ своею обязанностию, по чувству челоуѣколюбія, сдать крѣпость Русскимъ на капитуляцію; что съ своей стороны онъ исполнилъ долгъ чести и защищалъ Карсѣ до послѣдней возможности, пока надѣялся на успѣхъ своего дѣла; но что теперь турецкая армія изнемогла, въ день умираетъ у него до 150 челоуѣкъ отъ изнуренія; хлѣбъ и припасы истощились; жители города бѣдствуютъ и гибнутъ отъ голода и болѣзней, и ни отъ кого, ни откуда, не видитъ онъ помощи и не ждетъ освобожденія. Вильямсъ говорилъ, что въ послѣдніе дни, по ночамъ, онъ рѣзалъ своихъ собственныхъ лошадей для бульйона больнымъ въ госпиталяхъ. Провіанта оставалось лишь на нѣсколько дней. Въ день сдачи Турки ничего не ѣли, потому что наканунѣ розданъ былъ дочиства весь оставшійся хлѣбъ. Открывъ такимъ образомъ свое положеніе, Вильямсъ изъявилъ желаніе, чтобы главнокомандующій назначилъ общія условія сдачи Карса. Николай Николаевичъ отвѣчалъ, что такъ какъ Вильямсъ самъ пожелалъ видѣть его, то ему самому и слѣдуетъ предложить условія, на которыхъ онъ рѣшается сдать крѣпость, а потомъ уже объявить ему русскій главнокомандующій— согласенъ ли онъ на нихъ, или нѣтъ. Для переговоровъ же, онъ предложилъ Вильямсу обратиться къ полковнику Кауфману и князю Дундукову. Такъ и было сдѣлано. Въ совѣщаніяхъ съ полковникомъ Кауфманомъ и княземъ Дундуковымъ, Вильямсъ предложилъ сначала слѣдующія условія: *отпустить нѣсколько челоуѣкъ Венгерцевъ и другихъ иностранцевъ, бывшихъ въ рядахъ карсской арміи.* Условіе это было тотчасъ принято полковникомъ Кауфманомъ и княземъ Дундуковымъ, какъ уполномоченными отъ главнокомандующаго. Вильямсъ представилъ имъ списокъ; ихъ было 11 челоуѣкъ: Венгерцы, Поляки, Италіянцы и пр. Наканунѣ сдачи Карса, они были отправлены изъ города къ Дундукову, который препроводилъ ихъ далѣе за черту нашихъ войскъ. Дѣлалось секретно. Дундуковъ объ этомъ не разказывалъ; «с'est fait», но кто именно были эти 11 челоуѣкъ, мы въ отрядѣ тогда не знали. ¹ За тѣмъ Вильямсъ просилъ объ *отданіи арміи военной чести.* И это условіе было принято и одобрено главнокомандующимъ какъ дань уваженія арміи, храбро дравшейся и терпѣливо сносившей тяжелыя невзгоды, павшія на ея долю. Третье условіе, предложенное Вильямсомъ: *офицерамъ сохранить шпаги* было

¹ См. Приложенія.

еще наканунѣ рѣшено главнокомандующимъ, когда онъ давалъ инструкціи полковнику Кауфману и князю Дундукову. Наконецъ Вильямсъ предложилъ уже не какъ условіе, а какъ свое мнѣніе *отпустить по домамъ редифы*, поддерживая это мнѣніе тѣмъ что редифы-старики напрасно затрудняютъ собою нашу армію, что ихъ придется намъ одѣвать и кормить, что они въ зимнее время не въ состояніи перенести длиннаго перехода въ Россію. Главнокомандующій, убѣдясь этими доводами, согласился утвердить и этотъ пунктъ, добавивъ отъ себя, что онъ отпускаетъ и баши-бузуковъ, что и было; по его приказанію, внесено въ предварительныя условія. Собственно говоря, Вильямсъ ничего не требовалъ, да и не могъ требовать, послѣ того какъ самъ онъ раскрылъ безнадежное положеніе турецкой арміи. Уже послѣ заключенія предварительныхъ условій, онъ объявилъ, что еслибы предложенныя ему условія сдачи Карса были несогласны съ его достоинствомъ, то онъ имѣлъ въ виду взорвать пороховые погреба.

Когда такимъ образомъ написанъ былъ проектъ сдачи, Вильямсъ представилъ его главнокомандующему. Въ проектѣ этомъ не было включено выраженіе, что армія сдается военноплатною. Николай Николаевичъ этого потребовалъ, и Вильямсъ не сопротивлялся. Бумага была подписана Вильямсомъ и полковникомъ Кауфманомъ. Завтра Вильямсъ пріѣдетъ опять и привезетъ вѣрительное письмо мушира, уполномочивающее его на окончаніе дѣла заключеніемъ капитуляціи по всѣмъ правиламъ. Завтра я опять ѣду встрѣчать Вильямса. Вѣсть о сдачѣ Карса быстро охватила весь лагерь. ¹

Понедѣльникъ, ноября 14. Утромъ я опять былъ съ конвоемъ на встрѣчѣ Вильямса, но выѣхалъ ко мнѣ съ бѣлымъ значкомъ одинъ Тиздель. Вильямсъ не будетъ. Тиздель ѣдетъ лично доложить главнокомандующему о причинахъ, задержавшихъ Вильямса въ Карсѣ. Я послалъ впередъ казака изъ конвоя предупредить главнокомандующаго, и мы поѣхали рысью и молча въ лагерь. Перемята эта была неприятна главнокомандующему.

¹ Не помню, когда именно, но уже тогда, когда вѣсть о сдачѣ обратилась въ увѣренность, къ главнокомандующему пришелъ генерал-лейтенантъ Бриммеръ. Скорыми шагами подошелъ онъ къ нему и, снявъ фуражку съ сѣдой головы своей, сказалъ: «Николай Николаевичъ, поздравляю васъ». Было что-то торжественное и благородное въ этихъ простыхъ словахъ его, сказанныхъ сильно, съ полнымъ сознаниемъ важности совершеннаго подвига.

«Если они что задумали, сказалъ онъ, то тѣмъ хуже для нихъ; если пожелаютъ перемиръ въ условіяхъ, я потребую безусловной сдачи.» Тиздель однако объяснилъ дѣло удовлетворительно: въ Карсѣ было не совсѣмъ спокойно; надо было еще согласить всѣхъ къ сдачѣ крѣпости, и Вильямсъ счелъ неблагоуразумнымъ уѣхать въ такое время. Притомъ ему трудно было выбраться изъ города, гдѣ едены ужаса и страданій отъ голода дошли между жителями до крайнихъ предѣловъ. Когда Тиздель уѣзжалъ, то до трехъ сотъ женщинъ съ дѣтьми окружали домъ англійскаго генерала, настойчиво требуя хлѣба, и рѣшительно не слушая ни угрозъ, ни увѣщаній. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, Вильямсъ высыпалъ предъ домою остатки пшеницы. Не задолго до сдачи Карса, главнокомандующій вернулъ въ городъ нѣсколько выбѣжавшихъ оттуда женщинъ. «Мушира просите и Англичанъ, чтобъ избавили васъ отъ голода и гибели: отъ нихъ это зависить,» сказали мы. Онъ вернулся съ отчаяніемъ въ сердцѣ и говорили, что не оставить въ покоѣ *Инлизъ-пашу*. Когда Николай Николаевичъ услышалъ о происшествіи съ Вильямсомъ, то, смѣясь, сказалъ, что это было сдѣлано по его совѣту. О сдачѣ объявлено турецкимъ офицерамъ: они согласны; но войско еще не знаетъ, и сказать ему надо весьма осторожно. Маджаръ-Измаилъ-паша (Кмети) бѣжалъ вчера, прорвавшись сквозь нашу цѣпь. «Зачѣмъ бѣжалъ Измаилъ-паша, сказалъ Николай Николаевичъ, развѣ онъ не вѣрилъ моему слову?» (по условію онъ, какъ Венгерецъ, могъ быть въ числѣ тѣхъ, которые получаютъ свободный пропускъ въ Эрзерумъ). Но Тиздель увѣрялъ, что Кмети бѣжалъ раньше утвержденія главнокомандующимъ условій сдачи, предложенныхъ Вильямсомъ. По сдѣланному разысканію, оказалось, что 13-го ноября, въ оумерки, восемь человекъ верхомъ выѣхали изъ Карса около Карадага; ихъ замѣтили казаки; четверо вернулись въ Карсѣ, но прочіе, пользуясь балкой, открылись отъ преслѣдованія и проскакали между отрядомъ графа Нирода и Хадживали; въ числѣ послѣднихъ былъ Кмети. Какъ видно, Кмети не довѣрялъ слову главнокомандующаго. ¹

¹ Вильямсъ предупреждалъ его, что онъ находится въ извѣстномъ спискѣ. Можетъ-быть не хотѣлъ онъ связать себя обѣщаніемъ не сдѣлать противъ Россіи въ теченіе настоящей войны, какъ то было постановлено условіемъ свободного пропуска. Можетъ-быть и то, что Кмети бѣжалъ потому, что считалъ одачу Карса дѣломъ Вильямса, а не общимъ.

Завтра прїѣдетъ въ нашъ лагерь Вильямсъ со всеми англійскими офицерами. Главнокомандующій изъявилъ желаніе, чтобъ и начальникъ штаба Анатолийской арміи, храбрый старикъ Керимъ-паша, тоже прїѣхалъ съ ними.

Послѣ отъѣзда Тизделя, главнокомандующій долго занимался. Дѣла было довольно: составленіе подробныхъ условій и самаго акта сдачи; устройство плѣнныхъ; облегченіе по возможности положенія несчастныхъ жителей Карса; назначеніе туда русскаго начальства и пр., и пр. Вечеромъ Тиздель прїѣзжалъ опять: все идетъ ладно. Тиздель привезъ главнокомандующему полномочіе, данное муширомъ Вильямсу для переговоровъ съ Русскими.

Позже главнокомандующій объявилъ мнѣ, что думаетъ послать меня съ донесеніемъ къ Государю и приказалъ мнѣ присутствовать при всѣхъ докладахъ по дѣламъ, касавшимся сдачи Карса. Еще неизвѣстно куда ѣду я, въ Петербургъ или Николаевъ, и гдѣ найду Государя. Назначеніе это было для меня совершенною неожиданностію.

Вторникъ, ноября 15-го. Утромъ, въ 11 часовъ, я снова у Мечетки; съ подполковникомъ Мансурадѣе и блестящимъ конвоемъ изъ линейныхъ казаковъ и драгунъ ожидаю прибытія Вильямса. Къ намъ приближается цѣлая толпа всадниковъ, и Вильямсъ впереди другихъ. Мы встрѣтились съ нимъ уже какъ знакомые. Тутъ же, кромѣ Тизделя и Черчила, были полковникъ Лекъ, капитанъ Томсонъ и докторъ Сандвись, а изъ Турокъ—Ахметъ-паша, Хафизъ-паша и Кадыръ-бей. Керима не было. Вильямсъ сказалъ, что сочли за нужное оставить его въ лагерь для спокойствія войска. Мы ѣхали рысью, а потому разговоровъ большихъ не было. По прїѣздѣ въ лагерь, Вильямсъ тотчасъ былъ принятъ главнокомандующимъ, а паша и Англичане удалились въ комнаты, которыя были имъ отведены тамъ же, гдѣ и въ первый прїѣздъ. Въ углѣ передней повторилась исторія съ тулупчикомъ: я убѣдительно предлагалъ Вильямсу снять его; намъ казалось невѣжливымъ, чтобы Вильямсъ вошелъ въ своемъ дорожномъ костюмѣ въ кабинетъ главнокомандующаго. Я принялся за дѣло такъ серьезно, что Вильямсъ, волей-неволей, началъ разстегивать крючки своей шубки; но тутъ случились Кауфманъ и Дундуковъ, которые выручили его изъ моихъ рукъ. Многимъ изъ насъ это было очень досадно; впрочемъ, какъ оказалось, со стороны Вильямса, это нисколько не было знакомъ неуваженія къ главно-

командующему. Находясь въ кабинетѣ, онъ по нѣскольку разъ снималъ и надѣвалъ свой полушубокъ, не придавая тому никакого значенія, и въ послѣдствіи объяснилъ, что страдаетъ бенгальскою лихорадкою, и теперь боится всякой простуды.

Объясненія и словесные переговоры окончены. Ахметъ-паша продиктовалъ князю Дундукову счетъ всѣмъ турецкимъ войскамъ карскаго гарнизона; ихъ оказалось 16.000 съ редиоомъ и больными въ госпиталяхъ.¹ Была рѣчь о баши-бузукахъ, которыми Вильямъ полагалъ оставить оружіе, такъ какъ оно составляетъ ихъ собственность; но главнокомандующій на это не согласился. Въ условіяхъ сдачи было сказано, что турецкія войска выходятъ изъ Карса съ оружіемъ, и потомъ уже кладутъ его передъ русскою арміею. Вильямъ просилъ, чтобы статья эта помѣщена была въ такомъ видѣ въ актѣ, но чтобы на дѣлѣ, для избѣжанія безпорядковъ, оружіе было оставлено солдатами въ укрѣпленіяхъ, и войско вышло бы изъ Карса безоружнымъ.

Пока приготовлялись и переписывались бумаги, Англичане и паши остались обѣдать у главнокомандующаго. Вильямъ представилъ всѣхъ своихъ офицеровъ; по словамъ его, Тиздель и Лекъ спасли нѣсколькихъ нашихъ раненыхъ, которыхъ Турки хотѣли приколоть въ день штурма. На груди Томсона висѣла медаль за Пегу, присланная ему отъ главнокомандующаго съ письмомъ его матери. Паши были угрюмы и печальны; лица у нихъ суровыя. Кадыръ-бей, толстый Турокъ, въ очкахъ, служить дѣлопроизводителемъ. Всѣ они были въ казаки-нахъ и красныхъ фескахъ. Обѣдъ былъ довольно оживленъ; Англичане были любезны и на видъ вовсе не скучны; мы уже познакомились и разговорились съ ними. Черчилъ показался мнѣ особенно смѣтливимъ и умнымъ. «По счастью для насъ, сказалъ онъ мнѣ,—вы не перехватили послѣдней почты изъ Эрзерума въ Карсъ; послѣ этой почты рѣшена была сдача Карса, потому что она открыла намъ глаза насчетъ помощи, которую намъ обѣщали и которую мы ожидали такъ нетерпѣливо.» Вильямъ былъ разговорчивъ. Онъ признавался главнокомандующему, что только теперь спитъ спокойно, полагаясь

¹ Цифра эта значительно выше той, которую приводитъ майоръ Тиздель (Приложеніе 3, б); въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ не включено число больныхъ въ госпиталяхъ, простирившееся до 2.000 чел.

на его обѣщаніе не дѣлать болѣе тревогъ въ Карсѣ. До 12-го ноября, каждую ночь онъ ожидалъ нападенія Русскихъ, и ожиданія эти, и ложныя тревоги были мучительнѣе самаго дѣла.

Наконецъ бумаги готовы. Вильямсъ подписалъ ихъ. Завтра день сдачи Карса.

Бумаги принесли къ главнокомандующему, и я остался у него одинъ. Долго ходилъ онъ по комнатамъ и молчалъ; потомъ остановился и сказалъ: «не сонъ ли это?» Нѣтъ, это не сонъ. Вильямсъ и Англичане въ нашемъ лагерѣ; они здѣсь еще; вотъ и условія сдачи Карса; подъ ними стоитъ имя Вильямса, и завтра русское войско занимаетъ Карсѣ. Нѣтъ, слава Богу, это не сонъ.

Съ опять провожалъ я Англичанъ верхомъ. Паши уѣхали немного раньше, но когда Вильямсъ догонялъ ихъ, они остановились и пропустили его, почтительно приложивъ руки къ своимъ фескамъ. Вообще, сколько я могъ замѣтить, паши находятся въ пренебреженіи у Англичанъ, которые держатъ ихъ въ черномъ тѣлѣ.

Когда я вернулся, главнокомандующій продиктовалъ мнѣ приказъ по кавказскому корпусу о взятіи Карса. Главнокомандующій продиктовалъ его прямо, и оставилъ такъ почти безъ всякихъ передѣлокъ

Приказъ этотъ былъ слѣдующій:

«Ноября 16 дня 1855 г. Въ станѣ Владикарсѣ. Поздравляю васъ, сотрудники мои. Какъ намѣстникъ царскій благодарю васъ. Кровью вашею и трудами повержены къ стопамъ Государя Императора твердыни Малой Азіи. Русскій флагъ развѣвается на стѣнахъ Карса, въ немъ является торжество креста Спасителя. Исчезла, какъ прахъ, вся тридцатитысячная анатолийская армія. Въ плѣну главнокомандующій ея со всѣми пашами, офицерами и англійскимъ генераломъ, управлявшимъ обороною, со своимъ штабомъ. Тысячи плѣнныхъ Турокъ отправляются на родину нашу свидѣтельствовать о подвигахъ вашихъ. Не сочтены еще пріобрѣтенные нами большіе запасы оружія и казеннаго имущества, оставшіеся въ Карсѣ, но кромѣ отбитыхъ вами въ теченіи кампаніи орудій и знаменъ, еще 130 пушекъ обогатятъ арсеналы наши. Множество знаменъ украсятъ святые соборы Россіи, на память постоянныхъ доблестей вашихъ. Вторично поздравляю васъ, отъ большаго до меньшаго, сотрудники мои. Вторично благодарю васъ и отъ себя лично, почтенные сослуживцы. Вамъ обязанъ я ечастіемъ обрадовать сердце Царя. Вы въ нынѣшнемъ году довершили совершенное вами въ теченіи прошедшихъ двухъ лѣтъ. И такъ, возблагодарите вмѣстѣ со мною Господа силъ, въ несповѣданныхъ судьбахъ».

своихъ доровавшаго намъ нынѣ торжество въ самомъ испытаніи, чрезъ которое еще въ недавнемъ времени прошли мы.

«Вѣра въ святое Провидѣніе Божіе соблюдаетъ у васъ духъ воиновъ и удваиваетъ бодрія силы ваши. Съ надеждою на покровительство Всевышняго приступимъ къ новымъ трудамъ.

«Главкомандующій, генераль-адъютантъ Муравьевъ.»

Приказъ этотъ въ день моего отъѣзда былъ отпечатанъ въ лагерѣ вчернѣ и безъ нумера, и уѣзжая, я взялъ нѣсколько экземпляровъ съ собой въ Петербургъ.

Вечеромъ, полковникъ Кауфманъ, на докладѣ у главнокомандующаго, изъявилъ сожалѣніе свое объ Англичанахъ, которые вели себя такъ достойно, столько вытерпѣли во время осады, и теперь становятся нашими военнопленными. «А меня вамъ не жаль, сказалъ ему на это Николай Николаевичъ,—развѣ я не трудился, не терпѣлъ? Развѣ Карсѣ достался намъ даромъ? Я долженъ былъ взять Карсѣ; я бы не перенесъ штурма, еслибы не взялъ Карса. Какой отвѣтъ я далъ бы Россіи, не взявши его?»

Позже вечеромъ, полковникъ Лорисъ читалъ главнокомандующему, составленный имъ по его приказанію проектъ управленія Карсскою областью, которой онъ назначается начальникомъ. Словесныя приказанія, въ числѣ многихъ другихъ распоряженій, повѣстали лагерю, что завтра назначена сдача турецкой арміи въ 10 часовъ утра.

Сегодня много было всеѣмъ всякаго дѣла, и лагерь кипѣлъ работой. Устраивались помѣщенія въ землянкахъ для Англичанъ и турецкихъ начальниковъ; дѣлались распоряженія о принятіи военнопленныхъ и немедленномъ отправленіи ихъ большими партіями въ Грузію, о приѣмѣ оружія и имущества въ Карсѣ, о пропускѣ и конвоированіи редифа за Саганлугъ.

Главкомандующему угодно было, чтобы завтра, на берегу Карсѣ-Чая, приготовленъ былъ обѣдъ на всю пленную турецкую армію. Угощеніе это возложено на полковника Тарханова 2-го. Также приказано, чтобы, немедленно послѣ сдачи, повозки съ хлѣбомъ и скотъ были направлены въ городъ.

Сегодня же были присланы къ намъ изъ Карса остальные наши пленные, большею частію уже оправившіеся отъ ранъ, а иные взяты не ранеными. Главкомандующій опрашивалъ каждого изъ нихъ. Также приведены были наши бѣглецы челоувѣкъ 6—8; въ числѣ ихъ есть и Поляки, и Русскіе. Бѣльшая часть бѣжали за потерю и растрату казенныхъ

денегъ и вещей, избѣгая наказанія. Бѣглецы содержатся, какъ преступники, подъ строгимъ карауломъ. Главнокомандующій опрашивалъ каждого о причинахъ побѣга, но отвѣты ихъ были уклончивы и часто неаппетитны.

Вечеромъ сдѣлали синій флагъ съ большимъ, бѣлымъ Андреевскимъ крестомъ посреди. Мнѣ поручено завтра поднять его въ Карсѣ.

Между тѣмъ, ловкій Данилка, пользуясь удобнымъ случаемъ, поспѣлъ уже побывать въ Карсѣ. Онъ былъ въ гостяхъ у Керимъ-паши; пилъ у него кофе и остался очень доволенъ пріемомъ Турокъ: такимъ образомъ онъ первый изъ отряда посѣтилъ Карсѣ.

Среда, ноября 16-го. День сдачи Карса. Съ утра, войска наши выстраиваются внизу на равнинѣ за Карсѣ-Чаемъ. Князь Дундуковъ спустился съ горы и примкнулъ слѣва къ главному отряду. Драгуны графа Нирода составляютъ правый флангъ; солдаты въ тулупчикахъ; офицеры въ сюртукахъ. Свита собралась на площадкѣ, возлѣ домика главнокомандующаго. Погода пасмурная, вѣтеръ; по временамъ дождь. Десять часовъ прошло уже давно, но не видать еще турецкой арміи; наконецъ генераль-майоръ Ходзько пришелъ отъ телескопа доложить главнокомандующему, что передовыя колонны Турокъ потянулись чрезъ мостъ у деревни Кичикъ-Кѣвъ, и что съ высотъ Шорахскихъ тоже спускаются войска. Однако долго еще пришлось намъ ждать: только въ часъ присыли въ нашъ лагерь Англичане и муширъ Васиѣ-паша, главнокомандующій Анатолійской арміи, старичокъ, малаго роста, одѣтый какъ и прочіе паши въ простой казакинъ и съ красною феской на головѣ. Его и Вильямса провели въ кабинетъ Николая Николаевича, который ласково привѣтствовалъ мушира по-турецки и разговаривалъ съ нимъ. Муширъ Васиѣ-паша родомъ Гуріецъ и изъ христіанъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и проданъ въ Константинополь Решидъ-пашѣ, у котораго воспитывался, принявъ магометанскую вѣру и которымъ былъ доведенъ до настоящаго званія. О немъ Англичане отзывались такъ: «добрый старикъ да пороку не выдумалъ и въ трудномъ положеніи теряется.» Полковникъ Лекъ разказывалъ еще, что 17 сентября, съ первымъ выстрѣломъ, Васиѣ-паша, запыхавшись, вбѣжалъ къ Вильямсу, бросился ему въ ноги и кричалъ: «Инглизъ-паша! на тебя и на Аллаха только надежда, спаси

насъ!» Это онъ кричалъ даже на улицахъ и въ лагерѣ, идя постоянно за Вильямсомъ. Онъ до того надоѣлъ генералу, что тотъ грозилъ запереть его, если не отстанетъ.

Вильямсъ и офицеры его выразили желаніе не присутствовать при сдачѣ. Главнокомандующій разрѣшилъ имъ, и они оставались на верху въ лагерѣ. Только Черчилъ былъ все время при насъ, чтобы служить переводчикомъ и какъ бы посредникомъ между нами и Турками. По просьбѣ Вильямса, нѣсколько повозокъ даны были въ распоряженіе Англичанъ для вывоза ихъ имущества изъ Карса.

Наконецъ все было готово. Турецкая армія стала на равнинѣ передъ русскою. Главнокомандующій съ муширомъ вышли изъ домика, и держась подъ руку, спустились пѣшкомъ внизъ къ мосту: за ними вся свита, тоже пѣшкомъ; перейдя мостъ, всѣ сѣли на коней. объѣхавъ ряды нашихъ полковъ, при громкихъ крикахъ солдатъ, главнокомандующій приблизился къ турецкимъ войскамъ. На встрѣчу къ нему выѣхалъ Керимъ-паша, бодрый и почтенный старикъ, съ выразительнымъ энергическимъ лицомъ. Керима любитъ войско и называетъ: баба-Керимъ, то-есть дѣдушка Керимъ. Главнокомандующій зналъ Керимъ-пашу въ Турціи въ 1833 г., когда былъ съ десантнымъ отрядомъ на Босфорѣ,—и особенно привѣтливо говорилъ съ нимъ. Керимъ-паша долженъ былъ поднести главнокомандующему ключи города; но онъ выѣхалъ съ пустыми руками, и на вопросъ «гдѣ же ключи?» отвѣтилъ, что ихъ нѣтъ. И многое другое не было исполнено такъ, какъ было положено въ условіяхъ сдачи. Такъ турецкое начальство должно было представить намъ подробные именные списки редиѣ и войскъ, и у насъ назначены были офицеры для приѣма плѣнныхъ по этимъ спискамъ; но никакихъ списковъ сдѣлано не было, хотя, по словамъ Вильямса, онъ, съ своей стороны, употребилъ всѣ усилія для сохраненія порядка. Сдача была сдѣлана съ азіатскою простотою. Армію раздѣляли на двѣ части: редиѣ, баши-бузуки и лазы, которые уходятъ за Саганлугъ, и остальная часть войска, которая сдается военноплѣнною. «Это все ваше, говорили турецкіе начальники: и войско, и оружіе въ Карсѣ, и запасы, и жители, и городъ. Зачѣмъ списки и вѣдомости? Берите все, и сами считайте.»

Изъ рядовъ войска турецкаго выступили тогда, одно за другимъ, 12 полковыхъ знаменъ; ихъ несли турецкіе офицеры

всѣ молодцы на подборъ; между ними были и черные Африканцы. Знамена—новыя, исписанныя турецкими надписями, и богато украшенныя кистями. Знаменщики приблизились въ безмолвіи, и остановились предъ самымъ главнокомандующимъ. Отъ нашего войска выступили унтеръ-офицеры ближайшаго батальона и стали ассистентами у турецкихъ знаменъ, у каждаго по два. Потомъ знамена заколыхались снова, и двинулись къ нашему лагерю. Уважая рѣдкое мужество непріятеля, нашъ главнокомандующій не хотѣлъ, чтобы кричали *ура*; но оно вырвалось внезапно изъ чувства столь явнаго торжества оружія русскаго. Музыка тоже заиграла, когда приняли знамена. Говорили, что нѣкоторые турецкіе полковные командиры весьма неравнодушно разстались съ своими знаменами; плакали и цѣловали ихъ, объясняя солдатамъ, что не они въ томъ виновны, а паши и Англичане.

Послѣ этого, мимо нашего главнокомандующаго и турецкаго мушира потянулся редиѣ, по направленію къ Саганлугу. Въ головѣ его шелъ стамбульскій гвардейскій батальонъ, передъ которымъ ѣхалъ верхомъ командиръ его, Абдеррахманъ-паша. Редиѣ проходилъ узкою колонной въ рядахъ, сначала довольно стройно; но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; подъ конецъ повалилъ въ безпорядкѣ. Лица солдатъ изобличали сильное изнуреніе и равнодушіе; они шли вяло, безъ бодрости и безъ силъ, вынося на себѣ свое имущество, тряпье, котелки и т. п.; офицеры имѣли оружіе, сабли и пистолеты. Въ условіи сказано было: офицерамъ сохранить шпаги (*épées*), но они прозили оставить имъ и пистолеты, и главнокомандующій согласился на это. Турки проходили возлѣ самой лошади главнокомандующаго, и намъ было нѣсколько страшно за него. Стоя близъ его и внимательно разсматривая проходившихъ солдатъ, мы старались угадать, не имѣетъ ли кто изъ нихъ дурнаго намѣренія противъ его особы. Два раза вполголоса просили главнокомандующаго отъѣхать, напоминая ему объ опасности, которой онъ можетъ-быть подвергался. Главнокомандующій не обращалъ на это вниманія, а напротивъ того вѣхалъ въ самую средину толпы и началъ говорить съ солдатами по-турецки. Но турецкіе солдаты вообще смотрѣли равнодушно; не замѣтно было въ глазахъ ихъ ни злобы, ни ненависти. Помню только одного высокаго солдата или офицера въ фескѣ и турецкомъ платьѣ, но съ типомъ лица, какъ мнѣ показалось, не турецкимъ;

проходя въ толпѣ, онъ посмотрѣлъ на главнокомандующаго пристально, и на лицѣ его выразалось много злобы. Я помню, что Николай Николаевичъ тутъ же сдѣлалъ замѣчаніе въ подголоса, что въ рядахъ редифа проходятъ иностранцы; но предупредить это, осматривать каждаго порознь и дознаться правды было рѣшительно невозможно. Редифу приходилось идти черезъ мостикъ. У мостика этого стояли наши солдаты и отбирали оружіе у Турокъ, потому что многіе выносили его при себѣ; оружіе это складывалось въ большую груды у ручья; потомъ пришлось возвратить оружіе нѣкоторымъ турецкимъ офицерамъ, такъ какъ у многихъ оно тутъ было отобрано по ошибкѣ, благодаря малому отличію ихъ отъ солдатъ.

Послѣ сдачи, оказалось мало знаменъ, и главнокомандующій приказалъ осмотрѣть выюки и имущество редифа. Это было исполнено полковникомъ Лорисомъ, на первомъ же ночлегѣ редифа, когда онъ отошелъ верстъ 10 отъ главнаго отряда, и точно нашлось нѣсколько знаменъ и значковъ (до 16 всего); они были повязаны на поясахъ, а нѣкоторые спрятаны за пазухой. До Саганлуга, Турокъ конвоировалъ батальионъ барона Врангеля. Около 500 человекъ редифа умерли отъ изнуренія на дорогѣ, на привалахъ и ночлегахъ. На обратномъ пути, наши солдаты, по возможности, зарывали ихъ. Говорили, что до Эрзерума дошла только треть редифа; конечно, большая часть разбрелась по ауламъ. Замѣчаніе, что въ рядахъ редифа проходили и иностранцы подтверждается слѣдующимъ разказомъ поручика П., бывшаго батальионнымъ адъютантомъ въ отрядѣ барона Врангеля. «Проѣзжая черезъ толпу редифовъ, сказывалъ онъ, я услышалъ фразу, произнесенную на чистомъ польскомъ языкѣ; я обернулся, и увидѣлъ мужчину лѣтъ сорока и другаго молодаго человека, у котораго лицо почти все было закрыто шарфомъ; ни въ томъ, ни въ другомъ не видать было ничего азіатскаго, кромѣ костюма. На привалѣ пригласили мы нѣсколькихъ турецкихъ офицеровъ закусить съ нами; я спросилъ одного изъ нихъ; есть ли между редифами Поляки и Мадьяры?—Есть даже Австрійцы, сказалъ онъ мнѣ. Я передалъ ему, что замѣтилъ двухъ иностранцевъ и описалъ примѣты ихъ одежды.—Я знаю ихъ, сказалъ мнѣ турецкій офицеръ; это Полякъ съ своею женою.» Въ толпѣ редифовъ я нашелъ одного, который говорилъ хорошо по-французски и называлъ себя бібліотекаремъ; онъ родомъ Турокъ, воспитывался въ одномъ французскомъ семей-

ствѣ, въ Константинополь, и былъ въ Парижѣ. Съ нимъ былъ вьюкъ на тощей лошаденкѣ; по словамъ его весь этотъ вьюкъ состоялъ изъ рѣдкихъ книгъ, которыя удалось ему вывезти изъ карсской библіотеки. Этотъ библіотекаръ былъ немного пьянъ.

Но возвратимся къ сдачѣ. Оставивъ редиѣ, который продолжалъ тянуться нескончаемою лентою, главнокомандующій подѣхалъ со свитой къ депутаціи отъ города. Почетные изъ жителей, на жестяной тарелочкѣ поднесли ему *лавашъ съ солью*¹. Главнокомандующій сказалъ имъ, чтобъ они вели себя хорошо и что тогда имъ не будетъ обиды. Дальше стояли турецкія войска, раздѣленные по полкамъ и батальонамъ, но въ безпорядкѣ, толпами. Николай Николаевичъ объѣхалъ ряды ихъ; онъ въѣзжалъ въ самую середину ихъ, и говорилъ съ нѣкоторыми начальниками по-турецки. Тутъ были и стрѣлки, и Арабистанцы, и Анатолийцы, и Сувары, спѣшенные кавалеристы и артиллеристы, однимъ словомъ, всѣ регулярныя войска Анатолийской арміи съ ихъ офицерами и пашами. Орудія нашихъ батарей на случай заряжены были картечью и фитили горѣли, но все обошлось спокойно, и главнокомандующій приказалъ допустить турецкихъ солдатъ къ приготовленному для нихъ обѣду, состоявшему изъ щей съ говядиной и каши, наваренныхъ въ огромномъ количествѣ, въ котлахъ, на берегу Карсъ-Чая.

Турки пошли къ котламъ толпами, но съ достоинствомъ и покорные тѣмъ, кто велъ ихъ. Вообще они держали себя хорошо; только у двухъ крайнихъ котловъ накинудись они безъ удержа на пищу: многимъ неумѣренность была гибельна. Пока продолжалось это угощеніе, главнокомандующій, въ присутствіи мушира сдѣлалъ смотръ конной батарее Есакова, а потомъ драгунамъ графа Нирода. Батарея выѣзжала на позицію маршъ-маршемъ и снималась съ передковъ; стрѣлать было нельзя, потому что орудія были заряжены. Когда драгуны, по приказанію главнокомандующаго, должны были произвести атаку фронтомъ, вдругъ, впереди ихъ, въ полѣ, очутился одинъ Турокъ изъ отсталыхъ. Ему кричали, чтобъ онъ скорѣе отходилъ, но онъ упалъ на земь; казаки кинулись отгонять его—онъ былъ такъ изнуренъ, что не могъ идти; его посадили на казачью лошадь и отвезли въ сторону: бѣдняга былъ совсѣмъ безъ силъ. Тутъ получилъ я приказаніе отъ главнокомандующаго отвезти въ Карсъ русскій флагъ и поднять его въ цитадели. Полковникъ

¹ Лавашъ сухая тонкая прѣсная лепешка, изъ пшеничной муки.

Десаже былъ назначенъ комендантомъ города. Онъ долженъ былъ тотчасъ послѣ сдачи турецкой арміи занять Карсѣ четыре батальонами и одною батареей артиллеріи, и смѣнить по всѣмъ укрѣпленіямъ оставшіеся въ нихъ турецкіе караулы. Думая, что онъ уже выступилъ съ своимъ отрядомъ и находился далеко впереди меня, я помчался въ Карсѣ, держа свернутый флагъ передъ собой. Конвой мой состоялъ изъ сотника Елбаева и десяти отборныхъ казаковъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ урядниковъ. Дорога прямая, торная. Въ сторонѣ, по направленію къ Шораху, двигался къ Карсу батальонъ нашъ, но ни полковника Десаже, ни отряда его, не было впереди меня. Незамѣтно примкнули ко мнѣ два офицера. Они назначены въ распоряженіе коменданта, и не зная, гдѣ его найти, поѣхали со мной. Тутъ же присоединился къ намъ флигель-адъютантъ Витгенштейнъ съ нѣсколькими линейцами своего полка; онъ возвращался въ свой отрядъ къ Бакланову и хотѣлъ проѣхать черезъ городъ берегомъ Карсѣ-Чая. Мы поѣхали шагомъ. По сторонамъ возвышались камни и скалы; между ними вилась дорога: мѣсто дикое и красивое. Вотъ показался и городъ. Оставивъ направо каменный Кичикъ-кѣвскій мостъ, въ нѣсколько арокъ, я продолжалъ ѣхать лѣвымъ берегомъ рѣки; потомъ, разставившись съ Витгенштейномъ, переѣхалъ Карсѣ-Чай, черезъ понтонный мостъ. Видъ на крѣпость Карса, на городъ и особенно на цитадель, былъ чудно хорошъ; но вездѣ безмолвіе ненарушимое, точно вѣвжалъ я въ вымершій городъ; на улицахъ—ни души, никого въ окнахъ, развѣ иногда выглянетъ голова и спрячется. Тутъ нагналъ я трехъ или четырехъ жителей, возвращавшихся въ городъ: одинъ, пѣшій, былъ Армянинъ; я взялъ его въ проводники, хотя онъ и отговаривался, больше потому, что боялся насъ; два казака ѣхали впереди съ Армяниномъ, и два сзади. По всему было видно, что батальоны наши еще не вступали въ Карсѣ. Тогда я рѣшился взобраться на самый верхъ въ цитадель, и дожидаться тамъ ихъ прихода. Еще было свѣтло. Мы углублялись въ городъ болѣе и болѣе; улицы становились все уже; были дома поврежденные, но не очень, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ проѣзжалъ я; вотъ минареты, террасы; но все это было брошено, все пусто, безжизненно. Нашъ путь шелъ въ гору. Подъѣхали къ воротамъ—заперто. Крикнули часоваго. На верху, надъ воротами, показался Турокъ, посмотрѣлъ на насъ и сошелъ внизъ. Я сказалъ ему черезъ переводчика, что мы Русскіе, что я присланъ отъ нашего мушира, а потому пусть отворятъ во-

рота. За стѣной кто-то подошелъ къ часовому, и послѣ небольшо-
 ныхъ переговоровъ завенѣли ключи, и ворота отворились. Въ
 крѣпости увидѣлъ я турецкаго офицера съ орденомъ на груди,
 бимъ-баши Хаджи Ягія, какъ онъ себя назвалъ. Я объявилъ, что
 присланъ занять цитадель; онъ поклонился почтительно, что-
 то заговорилъ о *нешкешъ* и предложилъ намъ слѣдовать за
 собою. Мы отпустили проводника-Армянина; ворота вновь
 были заперты за нами, и при нихъ оставленъ турецкій часо-
 вой. Мы же съ комендантомъ стали подниматься по дорогѣ
 въ крутую гору; на предпоследней площадкѣ оставили лоша-
 дей съ нѣсколькими казаками, а сами, по деревянному по-
 мосту, взобрались пѣшкомъ на верхъ. Тутъ, на небольшой
 площадкѣ, обнесенной каменною стѣной, стояли три орудія,
 направленные въ разные стороны, и шесть, на которомъ под-
 нимался турецкій флагъ. Разставивъ часовыхъ при лошадяхъ и
 на улицѣ, мы сами остались на верху ожидать прибытія Де-
 саже. Видъ сверху былъ замѣчательно хорошъ. Цитадель воз-
 вышалась среди крѣпости отдѣльною скалой; глубоко внизу
 бѣжалъ Карсъ-Чай, пробиваясь въ тѣснинѣ между горъ; кру-
 гомъ—грозная высоты Карадага, Чакмаха и Шораха; на нихъ
 покинутыя табіи съ бѣлыми палатками; къ югу—городъ на
 скалахъ и уступахъ до нижняго укрѣпленнаго лагеря; за нимъ
 обширная высокая страна; видны далекія горы, видны рав-
 нины, перерѣзанныя черными дорогами. Темнѣетъ. Мало-по-
 малу число наше увеличивается; къ намъ подъѣзжаютъ еще
 нѣсколько офицеровъ: это или пріемщики турецкихъ воен-
 ныхъ снарядовъ и имущества въ Карсъ, или переводчики и
 назначенные въ распоряженіе коменданта; всѣ они собираются
 въ цитадель, какъ въ сборный пунктъ. Холодно, сильный по-
 рывистый вѣтеръ и дождь, и все темнѣе и темнѣе. Бимъ-
 баши съ нами; онъ сидитъ на камнѣ, держитъ ключи, хочетъ
 дожидаться русскаго коменданта, да и я не выпускаю его; пусть
 остается при насъ для вѣрности отвѣтчикомъ. Десаже еще
 нѣтъ; говорятъ, что онъ идетъ, но еще далеко; я отправилъ
 къ нему на встрѣчу Елбаева съ двумя казаками сказать, что
 мы его ожидаемъ въ цитадели. Между тѣмъ, мы сами, ничего
 не ѣвши съ утра, сильно проголодались. Было взято у меня
 съ собой въ сумѣ немного чернаго хлѣба и сухарей для раз-
 дачи голоднымъ кто встрѣтится, но тутъ намъ пришлось самимъ
 покончить весь этотъ запасъ до чиста. Дождь не перестаетъ, и
 уже совсѣмъ темно; мы зябнемъ и мокнемъ понемногу. Въ городѣ

показываются кое-гдѣ огни; по временамъ слышны внизу выстрѣлы: «солдаты балуютъ,» говорить бимъ-баши. Подымать флагъ было уже поздно; при насъ не было артиллеріи и зарядовъ для салюта, и я рѣшился спуститься сверху и идти съ комендантомъ въ домъ, куда онъ давно приглашалъ насъ. Мы отвязали флагъ, который было уже совсѣмъ приладили къ шесту, и съ казаками и лошадьми сошли за Хаджи внизъ, съ трудомъ, высматривая дорогу, чтобы не провалиться въ подземныя сакли. Почти у самыхъ воротъ Хаджи исчезъ въ темномъ корридорѣ, потомъ вернулся съ огнемъ и провелъ насъ въ маленькую комнату, «дежурную караулку,» по его словамъ. Вѣтеръ продувалъ въ окна, заклеенныя кое-гдѣ бумагою, но въ каминѣ развели огонь, и мы, подсѣвъ къ нему, обсушились и обогрѣлись. Здѣсь стало намъ веселѣе; огонь горѣлъ ярко. Турокъ принесъ чубукъ, и мы поочередно курили съ нимъ. Узнавъ, что я адъютантъ главнокомандующаго, онъ оказывалъ мнѣ много вниманія, ругалъ Омеръ-пашу и Англичанъ, и разказывалъ небылицы. Въ городѣ, между тѣмъ, число огоньковъ увеличилось; по временамъ повторялись выстрѣлы. Уже было за 8 часовъ, когда въ тишинѣ вечера послышалось намъ что-то похожее на отдаленную музыку. Прислушиваемся: точно вдали бьетъ барабанъ и играетъ военная музыка—русскіе батальоны вступаютъ въ Карсѣ. И ближе подвигается войско, и громче и слышнѣе бьетъ барабанъ: это было очень приятно. Мы вышли къ воротамъ: они были уже отворены, въ крѣпость входила пѣхота, со стукомъ по камнямъ подымалась артиллерія, и все это двигалось мимо насъ въ темнотѣ, по узкой неровной улицѣ въ гору. Я искалъ Десаже. Мимо меня пробѣжала группа верховыхъ, я опросилъ ихъ; изъ среды раздался голосъ Черкесова: «Alexandre, c'est vous?—Michel! bon jour! où allez vous? — Dieu sait, où nous sommes; passez chez nous. И больше мы не видались тутъ; онъ переночевалъ въ какомъ-то домикѣ съ офицерами своей батареи, а я, на другой день, уѣхалъ съ донесеніемъ въ Петербургъ.

Наконецъ нашелъ полковника Десаже. Оглядъ его замѣшкаться при выступленіи еще изъ лагеря, ¹ и темнота застигла его

¹ Одинъ изъ батальионовъ Тульского полка выведенъ былъ безъ ранцевъ, и долженъ былъ за ними сходить обратно въ свой лагерь; это одно задержало отрядъ Десаже болѣе часа на мѣстѣ, гдѣ войска были выстроены для сдачи.

на пути. Полковникъ Десаже былъ сердитъ, ругался на проводниковъ, которые повели его въ городъ скверными неровными улицами, ввезли батарею на какую-то скалу и теперь сами бѣжали, не указавъ ни помѣщенія солдатамъ, ни его квартиры въ крѣпости. Я видѣлъ, что бимъ-баши тоже отъ него досталось; онъ ворчалъ и двигался поворотливѣе. Полковника Десаже провели мы въ нашу дежурную комнату; тутъ собралось нѣсколько офицеровъ; пріѣхалъ и адъютантъ главнокомандующаго Жуковъ. Разсудивъ, что подымать флагъ ночью нельзя, что выстрѣлы могутъ смутить жителей въ только что занятомъ городѣ, мы отложили это до ранняго утра. Я написалъ карандашомъ обо всемъ брату для доклада главнокомандующему, и послалъ записку въ лагерь съ Елбаевымъ. У насъ же стало еще веселѣе и оживленнѣе передъ каминомъ; появились закуски, а потомъ и чай. Полковникъ Десаже отдавалъ приказанія и хлопоталъ о размѣщеніи отряда нашего, вступившаго въ городъ; но несмотря на всѣ его старанія, бѣльшая часть солдатъ провела эту ночь на улицѣ, подъ открытымъ небомъ. При мнѣ осталось нѣсколько казаковъ; лошадей ихъ поставили въ клевахъ; казаки нашли себѣ также теплѣйшій уголокъ, а я, завернувшись въ бурку, завалился спать на полу, возлѣ своихъ спутниковъ.

Четвертъ, ноября 17. Въ 6 часовъ утра разбудилъ меня Елбаевъ съ запискою отъ брата: главнокомандующій объявилъ, что я ѣду сегодня съ донесеніемъ къ Государю; мнѣ приказано объѣхать укрѣпленія Карса и возвратиться поскорѣе въ лагерь. Всѣ поздравляли меня, но такъ какъ я уже зналъ, что меня посылаютъ, то полученное извѣстіе меня не удивило.

Прежде всего надо было поднять флагъ, но взойдя на верхнюю площадку, мы нашли, что веревки на шестѣ были ночью перерублены; пришлось прилаживать флагъ иначе. Нѣсколько саперовъ устроили это на скорую руку. Артиллеристы зажгли фитили, и стали у турецкихъ орудій. Тогда разрѣзали веревку, сдерживавшую флагъ: его раскинуло порывомъ вѣтра, онъ зашумѣлъ и заколыхался надъ цитаделью, и первый выстрѣлъ нашъ грянулъ въ Карсъ. Мы всѣ были тронуты, и, снявъ фуражки, перекрестились. Въ этомъ выстрѣлѣ было много отраднаго для насъ, и съ гордостію смотрѣли мы на флагъ русскій, поднятый въ Карсъ. Внизу, въ крѣпости, гдѣ стояла наша артиллерія, тоже началась пальба; выстрѣлы слышались и на Шорахскихъ высотахъ, и вездѣ, на верху у насъ, и внизу,

гдѣ были войска, гремѣло ура. Вскорѣ и флагъ, и орудія, и цитадель, все одѣлось дымомъ, но выстрѣлы долго еще слѣдовали одинъ за другимъ.

Въ это время, въ домикъ своемъ, Николай Николаевичъ былъ еще въ постелѣ. Было еще темно. Въ комнатѣ горѣли свѣчи, и братъ, зная, что утромъ будетъ поднять флагъ въ Карсѣ, стоялъ въ ожиданіи передъ окномъ, обращеннымъ въ сторону города. И вотъ далеко, на горѣ, смутно различаемой, мелькнулъ огонекъ, потомъ другой, и все вдали покрылось дымомъ; выстрѣловъ слышно не было: вѣтеръ относилъ гулъ ихъ къ сторонѣ Александрополя. «Русскій флагъ поднять въ Карсѣ», сказалъ братъ главнокомандующему. Николай Николаевичъ, еще не одѣтый, подошелъ къ окну, уперся на обѣ руки, молчалъ, и долго, долго смотрѣлъ въ сторону Карса. Немного бываетъ такихъ минутъ, и трудно забываются онѣ въ жизни.

Исполняя полученное приказаніе, я отправился верхомъ, въ сопровожденіи пяти казаковъ осматривать укрѣпленія. Дорогой встрѣтилъ башу-бузукъ и взялъ его себѣ въ проводники. Пробираясь развалинами крѣпости и частію городомъ, проѣхали мы въ Арабъ-табію, оставивъ вправо Карадагъ-или Зіаредъ-табію. Арабъ-табія еще не была занята нашими караулами; въѣздъ въ нее былъ заставленъ рогаткой; возлѣ стоялъ турецкій часозой; на голосъ мой подошелъ турецкій офицеръ, и пропустилъ меня въ табію. Орудія стояли на мѣстахъ; ружья и амуниція кое-гдѣ сложены, а большею частію разбросаны по землѣ въ безпорядкѣ; ящики съ зарядами открыты. Я обошелъ табію пѣшкомъ. Помѣщенія для артиллеріи, сколько я могъ замѣтить изъ бѣлаго осмотра, были избраны очень хорошо; орудія обстрѣливаютъ всю мѣстность сильнымъ огнемъ, но сама табія, со стороны равнины, показалась мнѣ довольно доступна. Сообщивъ полковнику Д-саже съ казакомъ, что Арабъ-табія еще не занята нашими караулами, я съѣхалъ къ Карсѣ-Чаю, по весьма крутому и неудобному спуску. Переѣхавъ долину рѣки и самый Карсѣ-Чай черезъ мостъ, поднялись мы въ гору по тропинкѣ, также весьма крутой, и очутились на Чакмахскихъ высотахъ, покрытыхъ рядомъ укрѣпленій, извѣстныхъ нашему проводнику подъ общимъ именемъ Инглизъ-табій. Каждая изъ нихъ имѣла свое названіе: Черчилъ, Томсонъ, Тиздель-табія. Крайняя изъ нихъ, ближайшая къ рѣкѣ, была совершенно оставлена безъ караула; оружіе въ безпорядкѣ валялось по землѣ и во рвахъ. Попались мнѣ здѣсь три

линейные казака; они ѣхали въ нашъ лагерь и завернули сюда по дорогѣ пошарить и чѣмъ можно попользоваться. Въ слѣдующей табии встрѣтилъ я уже наши караулы; часовые разставлены были при зарядныхъ ящикахъ, при оружии и артиллеріи; и здѣсь все это было брошено въ страшномъ безпорядкѣ; палатки стояли старыя, прострѣленные, совсѣмъ ветхія; передъ табіями нарыты были волчьи ямы. Чѣмъ далѣе я ѣхалъ, тѣмъ болѣе встрѣчалъ порядка и дѣятельности. Мнѣ попадались наши артиллерійскіе офицеры, назначенные для приѣма военнаго имущества; съ бумагою и карандашомъ въ рукахъ, они переходили изъ одного укрѣпленія въ другое, составляли описи артиллеріи, оружія, зарядовъ и т. д., стараясь привести чтѣ можно въ извѣстность и тѣмъ сохранить отъ расхищенія; вездѣ разставлялись караулы, подбирались штуцера и ружья. Велипаша-табиа показала мнѣ особенно сильна, какъ по профилю своей, такъ и по вооруженію; внутри ея блокгаузъ, составляющій редуть. Отсюда, взявъ вправо, проѣхалъ я на Шорахскія высоты, по мѣстности довольно ровной, перерѣзанной по разнымъ направленіямъ дорогами. Здѣсь, въ огромной Тахмасъ-табиа, расположенъ лагерь Арабистанцевъ; палатки ихъ также стары и негодны, только одна лучше другихъ, большая, зеленая, — стоитъ отдѣльно на возвышеніи; какъ кажется, это ставка Кмети-Маджаръ-Измаилъ-паша. Въ одной изъ маленькихъ палатокъ казаки мои замѣтили тѣло турецкаго солдата; онъ лежалъ у входа; какъ упалъ тутъ, такъ и остался мертвымъ. Погода была непріятная, холодная; по временамъ шелъ дождь и мокрый снѣгъ, который еще лежалъ кое-гдѣ на высокой плоскости Шорахскихъ высотъ; можно думать, что здѣсь было значительно холоднѣе чѣмъ внизу и въ нашемъ лагерѣ. Отъ Тахмасъ-табиа я проѣхалъ къ новой сомкнутой табии, построенной Турками на полугорѣ, уже песаѣ 17 сентября, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прошли наши штурмующія колонны.

Время не позволило мнѣ объѣхать нижній лагерь, я спустился къ горѣ Мухъ, обогнулъ ее слѣва и рысью вернулся домой. Дорогой попадались мнѣ на встрѣчу повозки и скоть: жители везли хлѣбъ и гнали быковъ и барановъ на базаръ въ Карсъ.

Между тѣмъ, во время моего отсутствія, въ лагерь нашемъ кипѣла работа и во всемъ замѣтна была усиленная дѣятельность. Турецкая армія была въ плѣну; но теперь эта изну-

ренная масса людей, безъ хлѣба, теплой одежды и покроя, одолѣвала насъ. Послѣ угощенія на Карсъ-Чаѣ, Турокъ повели колоннаиъ черезъ нашъ лагерь въ Азатъ-Кѣвъ, гдѣ они должны были расположиться лагеремъ и оттуда уже нѣсколькими эшелонами отправиться, подъ нашимъ прикрытіемъ, въ Александрополь, для слѣдованія далѣе на Тиѣлисъ. Несмотря на строгій присмотръ, много Турокъ разбрелось по лагерю; иные подходили къ землянкамъ, стучали въ окна, кричали : «аманъ, аманъ» и падали отъ изнеможенія. Двое Турокъ забрались въ палатку фельдъегерей; тамъ стоялъ обѣдъ на столѣ; они его съѣли и улеглись на двухъ кроватяхъ, къ изумленію фельдъегерей, которые нашли ихъ въ такомъ видѣ спящими. На другое утро, въ нашемъ лагерѣ, найдено было нѣсколько тѣлъ въ конюшняхъ, въ палаткахъ, въ сѣнѣ и другихъ мѣстахъ.

Паши и Англичане были размѣщены въ землянкахъ у офицеровъ. Керимъ стоялъ у Ермолова, и считался гостемъ главнокомандующаго.

Когда я вернулся, главнокомандующій былъ занятъ бумагами, и къ нему безпрестанно приходили съ докладами и за приказаніями. Мнѣ велѣно присмотрѣть за укладкою знаменъ и прочестъ всѣ отправляемыя со мною письма и донесенія главнокомандующаго Государю и военному министру. Бѣду сегодня, вечеромъ, съ фельдъегеремъ Баномъ и урядникомъ Курмоярковымъ. Везу двѣнадцать знаменъ полковыхъ, нѣсколько значковъ, всѣ съ древками ¹, и ключъ Карса, тотъ самый, которымъ комендантъ цитадели отворилъ мнѣ ворота. «Ты вѣдь, пожалуй, захочешь домой заѣхать,» спросилъ меня Николай Николаевичъ.—«Если можно, то очень бы хотѣлъ.—«Что, тебѣ трехъ недѣль дома довольно?» Я съ радостію отвѣчалъ, что довольно.—«А пожалуй много?»—Нѣтъ не много.—Николай Николаевичъ приказалъ мнѣ написать себѣ коротенькое предписаніе съ разрѣшеніемъ пробыть дома 20 дней, послѣ чего «вернуться къ своей должности». Когда уже бумага была подписана, Николай Николаевичъ замѣтилъ, что не достаетъ этихъ послѣднихъ словъ. Мнѣ было очень досадно за мою опрометчивость, и я

¹ Знамена имѣли свои турецкіе древки, а къ значкамъ сдѣлали новые. Это были 7 значковъ, взятые у Лазовъ; они до сего времени развѣвались передъ домикомъ главнокомандующаго, упакованные въ четыре огромные тюка.

тотчасъ же вписалъ пропущенное; но не пришлось мнѣ возвратиться изъ Петербурга въ Грузію.

Послѣдній вечеръ мой въ лагерьъ провелъ я въ домикъ у Николая Николаевича. Туда же пришли братъ и ротмистръ Башмаковъ.

Башмаковъ съ сокрушеніемъ разказывалъ о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ плѣнными въ Азатъ-Кѣвъ. И точно страданія ихъ были велики; но не было никакихъ средствъ помочь имъ. Кромѣ матеріальныхъ нуждъ, которыя плѣнные терпѣли въ настоящемъ, они терпѣли за прошедшее, за всѣ нужды и лишения, понесенныя ими во время блокады: разрушеніе и смерть были въ груди ихъ.

У меня все было готово и уложено; вещи свои, а также людей и лошадей, я оставлялъ на попеченіе брата, и съ собой бралъ по возможности очень не много. Вечеръ былъ очень темный; шелъ мелкій дождь; рѣшили подождать восхода луны. Двѣ троечныя телѣги были заложены хорошими почтовыми лошадьми; на одной уложили знамена. Возшелъ мѣсяцъ; стало не много свѣтлѣе. Я одѣлся совѣмъ по дорожному и пошелъ къ Николаю Николаевичу проститься. Ему принесли поужинать, и я закусилъ у него на дорогу. Помолчали не много; потомъ Николай Николаевичъ сказалъ мнѣ: «Ну, прощай!» и крѣпко меня обнялъ. Я вышелъ на площадку, дождь не унимался; телѣги стояли у моей землянки и звенѣлъ дорожный колокольчикъ. Мы обнялись съ братомъ крѣпко. Ему было грустно. «*Mon cher ami, vous ne reviendrez pas chez nous*», сказалъ онъ мнѣ. Но мнѣ тогда этого совѣмъ не казалось: я былъ полонъ надеждъ, и не приходила мнѣ въ голову мысль, что я расстаюсь съ Кавказомъ надолго, можетъ-быть навсегда. Такъ сѣлъ я на телѣжку, еще разъ простился съ братомъ и Кульстремомъ, вышедшимъ также проводить меня. Теперь впередъ, впередъ съ доброю вѣстью! Константинъ, казакъ мой, проѣхалъ со мною по лагерю, чтобъ очищать дорогу, по которой тащился длинный обозъ. За лагерьемъ дорога стала свободнѣе, и мы поѣхали корѣе.

Прости же и Карсъ, и лагерь нашъ, и всѣ друзья кавказскіе!

Вотъ нѣкоторыя подробности о томъ, что происходило уже послѣ моего отъѣзда изъ отряда:

18-го ноября братъ былъ посланъ въ Карсъ для осмотра что дѣлается въ городѣ, не грабятъ ли, въ какомъ положеніи

госпитали и пр. На возвратномъ пути онъ долженъ былъ захватить въ Азатъ-Кёвъ, гдѣ стояла пѣнная турецкая армія. Ночью выпалъ снѣгъ; въ городѣ все было бѣло, тихо мертво; лавки заперты; по улицамъ валялись тѣла, которыя бѣли собаки. Братъ встрѣтилъ нѣсколько Донцовъ и милиціонеровъ, которые грабили, и тутъ же на мѣстѣ наказалъ ихъ. Большой пашинскій дворецъ былъ обращенъ въ главный госпиталь; въ немъ лежало до 500 больныхъ; доктора всѣхъ націй (всѣхъ медиковъ было до 80 человекъ) встрѣтили брата; все было чисто и въ порядкѣ, въ большой, прекрасной залѣ (съ хорами); но среди этого величія, среди порядка и чистоты, господствовалъ голодъ со всѣми его ужасами и страданіями. У брата и провожавшихъ его были взяты съ собой мѣшечки съ сахарами. Когда онъ сталъ раздавать сухари, больные, бросивъ свои койки, окружили его толпой и просили хлѣба; иные ползли по полу. Братъ надѣлалъ всѣхъ, сколько могъ, и со слезами и радостными благословеніями принималась эта желанная пища; были и такіе, которые уже умирали, и не могли ѣсть: они просили знаками, чтобы хлѣбъ былъ положенъ передъ ними на кровать, — съ умиленіемъ смотрѣли на него и твердили: «Аллахъ, Аллахъ!» Имъ легче было умирать...

Отсюда братъ поѣхалъ къ полковнику Десаже, занявшему прежнюю квартиру Вильямса; потомъ былъ на Шорахъ и наконецъ въ Азатъ-Кёвъ. Въ развалинахъ аула Азатъ-Кёвъ и на берегу ручья столпилось въ одну массу до 7.000 Турокъ безъ лалатокъ и въ грязи, смѣшавшись въ одну общую кашу; не было даже огня, потому что всѣ дрова были сожжены тотчасъ по приходѣ: густая цѣпь Бѣлевскаго полка окружала пѣнныхъ. Братъ сдѣлалъ чтò могъ, чтобы облегчить ихъ положеніе; тутъ же подошелъ черводарскій транспортъ съ палатками; Турки, замѣтивъ его, бросились къ вьюкамъ, прорвали цѣпь, — началась драка надъ палатками.

Когда братъ возвращался домой въ лагерь, ему попалась на встрѣчу толпа пѣнныхъ, которые шли въ Азатъ-Кёвъ съ криками: «аманъ, аманъ!» Это была одна тысяча Турокъ, объявившихъ себя редифомъ и надѣявшихся получить такимъ образомъ свободу; но въ лагерь обманъ былъ открытъ и колонна возвращалась въ Азатъ-Кёвъ подъ прикрытіемъ Бѣлевцевъ: они погоняли отстававшихъ прикладами. Нѣсколько труповъ на дорогѣ обозначали путь колонны. Одинъ пѣнный на землѣ былъ еще живъ; надъ нимъ стоялъ солдатъ. «Что ты стоишь?

спросилъ его братъ.—«Жду, чтобъ умеръ». Бѣлевцы были злы на Турокъ за штурмъ 17 сентабря, гдѣ много раненыхъ изъ ихъ полка было приколено послѣ дѣла.

Изъ Азагъ-Кѣва братъ вернулся въ главный отрядъ.

Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній о послѣдующей судьбѣ Карса. Главнокомандующій въѣхалъ въ городъ на четвертый день послѣ сдачи. Полковникъ Лорисъ былъ назначенъ губернаторомъ Карсской области. Такъ какъ цѣны на съестные припасы въ Карсѣ были очень высоки, то полковникъ Десаже объявилъ таксу для продажи на базарѣ. Однако дѣла шли не хорошо: муллы не совершали обыкновенныхъ молитвъ въ мечетяхъ; слухъ пронесся по всѣмъ окрестностямъ, что городъ оскверненъ присутствіемъ Русскихъ-невѣрныхъ; перестали подвозить хлѣбъ, и опять нужда началась въ Карсѣ. Это случилось при полковникѣ Лорисѣ уже по отъѣздѣ главнокомандующаго, и онъ принялъ мѣру рѣшительную: въ одинъ день, передъ полуднемъ, полковникъ Лорисъ пригласилъ весь меджлисъ (городской совѣтъ) въ главную мечеть и сказалъ имъ: «Скоро будетъ 12 часовъ — это время вашей молитвы: если на этотъ разъ муллы не будутъ служить въ мечетяхъ, завтра весь меджлисъ будетъ повѣшенъ, вотъ здѣсь», — и онъ указалъ на лампы или паникадила, спускавшіяся во множествѣ на цѣпяхъ съ потолка мечети. Въ 12 чассъ закричали первые муэззины въ Карсѣ послѣ занятія города Русскими. Слухъ пронесся, что оскверненіе снято. вмѣстѣ съ тѣмъ, полковникъ Лорисъ съ барабаннымъ боемъ объявилъ всенародно, что всякая такса отменяется, и каждый можетъ продавать свой товаръ по какой угодно цѣнѣ. Жители отовсюду нахлынули въ городъ съ хлѣбомъ, мясомъ, сѣномъ и пр.; отъ избытка, вдругъ сдѣлавшагося на базарѣ, сами собою установились благоразумныя цѣны, и порядокъ былъ водворенъ въ Карсѣ.

Еще нѣкоторые замѣчанія:

У Англичанъ и пашей, пока они были у насъ въ лагерѣ, три ночи не разсѣдывали коней; это дало маленькое подозрѣніе, и по три исправныхъ казака были назначены на каждую конюшню, гдѣ стояли лошади плѣнныхъ. Эти казаки имѣли тайный надзоръ; также смотрѣлъ въ оба глаза подполковникъ Мансурадзе: ему случилось даже разъ гнаться, сломя голову, впрочемъ, совсѣмъ понапрасну, за однимъ Англичаниномъ,

который поѣхалъ въ карьеръ къ своему знакомому въ нижній лагерь. Послѣ Англичане и паша стали разсѣдывать своихъ лошадей. Должно полагать, впрочемъ, что подозрѣніе о намѣреніи англійскихъ офицеровъ бѣжать изъ нашего лагеря, было совершенно неосновательно. Они слишкомъ высоко цѣнили свое достоинство, и не рѣшились бы бѣжать изъ плѣна, котораго при томъ отнюдь не считали позорнымъ. Нѣсколько разъ они выражались такъ: «Если насъ будутъ выпускать изъ плѣна съ условіемъ не поднимать оружія противъ Россіи, мы откажемся отъ освобожденія; если же насъ размѣняютъ безусловно, то мы не потеряемъ дня, чтобы стать въ ряды нашей дѣйствующей арміи».

А. Корсаковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Вотъ въ переводѣ нѣкоторыя письма изъ числа отбитыхъ съ почтою въ ночь съ 12-го на 13-е октября.

Г. Брандтъ генералу Вильямсу изъ Эрзерума, отъ 19-го октября 1855 года.

(На англійскомъ языкѣ.)

«Я получилъ всѣ ваши письма черезъ Саи, черезъ Руссула и черезъ Тагиръ-пашу. Последнее получено 15 числа; черезъ Руссула 16-го. Саи, хотя выѣхалъ ранѣе, но прибылъ только 17-го. Я его отправляю сегодня, оставляя Руссула до прихода почты, которой съ каждымъ днемъ ожидаю. Всѣ ваши депеши посланы съ татаринომъ вмѣстѣ; здѣсь нѣтъ опасности, а изъ Константинополя онѣ могутъ быть отправлены различными дорогами, такъ что скоро достигнутъ своего назначенія. Чѣмъ болѣе я просматривалъ ваши депеши, тѣмъ болѣе восхищался и удивлялся; результаты дѣйствительно баснословны, и имъ бы трудно было повѣрить, не зная вашей разсудительности и скромности. Я не могу хорошо представить, себѣ какимъ образомъ оборванные и истощенныя голодомъ турецкія войска могли совершить подобный геройскій подвигъ; какъ столь малое число ихъ могло выдержать натискъ сильныхъ, хорошо организованныхъ батальионовъ, и такъ славно отразить несоразмѣрныя силы. Я полагаю, что этотъ успѣхъ можетъ быть объясненъ только превосходствомъ вашей артиллеріи и вашихъ батарей,

а также и сильными защитами; но и это только отчасти объясняетъ дѣло, потому что ваши солдаты часто были въ открытомъ мѣстѣ, а непріятель на вашихъ батареяхъ. Что касается дальнѣйшихъ дѣйствій Муравьева, то я полагаю, что онъ подвинетъ Баязетскій отрядъ для прикрытія своего отступленія; можетъ-быть онъ опасается теперь двигаться и ищетъ себѣ обезпеченія, выказывая бодрый строй до прихода подкрѣпленій, съ которыми уже будетъ довольно силенъ, чтобы двинуться. Можетъ-быть, балаганы его имѣютъ цѣлю только скрыть его отступленіе, и когда онъ будетъ въ силахъ, то однимъ разомъ сниметъ свои палатки и отправитъ ихъ впередъ, а ночью, оставивъ балаганы и одни пикеты вокругъ Карса, снимется съ позиціи, и прежде чѣмъ все это откроется, будетъ уже внѣ вашего преслѣдованія. Я не могу допустить, чтобы онъ могъ рѣшиться на вторичный серьезный приступъ; это значило бы жертвовать Грузіей, съ весьма малыми для него надеждами на успѣхъ.

«Почта изъ Тифлиса въ Баязетскій отрядъ была взята, но мы мало что узнали за несимѣнимъ довѣренныхъ лицъ для прочтенія писемъ. Только видно, что припасы въ Тифлисѣ рѣдки и дороги, что тамъ свирѣпствуетъ холера, что всѣ въ страхѣ, не получая извѣстій со времени взятія Севастополя. Вся сумка, взятая нами, будетъ отправлена въ Константинополь. Какъ глупо, что Порты не посылаетъ сюда довѣреннаго лица, знающаго по-русски! Такихъ людей легко бы можно было найти въ Константинополѣ.

«У насъ нѣтъ свѣжихъ извѣстій изъ Крыма; готовятся къ наступленію, но перевозочныя средства недостаточны.

«Посылаю вамъ копію письма Лингурта къ Стивенсу изъ Сухумъ-Кале объ Омеръ-пашѣ и Черкесахъ, а Черчилю копію письма его брата къ Стивенсу съ извѣстіями изъ Константинополя. Кальвертъ посылаетъ вамъ списокъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ при взятіи Севастополя. Посылаю вамъ также копію съ двухъ писемъ Стратфорда Редклифа: я увѣренъ, что его обѣщанія доставятъ вамъ удовольствіе, равно какъ и побѣда ваша его обрадуетъ. Тагиръ-паша сообщилъ мнѣ, что Селимъ-паша, бывший муширъ въ Чурукѣ, идетъ сюда съ войскомъ; онъ слышалъ это отъ сераскира; числа войска онъ не знаетъ, но надѣется получить подробныя свѣдѣнія съ слѣдующею почтою. Я удержалъ посланнаго по просьбѣ Тагира, который такъ былъ занятъ, что ранше не могъ писать. Они выдали здѣсь около мѣсячнаго жалованья войскамъ Вели-паши; деньги прибыли день или два тому назадъ. Ваши депеши были вложены въ бумаги лорду Кларендону; два письма ваши были шифрованы, и мы не могли ихъ понять, но г-жа Брандтъ вывела насъ изъ затрудненія.

«Вели-паша весьма вѣлъ: онъ предпочитаетъ домъ палаткѣ, которая ему кажется слишкомъ холодною. Майоръ Ольфертъ ѣдетъ сегодня: онъ совершенно огорченъ, что не могъ принять участія въ дѣлѣ. Не желая докучать вамъ, посылаю Черчилю вашъ мѣсячный счетъ по 30-е сентября. Я былъ развлеченъ прибытіемъ татарина, привезшаго пакетъ отъ лорда Панмюра къ вамъ: пакетъ показался мнѣ съ офиціальными документами, и я думалъ, что онъ заключаетъ въ себѣ производство ваше въ генералъ-майоры, но на адресѣ увидѣлъ прежній вашъ титулъ.

Завтра отправляется нарочный въ Персію. *Торъ*¹ пришелъ безъ вѣстей. Стивенсъ увѣдомляетъ меня, что прилагаемая посылка отъ адмирала Следа и чтобы я отправилъ ее съ этими депешами. *Лондона* ожидали на другой день. Почта къ вамъ привезена англійскимъ пароходомъ, на которомъ прибылъ Селимъ-паша съ 1000 человекъ турецкихъ солдатъ, за которыми скоро послѣдуютъ еще 11.000.—Всѣ они назначены сюда или въ Карсъ. Вы вѣроятно сдѣлаете гласными эти извѣстія, и это ускоритъ движеніе Муравьева. Забудьте, что Лингуртъ пишетъ, что отъ морскаго берега до Тифлиса не болѣе 10.000 человекъ, а Абботъ сообщаетъ мнѣ изъ Тавриза, что въ Кутаисѣ и окрестностяхъ 20.000 человекъ войска: сверхъ того есть войска и въ Тифлисѣ; я полагаю, что прежній нашъ расчетъ близокъ къ этому числу. Меня такъ часто отвлекали, что я едва могъ справиться почту. Въ заключеніе надѣюсь, что въ скоромъ времени отъ васъ самихъ услышу о вашихъ друзьяхъ, которые наконецъ покинуть ваше сосѣдство, и что вы сами направите сюда свой путь для необходимаго отдыха. *Брандтъ.*»

2) При письмѣ Брандта къ генералу Вильямсу отъ 19-го октября, были доставлены:

(на англійскомъ языкѣ.)

а) Изъ Терапіи, отъ 18-го сентября, отъ лорда Редклифа къ Брандту (копія).

«По непредвидѣнному отпращиванію парохода въ Трапезунтъ, я едва успѣлъ отправить ваши бумаги отъ 3 числа, а Вильямса отъ 1 числа сего мѣсяца. Я вторично вошелъ съ представленіемъ Портѣ, и какъ вы, такъ и Вильямсъ, можете быть совершенно спокойны, что все, что только зависитъ отъ посольства для ускоренія предполагаемой помощи, будетъ нами сдѣлано. Вы можете-быть найдете возможность, передать это увѣреніе генералу Вильямсу.»

«Имѣю честь быть *Стратфордъ де-Редклифъ.*»

б) (Записка). «Лордъ Стратфордъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе г-ну Брандту и проситъ его принять къ свѣдѣнію, а равнымъ образомъ, если возможно увѣдомить генерала Вильямса, что посольство Ея Величества сдѣлало все, что только отъ него зависѣло, дабы, во что бы то ни стало, отправить провизію въ Карсъ и по возможности ускорить доставку Омеръ-паша отъ Редуть-Кале.»

с) Терапія. (Выписка изъ письма г. Лингурта къ Брандту изъ Сухумъ-Кале, отъ 4 октября.)

«Вчера вечеромъ мы прибыли сюда съ Омеръ-пашою; онъ съ удовольствіемъ согласился на переѣздъ изъ Батума, потому что у него большой недостатокъ въ пароходахъ для транспорта. Силы и запасы его подходятъ чрезвычайно медленно; здѣсь собрано не болѣе 7000 человекъ всякаго рода оружія. Я думаю, вы слышали, что онъ намѣренъ сдѣлать Сухумъ-Кале своимъ операционнымъ базисомъ вмѣсто Батума, какъ разчитывалъ прежде. Я не думаю, чтобъ онъ былъ въ состояніи предпринять что-нибудь въ нынѣшнемъ году, по случаю приближенія зимы; но

¹ Вѣроятно названіе парохода.

еслибъ у него было достаточно войска въ настоящую минуту, то онъ могъ бы ударить на Тифлисъ и навѣрное успѣлъ бы, потому что вся эта страна защищена не болѣе, какъ десятью тысячами человѣкъ.»

d) Выписка изъ письма Стивенса къ Брандту изъ Трапезунта, отъ 15-го октября.

«Вчера прибыли три парохода-фрегата съ людьми и лошадьми для Омерь-паши, и сегодня вечеромъ отправляются въ Сухумъ-Кале. Сегодня долженъ прибыть Селимъ-паша съ 1000 челов., которые будутъ направлены къ вамъ; еще ожидаютъ 11.000, которые тоже назначаются для васъ. Селимъ-паша—тотъ самый, который командовалъ прошлаго года въ Чурукъ-Су. Препровождаю вамъ при семъ послѣднее письмо ко мнѣ изъ Сухумъ-Кале отъ Ингурта. Завтра я ожидаю почты изъ Лондона, и опять напишу вамъ. Изъ Крыма нѣтъ ничего новаго.»

e., Копія письма г. Ингурта къ г. Стивенсу, отъ 4 го октября изъ Сухумъ-Кале:

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули Трапезунтъ, мы все разъѣзжали на *Циклопъ* и вчера привезли Омерь-пашу изъ Батума. Послѣ того какъ мы разстались съ Сухумъ-Кале, здѣсь произошли страшныя перемѣны: вмѣсто небольшого числа солдатъ, ослабѣвшихъ отъ лихорадки, у насъ теперь 7000 челов. разнаго рода оружія, которые ежедневно толпятся около музыки Омерь-паши, разыгрывающей передъ нашими окнами различныя аріи изъ оперъ. Портъ также наполненъ множествомъ пароходовъ, судовъ, фрегатовъ и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что Омерь-паша окончателно рѣшился нанести ударъ Русскимъ, если онъ только соберетъ свои войска вовремя; но дѣло въ томъ, что хотя онъ и будетъ имѣть подъ своимъ начальствомъ не менѣе 50.000 чел., считая 18.000, которыхъ ему пришлютъ изъ Крыма; однако его перевозочныя средства весьма слабы, и я не полагаю, чтобъ онъ могъ предпринять что-либо важное до будущей весны. Что касается до меня, то я отложилъ предположенную поѣздку на Лабу и Кубань; нашъ другъ наибъ надѣлалъ намъ много вреда въ Карачаѣ, чрезъ который мнѣ нужно было проѣзжать, чтобы достигнуть Шамиля. Онъ долженъ былъ побудить народъ къ возстанію, но былъ самъ разбитъ Русскими и принужденъ былъ оставить край, который теперь ими занятъ сильнѣе чѣмъ когда-либо, и такъ строго наблюдается, что не возможно никому тутъ пробраться. Въ настоящее время я долженъ ожидать въ Сухумѣ рѣшенія судьбы.»

3) Выписки изъ писемъ доктора Мустафы:

a. Генералу Фейзи, начальнику штаба карскаго отряда изъ Эрзерума, отъ ⁵/₁₇ октября 1855 года.

(На нѣмецкомъ языкѣ.)

«Планъ Омерь-паши не состоитъ въ томъ, чтобъ идти прямо на Карсъ; онъ, кажется, намѣренъ дѣйствовать на освобожденіе Карса окольными путями, вмѣстѣ съ тѣмъ причиняя врагу вредъ болѣе важный. Еслибъ онъ имѣлъ намѣреніе идти прямо на Карсъ, то долженъ былъ бы высадиться въ Трапезунтъ и придти въ Эрзерумъ, гдѣ нашель бы въ достаточномъ количествѣ провіантъ, боевые запасы, артиллерію и даже подѣмныхъ лошадей, чтобы безъ потери времени слѣдовать

далѣе. Въ Батумѣ же онъ не найдетъ ничего, кромѣ привезеннаго съ собою на судахъ, а въ особенности чувствителенъ тамъ недостатокъ скота для транспортовъ. Изъ Батума ему трудно пройти къ Карсу, и на пути, какъ слышно, есть нѣсколько укрѣпленныхъ уцелей. Это мнѣніе мое подтверждается тѣмъ, что на дняхъ придеть сюда Селимъ-паша, чрезъ Трапезунтъ, какъ говорятъ съ 12 т. войска. Часть этого войска уже высадилась въ Трапезунтъ и на походѣ сюда....»

За тѣмъ Мустафа жалѣеть, что не смотря на его просьбы, ему не удастся въ настоящее время владѣть саблею вмѣсто пера. Потомъ пишетъ, что ему подробности штурма Карса 29 сентября не извѣстны, и что онъ не видѣлъ никогда плана этой крѣпости; но что всѣ вообще приписываютъ отбитіе Русскихъ генераламъ Фейзи и Кмети, которые приобрьли себѣ въ этомъ случаѣ безсмертное имя.

Письмо кончается надеждою на скорое свиданіе.

b. Къ Гусейнъ-бею отъ 9/17 октября.

(На нѣмецкомъ языкѣ.)

«Письма ваши, отъ 8-го и 13-го, я получилъ, и очень радъ, что какъ вы, такъ и прочіе наши гг. эмигранты безъ особой потери дали хорошій урокъ Москвитянамъ. Еслибы въ самомъ дѣлѣ герой Бебутовъ прибылъ также подъ Карсъ, то прошу принять его также горячо.

«Жена ваша здорова, но жалуется, что вы ее обманываете, такъ какъ вы писали, что будете сюда въ концѣ августа, а потомъ въ началѣ сентября. Теперь пишете, что будете въ концѣ октября, и этому она не вѣритъ, потому что нашъ другъ Ташлеръ написалъ своей женѣ, что не можетъ оставить Карсъ ранѣе конца ноября.... Потомъ пишетъ о недостаткѣ провизіи въ Эрзерумѣ и дороговизнѣ: возъ дровъ, стоившій прошлою осенью отъ 30—35 піастровъ, теперь стоитъ 50—55.

«.... У васъ долженъ быть большой недостатокъ въ разныхъ медикаментахъ, а въ особенности въ мазяхъ, но съ нашими пашами нѣтъ возможности сдѣлать что-либо въ пользу Карса.

«Омеръ-паша врядъ ли придетъ въ нынѣшнемъ году въ Карсъ. Планъ его дѣйствій совершенно другой, какъ я узналъ изъ довольно вѣрнаго источника; но и этотъ планъ будетъ имѣть влияние на уменьшеніе по крайней мѣрѣ корпуса, осаждающаго Карсъ. Не могу вамъ болѣе сказать по невѣрности корреспонденціи. Вмѣсто того идетъ сюда корпусъ изъ 12 т. челов. прямо изъ Стамбула и Варны подъ начальствомъ Селимъ-паши; часть его должна прибыть на дняхъ.»

c. Къ доктору Сандвису, инспектору медицинской части Анатолийской арміи, отъ 9/18 октября.

(На французскомъ языкѣ.)

«Имѣю честь донести, что сегодня получилъ предписаніе совѣта вашего о переводѣ членовъ эрзерумскаго медицинскаго корпуса въ Карсъ.

«Состояніе здоровья теперь довольно хорошо. Не могу заставить Эминъ-бея приготовить заблаговременно помѣщеніе и кровати для больныхъ, имѣющихъ прибыть сюда рано или поздно изъ Карса.» Въ концѣ письма

жалуется на недостатокъ распорядительности и энергіи Эминь-бея, вслѣдствіе чего онъ, Мустафа, подавалъ въ отставку, но былъ удержанъ на службѣ.

d. Къ генералу Измаиль-пашѣ, отъ $\frac{5}{17}$ октября (въ нѣмецкихъ стихахъ).

Поздравляетъ съ побѣдою, жалуется на эрзерумское начальство, что оно трусливо и глупо, а то бы давно освободило Карсъ, говорить, что наконецъ идетъ Селимъ-паша съ 12 т., что если онъ возьметъ изъ Эрзерума еще тысячь 5 или 6 и подвинется смѣло впередъ, что если наконецъ въ то же время Омеръ-паша будетъ дѣйствовать противъ Ахалцыха и Гумръ, то и здѣсь гордости Россіи будетъ данъ урокъ.

4) Выписки изъ письма г-жи Томсонъ къ сыну своему отъ 29 сентября:

«Какъ ты будешь смѣяться, когда прочтешь мое письмо къ генералу Муравьеву! Но такъ какъ я посылаю тебѣ при этомъ медаль, то и думала, что этимъ средствомъ письмо мое вѣрнѣе дойдетъ до тебя, если бы конвертъ мой попался въ руки къ Русскимъ; въ противномъ же случаѣ оно, по крайней мѣрѣ, доставитъ тебѣ небольшое развлеченіе. Раефъ читалъ его и напелъ, что оно совершенно матушкино письмо.... Постарайся скорѣе заслужить чинъ, тебѣ этого очень хочется, и я увѣрена, что генералъ Вильямсъ тебѣ его дастъ, если только ты будешь вести себя скромно и служить усердно. Я воображаю, какъ тебѣ будетъ къ лицу эта медаль на твоей зеленой курткѣ... Сейчасъ прочла я въ газетахъ телеграфическую депешу изъ Вѣны, что гарнизонъ въ Карсъ принужденъ ѣсть конину. Бѣдный мальчикъ! Утѣшаюсь тѣмъ, что если Омеръ-паша еще васъ не выручилъ, то во всякомъ случаѣ подкрѣпленіе недалеко, и ты теперь уже не удержишь такой строгой діеты.»

II.

Письмо генерала Вильямса къ главнокомандующему.

Kars le 24 novembre 1855.

Excellence

Le présent billet sera remis à Votre Excellence par mon aide-de-camp le major Teesdale. Son but est de solliciter pour moi l'honneur d'une conférence demain à midi, ou à toute autre heure qu'il vous sera agréable. Je serai prêt au temps indiqué par Votre Excellence, à me présenter sous un drapeau parlementaire à vos avant-postes.

Veillez, Excellence, agréer l'assurance de ma haute considération.

Signé: W. F. Williams.

General de brigade

Commissaire de la Reine.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

ТАКСА

ПРОДУКТАМЪ, ПРОДАВАЕМЫМЪ НА БАЗАРЪ ГЛАВНАГО АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКАГО ОТРЯДА ВЪ ЛАГЕРѢ ПРИ ЧИВТЛИГЪ-ЧАЪ, НОЯБРЯ 1855 ГОДА.

Мяса бычачьяго за пудъ.	1 20
— бараньяго.	1 60

Мяса козлиного.	1	30
Гусаки бычачьи.	—	17
— бараньи.	—	10
Ноги съ головою бычачьи.	—	40
— бараньи.	—	10
Особо языкъ.	—	5
Ветчина за фунтъ.	—	17
Свиное сало.	—	15
Курдючное сало.	—	12
Сардинки въ двойныхъ коробочкахъ.	1	—
ординарныхъ.	—	60
Пкра зернистая фунтъ.	—	60
паусная.	—	50
Колбаса простая.	—	30
Масло коровье.	—	25
— русское.	—	20
— грузинское.	—	11
Бульйонъ за фунтъ.	—	55
Соль за пудъ.	—	50
Сыръ голландскій за фунтъ.	—	80 и 60
Макароны за фунтъ.	—	20
Крупа сарачинская 1-ый сортъ за фунтъ.	—	7
2-ой	—	5
Перловая.	—	15
Гречневая	—	13
Манная.	—	20
Картофель пудъ	1	30
Фунтъ хлѣба.	—	4
— капусты.	—	2 ¹ / ₂
— бураковъ.	—	2 ¹ / ₂
— луку.	—	2 ¹ / ₂
— чесноку.	—	10
Булка французская въ ¹ / ₂ фунта	—	12 ¹ / ₂
Фунтъ конфетъ	1	20
— пирожнаго сухаго	1	20
— кренделей.		35

САХАРУ.

Рафинадъ англійскій пудъ. 11 50

ЧАЙ.

Цвѣточный за фунтъ. 4 50
 Фамильный. 2 50
 Простой. 1 50
 Кофе за фунтъ. — 50
 Чаю порція. — 10
 Кушанья порція. — 20

ТАБАКЪ.

Турецкій 1-й сортъ за фунтъ. 1 —
 2-й. — 80

Жуковъ.	1	20
Махорка за фунтъ		20
Папиросы крѣпкія 100 штукъ	1	—
среднія.		80
Свѣчи. Сарпинки за фунтъ.		20
— Стеариновыя.		45
— Сальныя.		12
Бумага бѣлая за стопу.	6	—
сѣрая.	4	50
Сургучъ № 1-й коробочка.	1	—
№ 2-й.		80
Чернильные орѣшки за фунтъ.		80
Перьевъ за сотню.		60
Коробочка спичекъ.		6

Вина.

Шампанское клико за бутылку.	5	—
Силлери (2-й сортъ)	3	50
Хересь.	1	50
Мадера.	1	50
Сотернъ.	1	50
Портеръ Тимоѣевскій.	1	50
Ромъ бѣлый.	1	50
Масло прованское двойное.	1	80
Водка горькая 1-й сортъ.	1	50
2-й.		90
3-й.		60
Донель-кюмель.	1	30
Бальзамъ 1-й сортъ.	1	80
Водка хлѣбная за ведро.	5	—
— фруктовая.	5	—

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА

ЕДИНСТВО РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО¹.

I. I.

ПОРОДЫ РАСТИТЕЛЬНЫЯ И ЖИВОТНЫЯ.

Мы видѣли, что *порода* происходитъ отъ *вида*, и есть не болѣе какъ простое видоизмѣненіе первоначальнаго типа. А всякому извѣстно, какъ много вліянія оказываетъ на эти видоизмѣненія дѣйствіе человѣка, когда они происходятъ въ растеніяхъ и животныхъ. Въ послѣдствіи, мы разсмотримъ этотъ важный фактъ подробно; здѣсь же намъ необходимо доказать только то, что, съ этой точки зрѣнія, породы образуются подъ вліяніемъ троякаго рода условій, весьма различныхъ между собою.

Могутъ быть растенія никогда никѣмъ не воздѣланныя, и животныя никогда не бывавшія въ порабощеніи. Наслѣдственныя

¹ Статья Катрфажа. См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5 и 6.

видоизмѣненія, происходящія въ нихъ при этихъ обстоятельствахъ, зависятъ единственно отъ дѣятелей естественныхъ, и породы, которыя образуются при этомъ, суть, по нашему, настоящія *естественныя* или *дикія породы*. Могло быть, напротивъ, что въ теченіи болѣе или менѣе значительнаго числа генерацій, растенія подвергались дѣйствию культуры, а животныя— дѣйствию прирученія; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, породы составляютъ подъ прямымъ вліяніемъ челоуѣка; онѣ въ сущности суть породы *искусственныя*, и съ давнихъ временъ означались именемъ *породъ домашнихъ*. Наконецъ, довольно часто случается, что, состоявъ, даже въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, подъ властію челоуѣка, животныя или растенія возвращаются въ состояніе естественное, и подвергаются новымъ видоизмѣненіямъ, слѣдствіямъ своего новаго состоянія. Эти породы, происходящія отъ растеній воздѣланныхъ или отъ животныхъ порабощенныхъ, но получившія первоначальную свободу вида, суть, по нашему, *породы свободныя* или *одичалыя* ¹. Эти три сорта породъ должно изслѣдовать отдѣльно; но сперва нужно съ точностію опредѣлить значеніе одного слова, которое было нами разъ уже употреблено и которое весьма часто будетъ повторяться въ продолженіи нашего изложенія; это слово—*среда*.

По моему мнѣнію, словомъ *среда* означается совокупность всякаго рода условій или вліяній физическихъ, умственныхъ или нравственныхъ, которыя могутъ дѣйствовать на органическія существа. Итакъ, это слово имѣетъ здѣсь болѣе обширный смыслъ чѣмъ въ сочиненіяхъ Гиппократа и Бюффона, (послѣдній, въ этомъ пунктѣ, можетъ быть признаваемъ ученикомъ отца медицины). Климату, теплотѣ и холоду, сухости и влажности, качествамъ пищи и большому или меньшему ея изобилію,—вотъ чему въ особенности эти два знаменитые естествоиспытателя приписываютъ власть видоизмѣнять челоуѣка и животныхъ. Я иду гораздо дальше, и къ объясненію моей мысли послужить мнѣ ученіе другаго славнаго мыслителя, который самъ, какъ это весьма хорошо доказалъ г. Мишель Леви ², былъ также ученикомъ

¹ Это тѣ породы, которыя г. Ришаръ (изъ Кантала) называетъ *породами естественными*.

² Для этихъ весьма вѣрныхъ сближеній см. превосходное сочиненіе *Traité d'Hygiène*, обнародованное ученымъ директоромъ Валь-де-граскаго госпиталя.

Гиппократъ. Монтескьё требуетъ, чтобъ учрежденія государственнымъ согласовались съ тѣмъ, что онъ называетъ нравственнымъ темпераментомъ народовъ; но первоначальный источникъ этого темперамента онъ видитъ только во внѣшнихъ физическихъ условіяхъ. Наравнѣ съ Гиппократомъ, допускаетъ онъ, что, напримѣръ, тихій и однообразный климатъ Азіи предрасполагаетъ обитателей этихъ странъ подчиняться тиранніи. Это ученіе въ извѣстной мѣрѣ справедливо, но неполно. Объ руку съ климатомъ, дѣйствуютъ учрежденія и нравы, — многоженство и гаремы. Благодаря разказамъ княгини Бельджойозо, мы хорошо знаемъ теперь какъ слѣдуетъ смотрѣть на эту внутреннюю жизнь, которую поэзія изображала столь ложными красками; мы знаемъ, что такое эти женщины, которыя живутъ тамъ, сваленныя въ кучу и погрязшія въ совершеннѣйшей праздности, въ полнѣйшемъ невѣжествѣ. И однако на нихъ возложена обязанность первоначальнаго воспитанія дѣтей. Каковы же эти первыя наставницы! И можно ли удивляться, что люди, вышедшіе изъ подобныхъ школъ, истощены и расслаблены какъ физически, такъ и нравственно? Эти разрушительныя вліянія, дѣйствуя на длинный рядъ поколѣній, могли ли не оказать нѣкотораго дѣйствія на цѣлую породу? Очевидно, должны были оказать, — и вотъ какимъ образомъ многоженство и гаремъ становятся частію среды. Какъ многоженство, такъ и гаремъ, будучи невозможны въ странѣ христіанской, освящаются исламизмомъ. Итакъ, ответственность за роковыя послѣдствія, указанныя выше, восходитъ до религіи. Такимъ образомъ, и религія становится частію среды, и въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ иногда образованію человѣческихъ породъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что ели понимать среду въ такомъ смыслѣ, то она является чѣмъ-то весьма сложнымъ, такъ что часто мы не можемъ различить всѣ ея элементы. Часто также, дѣйствіе, оказываемое ими, бываетъ до того косвенно, что даже при увѣренности въ ихъ существованіи, мы не распознаемъ, въ чемъ заключается ихъ вліяніе, и такимъ образомъ отношенія причины къ слѣдствію ускользаютъ отъ насъ. Наконецъ, такъ какъ всѣ элементы среды дѣйствуютъ одновременно, то ихъ дѣйствіе, по необходимости, даетъ очень сложный результатъ, и никогда почти не бываетъ возможно указать съ точностію каждому элементу ту долю участія, какая ему при-

надлежитъ въ совокупномъ слѣдствіи. Развѣ одинъ изъ этихъ элементовъ будетъ преобладать замѣтнымъ образомъ, тогда только мы можемъ уловить его. Въ такомъ случаѣ, бываетъ иногда возможно, основываясь на законахъ физиологіи, истолковать явленія и связать послѣдствія съ причинами; такъ напримѣръ, эти законы объясняютъ, почему шерсть животныхъ становится гуще въ странахъ холодныхъ, и рѣже въ странахъ теплыхъ. Но, тѣмъ не менѣе, на ряду съ этими фактами, которые объясняетъ физиологія, она встрѣчаетъ много другихъ, которые объяснить не можетъ. Станемъ ли мы поэтому отвергать ихъ? Это значило бы поступать не совсѣмъ научно. Нашъ долгъ собирать эти факты, записывать и ожидать, что будущее время восполнитъ недостатки нашего знанія. Удовольствуемся покажѣть признаніемъ того, что вліяніе среды не можетъ быть отвергаемо, и что общій способъ ея дѣйствія входить въ предѣлы нашего теперешняго знанія.

Въ самомъ дѣлѣ, всякая особь только тогда можетъ вполне развиться, когда будетъ въ совершенной гармоніи съ условіями своего существованія, съ средой, гдѣ она живетъ; точно также и всякій видъ, лишь при такой гармоніи можетъ размножаться и распространяться. Отъ малѣйшаго несоответствія происходитъ страданіе для особи, ущербъ для вида. Особь, хотя и страдая въ извѣстныхъ границахъ, можетъ еще совершать свое поприще; но видъ не можетъ безконечно продолжаться въ средѣ хоть нѣсколько противной ему, ибо дѣйствія несоответствія накаплиются съ каждымъ поколѣніемъ и (въ чемъ убѣдимся далѣе) усиливаются фактомъ наследственности. Съ видомъ будетъ то же что со скалою, которая, когда безпрестанно падаютъ на нее слабыя капли воды, мало-по-малу наконецъ продалбливается. Еслибы видъ былъ безусловно неизмѣняемъ, онъ необходимо погибъ бы въ этой продолжительной борьбѣ, гдѣ могущество неблагоприятныхъ условій увеличивалось бы его потерями и возрастающею слабостію. Итакъ, когда какое-нибудь обстоятельство произведетъ несоответствіе, о которомъ идетъ рѣчь, тогда необходимо или видъ долженъ будетъ исчезнуть къ концу извѣстнаго времени, или гармонія должна возстановиться. Предполагаемая въ последнемъ случаѣ видоизмѣненія естественно отзываются на видѣ; будучи, какъ мы видѣли, неизмѣняемъ, онъ станетъ оказывать воздѣйствіе, чтобы приспособиться къ новымъ усло-

виды. И такимъ-то образомъ, подъ вліяніемъ множества обстоятельствъ, образуются породы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы приступаемъ.

Породы дикія, или естественныя. Существованіе дикихъ породъ, какъ между растениями, такъ и между животными, было отвергаемо нѣкоторыми, слишкомъ увлекавшимися защитниками неподвижности вида. Дѣйствительно, трудно оставаться при теоріи безусловной неизмѣняемости, какъ скоро признаешь, что между представителями одного и того же видоваго типа, вслѣдствіе условій даже нормальныхъ, могутъ произойти различія, которыя становятся наследственными, — и различія иногда очень большія. Съ другой стороны, весьма важно доказать существованіе этихъ породъ. Оно одно устраняетъ многія затрудненія, ибо даетъ средства разрѣшить ихъ; впрочемъ не трудно доказать его.

Чтобъ убѣдиться въ существованіи растительныхъ естественныхъ породъ, достаточно обратить вниманіе на общіе факты. Каждую минуту ботаникамъ приходится пересматривать свои каталоги растительныхъ видовъ. Между двумя растениями, на взглядъ весьма несходными, которыя признавались за совершенно отдѣльныя, ботаникамъ ежеминутно открываются новыя; въ этихъ новыхъ оказывается переходъ отъ одного изъ преждеизвѣстныхъ растений къ другому, и переходъ столь нечувствительный, что становится невозможнымъ даже различить оттѣнки; а потому, приходится соединять подъ однимъ видовымъ именемъ не только двѣ крайнія формы, первоначально признанныя, но и всѣ промежуточныя, пополнившія между ними пробѣлъ, — пробѣлъ мнимый. И крайнія и промежуточныя, впрочемъ, одинаково плодятся и передаютъ потомкамъ свои отличительные признаки. Если разсматривать эти потомки отдѣльно одинъ отъ другаго, то каждый изъ нихъ, съ полнымъ правомъ, можно было бы принять за видъ; только сличеніе показываетъ, что это не болѣе какъ породы. Часто даже различеніе бываетъ трудно, и самый опытный изслѣдователь находится въ тягостной неопредѣленности. Эти факты, умножающіеся съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того какъ наука пополняется и углубляется, по мѣрѣ того какъ разубиваютъ все болѣе и болѣе флоръ, повергли наконецъ ботаниковъ въ совершенное безпокойство, которое высказалъ графъ Жоберъ при одномъ торжественномъ

случаѣ ¹, и которое раздѣляютъ всѣ серіозно изучавшіе этотъ вопросъ.

Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ; я заимствую ихъ изъ записки, благосклонно сообщенной мнѣ моимъ собратомъ по Институту и товарищемъ по Музею, г. Декеномъ. Съ давняго времени предпочтительно занятый всѣмъ что касается вопроса о видѣ, самъ производившій многочисленныя опыты и видѣвшій передъ собою опыты другихъ, этотъ ученый вдвойнѣ авторитетъ по этому вопросу. Линней различалъ только два вида очитка, а теперь ботаники принимаютъ около тридцати; но всѣ ли они дѣйствительно *хорошо* установлены? Въ этомъ очень позволительно сомнѣваться. Декандоль описалъ, въ *Flore française*, семь видовъ терновника, а г. Мюллеръ насчитываетъ ихъ двѣсти тридцать шесть; но всѣ эти формы, разведенныя въ Музеѣ г. Декеномъ, подчиненныя одинаковымъ условіямъ существованія и посаженныя одна подлѣ другой, до такой степени сливаются между собою, что самый зоркій глазъ не сумѣетъ различить ихъ. При этихъ фактахъ, можно ли, заодно съ защитниками неизмѣнности, допустить, что видовые признаки дикихъ растений остались постоянными, отъ начала нынѣшней геологической эпохи? Можно ли допустить такое ученіе, въ особенности, когда передъ нами сочиненія тѣхъ же самыхъ ботаниковъ, гдѣ достоверно утверждается существованіе *постоянныхъ разновидностей*, состоящихъ въ связи съ мѣсто-нахожденіемъ растений, и называемыхъ поэтому *разновидностями альпійскими, разновидностями тѣнистыми*?

Но, говорятъ писатели, противъ которыхъ мы здѣсь ратуемъ, различія между этими *разновидностями* ² незначительны; они относятся только къ неважнымъ частностямъ, напримѣръ къ росту, цвѣту и проч. Еслибъ это было даже и такъ, еслибъ эти различія были такъ незначительны, какъ желаютъ выставить ихъ—что до того? Коль скоро они сдѣлались постоянными и переходятъ по наслѣдству, они уже по тому самому становятся породами. По крайней мѣрѣ такъ стали бы судить о нихъ въ промышленности, которая имѣетъ особенный интересъ изучать и съ точностію рѣшать эти вопросы. Ни

¹ Въ одномъ изъ торжественныхъ засѣданій Ботаническаго Общества.

² Почти вѣтъ нужды объяснять, что слово *разновидность* здѣсь принято въ смыслѣ *породы*.

одинъ скотоводъ не станетъ сомнѣваться, что два семейства быковъ или барановъ, изъ которыхъ одно постоянно бываетъ бѣлой масти или малаго роста, а другое также постоянно отличается черною мастью или крупнымъ ростомъ, принадлежать къ отдѣльнымъ породамъ; нельзя не принимать того же правила и къ растеніямъ. Но кромѣ того, мы видѣли, что видоизмѣненія идутъ гораздо дальше чѣмъ хотѣлось бы нѣкоторымъ; мы видѣли, что видоизмѣненія касаются признаковъ, которые опытными ботаниками принимаются за видовые; общій фактъ и факты частные, указанные нами, не оставляютъ сомнѣнія въ этомъ отношеніи.

Приведемъ однакоже еще одинъ примѣръ, снова опираясь на авторитетъ того же ученаго. Даже не занимавшіеся много ботаникой, большая часть нашихъ читателей, конечно, знаютъ *подорожникъ*; это растеніе столь обыкновенно, что сдѣлалось типомъ цѣлаго рода, называемаго этимъ именемъ, и цѣлаго особаго семейства. Число видовъ, заключающихся въ этомъ родѣ, во времена Линнея доходило только до 20; съ того времени оно достигло уже цифры отъ 115 до 130, и двадцать изъ этихъ видовъ отнесены разными авторами къ европейской флорѣ. Декенъ, выбравъ одинъ изъ этихъ видовъ, принимаемыхъ всеми ботаниками за виды весьма хорошо отличенные, посѣялъ и возрастилъ въ Музеѣ сѣмена, которыя собралъ въ деревнѣ. Вскорѣ онъ увидѣлъ на своихъ грядкахъ по крайней мѣрѣ семь такихъ формъ, которыя до него признавались за видовыя. И пусть не думаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о разницахъ незначительныхъ: напротивъ, всѣ части растенія разнятся на столько, что объясняютъ и извиняютъ ошибку Линнея и его преемниковъ. Скажемъ хотя о листьяхъ: они являются то овальными и почти закругленными, то на столько длинными, что могутъ служить отличными кормомъ; здѣсь они расположены розетками, въ нѣсколько сантиметровъ въ діаметръ, тамъ образуютъ собою стоячій и густой пукъ. Цвѣлое растеніе иногда гладко и безъ волосковъ, иногда же до того мохнато, что вызвало особое знаменательное прозвище *шерстистаго подорожника*. Наконецъ, корень иногда только *годичекъ*, то-есть все растеніе рождается, взрослаетъ и умираетъ въ продолженіи одного гола, а иногда *жмучь*, то-есть растеніе, переживъ зиму, весной снова производитъ листья, цвѣты и сѣмена. Отъ всѣхъ этихъ формъ, когда онѣ оставляются на мѣстѣ, тамъ гдѣ родились, или ставятся

въ тѣ же условія существованія, отличительные ихъ признаки переходятъ къ потомкамъ. Если же пересадить ихъ въ другое мѣсто, и поставить въ новыя условія существованія, тогда потомки ихъ начинаютъ терять съ ними сходство, и сближаются болѣе и болѣе между собою; ихъ природа, такимъ образомъ, обнаруживается, и кто до сихъ поръ принималъ ихъ за настоящіе виды, принужденъ признать ихъ только за простыя *породы*.

Къ сожалѣнію, столь убѣдительный приѣмъ, употребленный Декеномъ для доказательства видовой тождественности его подорожниковъ, не всегда удобенъ къ примѣненію. Не всегда, напримеръ, можно достать сѣмена растений экзотическихъ, да они плохо и развивались бы въ нашемъ климатѣ. Часто также породы твердо установившіяся, несмотря на перемѣну среды, сохраняютъ въ той или другой степени, чрезъ длинный рядъ поколѣній, свои отличительные признаки. Въ такихъ случаяхъ, чтобъ отличить виды отъ породъ, сравниваютъ какъ можно болѣе образцовъ. Каждый разъ, какъ только между двумя формами, даже весьма различными, можно установить постепенную послѣдовательность особей, между которыми переходъ отъ одной къ другой будетъ сопровождаться нечувствительными оттѣнками, въ особенности каждый разъ, какъ только видимъ, что отличительные признаки перекрещиваются между собою въ членахъ этого послѣдовательнаго ряда, можемъ мы утверждать, что обѣ формы принадлежатъ къ одному и тому же виду. Въ самомъ дѣлѣ, между двумя видами, даже совершенно смежными, никогда не бываетъ обмѣна или смѣшенія признаковъ, которые свойственны только одному изъ нихъ; между породами одного и того же вида, напротивъ, это ежедневно встрѣчается; поэтому, вышеуказанный способъ часто даетъ возможность дойти до истины. Существованіе этихъ посредствующихъ членовъ было приводимо въ подтвержденіе ученія, отвергающаго дикія породы, но я не понимаю почему. Какъ бы ни былъ многочисленъ и богатъ оттѣнками рядъ между двумя крайними членами, различіе этихъ послѣднихъ между собою тѣмъ не менѣе существуетъ, и передается наследственно; а какъ это происходитъ именно съ такими растениями, которыя человекъ никогда не разводилъ, то нужно признать, что видъ, подъ вліяніемъ естественныхъ условій, можетъ измѣняться и давать происхожденіе породамъ.

Исторія зоологіи представляетъ факты совершенно подоб-

ные тѣмъ, которые мы встрѣтили въ ботаникѣ. Тамъ также, когда группа представляетъ множество видовъ, мало различающихся одинъ отъ другаго, различеніе иногда бываетъ затруднительно. Тамъ также породы и разновидности часто были принимаемы за особые виды; но и тамъ также, по мѣрѣ того какъ умножалось число членовъ для сравненія, явилась возможность составить послѣдовательные ряды, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ возможность привести всѣхъ этихъ представителей, болѣе или менѣе уклонившихся отъ первоначальнаго типа, къ ихъ общему родоначальнику. Для примѣра мы возьмемъ здѣсь то, что случилось съ изученіемъ слизняковъ. Это одна изъ тѣхъ частей зоологіи, съ которыми весьма многіе считаютъ себя вполне знакомыми. Она удобна для составленія частныхъ коллекцій, и немного найдется любителей, которые не думали бы, что у нихъ есть какая-нибудь раковина еще неизвѣстная, и не описывали бы ее какъ неизвѣстную, а все лишь потому что не владѣли достаточнымъ числомъ членовъ для сравненія. Число конхиліологическихъ видовъ увеличилось такимъ образомъ чрезмерно, когда Валансьенъ предпринялъ свой великій трудъ пересмотра. Пользуясь сокровищами, собранными съ давнихъ временъ въ Музеѣ, съ постоянствомъ и усердіемъ, которымъ не всегда отдавали справедливость, Валансьенъ соединилъ и сгруппировалъ всѣ тѣ раковины, которыя отличались только незначительными отбѣнками. Такимъ образомъ онъ составилъ большое число рядовъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы сказали выше, и нашелъ, что почти во всѣхъ этихъ рядахъ сливается множество такихъ формъ, которыя прежде описывались какъ особые виды, даже иногда какъ новые роды, а теперь низводились на степень породъ или разновидностей.

Нѣтъ класса между животными, который бы не представлялъ подобныхъ примѣровъ; и самая млекопитающія, то-есть классъ, въ которомъ видовые признаки преимущественно ясны, не ускользаютъ отъ этого закона. Тамъ также существуютъ рѣзко отмѣченныя дикія породы. Это фактъ, на которомъ настаивалъ Исидоръ Жоффуа съ 1848 года. Самъ Кювье признавалъ это относительно лисицы. Начиная съ сѣвера Европы и до Египта, онъ нашелъ семь или восемь видоизмѣненій этого типа, которые такъ вяжутся одно съ другимъ, что нельзя раздѣлить ихъ; а между тѣмъ крайніе члены этого ряда были на столько различны между собою, что еслибы разма-

тривать ихъ отдѣльно, они могли бы подать поводъ къ серьезнымъ недоумѣніямъ. Здѣсь послѣдовательный рядъ могъ быть вполне установленъ. Но относительно шакала не было еще сдѣлано того же. Между шакаломъ Индіи и шакаломъ Сенегамбіи различія весьма крупныя, и потому Фредерикъ Кювье составилъ изъ нихъ два вида; но съ того времени открыты были посредствующіе члены, и Исидоръ Жоффуа несколько не усумнился соединить прежніе два вида въ одинъ, давая замѣтить, какъ много этою, впрочемъ извинительною, ошибкой даровитаго его предшественника подтверждаются прочіе факты, говорящіе въ пользу существованія породъ, называемыхъ дикими, или естественными.

Объ обширности и дѣйствительномъ значеніи различій, которыя отдѣляются породы одна отъ другой, мы скажемъ въ послѣдствіи; ограничимся здѣсь утвержденіемъ, что эти различія бывають иногда очень значительны, и прибавимъ къ этому одно важное замѣчаніе. Когда двѣ дикія породы столько несходны между собою, что ихъ признавали даже за отдѣльные виды, эти породы обыкновенно бывають очень удалены одна отъ другой по своему мѣстожителству. Въ одной мѣстности, или въ мѣстностяхъ смежныхъ, чаще всего встрѣчаются только такія разновидности или породы, которыя отличаются несомнѣннымъ сходствомъ съ своимъ видовымъ типомъ. Такимъ образомъ, значительныя измѣненія въ видѣ всегда соединены съ значительнымъ отдаленіемъ мѣстностей. А это отдаленіе само собою предполагаетъ большія разности въ климатѣ, въ свойствахъ и произведеніяхъ почвы, или, другими словами, въ условіяхъ существованія, въ средѣ. Трудно однако предположить, чтобы между измѣненіемъ условій и образованіемъ породъ существовало только простое совпаденіе. Итакъ, уже на одномъ этомъ основаніи позволительно было бы утверждать, что тутъ скрываются отношенія причины къ дѣйствию; да-же мы въ этомъ убѣдимся несомнѣннымъ образомъ.

Домашнія, или искусственныя породы. Когда идетъ рѣчь о домашнихъ породахъ, мы не имѣемъ нужды доказывать ихъ существованіе; всякое несогласіе между естествоиспытателями прекращается здѣсь; всѣ знаютъ, что, подъ вліяніемъ челоуѣка, какъ растенія, такъ и животныя, могутъ подвергаться *измѣненіямъ, вырожденіямъ* и всякаго рода *видоизмѣненіямъ*, которыя иногда до такой степени закрываютъ первона-

чальный типъ, что мы съ трудомъ узнаемъ его. Всѣ признають, что эти видоизмѣненія передаются наследственно. Но какимъ образомъ человѣкъ пріобрѣтаетъ это вліяніе, и производитъ дѣйствіе на окружающихъ его животныхъ? Не останавливаясь на этомъ вопросѣ, который заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, достаточно мимоходомъ замѣтить, что человѣкъ достигаетъ этого результата всегда только посредствомъ измѣненія въ условіяхъ существованія, что слѣдовательно и здѣсь мы встречаемся также съ дѣйствіями среды. Вмѣшательство человѣка только умножаетъ, разнообразитъ эти условія, даетъ имъ болѣе силы, и потому они производятъ болѣе многочисленныя и болѣе замѣчательныя послѣдствія. Этимъ объясняется для насъ и то, почему изъ одного домашняго вида образуется иногда много породъ, и то, почему представители этихъ породъ такъ мало сходны между собою.

Изъ тысячи примѣровъ возьмемъ нѣсколько, и начнемъ съ растений¹. Всякій знаетъ, какъ мало сходны между собою разновидности нашихъ плодовъ. Ихъ насчитываютъ болѣе пятидесяти для персиковъ, болѣе ста для сливъ, нѣсколько сотъ для яблокъ,—и все это разныя формы, которыя уже добыты, но сверхъ того, съ каждымъ днемъ, производится еще какая-нибудь новая. Дюгамель, въ половинѣ прошлаго столѣтія, насчитывалъ уже до ста сортовъ извѣстныхъ грушъ, а одинъ изъ послѣднихъ каталоговъ Лондонскаго земледѣльческаго общества доводитъ эту цифру до шести сотъ. Графъ Одаръ, въ своей *Ампелографіи*, допускаетъ около тысячи сортовъ винограда. Правда, что не всѣ эти формы и сорта плодовъ — отдѣльныя *породы*; большая часть ихъ только *разновидности*, умноженныя прививкою и другими генеагенетическими приемами, какіе употребляются садоводами. Однако, вопреки довольно распространенному мнѣнію, истинныя породы существуютъ и между нашими плодовыми деревьями. Севенскіе пассагры (*passègres*), дофинеискіе тюллины (*tullins*) представляютъ намъ примѣръ персиковъ, очень хорошихъ на вкусъ, которые воспроизводятся сѣменами. Г. Сажере доказалъ, что тоже самое бываетъ и со сливами, напри-

¹ Большая часть подробностей, относящихся къ растеніямъ воздѣланнымъ, заимствованы изъ сочиненій г. Годрона *о видѣ*, равно какъ и изъ статей г. Дюшартра, помѣщенныхъ въ *Dictionnaire universel d'histoire naturelle*.

мѣръ, съ реньклодъ, (reine-Claude), съ сливами Св. Екатерины, съ красновато-бѣлыми (perdrigon), съ красными дамасскими. Но тотъ же наблюдатель испыталъ полную неудачу на различныхъ грушахъ, которыя онъ пробовалъ съять; растенія, которыя онъ получалъ, принимали опять признаки, свойственные ихъ виду въ дикомъ состояніи. Но зато, черезъ посѣвку, онъ получалъ настоящій столовый виноградъ, и г. Виберъ подтвердилъ этотъ результатъ. Впрочемъ, различныя наблюденія, которыя сдѣлалъ Рохасъ Клементе, уже доказали, что существуютъ дѣйствительныя породы виноградныхъ лозъ. Этотъ знаменитый испанскій ампелографъ, между прочимъ, описалъ одну мѣстность въ Андалузіи, известную подъ названіемъ *Algaida de San Lucar*. Это небольшая полоса земли, двѣ мили въ длину и полмили въ ширину, совершенно покрытая одичавшими виноградными лозами. Тамъ каждая лоза сохраняетъ всѣ свои признаки, хотя и представлена самой себѣ и сама собою воспроизводится посредствомъ сѣменъ. Изъ этого факта г. Клементе заключалъ, что нашъ виноградъ представляетъ нѣсколько отдѣльных видовъ; но большая часть ботаниковъ относятъ, тѣмъ не менѣе, всѣ наши виноградныя лозы только къ одному виду¹.

Наши плодовые деревья, наши кустарники и многолѣтнія растенія, сажаемые для украшенія нашихъ цвѣтниковъ и обогащающія садовниковъ, допускаютъ употребленіе прививки, посадку отводковъ и черенковъ. Растенія годичныя не терпятъ этого; они иначе не разводятся, какъ только чрезъ посѣвку. Итакъ, *разновидности* исчезаютъ ежегодно; однакожъ мы можемъ также утвердительно сказать, что формы и этихъ рѣстевій чрезвычайно видоизмѣнились подъ рукой человѣка. Одно и то же растеніе, *Cynara cardunculus*, дало происхожденіе нашимъ кардонамъ (огородная щетка) и нашимъ артишокамъ; отъ другаго, *Raphanus sativus*, произошли всѣ наши разнообразныя породы паровой (радись) и простой рѣдки и хрѣна. Отъ *Brassica oleracea*, или отъ дикой капусты нашихъ странъ, произошли пять большихъ семействъ, а именно: кочанная или вилоквая капуста, нѣкоторыя породы которой, по своему цвѣту, носятъ названіе красной; миланская или съ завитками, къ которой от-

¹ Въ донесеніи, которае мы уже нѣсколько разъ приводили, г. Шврель говорить, что еще нельзя положительно сказать что-нибудь по этому вопросу.

носятся и брюссельская; зеленая капуста, которой одна порода, капуста кавалерская, замѣчательная своими размѣрами и прозванная колоссальною, нѣсколько лѣтъ тому назадъ послужила къ злоупотребленію легковѣріемъ публики; далѣе, рѣпная капуста, выпуклый корень которой идетъ въ кушанья; наконецъ, цвѣтная или кудрявая капуста, отъ которой наоборотъ употребляется самый цвѣтъ. Къ каждому изъ этихъ семействъ принадлежитъ извѣстное число главныхъ породъ, которыя въ свою очередь подраздѣляются на второстепенныя, отличающіяся одна отъ другой какимъ-нибудь особымъ качествомъ, такъ что, говоря безъ преувеличенія, число этихъ различныхъ сортовъ капусты, происшедшихъ отъ одного вида, простирается до сотнѣ. Почти всѣ овощи (а извѣстно, какъ число ихъ велико) могли бы представить намъ подобные факты.

Число животныхъ видовъ, обращенныхъ въ состояніе домашнихъ, не такъ велико, какъ число воздѣланныхъ растительныхъ видовъ. Исидоръ Жоффуа, который въ послѣднемъ своемъ сочиненіи представилъ окончательный выводъ изъ всѣхъ прежнихъ своихъ трудовъ по этому предмету, насчитываетъ домашнихъ животныхъ на всей землѣ не болѣе сорока семи видовъ, а именно: двадцать одинъ видъ изъ млекопитающихъ, семнадцать изъ птицъ, два вида изъ рыбъ и семь изъ насекомыхъ¹. Но за то, эти виды, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, представляютъ совсѣмъ иной интересъ чѣмъ растенія. Не одни уже общіе законы, свойственные всѣмъ органическимъ существамъ, приближаютъ къ намъ животныхъ; самыя отправления у нихъ, въ сущности тѣ же что и у насъ; а у животныхъ высшихъ, сходство въ органахъ и въ физиологическихъ отправленияхъ доходитъ иногда даже до тождества. Войдемъ въ болѣе обстоятельныя подробности относительно тѣхъ животныхъ, которыя могутъ быть здѣсь изслѣдованы. Опираясь постоянно на ихъ исторію, будемъ разыскивать въ особенности, до какой степени легко въ дѣйствительности приводится къ одному

¹ Я буду много заимствовать изъ этого сочиненія, которому обширныя знанія автора и особые спеціальныя труды, посвященные имъ въ теченіи многихъ лѣтъ изученію предмета, придаютъ двойной авторитетъ. Считаю въ особенности нужнымъ замѣтить здѣсь, что, за исключеніемъ одного свѣдѣнія, заимствованнаго изъ Дарвина, всѣ ссылки на Библію, на *Веды*, на *Шу-кинъ* и на *Зельд-Ассету*, относящіяся до прирученія животныхъ, сдѣланы мною по г. Жоффуа.

виду совокупность породъ, означаемыхъ однимъ, общимъ для всѣхъ видовымъ именемъ.

Оставляя въ сторонѣ назѣконыхъ и рыбъ, приступимъ прямо къ классу птицъ. Здѣсь, прежде всего представляется одинъ видъ, не важный самъ по себѣ, но весьма интересный тѣмъ, что эпоха его прирученія, очень недавняя, хорошо извѣстна, такъ что мы можемъ измѣрить всю обширность измѣненій, какія испытаны имъ въ періодъ времени, относительно очень короткій. Я говорю о канарейкѣ. Этотъ «маленькій комнатный музыкантъ», какъ его называетъ Бюффонъ, проникъ въ Европу со времени завоеванія Канарскихъ острововъ Бетанкурами, то есть около половины XV столѣтія. Въ XVI вѣкѣ, торговля вывезла оттуда въ Европу большое количество канареекъ, какъ вывозить она нынѣ другіе виды птицъ. Въ скоромъ времени канарейка акклиматизировалась во всей Европѣ, стала воспроизводиться и все болѣе и болѣе распространяться, не переставая однако быть предметомъ большаго спроса. Переходя такимъ образомъ въ весьма разнообразныя среды, канарейка испытывала на себѣ ихъ дѣйствіе, и не замедлила видоизмѣниться. У Бюффона мы находимъ списокъ, съ означеніемъ двадцати девяти разновидностей и восьми отдѣльныхъ породъ, получившихъ особыя названія еще въ началѣ XVIII вѣка; онъ прибавляетъ, что съ того времени образовалось много новыхъ породъ. Безъ сомнѣнія, нынѣ число ихъ еще болѣе возрасло. Птицы всѣхъ этихъ породъ очень отличаются отъ своихъ собратій, оставшихся въ дикомъ состояніи. Эти послѣднія имѣютъ сѣро-зеленоватый цвѣтъ съ темными пятнами, а каждому извѣстно, какъ мало эти признаки свойственны большей части нашихъ канареекъ. Напомнимъ хоть то, что у нашихъ канареекъ ростъ вообще крупнѣе, что перья ихъ либо бываютъ всѣ однообразнаго цвѣта, который видоизмѣняется, переходя изъ желтаго, почти бѣлаго у однихъ, въ зеленоватый и въ зеленовато-сѣрый у другихъ,—либо испещрены полосками болѣе или менѣе темными, доходящими иногда до совершенной черноты. Прибавимъ къ этому, что между канарейками извѣстны породы хохлатыя, другія съ удлинненными ногами, и каждая изъ этихъ породъ, въ сущности сохраняя первоначальный напѣвъ вида, прибавляетъ къ нему еще свои особенныя интонаціи, приемы, передѣлы. Вотъ какими превращеніямъ, въ теченіи трехъ вѣковъ неволи, успѣла подвергнуться эта

птичка, вывезенная къ намъ сперва для удовлетворенія прихоти вельможъ, а теперь увеселяющая и обитателей бѣдныхъ чердаковъ.

Индѣйскій пѣтухъ, ввезенный въ Европу почти одновременно съ канарейкой; утка, которую во времена Колумеллы и Варрона еще принуждены были ловить не иначе какъ раскидывая сѣти надъ бассейнами, въ которыхъ ее разводили; гусь, прирученный Греками, какъ думаетъ Исидоръ Жоффуа, или Азіятцами, какъ предполагаетъ г. Пикте: всѣ эти птицы не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ своего происхожденія. При всей многочисленности и разнообразіи породъ какія добыты отъ этихъ птицъ, никому не приходило въ голову предполагать, чтобы въ образованіи ихъ участвовали многіе виды. Эти породы, впрочемъ, еще не такъ многочисленны, какъ могли бы онѣ быть, еслибы не мѣшало одно обстоятельство, на которое, мнѣ кажется не всегда обращалось должное вниманіе. Три вида, сейчасъ названные нами, — виды существенно полезные; прихоть и мода вообще оставили ихъ въ пренебреженіи. Самая индѣйка, первоначально вывезенная какъ птица годная на украшеніе, очень скоро сдѣлалась простою столовою птицей, и пополнила собою только птичій дворъ. Съ тѣхъ поръ отъ ней стали уже требовать только, чтобы она доставляла какъ можно болѣе вкуснаго мяса. Ни одинъ любитель не былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы сохранить у нея блескъ ея первоначальнаго пера или оразнообразить его оттѣнки, и не смотря на то, какія измѣненія, какія разности въ цвѣтахъ являюся даже у тѣхъ индѣекъ, которыя, въ нашихъ фермахъ, разводятся вмѣстѣ съ нашими древними галльскими курами! Вотъ одинъ изъ тѣхъ примѣровъ, которые показываютъ, какъ возникаютъ породы около человѣка, безъ его вмѣшательства, почти можно сказать, безъ его вѣдома, только благодаря дѣйствию тысячи различныхъ условій, которыя онъ создаетъ вокругъ себя. Этого примѣра достаточно, чтобы понять, на сколько эти породы должны умножиться и отиѣтиться еще болѣе отличительными признаками, когда въ этомъ приметь участие воля, которая поставитъ себѣ цѣлю безпрестанно видоизмѣнять ихъ; достаточно этого примѣра, чтобы понять также, до какой степени трудно будетъ въ такомъ случаѣ добраться до первоначальнаго источника, и удостовѣриться въ единствѣ вида, среди всѣхъ этихъ производныхъ формъ, иногда весьма отда-

ленныхъ между собой. Это именно случилось съ голубями, что и даетъ имъ право на особенное упоминаніе.

Голубиный видъ, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ тѣхъ, которые обращены въ домашнее состояніе съ самыхъ древнихъ временъ. Дарвинъ приводитъ по этому предмету изслѣдованія гг. Бирха и Лепсіуса, и изъ этихъ изслѣдованій открывается, что голуби были подаваемы на пиршествахъ Египтянъ, еще въ царствованіе пятой или даже четвертой династіи. Въ Европѣ, разводились эти птицы Греками, можетъ-быть еще со временъ Троянской войны; потомъ они перешли въ Римъ, гдѣ и освоились, благодаря модѣ и роскоши. Во времена Плинія, голубямъ кампанскимъ велись родословныя, такъ какъ это дѣлается теперь у насъ относительно кровныхъ лошадей. Голландцы, въ XVI вѣкѣ, стали подражать въ этомъ Римлянамъ, а Акбаръ-ханъ, около тѣхъ же временъ, вмѣсто отдыха отъ своихъ завоевательныхъ походовъ, собиралъ въ огромныя голубятни болѣе нежели по двадцати тысячъ голубей, отыскивалъ въ нихъ самыя рѣдкія разновидности, стараясь потомъ умножать эти разновидности посредствомъ повторяемыхъ скрещиваній. Наконецъ, и въ наше время, голуби остаются въ большой милости у любителей. Въ Англіи насчитывается много голубиныхъ клубовъ, члены которыхъ не щадятъ ни заботъ, ни издержекъ для воспитанія своихъ любимыхъ птицъ. При подобныхъ условіяхъ, понятно, что этотъ видъ птицъ долженъ былъ подвергнуться многимъ и сильнымъ измѣненіямъ. Такъ Бюффонъ насчитывалъ въ одной Европѣ одиннадцать большихъ группъ, изъ которыхъ каждая содержитъ извѣстное число главныхъ породъ, не говоря уже о породахъ второстепенныхъ и представляющихъ меньшій интересъ. Но эти цифры для настоящаго времени уже потеряли значеніе: нынче породы голубей, безъ сомнѣнія, нужно считать уже сотнями. Такимъ образомъ, здѣсь представляется во всемъ своемъ интересѣ, со всеми своими дѣйствительными трудностями, вопросъ, который можетъ быть выраженъ въ общіихъ словахъ слѣдующимъ образомъ: исходятъ ли всѣ эти породы отъ одного вида?

Бюффонъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ сперва утвердительно, и дикаго голубя (*Columba livia*) признавалъ за общаго родоначальника всѣхъ домашнихъ голубей. Въ послѣдствіи, разнаго рода соображенія привели его къ тому мнѣнію, что въ производ-

ствѣ нашихъ лучшихъ породъ могли нѣсколько участвовать вяхирь (*Columba palumbus*) и европейская горлица (*Columba turtur*). Большая часть естественныхъ испытателей пристали къ этому послѣднему мнѣнію Бюффона, и самъ Кювье полагалъ возможнымъ, что нѣсколько смежныхъ видовъ дикаго голубя содѣйствовали къ произведенію нашихъ домашнихъ породъ. Впрочемъ, ни Кювье, ни Бюффонъ не приводятъ ни одного факта въ подтвержденіе своего мнѣнія. Читая ихъ, видишь, что они поражены этимъ безконечнымъ разнообразіемъ формъ, и колеблются отнести всѣ эти формы къ одному первоначальному типу, вотъ и все; но Исидоръ Жоффуа открылъ одинъ фактъ, прямо противорѣчащій рѣшенію, предложенному его наменными предшественниками. Онъ показалъ, что потомки наиболѣе видоизмѣненныхъ породъ представляютъ, иногда въ цѣломъ, а иногда въ частяхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сполна всѣ признаки, свойственные дикому голубю, но никогда не обнаруживаютъ признаковъ какого нибудь другаго вида. Изъ этого онъ заключилъ, что тутъ довольно вѣроятности въ пользу единства происхожденія, тогда какъ ничто не говоритъ въ защиту множественности. Дарвинъ пошелъ еще далѣе. Приведенный своими общими занятіями къ спеціальному изслѣдованію вопроса о голубяхъ, онъ захотѣлъ исчерпать его до дна. Онъ разсмотрѣлъ всѣ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, собранныя до него; досталъ себѣ всѣ породы голубей, свойственныя Европѣ и англійскимъ колоніямъ; вошелъ въ сношенія съ главными голубиными охотниками въ Лондонѣ; записался членомъ въ двухъ спеціальныхъ по этой части клубахъ, и началъ производить, во множествѣ, опыты. Не прежде, какъ употребивъ такимъ образомъ всевозможныя средства къ отысканію истины, онъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать окончательное заключеніе, и это заключеніе оказалось самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу единства вида. По его мнѣнію, дикій голубь есть единственный родоначальникъ всѣхъ домашнихъ голубей.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Дарвинъ приводитъ множество фактовъ, которые всѣ ведутъ къ одному результату. Какъ ни велики различія, которыми отдѣляются крайнія породы дикаго голубя, однакожь всегда можно подмѣтить между этими двумя крайними членами постепенныя ряды, которые тѣсно связываютъ ихъ. Нигдѣ не встрѣчается тѣхъ

точныхъ признаковъ, какими обыкновенно различаются другъ отъ друга два вида, хотя бы самые смежные. Скрещивая особей, принадлежащихъ къ самымъ несходнымъ породамъ, разрушая одни отличительные признаки другими, получаемъ, иногда начиная съ третьяго поколѣнія, особей совершенно сходныхъ съ дикимъ голубемъ. Первоначальный типъ выступаетъ наружу какъ бы самъ собою. Еслибъ объяснять существованіе всѣхъ голубиныхъ породъ различіемъ и множественностью первоначальныхъ видовъ, тогда слѣдовало бы допустить существованіе, по крайней мѣрѣ, семи или восьми видовъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми признаками, свойственными дикому голубю, соединяются другіе, совершенно чуждые всѣмъ извѣстнымъ голубинымъ породамъ; слѣдовало бы предположить, что всѣ эти виды либо неизвѣстны, хотя и существуютъ еще въ дикомъ состояніи, либо совсѣмъ перевелись, — два мнѣнія равно недопустимыя; слѣдовало бы еще предположить, что однажды прирученные, эти виды неспособны возвратиться въ состояніе свободное. Всѣ эти предположенія самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчатъ дознаннымъ фактамъ. Наконецъ, последнее доказательство того, что всѣ голубиные породы одного происхожденія, авторъ извлекаетъ изъ слѣдующаго факта: самая отдаленная изъ голубиныхъ породъ могутъ скрещиваться между собою и давать происхожденіе метисамъ (ублюдкамъ), способнымъ плодиться въ свою очередь безконечно. Этимъ вполне подтверждается заключеніе, вытекающее изъ всего, нами сказаннаго.

Не останавливаясь на другихъ видахъ птицъ, исторія которыхъ не такъ полна, какъ исторія предыдущихъ, и потому не можетъ представить ничего особенно важнаго, мы займемся млекопитающими. Эта группа представляетъ для насъ болѣе интересъ чѣмъ всякая другая. Въ ней-то преимущественно встрѣчаются тѣ органическія аналогіи и физиологическія сходства съ человѣкомъ, о которыхъ мы упомянули выше. Сверхъ того, естественно, на высшей степени здѣсь стоитъ и смышленность. Развитая и иногда преобразованная вліяніемъ человѣка, она представляетъ факты, столько же важные, какъ и тѣ, которые вытекаютъ изъ изслѣдованія чисто физическаго, и столько же способные служить отличительною примѣтой породы. Притомъ же, самые древніе и самые подлые опыты власти человѣка надъ животными, оказываются

именно на классъ млекопитающихъ. Къ сожалѣнiю, изъ этого самаго обстоятельства проистекають и весьма большiя затрудненiя для рѣшенiя вопроса, который занимаетъ насъ предпочтительно передъ всеми другими. Чѣмъ прямѣе, общѣе и постоянно было влiянiе человека на какой-нибудь видъ, тѣмъ многочисленнѣе и сильнѣе происходили измѣненiя, а слѣдовательно и тѣмъ труднѣе дойти до первоначальнаго источника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже, этотъ источникъ остается для насъ и теперь еще неизвѣстенъ. Такъ напримѣръ, можно сказать это относительно быка. Нѣтъ другаго животнаго, которое бы такъ издавна служило помощникомъ и товарищемъ человеку: оно сопровождало древнихъ Арiйцевъ, еще при выходѣ ихъ изъ ихъ первоначальной родины; въ Китаѣ, съ первыхъ вѣковъ, оно является животнымъ, служащимъ человеку и въ мирѣ, и на войнѣ; *Зендъ-Авеста* говоритъ о немъ, какъ о животномъ священномъ; въ Египтѣ оно изображено на самыхъ древнихъ памятникахъ. Оно слѣдовало за человекомъ почти повсюду, гдѣ только почва могла доставлять ему пищу; въ продолженiе этихъ путешествiй, отъ него произошло множество породъ, большiя часть которыхъ тщательно описаны и изображены; и при всемъ томъ, намъ еще остается доискиваться, что такое быкъ первоначальный, и гдѣ его родина; намъ приходится даже спрашивать себя, существуетъ ли онъ еще, или уже исчезъ совершенно съ поверхности земнаго шара¹.

Къ счастью, мы имѣемъ гораздо болѣе свѣдѣнiй о другихъ видахъ, столько же для насъ важныхъ. Относительно осла, напримѣръ, нѣтъ никакого сомнѣнiя, ни въ единствѣ его вида, ни въ его происхожденiи. Дикiй типъ его,

¹ Бюффонъ, Палласъ и нѣкоторые другiе естествоиспытатели призывали европейскаго бизона, или зубра, за родоначальника нашихъ домашнихъ быковъ; разсмотрѣнiе скелета заставило отказаться отъ этого мнѣнiя. Кювье приписалъ ту же роль быку торфяниковъ, виду нынѣ уже исчезнувшему. Это сближенiе было оставлено даже Лориаромъ, столь усерднымъ послѣдователемъ Кювье; но мы еще и теперь не знаемъ никакого дикаго вида, который съ большою или меньшею вѣроятностiю могъ бы быть признанъ за первоначальнаго домашняго быка.

онагръ, еще и нынѣ водится во всей юго-западной Азии и сѣверо-восточной Африкѣ. Онъ былъ домашнимъ животнымъ въ этихъ странахъ, со времени первыхъ патриарховъ, и отсюда уже распространился по всему свѣту. При этихъ переселеніяхъ, и онъ также замѣчательно измѣнился; но и здѣсь, какъ во всемъ, бѣдный оселъ испыталъ несчастье. Его породы никогда не находили себѣ историка. Путешественники говорятъ намъ, мѣстами, по нѣскольку словъ о мараттскихъ ослахъ, ростъ которыхъ они сравниваютъ съ ростомъ собаки на Новой Землѣ, разказываютъ также о рослыхъ ослахъ, которыхъ посылаютъ изъ Аравіи въ Персію, гдѣ они считаются превосходными животными для верховой ѣзды, потому что, при своей иноходи, бѣгаютъ рысью такъ скоро, что не отстаютъ отъ лошади, пущенной въ галопъ; но эти путешественники всегда очень скупы на подробности. Даже наши европейскія породы едва извѣстны. Наконецъ, самъ Бюффонъ, который такъ справедливо взялъ подъ свою защиту нашихъ скромныхъ ословъ, ничего не сказалъ о рослыхъ братьяхъ ихъ въ Пуату; ихъ даже забыли пригласить на послѣднюю выставку, и тѣмъ лишили бѣольшую часть читателей возможности составить себѣ понятіе объ ихъ высокомъ ростѣ, объ ихъ длинныхъ ушахъ, объ ихъ особенной шерсти. Во всякомъ случаѣ, легко убѣдиться, что у осла, какъ и у голубей, породы незамѣтно переходятъ изъ одной въ другую, и всеъ стремится, чрезъ постепенное ослабленіе прибрѣтенныхъ признаковъ, возвратиться къ своему первому родоначальнику, котораго главныя черты сохраняются имн, то-есть къ онагру.

Лошадь, животное служащее намъ вмѣстѣ и на пользу и для роскоши, извѣстна гораздо болѣе. Однакожъ и ея первоначальная исторія представляетъ не мало значительныхъ затрудненій. Существованіе дикихъ лошадей въ центральной Азии несомнѣнно дознано только въ послѣднее время; за то, лишь только былъ доказанъ этотъ фактъ, какъ съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожились почти и всеъ затрудненія. Онъ дѣйствительно объясняетъ, какимъ образомъ лошадь могла сопутствовать Арійцамъ въ ту эпоху, когда еще слагались гимны *Рми-Воды*; дѣлаетъ понятнымъ для насъ, почему книга *Шу-Кинъ* говоритъ о лошади, но указываетъ однакожъ на нее какъ на животное, еще недавно введенное; равнымъ образомъ объясняетъ, почему въ Египтѣ лошадь должна была

сдѣлаться извѣстною гораздо позже чѣмъ осель. Съ другой стороны, сходство дикихъ лошадей съ *тарманами*, или лошадьми, снова перешедшими въ вольное состояніе въ Азіи, доказываетъ тождество происхожденія. Уже одно это обстоятельство даетъ отвѣтъ на всѣ теоріи, которыя налагались еще такъ недавно, и которыя въ нашихъ лошадиныхъ породахъ находили отъ шести до семи первоначальныхъ видовъ: эти теоріи опровергаются именно тѣмъ, что всѣ лошадиныя породы переходятъ однѣ къ другимъ тѣми постепенными рядами, о какихъ говорено выше. Извѣстно, какъ многочисленны эти породы: можетъ-быть, нѣтъ страны, которая бы не производила ихъ по нѣскольку, и въ одной Франціи можно насчитать ихъ почти столько же, сколько было у насъ прежде провинцій. А между тѣмъ, человѣкъ вездѣ и всегда требовалъ отъ лошади почти одного и того же: онъ всегда видѣлъ въ ней только животное, годное для верховой ѣзды или для перевозки тяжестей. Поэтому, онъ старался развить въ ней силу мускуловъ, продолжительность, легкость и безопасность движеній; заботился также возвысить и облагородить ея формы; но тѣмъ все и ограничивалось. Слѣдовательно, если видъ представляетъ измѣненія, не имѣющія отношенія къ цѣли, которую поставлялъ себѣ его господинъ, человѣкъ, то эти измѣненія, очевидно, суть результаты уже того невольнаго вліянія, которое, какъ мы говорили выше, человѣкъ, самъ того не зная, оказываетъ на окружающихъ животныхъ.

Если хотимъ составить себѣ полное понятіе о томъ вліяніи, какое можетъ произвести своею властью человѣкъ на живое существо, если хотимъ исполнѣ понять, до какой степени онъ можетъ преобразовывать, комбинировать и перемѣшивать организмы, то для этого нужно научить именно собаку. Объ этомъ видѣ можно сказать, что человѣкъ всего потребовалъ отъ него, и что тотъ все далъ ему. Человѣкъ сдѣлалъ изъ собаки рабочую скотину, пользуется ею въ ѣздѣ и въ охотѣ, сдѣлалъ изъ нея и сторожа и бойца; онъ воспользовался ея понятливостью, ея инстинктомъ, такъ же какъ и тѣлесными силами; все существо ея изгибалось, соотвѣтственно требованіямъ чловѣка; вѣшалась сюда мода и прихоть, и тѣ были удовлетворены, наравнѣ съ дѣйствительными нуждами человѣка, и все это идетъ съ самой глубокой древности. Библія и *Веды*, *Шу-Кинъ* и *Зендъ-Аве-*

ста говорятъ о собакахъ; самые древніе египетскіе памятники представляютъ намъ ея изображеніе и доказываютъ, что она тогда уже дала отъ себя многія породы, между прочимъ одну съ висячими ушами, а это—несомнѣнный признакъ весьма давняго прирученія. И какое потому безконечное разнообразіе, какіе контрасты въ этихъ породахъ! Поставьте рядомъ съ огромною филиппинскою собакой, которая ростомъ выше всѣхъ нашихъ европейскихъ породъ, болонку, которую наши бабушки прятали въ своихъ муфтахъ; рядомъ съ борзою собакой, у которой ноги такъ длинны и такъ тонки, что заяцъ спѣшитъ бѣжать отъ нея, поставьте барсучью собаку съ ея кривыми ногами, со всѣмъ ея устройствомъ, такъ приуроченнымъ къ тому, чтобы проползти въ какую-нибудь нору; подлѣ турецкой собаки, съ совершенно голою кожей, поставьте пуделя, у котораго шерсть похожа на руно; сравните пиренейскую собаку съ бульдогомъ, померанскую съ рѣдкошерстнымъ грифономъ, ньюфаундлендскую съ гончею,—и вы составите еще не полное понятіе объ этомъ мірѣ собакъ, въ которомъ совмѣщаются самыя разнообразныя формы и самыя различныя инстинкты. Да еще то, что мы видимъ теперь, составляетъ, можетъ-быть, только самую малую часть всего того, что существовало. Животныя породы исчезаютъ вмѣстѣ съ потребностью или прихотью, которая вызвала ихъ къ бытію, и сколько собачьихъ формъ, безъ сомнѣнія, исчезло со временъ *Веды*! Нѣтъ нужды выходить за предѣлы Франціи или восходить очень далеко по времени, чтобы привести примѣры на это. Вѣроятно, въ Сентонжѣ нынче не найдете уже ни одной изъ тѣхъ большихъ борзыхъ собакъ, которыхъ такъ добивались въ средніе вѣка для охоты на краснаго звѣря, и за которыхъ промѣнивали боеваго коня. Кто можетъ также сказать, что сдѣлалось съ породой мопсовъ, этихъ медіоланскихъ собакъ въ миниатюрѣ, которыхъ въ наши дѣтскіе годы видывали мы у старыхъ вдовушекъ?

Хотя довольно много мнѣній высказано было въ объясненіе этого множества собачьихъ породъ, всѣ онѣ однако могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ естествоиспытателей, наши домашнія собаки наследственно произошли отъ нѣсколькихъ различныхъ видовъ; ббльшая же часть ученыхъ производятъ ихъ отъ одного вида. Впрочемъ, эти общія положенія выражаемы были далеко не одинаково. Нѣкоторые изъ

сторонниковъ перваго мнѣнія допускаютъ, что дикіе родоначальники нашихъ собакъ исчезли; другіе же полагаютъ, что возможно еще отыскать этихъ родоначальниковъ въ дикомъ состояніи. Но въ отвѣтъ первымъ можно сказать, что палеонтологія никогда не встрѣтила ни одного ископаемаго остатка, который бы подтверждалъ ихъ предположеніе; а послѣднимъ отвѣтимъ, что предположеніемъ трехъ или четырехъ различныхъ родоначальниковъ, чрезвычайное разнообразіе породъ объясняется нисколько не лучше, какъ еслибы допускался и одинъ родоначальникъ, и что ко всемъ тѣмъ, кого признаютъ за родоначальниковъ, нисколько не подходятъ именно породы наиболее исключительныя, на примѣръ, барсучьи, болонки и проч.; этимъ послѣднимъ мы не находимъ ничего подобнаго между животными дикими. Вообще, и тѣмъ и другимъ естествоиспытателямъ, основательно можно возразить, что у собакъ, какъ и у голубей, «самыя рѣзкія видоизмѣненія доходятъ до послѣдней степени развитія не иначе какъ посредствомъ нечувствительной постепенности; что мы видимъ, какъ дѣйствительно возникаютъ эти видоизмѣненія, и что слѣдовательно невозможно и предположить ихъ существованіе въ какомъ-либо предшествующемъ видѣ¹.» Этотъ фактъ не ускользнулъ отъ Бюффона, вслѣдствіе чего онъ и рѣшился составить генеалогическую карту различныхъ собачьихъ породъ, принявъ исходною точкой собаку пастушью. Фредерикъ Кювье, въ свою очередь, сдѣлалъ этотъ фактъ несомнѣннымъ, послѣ того какъ подвергъ подробному сличенію уже не только внѣшніе и общіе признаки собачьихъ породъ, но и чувствительные и воспроизводительные органы, самый скелетъ, даже въ особенности голову, члены и хвостъ собаки. Такое изученіе вопроса привело его къ заключенію, что, если кто хочетъ объяснять существованіе всѣхъ нашихъ собачьихъ породъ различіемъ происхожденія, тотъ долженъ предположить по крайней мѣрѣ пятьдесятъ первоначальныхъ видовъ (*espèces souches*). Прибавимъ еще, что во всѣхъ этихъ видахъ (которыхъ и слѣда не отыскивается въ дѣйствительности) основныя инстинкты тождественны, тогда какъ ихъ

¹ Слова Фредерика Кювье. Извѣстно, до какой степени этотъ натуралистъ былъ сторонникомъ неизмѣняемости вида; и потому столь ясное свидѣтельство съ его стороны имѣетъ чрезвычайно большое значеніе.

зоологическіе признаки весьма различны и весьма сходны въ то же время. Полагаемъ, сказаннаго достаточно, чтобы, согласно съ Бюффономъ, Линнеемъ, двумя Кювье, Исидоромъ Жоффуа и другими, читатель пришелъ къ заключенію, что всѣ наши собаки принадлежать къ одному виду.

Но гдѣ искать этотъ видъ? Согласиться ли съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ естествоиспытателей, что онъ былъ прирученъ въ цѣломъ своемъ составѣ, и что потому никакъ нельзя отыскать дикій типъ его? или же этотъ типъ еще существуетъ въ естественномъ состояніи, и потому можно опредѣлить его? Перваго изъ этихъ двухъ мнѣній нельзя поддерживать, несмотря на авторитетъ знаменитыхъ людей, которые высказали его. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что вездѣ, гдѣ только общія условія тому благопріятствуютъ, собаки покидаютъ человека и возвращаются въ свободное состояніе: такъ, напримеръ, одичалыя собаки расплодился въ Америкѣ, со времени ея завоеванія, и прибавили собою еще одно свирѣпое животное къ тѣмъ, которыхъ производитъ Новый Свѣтъ. При существованіи такого факта, можно ли думать, чтобы въ извѣстное время, когда еще цѣлый видъ находился въ дикомъ состояніи, человекъ успѣлъ обратить его весь на службу себѣ? Очевидно, слѣдуетъ допустить, что первоначальная собака еще живетъ въ своей прежней формѣ; нужно только умѣть узнать ее. Нѣкоторые изъ числа истинно заслуженныхъ людей, слѣдуя весьма древнему мнѣнію, думали найти ее въ волкѣ; но это воззрѣніе, вслѣдствіе изученія болѣе серіознаго, было оставлено, и теперь все болѣе и болѣе примыкаютъ къ тому мнѣнію, которое высказано было въ первый разъ Гюльденшtedтомъ, обнаружившимъ въ 1776 году очень основательную брошюру объ этомъ вопросѣ. Этотъ натуралистъ-путешественникъ наблюдалъ въ Азій собакъ и шакаловъ; онъ былъ пораженъ множествомъ сходствъ между ними, и заключилъ о тождествѣ вида. Наблюденія Палласа, Эренберга, Эмприха и другихъ, всѣ подтвердили это заключеніе, которое и мы не колеблемся принять. Для того чтобы показать основательность нашего выбора, считаемъ за лучшее привести буквально тотъ отрывокъ, гдѣ г. Исидоръ Жоффуа вкратцѣ перечисляетъ основанія, почему именно такъ должна быть рѣшена эта задача, занимавшая почти всѣхъ натуралистовъ. «Собака, говоритъ онъ, имѣетъ такое же анатомическое устройство какъ

и шакалъ; между ними нельзя открыть ни одного постоянного различія. Наружныя формы шакала, самый цвѣтъ шерсти, до мелкихъ оттѣнковъ, иногда точь въ точь воспроизводится въ собакѣ. Во многихъ мѣстностяхъ Азій, восточной Европы и Африки, гдѣ находятъ въ одно и то же время шакаловъ въ состояніи свободномъ и собакъ въ домашнемъ состояніи, гдѣ, слѣдовательно, родоначальники и потомки живутъ пока въ одномъ мѣстѣ, и представляютъ изъ себя какъ бы два отпрыска, еще сидящіе на одномъ стволѣ, тѣ и другіе весьма сходны между собою, такъ сходны, что трудно бываетъ даже различить ихъ, какъ говорятъ путешественники.»

Противъ ученія Гюльденштедта были разныя возраженія. Но Исидоръ Жоффуа постепенно опровергъ большую часть ихъ, и притомъ не разсужденіями, а фактами, которые почти всѣ собраны имъ въ звѣринцѣ Музея. Такъ напримѣръ, у собакъ, кормившихся мясомъ, онъ нашелъ запахъ, отличительно свойственный шакаламъ; далѣе, вопреки принятому мнѣнію, онъ доказалъ, что шакалъ носить дѣтей столько же времени, сколько и собака. Черезъ повтореніе же скрещиваній, Жоффуа, равно какъ и Флурансъ, открыли, что сообщеніе шакала и собаки совершенно плодуще, и что ублюдки ихъ также плодущи, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній; сверхъ того, Жоффуа и самъ слушалъ и своихъ учениковъ заставляя слушать, какъ лаяли въ звѣринцѣ шакалы; онъ удостовѣряетъ, что шакалъ лаялъ точь въ точь такъ, какъ собаки помѣщенныя по сосѣдству, чего однако никакъ не могъ достигнуть волкъ, при всѣхъ очевидныхъ усиліяхъ своихъ. Такимъ образомъ, Жоффуа восполнилъ свѣдѣнія, которыми мы обязаны еще Палласу, что шакалъ владѣетъ всѣми собачьими *юлосами*. Наконецъ, тотъ же естествоиспытатель имѣлъ возможность лично удостовѣриться въ фактѣ, о которомъ разказываютъ многіе путешественники: онъ въ Греноблѣ видѣлъ *собаку*, какъ всѣ ее тамъ называли, а между тѣмъ въ сущности это было не что иное, какъ алжирскій шакалъ. Этотъ шакалъ былъ «смирненъ, преданъ своему хозяину, ко всѣмъ ласкался, ходилъ совершенно на волъ, и пользуясь ею, бѣгалъ на городскія улицы и площади, играть съ *другими собаками*». Это наблюденіе довершаетъ рядъ приведенныхъ доказательствъ: оно доказываетъ, что вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, шакалъ вовсе не такой досконально дикій звѣрь, чтобы

нельзя было никогда пускать его на волю, — даже прирученнаго. Оно свидѣтельствуетъ о совершенномъ сходствѣ нашихъ собакъ съ шакаломъ, тѣмъ самымъ, что люди и животныя безъ всякаго опасенія подпускали его къ себѣ; оно подтверждаетъ слова Палласа объ этомъ животномъ, котораго описываетъ онъ, какъ естественнаго друга человѣку; оно объясняетъ, какъ много должно было подѣйствовать на этотъ видъ порабощенное состояніе въ теченіи сорока или пятидесяти вѣковъ, когда онъ уже съ перваго раза способенъ давать подобныя результаты.

Эти немногіе примѣры достаточно доказываютъ, что внимательное изученіе нашихъ домашнихъ породъ приводитъ, все болѣе и болѣе, къ тому заключенію, что всѣ породы, извѣстныя подъ однимъ именемъ, должны быть относимы къ одному виду, какъ бы ни были онѣ различны. Теорія, допускающая, что эти породы образованы содѣйствіемъ многихъ видовъ, становится все менѣе и менѣе состоятельною, даже при объясненіи такихъ видовъ, первый родоначальникъ которыхъ намъ еще неизвѣстенъ. Въ самомъ дѣлѣ, она никогда не устоитъ противъ одного простаго наблюденія, которое хотя относится къ частному случаю, но имѣетъ общее примѣненіе; а именно, — что самыя замѣчательныя изъ нашихъ породъ не имѣютъ представителей ни въ живущихъ еще видахъ, ни въ видахъ ископаемыхъ. Такъ напримѣръ, мы развели безрогихъ быковъ, овецъ, козъ. Но всѣ дикіе виды, принадлежащіе не только къ этимъ, но и ко всѣмъ смежнымъ родамъ, имѣли и теперь имѣютъ рога. Мы развели барановъ съ тремя, четырьмя, даже съ пятью рогами. Но всѣ дикіе бараны, и живые и ископаемые, имѣютъ только по два рога. Ни въ томъ, ни въ другомъ изъ этихъ случаевъ, появленіе новыхъ признаковъ не можетъ быть объяснено содѣйствіемъ разныхъ видовъ; развитіе ихъ, следовательно, должно быть приписано вліянію человѣка. Если же это вліяніе могло произвести самое большое измѣненіе, то какъ отказать ему въ возможности произвести маленькое? Уклоненія столь значительныя, что извѣстныя породы удаляются отъ всѣхъ извѣстныхъ видовъ и становятся существами исключительными, объясняются только вліяніемъ человѣка; какъ же, послѣ того, не согласаться, что въ этомъ же вліяніи заключается причина и другихъ видоизмѣненій, которыя гораздо слабѣе и которыя обнаруживаются въ незначитель-

ныхъ сходствахъ съ нѣкоторыми изъ извѣстныхъ видовъ? Не соглашались съ этимъ тѣмъ же еще возможно, что несогласіе не могло бы привести за себя никакого факта, никакого опыта, и для того чтобы поддержать себя, должно было бы отвергнуть всѣ аналогіи, заимствованныя изъ исторіи такихъ породъ, которыхъ первоначальный родоначальникъ открытъ или всегда былъ извѣстенъ. Итакъ, при изученіи домашнихъ породъ, все ведетъ къ заключенію о единствѣ начала, о единствѣ вида. При всемъ томъ, мы далеки отъ всякаго преувеличенія, мы не рѣшаемся утверждать, что скрещиванья одного вида съ другимъ не было *никогда*, что *никогда*, напримѣръ, у нашихъ домашнихъ собакъ первоначальная кровь шакала не принимала въ себя нѣсколькихъ капель посторонней крови, отъ волка ли то, или, можетъ-быть, отъ какого-нибудь другаго смежнаго вида; но отъ этихъ случайныхъ соединеній и отъ ихъ результатовъ весьма еще далеко до *смѣси видовъ*, до образованія *комбинированныхъ породъ (hybrids)*. Впрочемъ, этотъ капитальный вопросъ ниже будетъ разсмотрѣнъ со всею подробностію, которой онъ заслуживаетъ. Тогда наши читатели увидятъ, какъ нерѣдко возводимы были, въ ущербъ истинѣ, нѣсколько одинокихъ фактовъ на степень общаго правила, и какъ часто преувеличивались вытекающія изъ нихъ послѣдствія.

Породы вольныя, или одичалыя. Послѣ того какъ мы разсмотрѣли исторію породъ дикихъ и домашнихъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ породахъ, которыя образовались подъ преемственнымъ вліяніемъ, сперва—порабощенія, а потомъ—возвращенной свободы. Къ сожалѣнію, эти породы были очень мало изучаемы. Опыты дѣлались слишкомъ рѣдко, оттого что по доброй волѣ человекъ не лишаетъ себя слугъ, которыхъ приобретаетъ подъ свою власть, и когда случай или особенныя обстоятельства возвращаютъ разведенныя имъ растенія или прирученныя имъ животныхъ въ естественное состояніе, тогда ему горя мало что потомъ съ ними дѣлается; такимъ образомъ, мы вообще лишены точныхъ подробностей о тѣхъ, какими признаками отличаются свободныя породы отъ ихъ родоначальника, находящагося еще въ порабощеніи.

Во всякомъ случаѣ, изъ того немногаго, что собрано объ этомъ предметѣ, выводитъ одинъ общій важный фактъ. Когда растительная или животная порода освобождается отъ культуры

или прирученія, она терять известное число признаков, которыми была обязана своему порабощенію; каждая изъ нихъ приближается тогда къ типу дикому. Когда нашей огородной моркови предоставляется самовольно расти на какой-нибудь необработанной почвѣ, она принимаетъ снова, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, толкій, сухой и волокнистый корень, свойственный особамъ дикимъ. Такія же измѣненія обнаруживаетъ брюква, когда ставятъ ее въ подобныя условія; она производитъ тогда корень дикой рѣпы, которая есть не что иное, какъ особая порода того же вида. Когда дичаютъ наши кустарники, наши растенія съ махровыми цвѣтами, они производятъ уже только простые цвѣты; фрукты нашихъ лучшихъ плодовыхъ деревьевъ, дичая, теряютъ свои качества, и яблонь, въ особенности груша, вновь покрываются шипами. Точно также и у голубей, когда улетаютъ они изъ нашихъ гудубитень вить себѣ гнѣзда, подобно своимъ предкамъ, въ скалахъ, очень скоро являются потомки, у которыхъ вновь показываются признаки, свойственные дикому голубю. Одичалыя лошади, живущія въ пампасахъ Южной Америки, или въ степяхъ Сибири, отчасти потеряли прежнія красивыя формы, которыя придалъ имъ человекъ. Ростъ ихъ уменьшился, ноги и голова сдѣлались толще, уши стали длиннѣе и отклонились назадъ, шерсть сдѣлалась жестка, масть отчасти стала *однообразною*, а масти особенно выдающіяся цвѣтомъ, напримѣръ, вороныя и пѣгія, совершенно исчезли.

Эти факты, многократно подтвержденные, подали поводъ къ мнѣнію, пользующемуся довольно общимъ довѣріемъ, что вольныя породы *воспроизводятъ* первоначальный дикій типъ. Это—преувеличеніе; если не всегда, то по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, одичалыя породы только приближаются къ первоначальному типу. Такъ персикъ, растущій на свободѣ среди Севенскихъ горъ, конечно потерялъ часть качествъ, которыми отличаются наши превосходные садовые персики: онъ уменьшился въ объемъ, мясо его измѣнилось и уже не имѣетъ прежняго аромата, но все же онъ и теперь крупнѣе первоначальнаго плода; онъ остался сочнымъ, свѣжимъ, окислялъ, но не сдѣлался сухимъ и терпкимъ, какъ этотъ послѣдній. Впрочемъ, въ этихъ вольныхъ персикахъ воспроизводятся признаки двухъ главныхъ периодъ, принадлежащихъ нашимъ плодовымъ садамъ. У нѣкоторыхъ изъ садовыхъ персиковъ мясо отдѣляется отъ ко-

сточка, у другихъ, напротивъ, сростается съ ней. Этотъ пріобрѣтенный признакъ остался, по крайней мѣрѣ, у одной изъ двухъ породъ послѣ того какъ перестали за ней ходить, и когда она снова стала подъ вліяніе естественныхъ условій ¹. Досто-вѣрно извѣстны подобные же факты и въ животныхъ. Одичалая собака въ Азіи весьма близка къ шакалу; а въ Новой Голландіи сходна съ *дилю*. Въ Южной Америкѣ, въ стаяхъ дикихъ собакъ, несмотря на извѣстную общность признаковъ, зависящую отъ одинаковаго образа жизни, можно еще различить породы, отъ которыхъ онѣ происходятъ ².

По отношенію къ вопросу, который насъ теперь занимаетъ, не бесполезно остановиться немного на исторіи кабана, этого общаго родоначальника всѣхъ нашихъ свиней. Кабанъ живетъ и въ Европѣ, и въ Азіи. Онъ представляетъ нѣсколько естественныхъ породъ, но и самъ Бленвиль не усомнился признать, что всѣ онѣ составляютъ одинъ только видъ. Прирученный съ незапамятныхъ временъ, кабанъ далъ происхожденіе множеству породъ, часто весьма различныхъ между собою. Между прочимъ, шерсть его получила разнообразныя цвѣта, переходящія отъ чернаго до бѣлаго; не рѣдки породы совершенно черныя, а между тѣмъ первоначальный цвѣтъ есть сѣро-черноватый. Завезенная въ Америку, свинья, какъ и собака, дала происхожденіе одичалымъ породамъ. Надъ этими породами были сдѣланы наблюденія на островахъ Мексиканскаго залива доминиканскимъ миссіонеромъ Лаба и въ Колумбіи г. Руленомъ Эти два наблюдателя, согласно между собою, говорятъ, что въ обѣихъ мѣстностяхъ у

¹ Этотъ фактъ таковъ, что имъ, мнѣ кажется, естественно объясняется другой, указанный Ванъ-Монсомъ. Этотъ знаменитый помологъ увѣряетъ, что имъ найдены въ Арденскихъ горахъ, въ дикомъ состояніи и съ весьма переродившимися лодами, представители всѣхъ главныхъ разновидностей грушъ, разводимыхъ въ Бельгіи. Въ этихъ особяхъ онъ видитъ перваго родоначальника нашихъ съѣдомыхъ грушъ. По моему мнѣнію, было бы основательнѣе признать ихъ за потомство послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, если и можно оставаться въ нѣкоторомъ сомнѣніи, относительно какого-либо плодоваго дерева, дикій типъ котораго произрастаетъ въ нашихъ лѣсахъ, то невозможно сомнѣваться касательно дерева акклиматизованнаго, напримѣръ, персиковаго.

² Этотъ важный фактъ былъ сообщенъ Парижскому антропологическому обществу, въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій, г-мъ Мартіаде-Мюсси.

одичалыхъ свиней голова гораздо толще, болѣе расширена и болѣе приподнята кверху, уши выпрямились, клыки удлинлись. Въ то же время, цвѣтъ шерсти сдѣлался у нихъ однообразенъ. Всѣми этими признаками одичалыя свиньи приблизились къ кабану; но въ обѣихъ сказанныхъ странахъ, шерсть у нихъ оказалась совершенно черною,—признакъ, который нигдѣ не встрѣчается въ дикомъ видѣ. Сверхъ того, въ Парамосахъ, на высотѣ 2.500 метровъ, г. Рулень видѣлъ свободныхъ свиней, покрытыхъ жирною, курчавою шерстью и какъ бы нѣкотораго рода руномъ. Итакъ, сдѣлавшись въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похожими на кабановъ Стараго Свѣта, эти одичалыя свиньи, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранили нѣкоторыя черты домашнихъ свиней или приобрѣли какой-нибудь новый признакъ, наложенный на нихъ условіями, въ которыхъ имъ пришлось жить.

Такимъ образомъ, соединяя всѣ данныя касательно одичалыхъ породъ, мы приходимъ къ тому воззрѣнію, что онѣ суть произведеніе трехъ дѣятелей. Дѣтели эти—вопервыхъ, собственная природа растенія или животнаго; отъ нея зависятъ признаки, свойственные первоначальному виду; вовторыхъ, состояніе, въ которое породы приведены прирученіемъ, то-есть вліяніемъ среды, условія которой намѣренно или ненамѣренно опредѣляетъ человекъ; втретьихъ, вліяніе, оказываемое новою средой, въ которой поставляются эти домашнія породы, по освобожденіи своемъ отъ власти человека. Глубочайшею причиною всѣхъ видоизмѣненій оказывается всегда среда. Это заключеніе, вытекающее изъ всего, доселѣ нами рассмотрѣннаго, еще съ большею очевидностію будетъ открываться въ продолженіи нашихъ изслѣдованій.

Сдѣлаемъ теперь изъ вышесказаннаго первое прилженіе къ исторіи человека. Мы видѣли, что ученые, очень мало согласные между собой въ прочихъ отношеніяхъ, возводятъ самыя различныя породы нашихъ домашнихъ животныхъ, даже породы голубя и собаки, къ одному видовому типу. Между основаніями, которыя побуждали ихъ къ этому, постоянно встрѣчалось намъ слѣдующее: между самыми отдаленными формами существуютъ непрерывно постепенные разряды, которые тѣсно связываютъ эти формы и не позволяютъ отдѣлять ихъ. Но спрашивается: существуетъ ли хоть одинъ видъ животныхъ, гдѣ бы породы представляли этотъ признакъ такъ рѣшительно, какъ въ че-

ловѣвъ? Рѣшительно—ни одинъ. Вотъ истина, которой нельзя отвергнуть, въ которой скоро убѣдится всякій, кто займется сколько-нибудь подробнымъ изученіемъ человѣческихъ породъ. Если ограничиться только крупными признаками, если сравнить только двѣ самыя отдаленныя крайности, человѣка чернаго и бѣлаго, и притомъ не выходя изъ предѣловъ Африки, и тогда легко доказать этотъ фактъ. Мы нынѣ уже знаемъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе удостоверяемся, что всѣ негры далеки отъ совершеннаго сходства съ племенами Гвинейскаго залива, которыя такъ долго признавались за представителей цѣлой породы. Стѣбитъ только переступить полосу Невольничьяго берега, какъ уже встрѣчаемъ людей съ шерстистыми волосами, съ черною кожей, но съ типомъ начинающимъ удаляться отъ типа Гвинейцевъ. Тутъ даже черты становятся иногда совершенно европейскими. Черты благородныхъ Ашантиевъ, Бодвичъ сравниваетъ именно съ *типомъ греческимъ*. У молодыхъ дагомейскихъ князей, которыхъ мы видѣли въ Европѣ, были еще нѣсколько толсты и оттопырены губы, но высотой и развитіемъ лба, формою носа, они не уступали никакому Европейцу самой чистой породы. На западъ—въ Конго, и на востокъ—по всему берегу Мозамбикскому, мы находимъ племена, которыя своими чертами приближаются къ нашимъ европейскимъ населеніямъ до такой степени, что только свойство волосъ и цвѣтъ лица не позволяютъ ошибиться. Этотъ послѣдній признакъ становится слабѣе по берегамъ рѣки Замбезе. Въ срединѣ центральной Африки, Ливингстонъ нашелъ населенія, у которыхъ цвѣтъ лица колеблется между смугло-темнымъ и оливковымъ (зеленовато-желтымъ). Тотъ же путешественникъ прибавляетъ: «Хотя у этихъ людей губы толстыя и носъ приплюснутый, но негрская физіономія встрѣчается между ними только у тѣхъ, кто находится въ самомъ уничиженномъ состояніи.» Дальше къ югу, пойдутъ смѣшанныя населенія, которыя составляютъ переходъ отъ негра (все такъ же незамѣтно-постепенный) или къ Готтентотамъ, въ направленіи къ Капской землѣ, или къ бѣлымъ—въ землѣ Кафровъ. А перѣхавъ узкій проливъ Мозамбикскій, увидимъ переходъ того же негрскаго типа къ полинезійскому и малайскому.

Вотъ нѣкоторые изъ фактовъ, которые представляетъ южная Африка, то-есть та страна, гдѣ негрское племя, заключенное между двумя океанами, предоставленное самому себѣ, на сколько это возможно, подверженное довольно постояннымъ влі-

яніямъ, находится въ состояніи наиболѣе неподвижномъ и видоизмѣнилось, должно полагать, всего менѣе. Но поднимаемся къ северу, извилистою линіей, начиная почти отъ устьевъ Сенегала до озера Чадъ, а отъ этого озера доходя до точки на Зангвебарскомъ берегу, пересѣкаемой экваторомъ: факты здѣсь уже гораздо поразительнѣе. Породы Судана представляютъ намъ безконечное разнообразіе. Черты иногда приближаются почти совершенно къ нашимъ, какъ напримѣръ, въ племени Гауса; цвѣтъ переходитъ отъ совершенно-чернаго къ черноватому, къ мѣдному (краснобурому), къ смуглому, къ цвѣту кофе съ жидкимъ молокомъ; волосы изъ шерстистыхъ становятся курчавыми, или просто завитыми, даже гладкими. Наконецъ, постепенно переходя отъ оттѣнковъ къ оттѣнкамъ, доходимъ отъ негра до Араба или до Берберійца, но такъ что положительно невозможно съ точностію опредѣлить, гдѣ кончается одинъ типъ, и гдѣ начинается другой. Въ Абиссиніи, смѣшеніе признаковъ таково, что негра отличаютъ уже не волосы и не цвѣтъ кожи, а скорѣе выпуклость пятокъ¹. Но и этотъ послѣдній признакъ исключительно ли свойственъ негру? Нѣтъ; мы встрѣчаемъ его и въ другихъ породахъ, которыя тоже находятся въ Африкѣ, но принадлежатъ тѣмъ не менѣе къ числу наиболѣе рѣзко отмѣченныхъ, именно въ породахъ босьесменской и готтентотской.

Факты, представляемые Африкою, повторяются вездѣ. Самая большая трудность въ антропологии состоитъ не въ томъ, чтобы отыскать населенія посредствующія, которыя представляли бы смѣшеніе признаковъ, но напротивъ скорѣе въ томъ, чтобы опредѣлить какія группы можно было бы признать за чистыя породы. Тому, кто изучаетъ *виды*, обыкновенно ничего подобнаго не представляется, а кто старается различить *породы одного и того же вида*, тотъ напротивъ ежеминутно испытываетъ такое затрудненіе. Зоотехникъ на каждомъ шагѣ встрѣчается съ группами, часто многочисленными, въ которыхъ смѣшеніе признаковъ доходить до такой степени, что не знаешь, къ

¹ Я заимствую это свѣдѣніе отъ нашего знаменитаго путешественника, г. Даббади. Въ самомъ дѣлѣ, пятка у негровъ выдается больше чѣмъ это обыкновенно бываетъ у бѣлаго; но по скелетамъ, имѣющимся въ Музеѣ, можно увѣриться, что этотъ признакъ общъ у негровъ съ Гузуанами.

какой породѣ отнести эти группы. Это самое именно и бываетъ съ антропологомъ, когда онъ, оставляя крупныя отдѣлы, желаетъ войти въ подробное отличеніе человѣческихъ породъ. Итакъ, одно уже это смѣшеніе, перекрещиваніе признаковъ, между человѣческими группами, могло бы уполномочить насъ на то, чтобъ эти группы признать за *породы*, происшедшія отъ одного *вида*. Но читатель теперь еще не можетъ обнять всю важность этого великаго факта. Фактъ этотъ можетъ быть оцѣненъ по достоинству только тогда, когда будутъ изучены законы скрещиванія и различія, существующія между *ублюдкою* (*hybridité*) и *помелью* (*métissage*). Итакъ, не придавая покажъсть этому факту особеннаго значенія, скажемъ только, что изъ него можно извлечь нѣкоторую догадку, благопріятную ученію о единствѣ рода человѣческаго, основываясь на томъ, что такъ поступаютъ естествоиспытатели, когда дѣло идетъ о растеніи или животномъ.

ЧУЖОЕ ИМЯ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ ¹

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

IV. Гость.

Къ концѣ апрѣля, Лукпнъ прискакалъ на курьерскихъ въ З^{***}, изъ котораго только что успѣлъ выѣхать бывший начальникъ губерніи. Онъ посланъ былъ съ порученіемъ осмотрѣть губернаторскій домъ и донести о его состояніи въ Сольскъ; а между тѣмъ принять мѣры, чтобы починки и передѣлки, какія окажутся нужными, окончены были въ самый короткій срокъ.

Погода стояла теплая. Съ утра еще солнце грѣло такъ сильно, что онъ снялъ шинель и ѣхалъ все время въ одномъ сюртукѣ. Около трехъ часовъ пополудни, его тарантасъ, промчавшись съ громомъ по нѣсколькимъ переулкамъ, остановился въ одной изъ лучшихъ улицъ города, за мостомъ, на углу противъ собора, у дверей какой-то гостиницы. Домъ, содержавшій гостиницу, имѣлъ не слишкомъ опрятный видъ. Въ нижнемъ этажѣ его помѣщались: лабазъ, лавка съ игрушками и погребъ *ренсковыхъ винъ*, а страннопріимное заведе-

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3 и 4. Окончаніе этого романа замедлилось, потому что авторъ желалъ еще разъ просмотрѣть послѣднія главы.

не находилось вверху. Бильярдная и буфетъ смотрѣли патью глазами на улицу. Въ первой, нѣсколько оконъ съ горшками геранія отворены были настежь, и въ одно виденъ былъ явственно какой-то трактирный рыцарь, вооруженный кіемъ. У воротъ пахло дегтемъ и сѣномъ; на прилавкѣ сидѣли два парня въ полумѣщанскихъ, полуямщицкихъ костюмахъ; одинъ съ баладаикой, въ поярковой шляпѣ съ павлиньимъ перомъ, другой съ пучкомъ луку за пазухой. Нѣсколько бабъ и босыхъ ребятишекъ толпилось вокругъ лотка съ пряниками...

Пыль отъ подѣхавшаго экипажа одѣла всю эту сцену густымъ сѣрымъ облакомъ, но никто отъ нея не попятился, только одна дѣвка, жевавшая пряникъ, чихнула.

Осипъ, лакей прѣзжаго, соскочилъ уже съ козелъ, собирается бѣжать на верхъ, но Лукинъ воротилъ его.

— Кой чортъ! Да это рынокъ какой-то!.. Куда это ты привезъ? спросилъ онъ у ямщика.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не рынокъ, отвѣчалъ тотъ оборачиваясь, — тутъ наверху гостиница.

— Да развѣ въ городѣ нѣтъ другой?.. Вези въ другую.

— Въ Макарьевскую, значить, прикажете?

— Въ Макарьевскую или въ другой кабакъ, все равно. Вези куда-нибудь, гдѣ почище.

Тарантасъ опять тронулся, и минутъ пять спустя, Лукинъ стоялъ въ номерѣ, у окна, выходившаго на какую-то чистую, но пустынную улицу. Противъ него тянулся заборъ, а за заборомъ сады. Вдали, за деревьями, вѣтви которыхъ только что начали зеленѣть, видны были крыши домовъ, колокольни и золотыя макушки церквей.

Въ раздумьи смотрѣлъ онъ на эту картину. Въ ней не было ничего интереснаго, а между тѣмъ она волновала его глубоко, потому что съ ней связана была мысль о близости той, которую онъ такъ жадно желалъ увидѣть. «Здѣсь,» думалъ онъ, «въ этомъ городѣ, Маша конечно бываетъ часто, и есть возможность встрѣтить ее случайно, сегодня же, можетъ-быть сію же минуту!..» Вся кровь хлынула къ сердцу, а оттуда въ лицо, когда онъ подумалъ, какъ это возможно. Но тутъ же другая возможность являлась на умъ... Встрѣтишь или нѣтъ, еще неизвѣстно; но если да, то по всей вѣроятности встрѣтишь съ мужемъ; а это было бы скверно, потому что она конечно узнаетъ и будетъ удивлена, перепугана, будетъ не въ силахъ скрыть ничего; не пойметъ даже надобности дѣлать тайну изъ

прежняго ихъ знакомства... Еслибы не этотъ страхъ, сталъ ли бы онъ сидѣть тутъ въ номерѣ, вмѣсто того чтобы мчаться, ни на минуту не останавливаясь, или даже просто, пѣшкомъ, ѣхать прямо къ ней, потому что она тутъ, близко, всего въ десяти верстахъ отъ города!.. Какъ сдѣлать, чтобъ увидѣть ее безъ свидѣтелей, по крайней мѣрѣ хоть въ первый разъ?.. Пяти или десяти минутъ могло быть достаточно; но откуда ихъ взять?.. Всю дорогу изъ Сольска, и въ Сольскѣ все время, съ тѣхъ поръ какъ отъѣздъ его былъ рѣшенъ, онъ думалъ объ этомъ, но до сихъ поръ не выдумалъ ничего. А между тѣмъ время шло... и вотъ онъ пріѣхалъ на мѣсто, и пора уже дѣйствовать, а онъ тутъ стоитъ въ раздумьи, теряя безцѣнное время, колеблясь, робѣя какъ женщина, и до сихъ поръ не зная какъ взяться за дѣло!.. Въ какой-нибудь день или два, весь городъ узнаетъ, что онъ пріѣхалъ; а тамъ узнаютъ и Левель, и Марья Васильевна; его будутъ ждать, ему надо письма отдать отъ Федора Леонтыча и отъ Софьи Осиповны... Чтò тогда дѣлать?.. Тогда будетъ поздно обдумывать и пріискивать случай... Надо будетъ къ нимъ ѣхать и прямо явиться ей на глаза, рискуя испортить все... Нѣтъ, чертъ возьми! до этого допустить нельзя! Довольно думано, пера и за дѣло!..

Онъ наскоро отобѣдалъ, одѣлся и вышелъ. Въ головѣ у него ужъ вертѣлась затѣя. Онъ рѣшилъ: нанять верховую лошадь на первое время, покуда дѣло не кончится чѣмъ-нибудь. Имѣя коня подъ рукой, онъ могъ сберечь много времени, не связываясь ни съ кѣмъ и не стѣсняясь ничѣмъ: это первое, а тамъ чтò Богъ дастъ... Онъ тотчасъ же началъ искать; но дѣло не шло на ладъ. Бóльшая часть тѣхъ, къ кому онъ обращался, чесали себѣ затылокъ, не зная чтò отвѣчать; другіе брались неохотно и не умѣли сдѣлать рѣшительно ничего... Наконецъ, деньги, которыми онъ сорилъ безъ счету, какъ водится, взяли свое. Къ семи часамъ, рослая, сильная лошадь стояла совсѣмъ готовая, осѣдланная и взнузданная, на грязномъ дворѣ гостиницы.

— Она хоть и не верховая, а подъ верхомъ ходить, объяснялъ, нѣжно глядя коня по шеѣ, хозяинъ его, молодой, долговязый купеческій сынъ, съ ребячески-глупымъ лицомъ, чтò впрочемъ не помѣшало ему содрать за прокатъ по десяти рублей въ сутки. Просьбамъ не доже гонять, побережь, накопить, не понтъ сгоряча, казалось, конца не будетъ.

Солнце село, когда Лукинъ выѣхалъ за городъ по большой М...ой дорогѣ.

Слѣдуя въ точности собраннымъ справкамъ, онъ проѣхалъ по ней двѣ версты и свернулъ на проселокъ, который тянулся сначала пустыремъ, а потомъ заворачивалъ круто въ лѣсъ. Лѣсъ былъ густой, и въ немъ было уже довольно темно. Онъ проскакалъ его крупною рысью въ какіе-нибудь полчаса и выѣхалъ на опушку. Плотина и мельница видны были въ подувѣрстѣ, все какъ сказано; но на дворѣ становилось совсѣмъ темно, и села онъ не могъ разглядѣть. Только рядъ егоньковъ мелькалъ недалеко, заставляя догадываться въ какомъ направленіи барскій домъ.

«Далѣе ѣздить не зачѣмъ,» думалъ онъ; «пѣшему легче добраться до мѣста, не быть замѣченнымъ, и узнать все, что можно будетъ узнать...» Онъ отъѣхалъ назадъ, слѣзъ съ лошади, привязалъ ее въ чащѣ лѣса и, оставивъ дорогу въ виду на правой рукѣ, пошелъ берегомъ, вдоль ручья, по мягкой, мѣстами сырой травѣ, миновалъ мельницу, и минутъ черезъ пять уперся въ ограду густаго, стариннаго сада. Сѣвось вѣтви кустовъ, одѣтыхъ весеннею листвою, онъ высмотрѣлъ домъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ находился всего шаговъ на двадцать отъ ограды, и черныи силуэтъ строенія рисовался отчетливо на синемъ, глубокомъ сводѣ стемнѣвшаго неба. Нѣсколько оконъ въ верхнемъ и нижнемъ этажѣ были освѣщены.

Онъ долго стоялъ прислушиваясь и всматриваясь. По правую руку, недалеко отъ него, слышны были изрѣдка слабые отголоски шаговъ и звуковъ различнаго рода... Вотъ двери захлопнули; а вотъ кличуть кого-то... тамъ лошадь ыркнула, а тамъ воду черпаютъ изъ пруда... Въ ту сторону вѣрно дворъ, а налѣво— все тихо; налѣво—должно-быть садъ идетъ. Онъ былъ взволнованъ. Сердце въ груди его билось то жестко и сухо, выгоняя изъ себя наотмахъ всю кровь, то замирало въ томительной полнотѣ. Онъ вглядывался въ одно изъ окошекъ верхняго этажа, которое оставалось отворено и не завѣшено сторой,—вглядывался, въ слабой надеждѣ, что можетъ-быть Маша пройдетъ тутъ мимо или придетъ, остановится, выглянетъ, и тогда онъ увидитъ ее хоть мелькомъ... По комнатѣ точно прошли раза два, что было замѣтно по свѣту, который то вдругъ заслонялся чѣмъ-то, то снова открывался; но Лукинъ не видалъ ничего... Въ сосѣднемъ окнѣ, на свѣтлой сторѣ, мелькала не разъ чья-то тѣнь, и каждый разъ взоръ ловилъ ее жадно, ста-

раясь дорисовать неясный контуръ; но онъ исчезалъ, и снова Лукинъ оставался ни съ чѣмъ, снова ждалъ, снова вглядывался.

Съ полчала прошло такимъ образомъ... Онъ собирался ужь отойти, какъ вдругъ, повернувшись, замѣтилъ между вѣтвями, внизу, яркій свѣтъ. Свѣтъ шелъ изъ нижняго этажа, изъ окна, которое прежде было совсѣмъ темно и потому не обратило его вниманія. Онъ наклонился, стараясь найти точку зрѣнія, откуда можно было бы смотрѣть безъ помѣхи отъ вѣтвей, и вдругъ увидѣлъ окно во всемъ его объемѣ... Стора на немъ не спущена. Двѣ женщины видны въ комнатѣ: одна изъ нихъ легкая, стройная, въ темной, изящно-сироевонной блузѣ, стояла спиной къ нему; другая ходила со свѣчкой по комнатѣ... Онъ жадно вглядывался; колѣни его дрожали... Это она, она! Онъ узналъ ее, даже не видя лица, по изгибу спины, по контуру приподнятыхъ плечъ и слегка наклоненной шеѣ, по особеннымъ, ей только свойственнымъ поворотамъ руки, головы... Она ищетъ чего-то въ комнатѣ съ нянькою или съ горничной... вотъ, вотъ сейчасъ повернется лицомъ къ нему... вотъ повернулась, и свѣтъ упалъ ярко на милыя, хорошо-знакомыя черты... О! какъ измѣнилась! Какъ похудѣла! Какъ грустно смотреть глаза!..

Онъ былъ внѣ себя. Обхвативъ руками ограду, онъ крѣпко прижалъ къ ней лицо...

Далекій лай напомнилъ ему объ опасности. Лай приближался, и вдругъ замолкъ; но тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ ворчанье и нѣсколько быстрыхъ прыжковъ послышались съ правой руки. Двѣ большія собаки неслись во весь опоръ по саду, прямо къ нему. Онъ отошелъ потихоньку въ сторону, надѣясь, что онъ не замѣтятъ его въ потемкахъ; но чуткія бестіи остановились какъ разъ прямо насупротивъ, и одна, нюхая на всѣ стороны, стала рыть землю, стараясь пролѣзть подъ ограду; а другая рвалась и металась какъ бѣшеная, заливаясь отчаяннымъ голосомъ.

Онъ вынужденъ былъ уйти, чтобы не надѣлать тревоги въ домѣ; кинулся прочь отъ ограды въ кусты, оступился на скользкой глинѣ и чуть не слетѣлъ въ оврагъ. Пробравшись далѣе, онъ набрелъ на тропинку, которая вела къ мельницѣ, и пошелъ по ней скорымъ шагомъ. Лай все еще слышенъ былъ позади, но гораздо тише. Судя по его направлению, собаки вернулись опять на дворъ. На полдорогѣ отъ мельницы, онъ обернулся и началъ прислушиваться....

все тихо. Простоявъ съ минуту въ раздумѣ, онъ пошелъ опять къ дому, на этотъ разъ по дорогѣ. Двѣ бабы попались ему навстрѣчу.

— Здравствуйте, сказалъ онъ, останавливаясь.

— Здравствуйте, отвѣчала одна изъ нихъ помоложе, отвѣсивъ поклонъ.

— Чтò, Павелъ Петровичъ въ селѣ?

— Баринъ-то?... Нѣтъ.

— Гдѣ жь онъ?

— А давеча въ городъ уѣхалъ.

— Давно?

— Не; гораздо за поддень.

— А на долго?

— Не знаютъ.

Лукинъ чуть не обнялъ ея отъ радости.

«Ну, думалъ онъ, счастье везетъ! Надо пользоваться!»

Выждавъ немного, покуда онѣ прошли, онъ кинулся вправо, къ ручью, пробѣжалъ берегомъ до лѣсу, отыскалъ свою лошадь и, вскочивъ на нее, помчался во весь опоръ по дорогѣ.

Черезъ минуту, онъ былъ на дворѣ у подъезда.

— Дома баринъ? спросилъ онъ еще разъ у козачка, который встрѣтилъ его на крыльцѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А барыня?

— Барыня дома-съ.

— Поди доложи. Скажи: гость прѣхалъ изъ Сольска, Григорій Алексѣевичъ Алексѣевъ.

Онъ соскочилъ и отдалъ поводья другому, а самъ пошелъ за мальчикомъ, вверхъ по лѣстницѣ, черезъ сѣни, въ прихожую, а оттуда въ залу. Козачокъ между тѣмъ ушелъ съ докладомъ во внутреннія комнаты.

— Приказали просить, сказалъ онъ возвращаясь; — только просить минуточку ободать; сейчасъ выйдутъ.—И онъ остановился въ дверяхъ, посматривая съ любопытствомъ на гостя.

— Послушай, мой милый, сказалъ Лукинъ.—Сходи пожалуста внизъ, попроси чтобы лошадь мою проводили, да посмотри куда они ее тамъ поставятъ.

Мальчикъ ушелъ. Онъ остался одинъ, въ сильномъ волненіи прислушиваясь и осматриваясь кругомъ.... Вотъ гдѣ она живетъ, думалъ онъ, и каждая мебель, каждая вещь, лампа съ рѣзнымъ абажуромъ, горшки съ цвѣтами на окнахъ,

рояль, этажерка съ нотами, голубая косынка, забытая тамъ у зеркала, бездѣлки, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ, все получало живой интересъ, все было связано съ ней, говорило о ней.... Онъ былъ въ волненіи, сердце билось съ неудержимою силой. Онъ слышалъ внятно его ускоренные, порывистые толчки, и слышалъ маятникъ на часахъ; но затѣмъ все тихо кругомъ.... Случайный взглядъ въ зеркало почти испугалъ его. Онъ былъ блѣденъ какъ воскъ, почернѣвшій отъ дыму, сухія губы стиснуты судорожно, густые волосы бросали какую-то зеленую тѣнь на лицо, сюртукъ и бѣлье измяты; слѣды глины на сапогахъ и брызги засохшей грязи до самыхъ колѣнъ.... Узнаетъ ли она его въ такомъ видѣ? Похожъ ли онъ самъ на себя, какъ былъ въ ту пору, когда они разстались семь лѣтъ тому назадъ?... Онъ тоже переѣхался съ тѣхъ поръ. Сухое, длинное, угловатое лицо его стало еще угловатѣе, еще суше. Глаза вдальше глубже и взглядъ сталъ суровѣе. Усы, которые онъ носилъ въ Петербургѣ, были конечно сбиты, но бакенбарды стали длиннѣе и гуще.

Старое выраженіе тоже приобрѣло какой-то новый оттънокъ. Буйная жизнь и забота оставили на немъ слѣдъ.

Онъ прошелъ изъ залы въ гостиную и стоялъ тамъ съ минутою, прислушиваясь. Все тихо.... но вотъ что-то скрипнуло тамъ черезъ комнату.... Это дверь открыли.... Слышенъ легкій, поспѣшный шагъ и шелестъ женскаго платья. Идетъ! идетъ кто-то.... *Она!*.... Онъ вспыхнулъ и чуть не бросился къ ней навстрѣчу, но чувство близкой опасности удержало его.

— Марья Васильевна! сказалъ онъ, кланяясь.

Маша вздрогнула, открыла широко глаза и остановилась въ дверяхъ какъ статуя. Слабый крикъ вырвался у ней. Усиливаясь вздохнуть, она приложила къ сердцу обѣ руки.

Съ минутою они стояли другъ противъ друга, она—перепуганная и блѣдная, онъ—весь въ огнѣ... Онъ собирался сказать ей что-то, но мысли спутались у него въ головѣ, въ глазахъ помутилось.... Письмо отъ Маевской пришло ему вдругъ на память. Не зная что дѣлать, чтобы выдержать свою роль, онъ вынулъ его изъ кармана и хотѣлъ ей отдать но, при первомъ его движеніи, она вскрикнула снова и отшатнулась назадъ въ неопisanномъ ужасѣ. Зрачки распложились и неподвижно уставились на него.

— Кто это? прошептала она, отодвигаясь. — Не подходите, не подходите! О, я умру! Боже мой! Боже мой! Кто это?

— Марья Васильевна! Ради самого Бога, не бойтесь, шепнуть онъ въ отвѣтъ.—Кто бы я ни былъ, но вы можете видѣть, что я живой человѣкъ. Я прѣхалъ къ вамъ ътъ кухни, изъ Сольска, привезъ вамъ письмо отъ нея.

— Кто вы? О, не обманывайте меня! Скажите мнѣ правду, кто вы?

Играть роль чужаго не было никакой возможности. Слезы сверкнули у него на глазахъ, онъ протянулъ къ ней руки.

— Марья Васильевна! Маша!..

Яркая краска вспыхнула на лицѣ у Марьи Васильевны и опять исчезла, но она ужъ не пятилась болѣе. Схватившись за голову обѣими руками, она вглядывалась.

— Маша! Да вѣдь это я!.. Вѣдь это я!..

Глухой стонъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Всплеснувъ руками, она рванулась къ нему навстрѣчу, но нервы ея не выдержали, и въ ту минуту когда онъ обнялъ ея исхудалый станъ, она лежала у него на рукахъ безъ чувствъ.

Лукинъ самъ едва помнилъ себя. Что-то странное въ немъ совершалось. Въ эту минуту, семь лѣтъ какъ будто свалились съ плечъ его, и все, что растеряно или растоптано было въ теченіе этого времени, все возвратилось на мигъ. Онъ почувствовалъ себя опять юношей, преданнымъ и влюбленнымъ юношески. Знойныя страсти молчали въ его груди; порча разврата не льнула къ этому чистому существу, которое онъ держалъ на рукахъ какъ ребенка и цѣловалъ какъ ребенка въ полуоткрытыя, блѣдныя губы, въ полузакрытыя вѣки глазъ.

Прошла минута... легкій румянецъ показался у ней на щекахъ. Онъ посадилъ ее на диванъ. Маша вздохнула и, открывая глаза, развела машинально волосы, опустившіеся на лобъ. Сознаніе скоро вернулось; лицо ея ожило, слезы блеснули, она взяла его руки и, прижимая ихъ къ сердцу, шептала что-то...

Нѣсколько разъ начинали они говорить, но разговоръ не вязался. Сбиваясь и запинаясь, съ большимъ трудомъ, онъ успѣлъ объяснить ей то, что казалось ему нужнѣе всего. Она слушала, понимая на половину. Въ свою очередь, когда Лукинъ спросилъ у нея о матери, она заплакала, и едва могла выговорить печальный отвѣтъ. На два или три другіе вопро-

са, онъ успѣлъ получить нѣсколько голыхъ, отрывочныхъ, но въ высшей степени интересныхъ свѣдѣнй. Извѣстie, что Иванъ Кузмичъ обезпеченъ и живетъ управителемъ въ имѣнiи Левеля, обрадовало его очень, но радость прошла, когда онъ узналъ что случилось съ отцовскимъ имѣнiемъ послѣ его отъѣзда. Онъ долго не могъ говорить, и сидѣлъ, закрывъ руками лицо... Маша плакала... Наконецъ, онъ спросилъ у нея о Левелѣ, о томъ, когда и гдѣ она съ нимъ познакомилась и какимъ образомъ вышла замужъ... Она вспыхнула и начала говорить что-то съ жаромъ; но странное выраженiе лица, дико-блуждающй взоръ и отсутствiе связи въ словахъ такъ поразили его, что онъ не рѣшился разспрашивать долѣе... Она была внѣ себя и дрожала какъ листъ. Онъ самъ былъ разстроенъ до крайности и чувствовалъ, что онъ постепенно теряетъ всю власть надъ собой.

Подъ конецъ, они сидѣли долго, взявшись за руки, и ни слова не говоря, смотрѣли другъ другу въ глаза... Въ залѣ, стѣнные часы пробили десять. Пора было кончить свиданiе. Опасность забыться и просидѣть до глубокой ночи пугала Лукина.

— Я не могу оставаться дальше, шепнулъ онъ;—прощайте.

— Куда жъ вы?

— Я... въ городъ. Пора!.. Если я просижу еще часъ, никто не повѣритъ, что это мой первый визитъ.

Она смотрѣла ему въ глаза съ удивленiемъ, не совсѣмъ понимая что онъ говоритъ.

— Къ тому же, вы слишкомъ встревожены; вамъ нуженъ покой. Скажите: гдѣ Павелъ Петровичъ останавливается въ городѣ? Я его отыщу, и завтра мы вмѣстѣ прїедемъ сюда.

Записавъ адресъ, онъ взялъ ее за руку.

— Марья Васильевна, помните что я вамъ скажу... Не выдавайте меня!.. Вашъ мужъ не долженъ знать ничего изъ прошедшаго, не долженъ даже догадываться ни о чемъ... Я для него Алексѣевъ, не болѣе. Я просто прїѣхалъ сюда изъ Сольска, съ письмомъ отъ Маевской, прїѣхалъ какъ старый знакомый его и видѣлъ васъ первый разъ въ жизни... далѣе ничего. Помните это.. Отъ этого многое зависитъ... зависитъ возможность жить близко отъ васъ и видѣть васъ часто... Увѣрены ли вы въ себя? Общаете ли вы мнѣ тайну?

Она кивнула ему головой въ отвѣтъ.

— Скажите, что вы общаете.

— Я обещаю... отвѣчала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Прощайте... нейдите за мной... у васъ глаза заплаканы, васъ не долженъ видѣть никто въ этомъ видѣ.

Когда онъ ушелъ, она подбѣжала къ окну и долго стояла, опираясь руками и головой на стекло... Конскій топотъ слышался на дворѣ, заскрипѣли ворота; это онъ выѣхалъ... Даже этого она не могла себѣ дать отчета ни въ чемъ; щеки пылали, въ ушахъ звенѣло, сердце билось такъ сильно, какъ будто собиралось выскочить или разорваться. Ей стало душно... чувство какой-то слабости разливалось по членамъ, въ головѣ начинало кружиться, въ глазахъ темнѣть...—Даша! кликнула она замирающимъ голосомъ.

Дѣвушка, стлавшая въ спальной постель, приближала.

— Даша, здѣсь душно; отвори окна, да принеси мнѣ шаль; я пойду на балконъ посидѣть.

— А гдѣ же вашъ гость-то, сударыня?... У Федыки тамъ самоваръ готовъ... Мы думали, вы оставите чай пить.

— Ахъ! Даша, мнѣ, право, въ голову не пришло! отвѣчала она, отворачиваясь и украдкой отирая глаза.

Долго сидѣла она на балконѣ, стараясь собраться съ мыслями и подумать о томъ, что случилось, но она была такъ разстроена, что все путалось и сбивалось у ней въ головѣ. Вернувшись въ спальню, она упала, не раздѣваясь, передъ кѣтомъ и молилась, молилась усердно; но молитва не успокоивала ея. Часовъ до пяти она не могла заснуть, ворочалась съ боку на бокъ, закутывалась съ головой въ одѣяло, чтобы не видѣть свѣту, вставала нѣсколько разъ и, накинувъ на голыя плечи шаль, отворяла окно. Свѣжій воздухъ весенняго утра, пропитанный запахомъ молодой травы и развертывающихся почекъ, наполнялъ комнату. Солнце было уже довольно высоко, когда, наконецъ, она забылась. Хаосъ тревожныхъ мыслей мало-по-малу улегся. Дремота застала ее въ ту минуту, когда она представляла себѣ какъ онъ прїѣдетъ завтра, къ обѣду, съ мужемъ и что они будутъ при ней говорить... Разныя, странныя сочетанія мыслей начали появляться у ней въ головѣ. Хозяйственные заботы о завтрашнемъ днѣ, объ обѣдѣ, и тысячи разныхъ воспоминаній изъ прежней жизни, все путалось, переплеталось... Завтра, къ обѣду она велитъ приготовить любимыя ея кушанья. Она начинаетъ припоминать... Онъ ягоды очень любилъ... Какъ жаль, что такъ рано!.. Въ теплицѣ, шпанская земляника только

что начала поспѣвать; всего какихъ-нибудь десять ягодъ зарумянилось... И вотъ, ей снится, она идетъ въ теплицу посмотрѣть, не поспѣло ли за ночь столько чтобы набрать хоть небольшую тарелку... идетъ, а сама прислушивается: не скрипятъ ли ворота тамъ на дворѣ, не стучать ли копыта, не катить ли экипажъ?.. Нѣтъ; тихо... все тихо кругомъ. Она успѣетъ еще... Въ теплицѣ солнце играетъ весело на кустахъ пунцовой камелии въ полномъ цвѣту; пахнутъ розами, по стѣнамъ вѣется плющъ. Кипарисы, лимоны и померанцевыя деревья стоятъ въ серединѣ рошцей. . а за ними, на полкахъ, стоятъ большія горшки съ земляникой... Крупныя, алыя ягоды видны издали... Таня, молоденькая горничная, которую она вывезла изъ Ручьевъ ребенкомъ, несетъ за нею тарелку... «Таня! подай сюда,» говоритъ она оборачиваясь и видитъ, у Тани лицо какое-то странное...

— Таня, чего ты такъ смотришь на меня?..

— Я ничего-съ.

— Какъ ничего? Ты хочешь сказать что-нибудь?..

Таня смотритъ таинственно.

— Вы, сударыня, ягодку-то напрасно изволите рвать, шепчетъ она ей на ухо.

— Какъ напрасно?

— Да такъ, сударыня. Гость-то вашъ кушать ее не будетъ.

— Отчего?

— Матушка! Марья Васильевна! Богъ съ вами! Да развѣ вы не видали, сударыня? Вѣдь гость-то вашъ мертвый! Вѣдь это вашъ старый женихъ, барченокъ жгутовскій — съ того свѣта къ вамъ пріѣжалъ!..

— Чтѣ за вздоръ, Таня! говоритъ она; а у самой отъ страха ноги подкашиваются....

Но вотъ, теплица и земляника и Таня исчезли куда-то. Она въ саду; идетъ по дорожкѣ съ Григоріемъ Алексѣевичемъ.

— Еслибы вы знали, какъ мнѣ тяжела эта тайна! говоритъ она.—Вы мнѣ на сердце плиту могильную наложили.

Онъ смотритъ въ землю, и выраженіе у него на лицѣ такое тяжелое, мрачное.

— Развѣ это такъ нужно?

— Необходимо нужно.

— Но для чего? Чего вы боитесь? Мой мужъ человекъ благородный; онъ любитъ васъ; будетъ вамъ вѣрный другъ.

Онъ покачалъ головой....—Я вамъ скажу, шепчетъ онъ.—Вы

не знаете ничего. Онъ врагъ мой, и я его врагъ. Мы ненави-
димъ другъ друга давно....

Но вотъ мужъ прѣхалъ. Они сидятъ вмѣстѣ.... Старый же-
нихъ ея смотреть на мужа холодно, непріязненно; а мужъ гля-
дитъ на нее....—Маша! Чтѣ это ты какая блѣдная? спраши-
ваешь онъ; а у нея сердце въ груди такъ и стучитъ, такъ и
стучитъ отъ страха.

— Я ничего, отвѣчаетъ она.

— Какъ ничего? Смотри, ты едва языкомъ ворочаешь....

Сердце у нея сжимается. Она не можетъ дольше терпѣть....
Она падаетъ передъ ними на полъ, въ слезахъ.... — О! поща-
дите! стонетъ она.—Я не въ силахъ этого выносить!... Я васъ
люблю,—люблю обоихъ! Я готова за васъ умереть, только не
мучьте меня! Не смотрите такъ холодно другъ на друга!..
Пожалуйте меня! Дайте другъ другу руку.... любите другъ
друга!..

Ея сынъ стоитъ возлѣ. Она взяла его на руки, ласкаетъ и
подаетъ Лукину.

— Чтѣ ты дѣлаешь? говоритъ Павелъ Петровичъ;—смотри!

Лукинъ бросилъ ребенка на полъ и отпихнулъ его отъ себя
ногой....

— О! это ужасно! шепчетъ она въ просонкахъ.—Я не вы-
несу этого! Я умру!... —И опять засыпаетъ... Ей снятся
Ручьи. Мать сидитъ за столомъ, больная, и раскладываетъ
псалтырь. —Маменька! говоритъ она, обнимая старушку:— насъ
обманули!... Онъ живъ!... О! какъ ужасно мы поспѣшили!..
Какая жалость! Какая жалость!..

Часамъ къ девяти она заснула спокойно и спала до по-
лудня. Дѣти давно проснулись, отпили чай и вернулись съ
прогулки въ саду, когда она встала. Сонъ успокоилъ ее; но
отъ вчерашней тревоги остались слѣды: какое-то странное
онѣмѣніе, слабость; все точно притуплено въ ней и вокругъ
нея. Ноги отяжелѣли; рукой шевельнуть лѣнь.... Она попробо-
вала молиться; молитва нейдетъ на умъ. Ничего дѣлать не хо-
чется, ни о чемъ думать. Вчерашнее происшествіе, въ памяти,
покрыто какимъ-то туманомъ, точно какъ будто она во снѣ его
видѣла. Первымъ залогомъ дѣйствительности было письмо отъ
Маевской, которое она забыла вчера въ гостиной. Человѣкъ,
убиравшій комнаты, нашелъ его на полу и отдалъ Дашѣ, а
Даша отдала барыни.... «тотчасъ, какъ только онъ изволяли
проснуться и встать. Одѣвшись, онъ зашли на минуту въ дѣт-

скую, а изъ дѣтской на кухню, а послѣ пошли читать письмо въ садъ....»

Въ городѣ, между тѣмъ, пріатели встрѣтились. Въ десятомъ часу, Левель пилъ чай на своей городской квартирѣ и соби-рался идти въ увѣдное казначейство, когда ему доложили, что какой-то господинъ Алексѣевъ его спрашиваетъ.

— Алексѣевъ? Какой Алексѣевъ?... Гдѣ?... сказалъ онъ, обрадованный и удивленный.

— Они тутъ-съ, отвѣчалъ слуга шепотомъ, указывая на со-сѣдную комнату.

Левель вскочилъ и выбѣжалъ къ гостю, въ пріемную.

— Григорій Алексѣичъ! Вы здѣсь?

— Здѣсь.

Они засмѣялись и обнялись по-пріятельски, крѣпко.

— Здравствуйте! Радъ всею душой! Бросьте вашу фуражку; пойдемте сюда.... Садитесь; хотите чаю? Сигару?... Вотъ, встрѣ-тились наконецъ и, какъ видите, помѣнялись ролями: вы на е служебъ, а я ужъ давно ее бросилъ, говорилъ отставной гвар-деецъ, котораго трудно было узнать, такъ измѣнили его шесть лѣтъ, отсутствіе золотыхъ украшеній въ костюмѣ, густая, ру-сая борода клиномъ и какой-то оттѣнокъ напряженной мечта-тельности въ чертахъ, котораго прежде не было....—Ну, ну, го-ворите, разказывайте скорѣй!... Вѣдь я ничего не знаю! Давно ли вы здѣсь? Когда вы пріѣхали?

— Вчера, въ три часа.

— Одни или вмѣстѣ со всѣми?

— Одинъ.

— Какимъ это образомъ?

— А такъ; по особому порученію.

— Квартирмейстеромъ, что ли?

— Да, квартирмейстеромъ.

— А кухня когда пріѣдетъ?

— Не знаю... Надо чтобы было сперва куда. Надо имъ домъ сперва приготовить.

— Успѣете съ домомъ. Оставьте его въ покоѣ до завтра. Поѣдьте къ намъ въ Сорокино; я васъ познакомяю съ же-ной.

— Покорно благодарю. Мы успѣли ужъ познакомиться.

— Какъ? Быть не можетъ!... Когда?

— Вчера вечеромъ; я у васъ былъ съ визитомъ.

— Эхъ, жаль! А я только что передъ вечеромъ въ городъ уѣхалъ.

Левель жалѣлъ не шутя. Онъ очень разчитывалъ на общество стараго, городского пріятеля, и боялся немножко, чтобы домъ его, съ перваго взгляда, не показался ему скучнымъ мѣстомъ, а жена—холодною, вялою, церемонною барыней. Опасеніе было естественно. Застѣнчивость Марьи Васильевны и непривычка ея обращаться съ чужими людьми могли, какъ онъ думалъ, сдѣлать очень невыгодное впечатлѣніе на такого человека какъ Алексѣевъ, развязнаго, бойкаго, остраго малаго, съ злымъ языкомъ, съ сатирическимъ взглядомъ на вещи и съ привычкою жить въ шумномъ, веселомъ кругу.

«Ну, такъ! Я это зналъ! ворчалъ онъ про себя, соображая, по разнымъ отвѣтамъ пріятеля, что онъ пробылъ въ селѣ не долго и былъ отпущенъ оттуда безъ ужина, не пивъ чаю, можетъ-быть даже не смѣя сигары выкурить: а ужъ Маша, конечно, не догадалась ему предложить!... Клеопатра Ивановна была права отчасти, подумалъ онъ: съ этою женщиной общества у себя не устроишь, а между тѣмъ общество было бы такъ нужно для ней!..»

За этимъ, естественно, шло желаніе какъ можно скорѣе поправить дѣло. Маша, при немъ, какъ это всегда случалось, будетъ, конечно, гораздо любезнѣе и смѣлѣе, чѣмъ дастъ возможность изгладить первое впечатлѣніе, прежде чѣмъ оно успѣетъ окрѣпнуть и утвердиться. Съ этою цѣлью, онъ началъ упрасивать Лукина, чтобы онъ ѣхалъ къ нему обѣдать сегодня же, отложивъ городскіе визиты и дѣло до завтра. Тотъ не отказывался... Онъ очень радъ; но почта идетъ сегодня же, и отъ него будутъ ждать извѣстія въ Сольскѣ... Надо же хоть заглянуть въ губернаторскій домъ, чтобы написать Софѣ Осиповнѣ двѣ строчки... «А не то, вѣдь вы знаете; барыня съ норовомъ, шутокъ не любитъ!...»

Левель захотѣлъ...—О! знаю! знаю!... но мы успѣемъ все сдѣлать. Теперь десяти еще нѣтъ, а мы отправимся въ два; не поспѣете, въ три, въ четыре,—когда угодно; жена подойдетъ. Поѣдемте, я познакомлю васъ съ Гольцомъ, Францъ-Карлычемъ, вице-губернаторомъ; а оттуда мы вмѣстѣ пойдемъ осматривать домъ. Онъ въ порядкѣ; я былъ тамъ недавно у О**. Если не ошибаюсь, починокъ большихъ не потребуется. Оттуда я васъ отпущу письмо писать; а самъ найду въ уѣздное казначейство. Завтракать будемъ здѣсь; я буду васъ ждать.

Да пожалуста никакихъ извозчиковъ за городъ не нанимайте. Я васъ отвезу и доставлю назадъ въ коляскѣ.

Въ третьемъ часу, они катили въ Сорокино. Левель былъ въ духѣ и дорогой разспрашивалъ о Маевскихъ, о свадьбѣ Елены Осиповны, о Сольскѣ, о службѣ, о разныхъ вещахъ. Но его спутнику было не до того. Онъ былъ озабоченъ. Его тревожилъ вопросъ: какъ обойдется вторичная встрѣча съ Марьей Васильевной, которую онъ оставилъ вчера въ ненадежномъ видѣ, и какъ ей удастся сыграть свою роль?... Въ себѣ онъ увѣренъ былъ. Онъ прошелъ всю школу притворства, отъ первыхъ складовъ до высшихъ, сложнѣйшихъ ея задачъ, и основательно считалъ себя мастеромъ дѣла; но она?... Какъ-то она, бѣдняжка, справится съ первымъ шагомъ по этой кривой и скользкой тропинкѣ?... Ей тяжело будетъ,—она не привыкла... Вотъ онъ и привыкъ, а и его насилу хватаетъ въ эту минуту, чтобы скрыть закулисную сторону своихъ мыслей... Онъ смѣялся и сыпалъ шутками, разказывая продѣлки Елены Осиповны съ ея женихомъ; но глаза его не смѣялись. Онъ то отворачивалъ ихъ, смотря въ чащу лѣса, то, выбравъ минуту, когда его спутникъ глядѣлъ куда-нибудь мимо, съ большимъ любопытствомъ всматривался въ его лицо... Кромѣ тѣхъ переменъ, которыя связаны неразлучно съ потерей мундира и съ приобрѣтеніемъ бороды, онъ нашелъ много новаго. Трудно сказать въ чемъ это новое состояло; но присутствіе его было очень чувствительно. Левель, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ въ коляскѣ, похожъ былъ на прежняго гвардіи капитана только тогда, когда онъ смѣялся. Въ промежуткахъ, въ минуты серьезнаго разговора или молчанія, лицо его принимало какой-то суровый, почти аскетическій видъ. Не то чтобъ онъ похудѣлъ или особенно постарѣлъ,—нѣтъ,—главная доля новаго сосредоточена была вся въ глазахъ, и не въ наружной ихъ формѣ, а въ какомъ-то сосредоточенномъ, напряженно-задумчивомъ выраженіи и фанатически-мрачномъ, абстрактно пристальномъ взглядѣ.

Четверка отличныхъ, заводскихъ коней несла ихъ быстро, въ рессорной коляскѣ, по мягкой дорогѣ, въ лѣсу. Пыли не было; земля только что просыхала, послѣ весеннихъ дождей. Кусты ужъ одѣты были роскошною зеленью; густая трава и мѣстами цвѣты видны были тамъ и сямъ, на землѣ; но большія деревья, осинникъ, береза и дубъ, не успѣли еще нарядиться въ свой лѣтній, парадный мундиръ. Весь лѣсъ наполненъ былъ арома-

томъ смолистыхъ почекъ. Береза, опередившая своихъ сверстниковъ, душила особенно сильно.

— Сейчасъ будемъ дома, замѣтилъ Левель, указывая на мельницу, которая стала видна вдали. Они проѣхали близко отъ того мѣста, гдѣ, наканунѣ, Лукинъ привязывалъ лошадь, — оставили мельницу и плотину въѣвъ, и понеслись по дорогѣ къ селу. Собачій лай привѣтствовалъ ихъ издалека. Въѣзжая, Лукинъ увидѣлъ вчерашнихъ своихъ непріятелей. Онъ узналъ ихъ по голосу. Это были два рослые, сильные пса, изъ которыхъ любой могъ идти въ одиночку на волка. На этотъ разъ, не имѣя причины считать его воромъ, они приняли его очень мирно, махая хвостами и весело провожая коляску вплоть до крыльца.

На крыльцѣ, Марья Васильевна встрѣтила ихъ. Она перетрусилась страшно, завидѣвъ коляску, и задыхаясь, съ сильнымъ біеніемъ сердца, бросилась внизъ по лѣстницѣ. Но когда экипажъ подъѣхалъ, и вмѣсто суровыхъ, нахмуренныхъ лицъ, видѣнныхъ ею во снѣ, она увидѣла мужа веселаго, въ живомъ разговорѣ съ гостемъ, который смѣялся, отвѣчая ему почти также безопасно и весело, она вся покраснѣла отъ радости. На душѣ у нея отлегло. Богъ вѣрно услышалъ ея молитву... Онъ пошлетъ миръ въ ихъ сердца!... Они будутъ друзьями!

— На вотъ, я тебѣ вчерашняго гостя привезъ, сказалъ Левель женѣ... «N'avez donc pas peur, Marie! C'est un très bon garçon... Не ребячься, пожалуста; будь полюбезнѣе,» шепнулъ онъ ей на ухо, обнимая ее.—Рекомендую, прибавилъ онъ громко: — Григорій Алексѣичъ Алексѣевъ, чиновникъ особыхъ порученій при нашей новой губернаторшѣ.

— Мы ужъ знакомы,—отвѣчала она едва слышно, протянувъ гостю руку, которую тотъ пожалъ. Рука дрожала.

— Григорій Алексѣичъ жалуется, что онъ былъ принятъ вчера очень сухо, продолжалъ Левель...—Онъ хотѣлъ ужъ писать объ этомъ въ Сольскъ, да я его упробилъ.

Лукинъ засмѣялся, Маша сконфузилась.

— Я виновата, отвѣчала она краснѣя и усмѣхалась...—Я была такъ обрадована... получивъ письмо отъ кузины, что забыла даже и чаемъ васъ напоить. Простите меня, ради Бога!

— Ну, ну, онъ не сердится. Онъ общалъ не сердиться за чай, если только обѣдъ сегодня будетъ хорошъ... Такъ, кажется, мы условились?

— Полноте! отвѣчалъ тотъ шутя.—Развѣ такъ можно

рекомендовать человѣка на первыхъ порахъ? Вы меня губите невозвратно во мнѣніи Марьи Васильевны.

Маша смотрѣла на стараго своего друга большими глазами и тайнѣ дивилась его спокойной увѣренности въ себя... «Онъ ли это такъ бойко, развязно жметъ?» мысленно спрашивала она у себя, и тутъ же припомнила, что сама, не далѣе какъ съ минуту назадъ, солгала... Она думала прежде, что это Богъ знаетъ какъ трудно; а выходитъ, что нѣтъ. Почти никакого усилія и никакого особеннаго приготовления не требуется. Слово, невольно, само собой, бѣжитъ съ языка, точно какъ будто и не она, а другой кто-нибудь за нее говоритъ!... Къ этому времени страхъ, волновавшій ее все утро, сталъ проходить. Мѣсто его заступала успокоительная надежда, что ея роль будетъ не такъ тяжела, какъ это казалось,—и что когда-нибудь ей удастся сблизить этихъ людей между собою такъ тѣсно, поселить между ними такое довѣріе, что дальнѣйшая тайна покажется лишнею тягостью для него, и онъ самъ все разкажетъ мужу.

За обѣдомъ и послѣ обѣда, весь день, Павелъ Петровичъ былъ въ духѣ. Его оживила встрѣча съ свидѣтелемъ его прежней жизни, съ тѣмъ человѣкомъ, которому нѣкогда были открыты его задушевные мысли, несмотря на то, что онъ видѣлъ въ немъ представителя совершенно другаго взгляда на жизнь и другой сферы жизни. Ихъ прежняя связь, при всей ея кратковременности и наружной случайности, была не изъ тѣхъ эфемерныхъ явленій, которыя исчезаютъ безслѣдно. Они разошлись, но затѣмъ чтобы встрѣтиться снова подъ болѣе рѣзкимъ угломъ противорѣчія, съ свѣжимъ запасомъ опыта и съ убѣжденіями, глубже, сильнѣе развитыми. Поэтому, оба конечно не прочь были справиться, куда привела та дорожка, которая разъ какъ-то, давно, пересѣкла ихъ собственный путь.... Но Лукина занимали другіе вопросы. Къ тому же, шесть лѣтъ упорной борьбы съ людьми, на аренѣ общественной жизни, притупили въ немъ юношескую потребность высказаться и подѣлиться мыслями,—потребность, которую Левель, въ своей замкнутой сферѣ, такъ рѣдко имѣлъ возможность удовлетворить, что этотъ случай былъ для него настоящимъ праздникомъ.

Послѣ обѣда, засѣвъ въ уголку, на софѣ, у отвореннаго балкона въ гостиной, они говорили много. Разговоръ, сначала сосредоточенный на подробностяхъ личной ихъ обстановки, мало-по-малу мѣняя свое направленіе, перешелъ на

политику и на сферу идей, находящихся съ ней въ связи. Вопросы общественнаго устройства разбирались въ ту пору на Западѣ съ лихорадочнымъ жаромъ, въ которомъ легко было угадать предвѣстника грозныхъ событій. Гулъ собиравшейся бури, разносясь далеко во все стороны, слышенъ былъ и у насъ. Въ нашей литературѣ и въ передовыхъ рядахъ общества, содержаніе, тонъ рѣчей, даже тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ вещи обсуживались,—все измѣнилось... Эпоха эта была знаменательная. Все старое и даже кое-что изъ новаго пошло въ передѣлку. Германскій идеализмъ, съ которымъ мы только что передъ тѣмъ начинали сводить знакомство, обнюхивая его съ большимъ любопытствомъ и недоумѣніемъ, вдругъ встрѣтился въ нашихъ умахъ съ другимъ, враждебнымъ ему потокомъ, летѣвшимъ, какъ вихорь, на перерѣзъ. Мы пошатнулись, сдѣлали видъ какъ будто задумались на минуту, и немедленно вслѣдъ затѣмъ, слѣдуя русскому правилу не отставать ни за что отъ Европы, хотя бы пришлось летѣть кувыркомъ за ней въ догонку, дали крутой поворотъ. Произошло смятеніе неописанное. Заклятые друзья современности и прогресса, отрекаясь отъ Гегеля и К°, кидались наперерывъ въ объятія новыхъ гостей. Идеализмъ былъ забытъ и брошенъ такъ же внезапно, какъ онъ былъ принятъ. Мы выплюнули его хладнокровно, даже непережеванный. Безъ личной инициативы, безъ связи съ движеніемъ жизни народнои, безъ всякой естественной постепенности въ прогрессѣ внутренняго развитія, вчерашній философъ и квіетистъ превратился въ политика, въ эконома. Онъ бросилъ логику, бросилъ исторію философіи и философію исторіи, и махнувъ мимо Адама Смита со всеми его послѣдователями, однимъ прыжкомъ очутился въ ряду реформаторовъ, не оставлявшихъ камня на камнѣ отъ старыхъ системъ гражданства и общегитія.

За этимъ движеніемъ, съ его поворотами и скачками, Левель слѣдилъ сперва холодно и небрежно, какъ за предметами, выходящими изъ круга специальности. Но мало-по-малу, когда шумъ сталъ долетать до ушей его явственнѣе, онъ началъ невольнo прислушиваться и вникать. Праздное любопытство барина-дилеттанта, не связаннаго очень прочно ни съ чѣмъ, затронуто было вопросами, до сихъ поръ ему незнакомыми. Въ журналахъ, въ газетахъ, онъ началъ встрѣчать очень часто слова и цѣлыя выраженія, условный смыслъ которыхъ для гвардіи-капитана сороковыхъ годовъ былъ китай-

скою грамотой. Онъ началъ справляться и выписалъ нѣсколько книгъ, по содержанію не имѣвшихъ себѣ до сихъ поръ товарищей въ его библіотекѣ. Эти книги дочитывались, и выписаны были уже новыя, и кое-что начало разъясняться, а многое спуталось еще хуже въ его головѣ, когда прїѣздъ Лукина далъ ему первый случай высказать свои впечатлѣнія и повѣрить ихъ въ разговорѣ съ живымъ человѣкомъ....

— Вы проиграли, сказалъ онъ, вернувшись въ столовую съ номеромъ заграничной газеты въ рукахъ: — *Женскія письма* вышли въ 1802 году.... вотъ здѣсь, смотрите.

Объ авторѣ этихъ писемъ, графѣ де-Сенъ-Симонѣ, и о затѣяхъ его послѣдователей у нихъ только что передъ тѣмъ начался разговоръ, который шелъ очень живо и горячо, не взирая на то, что оба имѣли объ этомъ предметѣ очень неполныя свѣдѣнія и судили о немъ съ совершенно-иныхъ точекъ зрѣнія, а потому съ трудомъ понимали другъ друга. Ледея сильно интриговала полу-религіозная сторона, таинственность и мечтательность догмата; а на все остальное онъ смотрѣлъ холодно, какъ на дѣло совсѣмъ до него не касающееся. Прїятель его, напротивъ, оправдывалъ только то, чтò имѣло прямой, общежитійскій смыслъ, а о пророческихъ выходкахъ и о догматахъ школы отзывался шутя. Маша слушала ихъ очень внимательно, но, къ великому сожалѣнію, не понимала почти ничего. Только одинъ разъ, когда у нихъ завязался споръ о женщинѣ и о ея положеніи въ обществѣ, она поняла.... все поняла; но молчала, не принимая прямого участія въ спорѣ; а когда кто изъ спорящихъ обращался къ ней съ просьбой рѣшить тотъ или другой вопросъ, она, краснѣя, давала короткій, уклончивый, блѣдный отвѣтъ.... У ней не было ясно-опредѣленныхъ теоретическихъ убѣжденій; а то, чтò и было, она не имѣла привычки и смѣлости высказывать такъ отчетливо, какъ высказывали они. Къ тому же предметъ интересовалъ ее слишкомъ близко, и она не могла судить о немъ сколько-нибудь спокойно.... Дѣло шло о любви и бракѣ. Лукинъ утверждалъ, что бракъ (безъ горячей любви) есть ложь и нерѣдко развратъ.... А мужъ ея возражалъ, что строгіе приговоры сплеча, основанные на общихъ правилахъ, содержатъ въ себѣ гораздо болѣе жизни чѣмъ тѣ явленія жизни, отъ которыхъ они берутъ только одну сторону. «Любовь, говорилъ онъ, есть дѣло, которое каждый, конечно, можетъ по своему толковать; потому что

каждый изъ насъ любить по своему, — любить какъ любитъся, а не такъ, какъ по правиламъ слѣдуетъ. Если подѣ словомъ *любовь* разумѣть романтическое увлеченіе или знойную страсти, то конечно тогда бракъ будетъ ложь, потому что одно основано на мечтательной экзальтаціи и свой центръ имѣеть не въ сердцѣ, а въ воображеніи, а другое есть юношеская горячка крови, болѣзненные припадки которой не могутъ быть приняты нормой семейной правды. Семейная правда, семейная жизнь, говорилъ онъ, должны имѣть болѣе прочный фундаментъ, потому что онѣ имѣють прочныя цѣли въ виду, и цѣли вовсе не эгоистическія.»

На эту спокойную выкладку мысли, гость отвѣчалъ горячо, съ необузданнымъ краснорѣчіемъ страсти и съ худо-скрытымъ презрѣніемъ къ существующему порядку общественныхъ отношеній... Маша вся превратилась въ слухъ. Она понимала теперь, понимала обоихъ, но не могла найти выхода изъ желѣзнаго круга сомнѣній и рѣзкихъ противорѣчій, въ которомъ вертѣлся ихъ споръ.

Трудный день, въ общемъ счетѣ, сошелъ для нея гораздо легче чѣмъ она ожидала. Несмотря на мучительное и почти непрерывное замѣшательство, съ которымъ она выполняла свою неловкую роль, несмотря на всю странность и новизну ея положенія, — самая эта новизна и напряженная дѣятельность вѣвъ силъ, которыя вызваны были вдругъ, послѣ долгихъ годовъ дремоты, подѣйствовала на нее цѣлительно. Взглядъ ожилъ, въ лицѣ заиграли краски, на душу повѣвало теплымъ, отраднымъ дыханіемъ весны. Жизнь снова полна была.... чѣмъ? она не успѣла еще спросить у себя. Она смутно догадывалась, что въ полночѣ этой есть что-то ложное; но откуда оно?... Случай ли вдругъ набросилъ его снаружи какъ тѣнь, которая можетъ исчезнуть такъ же случайно, или оно издавна заложено какъ зерно въ основѣ ея семейнаго положенія и только теперь пустило ростокъ наружу, — объ этомъ она и не думала. А между тѣмъ даже самая эта ложь имѣла въ себѣ какую-то свѣжую прелесть, что-то заманчиво-увлекательное.

На Лукіана этотъ день сдѣлалъ тяжелое впечатлѣніе. Ложь была для него не новизна, и потому не имѣла въ себѣ прізрачнаго смысла силы, освобождающей отъ застоя. Ложь опротивѣла, надѣла ему какъ ноша, отъ которой нѣтъ средствъ отдѣлаться... Куда ни сунься, какъ ни ворочайся, ни прилаживайся, — она вѣчно тутъ, лежитъ тяжело на шеѣ; груди ло-

мнѣ, плеча болятъ; нѣтъ отдыха, нѣтъ исхода. Одну минуту ему показалось, что этотъ исходъ найденъ. Онъ встрѣтилъ друга, передъ которымъ могъ бы снять маску; но вотъ онъ съ нею проводитъ почти цѣлый день, а во все это время они не имѣли почти и десяти минутъ, чтобы сказать другъ другу хоть что-нибудь совершенно открыто, безъ принужденія, безъ помѣхи. Мужъ цѣлый день сидѣлъ съ ними, а когда уходилъ не надолго, дѣти съ ихъ нянькой вертѣлись тутъ около или прислуга мѣшала.

Онъ пожелтѣлъ отъ злости. Два раза всего ему удалось остаться съ нею вдвоемъ на минуту. Въ первый разъ, она поглядѣла ему въ глаза умоляющимъ взоромъ, и схвативъ его за руку, стала просить, чтобы онъ полюбилъ ея мужа. Бѣднажка весь вечеръ объ этомъ думала. Ей Богъ знаетъ какъ хотѣлось, чтобы дѣти, мужъ, домъ, вся новая ея обстановка понравились Лукинну; — какъ прежде все, что касалось ея, было ему мило, такъ и теперь, чтобы онъ все полюбилъ, все оцѣнилъ тою цѣной, какую сама она придавала всему... Она слѣдила за каждымъ словомъ мужа, съ невольною тревогой, съ тайнымъ вопросомъ: одобрить ли это *онъ*, понравится ли *ему*? Она забывала, что онъ зналъ Левела прежде ея или можетъ-быть думала, что они не успѣли узнать другъ друга такъ хорошо, какъ она ихъ обоихъ знала... Мужъ ея такъ уменъ, образованъ, такъ добръ! Развѣ онъ можетъ кому-нибудь не понравиться?.. Онъ всегда отзывался о *мелѣ* такъ прекрасно! Да и теперь, какъ онъ веселъ! Какъ это ясно замѣтно, что онъ къ нему очень расположенъ!.. О! какъ бы она была счастлива, еслибы желанія ея сбылись!.. И вотъ, весь жаръ, вся сила этихъ желаній, вылились въ тонъ голоса, которымъ она произносила свою наввную просьбу... Онъ усмѣхнулся не то саркастически, не то грустно, и только что началъ ей отвѣчать, какъ мужъ воротился съ ящикомъ какихъ-то завѣтныхъ сигаръ, которыя были присланы ему уже съ годъ, въ подарокъ, изъ Петербурга, и о которыхъ онъ вспомнилъ теперь. Лукинъ мысленно проклялъ его, и сигары, и Петербургъ, и старое ихъ знакомство... «Все это колодки, думалъ онъ. Еслибы тутъ не было ни претензій на дружбу, ни правъ на взаимное уваженіе, мое положеніе было бы проще.»

Въ другой разъ, когда они остались вдвоемъ, онъ самъ началъ:

— Что жь, это вѣчно такъ будетъ? сказалъ онъ вздохнувъ.

— Что будетъ? спросила она, робко поглядывая.

Перемѣна въ его лицѣ, съ котораго вдругъ свалилась маска: усталость, тоска, нетерпѣніе, мука отложенныхъ ожиданій, все это вдругъ стало ясно и поразило ее до того, что ей трудно было собраться съ мыслями.—Что будетъ? повторила она тревожно.

— Мы всегда будемъ видѣться такъ, при комъ-нибудь третьемъ? Будемъ ловить урывками случай сказать другъ-другу два слова безъ принужденія?

Она поняла, но не знала что отвѣчать.

— Но... вамъ можетъ-быть это нравится? Вы можетъ-быть не хотите иначе?

— Что жъ я могу сдѣлать? спросила она.

— Не знаю. Если не можете ничего, то намъ не зачѣмъ видѣться часто. Подумайте сами: изъ-за чего мы съ вами будемъ разыгрывать эту комедію? Мнѣ ложь надоѣла, а вы не привыкли къ ней, да едва ли когда и привыкнете, потому что она достается вамъ слишкомъ туго.

Маша терла глаза руками, поглядывая на него тревожно.

— Какая надобность лгать? спросила она.

— О! если вы находите это лишнимъ, то я васъ избавлю отъ этого.

— Ради Бога! милый Григорій Алексѣичъ!.. Еслибы вы знали Павла Петровича, какъ я его знаю, вы бы ни минуты не сомнѣвались!.. Еслибы вы знали какъ онъ благороденъ и добръ!.. Къ нему ходятъ больные и нищіе со всей окрестности, и онъ никому не откажетъ; всякаго приметъ ласково; для всякаго сдѣлаетъ, что можетъ!

Лукинъ пожалъ плечами нетерпѣливо.

— Кто говоритъ о Павлѣ Петровичѣ?.. И кто вамъ сказалъ, что я сомнѣваюсь въ его благородствѣ?

— Къ чему жъ эта тайна?

— Къ тому, что я не хочу быть во власти ни у кого, какъ бы онъ ни былъ благороденъ и добръ. Я не нищій; я не нуждаюсь ни въ помощи, ни въ снисхожденіи... Моя рѣчь можетъ-быть слишкомъ жестка; прибавилъ онъ, видя какъ сильно ее огорчили эти слова.—Въ такомъ случаѣ, я прошу васъ, простите!.. У меня желчь кипитъ; мнѣ трудно да и нѣтъ времени подбирать мягкія выраженія... Вы спрашиваете, зачѣмъ я не хочу открыть ему мою тайну?.. Но вы... развѣ открыли вашу?.. Вы сказали ли ему, шесть лѣтъ тому назадъ, когда онъ

сватался, или потомъ, когда онъ сталъ вашимъ мужемъ, что у васъ былъ женихъ... такой-то, котораго вы любили?..

Она опустила глаза въ замѣшательствѣ и волненіи.

— Нѣтъ, отвѣчала она едва слышно.

— Почему жь нѣтъ?

Маша была въ большомъ затрудненіи что ей сказать. Она сама не давала себѣ отчета, какимъ образомъ это случилось.

— Такъ... отвѣчала она.—Я право не знаю... мнѣ это казалось ненужно.

— А теперь показалось нужно? перебилъ онъ. — Но точно ли нужно? Подумайте хорошенько. Къ чему знать теперь то, что шесть лѣтъ вы прятали отъ него какъ тайну?.. (Какъ видите: тайну межъ васъ двухъ, или по крайней мѣрѣ главную долю ея, не я первый внесъ...) Что ему до того, Лукинъ я или Алексѣевъ?.. Главное дѣло то, что мы были съ вами знакомы и... любили другъ друга прежде... Не такъ ли?

Она молчала. Вопросъ такъ безвыходно спугался въ ея головѣ, что она и, сама не зная, чего она хочетъ теперь.

— Но вы шесть лѣтъ считали излишнимъ объ этомъ ему говорить, и, вѣрите, очень умно дѣлали. На что ему это знать?.. Это встревожить его понапрасну... заставить догадываться, подозрѣвать Богъ знаетъ что... Превжній вашъ недостатокъ довѣрія огорчить его. Онъ будетъ думать, что вы и теперь не все рассказали... что вы скрываете еще что-нибудь... Мало ли какой вздоръ можетъ придти въ голову человѣку, если разъ онъ узнаеть, что онъ былъ обманутъ... если...

Онъ не успѣлъ кончить, какъ Левель вернулся опять въ столовую. Сконфуженная фигурка Маши заставила его сперва улыбнуться, потомъ покачать головой.

Послѣ ужина, когда гость уѣхалъ, у нихъ было маленькое объясненіе.

— Маша, какъ это тебѣ не стыдно!.. Чего это ты такъ конфузишься передъ нимъ?.. Мнѣ, право, совѣстно за тебя, мой другъ. Страшно оставить тебя вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь. Я ужъ не знаю что мнѣ и думать о томъ, какъ ты приняла его вчера вечеромъ.

Марья Васильевна опустила глаза.

— Развѣ онъ тебѣ жаловался на меня? спросила она вполголоса, прижимаясь къ его плечу.

— О, нѣтъ. Онъ умѣетъ жить, и этого не сдѣлаетъ.

— Почему же ты думаешь, что я ведаю себя съ нимъ... невѣжливо?

— Ну, не невѣжливо... это ужь слишкомъ; а такъ, какъ бы тебѣ сказать... немножко по-деревенски... нѣтъ, впрочемъ, даже я не по-деревенски. Въ деревнѣ, я рѣдко видалъ, чтобы дамы, имѣющія уже дѣтей, какъ ты, были такъ робки, такъ стѣснены присутствіемъ новаго человѣка.

— Павелъ Петровичъ, отвѣчала она, — мнѣ право кажется, что объ этомъ не стоить говорить такъ долго, потому что... вѣдь это мелочи.

— Вотъ видишь, мой другъ, тебѣ это кажется мелочью, а мнѣ нѣтъ. Это зависитъ, съ какой точки зрѣнія смотришь на вещи... Конечно онъ не обидится, онъ слишкомъ уменъ; но его можетъ стѣснить, если онъ будетъ видѣть, что онъ стѣсняетъ кого-нибудь изъ насъ. А я бы очень хотѣлъ, чтобы онъ бывалъ у насъ запросто, во всякую пору, когда ему вздумается, безъ приглашеній. Да какъ это сдѣлать? Я не всегда дома, а безъ меня, могу ли я быть увѣренъ, что ты съ нимъ не будешь сидѣть потупивъ глаза, какъ сегодня, и не оставишь его одного говорить все время, чтѣ, разумеется, очень скучно?.. Могу ли я на тебя положиться? Общаешь ли ты, хоть сначала, принудить себя и быть полюбезнѣе, посмѣлье... Потомъ, это само собою пойдетъ; помнишь, какъ было со мной, въ первое время нашего знакомства, въ Незвановкѣ и въ Ручьяхъ. Въ первые дни, я только и слышалъ отъ тебя, что *да да нѣтъ*; а потомъ—обошлось.

— Чтѣ жь? тебѣ, въ эти первые дни, развѣ было такъ скучно со мной?.. Я не замѣтила.

— О, нѣтъ!.. я.. мнѣ...—Левель запутался, не зная какъ вернуться изъ этого противорѣчія между примѣромъ и нравоученіемъ. Она засмѣялась сперва; онъ потомъ.

— Будешь умница? спросилъ онъ.

— Буду! буду! отвѣчала она почти шепотомъ, прижимаясь къ нему какъ ребенокъ, котораго побранили за шалость.

V. СЪ-ГЛАЗУ-НА-ГЛАЗЪ.

Нѣсколько времени, Лукинъ занятъ былъ въ городѣ очень прилежно. Онъ ѣздилъ съ визитами, нанялъ себѣ квартиру, хлопоталъ объ отдѣлкѣ дома для губернатора и писалъ къ

губернаторшѣ, въ Соляскѣ, повторяя ей утвердительно то, о чемъ прежде намекалъ уже разъ, какъ о случаѣ очень возможномъ, то-есть что домъ будетъ готовъ не такъ скоро, какъ думали. Потребуется, по меньшей мѣрѣ, недѣля четыре, а можетъ-статься и пять... Паркетъ во многихъ мѣстахъ разохся... подъездъ и лѣстницу надо совсѣмъ передѣлать, стары... обои грязны... двѣ печи, въ столовой и въ спальней, дымать... и т. д. О Левелѣ и женѣ его онъ писалъ коротко. «Павелъ Петровичъ не столько постарѣлъ, сколько переимѣнился; носить бороду, занять политикой и хозяйствомъ; живетъ хорошо: славный поваръ и вкусныя вина; заигать особенно очень хорошъ и сигары тоже. Марья Васильевна рыженькая и худенькая дамочка... не интересна. Впрочемъ, добрая женщина и заботливая хозяйка, но такъ дѣка, что нѣтъ никакой возможности съ нею разговориться...»

Только что онъ успѣлъ отправить это письмо на почту, какъ получилъ отъ Софьи Осиповны другое. Въ немъ не было ни полслова о дѣлѣ, кромѣ нѣсколько разъ повторенной просьбы спѣшить и писать почаще. Остальное наполнено было разными странностями въ родѣ слѣдующей:

«Hier, une personne, qui vous aime (слово *aime* было вычеркнуто и поставлено *haït*), a rêvé, qu'elle vous donne un soufflet... L'avez-vous déjà mérité? Dites franchement, vous savez, quand on veille, on n'est pas de moitié si méchant, et quelques petites péccadilles se pardonnent franchement, pour peu qu'on nous les avoue de bonne grâce... Mais, ce qu'on ne pardonne pas et n'oublie pas si vite, ce qui est odieux, c'est le mensonge...» и т. д.

Дочитавъ, онъ бросилъ письмо на столъ и долго сидѣлъ въ раздумьи. Лицо его было пасмурно, и болѣзненная улыбка появлялась на немъ порой. Трудно сказать до какой степени гадокъ казался онъ себѣ въ эту минуту.

Сбывъ главныя хлопоты, онъ уѣхалъ опять въ Сорокино. На этотъ разъ, онъ взялъ съ собой вещи, располагая сдержать обѣщаніе, данное Левелю, и остаться тамъ нѣсколько сутокъ, пока въ губернаторскомъ домѣ будетъ идти черновая работа, не требующая особеннаго надзора. Онъ думалъ пробыть дня два или три; но не было никакой возможности уѣхать такъ скоро. Погода стояла такая чудная, что о городѣ не хотѣлось и думать. Зелень густѣла; воздухъ былъ напоенъ ароматными испареніями молодыхъ травъ и почекъ; въ

лугахъ, по окраинамъ луговыхъ дорожекъ, пестрѣли тьсяч полевыхъ цвѣтовъ; черемха, акація, кленъ, бузина цвѣли; яблони, вишни стояли осыпанныя, какъ снѣгомъ, густымъ, бѣлымъ цвѣтомъ, мѣстами едва чувствительно переливавшимся въ розовый... Звонкія трели жаворонка раздавались высоко-высоко надъ головой, въ бездонной лазури неба; въ рощахъ, цѣлые хоры крылатыхъ пѣвцовъ пѣли звучную пѣсню весны... Все это живо напомнило ему Жгуту, въ пору его счастливой молодости. Въ первый разъ, послѣ долгаго-долгаго времени, встрѣтилъ онъ майскіе дни въ деревнѣ, и тысячи старыхъ воспоминаній воскресли... старая страсть къ охотѣ, къ удочкѣ, зашевелилась въ груди... У Левеля всѣ охотничьи принадлежности были въ порядкѣ. Онъ самъ до нихъ почти не дотрагивался; ко въ домѣ жилъ опытный егеръ и рыбовловъ, Гордѣй Семенычъ, прикащикъ, буфетчикъ, шталмейстеръ, церемониймейстеръ, короче *fac-totum* села Сорокина. Въ первый же день, Марья Васильевна, которая помнила старыя склонности Лукина, познакомила ихъ подъ какимъ-то предлогомъ; а на другой, рано поутру, они уже были въ лѣсу, и вернулись домой друзьями... Все это вмѣстѣ произвело на него невыразимо-отрадное впечатлѣніе. Юность какъ будто вернулась къ нему. Другая весна, такая же теплая, ароматная, полная жизни, какъ и та, которая зеленѣла вокругъ, расцвѣтала въ душѣ его. Онъ ожилъ, помолодѣлъ; желчный отливъ въ глазахъ исчезъ, а на лицѣ смѣнился здоровымъ загаромъ... Сердце отогрѣвалось; а вмѣстѣ съ нимъ отогрѣвалась и старая страсть, живучія корни которой зарыты въ немъ были глубоко... Но она заговорила, на этотъ разъ, не по старому... Ночью, когда, разставшись съ хозяиномъ и хозяйкой, онъ уходилъ въ свою комнату, чей-то призракъ, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, уходилъ вслѣдъ за нимъ. Онъ не могъ отъ него отдѣлаться... онъ горѣлъ, ворочаясь на своей постели, какъ на жаровнѣ...

Первые дни они проводили вмѣстѣ, съ утра до вечера; но почти постоянно втроемъ. Левель, если и уходилъ къ себѣ или въ поле, то всегда уводилъ съ собой гостя, опасаясь, чтобъ онъ не соскучился съ Машей.

Разъ, за обѣдомъ, онъ предложилъ ему небольшую прогулку лѣсомъ, на ферму, которую онъ устроилъ въ прошломъ году. Марья Васильевна изъявила желаніе идти вмѣстѣ съ ними.

— Устанешь, мой другъ, отвѣчалъ мужъ.—Куда тебѣ? Вѣдь это четыре версты отъ дома...—Но Маша настаивала. Ей очень хотѣлось взглянуть на двухъ новыхъ коровъ, на ея холмогорокъ; она не видала ихъ такъ давно.

— Если такъ, то ужъ лучше вели заложить экипажъ и поѣдемъ всѣ вмѣстѣ; а оттуда вернемся пѣшкомъ... Тебѣ не годится ходить черезъ силу.

Лукинъ посмотрѣлъ на нее печально.

«Та ль это Маша? подумалъ онъ, что бывало весь день на ногахъ, которую мать усадить не могла, которая бѣгала на горы и по лѣстницамъ, духу не переводя... прыгала и вертѣлась, какъ шаловливая козочка...»

Ферма, куда они пріѣхали въ половинѣ шестаго и гдѣ пили кофе на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, была новая и рѣшительная попытка Левеля, одержимаго бвсомъ теорій. На этотъ разъ, онъ не пожалѣлъ ни денегъ, ни времени, ни труда. Все возникло точно по взмаху волшебной палочки, въ одинъ годъ, но по строго-обдуманному, двадцать разъ перевѣренному плану. Постройки и земледѣльческія орудія, машины, скоть,—все было чисто, красиво, свѣжо, и содержалось въ отличномъ порядкѣ.

Осмотрѣвъ скотный дворъ и другія строенія, они оставили Марью Васильевну въ птичникѣ, съ розовымъ, толстощекинымъ мальчишкой-сыномъ, котораго она привезла съ собой и у котораго всѣ карманы набиты были разнаго рода кормомъ для птицъ, а сами пошли посмотреть на полевая статья.

Первое, что попало навстрѣчу, были нѣсколько десятинъ съ клеверомъ, а за ними другія двѣ или три съ тимоеевою травой. Дальше овесъ, пшеница и рожь, поле съ горохомъ, гречиха, поле съ картофелемъ и пр. Все имѣло какой-то нарядный, щеголеватый видъ, трава въ особенности; а хлѣбъ казался гораздо выше и гуще тѣхъ, которые Лукинъ видѣлъ у мельницы, недалеко отъ дома... День стоялъ жаркій. Левель, въ широкой соломенной шляпѣ и въ небывеломъ пеньковомъ пальто, съ толстою сучковатою тростью въ рукахъ, шагалъ впередъ. Рядомъ шелъ маленькій, сухенькій человекъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ добродушнымъ, бараньимъ лицомъ, въ грубой суконной курткѣ и въ башмакахъ. Онъ шелъ покуривая изъ германской, классической трубки съ отливомъ. Это былъ нѣкто Биркенъ, фермеръ, нарочно выплеанный изъ Пруссіи. Левель

разговаривалъ съ нимъ по-нѣмецки, и говоря, дѣлалъ отмѣтки въ записной книжкѣ.

— Ну что? какъ вамъ нравится? спросилъ онъ у гостя, когда, кончивъ осматрѣть, они пристѣли подѣ тѣнь орѣшника, на маленькую дерновую скамейку, въ концѣ участка, окопаннаго канавой и огороженнаго плетнемъ.

— Красиво, отвѣчалъ тотъ. — А что стоить вамъ это удовольствіе?

Левель поморщился и усмѣхнулся. Зная заранѣе куда приведетъ вопросъ, онъ предпочелъ отвѣчать на него съ другаго конца, и тотчасъ же сталъ объяснять, что сумма расходовъ за первый годъ должна уменьшаться послѣдовательно и вдвойнѣ; во первыхъ непосредственно, а вовторыхъ, съ постепеннымъ увеличеніемъ прибыли.

— На то, что издержано въ первый годъ, заключилъ онъ, и должно быть еще издержано въ нынѣшній, надо смотрѣть какъ на основной капиталъ предпріятія, который не слѣдуетъ смѣшивать съ ежегодною издержкой и который, конечно, окупится только современемъ.

— Да, если окупится, замѣтилъ Лукинъ.

— Почему жь нѣтъ?

Лукинъ высказалъ нѣкоторыя сомнѣнія.

— Покупщикъ вашъ не спросить, говорилъ онъ, — какія машины у васъ изъ Англій выписаны и что онѣ стоить, и сколько вы платите вотъ этому барину... Онъ дастъ вамъ не болѣе той цѣны, за какую онъ можетъ купить у сосѣда, если у васъ не купить...

— Конечно, перебилъ Левель. — Но вы забываете, что разница въ стоимости обработки вознаграждается на количествѣ сбора. При томъ же количествѣ рукъ и земли, земля этимъ способомъ даетъ несравненно болѣе.

— Да развѣ у васъ вся годная земля обрабатывается?

— Ну нѣтъ, не вся. Рукъ не хватаетъ, чтобы всю запахать.

— Э! полноте!.. Были бы деньги, а руки у насъ дешевле машинъ!.. Вмѣсто того чтобы строить такіе дворцы для коровъ да жаться на маленькомъ доскуткѣ, высасывая изъ него весь сокъ, прикупите-ка лучше народу, да и пустите, по русскому, въ ширину.

Левель задумался. — Я не люблю живой товаръ покупать, отвѣчалъ онъ угрюмо.

— А любите имъ владѣть и пользоваться?.. Не все ли равно?.. Эхъ, Павелъ Петровичъ! Вѣдь это себя обманывать!.. Если хотите умнѣе отцовъ быть и чище ихъ жить, такъ уѣзжайте отсюда подальше... Здѣсь не житье для вашей науки!.. Здѣсь все стоитъ на другихъ ногахъ и скроено на другую мѣрку... Вы—русскій баринъ; а русскому барину незачѣмъ тратить деньги и трудъ, и ломать себѣ голову по пустому тамъ, гдѣ ему все даромъ дано.

— Я васъ не могу понять, Григорій Алексѣичъ, замѣтилъ Левель.—Вы такъ озлоблены противъ существующаго порядка, или безпорядка (по вашему это все равно), а между тѣмъ вы же сами смѣтаетесь надъ всякою попыткой выбиться изъ него и перейти къ чему-нибудь лучшему.

— Я не смѣюсь! отвѣчалъ Лукинъ вспыхнувъ.—Боже избави!.. Затѣйте попытку, въ которой была бы хоть тѣнь надежды, и вотъ вамъ моя рука, брошу все, пойду къ вамъ въ лакеи, если на что другое не пригожусь!.. Но, продолжалъ онъ спокойнѣе,—затѣйте что-нибудь путное, а не эти игрушки... Что толку тѣшить себя, разыгрывая роль фермера такъ какъ вы?.. Кто спорить?.. Съ вашими средствами, имѣя въ запасѣ оброкъ или выручку съ барщины, вы не останетесь на мели, не обанкротитесь; можетъ-быть, даже сведете концы съ концами и при счастья вернете затраченный капиталъ; а все-таки я скажу, что это потѣха!.. Посмотрите на жизнь вокругъ васъ... Доросла ли она до всѣхъ этихъ тонкостей, и можетъ ли она войти въ какую-нибудь естественную, непринужденную связь съ ними?.. Можетъ ли вашъ мужикъ, напримѣръ, жить такъ комфортабельно, какъ у васъ тутъ живетъ корова или свинья?.. А если нѣтъ, то къ чему все эти затѣи?.. — Онъ указалъ на строенія.

На красномъ, кирпичномъ фонѣ ихъ, издали рисовались бѣлое платье и свѣренскій зонтикъ Маши, которая шла къ нимъ, облитая яркимъ золотомъ вечерняго солнца. Передъ нею бѣжалъ ребенокъ...

Минуть черезъ пять, они возвращались домой.

— Приходите ко мнѣ, сегодня, часамъ къ десяти, сказалъ Левель Нѣмцу.—Мнѣ надо съ вами поговорить подробнѣе о подивкѣ.

Дорога тянулась лѣсомъ. Марья Васильевна шла опираясь на руку мужа, и безпрестанно оглядываясь на коляску, которая ѣхала шагомъ сзади, и на Васю, который сидѣлъ на ков-

лахъ, съ кучеромъ, въ полночь восторгъ. Мать улыбалась ему и грозилла пальцемъ, когда ей казалось, что онъ сидитъ не такъ смиренно, какъ общалъ; а Левель тѣмъ временемъ продолжалъ свой неконченный разговоръ. Онъ былъ такъ озадаченъ непредвидѣнною выходкой гостя, что не могъ ему отвѣчать немедленно; но дорогой, надумавшись, началъ свою защиту спокойно, холодно, методично. Исходя изъ того же общаго основанія, на которое опирался Лукинъ, онъ далъ своимъ выводамъ болѣе обширный смыслъ, и началъ доказывать, что всѣ историческія перемѣны въ жизни народа совершаются постепенно, и что нигдѣ мы не видимъ скачковъ. Развивъ это общее положеніе съ цѣлью обезоружить противника, который повидимому хотѣлъ бы все разомъ двинуть впередъ, онъ перешелъ къ себѣ и къ своимъ попыткамъ.—Моя цѣль, говорилъ онъ,—не чисто-практическая. Она состоитъ не въ томъ, чтобы сразу ввести у насъ рациональную обработку земли по заграничному способу. Я просто хочу испытать, возможно ли это дѣло на нашей землѣ и при нашей теперешней обстановкѣ. Вы кажется думаете, что нѣтъ?

— Конечно. Рациональная обработка земли основана на свободномъ трудѣ. Ей не ужиться съ крѣпостнымъ правомъ.

— Но у Римлянъ существовало же крѣпостное право; а между тѣмъ это былъ первый народъ, который привелъ обработку земли въ систему.

— И первый, который привелъ въ систему всѣ мерзости, всѣ неправды своей общественной и семейной жизни, освѣтивъ ихъ подъ именемъ права...

— Пойдите, пойдите! перебилъ усмѣхаясь Левель.—Оставимъ Римлянъ въ покоѣ. Они уведатъ насъ въ сторону отъ вопроса. Я не хочу защищать ни ихъ крѣпостное право, ни наше; это конечно зло; но дѣло не въ томъ...—И онъ навелъ разговоръ опять на вопросъ о хозяйствѣ.

Они спорили всю дорогу, а Марья Васильевна слушала ихъ и молчала, не понимая о чемъ идетъ споръ. Ей было досадно на мужа. Онъ завладѣлъ Григоріемъ Алексѣвичемъ такъ исключительно, что въ послѣдніе дни она не успѣла съ нимъ и трехъ словъ сказать. А ей такъ бы хотѣлось поговорить съ нимъ подолѣе, убѣдиться, что они не чужіе другъ другу, что онъ помнитъ прошедшее, что оно ему такъ же дорого, какъ и ей... Но когда, какимъ образомъ это сдѣлать?.. Они вѣчно

втроемъ!.. Вдругъ, ей пришло на умъ, что Нѣмецъ съ фермы придетъ сегодня, часу въ десятомъ, и что Павелъ Петровичъ, по всей вѣроятности, уведетъ его къ себѣ въ кабинетъ часа на два... Это будетъ ужь послѣ чая; дѣти ужь будутъ спать; вотъ случай!.. Еслибы только онъ догадался!..

Съ нервнымъ волненіемъ ждала она Биркена. Когда доложили, что онъ пришелъ, она оглянулась украдкой на Лукина, но замѣтивъ, что онъ тоже смотритъ на нее, покраснѣла и опустила глаза.

— Я пойду въ садъ, сказала она, когда всѣ встали изъ-за стола.

Лукинъ посмотрѣлъ на нее, и ни слова не говоря, ушелъ въ свою комнату... Комната находилась въ нижнемъ этажѣ, и выходила балкономъ въ садъ... Постоявъ на крыльцѣ съ минуту, онъ вышелъ, осматриваясь и прислушиваясь... Тихо, тепло пахнетъ черемхой... Весеннія сумерки дожились прозрачно, какъ синій флеръ; но чаща вѣтвей въ аллеяхъ была такъ густа, что внизу, подъ навѣсомъ ея, казалось немногимъ свѣтлѣе ночи. Изъ дома, черезъ отворенное окошко верхняго этажа, слышался звукъ посуды, которую убирали... Онъ шелъ внизъ по аллеѣ, къ бесѣдкѣ, которая возвышалась въ углу, надъ оврагомъ, шелъ, напѣвая въ полголоса одну старую русскую пѣсню, затверженную имъ еще въ Жгутовѣ:

Гой вы, братцы мои! братцы малые!
 Вы, соколики разудалые!
 Кто бы горю моему пособилъ,
 Мнѣ съ дороги дружка воротилъ?
 Милый другъ! воротися назадъ!
 Воротися въ тотъ зеленый садъ,
 Гдѣ гуляла съ тобой обнимаючись,
 Пѣсни звонкія распѣваючи.

Что-то хрустнуло позади... онъ оглянулся... Изъ боковой аллеи, шагахъ въ десяти отъ него, мелькнуло бѣлое платье Маши. Они встрѣтились, взялись за руки, и долго глядѣли другъ другу въ глаза, ни слова не говоря.

— По старому? сказалъ онъ.

— По старому, отвѣчала она, усмѣхаясь печально.

Лукинъ сѣлъ на ступенькѣ, у входа въ бесѣдку, и усадилъ ее возлѣ себя.

— Семи дѣтъ не воротишь, сказалъ онъ;—но я хочу знать, какъ вы ихъ прожили?.. Счастливы ли вы съ мужемъ? Любите

ли вы его?.. Говорите, говорите скорѣй! Вѣдь я еще ничего не знаю!

— Я.. должна быть счастлива, отвѣчала она нервнѣе и чуть слышно;—потому что я знаю его; а кто его знает, тотъ не можетъ его не любить.

Лукнѣ посмотрѣлъ ей въ лицо.—Не то, сказалъ онъ.—Я не то спрашиваю... Счастливы ли вы такъ, какъ бы вы желали быть счастливою съ мужемъ? Любите ли вы его больше всего на свѣтѣ? Отвѣчайте мнѣ прямо, безъ оговорокъ; просто да или нѣтъ?

Она молчала, потупивъ глаза.

— Ну, это ужъ не постарому! Въ старые годы вы были откровеннѣе... Я имѣлъ право знать то, что васъ близко касалось; а теперь, я, кажется, потерялъ и это!

— Григорій Алексѣичъ! отвѣчала она:—не будьте со мною такъ строги! Пожалуйте меня! Еслибы вы знали что дѣлается у меня на сердцѣ, вы бы не стали такъ говорить.

— Можетъ-быть... Но пожалуйте же и вы меня. Скажите же мнѣ хоть что-нибудь, чтобъ я могъ составить себѣ хоть какое-нибудь понятие о томъ, что съ вами было въ эти семь лѣтъ, и что теперь дѣлается?.. Что вы дѣлали послѣ того какъ мы съ вами разстались?.. Когда умерла Лизавета Ивановна? Когда, гдѣ вы встрѣтились съ нимъ?.. Подумайте; вѣдь я ничего не знаю!..

— Маменька умерла слишкомъ два года тому назадъ, въ ноябрѣ, отвѣчала она, и вслѣдъ за тѣмъ рассказала ему нѣкоторыя подробности этой потери.—Она очень жалѣла о васъ, очень грустила и плакала, когда мы узнали объ этомъ случаѣ.

— А вы, Марья Васильевна?

— Я?.. отвѣчала она съ тихимъ упрекомъ, обращая къ нему глаза:—И это вы спрашиваете?.. Ахъ! Григорій Алексѣичъ, что я вытерпѣла, то не рассказывается!.. Я очень была несчастна; но передать вамъ, какъ все это было въ ту пору, я не могу; у меня словъ нѣтъ на эти вещи.

— А *его* вы встрѣтили скоро потомъ?

— Черезъ годъ, отвѣчала она едва слышно, и закрыла руками лицо.

— Послушайте, продолжалъ онъ тихо, наклонясь къ самому уху ея:—вы напрасно на это такъ смотрите. Если вы думаете, что я васъ осуждаю хоть сколько-нибудь за то, что случилось, то вы совершенно ошибаетесь. Въ моихъ глазахъ

на васъ не лежитъ и тѣни упрека. Не только послѣ извѣстія о моей смерти, но даже и просто, послѣ разлуки нашей, послѣ всего, что было сказано между нами въ тотъ день, вы были правы располагать собою какъ вздумается... И вы умно поступили, воспользовавшись этимъ правомъ; вы должны были такъ поступить... Ахъ, Марья Васильевна! Еслибы вы знали!.. Повѣрьте, не вамъ передо мною краснѣть! Не мнѣ у васъ требовать отчета!.. Бросьте напрасный стыдъ; говорите о прошломъ смѣло... Скажите, гдѣ вы увидѣли его въ первый разъ?

— У Кирсановыхъ... Онъ тамъ гостилъ... Онъ искалъ управителя, и Кирсановы, черезъ насъ, познакомили его съ Иваномъ Кузмичемъ... По этому случаю, маменька ѣздила къ нимъ въ Незвановку и возила меня съ собой... Миѣ такъ не хотѣлось въ тотъ день!..

— Но послѣ вы не жалѣли?

— Нѣтъ, не жалѣла... Павелъ Петровичъ мнѣ нравился; но мнѣ и въ голову не могло придти, чтобъ изъ этого вышло что-нибудь кромѣ простаго знакомства.

— Какимъ же образомъ и когда все это устроилось?

— Скоро. Мѣсяца черезъ три послѣ первой встрѣчи. Въ эти три мѣсяца, онъ бывалъ часто въ Ручьяхъ, и мы подружались. Потомъ, я замѣтила, да и маменька тоже... мы обѣ стали догадываться о его намѣреніяхъ. Меня это очень тогда встревожило... я не желала... Еслибы меня одну оставили, я бы ни за что не рѣшилась!.. Но маменька такъ настаивала! Ей такъ хотѣлось, чтобы дѣло это устроилось!.. Ее такъ огорчало мое упорство!.. Она сердилась, плакала... наконецъ захворала... Тогда я не въ силахъ была противиться долѣе. Я подумала: не все ли равно?.. Да, мнѣ тогда почти все равно было, какъ это развяжется; потому что у меня ничего въ будущемъ не было, никакихъ надеждъ... а для маменьки это было все.

— Вы стало-быть не любили его, когда выходили замужъ?

Марья Васильевна покачала головой чуть примѣтно.

— А онъ?

— Онъ былъ очень привязанъ... Еслибы не это, что могло бы привлечь его къ бѣдной дѣвушкѣ, безъ приданого? Съ его состояніемъ, связями, онъ могъ бы найти себѣ ровную партію... О! вы не знаете его такъ, какъ я его знаю! Это добрый и благородный человѣкъ!.. Онъ только съ виду кажется холоднымъ; но у него сердце теплое, любящее!

— Вы... полюбили его потомъ?

— Могла ли же я не полюбить?.. Это была бы черная неблагодарность съ моей стороны!

— Вы полюбили его такъ, какъ вы прежде другаго любили?

Маша опять закрыла руками лицо.

— Не спрашивайте, отвѣчала она.

Оба молчали съ минуту. Лукинъ былъ жестоко взволнованъ. Раза два онъ готовъ былъ упасть передъ ней на колѣни, и цѣловать ея ноги. Съ трудомъ овладѣвъ собой, онъ продолжалъ свой разпросъ; и Марья Васильевна разказала ему, какъ они ѣздили въ Петербургъ, какъ жили въ Троицкомъ... свою болѣзнь и послѣднюю болѣзнь матери. Много, много что еще онъ узналъ въ этотъ день. Объ остальномъ онъ не смѣлъ спрашивать, но онъ догадывался.

Когда ея исповѣдь кончилась, она стала просить, чтобъ и онъ, въ свою очередь, разказалъ ей подробно свое прошедшее. «Все, все разкажите!» просила она; но онъ не успѣлъ разказать ей все. Только что дѣло дошло до встрѣчи съ Маевскими, на той станціи, гдѣ онъ провелъ цѣлый день, какъ въ аллеѣ, шагахъ въ сорока отъ бесѣдки, слышались чьи-то шаги. Это былъ Левель, который, окончивъ съ Биркеномъ, вышелъ къ нимъ въ садъ.

— Маша! Григорій Алексѣичъ! кричалъ онъ смѣясь.—Куда вы запрятались?.. Ужинъ готовъ!.. Григорій Алексѣичъ! Гдѣ вы?

— Здѣсь, отвѣчалъ Лукинъ, вставая.

Маша была въ отчаяніи. Разказъ заинтересовалъ ее въ высшей степени. Она въ состояніи была слушать и слушать его безъ конца, не думая ни о чемъ, забывъ все на свѣтъ; готова была сидѣть всю ночь напролетъ; а тутъ, вдругъ его перебили на такомъ интересномъ мѣстѣ, и Богъ знаетъ когда теперь ей удастся дослушать!

— Какъ же?.. Когда же?.. шептала она, вставая.

— Когда вамъ угодно...—Онъ хотѣлъ сказать еще что-то; но въ эту минуту, Левель, къ которому они шли навстрѣчу, показался изъ-за кустовъ.

Онъ былъ обрадованъ, увидѣвъ ихъ вмѣстѣ.

— Давно вы здѣсь? спросилъ онъ, взявъ подъ руку Лукина. Услыхавъ, что они провели тутъ все время, покуда онъ занятъ былъ съ Биркеномъ, онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ... «Что за диковина! думалъ онъ, откуда это у Маши такая

храбрость?» и вслѣдъ за этимъ невольное любопытство заставило его сдѣлать себѣ вопросъ: «О чемъ они говорили вдвоемъ?..» О! онъ бы дорого далъ, чтобы послушать!..

— Маша! тамъ ужинъ сейчасъ подадутъ. Поди-ка ты, похозяйничай; а мы сейчасъ будемъ.

— Григорій Алексѣичъ, спросилъ онъ, оставшись вдвоемъ:— скажите мнѣ откровенно, вамъ не было скучно съ женой?

Лукинъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Съ чего это вамъ пришло въ голову? отвѣчалъ онъ.

Тотъ засмѣялся.

— Вы хотите сказать: что за глупый вопросъ?.. Что жъ! Я согласенъ; вопросъ съ одной стороны дѣйствительно глупъ, потому что есть вещи, на счетъ которыхъ никто вамъ не скажетъ правды.

— Если она неприятна,—да. Но развѣ не можетъ случиться иначе?

— Что жъ изъ того, что можетъ? Отвѣтъ во всякомъ случаѣ будетъ одинъ.

— Да; но онъ можетъ быть вѣренъ.

— Конечно, но какъ это узнать?

— А, ну! надо вѣру имѣть!.. Позвольте однакожъ и мнѣ спросить: отчего вы боитесь, что мнѣ съ Марьей Васильевной можетъ быть скучно?

— Такъ... она очень дика. Это проходитъ, когда она узнаетъ человѣка короче; но... въ первое время, съ ней трудно сблизиться. Она не сдѣлаетъ шагу навстрѣчу.

— О, послушайте! Можно ли требовать отъ женщины, чтобъ она дѣлала первый шагъ къ сближенію?.. Это было бы не по-женски!..

— Вы думаете?

— Безъ сомнѣнія!.. Я не люблю бойкихъ дамъ.

— Полно, правда ли? сказалъ Левель, насмѣшливо поглядывая на своего пріятеля. Къ этому времени, они были ужъ въ комнатѣ и сѣли за столъ.

— Положительно не люблю, подтвердилъ тотъ, смотря на Марью Васильевну.—Онѣ могутъ быть интересны въ другихъ отношеніяхъ; но собственно женскаго, того, что намъ нравится въ женщинѣ больше всего и что отличаетъ ее отъ насъ въ эстетическомъ смыслѣ, того-то у нихъ и нѣтъ.

— А! вотъ какъ!.. Ну, признаюсь, я не думалъ, что вы такой лицемѣръ! воскликнулъ Левель.—Слышишь ли, Маша, что

онъ говорить?.. Пожалуйста, ты не вѣрь. Это онъ только такъ, для насъ говорить; но я могу засвидѣтельствовать, что тутъ нѣтъ ни слова правды... Я знаю очень хорошо его вкусъ и видѣлъ женщинъ, которыя ему нравились. Одну изъ нихъ зналъ даже очень близко... Вы не догадываетесь о комъ идетъ рѣчь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лукинъ, съ принужденною усмѣшкой.

— Ну, я не стану ее называть; но я вамъ ее опишу словами поэта:

Какъ роза румяна, а бѣла какъ смѣтана, —
Весела, чтѣ котенокъ у печки...

... живая, милая, умна какъ бѣсъ, ласкова какъ ребенокъ; бывало всѣхъ займетъ, всякаго развеселитъ!.. Не пассивная не робкая монастырка, пѣз которой надо вытягивать слово за словомъ; а блестящая, свѣтская женщина, съ языкомъ то мягкимъ какъ бархатъ, то острымъ какъ бритва!..

— Кто это? съ большимъ любопытствомъ спросила Марья Васильевна.

Левель смѣялся, поглядывая на гостя.

— Спроси у Григорія Алексѣвича, отвѣчалъ онъ.

Марья Васильевна посмотрѣла на Лукина. Лице его показалось ей страннымъ: въ немъ было что-то, чего она не могла себѣ объяснить. Сквозь вынужденную усмѣшку, просвѣчивало что-то тревожное, озабоченное, какая-то сложная игра чувствъ, тайна которой была старательно спрятана. Для Маши, знавшей его хорошо, все это было замѣтнѣе чѣмъ для мужа, и сдѣлало на нее глубокое впечатлѣнiе. Желая скрыть его, и сердечнымъ инстинктомъ угадывая затрудненiе своего стараго друга, она спѣшила переменить разговоръ. Но послѣ ужина, когда Григорій Алексѣвичъ ушелъ къ себѣ, она повторила вопросъ свой мужу.

— Какъ! Ты не угадываешь?.. отвѣчалъ тотъ, смѣясь.— Да это наша кузина, Софья Осиповна!

Маша смотрѣла, широко открывъ глаза.

— Не знаю чтѣ было послѣ, продолжалъ мужъ.— Но въ Петербургѣ онъ сильно за нею ухаживалъ; да и она, надо правду сказать, была къ нему очень равнодушна. Она сама просила меня отыскать его; а потомъ опредѣлила на службу къ мужу и увезла съ собой въ Сольскъ. Между нами сказать, тутъ было не безъ грѣха... До какой степени дѣло дошло, не берусь рѣшить; но... я сильно подозреваю... почти увѣренъ.

Марья Васильевна не отвѣчала ни слова. Щеки у ней горѣли; на сердцѣ жгло. Какое-то новое, до сихъ поръ незнакомое чувство зашевелилось въ груди. Что это такое, она не могла себѣ дать отчета; но это было мучительно... это было похоже на чувство какой-то обиды, или обидной, невыносимой ошибки, или потери... У ней точно отняли или грозили отнять какое-то дорогое сокровище!.. То, что она всегда считала своимъ, и что даже смерть не въ силахъ была у ней похитить, ускользало изъ рукъ теперь, и, странно сказать, ускользало въ *прошедшемъ*... Но можетъ быть это неправда?.. Павелъ Петровичъ, можетъ-быть, пошутилъ, или ошибся?.. Какъ жаль, что она не успѣла дослушать разказъ его до конца! Можетъ-быть все объяснилось бы иначе... А теперь, поди, жди, когда удастся опять встрѣтить его наединѣ!.. Случай такъ глупъ! Никогда не придетъ когда нужно!..

Но случай, какъ будто желая себя оправдать въ глазахъ Маши, на другое же утро былъ тутъ, готовый къ услугамъ.

Сейчасъ послѣ чая, Левель уѣхалъ опять на ферму. Онъ уѣхалъ одинъ; послѣ вчерашняго вечера, онъ не боялся ужъ больше оставить гостя съ женой. «Маша имѣла ужъ время привыкнуть къ чужому лицу,» думалъ онъ. «Пусть привыкаетъ; ей это полезно... Пріѣдутъ Маевскіе; будутъ ѣздить сюда, и къ себѣ будутъ звать; а у нихъ она встрѣтитъ весь городъ...» Къ тому же, онъ самъ боялся наскучить пріятелю, ухаживая за нимъ, какъ за маленькимъ, цѣлый день.

Только что онъ уѣхалъ, какъ Маша нашла, что въ комнатахъ душно, и предложила Григорію Алексѣвичу идти въ садъ. Они сѣли въ тѣнистой аллеѣ, далеко отъ дома. Лукинъ продолжалъ свой разказъ; но это ужъ было совсѣмъ не то, что вчера. Съ тѣхъ поръ какъ онъ встрѣтилъ [Маевскихъ, подробности, которыхъ было такъ много вчера, и которыя такъ занимали Машу, исчезли Богъ знаетъ куда. Онъ разказалъ ей въ короткихъ словахъ развязку своихъ приключеній на станціи, пріѣздъ въ Петербургъ, знакомство съ Левелемъ, съ Софьей Осиповной, упомянулъ о Матюшкинѣ;] но о томъ, какъ Матюшкинъ помогъ ему въ его планахъ, и о томъ, что онъ самъ искалъ сблизиться съ Софьей Осиповной,—не сказалъ ничего... Вообще, весь періодъ его петербургской жизни переданъ былъ на скорую руку и на столько темно, что Марья Васильевна многого не могла понять. Еще короче разказано было его пребываніе въ Сольскѣ... Когда онъ кончилъ, Маша съ минуту

смотрѣла ему въ глаза, ожидая не скажетъ ли онъ чего-нибудь; но никакихъ объясненій и дополненій не было. Онъ молчалъ, опустивъ глаза въ землю, и чертилъ что-то палочкой на песокъ.

— И это все? спросила она.

— Все, отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ.

— А эта дама, о которой вчера, за ужиномъ, былъ разговоръ? Эта бойкая, свѣтская женщина, которая вамъ такъ нравилась, — гдѣ же она?.. Кто она?.. Вы ни слова о ней не сказали!

— Я много знавалъ свѣтскихъ дамъ, отвѣчалъ онъ шутя. — Въ Петербургѣ, въ губернскихъ городахъ, да и здѣсь, въ деревенскомъ быту, этотъ родъ женщинъ вовсе не рѣдкость... Еслибъ я зналъ, о комъ говорить Павелъ Петровичъ, я бы вамъ назвалъ ее.

— Если вы не догадываетесь, перебила она, — то я могу вамъ помочь... Онъ говорилъ о Софьѣ Осиповнѣ.

Лукинъ усмѣхнулся, пожавъ плечами... — Да я-то развѣ о ней не говорилъ?

— Вы мнѣ не сказали, что вы были въ нее влюблены.

— Потому что этого не было.

— Какъ не было?.. — Краска досады вспыхнула у ней на лицѣ... — Григорій Алексѣичъ, это дурно!.. Зачѣмъ вы хотите меня обманывать?.. Чтѣ я сдѣлала?.. Чѣмъ я заслужила отъ васъ...

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она отодвинулась на другой конецъ деревянной скамьи.

— Оставьте! продолжала она, едва помня себя отъ досады... — Я вижу теперь, что я для васъ болѣе ничего не значу!

— Вы ошибаетесь.

— О, нѣтъ; ошибиться въ этомъ нельзя!.. Это ясно!

— Марья Васильевна! продолжалъ Лукинъ, сильно взволнованный: — я васъ не желалъ бы обманывать!.. Я бы дорого далъ за право открыть вамъ всю истину... но хотите ли вы ее знать?

— Я хочу все знать.

— Подумайте, чего вы отъ меня требуете?.. Вспомните... наше положеніе теперь не то, что было семь лѣтъ назадъ... Тогда я могъ говорить открыто обо многихъ вещахъ, о которыхъ теперь можетъ быть лучше было бы молчать.

— Нѣтъ; лучше знать правду, — всю правду!

Лукинъ вспыхнулъ. — О! если такъ, то я скажу правду!.. Кля-

нусь Богомъ я васъ одну любилъ и до сихъ поръ люблю!.. Одно время, я думалъ, что мнѣ удастся забыть васъ съ другими... но я не могъ... Еслибъ я зналъ какъ это трудно, я не рѣшился бы на то дѣло, которое заперло мнѣ дорогу на родину и въ вашу домъ!.. Знаете?.. Съ той поры, какъ мы съ вами разстались, не было дня, въ который бы я не думалъ о васъ и не жалѣлъ о потерянномъ... О! я люблю васъ по старому; а вы, милая Марья Васильевна, вы любите ли меня еще хоть сколько-нибудь?..

Она сидѣла, опустивъ руки, обезоруженная, растерянная... — Не спрашивайте! прошептала она. — Зачѣмъ это спрашивать?

Дѣйствительно, спрашивать было не зачѣмъ. Все было ясно и такъ. Съ первыхъ словъ, она покраснѣла до плечъ. Торжество и волненіе, радость и страхъ написаны были у ней на лицѣ... Лукинъ оглянулся... все тихо кругомъ; листъ не шелохнется; густая чаща вѣтвей зеленымъ шатромъ раскинута во все стороны... Въ крови огонь... нѣтъ силъ устоять противъ страшнаго искушенія...

— Маша! прошепталъ онъ, подвигаясь къ ней тихо. Она опустила голову и закрыла лицо руками.

— Маша... мой ангелъ!.. — Онъ обнялъ ее.

— О! пощадите!.. шептала она, чувствуя огненный поцѣлуй у себя на лицѣ. — Оставьте!.. Вспомните, вѣдь я мать!.. У меня есть дѣти... есть мужъ... Оставьте! Не смѣйте!.. О! я несчастная! сумашедшая! Чтò я надѣлала?.. Оставьте! Ради самого Бога!.. Прочь!.. — Она вырвалась вся въ слезахъ и убѣжала.

Нѣсколько дней послѣ этого, Лукинъ не имѣлъ случая поговорить съ нею. Марья Васильевна пряталась отъ него, избѣгала его замѣтно, а если случайно ихъ оставляли вдвоемъ, — молчала въ большомъ замѣшательствѣ или звала къ себѣ няньку съ дѣтьми. Ей становилось страшно, когда они оставались съ-глазу-на-глазъ; но этотъ страхъ не похожъ былъ на тотъ, который мучилъ ее всю ночь послѣ перваго посѣщенія Лукина. Опасность грозила теперь съ другой стороны, съ такой, о которой она до сихъ поръ и не думала. До послѣдняго случая ей и во снѣ не снилось то, чтò теперь ее волновало. Ей и въ голову не могло придти, чтобъ у ней, въ ея собственномъ сердцѣ, таилось зерно тревогъ и опасностей, чтобы между привязанностію къ мужу и чувствомъ къ этому человеку могло возникнуть какое-нибудь противорѣчіе. Она чиста была до сихъ поръ, и хотя понимала возможность пасть,

но понимала ее однимъ разсудкомъ. Для сердца, возможность эта казалась чѣмъ-то несбыточнымъ, химерическимъ, какою-то грезой, для которой нѣтъ мѣста въ дѣйствительномъ мирѣ. Такъ было до той минуты, когда она почувствовала себя вдругъ, безъ собственной воли, безъ всякаго предисловія, въ объятіяхъ Лукина. Съ этой минуты, все стало ясно для ней. Не падая, она поняла сердцемъ какъ можно пасть. Его жгучіе поцѣлуи бродили отравой у ней въ крови, и, подъ дыханіемъ этой отравы, изъ чистой, дѣвичьей привязанности выростала земная страсть... «Вотъ гдѣ опасность!» думала Маша, съ трепетомъ вспоминая случившееся... О! какъ страшно близко!.. и какъ беззащитна она передъ ней!.. Эти минуты... надо бояться ихъ какъ огня, надо бѣжать отъ нихъ издалека; потому что когда онѣ наступать, тогда уже поздно; нельзя отвѣчать ни за что!.. Тогда голова кружится, мысли путаются; всякое чувство долга, все чистое, все святое, блѣднѣетъ и исчезаетъ какъ дымъ!.. Эти минуты!.. Она хотѣла забыть ихъ и не могла. Онѣ повторялись для ней безпрестанно воображеніемъ, и при мысли о нихъ духъ захватывало, руки дрожали какъ въ лихорадкѣ...

Нѣсколько дней спустя, Левель, собираясь въ городъ, предложилъ гостю ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобы къ вечеру воротиться въ село. Лукинъ очень радъ былъ этому случаю. Ему не хотѣлось уѣхать совсѣмъ, а между тѣмъ побывать въ З** и посмотрѣть что тамъ дѣлается—было давно пора.

Передъ отъѣздомъ, онъ встрѣтилъ Марью Васильевну одну, въ гостиной. Она шла торопливо, потупивъ глаза, и готова была пройти уже мимо, но онъ заступилъ ей дорогу въ дверяхъ.

— Вы сердитесь на меня, мой другъ, бѣжите отъ меня? шепнулъ онъ тихо.

— Пустите, отвѣчала она вполголоса,—мнѣ нужно къ дѣтямъ идти.

— Одно слово... Если вамъ непріятно, что я живу у васъ въ домѣ такъ долго и попадаюсь на каждомъ шагу, то я прошу васъ сказать мнѣ объ этомъ прямо, потому что я ѣду въ городъ и могу тамъ остаться, несмотря на всѣ убѣжденія Павла Петровича... Предлогъ пріискать не трудно...

Она молчала, потупивъ глаза, въ большомъ замѣшательствѣ.

— Марья Васильевна, будьте со мной откровенны... Я ви-

новать передъ вами, я самъ это знаю, но то наказаніе, которое вы придумали, слишкомъ жестоко!.. Мнѣ легче совсѣмъ отсюда уѣхать и вовсе не видѣться съ вами или быть у васъ изрѣдка, гостемъ, на пять минутъ, чѣмъ жить съ вами здѣсь, подъ одною кровлей, встрѣчать васъ на каждомъ шагѣ и видѣть, что вы меня избѣгаете... Скажите: неужели одинъ мигъ забывчивости могъ лишить меня вдругъ всякихъ правъ на ваше вниманіе и дружбу?.. Неужели я обидѣлъ васъ такъ, что вы и простить меня не хотите?..

Она тихо подняла на него глаза.

— Я на васъ не сержусь... отвѣчала она встревоженнымъ, нерѣшительнымъ голосомъ: — хоть можетъ-быть и должна была бы сердиться, потому что вы огорчили меня очень сильно.

— О, полноте! Не будьте такъ строги!.. Будьте добры попрежнему... Простите, какъ прежде умѣли прощать!..

Онъ протянулъ ей руку; но она отняла торопливо свою и сдвинула шагъ назадъ.

— Если вы не хотите со мною ссориться, отвѣчала она тревожно. — то я прошу васъ... я требую, чтобы вы вели себя осторожно!.. Я никогда не могу позволить... Я никогда не думала, не ожидала отъ васъ... Нѣтъ, вы не тотъ человекъ, какимъ я васъ знала прежде!.. Вамъ мой покой, мое счастье не дороги болѣе... О! какъ вы измѣнились!.. Какъ все, все измѣнилось съ тѣхъ поръ!..

— Да, многое измѣнилось! отвѣчалъ отъ печально. — Отъ стараго только одно осталось: я васъ люблю по старому.

Колѣна у ней подкашивались. Съ трудомъ переводя духъ, она прислонилась къ окошку.

— Если хотите, чтобъ я вамъ вѣрила, то никогда, никогда не говорите мнѣ больше объ этомъ, прошептала она чуть слышно.

— Отчего? спросилъ онъ.

— Оттого что я не хочу, я не должна это слышать!..

— Не должны? повторилъ онъ насмѣшливо. — Послушайте, мы не дѣти, чтобы намъ морочить себя, не договаривая или маскируя то, что мы оба знаемъ... Требуйте отъ кого-нибудь другаго... а я не могу передъ вами лгать... Да и какая нужда?.. Что изъ того, что я васъ люблю?.. Развѣ моя любовь преступленіе?

— О, ради Бога, молчите!.. Мнѣ больно все это слышать!

Меня это мучить... Вы должны понимать, что въ моемъ положеніи есть обязанности, которыхъ я не могу забыть...

Лукинъ пожалъ плечами.

— Послушайте, вѣдь вы сами хотѣли знать правду... Чего жъ такъ пугаться? Вѣдь я отъ васъ ничего не требую и не жду. Исполняйте себѣ ваши обязанности,—я не прошу васъ забывать ихъ; но къ чему лицемѣрить?.. Будьте со мной откровенны сперва; заплатите мнѣ правдой за правду, а послѣ ужъ требуйте, чтобъ я молчалъ. Поймите, что я у васъ спрашиваю не о томъ, что было и чего не воротись, а о томъ, что теперь есть. Скажите мнѣ прямо, что вы меня больше не любите, что это давно прошло, что осталась одна только память о прошломъ. Это будетъ по крайней мѣрѣ понятно, и это закроетъ мнѣ ротъ вѣрнѣе всякихъ обязанностей, потому что конечно я не намѣренъ вамъ повторять то, что вамъ непріятно слышать.

Она стояла, опустивъ руки, потупивъ глаза, какъ приговоренная къ смерти. Нѣсколько разъ какое-то слово готово было сорваться у ней съ языка, но она не рѣшалась его сказать. Онъ подошелъ къ ней близко. Маша потупила голову еще ниже.

— Что жъ вы молчите? шепнулъ онъ ей на ухо.—Если ваши обязанности требуютъ лжи, то ужъ лучше солгать наотрѣзъ, громко, смѣло, чѣмъ лгать такъ, какъ вы теперь можете безъ словъ.

Марья Васильевна вспыхнула.

— Не смѣйтесь надъ моими обязанностями, отвѣчала она сквозь слезы.—Вы должны уважать ихъ, если вамъ дорога память прошлаго.

— Я не могу уважать ложь.

— Какая ложь? гдѣ? перебила она горячо.—О, не спѣшите такъ! и не берите на себя предупреждать мой отвѣтъ! Остерегитесь, вы можете ошибиться, такъ же какъ и я могу... Я вамъ не намѣрена лгать. Я люблю до сихъ поръ того человека, котораго я знала семь лѣтъ тому назадъ... Но гдѣ онъ? Куда онъ дѣлся?.. Много ли отъ него осталось въ самолюбивомъ, самоувѣренномъ эгоистѣ, который теперь выдаетъ себя за него?.. Вы говорите, что ваша любовь не преступленіе?.. Да, еслибъ она осталась такъ же чиста какъ была, тогда вы, конечно, были бы правы... вы могли бы признаться въ ней, не краснѣя передъ Павломъ Петровичемъ, передъ всѣми...

Но вспомните, что вы со мною сдѣлали на прошлой недѣлѣ, вспомните мои слезы, мой стыдъ, и вы поймете, что заставляетъ меня избѣгать васъ.

Въ свою очередь онъ молчалъ, опустивъ глаза. Ему стало стыдно за настоящее и жаль прошлаго.

— Вы шутите съ моимъ положеніемъ, продолжала она, — смѣтаетесь надъ моими обязанностями... Развѣ такъ дѣлаетъ тотъ, кто истинно любить?.. Вы думаете только о себѣ... Вамъ дѣла нѣтъ до того, что я мать и жена, и что вы меня ставите въ самое затруднительное, самое скользкое положеніе, въ какомъ только можетъ находиться женщина!.. Думала ли я когда-нибудь, что отъ васъ, отъ васъ, Григорій Алексѣичъ, я получу первый урокъ притворства и лжи?..

У Лукина сердце сжалось.

— Это неправда!.. отвѣчалъ онъ.—Начало притворства и лжи положено было раньше. Вы начали лгать вашему мужу съ тѣхъ поръ, какъ вы согласились пойти за него, не любя.

— Боже мой!.. Что это?—Марья Васильевна всплеснула руками.—Это вы ли мнѣ говорите?.. Вы ли осмѣливаетесь меня упрекать за то, что я исполнила волю покойной матери и вышла за человѣка, который меня любилъ, который мнѣ нравился, котораго я уважала?

— Я васъ и не думаю упрекать. Я говорю только, что не я, а другіе люди и случай, необходимость, однимъ словомъ, жизнь научила васъ лгать, такъ же какъ она научила меня и какъ учить всякаго...

— Я не лгала. Я никогда не увѣряла его въ любви до вѣнца. Но, выходя за него, я обѣщала его любить, потому что онъ былъ достоинъ любви, и я сдержала свое обѣщаніе; я любила его и люблю такъ, какъ всякая честная женщина должна любить мужа... Что вы имѣете противъ этого? Что вы можете имѣть противъ этого? повторяла она съ возроставшимъ раздраженіемъ.

— О, ничего!.. Успокойтесь; вы тревожите себя по пустому... Еслибы вы были искреннѣе, еслибы вы раньше сказали мнѣ, что вы смотрите на меня какъ на помѣху для вашего семейнаго счастья, вы бы избавили себя отъ нѣсколькихъ лишнихъ неприятностей и хлопотъ, а меня, отъ самой горькой ошибки, какую мнѣ доводилось когда-нибудь испытать... Прощайте! Не поминайте лихомъ...

Онъ поклонился почтительно и повернулся, чтобы уйти.

На лицѣ у него написано было отчаяніе... Маша съ минутой стояла, молча и неподвижно, смотря ему вслѣдъ. У ней сердце ныло. Начиная съ нимъ разговоръ, она не предвидѣла куда онъ ее приведетъ. Она не хотѣла сказать того, что высказано было теперь сгоряча, въ припадкѣ негодованія, которое вдругъ исчезло куда-то, вслѣдъ за послѣднимъ словомъ, и ни малѣйшей искры его она не могла отыскать въ себѣ. Что жъ это?.. думала Марья Васильевна.—Онъ уходитъ... уходитъ совсѣмъ!.. Неужели же все кончено между нами?.. Неужели она такъ и отпуститъ его?.. Не слишкомъ ли уже рѣзко она отвѣчала ему? Не сказала ли чего лишняго? Чего-нибудь, что уклонялось бы немного отъ строгой истины?.. О, нѣтъ! Такъ не надо!.. Она такъ не хочетъ!..—Онъ былъ уже за дверьми, въ другой комнатѣ, когда она догнала его.—Григорій Алексѣичъ!— Онъ обернулся и посмотрѣлъ на нее съ удивленнымъ лицомъ.—Григорій Алексѣичъ! Куда вы?..

— Я... въ городъ.

— Но вы вернетесь, конечно, сегодня вечеромъ?

Лукинъ молчалъ.

— Григорій Алексѣичъ! Вы меня не такъ поняли... Я не хотѣла этого... Не имѣла намѣренія съ вами ссориться... Если я вамъ сказала что-нибудь непріятное, то простите меня. Забудьте, какъ я готова забыть.

Онъ былъ такъ тронутъ, что не могъ отвѣчать ни слова. Сжимая протянутую къ нему руку, онъ наклонился, чтобы поцѣловать ее, но рука отнята была прежде чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать.

— О, нѣтъ! Нѣтъ, мой другъ! прошептада она, вся вспыхнувъ и убѣгая изъ комнаты.

Въ городѣ нашихъ пріятелей ожидали письма. Между письмами цѣлыхъ три были отъ Софьи Осиповны: одно къ Лукину, другое къ Левелю, третье къ Марьѣ Васильевнѣ. Первое содержало въ себѣ строжайшій выговоръ за лѣность, или, вѣрнѣе сказать, за лукавство. Софья Осиповна была увѣрена, что починки въ домѣ затыгиваются нарочно, чтобъ удержать ее въ Сольскѣ какъ можно долѣе...

«Это подло!» писала она. И отчего онъ не держитъ своихъ обѣщаній?.. Далъ слово писать въ недѣлю два раза, а вмѣсто того нацарапалъ всего нѣсколько строкъ сначала, и вотъ уже сколько времени ни полслова!.. Чтѣ это значить?.. Это даетъ ей очень дурное понятіе о З*** и о з—скомъ обществѣ, въ ко-

теромъ онъ вѣрно нашелъ себѣ много товарищей на извѣстнаго рода вещи?.. Она теперь кается, что отпустила его изъ Сольска, и кается, что они уѣзжаютъ оттуда... Не было никакой надобности... Въ З*** пойдетъ та же исторія, потому что есть люди, которые останутся неисправимы всю жизнь. Такихъ людей надо наказывать строго, потому что кроткія мѣры на нихъ не дѣйствуютъ... и, въ наказаніе, онъ не узнаетъ одной интересной новости, которую могъ бы узнать, еслибы велъ себя лучше..

Новость была такого рода, что Софья Осиповнѣ надоѣло ждать. Да и какая нужда?.. Развѣ она не можетъ провести въ Сорокинѣ, у кузины, нѣсколько дней, пока домъ ихъ будетъ совсѣмъ готовъ?.. Это будетъ пріятнѣе, во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ сидѣть тутъ, на старой квартирѣ, которую надо будетъ оставить скоро и которая начала ужь давно пустѣть... Вещи?.. Да Богъ же съ ними, съ вещами!.. Найдется и безъ нея кто-нибудь, кто сумѣетъ ихъ уложить и отправить. А въ Сорокинѣ ей пришлось бы и такъ гостить, потому что она обѣщала это давно кузинѣ; такъ не все ли равно, когда?.. Лучше теперь, покуда онъ тамъ... Къ тому же, она давно не жила въ деревнѣ... Какъ будетъ весело!.. Кузина, Польша, она и она... О, это будетъ пріятная партія вчетверомъ!.. Они будутъ дѣлать прогулки въ лѣсу, ѣздить верхомъ, обѣдать на воздухѣ, и никто имъ не будетъ мѣшать, потому что она еще не имѣетъ знакомыхъ въ З***, и не будетъ знакомиться, пока мужъ не пріѣдетъ изъ Сольска. О намѣреніи своемъ она писала Марьѣ Васильевнѣ и Павлу Петровичу, прося ихъ не говорить ничего Лукину, на котораго она очень сердита. Не смотря на эту просьбу однако, новость была сообщена ему въ тотъ же день и заставила его призадуматься... Онъ былъ совсѣмъ не въ такомъ настроеніи духа, въ которомъ легко разыгрывать роль; а тутъ, вмѣсто одной, ему придется разыгрывать двѣ и прятать еще отъ Софьи то, что онъ пряталъ до сихъ поръ только отъ Ледея; а эта вторая задача, онъ зналъ, будетъ гораздо труднѣе первой, потому что Софья ревнива и подозрительна, догадлива и ловка, какъ чортъ. Если успѣетъ поймать хоть ниточку, не удержишь ничѣмъ, доберется какъ разъ до клубка!.. Чтѣ дѣлать?.. Благоразумнѣе, можетъ-быть, было бы уѣхать въ городъ и оставаться тамъ подъ какими-нибудь предлогами все время, покуда она будетъ жить въ селѣ. Такъ онъ и думалъ сдѣлать; но онъ не спѣшилъ. «Какая надобность? думалъ

онъ: успѣетъ еще двадцать разъ;» а теперь, въ ту же минуту какъ только пришло извѣстiе, это было бы даже неловко, имѣло бы видъ какъ будто онъ испугался и убѣжалъ.

Онъ рѣшилъ дожидаться ея въ селѣ и прожить тамъ при ней какой-нибудь день или два, а послѣ уже уѣхать въ городъ.

Въ назначенный день, все маленькое ихъ общество отправилось въ З*** встрѣчать дорогую гостью. Въ Сорокинѣ кончены были еще наканунѣ всѣ нужныя приготовления. Отведена комната, возлѣ спальни Марьи Васильевны, для самой гостьи, а возлѣ нея другая, маленькая, для горничной; а дѣтей перемиѣстили подальше.

Дорогой они разсуждали, какъ сдѣлать, чтобы не разъѣхаться. Левель хотѣлъ отправить изъ города верховаго въ Порѣчье, на первую станцію, а самимъ ожидать у себя на квартирѣ.

— Да что же мы будемъ тамъ дѣлать? замѣтила Маша.— Пожалуй еще наѣдутъ знакомые, не будешь знать, какъ отдѣлаться! Лучше поѣдемъ всѣ вмѣстѣ въ Порѣчье.

Предложеніе это было принято. Въ двѣнадцать часовъ, поутру, они пили кофе на станціи, а въ началѣ втораго, смотритель, по просьбѣ ихъ караулившій на крыльцѣ, доложилъ, что вдали, на дорогѣ, виденъ большой экипажъ шестерней.

Всѣ вышли изъ комнаты; пыльный дормезъ подѣхалъ; усатый лакей въ военной шинели спрыгнулъ проворно съ козель. Изъ экипажа высунулась заспанная головка, въ измятомъ, дорожномъ чепцѣ. Особа, которой головка эта принадлежала, потягивалась, зѣвая во всеуслышаніе и протирая себѣ глаза, точь-въ-точь какъ то было уже описано разъ... Съ просонковъ, она не замѣтила общества, которое дождалось ея на крыльцѣ; а между тѣмъ одинъ изъ присутствующихъ, проворно сбѣжавъ съ крыльца, самъ отворилъ ей дверцы. Это былъ Левель.

— Кузина, здравствуйте! сказалъ онъ...

Софья оглянулась...—Ахъ, Боже мой!... Поль! мой милый!— Она вскрикнула и бросилась прямо къ нему на шею. Онъ вынесъ ее на рукахъ изъ дормеза.

— Поль! Да ужъ полно вы ли это? Какимъ образомъ вы очутились здѣсь?.. Развѣ я ужъ пріѣхала?

— Не совсѣмъ еще. Вы на послѣдней станціи. Мы съ женой пріѣхали васъ встрѣчать... Вотъ она; прошу полюбить.

Софья оглянулась. Молодая, стройная дамочка, въ бѣломъ бурнусѣ и въ соломенной шляпкѣ съ голубыми цвѣтами, стояла возлѣ нея, застѣнчиво усмѣхаясь.

— Marie! Это вы? О! какъ это мило! — Она протянула ей обѣ руки, и онѣ обнялись очень нѣжно...—Это вы наконецъ? Да дайте же, дайте же на васъ посмотрѣть, моя душка, милочка!.. —И Софья Осиповна вертѣла ее какъ куклу, хохоча во все горло, цѣлуя, припрыгивая и прихлопывая въ ладоши.

Лукинъ, между тѣмъ, стоялъ въ сторонкѣ и подошелъ только тогда, когда первый порывъ привѣтствій и поцѣлуевъ былъ истощенъ.

— Какъ и вы здѣсь? сказала Софья, дѣлая видъ какъ будто теперь только замѣчаетъ. Встрѣтивъ его полустрогимъ, полу-вопросительнымъ взоромъ, она погрозила ему пальцемъ издали, и потомъ уже протянула руку; но, тотчасъ же отворачиваясь,—знаете, я вамъ чтѣ скажу? шепнула она своей новой пріятельницѣ.—Я ужасно какъ ѣсть хочу!..

Марья Васильевна обернулась къ мужу. — Нѣтъ, не здѣсь, продолжала Софи.—Я на станціи не люблю. Скоро ли мы пріѣдемъ къ вамъ?.. Мы будемъ обѣдать, *n'est ce pas*, когда къ вамъ пріѣдемъ?

Маша смѣясь отвѣчала, что да. Лошади между тѣмъ были заложены. Двѣ дамы сѣли въ дормезъ, а мушину въ коляску, и всѣ покатали прямо въ Сорокино.

VI. Кузины.

Первое время послѣ пріѣзда Маевской, кузины были почти неразлучны. Онѣ спали, хозяйничали, возились съ дѣтьми, гуляли и забавлялись вмѣстѣ. Софья Осиповна была въ духѣ. Сбросивъ съ плечъ церемоніальнѣе офіціальной жизни со всѣми его безконечными требованіями и неизбѣжными мелочными стѣсненіями, она жадно наслаждалась свободой сельскаго быта. Затѣмъ, шалостямъ, выходкамъ, шуткамъ ея, казалось, не будетъ конца. Все ожило и повеселѣло вокругъ. Дѣти, которымъ она навезла конфетъ и игрушекъ безъ счету и которыхъ смѣшила на каждомъ шагу, полюбили ее до безумія. Маша была отъ нея въ восторгѣ. Левель ухаживалъ за ней какъ за маленькою и не

зналъ что придумать, чтобы сдѣлать ей жизнь въ своемъ домѣ какъ можно пріятнѣе. Стараясь предупредить малѣйшія изъ ея желаній, онъ затѣвалъ для нея прогулки, катанья, parties de plaisir къ сосѣдямъ. Только что она зайкнулась о верховой ѣздѣ, какъ изъ города выписано было дамское сѣдло. Въ верховыхъ лошадяхъ не было недостатка. Левель, какъ старый кавалеристъ и любитель, имѣлъ ихъ всегда, на конюшнѣ, нѣсколько. Къ сожалѣнію, Марья Васильевна не умѣла ѣздить, что разстроило нѣсколько общее удовольствіе; потому что Софья Осиповна не хотѣла оставить ее одну, и отъ этого общество, каждый день часа на два, стало дѣлиться на партіи. Конница уѣзжала, пѣхота сидѣла дома. Изъ муштинъ одинъ кто-нибудь провожалъ Софью Осиповну, а другой оставался съ Машей. На первый разъ, брошень былъ жребій, и очередь выпала Лукину. Онъ ѣздилъ не слишкомъ щеголевато, но смѣло и крѣпко сидѣлъ въ сѣдлѣ. Увидѣвъ его въ первый разъ верхомъ на своемъ жеребцѣ, Левель не могъ утерпѣть, чтобы немножко не улыбнуться.

— Чего вы смѣетесь? спросила Маевская.

— Такъ; я боюсь, что ваша прогулка протянется дольше чѣмъ вы ожидаете. Вашъ проводникъ плохо знаетъ окрестности и легко можетъ сбиться съ дороги.

— Э! что за бѣда?.. Tout chemin mène à Rome!.. Приѣдемъ какимъ-нибудь часомъ позже и только. Marie ne sera pas fâchée de se reposer un peu. Elle a l'air d'être très fatiguée. Я боюсь, что я скоро ее совсѣмъ замучу...

— Какъ вы похудѣли, кузина! замѣтилъ Левель, помогая ей сѣсть въ сѣдло.—Вы стали легки какъ перышко!

— Ага! А кто въ Петербургѣ пророчилъ, что я растолстѣю? А? Помните?

Левель не отвѣчалъ ни слова; онъ любовался наѣздницей. Верховъ на конѣ, въ круглой шляпѣ и въ амазонкѣ, съ хлыстомъ въ рукахъ, Софи могла бы поспорить съ любую красавицей, такъ славно все это ей шло къ лицу... Ей было ужъ за тридцать, и она никогда не могла похвалиться особенною красотой; но полные жизни глаза, и ловкость, и грація, и какой-то особенный, оригинальный пріемъ въ малѣйшихъ движеніяхъ, вознаграждали съ избыткомъ за все. Она была несравненна ужъ по тому одному, что непохожа была ни на кого.

Не успѣла она очутиться въ сѣдлѣ, какъ начались разныя шалости съ лошадыю. Она заставляла ее вертѣться, пятиться, под-

ниматься на заднихъ ногахъ и дѣлать лансады въ сторону, къ великому страху Маши, которая вскрикивала, закрывая руками глаза и увѣряя, что лошадь бѣсится, что не слѣдуетъ ѣхать на ней, что случится несчастіе и т. д.

Левель, смѣясь, успокоивалъ ее.

— Смотри, говорилъ онъ, — вонъ, Соколъ пошелъ подъ ней какъ агненокъ!

Ворота были отворены, и кавалькада выѣхала.

Проскакавъ съ полверсты галопомъ, они миновали церковь и въѣхали въ лѣсъ. Софи пустила свою лошадку шагомъ.

— Панъ Григорій сердитъ на меня? — сказала она.

— Сердитъ, отвѣчалъ Лукинъ.

— За что?

— За вчерашній допросъ... Это изъ мѣры вонъ! Здѣсь, въ этомъ домѣ, въ гостяхъ, при Левелѣ, при женѣ его... заводить точно такую же инквизицію какъ бывало въ Сольскѣ!.. добиваться зачѣмъ я въ городъ ѣздилъ, и что я тамъ дѣлалъ, и кого я тамъ видѣлъ... Смѣшно!.. Очень имъ нужно знать, что ты ревнуешь меня!.. Это глупо, ей Богу, Софья!.. это самаго недогадливаго можетъ навести на догадки!.. Павелъ Петровичъ и такъ ужь подсмѣивается... Сегодня, когда мы сѣлились верхомъ, я замѣтилъ...

— Allons! перебила Софи, смѣясь... — Много ты очень замѣтилъ! Много вы всё замѣчаете!.. Знаешь, чему онъ смѣялся?..

— Чему?

— Смѣялся смотря на тебя, какъ ты держишься.

— А! чортъ его побери! проворчалъ ея спутникъ, кусая губы. Онъ былъ щекотливъ на счетъ верховой ѣзды, какъ многіе.—Эти педанты, съ ихъ старою манежною школою, прибавилъ онъ громко,—воображаютъ, что кромѣ нихъ никто не умѣетъ ѣздить!

Софи хохотала...

— Allons, ne te fâche pas, mon beau cavalier! Она подѣхала къ нему близко.—Voilà pour te rendre gai! сказала она, цѣлуя его.

Онъ перегнулся въ сѣдлѣ и обнялъ ее одною рукой.

— Laisse donc! Tu va me faire perdre les étriers! шептала Софья; но Лукинъ не пускалъ... Коню его надоѣла эта потѣха. Сердито оскаливъ зубы, онъ повернулъ голову и укусилъ ея лошадь за шею. Софья стегнула его хлыстомъ по мордѣ. Лукинъ едва успѣлъ отнять руку, какъ конь его взвился, и они понеслись вихремъ по лѣсу... Навстрѣчу неслись зеле-

ныя вѣтви деревьевъ, грозя сорвать шляпу или задѣть по лицу. Сѣдоки наклонялись проворно, сворачивая или ныряя, и то отставая, то обгоняя другъ друга на всемъ скаку. Шляпа свалилась у ней съ головы и держалась только на лентахъ; коса расплелась, и длинныя пряди русыхъ волосъ, разметанныя по вѣтру, вились позади какъ змѣи... Надо было остановиться и слѣзть, чтобъ поправить бѣду...

Часа черезъ два, они возвращались домой. Кони бѣжали крупною рысью. Онъ началъ хвалить ея волосы:—Софья, мой ангелъ, какая коса у тебя славная!

— У кузины коса вдвое гуще и на четверть длиннѣе моей, отвѣчала она смѣясь.—Еслибы ты видѣлъ ее поутру, когда она чешется!.. О! еслибы только не этотъ цвѣтъ, какая это была бы прелесть! *Mais cette couleur fait un drôle d'effet... Imaginez vous le petit minois de Marie tout noyé dans le feu d'une immense chevelure!..* Этакъ у ней вся спина, и плечи, и грудь покрыты точно какъ чесаною мочалкой... Кстати, скажи пожалуйста, съ чего это тебѣ пришло въ голову написать будто она неинтересна?

Она посмотрѣла ему въ глаза; Лукинъ покраснѣлъ слегка.

— О вкусахъ спорить нельзя; мнѣ такъ кажется, отвѣчалъ онъ, внутренно проклиная избытокъ предосторожности, за который теперь ему приходилось платиться.

— О! Въ самомъ дѣлѣ? Тебѣ такъ кажется?... Смотри, панъ Гриторій, не лжешь ли ты?..

— Конечно лгу, отвѣчалъ онъ насмѣшливо.—Развѣ я говорилъ когда-нибудь правду? Развѣ есть въ мѣрѣ женщина, которая можетъ мнѣ не понравиться? Вѣдь ты сама говоришь, что у меня нѣтъ вкуса, что мнѣ все равно лишь бы юпка была, а тамъ одѣнь хоть козу въ юпку.

— Чтò жъ? это не такъ далеко отъ истины.

— Послушай, Софья, я спорить съ тобою не буду, но я тебѣ только одно скажу: еслибъ я имѣлъ на твой счетъ хоть десятую долю тѣхъ подозрѣній, какими ты мучишь меня каждый день, я бы давно тебя бросилъ.

— О, еслибъ я имѣла только одни подозрѣнія на твой счетъ, я бы считала себя счастливою... А сколько разъ мнѣ удавалось тебя уличить?.. Забылъ?

— Уличить въ чемъ? Въ какихъ-нибудь пустякахъ, надъ которыми ты сама же потомъ смѣялась.

Софья посмотрѣла серьезно ему въ глаза.

— Слушай, сказала она:— смѣяться я рада, до тѣхъ поръ покуда могу смѣяться. Я рада тебѣ доказать, что я не вакханка, что привязанность сердца въ моихъ глазахъ дороже всего остальнаго... Но если ты сердце мое обманешь, тогда берегись! Тогда все припомнится! Все, что я вытерпѣла въ шесть лѣтъ... Берегись! Не разчитывай слишкомъ на мою доброту! Не думай, что если я тебѣ все простила, такъ потому все прощу...

И при этихъ словахъ она погрозила ему хлыстомъ.

Лукинъ вѣхалъ молча, опутивъ глаза въ землю. Лицо его было мрачно. Никогда еще ему не случилось играть въ такую рискованную игру; онъ это чувствовалъ инстинктивно. Особенныхъ, близкихъ причинъ опасаться, казалось, не было; а между тѣмъ что-то грозящее налетало порою какъ тѣнь, Богъ знаетъ откуда. Предмета, который бросалъ эту тѣнь, съ его точки зрѣнія, не было видно; а между тѣмъ онъ предугадывалъ близость его какимъ-то чутьемъ, и чувствовалъ въ собственномъ сердцѣ что-то роковымъ образомъ, неотразимо влекущее его прямо навстрѣчу опасности. И это что-то, живущее въ немъ самомъ, можетъ-быть было еще опаснѣе того другаго, что приближалось извнѣ, потому что къ борьбѣ съ врагомъ внѣшнимъ, каковъ бы онъ ни былъ, онъ былъ готовъ,—но противъ себя самого откуда взять силу?.. Сердце его не знало узды, и въ этомъ сердцѣ кипѣло теперь кое-что, съ чѣмъ онъ не могъ совладать, что было сильнѣе страха, дороже счастья, что говорило громче разсудка и влекло его безъ оглядки, безъ жалости, безъ возврата, куда-то... куда?—онъ и самъ не зналъ, но съ этимъ влеченіемъ онъ не могъ бороться; онъ это испыталъ... Нѣсколько дней назадъ, онъ твердо намѣренъ былъ выѣхать изъ Сорокина и остаться жить въ городѣ; но этого онъ не сдѣлалъ. Что удержало его?.. Пустяки!.. Софья просила, Левель просилъ; онъ только покачивалъ головой усмѣхался; но Марья Васильевна сказала два слова, и онъ воротился изъ города въ тотъ же день... Какія были эти два слова? никто не слыхалъ; но ужъ вѣрно они имѣли надъ нимъ не малую власть, потому что Лукинъ, осторожный и хитрый Лукинъ, вернулся. А впрочемъ кто его знаетъ такъ близко, какъ мы имѣли случай узнать, тотъ не удивится; потому что тотъ видѣлъ уже не разъ, гдѣ начиналась у Лукина осторожность и гдѣ оканчивалась. Она являлась всегда простымъ исполнителемъ, пионеромъ, который стлалъ мостъ и гладилъ дорогу къ той цѣли, куда увлекали его отвага и отрасть...

— Готовъ ли обѣдъ? спросилъ Левель, входя къ женѣ. Онъ засталъ ее въ спальнѣ Софьи, у окошка, съ какою-то работой въ рукахъ.

— Готовъ, отвѣчала она, выглядывая въ окно. — Да вотъ что-то наши наѣзники не ѣдутъ.

Онъ усмѣхнулся едва примѣтно.

— Чего ты смѣешься? спросила она простодушно.

Левель въ отвѣтъ указалъ на часы.

— Четыре?.. такъ что жь? спросила она, въ недоумѣніи по-сматривая на мужа.

— А уѣхали въ половинѣ втораго.

— Ну такъ что жь? повторила она.

— Ничего; я только боюсь, чтобъ они не сбились съ дороги и не заѣхали куда-нибудь слишкомъ далеко; потому что трехчасовая прогулка верхомъ, безъ особенной надобности, для человѣка, который къ ѣздѣ не привыкъ, или ѣздить не каждый день,—этого много. Самую обыкновенную, легкую рысцою они должны были сѣлать теперь по меньшей мѣрѣ верстѣ двадцать пять; а что кузина скакала на первыхъ порахъ, я головой поручусь... Я не могу себѣ даже представить, куда они ѣздили такъ далеко... Алексѣевъ не знаетъ дороги.

Маша встревожилась при мысли, что они могли заблудиться. Съ этимъ словомъ у ней въ головѣ вязались страшныя представления: глухіе лѣса, болота, звѣри!.. Она сообщила мужу свои опасенія, тотъ усмѣхнулся, ни слова не говоря.

— Но можетъ-быть они отдыхали гдѣ-нибудь?.. Въ Ежевѣ, или въ Прилуцкомъ?

— Или просто въ лѣсу, на травкѣ, прибавилъ мужъ.—Постой, я ихъ подразню, когда прѣдутъ назадъ.

Маша не отвѣчала. Высунувъ голову изъ окна, она пристально вглядывалась въ ту сторону, съ которой должны были возвратиться ея друзья. Мужъ не замѣтилъ какимъ огнемъ лицо ея вспыхнуло и какъ оно поблѣднѣло потомъ... Онъ тоже смотрѣлъ изъ окна, но въ другую сторону.

Четверть часа спустя, наѣзники воротились: лошади въ мыль; дубовая вѣтка видна была издали на шляпѣ Софьи, на груди букетъ ландышей. Она вѣжала по лѣстницѣ съ шлейфомъ, приколотымъ къ поясу, напѣвая какой-то мотивъ изъ *Донъ-Жуана*. Щеки горѣли отъ скорой ѣзды; въ прищуренныхъ глазкахъ замѣтна была усталость.

— Уфъ! Je suis tout-en-nage! сказала она, опрокинувшись

на софѣ въ своей комнатѣ...—Паша! скорѣй, раздѣвайте меня.

Вечеромъ, въ сумерки, послѣ чая, Лукинъ и Софья съ Марьей Васильевной сидѣли въ саду, въ бесѣдкѣ. Маша весь день была какъ-то задумчива и разсѣянна. Она сидѣла въ углу на софѣ; а возлѣ нея, поджавъ ноги и прислоняясь къ ея плечу и держа ея руку въ своихъ рукахъ, лежала Софья Осиповна.

— Marie не въ духѣ сегодня, говорила она.—У ней есть что-то на сердцѣ. N'est ce pas, Marie, vous avez quelque chose?

Марья Васильевна усмѣхнулась, покачавъ головой.

— Я никогда еще не видала ее такою, продолжала Софья.— Но къ ней это очень идетъ, и когда она конфузится—тоже... Когда Marie дуется или конфузится, ее такъ и хочется поцѣловать!.. N'est ce pas, monsieur?

Лукинъ засмѣялся. Марья Васильевна сконфузилась. Софья повернула голову и, поднявъ на нее глаза, улыбнулась лукаво.

— Я такъ люблю конфузить ее!.. Вы не сердитесь на меня, Marie?

— Немножко.

— Ну, *немножко*, это еще не большая бѣда, *passer pour немножко*... Мой ангелъ, мнѣ ужасъ какъ хочется васъ подразнить!.. Я очень люблю дразнить!.. Это дурно, конечно; отъ этого слѣдуетъ удерживаться, но я не могу удерживаться, когда я безъ корсета...

— Sophie! Маша толкнула ее потихоньку локтемъ. Ей становилось неловко, она начинала вертѣться, поглядывая тревожно на гостью, а та хохотала.

— *Cousine trouve, que je suis sans façon*... но что за бѣда? Вѣдь онъ ужъ давно замѣтилъ, что я безъ корсета... О! онъ не станетъ скандализироваться изъ-за такихъ пустяковъ! *Allons donc, Marie, mon enfant, pas tant de ceremonies avec ce monsieur!* Онъ не любитъ, когда съ нимъ церемонятся... Да и какія тамъ церемоніи лѣтомъ, въ деревнѣ, когда такъ жарко!.. Уфъ! сегодня такъ жарко, такъ жарко, что я право сняла бы все.

— Sophie! что вы?..—Маша вскочила съ пылающими щеками, перекофуженная до-нельзя... Лукинъ смѣялся; Маевская хохотала.

— *Mais pas devant ce monsieur, certainement!*.. Ха! ха! ха! *Soyez donc tranquille!* шептала она, догоняя свою кухню въ дверяхъ, и осыпая ее поцѣлуями.—*N'avez pas peur!* Ха! ха! ха!

Останьтесь съ нами... Клянусь вамъ, я не сниму ничего... и не скажу ему что такое вы сняли сегодня...

— Ахъ нѣтъ!.. пустите; я не могу!.. Пустите, Sophie, мнѣ нужно къ дѣтямъ идти; они тамъ ложатся спать...—Марья Васильевна вырвалась и исчезла.

— Совершенный ребенокъ! сказала Маевская, возвращаясь въ бесѣдку.—Трудно повѣрить, чтобъ у нея было двое дѣтей.

— Къ чему ты дразнишь ее? спросилъ Лукинъ.

— Э! что за бѣда?.. Ты думаешь, она очень сердится?.. Elle est sans saçons aujourd'hui, и боится, чтобъ я не сказала при ней; вотъ и все... Ничего... пусть уйдетъ на минуточку; не цѣлый же день быть вмѣстѣ...

Марья Васильевна убѣждала отъ нихъ дѣйствительно съ намѣреніемъ идти въ комнаты; но она была слишкомъ взволнована, чтобы показаться кому-нибудь на глаза. Свернувъ съ большой аллеи въ сторону, она шла лабиринтомъ глухихъ дорожекъ въ другой конецъ сада. Съ ней дѣлалось что-то, чего она не могла понять... Досада и стыдъ и смутныя подозрѣнія бродили у ней въ душѣ. Обстоятельства верховой прогулки и разныя мелочи, подмѣченныя въ теченіи нѣсколькихъ дней, и эта смѣлость, этотъ непостижимый sans gêne кузины въ присутствіи Лукина, все это, встрѣчаясь въ ея головѣ съ тѣмъ, что прежде она слыхала отъ мужа, возвращало ее съ новою силой къ старымъ догадкамъ. Ревность опять начинала нашептывать страннаго рода вопросы. За чѣмъ онъ ее увѣрялъ, что онъ любитъ ее одну, если онъ любить Маевскую?.. Къ чему такъ обманывать?.. Она шла далеко отъ бесѣдки; но мысли ея были тамъ и невольно тянули ее въ ту сторону. Дойдя до другаго угла, она долго стояла въ раздумьи; потомъ повернулась, и тихо пошла назадъ.

Душистая, теплая ночь ложилась вокругъ. Въ кустахъ, подъ навѣсомъ старинныхъ липъ, становилось темно какъ въ лѣсу. Порой огоньки мелькали изъ дома въ просвѣтѣ вѣтвей да свѣтлякъ зажигалъ свой зеленый фонарикъ въ травѣ. Въ пяти шагахъ, глазъ съ трудомъ различалъ контуры предметовъ. Маша шла очень тихо, изрѣдка останавливаясь и прислушиваясь. Нѣсколько разъ ей казалось, какъ будто она слышитъ шаги въ сосѣдней аллеѣ... Идутъ!.. нѣтъ, нейдутъ.. Она стала на перекресткѣ, наклонивъ голову въ ту сторону, откуда ей чудился шумъ... Что-то скрипнуло очень близко... шелестъ женскаго платья и шепотъ... потомъ какой-то неясный звукъ,

похожій на поцѣлуй, и снова все стихло... Сердце у Маши замерло. Вглядываясь внимательно по направленію слышанныхъ звуковъ, она замѣтила что-то бѣлое шагахъ въ десять отъ себя... Тутъ должна быть скамейка... тсс!.. на скамейкѣ сидятъ они!..

Удерживая дыханіе, она обошла на цыпочкахъ группу кустовъ и подкралась къ нимъ сзади близко, такъ близко, что еще шага два или три, и малѣйшее слово, сказанное въ подголоса могло бы быть слышно; но она не рѣшается идти далѣе... Кольна у ней дрожать... Она ихъ видитъ сквозь вѣтви: вотъ Софья Осиповна, а вотъ и онъ!.. Софья наклонилась къ его плечу и шепчетъ что-то... Онъ повернулся; его не видно болѣе; но она слышитъ опять тотъ же звукъ, звукъ поцѣлуя, и на этотъ разъ такъ убійственно внятно! такъ явственно!.. О! это было поцѣлуй! Такого она еще не слыхала!.. У Маши въ глазахъ помутилось... Ей душно... ей тошно... она рада бѣжать и не можетъ двинуться. Досада и горе и страхъ быть замѣченною и что-то томительно жгучее на сердцѣ подкашиваютъ ей ноги...

Какъ она выбралась на дорожку и какъ убѣжала, она и сама потомъ не помнила; помнила только, что она прибѣжала въ бесѣдку и, упавъ на софу, заплакала какъ ребенокъ... О чемъ? Она не думала у себя спросить. Ей было не до вопросовъ. Ей было такъ больно, такъ горько!.. Точно какъ будто все счастье, вся радость, которыя она когда-нибудь испытала, были не болѣе какъ сонъ, пустая греза, послѣ которой проснувшись, она увидѣла себя совершенно покинутою, заброшенною и забытою...

— Чтѣ съ тобой, Маша? спросилъ ее мужъ за ужиномъ, замѣтивъ, что она въ этотъ день какъ-то особенно невесела и блѣдна.

— Ничего; у меня голова болитъ, отвѣчала она.

Послѣ ужина, она сидѣла у себя въ спальнѣ, уже раздѣтая, когда вошла Софья Осиповна. Маша вздрогнула... Въ одинъ день, всѣ чувства ея къ кузинѣ перемѣнились до такой степени, что она почти ненавидѣла ее въ эту минуту; но въ ту же минуту, и съ истинно-женскою гибкостью, она успѣла овладѣть собою на столько, чтобы скрыть настоящій характеръ того, чтѣ ее возмущало. Болѣе этого скрыть она не могла, да и поздно было; потому что Маевская, еще за ужиномъ, замѣтила въ ней перемѣну.

— *Chère amie*, чтѣ съ вами? говорила Софья, ласкаясь.

— Не знаю... такъ что-то... нервы должно-быть... Со мной это часто бываетъ, отвѣчала она, потупивъ глаза.

— Oh! rien que cela?.. А я думала, что вы сердитесь на меня.

— Я не сержусь.

— Но вы посердились немножко, а?.. Не говорите; я это видѣла... и я понимаю, что съ моей стороны очень дурно надѣвать вамъ моиѣ враньемъ, когда вы не въ духъ... Но что дѣлать?.. У меня такой глупый характеръ!...J'ai bien des défauts, j'e le sais... Кто хочетъ любить меня, тотъ долженъ мнѣ много простить... Voyons; embrassez moi vite, pour que je voie, qu'il n'en reste plus rien...

Кузины поцѣловались.

— Послушайте, продолжала Софья, обнявъ ее какъ ребенка и держа ея руки въ своихъ рукахъ:—не надо быть слишкомъ строгою... Право, это не хорошо. Если мы станемъ себя принуждать на каждомъ шагу, намъ будетъ очень скучно на свѣтъ жить!.. Чтò за бѣда, если случится соврать иногда, при человѣкѣ, который знаетъ насъ хорошо и который слишкомъ уметь pour crier au scandale изъ-за какого-нибудь лишняго слова?.. А? какъ вы объ этомъ думаете?

Марья Васильевна усмѣхнулась, но какъ-то не весело.

— Бѣда не большая, конечно, отвѣчала она въ полголоса,— но надо чтобы мѣра какая-нибудь была; а то вѣдь этакъ, пожалуй, Богъ знаетъ до чего договориться!..

— Да до чего жь?.. Ну еслибъ я и сказала, что вы sans caleçons? Экое несчастіе!..

— Mon Dieu, Sophie!..—Марья Васильевна встрепенулась какъ перепуганная канарейка.

— И, полно, Marie, mon enfant! Ну что жь, если оно и выходитъ немножко изъ мѣры?... Чтò за бѣда?... Чтò ужь намъ такъ о мѣрѣ заботиться?.. Никогда не скажи и не сдѣлай чего-нибудь лишняго; развѣ такъ можно жить? Развѣ вамъ никогда не жали всѣ эти мѣрки, по которымъ жизнь красна?.. Развѣ вамъ никогда не приходило на умъ, что мы, несчастныя женщины, обмѣрены и обечитаны ими со всѣхъ сторонъ?.. Съ тѣхъ поръ какъ мы въ состояніи понимать, мы только и слышимъ, что запрещеніе! Отъ всего мы должны отказываться... на каждомъ шагу должны лгать!..

— Какъ лгать?

— Да такъ, очень просто. Дѣлать не то, чтò намъ хочется дѣлать, говорить не то, чтò мы думаемъ... все это развѣ не

ложь?.. Мелочность, трусость и лицемеріе пишутъ вамъ кодексъ китайскихъ приличій. Попробуйте отступить отъ него хоть на шагъ, вамъ тотчасъ скажутъ, что это изъ мѣры вонъ... Ну да, вонъ! ну такъ что жь?.. Всякому хочется вонъ, да не всякій смѣетъ. А между тѣмъ, какъ весело смѣть! Какъ весело жить на свободѣ и видѣть какъ это пугаетъ другихъ, и знать, что вы не боитесь того, чего они такъ боятся, что вы сильнѣе, смѣлѣе, умнѣе ихъ!..

Марья Васильевна слушала долго, ни слова не говоря.

— Страшно, Sophie, прошептала она наконецъ,—страшно идти одной противъ всѣхъ, въ той увѣренности, что мы умнѣе всѣхъ... Я не считаю себя умнѣе или сильнѣе другихъ, Sophie!.. Я очень слаба!.. Что жь дѣлать тому, кто слабъ, и кто нуждается въ сильной опорѣ?.. А сколько такихъ людей, и особенно, сколько женщинъ! Я не спору, очень пріятно быть увѣренною въ себя, такъ какъ вы, но что, если съ этою увѣренностію, отдѣлившись отъ всѣхъ, мы ошибемся, заблудимся и упадемъ?.. На кого опереться тогда? Кто насъ поддержать? Кто намъ поможетъ встать?.. Никто!.. Всѣ отвернутся съ презрѣніемъ и пройдутъ мимо... О! страшно, Sophie, страшно даже подумать объ этомъ!..

— Ребенокъ! отвѣчала Маевская, гордо пожавъ плечами:— откуда вы взяли все это? Васъ напугала какая-нибудь глупая нянька или кормилица... Вы боитесь ходить на своихъ ногахъ и думать своимъ умомъ, потому что вы не жили еще. Вотъ поживете, тогда узнаете цѣну всѣхъ этихъ фразъ, которыя вы теперь произносите съ такимъ набожнымъ трепетомъ... Все это вздоръ, вѣрьте мнѣ. Можно упасть конечно, mais qu'est ce que cela veut dire: *упасть*?.. *Sottises que tout cela!*.. Кто не падалъ? Тѣ только развѣ, кому не случалось? Тѣ и твердятъ то, что онѣ отъ другихъ слышали, сами не понимая ни слова. Да твердятъ еще фарисеи, тѣ, которые сами не исполняютъ того, чего требуютъ отъ другихъ... *Презрѣніе!*.. *Mais c'est affreux, c'est féroce ce mot là!* Презрѣніе къ падшей женщинѣ?.. Да гдѣ же тѣ чистыя-то, которыя довольно чисты, чтобъ ее презирать?.. Все это вздоръ! ханжество!.. *Croyez moi, mon enfant; je le sais mieux que vous...* Скажите, Marie, еслибъ я была въ вашихъ глазахъ то, что вы называете: *падшая*, неужели вы меня оттолкнули бы отъ себя съ презрѣніемъ, вы, которая тоже не можете поручиться, что

завтра не упадете?.. Или, можетъ-быть, вы отвѣчаете за себя во всякомъ случаѣ? *Voyons, mon enfant, dites moi la vérité.*

Марья Васильевна отвернула лицо.—Я не могу отвѣчать за себя, прошептала она вздохнувъ;—но я молю Бога, чтобъ онъ не вводилъ меня въ искушеніе!

— Аминь! отвѣчала Софья.

Искренна ли молитва Марьи Васильевны, мы не знаемъ; но она не была услышана... Цѣлую ночь напролетъ, въ ухахъ ея повторялся звукъ поцѣлуя... На другой день, поутру, она встала блѣдная, съ сильною головною болью. Мужъ былъ встревоженъ немножко, расспрашивалъ, щупалъ пульсъ; заставилъ ее принять 20 капель лавро-вишневой воды; но въ первомъ часу, послѣ завтрака, онъ уѣхалъ верхомъ съ Маевской, а Маша осталась одна, глазъ-на-глазъ съ своимъ искушеніемъ. Оно было сильно. Никогда еще милый не казался такъ милъ, какъ теперь, когда послѣдняя связь, соединявшая ихъ, послѣднее право считать своимъ то, что такъ долго она считала своимъ, ускользали изъ рукъ навсегда, и ни малѣйшей возможно-эти сохранить это право, никакого предлога жаловаться на свою потерю... потому что она—чужая жена для него; у ней есть семейство, дѣти, она сама объ этомъ напоминала... Какое же дѣло ей до того, что онъ въ связи съ другою женщиной? Въ чемъ она можетъ его упрекнуть?.. Можетъ въ одномъ. Онъ ее обманулъ, увѣряя, что еще любить ее, что никогда не любилъ другой... О! это жестоко, безсовѣстно, это безбожно такъ лгать!

Съ четверть часа ужъ прошло, какъ топотъ кавалькады затихъ, а они еще не сказали ни слова другъ другу. Они сидѣли въ гостиной, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, недѣль шесть тому назадъ, произошла ихъ первая встрѣча. Оба имѣли много чего сказать, и оба жалѣли о каждой минутѣ, потерянной даромъ, но оба были глубоко взволнованы и молчали.

Она вертѣла платокъ въ рукахъ, онъ дѣлалъ видъ, что смотритъ въ окно.

— Вы не здоровы? спросилъ наконецъ Лукинъ.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала она мигая. Крупныя слезы сверкнули и покатались у ней по щекамъ.

— Какъ ничего?.. Вы плачете?..

Маша не отвѣчала; но плечи ея начали судорожно подергиваться и дыханіе стало чаще, порывистѣе.

— Что это значить? продолжалъ онъ.—Отчего вы не хотите

сказать что съ вами?.. Марья Васильевна...—Онъ взялъ ее за руку.

Сначала она какъ будто не обратила вниманія на этотъ жестъ, но медленно обернувъ къ нему лицо, смотрѣла ему въ глаза съ минутой, и вдругъ точно какъ будто очнулась послѣ какого-то забытья... Выраженіе взора ея измѣнилось; она вырвала свою руку изъ его рукъ и вскочила. Багровая краска гнѣва темными пятнами выступила у ней на щекахъ.

— Прочь!.. Обманщикъ! произнесла она задыхаясь.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она перебила.

— Молчите. Я знаю все... Я васъ видѣла вчера вечеромъ, съ вашею любовницей... Вы были вдвоемъ, въ саду, ночью... вы цѣловали ее!.. О! теперь вы ужъ не станете больше клясться, что вы никого не любили кромѣ меня, потому что теперь все, все открыто!

Лукинъ покраснѣлъ отъ неожиданности. То, что онъ пряталъ отъ Марьи Васильевны такъ старательно, тайна его отношеній къ Маевской, вышла таки наружу! И онъ не могъ себя оправдать случайностію, потому что онъ могъ предвидѣть случай; онъ зналъ то, что для Софьи было закрыто... Его долгъ къ этой женщинѣ, долгъ честнаго человѣка, не былъ исполненъ... Зачѣмъ не уѣхалъ онъ въ городъ, какъ онъ былъ намѣренъ сначала?.. Онъ могъ бы спасти ея тайну. Все это разомъ мелькнуло въ его головѣ... Что теперь дѣлать?.. Что ему отвѣчать на упрекъ?.. Есть ли еще возможность разувѣрить Машу?.. Или ему не осталось ужъ болѣе ничего, какъ покаяться, разказавъ все какъ было, сначала и до конца?.. Съ одной стороны тутъ и думать не о чемъ, потому что ее, разувѣрится, не увѣришь... Но какъ выдать Софью? Послѣ всего, что она сдѣлала для него, въ награду за ея безграничную преданность, разказать другой женщинѣ все?.. Жестоко! А между тѣмъ болѣе нечего дѣлать; выбора нѣтъ; онъ вынужденъ.

— Вы обвиняете меня напрасно, Марья Васильевна, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, не напрасно!.. О, не думайте, чтобы вамъ удалось обмануть меня еще разъ, потому что...—Она наклонилась къ уху его и шепнула:—вѣдь я сама видѣла, сама слышала.

— То, что вы знаете, продолжалъ онъ,—я не могу отрицать; но... я не имѣлъ никакого права открывать вамъ чужую тайну

до тѣхъ поръ, покуда она оставалась тайною для васъ... это было бы низко.

— А развѣ не низко было меня обманывать?.. Клясться, что вы меня любите до сихъ поръ, и что кромѣ меня никого не любили, тогда какъ я вижу теперь очень ясно... Я была совершенно забыта тотчасъ, какъ только мы съ вами разошлись, какъ только вы встрѣтили эту женщину!

— Если вы мнѣ не вѣрите, Марья Васильевна, отвѣчалъ онъ, — то мнѣ, разумѣется, нечего дѣлать; но я вамъ не лгалъ. Я не люблю вашей кузины и никогда ея не любилъ. Наша связь была дѣломъ минутнаго увлеченія съ моей стороны, послѣ чего благодарность и дружба и полное равнодушіе къ другимъ женщинамъ поддерживали ее шесть лѣтъ.

Она пристально посмотрѣла ему въ глаза.

— Я вамъ не вѣрю, сказала она, покачавъ головой. — Вы клевете на себя... Я никогда не считала и теперь не считаю васъ человѣкомъ, способнымъ... на подобнаго рода обманъ... Это было бы слишкомъ безсовѣстно... слишкомъ безчестно, еслибъ это было правда.

Лукинъ вздрогнулъ, услышавъ такой приговоръ. Съ минуту, онъ не могъ слова выговорить. Онъ покраснѣлъ до ушей, потомъ поблѣднѣлъ. Руки у него опустились... «Вотъ какъ она строго судить!» подумалъ онъ. «А она еще знаетъ не все, потому что я ей не сказалъ самаго гадкаго. Я не сказалъ, сколько холоднаго, эгоистическаго разчета примѣшано было къ небольшой доль сердечнаго увлеченія!..»

Подумавъ съ минуту и скрѣпивъ сердце, онъ разказалъ ей все. Онъ боялся, что сна отъ него отвернется съ презрѣніемъ послѣ этой послѣдней исповѣди; но онъ худо зналъ женское сердце. Увидѣвъ жестокое дѣйствіе своихъ словъ, Марья Васильевна испугалась немножко, но больше обрадовалась. Она не могла сомнѣваться долѣе въ его искренности... Но не успѣла она повѣрить ему вполне, какъ ей стало жаль его, и она уже каялась въ своемъ приговорѣ, уже искала предлога, чтобъ оправдать его. Она не долго искала. Разказы мужа пришли ей на память и дополнили то, чего онъ ей не могъ сообщить... «Ясно, думала Марья Васильевна, ясно, что женщина, которая съ первой встрѣчи дѣлаетъ все чтобы привлечь къ себѣ человѣка, и потомъ сама ищетъ его, сама добивается отъ него любви, должна быть большая кокетка. Она завлекла его, это само собою разумѣется, а онъ былъ слишкомъ совѣстливъ, слишкомъ

прямы, чтобы замѣтить это сначала; но въ послѣдствіи онъ не могъ не понять какимъ образомъ все это сдѣлалось, и это его протрезвило, и онъ, разумѣется, бросилъ бы все, еслибы благодарность его не удерживала... Но онъ слишкомъ совѣстливъ; онъ обвиняетъ во всемъ себя одного, между тѣмъ какъ не онъ, а она виновата... по крайней мѣрѣ она виновата гораздо болѣе...» Все это шло очень быстро въ ея головѣ, гораздо быстрее чѣмъ можно выговорить. Не успѣлъ еще онъ окончить свое покаяніе, какъ она уже оправдала его почти во всемъ, а остальное великодушно простила.

— Не судите меня слишкомъ строго, прибавилъ онъ, кончивъ разказъ:—обманъ мой не былъ умышленный. Въ моемъ положеніи, ни малѣйшей надежды не оставалось увидѣть вась; потому что я не рѣшился бы никогда связать вашу участь съ моею. Женитьба, семейство, все это было и до сихъ поръ остается заперто для меня. Въ такомъ положеніи могъ ли я оттолкнуть отъ себя привязанность, которую случай послалъ мнѣ такъ неожиданно?.. И я не намѣренъ былъ заплатить за нее обманомъ. Я думалъ, что я успѣю забыть прошедшее, и что тогда буду въ силахъ ее полюбить, такъ, какъ она заслуживаетъ...

— А вы находите, что она заслуживаетъ? спросила вдругъ Маша.

Лукинъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ понять не могъ какимъ образомъ она къ этому пришла. Но онъ понялъ, что страхъ его былъ напрасенъ. Взглядъ ея не отталкиваетъ, не отворачивается... напротивъ, она теперь смотритъ какъ-то иначе... гораздо добрѣе и ласковѣе чѣмъ прежде.

— Да, отвѣчалъ онъ,—заслуживаетъ, потому что она умѣетъ любить.

Маша вспомнила поцѣлуй и вчерашній свой разговоръ съ кузиной. Ее бросило въ жаръ отъ досады и зависти.

— Въ чемъ же, по вашему, это умѣнье?

— Въ томъ, что любовь для ней высшій законъ. Она отдается ей вся, безъ раздѣла. У ней нѣтъ границы, поставленной долгомъ, приличіемъ или расчетомъ.

— Но это дурно.

— Да, безъ сомнѣнія; но какъ не сказать, что она умѣетъ любить?

Марья Васильевна закусила губы. Ревность сводила ее съ ума, и подъ жгучимъ дыханіемъ этой страсти, разные

странныя сочетанія мыслей рождались у ней въ головѣ. Страхъ потерять свою прежнюю цѣну въ его глазахъ, при сравненіи съ женщиной, которая лучше умѣетъ любить, и послѣдствія этой потери, и шаткость правъ ея какъ владѣтельница, напрасно удерживающей въ рукахъ то, чѣмъ она не смѣетъ воспользоваться, все это вмѣстѣ мучило несчастную женщину... Она молчала, потупивъ глаза.

— Теперь вы знаете все, продолжалъ онъ,— и понимаете лучше меня, потому что вы можете разсуждать спокойно, а я не могу. Я запутался по уши и теряюсь, когда начинаю обдумывать свое положеніе... Скажите, дайте мнѣ добрый совѣтъ, какъ другу, что дѣлать, Марья Васильевна. Что дѣлать теперь?.. Долгъ благодарности къ этой женщинѣ требуетъ жертвы. Она сдѣлала для меня много... она спасала меня не разъ отъ бѣды и вывела въ люди, и берегла, и любила, какъ только женщина можетъ любить!.. Долженъ ли я заплатить ей за все это чѣмъ-нибудь?.. Быть ей вѣрнымъ, стараться забыть то, что до сихъ поръ я былъ не въ силахъ забыть, и стараться ее полюбить такъ, какъ она меня любитъ?

Маша крутила платокъ.

— Вы знаете такъ хорошо вашъ долгъ, отвѣчала она,— что я право понять не могу, о чемъ же еще вы спрашиваете?.. Исполняйте его... забудьте... все остальное...

— Мой другъ! Еслибъ я въ состояніи былъ забыть, я бы не спрашивалъ. Стать подлецомъ въ своихъ собственныхъ глазахъ никому не любо!.. Но откуда взять силу... скажите? Что дѣлать, чтобы вырвать изъ сердца родину, молодость и былую любовь со всѣми ихъ дорогими воспоминаніями? Все это связано вмѣстѣ, и держится рука за руку и удерживаетъ меня съ neodолимымъ могуществомъ въ своемъ волшебномъ кругу... Вашъ маленькій садикъ въ Ручьяхъ, и липовая аллея въ саду, и тесовый балконъ съ его шаткими ступенями, и вашъ милый образъ, вашъ взоръ, ваша усмѣшка въ ту пору какъ вы любили меня, вся ваша обстановка, все, даже тѣ платья, которыя вы носили... Ахъ, Марья Васильевна, еслибы вы знали, какъ цѣло все это въ моей памяти и какъ мило, невыразимо мило и дорого все это для меня, вы бы не рѣшились сказать такъ сухо: *исполняйте вашъ долгъ... забудьте..* Вамъ стало бы жаль прошедшаго.

— О, Боже мой! И вы можете думать, что мнѣ не жаль?

— Можетъ-статься и жаль немножко, но вы не живете

въ прошедшемъ, какъ я. Оно для васъ мертво, живая связь порвана, потому что вы больше не любите меня... вы сами мнѣ это сказали, мой другъ... вы любите тѣнь, то, чего нѣтъ теперь... Лукина чистаго, не разбитаго... а того человека, который измѣять въ неровной борьбѣ съ людьми и стоять теперь передъ вами запятанный,—несчастливаго, который вынужденъ лгать всѣмъ и каждому, лгать каждый часъ, на каждомъ шагу... самозванца и вора вы больше не можете любить!..

— А она можетъ?.. Она знаетъ все?

— Она ничего не знаетъ.

Маша вскочила. Улыбка дякаго торжества свернула у ней на лицѣ.

— Ну такъ я же умѣю любить получше ея!.. потому что она любить, сама не зная кого, а я знаю, и зная люблю!.. Ахъ, Гриша! Милый!.. Гриша! Боже мой! Чтò вы дѣлаете!..

Еще разъ она вырвалась у него изъ рукъ съ невнятною мольбой о пощаду и убѣжала въ дѣтскую. Это было послѣднее ея убѣжище, но и оно не могло уже долго ее спасать. Зараза томительной страсти коснулась до ея незапятнанной, чистой природы, и бродила въ крови, съ каждымъ днемъ проникая все глубже и глубже. Сначала она боролась еще съ собой, стараясь не думать о томъ, чтò лежало на сердцѣ, и все-таки думая; потомъ ужъ и думать о чемъ-нибудь постороннемъ ей стало тошно. Мало-по-малу, мужъ, дѣти, хозяйство, все, чѣмъ до сихъ поръ полна была жизнь, теряло для ней свой явственный смыслъ и свой очеркъ въ чаду опьяняющей, наркотически-ароматной отравы...

Н. Ахшарумовъ.

(Окончаніе до слѣд №2)

КОНСТИТУЦІЯ ИТАЛЬЯНСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

I.

Извѣстно, что Итальянское королевство составилось изъ постепенныхъ присоединеній Ломбардіи, Пармы, Модены, Тосканы, Сициліи и Неаполитанскаго королевства, Романьи, Умбріи и Мархій къ королевству Сардинскому. Вслѣдствіе такого хода образованія Итальянскаго королевства, въ немъ дѣйствуетъ, безъ всякихъ почти до сихъ поръ измѣненій, конституція сардинская (Statuto Sardo), дарованная покойнымъ королемъ Карломъ Альбертомъ 4-го марта, 1848 года.

Вотъ прокламація, которою сопровождалось объявленіе статута:

«Съ правдивостію короля и съ любовью отца, исполняемъ мы нынѣ обѣщаніе, возвѣщенное прокламаціей 8 минушаго февраля и тѣмъ хотимъ заявить, что посреди обстоятельствъ, окружавшихъ отечество, довѣріе наше къ нашимъ любезнымъ подданнымъ расло по мѣрѣ возраставшей тяжести этихъ обстоятельствъ, и что, слѣдуя внушенію нашего сердца, мы имѣемъ намѣреніе дать отечеству прочныя учрежденія, сообразно съ прогрессомъ времени, интересами нашихъ подданныхъ и честью націи.

«Взирая на широкія и твердыя основы, даруемыхъ представительныхъ учрежденій, какъ на вѣрнѣйшее средство закрѣпить еще болѣе узы любви, связующія нашу корону съ народомъ,

который далъ намъ такъ много несомнѣнныхъ доказательствъ преданности, покорности, любви, мы рѣшили даровать этотъ статутъ, уповая, что Всемогущій Богъ благословитъ наши чистыя намѣренія, и нація, счастливая, сильная и свободная, будетъ достойна своей древней славы и стяжаетъ новую въ будущемъ.»

Въ виду того, что совершается въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы, нельзя не замѣтить, что данное обѣщаніе рѣдко выполнялось съ такою безукоризненною добросовѣстностію, какъ эта прокламація, во главѣ которой стоитъ слово: правдивость. Слово это не было фразой. Самому Карлу Альберту, подписавшему статутъ и прокламацію, не пришлось вкусить плодовъ предпринятаго имъ великаго дѣла; ему не пришлось также показать своимъ подданнымъ на сколько слово его было дѣломъ, но наслѣдникъ его не даромъ пользуется по всей Италіи титуломъ *re galantissimo* (король честный человекъ). Поговорите съ любымъ Итальянцемъ, съ людьми всѣхъ сословій, за исключеніемъ конечно клерикаловъ, всѣ безгранично вѣрятъ слову Виктора-Эммануила. Итальянцы знаютъ, что имъ придется выдержать не одну борьбу,—пережить самыя бурныя, потрясающія эпохи, и они готовятся къ этому, не теряя времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ они глубоко убѣждены, что какъ бы тамъ ни было, что бы ни случилось, король будетъ всегда съ ними и за нихъ; онъ всегда будетъ первымъ на бреши. «Если намъ суждено погибнуть, если опять наступитъ ненавистное иго, онъ погибнетъ съ нами, говорятъ Итальянцы, разказывая съ восторгомъ о своемъ *re galantissimo*. Онъ не продастъ насъ, не купитъ жалкой пощады нашимъ счастьемъ, нашею независимостію. Ни разу не обманулъ онъ народа, ни разу!» И какую необоримую силу придаетъ Виктору-Эммануилу эта ничѣмъ непоколебимая вѣра въ благо народа! Трудно вообразить себѣ обстоятельства болѣе затруднительныя; онъ дѣйствуетъ вопреки понятіямъ, укорененнымъ въ нами, дерзко нарушаетъ трактаты, подъ которыми подписалась вся Европа; борется съ религиознымъ главою двухъ сѣтъмилліоновъ людей и грозитъ отнять у него его послѣднее убѣжище; онъ окруженъ врагами; другъ его—сомнителенъ и однако же все идетъ, какъ по маслу. Все одинаково споспѣшествуетъ ему—и усилія друзей, и грубыя ошибки враговъ, впавшихъ въ какое-то необъяснимое ослѣпленіе! Горизонтъ, еще недавно покрытый грозными тучами, сулившій громы и молніи, уже разчищается; уже виденъ берегъ,

близка обѣтованная земля. Чтѣ бы ни случилось, какъ бы ни была грозна и неминуча опасность, народъ станетъ, какъ одинъ человекъ, вокругъ трона *короля честнаго человека*.

Нельзя сказать, чтобъ итальянская конституція была образцовою. Она заключаетъ въ себѣ много такихъ мѣстъ, въ которыхъ не доберешься толку, въ которыхъ никакъ не разгадаешь мысли законодателя; она не рѣдко грѣшитъ противъ логики. Но когда цѣлый народъ одушевленъ одною мыслию, проникнуть однимъ чувствомъ; когда все восторженно работаютъ на пользу общаго дѣла; когда цѣлая нація въ двадцать миліоновъ душъ напишетъ на своемъ знамени одно слово, и когда слово это—*consacis, единеніе*, тогда самая нелогическая конституція дѣлается превосходною.

Однакожь, приступаю къ изложенію этой конституціи.

Весь актъ итальянской конституціи заключается въ 84 параграфахъ, изъ которыхъ самый длинный не заключаетъ въ себѣ и десяти строкъ. Подъ этимъ плодотворнымъ актомъ подписались король Карлъ-Альбертъ и министры Борелли, Аветъ, Ди-Ревель, Дезамбруа, Ди-Санъ-Марцано, Бралья и Альеиери. Почти все эти люди уже сошли съ политическаго поприща, въ короткій промежутокъ тринадцати лѣтъ; вихрь событій выбросилъ на сцену другія колоссальныя личности, но имена этихъ почтенныхъ людей, положившихъ первый камень великолѣпнаго, теперь завершающагося зданія, живы въ памяти народной.

Актъ конституціи дѣлится на 9 главъ и занимаетъ, вмѣстѣ съ прокламаціей и цѣлою страницей подписей, всего 19 страничекъ крупной печати. Книжка продается по 20 сантимовъ (5 копѣекъ) за экземпляръ.

Въ первой главѣ сказано, что римско-католическая религія признается единственною государственною религіей; однакожь другія вѣрованія терпимы.

Королевство управляется монархически-представительнымъ правительствомъ.

Законодательная власть принадлежитъ совокупно королю и обѣимъ камерамъ, то-есть сенату и палатѣ депутатовъ.

За тѣмъ слѣдуетъ изложеніе правъ короля.

Особа короля священна и неприкосновенна (*sacra ed inviolabile*). Одному королю принадлежитъ власть исполнительная. Ему принадлежитъ начальство надъ арміями и флотомъ. Онъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ. Онъ имѣетъ

право заключать союзы, коммерческіе и другіе трактаты, сообщая ихъ парламенту, когда время и обстоятельства дозволятъ сдѣлать это безъ ущерба государственному интересу. Однакожь, трактаты, влекушіе за собой измѣненіе въ территоріи, или могущіе увеличить налоги, получаютъ силу не прежде какъ по утвержденіи ихъ палатами.

Король назначаетъ и увольняетъ всѣхъ должностныхъ лицъ, издаетъ декреты и правила, необходимыя для исполненія законовъ, соблюдая однакоже эти послѣдніе во всей ихъ силѣ.

Король утверждаетъ вотированные парламентомъ законы и приводитъ ихъ въ исполненіе.

Король имѣетъ право смягчать наказанія и даже вовсе миловать преступниковъ.

Король ежегодно сзываетъ обѣ камеры, имѣетъ право отсрочить ихъ засѣданія и даже вовсе распустить палату депутатовъ; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ назначаетъ выборы и сзываетъ новую палату, взаимъъ распущенной, не долѣе какъ въ четырехмѣсячный срокъ.

Инициатива предложенія новыхъ законовъ принадлежитъ равно и королю, и каждой изъ двухъ камеръ; однакожь, всякій законъ о налогахъ и счетахъ по государственному бюджету представляются прежде въ палату депутатовъ.

Далѣе слѣдуютъ опредѣленія совершеннолѣтія короля (18 лѣтъ) и законы о регентствѣ, въ случаѣ его малолѣтства.

Потомъ, опредѣленіе правъ короля на дворцы, виллы, сады, и вообще всякія имущества, принадлежащія коронѣ.

Въ концѣ этой статьи сказано, что суммы на содержаніе короля опредѣляются разъ на все царствованіе первою собраншеюся, по восшествіи на престолъ, палатой.

По восшествіи на престолъ, король приноситъ, въ присутствіи обѣихъ камеръ, присягу правдиво соблюдать статутъ и законы королевства.

Чтобы дополнить главу о королѣ и сдѣлать ее болѣе ясною для читателя, я долженъ отступить отъ порядка изложенія статута и перейти прямо къ главамъ о министрахъ, а также сдѣлать извлеченіе изъ другихъ главъ.

Король назначаетъ и увольняетъ своихъ министровъ.

Законы и распоряженія правительства, не скрѣпленные министрами, не дѣйствительны.

Министры отвѣтственны.

Палата депутатов имѣетъ право требовать отъ министровъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ и предавать ихъ суду.

Сенатъ судить министровъ, преданныхъ суду по распоряженію палаты депутатовъ.

Всякій проектъ закона разсматривается сначала одною изъ двухъ камеръ, потомъ передается на разсмотрѣніе другой и, наконецъ, долженъ получить утвержденіе короля. Не прежде какъ пройди всѣ эти три степени, проектъ получаетъ силу закона.

Министры имѣютъ право голоса какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ депутатовъ въ такомъ только случаѣ, если они дѣйствительные члены этихъ камеръ. Но они всегда имѣютъ право присутствовать въ обѣихъ камерахъ, и должны быть выслушаны, когда того требуютъ.

Во второй главѣ статута изложены права и обязанности гражданъ, подданныхъ короля.

Всѣ туземцы (*regnicoli*), каковы бы ни были ихъ званіе, положеніе и титулы, равны передъ закономъ.

Изъ этого общаго правила сдѣлано однакоже исключеніе. Сенаторы и депутаты пользуются слѣдующими привилегіями:

Исключая случаи изобличенія на мѣстѣ преступленія (*flagrante delitto*), сенаторъ не можетъ быть арестованъ безъ разрѣшенія сената. Судъ надъ сенаторомъ производится только сенатомъ.

Никто изъ депутатовъ, во все продолженіе сессіи палаты, не можетъ быть арестованъ безъ согласія палаты депутатовъ, кромѣ случаевъ изобличенія на мѣстѣ преступленія (*flagrante delitto*).

Никто изъ депутатовъ не можетъ быть, во все продолженіе сессіи парламента, преданъ уголовному суду безъ разрѣшенія палаты депутатовъ.

Никто изъ депутатовъ не можетъ быть арестованъ за долги, во все продолженіе сессіи парламента, а также въ теченіи трехъ недѣль, предшествующихъ сессіи парламента, и трехъ недѣль, слѣдующихъ за нею.

Всѣ граждане, безъ различія сословій, пользуются политическими и гражданскими правами.

Всѣ граждане безъ различія могутъ занимать военныя и гражданскія должности, кромѣ случаевъ, закономъ определенныхъ. Законы эти относятся до всѣхъ подданныхъ безразлично.

Всѣ граждане безразлично обязаны платить налоги и нести прочія повинности.

Личная свобода каждого ограждена закономъ, по которому никто не можетъ быть арестованъ и преданъ суду иначе какъ только въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, и по видамъ, закономъ предписываемымъ.

Неприкосновенность жилища ограждена закономъ, по которому обыскъ можетъ быть произведенъ только въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, и по правиламъ, закономъ предписываемымъ.

Печать свободна, но законъ преслѣдуетъ ея злоупотребленіи.

Собственность, безъ всякаго исключенія, неприкосновенна. Однакожъ, если общественный интересъ того потребуетъ, всякій обязанъ уступить свою собственность государству, за вознагражденіе опредѣленное по закону.

Никакой налогъ не можетъ быть взимаемъ, если на то не воспослѣдовало согласія обѣихъ палатъ, утвержденного королемъ.

Публичный долгъ гарантированъ.

Всякое обязательство государства относительно своихъ кредиторовъ свято и ненарушимо.

Граждане имѣютъ право сходокъ, но безъ оружія и образуясь съ правилами, закономъ опредѣленными.

Здѣсь я долженъ опять отступить отъ порядка наложенія статута, чтобы, для большаго удобства читателя, собрать въ одно мѣсто всѣ статьи, относящіяся до правъ и обязанностей подданныхъ и разбросанныя по разнымъ главамъ.

Всѣ совершеннолѣтніе граждане имѣютъ право подавать прошенія въ парламентъ.

Никто не можетъ быть лишенъ своихъ обыкновенныхъ судей (*giudici naturali*), а потому не могутъ быть учреждаемы какіе-либо особые суды и чрезвычайныя комиссіи.

Засѣданія суда, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ равно и въ дѣлахъ уголовныхъ, публичны.

Толкованіе законовъ принадлежитъ исключительно власти законодательной.

Судъ производится во имя короля, чрезъ посредство судей, королемъ назначаемыхъ.

Здѣсь замѣчу, что въ присоединенныхъ провинціяхъ до сихъ поръ только по преступленіямъ законовъ о печати судъ производится присяжными.

Судьи, назначенные королемъ и прослужившіе три года въ этомъ званіи, не могутъ быть смѣняемы (*sono inamovibili*).

Общинныя и провинціалныя учрежденія опредѣляются закономъ.

Рекрутскій наборъ опредѣляется закономъ.

Учреждается общественная милиція, на основаніяхъ, опредѣленныхъ закономъ.

Дворянскіе титулы (*titoli di nobiltà*) оставляются за тѣми, кто имѣетъ на нихъ право. Король можетъ жаловать титулы.

Приступаю теперь къ изложенію правъ, обязанностей и состава парламента.

Парламентъ состоитъ изъ двухъ камеръ: изъ палаты депутатовъ и сената.

Вотъ законы, общіе для обѣихъ камеръ:

Сессіи сената и палаты депутатовъ начинаются и кончаются въ одно и то же время. Всякое собраніе одной камеры внѣ сессіи другой—незаконно, а потому всѣ изданные ею законы не дѣйствительны.

Какъ сенаторы, такъ и депутаты, прежде допущенія къ исправленію обязанностей своего званія, приносятъ присягу въ вѣрности королю и клянутся соблюдать справедливо статуты и законы государства.

Ни сенаторы, ни депутаты не получаютъ жалованья, или какого-либо другаго вознагражденія.

Мнѣнія и вопросы сенаторовъ и депутатовъ свободны, а потому они не могутъ быть подвергнуты за нихъ какой бы то ни было отвѣтственности.

Засѣданія обѣихъ камеръ публичны. Однакожъ, если десять членовъ подадутъ письменное о томъ прошеніе, то можетъ быть назначено секретное засѣданіе.

Засѣданія и пренія камеръ тогда только дѣйствительны и законны, когда присутствуетъ абсолютное большинство ихъ членовъ.

Если проектъ закона былъ отринутъ одною изъ трехъ законодательныхъ властей (то-есть или королемъ, или сенатомъ, или палатою депутатовъ), то предложеніе о немъ не можетъ быть возобновлено въ ту же сессію.

Никакая петиція не можетъ быть представляема въ парламентъ лично.

Камеры не могутъ принимать какихъ бы то ни было депутацій, ни выслушивать лично какихъ-либо просителей и

вообще кого бы то ни было, за исключеніемъ министровъ и комиссаровъ правительства.

Каждая изъ камеръ повѣряетъ дѣйствительность правъ своихъ членовъ на принятіе въ палату.

Никто не можетъ быть вмѣстѣ и сенаторомъ, и депутатомъ.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію каждой камеры въ особенности.

II.

Палата депутатовъ состоитъ изъ членовъ, избранныхъ, согласно съ закономъ, избирательными коллегіями.

Италянское королевство, въ теперешнемъ его составѣ, дѣлится на 50 провинцій, заключающихъ въ себя 443 избирательныя коллегіи, которыя посылаютъ въ парламентъ 443 депутата, что и составляетъ около 50,000 душъ на cadaго депутата.

Депутатъ долженъ быть подданнымъ короля, имѣть не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, пользоваться вполне политическими и гражданскими правами, и удовлетворять нѣкоторымъ другимъ условіямъ, которыхъ требуетъ законъ.

Каждый депутатъ считается представителемъ всей націи совокупно, а не провинціи, которая послала его въ парламентъ.

Инструкціи, которыя избиратели могутъ дать посылаемымъ ими въ палату депутатамъ, не имѣютъ для этихъ послѣднихъ никакой обязательной силы.

Депутаты избираются на пять лѣтъ. Ихъ право, какъ представителей націи, прекращается само собою по истеченіи этого срока.

Президентъ, вице-президенты и секретари палаты депутатовъ избираются ею, изъ среды своихъ членовъ, въ началѣ каждой сессіи и разъ на всю сессію.

Если за смертію, или по какому бы то ни было случаю, депутатъ перестаетъ отправлять обязанности своего званія, то избирательная коллегія, пославшая его, сзывается немедленно для замѣщенія выбывшаго члена палаты.

О привилегіяхъ членовъ палаты и правѣ палаты депутатовъ требовать объясненій отъ министровъ и предавать ихъ суду, я говорилъ уже выше.

Изложивъ такимъ образомъ статьи конституціоннаго акта, въ которыхъ говорится о правахъ, обязанностяхъ и составѣ

палаты депутатовъ, я наміренъ поговорить объ избирательномъ законѣ, чтобы дать читателю понятіе о тѣхъ элементахъ, которые входятъ въ составъ палаты и объ относительномъ положеніи этихъ элементовъ ко всей массѣ населенія.

Чтобы быть избирателемъ, надобно:

1) По рожденію, происхожденію или натурализаціи пользоваться всѣми гражданскими и политическими правами; въ роисловданіе, какое бы оно ни было, не считается препятствіемъ къ праву быть избирателемъ.

2) Имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду.

3) Умѣть читать и писать. Это послѣднее условіе не относится до тѣхъ провинцій, гдѣ оно не требовалось, до изданія закона, то-есть до 17 декабря 1860 года; въ этихъ мѣстахъ люди, не умѣющіе читать и писать, но уже внесенные въ избирательные списки, до изданія закона, остаются избирателями. Это исключеніе сдѣлано очевидно въ пользу Неаполя и Сициліи.

4) Платить не менѣе 40 франковъ (10 рублей на наши деньги) податей ежегодно.

Однакожь, пользуются правомъ избирателей безъ платежа какого бы то ни было ценза:

а) Члены разныхъ академій и камеръ земледѣльческихъ и коммерческихъ.

б) Профессоры королевской академіи художествъ.

в) Профессоры разныхъ институтовъ публичнаго обученія.

г) Должностныя лица, какъ гражданскія, такъ и военныя; также лица, получающія пенсіоны за свою службу.

е) Всѣ лица, получившія высшую степень на экзаменахъ въ академіяхъ и университетахъ.

ф) Прокуроры судовъ, нотаріусы, одобренные правительствомъ аптекари, ветеринары и многія другія званія, исчисленіе которыхъ считаю здѣсь излишнимъ; скажу только, что дано право всякому знанію.

5) Всѣ ремесленники и торговцы пользуются правомъ избирателей, если даже и не платятъ вышеозначеннаго сорока-франковаго ценза, но платятъ за квартиру, мастерскую, лавку, погребъ и т. п. слѣдующія цѣны:

а) въ общинахъ, имѣющихъ жителей менѣе	2.500 душъ	200 фр.
б) — — — — — отъ 2.500 до	10.000	300 —
в) — — — — — болѣе	10.000	400 —
г) въ городѣ Генуѣ		500 —
е) въ городахъ Туринѣ и Миланѣ		600 —

6) Капитаны коммерческихъ судовъ и директоры фабрикъ пользуются правами избирателей на основаніи правилъ, изложенныхъ въ предшествующемъ 5 пунктѣ.

7) Пользуются правомъ избирателей лица, которыя докажутъ, что владѣли непрерывно въ теченіи пяти лѣтъ, предшествовавшихъ непосредственно составленію избирательныхъ списковъ, государственною рентой въ 600 франковъ.

8) Въ счетъ означеннаго въ статьѣ 4-й ценза входятъ всякія подати, платимыя съ имущества движимыхъ и недвижимыхъ, подати личныя, также платимыя за право торговли и производства ремесла и т. п.

Я ограничиваюсь этою выпиской изъ избирательнаго закона, не входя въ подробности составленія избирательныхъ списковъ и другихъ, какъ не имѣющихъ большаго интереса для иностраннаго читателя.

Разсматривая въ подробности итальянскій избирательный законъ и зная болѣе или менѣе характеръ и взаимное положеніе различныхъ классовъ населенія, не можете не признать, что въ Италіи народному представительству даны очень широкія основанія, и едва ли благоразумно желать, чтобы въ настоящее время право избранія было еще расширено. Я не могъ, несмотря на всѣ мои старанія, добиться точной цифры числа избирателей по всему королевству, чтобы судить, на сколько избиратели представляютъ мнѣніе большинства націи. Однакожь, основываясь на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя удалось мнѣ собрать о нѣкоторыхъ городахъ и деревняхъ, я думаю, что общее число избирателей должно составлять болѣе 10% всей массы мужскаго населенія. Впрочемъ, въ подобномъ вопросѣ цифры едва ли могутъ всегда служить вѣрнымъ указателемъ, а потому обратимся къ другимъ признакамъ.

Въ городахъ, всякій сапожникъ, всякій цирюльникъ, всякій кузнецъ и слѣсарь, словомъ всякій ремесленникъ, работающій въ своей мастерской, равно всякій торговецъ, торгующій въ своей лавочкѣ, рѣдко не избиратель. Въ деревнѣ число избирателей находится почти въ такой же пропорціи къ массѣ населенія, какъ и въ городахъ.

Республиканцы, съ одной стороны, и (фактъ замѣчательный!) клерикалы или реакціонеры съ другой, требуютъ отмѣны настоящаго избирательнаго закона и замѣны его подачею голозовъ всѣмъ міромъ; но доказательство тому, какъ мало сочув-

ствія въ народѣ находятъ это требованіе, видимъ вопервыхъ въ жалкомъ числѣ членовъ этой партіи, попавшихъ въ парламентъ и, восторыхъ,—въ томъ, что даже и эти немногіе должны были употреблять невѣроятныя усилія, чтобы быть избранными; а между тѣмъ это люди, съ несомнѣнными талантами, и кромѣ того, многіе изъ нихъ памятны народу какъ мученики, пострадавшіе во время австрійскихъ правительствъ. Сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ видныхъ членовъ республиканской партіи не попалъ въ парламентъ сразу; всѣ подвергались перебаллотировкѣ. Брофферіо обязанъ своимъ избраніемъ кавуровской партіи, которая, видя свое рѣшительное торжество на выборахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не желая лишиться первый итальянскій парламентъ такого блистательнаго оратора какъ Брофферіо, протянула ему руку уже въ послѣднюю минуту, при перебаллотировкѣ. Гверраци, Бертани, секретарь и другъ Гарибальди, потерпѣли рѣшительное пораженіе на первыхъ общихъ выборахъ. Первый изъ нихъ избранъ уже мѣсяцъ спустя, когда правительственная партія, не только не хлопотала о томъ, чтобы провести своихъ кандидатовъ, но даже презирая слабость соперниковъ, поддерживала кандидатуру многихъ изъ нихъ. Никотера избранъ только на дняхъ. Монтанелли, человекъ съ несомнѣнными дарованіями, талантливый писатель, отличный ораторъ, мученикъ за свободу, вышедшій изъ ссылки для того только, чтобы тотчасъ же броситься на поле битвы сражаться за родину простымъ солдатомъ въ альпійскихъ стрѣлкахъ Гарибальди, даже, несмотря на то что самъ Кавуръ старался отклонить его отъ такой службы, сказавъ: «Монтанелли можетъ сдѣлать для Италіи больше нежели простой солдатъ»;—Монтанелли, говорю я, не избранъ и по настоящее время! Самые незначительные люди, но сочувствующіе настоящему порядку вещей, одерживаютъ на выборахъ побѣды надъ даровитѣйшими, но не довольными этимъ порядкомъ.

На эти краснорѣчивые факты, республиканцы возражаютъ, что все это—дѣло людей, которымъ законъ даетъ право выборовъ, а не націи. Конечно такъ, но еслибы нація была, какъ увѣряютъ республиканцы, другаго мнѣнія, то конечно гнетъ общественнаго мнѣнія не могъ бы не оказывать вліянія на избирателей, и въ парламентъ было бы хоть сорокъ, пятьдесятъ республиканцевъ изъ 443 депутатовъ. Парламентская исторія Англій представляетъ не одно доказательство такой силы гнета

общественнаго мнѣнія. Еслибъ это было не такъ, то реформы были бы невозможны иначе, какъ посредствомъ уличной революціи. Наконецъ, положеніе журналистики представляетъ несомнѣнные доказательства тому, какъ мало общественное мнѣніе страны сочувствуетъ республиканцамъ. Всѣ журналы, довольные настоящимъ порядкомъ вещей и поддерживающіе его изо всѣхъ силъ, а такихъ журналовъ нѣсть числа,—всѣ такіе журналы отлично ведутъ свое дѣло. Ихъ раскупаютъ на расхватъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ и прочитываютъ отъ первой строки до послѣдней. И, нужно замѣтить, здѣсь журналы читаются цѣлымъ народомъ, а не только какими-нибудь классами общества. Многіе изъ этихъ журналовъ продаются по 5 сантимовъ за нумеръ, то-есть не много больше 1 копейки на наши деньги. Здѣсь рѣдкій *contadino* (крестьянинъ), рѣдкій *cittadino* (горожанинъ), рѣдкій извозчикъ не читаетъ журнала. Слѣдовательно успѣхи журнала служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ сочувствія къ нему не нѣкоторыхъ только классовъ общества, а всей массы населенія. Напротивъ того, республиканскіе журналы, требующіе подачи голосовъ всѣмъ міромъ и слѣдовательно отстаивающіе, повидимому, интересы всей массы населенія, представляютъ здѣсь, за немногими исключеніями, самую печальную картину. Держатся порядочно пять, шесть большихъ журналовъ, обладающихъ значительными матеріальными средствами и собравшихъ въ своихъ редакціяхъ даровитѣйшихъ людей своей партіи. Остальные, особенно мелкіе, то-есть предназначенныя для чтенія простаго народа, рождаются и умираютъ каждый день.

Я пробовалъ подписываться на два такіе журнала. Оба существовали нѣсколько недѣль и потомъ обанкрутились, обманувъ своихъ подписчиковъ. Между тѣмъ, напримѣръ, здѣсь во Флоренціи, маленькій мѣстный журналъ, *Gazzetta del Popolo*, довольно пошлый и очень плоскій, но защищающій изо всѣхъ силъ существующій порядокъ вещей и ругающій самымъ площаднымъ образомъ какъ республиканцевъ, такъ и реакціонеровъ, раскупается нарасхватъ и отлично ведетъ свои дѣла. Проидетесь по улицѣ часовъ въ 6 послѣ обѣда, на каждомъ перекресткѣ кричатъ во все горло: *Signori, la Gazzetta del Popolo, 5 centesimi!* Вы видите этотъ плохенькій журналъ во всѣхъ рукахъ, на всѣхъ столикахъ народныхъ кофеенъ! Напротивъ, здѣсь же во Флоренціи, журналъ *Nuova Europa*, требующій распушенія парламента и подачи голосовъ всѣмъ

міромъ, издающійся съ очевидною цѣлью дѣйствовать на массы народа и издающійся такимъ даровитымъ человѣкомъ, какъ Монтанелли, продается только въ своей типографіи, да въ нѣкоторыхъ лавочкахъ. Ни разу не слышалъ я, чтобы на улицѣ кричали: *Nuova Europa*, а между тѣмъ онъ издается очевидно для улицы.

О реакціонерахъ и говорить нечего. Этихъ журналовъ даже и лавочки продавать не хотятъ, и они влачатъ свое существованіе только благодаря суммамъ, великодушно жертвуемымъ меценатами, которые не находятъ, видно, лучшаго употребленія своимъ доходамъ. Журналы эти читаются здѣсь только ради куріоза, чтобы посмотреть какъ обругается въ такомъ-то случаѣ представитель высшихъ такъ-называемыхъ образованнѣйшихъ классовъ общества, то-есть аристократіи и римскаго духовенства. Разъ я зашелъ въ лавочку и потребовалъ реакціонный журналъ *Contemporaneo*.—«*Contemporaneo?*.. вскричалъ мальчишка, сидѣвшій за прилавкомъ: *non se!*» Мнѣ трудно передать тотъ презрительный взглядъ, который онъ бросилъ на меня, произнося эти слова.

Судъ присяжныхъ, который, что бы ни говорили республиканцы и клерикалы, все-таки служить болѣе или менѣе отголоскомъ истиннаго мнѣнія страны, дѣйствуетъ съ одинаковымъ ожесточеніемъ какъ противъ республиканцевъ, такъ и противъ реакціонеровъ. А публика, всегда толпящаяся въ трибунахъ и состоящая болѣе чѣмъ на половину изъ рабочихъ, видимо изъявляетъ свое удовольствіе, когда приговариваютъ редакторовъ газетъ этихъ двухъ партій къ пенямъ и тюрьмѣ; въ особенности же когда дѣло идетъ хотя о малѣйшемъ оскорбительномъ намекѣ на священную и неприкосновенную (*sacro ed inviolabile*, какъ сказано въ конституціи) особу Виктора-Эммануила. Въ этихъ, впрочемъ очень рѣдкихъ случаяхъ, присяжные безпощадны и даже придирчивы до крайности. Малѣйшаго намека, словомъ, малѣйшей черты карандашомъ въ каррикатурѣ достаточно, чтобы они произнесли свое *reo* (виновенъ), и редакторъ отправляется на казенную квартиру, подъ присмотръ національной гвардіи и тюремныхъ стражей.

Въ дополненіе всего сказаннаго, вотъ еще нѣкоторыя цифры: избирательный цензъ—40 фран., а все жители страны платятъ всѣхъ вообще податей въ сложности—22 франка съ головы. Впрочемъ подати эти платятся не равномерно; на сѣверѣ Ита-

ли податей приходится среднимъ числомъ больше 30 франковъ съ головы, а на югѣ менѣе 15 франковъ.

Эти цифры могутъ послужить аргументомъ, которымъ всегда пользовались дурныя правительства, указывая на то, что подданные ихъ не обременены налогами. Я полагаю, никто не платитъ податей больше Англичанина и меньше Турка. Неаполитанецъ платитъ податей вдвое меньше чѣмъ Сардинецъ; но вѣдь Сардинцу, который пользуется отличнымъ управленіемъ, желѣзными дорогами, безопасностію въ пути, всѣмъ благоустройствомъ, легче заплатить 30 франковъ нежели Неаполитанцу—15. Къ тому же, не надобно забывать, что вся тяжесть войны за независимость пала, въ финансовомъ отношеніи, почти исключительно на бывшее Сардинское королевство.

Однакожь обращаюсь къ избирательному закону. Не подлежитъ сомнѣнію, что законъ этотъ удовлетворителенъ въ настоящее время. Можетъ-быть, современемъ это будетъ и не такъ, когда будутъ рѣшены тѣ важные вопросы, которыми теперѣ поглощено общественное мнѣніе страны; можетъ-быть законъ потребуетъ измѣненій, и право избранія будетъ расширено еще болѣе, когда пройдутъ эти горячіе вопросы, и нація будетъ имѣть досугъ осмотрѣться и заглянуть внимательно внутрь себя, ибо Италия страна демократическая; демократизмъ здѣсь въ нравахъ, обычаяхъ, въ духѣ населенія. Но въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что избиратели—истинные представители общественного мнѣнія Италии. Вотъ еще фактъ, который можетъ болѣе или менѣе служить доказательствомъ такого взгляда: извѣстно, что въ Италиі уже прибѣгали къ подачѣ голосовъ всѣмъ міромъ, по нѣкоторымъ весьма важнымъ вопросамъ, и результатъ выходилъ совершенно тотъ же, какъ еслибы дѣло было отдано на рѣшеніе однихъ только избирателей.

Все это, однакожь, ни мало не мѣшаетъ республиканцамъ кричать, что парламентъ состоитъ изъ лавочниковъ, и требовать, вслѣдствіе этого, подачи голосовъ всѣмъ міромъ.

Еще недавно Гверрацци и другіе говорили объ этомъ въ палатѣ депутатовъ и увѣряли, что палата не служитъ вѣрнымъ представительствомъ общественнаго мнѣнія страны.

Что касается до настоящей палаты депутатовъ, то нельзя не согласиться, что республиканцы правы, но только отчасти, и вовсе не по тѣмъ причинамъ, на которыя они указываютъ.

Настоящая палата депутатов действительно не соответствует настроению нации по некоторым весьма важным вопросам, например, римскому и венецианскому. Нация предпримчивее палаты. Но виноваты ли в этом избирательный закон?

Нѣтъ, нѣтъ, и еще разъ нѣтъ!

Виноваты в этомъ всемія памятные военные и политическія обстоятельства, подъ влияніемъ которыхъ производились выборы депутатовъ въ настоящій парламентъ.

Я поговорю объ этомъ подробно въ другомъ мѣстѣ, а теперь скажу только, что еслибы тогда избраніе депутатовъ производилось всемія миромъ, а не одними признаваемыми закономъ избирателями, то парламентъ вышелъ бы если не совершенно такой же—можетъ-быть и было бы въ немъ нѣсколько лишнихъ республиканцевъ и реакціонеровъ—то во всякомъ случаѣ большинство палаты имѣло бы точно такой же характеръ. Таково было тогда, послѣ неудачной атаки противъ Гаэты, настроеніе всей массы населенія, а не однихъ только избирателей.

Итакъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что въ Италіи настоящій избирательный законъ даетъ народному представительству достаточно широкія основанія. Народъ, за исключеніемъ немногихъ республиканцевъ, да еще реакціонеровъ, то есть громадное большинство нации довольно настоящимъ порядкомъ вещей, и конституціонное правительство Италіи стоитъ на самыхъ прочныхъ основаніяхъ.

Дѣйствительно, трудно вообразить себѣ теперь революцію въ Италіи.

Чтобы революція могла разчитывать на какіе-нибудь шансы успѣха, нужно вообразить себѣ, что правительство измѣнить совершенно свое направленіе, разорветъ все, что связываетъ его съ собственными преданіями за послѣднія тринадцать лѣтъ; словомъ, измѣнить самому себѣ. Иначе, какъ возможна серьезная революція, когда народъ и правительство дружно идутъ рука въ руку? На кого она можетъ опереться? Въ комъ найдетъ сочувствіе?

Правительство прочно ограждено отъ всякаго революціоннаго сюрприза. Оно опирается вполне на сочувствіе общественнаго мнѣнія страны и защищается болѣе чѣмъ миллиономъ штыковъ такого войска, какъ національная гвардія, въ которомъ каждый солдатъ не только умѣетъ заставить другихъ уважать законъ, но и самъ подчиняется ему сознательно и без-

условно. Я убѣжденъ, что еслибы самъ Гарибальди задумалъ произвести революцію, для низверженія существующаго конституціоннаго порядка, то былъ бы взятъ и преданъ въ руки правосудія.

Надобно видѣть съ какою быстротой собирается національная гвардія, съ какою энергіей, съ какимъ усердіемъ и вмѣстѣ съ какимъ уваженіемъ къ личному праву всякаго дѣйствуетъ при малѣйшемъ безпорядкѣ это превосходное, хотя и брѣхастое войско, надобно видѣть какъ сбѣгаются національные гвардейцы, когда на улицѣ гремитъ барабанъ! Я былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ этихъ оживленныхъ сценъ. Не пройдетъ получаса, а національная гвардія уже собралась на площади, и патрули ее ходятъ по улицамъ. А народъ?.. Народъ толпами провожаетъ эти патрули и привѣтствуетъ ихъ рукоплесканіями и кланками: *viva la guardia nazionale!*

Да, ужъ не повторятся въ Италіи сцены, свидѣтельницами которыхъ была Флоренція въ 1849 году, въ управленіе Гварацци. Этотъ великолѣпный городъ не испытаетъ болѣе деспотизма улицы и площади, этого самаго ужаснаго, самаго необузданнаго изъ всѣхъ деспотизмовъ.

Революціонныя шурпызы сдѣлались невозможностию.

Итакъ, италіанскимъ демагогамъ нельзя уже опираться на шайку сволочи, призванной, какъ напримѣръ во Флоренціи въ 1849 году, изъ Ливорно, которая буйствовала на улицѣ и налагала на городъ свой произволь; имъ теперь остался только одинъ путь—убѣжденіе, мирная пропаганда. Трудно сказать на сколько и въ какое время успѣютъ они на этомъ пути; теперь можно только сказать, что на югѣ Италіи, въ бывшихъ владѣніяхъ короля Фердинанда II, они найдутъ гораздо болѣе сочувствія нежели въ Тосканѣ и Піемонтѣ, гдѣ деспотизмъ правительства никогда не достигалъ тѣхъ размѣровъ, до которыхъ онъ доходилъ на югѣ. Одинъ гарибальдійскій офицеръ, долго жившій въ Неаполѣ, увѣрялъ меня, что тамъ ничего не стоить произвести революцію; что тамъ подобныя революціи производятся на пари, для потѣхи и развлеченія. Стоитъ только закричать *viva*, да замахать кускомъ матеріи, и толпа уже тутъ, готовая идти съ криками по улицамъ и бить стекла въ домахъ. Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ серединѣ и на сѣверѣ Италіи. Тосканцы считаютъ себя образованнѣйшимъ народомъ Италіи и смотрятъ на Неаполитанцевъ какъ на варваровъ, которыхъ имъ придется образовывать, *подми-*

мы до себя; а эти послѣдніе воиражаютъ: правда, вы образованнѣе насъ, но вы—люди прошедшаго, а мы—будущаго.

Послѣ тяжкихъ неспытаній 1848 и 1849 годовъ и послѣдовавшихъ ватѣмъ десяти лѣтъ, народъ потерялъ всякую вѣру въ способность республиканцевъ съ этой стороны и австрійскихъ династій съ другой. Теперь онъ уже не попадетса на удочку великолѣпныхъ фразъ. Онъ, пожалуй, и не прочь послушать ихъ, но только послушать! Правительство не мѣшаетъ нікому говорить и дѣйствовать въ границахъ опредѣленныхъ закономъ, и республиканцы лишились ореола мученичества, который при австрійскихъ правительствахъ составлялъ одну изъ главныхъ причинъ ихъ силы.

Да, можно сказать, что вся сила италіанской конституціи заключается въ общественномъ мнѣніи страны, что она дѣйствительно и исключительно держится этою силой, а слѣдовательно, несмотря на крики республиканцевъ съ одной стороны и клерикаловъ съ другой, можно надѣяться, что эта конституція также прочна, какъ и англійская.

Во время выборовъ въ италіанскій парламентъ, я былъ въ одномъ изъ самыхъ многолудныхъ городовъ Италіи. На улицахъ города, обыкновенно шумливаго и оживленнаго, было тихо; не было ни знаменъ, ни музыки, ни криковъ, ни пьянства,—всѣхъ этихъ непремѣнныхъ атрибутовъ англійскихъ выборовъ. Народъ какъ будто приготовлялся къ совершенію какого-нибудь таинства. Недѣли за двѣ до выборовъ, газеты были наполнены самыми страшными статьями, партіи маневрировали изо всѣхъ силъ, но въ день выборовъ все было тихо. У входа въ домъ, гдѣ производились выборы, стояли на часахъ два національные гвардейца. Въ залѣ за столомъ сидѣлъ президентъ и члены избирательнаго комитета. Избиратели подходили молча, и опускали въ урну свои ваты.

Италіанская конституція дана и приведена въ исполненіе подъ влияніемъ такихъ святыхъ чувствъ, подъ впечатлѣніемъ такого восторга къ общему дѣлу, что подкупъ на выборахъ былъ невозможностію. Упомяну еще одинъ поразительный примѣръ уваженія къ свободѣ избирателей: крестьяне, живущіе на земляхъ теперешняго перваго министра барона Беттино Риказоли, вотировали противъ присоединенія Тосканы къ Пиемонту! Позволить подкупить себя на выборахъ считается здѣсь хуже воровства. Такъ было по крайней мѣрѣ при выборахъ въ теперешній парламентъ; не знаю какъ будетъ дальше.

Клерикалы, разумѣется, вопять, что весь народъ подкупленъ, и что онъ желаетъ отъ всего сердца возвращенія австрійскихъ династій. Республиканцы тоже не упускаютъ случая поораторствовать о подкупѣ. Но произведенныя по этому новоду формальныя слѣдствія доказали, за исключеніемъ двухъ случаевъ, что все это—наглая клевета.

III.

Приступаю теперь къ разсмотрѣнію другой камеры итальянскаго парламента, носящей названіе сената, и къ изложенію законовъ, до него относящихся.

На основаніи конституціоннаго акта, итальянскій сенатъ состоитъ изъ неограниченнаго числа пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ королемъ.

Такое право короля ограничено однакоже точнымъ обозначеніемъ категорій лицъ, между которыми можетъ быть избрано избраніе сенаторовъ.

Сенаторъ долженъ имѣть не менѣе сорока лѣтъ отъ роду.

Сенаторы избираются и назначаются королемъ изъ среды:

- 1) архіепископовъ и епископовъ государства,
- 2) президентовъ палаты депутатовъ,
- 3) депутатовъ, послѣ трехъ парламентскихъ періодовъ, или послѣ шести лѣтъ отправленія депутатской должности,
- 4) государственныхъ министровъ,
- 5) пословъ,
- 6) чрезвычайныхъ посланниковъ, послѣ трехъ лѣтъ службы,
- 7) государственныхъ секретарей,
- 8) первыхъ президентовъ и президентовъ кассационнаго суда и счетной камеры,
- 9) первыхъ президентовъ апелляціонныхъ судовъ,
- 10) генеральныхъ адвокатовъ, состоящихъ при кассационномъ судѣ, и генеральнаго прокурора, послѣ пяти лѣтъ службы,
- 11) классныхъ президентовъ апелляціонныхъ судовъ, послѣ трехъ лѣтъ службы,
- 12) совѣтниковъ кассационнаго суда и счетной камеры, послѣ пяти лѣтъ службы,
- 13) генеральныхъ адвокатовъ и генеральныхъ фискаловъ

(*fiscali generali*), состоящихъ при апелляціонныхъ судахъ, послѣ пяти лѣтъ службы,

14) генераловъ арміи и адмираловъ флота (однакожь, генераль-майоры и контръ-адмиралы могутъ быть назначены сенаторами не прежде какъ прослуживъ пять лѣтъ въ этихъ чинахъ),

15) государственныхъ совѣтниковъ (*Consiglieri di Stato*), послѣ пяти лѣтъ службы,

16) членовъ дивизионныхъ совѣтовъ (*Consigli di Divisione*), послѣ трехъ лѣтъ ихъ президентства,

17) генеральныхъ интендантовъ, послѣ семи лѣтъ службы,

18) членовъ королевской академіи наукъ, послѣ семи лѣтъ, истекшихъ со дня ихъ назначенія,

19) ординарныхъ членовъ совѣта высшаго публичнаго обученія, послѣ семи лѣтъ службы,

20) лицъ, которыя своими заслугами и высокими дарованіями (*meriti eminenti*) прославили отечество,

21) лицъ, которыя въ теченіи трехъ лѣтъ платили 3.000 франковъ прямыхъ податей съ ихъ недвижимой собственности или промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ.

Принцы королевской фамиліи—сенаторы по праву рожденія. Они занимаютъ первое мѣсто послѣ президента сената.

Двадцати одного года они присутствуютъ въ сенатѣ, а въ двадцать пять лѣтъ получаютъ право вотировать.

Президентъ и вице-президенты сената назначаются королемъ.

Сенатъ самъ избираетъ своихъ секретарей изъ среды своихъ членовъ.

Сенатъ обращается, декретомъ короля, въ высшее судилище (*Alto Corte di Giustizia*) для суда надъ государственными измѣнниками (*alto tradimento*), надъ преступленіями противъ безопасности государства (*sicurezza dello Stato*) и надъ министрами, преданными суду палатою депутатовъ. Въ этомъ случаѣ сенатъ теряетъ свой политическій характеръ и не можетъ заниматься какими бы то ни было дѣлами, кромѣ произнесенія судебныхъ приговоровъ.

Я уже говорилъ выше о привилегіяхъ сенаторовъ, относительно ареста и суда.

Сенату сообщаются документы о рожденіи, бракѣ и смерти членовъ королевской фамиліи. Документы эти сенатъ хранитъ въ своихъ архивахъ.

Разсматривая законы, опредѣляющіе составъ и область дѣйствія итальянскаго сената, не можемъ не придти къ заключенію, что сенатъ этотъ ни мало не соответствуетъ тѣмъ понятіямъ, которыя выработаны публицистами о свойствахъ и дѣйствіи верхнихъ камеръ вообще. Онъ также ни мало не соответствуетъ тѣмъ обстоятельствамъ и причинамъ, которыя иногда оправдываютъ существованіе подобныхъ камеръ, а иногда дѣлаютъ существованіе ихъ совершенно необходимымъ.

Существованіе верхней камеры, доставляющее нѣкоторую несомнѣнную пользу, о чемъ я скажу ниже, влечетъ за собою не рѣдко важную помѣху къ успѣшному ходу законодательства. Недавнее поведеніе прусской верхней камеры представляетъ примѣръ такой помѣхи. Король и органъ народа, палата депутатовъ, были совершенно согласны между собою, а верхняя палата налагала долго свое *veto* на самое справедливое и законное требованіе короля и народа.

Признаюсь, трудно угадать мысль законодателя при учрежденіи итальянскаго сената.

Цѣль и причины существованія верхней камеры—двойки.

Или она служить необходимымъ представителемъ интересовъ аристократическаго элемента, уже существующаго въ странѣ и пустившаго въ ней глубокіе корни;

или, второе, она служить, также какъ и палата депутатовъ, представителемъ интересовъ всей массы населенія.

Въ обоихъ случаяхъ, главная и едва ли не единственно разумная и оправдываемая причина учрежденія верхней камеры заключается въ томъ, чтобъ умѣрять демократическій пылъ увлеченія палаты депутатовъ, которая нерѣдко принимаетъ свои рѣшенія подъ вліяніемъ страстныхъ преній, подъ впечатлѣніемъ магической, неотразимой силы искуснаго и даровитаго оратора.

Нѣкоторые публицисты, въ томъ числѣ и Бентамъ, находятъ, что такая камера-умѣрительница можетъ быть замѣнена вполне и безъ малѣйшаго ущерба дѣлу закономъ, по которому рѣшенія палаты депутатовъ получаютъ силу закона не прежде, какъ послѣ двукратнаго или троекратнаго чтенія и утвержденія проекта.

Однакожъ, такое заключеніе остается до сихъ поръ только теоріей, не подтвержденною на практикѣ. До сихъ поръ въ страны, гдѣ прочно утвердился конституціонный порядокъ, имѣютъ двѣ камеры. Не говорю уже о монархическихъ Ан-

гліи, Бельгіи, Пруссіи, Італія, но даже республики Швейцарія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты не нашли возможнымъ обойтись безъ верхней камеры.

Ни подъ одинъ изъ вышеприведенныхъ двухъ образцовъ верхнихъ камеръ не подходитъ италіанскій сенатъ.

Достаточно взглянуть на законы о назначеніи сенаторовъ, чтобы понять, что италіанскій сенатъ не есть аристократическій институтъ. Италіанскіе сенаторы—пожизненны, а первое условіе силы аристократической камеры—наслѣдственность.

Конституція и не могла, впрочемъ, дать италіанскому сенату такую форму, положить въ его основаніе такіе элементы, которые сдѣлали бы изъ него представителя аристократическаго элемента страны—по той простой причинѣ, что въ Італіи такого элемента не существуетъ.

Прежде чѣмъ учредить аристократическій сенатъ, нужно было бы создать аристократію.

Несмотря на то что въ Італіи князья, маркизы, графы и бароны встрѣчаются на каждомъ шагу, можно съ увѣренностію сказать, что въ этой странѣ аристократіи все-таки нѣтъ. Знать есть, не аристократіи, какъ политическаго института, какъ политической силы, какъ политическаго тѣла, какъ особаго элемента народной среды, какъ особаго класса общества, одареннаго жизненною силой,—аристократіи въ этомъ смыслѣ въ Італіи не существуетъ.

Англійская палата лордовъ не избрѣтена въ кабинетъ, она не учреждена королевскимъ декретомъ; она вышла сама собою изъ потребностей народной жизни; она служитъ органомъ живаго тѣла. Англійская верхняя камера служитъ представительницею дѣйствительно существующей силы и такой силы, которую едва ли бы можно было задушить безнаказанно.

Англія страна по преимуществу аристократическая. Тамъ аристократизмъ вошелъ въ плоть и кровь націи. Несмотря на то, что въ послѣднее время демократическія идеи сильно распространяются даже и на аристократической почвѣ Соединеннаго Королевства, долго еще Англіи будетъ почти невозможно вообразить себя безъ лорда.

Не говоря уже о томъ, что въ Англіи существуетъ аристократія во всей силѣ этого слова, какъ политическій институтъ, имѣющій причины своего существованія, коренящіяся въ исторіи вѣковъ, — весь англійскій народъ, всѣ даже плебей-

скіе классы этого народа пропитаны аристократическими понятіями или предрасудками.

Англійскій слуга стоитъ передъ своимъ господиномъ невытяжку, безъ шляпы, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко убѣжденъ, что оно такъ и быть должно; говорить съ нимъ только отвѣчая на сдѣланные вопросы, считая непозволительнымъ самому начинать разговоръ. Италіанецъ тоже, пожалуй, будетъ снимать вамъ шляпу, ходить на цыпочкахъ, и даже рѣшится обуздать свой неумолкающій, вѣчно трещащій языкъ, если вы этого требуете и вмѣстѣ съ тѣмъ платите хорошо, но никогда не будетъ считать этого за должное и въ душѣ будетъ смѣяться надъ вами и презирать васъ, какъ варвара, какъ Тедеско (Нѣмца).

Разъ мнѣ случилось ѣхать въ вагонѣ съ однимъ италіанскимъ семействомъ. Въ путешествіи, знакомство сводится скоро, и мы проговорили весь переѣздъ. На слѣдующей станціи въ вагонъ вошла дѣвушка, которую встрѣтили самыми радушными восклицаніями и вопросами; она перецѣловалась со всѣми дамами семейства; ее встрѣтили какъ родную. Дѣвушка была очень весела, хохотала непрерывно и, узнавъ, что я изъ Сибири, задала мнѣ слѣдующій довольно оригинальный вопросъ:

— Siete dunque un maomettano (такъ вы стало-быть магометанинъ)?

На станціи я узналъ, что это было семейство графа Ч.....п, а веселая дѣвушка—ихъ горничная.

Я зналъ одного Англичанина, жившаго во Флоренціи, который долго не могъ помириться съ такими вольностями италіанской прислуги; будучи самъ происхожденія плебейскаго, онъ не могъ смотрѣть равнодушно на кухарку Италіанку, когда она, приходя записывать счетъ, брала стулъ и безъ церемоніи садилась рядомъ съ его женой.

— Посмотрѣли бы вы у насъ! говорилъ онъ: — здѣсь Богъ знаетъ что такое: цѣлый день прислуга возится, хохочетъ, смѣется, разговариваетъ при васъ и съ вами! Конечно, у насъ могутъ у себя въ комнатѣ хохотать сколько угодно, говорить глупости свободно, возиться, но все это гдѣ-нибудь подальше, у себя въ комнатѣ, въ кухнѣ, на конюшнѣ, а самый домъ, c'est un maison des mortes! прибавлялъ онъ съ восторгомъ и коверкая произношеніе французскаго языка.

Я, съ своей стороны, ни мало не раздѣляю восторга моего

знакомца-Англичанина къ его мертвому дому; я только свидѣтельству фактъ и привожу его какъ объясненіе.

Не раздѣлая также взглядовъ г. Монталамбера вообще, я, однакоже, приведу здѣсь выписку изъ его сочиненія *de l'avenir politique de l'Angleterre*,—мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь о той силѣ и живучести англійской аристократіи, которыми она отличается отъ всѣхъ континентальныхъ аристократій, въ томъ числѣ и италіанской, бывшей когда-то едва ли не болѣе могущественною чѣмъ англійская.

Вотъ слова г. Монталамбера:

«Если въ Англии существуетъ только одна конституція, очень измѣненная и очень доступная измѣненію, то тамъ двѣ аристократіи. Тамъ существуютъ двѣ, ежедневно измѣняющіяся и стирающіяся, аристократическія партіи виговъ и тори. Въ то время, какъ одна изъ этихъ партій управляетъ дѣлами края, другая стоитъ въ оппозиціи и пользуется всѣми ошибками своей соперницы, чтобы вырвать власть изъ ея рукъ. Всякое требованіе полезныхъ реформъ, всякое серіозное недовольство народа властью служить оружіемъ въ ея искусныхъ рукахъ. Такимъ образомъ, обѣ партіи стараются, наперерывъ одна передъ другою, оказывать услуги странѣ, удовлетворять справедливымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія.

«Послѣдніе годы доказали, что тори умѣютъ не хуже виговъ пользоваться этимъ средствомъ; въ настоящее время вопросы о гнилыхъ мѣстечкахъ и о хлѣбныхъ законахъ сдѣлались и для тори рѣшенными безвозвратно. Самые смысленные люди этой партіи обратили свою дѣятельность на улучшеніе быта рабочаго сословія.

«Я замѣчаю всегда какого-нибудь аристократа, какого-нибудь олигарха во главѣ всякаго полезнаго, или новаго движенія. Вообще такіе люди молоды, но не всегда: случается, что роль эту оспариваетъ у дебютирующаго какой-нибудь бывшій министръ, заслуженный вице-король, канцлеръ въ отставкѣ, или пожилой богатый перъ. Можно быть увѣреннымъ, что во главѣ вопросовъ, имѣющихъ какую-нибудь будущность, всегда встрѣтишь челоуѣка съ самымъ аристократическимъ именемъ. Съ этимъ удивительнымъ тактомъ, который отличалъ ее всегда и повсюду, эта старая аристократія умѣетъ, въ лицѣ своихъ молодыхъ членовъ, не только уступить всегда вовремя, но еще и принять на себя инициативу самыхъ важныхъ и плодотворныхъ мѣръ. Такъ молодой Питтъ,

прежде чѣмъ сдѣлаться министромъ финансовъ, въ двадцать три года, хотѣлъ быть вождемъ парламентской реформы, а соперникъ его Фоксъ, принадлежавшій къ болѣе-аристократической фамиліи, стоялъ всегда во главѣ людей, отстаивавшихъ народные интересы. Люди эти измѣняютъ иногда мнѣнія и знамя, но всегда находится кто-нибудь, чтобы замѣнить выбывшаго. Таково искусство править; оно требуетъ бдительности, настойчивой дѣятельности, но всего больше самообладанія и независимости, которую аристократія другихъ странъ Европы совершенно утратила.

«Этой тактики было бы, однакоже, недостаточно, для полного успѣха, еслибы ряды обѣихъ великихъ партій англійской аристократіи оставались замкнутыми дарованію, честолюбію, заслугамъ людей низшихъ классовъ. Къ счастью, на дѣлѣ видимъ совершенно противное. Всѣ знаютъ, но никто не оцѣнилъ достаточно того удивительнаго механизма, посредствомъ котораго англійская аристократія опоразниваетъ и пополняетъ свои ряды, привлекая къ себѣ всѣ политическія, административныя, судебныя, военныя, финансовыя и дипломатическія знаменитости, и въ то же время выбрасывая въ массу населенія свои побочныя линіи, такъ что всякій внукъ англійскаго пера, рожденный отъ его младшихъ сыновей, смѣшивается съ другими классами общества и не пользуется никакимъ знакомъ отличія. Это постоянное движеніе взадъ и впередъ, вводящее въ англійскую аристократію свѣжія силы и избавляющее ее отъ членовъ бесполезныхъ и лишнихъ, не есть дѣло какого-либо законодателя, но плодъ общественнаго и политическаго смысла націи. Это обычай, начало котораго восходитъ до ереднихъ вѣковъ и сходится съ началомъ самаго перства. Такимъ-то образомъ великое учрежденіе англійскаго перства избѣгло тѣхъ недостатковъ и неудобствъ, которые присущи самымъ могущественнымъ аристократіямъ, какъ на примѣръ венеціанской и германской. Такимъ-то образомъ англійское перство сдѣлалось истинно національнымъ политическимъ институтомъ, а не исключительною, замкнутою кастой, заключенною въ узкія рамки своего индивидуализма и обреченною погибнуть отъ безсилія и бесплодной гордости.»

Описывая положеніе семействъ, владѣющихъ поземельною собственностію, г. Монталамберъ говоритъ: «Онѣ не пренебрегали, какъ дѣлала старая французская аристократія, должностями

административными, судебными и другими; напротив, онѣ завладѣвали ими и, благодаря тому, онѣ стали и удержались во главѣ всякаго общественнаго развитія. Люди безъ имени и состоянія часто достигали высшихъ государственныхъ должностей и даже, какъ это бываетъ въ республикахъ или абсолютныхъ монархіяхъ, успѣвали держать въ своихъ рукахъ кормило государственнаго управленія; но внутри страны такіе люди только съ величайшимъ трудомъ достигаютъ значенія. Лордъ-лейтенантъ, шерифы и мировые судьи, члены суда присяжныхъ, дорожные комиссары и т. п., то есть все то, что у насъ (во Франціи) служить представителемъ префектуры, полиціи, министерства, и является въ общину извнѣ и съ жалованьемъ, все это въ Англіи выходитъ изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ и управляетъ краемъ свободно, безвозмездно, превосходно.»

Я ограничиваюсь этими выписками, считая ихъ достаточными, чтобы показать то, чего не доставало аристократіи италіанской, которая очень похожа на французскую.

Англійская аристократія пользуется глубокимъ уваженіемъ народа. Поведеніе ея въ отношеніи народа вообще было почти всегда разумно, и всегда и во всякомъ случаѣ искусно, и народъ не забываетъ этого. Она сумѣла связать свои интересы съ интересами значительной части населенія, а потому интересы эти находятъ поддержку не въ однихъ только высшихъ классахъ.

Ничего подобнаго нѣтъ въ Италіи.

Того глубокаго уваженія, которымъ пользуется въ народѣ англійская аристократія и которое въ наше время одно можетъ поддержать такое дряхлое зданіе, какъ аристократическій институтъ, въ Италіи нѣтъ и въ поминѣ.

Здѣсь всякій мальчишка освищетъ съ величайшимъ наслажденіемъ какого-нибудь *principe* Корсини, а толпа остановится и будетъ аплодировать свисту. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ такихъ сценъ.

Здѣсь аристократъ и *codino*—синонимы, а *кодино*—ругательное слово.

Карриатуры на аристократію служатъ здѣсь самымъ неистощимымъ предметомъ смѣха для толпы и доставляютъ порядочный доходъ для карриатурныхъ изданій.

Посмотрите на толпу, окружающую продавца газетъ, когда онъ кричитъ во все горло: «*Signori, risposta ai codinil*»... *Om-*

вѣтъ кодинамъ раскупается на расхватъ и прочитывается съ жадностію. Каррикатуры на кодиновъ—лучшій товаръ, который отлично идетъ съ рукъ.

Я былъ свидѣтелемъ сцены, которую передамъ читателю. Я былъ во Флоренціи, когда телеграфъ принесъ печальную вѣсть о смерти графа Кавура. Надо было видѣть фзіономію города! Все надѣло трауръ, только у немногихъ мелькала на губахъ злорадная улыбка; въ каждомъ окнѣ развѣвалось знамя, покрытое флеромъ. Народъ толпился въ храмахъ, и передъ алтаремъ, колѣнопреклоненный, молился о спасеніи души Камилло Бензо-Кавура. Это были не фразы, не офиціальныя рыданія, нѣтъ, это было истинное народное горе. Еслибы Кавуръ могъ встать и взглянуть въ этотъ день на улицы и площади, заглянуть въ церкви, онъ получилъ бы награду за свои дѣла.

И эту-то торжественную горькую минуту выбрали кодины для того, чтобы заявить свое печальное торжество, свою ненависть къ великому человѣку! Они не уважили народного горя и вызвали негодованіе народа.

Вечеромъ, въ день полученія извѣстія о смерти Кавура, духовенство и люди самыхъ знатныхъ фамилій устроили религиозную процессію, въ которой принялъ участіе и архіепископъ.

Въ послѣдствіи, люди эти увѣряли, что они нисколько не думали о Кавурѣ, а просто хотѣли принять участіе въ процессіи восьмага дня праздника Тѣла Господня (*Corpus Domini*), но существуютъ доказательства противнаго. Во первыхъ, процессія была придана чрезвычайная, никогда прежде не виданная помпа; вовторыхъ, въ ней приняла участіе люди извѣстные всему городу своимъ атеизмомъ и никогда не посѣщающіе церкви; втретьихъ, люди эти украсили свою грудь ненавистными австрійскими орденами, полученными за угнетеніе родины.

Процессія вышла изъ главныхъ дверей великолѣпнаго флорентинскаго собора. Собравшаяся на площади огромная толпа встрѣтила ее свистомъ. Пропустивъ духовенство, шедшее впереди, народъ ринулся на остальныхъ. . . . Графы, князья, маркизы бросились бѣжать куда кто могъ, одни въ соборъ, другіе къ каретамъ. Въ это время раздался сильный голосъ булочника Дольфи, унимавшаго народъ; не прошло и четверти часа, а національные гвардейцы уже выбѣгали по одиночкѣ изъ улицъ и переулковъ, спѣша на выручку своихъ заклятыхъ враговъ, чтѣ ни мало не помѣшало клерикальнымъ журналамъ увѣрять, что гвардія была собрана не ранѣе какъ

черезъ 6 часовъ, и велѣдствіе того обвинить правительство въ заговоръ избить все духовенство и всю аристократію

Я могу засвидѣтельствовать, что не болѣе какъ черезъ часъ національная гвардія вся собралась уже на площади и разсылала свои патрули, а опомнившійся народъ уже встрѣчалъ ихъ криками: *viva la guardia nazionale!*

Я разказагъ этотъ случай для того чтобы нѣсколько обрисовать положеніе италіанской аристократіи въ наше время. Въ наше время, аристократія уже не можетъ нигдѣ опереться на мечъ, чтобы поддерживать свое значеніе; для этого у нея осталось только одно средство—уваженіе, подобное тому, какимъ пользуется аристократія англійская. Чтѣ же видимъ въ Италіи?... Члены первыхъ аристократическихъ фамилій, какъ Корсини, Сантелли, Мартелли и другіе, обращены въ бѣгство толпой, и нужны булочники и національная гвардія, состоящая изъ сапожниковъ, кузнецовъ и лавочниковъ, чтобы заступиться за этихъ господъ. Голосъ булочника имѣетъ болѣе вѣсу, чѣмъ голосъ какого-нибудь *principe*. Куда же дѣвалась въ этотъ день сила италіанской аристократіи?—эта нравственная сила, которую даетъ уваженіе?

Въ Англіи аристократія повсюду, оттого она и сильна.

Монталамберъ, обрисовавъ значеніе палаты лордовъ, прибавляетъ: «Но еще разъ, истинная, жизненная сила аристократіи заключается не въ палатѣ лордовъ, и я даже скажу, что еслибъ палату эту закрыли, какъ было при Кромвелѣ, то конечно нарушили бы гармонию англійской конституціи, но этимъ не разрушили бы значенія аристократіи.»

Да. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Кавалеры (во время Кромвеля) жили въ своихъ земляхъ, окруженные почтеніемъ и довѣріемъ своихъ сосѣдей. Почему?... Потому что съ незапамятныхъ временъ въ Англіи не было ни крѣпостныхъ, ни вассаловъ, ни оброчниковъ. Ни одинъ Англичанинъ не былъ законнымъ подданнымъ другаго, никакая земля не была обременена барщиной или какимъ-либо притѣснительнымъ налогомъ; никакая отрасль промышленности не подвергалась уничтожительнымъ стѣсненіямъ.»

Да, не потому существуетъ въ Англіи аристократія, что у нея есть сильный защитникъ въ лицѣ палаты лордовъ, а потому существуетъ палата лордовъ, что она имѣетъ корни въ странѣ и является представительницей дѣйствительной силы.

То ли видимъ въ Италіи?

Уже болѣе 12 лѣтъ истекло съ тѣхъ поръ, какъ обнародованъ сардинскій статутъ, введенный потомъ во всемъ Италіанскомъ королевствѣ. Статутъ даруетъ самыя широкія основанія представительства всѣмъ законнымъ интересамъ, а объ аристократіи въ статутѣ даже и не упомянуто, если не считать статьи о дворянскихъ титулахъ, удовлетворяющей только пустому тщеславію, но не дающей никакихъ действительныхъ правъ. По статуту, не существуетъ никакого органа представительства аристократіи, а италіанская аристократія не только не нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы протестовать болѣе или менѣе действительно противъ такого забвенія, но даже, въ теченіи 12 лѣтъ, не подала признака жизни. Статутъ вводился по всей Италіи не только безъ сопротивленія, которое свидѣтельствовало бы о существованіи непризнаваемой имъ аристократіи, но, напротивъ, вездѣ былъ встрѣченъ съ величайшимъ сочувствіемъ.

Я не считаю, разумѣется, за протестъ пошлыя процессіи въ родѣ описанной мной выше и статей такихъ журналовъ, какъ *Armonia* или *Contemporanea*, которые живутъ и дышатъ пособіями меценатовъ.

Итакъ, повторяю вопросъ куда же она спряталась, эта аристократія, еслибъ она сохранила еще хоть каплю жизненной силы, еслибъ имѣла корни въ странѣ, еслибы, наконецъ, существовала?

Еслибъ италіанская аристократія была сильнымъ политическимъ тѣломъ, она не уступила бы такъ легко поля битвы, не пришла бы въ забвеніе, не подавъ даже признака жизни.

Монталамберъ правъ, когда говорить, что скоро и въ Англіи демократія *arrivera*; mais en arrivant elle trouvera à qui parler.

Вотъ этого-то à qui parler и не нашель демократическій сардинскій статутъ. Здѣсь аристократія стучалась, какъ будто ея и не бывало. Народная буря не встрѣтила ея на бреши.

До сихъ поръ вся оппозиція аристократіи проявляется въ ношеніи австрійскихъ орденовъ, австрійскихъ цвѣтовъ: желтаго, чернаго и бѣлаго, да въ погребеніи кота. Да не подумаетъ читатель, что я хочу мистифицировать его. Здѣсь во Флоренціи одинъ баронъ носилъ на правой рукѣ желтую, а на лѣвой черную перчатку, и здѣсь же во Флоренціи кодины устроили погребеніе убитаго кота; на гробѣ была надпись: *молитесь за упокоеніе души Вирісчіо, великой опоры Италіи*. Думали пародировать похороны Кавура, но только насмѣшили

публику. Такія выходки только обнаруживают слабость аристократіи, заставляя ее прибѣгать подъ защиту плебейской національной гвардіи въ тѣ минуты, когда народъ теряетъ хладнокровіе, самообладаніе, что, впрочемъ, случается очень рѣдко.

Сначала, пока я еще не присмотрѣлся къ положенію дѣла, мнѣ казалось, что та часть италіанской аристократіи, представителемъ которой служатъ люди, подобные Кавуру или Риказоли, и которая дружно протянула объ руки народному движенію, что эта молодая аристократія спасетъ въ Италіи аристократическій элементъ и доставитъ ему то высокое, блестящее положеніе, которое занимаетъ аристократія въ Англіи. Но потомъ, ознакомившись ближе съ характеромъ италіанскаго населенія и съ положеніемъ партій, я убѣдился, что такое предположеніе—несбыточная мечта. Я убѣдился, что эти великодушные люди, приставъ къ народу, отстали отъ касты. Они дѣйствуютъ уже не какъ представители своего сословія, а какъ отдѣльныя личности, вышедшія изъ этого сословія и вошедшія въ остальную массу народа.

Въ сущности, Кавуръ и Риказоли—такіе же аристократы, какъ и Гарибальди. Италіанская знать ненавидитъ этихъ двухъ человѣкъ болѣе чѣмъ самого Мадзини.

Ни одинъ изъ враговъ Кавура и Риказоли не упрекнулъ ихъ въ аристократической исключительности, а ужъ конечно не упустили бы случая, еслибы къ этому была хотя малѣйшая возможность.

Когда Риказоли вступилъ въ министерство, то всѣ газеты поспѣшили напечатать краткія біографическія свѣдѣнія о немъ. Въ одномъ французскомъ журналѣ, Риказоли описывался какъ истый, неприступный аристократъ. Признаюсь, такой взглядъ на этого министра показался мнѣ страннымъ. Правда, въ наружности Риказоли есть что-то неприступное, что-то такое, ну, словомъ, что-то, что у насъ называется внушающимъ, но я думаю, что въ этомъ ни мало не виновато его происхожденіе; это свойство натуры, а не происхожденія и воспитанія. Я думаю, будь Риказоли кузнецомъ, или извощикомъ, онъ былъ бы все тотъ же.

Англичанинъ-простолюдинъ гордится своимъ лордомъ. Италіанецъ или ненавидитъ, или презираетъ своихъ *principi* и др. Каррикатуры на кодиновъ видны въ окнахъ и на дверяхъ

всѣхъ книжныхъ лавокъ; ими покрыты стѣны домовъ. И какія каррикатуры!

Исторія достаточно объясняетъ такую разницу въ положеніи аристократіи англійской и аристократіи италіанской, совершенно похожей на французскую. Было время, когда сильный баронъ, засѣвъ въ своемъ неприступномъ замкѣ, какъ коршунъ, свившій гнѣздо на вершинѣ скалы, царствовалъ надъ окружающимъ замкомъ населеніемъ. Когда онъ, закованный въ желѣзо и сталь, сопровождаемый многочисленною свитой вооруженныхъ съ головы до ногъ вассаловъ, спускался изъ замка въ долину, все трепетало и подчинялось! Время это прошло; порохъ и усилившаяся королевская власть подорвали силу аристократіи. Англійскіе бароны поняли это, отворили ворота своихъ неприступныхъ замковъ, засыпали рвы, опустили подъемные мосты и протянули руку народу, забывъ мечъ и латы заботливостію о народныхъ интересахъ. Французская и другія аристократіи не поняли этого и въ безумной гордости все еще надбѣялись держаться или устарѣвшею силой меча, или вновь-изобрѣтенною силой придворной милости.

Англійская аристократія, отстаивая свои права, оставала съ тѣмъ вмѣстѣ и права народа. Повѣрятъ ли, что и теперь еще многіе изъ италіанскихъ аристократовъ, пораженные какою-то неслыханною слѣпотой, вѣрятъ въ возвращеніе Австрійцевъ, желаютъ этого возвращенія и не упускаютъ случая оскорблять народное чувство, вывѣсивая на свою грудь ордена, полученные на службѣ австрійскому правительству, и напоминая такимъ образомъ годину самыхъ тяжкихъ испытаній родины?

Кромѣ этихъ нравственныхъ причинъ безсилія италіанской аристократіи существуютъ еще другія, матеріальныя.

Богатство, переходящее изъ рода въ родъ, составляетъ непремѣнную принадлежность аристократической силы. Плохой тотъ перъ, который долженъ ходить пѣшкомъ и жить на чердакѣ.

Майоратъ существуетъ въ Италіи не какъ общее правило, а только какъ исключеніе. Оттого аристократы-нищія встрѣчаются въ Италіи на каждомъ шагу. Въ Пиемонтѣ, напримѣръ, множество дворянскихъ фамилій въ самомъ нищенскомъ положеніи. Тамъ даже сочинены пословицы на такихъ дворянъ. Мнѣ разказывали слѣдующій анекдотъ: въ Генуѣ живутъ два графа, изъ которыхъ одинъ существуетъ продажей печенаго хлѣба на улицѣ, а другой покупаетъ у него ежедневно булку въ нѣсколько

сантимовъ и кормится ею цѣлый день, что ни мало не мѣшаетъ имъ помнить о своихъ предкахъ и титулахъ. Говорать, между ними ежедневно происходитъ слѣдующій разговоръ:

— Добрый день, графъ.

— Какъ провели ночь, графъ?

— Очень хорошо. Прошу васъ, графъ, сдѣлать мнѣ честь продать мнѣ вотъ этотъ хлѣбъ.

— Графъ, съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ оказать вамъ эту услугу.

Само собою разумѣется, что оба графа служатъ неслотоцимымъ источникомъ для смѣха и шутокъ. Чванство смѣшно вообще, но оно еще смѣшнѣе въ нищемъ. Что за честь, когда нечего ѣсть, говорить русская пословица.

Само собою разумѣется, что въ Италіи существуетъ множество аристократическихъ фамилій, не только сохранившихъ достояніе предковъ, но и увеличившихъ его; есть множество фамилій, владѣющихъ огромною поземельною собственностію, но этому владѣнію не достааетъ той прочности, которую сообщаетъ ей англійское начало первородства. Собственность эта подлежитъ раздробленію, прочность ея не обезпечена ничѣмъ. Поземельная собственность италіанской аристократіи подвержена точно такимъ же колебаніямъ, какъ и поземельная собственность всѣхъ другихъ классовъ общества.

Послѣ сказаннаго выше о положеніи италіанской аристократіи посреди остальнаго населенія и возбуждаемыхъ ею чувствованій, не покажется страннымъ слѣдующій фактъ: въ Италіи значительнѣйшая часть земель принадлежитъ аристократическимъ фамиліямъ; большая часть *contadini* (крестьянъ) живутъ на этихъ земляхъ и обрабатываютъ ихъ-полу, а между тѣмъ аристократія не пользуется возможнымъ въ подобномъ случаѣ вліяніемъ на народъ.

Дѣйствительно, значительнѣйшая часть италіанской аристократіи принадлежитъ, открыто или тайно, къ клерикальной партіи, а между тѣмъ въ парламентъ не наберется и пяти членовъ, болѣе или менѣе сочувствующихъ этой партіи. Да и тѣ не смѣютъ рта разинуть. Въ сенатѣ, состоящемъ изъ членовъ, назначаемыхъ правительствомъ, нашлось два голоса противъ закона о принатіи Викторомъ-Эммануиломъ титула короля Италіи; въ палатѣ депутатовъ не оказалось и этихъ двухъ.

Кодины увѣряютъ, что они не хотѣли принять участія въ избирательной борьбѣ, ибо такое участіе было бы съ ихъ

стороны какъ бы признаніемъ новаго порядка вещей. А онъ для нихъ не существуетъ; для нихъ все это революція, которая кончится не сегодня, такъ завтра. Но очевидно, что это только фразы и тщетныя усилія скрыть свою совершенную слабость. Они поняли свое безсиліе и только потому удалились съ поля безъ боя. Еслибъ они надѣялись на побѣду, то конечно не упустили бы случая поставить препятствія правительству, и такія препятствія, одолѣть которыхъ было бы почти невозможно. Вообразите себѣ, что еслибы въ ту еще шаткую минуту, когда сама Англія колебалась, когда лордъ Джонъ Россель писалъ депеши, въ которыхъ выражался не очень уважительно о народномъ вотѣ присоединеній,—вообразите, что въ эту минуту палата депутатовъ состояла бы на половину изъ кодиновъ, и на предложеніе Кавура о признаніи Виктора-Эммануила королемъ Италіи отвѣчала бы, не говоря уже отрицательнымъ вотомъ, но даже слабымъ большинствомъ! Гдѣ тогда была бы Италія? Неужели кодины, не упускающіе никакого случая нагадить правительству, и прибѣгающіе для этого къ самымъ пошлымъ ребяческимъ штукамъ, упустили бы такой важный случай, еслибы не понимали своего полнаго безсилія? Послѣ всего сказаннаго, нельзя не согласиться, что въ Италіи аристократіи, какъ политическаго тѣла, одареннаго жизненною силой, теперь не существуетъ.

Понятно, что не можетъ быть аристократической камеры; понятно, что италіанскій статутъ, допуская въ сенатъ всѣ знаменитости края по всѣмъ отраслямъ дѣятельности и знаній, не позаботился ввести въ него эти остатки, эти развалины прежней могущественной италіанской аристократіи; даже не упоминаетъ о ней. Жалѣть ли о такомъ забвеніи статута и о такомъ отсутствіи въ Италіи аристократическаго элемента? Не лучше ли было, наконецъ, за отсутствіемъ такого элемента, создать новый, подобный ему, изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ стараго, или приславъ въ палату перовъ новые, совершенно новые элементы, давъ имъ наследственность и создавъ такимъ образомъ совершенно новую аристократію?

Исторія Франціи представляетъ примѣръ подобной новой наследственной аристократіи; но исторія вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ и о совершенномъ безсиліи подобной новой аристократіи.

Отложивъ всякое попеченіе объ учрежденіи аристократической камеры, составитель италіанской конституціи имѣлъ въ виду одну только цѣль—учредить вторую камеру, для воздержанія и

уміренія увлеченій и демократических порывовъ палаты депутатівъ. Для достиженія этой цѣли ему оставалось два пути: или прибѣгнуть для составленія сената къ выборамъ, какъ это дѣлается въ сѣверо-американской республикѣ, или предоставить королю назначеніе сенаторовъ.

Законодатель предпочѣлъ послѣднее, ограничивъ болѣе или менѣе это право назначенія, опредѣлявъ строго категоріи лицъ, между которыми король можетъ выбирать сенаторовъ.

Нѣкоторые публицисты не отвергаютъ такой палаты, состоящей изъ членовъ, назначаеваемыхъ королемъ. Вотъ слова одного изъ нихъ: «Верхняя палата, состоящая изъ пожизненныхъ членовъ, хотя и не опирающаяся на аристократію и не избранная народомъ, можетъ однакоже имѣть важное значеніе и пользоваться сильнымъ вліяніемъ, почерпая свою нравственную силу въ личныхъ достоинствахъ своихъ членовъ. Народы, между которыми цивилизація считается вѣками, всегда заключаютъ въ средѣ своей множество людей просвѣщенныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ, прославившихся на разныхъ поприщахъ, оказавшихъ услуги государству. Верхняя палата, составленная изъ такихъ элементовъ, всегда будетъ пользоваться вліяніемъ.»

Не знаю, какъ это будетъ въ другихъ случаяхъ, но я долженъ сказать, что, по моему мнѣнію, теорія эта ни мало не оправдывается на италіянскомъ сенатѣ.

Разсматривая категоріи лицъ, которыхъ статутъ допускаетъ въ сенатъ, видишь, что законодатель имѣлъ въ виду собрать въ италіянскомъ сенатѣ цвѣтъ націи, по всѣмъ отраслямъ знанія, талантовъ и заслугъ. Надо было ожидать, что сенатъ, состоящій изъ самыхъ заслуженныхъ и уважаемыхъ людей, будетъ пользоваться вліяніемъ на дѣла; можно было надѣяться, что голосъ его будетъ вѣсокъ. Но увы! все это оказалось вѣрнымъ только на бумагѣ. На практикѣ, италіянскій сенатъ называется до сихъ поръ только излишнею мебелью. Стоитъ только прослѣдить внимательно сенатскія пренія за истекшую сессію, чтобы ни мало не сомнѣваться въ этомъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ произошелъ скандальный случай, доказывающій все ничтожество италіянскаго сената. Предполагалось обсуживать, не припомню теперь какой, законъ. Сенаторы собрались и президентъ открылъ засѣданіе. Во время преній понадобилось объясненіе министерства, но въ палатѣ не оказалось ни одного министра! Президентъ послалъ пригласить одного

изъ нихъ, но, несмотря на неоднократныя послышки, министры не являлись. Въ то время въ палатѣ депутатовъ шли жаркія пренія, и министры понимали, гдѣ нужнѣе ихъ присутствіе. Прошло нѣсколько часовъ въ тщетныхъ ожиданіяхъ; многіе сенаторы произнесли рѣчи, въ которыхъ горько жаловались на пренебреженіе министровъ, но и это не помогло, и президентъ долженъ былъ закрыть засѣданіе, не добившись никакого толку.

За границей, во Франціи и Англіи, обратили вниманіе на этотъ случай, въ Италиі онъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ. Многія иностранныя газеты упрекали итальянскихъ министровъ за такое забвеніе своихъ обязанностей. Въ Италиі только два журнала, да и тѣ весьма слабо и только для формы, подняли голосъ, чтобы защитить права сената. Ни либералы, ни республиканцы, ни реакціонеры, не защищали сената.

Какъ ни силенъ былъ Кавуръ, какъ ни безусловно подчинялась ему палата депутатовъ, но я не думаю, чтобъ онъ могъ поступать съ этою палатою, какъ поступило министерство съ сенатомъ, не вызвавъ негодованія и протеста всей націи. Я не могу вообразить себѣ разногласія между палатою депутатовъ и правительствомъ, или тому подобнаго случая, въ которомъ рѣшеніе итальянскаго сената могло бы придать какой-нибудь вѣсъ рѣшенію правительства въ глазахъ націи.

Всякая представительная камера, по самой своей натурѣ, должна представлять что-нибудь, должна представлять какіе-нибудь интересы и силы, на которыхъ могла бы опереться въ случаѣ надобности, а итальянскій сенатъ хотя и состоитъ изъ людей весьма достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и всѣми уважаемыхъ, но представляетъ только личное мнѣніе своихъ членовъ, а потому обреченъ на полное безсиліе.

III.

Я считаю не излишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о національной гвардіи какъ необходимой принадлежности конституціи.

Главная цѣль учрежденія національной гвардіи заключается въ защитѣ установившагося теперь въ Италиі монархически-конституціоннаго порядка.

Законъ такъ опредѣляетъ цѣль учрежденія національной гвардіи :

Общинная милиція (національная гвардія) учреждается для защиты монархіи и правъ, освященныхъ статутомъ; для поддержанія повиновенія законамъ; для охраненія общественной безопасности и порядка и для возстановленія этого порядка, въ случаѣ его нарушенія; для вспомошествованія, въ случаѣ надобности, арміи въ защитѣ границъ государства и морскихъ береговъ; для обезпеченія цѣлости и независимости государства.

Всякія пренія, которыя позволятъ себѣ національная гвардія относительно дѣлъ государственныхъ, провинціальныхъ или общинныхъ, и принятыя ею по дѣламъ этимъ рѣшенія считаются преступленіемъ противъ общественной свободы и государства.

Такимъ образомъ, національная гвардія имѣетъ характеръ существенно консервативный. Повинуясь только властямъ, установленнымъ конституціей, она защищаетъ тотъ гражданскій и политическій порядокъ, который основанъ на этой конституціи, не вступая въ пренія о ея достоинствахъ.

Исторія доказываетъ, что посреди смутъ и волненій послѣдняго времени національная гвардія сумѣла сохранить этотъ чисто-консервативный характеръ своего учрежденія. Съ одной стороны, диктаторскія покушенія не нашли бы въ этой гвардіи никакой поддержки; съ другой, политическія партіи ошиблись бы жестоко, еслибы вздумали разчитывать на національную гвардію, какъ на орудіе, которымъ можно воспользоваться при случаѣ. Политическія партіи могутъ бороться между собою сколько имъ угодно, — гвардія останется нейтральнымъ зрителемъ, пока борьба не перейдетъ за предѣлы, указанные законамъ. Напротивъ, всякій бунтъ вооруженною рукой, всякую уличную или дворцовую революцію противъ установленнаго порядка вещей, всякое покушеніе ввести что-либо новое, не вотированное парламентомъ и не утвержденное королемъ, національная гвардія будетъ подавлять съ тою энергіей, которую она выказываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Конституція даетъ народу законные органы для заявленія своихъ мнѣній и требованій, а затѣмъ, всякое предъявленіе такихъ требованій внѣ пути, указываемаго конституціей, помимо законныхъ органовъ представительства будетъ подавляемо силой оружія; и, безъ сомнѣнія, сила національной гвардіи болѣе чѣмъ достаточна для совершенія такого дѣла.

Даже въ 1849 году, когда, напримѣръ, въ Тосканѣ, политическія партіи употребляли всё усилія, чтобъ опереться на общинную милицію и такимъ образомъ удержать власть въ своихъ рукахъ, даже посреди этихъ смутныхъ обстоятельствъ національная гвардія осталась нейтральною и счастливо избѣгла опасности сдѣлаться орудіемъ этихъ партій.

Несмотря на то, что демократическое правительство, захватившее власть надъ Тосканой съ 8 февраля 1849 года, избѣгло къ переформированію національной гвардіи, съ цѣлію демократизировать ее и ввести въ нее элементы, на преданность которыхъ себѣ оно могло бы разчитывать, гвардія эта осталась нейтральною посреди бури 11, 12 и 13 апрѣля, низвергнувшей демократовъ; она осталась вѣрна своему истинному назначенію—защищать гражданскій порядокъ, не вмѣшиваясь въ политику.

Между тѣмъ, въ покушеніяхъ совратить ее съ этого законнаго пути и бросить на арену политической борьбы, недостатка не было. Демократическая партія тогдашняго парламента думала было опереться на національную гвардію, когда возставшій флорентинскій народъ требовалъ низверженія правительства Гверрацци, Монтанелли и Маццони, но должна была отказаться отъ такой надежды.

Я приведу, въ доказательство моихъ словъ, эпизодъ засѣданія этого парламента 12 апрѣля, записанный подробно, по часамъ и минутамъ, однимъ изъ депутатовъ.

На площади, передъ дворцомъ, гдѣ засѣдалъ парламентъ, собрался народъ и громко требовалъ возстановленія правленія великаго герцога. Между тѣмъ въ залѣ засѣданія происходила слѣдующая сцена:

Депутаты лѣвой стороны, прислушиваясь къ крикамъ на площади: — Видите, это не реакція?

Одинъ изъ депутатовъ: —Еслибы послали, какъ я предлагалъ, 3.000 національной гвардіи, все бы это давно затушили.

Въ это время на площади раздаются съ новою силой крики: «Да здравствуетъ Леопольдъ III хотимъ великаго герцога!»

Звонъ колокола на дворцѣ Вейкіо возвѣщаетъ о возстановленіи герцогскихъ гербовъ.

Депутаты лѣвой стороны предлагаютъ объявить памату въ непрерывномъ засѣданіи (permanente), избрать правительственную юнту, а настоящее правительство Гверрацци, Монтанелли и Маццони объявить распущеннымъ.

Президентъ палаты изъявляетъ свое удивленіе, что, посреди подобныхъ критическихъ обстоятельствъ, ни самъ президентъ исполнительной власти и даже никто изъ министровъ не явятся въ палату.

Одинъ изъ депутатовъ:—Я говорилъ вамъ, что это криводушное правительство играетъ всѣми нами. Еслибы власть поручили мнѣ, такъ бы не случилось.

Другой депутатъ замѣчаетъ, что число наличныхъ депутатовъ недостаточно для законности рѣшеній парламента.—Насъ менѣе десятой части, прибавилъ онъ, а потому я совѣтовалъ бы палатѣ разойтись, а власть предоставить муниципалитету, какъ единственно-законной власти въ обстоятельствахъ, подобныхъ настоящимъ. — Депутаты лѣвой стороны встаютъ всею массой и протестуютъ противъ совершенія подобной низости. — Мы признаемъ свое депутатское право, кричатъ они, и хотя находимся въ ограниченномъ числѣ, но считаемъ себя истинными представителями всей Тосканы. Объявимъ распущеніе исполнительной власти, назначимъ правительственную юнту, и національная гвардія поддержитъ насъ!

Одинъ изъ депутатовъ:—Національная гвардія будетъ защищать порядокъ.

Многіе депутаты кричатъ:—Что вы подразумеваете подъ словомъ порядокъ?

Депутатъ:—Разумѣю, что національная гвардія ограничится защитой собственности и личности каждаго. Національная гвардія ни разу не приняла участія во всемъ томъ, что совершилось здѣсь съ 8 февраля, ее ни разу не могли совратить съ этого пути. Національная гвардія была совершенно равнодушна, болѣе чѣмъ равнодушна, къ провозглашенію теперешняго временнаго правительства; она держалась въ сторонѣ при посадкѣ деревъ (*alberi di libertà*) и совершеніи прочихъ пошлостей; она останется, увѣряю васъ въ этомъ, равнодушною и теперь. Увѣряю васъ, она не будетъ стрѣлять въ народъ, чтобы поддерживать васъ.

Такъ и случилось: національная гвардія поддержала порядокъ на улицѣ; гвардейцы стояли на часахъ у дверей дворца, въ которомъ былъ спрятанъ Гверрацци, когда разъяренный противъ триумвировъ народъ ломился въ этотъ дворецъ; но она не поддержала правительства триумвировъ, не навязала его странѣ, вопреки желанію народа, и великій герцогъ былъ возстановленъ, какъ желало тогда почти все населеніе Тосканы.

Съ другой стороны, можно бы, кажется, обвинить національную гвардію въ томъ, что до 8 февраля она не сумѣла защитить конституціонную монархію и такимъ образомъ допустила триумвировъ захватить власть; но вникнувъ въ дѣло, видите, что вина въ томъ падаетъ не на національную гвардію, а на правительство.

Даровавъ конституцію не искренне, великій герцогъ не хотѣлъ опираться ни на сильную еще тогда конституціонную партію, ни на національную гвардію. Напротивъ, камарилья радовалась втайнѣ успѣхамъ демократической партіи, надѣясь, что конституція докажетъ свое безсиліе, опротивѣетъ всеѣмъ, и народъ будетъ радъ искать спасенія въ прежнемъ порядкѣ вещей. Не довѣряя имъ, видя въ нихъ не друзей, на силу которыхъ сдѣдуетъ опереться, а враговъ, которыхъ пришлось терпѣть противъ воли, правительство ослабляло и себя, и парламентъ, и національную гвардію; оно отвергало эту законную и великую силу и, наконецъ, довело дѣло до событій 8 февраля. Послѣ же этого дня, кого же бы стала защищать національная гвардія, когда герцогъ удалился изъ столицы, бросивъ свои владѣнія на произволъ судьбы?

Все, что національная гвардія могла сдѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ, это сохранить нейтралитетъ и защищать порядокъ на улицѣ, съ какой бы стороны онъ ни подвергся нападенію. Она такъ и поступала.

Правда, ливорнскіе волонтеры много буйствовали на улицахъ Флоренціи, и гвардія оказывалась недостаточною для поддержанія порядка до дня 11 апрѣля, когда она рѣшилась наконецъ дѣйствовать со всею энергіей; но когда подумаешь, что національная гвардія была тогда еще учрежденіемъ новымъ, непривычнымъ; что она была ошеломлена событіями; что великій герцогъ самъ покинулъ ее; что, наконецъ, ливорнскіе волонтеры были призваны во Флоренцію самимъ правительствомъ триумвировъ и поддерживались имъ; что министръ внутреннихъ дѣлъ гораздо болѣе сочувствовалъ волонтерамъ нежели гвардіи, то нельзя ставить ей въ вину даже и этого особеннаго обстоятельства.

Да, нельзя не согласиться, что итальянская національная гвардія вполне обезпечиваетъ внутреннюю безопасность государства и даетъ прочность существующему монархическо-конституціонному порядку.

Я не стану излагать все подробности учрежденія національ-

иной гвардіи относящихся до него законовъ, правилъ, циркуляровъ, инструкцій и т. п.,—все это не можетъ имѣть интереса для иностраннаго читателя. Я коснусь только тѣхъ изъ этихъ законовъ и порядковъ, которые даютъ понятіе объ элементахъ, входящихъ въ составъ этого войска; о его назначеніи и характерѣ его службы.

Въ составъ національной гвардіи входятъ всѣ туземцы (*regnicoli*), имѣющіе не менѣе 21 и не болѣе 55 лѣтъ отъ роду, если они удовлетворяютъ условіямъ, изложеннымъ ниже.

Служба въ національной гвардіи обязательна для всѣхъ, и относится лично (*è personale*). Замѣны допускаются только между родными; такъ, напримѣръ, сынъ можетъ нести службу за отца, племянникъ за дядю и т. п.

При извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ случаяхъ допускаются на службу въ національной гвардіи иностранцы, имѣющіе постоянное пребываніе въ общинѣ, и люди, не имѣющіе еще 21 года.

Не входятъ въ составъ національной гвардіи и не вносятся въ ея списки: а) духовенство; б) консулы и вице-консулы иностранныхъ державъ; в) чины арміи и флота, находящіеся на дѣйствительной службѣ; д) чины таможи, сборщики податей, лѣсные и сельскіе стражи; наконецъ лица, входящія во составъ администраціи при госпиталяхъ и т. п.

Кромѣ того имѣютъ право отказаться отъ службы въ національной гвардіи, хотя и вносятся въ ея списки: а) государственные министры и нѣкоторые другія высшія должностныя лица; б) учителя и профессора, въ вѣдѣніи которыхъ находятся какія-либо публичныя заведенія для воспитанія; в) почтальоны и т. п.; д) медики и хирурги, состоящіе при публичныхъ госпиталяхъ.

Национальная гвардія состоитъ изъ части дѣйствующей и изъ резерва.

Различіе между лицами, вносимыми въ списки или дѣйствующей части національной гвардіи, или ея резерва, опредѣляется сообразно съ размѣромъ платимыхъ ими податей.

Въ составъ дѣйствующей національной гвардіи входятъ всѣ лица, платящія податей въ годъ:

Въ общинахъ, имѣющихъ не болѣе	500 душъ,	3 итал. лира, т.-е	75 к. с.
—	2.000 —	5 —	1 р. 25 —
—	10.000 —	10 —	2 — 50 —
—	40.000 —	15 —	3 — 75 —
Въ общинахъ, имѣющихъ	50.000 и бол.,	—	20 — 5 —

Чтобы по этимъ цифрамъ составить себѣ понятіе о тѣхъ элементахъ, которые входятъ въ составъ дѣйствующей постоянно національной гвардіи, надобно знать хоть поверхностно систему налоговъ.

Въ различныхъ провинціяхъ, вошедшихъ въ составъ Италіанскаго королевства, дѣйствуютъ еще пока различные законы, установленные прежними правительствами; но такъ какъ изложеніе этихъ различныхъ законовъ было бы слишкомъ утомительно, да и кромѣ того совершенно бесполезно, потому что законы эти отчасти уже замѣнены, а отчасти будутъ замѣнены не сегодня—завтра другими, въ основаніе которыхъ будетъ положена болѣе или менѣе піемонтская система налоговъ, то я и поговорю объ этой послѣдней, на сколько она касается національной гвардіи.

Система эта основана на идеѣ облагать податью преимущественно собственность, а не лицо. Къ этому впрочемъ прибавлю, что піемонтская система налоговъ смотреть на знаніе и искусство человѣка, какъ на собственность.

Только люди, не знающіе никакого ремесла, не владѣющіе никакимъ искусствомъ, не имѣющіе никакихъ познаній, дающихъ доходъ, то-есть только простые работники платятъ чисто подушную подать, которая весьма и весьма легка, а именно не превышаетъ 75 коп. на наши деньги.

Всѣ ремесленники, всѣ люди, получающіе доходъ съ знанія, искусства, мѣста, напримѣръ прикащики, учителя и т. п., платятъ уже гораздо болѣе. Я знаю одного священника, не имѣющаго никакого состоянія и получающаго самое ничтожное казенное жалованье и платящаго, однакоже, 12 ит. лиръ, то-есть 2 р. 50 к. подати, на томъ основаніи, что онъ даетъ уроки италіанскаго языка и извлекаетъ изъ этого порядочный доходъ. По закону, сами общины опредѣляютъ размѣръ подати, которую долженъ платить каждый изъ ихъ членовъ, сообразно съ получаемымъ имъ доходомъ.

Какъ однакожъ мало обременительна не только подушная подать, платимая простымъ рабочимъ, или всякая вообще личная подать, по сравненію съ налогами на собственность, можно видѣть изъ того, что вся личная (personale) подать не составляетъ и $\frac{1}{100}$ части всего государственнаго сбора, тогда какъ налогъ на недвижимую собственность (prediale) простирается до $\frac{44}{100}$ всего государственнаго дохода.

Такимъ образомъ какъ налоги, такъ и служба въ націо-

нальної гвардіи падають преимущественно на собственниковъ, разумѣя въ этомъ случаѣ подъ собственниками не только людей, владѣющихъ недвижимою собственностію, но и ремесленниковъ, работающихъ въ своихъ мастерскихъ, торговцевъ, прикащиковъ и т. п. людей, получающихъ доходъ не съ одной только силы своихъ мышцъ.

Нельзя не признать какъ справедливости, такъ и основательности мысли возложить службу въ національной гвардіи на собственниковъ и вообще на людей, получающихъ доходъ болѣе чѣмъ получаетъ простой рабочій.

Справедливо это потому, что служба въ національной гвардіи не только не приноситъ ничего, но напротивъ требуетъ расходовъ со стороны каждаго солдата; справедливо, слѣдовательно, чтобы расходы эти падали на болѣе-достаточные классы общества.

Основательно это потому, что національная гвардія—учрежденіе существенно консервативное, главная цѣль котораго заключается въ охраненіи и защитѣ существующаго порядка; а извѣстно, что не только собственники въ точномъ значеніи этого слова, но даже и люди, уже приобрѣтшіе какое-нибудь положеніе въ обществѣ своими познаніями и трудами, всегда бываютъ болѣе или менѣе консерваторами, ибо теряютъ непременно при всякихъ, не только важныхъ переворотахъ и революціяхъ, но даже и при всякихъ смутахъ, нарушающихъ обыкновенный ходъ дѣлъ.

Наконецъ, національная гвардія, по характеру своей службы, должна быть войскомъ болѣе или менѣе образованнымъ, сознательно понимающимъ законъ и сознательно ему повинующимся; а въ наше время образованіе составляетъ еще почти исключительную принадлежность достаточныхъ классовъ общества.

Правда, въ общинахъ, не превышающихъ 500 душъ, на службу въ національной гвардіи допускаются чуть-чуть не всѣ, но вѣдь такія общины составляютъ исключеніе, да и кромѣ того революціи не только въ такихъ общинахъ, но и въ гораздо болѣе большихъ ни мало не опасны для всего государства. Могутъ быть опасны для государства вообще революціи только въ такихъ городахъ, какъ Туринъ, Флоренція, Неаполь, а въ этихъ городахъ національная гвардія состоитъ изъ консерваторовъ, ибо въ нее допускаются только люди, платящіе 80 итал. лиръ податей, то-есть собственники и торговцы, ремесленники и т. п., имѣющіе свои лавки и заведенія.

Въ списки резерва національной гвардіи внесены даже люди, платящіе менѣе 3 итал. лиръ податей, но резервъ не вооруженъ постоянно, какъ дѣйствующая часть гвардіи, и призывается на службу только въ крайнихъ случаяхъ, напримеръ въ случаѣ защиты отъ внѣшняго врага и т. п.

Будучи учрежденіемъ характера существенно гражданскаго, національная гвардія не имѣетъ ничего общаго съ военнымъ министерствомъ. Только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда отряды національной гвардіи требуются въ помощь арміи, то-есть опять-таки въ случаѣ защиты отъ внѣшняго врага, отряды эти поступаютъ въ вѣдѣніе военныхъ начальствъ. Въ этихъ крайнихъ случаяхъ, національная гвардія можетъ быть призвана на службу не иначе какъ особымъ закономъ, вотируемымъ обѣими камерами парламента и утвержденнымъ королемъ. Только во время вакацій парламента, король можетъ призвать національную гвардію на такую службу королевскимъ декретомъ, съ тѣмъ однакоже непремѣннымъ условіемъ, чтобы декретъ этотъ былъ подвергнутъ пренію камеръ парламента въ первую же сессію.

За исключеніемъ этихъ крайнихъ случаевъ, національная гвардія находится подъ начальствомъ установленныхъ конституціей гражданскихъ властей, то-есть прежде всего въ непосредственномъ вѣдѣніи синдика общины, и затѣмъ въ вѣдѣніи провинціального интенданта, генеральнаго интенданта административнаго отдѣленія и, наконецъ, въ завѣдываніи министра внутреннихъ дѣлъ.

Что касается внутренняго командованія этимъ войскомъ, то національная гвардія находится подъ начальствомъ офицеровъ, ею самою избираемыхъ, или назначаемыхъ королемъ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ должностными лицами гвардіи. Такъ офицеры, капитаны, унтеръ-офицеры и капралы избираются непосредственно самими національными гвардейцами. Затѣмъ всѣ эти чины составляютъ списокъ кандидатовъ, изъ которыхъ король назначаетъ батальонныхъ командировъ, начальниковъ легионовъ и интендантовъ. Только одинъ главный начальникъ національной гвардіи всего королевства назначается по усмотрѣнію короля, и то только въ такомъ случаѣ, когда это будетъ признано за нужное. Въ настоящее время такого общаго начальника нѣтъ, да и не предвидится его назначенія.

Офицеры, капитаны, унтеръ-офицеры и капралы избираются на 5 лѣтъ.

Гвардейцы собираются на выборы безъ оружія.

Національная гвардія каждой общины дѣлится на роты, смотря по числу гвардейцевъ.

Если наберется въ общинѣ не менѣе четырехъ ротъ, онѣ составляютъ батальионъ, имѣющій свое знамя. Батальионы составляются во всѣхъ общинахъ, гдѣ гвардейцевъ не менѣе 500 человекъ.

Въ городахъ и округахъ, гдѣ избирается не менѣе двухъ батальионовъ, въ 500 человекъ каждый, изъ нихъ образуется легионъ.

Національные гвардейцы не имѣютъ права собираться съ оружіемъ, не будучи призваны къ тому своими непосредственными начальниками; а эти послѣдніе имѣютъ право ставить гвардію и употреблять ее въ дѣло не иначе какъ получая на то требованіе гражданскихъ властей.

Національная гвардія одѣвается и содержится на свой счетъ; правительство даетъ только оружіе. Могутъ возразить, что въ сущности войско это все-таки много стѣбитъ народу, ибо всякій гвардеецъ содержитъ самъ себя. Такъ, но только тутъ расходуетъ всякій самъ и свое, и такимъ образомъ остаются въ экономіи всѣ расходы на сборъ и расходованіе суммъ, не считая злоупотребленій.

Замѣчательный фактъ: чѣмъ цивилизованнѣе и развитѣе край, тѣмъ легче сформировать національную гвардію, и наоборотъ. Въ то время какъ, напримѣръ, во Флоренціи всѣ гвардейцы очень охотно несутъ службу, за исключеніемъ нѣкоторыхъ аристократовъ, которыхъ и сажаютъ за это безъ церемоніи подъ арестъ,—въ деревняхъ, окружающихъ Болонью и вообще въ бывшихъ Папскихъ Владѣніяхъ, правительство и по настоящее время не вполне успѣло въ сформированіи національной гвардіи; а потому, проѣзжая по этимъ деревнямъ, вы рискуете еще быть ограбленнымъ.

Національная гвардія несетъ всю обыкновенную, такъ-называемую гарнизонную службу, то-есть содержитъ караулы на гауптвахтахъ, при тюрьмахъ, стоитъ на часахъ, препровождаетъ арестантовъ, конвоируетъ что нужно и т. п.

И все это не стѣбитъ правительству ни заботъ, ни хлопотъ и почти ни копѣйки, а главное даетъ ему возможность свободно распоряжаться арміей, не отвлекая ее на внутрен-

ную службу. Потому-то, если говорить: у Италіи 300.000 солдатъ, то это значить, что всѣ 300.000 могутъ быть употреблены на военное дѣло.

Я помню, что во время осады Гаэты, въ такомъ большомъ городѣ какъ Флоренція, не было и ста солдатъ арміи, да и тѣ были какіе-то артиллеристы, оставшіеся при какомъ-то заведеніи; всю службу въ городѣ исполняла исключительно національная гвардія, и порядокъ былъ охраненъ какъ нельзя лучше.

Служба отрядовъ національной гвардіи, потребованныхъ на вспоможеніе арміи, заключается въ защитѣ крѣпостей, морскихъ береговъ и границъ государства. Такая служба не можетъ продолжаться болѣе одного года.

Отряды національной гвардіи могутъ быть потребованы на службу внѣ ихъ общины, для преслѣдованія разбойниковъ, для конвоя, для вспоможенія гвардіи другихъ общинъ и т. п. Однакоже такая служба внѣ мѣста жительства не можетъ продолжаться болѣе 10 дней по распоряженію провинціального интенданта, болѣе 20 дней по распоряженію генеральнаго интенданта и болѣе 60 дней вслѣдствіе королевскаго декрета.

По приблизительному разчету, вся національная гвардія королевства, кромѣ резерва, составляетъ до 1.200.000 солдатъ, то-есть 10% мужскаго населенія страны.

На эти-то 10% ложится не только вся служба, но и большая часть государственныхъ налоговъ, и однакоже службой эту тяготеютъ только въ провинціяхъ мало развитыхъ, какъ вообще всѣ бывшія Папскія Владѣнія.

Даже въ Неаполѣ національная гвардія дѣйствуетъ и усердно и охотно, но тамъ еще не совсѣмъ остылъ энтузіазмъ, порожденный походомъ Гарибальди; да и кромѣ того, настоящія тревожныя обстоятельства южныхъ провинцій дѣлаютъ тамъ насущную необходимость національной гвардіи очевидною для всякаго.

Тамъ, безъ дружнаго содѣйствія національной гвардіи правительство было бы поставлено въ невозможность справиться съ разбойниками, какъ мѣстными, такъ и выходящими изъ Рима. Вспомните, что у бурбонскаго правительства было болѣе 100.000 регулярной арміи, которая не имѣла другой причины существованія, какъ только поддержаніе внутренняго порядка, да и то мало успѣвала въ этомъ.

Здѣсь, во Флоренціи, національная гвардія пользуется не только почтеніемъ, но и большою благосклонностію публики. Мундиръ милиціонера, несмотря на свою некрасивость, едва ли не самый почетный изъ здѣшнихъ мундировъ. Стоить только хеть маленькому отряду гвардіи—въводу, нѣсколькимъ рядамъ — показаться на улицѣ, и публика тотчасъ же окружаетъ ихъ.

Когда я жилъ на *via Maggio*, недалеко отъ *piazza S. Spirito*, каждый день, около 6 часовъ вечера, мимо моихъ оконъ проходилъ мѣнявшійся съ караула взводъ національной гвардіи. Огромная толпа народу, шедшая спереди, сзади, съ боковъ, выѣшивавшаяся въ ряды, каждый день провожала взводъ.

Сначала я не могъ понять этого торжественнаго шествія цѣлой массы публики, а потому разъ рѣшился идти съ толпою до конца. Придя къ монастырю *S. Spirito*, взводъ остановился, офицеръ командовалъ что-то и солдаты разошлись по домамъ, въ разныя стороны, не забывъ на прощаньи пожать руку офицеру и капралу.

— Только-то и есть?... Зачѣмъ же толпа? спросилъ я одного Италіянца.

— *Assompiamo la guardia nazionale* (провожаемъ національную гвардію), отвѣчалъ онъ.

На парадахъ и народныхъ празднествахъ національная гвардія играетъ всегда первую роль.

Котечно, войско это не изъ очень-красивыхъ; оно вовсе не изъ парадныхъ. Иному фронтовику войско это могло бы показаться не только смѣшнымъ, но просто нелѣпымъ, невозможнымъ. Какой-нибудь стройный, щеголеватый маркизъ, въ лайковыхъ перчаткахъ, въ лакированныхъ ботинкахъ, съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ, стоитъ рядомъ съ пузатымъ лавочникомъ или сапожникомъ, у котораго руки грязны и навѣрное пахнутъ дратвой! Но Флорентинцы, видѣвшіе это войско въ тяжкія минуты политическихъ волненій, не входятъ въ подробное разбирательство фронтовыхъ способностей гвардейцевъ и мало обращаютъ вниманіе на ихъ выправку. Это отчасти смѣшное войско всегда видитъ вокругъ себя дружескую толпу, привѣтливый улыбки; его всегда встрѣчаютъ и провожаютъ привѣтственные клики.

Недавно, начальникъ флорентинской національной гвардіи обратился къ ней съ слѣдующими словами:

«Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты!

«Призванный нашимъ великодушнымъ королемъ къ началствованію вами, я понимаю всю важность отвѣтственности, которую на себя принимаю, и сомнѣвался бы въ своихъ силахъ, еслибы не надѣялся найти въ васъ настойчивую рѣшимость служить закону.

«Ваше прошедшее ручается за ваше будущее.

«Въ трудныя времена политическихъ волненій и при совершенномъ отсутствіи регулярныхъ войскъ, флорентинскіе національные гвардейцы доказали, что они не даромъ пользуются именами воиновъ закона и цивилизаціи.

«Viva Vittorio Emmanuele!»

Этимъ восклицаніемъ заканчиваютъ здѣсь все и всегда.

По правдѣ сказать, такая рѣчь, обращенная къ такому войску, получаетъ смыслъ, перестаетъ быть истертою и пошлою фразой.

Въ настоящее время политическія учрежденія Италіи пользуются глубокимъ сочувствіемъ громаднаго большинства націи и держатся этою нравственною силой еще болѣе чѣмъ миліономъ штыковъ національной гвардіи. Революціи, бунтовъ нѣтъ, и ихъ не предвидится теперь. Кромѣ одного случая въ одной деревушкѣ Сициліи, гдѣ какой-то сумашедшій закричалъ «viva la gerubblica!» еще ни разу не пришлось прибѣгнуть къ національной гвардіи съ цѣлю защитить конституціонную монархію. Я не считаю неаполитанскихъ провинцій, ибо тамъ дѣйствуютъ не внутренніе, а вѣншіе враги, являющіеся съ римской границы и находящіе союзниковъ не въ политическихъ противникахъ существующаго теперь въ Италіи политическаго института, а въ тѣхъ противосоціальныхъ элементахъ, которые всегда встрѣчаются не только въ обществѣ столь мало цивилизованномъ и столь много пріученномъ къ грабежу и разбою, какъ населеніе бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій, но и во всякомъ другомъ обществѣ. Воры и разбойники есть даже и въ Англіи; только въ Неаполѣ обстоятельства болѣе имъ благопріятствуютъ, да и Римъ подъ бокомъ.

Всякая мысль о революціи въ остальныхъ провинціяхъ Италіи въ настоящее время просто невозможна. Даже мадзинисты, не видя ни малѣйшихъ шансовъ успѣха, волей-неволей примирились хоть на время съ конституціонною монархіей, заявляютъ при всякомъ удобномъ случаѣ о преданности своей королю Виктору-Эммануилу и отлагаютъ свои планы о пере-

мѣнѣ формы правленія въ долгій и очень долгій ящикъ. Теперь они составляютъ, правда, очень рьяную и часто недобросовѣстную, но обыкновенную оппозицію министерству, а не существующей формѣ правленія

Затѣмъ національной гвардіи остается теперь только поддерживать уличный порядокъ, когда его нарушаетъ какая-нибудь ссора реакціонеровъ съ уличною толпой. Здѣсь, во Флоренціи, реакціонеры теперь сидятъ себѣ обыкновенно довольно смиренно; но вдругъ получаютъ извѣстіе, что у Рикаволи холера, или что у Лудовика Наполеона, котораго здѣсь называютъ Джи-Джи, заболѣлъ мизинецъ, отчего онъ, по рѣшенію знаменитѣйшаго доктора, умретъ въ двѣ недѣли, а черезъ мѣсяцъ послѣ того воротятся любовные Австрійцы: нельзя же пропустить такого радостнаго случая. Начинаются воздушные замки, затѣвается глупѣйшая манифестація, въ родѣ погребенія кота, которая и вызываетъ свистъ и негодованіе сначала уличныхъ мальчишекъ, а потомъ мало-по-малу и взрослые, разогрѣвшіеся, пристають къ мальчишкамъ. Является національная гвардія, и все дѣло кончается обыкновенно нѣсколькими разбитыми носами, да выбитыми стеклами, за которыми слѣдуетъ иногда судебный процессъ.

Однакожь, если дозволено заглянуть въ будущее, то, мнѣ кажется, существуютъ такіе вопросы, которые, задѣвая интересы всей массы населенія, возмутятъ это до сихъ поръ ненарушимое согласіе населеній, породятъ борьбу и, можетъ-быть, разорвутъ ту нравственную связь, которая соединяетъ теперь національную гвардію съ остальною массою народа.

Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ прежде всего вопросъ о расширеніи права избирательства.

Вопросъ этотъ спитъ въ настоящее время; большинство довольно, оно требуетъ теперь прежде всего согласія, союза, отлагая въ сторону все остальное; теперь, пока нѣтъ еще Рима и Венеціи, не до того, чтобы приступать къ рѣшенію подобныхъ вопросовъ. Но придетъ время, когда народъ, успокоившись отъ внѣшнихъ тревоженій, упрочившись и окрѣпнувъ, захочетъ принять болѣе широкое участіе въ общественныхъ дѣлахъ страны, и тогда-то произойдетъ, мнѣ кажется, борьба между людьми, пользующимися теперь правомъ избирательства въ парламентъ, и остальною массою населенія, остающейся за цензомъ, то-есть между партіей, совершенно довольною настоящимъ порядкомъ вещей, и остальною частію народа,

во главѣ которой станетъ партія, написавшая на своемъ знамени это вѣчное впередъ и впередъ!

Я нѣсколько разъ говорилъ уже объ этой послѣдней партіи и всегда выводилъ заключеніе, что вся сила ея заключается въ *настоящее время* въ римскомъ вопросѣ; я говорилъ даже, что партія эта была бы введена въ микроскопическіе размѣры, еслибы не было римскаго вопроса. Такимъ образомъ я повидимому противорѣчу самому себѣ. Но говоря о связи между римскимъ вопросомъ и силою мадзинистовъ, я говорилъ о томъ, что народъ дѣйствительно думаетъ и чувствуетъ въ *настоящую минуту*. Говоря же о расширеніи права избирательства, котораго требуютъ мадзинисты, я дѣлаю только *предположеніе* о будущемъ, и быть можетъ далеко въ еще будущемъ. Наконецъ, тогда можетъ-быть не одни мадзинисты будутъ требовать расширенія права избирательства; можетъ-быть, не бросятся сломя голову, какъ этого требуютъ мадзинисты, прямо на подачу голосовъ всѣмъ міромъ, а будутъ идти осторожно и осмотрительно, расширяя право избранія постепенно. Кромѣ того, мадзинизмъ имѣетъ еще другія цѣли, и сомнительно, чтобы народъ присталъ къ нему въ этомъ отношеніи. Словомъ, дѣйствовать будетъ не та партія, которая теперь называется собственно мадзинистскою, а другая, которая выступитъ во имя другихъ идей.

Какая же будетъ во всемъ этомъ роль національной гвардіи?

Мы видѣли, нація раздѣлится на два лагеря, которые и вступать въ борьбу между собой.

Силы противниковъ будутъ, повидимому, не равны; съ одной стороны—законъ, парламентъ, прочно установившаяся система, образованнѣйшая, богатѣйшая часть націи, сильная, дисциплинированная власть, распоряжающаяся всѣми средствами государства; словомъ, сильная, правильно устроенная и пущенная въ ходъ машина государственнаго управленія, имѣющая на своей сторонѣ судъ присяжныхъ, состоящій изъ своихъ, и въ довершеніе всего, опирающаяся на колоссальную силу національной гвардіи; съ другой стороны—безпорядочная, безоружная масса населенія, вполне зависящая отъ своей соперницы, которая будетъ судить всякое ея дѣйствіе какъ бунтъ!

Какая же это борьба? Гдѣ равенство шансовъ? Гдѣ справедливость? Но вѣдь это, наконецъ, просто заговоръ одной части народа, меньшей числомъ, но сильной матеріальными средствами,—противъ остальной массы населенія! И хероша

будеть въ этой борьбѣ роль національной гвардіи—служить опорой несправедливости, деспотизму меньшинства!

Да, это было бы такъ; это былъ бы дѣйствительный заговоръ, еслибы штыкъ національнаго гвардейца не былъ щитомъ, подъ покровомъ котораго открывается самое широкое поприще для свободнаго пренія,—ограниченное, правда, законами о печати и судомъ присяжныхъ; но вѣдь это такія границы, которыхъ требуетъ простой здравый смыслъ и самое обыкновенное чувство приличія и которыя ни на волосъ не мѣшаютъ дѣлу.

Нѣтъ, штыкъ національнаго гвардейца только оградить это свободное преніе отъ вмѣшательства дубины и уличной драки. Слово будетъ истинно свободнымъ.

Недавно, въ Неаполѣ, студенты, собравшись толпой, обошли всѣ типографіи, въ которыхъ печатаются ненавидимые народу реакціонные журналы, и пригласили хозяевъ прекратить печатаніе этихъ журналовъ, угрожая въ противномъ случаѣ разбить печатные станки. Не знаю какъ поступить неаполитанская національная гвардія, въ случаѣ если студенты приведутъ въ исполненіе свою угрозу. Въ Неаполѣ такое событіе еще понятно пока, тамъ еще живы преданія Бурбоновъ, тамъ пока еще не выучились уважать чужія мнѣнія; но и тамъ это пройдетъ скоро. Въ Тосканѣ ненависть къ реакціонерамъ можетъ-быть также сильна какъ и въ Неаполѣ, и во Флоренціи тоже разъ побровали было сдѣлать набѣгъ на контору и типографію реакціоннаго журнала *Contemporaneo*. Но набѣгъ этотъ не удался вполнѣ. Національная гвардія явилась тотчасъ же. Я былъ свидѣтелемъ этой сцены, которая, несмотря на нѣкоторый комизмъ, привела меня въ восторгъ: толстый, брюхастый капитанъ національной гвардіи, пыхтя и едва переводя духъ, бѣжалъ передъ своимъ взводомъ.

— Signori, signori, кричалъ онъ задыхаясь,—оставьте!... Стыдитесь, неужели вы не умѣете уважать чужія мнѣнія?...

— Да вѣдь это мерзавцы, кричали синьоры въ блузахъ,—вы прочитайте-ка!...

— Знаю, знаю, но это не наше дѣло; на это есть судъ присяжныхъ и законъ. Идите же по домамъ и не позорьте цивилизации и нашей Флоренціи.

И синьоры отправились по домамъ.

Такова будетъ роль національной гвардіи въ предстоящей можетъ-быть борьбѣ.

Но вѣдь депутаты парламента будутъ назначаться тогда,

какъ назначаются теперь, только людьми, которымъ настоящій законъ даетъ право избирательства; но вѣдь всѣ избиратели входятъ въ составъ національной гвардіи; мало того, они составляютъ такъ-сказать фондъ этого войска!

Итакъ, интересы парламента, интересы національной гвардіи, то-есть интересы всего, что владѣетъ матеріальною силой, требуютъ сохраненія настоящаго. А между тѣмъ на сторонѣ противниковъ только слово.

Да, но неужели слово слабѣе матеріальной силы? Неужели голосъ разума, справедливости, великодушія не найдетъ доступа къ человѣческому сердцу? О, нѣтъ, оградите только это слово отъ вмѣшательства кулака и уличной драки, сдѣлайте преніе истинно свободнымъ! И въ этомъ-то огражденіи проявится во всемъ блескѣ высокая польза учрежденія національной гвардіи. Но вѣдь требованія справедливости и здраваго понятія распространяются вообще очень медленно, а тутъ будутъ имъ противиться еще и интересы. Конечно такъ; но право, лучше медленно, да безъ дубины, чѣмъ скоро, да съ дубиной. Торжество разума, безъ вмѣшательства грубой силы, всегда прочнѣе; а оно—несомнѣнно.

Развернемъ лѣтопись Европы за послѣднюю четверть вѣка. Почти двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе лорды, имѣвшіе на своей сторонѣ узаконенное право, то-есть матеріальную силу, подписали актъ, который, по тогдашнимъ понятіямъ, вырывалъ самый корень ихъ преобладанія.

А въ нашъ вѣкъ, когда цивилизація будто мчится по желѣзной дорогѣ, двадцать лѣтъ много времени, быть-можетъ больше чѣмъ сто лѣтъ въ средніе вѣка.

Неужели же будетъ хуже въ Италіи?

В. СКАРЯТИНЪ.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА¹

XLV.

Повернувъ назадъ отъ воротъ Темпля, какъ только я прочелъ это предостереженіе, я поспѣшилъ въ Флитъ-стритъ, взялъ тамъ запоздалую извозничью карету и отправился въ гостиницу Гемомсъ, въ Ковентгарденъ. Въ то время тамъ можно было достать постель во всякій часъ ночи, и слуга, впустившій меня въ свою гостепріимную комнату, засвѣтилъ свѣчку, стоящую у него на полкѣ на очереди, и повелъ меня прямо въ спальню, которая случилась первая по порядку въ его списокѣ. Это было нѣчто въ родѣ склепа въ нижнемъ этажѣ, съ громадною кроватью, похожею на чудовище деспотически захватившее все пространство, запустившее одну изъ ногъ въ каминъ, другую въ дверь, и притѣснявшее совершенно къ стѣнѣ несчастный умывальный столикъ.

Я спросилъ себѣ ночникъ, и слуга принесъ мнѣ добрую сальную свѣчу славнаго стараго времени, съ камышиною вмѣсто фитиля, которая готова была переломиться попо-

¹ См. *Русск. Вѣстн.* №№ 2—7.

ламъ при первомъ къ ней прикосновеніи, и опустилъ ее, какъ преступника въ заточеніе, на дно высокой жестяной башни, съ безчисленнымъ множествомъ отверстій, отрисовавшихъ глазастые узоры на потолокъ и на стѣнахъ, дико на меня смотрѣвшіе. Я легъ въ постель и лежалъ въ ней усталый, разбитый, съ натруженными ногами; я чувствовалъ, для меня было такъ же невозможно закрыть мои глаза, какъ замкнуть вѣки этому глупому Аргусу. И такимъ образомъ, посреди мрака и мертвой тишины ночи, мы глазѣли другъ на друга.

Какая печальная была эта ночь! Какъ она была тяжела, грустна и продолжительна! Въ комнатѣ разливался негостепріимный запахъ холодной сажи и горячей пыли; и, смотря въ углы полога, разстилавашагося надъ моею головою, я раздумывалъ, какое тамъ скрывается множество мухъ, клещаковъ и гусеницъ, покоящихся до слѣдующаго лѣта. Это навело меня на мысль, не падаетъ ли когда внизъ который-нибудь изъ нихъ, и мнѣ показалось, что-то легкое упало мнѣ на лицо, и очень непріятная игра воображенія уже представляла мнѣ будто какія-то гадины ползали у меня по спинѣ. Прележавъ нѣсколько времени безъ сна, я начиналъ слышать эти сверхъестественные голоса, которые обыкновенно наполняютъ глубокую тишину. Чуланъ зашепталъ, каминъ вздохнулъ, умывальный столикъ защелкалъ, и въ комодѣ прозвенѣла струна. Въ то же самое время глазастые узоры на стѣнахъ приняли новое выраженіе, и я видѣлъ, во всѣхъ свѣтлыхъ кружкахъ, во всѣ глаза на меня смотрѣвшихъ, было написано: *не ходите домой*.

Всѣ ночные призраки и звуки, преслѣдовавшіе меня, не заглушали, не заслоняли этихъ роковыхъ словъ: *не ходите домой*. Они приплетались ко всему, о чемъ бы я ни думалъ, будто тѣлесная боль. Недавно передъ этимъ я читалъ въ газетахъ, какъ неизвѣстный джентльменъ пришелъ ночью къ Гемомсу, легъ въ постель и зарѣзался, и на слѣдующее утро его нашли окровавленнаго. Мнѣ пришло въ голову, что онъ должно-быть занималъ этотъ же самый склепъ, и я всталъ съ постели, чтобъ увѣриться, не было ли на ней красныхъ пятенъ; потомъ я отворилъ дверь и посмотрѣлъ въ корридоръ, желая разсѣять себя отдаленнымъ видомъ свѣта, у котораго, я зналъ, дремалъ слуга. Но все это время мой умъ былъ до того занятъ вопросами: почему нельзя мнѣ было идти домой, что случилось дома, и когда можно будетъ мнѣ

возвратиться домой, и безопасенъ ли Провисъ?—что, казалось бы, въ немъ не оставалось мѣста для другихъ мыслей. Даже, когда я думалъ объ Эстеллѣ, какъ мы разстались съ нею навсегда въ этотъ день, и припоминалъ всѣ обстоятельства нашего разставанья,—ея взгляды, ея голосъ, движеніе ея пальцевъ, занятыхъ вязаньемъ,—даже и тогда преслѣдовало меня со всѣхъ сторонъ предостереженіе: *не идите домой*. Когда, наконецъ, я задремалъ въ совершенномъ истомленіи души и тѣла, оно приняло форму безконечнаго глагола, который я долженъ былъ спрягать повелительнаго наклоненія въ настоящемъ времени: ты не иди домой, пусть онъ не идетъ домой, пусть мы не идемъ домой, не идите вы домой, пусть они не идутъ домой. Наконецъ я чувствовалъ, что я схожу съ ума; я ворочался на подушкѣ и опять смотрѣлъ на стѣну, на глазавшіе на меня свѣтлые кружки.

Я приказалъ, чтобы меня разбудили въ семь часовъ; мнѣ было ясно, что я долженъ видѣть прежде всего Вемика, и что, по этому случаю, мнѣ слѣдовало узнать его валвертскія мнѣнія. Для меня было большимъ облегченіемъ выйти изъ комнаты, гдѣ я провелъ такую тяжелую ночь, и я вскочилъ съ моей безпокойной постели послѣ перваго удара въ дверь.

Укрѣпленія замка представились моимъ глазамъ въ восемь часовъ. Маленькая служанка входила въ крѣпость съ двумя горячими булками; въ ея сопровожденіи я вошелъ въ калитку, перебрался черезъ подъемный мостъ, и такимъ образомъ, безъ доклада, предсталъ предъ лицо Вемика, когда онъ дѣлалъ чай для себя и для старикашки. Отворенная дверь представляла перспективный видъ старикашки въ постелѣ.

— Ого, мистеръ Пипъ! сказалъ Вемикъ.—Такъ вы вернулись?

— Да, отвѣчалъ я;—но я не пошелъ домой.

— Такъ и быть должно, сказалъ онъ, потирая руки.—Я оставилъ для васъ записку, на случай, у каждой калитки. Въ которую калитку вы вошли?

Я сказалъ.

— Сегодня же обойду прочія калитки и уничтожу оставшіяся записки, сказалъ Вемикъ.—Хорошее правило—никогда не оставлять письменныхъ доказательствъ, если только возможно, потому что не знаешь, какъ и когда они могутъ быть приведены. Я съ вами церемониться не стану: вы не откажетесь поджарить мнѣ сосиску для престарѣлаго родителя?

Я отвѣчалъ, что сдѣлаю это съ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, Марианна, вы можете идти занимать-ся вашимъ дѣломъ, сказалъ Вемикъ маленькой служанкѣ;—а мы остаемся съ вами одни, какъ видите, мистеръ Пипъ, прибавилъ онъ, подмигивая мнѣ, когда она исчезла.

Я поблагодарилъ его за дружбу и осторожность. Дальнѣйшій разговоръ нашъ шелъ въ полголоса, пока я жарилъ сосиску старикашкѣ, а онъ намазывалъ масломъ краюшку его булки.

— Ну, вы знаете, мистеръ Пипъ, сказалъ Вемикъ,—мы другъ друга понимаемъ. Мы теперь съ вами по домашнему, на дружеской ногѣ; у насъ уже прежде бывали конфиденціальные дѣла. Мнѣнія и чувства конторскія сами по себѣ. Мы теперь не въ конторѣ.

Я отъ души согласился. Я былъ такъ разстроены, что поджегъ сосиску старикашки, которая запылала какъ факелъ, и я принужденъ былъ задуть ее.

— Вчера вечеромъ, сказалъ мистеръ Вемикъ,—я случайно услышалъ въ одномъ мѣстѣ, куда я разъ бралъ васъ съ собою... даже и между нами лучше не называть вещей по имени, если возможно обойтись безъ этого...

— Гораздо лучше не называть, сказалъ я.—Я понимаю васъ.

— Такъ я случайно слышалъ вчера вечеромъ, сказавъ Вемикъ,—что извѣстный человекъ, имѣвшій нѣкоторое отношеніе къ колоніямъ и обладающій также движимою собственностью... я не знаю, кто это можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, мы не назовемъ этого лица...

— И нѣтъ необходимости, сказалъ я.

— ...надѣлалъ довольно шуму въ извѣстной части свѣта, куда отправляется много людей и не всегда по доброй охотѣ и пожалуй при нѣкоторомъ содѣйствіи правительства...

Слѣдя за его лицомъ, я опять сдѣлалъ цѣлую иллюминацію изъ сосиски старикашки, что очень разстроило наше общее вниманіе, и я извинился.

— ... вдругъ скрывшись изъ этого мѣста, гдѣ ничего не извѣстно ни о немъ, ни о его мѣстопребываніи. Отсюда, сказалъ Вемикъ,—сдѣланы были нѣкоторыя заключенія и предположенія. Я также слышалъ, что присматривали и за вами и за вашою квартирой въ Темплѣ, и пожалуй еще будутъ присматривать пристальнѣе.

— Кто? спросилъ я.

— Ну, я не стану входить въ подробности, сказалъ Великъ уклончиво,—это можетъ повредить конторской отвѣтственности. Я слышалъ это, какъ слышалъ многое въ свое время въ томъ же самомъ мѣстѣ. Я не говорю, чтобъ это было сообщено мнѣ. Я только слышалъ объ этомъ.

Говоря это, онъ взялъ у меня вилку и сосиску, и аккуратно приготовилъ на маленькомъ подносѣ завтракъ для старикашки. Потомъ онъ пошелъ въ его комнату съ чистою салфеткой, подвязалъ ее подъ подбородокъ ему, подперъ его подушками и повернулъ его колпакъ на сторону; онъ такъ и смотрѣлъ теперь старымъ забулдыгою. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, онъ заботливо поставилъ передъ нимъ завтракъ и сказалъ: «Ну, все исправно, такъ ли, престарѣлый родитель?» На это веселый старикашка отвѣчалъ: «Все исправно, Джонъ, мой малецъ, все исправно!» Такъ какъ между нами подразумевалось, что старикашка былъ въ неглиже и ничего не видалъ по этому случаю, то и я притворился, будто ничего не замѣчаю.

— Это присматриваніе за мною и за моею квартирой (которое я самъ одинъ разъ имѣлъ поводъ подозрѣвать), сказалъ я Велику, когда тотъ вышелъ назадъ,—относится къ тому лицу, о которомъ вы упоминали, не такъ ли?

Великъ посмотрѣлъ очень серьезно.

— Я не могу сказать, чтобъ это было мнѣ извѣстно. То есть я не могу сказать, чтобъ это было такъ съ самаго начала. Но оно или есть такъ теперь, или будетъ такъ, или можетъ быть такъ.

Я видѣлъ, его удерживала отъ дальнѣйшаго объясненія его вѣрность конторѣ; я зналъ также, какъ много отступилъ онъ отъ своего обыкновенія, сказавъ уже мнѣ столько, и поэтому я не могъ приставать къ нему болѣе. Но, подумавъ немного, я объявилъ ему, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать ему вопросъ, на который онъ могъ отвѣчать и не отвѣчать, какъ онъ признаетъ за лучшее, въ чемъ конечно онъ уже не ошибется. Онъ прервалъ свой завтракъ, сложилъ руки и, зашпинувъ рукавъ своей рубашки (для большаго спокойствія и удобства, онъ сидѣлъ дома безъ скртука), кивнулъ мнѣ, чтобъ я предложилъ ему мой вопросъ.

— Слышали вы объ одномъ негодѣѣ, котораго зовутъ Камписсономъ?

Онъ отвѣтилъ мнѣ другимъ кивкомъ.

— Живъ онъ?

Еще другой кивокъ.

— Въ Лондонѣ онъ?

Онъ мнѣ еще разъ кивнулъ, необыкновенно какъ сжалъ свой почтовый ящикъ, кивнулъ мнѣ еще въ послѣдній разъ, и принялся опять за завтракъ.

— Ну, сказалъ Великъ, — допросъ теперь конченъ! — Онъ произнесъ эти слова съ особеннымъ выраженіемъ и повторилъ ихъ для моею руководства. — Я перейду теперь къ тому, что сдѣлано мною послѣ того, какъ я услышалъ то, что я слышалъ. Я отправился въ Темплъ, чтобы найти васъ; не найдя васъ тамъ, я отправился къ Кларикеру, чтобы отыскать мистера Герберта.

— И вы нашли его? спросилъ я съ большимъ участіемъ.

— И нашелъ его я. Не называя никого по имени и не вдаваясь ни въ какія подробности, я объяснилъ ему, что буде ему вѣдомо, если кто-нибудь, Томъ, Джакъ или Ричардъ, укрывается на квартирѣ или по сосѣдству, то лучше всего этого Тома, Джака или Ричарда, спровадить подальше, въ ваше отсутствіе.

— Онъ будетъ въ большомъ недоумѣніи что ему дѣлать.

— Онъ и былъ очень озадаченъ, тѣмъ болѣе что я далъ ему мое мнѣніе, что пока не вовсе безопасно и слишкомъ-то далеко отправлять Тома, Джака или Ричарда. Я вамъ скажу, мистеръ Пипъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, нѣтъ мѣста лучше большаго города, коль скоро вы уже находитесь въ большомъ городѣ. Не прорывайтесь слишкомъ рано черезъ облаву. Лежите себѣ потихоньку. Ждите себѣ, пока дѣло помаленьку успокоится, прежде чѣмъ пытаться нюхнуть иностраннаго воздуха.

Я поблагодарилъ его за этотъ драгоценный совѣтъ, и спросилъ что сдѣлалъ Гербертъ.

— Мистеръ Гербертъ, сказалъ Великъ, — съ полчаса оставался словно его пришибло чѣмъ; но потомъ онъ напалъ на планъ. Онъ передалъ мнѣ за тайну, что онъ ухаживаетъ за молодою леди, у которой, какъ вы безъ сомнѣнія знаете, есть папенька, не встающій съ постели. Этотъ папенька былъ корабельнымъ комиссаромъ, и онъ лежитъ у круглаго окошка и смотритъ себѣ какъ корабли плаваютъ по рѣкѣ. Вы вѣроятно знакомы съ молодою леди?

— Нѣтъ, не знакомъ лично, сказалъ я.

По правдѣ сказать, она избѣгала меня, какъ товарища-могучу, отъ котораго не можетъ быть добра ея Герберту; и когда

Гербертъ предложилъ ей разъ представить меня, она приняла это предложеніе такъ холодно, что Гербертъ былъ вынужденъ передать мнѣ это, совѣтуя до времени отложить знакомство съ нею. Когда я тихомолкомъ началъ устраивать будущность Герберта, я могъ перенести это съ отрадною философіей. Естественно, для него и для его невѣсты неприятно было имѣть третье лицо, при ихъ свиданіяхъ; и хотя онъ увѣрялъ меня, что Клара обо мнѣ лучшаго мнѣнія, и хотя мы постоянно обмѣнивались съ молодою леди черезъ Герберта разными привѣтствіями, но я ни разу не видѣлъ ея. Я однакоже не передалъ Вемику всѣхъ этихъ подробностей.

— Этотъ домъ съ круглымъ окномъ, сказалъ Вемикъ, — стоитъ у рѣки, возлѣ озера, между Лаймъ-хаусомъ и Гриничемъ. Хозяйка — очень почтенная вдова; она меблировала верхній этажъ, чтобъ отдавать его внаймы. Мистеръ Гербертъ спросилъ меня, что я думаю о такой временной квартирѣ для Тома, Джака или Ричарда? Теперь мнѣ такая идея понравилась, а почему, на это дамъ вамъ три причины. Вопервыхъ, это мѣсто далеко отъ васъ, вы никогда и не заходите туда; оно также порядкомъ удалено отъ лабиринта проѣзжихъ улицъ. Во вторыхъ, не ходя туда сами, вы всегда можете слышать о безопасности Тома, Джака или Ричарда, черезъ мистера Герберта. Втретьихъ, спустя нѣсколько времени, когда это будетъ безопасно, если вы найдете необходимымъ спустить Тома, Джака или Ричарда, на иностранный пароходъ, онъ тутъ наготовѣ.

Очень успокоенный этими доводами, я поблагодарилъ Вемика нѣсколько разъ и просилъ его продолжать.

— Ну, сударь мой, мистеръ Гербертъ горячо принялся за дѣло, и вчера же къ девяти часамъ вечера успѣлъ перевести на новое жильѣ Тома, Джака или Ричарда, кого бы тамъ ни было, намъ съ вами этого не нужно знать. На старой квартирѣ сказали, что его потребовали въ Довръ, и дѣйствительно его повезли по доврской дорогѣ и потомъ свернули съ нея. Теперь важно то, что все это было сдѣлано безъ васъ и въ такое время, когда вы были за нѣсколько десятковъ миль, какъ должны это знать люди, слѣдящіе за вашими движеніями, и были заняты совершенно другимъ дѣломъ. Это отвращаетъ всякое подозрѣніе и сбиваетъ съ толку; и по этой самой причинѣ я даже наказалъ вамъ, чтобы вы не

ходили домой, еслибы вы вернулись вчера вечеромъ. Все это болѣе и болѣе запутываетъ дѣло, а намъ того-то и надо.

Вемикъ кончилъ теперь свой завтракъ, посмотрѣлъ на часы и принялся натягивать свой сюртукъ.

— И теперь, мистеръ Пипъ, сказалъ онъ, надѣвая свой сюртукъ,—я, кажется, сдѣлалъ все, что я могъ; но если я могу еще сдѣлать что-нибудь болѣе, съ валвертской точки зрѣнія, по нашимъ домашнимъ, личнымъ отношеніямъ, то я къ вашимъ услугамъ. Вотъ вамъ адресъ. Сегодня вечеромъ вы можете пойти туда и увѣриться сами, что Томъ, Джакъ или Ричардъ, совершенно безопасенъ, передъ тѣмъ какъ вы отправитесь къ себѣ, а это еще одна изъ причинъ, почему я удержалъ васъ, чтобы вы домой не возвращались. Но послѣ уже не ходите туда.—Тутъ руки его просунулись въ рукава сюртука, и я пожалъ ихъ.—А въ заключеніе, позвольте мнѣ убѣдить васъ въ одномъ важномъ пунктѣ.—Онъ положилъ свои руки мнѣ на плечи и прибавилъ торжественнымъ шопотомъ:—Не упустите случая, въ этотъ же вечеръ, захватить его движимую собственность. Вы не знаете, что можетъ случиться съ нимъ. Но пусть же не пропадаетъ его движимая собственность.

Совершенно отчаяваясь объяснить Вемику мой взглядъ на этотъ пунктъ, я и не пробовалъ этого.

— Ну, время идетъ, сказалъ Вемикъ,—и я долженъ убираться. Если вамъ дѣлать нечего, какъ только ждать здѣсь сумерекъ, то мой совѣтъ и не трогаться вамъ отсюда. Вы повидимому утомились и разстроены, и вамъ будетъ полезно провести совершенно спокойный день съ старикашкой,—онъ сейчасъ явится,—и скушать кусочекъ. Помните вы свинью?

— Конечно, сказалъ я.

— Ну, такъ кусочекъ ея мяса. Эта сосиська, которую вы поджаривали сегодня, также изъ нея сфабрикована; во всѣхъ отношеніяхъ это былъ первый номеръ. Отвѣдайте ее хоть ради знакомства. Прощайте, престарѣлый родитель! крикнулъ онъ весело.

— Все исправно, Джонъ, все исправно, мой малый, прокричалъ старикашка изнутри.

Я вскорѣ заснулъ передъ огнемъ Вемика, и мы съ старикашкой проспали почти цѣлый день. За обѣдомъ у насъ была свинина съ зеленою капустой, взрощенной въ помѣстьѣ, и я кивалъ старикашкѣ съ намѣреніемъ, когда это не приходилось случайно. Когда совершенно стемнѣло, я оставилъ ста-

рикашку, который поправлялъ огонь въ каминѣ для гренокъ, и по числу чашекъ и по его взглядамъ на дверцы въ стѣнѣ, я заключалъ, что ожидалась миссъ Скиффинсъ.

XLVI.

Восемь часовъ зробило, когда я вступилъ въ атмосферу, проникнутую запахомъ деревянныхъ осколковъ, стружекъ и опилокъ на береговыхъ заведеніяхъ судостроителей и фабрикантовъ мачтъ и весель. Весь берегъ Темзы ниже мостовъ былъ для меня совершенно невѣдомою страной и, спустившись по берегу рѣки, я увидѣлъ, что мѣсто, которое я искалъ, было не тамъ, гдѣ я предполагалъ, и что его очень не легко было найти. Это мѣсто называлось *Берегомъ Мельничнаго Пруда, Чинковымъ бассейномъ*; и единственнымъ указаніемъ къ нему служилъ старый Зелено-мѣдный канатный заводъ.

Я не стану описывать, какъ я блуждалъ между завязнувшими судами, починавшимися въ сухихъ докахъ, старыми кораблями, которые разбивались на части, по грязи, ялу и тинѣ, оставленной послѣднимъ приливомъ, посреди дикихъ судостроителей и цѣлыхъ горъ пустыхъ боченковъ и лѣсу, — на сколько канатныхъ заводовъ я попадалъ, которые все оказывались не старымъ Зелено-мѣднымъ заводомъ. Нѣсколько разъ то не доходя, то минуя мѣсто моего назначенія, я вдругъ неожиданно повернулъ за уголь и очутился на Берегу Мельничнаго Пруда. Если принять въ уваженіе воѣ обстоятельства, это было мѣсто свѣжее, и вѣтеръ съ рѣки свободно продувалъ въ него; здѣсь были два или три дерева, остатки развалившейся мельницы и старый Зелено-мѣдный канатный заводъ, который я могъ различить при лунномъ свѣтѣ, между рядомъ деревянныхъ палецъ, вставленныхъ въ пашню, напоминавшихъ своимъ видомъ ветхія конныя грабли, потерявшія бѣольшую часть своихъ зубьевъ отъ дряхлости.

Выбравъ наудачу одинъ изъ куріозныхъ домиковъ, на Мельничномъ Прудѣ, домикъ съ деревяннымъ палисадникомъ, въ три этажа и съ круглымъ окошкомъ, я взглянулъ на дощечку на двери и прочелъ имя мистриссъ Вымпль. Ее-то мнѣ и было нужно; я постучался, и ко мнѣ вышла пожилая женщина очень пріятной наружности. Ее сейчасъ же смѣнилъ

Гербертъ, который молча ввелъ меня въ гостиную и затворилъ дверь. Какъ-то странно было мнѣ видѣть его знакомое лицо въ этомъ незнакомомъ мѣстѣ и незнакомой комнатѣ, гдѣ онъ расположился совершенно какъ дома, и я чувствовалъ, что смотрѣлъ на него точно такъ же дико, какъ на угловой буфетъ съ стекломъ и фарфоромъ, на раковины, лежавшія на каминѣ, и раскрашенные картины по стѣнамъ, изображавшія смерть капитана Кука, спускъ корабля, его величество короля Георга Третьяго въ парадномъ парикѣ, лосинныхъ штанахъ и ботфортахъ, прогуливающагося по террасѣ въ Виндзорѣ.

— Все благополучно, Гендель, сказалъ Гербертъ:—онъ совершенно доволенъ, хотя съ нетерпѣніемъ желаетъ видѣть васъ. Моя милая дѣвочка съ отцомъ, и если вы подождете пока она сойдетъ внизъ, я васъ представлю ей, и потомъ мы отправимся на верхъ... Это ея отецъ!

Я услышалъ на верху страшное ворчанье, и вѣроятно показалъ выраженіемъ моего лица, что услышалъ.

— Боюсь, онъ горькій старый забудыга, сказалъ Гербертъ, улыбаясь;—но я никогда не видалъ его. Чувствуете запахъ рома? Онъ всегда за нимъ.

— За ромомъ? спросилъ я.

— Да, отвѣчалъ Гербертъ,—и вы можете себя представить какъ это облегчаетъ его подагру. Онъ держитъ также всю провизію на верху, въ своей комнатѣ, и самъ выдаетъ ее. Онъ держитъ ее на полкѣ надъ своею головою, и самъ отвѣшиваетъ. Я думаю, его комната похожа на мелочную лавочку.

Пока онъ говорилъ, ворчанье превратилось въ продолжительный ревъ, и потомъ замерло.

— Чего же и можно ожидать, сказалъ Гербертъ, какъ бы въ объясненіе,—если онъ непремѣнно хочетъ самъ рѣзать сыръ? Нельзя требовать, чтобы человѣкъ, съ подагрой въ рукѣ и во всемъ тѣлѣ, прорѣзалъ двойной глостерскій сыръ, не повредивъ себя.

Повидимому онъ себя очень повредилъ, потому что онъ вторично испустилъ страшный ревъ.

— Для мистриссъ Вымпль просто кладъ такой жилецъ какъ Провисъ, сказалъ Гербертъ,—потому что, конечно, никто другой не выдержитъ такого шума. А вѣдь любопытное это мѣсто, Гендель, не правда ли?

Дѣйствительно это было очень любопытное мѣсто, и чисто и опрятно на диво.

— Мистриссъ Вымпль, сказалъ Гербертъ, когда я ему это передалъ,—удивительнѣйшая въ мірѣ хозяйка, и, право, я не знаю, что бы Клара дѣлала безъ ея истинно-материнской помощи. У Клары нѣтъ матери, да и никакихъ родственниковъ, кромѣ этого стараго Понуры Угрюма?

— Какъ, Гербертъ?

— Это, сказалъ Гербертъ, — я его такъ прозвалъ. Его зовутъ мистеръ Барле. Но что за блаженство для сына моего отца и матери любить дѣвушку, у которой нѣтъ родныхъ, и которая никогда не станетъ мучить ни себя, ни другихъ, своими родственниками!

Гербертъ говорилъ мнѣ прежде, и напомнилъ мнѣ теперь, что онъ узналъ въ первый разъ миссъ Клару Барле, когда она оканчивала свое воспитаніе въ пансіонѣ въ Гамерсмитъ; и когда ее взяли домой ухаживать за ея отцомъ, она открылась въ своей любви мистриссъ Вымпль, которая съ тѣхъ поръ поддерживала и направляла эту склонность съ одинаковымъ добродушіемъ и скрытностію. Довѣрить старому Барле какое-нибудь нѣжное чувство было невозможно, потому что ему былъ рѣшительно недоступенъ никакой предметъ психологичнѣе подагры, рому и провіантскихъ запасовъ корабельнаго комиссара.

Пока мы разговаривали такимъ образомъ потихоньку, а балки въ потолокъ дрожали отъ постоянного рева стараго Барле, дверь комнаты вдругъ отворилась, и въ нее вошла хорошенькая, темноокая дѣвушка лѣтъ двадцати, съ корзинкою въ рукахъ. Гербертъ нѣжно освободилъ ее отъ этой корзинки, и представилъ мнѣ ее, какъ свою Клару. Дѣйствительно, это была обворожительная дѣвушка, и ее можно было принять за пѣвную фею, которую свирѣпый огръ, старый Барле, заставлялъ себѣ прислуживать.

— Посмотрите сюда, сказалъ Гербертъ, показывая мнѣ корзинку, съ сострадательною и нѣжною улыбкой, послѣ короткаго разговора:—вотъ ужинъ Клары, который отпущается ей каждый вечеръ. Это ея порція хлѣба, это ея ломтики сыру, а это ея ромъ, который я всегда выпиваю. А это завтракъ мистера Барле на слѣдующее утро. Двѣ бараньи котлеты, три картофелины, немножко сухаго гороху, двѣ унціи масла, щепотка соли, и вся эта пропасть чернаго перца. Это варится вмѣстѣ и подается ему горячее. Здоровое кушанье, я полагаю, для подагрика!

Клара такъ естественно и такъ просто смотрѣла на эту провизію, на которую указывалъ Гербертъ, такъ довѣрчиво, такъ любовно, и такъ невинно позволила Герберту обнять свой станъ; она была такъ нѣжна, для нея было такъ необходимо чье-нибудь покровительство у этого Мельничнаго пруда, возлѣ Чинкова бассейна и стараго Зелено-мѣднаго канатнаго завода, съ старымъ Барле, постоянно ворчащимъ надъ потолокомъ, что я не разстроилъ бы ея свадьбы съ Гербертомъ ни за какія деньги, находящіяся въ портфель, котораго я еще ни разу не открывалъ!

Я еще смотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ и удивленіемъ, какъ вдругъ ворчанье разразилось опять ревомъ, и сверху послышался страшный стукъ, словно великанъ съ деревянною ногой пытался пробить ею потолокъ и напасть на насъ. Клара сказала Герберту: «Папа зоветъ меня, мой милый!» и убѣжала.

— Вотъ вамъ безсовѣстная старая акула! сказалъ Гербертъ.— Чего, вы полагаете, еще ему нужно, Гендель?

— Не знаю, сказалъ я.— Выпить чего-нибудь?

— Именно такъ! закричалъ Гербертъ, какъ будто я сдѣлалъ необыкновенное открытіе. — Онъ держитъ у себя на столѣ въ маленькой кадочкѣ грогъ, совсѣмъ приготовленный. погодите минуту, вы услышите, какъ Клара приподыметъ его съ постели, чтобъ ему было легче напиться... Ну, начинаемъ исторію!—Тутъ послышался снова ревъ, закончившійся продолжительною руладой.—Теперь, сказалъ Гербертъ, когда наступило молчаніе,—онъ пьетъ... Теперь, продолжалъ Гербертъ, когда снова черезъ потолокъ послышалось ворчаніе,—онъ опять повалился на спину!

Клара вскорѣ вернулась, и Гербертъ повелъ меня на верхъ, къ моему благодѣтелю. Проходя мимо двери мистера Барле, мы слышали хрипкое ворчаніе, разносившее, словно вѣтеръ, то подымаясь, то стихая, слѣдующія слова:

— Ой, ой! Лопни ваши глаза, вотъ вамъ старый Билъ Барле, лопни ваши глаза, вотъ вамъ старый Билъ Барле лежитъ въ растяжку, чортъ побери! лежитъ въ растяжку, какъ старая дохлая камбала! вотъ вамъ старый Билъ Барле, лопни ваши глаза. Ой, ой! Будьте вы все прокляты!

Гербертъ объявилъ мнѣ, что невидимый Барле утѣшалъ себя подобною молитвой цѣлый день и ночь, не отвоя въ то

же самое время глаза отъ зрительной трубы, которая была утверждена у него на постелѣ, для большаго удобства.

Я нашелъ Провиса въ двухъ маленькихъ комнаткахъ въ самомъ верхнемъ этажѣ, очень чистыхъ и опрятныхъ, гдѣ стараго Барле было слышно гораздо менѣе нежели внизу, и гдѣ онъ очень спокойно расположился. Онъ не обнаруживалъ особенной тревоги, и повидимому, не чувствовалъ большаго опасенія; но мнѣ показалось, онъ былъ гораздо помягче; я не могу сказать или припомнить, въ чемъ именно, и какъ поразило это меня, но вѣрно то, что онъ сталъ гораздо помягче.

Спокойно проведенный день далъ мнѣ возможность подумать, и я вполнѣ рѣшился не говорить ему ничего про Комписсона. Почему было знать, ненависть къ этому человѣку побудила бы его отыскать его и броситься на свою собственную погибель. Поэтому, когда мы всѣ сѣли къ огню, я спросилъ у него, полагаются ли онъ на благоразуміе Вемика и свѣдѣнія полученные имъ?

— А, милый малый! отвѣчалъ онъ:—Джагерсовскіе люди свое дѣло знаютъ.

— Такъ я говорилъ съ Вемикомъ, сказалъ я,—и пришелъ передать вамъ какія далъ онъ мнѣ предостереженія и совѣты.— Я разказалъ ему все подробно, опустивъ только одно обстоятельство, о которомъ упомянулъ выше, и сказалъ ему, какъ Вемикъ слышалъ въ Ньюгетской тюрьмѣ (отъ сторожей или заключенниковъ, а того самъ не зналъ), что его подозрѣвали и что моя квартира была подъ надзоромъ, какъ Вемикъ совѣтовалъ ему укрыться на время, а мнѣ держаться подалѣе отъ него, и также что Вемикъ говорилъ насчетъ его отъѣзда за границу. Я прибавилъ, что, конечно, когда придетъ время, я поѣду вмѣстѣ съ нимъ, или отправлюсь вслѣдъ за нимъ, какъ будетъ безопасно, по мнѣнію Вемика. Я не касался того, что за тѣмъ должно послѣдовать; и, право, я самъ не вполнѣ сознавалъ это въ ту минуту, когда онъ такъ умягчился и находился въ такой опасности ради меня. Относительно же перемены моего настоящаго образа жизни и увеличенія расходовъ, я представилъ ему, не было ли это смѣшно и безразсудно, при нашихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Онъ этого не могъ отрицать и вообще былъ очень благоразуменъ. Онъ говорилъ, что его возвращеніе въ Англію было дѣло рискованное; онъ это очень хорошо зналъ. Онъ ничего

не сдѣлаеть такого, чтобъ изъ этого вышло отчаянное дѣло, и при такой хорошей помощи, онъ нисколько не страшился за свою безопасность.

Гербертъ, все это время смотрѣвшій на огонь въ раздумьѣ, сказалъ, что совѣтъ Вемика привелъ ему на умъ одну мысль, которую не мѣшало бы привести въ исполненіе.—Мы оба съ Генделемъ, говорилъ онъ, хорошіе гребцы и могли бы сами свезти васъ внизъ по рѣкѣ, когда придетъ время. Лодки и лодочниковъ въ такомъ случаѣ не нужно будетъ нанимать для этой цѣли; а это устранить всякое подозрѣніе. Да и не обращая вниманія на время года, какъ вы думаете, не лучше ли было бы намъ теперь же обзавестись лодкою и держать ее у Темпльскаго спуска на рѣку, и постоянно кататься на ней вверхъ и внизъ по рѣкѣ? Вы сдѣлаете эту привычку, и тогда никто на нее не обратитъ вниманія. Сдѣлаете штуку двадцать или пятьдесятъ разъ, и ничего не будетъ удивительнаго, если вы и повторите то же въ двадцать или пятьдесятъ-первый разъ.

Мнѣ понравилась эта мысль, и Провисъ пришелъ отъ нея въ восхищеніе. Мы согласились привести ее въ исполненіе, и Провисъ не долженъ былъ признавать насъ, когда мы станемъ проѣзжать мимо Мельничнаго пруда. Но мы условились также, чтобъ онъ опускалъ штору всякій разъ, какъ увидитъ насъ, въ знакъ, что все обстоитъ благополучно.

Наше совѣщаніе кончилось, все было устроено, и я всталъ чтобы идти, замѣтивъ Герберту, что намъ лучше не возвращаться домой вмѣстѣ, и что я отправлюсь полчасомъ прежде его.

— Неприятно мнѣ оставлять васъ здѣсь, сказалъ я Провису, — хотя я нисколько не сомнѣваюсь, что вы здѣсь безопаснѣе нежели возлѣ меня. Прощайте!

— Милый малый! отвѣтилъ онъ, сжимая мнѣ руки.—Я не знаю когда мы встрѣтимся опять, и не нравится мнѣ это *прощайте*. Скажите лучше *доброй ночи*!

— *Доброй ночи*! Гербертъ будетъ постояннымъ посредникомъ между нами, и когда наступитъ время, вы можете быть увѣрены, что я буду готовъ. *Доброй ночи, доброй ночи!*

Мы разсудили за лучшее, чтобъ онъ остался въ своихъ комнатахъ, и оставили его на площадкѣ у его дверей, откуда онъ свѣтилъ намъ внизъ. Оглянувшись назадъ на него, я подумалъ о первомъ вечерѣ, по его прибытіи, когда положенія наши были совершенно другія, и когда я такъ далеко былъ

отъ мысли, что буду когда-нибудь чувствовать такіа тягость и горе, расставаясь съ нимъ, какія я чувствовалъ теперь.

Старый Барле ворчалъ и ругался попрежнему, когда мы проходили мимо его двери, повидимому не имѣя ни малѣйшаго намѣренія перестать когда-нибудь. Когда мы сошли съ лѣстницы, я спросилъ Герберта, удержалъ ли онъ имя Провиса. Онъ отвѣтилъ, что, разумѣется, нѣтъ, и что новаго жильца зовутъ мистеръ Кампблѣ. Онъ мнѣ объяснилъ также, что здѣсь полагали, будто Кампблѣ былъ его гостемъ и онъ принималъ въ немъ особенное участіе. Потому, когда мы вошли въ гостиную, гдѣ мистрисъ Вымпль и Клара сидѣли за работой, я ни слова не сказалъ, какое участіе принималъ я въ Кампблѣ, не думалъ объ этомъ про себя.

Простившись съ хорошенькою темноокою дѣвушкой и доброю женщиной, которая не такъ устарѣла, чтобы не сочувствовать истинной любви, я сталъ смотрѣть на старый Зеленомѣдный канатный заводъ совершенно другими глазами. Положимъ, что старый Барле былъ старъ, какъ первозданные холмы, и ругался, какъ батальонъ солдатъ; но въ Чинковомъ бассейнѣ было достаточно надежды и юности, чтобы переполнить его черезъ край. И потомъ я вспомнилъ объ Эстеллѣ, о нашемъ разставаніи съ нею, и пошелъ домой очень грустный.

Въ Темплѣ было все спокойно. Окна комнатъ, которыя недавно занималъ Провисъ, были темны, и на дворѣ никто мнѣ не встрѣтился. Я прошелъ два или три раза мимо фонтана, прежде нежели поднялся по лѣстницѣ въ мою квартиру; но я былъ совершенно одинъ. Гербертъ вернувшись домой, подошелъ къ моей постелѣ,—я прямо легъ въ постель, усталый и разстроенный,—и сказалъ мнѣ, что все обстоитъ благополучно. Открывъ окно, онъ посмотрѣлъ на дворъ, оовѣщенный полнымъ мѣсяцемъ, и сказалъ мнѣ, что тамъ было пусто, какъ на паперти любого собора въ эту пору.

На слѣдующій день я пустился отыскивать себѣ лодку. Это дѣло обработалось скоро, и лодка была приведена къ Темпльскому спуску и оставлена тутъ, въ двухъ шагахъ отъ моей квартиры. Потомъ я началъ кататься въ ней, какъ будто для упражненія, то одинъ, то вмѣстѣ съ Гербертомъ. Я выѣзжалъ въ ней и въ холодъ, и въ дождь, и въ слякоть, и вскорѣ никто уже не обращалъ на меня вниманія. Сначала я не выходилъ за Блэкъ-Фрайерскій мостъ; но когда измѣнились часы прилива и отлива, я пускался къ Лондонскому мосту. Тогда еще стоялъ

старый Лондонскій мостъ; здѣсь бывали гонки при известной высотѣ прилива, которыя были довольно опасны. Но я хорошо умѣлъ пролетѣть подъ мостомъ, увидѣвъ однажды какъ это дѣлалось, и пускался уже между кораблями до самаго Эрта. Въ первый разъ проѣзжая мимо Мельничнаго Пруда, мы гребли вмѣстѣ съ Гербертомъ, и оба замѣтили, какъ спустилась условная штора на завѣтномъ окнѣ. Гербертъ бывалъ тамъ никакъ не рѣже трехъ разъ въ недѣлю и никогда не приносилъ мнѣ тревожныхъ вѣстей. Но все-таки я зналъ, что была опасность, и меня преслѣдовала мысль, что за мною надзирають. Заразившись этимъ чувствомъ, никакъ отъ него не избавишься, и счету нѣтъ сколькихъ людей подозрѣвалъ я, что они смотрѣли за мною.

Короче, я всегда страшился за безразсуднаго человѣка, который долженъ былъ скрываться. Гербертъ говаривалъ мнѣ иногда, что ему пріятно было стоять въ темные вечера у нашихъ оконъ, когда приливъ упалъ, и думать, что каждая струйка прилива неслась къ Клэрѣ. Но мнѣ съ ужасомъ приходило на мысль, что струи его неслись къ Магичу, и каждая черная точка на его поверхности представлялась мнѣ его преслѣдователемъ, который быстро стремился тайкомъ, чтобы схватить его.

ГЛАВА XLVII.

Прошло нѣсколько недѣль безъ всякой переменъ. Мы ожидали Вемика; но онъ не показывался. Еслибъ я не зналъ его внѣ Литль-Бритена, и еслибъ я не былъ принятъ дружески въ его замкъ, то я могъ бы подозрѣвать его; но онъ былъ мнѣ слишкомъ известенъ, и я не могъ сомнѣваться въ немъ.

Мои житейскія дѣла принимали все болѣе и болѣе мрачный видъ, и кредиторы приставали ко мнѣ за деньгами. Я самъ даже сталъ знать нужду въ деньгахъ (я разумѣю деньги карманныя), и пополнялъ этотъ недостатокъ обращая въ наличность разныя драгоценности, безъ которыхъ я могъ легко обойтись. Но я твердо рѣшился, что брать деньги отъ моего покровителя, при настоящемъ положеніи моихъ мыслей и моихъ неферныхъ планахъ, было бы просто обманомъ. Потому я отправилъ ему черезъ Герберта его портфель, котораго я не открывалъ, чтобъ онъ самъ держалъ его при себѣ, и я чувствовалъ особенное

удовольствіе, не знаю только было ли оно истинное или поддѣльное, что уже я не пользовался его великодушіемъ съ того самого времени, какъ онъ мнѣ открылся.

Время уходило, и я постепенно пришелъ къ тягостному сознанію, что Эстелла вышла замужъ. Боясь встрѣтить подтвержденіе тому, хотя я былъ въ томъ совершенно увѣренъ, я не заглядывалъ въ газеты и просилъ Герберта (которому я передалъ все обстоятельства нашего послѣдняго свиданія), чтобъ онъ никогда не говорилъ мнѣ о ней. Зачѣмъ я дорожилъ этимъ несчастнымъ обрывкомъ, оставшимся отъ блистательнаго покрова надежды, который былъ теперь разорванъ и разнесенъ вѣтромъ, самъ я не знаю! Зачѣмъ вы сами читатели впадали въ подобную же несообразность въ прошедшемъ году, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, на прошедшей недѣлѣ?

Я вѣлъ теперь несчастную жизнь; и одна главная забота, подымавшаяся надъ другими заботами, какъ высочайшая гора среди горной цѣпи, ни на минуту не выходила у меня изъ головы. Новыхъ причинъ къ опасенію не было; но я часто вскакивалъ съ постели, объятый свѣжимъ страхомъ, что *его* открыли; съ ужасомъ прислушивался я къ шагамъ Герберта, когда онъ возвращался по вечерамъ, не ускоряли ли ихъ худыя вѣсти. Но дѣла шли обычнымъ порядкомъ. Осужденный на бездѣйствіе, въ состояніи вѣчнаго безпокойства и вѣчнаго ожиданія, я катался въ моей лодкѣ, и ждалъ, ждалъ, ждалъ, какъ только могъ.

Случалось, что по причинѣ измѣненій прилива и отлива я не могъ возвращаться черезъ арки Лондонскаго моста; тогда я оставлялъ мою лодку у верфи, подлѣ таможни, и потомъ ее приводили къ Темпльскому спуску. Я бывалъ радъ этимъ случаямъ, потому что они болѣе знакомили тамошній народъ со мной и моею лодкой. Эти случаи привели двѣ встрѣчи, которыя я теперь и разкажу.

Разъ, въ концѣ февраля, въ сумерки, я вышелъ на берегъ у верфи. Въ этотъ день, я доѣхалъ до Гринича съ отливомъ, и потомъ возвратился съ приливомъ. День былъ ясный; но съ закатомъ солнца стало туманно, и мнѣ приходилось очень осторожно пробираться между судами. Спускаясь по рѣкѣ, на возвратномъ пути, я видѣлъ сигналъ въ его окошкѣ; все обстояло благополучно.

Вечеръ былъ сырой, я прозябъ и вздумалъ сейчасъ же подкрѣпить себя обѣдомъ. Такъ какъ мнѣ предстояли долгіе

часы утомительнаго одиночества по возвращеніи въ Темплъ, то я рѣшился отправиться потомъ въ театръ. Театръ, на которомъ мистеръ Вопсль стяжалъ себѣ сомнительный успѣхъ, былъ по сосѣдству, и я положилъ идти въ этотъ театръ. Я зналъ, что мистеру Вопслю не удалось возстановить драмы, но что напротивъ онъ падалъ вмѣстѣ съ ней. Зловѣщія афиши передавали, что онъ появился въ роли вѣрнаго негра, въ соединеніи съ благорожденною дѣвицей и обезьяной. Гербертъ видѣлъ его въ роли лихаго Татарина, падакаго на шутки, съ краснымъ какъ кирпичъ лицомъ, и въ отчаянной шапкѣ съ бубенчиками.

Я обѣдалъ въ одной изъ тавернъ, которыя мы съ Гербертомъ называли географическими,—гдѣ на каждомъ полуаршинѣ скатерти, можно было видѣть карты цѣлаго свѣта съ пивными и соусными очертаніями—и проводилъ остававшееся время, дремля надъ крошками, пляя глаза на газъ и грѣясь посреди горячаго пара обѣдовъ. Наконецъ, я отряхнулся и пошелъ въ театръ.

Здѣсь я увидѣлъ добродѣтельнаго ботсмана, состоящаго на службѣ его величества, человѣка отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ,—я желалъ бы только, чтобъ его панталоны были сшиты по мѣркѣ,—который нахлобучивалъ маленькимъ людямъ шляпы на глаза, хотя онъ былъ очень великодушень и храбръ, и требовалъ, чтобы никто не платилъ податей, хотя онъ былъ удивительный патриотъ. Въ карманѣ у него былъ мѣшокъ съ деньгами, оттопырившійся словно пудингъ, и съ такимъ богатствомъ онъ женился на молодой дѣвушкѣ, завернутой въ простыню, при всеобщемъ торжествѣ. Цѣлое народонаселеніе Портсмута, состоявшее изъ девяти человѣкъ, вѣроятно по послѣдней ревизіи, выкатило на берегъ, потирая себѣ руки и пожимая руки всѣмъ и каждому, и запѣло: наполняйте, наполняйте! Одинъ смуглый полomoйка, который однакоже не хотѣлъ наполнить и вообще отказывался сдѣлать, что ему предлагали, и котораго сердце, какъ утверждалъ открыто ботсманъ, было чернѣе его лица, предложилъ двумъ другимъ полomoйкамъ ввести весь человѣческій родъ въ затрудненіе, и это было такъ успѣшно исполнено,—фамилія полomoоекъ имѣла значительное политическое вліяніе,—что полвечера потребовалось нато, чтобы потомъ уладить дѣла человѣческаго рода: и то только при помощи честнаго овощнаго торговца въ бѣлой шляпѣ, черныхъ штиблетахъ и съ краснымъ носомъ, который прячется съ рашперомъ въ часы, подслушиваетъ и потомъ выходитъ и валаетъ этимъ рашперомъ каждаго, кого не поражадо

то, что онъ подслушалъ. Затѣмъ появился мистеръ Вопслъ, о которомъ до сихъ поръ никто не слышалъ, въ звѣздѣ и подвязкѣ, нарочно присланный отъ адмиралтейства, и объявляетъ, что всѣхъ поломоекъ должно посадить сейчасъ же въ тюрьму и что онъ принесъ ботману англійскій флагъ, какъ слабую награду за его государственныя заслуги. Ботманъ, сначала растроганный, почтительно отираетъ слезы этимъ флагомъ, потомъ развелесясь, величаетъ мистера Вопсля: ваше почтенство, и проситъ его позволенія прикоснуться къ его плавнику. Мистеръ Вопслъ съ великодушнымъ достоинствомъ подаетъ ему свой плавникъ и сейчасъ же отправляется въ грязный уголокъ, между тѣмъ какъ всѣ начинаютъ танцевать джигу; и онъ, озирая публику изъ этого угла недовольнымъ глазомъ, замѣтилъ меня.

Вторая пьеса была новая комическая рождественская пантомима; и, къ величайшей моей горести, я открылъ, въ первой же сценѣ, мистера Вопсля, въ красномъ шерстяномъ трико, съ огромною рожей, которая сіяла фосфоромъ и была окружена красною шерстяною бахромой вмѣсто волосъ. Онъ былъ занятъ выдѣлкой перуновъ въ рудникѣ и обнаруживалъ большую трусость, когда его хозяинъ-великанъ, съ очень осиплымъ голосомъ, вернулся домой обѣдать. Но вскорѣ онъ представился при болѣе выгодныхъ обстоятельствахъ: гению юной любви понадобилась помощь противъ безчеловѣчнаго родителя, не-вѣжи-фермера, который противился выбору своей дочери и нарочно упалъ изъ окошка перваго этажа на предметъ ея выбора, скрывавшійся въ мѣшкѣ съ мукой,—и гений гнѣвно вызвалъ волшебника; онъ явился изъ-подъ земли отъ антиподовъ, едва держась на ногахъ, вѣроятно отъ усталости послѣ долгаго путешествія,—и это оказалось былъ мистеръ Вопслъ въ высокой шляпѣ, съ некромантическимъ сочиненіемъ въ одномъ томѣ подъ мышкой. Вся роля этого волшебника на землѣ заключалась въ томъ только, что передъ нимъ декламировали, пѣли, танцевали, пускали разноцвѣтные огни, потому что у него было вдоволь свободнаго времени, и я замѣтилъ съ большимъ удивленіемъ, что онъ все время палилъ глаза въ мою сторону, какъ бы теряясь въ совершенномъ недоумѣніи.

Что-то особенное было въ этихъ взглядахъ мистера Вопсля. Онъ какъ будто хотѣлъ что-то припомнить; для меня это было совершенною загадкой, и я еще раздумывалъ объ этомъ долго послѣ того какъ онъ поднялся въ облака въ огромномъ часовомъ футлярѣ. Я еще думалъ объ этомъ, когда я уходилъ,

часъ спустя, изъ театра и натолкнулся на мистера Вопеля въ дверяхъ, гдѣ онъ ожидалъ меня.

— Какъ вы поживаете? сказалъ я, пожимая ему руку, когда мы оба повернули вмѣстѣ на улицу. — Я замѣтилъ, что вы видѣли меня.

— Видѣлъ васъ, мистеръ Пипъ? отвѣтилъ онъ.— Да конечно я васъ видѣлъ. Но кто былъ тамъ еще кромѣ васъ?

— Кто же былъ еще?

— Это наиудивительнѣйшая вещь, сказалъ мистеръ Вопель бросая опять прежній блуждающій взглядъ,—я готовъ побойться, что это былъ онъ.

Я встревожился и просилъ мистера Вопеля объясниться.

— Замѣтилъ ли бы я его съ самаго начала, еслибы васъ тамъ не было, сказалъ мистеръ Вопель, не выходя изъ того же неопредѣленного тона, — не могу утверждать положительно; но мнѣ сдается, я бы замѣтилъ его.

Я невольно оглянулся вокругъ, потому что его таинственныя слова обдали меня холодомъ.

— О! его и слѣдъ простылъ, сказалъ мистеръ Вопель. — Онъ вышелъ прежде нежели я сошелъ со сцены. Я видѣлъ, какъ онъ ушелъ.

Имѣя достаточныя причины быть подозрительнымъ, я даже подозрѣвалъ и этого несчастнаго лицедея. Я видѣлъ тутъ намѣреніе вытянуть отъ меня исподоволь признаніе. Поэтому я посмотрѣлъ на него только, идя съ нимъ рядомъ, но ничего не сказалъ.

— Мнѣ пришла въ голову дикая фантазія, мистеръ Пипъ,— что онъ былъ вмѣстѣ съ вами, пока я не увидалъ, что вы совершенно не вѣдали о его присутствіи; а онъ сидѣлъ позади васъ, какъ привидѣніе.

Прежній холодъ снова охватилъ меня; но я рѣшился еще ничего говорить. Мнѣ казалось будто его намѣреніе было заставить меня отнести эти слова къ Провису. Конечно, я былъ увѣренъ вполнѣ, что Провиса тамъ не было.

— Я полагаю, вы дивитесь на меня, мистеръ Пипъ; да, я это вижу. Но это такъ странно. Вы едва ли повѣрите тому, что я вамъ разкажу.

— Право! сказалъ я.

— Да, да, мистеръ Пипъ, помните вы въ прежнія времена одно Рождество, когда вы еще были ребенкомъ, и я объѣдалъ у Гарджери, и пришли солдаты починить пару колодокъ?

— Очень хорошо помню.

— Помните, какъ искали тогда двухъ каторжниковъ, и мы отправились съ солдатами, Гарджери еще посадилъ васъ себѣ на спину, я шелъ впереди, и вы за мною едва поспѣвали?

— Все это я очень хорошо помню. (Лучше чѣмъ онъ себѣ думалъ, за исключеніемъ послѣдняго обстоятельства.)

— И помните, какъ мы наткнулись на обоихъ каторжниковъ въ канавѣ; между ними была страшная драка, одинъ изъ нихъ былъ весь избитъ?

— Я все это вижу передъ собою.

— Солдаты, помните, зажгли факелы и поставили ихъ въ середину, и мы пошли посмотрѣть чѣмъ это все кончится, по темному болоту. Свѣтъ факеловъ освѣщалъ ихъ лица. Я особенно останавливаюсь на этомъ обстоятельстве, что свѣтъ факеловъ освѣщалъ ихъ лица, между тѣмъ какъ вокругъ насъ былъ совершенный мракъ.

— Да, сказалъ я,—я помню все это.

— Ну такъ мистеръ Пипъ, одинъ изъ этихъ каторжниковъ сидѣлъ сегодня вечеромъ позади васъ. Я видѣлъ его изъ-за вашего плеча.

«Не плошать!» я подумалъ. Я спросилъ его: — Котораго же изъ двухъ, вы полагаете, видѣли?

— У котораго рожа была разбитая, отвѣчалъ онъ, не задерживаясь, — и я побожусь, что я видѣлъ именно его; чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе я увѣряюсь, что это былъ онъ.

— Это очень любопытно, сказалъ я съ возможнымъ притворствомъ, какъ будто это было для меня все равно.—Право, очень любопытно.

Я не могу достаточно выразить безпокойство, въ которое повергъ меня этотъ разговоръ, а также тотъ страхъ, который я чувствовалъ теперъ, зная, что Комписсонъ былъ позади меня, какъ привидѣніе.

Я спросилъ мистера Вопсля, когда вошелъ въ театръ этотъ человѣкъ? Онъ не могъ мнѣ этого сказать; онъ смотрѣлъ на меня, и изъ-за моего плеча увидѣлъ этого человѣка. Онъ узналъ его не сейчасъ, какъ только увидалъ; но съ перваго же раза, безотчетно, связалъ его со мною въ воспоминаніи стародавняго времени.—Какъ онъ былъ одѣтъ? — Прилично; но въ его одеждѣ ничего не было особеннаго; онъ, кажется, былъ въ черномъ.—Не было ли его лицо изуродовано? Нѣтъ,

кажется, не было. Я также былъ въ этомъ увѣренъ; потому что хотя я и не обращалъ особеннаго вниманія на людей, сидѣвшихъ позади меня, но я думалъ, что изуродованное лицо бросилось бы мнѣ въ глаза.

Когда мистеръ Вопсль сообщилъ мнѣ все, что онъ могъ припомнить и что я могъ вытянуть изъ него, я поподчивалъ его приличнымъ угощеніемъ послѣ вечернихъ трудовъ, и мы разстались. Было около часа ночи, когда я добрался до Темпла; ворота были заперты. Проходя въ нихъ и подымаясь къ себѣ по лѣстницѣ, я никого не замѣтилъ возлѣ себя.

Пришелъ Гербертъ, и мы стали держать совѣтъ у огня. Но дѣлать было нечего, кромѣ какъ только передать Вемику все, что я открылъ въ эту ночь, и напомнить ему, что мы ожидаемъ его повѣщенія. Я уже опасался, не слишкомъ ли часто хожу къ нему въ замокъ, что я могу навлечь на него подозрѣніе, и потому сообщилъ ему обо всемъ черезъ письмо. Я написалъ ему передъ тѣмъ какъ ложиться въ постель, и тотчасъ же отнесъ письмо въ почтовый ящикъ; опять посмотрѣлъ я, не было ли кого возлѣ меня. Гербертъ соглашался со мною, что мы должны быть очень осторожны. И дѣйствительно мы были очень осторожны, — даже осторожнѣе чѣмъ прежде, если только возможно; я съ моей стороны никогда не подходилъ близко къ Чинкову бассейну, развѣ только когда проѣзжалъ мимо его въ лодкѣ, и тогда я поглядывалъ на Мельничный Прудъ, какъ поглядывалъ и на прочіе предметы.

XLVIII.

Вторая встрѣча, о которой я замѣтилъ въ послѣдней главѣ, случилась недѣлю спустя послѣ первой. Я опять оставилъ мою лодку у верфи за мостомъ; время было также послѣ полудня, только часомъ ранѣе, и не рѣшаясь гдѣ обѣдать, я забрѣлъ въ Чипсайдъ, гдѣ я бродилъ, конечно, самымъ безпорядочнымъ человѣкомъ, среди этой занятой толпы, какъ вдругъ я почувствовалъ прикосновеніе къ моему плечу чьей-то огромной руки. Эта была рука мистера Джагерса; онъ взялъ меня подъ руку.

— Мы идемъ въ одну сторону, Пипъ, стало-быть можемъ идти вмѣстѣ. Куда вы отправляетесь?

— Въ Темплъ, я полагаю, сказалъ я.

— Такъ вы еще не знаете сами? сказалъ мистеръ Джагерсъ.

— Да, отвѣтилъ я, довольный, что онъ осѣлся на этотъ разъ, допрашивая меня, — самъ не знаю, потому что я еще не рѣшился.

— Вы идете обѣдать? сказалъ мистеръ Джагерсъ.—Я полагаю, что это вы можете допустить?

— Да, отвѣчалъ я,—это я допускаю.

— И никуда не приглашены?

— Пожалуй, и это я могу также допустить, что я никуда не приглашенъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—пойдемте обѣдать ко мнѣ.

Я хотѣлъ было извиниться, но онъ прибавилъ:

— Вемикъ будетъ.

И я перемѣнилъ мое извиненіе на согласіе: первыя слова начатой мною фразы очень хорошо приходились для того и для другаго. Итакъ мы отправились по Чипсайду и свернули въ Литль-Бритенъ. Блестящіе огни загорались, между тѣмъ, въ окнахъ лавокъ, и уличные фонарики, едва находя мѣсто для своихъ лѣстницъ посреди всей этой сумятицы движенія, бѣгали и скользили вверхъ и внизъ, открывая въ собиравшемся туманѣ болѣе красныхъ глазъ нежели сколько отбрасывалъ ихъ на стѣнѣ въ гостиницѣ Гемамсъ мой готическій почникъ съ сальною свѣчю.

Въ конторѣ въ Литль-Бритенъ, по обыкновенію, было написано нѣсколько писемъ, затѣмъ послѣдовало омовеніе рукъ, потомъ потушены были свѣчи, запертъ ларецъ, чѣмъ и заключилась дневная дѣятельность. Я стоялъ безъ всякаго дѣла у камина мистера Джагерса, и мнѣ казалось, при мерцающемъ свѣтѣ его огня, будто два слѣпка на полкѣ играли со мною въ прятки; а пара толстыхъ сальныхъ, оплывшихъ свѣчъ, мрачно освѣщавшихъ мистера Джагерса, писавшаго въ углу, была словно поставлена въ память его повѣшаннымъ клиентамъ.

Мы отправились всѣ трое въ Джерардъ-Стритъ, въ извозничьей каретѣ. Обѣдъ былъ поданъ сейчасъ же, какъ только мы туда пріѣхали. Хотя я и не подумалъ бы въ такомъ мѣстѣ намекнуть даже взглядомъ на валвертсмія чувства Вемика, все-таки мнѣ было бы пріятно уловить его дружескій взглядъ разъ, другой. Но это было не возможно. Онъ обращалъ свои глаза на мистера Джагерса, каждый разъ какъ сводилъ ихъ со стола,

и былъ со мною сухъ и необщителенъ, какъ будто со мною сидѣлъ двойникъ Вемика, а не самъ онъ.

— Вемикъ, послали ли вы мистеру Пипу записку отъ миссъ Гевишамъ? спросилъ мистеръ Джагерсъ, вскорѣ потомъ какъ мы сѣли за столъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Вемикъ, — я хотѣлъ отправить ее на почту, когда вы привели въ контору мистера Пипа. Вотъ она.—И онъ подалъ ее своему хозяину вмѣсто меня.

— Это записка въ двухъ строчкахъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, передавая ее мнѣ: — миссъ Гевишамъ прислала ее мнѣ, потому что она не знала навѣрное вашего адреса. Она мнѣ пишетъ, что ей нужно васъ видѣть по одному дѣлу, о которомъ вы ей говорили. Поѣдете вы къ ней?

— Да, сказалъ я, бросивъ взглядъ на записку, которая была именно такого содержанія.

— Когда же вы думаете ѣхать?

— Есть у меня впереди одно дѣло, сказалъ я, посматривая на Вемика, который спроваживалъ въ свой почтовый ящикъ рыбу,—поэтому я самъ не знаю, какъ распорядиться временемъ; впрочемъ я полагаю завтра же.

— Если мистеръ Пипъ намѣренъ ѣхать завтра же, сказалъ Вемикъ мистеру Джагерсу,—то нѣтъ необходимости писать отвѣтъ.

Получивъ такой намекъ, что лучше не откладывать, я рѣшился дѣйствительно ѣхать на другой же день и объявилъ объ этомъ. Вемикъ выпилъ рюмку и посмотрѣлъ съ мрачно-довольнымъ видомъ на мистера Джагерса, но не на меня.

— Итакъ, Пипъ, нашъ пріятель Паукъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—разыгралъ свою игру. Взялъ пульку.

У меня достало духу сказать только:—да.

— А этотъ малый много общается въ своемъ родѣ; но вѣдь, пожалуй, не все же будетъ дѣлаться по немъ. Кто сильнѣе, тотъ подъ конецъ возьметъ свое; а мы еще не знаемъ, кто сильнѣе. Если выйдетъ такъ, что онъ станетъ бить...

— Конечно, прервалъ я его, весь вспыхнувъ,—вы не считаете его серьезно уже такимъ мерзавцемъ, чтобы онъ рѣшился на это, мистеръ Джагерсъ?

— Я этого не говорю, Пипъ. Я только представляю дѣло, какъ оно можетъ быть. Если онъ примется ее колотить, то пожалуй сила будетъ на его сторонѣ; но когда дѣло коснется ума, то конечно онъ пассъ. Почти невозможно сказать что-нибудь

положительное какъ станетъ дѣйствовать такой малый, при подобныхъ обстоятельствахъ; это рѣшительная лотерея; какой-то выйдетъ изъ двухъ результатовъ?

— Могу я спросить васъ, какіе результаты вы разумѣете?

— Малый въ родѣ нашего пріятеля Паука, отвѣчалъ мистеръ Джагерсъ,—или бьетъ или пресмыкается; онъ можетъ пресмыкаться и ворчать, или пресмыкаться и молчать; но онъ бьетъ или пресмыкается. Спросите у Вемика его мнѣнія.

— Или бьетъ, или пресмыкается, сказалъ Вемикъ, вовсе не общааяся ко мнѣ.

— Здоровье мистриссъ Бенгле Дремль, сказалъ мистеръ Джагерсъ, вынимая изъ своего погребца графинъ лучшаго вина и наполняя наши рюмки и свою, — и да рѣшится вопросъ о первенствѣ, къ полному удовольствію этой леди! Къ обоюдному удовольствію леди и джентльмена,—этого никогда не будетъ. Эй, Моли, Моли, Моли, Моли, что это, какъ вы медленны сегодня?

Она была у него подъ бокомъ, когда онъ обратился къ ней, и уже ставила блюдо на столъ. Поставивъ его, она отступила назадъ шага на два, бормоча какое-то извиненіе и сопровождая его особеннымъ движеніемъ пальцевъ, которое привлекло мое вниманіе.

— Чтò съ вами? спросилъ меня мистеръ Джагерсъ.

— Ничего, сказалъ я, — только предметъ нашего разговора не пріятенъ для меня.

Движеніе ея пальцевъ было похоже на вязанье. Она стояла и смотрѣла на своего хозяина, не зная можно ли было ей уйти или онъ хотѣлъ еще что-нибудь сказать ей, и позвать ее назадъ, если она удалится. Взглядъ у ней былъ очень напряженный. Да, безъ всякаго сомнѣнія, я видѣлъ совершенно такіе же глаза и такіа же руки при одномъ достопамятномъ случаѣ, и очень недавно!

Онъ отпустилъ ее, и она ускользнула изъ комнаты. Но она оставалась еще передъ моими глазами, какъ будто она дѣйствительно находилась здѣсь. Я видѣлъ передъ собою эти руки, я видѣлъ эти глаза, я видѣлъ эти распущенные волосы, и сравнивалъ ихъ съ другими руками, другими глазами, другими волосами, которые я зналъ и которые должны также измѣниться послѣ двадцати лѣтъ бурной жизни со скотомъ мужемъ. Я все еще видѣлъ эти руки, глаза, волосы экономки, и припоминалъ какое непонятное чувство пробуждалось во мнѣ, когда въ послѣдній разъ гуляя я не одинъ въ запущенномъ

сѣду и по заброшенной пивоварнѣ, какъ то же самое чувство овладѣвало мною, когда лицо смотрѣло на меня въ окно почтовой кареты и мнѣ махали рукой, и какъ оно снова промелькнуло во мнѣ какъ молнія, когда я вдругъ вѣхалъ въ каретѣ, также не одинъ, въ сильное освѣщеніе на концѣ темной улицѣ. Мнѣ пришло на мысль, какъ одно звено въ цѣпи ассоціаціи идей помогло признать одного человѣка въ театрѣ, и какъ подобное же звено, до сихъ поръ не достававшее, было выковано для меня теперь, когда я случайно перешелъ отъ имени Эстеллы къ созерцанію этихъ пальцевъ, двигавшихся словно они вязали, и этихъ внимательныхъ глазъ. Я почувствовалъ полное убѣжденіе, что эта женщина была мать Эстеллы.

Мистеръ Джагерсъ видѣлъ меня съ Эстеллой и, конечно, замѣтилъ мое чувство, котораго я не заботился скрывать. Онъ кивнулъ мнѣ, когда я сказалъ, что это былъ для меня неприятный предметъ, ударилъ меня по спинѣ, пустилъ вино въ обходъ, и принялся опять за обѣдъ.

Экономка появлялась еще только два раза, и оставалась въ комнатѣ оба раза на очень короткое время, и мистеръ Джагерсъ былъ очень крутъ съ нею. Но ея руки были руки Эстеллы, ея глаза были глаза Эстеллы, и еслибъ она появилась тутъ еще сто разъ, то и тогда бы мое убѣжденіе въ этой истинѣ не усилилось и не пошатнулось.

Вечеръ былъ скученъ, Вемикъ пилъ вино, каждый разъ, когда доходила до него очередь, какъ будто онъ это дѣлалъ по службѣ, и не сводилъ глазъ съ своего хозяина, словно онъ сейчасъ готовился къ допросу. Чтò касается до количества вина, то для его пасти повидимому это было все равно; она готова была принять его въ какомъ угодно количествѣ. На мои глаза онъ все время былъ двойникомъ Вемика, только снаружи похожаго на Вемика валвертскаго.

Мы рано разстались съ хозяиномъ и вышли вмѣстѣ. Даже когда мы искали наши шляпы между сапогами мистера Джагерса, я уже чувствовалъ, что со мною находился мой настоящій Вемикъ; и едва прошли мы дюжину шаговъ по Джерардъ-стриту, въ направленіи къ Валверту, какъ я совершенно убѣдился, что со мною шелъ подъ руку мой Вемикъ, а его двойникъ улетучился на свѣжемъ воздухѣ.

— Ну, сказалъ Вемикъ, — церемонія кончена. Онъ удивительный человѣкъ; подобнаго ему нѣтъ на свѣтѣ, но я чув-

ствую, что я принужденъ завинтить себя, когда объѣдаю съ нимъ, а мнѣ гораздо пріятнѣе объѣдать развинченному.

Онъ представилъ дѣло именно, какъ оно было, и я сказалъ ему объ этомъ.

— Этого бы я никому не сказалъ, кромѣ васъ, отвѣчалъ онъ,—я знаю, что между нами говорится, то далѣе не пойдетъ.

Я спросилъ у него, видѣлъ ли онъ когда-нибудь приемыша миссъ Гевшамъ, мистриссъ Бенгле-Дремль? Онъ сказалъ, что нѣтъ. Не желая показаться ему слишкомъ отрывистымъ, я заговорилъ потомъ про старикашку и миссъ Скифинсъ. Онъ посмотрѣлъ довольно лукаво, когда я назвалъ миссъ Скифинсъ, и остановился на улицѣ чтобы высморкать носъ; онъ исполнилъ это, помахывая головой, съ особеннымъ выраженіемъ, въ которомъ замѣтно было внутреннее самодовольствіе.

— Вемикъ, сказалъ я,—помните, вы говорили мнѣ передъ тѣмъ какъ я въ первый разъ объѣдалъ у мистера Джагерса, чтобъ я обратилъ особенное вниманіе на его экономку?

— Говорилъ я это? отвѣтилъ онъ. — А вѣрно говорилъ, чертъ меня побери, прибавилъ онъ вдругъ,—помню положительно, что говорилъ; я чувствую, что еще не развинтился совсѣмъ.

— Вы ее назвали укрощеннымъ дикимъ звѣремъ, сказалъ я.

— Ну, а вы какъ назовете ее? сказалъ онъ.

— Да также. Какъ же это, Вемикъ, мистеръ Джагерсъ укротилъ ее?

— Это его тайна. Она у него уже много лѣтъ.

— Я бы желалъ, чтобы вы рассказали мнѣ ея исторію. Она очень интересуетъ меня. Вы знаете: что говорится между нами, то далѣе не пойдетъ.

— Ну! отвѣтилъ Вемикъ,—я ея исторію не знаю, то-есть я не знаю ея всей. Но я расскажу вамъ, что мнѣ извѣстно. Конечно мы теперь съ вами по-дружески и по домашнему.

— Разуется.

— Лѣтъ двадцать тому назадъ эту женщину судили въ Олдъ-Беле за убійство и оправдали. Она была тогда молода, красива; я полагаю, въ жилахъ у ней цыганская кровь. По крайней мѣрѣ, кровь эта была огненная, если расшевелить ее.

— Но ее оправдали.

— Мистеръ Джагерсъ былъ за нее, продолжалъ мистеръ Вемикъ, съ особенно значительнымъ видомъ,—и обработалъ онъ это дѣло на диво. Дѣло это было отчаянное; попалось оно ему

въ руки, когда онъ былъ еще сравнительно новичокъ, и повелъ онъ его такъ, что всѣ удивлялись. Это дѣло можно сказать основало его репутацію, онъ самъ велъ его въ продолженіи многихъ дней въ полицейскомъ судѣ, и противился даже отдачѣ подъ уголовный судъ; а когда оно перешло туда, онъ также самъ велъ его, сидѣлъ подъ бокомъ у адвоката, и каждый зналъ, что онъ направляетъ его. Убита была женщина, годами десятью старше, гораздо крупнѣе и гораздо сильнѣе; причиною тутъ была ревность. Обѣ онѣ вели жизнь бродяжную, и эта женщина въ Джерардъ-стритѣ была, какъ говорится, помеломъ повѣнчена, еще очень молодая, съ однимъ побродягою же, и ревнива была какъ фурія. Убитую женщину, которая по годамъ конечно была пара мужчинѣ, нашли мертвою въ сараѣ, у гаунсловскаго пустыря. Борьба была ярая. Она была вся избита, исцарапана, истерзана, и въ заключеніи ее схватили за горло и придушили. Не было никакихъ основательныхъ доказательствъ противъ кого-нибудь, кромѣ этой женщины; но мистеръ Джагерсъ основалъ всю свою защиту на невѣроятности, чтобъ она могла это сдѣлать. Вы можете быть увѣрены, сказалъ Вемикъ, дергая меня за рукавъ,—что тогда онъ не распространялся особенно о силѣ ея руки, хотя теперь онъ это часто дѣлаетъ.

Я разказалъ Вемику, какъ онъ показывалъ намъ ея руку за обѣдомъ.

— Ну, сэръ, продолжалъ Вемикъ,—случилось такъ, видите ли, такъ случилось, что эта женщина была такъ искусно одѣта съ самаго же перваго дня, какъ ее схватили, что она казалась гораздо тонѣ нежели она была дѣйствительно; особенно рукава ея были такъ ловко подвернуты, что ея руки казались необыкновенно нѣжными. У ней были замѣтны одинъ или два ушиба; для побродяги это не рѣдкость; но руки ея снаружи были совершенно изодраны, и главный вопросъ былъ нечаянно ли это было сдѣлано? Мистеръ Джагерсъ показавъ, что она пробиралась сквозь чащу хворостника, который не доставалъ ей до лица, но отъ котораго она не могла уберечь своихъ рукъ; и дѣйствительно, въ кожѣ у ней нашли занозы и колючки кустарника, и они были приведены въ свидѣтельство, точно также какъ и фактъ, что хворостникъ былъ поломанъ, и что на немъ найдены были обрывки ея платья и кровавыя пятна. Но вотъ какая была самая смѣлая

штука съ его стороны. Какъ доказательство ея ревности приводили, что ея подозрѣвали въ то же время, будто она въ изступленіи убила своего ребенка лѣтъ трехъ, котораго она прижила съ этимъ человѣкомъ, и убила, чтобы выместить ему. Мистеръ Джагеръ обдѣлалъ это слѣдующимъ образомъ. «Мы утверждаемъ, говорилъ онъ, что это не слѣды ногтей, но слѣды хворостняка; и мы вамъ показываемъ занозы отъ этого хворостняка. Вы настаиваете, что это слѣды ногтей, и приводите предположеніе, что она убила своего ребенка. Вы должны же принять и всѣ послѣдствія подобнаго предположенія. Почему мы знаемъ, можетъ-быть она и убила своего ребенка, и онъ, цѣпляясь за нее, испаралъ ей руки. Но вѣдь вы ее судите не за убійство ея ребенка. Зачѣмъ же вы ее за это не судите? Чтò же касается до этого дѣла, если вы такъ привязываетесь къ этимъ царапинамъ, то вы могли бы объяснить ихъ именно такимъ образомъ. Короче, сэръ, сказалъ Вемикъ, — мистеръ Джагеръ умѣлъ справиться съ присяжными, и они сдались.

— Она постоянно жила у него съ тѣхъ поръ?

— Да; но этого еще мало, сказалъ Вемикъ.—Она поступила къ нему въ услуженіе сейчасъ же послѣ своего оправданія и совершенно усмирная, какова она теперь. Послѣ ее пріучили къ разнымъ порядкамъ въ ея новыхъ обязанностяхъ, но она уже была укрощена съ самаго начала.

— Помните вы, какого пола былъ ребенокъ?

— Я слышалъ, дѣвочка.

— Вы болѣе ничего не имѣете передать мнѣ сегодня?

— Ничего. Я получилъ ваше письмо и разорвалъ его. Болѣе ничего.

Мы пожелали другъ-другу доброй ночи, и я пошелъ домой съ новою матеріей для моихъ размышленій, хотя не облегчивъ моей прежней думы.

XLIX.

Положивъ въ карманъ записку миссъ Гевшамъ, чтобъ она могла служить мнѣ оправдательнымъ документомъ для моего скорого появленія въ Сатисъ-хаусъ, если она по своей разсѣянности обнаружитъ какое-нибудь удивленіе, увидавъ меня, я отправился въ почтовой каретѣ на другой же день. Но я остановился на дорогѣ въ гостинницѣ, позавтракалъ тамъ и про-

шелъ пѣшкомъ остальное разстояніе, потому что мнѣ хотѣлось войти въ городъ безъ огласки, окольными путями, и оставить его такимъ же образомъ.

Уже вечерѣло, когда я проходилъ тихими переулками позади большой улицы. Уголки развалинъ, гдѣ нѣкогда находились трапезы и сады старыхъ монаховъ, и которыхъ толстыя стѣны составляли теперь части конюшенъ и навѣсовъ, были также тихи и безмолвны какъ сами старые монахи въ своихъ могилахъ. Трезвонъ соборныхъ колоколовъ звучалъ для меня печальнѣе теперь, когда я поспѣшно проходилъ, стараясь не привлечь къ себѣ вниманія; точно также звуки стараго органа доносились до моихъ ушей погребальной музыкой, и вороны, парившіе надъ сѣрою башнею или качавшіеся на обнаженныхъ деревьяхъ монастырскаго сада, казалось, зывали ко мнѣ, что мѣсто перемѣнилось, и Эстелла исчезла для меня навѣки.

Старушка, которую я видалъ прежде въ числѣ прислуги, жившей во флигелѣ за заднимъ дворомъ, отворила мнѣ калитку. Зажженная свѣча стояла въ корридорѣ, какъ въ прежнее время; я взялъ ее и поднялся одинъ по лѣстницѣ. Миссъ Гевшамъ не было въ ея комнатѣ; она была въ большой комнатѣ, по ту сторону сѣней. Заглянувъ въ дверь, въ которую я постучалъ, и не получивъ отвѣта, я увидѣлъ, она сидѣла у камина на оборванномъ креслѣ, вся погруженная въ созерцаніе потухавшаго огня.

Я вошелъ, какъ бывало прежде, и остановился, облокотившись на старый каминъ, гдѣ она могла бы меня увидѣть, когда подыметъ глаза.

Видъ совершеннаго одиночества, которое она представляла собою, разжалобилъ меня, хотя она намѣренно причинила мнѣ страшное зло. Я стоялъ, соболѣзнуя о ней, и размышляя какъ современемъ и меня самого коснулось несчастіе этого дома, когда ея глаза остановились на мнѣ. Она пристально поглядѣла на меня, и сказала тихимъ голосомъ: «призракъ это что ли?»

— Это я Пипъ. Мистеръ Джагерсъ передалъ мнѣ вчера вашу записку, и я пріѣхалъ, не теряя времени.

— Благодарю васъ, благодарю васъ.

Я принесъ другой оборванный стулъ къ камину и сѣлъ. Тутъ я замѣтилъ новое выраженіе на ея лицѣ: она будто боллась меня.

— Я намѣрена, сказала она, — потолковать о дѣлѣ, о которомъ вы мнѣ говорили, когда вы были здѣсь въ послѣдній разъ, и

показать вамъ, что я не совсѣмъ каменная. Но можетъ-быть теперь вы уже не повѣрите, что въ моемъ сердцѣ есть хоть одно человѣческое чувство.

Я сказалъ нѣсколько словъ, чтобъ успокоить ее; она протянула свою дрожащую руку, какъ бы съ намѣреніемъ прикоснуться ко мнѣ, но потомъ вдругъ отняла ее прежде чѣмъ я понялъ ея движеніе

— Вы сказали, говоря о вашемъ другѣ, что вы можете научить меня какъ сдѣлать добро ему, которое хотѣлось бы вамъ самимъ сдѣлать, не такъ ли?

— Да, мнѣ очень, очень, очень хотѣлось бы самому сдѣлать.

— Чтò же это такое?

Я началъ объяснять ей тайную исторію компаньйонства Герберта. Я не подвинулся еще далеко съ моимъ разказомъ, когда я замѣтилъ по ея взгляду, что она болѣе раздумывала обо мнѣ нежели о томъ, чтò я говорилъ ей. Повидимому, это было дѣйствительно такъ, потому что когда я остановился, она этого не замѣчала въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ.

— Не потому ли вы остановились, спросила она съ прежнимъ видомъ боязни,—что вамъ противно говорить: такъ я не навистна для васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ я,—какъ это вамъ можетъ придти въ голову, миссъ Гевшамъ! Я остановился, потому что мнѣ показалось, будто вы не слушаете чтò я вамъ говорю.

— Можетъ-быть я и не слушала, отвѣтила она, приложивъ руку къ своей головѣ.—Начните снова, дайте я буду смотрѣть на что-нибудь другое. Погодите! Теперь разказывайте.

Она оперлась обѣими руками на костыль, съ рѣшительнымъ видомъ, который она иногда принимала, и смотрѣла на огонь съ напряженнымъ выраженіемъ, какъ будто она принуждала себя слушать. Я началъ снова мой разказъ и передалъ ей, какъ я надѣялся окончить это дѣло изъ моихъ средствъ и какъ надежды мои обманули меня. Эта часть, я напомнилъ ей, касалась предмета, котораго я не могъ объяснить, потому что съ нимъ соединена чужая и важная тайна.

— Такъ-то! сказала она, кивнувъ головою, но не смотря на меня.—А сколько нужно денегъ для окончательнаго взноса?

Мнѣ было страшно назвать сумму, потому что она казалась довольно значительною: «Девять сотъ фунтовъ.»

— Если я вамъ дамъ деньги для этой цѣли, сохраните ли вы мою тайну, какъ до сихъ поръ сохраняли вашу?

— Также точно вѣрно.

— И ваше сердце будетъ спокойно?

— О да!

— Вы очень несчастливы теперь?

Она сдѣлала этотъ вопросъ, все еще не смотря на меня, но съ несвойственнымъ ей тономъ сочувствія. Я не могъ отвѣчать ей тотчасъ же; у меня не хватало голоса. Она вытянула свою лѣвую руку надъ костылемъ и нѣжно приникла къ ней своею головой.

— Я далеко не могу назвать себя счастливымъ, миссъ Гевисамъ, но я имѣю еще другія причины тревожиться, кромѣ извѣстныхъ вамъ. Онѣ составляютъ тайну, о которой я уже упоминалъ вамъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ она приподняла свою голову, и опять посмотрѣла на огонь.

— Съ вашей стороны благородно сказать, что вы имѣете другія причины быть несчастливымъ. Но справедливо ли это?

— Слишкомъ справедливо.

— Косательно вашего друга, дѣло покончено, Пипъ; не могу ли я еще сдѣлать чего-нибудь для васъ самихъ?

— Ничего. Благодарю васъ за этотъ вопросъ. Еще болѣе благодарю васъ за выраженіе, съ которымъ вы сдѣлали его. Но вы ничего не можете сдѣлать.

Она встала съ своего стула и принялась искать писчихъ матеріаловъ въ этой заброшенной комнатѣ; ихъ не оказывалось, и она вынула изъ кармана пожелтѣвшія таблетки слоновой кости, оправленные въ потускнѣвшее золото, и написала на нихъ карандашомъ въ золотомъ рейсфедерѣ, также потускнѣвшемъ, который висѣлъ у ней на шеѣ.

— Вы все еще въ дружескихъ отношеніяхъ съ мистеромъ Джагерсомъ?

— О, да! Я обѣдалъ у него вчера.

— Это приказъ заплатить вамъ эти деньги, которыя вы можете истратить, по вашему усмотрѣнію, для вашего друга. Я не держу здѣсь денегъ. Но если для васъ пріятнѣе, чтобы Джагерсъ ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ, то я пришлю вамъ ихъ.

— Благодарю васъ, миссъ Гевисамъ; для меня вовсе не тягостно получить ихъ отъ него.

Она прочла мнѣ, что она написала; это было очень точно и ясно, и очевидно имѣло цѣлью отстранить отъ меня всякое подозрѣнiе, что я могъ извлечь для себя какую-нибудь выгоду изъ этой суммы, я взялъ таблетки изъ ея руки; рука ея задрожала и затряслась еще сильнѣе, когда она снимала цѣпь, на которой висѣлъ карандашъ, и передавала мнѣ. Все это она дѣлала, не глядя на меня.

— На первой таблеткѣ мое имя. Если вы будете въ состоянiи когда-нибудь подписать подъ моимъ именемъ: я ей прощаю, — хотя бы долго, долго спустя послѣ того, какъ это растерзанное сердце обратится въ прахъ, то, умоляю васъ, сдѣлайте это.

— О, миссъ Гевишамъ! сказалъ я:—я могу сдѣлать это сейчасъ же. Вышло горькое недоразумѣнiе: вся жизнь моя была темная и неблагодарная, и самъ я нуждаюсь въ прощенiи и руководствѣ; мнѣ ли негодовать на васъ?

Тутъ она обратила ко мнѣ свое лицо въ первый разъ, и къ величайшему моему удивленiю, могу прибавить даже къ ужасу, упала передо мною на колѣни, сложивъ руки и простирая ихъ ко мнѣ, какъ въ прежнее время, когда ея бѣдное сердце еще было молодо, свѣжо и цѣло, она простирала ихъ къ небу.

Мнѣ стало страшно, когда я увидѣлъ передъ собою на колѣнахъ ее, съ ея сѣдинами и изможденнымъ лицомъ. Я умолялъ ее, чтобъ она встала, и старался помочь ей встать; но она только сжимала мою руку и, прильнувъ къ ней головою, плакала надъ нею. До сихъ поръ я еще ни разу не видѣлъ, чтобъ она пролила хотя одну слезинку; надѣясь, что слезы облегчатъ ее, я наклонился къ ней, не говоря ни слова; она уже не стояла на колѣнахъ, но лежала на полу.

— О! кричала она въ отчаянiи:—что я только надѣлала! что я надѣлала!

— Если вы хотите сказать миссъ Гевишамъ, какое зло вы мнѣ сдѣлали, то позвольте мнѣ вамъ отвѣтить: никакого. Я полюбилъ бы ее при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Была ея свадьба?

— Да.

Это былъ совершенно излишнiй вопросъ; потому что мнѣ сказало это чувство усилившейся пустоты въ этомъ запущенномъ домѣ.

— Что я надѣлала! Что я надѣлала!—И она ломала себѣ руки, рвала свои сѣдины, повторяя:—что я надѣлала?

Я не зналъ, какъ отвѣчать ей, какъ утѣшить ее. Я очень хорошо видѣлъ, что она сдѣлала непростительную вещь, взявъ къ себѣ впечатлительнаго ребенка и воспитавъ его такимъ образомъ, чтобъ отмстить черезъ него за свою обманутую любовь и оскорбленную гордость. Но я видѣлъ также, что затворившись отъ дневнаго свѣта, она затворилась отъ многихъ другихъ вещей, что среди своего уединенія она уединила себя отъ тысячи естественныхъ, врачующихъ влiанiй, что ея умъ, предоставленный уединеннымъ размышленiямъ, находился въ болѣзненномъ состоянiи, какъ это бываетъ съ умами, которые идутъ наперекоръ порядку, положенному Творцомъ. И могъ ли я смотрѣть на нее безъ состраданiя, видя достаточное для нея наказанiе въ окружавшемъ ее разрушенiи, въ совершенномъ разобщенiи ея съ миромъ, среди котораго она жила въ этомъ тщеславіи своимъ горемъ, которое можетъ обратиться въ безумiе подобно тщеславію раскаянiя, тщеславію смиренiя и другимъ чудовищнымъ видамъ тщеславія, преслѣдующимъ человѣка?

— Я поняла, что я надѣлала, когда вы съ нею говорили въ послѣднiй разъ, когда вы представили мнѣ какъ въ зеркалѣ, что когда-то я сама перечувствовала. Что я надѣлала только! Что я надѣлала! — И такъ повторяла она двадцать разъ одну и ту же фразу: «Что я надѣлала!»

— Миссъ Гевишамъ, сказалъ я, когда ея вопли поутихли, — меня вы можете выкинуть изъ головы и сложить съ вашей совѣсти. Но Эстелла — другое дѣло, и если вы въ состоянiи исправить хотя частицу зла, которое вы сдѣлали, уничтоживъ въ ней ея истинную природу, то лучше сдѣлать это нежели оплакивать прошедшее хоть цѣлое столѣтiе.

— Да, да, я это знаю. Но, Пипъ, мой милый! — И въ этомъ новомъ чувствѣ было истинно женское состраданiе ко мнѣ. — Мой милый! повѣрьте только этому: когда я взяла ее къ себѣ, я думала только о томъ, чтобъ уберечь ее отъ моего несчастiя. Сначала я только это имѣла въ виду.

— Да, да, сказалъ я, — я надѣюсь, что это такъ.

— Но когда она подрастала и обѣщала сдѣлаться такою красавицей, я постепенно выработала это зло, при помощи моихъ похвалъ, моихъ брилліантовъ, моихъ совѣтовъ и уроковъ, которые подкрѣпляла моя собственная личность, служившая предостереженiемъ для нея, я успѣла вынуть изъ ней сердце и вложить на его мѣсто кусокъ льда.

Я не выдержалъ и сказалъ:—Лучше было бы оставить ей ея настоящее сердце, еслибы даже суждено ему быть изранену и истерзану.

Миссъ Гевинамъ посмотрѣла на меня какъ безумная, и опять разразилась воплемъ: «Что я надѣлала!»

— Еслибы вы только знали мою исторію, говорила она, какъ бы въ оправданіе,—вы бы имѣли ко мнѣ хотя какое-нибудь состраданіе; вы бы лучше поняли меня.

— Миссъ Гевинамъ, отвѣчалъ я ей, какъ можно деликатно:—мнѣ кажется, я могу сказать, что знаю вашу исторію; я узналъ ее съ самаго того времени, какъ оставилъ этотъ околотокъ. Она возбудила во мнѣ большое сожалѣніе, и я полагаю, что я понимаю ее и ея вліяніе. Что было между нами, то даетъ ли мнѣ нѣкоторое право сдѣлать вамъ одинъ вопросъ относительно Эстеллы? Не про теперешнее время, нѣтъ, но когда она была только что взята къ вамъ?

Она сидѣла на полу, положивъ руки на оборванное кресло и подперевъ ими голову. Она смотрѣла мнѣ прямо въ глаза, когда я сказалъ это, и отвѣтила только: «Продолжайте.»

— Чья дочь Эстелла?

Она замотала головою.

— Вы не знаете?

Она опять замотала головой.

— Но ее привелъ или прислалъ сюда Джагерсъ?

— Онъ ее привелъ сюда.

— Разкажите мнѣ, какъ это случилось?

Она отвѣчала мнѣ тихимъ шопотомъ и съ особенною осторожностію:—Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я заперлась здѣсь (сколько именно, я не знаю—вамъ извѣстно, какое время показывают здѣсь часы), когда я ему сказала, что мнѣ хотѣлось бы воспитать дѣвочку, которую я могла бы любить и сберечь отъ моей участи. Я узнала о немъ по газетамъ, еще прежде чѣмъ я разсталась съ свѣтомъ, и я послала за нимъ, чтобъ онъ запустилъ этотъ домъ, какъ вы видите. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ поищетъ для меня такой сиротки. Въ одинъ вечеръ онъ принесъ ее сюда сонную, и я назвала ее Эстеллою.

— Могу я васъ спросить, сколько ей было тогда лѣтъ?

— Два или три года. Она сама знаетъ только, что она осталась сиротою, и я воспитывала ее.

Я былъ совершенно убѣжденъ, что та женщина была ея

матерью, и мнѣ не нужно было новыхъ доказательствъ для подтвержденія этого факта въ моемъ умѣ. Но теперь я думалъ, что уже не для одного моего ума, а и для каждаго, эта связь была бы очевидна.

Какая была для меня польза продолжать эти свиданія? Я успѣлъ въ моемъ ходатайствѣ за Герберта; миссъ Гевишамъ сказала мнѣ все, что она знала объ Эстеллѣ; я сказалъ и сдѣлалъ все, чтобы облегчить мою душу. Все равно, какъ бы намъ съ нею ни разстаться, и мы разстались.

Стемнѣло, когда я сошелъ по лѣстницѣ на чистый воздухъ. Я крикнулъ женщину, которая отворила мнѣ калитку, когда я входилъ, что я не сейчасъ намѣренъ уйти, а пройду еще по заведенію. Я имѣлъ предчувствіе, что я уже никогда не возвращусь сюда; мнѣ пріятно было взглянуть въ послѣдній разъ на это заустѣніе, при потухающемъ свѣтѣ.

Я пробрался въ запущенный садъ мимо груды пустыхъ боченковъ, по которымъ я гулялъ много лѣтъ тому назадъ, которые съ тѣхъ поръ обливались потоками дождя, мѣстами загнѣившаго ихъ и оставившаго на нихъ миниатюрныя озера и болота. Я обошелъ кругомъ садъ, зашелъ въ уголъ, гдѣ мы подрались съ Гербертомъ, прошелся по дорожкамъ, гдѣ мы гуляли съ Эстеллою. Все было такъ холодно, такъ уединенно, такъ пусто!

Возвращаясь, я заглянулъ въ пивоварню. Приподнявъ заржавленный засовъ маленькой двери, отворявшей въ садъ, я прошелъ черезъ нее. Я хотѣлъ выйти въ противоположную дверь, но не легко было теперь отворить ее; сырое дерево разбухло и выпятилось, петли худо держались, и порогъ весь заросъ плесенью; я повернулъ голову и оглянулся назадъ. Въ самый моментъ этого движенія пробудилась у меня снова моя дѣтская фантазія съ поразительною силой, и мнѣ представилось, будто я вижу, что миссъ Гевишамъ виситъ на балкѣ. Это впечатлѣніе было такъ сильно, что я стоялъ подъ балкою, весь дрожа съ ногъ до головы, прежде чѣмъ я убѣдился, что это было одно воображеніе.

Печальный видъ этого мѣста, самое время и ужасъ, возбужденный этою мечтою, хотя онъ былъ только мгновенный, навели на меня непріятный страхъ, когда я проходилъ въ отворенныя деревянныя ворота, гдѣ я нѣкогда рвалъ на себѣ волосы изъ-за Эстеллы, глубоко уязвившей мое сердце. Выйдя на передній дворикъ, я не рѣшался, позвать ли мнѣ женщину, что-

бы она меня выпустила въ запертую калитку, отъ которой у нея былъ ключъ, или сначала подняться наверхъ и убѣдиться, что миссъ Гевисамъ была совершенно безопасна, какъ я оставилъ ее. Я рѣшился на послѣднее и пошелъ на верхъ.

Я заглянулъ въ комнату, гдѣ я оставилъ ее, и увидѣлъ, что она сидѣла на оборванномъ креслѣ у камина, у самаго огня, повернувшись ко мнѣ спиною. Я отодвинулъ мою голову и хотѣлъ уже уйти потихоньку, какъ вдругъ я замѣтилъ пламя поднялось по ней вверхъ. Въ ту же самую минуту она бросилась ко мнѣ съ воплемъ; пламя совершенно охватило ее и поднялось во всю высоту ея роста.

На мнѣ было толстое пальто съ двойнымъ капишономъ; въ рукахъ у меня было другое толстое пальто. Я бросился на нее съ этими пальто, повалилъ ее на полъ и ими накрылъ ее; потомъ я стащилъ скатерть со стола для той же цѣли, вмѣстѣ съ нею стащилъ всю массу гнили, возвышавшуюся посреди ея, и всѣхъ отвратительныхъ тварей, укрывавшихся въ этой гнили; мы боролись на полу, какъ заклятые враги; чѣмъ плотнѣе я прикрывалъ ее, тѣмъ сильнѣе она вопила и старалась высвободиться отъ меня. Но обо всемъ, что случилось, я узналъ только послѣ; самъ я ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ, ничего не зналъ, что я дѣлалъ тогда. Я пришелъ въ себя только когда мы оба были на полу, подъ столомъ, и въ дымномъ воздухѣ еще носились горѣвшія тряпки, которыя за минуту передъ этимъ были ея развалившимся вънѣшнимъ платьемъ.

Тутъ я посмотрѣлъ вокругъ себя и увидѣлъ исполошенныхъ таракановъ и пауковъ, бѣжавшихъ прочь по полу, и служанокъ, появившихся съ воплями въ дверяхъ. Я все еще держалъ ее подъ собою со всею силой, какъ плѣнника, который могъ отъ меня вырваться; я очень сомнѣваюсь, сознавалъ ли я даже тогда, кто она была такова, или зачѣмъ мы боролись съ нею.

Она была безъ чувствъ; я опасался перенести ее, даже позволить другимъ прикоснуться къ ней. Я послалъ за докторомъ, и пока онъ не явился, я держалъ ее на полу; мнѣ представлялось, что если я оставлю ее, то огонь снова вспыхнетъ и сожжетъ ее. Когда я всталъ съ полу, по прибытіи доктора, я очень удивился, увидя, что обѣ руки у меня были обожжены; я этого вовсе не чувствовалъ.

Докторъ, по осмотрѣ ея, нашелъ, что поврежденіе было

значительно, но далеко не безнадежно; главная опасность заключалась въ нервномъ потрясеніи. По приказанію доктора, ея постель была принесена въ эту комнату и приготовлена на столѣ, который онъ нашелъ очень удобнымъ для перевязки. Я видѣлъ ее часъ спустя; она дѣйствительно лежала на томъ самомъ мѣстѣ, на которое она указывала нѣкогда своимъ костылемъ, и говорила, что она когда-то будетъ тутъ лежать.

Хотя всѣ слѣды ея платья сгорѣли, какъ мнѣ говорили, но все еще она сохранила отчасти прежній свадебный видъ; ее покрыли по самое горло бѣлою ватой; сверху была легко наброшена на нее бѣлая простыня, и прежній свадебный призракъ не оставялъ ея.

Я узналъ отъ прислуги, что Эстелла была въ Парижѣ, и докторъ обѣщался мнѣ написать къ ней съ слѣдующею же почтой. Я взялся извѣстить родныхъ миссъ Гевшамъ; мое намѣреніе было сообщить обо всемъ Матью Покетъ, предоставивъ ему увѣдомить прочихъ. Я сдѣлалъ это на другой же день черезъ Герберта, какъ только вернулся въ городъ.

Въ этотъ же вечеръ были минуты, когда она говорила совершенно ясно, хотя съ поразительнымъ оживленіемъ, о случившемся. Къ полночи она стала заговариваться и постепенно перешла къ однообразному и несчетному повторенію тихимъ голосомъ: «что я надѣлала,» и потомъ: «когда я брала ее къ себѣ, я только думала уберечь ее отъ моей участи,» и потомъ: «возьмите карандашъ и напишите подѣ моимъ именемъ: я прощаю ее!» Эти фразы она безпрестанно говорила въ одномъ и томъ же порядкѣ; но иногда она опускала въ нихъ которое-нибудь слово, никогда однако же не замѣщая его другимъ, и прямо переходя къ слѣдующему слову.

Я не могъ принести здѣсь никакой пользы, а дома у меня была забота важнѣе, которую не вытѣснилъ у меня изъ головы даже ея бредъ; и я рѣшился въ эту же ночь вернуться съ первымъ дилижансомъ. Около шести часовъ утра я наклонился надъ нею, прикоснулся къ ней губами, именно когда она произносила: «возьмите карандашъ и напишите подѣ моимъ именемъ: я прощаю ее.»

Это было въ первый и послѣдній разъ, что я такъ прикоснулся къ ней. И я уже никогда болѣе не видалъ ея.

Г Л А В А L.

Ночью мнѣ перевязали руки раза два или три, и потомъ еще разъ поутру. Моя лѣвая рука была сильно обожжена по самый локоть; но къ плечу обжога была менѣе значительна. Я чувствовалъ сильную боль, но могло быть еще хуже, еслибъ огонь охватилъ другія части. Правая рука была не такъ сильно обожжена, и я могъ владѣть пальцами. Конечно, она была перевязана, но не такъ неудобно, какъ лѣвая рука, которую я былъ принужденъ носить на перевязкѣ. Я могъ носить мое пальто и сюртукъ какъ плащъ въ накидку, застегнувъ ихъ подъ шею. Огонь опалилъ также мои волосы, но не коснулся головы и лица.

Гербертъ побывалъ въ Гамерсмитъ, повидался съ отцомъ и вернулся ко мнѣ на нашу квартиру, посвативъ остальной день ухаживанью за мною. Онъ былъ нѣжнѣйшею нянькою, и въ опредѣленные часы снималъ перевязки, смачивалъ компрессы въ прохлаждающей примочкѣ и прикладывалъ ихъ съ терпѣливою нѣжностію, за которую я благодарилъ его изъ глубины сердца.

Сначала, лежа спокойно на софѣ, я не могъ избавиться отъ преслѣдовавшаго меня призрака пламени, шума, суеты и запаха гари. Я забывался на минуту, и меня пробуждали вопли миссъ Гевисамъ, бѣжавшей ко мнѣ съ огненнымъ столбомъ, возвышавшимся у ней надъ головою. Мнѣ было труднѣе бороться съ этою умственною болью нежели съ сильнѣйшими физическими страданіями, и Гербертъ, видя это, всячески старался занять меня чѣмъ-нибудь.

Когда я увидѣлъ Герберта, разумѣется, мой первый вопросъ былъ, все ли благополучно на низовѣ рѣки? Онъ отвѣтилъ мнѣ утвердительно, съ полною увѣренностію, и мы не обращались къ этому предмету до самаго вечера. Но тогда Гербертъ, перемѣнивъ мнѣ компрессы, почти въ потемкахъ, слабо освѣщаемыхъ огнемъ камина, самъ обратился къ нему.

— Я вчера, Гендель, просидѣлъ съ Провисомъ цѣлые два часа.

— Гдѣ же была Клара?

— Бѣдное созданіе! сказалъ Гербертъ.— Она цѣлый вечеръ все бѣгала то вверхъ, то внизъ къ своему понурѣ. Онъ долбилъ постоянно въ полъ, какъ только уходила она съ его глазъ. Я полагаю, долго онъ теперь не продержится. Ромъ да перецъ, перецъ да ромъ, я думаю, скоро положить конецъ этому долбленію.

— И тогда, Гербертъ, вы женитесь?

— Какъ же я могу иначе взять на попеченіе мое милую дѣвочку? Положите, мой милый другъ, вашу руку на спинку софы, а я присяду и стану понемножку перевязку, такъ что вы и не замѣтите, какъ она у васъ сойдетъ. Я заговорилъ е Провисъ; знаете ли, Гендель, онъ становится лучше?

— Я говорилъ вамъ, самому мнѣ показалось, будто онъ сталъ понѣжнѣе, когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ.

— Да, вы это говорили. И это совершенная истина. Вчера вечеромъ онъ былъ очень сообщителенъ и передалъ мнѣ нѣсколько подробностей о своей жизни. Помните, онъ упоминалъ здѣсь объ одной женщинѣ, съ которою было у него много горя... Что, я разбередилъ вамъ?

Я вдрогнулъ, но не отъ прикосновенія его, я вдрогнулъ отъ его словъ.

— Я было забылъ объ этомъ, Гербертъ, но теперь я припомнилъ, какъ вы заговорили объ этомъ.

— Провисъ разказывалъ мнѣ эту часть своей жизни, и мрачная была эта часть. Хотите я вамъ разкажу ее? Или теперь это утомить васъ?

— Сдѣлайте милость, разкажите. Все до слова!

Гербертъ наклонился ко мнѣ, чтобы поближе посмотреть на меня, какъ будто мой отвѣтъ былъ слишкомъ поспѣшенъ и нетерпѣливъ.

— Ваша голова холодна, сказалъ онъ, прикоснувшись къ ней.

— О да! сказалъ я:— передайте же мнѣ, что говорилъ вамъ Провисъ, любезный Гербертъ.

— Кажется, началъ Гербертъ, — перевязка удалась какъ нельзя лучше. Теперь я кладу вамъ холодный компрессъ; вѣдь непріятно сначала, мой бѣдный другъ, не правда ли? Но вотъ сейчасъ же сдѣлается вамъ полегче. Кажется, женщина эта была молодая и очень ревнивая и мстительная, мстительная, Гендель, до послѣдней крайности.

— До какой послѣдней крайности?

— Да хоть убить человека. Что чувствуете вы холодъ на больномъ мѣстѣ?

— Нѣтъ, не чувствую. Какъ же и кого она убила?

— Пожалуй, это дѣло и не заслуживаетъ страшнаго названія душегубства, сказалъ Гербертъ.—Но за душегубство ее судили, и мистеръ Джагерсъ защищалъ ее, и слава этой защиты сдѣлала его извѣстнымъ Провису. Жертвою была другая женщина, и борьба происходила въ сараѣ. Кто началъ ее, ведена ли она была честно или нѣтъ, все это неизвѣстно; но какъ она кончилась, въ этомъ сомнѣваться никто не могъ, потому что другая женщина была найдена задушенной.

— Что же, женщину эту нашли виновною?

— Нѣтъ, она была оправдана, мой бѣдный Гендель... Я опять разбередилъ вамъ...

— Гербертъ, не возможно быть нѣжнѣе васъ. Ну, чтò же далѣе?

— У Провиса отъ этой молодой женщины, которую оправдали, былъ ребенокъ, и Провисъ очень любилъ этого ребенка. Въ тотъ же самый вечеръ, какъ предметъ ея ревности былъ задушенъ, какъ я говорилъ вамъ, эта молодая женщина явилась къ Провису на одну минуту и поклонилась ему, что она сгубить ребенка, который былъ у нея и что онъ никогда не увидитъ его болѣе, и исчезла... Теперь съ самою худою рукой мы покончили, и она лежитъ спокойно на перевязи; остается еще правая рука, но это работа легкая. Въ потемкахъ мнѣ это легче дѣлать, моя рука тверже, потому что я не вижу такъ ясно обожженнаго мѣста. Не тяжело ли вамъ дышать, мой другъ? Вы, мнѣ кажется, дышите слишкомъ часто.

— Можетъ быть, Гербертъ. Что же женщина исполнила свою клятву?

— Здѣсь начинается самая мрачная сторона жизни Провиса. Она ее исполнила.

— То-есть это онъ такъ говорить.

— Разумѣется, мой милый другъ, отвѣчалъ Гербертъ съ удивленіемъ и наклоняясь ко мнѣ, чтобы ближе посмотреть на меня.—Это все онъ говорилъ мнѣ. Я объ этомъ ни отъ кого другаго не слышалъ.

— Конечно, нѣтъ.

— Теперь, продолжалъ Гербертъ,—Провисъ не говорить, худо ли хорошо ли онъ обращался съ матерью ребенка, только

она провела съ нимъ вмѣстѣ около пяти лѣтъ этой несчастной жизни, которую онъ намъ здѣсь описывалъ, и кажется онъ чувствовалъ къ ней жалость и былъ снисходителенъ. Боясь, чтобъ его не заставили донести о гибели этого ребенка и сдѣлаться виновникомъ ея смерти, хоть и жаль ему было ребенка, онъ скрылся и не являлся къ суду, гдѣ говорили о немъ неопредѣленно какъ о человѣкѣ, изъ-за котораго началась эта ревность. Послѣ ея оправданія, она исчезла, и такимъ образомъ онъ потерялъ и ребенка, и его мать.

— Я хочу спросить...

— Минуту подождите, милый другъ, сказалъ Гербертъ, — а сейчасъ кончу. Этотъ злой геній Комписонъ, отчаяннѣйшій мошенникъ между всѣми мошенниками, зная, что онъ укрывался въ это время и по какимъ причинамъ, конечно воспользовался этимъ, чтобы держать его въ черномъ тѣлѣ. Я видѣлъ вчера ясно, что это особенно усиливало ненависть къ нему Провиса.

— Я хочу знать положительно, Гербертъ, сказалъ я, — говорилъ ли онъ вамъ, когда все это случилось?

— Положительно? Дайте же мнѣ припомнить, что онъ объ этомъ говорилъ. Его собственныя слова были: «лѣтъ двадцать тому назадъ, и почти сейчасъ послѣ того, какъ я сошелся съ Комписсономъ.» Сколько вамъ было лѣтъ, когда вы съ нимъ встрѣтились на вашемъ кладбищѣ?

— Я думаю седьмой годъ.

— Онъ замѣтилъ, что это случилось года три, четыре передъ тѣмъ. Вы ему напоминали собою его маленькую дѣвочку, которой онъ трагически лишился, и которая была бы тогда почти однихъ съ вами лѣтъ.

— Гербертъ, сказалъ я поспѣшно, послѣ короткаго молчанія, — какъ для васъ лучше разсмотрѣть меня, у окошка при свѣтѣ, или при огнѣ у каминна?

— При огнѣ, отвѣчалъ Гербертъ, подходя ко мнѣ ближе.

— Смотрите же на меня.

— Я смотрю на васъ, другъ мой.

— Дотроньтесь до меня.

— Ну, я дотронулся до васъ, мой милый другъ.

— Вы не думаете, что у меня горячка, или что мозгъ мой помутился отъ вчерашняго случая?

— И, вѣтъ, мой другъ, сказалъ Гербертъ, смотря на меня

пристальнѣе.—Вы разгорячились немножко; но вы совершенно владѣете собою.

— Я это знаю. А вѣдь человекъ, котораго мы укрываемъ на низовьѣ рѣки—отецъ Эстеллы.

II.

Какая у меня была цѣль открывать и доказывать происхождение Эстеллы, я не могу сказать. Читатель увидитъ сейчасъ, что этотъ вопросъ не представлялся мнѣ въ опредѣленной формѣ, пока мнѣ его не задала голова, которая была умнѣе моей.

Но послѣ моего разговора съ Гербертомъ, мною овладѣло горячее убѣжденіе, что я долженъ преслѣдовать это дѣло, что я не долженъ бросать его, но что я долженъ видѣть Джагерса и добиться отъ него всей истины. Право, я не знаю, чувствовалъ ли я, что я это дѣлалъ для Эстеллы, или просто мнѣ было пріятно перенести и на этого человека, котораго безопасность такъ интересовала меня, по крайней мѣрѣ часть романическаго интереса, ее окружавшаго. Можетъ-быть послѣднее предположеніе ближе къ истинѣ.

Какъ бы то ни было, меня едва удержали, чтобъ я не пошелъ въ тотъ же вечеръ въ Джерардъ-Стритъ. Только доводы Герберта, что я могу свалиться и лежать въ растяжку больной въ то самое время, когда безопасность нашего бѣглеца будетъ зависѣть отъ меня, успѣли охладить мое нетерпѣніе. Но выговоривъ себѣ, однако же, условіе, что я во всякомъ случаѣ пойду завтра къ мистеру Джагерсу, я наконецъ согласился успокоиться и остаться дома, наняться съ моими обжогамъ. Мы отправились вмѣстѣ рано на слѣдующее утро; на углу улицы Гильтъ-Споръ я оставилъ Герберта, который пошелъ своею дорогою въ Сити, а самъ я повернулъ въ Литль-Бритенъ.

Мистеръ Джагерсъ и Вемикъ въ положенное время пересматривали конторскіе счета, свѣряли ихъ съ расписками и приводили дѣла въ порядокъ. При такихъ случаяхъ Вемикъ бралъ съ собою книги и бумаги въ комнату мистера Джагерса; а въ первую комнату приходилъ одинъ изъ писцовъ сверху. Найдя, на мѣстѣ Вемика, такого писца, я догадался чѣмъ они были заняты; но я былъ радъ случаю, что мистеръ Джагерсъ

и Вемикъ были вмѣстѣ, потому что Вемикъ могъ самъ слышать, что я ничѣмъ его не компрометирую.

Мое появленіе съ подвязанною рукою, въ сюртукѣ, накинутомъ на плечи, содѣйствовало отчасти моему намѣренію. Хотя я, тотчасъ же по возвращеніи, отправилъ къ мистеру Джагерсу краткое описаніе случившагося происшествія, теперь однакоже я принужденъ былъ передать ему всѣ подробности; и особенность этого случая имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что нашъ разговоръ былъ не такъ сухъ и отрывистъ и не такъ строго опредѣлялся правилами уголовного слѣдованія, какъ это обыкновенно бывало.

Пока я описывалъ несчастный случай, мистеръ Джагерсъ стоялъ по своему обыкновенію передъ огнемъ. Вемикъ развалился на своемъ стулѣ и, запустивъ руки въ карманы панталонъ и горизонтально заложивъ перо въ свой почтовый ящикъ, уставилъ на меня свои глаза. Два отвратительные слѣпка, нераздѣльные въ моемъ воображеніи съ дѣятельностью этой конторы, казалось, соображали апоплектически, не было ли теперь въ комнатѣ запаха гари.

Разказъ мой былъ конченъ, всѣ вопросы были также истощены, и тогда я представилъ ордеръ миссъ Гевисамъ на полученіе девяти сотъ фунтовъ для Герберта. Глаза мистера Джагерса закатились глубже въ орбиты, когда я подалъ ему таблетки; но онъ передалъ ихъ сейчасъ же Вемику, съ приказаніемъ написать ихъ для его подписи. Пока исполнялась эта церемонія, я смотрѣлъ на писавшаго Вемика; а мистеръ Джагерсъ, покачиваясь на каблучкахъ своихъ отлично-вычищенныхъ сапогъ, посматривалъ на меня.

— Мнѣ очень жаль, Пипъ, сказалъ онъ, когда я положилъ въ карманъ подписанный имъ чекъ, — что мы ничего не дѣлаемъ для васъ собственно.

— Миссъ Гевисамъ была такъ добра, я отвѣтилъ, — что спрашивала меня, не можетъ ли она для меня чегонибудь сдѣлать; я ей сказалъ, ничего.

— Каждый долженъ знать свое дѣло лучше, сказалъ мистеръ Джагерсъ.

Я замѣтилъ, губы Вемика сочиняли слова: «движимая собственность».

— Будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы не сказалъ ей ничего, сказалъ мистеръ Джагерсъ, — но каждый долженъ знать свое дѣло лучше.

— Движимая собственность, сказалъ Вемикъ, поглядывая на меня съ упрекомъ, — должна быть первымъ дѣломъ для каждаго.

— Мнѣ казалось, теперь наступило время обратиться къ предмету, который лежалъ у меня на сердцѣ; и я сказалъ мистеру Джагерсу.

— Я спросилъ, однако же, объ одной вещи у миссъ Гевишамъ. Я просилъ ее сообщить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о ея приемышѣ; и она передала мнѣ все, что ей было извѣстно.

— Право? сказалъ мистеръ Джагерсъ, наклоняясь впередъ, чтобы посмотрѣть на свои сапоги и потомъ снова выпрямляясь.—А я думаю, я бы этого не сдѣлалъ, если бы я былъ на мѣстѣ миссъ Гевишамъ. Но она должна знать лучше свое дѣло.

— Мнѣ извѣстна исторія приемыша миссъ Гевишамъ, даже лучше нежели ей самой. Я знаю ея мать.

Мистеръ Джагерсъ посмотрѣлъ на меня вопросительно и повторилъ:—Мать?

— Я видѣлъ ея мать три дня тому назадъ.

— Да? сказалъ мистеръ Джагерсъ.

— Точно также, какъ и вы, сэръ; вы видѣли ее вчера, нынче.

— Да? сказалъ Джагерсъ.

— Можетъ быть исторія Эстеллы мнѣ извѣстна еще лучше нежели вамъ. Я знаю ея отца.

Въ манерахъ мистера Джагерса вдругъ наступила минута инерціи. Онъ слишкомъ хорошо владѣлъ собою, чтобы измѣнить своимъ манерамъ; но онъ не могъ удержаться отъ этой минутной остановки, которую вызвало безотчетное вниманіе, и которая убѣдила меня, что онъ не зналъ, кто такой былъ ея отецъ.

— Такъ вы знаете Пипъ отца молодой леди? сказалъ Джагерсъ.

— Да, отвѣчалъ я. — Его зовутъ Провисъ, изъ Новаго Южнаго Валлиса.

Даже и мистеръ Джагерсъ вздрогнулъ, когда я произнесъ эти слова. Это было едва замѣтное движеніе, необыкновенно какъ тщательно задержанное и подавленное въ ту же минуту; но онъ вздрогнулъ, хотя онъ и прикинулся будто внималъ свой носовой платокъ. Я не могу сказать, какъ принялъ Вемикъ это возвѣщеніе; я боялся смотрѣть на него, чтобы ми-

стерь Джагерсъ, при своей пронизательности, не открылъ между нами неизвѣстныхъ ему сношеній.

— А на какомъ основаніи, Пипъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, очень холодно, останавливаясь съ своимъ платкомъ на половинѣ дороги къ носу: — Провисъ предъявляетъ свои права?

— Онъ ихъ не предъявляетъ, сказалъ я, — и никогда не предъявлялъ, и вовсе не знаетъ и не предполагаетъ, что его дочь жива.

Въ первый разъ можетъ быть всемогущій платокъ не произвелъ своего дѣйствія. Мой отвѣтъ былъ такъ неожиданъ, что мистеръ Джагерсъ положилъ свой платокъ назадъ въ карманъ, не исполнивъ обыкновенной церемоніи; сложивъ свои руки, онъ посмотрѣлъ на меня съ строгимъ вниманіемъ, но неподвижнымъ лицомъ.

Тутъ я разказалъ ему все, что я зналъ, и какъ я узналъ, давъ ему только замѣтить, будто мнѣ сообщила миссъ Гевишамъ все то, что мнѣ на самомъ дѣлѣ было извѣстно отъ Вемика. Въ этомъ пунктѣ я былъ очень остороженъ. Я даже не взглянулъ на Вемика, пока не кончилъ всего, и даже послѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, безмолвно выдерживалъ взглядъ мистера Джагерса. Когда я наконецъ обратилъ мои глаза на Вемика, я замѣтилъ, что онъ вынулъ свое перо изъ пасти, и сосредоточилъ все свое вниманіе на столѣ, за которымъ онъ сидѣлъ.

— Ну! сказалъ наконецъ мистеръ Джагерсъ, пододвигаясь къ бумагамъ, бывшимъ на столѣ: — на какой цифрѣ мы съ вами остановились, Вемикъ, когда вошелъ мистеръ Пипъ?

Но я уже не могъ стерпѣть, чтобы меня такъ безцеремонно откинули въ сторону, и обратился къ нему съ горячею, даже исполненною негодованія рѣчью, требуя отъ него болѣе искренности и прямоты. Я напомнилъ ему, какъ увлекался я ложными надеждами, какъ долго тянулось это обольщеніе, какое открытіе я сдѣлалъ, и я намекнулъ ему, какая тягость лежала у меня теперь на душѣ. Я представлялъ ему, что конечно я былъ достоинъ хотя малой откровенности съ его стороны за мою къ нему откровенность; я сказалъ, что я его не винилъ, не подозрѣвалъ, не сомнѣвался въ немъ, но что я хотѣлъ только удостовѣриться отъ него въ истинѣ. И если онъ спроситъ меня, для чего я этого желаю, или почему я думаю, что имѣю на это нѣкоторое право, то я скажу ему, какъ ни мало

дорожить онъ такими жалкими мечтами, что я давно и горячо люблю Эстеллу и, что хотя я ея лишился и принужденъ теперь влачить одинокую жизнь, но все до нее относящееся дорого мнѣ. Видя, что мистеръ Джагерсъ все еще пребывалъ въ упорномъ молчаніи, нисколько не трогаясь моимъ воззваніемъ, я обратился къ Вемику, и сказалъ:

— Вемикъ, я знаю у васъ нѣжное сердце. Я видѣлъ вашъ пріятный домъ, вашего престарѣлаго отца и невинныя забавы, которыми вы оживляете вашу дѣловую жизнь. Умоляю васъ, скажите за меня слово мистеру Джагерсу, представьте ему, что принимая въ уваженіе всѣ обстоятельства, онъ долженъ быть откровеннѣе со мною!

Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы два человѣка такъ странно посматривали другъ на друга, какъ переглядывались теперь между собою мистеръ Джагерсъ и Вемикъ, послѣ моего обращенія. Сначала у меня промелькнула въ головѣ мысль, что Вемикъ сейчасъ же лишится своего мѣста, но она недолго меня мучила, когда я увидѣлъ на лицѣ мистера Джагерса нѣкоторое подобіе улыбки и замѣтилъ, что Вемикъ становился посмѣлѣе.

— Это что еще такое? сказалъ мистеръ Джагерсъ:—вы съ вашимъ престарѣлымъ отцомъ и вашими невинными забавами?

— А что же такое? отвѣчалъ Вемикъ.—Если я не приношу ихъ сюда, такъ еще нѣтъ бѣды?

— Пипъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ, положивъ мнѣ на плечо свою руку, и уже открыто улыбаясь. — Этотъ человѣкъ долженъ быть самый лукавый лицемѣръ въ цѣломъ Лондонѣ.

— Все нѣтъ, отвѣчалъ Вемикъ, становясь все смѣлѣе и смѣлѣе.—Я полагаю, что вы не хуже, меня.

Опять они обмѣнялись прежними странными взглядами, оба подозрѣвая, что одинъ надувалъ другаго.

— Вы съ вашимъ пріятнымъ домомъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ.

— Если это дѣлу не мѣшаетъ, отвѣчалъ Вемикъ,—пусть оно такъ себѣ и останется. Теперь смотря на васъ, я нисколько не удивлюсь, если вы также задумываете устроить себѣ пріятный домъ когда-нибудь, какъ надобсть вамъ эта работа.

Мистеръ Джагерсъ покачалъ головою два или три раза, и, право, вздохнулъ.

— Пипъ, сказалъ онъ,—не будемъ говорить объ этихъ жал-

гихъ мечтахъ, которыя вамъ лучше извѣстны нежели мнѣ; ваша опытность свѣжѣе. Но что касается до другой матеріи, то я вамъ гипотетически изложу дѣло. Помните! Я ничего не допускаю съ моей стороны.

Онъ выжидалъ, пока я не объявилъ, что я совершенно понимаю, что съ своей стороны онъ ничего не допускаетъ.

— Теперь Пипъ, сказалъ мистеръ Джагерсъ,—представьте себѣ дѣло женщины въ такихъ обстоятельствахъ, какъ вы сказали: она скрыла ребенка и принуждена была сообщить этотъ фактъ своему адвокату, который объяснилъ ей, что онъ долженъ знать, для ея же защиты, всю истину о ребенкѣ. Представьте себѣ, что въ то же самое время богатая, причудливая леди поручила ему найти для себя ребенка, котораго она хотѣла взять къ себѣ и воспитать.

— Я слѣдую за вами, сэръ.

— Представьте себѣ, что этотъ адвокатъ жилъ посреди атмосферы зла; онъ зналъ о дѣтяхъ только то что они рождаются на этотъ свѣтъ въ огромномъ числѣ, себѣ на пагубу. Онъ часто видѣлъ, какъ судили въ уголовномъ судѣ дѣтей, которыхъ приподымали на руки, чтобы ихъ можно было видѣть; онъ постоянно слышалъ, какъ заключали ихъ въ тюрьмы, пороли, ссылали, оставляли въ вѣчномъ загонѣ, и всѣчески подготавливали для висѣлицы, которая бывала для нихъ неизбѣжнымъ концомъ. Представьте себѣ, всѣ дѣти, встрѣчавшіяся ему въ его дѣловой жизни, казались ему нѣчто въ родѣ икры, изъ которой съ теченіемъ времени развивались рыбы, рано или поздно попадавшія въ его сѣтъ; ему приходилось преслѣдовать ихъ, защищать, приводить къ ложной присягѣ и спроваживать, какимъ бы то ни было путемъ къ чорту.

— Я слѣдую за вами, сэръ.

— Представьте себѣ, Пипъ, что вамъ выдается красивый ребенокъ изъ этой массы, котораго можно спасти; отецъ считаетъ его погибшимъ и не смѣетъ поднять о немъ тревоги; мать его въ полной власти адвоката. Я знаю, говорить онъ, что вы сдѣлали и какъ вы сдѣлали! Вы подошли такъ-то и такъ-то; вотъ какъ вы напали, вотъ какъ защищались противъ васъ, вы продолжали и сдѣлали то-то и то-то, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе. Я за вами слѣдилъ. Разстаньтесь съ вашимъ ребенкомъ; если онъ будетъ нуженъ, чтобы очистить васъ, тогда его представлять. Отдайте этого ребенка мнѣ на руки, и я приложу всѣ мои старанія, чтобы

выпутать васъ. Будете вы спасены, ребенокъ вашъ также спасенъ; погибнете вы, опять-таки вашъ ребенокъ будетъ спасенъ. Представьте себѣ, что все это было сдѣлано, и женщина была оправдана

— Я совершенно васъ понимаю.

— Но я не утверждаю ничего съ моей стороны.

— Не утверждаете ничего.

И Вемикъ также повторилъ: Ничего не утверждаете.

— Представьте себѣ, Пипъ, что припадокъ злости и ужасъ смерти слегка потрясли разсудокъ женщины; и когда она была освобождена, ей стало страшно на свѣтъ, и онъ пришла къ нему искать убѣжища. Представьте себѣ, что онъ ее принялъ, и сдерживалъ ее прежній необузданный нравъ, при каждомъ порывѣ грозя ей своею властью. Понимаете ли вы это гипотетически изложенное дѣло?

— Совершенно.

— Представьте себѣ, что ребенокъ выросъ и выданъ замужъ по разчету, богатства ради, что мать жива, что отецъ также живъ, что отецъ и мать не знаютъ другъ про друга, хотя живутъ въ разстояніи нѣсколькихъ миль, саженой или футовъ одинъ отъ другаго, что тайна остается до сихъ поръ тайною, и только вы успѣли провѣдать о ней. Представьте себѣ хорошенько, Пипъ, особенно послѣднее обстоятельство.

— Я представляю себѣ.

— Я прошу также и Вемика хорошенько представить это себѣ.

И Вемикъ сказалъ:

— Я себѣ представляю.

— Ради кого будете вы раскрывать эту тайну? Ради отца? Я полагаю, ему лучше матери. Ради матери? Я думаю она сдѣлала такое дѣло, послѣ котораго ей безопаснѣе оставаться тамъ, гдѣ она находится. Ради дочери? Плохая будетъ для нея услуга, раскрыть ея родство на позоръ мужу, и бросить ее въ старую грязь, изъ которой удалось ей вылѣзть лѣтъ двадцать тому назадъ. Но прибавьте еще, Пипъ, что вы любили ее, что вы сдѣлали изъ нея предметъ этихъ жалкихъ грезъ, наполнявшихъ головы многихъ людей, которыхъ вѣроятно вы и не заподозрите въ этомъ, и я вамъ скажу, что лучше будетъ для васъ взять топоръ да отрубить себѣ эту повязанную лѣвую руку, да потомъ передать его Вемику,

чтобъ онъ отрубилъ также и правую, и вы непременно это сдѣлаете, когда сообразите хорошенько дѣло.

Я посмотрѣлъ на Вемика, лице котораго приняло серьезное выраженіе. Онъ значительно приложилъ свой палецъ къ губамъ. Я сдѣлалъ то же самое; мистеръ Джагерсъ повторилъ то же движеніе.

— Ну, Вемикъ, сказалъ онъ, принявъ свой обыкновенный тонъ, — на какой цифрѣ мы остановились, когда вошелъ мистеръ Пипъ?

Оставаясь съ ними нѣкоторое время, пока они работали, я замѣтилъ, что странные взгляды, которые они прежде бросили другъ на друга, повторялись нѣсколько разъ, съ тою только разницею, что теперь оба они подозрѣвали и даже сознавали, что обнаружили другъ передъ другомъ свою слабую сторону. По этой причинѣ, я полагаю, они оба были неумолимы одинъ къ другому; мистеръ Джагерсъ былъ необыкновенно какъ взыскателенъ и повелителенъ, а Вемикъ съ упрямствомъ оправдывался каждый разъ, при малѣйшемъ несогласіи. Я никогда еще не видалъ ихъ въ такихъ худыхъ отношеніяхъ; обыкновенно, работа шла у нихъ очень ладно.

По счастью, на выручку къ нимъ явился Майкъ, клиентъ въ мѣховой шапкѣ, имѣвшій привычку вытирать носъ рукавомъ, тотъ самый, котораго я видѣлъ въ первый день моего появленія въ этихъ стѣнахъ. Эта личность была въ постоянномъ опасеніи бѣды или за себя, или за своихъ родственниковъ (подъ бѣдою я разумѣю здѣсь Ньюгетъ), и теперь пришелъ онъ объявить, что его старшая дочь взята по подозрѣнію въ воровствѣ. Когда онъ передавалъ это печальное обстоятельство Вемику, мистеръ Джагерсъ стоялъ у огня какъ судья, не принимая участія въ этой бесѣдѣ; случилось, что слеза навернулась на глазахъ Майка.

— Это что такое? спросилъ Вемикъ съ страшнымъ негодованіемъ. — Чего вы сюда приходите рюмить?

— Я не затѣмъ пришелъ, мистеръ Вемикъ.

— Нѣтъ затѣмъ, сказалъ Вемикъ. — Какъ это вы осмѣлились только? Вамъ сюда и показываться не слѣдъ, если вы не можете не распустить свои нюни словно надтреснувшее перо. Что это только значить?

— Человѣкъ не властенъ въ своихъ чувствахъ, мистеръ Вемикъ, привелъ въ свое оправданіе Майкъ.

— Что такое? спросил свирѣпо Вемикъ:—повторите-ка.

— Послушайте, мой любезный, сказалъ мистеръ Джагерсъ, подходя на одинъ шагъ и указывая на дверь:—вонъ изъ этой конторы! Чувствамъ здѣсь мѣста нѣтъ. Убирайтесь.

— По дѣломъ вамъ, сказалъ Вемикъ,—извольте убираться.

Итакъ, несчастный Мейкъ смиренно удалился. Согласіе снова водворилось между Вемикомъ и мистеромъ Джагерсомъ, и они принялись за работу, совершенно освѣженные, словно позавтракали.

Г Л А В А ЛII.

Изъ Литль-Бритена я отправился съ чекомъ въ карманѣ къ брату миссъ Скифинсъ, счетчику, и братъ миссъ Скифинсъ, счетчикъ, сейчасъ пошелъ къ Кларикеру и привелъ сего Кларикера ко мнѣ, и я имѣлъ несказанное удовольствіе сейчасъ же покончить съ нимъ дѣло. Это было единственное хорошее дѣло, которое я сдѣлалъ и повершилъ окончательно, съ тѣхъ поръ какъ возымѣлъ большія ожиданія.

Кларикеръ увѣдомилъ меня при этомъ случаѣ, что дѣла фирмы постепенно подвигались впередъ, что теперь ему открывается возможность основать небольшой домъ на Востокѣ, чего необходимо требуетъ расширение торговой дѣятельности, и что Гербертъ, какъ партнеръ, отправится туда и приметъ на себя управление этимъ домомъ. Я увидѣлъ такимъ образомъ, что я долженъ приготовиться къ разлукѣ съ моимъ другомъ; я чувствовалъ, какъ будто мой послѣдній якорь обрывался, и что скоро я сдѣлаюсь игрушкой вѣтровъ и волнъ.

Но я былъ награжденъ радостью Герберта, который, возвратясь домой въ этотъ вечеръ, передалъ мнѣ обо всѣхъ этихъ переменахъ, мало подозрѣвая, что онъ не сказалъ мнѣ тутъ ничего новаго. Онъ строилъ воздушные планы, какъ повезетъ онъ Клару Барде въ волшебную страну *Тысячи и Одной Ночи*, и какъ я прїѣду къ нимъ съ караваномъ верблюдовъ, и какъ мы всѣ отправимся по Нилу и будемъ видѣть чудеса на каждомъ шагѣ. Не увлекаясь моимъ собственнымъ участіемъ въ этихъ блистательныхъ планахъ, я видѣлъ, что дорога передъ

Гербертомъ быстро расчищалась, и что если только старый Билъ Барле останется по прежнему вѣрнѣнъ своему перцу и рому, его дочь вскорѣ будетъ обезпечена и счастлива.

Наступалъ мѣсяцъ мартъ. Моя лѣвая рука, хотя и не показывала худыхъ признаковъ, но подживала такъ медленно, что я до сихъ поръ еще не могъ надѣть на себя смуртука. Правая рука поджила порядочно, и хотя она была обезображена, но могла дѣйствовать.

Въ понедѣльникъ поутру, когда мы съ Гербертомъ сидѣли за завтракомъ, я получилъ по почтѣ слѣдующее письмо отъ Вемика.

«Валвертъ.

«Сожгите, какъ только прочтете. Въ началѣ недѣли, примерно въ среду, вы можете сдѣлать то, что вы знаете, если вы только расположены попытаться. Теперь сожгите.»

Я показалъ записку Герберту и бросилъ ее въ огонь, заучивъ ее содержаніе наизусть. Мы задумались что дѣлать; моя больная рука представлялась важнымъ препятствіемъ, которое нельзя было отодвинуть въ сторону.

— Я думалъ объ этомъ много, сказалъ Гербертъ,—и полагаю, у меня есть планъ получше нежели нанимать лодочника. Возьмемъ Стартопа. Онъ добрый малый, мастеръ грести, любить насъ, восторженникъ и человѣкъ благородный.

— Я уже о немъ думалъ не разъ.

— Но что же мы ему скажемъ, Гербертъ?

— Сказать ему нужно очень немного. Пусть онъ предполагаетъ, что это такъ себѣ одна фантазія, которую должно однако держать въ тайнѣ до утра: тогда объявимъ ему, что есть причины спустить Провиса на корабль и удалить изъ Лондона. Вы поѣдете съ нимъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Куда?

Послѣ многихъ размышлений, мнѣ казалось, что было все равно, какой бы ни выбрать портъ, Гамбургъ, Роттердамъ, Антверпенъ,—мѣсто тутъ ничего не значило,—главное было проводить его изъ Англіи. Первый иностранный пароходъ, на который мы наткнемся, сдѣлаетъ наше дѣло. Моя мысль всегда была спустить его по рѣкѣ въ лодкѣ, разумѣется за Гревезендъ. Это было мѣсто критическое для всякихъ разспросовъ и досмотровъ, если только бывало подозрѣніе. Иностранные пароходы оставляли Лондонъ при полно-

воду, и мой планъ былъ спуститься по рѣкѣ съ предшествовавшимъ приливомъ и притаиться въ какомъ-нибудь тихомъ мѣстечкѣ, и потомъ пристать къ которому-нибудь изъ нихъ. Разсчитать время, когда подѣдетъ пароходъ къ тому мѣсту, гдѣ мы будемъ выжидать его, было не трудно; стоило только собрать предварительно свѣдѣнія.

Гербертъ согласился на это, и послѣ завтрака мы сейчасъ же отправились хлопотать по этому дѣлу. Мы нашли, что гамбургскій пароходъ лучше всего соотвѣтствуетъ нашей цѣли, и преимущественно на немъ сосредоточили наши мысли. Но мы замѣтили также, какіе другіе иностранные пароходы оставляютъ Лондонъ съ тѣмъ же теченіемъ, и совершенно затвердили ихъ форму и цвѣтъ. Потомъ мы разстались на нѣсколько часовъ. Я отправился за паспортами, Гербертъ къ Стартопу на его квартиру. Мы оба исполнили наше дѣло безъ всякихъ препятствій, и сошлись около часу передать другъ другу, что все покончено. Я былъ готовъ съ моими паспортами; Гербертъ видѣлъ Стартопа, и тотъ съ охотою обѣщавъ присоединиться къ намъ.

Мы положили, что они вдвоемъ будутъ грести, а я править рулемъ; нашъ пріятель будетъ сидѣть спокойно; скорость не была для насъ особенно важна. Мы условились также, чтобы Гербертъ, возвращаясь домой къ обѣду, зашелъ на Мельничный Прудъ, и приготовилъ Провиса, какъ ему сойдти внизъ въ середу у спуска ближайшаго къ дому,—какъ только завидитъ насъ, но не прежде,—и чтобы всѣ распоряженія съ нимъ онъ покончилъ въ этотъ же понедѣльникъ вечеромъ и потомъ не сносился съ нимъ до того самаго времени, какъ мы примемъ его на лодку.

Мы оба хорошо условились насчетъ этихъ предосторожностей, и я отправился домой.

Отпирая дверь моей квартиры, я нашелъ въ ящикѣ письмо, адресованное ко мнѣ,—письмо очень грязное, хотя не дурно написанное. Оно было кѣмъ-то принесено по выходѣ моемъ изъ дома, и содержаніе его было слѣдующее:

«Если вы не боитесь прибыть на старое болото сегодня или завтра вечеромъ, въ девять часовъ, къ маленькому домику у шлюза, возлѣ известковой печи, такъ приходите. Если вы хотите узнать что-нибудь о нашемъ дядѣ Провисѣ, приходите, не теряя времени и не говорите никому объ

этомъ. *Вы должны придти одни.* Принесите съ собою эту записку.»

Довольно тягости было у меня на умѣ и безъ этого страннаго письма. Я рѣшительно не зналъ, что мнѣ было теперь дѣлать. И хуже всего, что я долженъ былъ рѣшиться сейчасъ же, а не то я пропустилъ бы послѣобѣденный дилижансъ, который привезетъ меня вовремя къ сегодняшнему вечеру. Я и не могъ думать о томъ, чтобъ отправиться туда завтра вечеромъ; это было слишкомъ близко къ условленному времени для побѣга. И потомъ, какъ мнѣ было знать! предлагаемое свидѣніе могло именно относиться до побѣга.

Будь у меня, побольше времени для размышленія, я полагаю, что я все-таки бы отправился. Но теперь, не имѣя рѣшительно времени, раздумывать—мои часы указывали мнѣ, что дилижансъ тронется черезъ полчаса,—я рѣшился немедленно вхвать. Конечно, я бы не поѣхалъ, если бы тутъ не упоминалось о моемъ дядѣ Провисѣ; но именно то обстоятельство, что это письмо пришло послѣ записки Вемика и всѣхъ утреннихъ приготовленій, заставило меня рѣшиться.

Я принужденъ былъ прочесть это таинственное посланіе два раза, прежде нежели его наказъ, сохранить тайну, механически впечатлѣлся въ моемъ умѣ. Поддаваясь ему также механически, я написалъ Герберту записку карандашомъ, сообщая ему въ ней, что такъ какъ я скоро увѣжалъ, самъ не зная какъ на долго, то я рѣшился лично удостовѣриться каково здоровье миссъ Гевшамъ. Я едва имѣлъ время надѣть мой сюртукъ, запереть комнаты и добѣжать до дилижанса. Я взялъ себѣ мѣсто внутри кареты, и пришелъ въ себя не прежде какъ меня порядкомъ порастрясло въ этой каретѣ, гдѣ я сидѣлъ по коленно въ соломѣ.

Дѣйствительно, я былъ самъ не свой съ тѣхъ поръ какъ получилъ это письмо; оно рѣшительно огуманило меня послѣ нашего утренняго спѣха. Утромъ я былъ очень взволнованъ: хотя я уже долго и нетерпѣливо ожидалъ условленнаго намека отъ Вемика, но онъ явился совершеннымъ сюрпризомъ. Тутъ я началъ дивиться себѣ, какъ попалъ я въ дилижансъ и имѣлъ ли я достаточный поводъ быть въ немъ, и не лучше ли было выйти изъ него и отправиться сейчасъ же навадъ, оставивъ безъ вниманія анонимное сообщеніе: короче, я проходилъ черезъ всѣ степени противорѣчія и нерѣшительности, обыкновенно осаждающія

людей торопящихся. Но имя Провиса взяло надъ всеѣмъ верхъ. Я разсуждалъ, что если онъ подвергнется какой-нибудь опасности черезъ мою нерѣшительность, то прощу ли я это себѣ потомъ?

Уже было темно, когда мы прїѣхали; переѣздъ мнѣ показался очень длиненъ и утомителенъ. Избѣгая Синяго Кабана, я остановился въ другомъ трактирѣ, не столь знаменитомъ, и заказалъ себѣ обѣдъ. Пока его приготовляли, я отправился въ Сатисъ-Хаусъ и спросилъ о миссъ Гевшамъ; она все еще была больна, хотя думали, что ей нѣсколько лучше.

Мой трактиръ когда-то составлялъ часть стараго монастырскаго дома, и я обѣдалъ въ маленькой осмиугольной общей комнатѣ, похожей на купель. Я не могъ самъ разрѣзывать себѣ обѣдъ, и старый трактирщикъ съ блестящею лысиною оказалъ мнѣ эту услугу. У насъ завязался разговоръ, и онъ угостилъ меня моею же собственной исторіею, конечно не упустивъ въ ней главной черты, что Пембльчукъ — мой первый благодѣтель и виновникъ моего счастья.

— Знаете вы этого молодого человѣка? сказалъ я.

— Знаю ли я его? повторилъ трактирщикъ.—Да, съ тѣхъ поръ, какъ его еще отъ земли не видать было.

— Бываетъ онъ иногда въ этомъ околоткѣ?

— Да, бываетъ иногда, сказалъ трактирщикъ,—у своихъ важныхъ покровителей и воротить носъ отъ человѣка, который вытаскилъ его.

— Кто же этотъ человѣкъ?

— То-есть человѣкъ, о которомъ я говорю, сказалъ трактирщикъ:—это мистеръ Пембльчукъ.

— Ну, а къ другимъ онъ также не благодаренъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ бы такой же не благодарный и передъ другими, еслибы былъ случай, отвѣчалъ трактирщикъ, но случая нѣтъ. И знаете почему? Потому что одинъ Пембльчукъ все для него сдѣлалъ.

— И это Пембльчукъ самъ рассказываетъ?

— Рассказываетъ! отвѣчалъ трактирщикъ.—Ему незачѣмъ это рассказывать.

— Но говорить ли онъ что-нибудь объ этомъ?

— Послушать его, сэръ, что онъ говорить объ этомъ, сказалъ трактирщикъ,—такъ право кровь стынетъ.

Я подумалъ: «А Джо, милый Джо, вы никогда объ этомъ

не говорите. Долготерпѣливый, любящій Джо, вы никогда не жалуетесь. Ни вы также кроткая Биди!»

— Аппетиту у васъ нѣтъ, послѣ вашего приключенія, сказала трактирщикъ, поглядывая на мою подвязанную руку.— Попробуйте кусочекъ понѣжнѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, сказала я, повертываясь къ огню, чтобы предаться размышленіямъ. Уберите это, я болѣе не могу ѣсть.

Никогда еще не чувствовалъ я такъ глубоко мою неблагодарность передъ Джо, какъ теперь, сравнивая его съ мѣднымъ лбомъ Пемблчукомъ. Чѣмъ живѣе онъ былъ, тѣмъ искреннѣе представлялся мнѣ Джо; чѣмъ подлѣе онъ былъ, тѣмъ благороднѣе представлялся мнѣ Джо.

Просидѣвъ часа два надъ огнемъ въ моихъ думахъ, я почувствовалъ, что сердце мое смирилось, наконецъ бой часовъ пробудилъ меня изъ моей думы, не разогнавъ однакоже ни моего унынія, ни угрызений моей совѣсти; я всталъ, застегнулъ мой сюртукъ и вышелъ. Я искалъ передъ этимъ въ моихъ карманахъ письмо, чтобы взглянуть на него еще разъ; но не могъ его найти, и безпокоился думая, что я его вѣрно обронилъ въ дилижансѣ. Я зналъ однакоже очень хорошо, что условленное мѣсто было маленькій домикъ у шлюзовъ, возлѣ известковой печи, на болотѣ, и назначенный часъ—девятъ. Времени оставалось уже не много, и я поспѣшилъ на болото.

LIII.

Ночь была темная, хотя полный мѣсяцъ взошелъ, когда я оставилъ за собою загороженные поля и вышелъ на болото. За чернымъ горизонтомъ виднѣлась полоса яснаго неба, которая едва могла вмѣстить въ себя расплывшуюся красную луну. Черезъ нѣсколько минутъ она поднялась изъ этого свѣтлаго мѣста и исчезла за громадами облаковъ.

Вѣтеръ печально завывалъ, и на болотахъ было страшно какъ грустно. Для человѣка небывавшаго здѣсь они показались бы невыносимы; даже мнѣ было такъ тяжело, что я медлилъ, почти рѣшаясь повернуть назадъ. Но мнѣ они были хорошо извѣстны; я нашелъ бы дорогу здѣсь, еслибы ночь была еще гораздо темнѣе. Разъ придя сюда, я не имѣлъ уже повода

возвращаться. И такимъ образомъ, явившись сюда поневолю, я принужденъ былъ также поневолю идти далѣе.

Я шелъ не по тому направленію, гдѣ находился мой прежній домъ, и также не по той линіи, по которой мы преслѣдовали каторжниковъ. Отдаленные плашкоты оставались у меня назади, и хотя я могъ различить вдалекѣ за песчаною косою знакомые огни, но я могъ видѣть ихъ только сзади. Я зналъ известковую печь также хорошо какъ и старую батарею, но онѣ были на разстояніи нѣсколькихъ миль одна отъ другой, такъ что еслибы въ эту ночь огни были зажжены на этихъ двухъ пунктахъ, то длинная полоса темнаго горизонта раздѣляла бы эти двѣ свѣтящіяся точки.

Сначала мнѣ приходилось заперать за собой калитки и останавливаться, выжидая пока скотина, лежавшая поперекъ тропинки, по насыпи, подымется и исчезнетъ въ травѣ и камышахъ болота. Но вскорѣ я остался единственнымъ живымъ существомъ посреди этой пустыни.

Прошло еще полчаса, и наконецъ я очутился возлѣ печи; известка обжигалась въ ней лѣниво, отдѣляя удушающій запахъ, но разложенный огонь былъ оставленъ; работниковъ не было видно. Возлѣ находилась небольшая каменоломня; дорога моя лежала черезъ нее, и я замѣтилъ по лежавшимъ инструментамъ тѣлѣжкамъ, что тамъ работали въ этотъ день.

Выйдя опять на болото изъ этой пещеры, черезъ которую пролежала моя тропинка, я увидѣлъ свѣтъ въ старомъ домикѣ у шлюза. Я ускорилъ мои шаги и постучался въ дверь. Пока я ожидалъ отвѣта, я имѣлъ время оглядѣться и замѣтить, какъ шлюзъ былъ запущенъ и сломанъ; деревянный домикъ, съ черепичною кровлей, едва ли могъ служить надежнымъ кровомъ отъ непогоды; грязь и выступавшая вода были покрыты известью, и удушающій паръ изъ печи подбирался ко мнѣ словно привидѣніе. Все это я успѣлъ разглядѣть, а отвѣта еще не было. Я постучался опять, нѣтъ отвѣта; я попробовалъ задвижку.

Задвижка поднялась подъ моею рукой и дверь отворилась. Заглянувъ внутрь, я увидѣлъ на столѣ зажженную свѣчку, скамью и матрасъ на складной кровати. Въ комнатѣ были полати; я кликнулъ «есть кто-нибудь тамъ?» но никто не отвѣчалъ. Я посмотрѣлъ на мои часы: была уже половина десятаго; я кликнулъ опять: «есть тутъ кто-нибудь?» отвѣта все не было; я вышелъ за дверь, не рѣшаясь что дѣлать.

Вдругъ полился дождь. Не видя передъ собою ничего,

я вернулся назадъ въ домикъ и остановился въ дверяхъ подъ навѣсомъ, смотря въ ночную мглу. Раздумывая, что вѣрно тутъ былъ кто-нибудь недавно и долженъ вернуться вскорѣ, иначе не оставили бы зажженной свѣчки, я захотѣлъ посмотрѣть, какъ много нагорѣлъ фитиль; я подошелъ къ столу и взялъ въ руки свѣчку, какъ вдругъ кто-то загасилъ ее, и я почувствовалъ, меня захватили на арканѣ, который былъ заброшенъ на меня свади черезъ голову.

— А! теперь-то, закричалъ чей-то голосъ, съ проклятіемъ, — вы попались мнѣ.

— Это что такое, завопилъ я барахтаясь, — кто это? Помогите, помогите, помогите!

Руки мои были притянуты къ бокамъ, и моя больная рука была такъ сильно прижата, что я чувствовалъ нестерпимую боль. Кто-то зажималъ мнѣ ротъ то сильною рукой, то сильною грудью, чтобы заглушить мои крики, и чувствуя на лицѣ чье-то горячее дыханіе, я тщетно боролся въ темнотѣ, между тѣмъ какъ меня привязывали плотно къ стѣнѣ.

— Ну, теперь, сказалъ тотъ же самый голосъ съ новымъ проклятіемъ, — пикните еще разъ, и я съ вами сейчасъ же покончу!

Ослабѣлый отъ боли, пораженный нечаянностью, и вполне сознавая однакоже, какъ легко было привести въ исполненіе такую угрозу, я замолкъ и старался по возможности высвободить мою руку. Но она была слишкомъ плотно привязана. Я чувствовалъ, моя обожженная рука словно кипѣла въ огнѣ.

Совершенная темнота, замѣстившая теперь въ этой комнатѣ полумракъ ночи, показала мнѣ, что человѣкъ закрылъ ставень. Пошаря въ потемкахъ, онъ нашелъ кремѣнь и огниво, которыхъ искалъ, и началъ высѣкать огонь. Я напрягалъ мое зрѣніе, слѣдя за искрами, падавшими на трутъ, на который онъ постоянно дулъ, держа въ рукѣ лучину; но я могъ уловить, и то лишь мгновенно, его губы и синій конецъ лучины. Трутъ былъ сыръ, — что въ этомъ мѣстѣ было не удивительно — и искры гасли одна за другою.

Человѣкъ не торопился и продолжалъ высѣкать огонь. Искры падали обильнымъ потокомъ вокругъ него, я могъ видѣть его руки и нѣкоторыя черты на его лица, я могъ разглядѣть, что онъ сидѣлъ нагнувшись надъ столомъ, и только. Вотъ я опять увидѣлъ его синія губы, какъ тяжело дули онѣ

на труть, и вдругъ занялось пламя и освѣтило передо мною Орлика.

Я самъ не знаю, кого я ожидалъ встрѣтить здѣсь,—только никакъ не его. Увидѣвъ его, я почувствовалъ, что я дѣйствительно былъ въ опасномъ положеніи и не спускалъ съ него глазъ.

Не торопясь, онъ засвѣтилъ свѣчку горѣвшею лучиной, бросилъ ее на полъ и затопталъ. Потомъ онъ поставилъ свѣчку на столъ подалѣе отъ себя, такъ что онъ могъ меня видѣть, и сѣлъ на столъ, сложа руки и смотря на меня. Тутъ я увидѣлъ, что былъ привязанъ къ крѣпкой, почти вертикальной лѣстницѣ, которая была утверждена тутъ въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ стѣны и служила подъемомъ на полати.

— Что, сказалъ онъ, когда мы оглядѣли другъ друга,—попался!

— Развяжите меня! Пустите меня!

— Все въ свое время! отвѣтилъ онъ:—я васъ отпущу, а васъ спущу къ мѣсяцу и звѣздамъ. Все въ свое время.

— Зачѣмъ заманили вы меня сюда?

— А вы не знаете? сказалъ онъ, бросая на меня убійственный взглядъ.

— Зачѣмъ накинудись вы на меня въ потемкахъ?

— Потому что я намѣренъ все это дѣло справить самъ. Одинъ бережетъ тайну лучше двоихъ. Вы ворогъ, ворогъ вы мой!

Онъ такъ злобно наслаждался созерцаніемъ меня, сидя на столѣ, сложа руки и кивая головой, что меня проняла дрожь. Я слѣдилъ за нимъ молча, онъ протянулъ руку въ уголъ и досталъ ружье съ мѣдною оправой.

— Знаете вы это чтò? сказалъ онъ, прицѣливаясь въ меня.—Помните, гдѣ вы его видѣли прежде? Да говорите же, волчонокъ!

— Помню, отвѣтилъ я.

— Вы отбили у меня это мѣсто. Что, вѣдь такъ? Говорите же?

— Чтò же мнѣ было дѣлать?

— Довольно бы ужъ и этого одного. А есть и другое. Какъ только вы смѣли стать между мною и дѣвушкой, которая любила мнѣ?

— Когда это было?

— Когда этого не было? Завсегда вы передъ нею порочили стараго Орлика.

— Сами вы себя заслужили худую славу. Я бы не могъ повредить вамъ, еслибы вы не повредили себя сами.

— Вы лгунъ. Вы всё старанія готовы употребить и истратить гибель денегъ, только бы спровадить меня изъ этой стороны. Чтò, не правда? сказалъ онъ, повторяя мои слова сказанныя Биди, при послѣднемъ свиданіи.—Теперь я вамъ скажу одну вещь. Никогда еще можетъ-быть для васъ не было такъ важно спровадить меня отсюда, какъ въ этотъ вечеръ. Да, хотя это и стоило бы въ двадцать разъ болѣе вѣхъ вашихъ денегъ до единого фаринга!

Онъ погрозилъ мнѣ своимъ тяжелымъ кулакомъ, оскаливая зубы, какъ тигръ, и я чувствовалъ, что то была горестная истина.

— Чтò нужно? сказалъ онъ, тяжело стучая кулакомъ по столу, и приподымаясь, ятобы придать своимъ словамъ еще болѣе силы:—мнѣ нужна жизнь ваша!

Онъ наклонился впередъ, паяя на меня глаза, медленно провель своею разжатою рукой по губамъ, словно у него слюньки текли на меня, и сѣлъ опять.

— Вы всегда становились Орлику поперекъ дороги, еще когда вы были ребенкомъ. Вотъ, постойте, въ этотъ вечеръ я спроважу васъ. Считайте себя покойникомъ.

Я чувствовалъ, что я стоялъ на краю могилы. Я окинулъ взглядомъ мой капканъ, ища какой-нибудь возможности спастись; но не было никакого спасенія.

— Этого еще мало, сказалъ онъ, складывая опять свои руки.—Отъ васъ не останется на землѣ ни тряпочки, ни косточки. Я ваше тѣло положу въ печь. Такихъ, какъ вы, я двухъ снесу на моихъ плечахъ, и пусть люди гадаютъ, что хотятъ про васъ, ничего не узнаютъ.

Мой умъ съ непостижимою быстротою окинулъ всё послѣдствія такой смерти: отецъ Эстеллы будетъ думать, что я оставилъ его; его схватятъ, и онъ умретъ, обвиняя меня; даже Гербертъ усумнится во мнѣ, сравнивъ оставленное мною письмо съ дѣйствительнымъ фактомъ, что я заходилъ только на минуту къ миссъ Гевिशамъ; Джо и Биди никогда не узнаютъ, какъ я въ этотъ вечеръ сожалѣлъ о моемъ поведеніи; никто никогда не узнаетъ, что я выстрадалъ, какъ я хотѣлъ остаться всѣмъ вѣренъ, черезъ какую агонію я перешелъ. Смерть, такъ близко ожидавшая меня, была страшна; но для меня еще страшнѣе было опасеніе, что не добромъ помянутъ меня послѣ моей

смерти. Мысли мои такъ быстро смѣнялись, что я провидѣлъ даже, какъ будутъ презирать меня нерожденныя поколѣнія—дѣти Эстеллы и ихъ дѣти, пока слова этого мерзавца еще были у него на языкѣ.

— Ну, волчонокъ, сказалъ онъ,—прежде чѣмъ я убью васъ, какъ гнуснаго звѣря,—что я и намѣренъ сдѣлать и для чего я привязалъ васъ,—я хочу полюбоваться, да хорошенько потѣшиться вами. О, врагъ!

Мнѣ пришло на мысль кликнуть опять помощь, хотя лучше всякаго зналъ, какъ уединенно было это мѣсто и какъ мало было тутъ надежды на помощь. Но пока онъ сидѣлъ, наслаждаясь мои мученіями, меня поддерживала моя ненависть къ нему, которая замыкала мнѣ уста. Прежде всего я рѣшилъ, что не стану умолять его, и умру, оказывая ему до конца сопротивленіе, хотя бы оно было и очень слабо. Какъ ни были смягчены мои мысли о прочихъ людяхъ въ этой жалкой крайности, какъ ни смиренно молилъ я небо о прощеніи, какъ ни разжалобилось мое сердце при мысли, что я не простился и никогда не прощусь съ людьми, дорогими мнѣ, не объяснюсь съ ними, не вымолю состраданія ихъ къ моимъ прежнимъ ошибкамъ; все-таки, еслибъ я, умирая, могъ убить его, я убилъ бы его.

Онъ былъ пьянъ, и его глаза покраснѣли и налились кровью. На шеѣ у него висѣла жестяная фляжка, какъ въ прежнее время я видалъ у него болтался узелокъ съ его обѣдомъ. Онъ поднесъ фляжку къ губамъ, и хватилъ изъ нея огненный глотокъ; я почувствовалъ запахъ крѣпкаго спирта, и лицо его, я замѣтилъ, зардѣлось.

— Волчонокъ, сказалъ Орликъ, складывая опять свои руки,—старый Орликъ поразкажетъ вамъ кое-что. Вѣдь это я хлопнулъ вашу злую сестру.

Опять мой умъ съ прежнему непостижимою быстротою представилъ себѣ всю исторію этого нападенія на мою сестру, ея болѣзнь, ея смерть, прежде нежели его медленный, записавшійся языкъ успѣлъ сочленить эти слова.

— Такъ это были вы, негодяй! сказалъ я.

— А я вамъ скажу, что это было ваше дѣло; я вамъ скажу, изъ-за васъ это было сдѣлано; отвѣтилъ онъ, схватывая ружье и ударяя прикладомъ въ воздухъ, отдѣлавшій меня отъ него. —Я подобрался къ ней сзади, какъ сегодня я подошелъ къ вамъ. И хватилъ ее! Я ее оставилъ, считая ее мертвою; и будь

тогда известковая печка такъ близко какъ теперь, не ожила бы она опять. Но не старый Орликъ это сдѣлалъ, а вы. Васъ баловали, а его дразнили. Дразнили да еще поколотили стараго Орлика. Чтò? Теперь вы расплатитесь за это. Вы это сдѣлали, и за это вы теперь расплатитесь.

Онъ выпилъ еще глотокъ и сталъ еще свирѣпѣе. Я видѣлъ, онъ такъ наклонилъ флажку, что вѣроятно въ ней оставалось уже немного. Я очень хорошо понималъ, что онъ раздражалъ себя водкой, для того чтобы доканать меня. Я зналъ, что каждая капля, оставшаяся въ ней, была каплею моей жизни; я зналъ, что когда я обращусь въ тотъ же паръ, который нѣсколько времени тому назадъ подбирался ко мнѣ, какъ мое привидѣніе, предостерегавшее меня, онъ сдѣлаетъ то же самое, какъ и послѣ случая съ моею сестрой, поспѣшить въ городъ и будетъ таскаться тамъ и пить во всѣхъ кабакахъ, чтобы все видѣли. Мой быстрый умъ слѣдовалъ за нимъ въ городъ, представлялъ себѣ улицу и его посреди нея, противопоставляя ея освѣщенію, ея движенію, уединенное болото и бѣлый паръ, носившійся надъ нимъ, и въ который я самъ скоро обращусь.

Я не только могъ сосредоточить нѣсколько лѣтъ, пока онъ говорилъ какихъ-нибудь дюжину словъ, но все, чтò онъ говорилъ мнѣ, рисовалось передо мною картинами. Въ разстроенномъ состояніи моего мозга, я видѣлъ каждое мѣсто, о которомъ я вспоминалъ, каждого человѣка, который приходилъ мнѣ на мысль. Не было бы возможности преувеличить живость этихъ образовъ, и все-таки мое вниманіе было такъ приковано къ нему все это время—кто свелъ бы глаза съ тигра, сейчасъ готоваго вспрыгнуть на васъ!—что я замѣчалъ наималѣйшее движеніе его пальцевъ.

Потянувъ изъ флажки, онъ всталъ съ скамейки, и отодвинулъ столъ въ сторону. Потомъ онъ взялъ свѣчку и, прикрывая ее своею душегубскою рукой, чтобъ отбросить на меня весь свѣтъ, остановился передо мною, смотря на меня и наслаждаясь зрѣлищемъ.

— Волчонокъ, я вамъ скажу еще что-то. Вѣдь это на стараго Орлика вы наткнулись на вашей лѣстницѣ въ ту ночь.

И вотъ я видѣлъ теперь лѣстницу съ потушенными фонарями. Я видѣлъ тѣнь тяжелыхъ перилъ, которую отбрасывалъ на стѣнѣ фонарь сторожа. Я видѣлъ комнаты, которыя уже не суждено было мнѣ болѣе видѣть; вотъ одна дверь полуотворена, другая дверь затворена, вокругъ мебель.

— А зачѣмъ старый Орликъ туда попасть? Я скажу вамъ, волчонокъ, еще кое-что. Вы съ нею выжили меня изъ этой стороны; я пошелъ къ новымъ товарищамъ и новымъ хозяевамъ. Они вотъ пишутъ за меня письма, когда бываетъ мнѣ нужно. Слышите? пишутъ за меня письма, волчонокъ! И пишутъ-то они пятидесятью почерками, а не однимъ, какъ вы, подлецы. Я твердо положилъ лишить васъ жизни, когда вы еще были здѣсь на похоронахъ вашей сестры. Я все не находилъ еще случая, какъ залучить васъ, и присматривалъ за вами, чтобъ узнать, какъ и куда вы ходите. Старый Орликъ сказалъ себѣ: ужь какъ-нибудь да доберусь до него. Чтò же! слѣжу я за вами, да и накрываю вашего дядю Провиса. Э? Что?

Берегъ Мельничнаго Пруда, Чинковъ бассейнъ, Старый Зеленомѣдный Канатный Заводъ такъ ясно, такъ живо представились мнѣ! Провисъ въ своихъ комнатахъ, хорошенькая Клара, добрая женщина хозяйка, старый Билъ Барле на спинѣ, все пронеслось будто по быстрой рѣкѣ моей жизни, стремившейся теперь въ море вѣчности!

— У васъ тамъ дядюшка заведся! Я зналъ васъ у Гарджери, когда вы были такой щенокъ, что я могъ бы придушить васъ двумя пальцами (и не разъ хотѣлъ я это сдѣлать, какъ вы шатались здѣсь подъ дубками по воскресеньямъ); да дюшекъ у васъ тогда не было никакихъ. Но когда старый Орликъ услышалъ, что вашъ дядя Провисъ, по всей вѣроятности, носилъ желѣзную подвязку, которую старый Орликъ поднялъ на этомъ болотѣ, много лѣтъ тому назадъ, и которою хватилъ онъ потомъ вашу сестру, какъ быка, да и васъ хватить—э?.. Когда онъ услышалъ... э?

Посреди этого дикаго глумленія, онъ поднесъ свѣчку такъ близко ко мнѣ, что я повернулъ мое лицо въ сторону, чтобы сберечь его отъ пламени.

— А! закричалъ онъ съ хохотомъ, повторяя то же самое движеніе:—обожженный ребенокъ боится огня! Старый Орликъ знаетъ, что вы обожглись, старый Орликъ знаетъ, какъ вы хотите спровадить отсюда вашего дядю Провиса, старый Орликъ не уступить вамъ; онъ навѣрное зналъ, что вы сюда придете! Теперь я вамъ скажу еще кой-что, волчонокъ, да тѣмъ и покончу. Есть люди, которые не уступятъ и вашему дядѣ Провису, какъ Орликъ не уступить вамъ. Берегись онъ ихъ, когда потеряетъ своего племянника, когда отъ милой роденьки не останется ни тряпочки, ни косточки. Есть люди,

которые не могутъ да и не хотятъ потерпѣть, чтобы Магичъ— и имя-то его я знаю!—жилъ съ ними въ одномъ мѣстѣ; они получали о немъ самыя вѣрныя свѣдѣнія, пока онъ жилъ въ другой землѣ, и смотрѣли, чтобы онъ не оставилъ ея и не напакостилъ имъ. Можетъ-быть эти-то люди и пишутъ напятьдесятъ различныхъ почерковъ, а не на одинъ, какъ вы, подлецы. Берегись, Магичъ, Комписона и вистълицы.

Онъ опять сунулъ мнѣ въ лицо свѣчку, опалилъ мнѣ лицо и волосы, и на мгновеніе ослѣпилъ меня; повернувъ ко мнѣ свою широкую спину, онъ снова поставилъ свѣчку на столъ. Я мысленно молился и былъ вмѣстѣ съ Джо, Бидди и Гербертомъ, пока онъ не повернулся ко мнѣ опять.

Между столомъ и противоположною стѣною, было свободнаго мѣста нѣсколько футовъ. Въ этомъ промежуткѣ онъ расхаживалъ взадъ и впередъ. Его огромная сила обнаруживалась еще рѣзче, когда онъ ходилъ такимъ образомъ переваливаясь, опустивъ руки по бокамъ и поглядывая на меня изподлобья. У меня уже не оставалось ни песчинки надежды. Съ дикою быстротой смѣнялись мои мысли, съ чудною силой рисовались мнѣ передо мною картины; я могъ ясно понять, что еслибы онъ не рѣшился погубить меня, невѣдомо отъ всѣхъ, черезъ нѣсколько минутъ, то никогда не объявилъ бы онъ мнѣ того, что разказалъ мнѣ теперь.

Вдругъ онъ остановился, вынулъ пробку изъ флажки и бросилъ ее прочь. Какъ ни была она легка, но мнѣ слышалось, что она упала словно свинецъ. Медленно пропускалъ онъ глотки, наклоняя все болѣе и болѣе флажку; теперь онъ уже не глядѣлъ на меня. Послѣднія капли водки онъ вылилъ на ладонь и слизалъ ихъ. Потомъ, въ страшномъ спѣхѣ и съ ужасными проклятіями, бросилъ онъ отъ себя флажку и остановился; въ слѣдующую минуту я увидѣлъ въ рукѣ его тяжелый молотъ съ длинною ручкой.

Я не забылъ принятаго мной рѣшенія; и не произнося ни одного слова напрасной мольбы, заревѣлъ сколько у меня хватило силы, и принялся барахтаться. Я могъ только двигать головой и ногами, но я боролся ими со всею моею мощью; какой до сихъ поръ я не подозрѣвалъ въ себѣ. Въ ту же самую минуту я услышалъ крики мнѣ въ отвѣтъ, увидѣлъ человѣческія фигуры и свѣтъ въ дверяхъ; и Орликъ вдругъ прыгнулъ черезъ столъ и исчезъ въ ночной мглѣ.

Когда я очнулся, я почувствовалъ, что лежу на полу раз-

вязанный, въ томъ же самомъ мѣстѣ, и голова моя покоилась на чьемъ-то колѣнѣ, глаза мои были обращены къ лѣстницѣ, къ которой я былъ привязанъ,—они открылись на нее, прежде нежели я ее увидѣлъ,—и приходя постепенно въ сознание, я увѣрился, что я былъ еще въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ лишился сознанія.

Сначала мнѣ было тяжело даже повернуться и посмотреть, кто поддерживалъ меня, я лежалъ и глядѣлъ на лѣстницу, когда показалось лицо между ею и мной. Это было лицо Трабова мальчика.

— Я думаю, онъ теперь пришелъ въ себя, сказалъ Трабовъ мальчикъ, серьезнымъ тономъ;—но какъ же онъ блѣдень!

При этихъ словахъ, ко мнѣ наклонилось лицо человѣка, который поддерживалъ меня: и я увидѣлъ, это былъ...

— Гербертъ! Боже милостивый!

— Тише, сказалъ Гербертъ.—Помаленьку, Гендель. Не горячитесь.

— И нашъ старый товарищъ Стартопъ! закричалъ я, когда и онъ нагнулся ко мнѣ.

— Вспомните, въ какомъ дѣлѣ онъ долженъ намъ помочь, сказалъ Гербертъ,—и будьте спокойны.

Этотъ намекъ заставилъ меня привскочить, но я опять упалъ отъ боли въ рукѣ.

— Время еще не ушло, Гербертъ? Который у насъ день нынче? Какъ долго я оставался здѣсь?

У меня родилось странное и сильное подозрѣніе, что я оставался тутъ долгое время—цѣлыя сутки—двое сутокъ—болѣе.

— Время еще не ушло; сегодня все еще понедѣльникъ.

— Благодарю тебя, Боже.

— И у васъ еще цѣлый день завтра, вторникъ, для отдыха, сказалъ Гербертъ.—Но вы не можете удержаться отъ стога, мой милый Гендель. Чтò у васъ болитъ? Можете вы стоять?

— Да, да, сказалъ я,—я могу ходить, у меня болитъ только рука.

Они обнажили ее и сдѣлали съ нею чтò могли. Она очень распухла и была сильно воспалена, такъ что я едва могъ вытерпеть прикосновеніе къ ней. Они разорвали свои платки, чтобы сдѣлать свѣжую перевязку, и осторожно повѣсили ее на перевязь, чтобы какъ-нибудь добраться до города и достать тамъ какой-нибудь примочки. Нѣсколько минутъ

спустя, мы, заперевъ дверь темнаго домика у шлюза, проходили черезъ каменоломню на возвратномъ пути. Трабовъ мальчикъ, который уже превратился въ рослаго молодого, шелъ впереди насъ съ фонаремъ: этотъ-то свѣтъ я и увидѣлъ въ дверь. Но луна теперь поднялась въ небѣ часа на два выше нежели какъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, и хотя ночь была дождливая, но на дворѣ было свѣтлѣе. Бѣлый паръ известковой печи уходилъ отъ насъ, когда мы миновали ее; и я мысленно возсылалъ мои благодаренія Богу, какъ прежде я мысленно молился.

Послѣ долгаго упрашиванія Герберта разказать мнѣ, какъ явился онъ мнѣ на выручку, чего—онъ никакъ было не хотѣлъ исполнить, уговаривая меня успокоиться. Я узналъ, что я впопыхахъ обронилъ распечатанное письмо на нашей квартирѣ, гдѣ онъ его нашель, воротившись домой, вскорѣ послѣ моего ухода, вмѣстѣ съ Стартопомъ, котораго онъ встрѣтилъ на улицѣ. Тонъ этого письма возбуждиль его подозрѣнія, тѣмъ болѣе что оно не согласовалось съ поспѣшною запиской, которую я для него оставилъ. Послѣ четверти часа размышления, его безпокойство еще увеличилось, и онъ отправился въ контору дилижансовъ вмѣстѣ съ Стартопомъ, который вызвался сопровождать его, чтобъ освѣдомиться, когда отходилъ слѣдующій дилижансъ. Узнавъ, что послѣобѣденный дилижансъ уже ушелъ, и видя, что его безпокойство перешло въ совершенную тревогу при новыхъ препятствіяхъ, онъ рѣшился отправиться на почтовыхъ: такимъ образомъ онъ съ Стартопомъ прибыли къ Синему Кабану, вполне надѣясь найти тамъ меня или услышать обо мнѣ, но обманувшись въ своемъ расчетѣ, они пошли къ миссъ Гевишамъ, гдѣ и потеряли мой слѣдъ. Послѣ этого они возвратились въ гостиницу (вѣроятно, около того времени, какъ я выслушивалъ мѣстный вариантъ моей собственной исторіи), чтобы подкрѣпитися и найти себѣ проводника на болото. Между зѣваками у воротъ Кабана, случился мальчикъ Траба, вѣрнѣй своей старой привычкѣ попадаться вездѣ, гдѣ ему не слѣдовало быть; Трабовъ мальчикъ видѣлъ, какъ я проходилъ отъ миссъ Гевишамъ къ трактиру, гдѣ я обѣдалъ. Такимъ образомъ Трабовъ мальчикъ поцалъ въ ихъ провожатые, и съ нимъ они пришли къ домику у шлюзовъ, но по дорогѣ черезъ городъ, отъ которой я уклонился. На пути, Гербертъ размыслилъ, что меня въ самомъ дѣлѣ могли вытребовать туда по какому-нибудь

дѣлу, касавшемуся безопасности Провиса, и что всякое постороннее вмѣшательство могло только повредить дѣлу; поэтому онъ оставилъ своего провожатаго и Стартопа на краю каменоломни, а самъ одинъ отправился далѣе и обошелъ потихоньку домикъ раза два-три, стараясь узнать все ли тамъ благополучно. Онъ ничего не могъ разслышать кромѣ неясныхъ звуковъ, произносимыхъ чьимъ-то грубымъ голосомъ (это именно было тогда, когда мое воображеніе такъ сильно работало); онъ даже начиналъ сомнѣваться, былъ ли я тамъ дѣйствительно, какъ вдругъ я заревѣлъ, и онъ отвѣтилъ на мой крикъ и бросился въ домикъ въ сопровожденіи двухъ своихъ спутниковъ.

Когда я разказалъ Герберту что происходило внутри домика, онъ хотѣлъ сейчасъ же отправиться къ городскому судѣ, какъ ни было поздно, и достать у него приказъ схватить Орлика. Но я уже обдумалъ, что это могло задержать насъ здѣсь, обязать насъ вернуться сюда, и погубить Провиса. Отрицать дѣйствительность такого затрудненія было невозможно, и мы на время оставили всякую мысль преслѣдовать Орлика. При настоящихъ обстоятельствахъ, мы сочли даже за благоразумное не придавать особенной важности всему этому происшествію въ глазахъ Трабова мальчика, который, я убѣжденъ, остался бы очень недоволенъ тѣмъ, что его вмѣшательство спасло меня отъ известковой печи;—не потому чтобы Трабовъ мальчикъ былъ злаго нрава, но въ немъ было очень много излишней живости, и въ характерѣ его было желать разнообразныхъ и сильныхъ ощущеній, откуда бы они ни являлись. Когда мы разстались, я подарилъ ему двѣ гиней (это по видимому согласовалось съ его ожиданіями) и сказалъ ему, что я очень сожалѣлъ, что былъ о немъ прежде худаго мнѣнія (это не сдѣлало на него вовсе никакого впечатлѣнія).

Середа подходила такъ близко, что мы рѣшились отправиться всѣ трое въ Лондонъ, въ эту же ночь, на почтовыхъ, тѣмъ болѣе что въ такомъ случаѣ мы успѣли бы удалиться отсюда прежде чѣмъ подымутся толки о приключеніи этого вечера. Гербертъ досталъ бутылку примочки для моей руки и примачивалъ ее цѣлую ночь, и я могъ выносить боль въ продолженіи всей дороги; уже совершенно разсвѣло, когда мы прибыли въ Темплъ; я сейчасъ же легъ въ постель, и оставался въ постелѣ цѣлый день.

Пока я тутъ лежалъ, меня преслѣдовало опасеніе, что я сдѣлаюсь боленъ и буду негоденъ для завтрашняго дня, и я

удивляюсь теперь, какъ я только не захворалъ отъ этой мысли. Это случилось бы непременно, подъ вліяніемъ умственной усталости, отъ которой я страдалъ, еслибы меня не поддерживало неестественное напряженіе: такъ нетерпѣливо ожидали мы наступленія завтрашняго дня, такія важныя послѣдствія были соединены съ нимъ, и такъ были сокрыты отъ насъ его результаты, при всей близости!

Осторожность болѣе всего требовала, чтобы мы не имѣли съ *нимъ* ни какихъ сношеній въ этотъ день; но отъ этого только возрастало мое безпокойство. Я вздрагивалъ, при каждомъ шагѣ, при каждомъ звукѣ, подавая, что вотъ *его* открыли, схватили, и что вотъ является посланецъ объявить мнѣ объ этомъ. Я убѣдилъ себя, будто я дѣйствительно зналъ, что его схватили, что на умѣ у меня было что-то посущественнѣе пустаго страха и предчувствія, что фактъ дѣйствительно случился, и что я зналъ о томъ. День проходилъ, и худыхъ вѣстей не было; день прошелъ; стало темно, и мною совершенно овладѣло опасеніе, что болѣзнь отыметъ у меня всѣ силы къ завтрашнему дню. Моя обожженная рука словно нарывала, моя голова была воспалена; мнѣ представлялось, будто я начинаю бредить. Чтобы увѣриться въ себѣ, я считалъ до крупныхъ чиселъ, я повторялъ различныя мѣста въ стихахъ и прозѣ, какія только я могъ припомнить. Случалось иногда, что, въ полномъ изнеможеніи ума, я забывался или засыпалъ на нѣсколько минутъ; но вдругъ очнувшись, я говорилъ себѣ: «ну, теперь открывается у меня горячка, и я начинаю бредить!»

Они успокоивали меня весь день, постоянно прикладывали примочку къ моей рукѣ и давали мнѣ прохладительное питье. Каждый разъ, какъ я засыпалъ, я пробуждался съ сознаниемъ, будто я еще нахожусь въ домикѣ у шлюза, что протекло много времени, и мы потеряли удобный случай спасти *его*. Около полуночи я всталъ съ постели и пошелъ къ Герберту, въ полномъ убѣжденіи, что я проспалъ двадцать четыре часа, и что середя прошла. Это было послѣднее истощившее себя проявленіе моей болѣзненной тревоги, и послѣ этого я уснулъ спокойно.

Утро среды брезжило, когда я выглянулъ въ окно. Мерцавшіе фонари на мостахъ уже блѣднѣли и восходящее солнце обозначалось огненною полосой на горизонтѣ. Рѣка, еще темная и таинственная, была перепоясана мостами, которые принимали холодный сѣроватый цвѣтъ, слегка оттъ-

ненный теплымъ тономъ зардѣвагося неба. Я глядѣлъ вдоль громады кровель, изъ которой подымались башни и шпили церквей на необыкновенно-прозрачномъ воздухѣ; солнце поднялось, и казалось будто покрывало было снято съ рѣки, и на водахъ ея заблистади милліоны искръ. Съ меня также слетѣла пелена, и я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и сильнымъ.

Гербертъ спалъ въ своей постелѣ, а нашъ товарищъ спалъ на софѣ. Я не могъ одѣться безъ ихъ помощи, но я поправилъ огонь, который еще горѣлъ, и приготовилъ для нихъ кофе. Въ свое время и они поднялись, также совершенно здоровые и сильные; мы впустили въ окно свѣжій утренній воздухъ и смотрѣли на приливъ, который еще несся къ намъ.

— Къ девяти часамъ, сказалъ Гербертъ весело,—ожидайте насъ и будьте готовы, ей вы, тамъ у Мельничнаго Пруда.

LIV.

Это былъ одинъ изъ мартовскихъ дней, когда солнце жарить, а вѣтеръ дуетъ холодомъ; когда на свѣтлой сторонѣ лѣто, а въ тѣни зима. Съ нами были наши толстыя пальто, и я взялъ дорожный мѣшокъ. Изъ всѣхъ моихъ мірскихъ богатствъ, я захватилъ только самыя необходимыя вещи, наполнившія этотъ мѣшокъ. Куда я ѣхалъ, что я стану дѣлать, когда возвращусь,—все это были для меня вопросы совершенно неизвѣстные; я не мучилъ ими моей головы, которая была вся занята заботою о Провисѣ. Я съ минуту подумалъ только, остановившись у двери и оглянувшись назадъ, при какихъ новыхъ обстоятельствахъ придется мнѣ опять увидѣть эти комнаты, если еще только придется.

Мы сошли не торопясь съ Темпльскаго спуска и постояли еще внизу, не спѣша, какъ будто мы не совсѣмъ рѣшили, ѣхать ли намъ кататься. Конечно я уже заранѣе позаботился, чтобы лодка была готова и все было въ исправности. Разыгравъ эту комедію, которой единственнымъ зрителями были два или три земноводныя существа, принадлежавшія къ Темпльскому спу-

ску, мы сѣли въ лодку и отчалили. Гербертъ сидѣлъ на носу, я правилъ рулемъ. Была половина девятого, — время самаго полнаго прилива.

У насъ былъ слѣдующій планъ: отливъ начнется въ девять часовъ и теченіе будетъ по пути намъ до трехъ; когда начнется опять приливъ, мы намѣрены были ползти понемножку, противъ теченія, до самыхъ сумерекъ. Мы тогда будемъ уже ниже Гревезенда, между Кентомъ и Эссексомъ, гдѣ рѣка широка и пустынна, гдѣ немного прибрежныхъ жителей, и мѣстами раскинуты одинокіе кабачки, одинъ изъ которыхъ мы могли бы выбрать себѣ мѣстомъ для отдохновенія. Тамъ предположили мы прождать цѣлую ночь. Пароходы гамбургскій и роттердамскій оставлятъ Лондонъ около девяти часовъ утра въ четвергъ. Смотри по мѣсту, куда мы попадемъ, мы будемъ знать около котораго времени ожидать ихъ, и остановимъ первый, такъ что если по какому-нибудь случаю насъ не примутъ на этотъ пароходъ, мы можемъ попасть на другой. Мы знали отличительные признаки обонхъ судовъ.

Мнѣ было такъ отрадно, что наконецъ мы принялись за исполненіе давно задуманнаго предпріятія, что я даже съ трудомъ представлялъ себя въ какомъ состояніи я находился нѣсколько часовъ тому назадъ. Свѣжій воздухъ, солнечный свѣтъ, движеніе по рѣкѣ, самое теченіе ея, дорога, которая, казалось, бѣжала съ нами взапуски, сочувствуя намъ и одушевляя и ободряя насъ, подкрѣпляли меня новою надеждой. Мнѣ было досадно, что я такъ мало приносилъ пользы въ лодкѣ, но трудно было бы найдти гребцовъ лучше двухъ моихъ друзей, и они гребли, ударяя веслами съ силой, которой хватило бы имъ на весь день.

Въ это время пароходное движеніе по Темзѣ далеко не было такъ развито какъ теперь, и лодки перевозчиковъ были гораздо многочисленнѣе. Барокъ, угольныхъ и каботажныхъ судовъ можетъ-быть было столько же, сколько и теперь, но пароходовъ большихъ и малыхъ не было и десятой, даже двадцатой доли настоящаго ихъ числа. Хоть и было очень рано, но намъ попало множество ботиковъ, юлившихъ въ разныя стороны, и барокъ, которыя неслись внизъ вмѣстѣ съ отливомъ. Плаванье по рѣкѣ между мостами въ гребной лодкѣ было тогда дѣломъ обыкновеннымъ, и мы быстро обогнали нѣсколько челноковъ и яликовъ.

Скоро миновали мы старый Лондонский мостъ, старый Голлингетский рыбный рынокъ, съ его устричными судами и голландскими галіотами, Тауэръ съ бѣлою башней и воротами Намънниковъ, и очутились между корабельными пристанями. Здѣсь были пароходы изъ Лита, Абердина и Глазго, нагружавшіе и разгружавшіе свои карго и страшно высоко поднимавшіеся изъ воды, какъ намъ казалось, когда мы проѣзжали мимо; здѣсь были многіе десятки угольныхъ судовъ, съ угольщиками, сваливавшими мѣры своего груза черезъ бортъ въ барки; здѣсь лежалъ ошвартовленный пароходъ, отправлявшійся завтра въ Роттердамъ,—мы посмотрѣли на него,—а здѣсь вотъ другой пароходъ, завтра же отходившій въ Гамбургъ; мы проѣхали подъ его бугшпритомъ. Но вотъ, сидя у руля, я завидѣлъ, но съ бьющимся сердцемъ, Берегъ Мельничнаго Пруда съ его спускомъ.

— Тамъ онъ? спросилъ Гербертъ.

— Нѣтъ еще!

— Какъ и слѣдуетъ! Онъ не долженъ выходить, пока не увидитъ насъ. Можете вы различить его сигналъ?

— Не совсѣмъ еще; но кажется вижу. Теперь я вижу его самого! Дружиѣ, братцы! Тише, Гербертъ! Весла!

Мы только на минуту пристали къ спуску; онъ очутился съ нами, и мы отчалили. Онъ взялъ съ собою свое пальто и черный парусинный мѣшокъ, и былъ похожъ на лоцмана, какъ лучше было пожелать нельзя.

— Милый малый! сказалъ онъ, кладя свою руку мнѣ на плечо, когда занялъ свое мѣсто.—Вѣрный, милый малый! Дѣло хорошо обработано. Благодарю васъ, благодарю!

Опять понеслись мы между корабельными пристанями, избѣгая ржавыхъ цѣпныхъ канатовъ, истертыхъ пеньковыхъ тросовъ, пловучихъ бакановъ, и затопяя на минуту разбитыя корзинки, разбросанныя щепки и стружки, плававшія на поверхности воды; вотъ мы проѣхали подъ деревянною фигурой «Джона изъ Сендерланда», зывающаго къ вѣтрамъ и «Бетеп изъ Ярмота» съ твердо оттопырившимися грудями и глазами, выпятившимися, какъ шишки, дюйма на два изъ головы; мы неслись мимо молотовъ, дѣятельно работавшихъ на веряхъ кораблестроителей, мимо пилъ, съ визгомъ прорѣзывавшихъ лѣсъ, машинъ, ударявшихъ о какіе-то неизвѣстные предметы, помпъ откачивавшихъ воду изъ судовъ, двигавшихся кабестановъ,

кораблей, выходявшихъ въ море, съ загадочными морскими существами, которыя ревѣли проклятiя съ борта судовщикамъ, а имъ отвѣчали подобными же проклятiями; наконецъ выбрались мы на просторную рѣку, гдѣ матросы на корабляхъ могли спокойно убрать свои кранцы,—полно имъ удить въ мутной водѣ съ борта,—и гдѣ зубчатые паруса могли на волѣ развѣваться по вѣтру.

Я заботливо оглядѣлся у спуска, гдѣ мы приняли его, да и потомъ все посматривалъ, не слѣдить ли кто за нами подозрительно. Я никого не замѣтилъ. Положительно не было видно никакой лодки, которая слѣдила бы за нами. Еслибы только насъ подстерегала какая-нибудь лодка, то я причалилъ бы къ берегу и принудилъ бы ее или идти впередъ, или обнаружить свое намѣренiе. Но мы ѣхали своею дорогой безъ малѣйшей помѣхи.

У него было съ собою его пальто, и, какъ я уже сказалъ, онъ совершенно гармонировалъ съ окружавшею сценой. Можетъ-быть это обстоятельство легко объясняется несчастною жизнiю, которую онъ велъ,—только замѣчательно, что онъ тревожился всего менѣе. Онъ не былъ совершенно равнодушень, потому что, какъ онъ говорилъ мнѣ, онъ надѣялся дожить до того и увидѣть, что его джентльменъ будетъ первымъ джентльменомъ въ чужихъ краяхъ; онъ не былъ расположенъ, какъ мнѣ казалось, оставаться въ апатическомъ бѣздѣйствiи, но онъ не думалъ объ опасности, которая могла встрѣтить его на половинѣ пути. Онъ встрѣтилъ ее лицомъ къ лицу, когда она пришла; но онъ не тревожилъ себя заранѣе.

— Еслибы вы знали, милый малый, сказалъ онъ мнѣ,—какъ прiятно мнѣ сидѣть здѣсь съ моимъ милымъ малымъ да покуривать трубочку, просидѣвши такъ долго въ четырехъ стѣнахъ, такъ вы бы позавидовали мнѣ. Но куда вамъ это знать!

— Кажется, я понимаю наслажденiе свободой, отвѣчалъ я.

— А! сказалъ онъ серiозно, покачивая головою. — Но вы этого не понимаете такъ, какъ я. Нужно прежде побывать подъ замкомъ, милый малый, чтобъ это понять, какъ я понимаю. Но я боюсь заговорить помужички.

Мнѣ показалось не логическимъ, какъ же онъ, ради одной господствующей идеи, подвергнулъ не только свою свободу, но и жизнь опасности. Но я подумалъ, что можетъ-быть свобода безъ опасности не имѣла для него такой цѣны какъ для другихъ

людей. Я почти угадалъ, потому что, покуривъ не много, онъ сказалъ мнѣ:

— Видите, милый малый, когда я былъ тамъ, на другомъ концѣ свѣта, я все рвался сюда въ эту сторону. Ирѣсная была мнѣ тамъ жизнь, какъ я ни богатыль. Всѣ знали тамъ Магича, Магичъ разгуливалъ себѣ на раздольи, и ничья голова не заботилась о немъ. Здѣсь люди не такъ спокойны на мой счетъ, мой милый малый,—по крайней мѣрѣ они не были бы такъ спокойны, знай они только, гдѣ я.

— Если все пойдетъ благополучно, сказалъ я,—то черезъ нѣсколько часовъ вы будете совершенно свободны и безопасны.

— Да, отвѣтилъ онъ, тяжело вздыхая,—надѣюсь, что такъ.

— И вы увѣрены, что такъ?

Онъ опустилъ свою руку въ воду, черезъ бортъ, и сказалъ съ нѣжною улыбкой, которая была мнѣ не новостью:

— Да, милый малый, увѣренъ, что такъ. Чего спокойнѣе и привольнѣе какъ намъ теперь? Но можетъ это мнѣ только такъ казаться, потому что мы плывемъ теперь легко и пріятно по водѣ. Я вотъ думалъ теперь, покуривая трубочку, что намъ такъ же трудно узнать, что ожидаетъ насъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ и видѣть дно этой рѣки. Нельзя вотъ задержать этихъ часовъ, какъ и это теченіе рѣки; вонъ оно шмыгнуло между моими пальцами!—И онъ поднялъ пальцы, съ которыхъ стекала вода.

— Еслибы не ваше веселое лицо, то я подумалъ бы, что вы въ уныніе приходите, сказалъ я.

— Нисколько, милый малый! Это такъ нашло на меня, оттого что мы плывемъ спокойно, и за кормой журчанье словно воскресное пѣніе. А можетъ-быть я и старѣю.

Онъ всунулъ трубку въ ротъ съ невозмутимо-спокойнымъ выраженіемъ на лицѣ, и сидѣлъ совершенно довольный, какъ будто мы уже оставили Англию. Однако, онъ покорствовалъ каждому моему слову, какъ будто онъ былъ въ постоянномъ страхѣ; разъ мы пристали къ берегу, чтобы достать нѣсколько бутылокъ пива; онъ было хотѣлъ выйти, но я замѣтилъ, ему было бы безопаснѣе оставаться въ лодкѣ, и онъ сказалъ только: «право, милый малый?» и сѣлъ опять спокойно.

Воздухъ свѣжѣлъ на рѣкѣ; но день былъ ясный и солнце отраднo свѣтило. Отливъ шелъ быстро, я старался вос-

пользоваться его силой и дружные удары веселъ ичали насъ вмѣстѣ съ нимъ. Мало-по-малу, мы выбрались изъ ближайшихъ лѣсистыхъ холмовъ, и спускались все ниже и ниже между грязными берегами; но отливъ еще былъ съ нами, когда мы оставили Гревезендъ. Нашъ бѣглець былъ закутанъ въ свое пальто, и я нарочно прошелъ подъ плувучею таможей вдоль двухъ судовъ съ переселенцами и подъ носомъ большаго военного транспорта. Какъ только отливъ началъ стихать, суда, лежавшія на якорѣ, закачались, а корабли, желавшіе воспользоваться новымъ приливомъ, чтобы подняться вверхъ по рѣкѣ, стали окружать насъ, и мы подвалили подъ берегъ, чтобъ убраться по возможности подальше изъ самаго сильнаго теченія, тщательно избѣгая, однакоже, отмелей.

Наши гребцы еще не утомились, потому что мы по временамъ пускали лодку свободно минуты на двѣ по теченію, и четверти часа отдыха было для нихъ совершенно достаточно. Мы выбрались на берегъ по скользкимъ камнямъ, пили пѣли, что захватили съ собою, осматриваясь кругомъ. Мѣстность была похожа на мою родную болотистую сторону: такая же плоская, однообразная, съ неяснымъ горизонтомъ; извилистая рѣка видалась змѣей вмѣстѣ съ большими плувучими баканами, и все, казалось, въ ней завязло и успокоилось. Последняя группа кораблей обходила послѣдній пунктъ низкой воды, который мы оставили за собою, послѣдняя зеленая барка, нагруженная соломой, съ коричневымъ парусомъ, потянулась за нею; а балластные люгера, напоминавшіе своею формой первое дѣтское подражаніе кораблю, лежали завязшія въ илѣ; камни, покрытые слизью, выставлялись изъ ила, вмѣстѣ съ красными вѣхами, обозначавшими фарватеръ и высоту воды, и старая пристань съ старою пристройкой безъ кровли засѣла въ илѣ; кругомъ насъ вездѣ былъ илѣ и царствовало совершенное затмѣніе.

Мы опять отчалили отъ берега и пробирались даже какъ могли. Работа была теперь потруднѣе; но Гербертъ и Стартопъ не ослабѣвали и гребли себѣ, пока не сѣло солнце. Тутъ вода прибыла и подняла нашу лодку немного, и намъ представилось багровое солнце, на низкомъ уровнѣ берега, окруженное пурпуровымъ паромъ, быстро темнѣвшимъ, и пустынное плоское болото, надъ которымъ вдали подымались холмы; но между этими холмами и нами, казалось, не было признаковъ

жизни; только мѣстами, на первомъ планѣ, видѣлись печальныя чайки.

Ночь быстро наступала, а мѣсяца нельзя было ожидать рано, потому что полнолуніе уже прошло. Мы держали совѣтъ, но не продолжительный; намъ, очевидно, слѣдовало остановиться у первой уединенной таверны, на которую наткнемся. Итакъ гребцы еще ударили въ весла, а я принялся высматривать домикъ. Ночь была совершенно темна и свѣтъ, казалось, доходилъ до насъ какъ бы не съ неба, а отъ рѣки, гдѣ весла ударались въ немногія отражавшіяся въ ней звѣзды.

Въ это печальное время мы всѣ были подъ вліяніемъ мысли, что насъ преслѣдовали. Приливъ, подымаясь, ударялъ тяжело о берегъ въ неравныя промежутки времени, и каждый разъ, какъ слышимъ мы этотъ звукъ, кто-нибудь изъ насъ непременно вздрогнетъ и посмотритъ въ ту сторону. Въ различныхъ мѣстахъ теченіе воды прорыло въ берегу небольшіе заливы, и мы всѣ подозрительно посматривали на такія мѣста. Иногда только кто-нибудь изъ насъ скажетъ: что это за журчанье? или: не лодка ли это тамъ? и послѣ этого мы опять погрузимся въ глубокое молчаніе; и я сижу, нетерпѣливо думая, съ какимъ страшнымъ шумомъ наши весла двигаются въ уключинахъ.

Наконецъ мы завидѣли огонь и кровлю, и подъѣхали къ маленькой дорожкѣ, сдѣланной изъ камней, тутъ же подобранныхъ. Оставивъ всѣхъ въ лодкѣ, я вышелъ на берегъ и увѣрился, что огонь свѣтился въ окошкѣ кабачка. Это было грязное мѣсто, полагаю, довольно хорошо извѣстное контрабандистамъ; но въ кухнѣ былъ добрый огонь, были яйца и ветчина и различныя питья. Имѣлись также двѣ спальни съ двойными кроватями: «ужь какія тамъ есть, не взыщите,» сказалъ трактирщикъ. Въ домѣ никого болѣе не было кромѣ трактирщика, его жены и сѣдаго существа мужескаго пола, по имени Джака, который былъ весь въ слизи и илу, словно онъ самъ служилъ вѣхой.

Съ этимъ помощникомъ я опять отправился къ лодкѣ, и мы всѣ вышли на берегъ и принесли съ собою весла, руль, багоръ и всѣ прочія принадлежности, и закрѣпили ее на ночь. Мы хорошо поужинали у кухоннаго огня и потомъ раздѣлили между собою спальни; Гербертъ и Стартопъ заняли одну; а я всталъ другую съ моимъ изгнанникомъ. Мы нашли, что воздухъ

совершенно не проникалъ въ нихъ, какъ будто онъ былъ пагубенъ для жизни; и подѣ кроватами находилось грязнаго бѣлья и картонокъ болѣе нежели сколько могло бы принадлежать семейству трактирщика. Но несмотря на это, мы считали себя очень счастливыми; мѣста уединеннѣе не возможно было найти.

Мы пробавлялись себѣ у огня послѣ ужина. Джакъ, сидѣвшій въ углу и у котораго надѣты были разбухшіе сапоги, снятые имъ нѣсколько дней тому назадъ съ какого-то потонувшаго матроса, какъ онъ хвастался намъ, пока мы ѣли ячичицу съ ветчиной, спросилъ меня, видѣлъ ли я четырехвесельный катеръ, катившій вмѣстѣ съ приливомъ. Я ему сказалъ, что нѣтъ. «Такъ вѣрно онъ спустился ниже, замѣтилъ онъ, взявъ пассажировъ.»

— Такъ они должно-быть передумали, сказалъ Джакъ,—да и спустились внизъ.

— Четырехвесельный катеръ, говорите вы? спросилъ я.

— Да, четырехвесельный, сказалъ Джакъ, и съ двумя пассажирами.

— Выходили они здѣсь на берегъ?

— Были здѣсь съ двухгаллоннымъ каменнымъ кувшиномъ за пивомъ. Такъ и отравилъ бы имъ это пиво, сказалъ Джакъ,—или подпустилъ въ него проноснаго.

— А зачѣмъ?

— Знаю зачѣмъ, сказалъ Джакъ; онъ говорилъ такимъ слизистымъ голосомъ, словно рѣчной иль засѣлъ у него въ горлѣ.

— Онъ думаетъ, сказалъ трактирщикъ, слабый, задумчивый человекъ съ блѣдными глазами, повидимому очень полагавшійся на своего Джака:—онъ думаетъ, что они то, а они совсѣмъ не то.

— Я знаю, что я думаю, замѣтилъ Джакъ.

— Вы думаете, это таможенники? сказалъ трактирщикъ.

— Да, сказалъ Джакъ.

— Ну такъ вы и ошибетесь, Джакъ.

— Ой ли!

Послѣ своего неопредѣленнаго отвѣта, и въ полной увѣренности въ точности своего взгляда, Джакъ снялъ одинъ изъ своихъ разбухшихъ сапоговъ, посмотрѣлъ въ него, вытряхнулъ изъ него нѣсколько камушковъ на полъ, и надѣлъ его опять. Онъ это сдѣлалъ съ видомъ человека, который былъ совершенно правъ и готовъ былъ ручаться чѣмъ угодно.

— Что же съ гербовыми-то пуговицами своими они сдѣлали, Джакъ? спросилъ трактирщикъ съ слабою нерѣшительностью.

— Что они сдѣлали съ пуговицами своими? отвѣтилъ Джакъ:— да посѣяли ихъ, чтобы выросъ изъ нихъ салатъ. Что они сдѣлали съ своими пуговицами!

— Ну, не форсите, Джакъ, возразилъ трактирщикъ меланхолическомъ тономъ.

— Таможенный чиновникъ знаетъ что ему дѣлать съ своими пуговицами, говорилъ Джакъ, повторяя неприятное для него слово съ величайшимъ презрѣніемъ.—Четыре гребца да два пассажира не станутъ себѣ прогуливаться по рѣкѣ взадъ и впередъ по теченію и противъ теченія, если тутъ не замѣшана таможня.

Сказавъ это, онъ вышелъ въ негодованіи; и трактирщикъ, лишившись теперь чедовѣка, на котораго онъ могъ опереться, нашелъ неудобнымъ продолжать разговоръ.

Эта бесѣда встревожила насъ всѣхъ и особенно меня. Печальный вѣтеръ завывалъ около дома, приливъ ударялъ о берегъ, и я чувствовалъ, что опасность обложила насъ и грозила намъ. Четырехвесельный катеръ, развѣзжавшій такъ необыкновенно, что обратилъ на себя вниманіе, представлялся мнѣ очень неприятнымъ обстоятельствомъ, отъ котораго я никакъ не могъ отдѣлаться. Я уговорилъ Шровиса лечь въ постель и вышелъ на дворъ съ моими двумя товарищами. Стартопъ уже зналъ всю истину, и мы держали опять совѣтъ. Мы обсуждали вопросъ, оставаться ли намъ въ этомъ домѣ, пока подойдетъ время прибытія парохода,—а это будетъ около часу по-полудни,—или выбраться рано поутру. Вообще мы положили, что намъ лучше оставаться тутъ, гдѣ мы были, и потомъ, за часъ до появленія парохода, выйти ему на дорогу и поплыть легонько съ отливомъ. Порѣшивъ это, мы вернулись домой и легли спать.

Я легъ, почти не раздѣваясь, и спалъ хорошо въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Когда я проснулся, поднялся вѣтеръ, и трактирная вывѣска, представлявшая корабль, производила страшный шумъ. Я всталъ потихоньку; мой изгнанникъ спалъ крѣпко; я посмотрѣлъ въ окно. Оно выходило на дорожку, гдѣ мы укрѣпили нашу лодку; мои глаза приноровились къ полусвѣту мѣсяца, подернутаго облаками, и я могъ различить двухъ людей, которые смотрѣли въ нее. Они прошли подъ окномъ, не глядя болѣе ни на что,

и пошли не къ пристани, которая, я могъ разсмотрѣть, была совершенно пуста, а ударились черезъ болото въ направленіи къ Нору.

Мои́мъ первымъ движеніемъ было позвать Герберта и показать ему двухъ удалявшихся человѣкъ. Но раздумавъ, прежде нежели я дошелъ до его комнаты, которая была назади дома и примыкала къ моей спальнѣ, что ему и Стартопу выдался тяжелый день, и что они утомились, я удержался. Вернувшись къ своему окошку, я еще могъ разглядѣть двухъ человѣкъ, уходившихъ черезъ болото. Но скоро они исчезли у меня изъ виду въ полусвѣтѣ; мнѣ стало очень холодно; я легъ, чтобы подумать объ этомъ обстоятельстве, и заснулъ.

Мы поднялись рано. Когда мы гуляли всѣ четверомъ взадъ и впередъ, передъ завтракомъ, я счелъ за лучшее разказать имъ, что я видѣлъ. Нашъ изгнанникъ тревожился всѣхъ менѣе. «Очень вѣроятно, что это таможенныя,» сказалъ онъ спокойно, «и вовсе не думаютъ о насъ». Я предложилъ однакоже, что я пройду съ пѣшкомъ вмѣстѣ съ нимъ до самаго дальняго пункта, который мы могли завидѣть, а тамъ мы садимъ въ лодку, около полудня. Мы нашли, что предосторожность эта не лишняя, и вскорѣ послѣ завтрака мы отправились, ни слова не говоря въ тавернѣ.

Пока мы шли, онъ курилъ свою трубку, иногда останавливаясь, чтобы потрепать меня по плечу. Иной подумалъ бы, что я былъ въ опасности, а не онъ, и что онъ обнадеживалъ меня. Мы говорили очень мало. Когда мы подошли къ нашему пункту, я попросилъ его, чтобъ онъ остался въ прикрытомъ мѣстѣ, пока я пойду посмотрю кругомъ, потому что видѣнные мною два человѣка отправились ночью именно въ эту сторону. Онъ повиновался, и я ушелъ одинъ. Лодки ни тутъ, ни по близости никакой не было, и не видно было никакихъ признаковъ, чтобы люди отъѣхали отсюда. Однако вода стояла высоко, и подъ водою могли быть слѣды ногъ.

Онъ смотрѣлъ въ даль изъ своего убожища, и завидя, какъ я махалъ ему шляпой, чтобъ онъ шелъ, присоединился ко мнѣ, и здѣсь мы ждали, то лежа на землѣ, закутанные въ пальто, то двигаясь, чтобы согрѣться, пока не завидѣли нашей лодки, которая огибала берегъ. Мы безъ затрудненія спустились въ нее и поплыли къ пароходу. Оставалось только десять минутъ до часу, и мы начинали высматривать его дымъ.

Но дымъ этотъ показался только въ половинѣ втораго, и вскорѣ мы увидѣли позади также дымъ и другаго парохода. Оба они приближались къ намъ на полномъ ходу; мы достали наши мѣшки и начали прощаться съ Гербертомъ и Стартопомъ. Горячо пожали мы другъ другу руки, слезы были на глазахъ у меня и у Герберта, какъ вдругъ я увидѣлъ, что четырехвесельный катеръ вылетѣлъ изъ-подъ берега, въ небольшомъ разстояніи впереди насъ, и понесся на ту же дорогу.

Выдавшійся берегъ еще отдѣлялъ насъ отъ парохода, по причинѣ изгиба рѣки, но тутъ пароходъ сталъ видимъ; онъ шелъ намъ прямо навстрѣчу. Я кликнулъ Герберту и Стартопу повернуть противъ теченія, чтобы пароходъ могъ замѣтить, что мы его ждемъ, и заклиналъ Провиса сидѣть спокойно, закутавшись въ пальто. Онъ отвѣтилъ мнѣ весело: «положитесь на меня, мой милый,» и сидѣлъ неподвижно, какъ статуя. Между тѣмъ катеръ, съ своими ловкими гребцами, пересѣкъ намъ дорогу, далъ намъ подойти къ себѣ и поравнялся съ нами. Онъ плылъ рядомъ съ нами, оставляя только достаточно свободнаго мѣста для движенія веселъ, останавливаясь, когда мы останавливались, и дружно съ нами ударяя веслами. Одинъ изъ двухъ пассажировъ правилъ рулемъ и пристально смотрѣлъ на насъ, точно такъ же какъ и гребцы; другой пассажиръ былъ закутанъ подобно Провису, и, повидимому, прятался и шепталъ что-то рулевому, глядѣвшему на насъ. Въ обѣихъ лодкахъ не было произнесено ни слова.

Нѣсколько минутъ спустя, Стартопъ могъ рассмотреть, какой пароходъ былъ первый, и тихимъ голосомъ сказалъ мнѣ, когда мы были лицомъ къ лицу: «Гамбургъ.» Онъ быстро приближался, стукъ колесъ его раздавался все громче и громче. Я чувствовалъ, будто тѣнь его совершенно покрыла насъ, когда насъ окликнулъ катеръ. Я отвѣтилъ.

— У васъ тамъ бѣглый ссыльный, сказалъ человекъ, сидѣвшій у руля.—Это онъ сидитъ, закутанный въ пальто. Его зовутъ Абель Магичъ, иначе Провисъ. Я задерживаю этого человека и требую, чтобы онъ отдался, а вы помогите мнѣ.

Въ то же самое время, не давая вслухъ никакого приказанія своимъ гребцамъ, онъ направилъ катеръ на нашъ бортъ; гребцы дали одинъ ударъ веслами, подняли ихъ, заѣхали намъ поперекъ и схватились за бортъ нашей лодки, прежде чѣмъ мы успѣли понять что они дѣлали. На пароходѣ поднялась большая суматоха; я слышалъ, какъ тамъ кричали намъ, какъ

отдавали приказъ остановить колеса, слышалъ, какъ остановили ихъ, и чувствовалъ, какъ пароходъ еще несся къ намъ. Въ ту же самую минуту я увидѣлъ, рулевой положилъ свою руку на плечо своему плѣннику; обѣ лодки качались силой теченія, а матросы на пароходѣ бѣгали въ совершенномъ изступленіи. Въ ту же самую минуту я увидѣлъ также, плѣнникъ нашъ вскочилъ, наклонился впередъ черезъ человѣка, задержавшаго его, и сорвалъ плащъ съ шеи прятавшагося пассажира въ катеръ. Въ ту же самую минуту я увидѣлъ передъ собою лицо другаго каторжника, давно мнѣ знакомое. Въ ту же самую минуту, я увидѣлъ, это лицо откачнулось назадъ съ выраженіемъ страшнаго испуга, котораго я никогда не забуду; съ парохода раздался ужасный крикъ и громкій плескъ воды, и я чувствовалъ, лодка опустилась подо мною.

Мнѣ казалось на мгновеніе, что я борюсь съ тысячею водоворотовъ, съ тысячею молній, но это мгновеніе миновало, и я очутился въ катеръ. Гербертъ и Стартопъ были тутъ, но наша лодка исчезла, и исчезли оба каторжника.

Посреди криковъ, еще раздававшихся съ парохода, неистоваго визга цара, его ухода и нашего отплытія, я не могъ различить сначала неба отъ воды и одного берега отъ другаго; но катерные гребцы управились скоро съ своею лодкой, и, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ веслами, остановились. Всѣ молча и жадно смотрѣли на воду у кормы. Вдругъ показалась на ней темная масса, несшаяся къ намъ съ теченіемъ. Никто не произнесъ ни слова; рулевой поднялъ руку, и гребцы тихо попятили лодку, удерживая ее прямо передъ этою массой. Масса подплывала къ намъ ближе; я увидѣлъ, это былъ Магичъ; онъ плылъ, но плылъ тяжело; его сейчасъ взяли на катеръ, и надѣли ему кандалы на ноги и на руки.

Катеръ оставался неподвиженъ, и всѣ опять смотрѣли на воду съ прежнимъ жаднымъ взглядомъ, не говоря ни слова. Тутъ показался роттердамскій пароходъ и, повидимому, не подозрѣвая чтѣ случилось, пронесся на полномъ ходу. Оба парохода уходили отъ насъ, и мы качались на взволнованной полосѣ воды. Долго еще мы смотрѣли послѣ того какъ все утихло и оба парохода скрылись; но каждый зналъ, что теперь смотрѣть ужъ было нечего.

Наконецъ мы бросили это и поѣхали подъ бережкомъ къ тавернѣ, которую мы недавно оставили, и гдѣ встрѣтили насъ

съ немалымъ удивленіемъ. Здѣсь я имѣлъ возможность найти какое-нибудь облегченіе для Магича, уже болѣе не Провиса, который получилъ сильное поврежденіе въ грудь и глубокую рану въ голову.

Онъ мнѣ рассказывалъ, что, какъ ему казалось, онъ былъ подъ килемъ парохода и, подымаясь, бился о него головою. Поврежденіе въ груди (мѣшавшее ему дышать свободно), какъ онъ думалъ, причинено ему ударомъ о бортъ катера. Онъ прибавилъ также, что онъ самъ не зналъ, чего бы онъ не сдѣлалъ Комписону, но что этотъ мошенникъ, въ ту самую минуту, какъ онъ стащилъ съ него плащъ, откатнулся назадъ, и они оба свалились за бортъ, и въ борьбѣ между собою потопили нашу лодку. Онъ сказалъ мнѣ шопотомъ, что они оба пошли ко дну, свирѣпо захвативши другъ друга въ свои лапы, что подъ водой у нихъ была страшная борьба; но онъ вырвался, взмахнувъ рукою, и выплылъ.

Я не имѣлъ повода сомнѣваться въ совершенной истинѣ этого разказа. Чиновникъ, правившій катеромъ, совершенно такимъ же образомъ рассказывалъ, какъ свалились они за бортъ.

Я попросилъ позволенія у этого чиновника переменить намочшее платье арестанта, купивъ для него одежду, какая найдется въ кабакѣ; онъ позволилъ мнѣ это охотно, замѣтивъ только, что онъ долженъ взять подъ сохраненіе все, что было съ арестантомъ. Такимъ образомъ въ руки этого чиновника перешелъ портфель, когда-то бывшій въ моихъ рукахъ. Онъ позволилъ мнѣ также сопровождать арестанта въ Лондонъ, но отказалъ въ этой милости двумъ моимъ пріятелямъ.

Въ тавернѣ мы сказали Джакъ, гдѣ утопленникъ пошелъ ко дну, и онъ взялся поискать тѣло въ мѣстахъ, къ которымъ всего вѣроятнѣе прибьетъ его къ берегу. Его интересъ въ такой находкѣ, повидимому, еще увеличился, когда онъ услышалъ, что на утопленникъ были носки. Вѣроятно, потребовалось около дюжины утопленниковъ, чтобы вполне одѣть его, и вотъ должно-быть почему разныя части его одежды находились на разныхъ степеняхъ разрушенія.

Мы оставались въ кабакѣ, пока теченіе не переменялось, и тогда Магича перенесли на катеръ и положили тамъ. Гербертъ съ Стартопомъ должны были отправиться въ Лондонъ сухимъ путемъ какъ можно скорѣе. У насъ было грустное прощаніе, и когда я сѣлъ возлѣ Магича, я чувствовалъ, что отнынѣ мое мѣсто при немъ, пока онъ будетъ живъ.

Теперь совершенно исчезло мое прежнее отвращеніе отъ него; и въ этомъ жалкомъ, загнанномъ, избитомъ созданіи, державшемъ меня за руку, я видѣлъ только человѣка, который хотѣлъ быть моимъ благодѣтелемъ, который въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ необыкновеннымъ постоянствомъ сохранялъ ко мнѣ великодушную и благодарную привязанность. Я только видѣлъ въ немъ человѣка, который былъ ко мнѣ гораздо лучше нежели я самъ былъ въ отношеніи къ Джо.

Съ приближеніемъ ночи дыханіе его становилось затруднительнѣе и больнѣе, и часто онъ не могъ удержаться отъ стога. Я старался прислонить его поспокойнѣе къ рукѣ, которою я могъ владѣть; но, страшно подумать, въ глубинѣ моего сердца я не сожалѣлъ объ его отчаянномъ ушибѣ, потому что для него конечно было бы лучше умереть. Я не могъ сомнѣваться, что были еще живы люди, которые могли его признать. Я не могъ также надѣяться, чтобъ его судили снисходительно. Еще при первомъ судѣ, онъ былъ представленъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ; потомъ, онъ вырвался изъ тюрьмы и его судили вторично; наконецъ, онъ самовольно возвратился изъ ссылки, къ которой приговорили его на всю жизнь, и нанесъ смерть человѣку, бывшему причиною его ареста.

Когда мы возвращались къ заходящему солнцу, которое вчера оставили мы позади, и струя нашихъ надеждъ, казалось, уносилась отъ насъ, я ему сказалъ, какъ горько было мнѣ думать, что онъ пріѣхалъ на родину и погубилъ себя ради меня.

— Милый малый, отвѣтилъ онъ, — я предаюсь, совершенно довольный, моей судьбѣ. Я видѣлъ моего мальчика; онъ можетъ и безъ меня быть джентльменомъ.

Нѣтъ. Я уже объ этомъ подумалъ пока мы сидѣли здѣсь рядомъ. Нѣтъ. Оставляя въ сторонѣ мое собственное чувство, я понялъ теперь намекъ Вемика. Я предвидѣлъ, что такъ какъ онъ будетъ осужденъ, все его достояніе перейдетъ въ казну.

— Вотъ чтò, милый малый, сказалъ онъ, — оно лучше, когда не будутъ знать, что джентльменъ мнѣ свой. Приходите только взглянуть на меня, какъ будто бы невзначай, съ Вемикомъ. Сядьте для послѣдняго раза такъ, чтобъ я могъ видѣть васъ, когда станутъ приводить меня къ присягѣ; болѣе я мичего не требую.

— Я не отойду отъ васъ, сказалъ я, — пока только позволить мнѣ быть при васъ. Съ Божіею помощію, я останусь вамъ вѣренъ, какъ вы были вѣрны мнѣ!

Я чувствовалъ, рука его дрожала; онъ отвернулъ свое лицо, и мнѣ опять послышалось давнишнее, дребезжаніе въ его горлѣ,—теперь смягченное, какъ и все остальное въ немъ. Оно было хорошо, что онъ коснулся этого предмета. Это привело мнѣ на мысль одну вещь, о которой я вспомнилъ бы можетъ-быть тогда, когда было бы уже слишкомъ поздно. Ему не нужно было знать, какъ погибли его надежды обогатить меня.

LV.

На слѣдующій день привели его въ полицейскій судъ и сейчасъ бы приговорили предать уголовному суду, еслибы не было необходимо послать за старымъ смотрителемъ плашкота, съ котораго онъ разъ бѣжалъ, чтобы признать его. Въ тождествѣ его никто не сомнѣвался, но Комписонъ, бравшійся доказать это, потонулъ, и случилось такъ, что въ это время въ Лондонѣ не нашлось ни одного тюремнаго чиновника, который могъ бы дать требуемое показаніе.

Наканунѣ, въ тотъ же вечеръ, какъ я пріѣхалъ, я отпра-вился на квартиру къ мистеру Джагерсу, чтобы заручить его содѣйствіе. Мистеръ Джагерсъ не хотѣлъ ничего допустить со стороны арестанта. Это было единственное спасеніе, потому что какъ только явится свидѣтель, говорилъ мнѣ Джагерсъ, дѣло должно покончиться въ пять минутъ, и никакія силы на землѣ не повернутъ его въ нашу пользу.

Я сообщилъ Джагерсу мое намѣреніе, оставить его въ невѣдѣніи относительно окончательной судьбы его достоянія. Мистеръ Джагерсъ очень разсердился и побранилъ меня, зачѣмъ я «далъ всему этому уйти у меня между пальцами», и сказалъ, что мы потомъ должны подать записку и постараться выхлопотать себѣ по крайней мѣрѣ часть его. Но онъ не скрывалъ отъ меня, что хотя во многихъ случаяхъ казна не настаивала на конфискаціи, однако обстоятельства настоящаго дѣла не подходили ни подъ одинъ изъ этихъ случаевъ. Я понималъ это очень хорошо. Я не былъ родственникомъ изгнанника, не былъ связанъ съ нимъ никакими узами. Онъ не приложилъ руки ни къ какому акту въ мою пользу до своего ареста, а совершать теперь такой актъ было бы бесполезно. Я не имѣлъ никакихъ

правъ, и я рѣшился, и въ послѣдствіи не отступилъ отъ этого рѣшенія, не мучить себя безполезнымъ стараніемъ утвердить за собою эти права. По видимому, были причины думать, что потонувшій дощикъ надѣялся получить награду изъ конфискаціи и добылъ самыя точныя свѣдѣнія о дѣлахъ Магича. Когда отыскали его тѣло за нѣсколько миль отъ мѣста его смерти, до того обезображенное, что его узнали только по вещамъ, бывшимъ у него въ карманахъ, а въ его бумажникѣ нашли записки, которыя еще можно было прочесть. Между прочимъ, въ одной изъ нихъ былъ названъ банкирскій домъ въ Новомъ Южномъ Валисѣ, гдѣ была положена значительная сумма денегъ, и поименованы также земли, имѣвшія значительную цѣну. То и другое было означено и Магичемъ въ описи его собственности, въ той описи, которую онъ передалъ мистеру Джагерсу, находясь въ тюрьмѣ, въ томъ предположеніи, что я ему наследую. Бѣднякъ, его невѣжество послужило ему наконецъ въ пользу; онъ былъ вполне увѣренъ, что наследство мое было обезпечено, при содѣйствіи мистера Джагерса.

Послѣ трехъ дней отсрочки, въ продолженіи которыхъ дѣло остановилось въ судѣ, въ ожиданіи прибытія свидѣтеля съ тюремнаго плашкота, свидѣтель этотъ явился и легко пополнилъ не достававшее показаніе. Магичъ былъ преданъ уголовному суду, по открытіи судебной сессіи, которая наступала черезъ мѣсяць.

Въ эту-то мрачную годину моей жизни, Гербертъ возвратился однажды вечеромъ, очень унылый, и сказалъ мнѣ:

— Мой милый Гендель, я опасаясь, что скоро долженъ буду оставить васъ.

Его партнеръ уже приготовилъ меня къ этому, и я былъ удивленъ менѣе нежели онъ предполагалъ.

— Мы потеряемъ отличный случай, если я отложу мою поѣздку въ Каиръ; я боюсь, что долженъ буду уѣхать, Гендель, именно въ такую пору, когда буду для васъ особенно нуженъ.

— Гербертъ, вы во всякое время мнѣ нужны, потому что я люблю васъ, но теперь вы нужны мнѣ не болѣе чѣмъ во всякое другое время.

— Вы будете такъ одиноки.

— Мнѣ объ этомъ некогда думать, сказалъ я.—Вы знаете, что я бываю съ нимъ все время, и что я оставался бы съ

нимъ по цѣлымъ днямъ, еслибъ я только могъ. А когда я уйду отъ него, вы знаете, мои мысли остаются съ нимъ.

Онъ поставилъ себя въ такое ужасное положеніе, что намъ обоимъ страшно было говорить о немъ въ болѣе прямыхъ выраженіяхъ.

— Мой милый другъ, сказалъ Гербертъ,—пусть же наша близкая разлука,—она очень близка,—будетъ для меня извиненіемъ, что я потревожу васъ насчетъ васъ самихъ. Подумали ли вы о вашей будущности?

— Нѣтъ, потому что я вообще боюсь думать о будущемъ.

— Но вы не должны забывать свою будущность; да, мой милый, милый Гендель, не должны. Я бы хотѣлъ, чтобы вы объ этомъ потолковали со мною теперь въ дружеской бесѣдѣ.

— Извольте, сказалъ я.

— Въ нашей новой конторѣ, Гендель, намъ нужно...

Я видѣлъ, деликатность мѣшала ему произнести настоящее слово, и прибавилъ:—прикащика.

— Прикащика. Я надѣюсь, что прикащикъ можетъ стать партнеромъ, какъ и одинъ знакомый вамъ прикащикъ. Теперь, Гендель, милый другъ, не трата лишнихъ словъ, хотите вы поступить къ намъ?

Въ его манерѣ было нѣчто чрезвычайно радушное и увлекательное, когда послѣ словъ «теперь Гендель», произнесенныхъ такимъ тономъ, какъ будто это было важнымъ началомъ дѣловаго объясненія, онъ вдругъ бросилъ этотъ тонъ, протянулъ мнѣ свою честную руку, и заговорилъ какъ рѣзвый школьникъ.

— Мы съ Кларою много говорили объ этомъ, продолжалъ Гербертъ,—и моя милая дѣвочка просила меня еще сегодня вечеромъ, со слезами на глазахъ, сказать вамъ, что если вы будете жить съ нами, она постарается успокоить васъ и доказать вамъ, что другъ ея мужа есть вмѣстѣ и ея другъ. Мы заживемъ на славу, Гендель!

Я благодарилъ ее отъ души и благодарилъ его отъ души, но сказалъ ему, что я еще не могу рѣшиться принять его радушное предложеніе. Впервыхъ, мой умъ былъ слишкомъ занятъ, и я не могъ хорошенько обдумать это предложеніе. Вовторыхъ... Да! вовторыхъ, у меня въ головѣ еще бродила одна неясная мысль, которая проглянетъ на свѣтъ къ концу этого слабого разказа.

— Но если вы полагаете, Гербертъ, что вы можете, не вреда вашему дѣлу, оставить этотъ вопросъ не рѣшеннымъ на нѣкоторое время...

— На сколько хотите, закричалъ Гербертъ,—шесть мѣсяцевъ, годъ!

— Ну не на такое долгое время, сказала я.—Два или три мѣсяца самое большое.

Гербертъ былъ въ восторгѣ, когда мы ударили по рукамъ послѣ такого уговора, и сказалъ мнѣ, что теперь у него достанетъ духу объявить мнѣ, что онъ долженъ ѣхать въ концѣ недѣли.

— А Клара? спросилъ я.

— Милая моя дѣвочка, отвѣчалъ Гербертъ,—не оставитъ своего отца, пока онъ живъ. Но его станеть не надолго. Мистриссъ Вымпль сказала мнѣ по секрету, что онъ на отходѣ.

— Не говоря дурнаго слова, сказала я,—для него будетъ лучше, если онъ отправится.

— Хоть и грустно сказать, а пожалуй, что такъ, сказалъ Гербертъ:—и тогда я возвращусь за моею милою дѣвочкой, и мы потихоньку отправимся съ ней въ ближайшую церковь. Припомните! Божья голубка не знатнаго происхожденія, никогда не заглядывала въ красную книгу и не имѣетъ никакого понятія о своемъ дѣдушкѣ. Какое счастье для сына моей матери!

Въ субботу на той же недѣлѣ я простился съ Гербертомъ, полнымъ надеждъ, но глубоко чувствовавшимъ разлуку со мною, когда онъ занялъ свое мѣсто въ почтовой каретѣ, отправлявшейся въ одинъ изъ приморскихъ городовъ. Я зашелъ въ кофейную написать записку, въ которой извѣщалъ Клару, что онъ уѣхалъ, посылая ей свою любовь, и затѣмъ я пошелъ домой, хотя, собственно говоря, у меня уже нигдѣ не было дома.

На лѣстницѣ я встрѣтилъ Вемика, который спускался, отколотивъ себѣ кулаки о мою дверь. Я не видалъ его послѣ несчастной развязки неудавшагося побѣга; и онъ пришелъ сказать мнѣ нѣсколько словъ въ объясненіе неудачи.

— Покойный Комписонъ, сказалъ Вемикъ,—мало-по-малу успѣлъ пронюхать всѣ затѣвавшіяся попытки. То что мнѣ стало извѣстно, слышалъ я отъ его товарищей, попавшихъ въ бѣду (его товарищи вѣчно попадаютъ въ бѣду). Я наострилъ уши, показывая видъ будто ничего не слышу, и узналъ изъ ихъ разговоровъ, что онъ былъ въ отсутствіи; я и подумалъ,

вотъ время попытать счастья. Теперь я полагаю, что это была его политика, какъ человѣка ловкаго, который обманывалъ людей, служившихъ ему орудіями. Надѣюсь, мистеръ Пипъ, вы меня не упрекаете? Право, я старался услужить вамъ отъ всего моего сердца.

— Я въ этомъ увѣренъ, Вемикъ, не менѣ васъ самихъ, и искренно благодарю васъ за участіе и дружбу.

— Благодарю васъ, благодарю васъ очень. Дѣло скверное, сказалъ Вемикъ, почесывая себѣ голову.—Увѣряю васъ, давно я не былъ тамъ разстроены. Досаднѣе всего то, что столько погибло движимой собственности. Боже ты мой!

— А я такъ думаю, Вемикъ, о несчастномъ владѣльцѣ этой движимой собственности.

— Оно разумѣется, сказалъ Вемикъ,—конечно я не противъ того, чтобы вы жалѣли о немъ, и я отъ себя готовъ бы дать пять фунтовъ, чтобы выпутать его. А все-таки покойный Комписонъ, получивъ заранѣе извѣстіе о его возвращеніи, такъ твердо рѣшился притянуть его къ расчету, что я не думаю, была ли бы возможность спасти его. А движимая собственность, конечно, могла быть спасена. Вотъ вамъ и разница между собственностью и владѣльцемъ; видите?

Я пригласилъ Вемика зайти наверхъ и подкрѣпиться стаканомъ грога, передъ путешествіемъ въ Валвертъ. Онъ принялъ приглашеніе. Распивая свою скромную порцію, онъ вдругъ сказалъ безъ всякаго повода и послѣ нѣкотораго замѣшательства:

— Чтѣ вы скажете о моемъ намѣреніи отгулять понедѣльникъ, мистеръ Пипъ?

— Я полагаю, это въ первый разъ въ нынѣшнемъ году.

— Скажите лучше, въ эти двѣнадцать лѣтъ, оно будетъ вѣрнѣе, возразилъ Вемикъ.—Да, я намѣренъ отгулять. Но этого еще мало, я намѣренъ прогуляться. И это еще не все, я хочу попросить васъ принять участіе въ этой прогулкѣ.

Я хотѣлъ было отговориться, приводя въ извиненіе, что теперь я плохой товарищъ; но Вемикъ предупредилъ меня.

— Я знаю ваши заботы, сказалъ онъ,—знаю, что вамъ не до того, мистеръ Пипъ. Но еслибы вы могли обязать меня, то я счелъ бы это за большое одолженіе. Прогулка эта будетъ не длинная и довольно ранняя. Включая завтракъ (на обратномъ пути), она возьметъ примѣрно часа четыре времени,

отъ восьми до двѣнадцати. Не поневолитесь ли вы, чтобы дѣльцо это справить?

Онъ такъ много для меня дѣлалъ въ разное время, что съ моей стороны это было бы очень ничтожное одолженіе. Я сказалъ, что могу справить это дѣльцо и справлю, и онъ былъ такъ доволенъ моимъ согласіемъ, что и меня утѣшилъ тѣмъ. По его назначенію, я обѣщался придти за нимъ въ замокъ въ понедѣльникъ, поутру, въ половинѣ девятаго, и такъ разстались мы на этотъ разъ.

Вѣрный моему обѣщанію, я позвонилъ въ ворота замка въ понедѣльникъ поутру и былъ встрѣченъ самимъ Вемикомъ, который, мнѣ показалось, былъ связанъ бы обыкновеннаго и шляпа на немъ была тщательнѣе приглажена. Въ комнату, насъ ожидали два стакана молока съ ромомъ и два сухаря. Старикашка вѣроятно поднялся съ жаворонками; потому что, заглянувъ еще издали въ его спальню, я замѣтилъ, что его уже не было въ постели.

Подкрѣпившись молокомъ съ ромомъ и сухарями, мы отправились на прогулку; меня очень удивило, что Вемикъ взялъ удочку и взбросилъ ее себѣ на плечо.—Какъ, развѣ мы идемъ рыбу удить? спросилъ я.—Нѣтъ, отвѣчалъ Вемикъ,—но я люблю гулять съ удочкою.

Мнѣ показалось это очень страннымъ; но я промолчалъ, и мы пошли. Мы пошли къ Камбервелскому пустырю и, приближаясь къ нему, Вемикъ вдругъ сказалъ:

— А, а! вотъ и церкви!

Въ этомъ ничего не было удивительнаго; но опять меня поразило, когда онъ объявилъ мнѣ, какъ будто вдохновляясь блестящею идеею:

— Зайдемте въ нее.

Мы вошли. Вемикъ оставилъ свою удочку на паперти, и пока мы осматривались кругомъ, Вемикъ чего-то искалъ въ карманахъ своего сюртука и доставалъ изъ бумаги.

— А, а! сказалъ онъ:—вотъ и пара перчатокъ! Натянемъ-ка ихъ!

Перчатки были бѣлыя; почтовый ящикъ раскрывался все шире и шире, и у меня являлись сильныя подозрѣнія, которыя подтвердились окончательно, когда я увидѣлъ, что въ боковую дверь вошелъ старикашка съ дамою.

— А, а! сказалъ Вемикъ:—вотъ миссъ Склифинсъ! Справните свадьбу.

Скромная дѣва была одѣта какъ обыкновенно; только теперь она замѣнила свои зеленыя перчатки парюю бѣлыхъ. Старикашка былъ занятъ приношеніемъ подобной же жертвы на алтарь Гименея. Старый джентльменъ однакоже очень затруднялся напялить свои перчатки, и Вемикъ нашелъ необходимымъ приставить его къ колоннѣ, и потомъ, зайдя сзади, потянулъ ихъ; а же съ своей стороны держалъ стараго джентльмена за талию, чтобъ онъ могъ представить собою необходимое сопротивленіе. И такимъ удивительнымъ способомъ перчатки были натянуты въ совершенствѣ.

Прибыли священникъ и дьячокъ, и насъ поставили въ рядъ у роковыхъ перилъ. Вѣрный своему намѣренію прикинуться, что будто все это дѣлаетъ онъ безъ всякаго приготовления и невзначай, Вемикъ, я слышалъ, сказалъ про себя, вынимая что-то изъ жилетнаго кармана, передъ началомъ церемоніи: «а! вотъ и кольцо!»

Я былъ шаферомъ жениха; маленькая, колченогая прислужница, открывающая сидѣнія въ церкви, разыгрывала роль задушевной пріятельницы миссъ Скифинсъ. Обязанность выдавать невѣсту лежала на старикашкѣ, который не намѣренно, при этомъ случаѣ, опозорился было передъ священникомъ. Когда тотъ произнесъ: «кто выдаетъ сію жену на бракъ съ этимъ мужемъ?» Старый джентльменъ вовсе не подозрѣвая, до какого мѣста въ церемоніи мы дошли, стоялъ себѣ, очень любезно осклабясь на десять заповѣдей, вырѣзанныхъ на стѣнѣ. Священникъ снова повторилъ: «кто выдаетъ сію жену на бракъ съ этимъ мужемъ?» Старый джентльменъ пребывалъ по прежнему въ состояніи самага блаженнаго невѣдѣнія; и женихъ принужденъ былъ крикнуть своимъ обыкновеннымъ голосомъ: «Ну, престарѣлый родитель, вы знаете кто ее выдаетъ?» Старикашка отвѣтилъ на это съ необыкновенною живостію, не говоря еще, что онъ выдавалъ ее: «Все исправно, Джонъ, все исправно, мой милый!» И тутъ наступила такая тяжелая пауза, что я нѣкоторое время сомнѣвался повѣнчаютъ ли ихъ священникъ въ этотъ день.

Вѣнчаніе однакоже было покончено, и, когда мы выходили изъ церкви, Вемикъ снялъ крышку съ купели, положилъ въ нее бѣлыя перчатки, потомъ накрылъ ее крышкою. Мистриссъ Вемикъ, болѣе заботясь о будущемъ, положила свои бѣлыя перчатки въ карманъ и надѣла свои старыя зеленыя.

— Ну, мистеръ Пипъ! сказалъ Вемикъ, торжественно вски-

дывая удочку на плечо, когда мы вышли изъ церкви:—позвольте мнѣ спросить васъ, ну подумаеть ли кто-нибудь, что-бы это была свадьба!

Завтракъ былъ заказанъ въ красивой маленькой тавернѣ, подымавшейся въ разстояніи мили на холмѣ за пустыремъ; въ комнатѣ тамъ стоялъ китайскій бильярдъ, на которомъ мы могли бы потѣшиться послѣ такого торжества. Пріятно было теперь видѣть, что мистриссъ Вемикъ уже болѣе не отнимала руки Вемика, когда онъ охватывалъ ея станъ, но сидѣла у стѣны, на стулѣ съ высокой спинкою, словно виолончель въ футлярѣ, и позволяла ему обнимать себя, подобно этому сладкозвучному инструменту.

Завтракъ былъ отличный, и когда кто отказывался отъ котораго-нибудь блюда, Вемикъ говорилъ: «поставлено по контракту, знаете, объ изъятіи не извольте беспокоиться!» Я пилъ за здоровье новой четы, пилъ за здоровье старикашки, пилъ за благоденствіе замка, поцѣловалъ невѣсту, при прощаньи, и старался быть пріятнымъ, какъ только могъ.

Вемикъ проводилъ меня до двери, и я опять пожалъ ему руку и пожелалъ всякаго счастья.

— Благодарю васъ! сказалъ Вемикъ, потирая себѣ руки.— Она такая мастерица ухаживать за курами, вы себѣ представить не можете. Я вамъ пришлю яицъ, вы сами тогда увидите. Послушайте, мистеръ Пипъ! прибавилъ онъ, отзывая меня въ сторону, тихимъ голосомъ:—это все дѣла валвертскія, съ вашего позволенія.

— Понимаю. О нихъ не слѣдуетъ упоминать въ Литль-Бри-тенѣ, такъ ли? сказалъ я.

Вемикъ кивнулъ.

— Послѣ того, какъ вы проговорились тогда, оно лучше если мистеръ Джагерсъ не будетъ объ этомъ знать. А то онъ, пожалуй, подумаеть, что у меня начинается размягченіе мозга, или что-нибудь въ такомъ родѣ.

LVI.

Онъ лежалъ въ тюрьмѣ, больней, въ продолженіи всего премежутна, отъ отдачи его подѣ судѣ до открытія судебной сесіи. Онъ сломалъ себѣ два ребра; они попередили одно изъ его легкихъ; и дыханіе становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе

нѣе и затруднительнѣе. Вслѣдствіе этого поврежденія, онъ говорилъ такъ тихо, что его едва можно было слышать; поэтому, онъ говорилъ очень мало. Но онъ съ готовностью слушалъ меня; и моею первѣйшею обязанностью было теперь говорить и читать ему то, что, по моему мнѣнію, могло быть ему полезно.

Онъ былъ слишкомъ боленъ и не могъ оставаться въ общей тюрьмѣ; послѣ перваго же дня, перевели его въ больницу. Это дало мнѣ случай оставаться съ нимъ подольше, что иначе было бы для меня невозможно. Еслибы не болѣзнь его, то его заковали бы въ цѣпи, потому что его считали отчаяннымъ преступникомъ.

Я видѣлъ его каждый день, но лишь на короткое время; и постоянные промежутки разлуки были довольно продолжительны, такъ что я могъ замѣчать на его лицѣ малѣйшія перемѣны, происходившія въ его физическомъ состояніи; я не припомню, чтобъ я хоть разъ видѣлъ въ немъ перемѣну къ лучшему; онъ таялъ и становился день ото дня все слабѣе съ того самаго часа, какъ дверь тюрьмы затворилась за нимъ.

Онъ обнаруживалъ полную покорность судьбѣ, какъ чловѣкъ совершенно уставшій. Иногда мнѣ казалось по его манерѣ, или по немногимъ словамъ, вырвавшимся у него, будто онъ раздумывалъ, не могъ ли изъ него выйти чловѣкъ получше, при лучшихъ обстоятельствахъ. Но никогда не оправдывалъ онъ себя подобнымъ намекомъ, и не старался смягчать свое прошедшее.

Два или три раза случилось въ моемъ присутствіи, что кто-то изъ приставленныхъ къ нему людей намекнулъ на его отчаянную репутацію; улыбка промелькнула на его лицѣ, и онъ бросилъ на меня такой взглядъ, какъ будто онъ былъ увѣренъ, что я зналъ въ немъ кое-что искупавшее его жизнь, зналъ еще съ тѣхъ давнихъ поръ, когда я былъ ребенкомъ... Вообще онъ былъ очень покоренъ, смиренъ, и я ни разу не слышалъ, чтобъ онъ жаловался.

Когда наступило время сессіи, мистеръ Джагерсъ вошелъ съ прошеніемъ, чтобъ отсрочили судъ до слѣдующей сессіи. Очевидно, это прошеніе было подано въ той увѣренности, что онъ долго не проживетъ, и ему было отказано. Судъ открылся, и Магича принесли передъ судью на стулѣ. Мнѣ позволили быть при немъ и держать его руку, которую онъ протягивалъ мнѣ.

Судъ былъ коротокъ и ясенъ. Все, что можно было ска-

затѣ въ пользу его, было сказано, — какъ принялся онъ за трудолюбивую жизнь и разбогатѣлъ честнымъ и законнымъ образомъ. Но ничто не могло опровергнуть факта, что онъ самовольно вернулся изъ ссылки и находился теперь передъ судьей и присяжными. Должно было судить его за это, и разумѣется, невозможно было не признать его виновнымъ.

Въ то время было въ обычаѣ (какъ я узналъ по опыту на этихъ засѣданіяхъ суда) отлагать до послѣдняго дня сессіи произнесеніе приговоровъ, чтобы смертные приговоры производили окончательный эффектъ. Еслибы мое собственное воспоминаніе не рисовало теперь передо мною этой навсегда вѣзавшейся у меня картины, то мнѣ самому не вѣрилось бы, что я видѣлъ тридцать двухъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ, которые были приведены передъ судью для выслушанія своего приговора. Магичъ былъ впереди всѣхъ; онъ сидѣлъ, чтобъ имѣть возможность вдыхать въ себя достаточно воздуха, для продленія свой жизни.

Теперь еще представляется передо мною вся эта сцена въ самыхъ яркихъ краскахъ, со всѣми подробностями, даже каплями апрѣльскаго дождя на окошкахъ сада, отражавшими весь блескъ апрѣльскаго солнца. Эти тридцать двое мужчинъ и женщинъ были загорожены въ докъ ¹, и я попрежнему стоялъ снаружи дока въ углу, держа его руку; нѣкоторые между ними были пренебрежительно-равнодушны, другіе были поражены ужасомъ, третьи плакали и рыдали; кто закрывалъ себѣ лицо, кто мрачно озирался кругомъ. Женщины, осужденныя, испускали вопли, но ихъ скоро успокоили, и наступила совершенная тишина. Шерифы, въ своихъ огромныхъ золотыхъ цѣпяхъ, съ букетами и другими офиціальными побрякушками, вѣстовые, привратники, галерея полная народу, всѣ смотрѣли, какъ эти тридцать двое и судья торжественно встрѣтились лицомъ къ лицу. Судья обратился къ нимъ съ рѣчью. Между этими несчастными, приведенными передъ него, онъ долженъ особенно обратиться къ одному, который почти съ самаго дѣтства былъ преступникомъ противъ законовъ, который послѣ многихъ тюремныхъ заключеній и наказаній, наконецъ былъ приговоренъ къ ссылке на нѣсколько лѣтъ, который имѣлъ буйство и дерзость бѣжать, и былъ снова присужденъ къ

¹ Мѣсто, гдѣ находятся подсудимые во время суда.

ссылкѣ на всю жизнь. Этотъ несчастный, повидимому, на время убѣдился въ своихъ заблужденіяхъ, когда онъ былъ удаленъ со сцены своихъ прежнихъ преступленій, и началъ было вести мирную и честную жизнь. Но, въ недобрый часъ увлекаясь тѣми же страстями и наклонностями, которыя издавна сдѣлали его бичомъ общества, онъ покинулъ тихую пристань раскаянія и возвратился въ страну, откуда онъ былъ изгнанъ. Здѣсь донесли на него; на время онъ успѣлъ было скрыться отъ блюстителей правосудія; но наконецъ они его схватили, когда онъ пытался бѣжать; онъ сталъ противиться, и съ намѣреніемъ или въ ослѣпленіи своей дерзости, онъ самъ это лучше знаетъ, былъ причиною смерти своего донощика, которому была известна вся прежняя его жизнь. Наказаніе, положенное за его возвращеніе въ страну, которая отвергла его, есть смерть, и онъ долженъ приготовиться умереть.

Солнце проникало въ большія окна суда черезъ блестящія дождевыя капли, катившіяся по стеклу, и широкою полосой свѣта облило теперь и этихъ тридцать двухъ и судью, какъ бы напоминая многимъ изъ присутствующихъ, что и тотъ и тѣ предстанутъ совершенно равными на великій судъ Того, Кому все известно и Кто судить безошибочно. Поднявшися на минуту, какъ отдѣльная точка въ этой полосѣ свѣта, узникъ сказалъ: «Милордъ, я принялъ уже смертный приговоръ отъ Всемогущаго, но я преклоняюсь передъ вашимъ осужденіемъ.» И сѣлъ опять. Раздались шиканья, и судья продолжалъ свое обращеніе къ прочимъ. Потому всѣ они были формально присуждены; нѣкоторыхъ изъ нихъ вывели, поддерживая, а нѣкоторые, выходя, подпрыгивали съ бессмысленнымъ видомъ равнодушія; немногіе кивали сидѣвшимъ въ галлерей; двое или трое жали руки другъ другу; остальные проходили, жуя листочки травъ, разложенныхъ на полочкѣ дока. Онъ вышелъ послѣдній; нужно было помочь ему подняться со стула, и онъ могъ идти только очень тихо; онъ держалъ мою руку, пока вводили другихъ и зрители вставали съ своихъ мѣстъ, оправляя свои платья, какъ будто они выходили изъ церкви или изъ театра, и указывая то на того, то на другаго преступника, преимущественно же на него и на меня.

Я надѣялся и молил изъ глубины души, чтобъ онъ умеръ, прежде нежели донесеніе рикордера будетъ сдѣлано; но страшась, что онъ еще протянетъ, я въ тотъ же вечеръ принялся писать прошеніе государственному секретарю внутреннихъ

дѣлъ, представляя ему все, что я о немъ зналъ и какъ онъ ради меня вернулся назадъ. Я написалъ прошеніе горячо и трогательно какъ только могъ, и когда я его окончилъ и отправилъ, я написалъ другія письма къ людямъ сильнымъ, которые, я надѣялся, были болѣе милосерды, я написалъ также просьбу на имя короля. Нѣсколько дней и ночей къ ряду послѣ приговора, я не ложился спать; я засыпалъ только на короткое время на моемъ стулѣ, совершенно погруженный въ эти просьбы. Пославъ ихъ, я не могъ оторваться отъ мѣстъ, куда они были отправлены, какъ будто моя близость къ нимъ придавала болѣе надежды дѣлу. Въ этомъ безумномъ безпокойствѣ души, я бродилъ по улицамъ вечеромъ у правительственныхъ мѣстъ и домовъ, гдѣ я оставилъ мои просьбы. До сихъ поръ, пустынные улицы западной части Лондона, съ своими запертыми палатами и длинными рядами блѣдныхъ фонарей, возбуждаютъ во мнѣ особенную грусть въ холодный, пыльный, осенній вечеръ, по связи съ этимъ воспоминаніемъ.

Мои ежедневныя посѣщенія сократились. За нимъ былъ строгій надзоръ. Видя, или думая, что меня подозрѣвали въ намѣреніи принести ему яду, я просилъ, чтобы меня обыскивали каждый разъ, прежде чѣмъ я займу мое мѣсто у его кровати, и говорилъ чиновнику, бывшему всегда тутъ, что я на все готовъ, только бы убѣдить ихъ въ простотѣ моихъ намѣреній. Никто не былъ жестокъ ни съ нимъ, ни со мною. Дѣло шло здѣсь объ исполненіи долга, и его исполняли безъ суровости. Чиновникъ увѣрялъ меня всегда, что ему было хуже, и другіе больные арестанты, бывшіе въ этой же комнатѣ, и арестанты, ухаживавшіе за ними, преступники подобные имъ, но способные еще къ добру—благодареніе Богу!—всегда подтверждали его слова.

Дни проходили, и я замѣчалъ чаще и чаще, что онъ лежитъ бывало спокойно, глядя на бѣлый потолокъ, съ совершенно помертвѣлымъ лицомъ, пока какое-нибудь слово, сказанное мной, не прояснитъ его на минуту; а потомъ онъ снова приметъ свою прежнюю мертвенность. Иногда онъ почти совсѣмъ не могъ говорить, иногда онъ отвѣчалъ мнѣ только слабыми пожатіями руки, и я сталъ понимать его мысли какъ нельзя лучше.

Прошло десять дней, когда я увидѣлъ въ немъ большую перемену, какой я еще не замѣчалъ до сихъ поръ. Глаза его

были обращены къ двери и вдругъ просіали, когда я вошелъ.

— Милый малый! сказалъ онъ, когда я сѣлъ возлѣ его постели:—мнѣ показалось, что вы запоздали сегодня. Но я былъ увѣренъ, что вы не опоздаете.

— Только что начали впускать, сказалъ я.—Я ждалъ у калитки.

— Вы вѣдь всегда ждете у калитки, не такъ ли милый малый?

— Да, чтобы не потерять ни минуты.

— Благодарю васъ, милый малый, благодарю васъ. Богъ благословитъ васъ! Вы не оставили меня, мой милый малый.

Я молча пожалъ ему руку, потому что я не могъ забыть, что когда-то я имѣлъ намѣреніе бросить его.

— И чтѣ всего лучше, сказалъ онъ, — вы были со мною радушнѣе съ тѣхъ поръ какъ заволочла мою жизнь темная туча нежели когда солнышко свѣтило. Это лучше всего.

Онъ лежалъ на спинѣ, дыша очень трудно. При всемъ его напряженіи, темная мертвенность появлялась опять по временамъ на его лицѣ и туманила его спокойный взглядъ, устремленный на бѣлый потолокъ.

— Вы сегодня очень страдаете?

— Я не жалуясь, милый малый.

— Вы никогда не жалуетесь.

Это были его послѣднія слова. Онъ улыбнулся, и я понялъ по его пожатію, ему хотѣлось, чтобы я поднялъ мою лѣвую руку и положилъ ему на грудь. Я положилъ ее, онъ улыбнулся, и прикрылъ ее обѣими руками.

Назначенное время проходило, пока мы оставались съ нимъ такимъ образомъ. Оглянувшись, я увидѣлъ возлѣ себя управляющаго тюрьмой, который шепнулъ мнѣ: «вы можете остаться еще».—Я поблагодарилъ его, и спросилъ, могу ли я сказать ему наединѣ нѣсколько словъ, если онъ только въ состояніи услышать меня?

Управляющій отступилъ назадъ и отозвалъ чиновника. Эта перемена, хотя она была сдѣлана безъ малѣйшаго шума, разсѣяла туманъ съ этого спокойнаго взгляда, впереннаго въ бѣлый потолокъ, и онъ съ любовью посмотрѣлъ на меня.

— Любезный Магичъ, я долженъ сказать вамъ наконецъ... Слышите вы, понимаете вы меня?

Нѣжное пожатіе руки.

— У васъ когда-то былъ ребенокъ, дѣвочка, которую вы любили и лишились.

Пожатіе руки крѣпче.

— Она жива и нашла сильныхъ покровителей. Она теперь леди, красавица. И я люблю ее!

Последнимъ слабымъ усиленіемъ, которое было бы недействительно, еслибъ я не уступилъ ему, онъ приложилъ мою руку къ губамъ, потомъ опять нѣжно опустилъ ее на грудь и прикрылъ ее своими руками. Спокойный взглядъ, вперенный въ бѣлый потолокъ на минуту просвѣтлѣлъ, затѣмъ померкъ, и голова его тихо опустилась на грудь.

Припомнивъ тогда что я читалъ ему, я подумалъ о двухъ человѣкахъ, которые вмѣстѣ вошли во храмъ помолиться; я зналъ, что лучше молитвы я не могъ произнести у его одра, какъ «Господи, буди милостивъ къ нему, *грѣшному!*»

LVII.

Наконецъ я остался совершенно одинъ. Я объявилъ о моемъ намѣреніи съѣхать съ своей квартиры въ Темплъ, сейчасъ же по истеченіи срока, а пока сдать ее. Я выставилъ, не откладывая, объявленіе въ окошкахъ, потому что у меня были долги, я былъ безъ денегъ, и начиналъ серьезно беспокоиться о положеніи моихъ дѣлъ. Было бы справедливѣе сказать, что положеніе ихъ должно было бы беспокоить меня, будь у меня достаточно энергіи и сосредоточенности для яснаго уразумѣнія чего бы то ни было, кромѣ одного только того, что у меня начиналась серьезная болѣзнь. Напряженіе послѣднихъ дней помогли мнѣ только отсрочить ее на время, но не избавиться отъ нее; я зналъ, что болѣзнь начиналась, и кромѣ этого я ничего не зналъ; но и на это я обращалъ мало вниманія.

День или два я лежалъ на софѣ, на полу, гдѣ попало, гдѣ случалось мнѣ поваляться въ совершенномъ безсиліи, безъ всякой мысли, съ тяжелою головой и страшною болью во всѣхъ членахъ. Потомъ наступила одна ночь, которая, мнѣ казалось, была безъ конца, ночь полная ужаса и безпокойства; и когда по утру я попробовалъ было сидѣть въ постели и собраться съ мыслями, я былъ не въ состояніи это сдѣлать.

Въ это утро, лежа на постели, я старался себѣ разрѣшить,

дѣйствительно ли я выходилъ въ садъ во глубинѣ ночи, и искалъ лодки, которая, я предполагалъ, находилась тамъ, дѣйствительно ли два раза приходилъ въ себя на лѣстницѣ, въ ужасномъ страхѣ, не зная самъ, какъ всталъ я съ постели, дѣйствительно ли я засвѣчалъ лампу, пораженный мыслию, что онъ всходилъ по лѣстницѣ, и всѣ фонари потухли; дѣйствительно ли меня преслѣдовали чей-то не стройный говоръ, хохотъ, стоны, или я самъ издавалъ эти звуки; дѣйствительно ли въ темномъ углу комнаты находилась закрытая желѣзная печь, и голосъ звалъ меня оттуда, крича мнѣ, что миссъ Гевишамъ горѣла въ ней. Но паръ известковой печи подымался передо мною, разнося всѣ эти мысли, и наконецъ, посреди этого пара, я увидалъ двухъ человѣкъ, смотрѣвшихъ, на меня.

— Чтѣ вамъ нужно? спросилъ я вздрагивая:—я васъ не знаю.

— Сэръ, сказалъ одинъ изъ нихъ, наклоняясь ко мнѣ и хлопая меня по плечу,—я полагаю, вы скоро уладите это дѣло, а между тѣмъ я арестую васъ.

— Какъ великъ долгъ?

— Сто двадцать три фунта, пятнадцать шиллинговъ, шесть пенсовъ. Кажется, по счету ювелира.

— Чтѣ же мнѣ дѣлать?

— Да лучше всего пожалуйста въ мой домъ, сказалъ одинъ человѣкъ.—Я держу домъ отличный.

Я было попробовалъ встать и одѣться. Когда я обратилъ потомъ мое вниманіе на нихъ, они стояли нѣсколько поодаль отъ моей постели и смотрѣли на меня. Я все еще лежалъ.

— Вы видите, сказалъ я,—въ какомъ я нахожусь положеніи: Я бы пошелъ съ вами, еслибъ я могъ; но я право не могу. Если вы меня возьмете отсюда, я пожалуй умру на дорогѣ.

Можетъ-быть мнѣ отвѣчали, доказывали, старались ободрить меня и увѣрить, что я крѣпче чѣмъ самъ думалъ; только воспоминаніе о нихъ удержалось въ моей памяти на этой слабой нити; я не знаю, чтѣ они потомъ сдѣлали, но они не взяли меня.

У меня сдѣлалась горячка, меня всѣ избѣгали; я очень страдалъ, часто бывалъ безъ памяти, время казалось мнѣ безконечнымъ, и я связывалъ съ моею личностью самыя невозможныя образы существованія. То мнѣ казалось, что я былъ кирпичомъ въ стѣнѣ, и я умолялъ, чтобы меня вынули изъ тако-го ненадежнаго мѣста, куда заложили меня строители; то мнѣ

представлялось, что я былъ стальнымъ коромысломъ громаднаго механизма, двигавшагося съ страшнымъ шумомъ надъ пропастью, и я умолялъ, чтобы машину остановили и отказали меня отъ нея. Я припоминаю теперь, что я переходилъ черезъ всѣ эти фазы болѣзни, и даже въ то самое время я имѣлъ нѣкоторое сознаніе о нихъ. Иногда я боролся съ настоящими людьми, въ полной увѣренности, что они были убійцы, и потому я вдругъ понималъ, что они желали мнѣ добра, и я падалъ въ изнеможеніи имъ на руки, и позволялъ имъ уложить себя; и это также я сознавалъ въ то время. Но особенно меня поражало тогда, что всѣ эти люди, которые представляли мнѣ, пока я былъ боленъ, всевозможныя превращенія человѣческаго лица, и часто въ громадныхъ размѣрахъ, въ заключеніи принимали на себя фizioномію Джо.

Когда миновалъ кризисъ моей болѣзни, я сталъ замѣчать, что всѣ лица исчезали, но эта одна фizioномія оставалась не мѣняясь. Кто бы ни подходилъ ко мнѣ, всякій принималъ фizioномію Джо. Я раскрывалъ мои глаза ночью, и видѣлъ Джо въ большемъ креслѣ у моей постели. Я раскрывалъ мои глаза днемъ, и опять видѣлъ Джо, сидящаго на подоконникѣ и курящаго у открытаго окна. Я спрашивалъ прохладительнаго питья; и мнѣ подавала его, сръпкая добрая рука Джо. Я опускался послѣ того на подушку, и лицо, смотрѣвшее на меня съ нѣжностью и надеждою, представляло мнѣ дорогія черты Джо.

Наконецъ, однажды, я собрался съ духомъ и спросилъ:

— Это Джо?

И милый, давно знакомый голосъ отвѣчалъ:

— Онъ и есть, старый товарищъ.

— О Джо, вы разрываете мнѣ сердце! Вы смотрите на меня сердито Джо. Бейте меня, Джо. Корите меня за мою неблагодарность. Но будьте только поласковѣе со мною!

Джо опустилъ свою голову на подушку ко мнѣ и обнялъ своею рукою мою шею, отъ радости, что я призналъ его.

— Милый старый Пипъ, старый дружище, сказалъ Джо;— мы съ вами всегда были друзья. И когда вы поправитесь, и поѣдемъ мы прокатиться, вотъ-то будетъ веселье!

Послѣ этого Джо отошелъ къ окошку и сталъ спиною ко мнѣ, отирая глаза. Моя крайняя слабость мѣшала мнѣ подняться и подойти къ нему, и я лежалъ на постелѣ, шепча съ раскаяніемъ:

— Боже, благослови его! Боже, благослови этого истиннаго христианина!

Глаза Джо были красны, когда я потомъ увидѣлъ его у моей постели; но онъ протягивалъ мнѣ свою руку, и мы оба были счастливы.

— Какъ давно, милый Джо?

— То-есть почитай, Пипъ, какъ давно ваша болѣзнь продолжается, милый старый дружище?

— Да, Джо.

— Теперь конецъ мая, Пипъ; завтра первое іюня.

— И вы были здѣсь все это время, любезный Джо?

— Почитай около того, старый товарищъ. Вотъ, говорю я Биди, когда письмомъ-то оповѣстили насъ, что вы были больны; а письмо-то принесла пошта, прежде былъ онъ холостой, теперь поженится; жалованья его, право, съ такою ходьбою на сапожишки не хватаетъ, ну о богатствѣ онъ много не думалъ, когда жену себѣ взять рѣшился.

— Какое наслажденіе слушать васъ, Джо! Но я васъ прерываю. Чтѣ же вы сказали Биди?

— А вотъ чтѣ, сказалъ Джо,—что можетъ-быть вы теперь между чужими людьми и что какъ мы всегда съ вами были друзья, такъ пожалуй нехудо будетъ мнѣ съѣздить къ вамъ. А вотъ вамъ и слова Биди: ступайте къ нему, не теряя времени. Это, сказалъ Джо, принимая свой докторальный тонъ,—были слова Биди: ступайте къ нему, говорить, не теряя времени! То-есть, чтобы не солгать, прибавилъ Джо послѣ нѣкотораго размышленія, — настоящее-то слово этой молодой дѣвушки было: не теряя ни минуты времени.

Тутъ Джо вдругъ остановился и объявилъ, что со мною слѣдуетъ разговаривать умѣренно, что я долженъ вѣсть понемногу въ опредѣленное время, хочу ли я или нѣтъ, и что я во всемъ долженъ повиноваться его приказаніямъ. Я поцѣловалъ его руку и продолжалъ лежать спокойно, а онъ принялся сочинять письмо къ Биди, посылая въ немъ и мою любовь.

Очевидно, что Биди выучила его писать. Когда я лежалъ въ постели, я почти плакалъ отъ удовольствія, видя съ какою гордостью онъ принимался за свое письмо. Моя кровать, съ которой были сняты гардины, была перенесена вмѣстѣ со мною въ гостиную, потому что эта комната была больше и свѣжѣе; коверъ въ ней былъ снятъ, и въ ней поддерживали

чистый и здоровый воздухъ день и ночь. Джо усѣлся за свою важную работу у моего письменнаго стола, отодвинутаго въ уголъ и заставленнаго стеклянкамъ; сначала ему нужно было выбрать перо на подносики, и онъ рылся въ немъ, словно въ ящикъ съ кузнечными инструментами; потомъ онъ засучилъ рукава, какъ бы готовясь работать кузнечнымъ молотомъ. Необходимо также было ему опереться со всею силою о столъ лѣвымъ локтемъ и отставить правую ногу назадъ, прежде чѣмъ онъ могъ начать, и когда онъ началъ, то проводилъ каждую черту такъ медленно, какъ будто она была въсажень длиною, и я слышалъ какъ трещало и брызгало его перо, когда онъ велъ черту вверхъ. Онъ былъ въ странномъ заблужденіи, что чернильница находилась на той сторонѣ, гдѣ въ дѣйствительности ея не было; онъ постоянно макалъ свое перо въ пустое мѣсто, и повидимому былъ совершенно доволенъ своимъ результатомъ. Иногда его задерживалъ какой-нибудь ореографическій камень преткания. Но вообще онъ дѣло свое покончилъ исправно; и когда онъ подписалъ свое имя и снялъ послѣднюю каплюшку двумя пальцами, размазавъ ее себѣ на маковкѣ, онъ всталъ и началъ расхаживать около стола, съ безмѣрнымъ удовольствіемъ наблюдая, съ разныхъ точекъ, лежавшее тутъ произведение его искусства.

Чтобы не досадить Джо длиннымъ разговоромъ, даже еслибъ у меня и стало на это силы, я отложилъ до завтрашняго дня спросить у него про миссъ Гевишамъ. Онъ покачалъ головой, когда я у него спросилъ потомъ, выздоровѣла ли она?

— Что же она умерла, Джо?

— То-есть видите, старый товарищъ, сказалъ Джо оправдательнымъ тономъ, какъ бы желая постепенно подойти къ предмету:—такъ далеко я не пойду, чтобы сказать это; но уже нѣтъ...

— Ее въ живыхъ, Джо?

— Да почитай такъ, сказалъ Джо, — что ее уже нѣтъ въ живыхъ.

— Долго она мучилась, Джо?

— Да послѣ того, какъ вы заболѣли, почитай съ недѣлю, сказалъ Джо, твердо рѣшившись доходить до всего постепенно.

— Милый Джо, слышали вы, что стало съ ея богатствомъ?

— Ну, старый дружище, сказалъ Джо, —кажется, что она от-

писала большую часть его мисс Эстелль. Но она прибавила собственною своею рукой приписочку, за день или за два перед несчастным случаемъ, и оставила въ ней горячихъ четыре тысячи фунтиковъ мистеру Матью Покету. А почему бы вы, думали, Пипъ, она оставила ему эти горячія четыре тысячи фунтиковъ? «По отзыву Пипа о вышеупомянутомъ Матью.» Мнѣ это передала Биди; это ея собственное писанье, сказалъ Джо, повторяя снова юридическую фразу, какъ будто она доставляла ему огромное удовольствие:—«по отзыву Пипа о вышеупомянутомъ Матью», и замѣтите, Пипъ, горячихъ четыре тысячи фунтиковъ!

Джо никогда не открылъ мнѣ, откуда онъ узналъ о точной температурѣ четырехъ тысячъ фунтовъ, на которую онъ такъ налегалъ; но она повидимому увеличивала эту сумму въ глазахъ его, и онъ съ особеннымъ наслажденіемъ постоянно утверждалъ, что это были горячія четыре тысячи фунтовъ.

Это извѣстіе очень обрадовало меня, потому что оно совершило единственное хорошее дѣло, которое я сдѣлалъ. Я спросилъ Джо, не слышалъ ли онъ, чтобы другимъ родственникамъ было что-нибудь оставлено?

— Мисс Сара, сказалъ Джо,—получила двадцать пять фунтовъ ежегодной пенсіи на пилюли по причинѣ ея желчнаго расположенія. Мисс Джорджіанъ—двадцать пять фунтовъ одновременно; мистриссъ, мистриссъ, какъ бишь ее?

— Камила? сказалъ я.

Джо кивнулъ мнѣ головой.—Мистриссъ Камила пять фунтовъ на сальныя свѣчи, которыя пекли бы ея сердце, когда просыпается она по ночамъ.

Точность этого разказа была для меня достаточно очевидна, и я вполнѣ повѣрилъ свѣдѣніямъ, полученнымъ Джо.—Теперь, сказалъ Джо,—хоть вы и не совсѣмъ еще окрѣпли, старый товарищъ; но пожалуй вы сможете проглотить еще порцію новостей сегодня. Старый Орликъ ограбилъ домъ.

— Чей? сказалъ я.

— Человѣкъ онъ конечно нахальный, сказалъ Джо въ видѣ оправданія,—а все-таки домъ каждаго Англичанина есть его замокъ, а замокъ не берутъ и не грабятъ развѣ только въ военное время. И какіе бы тамъ за нимъ ни водились грѣшки, онъ былъ себѣ хорошій лабазникъ.

— Никакъ домъ Пембльчука былъ ограбленъ?

— Именно такъ, Пипъ, сказалъ Джо;—и взяли они его вы-

ручку и взяли ларецъ съ деньгами, и выпили все его вино, и поѣли все его съѣстное, накормили его оплеухами, надергали ему носъ, привязали его къ кровати, дали ему дюжину горячихъ, а чтобъ онъ не кричалъ, набили ему полонъ ротъ цвѣтами махровыми. Но онъ призналъ Орлика, и Орликъ теперь въ комитатской тюрьмѣ.

Такимъ образомъ мы дошли постепенно до длинныхъ разговоровъ. Я поправлялся медленно, но съ каждымъ днемъ я входилъ мало-по-малу въ силы. Джо оставался со мной, и я себя воображалъ, что я опять былъ маленькій Пипъ.

Нѣжность Джо такъ удивительно отвѣчала моимъ потребностямъ, что я опять казался въ рукахъ его ребенкомъ. Онъ сидеть бывало и разговариваетъ со мною съ прежнимъ довѣріемъ, съ прежнею простотою, съ прежнимъ покровительственнымъ тономъ, такъ что я на половину начиналъ вѣрить будто вся послѣдующая жизнь моя, съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ нашу старую кухню, была бредомъ горячки, только что оставившей меня. Онъ дѣлалъ для меня все, за исключеніемъ только дѣлъ по хозяйству; для этого онъ нанялъ очень приличную женщину, разчитавъ мою прежнюю прачку въ самый день своего пріѣзда.

— То-есть увѣряю васъ, Пипъ, говорилъ онъ, чтобъ оправдать эту вольность,—я нашелъ, она пробуровила другую перину, словно бочонокъ съ пивомъ, и таскала изъ нея ведрами перья на продажу. А потомъ, пожалуй она пробуровила бы перину и подъ вами; да еще таскала уголья въ суповой чашкѣ и салатникахъ, и вино и водку въ вашихъ сапогахъ.

Мы ожидали дня, когда мнѣ можно будетъ выѣхать, какъ нѣкогда ждали мы дня моего поступленія въ ученье. И когда этотъ день наступилъ и подѣхала коляска, Джо закуталъ меня, взялъ меня на руки, снесъ внизъ и уложилъ меня въ нее, какъ-будто я еще былъ безпомощное созданіе, на которое онъ щедро изливалъ избытокъ силъ своей могучей природы.

Джо сѣлъ возлѣ меня; и мы поѣхали вмѣстѣ за городъ, гдѣ роскошная лѣтняя растительность уже покрывала деревья и луга, и сладкій лѣтній аромат проникалъ воздухъ. День случился воскресный, и когда я посматрѣлъ на предѣстную природу вокругъ себя, и подумалъ, какъ развилась она и перемѣнилась, какъ поднимались полевые цвѣточки, какъ крѣпли голоса птишекъ днемъ и ночью, при солнечномъ блескѣ и мер-

цаны звѣздъ, между тѣмъ какъ я несчастный все это время лежалъ въ постелѣ, метаясь въ горячешномъ жару,—одно воспоминаніе объ этомъ возмутило мое спокойствіе. Но когда я услышалъ воскресный звонъ колоколовъ, и посмотрѣлъ еще разъ вокругъ себя на раскинутыя красоты природы, я почувствовалъ, что я не былъ еще достаточно благодаренъ, что я былъ еще слишкомъ слабъ даже для этого, и приникъ головою къ плечу Джо, какъ я бывало лежалъ на его плечахъ давно-давно, когда онъ нашивалъ меня на деревенскую ярмарку, и мои возражающіяся чувства были слишкомъ переполнены.

Спустя нѣсколько, я поуспокоился, и мы разговаривали, какъ бывало разговаривали въ тѣ времена, лежа на батарее. Въ Джо не было никакой переменны. Какимъ онъ былъ тогда, такимъ же точно онъ былъ и теперь въ моихъ глазахъ, также преданный мнѣ и также прямой.

Когда мы прѣхали назадъ и онъ поднялъ меня и понесъ такъ легко черезъ дворъ и на лѣстницу, я вспомнилъ, какъ въ одно наматное мнѣ Рождество онъ несъ меня по болотамъ. Мы еще ни разу не касались въ нашихъ разговорахъ переменны въ моемъ положеніи; да я и самъ не зналъ на сколько была ему известна моя послѣдняя исторія. Теперь я такъ не довѣрялъ себѣ и такъ былъ увѣренъ въ немъ, что я самъ еще сомнѣвался, слѣдовало ли мнѣ упомянуть объ этомъ предметѣ, когда онъ молчалъ.

— Слышали вы, Джо, спросилъ я его въ этотъ вечеръ, послѣ дальнѣйшаго размышленія, когда онъ курилъ свою трубку у окна,—кто былъ моимъ покровителемъ?

— Слышалъ, отвѣчалъ Джо,—что это была не миссъ Гевингамъ, старый дружище.

— Слышали вы, Джо, кто это былъ?

— Да, слышалъ; это былъ человекъ, который подослалъ молодца, передаващаго вамъ банковые билеты у Веселыхъ Лодочниковъ, Пипъ.

— Совершенно такъ.

— Удивительное дѣло! сказалъ Джо, самымъ спокойнымъ тономъ.

— Слышали вы, что онъ умеръ, Джо? спросилъ я съ большею неувѣренностію

— Кто? Тотъ, кто прислалъ банковые билеты, Пипъ?

— Да.

— Кажется, сказалъ Джо, подумавъ нѣсколько времени и посматривая въ окошко,—я слышалъ что-то въ этомъ родѣ.

— Слышали вы что-нибудь о его обстоятельствахъ, Джо?

— Ничего, Пипъ.

— Если вы хотите знать объ этомъ, Джо, началъ было я, когда Джо всталъ и подошелъ къ моей софѣ.

— Послушайте, старый дружище, сказалъ Джо, наклоняясь ко мнѣ.—Вѣдь мы были всегда задушевными друзьями, Пипъ, не такъ ли?

Мнѣ было совѣстно отвѣчать ему.

— Такъ, очень же хорошо, сказалъ Джо, какъ будто я ему отвѣтилъ.—Это дѣло между нами порѣшенное. Зачѣмъ же намъ толковать, старый дружище, о такихъ вещахъ, которыя между нами совсѣмъ лишнія. Господи мой, какъ подумаешь о вашей бѣдной сестрѣ, какъ бывало она распѣтушится! А помните чесалку?

— Право помню, Джо.

— Вотъ послушайте-ка, старый дружище, сказалъ Джо.—Я всячески старался уберечь васъ отъ чесалки, да власть-то моя не всегда была такъ сильна какъ мое желаніе. Когда бывало ваша бѣдная сестра задумаетъ напуститься на васъ, я себя помалчиваю, но это не потому, продолжалъ Джо своимъ любимымъ тономъ убѣжденія,—что она накидывалась и на меня при этомъ случаѣ, когда я скажу что-нибудь ей не по нраву, а больше потому что вамъ всегда доставалась за то еще пуще. Я замѣтилъ это. Схватить она человѣка за бакенбарду, встряхнетъ она разъ другой человѣка, все это пустяки, это не помѣшало бы человѣку уберечь дитя отъ наказанія. Но когда еще, за эту потасовку или встряску, ребенку достается пуще, человѣкъ, разумѣется, говорить себѣ: какое же добро ты тутъ дѣлаешь? Зло, пожалуй, я вижу, говорить себѣ человѣкъ, а добра я не вижу. Ну, сэръ, я спрашиваю васъ самихъ, укажите мнѣ гдѣ тутъ добро.

— Такъ человѣкъ говорить? замѣтилъ я, видя что Джо ожидалъ, чтобы я сказалъ что-нибудь.

— Человѣкъ говорить, поддакнулъ Джо.—Ну правъ ли этотъ человѣкъ?

— Любезный Джо, онъ всегда правъ.

— Ну, старый дружище, сказалъ Джо,—такъ положитесь же на мои слова. Если онъ завсегда правъ (хотя онъ еще скорѣе можетъ ошибиться), такъ онъ правъ также и вотъ въ

чемъ: Положимъ, вы утаили одно пустынное обстоятельство, когда вы были еще маленькимъ мальчикомъ, вы его скрыли должно-быть потому больше, что вы знали, Джо Гарджери не могъ, хоть и старался уберечь васъ отъ чесалки, поэтому не станемъ и толковать понапрасну объ этомъ. Биди хлопотала вбить мнѣ въ голову предъ моимъ отъѣздомъ (я вѣдь страшно какъ тупъ), чтобы я смотрѣлъ на эту вещь, такъ какъ на нее должно смотрѣть. Ну, сказалъ Джо, совершенно прельщенный этимъ логическимъ доводомъ;—дѣло это теперь порѣшенное, и послушайте, что вамъ скажетъ истинный другъ вашъ. А именно: не извольте-ка пересаливать, а принимайтесь за вашъ ужинъ, да за воду съ виномъ, а потомъ я васъ уложу въ постель.

Деликатность, съ которою Джо устранилъ эту тему, нѣжная доброта и ловкость Биди, такъ скоро разгадавшей меня съ истинно женскимъ остроуміемъ и недоумившей Джо, произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Но я не могъ еще понять, зналъ ли Джо какъ я былъ бѣденъ и какъ разнеслись мои большія ожиданія, подобно туманамъ, разсѣваемымъ на нашихъ болотахъ лучами восходящаго солнца.

Потомъ, я не могъ еще понять другой вещи въ Джо, когда она только что начала въ немъ оказываться, но которую я скоро къ сожалѣнію понималъ: именно, по мѣрѣ того какъ я оправлялся и становился сильнѣе, Джо начиналъ со мною церемониться. Въ моей слабости и совершенной отъ него зависимости, добрякъ обращался со мною по старому, называлъ меня прежними именами: «милый старый Пипъ», «старый дружище», которыя раздавались музыкаю въ моихъ ушахъ; я также возвратился къ прежнему тону, совершенно довольный и искренно благодарный, что онъ мнѣ позволилъ это. Но незамѣтно, хотя я и самъ твердо держался этого тона, Джо начиналъ мѣнять его, и удивляясь этому сначала, я сталъ скоро понимать, что главная причина этого во мнѣ, и что вся вина была съ моей стороны.

Ахъ! развѣ я не далъ ему повода сомнѣваться въ моемъ постоянствѣ и думать, что въ моемъ счастьи я къ нему охладѣю и отброшу его? Не подалъ ли я причины невинному сердцу Джо чувствовать инстинктивно, что съ возвращеніемъ моихъ силъ ослабѣютъ наши связи, и что лучше ему самому ослабить ихъ вовремя и выпустить меня, прежде нежели я самъ вырвусь?

Я ясно замѣтилъ въ немъ эту переѣмъ въ третью или четвертую прогулку съ нимъ въ Темпльскомъ саду. Мы сидѣли на солнышкѣ и смотрѣли на рѣку, и я случайно сказалъ ему, когда мы встали:

— Посмотрите, Джо, я могу теперь ходить совершенно твердо. Посмотрите, какъ я пойду назадъ одинъ.

— Только не натруждайте себя, Пипъ, сказалъ Джо, — но мнѣ будетъ очень приятно видѣть, что вы въ силахъ это сдѣлать, сэръ.

Последнее словцо такъ и опарало меня; но могъ ли я жаловаться! Я дошелъ до калитки сада и потомъ притворился будто я слабѣе чѣмъ былъ въ дѣйствительности, и попросилъ Джо дать мнѣ свою руку. Джо подаль мнѣ ее, но онъ былъ задумчивъ.

Я съ моей стороны также задумался; меня очень тревожило, какъ остановить эту развивающуюся переѣмъ въ Джо. Я не скрываю, что мнѣ стыдно было объяснить ему мое настоящее положеніе, и какъ низко я упалъ; но я надѣюсь, что это не было совершенно недостойное чувство. Онъ непреѣмнно захотѣлъ бы помочь мнѣ изъ своихъ скудныхъ сбереженій, это я зналъ; я зналъ также, что онъ не долженъ былъ помогать мнѣ, и что мнѣ не слѣдовало допускать это.

Это былъ грустный вечеръ для насъ обоихъ. Но передъ тѣмъ какъ идти спать, я рѣшился выждать до послѣзавтра, — завтра было воскресенье, — и начать жизнь заново съ новою недѣлей. Въ понедѣльникъ поутру я поговорю съ Джо объ этой переѣмъ, я отброшу всякую скрытность, расскажу ему, что у меня было въ головѣ (это тотъ *второй* пунктъ, до котораго пока еще не дошла очередь, почему я не рѣшился еще поступить къ Герберту), и тогда эта переѣмъ въ немъ будетъ подавлена навсегда. Я просвѣтлѣлъ, и Джо просвѣтлѣлъ; по-видимому, онъ также принялъ рѣшеніе.

Мы провели тихо воскресенье, ѣздили за городъ и гуляли въ поляхъ.

— Я радъ, что я былъ боленъ, Джо, сказалъ я.

— Милый Пипъ, старый дружище, да вы уже почти совсѣмъ оправились, сэръ.

— Это время будетъ мнѣ навсегда памятно, Джо.

— И мнѣ также, сэръ, отвѣчалъ Джо.

— Джо, я никогда не забуду этого времени, которое мы провели вмѣстѣ. Были также еще когда-то дни, которые я

забылъ, на время покрайней мѣрѣ; но этихъ дней я никогда не забуду.

— Пипъ, сказалъ Джо, какъ бы второпяхъ и въ нѣкоторомъ смущеніи,—славно это было! Мой любезный сэръ, что было, то прошло.

Вечеромъ, когда я легъ въ постель Джо прошелъ въ мою комнату, какъ это онъ дѣлалъ постоянно во время моего выздоровленія. Онъ спросилъ меня также ли хорошо я чувствую себя, какъ и по утру?

— Да, любезный Джо, совершенно также.

— И вы становитесь все крѣпче, старый дружище?

— Да, любезный Джо, понемножку.

Джо поправилъ одѣяло на моемъ плечѣ своею доброю сильною рукой, и сказалъ какъ показалось мнѣ довольно сильнымъ голосомъ:—Добрая ночь!

Когда я всталъ поутру, еще болѣе освѣженный и окрѣпленный, я твердо рѣшился объясниться съ Джо безъ малѣйшаго отлагательства. Я хотѣлъ переговорить съ нимъ передъ завтракомъ, хотѣлъ сейчасъ же одѣться, пойти въ его комнату и удивить его. Еще въ первый разъ поднялся я такъ рано. Я пошелъ въ его комнату, его тамъ не было, и не только не было его самого, но я не нашелъ и его сундука.

Я послѣдилъ къ завтраку и увидѣлъ на столѣ записку. Вотъ ея короткое содержаніе:

«Не желая стѣснять васъ, я уѣхалъ; вы опять здоровы, милый Пипъ, и вамъ будетъ лучше безъ

Джо.»

«P. S. Навсегда задушевные друзья.»

Въ письмѣ была вложена расписка въ уплатѣ долга, за который меня хотѣли арестовать. До сихъ поръ я полагалъ, что кредиторъ мой бросилъ или отложилъ преслѣдованіе до моего выздоровленія. Я никогда себѣ не воображалъ, чтобы Джо заплатилъ деньги, но Джо дѣйствительно заплатилъ ихъ, и расписка была на его имя.

Мнѣ теперь оставалось только послѣдовать за нимъ на старую милую кузницу, тамъ открыться ему, принести ему повинную и облегчить мою душу и сердце отъ этого втораго пункта, который сначала не ясно представлялся моимъ мыслямъ, а теперь вылился въ ясно-опредѣлившееся намѣреніе.

Это намѣреніе было пойти къ Биди, показать ей, какъ я смирился и раскаялся, сказать ей, какъ я потерялъ все, на что

я нѣкогда надѣялся, и напомнить наши прежнія откровенныя бесѣды въ старое, несчастное для меня время; потомъ сказать ей: Биди когда-то, мнѣ кажется, я вамъ нравился, мое заблуждавшееся сердце, чуждавшееся васъ, чувствовало себя лучше и спокойнѣе тогда съ вами нежели въ послѣдствіи. Если вы можете полюбить меня хоть въ половину такъ какъ прежде, если вы захотите взять меня со всѣми моими ошибками и несбывшимися мечтами, если вы можете принять меня, какъ прощенного ребенка (и дѣйствительно, Биди, я сожалѣю обо всемъ, и какъ ребенку мнѣ нуженъ успокоивающій голосъ, утѣшающая рука), то я надѣюсь, теперь я нѣсколько достойнѣе васъ нежели я былъ прежде. И, Биди, отъ васъ будетъ зависть сказать мнѣ, долженъ ли я остаться и работать на кузницѣ вмѣстѣ съ Джо или искать другаго занятія въ этой странѣ, или поѣхать въ отдаленное мѣсто, гдѣ представляется мнѣ теперь случай, которымъ я не рѣшился воспользоваться, когда мнѣ сдѣлано было предложеніе, пока не узнаю вашего отвѣта. И теперь, милая Биди, если вы только мнѣ можете сказать, что вы рѣшаетесь прожить эту жизнь рука объ руку со мною, то конечно вы скрасите эту жизнь для меня, вы сдѣлаете меня лучше, а я постараюсь изъ всѣхъ силъ, чтобъ и вамъ хорошо было на свѣтѣ.

Таково было мое намѣреніе. Три дня спустя, укрѣпившись еще болѣе, я отправился на старое мѣсто, чтобы привести его въ исполненіе, и мнѣ остается только досказать, какъ я въ немъ успѣлъ.

LVIII.

Вѣсть о моемъ паденіи уже успѣла достигъ до моего роднаго мѣста и предупредить меня. Я нашелъ, что «Синій Кабанъ» уже зналъ объ этомъ, и это сдѣлало большую разницу въ поведеніи «Синяго Кабана» относительно меня. «Кабанъ» старался снискать мое расположеніе своею услужливостію, когда ожидало меня богатство; «Кабанъ» былъ очень холоденъ теперь, когда я лишился этого богатства.

Я пріѣхалъ туда вечеромъ, очень усталый послѣ дороги, которую проѣхать, бывало, мнѣ ничего не стоило. «Кабанъ» не могъ отвести мнѣ спалню, въ которой обыкновенно помѣщался; она была занята (вѣроятно юношею съ большими ожиданіями

впереди); мнѣ отвели очень плохенькую комнату между голубятнею и сараемъ. Но я спалъ также крѣпко на этомъ новомъ мѣстѣ, какъ и въ самомъ лучшемъ помѣщеніи, какое только могъ бы отвести мнѣ «Кабанъ», и сны мои были нисколько не хуже чѣмъ въ самой лучшей спальнѣ.

Рано поутру, пока готовили мой завтракъ, я пошелъ погулять около Сатисъ-Хауса. На воротахъ были печальныя объявленія, и изъ оконъ висѣли доскутки ковра, извѣщавшія о продажѣ съ аукціона мебели и различныхъ домашнихъ вещей на слѣдующей недѣлѣ. Самый домъ продавался въ сломъ, какъ старыи матеріалъ. На пивоварнѣ было написано известкою: № I. № II былъ выставленъ на части главнаго строенія, которое такъ долго оставалось закрытымъ. Другіе номера были назначены на другихъ частяхъ зданія; плющъ былъ оборванъ, чтобъ оставить мѣсто для надписей, валялся въ пыли и начиналъ уже вянуть. Зайдя на минуту въ отворенную калитку, я посмотрѣлъ вокругъ съ тревожнымъ видомъ чужаго человѣка, которому здѣсь было не мѣсто, и увидѣлъ прикащика аукціонера, расхаживавшаго между пустыми бочонками и считавшаго ихъ для составителя каталога, устроившаго себѣ временное бюро изъ кресла на колесахъ, которое я такъ часто двигалъ подъ пѣсню: «Старый Климъ».

Воротившись къ моему завтраку въ столовую «Кабана», я нашелъ тамъ мистера Пембльчука, въ разговорахъ съ трактирщикомъ. Мистеръ Пембльчукъ, котораго наружность не поправилась послѣ недавняго ночнаго приключенія, ожидалъ меня и обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Молодой человѣкъ, жаль мнѣ очень, что вы такъ низко упали. Но чего же и можно было ожидать! Чего же и можно было ожидать!

Онъ протянулъ свою руку съ необыкновенно-великодушнымъ видомъ; я былъ слишкомъ слабъ послѣ болѣзни, чтобы ссориться съ нимъ, и взялъ его руку.

— Вильямъ, сказалъ мистеръ Пембльчукъ слугѣ, — поставьте блины на столъ. Вотъ до чего дошло, вотъ до чего дошло!

Я съѣлъ, хмурясь, за мой завтракъ; мистеръ Пембльчукъ, стоя надъ нимъ, налилъ мнѣ чаю, прежде нежели я успѣлъ самъ прикоснуться къ чайнику, съ видомъ благодѣтеля, который рѣшился остаться вѣрнымъ до конца.

— Вильямъ, сказалъ мистеръ Пембльчукъ печально, — принесите соль. Въ счастливейшія времена, прибавилъ онъ, обра-

щаясь ко мнѣ:—кажется, вы кушали чай съ сахаромъ? Кажется, вы также кушали его съ молокомъ? Да, точно такъ. Съ сахаромъ и молокомъ. Вильямъ, подайте крессъ-салату.

— Благодарю, сказалъ я отрывисто.—Но я не ѣмъ крессъ-салата.

— Вы его не кушаете, отвѣтилъ мистеръ Пембльчукъ, вздыхая и кивая нѣсколько разъ головою, какъ будто онъ этого ожидалъ и какъ будто воздержаніе отъ крессъ-салата совершенно согласовалось съ моимъ паденіемъ.—Правда, смиренные плоды земли. Нѣтъ, Вильямъ, не подавайте крессъ-салата.

Я ѣлъ мой завтракъ, а мистеръ Пембльчукъ между тѣмъ стоялъ надъ нимъ, вперивъ въ меня свои рыбы глаза и страшно сопя, по своему обыкновенію.

— Вѣдь только кожа да кости! рассуждалъ вслухъ мистеръ Пембльчукъ. — А когда онъ отправлялся отсюда съ моими благословеніями, могу сказать, и я какъ пчела раскинулъ передъ нимъ мою смиренную трапезу, онъ былъ тогда словно наливное яблочко!

Это напомнило мнѣ также поразительное различіе между тою рабскою манерой, съ которою онъ подавалъ мнѣ тогда свою руку, говоря: «Могу ли я?» и наглымъ великодушіемъ, съ которымъ онъ теперь протягивалъ мнѣ свою жирную лапу.

— А! продолжалъ онъ, подавая мнѣ хлѣбъ съ масломъ:—такъ вы идете къ Джозефу?

— Ради Бога, сказалъ я, неволью теряя терпѣніе,—какое вамъ до того дѣло, куда я иду? Оставьте мой чайникъ въ покоѣ.

Хуже я ничего не могъ сдѣлать, потому что теперь именно открылся для него случай, котораго онъ добивался.

— Да, молодой человекъ, сказалъ онъ, выпуская изъ рукъ чайникъ и отступая на два шага отъ стола, какъ будто онъ говорилъ въ назиданіе трактирщику и слугѣ:—я оставляю этотъ чайникъ. Вы правы, молодой человекъ. Вы правы разъ въ жизни. Я забылся, принимая такое участіе въ вашемъ завтракѣ, желая возбудить здоровою пищею вашихъ праотцевъ ваше тѣло, ослабленное страшными послѣдствіями распутства. И это, сказалъ Пембльчукъ, обращаясь къ трактирщику и слугѣ, и указывая на меня:— и это тотъ, съ кѣмъ нянчился я когда-то во дни его счастливаго дѣтства. Не говорите мнѣ, что этого быть не можетъ. Я вамъ говорю, что это онъ.

Тихій ропотъ былъ отвѣтомъ обоихъ; слуга, казалось, особенно былъ разстроень.

— Его-то, сказалъ Пембльчукъ, — каталъ я въ моей одиоколкѣ. Его то, на моихъ глазъ, вскормили рукою. Его-то се-стра доводилась мнѣ по мужу племянницей, и названа была Джорджиана Марія, въ честь своей матери. Пусть онъ скажетъ, что все это неправда, если только въ состояннн сказать это.

Слуга, повидимому, былъ убѣжденъ, что я не могъ этого отвергать и что дѣло представлялось оттого еще въ худшемъ свѣтѣ.

— Молодой человекъ, сказалъ Пембльчукъ, повертывая свою голову ко мнѣ по своему старому обыкновенію, — вы идете къ Джозефу. Какое дѣло мнѣ до того, вы спрашиваете, куда вы намѣренъ идти? Я говорю вамъ, сэръ, вы идете къ Джозефу.

Слуга прикашлянулъ, какъ будто вызывая меня вывернуться изъ этого обвиненія.

— Теперь, сказалъ Пембльчукъ съ самымъ убійственнымъ видомъ совершенно убѣждающей и неопровержимой добродѣтели, — я передамъ вамъ, что вы должны сказать Джозефу. Пусть будутъ свидѣтелями сквайръ, хозяинъ «Кабана», всѣмъ извѣстный и всѣми уважаемый въ городѣ, и Вильямъ, — его отца еще звали Поткинсъ, если я не ошибаюсь.

— Совершенно такъ, сэръ, сказалъ Вильямъ.

— Въ ихъ присутствіи, молодой человекъ, продолжалъ Пембльчукъ, — я вамъ объявлю, что вы должны сказать Джозефу. Скажите ему: Джозефъ, сегодня я видѣлъ моего перваго благодѣтеля и виновника моего счастья. Я не хочу никого называть по имени, Джозефъ; но такъ слыветъ онъ въ городѣ, и я его видѣлъ сегодня.

— Кланусь, что я его не вижу здѣсь, сказалъ я.

— Скажите также, возразилъ Пембльчукъ, — что вы и это говорили, и самъ Джозефъ удивится.

— Въ этомъ вы ошибаетесь, сказалъ я, — я знаю его лучше.

— Скажите ему, продолжалъ Пембльчукъ, — Джозефъ, я видѣлъ этого человека, который не питаетъ къ вамъ злобы и не питаетъ злобы ко мнѣ. Онъ знаетъ вашъ характеръ, Джозефъ; ему хорошо извѣстно ваше ослиное упрямство и ваше невѣжество, и онъ знаетъ мой характеръ, Джозефъ, знаетъ мою неблагодарность. Да, Джозефъ, скажете вы ему (тутъ Пембльчукъ покачалъ мнѣ головою), онъ знаетъ, что у меня не

оказывается самой простой человѣческой благодарности. Онъ знаетъ это, Джозефъ, лучше всякаго. Вы этого не знаете, Джозефъ, вы не имѣли повода узнать это; но онъ это знаетъ.

Какой онъ ни былъ ослина, но меня дѣйствительно поразило, что у него достало нахальства говорить мнѣ все это въ глаза.

— Скажите ему: Джозефъ, онъ поручилъ мнѣ объявить вамъ, и я передаю теперь его слова. Въ моемъ униженіи, онъ видѣлъ перстъ Провидѣнія. Онъ узналъ этотъ перстъ, Джозефъ, когда онъ его увидѣлъ, и онъ ясно увидѣлъ его. Сей перстъ указывалъ на слѣдующее надписаніе, Джозефъ: *Воздаяніе за неблагодарность къ первому благодѣтелю и виновнику счастья*. Но этотъ человѣкъ говорилъ, что онъ не раскаивается въ томъ, что онъ сдѣлалъ, Джозефъ. Вовсе нѣтъ. Это было дѣло справедливое, дѣло доброе, дѣло благое, и онъ готовъ опять его сдѣлать.

— Жаль, сказалъ я презрительно, окончивъ завтракъ, который то и дѣло прерывался,—что этотъ человѣкъ не говоритъ, что онъ сдѣлалъ и что готовъ онъ опять сдѣлать.

— Сквайръ, хозяинъ Синяго Кафана,—Пемблчукъ обращался къ трактирщику—и вы, Вильямъ, я вамъ не запрещаю говорить всѣмъ и каждому въ городѣ, если вы это желаете, что это было дѣло справедливое, дѣло доброе, дѣло благое, и что я готовъ опять его сдѣлать.

Съ этими словами этотъ мошенникъ пожалъ имъ руки и удалился изъ трактира, оставивъ меня въ совершенномъ изумленіи. Я оставался въ гостиницѣ не долго послѣ него и выйдя на большую улицу, увидѣлъ какъ онъ ораторствовалъ въ дверяхъ своего лабаза передъ избранною группою слушателей, которые бросали на меня грозные взгляды, когда я проходилъ по противоположной сторонѣ улицы.

Но тѣмъ пріятнѣе было для меня возвращаться къ Биди и Джо, доброта которыхъ блистала передо мною еще ярче, если только можно, въ сравненіи съ мѣднымъ лбомъ этого наглаго самозванца. Я тихо приближался къ нимъ, потому что члены мои были слабы, но съ чувствомъ постепенно возрастающаго облегченія чѣмъ ближе подходилъ къ нимъ, я съ сознаніемъ, что я оставлялъ за собою все дагѣе и дагѣе наглость и ложь.

Сладокъ былъ іюньскій день; небо было голубое; жаворонки высоко вились надъ зелеными нивами. Мнѣ теперь казалась вся эта сельская сторона гораздо краше и спокойнѣе

нежели въ прежнія времена. Дорогою занимали меня многія пріятныя мечты о жизни, которую я буду здѣсь вести, о перемѣнѣ къ лучшему, которая произойдетъ въ моемъ характерѣ, когда возлѣ меня будетъ руководительница, чью простую вѣру и свѣтлый практическій умъ я уже испыталъ. Эти мечты пробудили во мнѣ нѣжныя чувства; мое возвращеніе смягчало мое сердце, и мнѣ представлялось, будто я былъ странникъ, вернувшійся на родину босикомъ, послѣ дальняго многолѣтняго путешествія.

Я не видалъ еще школы, гдѣ Биди была наставницею, но небольшая окольная тропинка, по которой я входилъ въ деревню, для избѣжанія встрѣчъ, привела меня къ ней. Мнѣ было жаль, что случился день праздничный; дѣтей тамъ не было, и домикъ Биди былъ запертъ. Я надѣялся захватить ее въ томъ дѣятельномъ исполненіи ея ежедневныхъ обязанностей, и надежда моя не сбылась.

Но кузница была уже въ близкомъ разстояніи отсюда, и я пошелъ къ ней, подъ сладостною тѣнью зеленыхъ липъ, прислушиваясь не раздаются ли удары молота Джо. Давно бы, кажется, я долженъ былъ его слышать, давно мнѣ представлялось, будто я его слышалъ; но то была игра моего воображенія, все было тихо. Липы были тутъ и бѣлый шиповникъ былъ также тутъ, и каштановыя деревья были тутъ; листья ихъ сладкозвучно шелестили, когда я остановился послушать; но лѣтній вѣтерокъ не доносилъ до меня ударовъ молота Джо.

Почти боюсь, не зная самъ почему, выйти къ кузницѣ, и наконецъ ее увидѣлъ и увидѣлъ, что она была заперта. Огонь не свѣтился въ ней, искры не падали блестящимъ градомъ, и мѣха не ревѣла; все было заперто и тихо.

Но домъ не былъ оставленъ и парадная гостиная, казалось, была занята; бѣлая занавѣска развѣвдалась въ окошкѣ, окошко было открыто, и въ немъ стояли цвѣты; я тихо подкрался къ нему, намѣреваясь взглянуть въ него черезъ цвѣты, какъ вдругъ передо мною предстали Джо и Биди, подъ руку съ нимъ.

Биди сначала закричала, какъ будто ей явилось привидѣніе; но черезъ минуту она была въ моихъ объятіяхъ. Я заплакалъ, увидя ее, она заплакала увидя меня; я, потому что она была такъ свѣжа и мила; она, потому что я былъ такъ блѣденъ и худъ.

— Милая Биди, какая вы нарядная!

— Да, милый Пипъ.

— И вы, Джо, какой вы нарядный!

— Да, мой милый, старый Пипъ, старый дружище.

Я смотрѣлъ на нихъ обоихъ, то на одного, то на другую, и...

— Сегодня моя свадьба, закричала Биди, въ восторгѣ, — я вышла замужъ, за Джо.

Они провели меня въ кухню; и я опустилъ мою голову на старый сосновой столъ. Биди приложила мою руку къ своимъ губамъ, и я чувствовалъ на моемъ плечѣ живительное прикосновеніе Джо.

— Онъ еще не совсѣмъ окрѣпъ, моя милая, чтобы выдержать такую нечаянность, сказалъ Джо.

И Биди отвѣтила:

— Мнѣ слѣдовало бы подумать объ этомъ, любезный Джо; но я такъ была счастлива!

Оба они были очень рады увидѣть меня, очень были тронуты моимъ возвращеніемъ; оба были въ восторгѣ, что случай привелъ меня къ нимъ, какъ бы для довершенія ихъ праздника.

Первою мыслию моею была глубокая благодарность, что я ни однимъ словомъ не намекнулъ Джо на мою послѣднюю, не сбывшуюся надежду. Какъ часто это слово было у меня на языкѣ, когда онъ находился со мною во время моей болѣзни. Какъ непремѣнно онъ узналъ бы объ этомъ, останься онъ со мною одинъ лишній часъ!

— Милая Биди, сказалъ я, — лучше вашего мужа нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, и еслибы вы видѣли его у моей постели, то вы бы... Но нѣтъ, вы не могли бы любить его болѣе.

— Право, не могла бы, сказала Биди.

— И также, любезный Джо, лучше жены вашей не найдешь на цѣломъ свѣтѣ; она васъ сдѣлаетъ счастливымъ, какъ вы заслуживаете, милый, добрый, благородный Джо!

Джо посмотрѣлъ на меня, губа у него задрожала, и онъ закрылъ рукавомъ глаза.

— Джо и Биди, вы были сегодня въ церкви и должны чувствовать милосердіе и любовь ко всему человѣчеству; примите же мою смиренную благодарность за все, что вы для меня сдѣлали, и за что я такъ худо заплатилъ вамъ. Черезъ часъ я уйду отъ васъ и скоро потомъ отправлюсь на чужую сторону; я не успокоюсь, пока не заработаю деньги, которыми вы избавили меня отъ тюрьмы и пришлю вамъ ихъ; но не

думайте, милые Джо и Биди, что я стану считать этот долг уплаченнымъ, хотя бы я заплатилъ вамъ въ тысячу разъ болѣе!

Оба они были растроганы моими словами, и просили чтобъ я не продолжалъ объ этомъ.

— Но я долженъ сказать вамъ еще болѣе, милый Джо; я надѣюсь, у васъ будутъ дѣти, и какой-нибудь мальчуганъ будетъ сидѣть себѣ въ углу у камня, въ зимніе вечера, и онъ вамъ напомнитъ другаго мальчугана, навсегда оставившаго васъ. Не говорите ему, Джо, что я былъ не благодаренъ, не говорите ему, Биди, что я былъ не великодушенъ и не справедливъ. Скажите ему только, что я уважалъ васъ обоихъ, потому что вы были такъ добры, такъ истинны, и что я желалъ, чтобъ онъ вышелъ получше чѣмъ вышелъ я.

— Ничего такого я не стану говорить ему, Пипъ, сказалъ Джо, изъ-за своего рукава. — И Биди ничего ему такого не скажетъ.

— Теперь, хотя я знаю, что вы уже сдѣлали это въ нашемъ сердцѣ, прошу васъ скажите мнѣ оба, что вы прощаете меня! Прошу васъ, дайте мнѣ услышать отъ васъ это слово, чтобы я могъ унести съ собою звукъ его, и тогда я повѣрю, что вы не станете болѣе сомнѣваться во мнѣ на будущее время, и станете лучше обо мнѣ думать!

— О, милый старый Пипъ, старый дружище! сказалъ Джо. — Богъ свидѣтель, что я васъ прощаю, если мнѣ есть въ чемъ простить васъ.

— Аминь! И Богъ свидѣтель, что и я прощаю! отозвалась Биди.

— Теперь дайте мнѣ пойти взглянуть на мою старую горенку и оставьте меня тамъ одного отдохнуть нѣсколько минутъ; а потомъ, когда я пообѣдаю съ вами, проводите меня до веретоваго столба, милые мои Джо и Биди, и тамъ мы разстанемся!

Я продалъ все, что у меня было и отложилъ въ сторону сколько могъ для сдѣлки съ моими кредиторами, которые дали мнѣ вдоволь времени для уплаты моихъ долговъ сполна. Черезъ мѣсяцъ я оставилъ Англiю; черезъ два мѣсяца я сдѣлался прикащикомъ Кларикера и К^о, и черезъ четыре мѣсяца я въ первый разъ принялъ на себя полную отвѣтственность.

Потолочныя бадки столовой на Берегу Мельничнаго Пруда не дрожали болѣе отъ рева Била Барле; Гербертъ убѣхалъ жениться; и я остался одинъ въ восточной отрасли нашего дома до его возвращенія.

Много лѣтъ прошло, прежде нежели я сдѣлался партнеромъ въ нашей фирмѣ; но я жилъ счастливо съ Гербертомъ и его женою, и жилъ умѣренно; расплачивался съ моими долгами, и былъ въ постоянной перепискѣ съ Биди и Джо. Только когда я сдѣлался третьимъ компаніономъ въ фирмѣ, Кларикеръ выдалъ меня Герберту; но онъ сказалъ тогда, что тайна компаніонства Герберта уже довольно долго лежала у него на совѣсти, и онъ долженъ высказаться. Итакъ онъ разказалъ ее, и Гербертъ былъ удивленъ и глубоко тронутъ; но наша дружба не уменьшилась отъ этого. Вы не должны думать, однако же, чтобы наша фирма сдѣлалась когда-нибудь колоссальною, и что мы золото загребали лопатами. Мы не дѣлали огромныхъ дѣлъ; но у насъ было хорошее имя; мы работали; получали себѣ барыши и преуспѣвали. Мы такъ много были обязаны трудолюбію и рвенію Герберта, что я часто удивлялся, какъ могла придти мнѣ въ голову прежняя мысль о его неспособности; но послѣ короткаго размышленія, я пришелъ къ тому заключенію, что можетъ-быть не способный-то былъ я, а не онъ.

LIX.

Въ продолженіи одиннадцати лѣтъ я не видалъ Джо и Биди, хотя она представлялась постоянно моему воображенію въ мое пребываніе на Востокѣ. Въ одинъ вечеръ, въ декабрѣ, часъ или два послѣ сумерекъ, тихо прикоснулся я къ задвижкѣ двери старой кухни. Я такъ тихо повернулъ ее, что меня не слышали, и заглянулъ въ дверь не замѣченный никѣмъ. На своемъ мѣстѣ, у кухоннаго огня, сидѣлъ Джо, здоровый и крѣпкій, но слегка посѣдѣвшій, и курялъ, и тутъ же въ уголкѣ, на моемъ старомъ табуретѣ, сидѣлъ, загороженный ногою Джо и смотрѣлъ на огонь—новый я!

— Въ честь вашу, милый старый дружище, мы ему дали имя Пицъ, сказалъ Джо, очень довольный, когда я занялъ другой табуретъ рядомъ съ ребенкомъ (но я не ерошилъ

его волосъ), и мы надѣялись, что онъ будетъ похожъ на васъ; да кажется и есть маленькое сходство.

Мнѣ это самому казалось, а на слѣдующее утро я пошелъ съ нимъ гулять; мы говорили очень много, и понимали другъ друга въ совершенствѣ. Я взялъ его съ собою на кладбище и посадилъ на надгробный камень, и показалъ ему съ него другой камень, посвященный памяти Филиппа Пирипа, жившаго въ семь приходѣ и также Джорджіаны, жены вышеупомянутаго.

— Биди, сказалъ я, когда мы разговаривали съ нею послѣ обѣда, и она указывала свою дѣвочку на колѣнахъ,—вы должны уступить мнѣ Пипа, или по крайней мѣрѣ отдать его мнѣ на время.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала Биди нѣжно.—Вы должны жениться.

— И Гербертъ и Клара говорятъ то же самое; но я не думаю, чтобъ я когда-нибудь женился, Биди. Я такъ ужился въ ихъ домѣ, что мнѣ это кажется невѣроятнымъ. Я совсѣмъ сталъ старымъ холостякомъ.

Биди посмотрѣла на свою малютку, приложила ея ручку къ своимъ губамъ, и потомъ взяла меня за руку своею доброю материнскою рукою, которою она только что прикоснулась къ своему ребенку. Въ этомъ движеніи, въ этомъ легкомъ пожатіи обручальнаго кольца Биди, было сладкое для меня краснорѣчіе.

— Милый Пипъ, сказала Биди,—увѣрены ли вы, что вы не тоскуете по ней?

— Нѣтъ, не думаю, Биди.

— Скажите мнѣ, какъ вашему старому, старому другу. Совершенно ли вы ее забыли?

— Милая моя Биди, я ничего не забылъ въ моей жизни, что занимало въ ней первое мѣсто, и очень не многое, что вообще случалось въ ней. Но это жалкая мечта, какъ называлъ я ее прежде, уже разсѣялась, Биди, да, она разсѣялась!

И несмотря на это, даже говоря эти слова, я очень хорошо зналъ, что я былъ намѣренъ посѣтить старое мѣсто въ этотъ же вечеръ, ради ея. Да, ради Эстеллы.

Я слышалъ о ней,—жизнь ея была несчастная; она разошлась съ своимъ мужемъ, который жестоко обращался съ ней и почти прославился своею надменностію, скупостію, подлостію и звѣрствомъ. Я слышалъ и о смерти ея мужа; его убила лошадь, не выдержавшая худаго съ нею обращенія. Это слу-

чилось года два передъ этимъ; и, почему знать, можетъ-быть она вторично вышла замужъ.

Послѣ ранняго обѣда Джо, я еще имѣлъ вдоболъ времени сходить засвѣтло, не спѣша моею бесѣдою съ Биди, на старое мѣсто. Но, останавливаясь дорогою, чтобы посмотреть на старые предметы и помечтать о прежнемъ времени, я пришелъ туда, когда уже совсѣмъ за вечерѣло.

Дома уже не было теперь, не было и пивоварни, не осталось никакихъ слѣдовъ строенія, кромѣ стѣны стараго сада. Расчищенное мѣсто было огорожено простымъ плетнемъ и, заглянувъ черезъ него, я увидѣлъ, старый плющъ опять пустилъ мѣстами свѣжіе корни и зеленѣлъ на спокойныхъ бугоркахъ, оставшихся послѣ разрушенія. Калитка въ плетнѣ была полуотворена; я толкнулъ ее, и вошелъ.

Холоднымъ, серебристымъ туманомъ покрылся склонившійся день, и еще не показался мѣсяцъ, который долженъ былъ разогнать его. Но звѣзды сіяли надъ туманомъ; мѣсяцъ подымался, и вечеръ не былъ темный... Я могъ прослѣдить, гдѣ стояла прежде каждая часть стараго дома, гдѣ была пивоварня, гдѣ были ворота и ряды боченковъ; меня занимало это теперь, и я смотрѣлъ на опустѣлую дорожку сада, когда я замѣтилъ на ней одинокую фигуру.

Фигура эта, казалось, замѣтила меня, когда я приближался. Она подвинулась ко мнѣ и остановилась. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что это была фигура женщины. Я подошелъ еще ближе; она было хотѣла вернуться назадъ, но вдругъ остановилась и дала мнѣ подойти къ себѣ. Потомъ она вдрогнула, какъ будто отъ удивленія, и произнесла мое имя; я вскричалъ:

— Эстелла!

— Я очень перемѣнилась; удивляюсь, какъ вы узнали меня.

Да, дѣйствительно, свѣжесть ея красоты миновала; но невыразимое величіе, невыразимая прелесть ея осталась. Обаяніе ея красоты было мнѣ уже знакомо; но чего я не видѣлъ прежде, это нѣжнаго свѣта печали, которымъ сіяли теперь нѣкогда гордые глаза; чего я никогда не чувствовалъ прежде, это дружескаго прикосновенія нѣкогда безчувственной руки.

Мы сѣли на ближнюю скамейку, и я сказалъ.

— Странно, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, мы опять встрѣ-

тились, Эстелла, здѣсь, на мѣстѣ нашей первой встрѣчи! Часто вы прѣзжаете сюда?

— Я здѣсь ни была ни разу съ тѣхъ поръ.

— Я также.

Мѣсяць подымался, и я подумалъ о томъ памятномъ мнѣ спокойномъ взглядѣ, устремленномъ на бѣлый потолокъ и померкшемъ навсегда. Мѣсяць подымался; и я подумалъ ожатіи его руки, когда я проговорилъ послѣднія слова, слышанныя имъ на землѣ.

Эстелла первая прервала наступившее молчаніе.

— Я часто собиралась побывать сюда, но меня останавливали разные обстоятельства. Бѣдное, бѣдное старое мѣсто!

Лучи мѣсяца коенулись серебристаго тумана и засверкали въ слезахъ, катившихся изъ ея глазъ.

Не зная, что я видѣлъ ихъ и стараясь удержаться, она сказала спокойно:

— Вы, вѣроятно, удивлялись гуляя здѣсь, отчего это мѣсто такъ запущено?

— Да, Эстелла.

— Земля принадлежитъ мнѣ. Это единственное достояніе, еще оставшееся у меня. Все ушло мало-по-малу; но его я удержала. Эта была одна только вещь, которую я рѣшилась отстоять въ мою несчастную жизнь.

— Будетъ оно застроено?

— Да, наконецъ-то. Я пришла проститься съ нимъ передъ переменною. А, вы сказала она голосомъ, исполненнымъ участія къ страннику,—вы все еще живете за границую?

— Да.

— И я увѣрена, дѣла идутъ у васъ хорошо?

— Я довольно сильно работаю для моего насущнаго хлѣба, и дѣла мои—да, пожалуй, идутъ хорошо.

— Я часто думала о васъ, сказала Эстелла.

— Право?

— Въ послѣднее время очень часто. Долго тянулось тяжелое время, пока я отъ себя отдаляла воспоминаніе о томъ, что я отвергла, не понимая еще его цѣны. Но когда воспоминаніе это не было противно долге моему долгу, я опять дала ему мѣсто въ моемъ сердцѣ.

— Вы всегда занимали ваше мѣсто въ моемъ сердцѣ, отвѣчалъ я, и мы опять замолкли. Она заговорила первая.

— Я не думала, сказала Эстелла,—что прощаясь съ этимъ мѣстомъ, я прощусь также съ вами. Я очень рада, что это такъ случилось.

— Рады новому разставанью, Эстелла? Для меня разлука тягостна. Для меня воспоминаніе о нашемъ послѣднемъ разставаньи было всегда горестно и тягостно.

— Но вы мнѣ сказали, отвѣтила Эстелла очень серьезно:— Богъ благословитъ васъ, Богъ проститъ вамъ, и если вы могли сказать это мнѣ тогда, то вы не затруднитесь сказать мнѣ это и теперь—теперь, когда несчастье было для меня лучшею школою и научило меня понимать, что такое было дѣйствительно ваше сердце. Меня укротили, меня сломили, и, я надѣюсь, я передвладась къ лучшему. Будьте также сострадательны, также добры ко мнѣ, какъ вы были прежде, и скажите, что мы остаемся друзьями.

— Мы останемся друзьями, сказалъ я, подымаясь и наклоняясь къ ней, когда она встала съ скамейки.

— И будемъ друзьями разставшись, сказала Эстелла.

Я взялъ ее за руку, и мы вышли изъ пустыннаго мѣста; и какъ нѣкогда, давно тому назадъ, утренніе туманы подымались, когда я впервые оставилъ кузницу, такъ и теперь подымался передо мною вечерній туманъ; но въ этомъ широкомъ и тихомъ сіяніи мѣсяца я не видалъ уже тѣни разставанія съ нею.

ЗАМѢТКА.

(Изъ собранія стихотвореній: „На дорожъ и дома“.)

Свободой дорожу, но не свободой вашей,
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей,
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять.

Есть благородная и чистая свобода,
Возвышенной души сокровище и страсть,
Святыня,—не попречь ея судьбы невзгода,
Враждѣ людей—ея твердыни не потрясъ.

Она любовь и жирь, и благодать, и сила,
Духовной воли въ ней зачатокъ и залогъ;
Я ей не измѣнялъ, и мнѣ не измѣнила
Она: и сторожитъ домашній мой порогъ.

Я пребылъ вѣренъ ей подъ солнцемъ и подъ гучей,
Мнѣ внутренней броней она всегда была
Не падалъ духомъ я во слѣдъ звѣздъ падучей.
При восходящей, я не возносилъ чсла.

Кто рабствуешь страстямъ, тотъ въ рабствѣ безнадежномъ.
Свободу дай ему,—онъ тогъ же будетъ рабъ;
Дай власть ему—въ чаду болѣзненно-матежномъ,
Въ могущество самою, онъ малодушно слабъ.

Онъ недовѣрчивъ, онъ завистливъ, преданъ страху;
Дамокловъ мечъ всегда скользитъ по головѣ:
Душой свободенъ былъ Шенье, всходя на плаху,
А Робеспьеръ былъ рабъ въ кровавомъ торжествѣ.

Подъ злобой записной къ отличіямъ и къ роду.
 Желчь хворой зависти скрывается подчасъ;
 И то, что выдаютъ за гордую свободу,
 Есть часто ненависть къ тому, кто выше насъ.

Есть древняя вражда: къ каретамъ—пѣшехода,
 Лѣнливой нищеты—къ богатому труду,
 Къ барону Штиглицу—того, кто безъ дохода,
 Иль обвиненнаго—къ законному суду.

Смѣшонъ сей новый Гракхъ республики журнальной,
 Который отъ чиновъ не прочь (но прочь они),
 Когда начнетъ косить косою либеральной
 Заслуги, родъ и честь и все, что имъ средни.

На всѣхъ сверкаетъ онъ молніеноснымъ глазомъ,
 И чгобъ вѣрнѣй любовь къ свободѣ доказать,
 Онъ силится смотрѣть свирѣпымъ дикобразомъ
 И съ пѣной на губахъ зубами скрежетать.

Забавный мученикъ! Бѣдняжкѣ неизвѣстно,
 Что можно во сто разъ простѣй свободнымъ быть,
 И мнѣнья своего и убѣжденій честно
 Держаться,—а людей, пугая, не смѣшить.

Любимый гость двора подъ царскосельской тѣнью,
 Въ державномъ обществѣ мудрецъ и гражданинъ,
 Покорный одному сердечному влеченію,
 Твердъ и свободенъ былъ правдивый Карамзинъ.

Жуковский во дворцѣ былъ отрокомъ Бѣлева.
 Онъ вѣру, и мечты, и кротость сохранилъ,
 И дѣвственной души онъ ни лукавствомъ слова,
 Ни тѣнью трусости, дѣтя, не присгылдѣлъ.

Свободенъ тотъ одинъ, кто умирилъ желанья,
 Кто свѣтелъ и душой, и помысленьемъ чистъ,
 Кого не оболстятъ толпы рукоплесканья,
 Кого не уязвитъ нахальной черни свистъ.

Нелѣпнымъ равенствомъ онъ вышихъ не унижитъ,
 Но, въ предназначенной отъ Промысла борьбѣ,
 Посредникъ, онъ бойцовъ любовнымъ словомъ сблизитъ
 И скажетъ старшему: «и младшій—братъ тебѣ.»

Князь Вяземскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

В. Н. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи, первой половины прошедшаго столѣтія. Сочиненіе Николая Попова. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Москва 1861. Т. 8. Стр. 803.

Русская Исторія, написанная Татищевымъ, пользовалась при его жизни и нѣсколько времени послѣ его смерти большою извѣстностью и вмѣстѣ съ тѣмъ репутаціей творенія, исполненнаго вольнодумства. Этому способствовала преимущественно склонность автора осуждать притязанія духовенства на власть, стремленія его къ обогащенію и укоренившіеся въ немъ пороки. Понятно, что при Елизаветѣ, которая съ особеннымъ усердіемъ покровительствовала этому сословію, *Исторія* Татищева не могла быть обнародована. Но при Екатеринѣ, послѣ отобранія въ казну монастырскихъ и церковныхъ имѣній, послѣ заточенія Арсенія Мацѣвича, не могло уже быть подобныхъ соображеній, и Миллеръ, по повелѣнію императрицы, приступилъ къ изданію *Исторіи* Татищева, которой четыре тома и были напечатаны съ 1768 по 1784 годъ. Однако предубѣжденія противъ нея были еще такъ сильны, что Миллеръ долженъ былъ исключить нѣкоторыя сужденія автора (*Исторія Россіи* Татищева 1774, кн. 3, предисл., стр. 2). Тѣмъ не менѣе, трудъ Татищева явился на оцѣнку всѣхъ и каждаго. До тѣхъ же поръ одни любители могли имѣть исторію Татищева въ рукописяхъ, и онъ былъ «оракуломъ всѣхъ читателей лѣтописей» (*Несторъ* Шлецера, пер. Языкова, 1809, ч. I, стр. рма).

Для многихъ читателей Татищевъ оставался долгое время авторитетомъ. Они уважали его не только какъ составителя хорошаго свода лѣтописей, чѣмъ собственно и должна была бы называться книга Татищева, но вѣрили даже тѣмъ его показаніямъ, которыя очевидно должны были подрывать кредитъ автора. Извѣстно, что главное обвиненіе на него заключается въ упрекахъ за распространеніе басенъ, заимствованныхъ изъ Іоакимовской лѣтописи, писанной будто бы еще въ X вѣкѣ. Татищевъ утверждалъ, что въ 1748 году архимандритъ Мельхиседекъ Борщовъ доставилъ ему три тетради, заключающія въ себѣ отрывокъ изъ этой лѣтописи, авторъ которой Іоакимъ былъ первымъ епископомъ въ Новгородѣ, куда былъ присланъ изъ Кіева въ 992 году. Мельхиседекъ увѣрялъ иногда, что списалъ лѣтопись въ Сибирѣ;

иногда, что получилъ тетради отъ какого-то монаха Веніамина и т. д. По смерти его, Татищевъ не могъ отыскать продолженіе рукописи и объявилъ, что имя монаха вымышленное, «для закрытія», что письмо присланныхъ тетрадей «новое и худое» и пр. (*Исторія Россіи* Татищева, 1768, кн. 1, стр. 29 — 51). Все это заставило положительно думать, что лѣтопись, никому, ни прежде ни послѣ того времени не бывшая известною, была подложною. Но Татищевъ считалъ ее важнѣйшимъ документомъ, и всѣ показанія Іоакима, противорѣчащія Несторовымъ, уважалъ болѣе послѣднихъ, несмотря на то, что сказаніе Нестора признано достовѣрнѣйшимъ памятникомъ древней исторіи Сѣвера.

Монософовъ, даже Эминъ, не сочли за нужное упомянуть о Іоакимовской лѣтописи. Щербатовъ опровергалъ ее существованіе. Издатель Татищева, Миллеръ, выразилъ свое недоверіе къ ея подлинности (*Россійская Исторія* Татищева, 1768, ч. 1, пред. стр. 2). Но Болтинъ былъ въ числѣ вѣрующихъ въ нее, что и не разъ показавъ въ своихъ историческихъ трудахъ и основалъ на ней примѣчанія къ *Историческому представленію изъ жизни Рюрика* (1792), написанному Екатериною. Сама Екатерина внесла сказанія Іоакима не только въ эту піесу, но и въ свои *Записки касательно Русской Исторіи*. Фелькнеръ, переведя на итальянскій языкъ драму Екатерины, объявилъ въ предисловіи, что Крекшинъ нашелъ уже послѣ смерти Татищева древнюю рукопись Іоакимовой лѣтописи. Это было подтверждено и Елагинимъ. Но Крекшинъ былъ уже тогда покойникомъ, и ни одинъ экземпляръ этой рукописи не могъ быть отысканъ. Авторитетъ Шлецера сильнѣе всего поколебалъ вѣру въ существованіе и достовѣрность Іоакимова сказанія. Онъ объявилъ, что отъ доказательствъ Фелькнера «можно испугаться», а лѣтопись назвалъ «глупостью» и «пустою выдумкой какого-нибудь монаха» (*Несторъ*, Шлецера, пер. Языкова, 1809, ч. 1, стр. 20 и 21.) Несмотря на то, нѣкоторые любители исторіи, хотя не защищая уже подлинности Іоакимовой лѣтописи, не рѣшались однако признавать свѣдѣнія, ею сообщаемыя, за совершенный вымыселъ. Такъ думалъ между прочимъ Брусиловъ (*Вѣстникъ Европы* 1811, № 4, стр. 296). Карамзинъ на первой страницѣ своей *Исторіи* назвалъ Іоакима «мнимымъ древнѣйшимъ лѣтописцемъ», а разказъ Татищева «шуткою». Съ тѣхъ поръ уже мало занимались этимъ вопросомъ и о самомъ Татищевѣ вновь почти уже не заходило рѣчи. Только въ 1848 году Общество Исторіи и Древностей напечатало, какъ матеріалъ, незаданный еще 5 томъ *Исторіи* Татищева, гдѣ повѣствуются событія съ 1462 по 1584 годъ, по рукописи, найденной М. П. Погодинимъ.

Долгое время имя Татищева уважалось только какъ имя чело-

вѣка, составившаго хорошій сводъ лѣтописей, заслужившій даже похвалу строгаго Шлецера. Одни библиографы помнили другіе труды его: *Лексиконъ Россійскій*, *Защитаніе сына*; знали, что онъ много трудился надъ другими сборниками и произведеніями. Но въ послѣднее время число любителей старины увеличилось, разработка и обнародованіе разныхъ матеріаловъ приняли болѣе обширные размѣры, и въ числѣ ихъ особенное вниманіе обратили на себя записки Татищева, сочиненныя имъ во время борьбы поднятой дворянствомъ и гвардіей противъ верховнаго тайнаго совѣта въ началѣ 1730 года. (*Утро*, 1859, стр. 369).

Личность Татищева всегда очень интересовала пишущаго эти строки. Мы вслѣски старались по возможности познакомиться съ его характеромъ и дѣятельностію, на которыхъ, несмотря на скудость матеріаловъ, видна печать необыкновенной оригинальности. Татищевъ, ученикъ Петра, переносящій вынесенные изъ его школы приемы и воззрѣнія на служебное поприще, при обстоятельствахъ, уже перемѣнившихся по смерти учителя, былъ по преимуществу натура живая, пытливая, которая высказывала себя вездѣ и не могла нигдѣ ограничиться ролью участника въ общемъ хорѣ, не заявляя своего независимаго и оригинальнаго голоса. Въ то время, какъ взяточники, которыми наполнились всѣ суда и административныя мѣста, подвергались безмолвно ударамъ Петровой дубинки и даже истязаніямъ и смерти рукой палача, Татищевъ озадачиваетъ царя разсужденіями о законности подарковъ за понесенные труды, и избѣгаетъ наказанія. Не имѣя еще голоса въ дѣлахъ государственныхъ, не высказавшись всенародно какъ писатель, онъ уже добивается чести нажить себѣ враговъ за свой образъ мыслей, быть оклеветаннымъ передъ Петромъ, и знакомится съ его дубинкой за свое вольнодумство. Онъ не боится ссориться съ сильными міра сего, надѣясь на себя. По специальности своей службы, онъ не ограничивается однимъ исполненіемъ обязанностей, но хлопочетъ о томъ, чтобъ обобщить улучшенія по цѣлой отрасли управленія, знакомится съ новѣйшими успѣхами горнаго дѣла, и связываетъ свою службу съ занатіями географіей и исторіей Россіи. Въ то время, какъ знатные и богатые люди: Черкасскій, Трубецкой, Солтыковъ, Юсуповъ и пр., оспариваютъ у Долгорукихъ и Голицыныхъ самовольный захватъ власти, Татищевъ не довольствуется, подобно другимъ, второстепеннымъ по своему положенію лицамъ, подписью чужихъ записокъ противъ образа дѣйствій верховниковъ, которыхъ побавлялось не только Остерманъ, но и Головкинъ и Черкасскій. Онъ самъ сочиняетъ контръ-проектъ, внося въ него важныя историческія свидѣтельства, разѣзжаетъ ночью къ Барятинскому, Черкасскому, Трубецкому, по возмож-

ности соглашаетъ между собой несогласныхъ, собираетъ под-писи, и въ знаменательный день 25 февраля 1730 года самъ чи-таетъ передъ Анной Іоанновной извѣстное прошеніе на верховни-ковъ, написанное Кантеміромъ. Далѣе Татищевъ навлекаетъ на себя страшное неблаговоленіе Бирона, наживаетъ враговъ, ссо-рится, не разъ подвергается суду, и все-таки его держать на службѣ, въ которой онъ такъ полезенъ. При Елизаветѣ, не при-надлежа ни къ родству Скавронскихъ, ни къ поколѣнію но-выхъ любимцевъ счастья, какъ Разумовскіе, Воронцовы, Шува-ловы и пр., ни къ кругу людей, уже заслуженныхъ при Петрѣ, а потому высканныхъ милостью его дочери, какъ Румянцевъ, Чернышевъ, Ушаковъ и т. п., Татищевъ остается на второмъ планѣ. Но и тутъ служебной его дѣятельности суждено разви-ваться на поприщѣ важномъ и любопытномъ, хотя и не бросаю-щемся въ глаза блескомъ, сопряженнымъ съ службой дипломата при европейскихъ державахъ, военачальника въ сраженіяхъ съ европейскими войсками, или знатнаго придворнаго на пирахъ и среди интригъ петербургскаго двора. Послѣ оренбургской эк-спедиціи и сибирскихъ горныхъ заводовъ и возни съ Башкир-цами, ему приходится управлять Астраханью, имѣть дѣло съ без-прерывно-волнующимися Калмыками, хлопотать о порядкѣ на Волгѣ и на Кубани, сноситься съ безпокойными сосѣдями Россіи отъ степей средней Азіи до границъ персидскихъ, словомъ—вести ту темную работу, которая однако много содѣйствовала исполненію одного изъ важнѣйшихъ призваній Россіи: колониза-ціи и водворенію порядка въ восточныхъ краяхъ, сопредѣльныхъ ей, и которые до сихъ поръ въ точности съ нею не разграни-чены. Наконецъ Татищевъ выходитъ въ отставку и проводитъ послѣдніе годы своей жизни въ обработкѣ матеріаловъ, собран-ныхъ имъ тщательно для трудовъ историческихъ и географиче-скихъ, которыми занимался усердно болѣе двадцати пяти лѣтъ. Ученикъ славнаго Брюса, сблизившійся потомъ съ просвѣщен-нымъ вельможей, княземъ Д. М. Голицынымъ и другими образо-ванными людьми того времени, оказывался постоянно достой-нымъ такихъ почтенныхъ пріязненныхъ связей. Безъ предше-ственниковъ, при помощи однихъ собственныхъ изученій и скопленныхъ своими руками матеріаловъ, совершаетъ онъ об-ширные труды, не потерявшіе извѣстной доли цѣны даже теперь, по прошествіи цѣлаго вѣка, въ продолженіе котораго пользовались ими болѣе счастливые послѣдователи его. Самая смерть Тати-щева очень оригинальна по своимъ обстоятельствамъ, и свидѣ-тельствуетъ о его религіозности, доказывая, что обвиненія его въ вольнодумствѣ были только слѣпымъ или пристрастнымъ при-говоромъ тѣхъ, кто не могъ терпѣть его убѣжденій, противныхъ

исключительной обрядности и недостаткамъ церковнаго управленія въ его время. Голосу Татищева суждено было раздаться даже изъ-за могилы: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти было напечатано его завѣщаніе сыну, драгоценное какъ изображеніе его личности, какъ сводъ убѣжденій, вынесенныхъ однимъ изъ лучшихъ людей своего вѣка изъ опытовъ жизни, исполненной разнообразной дѣятельности и непрерывныхъ тревогъ.

Ученые труды Татищева, его исторія и изданія памятниковъ стариннаго нашего законодательства, не были сухими работами, въ которыхъ могутъ найти пищу одни спеціалисты. Примѣчанія и объясненія Татищева, по преимуществу практическія, представляютъ читателю любопытныя данныя о взглядахъ его на законодательство, администрацію и пр. Они подтверждаются разказами о разнороднѣйшихъ случаяхъ собственной его служебной карьеры, особенно изъ числа бывшихъ во времена Петра, который самъ выводится на сцену очевидцемъ описываемыхъ событій. Во всѣхъ этихъ трудахъ, относящихся до предметовъ, принадлежащихъ къ области давно-прошедшаго, безпрестанно выступаетъ живая современная личность, пытливая и слѣдящая за всѣмъ, что кажется ей достойнымъ вниманія. Даже сомнительное и необъясненное появленіе у Татищева отрывковъ изъ мнимой Іоакимовой лѣтописи отличается характеромъ какой-то оригинальности и свидѣтельствуетъ, если не въ пользу способности его къ исторической критикѣ, то въ пользу его желанія подробнѣе разъяснить первоначальную исторію Руси, и доказываетъ его любознательность и трудолюбіе въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ. Надобно же, чтобъ эта лѣтопись была приведена именно Татищевымъ, этимъ неутомимымъ искателемъ всего любопытнаго и мало-извѣстнаго! Онъ предчувствовалъ какъ бы безсознательно важность статистики и этнографіи прежде чѣмъ создались эти науки и когда у насъ мало кто понималъ пользу свѣдѣній, имъ собиравшихся; онъ цѣнилъ важность сводовъ лѣтописей гораздо ранѣе чѣмъ появились у насъ первая попытки историческихъ трудовъ. Во всѣ работы свои вносилъ онъ элементъ живой, доказывающей, что бы могъ онъ совершить въ болѣе благоприятную эпоху, при другихъ обстоятельствахъ, еслибъ онъ имѣлъ досугъ предаться весь ученымъ трудамъ и воспользоваться научными пособіями, которыя дали бы систематическіе приемы и стройность его изслѣдованіямъ.

Сказаннаго нами, кажется, довольно для того, чтобъ объяснить симпатію нашу къ Татищеву. Нечего говорить послѣ всего этого, что мы приветствуемъ отъ души книгу г. Попова и отдаемъ полную справедливость такту, побудившему его избрать жизнь

и труды такого замѣчательнаго человека предметами своей магистерской диссертациі.

Книга г. Попова замѣчательна не только по выбору предмета, но и по достоинствамъ, доказывающимъ трудолюбіе и дарованіе автора. Г. Поповъ отыскалъ, сличилъ и изучилъ тщательно всѣ документы, печатные и рукописные, которые были доступны его любознательности, и очень искусно сгруппировалъ ихъ въ VIII главахъ, принявъ за основаніе такого дѣленія разныя эпохи поприща Татищева или роды его дѣятельности.

Въ первой главѣ Татищевъ является питомцемъ школы Петра и начинаетъ свое служеніе рядовымъ дѣятелемъ эпохи преобразования, ѣздитъ за границу и начинаетъ трудиться по горному и монетному дѣлу, которое будетъ главнымъ занятіемъ многихъ лѣтъ его служебной карьеры.

Во второй главѣ описанъ переворотъ 1730 года и участіе въ немъ Татищева.

Третья глава посвящена разказу объ управленіи Татищевымъ сибирскими горными заводами и оренбургскою экспедиціей.

Глава четвертая заключаетъ въ себѣ взглядъ на общественныя отношенія Татищева и личную его характеристику.

Къ пятой главѣ отнесены труды Татищева по калмыцкой комиссіи, порученной ему послѣ паденія Бирона.

Шестая глава разказываетъ объ управленіи Татищева Астраханскою губерніей.

Въ седьмой главѣ помѣщенъ разборъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ Татищева.

Въ осьмой главѣ разказаны вкратцѣ послѣдніе годы жизни Татищева въ отставку и кончина его.

Трудъ г. Попова снабженъ учеными примѣчаніями (числомъ 208) и 19-ю номерами приложений, въ числѣ которыхъ напечатаны нѣкоторые не изданные прежде документы.

Не всѣ названныя нами рубрики разработаны г. Поповымъ одинаково подробно. Особенною полнотой отличаются главы III, V и VI, въ которыхъ говорится о служебной дѣятельности Татищева. Скажемъ прежде всего, что такая несоразмѣрность частей происходитъ не отъ вины автора, но отъ числа и достоинства бывшихъ въ его распоряженіи матеріаловъ, которыхъ большая часть взята изъ официальныхъ дѣлъ и изданій, естественнымъ образомъ относящихся до служебной карьеры Татищева. Г. Поповъ сдѣлалъ все, что только могъ: онъ воспользовался документами Московскаго Архива, Академіи Наукъ, собраніями книгъ и рукописей Публичной Библіотеки, Румянцовскаго музея, не говоря уже о свѣдѣніяхъ, заключающихся въ книжкахъ *Горнаго Журнала* и другихъ ученыхъ изданіяхъ. Онъ самъ при-

знается, что трудъ его не имѣетъ той полноты, которую онъ желалъ бы придать ему, и сожалѣетъ, что архивы Екатеринбургa, Оренбурга, Ставрополя, Астрахани, бумаги по суднымъ комиссіямъ надъ Татищевымъ, переписка его съ академіей не могли сдѣлаться ему извѣстными. Г. Поповъ не могъ даже найти *Разговора о пользѣ наукъ*, написаннаго Татищевымъ и, по свидѣтельству Соликова, напечатаннаго. Принимая въ соображеніе такіе пробѣлы, мы еще болѣе цѣнимъ трудъ г. Попова, умѣвшаго составить интересную монографію, которую можно смѣло рекомендовать читателямъ. Они найдутъ въ ней живой и обстоятельный очеркъ дѣлъ нашихъ въ отдаленныхъ краяхъ Россіи и сношеній съ нашими сосѣдями, въ эпоху любопытную, свѣдѣнія о дѣлахъ важныхъ и еще очень мало извѣстныхъ. Оцѣнка ученыхъ и литературныхъ трудовъ Татищева составляетъ VII главу сочиненія г. Попова. Въ основаніе ея положена справедливая мысль, что Татищевъ, какъ человѣкъ, принадлежавшій къ первому поколѣнію людей, начавшихъ играть роль по смерти Петра, и ученикъ его школы, гдѣ надо было учиться и работать скоро и неутомимо, для исполненія задуманныхъ плановъ преобразованія, не могъ прежде всего не «дорожить научными свѣдѣніями, по скольку они могли принести пользу для рѣшенія жизненныхъ вопросовъ времени» (стр. 512). Но втянувшись въ ученые занятія, Татищевъ, «какъ человѣкъ, жизнь котораго вся отдана была наукѣ и который искалъ въ занятіяхъ успокоенія отъ жизненныхъ невзгодъ, не могъ искать въ наукѣ однѣхъ только матеріальныхъ выгодъ, которыхъ добивались современники его» (стр. 526). Татищевъ жилъ при началѣ той эпохи, когда «со временъ преобразованія Петра, трудъ, особенно умственный, сталъ пріобрѣтать себѣ право гражданства во всѣхъ слояхъ русскаго общества, сдѣлался нравственнымъ убѣжищемъ для многихъ людей въ минуты ихъ общественныхъ неудачъ и домашнихъ тревогъ» (стр. 531).

Главы II и IV, въ которыхъ говорится о событіяхъ 1730 года и общественныхъ отношеніяхъ Татищева, менѣе всего удовлетворительны. Четвертая глава представляетъ возможно-полную характеристику его на столько, на сколько онъ самъ рисуетъ ее въ своихъ ученыхъ трудахъ, что, какъ мы уже сказали, бывало съ нимъ нерѣдко, благодаря живости и впечатлительности его натуры. Но какъ далеко недостаточны такіе источники! Преданія у насъ почти вовсе не существуютъ, а современныя записки или пропали, или скрыты гдѣ-нибудь подъ спудомъ. Участь мемуаровъ самого Татищева еще не разъяснена, и даже существованіе ихъ не доказано. А безъ такого рода пособій отъ насъ ускользаютъ тѣ сочетанія случайностей жизни, та игра инте-

ресовъ и страстей, тѣ неуловимыя отношенія людей между собой, словомъ всѣ тѣ черты, которыя дають возможность изобразить полную и вѣрную картину эпохи. Мы сказали уже, что слѣдствіе матеріаловъ оправдываетъ г. Попова въ неполнотѣ этого отдѣла. Прибавимъ только, что вслѣдствіе такого недостатка подобнаго рода историческихъ документовъ у насъ еще не возможно пригазаніе называть монографію «эпизодомъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни Россіи.» Увы! мы можемъ только завидовать другимъ народамъ, которые обладаютъ такимъ богатствомъ источниковъ для воспроизведенія своего прошедшаго, что ученые могутъ озаглавливать такъ свои труды и ставить ихъ интересъ въ уровень съ тѣми ожиданіями, которыя возбуждаетъ заглавіе.

Глава вторая, о событіяхъ 1730 года, изложена хорошо, но все-таки мы желали бы видѣть болѣе ясности и подробности въ разказѣ объ одномъ изъ важнѣйшихъ моментовъ новой русской исторіи. Повѣствованіе о восшествіи на престолъ Анны до очень недавняго времени было столь же коротко, сколько и ложно; сужденія о дѣятеляхъ, думавшихъ завести новый порядокъ,—близоруки и невѣрны. Дѣло разказывалось въ слѣдующемъ видѣ: По смерти Петра II четверо князей Долгорукихъ и двое князей Голицыныхъ, пользуясь робостію сотоварищей своихъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, Головкина и Остермана, провозгласили императрицей Анну Иоанновну, надѣясь управлять государствомъ исключительно въ виду личныхъ интересовъ и выгодъ своихъ родственниковъ, при помощи сочиненныхъ условій, которыя были предложены новой государынѣ и ею приняты въ Мшталѣ. Прочіе придворные и вообще всѣ военные и дворане побоялись олигарховъ и особенно не желали никакой перемѣны въ ходѣ дѣла, которымъ были очень довольны. По пріѣздѣ Анны въ Москву, они согласились разстроить интригу верховниковъ, явились толпой во дворецъ и прочли ей прошеніе, въ которомъ просили, чтобы все оставалось постарому. Видя такое общее желаніе, государыня изорвала подписанное ею условіе; ничто не измѣнилось, кромѣ того что Верховный Совѣтъ былъ уничтоженъ; члены же его, кромѣ Головкина и Остермана, впали въ немилость и потомъ пострадали за свою дерзкую попытку.

Опубликованные не такъ давно документы, иностранные и русскіе, особенно послѣдніе, разработанные г. Щебальскимъ (*Русскій Вѣстникъ* 1859, № 1, стр. 1—67) и еще недавно г. Соловьевымъ (*Русскій Вѣстникъ* 1861, № 5, стр. 41—49), даютъ возможность возстановить дѣло въ истинномъ видѣ, который оказывается совершенно инымъ чѣмъ прежде и заставляетъ пригадываться надъ легкомысленнымъ приговоромъ, такъ долго произно-

опытятся безъ дальнихъ справокъ надъ историческими дѣятелями 1730 года.

Странно было бы утверждать, что Долгорукіе и Голицыны не были честолюбивы. Но честолюбіе не есть еще порокъ; вопросъ только въ томъ, къ чему оно клонится, къ общей ли пользѣ и добру. Нельзя отвергать, что въ ихъ честолюбивыхъ замыслахъ многое основывалось на честолюбивыхъ разчетахъ. Но были ли эти разчеты единственнымъ двигателемъ, побуждавшимъ ихъ дѣйствовать по смерти Петра II въ томъ духѣ, которыми ознаменованы ихъ дѣянія? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, стоить только припомнить ихъ біографіи. Князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій былъ человекъ довольно обыкновенныхъ способностей, это правда. Правда и то, что князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій былъ не что иное, какъ глупый гордецъ, обзанный своимъ возвышеніемъ только милостямъ Петра II къ его сыну и будущему родству своему съ молодымъ государемъ. Но что скажете вы о карьерѣ ихъ однофамилцевъ, князя Василя Владиміровича и князя Василя Лукича? Они были отличены, уважены, возвышены Петромъ I, который умѣлъ выбирать способныхъ людей и не ошибся въ Долгорукихъ, потому что они оказали Россіи множество самыхъ разнородныхъ услугъ и обнаружили не только способности людей государственныхъ, но и качества отличныхъ патріотовъ. А неустрашимый, великодушный, общелюбимый фельдшаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, эта чистая слава русской арміи, человекъ, употреблавшій получаемыя имъ денежныя награжденія на теплую обувь для своихъ солдатъ, успѣвшій приобрести имя отца отъ жителей непріятельской земли, занятой русскимъ войскомъ? А старшій братъ его князь Дмитрій Михайловичъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ людей своего вѣка, державшій себя довольно долго далеко отъ двора, до тѣхъ поръ пока, по его мнѣнію, не наступила минута сдѣлаться полезнымъ отечеству, и показавшій стоическую твердость характера, когда планы его разстроились и надъ нимъ разразилась грозная бѣда? Неужели же это большинство Верховнаго Совѣта состояло изъ людей, сдѣлавшихся внезапно черствыми эгоистами изъ отличныхъ патріотовъ? Неужели оно не имѣло возможности обсуждать дѣла государственныхъ лучше чѣмъ напримѣръ князь А. М. Черкасскій или князь Н. Ю. Трубецкой, много лѣтъ послѣ паденія Верховнаго Совѣта гордо выставлавшіе свою чванную и надутую ничтожность на высшихъ государственныхъ мѣстахъ, работѣнно пресмыкаясь передъ каждымъ новымъ свѣтломъ, выводимымъ на горизонтъ интригами и насиліемъ, въ которыхъ имъ даже не дѣлали чести предлагать видное участіе?

Таковы были эти люди, которыхъ замысламъ не было суждено состояться. Успѣхъ, одинъ успѣхъ, хотя бы и случайный, берется въ расчетъ при оцѣнкѣ политическихъ дѣятелей. Онъ до времени оправдываетъ и коварство, и пролитіе крови, и всѣ ужасы, отвергаемые человечествомъ. Да будетъ такъ. Но не отнимайте, по крайней мѣрѣ, достоинствъ у побѣжденныхъ во славу побѣдителей. Иначе вамъ придется принести на закланіе напримѣръ Гизо и провозглашать величіе передъ нимъ маршала Сентъ-Арно.

Первыя дѣйствія Долгорукихъ и Голицыныхъ по смерти Петра II были самовольны и доказываютъ, что они слишкомъ были увѣрены въ своей силѣ. Они избираютъ Анну и общее согласіе подтверждаетъ ихъ выборъ. Но когда дѣло доходитъ до того, что условія, посланныя въ Митаву, дѣлаются извѣстными въ публикѣ, то она начинаетъ высказывать свое неудовольствіе. Постараемся разъяснить себѣ къмъ и чѣмъ было оно возбуждено.

Первые разсердились тузы, вельможи, богачи: Черкасскій, Трубецкіе, Юсуповъ, Бяргинскій, Солтыковы, Чернышевъ, Ушаковъ, обиженные тѣмъ, что верховники мало поцеремонились съ ними, и увидѣвшіе себя исключенными изъ числа тѣхъ, которые, по крайней мѣрѣ надолго, имѣли шансы играть въ управленіи государствомъ первую роль. Главные изъ нихъ составляютъ центры, около которыхъ группируются люди менѣе знатные, родственники ихъ и клеветы — тѣ служебныя лица, которыя не видѣли выгодъ въ какихъ-либо перемѣнахъ, могшихъ напротивъ того угрожать нарушеніемъ ихъ блаженнаго состоянія во времена Екатерины I и Петра II; — люди, не имѣвшіе своего мнѣнія и легко увлекавшіеся первымъ впечатлѣніемъ; — опасавшіеся власти верховниковъ, а также и убѣжденные искренно, что такая власть причинитъ только вредъ. Вотъ разнородные эдементы оппозиціи верховникамъ, собиравшейся кружками около своихъ предводителей и дѣйствовавшей противъ верховниковъ съ 19 января по 25 февраля 1830 года.

Въ какомъ же смыслѣ велась оппозиція? Прежде писали у насъ объ этомъ такъ, что можно было подумать, что она требовала просто сохраненія «*statu quo*», желая только уничтоженія Верховнаго Совѣта и восстановленія Петровскаго сената. Однако такое заключеніе просто обидно для цѣлой массы людей, изъ которыхъ очень многіе были не такъ же просты, чтобы не желать создать средства для прекращенія неурядицы, господствовавшей со смерти Петра I, въ теченіи царствованій Екатерины I и Петра II. (*Русскій Вѣстникъ*, 1859, № 1, стр. 29).

Обнародованные документы доказываютъ наше мнѣніе о томъ, что перемѣнъ желали всѣ, даже противники верховниковъ, но желали

ихъ съ нѣкоторыми измѣненіями противъ ихъ плана, и особенно старались, видя самовольныя дѣйствія Верховнаго Совѣта, чтобы онъ въ настоящемъ его составѣ не слишкомъ усилился. Записка Татищева (*Утро*, 1859, стр. 369 — 379) была главнымъ *genève* мнѣній оппозиціи. Что же мы видимъ въ этой запискѣ, подписанной главными противниками верховниковъ? Прежде всего протестъ противъ способа избранія ими Анны, хотя и угодной лично народу. Потомъ требованіе сочиненія закона для подобнаго случая. Затѣмъ обвиненіе верховниковъ въ томъ, что они «отставили единовластительство» образомъ своихъ дѣйствій (а не сущностью отправленныхъ въ Митаву пунктовъ), въ ущербъ «достоинству и преимуществу всего шляхетства и другихъ сановъ». Потомъ идутъ разсужденія о 4-хъ пунктахъ. Изъ нихъ для насъ особенно важны третій, въ которомъ Татищевъ разбираетъ три рода правленія: единодержавіе, аристократію и демократію. Доказавъ вредъ для Россіи двухъ послѣднихъ и опровергнувъ неудобства, приписываемыя первому нѣкоторыми публицистами, какіе же результаты вывелъ изъ всего этого Татищевъ и что было признано справедливымъ всѣми присутствовавшими и подписано ими, въ томъ числѣ Головкинымъ, Черкасскимъ, Бяратинскимъ, Трубецкимъ и пр. и пр.? Вотъ что: Анна Іоанновна «есть персона женская», притомъ «знанія законовъ ей не достаетъ, а потому впредь, пока Всевышній мужскую персону на престолъ даруетъ», «великое собраніе шляхетства» постановило, такъ же какъ и Верховный Совѣтъ, *свои* пункты, изъ которыхъ особенно важны слѣдующіе: Члены Совѣта дѣлаются впредь сенаторами. Учреждается кромѣ сената другое правительство изъ ста персонъ, изъ котораго треть всегда будетъ на лицо, а общее собраніе имѣетъ сходиться четыре раза въ годъ на мѣсяцъ, для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ и всегда, когда будетъ война и т. п. Оба эти правительства избираютъ баллотированіемъ сенаторовъ, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, главнокомандующихъ войсками и пр. Новосочиняемые законы, прежде обнародованія, разсматриваются во всѣхъ коллегіяхъ. Въ высшемъ правительствѣ не быть членами болѣе двухъ лицъ одной фамиліи. При тайной канцеляріи поочередно находятъ депутаты отъ сената для наблюденія за справедливостію. Кромѣ того, въ этихъ пунктахъ заключаются распоряженія о заведеніи училищъ, о порядкѣ поступленія на службу, о составленіи росписи всему шляхетству, о доходахъ духовенства, объ облегченіи торговаго класса и о сочиненіи закона о наследствѣ.

Замѣтимъ кстаті, что этотъ проектъ, принятый столь многими и который, съ согласія самой Анны Іоанновны, долженъ былъ разсматриваться и слѣдовательно имѣлъ многіе шансы для своего

осуществленія, повредилъ Татищеву, когда обстоятельства пере-
мѣнились вслѣдствіе недостатка единодушія между противниками
верховниковъ, и Татищевъ никогда не былъ выведенъ на первый
планъ. Нельзя не замѣтить также, что проектъ былъ предложенъ
на то время, пока не «окажется мужская персона» для вступле-
нія на престолъ, и что съ тѣхъ поръ, въ теченіи почти 67 лѣтъ, за
исключеніемъ шести-мѣсячнаго слабого правленія Петра III,
Россія была именно въ томъ положеніи, на случай котораго съдѣ-
ланы распоряженія въ проектѣ, безспорно имѣвшемъ въроатіе
развиться и укорениться, еслибъ онъ былъ осуществленъ въ свое
время.

Другіе, извѣстные намъ два проекта (*Русскій Вѣстникъ* 1861,
№ 5; стр. 46) также предлагаютъ мнѣнія о новой формѣ прав-
ленія. Одинъ изъ нихъ требуетъ: 1) Увеличенія числа членовъ
Верховнаго Совѣта до 12 или 15 человекъ; 2) Избранія впредь
новыхъ членовъ совѣта изъ кандидатовъ, представляемыхъ ему
генералитетомъ и шляхетствомъ, или же баллотированія сими по-
слѣдними изъ кандидатовъ, предлагаемыхъ имъ совѣтомъ. Въ дру-
гомъ проектѣ предлагалось: 1) Учредить высшее правительство
изъ 21 персоны; 2) сенатъ образовать изъ 11-ти лицъ; 3) Въ выс-
шее правительство, въ сенатъ, въ губернаторы и въ президенты
коллегій выбирать баллотированіемъ генералитету и шляхетству
изъ кандидатовъ, въ числѣ которыхъ не быть больше одного лица
изъ какой-либо фамиліи; и 4) Впредь не быть въ высшемъ пра-
вительствѣ и въ сенатѣ болѣе двухъ лицъ одной фамиліи, за ис-
ключеніемъ тѣхъ членовъ, которые уже носили это названіе.

Во всѣхъ этихъ проектахъ проведены двѣ мысли, общія имъ,
несмотря на несогласія ихъ по другимъ предметамъ: 1) Забота
о предупрежденіи захвата власти немногими сильнѣйшими фами-
ліями, и 2) Желаніе, чтобы классы, наиболѣе способные понимать
дѣла государственныя, рѣшали посредствомъ выборовъ: кому за-
нятія ими должны быть поручены.

Ни одинъ документъ не свидѣтельствуетъ того, чтобы кто-
нибудь рѣшился сказать просто: «надо уничтожить Верховный
Совѣтъ и затѣмъ оставить все по-старому».

Что касается пунктовъ, посланныхъ верховниками въ Митаву,
то они такъ извѣсны, что о нихъ нечего распространяться. Но
при общемъ почти обвиненіи верховниковъ въ исключительномъ
честолюбіи, нельзя въ оправданіе ихъ не упомянуть о двухъ пунк-
тахъ, которыми: 1) уничтожалась конфискація имѣній, и 2) по-
ставлялось правиломъ, чтобы впредь не были раздаваемы госу-
дарственныя имущества частнымъ лицамъ.

Отправивъ эти пункты въ Митаву, верховники увидѣли про-
тивъ себя оппозицію и рѣшились вступить съ ней въ сдѣлку.

(*Русскій Вѣстникъ* 1861, № 5, стр. 47.) Они согласились на увеличеніе числа членовъ совѣта, на введеніе выборнаго начала въ опредѣленіе сенаторовъ, членовъ коллегій и пр., на утвержденіе служебныхъ преимуществъ шляхетства и т. д. Но при этомъ они показали и болѣе широкое пониманіе дѣла чѣмъ ихъ противники,—они позаботились о другихъ классахъ народа. Они хотѣли уничтоженія всякой торговои монополіи и облегченія сколько возможно крестьянъ.

Двукратными заботами о послѣднихъ верховники должны были заслужить хотя нѣкоторую пощадку за свой аристократизмъ со стороны нашихъ современниковъ, которые провозгласили освобожденіе крестьянъ и улучшеніе ихъ быта. Эти богачи, эти владыцы десятковъ тысячъ душъ, когда еще и нигдѣ не являлась мысль о томъ, первые заговорили о вредѣ раздавать крестьянъ въ крѣпость и тѣмъ пресѣкали себѣ и своимъ родамъ путь къ такому способу обогащенія, который былъ и обыкновененъ, и сподручѣе всякаго другаго. Верховники пали, планы ихъ рушились, и еще семьдесятъ лѣтъ продолжалась раздача крестьянъ въ крѣпость. Любопытно было бы исчислить хоть приблизительно на сколько было бы меньше крѣпостныхъ въ Россіи къ 19 февраля 1861 года, еслибы такая раздача прекратилась въ 1730, а не въ 1801 году, не говоря уже о томъ, сколькихъ притомъ затрудненій всякаго рода теперь бы не существовало.

Какъ бы то ни было, противники верховниковъ не могли, по новости дѣла, согласиться между собою, и верховники съ ними не сошлись. Послѣдніе пали, но чего же окончательно желали первые?

Судя по прежнимъ разказамъ, они явились въ одно прекрасное утро (25 февраля) къ Аннѣ Іоанновнѣ и подали прошеніе объ уничтоженіи пунктовъ, посланныхъ ей въ Митаву и о томъ, чтобы все оставалось по старому. Она разорвала эти пункты, и дѣло кончилось.

Но теперь мы знаемъ положительно и подробно, что все это было не такъ.

Утромъ 25 февраля собраніе генералитета и шляхетства подало государынѣ *первое* прошеніе, въ которомъ: 1) Жаловалось на то, что Верховный Совѣтъ не уважилъ общаго желанія, чтобы «для блага и спокойствія имперіи, была установлена, по большинству голосовъ форма правленія надежная и твердая» и 2) Просило, чтобы всѣ различныя мнѣнія, представленныя по этому предмету, разсмотрѣны были въ собраніи, составленномъ изъ членовъ, выбранныхъ по двое изъ каждаго семейства, и чтобы «по обсужденіи всѣхъ статей, была установлена такая форма

правленія, которая изберется большинствомъ голосовъ.» (*Земски Дюка Лирійскаго*, пер. Языкова, стр. 86.)

Прошеніе это было сочинено Кантеміромъ, подано Трубецкимъ и прочитано Татищевымъ.

Тогда началась та смутная сцена, которой подробности трудно описать. В. Л. Долгорукій хотѣлъ увезти государыню, но ея сестра удержала ее. Императрица, подготовленная своими родственниками и друзьями, приказала военнымъ слушаться только родственника своего Солтыкова. Офицеры кричали и изъявляли готовность истребить ея «злodeвъ». Такія слова могли принять на свой счетъ не одни верховники, и дѣйствительно ясно, что между военными усѣли уже въ это утро составить партію, однакоже враждебную и верховникамъ, и просителямъ. Эта партія стала грозить всѣмъ безъ разбора, и если была малочисленна, то имѣла вліяніе на гвардію. Во время этой сумятицы Анна Іоанновна, выжидая дальнѣйшихъ событій, однако написала на прочитанномъ прошеніи: «быть по сему.» Собраніе стало расходиться.

Но тутъ же, въ залахъ дворца, начался второй актъ драмы. Тѣ руководители движенія, которые имѣли въ виду преимущественно обуздать верховниковъ, думали, что достигли своей цѣли. Вѣроятно, болѣе всего послужило въ пользу реакціи убѣжденіе, что чрезвычайно трудно согласить въ скорости разнородныя мнѣнія партій, между тѣмъ какъ при отсрочкѣ окончательнаго рѣшенія можно ожидать раздоровъ, важныхъ безпорядковъ и даже бѣдствій.

Тогда-то, въ этомъ хаосѣ, рѣшено было, какъ единственное средство выйдти изъ него, испросить новую аудіенцію, и написано было *второе* прошеніе, прочитанное Кантеміромъ уже *послѣ объѣда*, за которымъ государыня удержала верховниковъ, какъ бы подъ почетнымъ арестомъ. Прежіе разказы сбивали эти два, совершенно разныя событія, въ одно, и втѣсняли ихъ въ тѣсную раму одного утра, отчего весь ходъ дѣла представлялся темнымъ и сбивчивымъ.

Во второмъ прошеніи изъявлено уже было желаніе, чтобы прерогативы власти оставались прежнія. Но и при этомъ подписчики выразили нѣкоторыя оговорки, а именно предлагали: 1) Верховный Совѣтъ уничтожить, 2) возстановить сенатъ изъ 21 особы, 3) сенаторовъ, губернаторовъ, президентовъ коллегій избирать дворянству и 4) принять мѣры къ уменьшенію налоговъ. (*Русск. Вѣстн.* 1859 г., № 1, стр. 60.)

Анна Іоанновна утвердила это прошеніе, приказала принести митавскіе пункты и изорвала ихъ. Верховники пали, но и противники ихъ не получили послѣ объѣда того, чего просили утромъ.

Въ тотъ же вечеръ народъ пораженъ былъ видомъ кроваваго

зарова великаго сѣвернаго сіянія. (*Записки Манштейна*, пер. Мальгина, ч 1, стр. 53). Предвѣщаніе казалось роковымъ, и на этотъ разъ было справедливо. Первымъ дѣломъ Анны Іоанновны было приблизить къ себѣ Бирона, котораго не призывать въ Россію она обѣщала согласно требованію верховниковъ, видно и въ этомъ случаѣ доказавшихъ нѣкоторый государственный тактъ...

Не знаемъ, что бы случилось, еслибъ они восторжествовали. Но очень хорошо знаемъ, что вышло послѣ паденія. Не распространяясь о всѣмъ извѣстныхъ подробностяхъ, напомнимъ только о томъ, что стало даже съ тѣми *ria desideria*, которыя выражались во второмъ прошеніи, писанномъ, можно сказать, *in extremis*. 1) Верховный Совѣтъ былъ уничтоженъ, но учрежденъ кабинетъ, по поговоркѣ *bonnet blanc* и *blanc bonnet*, да еще съ прибавкою всемогущества Бирона. 2) Сенатъ возстановленъ, но не изъ членовъ выборныхъ. 3) О баллотированіи губернаторовъ и президентовъ коллегій не было и помину, и 4) По части налоговъ заведенъ знаменитый доимочный приказъ, который истребленіями «выбиваль» подати, а подати эти вороваль Биронъ изъ секретной казны, почему денегъ въ казнѣ не доставало и приходилось отягощать новыми податями народъ, бѣжавшій въ большомъ числѣ за границу, и недоимка все росла и росла...

Мы вкратцѣ высказали наше мнѣніе относительно событія, конечно принадлежащаго къ самымъ крупнымъ изъ числа тѣхъ, въ которыхъ довелось Татищеву играть дѣятельную роль. Намъ кажется, что, озаглавивъ свою книгу словами: «такой-то и его время», авторъ долженъ по возможности рельефно выставить лица и событія, къ которымъ герой ея былъ соприкосновененъ, и характеризовать эти событія, на основаніи воззрѣній, вынесенныхъ имъ изъ изученія данной эпохи. Мы высказали нѣсколько такихъ данныхъ, по нашему убѣжденію вѣрныхъ. Другой можетъ взглянуть на дѣло иначе и представить соображенія, не бывшія у насъ въ виду. Во всякомъ случаѣ, въ трудѣ спеціальному предмету долженъ, конечно, быть разработанъ глубже и подробнѣе чѣмъ въ рецензій. Мы хотѣли только указать на то, какіе предметы желательно было бы встрѣчать подвергнутыми критической оцѣнкѣ въ монографіяхъ, подобныхъ книгѣ г. Попова, и кстати высказали мысли, на которыя наведено насъ знакомство съ документами, касающимися происшествій 1730 года.

Какъ бы то ни было, если г. Поповъ и не счелъ нужнымъ или удобнымъ внести въ свою книгу такого рода предметы, которые оправдали бы вполне ея заглавіе, за нимъ все-таки остается честь тщательной и дѣятельной разработки другихъ предметовъ, которые и разнообразны и любопытны. Мы говорили уже о томъ, какъ добросовѣстно и усердно воспользовался онъ до-

ступными ему документами и какую полную картину служебной деятельности Татищева представилъ онъ тамъ, гдѣ ихъ было достаточно въ его распоряженіи. Изъ этого легко заключить, что книга почтеннаго автора стоить искреннихъ похвалъ и достойна того, чтобы ей нашлось какъ можно больше читателей.

Михаилъ Лонгиновъ.

Исторія цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной Римской имперіи.
Сочиненіе Гизо, переведено подъ редакціею М. Стасюлевича. Томъ I,
Спб. 1861.

Студенты С.-Петербургскаго университета, подъ руководствомъ профессора Стасюлевича, предприняли переводъ *Исторіи цивилизаціи во Франціи*, Гизо. Она составляетъ продолженіе переведенной уже на русскій языкъ *Исторіи цивилизаціи въ Европѣ*. Несмотря на тридцать лѣтъ, истекшихъ со времени появленія этихъ сочиненій, они сохранили, если не первоначальную, то все еще очень высокую цѣну, и вполне заслуживаютъ перевода.

Вышедшая въ свѣтъ первая часть *Исторіи цивилизаціи во Франціи* заключаетъ въ себѣ полную картину состоянія Галліи въ V столѣтіи, и затѣмъ очеркъ общественной цивилизаціи ея до половины VIII вѣка, то-есть до временъ Карла Великаго. Гизо, какъ извѣстно, различаетъ цивилизацію общественную, социальную, отъ цивилизаціи умственной, интеллектуальной—развитіе общества отъ развитія челоука. Въ *Исторіи цивилизаціи въ Европѣ* онъ занимался преимущественно цивилизаціей социальной, въ *Исторіи цивилизаціи во Франціи* онъ обращаетъ одинаковое вниманіе на обѣ отрасли цивилизаціи. Такъ напримѣръ, изображая состояніе Галліи въ V столѣтіи, онъ говоритъ сначала о гражданскомъ обществѣ, о римской администраціи, о сословіяхъ, объ упадкѣ высшихъ классовъ, объ инерціи народа; потомъ объ обществѣ религиозномъ, о значеніи христіанской церкви, объ отношеніяхъ ея къ свѣтской власти, о внутренней ея организаціи. Отъ сравнительной картины этихъ двухъ обществъ Гизо переходитъ къ лицамъ, ихъ составлявшимъ, къ духовнымъ интересамъ того времени, къ умственному движенію въ области религіи и науки. Этотъ методъ прилагается Гизо и ко всѣмъ послѣдующимъ частямъ его изслѣдованія.

Двойственный характеръ цивилизаціи, по мнѣнію Гизо, всего

яснѣе, всего полнѣе выразился въ исторіи Франціи. Въ Англіи, соціальная сторона цивилизаціи преобладала надъ интеллектуальною, въ Германіи—на оборотъ. Въ Италіи обѣ отрасли цивилизаціи развивались отдѣльно одна отъ другой, оставались безъ вліянія другъ на друга: идеи не переходили въ факты, факты совершались независимо отъ идей. Въ одной только Франціи, по мнѣнію Гизо, человѣкъ и общество шли впередъ параллельно, рядомъ, или по крайней мѣрѣ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга; въ одной только Франціи никогда не прерывалась непосредственная связь между идеями и жизнью. Умственная дѣятельность Франціи не уступаетъ ея практической опытности. Исторія цивилизаціи во Франціи есть исторія цивилизаціи, по преимуществу, могущая въ извѣстной степени замѣнить собою исторію цивилизаціи общеевропейской.

Мнѣніе Гизо о французской цивилизаціи кажется намъ болѣе патристическимъ нежели справедливымъ. Если искать главныя господствующія черты европейской цивилизаціи, то ихъ также легко можно найти въ исторіи Англіи, Германіи или Италіи какъ и въ исторіи Франціи; если идти дальше этого общаго сходства, то исторія цивилизаціи въ одной странѣ, хотя бы и въ космополитической Франціи, не можетъ дать вѣрнаго понятія о цивилизаціи другихъ народовъ. Исторія Франціи вовсе не прототипъ исторіи Европы. Если нѣкоторыя стороны европейской цивилизаціи полнѣе осуществлялись во Франціи, то другія, не менѣе важныя, гораздо рельеознѣе выразились въ Англіи, въ Германіи, въ Италіи. Что касается до равновѣсія между двумя отраслями цивилизаціи, то оно составляетъ идеалъ, отъ котораго одинаково далеки всѣ европейскія національности. Вездѣ мы находимъ противорѣчіе между идеями и фактами; вездѣ умственное движеніе опережаетъ событія, или событія, идя въ разрѣзъ съ движеніемъ умовъ, производятъ однѣ только безплодныя формы безъ всякаго внутренняго содержанія. Съ другой стороны, вліяніе интеллектуальной цивилизаціи на соціальную и обратно—фактъ всемірный, конечно свойственный не одной только Франціи. Въ иниціативѣ идей, измѣняющихъ, мало-по-малу, положеніе общества, Англія не только можетъ соперничествовать съ Франціей, но, по всей вѣроятности, побѣдитъ ее. Пріложеніе идей къ жизни, въ Англіи и Сѣверной Америкѣ простирается гораздо дальше нежели во Франціи. Но можетъ-быть Франція была фокусомъ, въ которомъ идеи соединялись съ дѣйствительностію, и черезъ который должна была проходить отвлеченная мысль, чтобы достигнуть пракческаго осуществленія? Такъ утверждаетъ Гизо въ *Исторіи Европейской цивилизаціи*: но, по нашему мнѣнію, онъ ошибочно возводитъ отдѣльный фактъ на степень общаго закона.

Роль, о которой говоритъ Гизо, принадлежала Франціи въ концѣ XVIII вѣка: но принадлежала ли она ей прежде, принадлежитъ ли ей въ настоящее время? Развѣ реформаціи нужно было пройти черезъ Францію, чтобы распространиться по всей Европѣ? Развѣ эпоха возрожденія заимствовала отъ Франціи свою жизненную силу? Не говоримъ о настоящемъ значеніи Франціи: оно слишкомъ очевидно. Заблужденіе Гизо происходило впрочемъ не изъ одного только національнаго самолюбія. Оно объясняется временемъ, въ которое написана *Исторія цивилизаціи*. Это было время высочайшаго напряженія умственныхъ силъ Франціи, время процвѣтанія ея либеральныхъ учреждений. Министерство Мартиньяка успокоило опасенія либеральной партіи, возстановило, въ известной степени, согласіе между королемъ и странюю. Европа многого ожидала отъ Франціи, и Франція могла считать себя передовою націей Европы.

Объемъ библиографической статьи не позволяетъ намъ прослѣдить все содержаніе *Исторіи цивилизаціи во Франціи*. Мы остановимся только на одной изъ замѣчательнѣйшихъ частей его, на очеркъ интеллектуальной цивилизаціи Галліи въ IV и V столѣтіяхъ. Главнымъ выраженіемъ этой цивилизаціи служила литература, какъ свѣтская, остатокъ язычества, такъ и духовная, порожденіе христіанства. Первая имѣла на своей сторонѣ давность, блестящія воспоминанія, поддержку гражданской власти; вторая лишена была всякаго внѣшняго пособія. Народное образованіе еще не перешло въ руки духовенства; школы сохраняли еще свое прежнее устройство. Тѣмъ не менѣе, въ свѣтской литературѣ замѣтна какая-то старческая слабость, въ духовной—энергическая дѣятельность молодой, только что пробуждающейся жизни. Свѣтская литература была роскошью, забавой высшихъ сословій; духовная литература соответствовала мыслямъ и чувствамъ цѣлаго народа. Въ области свѣтской литературы, исторія обратилась въ лѣтопись, краснорѣчіе въ регоржку, поэзія въ стихотворство по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ. Философскіе, психологическіе вопросы сдѣлались исключительнымъ достояніемъ духовной литературы. Церковь уже и въ это время склонилась къ безусловному господству авторитета, но не возставала еще рѣшительно противъ свободы преній. Преслѣдованіе еретиковъ уже началось, но лучшіе учителя церкви продолжали утверждать, что церковь должна дѣйствовать только духовнымъ оружіемъ. Вотъ почему богословскіе споры возбуждали общее участіе, отзывались во всѣхъ частяхъ христіанскаго міра, и были прерываемы, но не прекращаемы рѣшеніями соборовъ. Среди этихъ споровъ, на первомъ планѣ, стоятъ

великая борьба пелагианства съ ученіемъ Блаженнаго Августина. Исторія пелагианства изложена у Гизо довольно подробно, потому что Пелагій, положившій начало этому ученію, былъ родомъ изъ Бретани. Съ свойственною ему систематичностью и ясностью, Гизо указываетъ сначала тѣ главные вопросы, о которыхъ шелъ споръ между Пелагіемъ, Августиномъ и послѣдователями ихъ: существованіе свободной воли, кругъ ея дѣйствій, сила ея и зависимость отъ разныхъ постороннихъ вліяній, возможность измѣненій въ духовной природѣ челоуѣка безъ участія свободной воли. Далѣе, Гизо объясняетъ ту особенную точку зрѣнія, съ которой должна была смотрѣть на эти вопросы христіанская церковь, и наконецъ разказываетъ начало, развитіе и паденіе пелагианства. Пелагій и ученикъ его Целестій явились защитниками свободной воли, во всемъ ея пространствѣ, во всей ея силѣ. Они утверждали, что челоуѣкъ имѣетъ безусловную способность рѣшаться и исполнять свои рѣшенія, безъ всякой посторонней помощи, безъ всякой внѣшней опоры. Августинъ, напротивъ того, доказывалъ недостаточность свободной воли, необходимость божественной благодати, таинственное дѣйствіе благодати на душу, безъ вѣдома и воли челоуѣка. Ученіе Августина, говоритъ Гизо, логически вело къ отрицанію свободной воли: но онъ сумѣлъ остановиться передъ послѣдними результатами своей теоріи, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Жанъ-Жакъ Руссо въ своемъ *Contrat Social*¹. Большинство послѣдователей Августина продолжали держаться его мнѣнія, которое и теперь господствуетъ въ римско-католической церкви: но другіе, болѣе непреклонные въ своемъ мышленіи, основали ученіе предестинатовъ, совершенно отвергавшее свободную волю. Реакціею противъ этого ученія послужилъ полу-пелагианствъ, допускавшій вліяніе божественной благодати, но признававшій ее какъ бы послѣдствіемъ, наградою разумно-свободныхъ дѣйствій челоуѣка. Пелагианствъ былъ осужденъ и церковною, и гражданскою властію; полу-пелагианствъ одно время торжествовалъ въ Галліи, но въ началѣ VI столѣтія потерялъ всякое значеніе. Впрочемъ вопросъ о свободной волѣ никогда не переставалъ быть предметомъ разногласія въ западной церкви. Кальвинъ воскресилъ мрачное

¹ Въ *Contrat Social* Руссо постоянно проводитъ мысль о верховной власти массы, членнаго большинства, но первоначальное устройство общества, начертаніе конституціи, основныхъ законовъ, онъ, вопреки своему принципу, предоставляетъ одному лицу.

ученіе предестинатовъ; армініанизмъ близко подходилъ къ полупелагіанизму.

Второй богословскій споръ, происходившій въ Галліи V столѣтія, касался вещественности или невещественности души, и былъ веденъ между Фавстомъ, епископомъ Ріескимъ, и священникомъ Мамертомъ Клавдіаномъ. Огрызки изъ сочиненій этихъ двухъ богослововъ, приведенные Гизо, чрезвычайно интересны. Сочиненіе Мамерта: *de natura animae*, по замѣчанію Гизо, представляетъ смѣсь суевѣрія и невѣжества съ высокими мыслями и искусною діалектикою. Рядомъ съ разсужденіемъ о сравнительномъ достоинствѣ огня и воздуха встрѣчается, на примѣръ, такое мѣсто: «ты говоришь, что иное дѣло душа, иное дѣло мысль души: скорѣе ты долженъ былъ сказать, что тѣ предметы, о которыхъ думаетъ душа, не составляютъ души; *но мысль есть не что-иное, какъ сама душа*». Споръ о свойствѣ души ограничился, впрочемъ, тѣснымъ кружкомъ ученыхъ богослововъ и не имѣлъ большого практическаго значенія. Нашествіе варваровъ положило конецъ умственному движенію, господствовавшему среди христіанской церкви. Но, и предоставленное самому себѣ, движеніе это, по мнѣнію Гизо, не могло быть продолжительно. Свобода, необходимое условіе умственной жизни, все болѣе и болѣе уступала мѣсто авторитету. Главною цѣлію церковнаго правительства было не столько убѣжденіе ума, сколько подчиненіе волѣ, и для достиженія этой цѣли оно все менѣе и менѣе прибѣгало къ чисто-духовнымъ средствамъ. Почва для отвлеченныхъ преній становилась все тѣснѣе и тѣснѣе. Паденіе западной Римской имперіи только ускорило неизбѣжную перемѣну.

Мы представили вкратцѣ взглядъ Гизо на интеллектуальную цивилизацію Галліи или лучше сказать всей вообще западной Римской имперіи въ послѣднее столѣтіе ея существованія. Угрожаемое сверху, умственное движеніе не имѣло достаточной поддержки снизу: преслѣдуемое или, по крайней мѣрѣ, стѣсненное церковнымъ правительствомъ, оно лишено было глубокихъ корней и среди церковнаго общества. Церковное правительство иочерпало свою власть изъ инерціи мірянъ. Распущенность гражданской жизни отражалась и на духовной дѣятельности общества. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ исторія пелагіанизма. Вопросъ о свободѣ воли имѣетъ огромное практическое значеніе; онъ находится въ тѣсной связи какъ съ самыми обыкновенными, такъ и съ самыми важными явленіями жизни, съ земнымъ существованіемъ человека и съ будущимъ предназначеніемъ его. И про, и contra этого вопроса можетъ быть защищено съ увлеченіемъ, съ энтузіазмомъ. Кругомъ него можетъ возге-

рѣться не только философское преніе, но и страстная борьба; онъ можетъ подать поводъ къ глубокому, непримиримому разногласію. Однимъ словомъ, трудно представить себѣ вопросъ, по которому такъ легко могла бы возникнуть ересь, уклоненіе отъ господствующаго ученія. Еслибы споръ Пелагія съ Августиномъ происходилъ среди болѣе мыслящаго, менѣе равнодушнаго общества, онъ не могъ бы остаться безъ самыхъ серьезныхъ послѣдствій. Въ церковной исторіи IV—X столѣтій замѣчательно то явленіе, что ереси этого времени возникали болѣею частію не вопросамъ отвлеченнымъ, не имѣвшимъ прямого отношенія къ моральной, практической сторонѣ религіи. Таковы были ереси арианъ, македоніанъ, моноелитовъ, монофизитовъ. Онѣ находили страстныхъ защитниковъ и столь же страстныхъ прѣвниковъ; онѣ давали поводъ къ гоненіямъ, кровопролитіямъ. Грубые, невѣжественные люди принимали дѣятельное участіе въ раздорѣ, основанномъ на метафизическихъ, ученыхъ аргументахъ. Не свидѣтельствуетъ ли что о томъ, что народъ безпрекословно слѣдовалъ только указаніямъ тѣхъ или другихъ духовныхъ авторитетовъ, другими словами, что между движеніемъ и почвой, на которой оно происходило, не было живой связи? Теологическій споръ начинался въ средѣ, хорошо знакомой съ догматическою стороною вѣры: раздѣленіе, возникавшее въ этой средѣ, немедленно, хотя и механически, отражалось во всѣхъ сферахъ церковнаго общества. Но вопросы психологическіе менѣе занимали духовенство, и потому самому рѣже подавали поводъ къ ересямъ. Впрочемъ, сказанное нами относится болѣе къ восточной нежели къ западной церкви. Всѣ вышешюменнованныя ереси возникли на Востокѣ: въ западной церкви, послѣ великаго арианскаго раскола, наступила эпоха неподвижности, апатіи, продолжавшаяся нѣсколько столѣтій. Рѣшительное паденіе пелагіанизма представляетъ первый, весьма знаменательный признакъ апатіи. Нетерпимость духовенства конечно содѣйствовала всеобщей апатіи; но при другомъ расположеніи умовъ въ народѣ, нетерпимость церковнаго правительства не могла бы дойти до такихъ размѣровъ, или, по крайней мѣрѣ, не могла бы такъ полно достигнуть предположенной цѣли. Итакъ, народъ былъ неподвиженъ; но внутри церковнаго правительства скоро возникло движеніе другаго рода—борьба за вліяніе, за власть, борьба епископовъ съ митрополитами, священниковъ съ епископами, монашества съ бѣлымъ духовенствомъ. Подробности этой борьбы изложены Гизо съ большимъ искусствомъ въ трехъ послѣднихъ лекціяхъ перваго тома. Общую характеристику сочиненія Гизо мы отлагаемъ до

выхода въ свѣтъ слѣдующихъ его томовъ. Переводъ его показался намъ очень удовлетворительнымъ.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

Т Ю Р Г О.

Turgot philosophe, économiste et administrateur, par Batbie (*Тюрго философъ, экономистъ и администраторъ*. Соч. Батби.) Paris. 1861.

Событія, совершившіяся въ концѣ XVIII столѣтія во Франціи, продолжаютъ занимать умы современниковъ, служа имъ предметомъ воспоминаній, толковъ, изслѣдованій всякаго рода и вида. Являются статьи, монографіи, книги, томы, съ цѣлію разъяснить то или другое обстоятельство, оправдать или осудить замѣчательную личность, представить въ связи и послѣдовательности рядъ дѣйствій, картинъ, происшествій мѣстныхъ и въ то же время міровыхъ, изумляющихъ своимъ драматизмомъ или хранящихъ въ нѣдрахъ своихъ зачатки того, что позже стало явленіемъ всеневнымъ, правиломъ жизни, общимъ достояніемъ.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, г. Батби издалъ недавно любопытное сочиненіе, въ которомъ великій человекъ — философъ, экономистъ и администраторъ — изображенъ на основаніи сохранившихся о немъ свѣдѣній, собственныхъ литературныхъ трудовъ его и официальныхъ документовъ служебной его дѣятельности.

Достоинство хорошей монографіи заключается въ томъ, что въ ней разсѣянные лучи свѣта, собранные въ одинъ такъ-сказать фокусъ, даютъ предмету особенную наглядность и полное его значеніе.

Выборъ автора достоинъ одобренія. Тюрго — лицо типическое, единственное не только между министрами несчастнаго Лудовика XVI, но и между всѣми прежними и послѣдующими французскими министрами, какъ единственъ моментъ, въ который Тюрго явился на политическомъ горизонтѣ. Онъ былъ, какъ и государь, которому онъ служилъ — мало сказать представителемъ, онъ былъ воплощеніемъ принципа полновластной, и притомъ просвѣщенной, благодѣющей монархіи. Когда старый порядокъ вещей клонился къ паденію, ему суждено было мгновенно олицетворить въ себѣ идеалъ добра, возможнаго, какъ ему казалось, безъ потрясенія коренныхъ условій исторической жизни государства. Эта

мысль исключительно ему принадлежала, и никто лучше его не могъ исполнить ее на дѣлѣ. Онъ одаренъ былъ нужными для того качествами ума и сердца, которыхъ не доставало его современникамъ. Самая наружность, благородный видъ, открытое, безмятежное лицо его, степенность, цѣломудріе въ рѣчахъ и въ жизни, безкорыстіе и гуманность, выгодно отличали его отъ суетной толпы людей большого свѣта и двора. Не даромъ король, сочувствуя высокимъ стремленіямъ, которыя одушевляли его самого, говаривалъ: «Тюрго да я, мы одни дорожимъ благомъ народа.»—Тюрго былъ преданъ монарху и праву монархической власти, какъ ни одинъ изъ Французовъ того времени. Многие, пользуясь злоупотребленіями этой власти, дкбя ее нечистымъ побужденіемъ, желали, если не навсегда, то на долго ея сохраненія по личнымъ разчетамъ, для себя, легкомысленно приговаривая: «По нашъ вѣкъ станеть; après moi le dé'loge.» Люди мыслящіе, искренно сознавая огромность зла и «утративъ всякое довѣріе къ старому порядку вещей, обращались къ иному новому началу. «Собраніе государственныхъ чиновъ: эти слова, сказанныя однажды Мальзербомъ, повторялись вездѣ съ увлеченіемъ безотчетнымъ, и мало-по-малу становились общимъ символомъ вѣры въ будущее.

Тюрго держался середины. Врагъ злоупотребленій, онъ чалъ всего лучшаго отъ верховной власти, опирающейся на точное, не гадательное знаніе ясно выраженныхъ нуждъ народа. Онъ былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, смѣлѣе и осторожнѣе другихъ *Смьлле*, потому что мѣру преобразования прилагалъ ко всему, и къ самому представительству интересовъ, которое, какъ казалось, должно было все исправить, всему помочь. Чины государственные (*états généraux*), соборъ сословій (дворянства, духовенства и буржуазія), въ ветхой средне-вѣковой ихъ формѣ, эту кристаллизацию противоположныхъ выгодъ, разрозненныхъ видовъ, неравныхъ правъ и привилегій, весь этотъ ржавый механизмъ надлежало, по мнѣнію Тюрго, замѣнить депутаціями владѣльцевъ недвижимой собственности, избранными на совершенно новомъ основаніи. *Осторожнѣе* другихъ былъ планъ его въ томъ смыслѣ, что предметъ и образъ дѣйствія депутацій были въ немъ строго опредѣлены, а право ихъ не ограничивалось правомъ голоса совѣщательнаго.

Записка «о муниципалитетахъ», поданная королю въ 1775 году, содержитъ въ себѣ главныя черты этого плана. Извлекаемъ изъ нея слѣдующее:

«Все зло, государь, происходитъ отъ того, что государство не устроено. Оно состоитъ изъ разныхъ сословій, худо связанныхъ между собою, и изъ толпы народа не имѣющаго никакой

связи. Отъ того каждый занятъ исключительно частнымъ своимъ дѣломъ, и никто не думаетъ объ исполненіи обязанностей, ниже объ уразумѣніи своихъ отношеній къ другимъ, такъ что среди вѣчной борьбы притязаній и порывовъ, не озаренныхъ свѣтомъ разума и взаимности, ваше величество принуждены все рѣшать непосредственно сами или чрезъ своихъ повѣренныхъ. Въ каждомъ случаѣ, чтобъ исполнить требы общественныя, чтобъ удовлетворить чужому праву, чтобъ воспользоваться собственнымъ своимъ правомъ,—нужно особое разрѣшеніе верховной власти. На все ожидаются указы вашего величества и частныя постановленія, тогда какъ вы, государь, могли бы пѣвать какъ Богъ управляетъ міромъ, посредствомъ общихъ законовъ, еслибы составныя части вашей державы были благоустроены и соотношенія ихъ хорошо извѣстны.

«Всего нужнѣе было бы учрежденіе особаго совѣта народнаго образованія. Узы общественныя поддерживаются нравами; основаніе же нравовъ есть усвоенное себѣ съ малолѣтства понятіе объ обязанностяхъ челоука къ себѣ подобнымъ. Удивительно какъ наука эта отстала отъ прочихъ наукъ! Образуются геометры, живописцы; объ образованіи гражданъ никто доселѣ не думалъ. Совѣтъ позаботился бы о составленіи классическихкихъ книгъ, посредствомъ конкурса, указаніемъ приличнаго такимъ сочиненіямъ духа и плана изложенія. Онъ принялъ бы мѣры къ образованію приходскихъ учителей для всего государства... Въ десять лѣтъ ваши подданные, государь, переродились бы совершенно, стали бы людьми любящими отечество, послушными власти не изъ страха, а по разуму, всегда готовыми помочь ближнему, уважающими правду и правосудіе какъ первыя основы каждаго гражданскаго общества. Эти свойства они передали бы своему потомству, изъ рода въ родъ.

«Впрочемъ и нынѣ, не дожидаясь плодовъ такого лучшаго воспитанія, можно возбудить въ народѣ искреннее участіе къ дѣлу общему и къ пользамъ государства.

«Для этого, въ каждомъ приходѣ слѣдуетъ предоставить обывателямъ право мѣстнаго управленія, къ которому относятся: 1) раскладка сборовъ и податей; 2) исправленіе работъ, касающихся всего селенія; 3) призрѣніе бѣдныхъ; 4) заявленіе высшему начальству о нуждахъ общины въ составѣ государственнаго хозяйства.

«Спрашивается: всѣ ли жители селенія должны участвовать въ дѣлѣ управленія? Не всѣ, потому что иначе собранія ихъ были бы слишкомъ людны и шумны и безпорядочны. Притомъ же неминуемо избиратели немущіе впадутъ въ зависимость отъ богатыхъ. Строго судя, къ сельскому обществу принадлежать

только тѣ, которые владѣютъ участкомъ земли. Прочіе—народъ проходящій. Итакъ, только первымъ слѣдуетъ предоставить право голоса въ собраніяхъ общины. Имѣющимъ количество земли достаточное для обезпеченія ихъ съ семьєю, примѣрно 600 ливровъ чистаго годоваго дохода отъ земли,—право цѣлаго (полнаго) голоса; тому, кто имѣетъ менѣе, наприм. 300 или 100 ливровъ—половину или одну-шестую голоса. Владѣльцы 600 ливровъ говорятъ сами за себя; мелкіе владѣльцы соединяются между собою, по желанію, въ товарищества, и назначаютъ отъ себя въ собраніе общаго повѣреннаго. Съ другой стороны, справедливость требуетъ, чтобы владѣлецъ 1200 ливровъ имѣлъ два голоса въ собраніи и т. п. Выгода такого устройства состоитъ въ томъ, что люди болѣе достаточные и, слѣдовательно, болѣе образованные получаютъ перевѣсъ въ рѣшеніи дѣлъ. Но главное здѣсь то, что разомъ достигается двоякая цѣль: распредѣленіе голосовъ по имуществу, и приведеніе въ извѣстность самаго имущества, могущаго подлежать соразмѣрному налогу. Каждый, желая воспользоваться правомъ голоса, объявить безъ утайки свое состояніе, въ присутствіи своихъ прихожанъ, которые, зная другъ друга, могутъ наилучшимъ образомъ судить о правдивости показаній, и если нужно, исправить ихъ погрѣшности. Такимъ образомъ раскладка податей стала бы дѣломъ легкимъ и удобнымъ: выгода неоцѣнимая!

«Изъ добросовѣстныхъ показаній владѣльцевъ, повѣренныхъ и исправленныхъ обществомъ, изъ этихъ протоколовъ сельскихъ собраній, составитъ мало-по-малу опись всего королевства, иначе сказать общій кадастръ, чего нельзя было бы сдѣлать безъ многолѣтнихъ трудовъ большаго числа чиновниковъ и безъ огромныхъ издержекъ.

«Дружное участіе дѣйствительныхъ членовъ общества въ дѣлахъ его дастъ этимъ дѣламъ наилучшій ходъ и успѣхъ. Нынѣ, улицы и дороги около селеній большею частію непроходимы. Земледѣлецъ разоряется, тратя напрасно время, упряжь и силы животныхъ при перевозкѣ своихъ произведеній. Все это обходится ему дороже того, чего стоило бы исправленіе путей. Слѣдовательно, какъ ни бѣденъ край, недостатокъ не въ деньгахъ: не достаетъ гражданственнаго духа и общественныхъ формъ для оглашенія и приведенія въ дѣйствіе совокупнаго желанія обывателей.

«Муниципальныя собранія, устроивъ эту часть въ каждомъ мѣстѣ, сэберегутъ не малыя суммы, которыя, въ рукахъ трудолюбивыхъ, умножатся во сто кратъ и обогатятъ государство.

«Привѣрженіе бѣдныхъ должно быть также предоставлено общинѣ.

«Наконецъ, избраніе депутатовъ въ муниципальное собраніе цѣлаго округа вѣнчаетъ дѣло приходскихъ муниципалитетовъ.

«*Окружной муниципалитетъ* есть второе звено посредствующихъ между королемъ и народомъ учреждений. Здѣсь, значеніе cadaго депутата опредѣляется числомъ голосовъ, принадлежащихъ тому приходу, котораго онъ представитель, а дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ. Эта важная по послѣдствіямъ своимъ расцѣнка депутатовъ и самыхъ приходовъ не затруднитъ собраніе, которое будетъ имѣть въ виду и приметъ за основаніе приходскіе списки. За симъ, депутаты, опираясь на данныя имъ вѣрителями полномочія, объясняютъ собранію о нуждахъ различныхъ мѣстностей, требующихъ содѣйствія или пособія отъ округа, для устройства и улучшенія путей сообщенія, а также въ несчастныхъ случаяхъ, каковы пожары, наводненіе, градобитіе и т. п.

«Для обсужденія и рѣшенія дѣлъ, касающихся нѣсколькихъ округовъ вмѣстѣ или цѣлой провинціи, избирается отъ cadaго изъ окружныхъ муниципалитетовъ депутатъ въ собраніе *провинціальное*. Это—третье звено въ цѣпи общественныхъ учреждений.

«Послѣднимъ звеномъ ихъ будетъ муниципальное собраніе для всего королевства, составленное изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ собраній.

«Въ этомъ высшемъ или *національномъ* собраніи производилась бы раскладка податей на провинціи, и опредѣлялись бы расходы на производство публичныхъ работъ и на вспоможеніе провинціямъ.

«Здѣсь ваше величество сами или чрезъ министра финансовъ изволите объявить собранію, сколько требуется вообще денегъ на расходы государственные. Съ своей стороны, собраніе будетъ въ правѣ постановить по большинству голосовъ, какія еще работы надлежитъ предпринять или какія пособія оказать случайно-пострадавшимъ провинціямъ, по ихъ просьбѣ.»

Составленіе этой записки Тюрго поручилъ одному изъ своихъ пріятелей. Но мысли принадлежать ему. Жаль, и самъ онъ сожалѣлъ, что время и обстоятельства не позволили ему пересмотрѣть ее и дополнить пробѣлы указаніемъ мѣръ необходимыхъ для утвержденія и обезпеченія личной свободы, вольнаго труда и торговли, всѣхъ правъ человека, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ.

При всей неполнотѣ записки, взглядъ Тюрго ясенъ.

Въ основу зданія онъ полагаетъ общее народное образованіе.

Замѣчательная оригинальность ума видна въ начертаніи системы представительныхъ учреждений, снизу доверху. Въ составѣ мѣ-

стныхъ муниципалитетовъ участвуютъ прямо и непосредственно владельцы недвижимой собственности. Изъ нѣдръ ихъ выходятъ депутаціи второй степени; изъ этихъ—депутаціи третьей степени; и тѣмъ же путемъ образуется національное собраніе изъ выборныхъ отъ провинціальныхъ муниципалитетовъ. Такимъ образомъ, преименно передаваемымъ полномочіемъ народа, Тюрго надѣялся предотвратить неудобства обычныхъ выборовъ, неразлучное съ ними волненіе умовъ, проски честолюбія и т. п.

Съ другой стороны, найдены, повидимому, способъ возбудить усердіе гражданъ къ дѣятельности политической, въ самыхъ скромныхъ ея размѣрахъ. Известно, что чѣмъ ограниченнѣе предметъ ея, тѣмъ слабѣе бываетъ участіе и вниманіе совѣщающихся. Небрежно выслушиваетъ сельскій сходъ отчетъ о копѣчныхъ расходахъ на починку изгороди или моста, просьбу докучливой вдовы и т. п. Но ежели избраніемъ депутата въ окружное присутствіе ему дано имѣть вліяніе на округъ, и далѣе на провинцію, на все государство, то сознаніе этого права возвышаетъ собраніе въ собственныхъ глазахъ его: оно чувствуетъ свою силу и важность въ составѣ великаго цѣлаго, и тогда самыя мелкіе интересы получаютъ на его совѣтахъ вѣсъ и значеніе.

Можетъ быть скажутъ: «Тюрго слишкомъ тѣсно понималъ это право, предоставляя его однимъ владельцамъ недвижимой собственности.»

Противъ этого мнѣнія приведемъ слѣдующее мѣсто изъ записки: «Приходскіе муниципалитеты могутъ и должны назначать окружными депутатами своихъ членовъ, т.-е. изъ мѣстныхъ владельцевъ недвижимой собственности по одному съ прихода. Но окружные муниципалитеты будутъ часто въ невозможности высылать въ провинцію депутатовъ изъ среды своей, потому что хозяйственныя занятія не позволятъ имъ отлучаться отъ дома: къ тому же таланты вообще рѣдки и можетъ-быть не найдутся въ указанномъ кругу. Въ такихъ случаяхъ ничто не препятствуетъ окружнымъ собраніямъ назначать въ собранія провинціальныхъ постороннихъ. Люди высшаго званія, отличныхъ способностей, хотя бы и молодые, но зрѣлые опытомъ и познаніемъ, могутъ быть удостоиваемы этой честью: прекрасная школа для политическихъ дарованій. То же самое право избирать депутатовъ изъ своей среды или изъ постороннихъ, имѣетъ быть предоставлено собраніямъ провинціальнымъ.»—Такъ предупреждалось возраженіе, и дальновидный умъ Тюрго рѣшалъ безъ затрудненія задачу (*adjonction des capacités*), которая недавно еще стоила жизни іюльской монархіи.

«Но, возражать другіе, всѣ эти муниципалитеты должны довольствоваться правомъ голоса совѣщательнаго.» Конечно такъ;

въ сравненіи съ всемогуществомъ Национальнаго Собранія 1789 года это право ничтожно. Однакоже оно значительное того права, какое имѣли государственные чины прежняго времени, созываемые безъ всякихъ правилъ, для того только, чтобы печаловаться (*faire des doléances*) и приносить прошенія (*supplier*). Мнѣніе основательное независимаго сонма людей, согласныхъ между собою на всѣхъ степеняхъ совѣщанія, имѣеть свое значеніе, и правители государственныхъ дѣлъ не могутъ не уважить такого отзыва: пренебрегая имъ безъ причины, они поступали бы неблагоразумно, вредили бы собственному своему вліянію.

Надо признаться, тѣсны границы предоставленной новымъ собраніямъ власти: производить раскладку податей и опредѣлять по своему усмотрѣнію потребность *нѣкоторыхъ* работъ и расходовъ. Но общественному мнѣнію, тѣмъ не менѣе, открывалось возможность получить современемъ большее развитіе и нешуточное примѣненіе къ рѣшенію важнѣйшихъ дѣлъ.

Главная цѣль, которую имѣлъ въ виду Тюрго, было уравненіе тягостей, несомыхъ низшими бѣдными классами народа, безъ всякой соразмѣрности съ участіемъ высшихъ сословій въ выгодахъ общежитія и въ нуждахъ государственной казны. И для того онъ крѣпко настаивалъ на томъ, что муниципалитеты будутъ не то, что собранія чиновъ, въ которыхъ особые интересы сословій преобладаютъ во вредъ общей пользы государства.

Здѣсь въ этой мысли былъ и камень преткновенія гражданской дѣятельности Тюрго. Мечтая водворить справедливость, онъ вооружилъ противъ себя сословные интересы и предрасудки сильныхъ. Они поколебали довѣріе къ нему монарха, и лишили его власти.

Общій планъ преобразованія королевства учрежденіемъ муниципалитетовъ остался проектомъ и можетъ-быть даже не всѣмъ былъ извѣстенъ. Но частныя реформы, будучи проникнуты тѣмъ же духомъ (изъ нихъ важнѣйшія уничтоженіе гильдій и цеховъ, разрѣшеніе свободной торговли хлѣбомъ внутри государства, замѣна натуральныхъ повинностей денежнымъ сборомъ съ недвижимой собственности всѣхъ состояній), встрѣтили явное сопротивленіе парламента, двора и черни. Подстрекаемые тайными врагами министра, вооруженныя шайки злодѣевъ явились въ разныхъ мѣстахъ, сѣя слухи о голодѣ, котораго не было, разбивая лавки хлѣбниковъ въ городахъ, грабя обозы на большихъ дорогахъ и караваны на судоходныхъ рѣкахъ. Захваченный хлѣбъ въ зернѣ, муку, печенныя булки, эти люди истребляли съ неописаннымъ буйствомъ, бросая въ грязь, и тѣмъ самымъ обличали гнусное намѣреніе свое волновать народъ лож-

нымъ вымысломъ и вредили ему самымъ дѣломъ. Мѣрами необходимой строгости Тюрго укротилъ мятежь, и законнымъ путемъ принудилъ парламентъ сознать и обнародовать мудрыя постановленія, внушенныя имъ королю.

Король.... былъ единственнымъ щитомъ министра, горѣвшаго желаніемъ спасти монархію. Тюрго усердно давалъ ему совѣты въ важнѣйшихъ дѣлахъ и случаяхъ: совѣты вѣротерпимости, справедливости, экономіи. Онъ излагалъ мнѣнія свои въ особыхъ запискахъ, которыя могутъ служить образцомъ яснаго, стройнаго и основательнаго изложенія: искренность и здравый смыслъ водили перомъ его и голосомъ, когда онъ читалъ ихъ королю. Людовикъ XVI слушалъ его съ удовольствіемъ.

Но коварство имѣетъ тысячи средствъ вредить человѣку. Превратныя толки непросвѣщенной толпы, жалобы знати, недовольной сокращеніемъ королевскихъ щедротъ и милостей, язвительныя шутки придворныхъ остряковъ, которые честили министра неловкимъ педантомъ, все это подѣйствовало на короля. Однажды разсѣянно слушая докладъ, онъ спросилъ: «Много ли еще?» — «Не много,» отвѣчалъ Тюрго. — «Тѣмъ лучше,» возразилъ король, и звѣнулъ.

Вскорѣ послѣ того, 12 мая 1776 года, Тюрго былъ уволенъ отъ должности. Онъ былъ министромъ около двухъ лѣтъ.

Очистилось мѣсто. Явились дѣлатели другой статьи: Неккеръ, Калоннъ, Мирабо....

В. Порошинъ.

Парижъ.

La Guerre et la Paix par P. J. Proudhon. (*Война и миръ*, соч. П. J. Прудона.) Paris. 1861.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящую минуту очень кстати поговорить о *войнѣ и мирѣ*. Рѣдко случалось, чтобъ Европа была такъ сильно взволнована, и народы спрашиваютъ себя съ безпокойствомъ, возрастающимъ ежедневно, когда и какъ возстановится надежная политическая прочность; когда и какъ можно будетъ сократить бюджеты войны, поглащающіе цвѣтъ народныхъ сбереженій; когда и какъ наступитъ если не постоянный миръ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое спокойствіе и безопасность, достаточныя для того, чтобы производительныя предпріятія вновь приняли свое обычное движеніе, однимъ словомъ, когда прекратится военный кризисъ, истоща-

ющій теперь всю Европу, какъ необходимыми для него непронзводительными издержками, такъ и препятствіями, которыя онъ воздвигаетъ предпріятіямъ производительнымъ. Новая книга г. Прудона, при такомъ общемъ безпокойствѣ и волненіи умовъ, появилась какъ нельзя болѣе кстати. Многіе надѣялись найти въ ней разрѣшеніе современныхъ затрудненій. Оттого, не успѣло первое изданіе ея появиться у книгопродавецъ, какъ уже всѣ экземпляры были раскуплены.

Но второе изданіе не идетъ съ рукъ.

Что бы это значило? Неужели послѣднее сочиненіе г. Прудона хуже прежнихъ? Нисколько. Никогда еще этотъ оригинальный и энергическій писатель не обнаруживалъ съ такою силой всѣхъ качествъ, заслужившихъ ему шумную извѣстность. Никогда еще онъ не являлся такимъ искуснымъ и ловкимъ діалектикомъ, такимъ блестящимъ писателемъ. Никогда еще не проглядывало между парадоксами столько яснаго разумія. А между тѣмъ новая книга его, возбудивъ сначала самое горячее любопытство, сильно разочаровала читателей. Что за причина этому?

Но прежде чѣмъ мы будемъ говорить о книгѣ, позвольте напомнить вамъ въ нѣсколькихъ словахъ объ ея авторѣ. Г. Прудонъ, какъ извѣстно вашимъ читателямъ, во многихъ отношеніяхъ представляетъ самую замѣчательную изъ всѣхъ личностей, выведенныхъ на свѣтъ событіями 1848 года. Сынъ бочара и кухарки, какъ самъ онъ разказываетъ въ своемъ предпоследнемъ сочиненіи, онъ весь принадлежитъ народу. Родился онъ въ окрестностяхъ Безансона въ 1809 году; былъ сначала наборщикомъ въ типографіи и занимался корректурою Библии, выучился древнимъ языкамъ. Въ качествѣ наборщика-подмастерья, онъ совершилъ свой *tour de France* потомъ возвратился на постоянное жительство въ Безансонъ, гдѣ завелъ небольшую типографію. Но вскорѣ способности молодого типографщика обратили на себя вниманіе его согражданъ. Безансонская академія назначила ему стипендію, основанную г. Сюаромъ, и тѣмъ дала ему возможность отправиться въ Парижъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Конечно, честная провинціальная академія никакъ не подозрѣвала, что стипендія ея надбавляетъ страшные скандалы. Каково же было изумленіе этихъ достойныхъ и миролюбивыхъ академикомъ, когда, спустя два года, въ 1840, они получили знаменитый мемуаръ: *Qu'est ce que la propriété?* (что такое собственность?) съ такимъ отвѣтомъ: *La propriété c'est le vol* (собственность есть кража). За изумленіемъ, которое было возбуждено этимъ сочиненіемъ, послѣдовалъ гнѣвъ. Г. Прудона призвали въ ассизный судъ, гдѣ онъ былъ оправданъ, благодаря заступничеству нѣкоторыхъ знаменитостей науки.

По всемъ вѣроятностямъ, вывода на свѣтъ свой чудовищный парадоксъ, онъ не имѣлъ много намѣренія, какъ только надѣлать побольше шуму. По остроумному замѣчанію г. Цельтана, онъ только выстрѣлилъ изъ пистолета на улицѣ, чтобы собрать около себя толпу прохожихъ. Прохожіе дѣйствительно собрались, и авторъ вышелъ навсегда изъ невѣдѣнности. Впрочемъ, вѣроятно репутація его не перешла бы за предѣлы небольшого кружка (книги его весьма мало доступны массѣ, и у весьма немногихъ достало терпѣнія прочесть его знаменитые памфлеты о собственности), и онъ бы не сбѣгалъ никогда популяренъ, еслибы февральская революція не выдвинула его на поприще журналистики. И дѣйствительно, г. Прудонъ по преимуществу полемикъ: онъ одаренъ бойкою натурой, умѣнемъ сказать слово кстати, и способностью къ импровизаціи, составляющими характеристическую особенность истаго журналиста. Сверхъ того, онъ владѣетъ силою, даже можно сказать грубостью формы, что вполне соответствовало эпохѣ и обстоятельствамъ. Онъ началъ пріобрѣтать популярность, обрушившись всею силой на капиталистовъ, собственниковъ и экономистовъ, однимъ словомъ на всехъ *bêtes noires* февральскаго люда. Онъ отстаивалъ право на трудъ, онъ основалъ народный банкъ, имѣвшій цѣлю установленіе дароваго кредита и уничтоженіе ренты. Онъ призналъ контръ-революцію въ доктринѣ Мальтуса, и когда подъ нимъ былъ убитъ первый его конь, *Le représentant du peuple* онъ составилъ противъ послѣдователей Мальтуса (*Les Malthusiens*) громозный обвинительный актъ, который воспламенялъ народъ и становился страшилищемъ для буржуазіи. Такъ напримѣръ, эта статья о послѣдователяхъ Мальтуса, разошедшаяся въ Парижѣ въ числѣ 50.000 экземпляровъ, имѣла такой успѣхъ, что на другой день журналъ, напечатавшій ее *La voix du peuple*, долженъ былъ перепечатать ее. Но если, съ одной стороны, г. Прудонъ былъ виновенъ въ возбужденіи и раздраженіи народныхъ страстей, то съ другой онъ являлся неумолимымъ преслѣдователемъ толпы правительственныхъ социалистовъ и коммунистовъ, которые выставили на рынокъ свои негодные товары. Онъ вступалъ въ рукопашный бой поочередно съ гг. Луи-Бланомъ, Консидераномъ, Пьеромъ Леру, Кабе и оставлялъ ихъ измученными и израненными на полѣ битвы. Осыпая бранью экономистовъ, онъ многое у нихъ заимствовалъ; подъ личиной неистоваго демократа и матежаго социалиста скрывался замѣчательный умъ, который по временамъ смотрѣлъ на вещи ясно и рассуждалъ правильно. Безъ непомирной гордости, не позволявшей ему выносить,

чтобы другіе до него, или даже въ одно время съ нимъ, думали то же, что и онъ, безъ срасти къ шуму и скандалу, которая либо прямо ведетъ его къ парадоксу, либо всегда побуждаетъ его придавать своей мысли парадоксальную форму, г. Прудонъ сдѣлался бы просто однимъ изъ тѣхъ «экономистовъ англійской школы», о которыхъ онъ говоритъ такъ много дурнаго. Но тогда онъ не приобрѣлъ бы своей громкой популярности въ массахъ, и не имѣлъ бы возможности съ успѣхомъ противодействовать распространенію коммунистическихъ утопій. Сводя счеты его какъ писателя, повѣряя балансъ зла, которое онъ сдѣлалъ, тѣмъ, что потворствовалъ страстямъ и предразсудкамъ толпы, и услугъ, которыя онъ оказалъ дѣлу науки и истины очищеніемъ почвы отъ коммунистическихъ плевелъ, такъ густо и быстро выроставшихъ въ 1848 году, я съ своей стороны склоняюсь къ убѣжденію, что добро у него беретъ верхъ надъ зломъ: нападенія его нисколько не поколебали принципа собственности, между тѣмъ какъ они окончательнo потрясли въ массахъ довѣріе къ коммунизму.

Но если экономисты, вооружаясь противъ его заблужденій, какъ поступалъ навримеръ Бастиа, отстаивавшій законность процента, въ то же время были признательны ему за услуги, оказанныя имъ дѣлу истины, за поражение коммунизма и за попытки сдѣлать популярною (хотя онъ и не понималъ ее какъ должно) идею экономической свободы, почерпнутую имъ изъ ихъ же сочиненій, то иначе думала буржуазія, которую онъ напугалъ и которая, принимая въ буквальныйъ смыслѣ его напыщенные призывы къ разрушенію, смотрѣла на него какъ на Марата второй революціи. Г. Прудонъ принесенъ былъ въ жертву ихъ опасеніямъ, и въ продолженіи трехъ лѣтъ, съ іюня 1849 до іюня 1852 г., долженъ былъ искупать тюремнымъ заключеніемъ свою излишнюю говорливость. Вслѣдствіе этого, онъ успѣлъ избѣжать проскрипціи декабрьскаго *сoup d'état*, но эта удача была не болѣе какъ отсрочка. Его допустили безнаказанно нападать на финансистовъ въ его *Manuel des spéculateurs à la Bourse* (Руководство биржевыхъ спекуляторовъ); но онъ имѣлъ неблагоразуміе напасть на католицизмъ въ ту минуту, когда правительство особенно покровительствовало духовенству, и его осудили опять на трехлѣтнее тюремное заключеніе за сочиненіе его: *De la justice dans la révolution et dans l'église*. На этотъ разъ онъ предпочелъ тюрьмѣ изгнаніе, и поселился съ семействомъ своимъ въ Брюссель, гдѣ вотъ уже три года ведетъ мирную и трудовую жизнь. Получивъ, немножко поздно, право воспользоваться амнистіей, онъ теперь думаетъ возвратиться во Францію.

Нѣтъ сомнѣнія, что это одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ оригиналовъ нашего времени. Лобъ высокій и выпуклый, хотя нѣсколько узкій, глаза сѣро-голубые съ выраженіемъ тонкости и лукавства, лицо широкое и нѣсколько поврежденное оспою, длинная борода свѣтло-каштановаго цвѣта, станъ не высокій, но плотный, сильная грудь и атлетическія плечи—вотъ его наружность. Онъ женился въ Сентъ-Пелажи на отличной женщинѣ, которая очень мало занимается философскими умствованіями и очень много двумя маленькими дѣвочками, которыхъ она ему родила. Это маленькое семейство помѣщается въ самой скромной квартиркѣ, живетъ бѣдно, но съ достоинствомъ; знакомыхъ имѣетъ очень мало, но за то пользуется уваженіемъ и симпатіей всѣхъ, кто его знаетъ. Несмотря на строгую экономію, соблюдаемую въ этомъ семействѣ, жить ему трудно, потому что, какъ ни велика извѣстность г. Прудона, книги его имѣютъ весьма ограниченный кругъ читателей, да къ тому же во многихъ государствахъ онѣ запрещены къ привозу. Итакъ авторъ ихъ могъ совершенно справедливо сказать въ минуту грусти и утомленія:

«Вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ я работаю, и бѣдная птица, забитая бурю, я не успѣлъ еще найти себѣ зеленой вѣтки, которая могла бы пріютить моихъ птенцовъ.»

Впрочемъ, умъ его теперь какъ будто находится въ процессѣ, изъ котораго онъ можетъ-быть выйдетъ окончательно очищенный. Множество сбивчивыхъ и одна другой противорѣчащихъ идей, налетѣвшихъ со всѣхъ пунктовъ міра мысли въ эту обширную голову, волнуются тамъ и измѣняются непрерывно; но идея свободы восторжествовала наконецъ надъ всѣми прочими. Эту идею въ теоріи онъ подвигаетъ такъ далеко, какъ только она можетъ идти, даже дальше чѣмъ можетъ; въ своей знаменитой теоріи *анархизма*, онъ доходитъ до отрицанія всякаго государства; но въ приложеніяхъ, онъ не всегда вѣрнѣе своей теоріи, и, вооружаясь противъ вмѣшательства правительства, отводитъ ему даже гораздо болѣе мѣста чѣмъ экономисты. Эти противорѣчія, эти колебанія его мысли должно приписать недостаточности его экономическихъ познаній и ультра-французской средѣ, въ которой онъ всегда жилъ. Онъ не былъ въ Англіи, онъ не изучалъ постановленій этой страны самоуправленія, и этотъ пробѣлъ въ его жизни обнаруживается во всѣхъ его сочиненіяхъ. Онъ отсталъ на четверть столѣтія, чтобъ оцѣнить все, что относится къ Англіи, и это частію объясняетъ ничтожный успѣхъ его книгъ въ этой странѣ. Какъ бы то ни было, если онъ не вполне понимаетъ экономическіе факты, если вслѣдствіе этого ему не достаетъ довольно яснаго взгляда на социальное развитіе, въ которомъ эти факты

занимають такое видное мѣсто, за то онъ болѣе чѣмъ когда-либо обнаруживаетъ вражду противъ той ложной демократіи, всѣ стремленія которой ограничиваются желаніемъ замѣнить старый порядокъ деспотизмомъ народнаго права. У якобинцевъ нѣтъ противника болѣе жестокаго и рѣшительнаго, какъ г. Прудонъ, и недавно еще, во второмъ изданіи своей *Justice dans la révolution et dans l'église*, онъ представилъ яркое ихъ изображение.

«Якобинство во Франціи, какъ папство въ Италіи, и инквизиція въ Испаніи, сливъ въ Англій, составляетъ особенную черту національнаго характера, которой не встрѣтишь въ иномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ въ такой же степени. Можно сказать довольно опредѣлительно, въ чемъ состоитъ этотъ недугъ, указать эпоху и обстоятельства, когда онъ свирѣпствовалъ съ наибольшею силой: было бы несравненно труднѣе, можетъ-быть и вовсе невозможно, объяснить по какой причинѣ французскій народъ болѣе всякаго другаго наклоненъ къ этому заблужденію, однимъ словомъ отчего каждая нація подвержена извѣстнымъ болѣзнямъ тѣла, души и ума, которыхъ не знаютъ прочія націи.

«Особенно съ 1789 года якобинство, какъ называли его, развилось въ нашей странѣ къ великому вреду для народа и революціи. Въ 1789 году, во время собранія государственныхъ чиновъ, огромное большинство Французовъ чуждо было якобинскаго духа: это замѣтно въ самыхъ федераціяхъ, въ искренности предположеній, выраженныхъ въ запискахъ и въ общемъ чувствѣ довѣренности, притекавшемъ изъ единодушія всѣхъ желаній. Монархически-конституціонная партія, которая подъ руководствомъ Сійесовъ, Мирабо, Барнавовъ, Дюпоровъ и проч., составилаь тотчасъ же по открытіи собранія государственныхъ чиновъ, и къ которой примкнула Франція, не имѣла въ себѣ ничего якобинскаго.....

«Якобинство въ той формѣ, какъ оно нѣсколько разъ со времени революціи 1789 г., проявлялось во Франціи, есть порожденіе поверхностной идеи, отчасти навѣянной чтеніемъ *Contrat Social*, и эту идею можно формулировать слѣдующимъ образомъ: «Когда божественное право, господствовавшее въ старомъ обществѣ, было замѣнено правомъ челоуѣка, то для революціи достаточно, если правительственный механизмъ, дѣйствовавшій прежде чрезъ посредство двора и его привилегированныхъ лицъ, и въ ихъ пользу, будетъ на будущее время дѣйствовать въ пользу другаго властителя, который есть народъ, и чрезъ посредство его избранниковъ.»

«Якобинство прикрывается личною демократіи: ему и нельзя иначе, потому что его подучдаетъ къ этому догматъ его о владычествѣ народа и всеобщей подачѣ голосовъ. На дѣлѣ, оно вовсе чуждо демократіи; въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго духа свободы; оно не терпитъ преній; оно подозрительно смотритъ на всякое собраніе и ассоціацію; во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, созданныя имъ конституціи заявляютъ его чувство. То, чтѣ якобинецъ почитаетъ за демократію, есть не чтѣ

нное, какъ демагогія. Онъ не стремится нисколько къ управленію массами при содѣйствіи разума, что повело бы ихъ къ образованію, научило бы ихъ разсуждать, и — это всего важнѣе — пробудило въ нихъ духъ наблюдательности и изслѣдованія. Якобинецъ желаетъ того только, чтобъ управлять посредствомъ инстинктовъ, страстей, желаній, предрассудковъ. Вотъ отчего якобинецъ не можетъ быть ни юристомъ, ни экономистомъ, ни философомъ, ни государственнымъ человѣкомъ; онъ не наставникъ массы: это риторъ и шарлатанъ, который идеи замѣняетъ образами, и вмѣсто того чтобы стремиться къ убѣжденію, производитъ только волненіе. Рѣчи Робеспьера, прокламаціи Бонапарта могутъ служить образцами въ этомъ родѣ...

«Якобинство, слѣдуя постоянно по стопамъ прежняго правленія, усердствовало централизациою. Это то, что въ 1793 г. называли: *Республика единая и нераздѣлимая*, въ подражаніе слогу старинныхъ нотаріусовъ, которые начинали свои акты слѣдующими словами: «Во имя Святой, единосущной и нераздѣлимой Троицы».....

«Якобинецъ чувствуетъ антипатію ко всякой идеѣ положительной политической экономіи. Сторонникъ по преимуществу правительственной инициативы и выше всего ставя государство, онъ предоставляетъ себѣ, во имя общественной безопасности, думать и дѣлать все, что ему угодно, смотря по обстоятельствамъ. У него всегда готовые фразы для свободы и покровительства; у него онъ есть и въ пользу и противъ регламентации; онъ защищаетъ разравненіе налоговъ, но онъ нисколько не желаетъ, чтобы это разравненіе произошло въ ущербъ рентѣ, фермерству, дивидендамъ...

«Якобинство, не составивъ себѣ теоріи ни публичнаго, ни экономического права, не имѣетъ также и теоріи международнаго права. Оно выдумало въ послѣднее время и пустило въ обращеніе знаменитый принципъ *національности*, который, судя по тому какъ оно его объясняетъ, будетъ въ сущности не что иное, какъ отрицаніе исторіи и возвращеніе къ естественному состоянію, что признано невозможнымъ относительно публичнаго и гражданскаго права. Такимъ образомъ якобинцы сдѣлались покровителями національностей польской, венгерской, италіанской; по временамъ, они прибавляютъ къ этому и ирландскую. Эта ревность къ національности искренна съ ихъ стороны — не спорю; они видятъ въ подчиненіи одной національности подъ власть другой, въ присоединеніи одного государства къ другому, форму прежняго порядка. Но это нисколько не мѣшаетъ гражданамъ-якобинцамъ высоко цѣнить завоеваніе, любить военные поборы и контрибуціи, по крайней мѣрѣ столько же, какъ и присоединенія. Они доказали это во время директоріи и первой имперіи. На этотъ конецъ у нихъ въ запасѣ два другіе великіе принципа также ихъ собственнаго изобрѣтенія, которые служатъ имъ, смотря по надобности, для видоизмѣненія принципа національности: одинъ принципъ *естественныхъ границъ*, другой принципъ *революціонной пропаганды*. По первому, границы государства могутъ быть расширены до безконечности: такимъ образомъ Наполеонъ I былъ увлеченъ отъ завоеванія къ завоеванію, и Наполеонъ III былъ бы совершенно готовъ наложить руку или на Ита-

лю, еслибы тамъ испортились дѣла гг. Кавура, Мадзини и Гарибальди, или на Рейнъ и Бельгію, еслибы только не воспрепятствовали ему великія державы. По второму принципу понятно, что всѣ прежнія правительства должны исчезнуть и замѣниться правительствами во вкусѣ якобинцевъ. А если эти націи сами по себѣ оказываются безсильными для такой реформы, то о нихъ позаботится французская нація, которая для большей вѣрности присоединитъ ихъ къ себѣ.

«Якобинство было главною причиною паденія свободы во Франціи, и оно же съ 1804 по 1815 годъ грозило уничтоженіемъ ея во всей Европѣ: послѣ всего, сказаннаго мною, новыхъ доказательствъ не нужно. Наполеонъ I, первостепенный демагогъ, образованный въ школѣ Робеспьера, который былъ для него всегда великимъ гениемъ, захвативъ власть, сдѣлался тотчасъ же идоломъ якобинцевъ. Оттого и прозвали его *Робеспьеромъ на конь*; его 18-е брюмера можно почитать какъ бы отмщеніемъ за 9-е термидора. Онъ наполнилъ якобинцами свой главный штабъ, свои совѣты, свою администрацію, и всѣхъ ихъ возвелъ въ дворянство. Но онъ ненавидѣлъ конституціонистовъ, республиканцевъ, свободныхъ мыслителей, всѣхъ старавшихся дать смыслъ революціи. Прочтите безъ предубѣжденій исторію этого деспота: его правительство, политика, мысль чистѣйшаго якобинства. Идея Сийеса были для него также невыносимы, какъ и притязанія Людовика XVIII. За то и секта выказала ему свою признательность: она избрѣла (эти якобинцы удивительные избрѣтатели!) формулу посвященія: императоръ — значитъ революція, императоръ — значитъ демократія. То же самое повторяется о Наполеонѣ III и тѣми же самыми людьми: доказательство, что ни республика, ни свобода ровно ничего не значатъ для якобинства.»

Никто такъ безпощадно не заклеивалъ якобинства, какъ г. Прудонъ: онъ выставилъ на свѣтъ все ничтожество его идей, все людоедствіе его поступковъ, заставляющее его называть преступными и отсталыми у своихъ противниковъ тѣ самыя дѣйствія, которыя оно же величаетъ прогрессивными, либеральными, когда ему вздумается подражать имъ. Вотъ новая заслуга г. Прудона, вотъ еще *статья*, которую можно прибавить къ *кредиту* счега этого замѣчательнаго ума, этой плодотворной, но дурно воздѣланной почвы, гдѣ столько сорныхъ травъ примѣшивается къ полновѣснымъ колосьямъ.

Послѣ этого ретроспективнаго взгляда на писателя, приступая къ его послѣднему сочиненію, сочиненію въ высшей степени запутанному, гдѣ свѣтъ борется съ тьмою, и не въ состояніи разогнать ее. Въ началѣ я сказалъ, что первое изданіе было тотчасъ же раскуплено, между тѣмъ какъ второе не находитъ себѣ покупателей. Надо сказать правду, эта книга можетъ скорѣе посѣять сомнѣніе и безпокойство въ умахъ чѣмъ просвѣтитъ ихъ и успокоить: предлагая самыя животрепещущіе современные вопросы, авторъ ни одного изъ нихъ не раз-

рѣшаетъ хотя сколько-нибудь удовлетворительно. Это—*водка*, которая возбуждаетъ и раздражаетъ умственный аппетитъ, насколько не утоляя его. Подобныя книги приносятъ пользу, направляя умы къ изученію принциповъ, съ помощью которыхъ могутъ быть разрѣшены великіе вопросы, потрясающіе міръ въ настоящую минуту; но если возбужденный ими аппетитъ, раздраженные ими умы не найдутъ въ иномъ мѣстѣ пищи болѣе существенной, то лучше не касаться этой водки.

Величайшій недостатокъ г. Прудона, тотъ самый, которыми особенно просумѣло его имя, есть преувеличеніе оригинальности, притязаніе разрушить и перестроить на свой манеръ все до чего только онъ касается. Если онъ не первый занимался какимъ-нибудь вопросомъ, то непремѣнно желаетъ идти совершенно новымъ путемъ, и оттого нападаетъ гораздо сильнѣе на тѣхъ, за кѣмъ слѣдуетъ, и у кого безсознательно заимствуетъ, чѣмъ на своихъ противниковъ. И все это съ тою цѣлю, чтобы никто не подумалъ, что онъ идетъ по ихъ слѣдамъ. Во что бы то ни стало, онъ хочетъ быть нововводителемъ, а такъ какъ для этого ему не достаетъ истинно новыхъ идей, то онъ силится придать новымъ формы истиннымъ или ложнымъ теоріямъ, которыя и перестраиваетъ по своей фантазіи.

Такъ напримѣръ, въ этой книгѣ *Война и Миръ*, онъ смотритъ на міръ точь-въ-точь, какъ экономистъ или ученикъ добрейшаго аббата де-Сенъ-Пьера; онъ объявляетъ—и это послѣдняя фраза его сочиненія—«что человѣчество не желаетъ болѣе войны.» И что же? Въ началѣ своей книги онъ не только осыпаетъ насмѣшками учениковъ добрейшаго аббата де-Сенъ-Пьера, но превозноситъ, прославляетъ войну. Такимъ образомъ онъ упрочиваетъ за собою оригинальность, превосходство надъ своими предшественниками, которыхъ онъ безъ всякой пощады величаетъ глупцами и невѣждами; но въ то же время онъ сбиваетъ съ толку читателя и затемняетъ свои идеи вмѣсто того чтобы объяснить ихъ какъ слѣдуетъ. Посмотримъ же, какъ воздвигаетъ онъ въ первомъ томѣ на основаніяхъ повидному непоколебимыхъ и вѣчныхъ, зданіе войны, которое во второмъ онъ самъ раззоритъ какъ карточный домикъ.

«Да здравствуетъ война! Посредствомъ ея, человѣкъ, едва вышедшій изъ грязи, служившей ему мѣстомъ зародженія, является во всемъ своемъ мужествѣ и величіи; на тѣлѣ убитаго имъ врага, онъ впервые мечтаетъ о славѣ и безсмертіи. Эта кровь, пролитая воинами, эта братоубійственная рѣзня приводятъ въ ужасъ нашу филантропію. Я боюсь, чтобы эта вѣжность не повела къ охлажденію нашей добродѣтели. Отстаивать великое дѣло въ героическомъ бою, гдѣ противникъ равно почтененъ, гдѣ они имѣютъ одинаковыя притязанія на право и рискуютъ оба нанести или потерпѣть смерть, — что же тутъ таго

ужаснаго? И особенно, что же тутъ такого безнравственнаго? Смерть есть вѣнецъ жизни: какимъ же болѣе благороднымъ образомъ можетъ окончить дни свои человѣкъ, существо разумное, нравственное и свободное?

«Волки, львы, также какъ бараны и бобры, не ведутъ между собою войны: давно уже это замѣчаніе обратилось въ сатиру на нашу породу. Какъ же не видать, напротивъ того, что здѣсь-то и заключается признакъ нашего величія? Еслибы, допустимъ невозможное, природа сдѣлала человѣка животнымъ исключительно промысловымъ и общежительнымъ, а не воинственнымъ, то онъ бы съ перваго же дня сталъ въ уровень со звѣрями, вся участь которыхъ зависитъ отъ ассоціаціи... Еслибы мы жили въ совершенномъ коммунизмѣ, то цивилизація ваша обратилась бы въ хлѣвъ. Можно ли бы безъ войны узнать чего стоить человѣкъ? Можно ли бы узнать, чего стоить народы и племена? Были ли бы мы на пути къ прогрессу? Имѣли ли бы мы хотя идею о мужествѣ, перенесенную съ языка войны на языкъ торговца?.. Нѣтъ народа, хотя сколько-нибудь извѣстнаго въ мірѣ, который бы не прославился прежде всего своими военными лѣтописями: въ нихъ заключается самое прекрасное право на уваженіе потомства. Неужели вы вздумаете покрывать ихъ за то позоромъ? Филантропы, вы толкуете объ уничтоженіи войны; берегитесь, чтобы не унизить родъ человѣческой.» (Т. I, стр. 42).

«... Многое нужно, чтобы между позными государствами всѣ спорные пункты могли рѣшиться полюбовно и простымъ третейскимъ судомъ; еще менѣе, означенныя государства могутъ подчиниться общей власти, которая бы долгое время разбирала ихъ несогласія; необходимое періодъ, — предѣлы его мы еще не осмыслили обозначить въ настоящее время, — въ продолженіе котораго народы должны рѣшать свои споры силою, и этотъ способъ рѣшенія будетъ для нихъ единственно справедливымъ, рациональнымъ и почтеннымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что война, которая между отдѣльными гражданами подверглась и должна была подвергнуться совершенному измѣненію, не могла и не должна была такимъ же образомъ измѣниться между народами. И кто осмыслитъ заранѣе предугадать день, назначенный судьбою для этой великой реформы? Кто поручится, что въ тотъ день когда миръ будетъ подписанъ и утвержденъ между державами при посредствѣ насилія и искусственныхъ комбинацій, не вспыхнетъ съ большимъ жаромъ, съ большимъ ожесточеніемъ и конечно съ меньшимъ рыцарствомъ война между отдѣльными лицами?

«Итакъ выведемъ заключеніе..., что война подъ тою или другою формою существенно необходима для человѣчества, что она составляетъ для нея жизненное, нравственное условіе; что, за исключеніемъ замѣненій въ ея веществѣ и формѣ, производимыхъ прогрессомъ наукъ и нравовъ, она принадлежитъ цивилизаціи столько же, сколько и варварству, и что со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія, она представляетъ самое грандіозное проявленіе нашей личной и общественной жизни. Сила, храбрость, добродѣтель, героизмъ, пожертвованіе имуществомъ, свободою, жизнью, даже тѣмъ, что дороже жизни, радостями любви и семейства, похощъ, купоннымъ цѣною труда, почестями генія и

гражданина, вотъ что война возбуждаетъ въ насъ и на какую высоту добродѣтели она насъ возноситъ.» (Т. I, ст. 83).

«... Война и миръ», говоритъ онъ въ заключеніе, (стр. 94),—

«которые по мнѣнію толпы, представляютъ собою явленія, взаимно исключаютія другъ друга, составляютъ необходимыя условія для жизни народовъ. Они стремятся другъ къ другу, взаимно опредѣляютъ, дополняютъ и поддерживаютъ другъ друга, какъ обратныя, но равномѣрныя и нераздѣльныя выраженія антиноміи. Миръ объясняетъ и подтверждаетъ войну; война въ свою очередь оправдываетъ миръ...»

Г. Прудонъ доходитъ даже до антихриста для подтвержденія своего положенія. Итакъ война законна и необходима, и вы не въ состояніи даже вообразить себѣ, какимъ образомъ можетъ окончиться война. И несмотря на то, — успокойтесь вы, добрые друзья мира, — она все-таки окончится во второмъ томѣ сочиненія. Но сначала, ея прославленіе, ея апофеозъ будутъ по возможности полны. Г. Прудонъ въ этомъ отношеніи оставитъ далеко за собою всѣхъ хвалителей войны, даже самого де-Местра. Онъ не допустилъ возможности, чтобы сильная и здоровая нація могла устроиться, не получивъ крещенія кровью, и въ подтвержденіе словъ своихъ онъ приведетъ примѣръ американской націи, которую онъ не видалъ, не изучалъ и которой онъ представляетъ не портретъ, но карикатуру.

«Новый миръ», говоритъ онъ: —

«имѣетъ у себя передъ глазами общество, которое, происшедши отъ могучей крови, отъ племени разумнаго и сильнаго, и будучи поставлено въ исключительное положеніе, развивается въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ только труднаго мира. Нѣтъ сомнѣнія, Американецъ неутомимый землекопъ, несравненный *производитель*. Но кромѣ произведеній земледѣлія и промышленности, что дала эта такъ-называемая новая нація? Ни поэтовъ, ни философовъ, ни артистовъ, ни политиковъ, ни законодателей, ни полководцевъ, ни богослововъ; ни одного великаго произведенія, ни одного изъ тѣхъ лицъ, которыя представляютъ человѣчество въ пантеонѣ исторіи.

«Американецъ умѣетъ въ совершенствѣ производить пшеницу, кукурузу, хлопчатую бумагу, сахаръ, табакъ, быковъ, свиней. Онъ копить деньги; онъ умножаетъ богатство, онъ воздѣлываетъ землю и уже истощаетъ ее, строитъ города, населяетъ ихъ и размножается такъ, что устрашаетъ школу Мальтуса. Но гдѣ его идея? гдѣ его поэзія, его религія, его общественная роль, его цѣль? Научился ли онъ на своей свободной землѣ разрѣшать проблему труда, равенства, соціального равновѣсія, гармоніи человѣка и природы?.. Конечно, необходимо чтобы человѣкъ имѣлъ жилище, одежду, пищу, пользовался комфортомъ; благоразумно будетъ, если онъ позаботится о сбереженіяхъ, о наполненіи житницъ, о застрахованіи магазиновъ. Но зачѣмъ все это, какаѣ цѣли, Боже великій? Американецъ, и такъ уже наскучившій всѣмъ, сумѣетъ ли отвѣчать на это? Все это средства, орудія къ жизни, но никакъ не цѣль и не назначеніе ея. Богатство? Нѣтъ ничего

легче, какъ приобрести его тамъ, гдѣ земли много, гдѣ человекъ, щедро надѣленный дѣвственною почвой, ищетъ другаго человека за тѣмъ только, чтобы помочь ему. Богатство само по себѣ мало значить; оно приобретаетъ свою цѣну отъ генія, который имъ пользуется, отъ героизма, которому оно служить, отъ поэзіи, которая его облагораживаетъ. Про націю, которая умѣетъ только производить богатство, можно сказать, что она создана на свѣтъ только для фабрикаціи удобрения. Въ Америкѣ со времени Вашингтона и Франклина, существуетъ прекрасное преданіе о политической и семейной честности; но Вашингтонъ, военачальникъ, принадлежитъ старому свѣту; что же касается до Франклина, то я нисколько не завидую Соединеннымъ Штатамъ, что они обладаютъ такимъ типомъ утилитарной добродѣтели. Уже, несмотря на свое безчисленное богатство, американское общество начинаетъ ощущать въ себѣ недостатки цивилизаціи, изъ которой оно вышло; пролетаріатъ тамъ развивается, пауперизмъ начинается показываться, рабство не можетъ ни преобразоваться, ни уничтожиться; цвѣтнй человекъ, какъ бы онъ ни *поблблль*, терпитъ преслѣдованіе какъ отъ лицемѣрія Юга, такъ и отъ корыстолюбія Сѣвера. За то Америка избрѣла вертящіеся столы и Мормоновъ. *Risum teneatis...* Но нѣтъ, не смѣйтесь, Америка чувствуетъ свой недугъ и волнуется. Дерзкая, сварливая, также какъ и ненасытная, она только и думаетъ какъ бы ей подраться, а если не подвернется ей иностранецъ, то она сочинитъ драку у себя дома. Въ такомъ случаѣ дай Богъ, чтобы война спасла ее, если только она еще можетъ посредствомъ войны добыть себѣ вѣру, законъ, конституцію, идеаль, характеръ.

«И чтѣ же въ самомъ дѣлѣ такое американское общество? Чернь, внезапно разбогатѣвшая. А богатство вовсе не въ состояніи образовывать простодушнва, напротивъ того оно чаще всего выказываетъ еще рельефнѣе его грубость. Американскій народъ доводитъ до крайности утилитарное направленіе англійскаго народа, изъ котораго вышло большинство его; у него британская гордость обратилась въ дерзость, суровость въ грубость. Для Американца свобода имѣетъ слѣдующее опредѣленіе: *способность дѣлать все, что непріятно друіому*. «Защитайтесь сами,» вотъ его правило. Признаюсь откровенно, для защиты себя отъ грубіанна, я предпочту помощь жандарма, а въ случаѣ нужды и тюремщика; грубость того только и заслуживаетъ. Васъ убиваютъ, васъ обкрадываютъ, васъ умерщвляютъ,—«защитайте себя сами.» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляется Линчевъ законъ,—кажется такъ онъ называется. По общественному требованію, виновнаго задерживаютъ, судятъ и вѣшаютъ, все это въ нѣсколько минутъ. Это походитъ на правосудіе въ февральскіе дни; это также правосудіе военныхъ судовъ. Мнѣ болѣе нравится судъ присяжныхъ.

«Банкротство, даже злостное, самое злостное, какое только можно себѣ представить, не наноситъ безчестія Американцу. Европейскіе торговцы знаютъ, что такое американскіе *кризисы*.

«Американецъ, пріѣзжающій въ Европу, входитъ въ общую залу гостиницы, старается стащить съ себя сапоги передъ огнемъ; онъ

поднимаетъ ноги, упираясь ими въ каминъ и, заражаетъ вонюю своихъ сосѣдей; за столомъ захватываетъ блюда, которыя ему по вкусу, и ставитъ ихъ передъ собою, какъ будто бы то были товары изъ магазина, и позволяетъ себѣ разныя подобныя гадости. Развѣ онъ не свободенъ? Развѣ общій столъ не рынокъ? Развѣ онъ не платитъ за то, что покупаетъ? Дѣлайте то же, что и онъ. Защищайте сами себя какъ знаете. Одна почтенная англійская писательница такъ отдѣлала Американцевъ, что они, какъ говорятъ, стали нѣсколько поприличнѣе. Многие изъ этихъ авантюристовъ сдѣлались снова дикарями, и со страстью предались лѣсной жизни. Людей рѣзать, на это они герои; желалъ бы я знать выдержать ли они правильный бой съ нашими цивилизованными солдатами.»

И все это, по словамъ г. Прудона, происходитъ отъ того, что американская нація не была крещена кровью. А что же такое, по его мнѣнію, война за независимость Соединенныхъ Штатовъ? Но пусть онъ не беспокоится объ участіи Американцевъ. Увы! они готовятся принять такое крещеніе. Посмотримъ, поведетъ ли оно ихъ къ желанному возрожденію.

Но вѣдь недостаточно объявить только, что война происхожденія божественнаго и что она необходима. Нужно показать, на какомъ юридическомъ основаніи она зиждется, какого права она служить проявленіемъ. Право это не что иное, какъ *право силы*.

Въ началѣ авторъ говоритъ:

«Въ томъ состояніи человѣчества, которое, справедливо или нѣтъ, называется дикимъ состояніемъ, человѣкъ, не научившись еще дѣйствовать своими умственными способностями, не знаетъ, не цѣнитъ ничего, кромѣ силы тѣлесной. Въ то время сила, разумъ, право,—для него синонимами. Сила служитъ мѣрою достоинству, а слѣдовательно и праву, на сколько можетъ быть рѣчь о правахъ и обязанностяхъ между существами столь мало развитыми и столь слабо соединенными между собою.

«Общество образуется и съ нимъ вмѣстѣ растетъ уваженіе къ силѣ; тогда же отъ идеи силы мало-по-малу отдѣляется идея права. Силу прославляютъ, почитаютъ священной, возводятъ въ божество, облекая ее въ человѣческіе образы и придавая ей названія Геркулеса, Тора, Самсона. Народонаселеніе раздѣляется на двѣ категории—*aristoi, optimates*, въ буквальномъ смыслѣ самые сильные, а въ переносномъ самые храбрые, самые добродѣтельные, самые лучшіе, и чернь, состоящую изъ слабыхъ, изъ невольниковъ, изъ всего, въ чемъ нѣтъ силы, *ignavi*. Первые составляютъ законодательное сословіе, людей права, то-есть тѣхъ, которые пользуются правами; другіе находятся внѣ права, *exleges*; у нихъ правъ нѣтъ; это существо съ человѣческимъ образомъ *anthropoi*, но не люди *andres*.

«Это общество сильныхъ людей созидаетъ господство и власть.

«До этой минуты, всѣ тяжбы и обиды рѣшаются *поединкомъ* или *судебнымъ единоборствомъ*, судомъ силы. Но скоро такой поединкомъ замѣняется волею государя, представителя власти или силы собира-

тельной, противъ котораго никто не въ состояніи бороться и который, не желая чтобы подданные его сражались, принимаетъ на себя обязанность рѣшать дѣла, отправлять правосудіе. Но откуда происходитъ эта замѣна борьбы партій приговоромъ государя? Прямо изъ того принципа, что сила неразлучна съ правомъ, и что все должно преклоняться передъ волею государя. Можетъ ли взбунтоваться червякъ противъ льва, или иссопъ противъ кедра? Это было бы также нелѣпо.

«Но кто же будетъ хранителемъ этой силы или общественной власти, одну изъ главныхъ принадлежностей которой составляетъ отправленіе правосудія? Сильнѣйшій.»

Итакъ власть принадлежитъ по праву сильнѣйшему. Теперь слѣдуетъ узнать, кто этотъ сильнѣйшій? Какимъ образомъ доказать этотъ родъ первенства?

«Побѣда есть источникъ права; ибо результатъ войны состоитъ въ томъ именно, что требованіе побѣдителя исполняется, не потому только, чтобъ онъ до битвы имѣлъ на это право по своей силѣ, но потому что побѣда доказала его несомнѣнное превосходство. Отинимте эту идею рѣшенія, которая, по общему мнѣнію, неразрывно связана съ войною, и война будетъ, по выраженію Цицерона, битвою дикихъ звѣрей.»

Право силы, которымъ руководствуются многія отдѣльныя лица въ сношеніяхъ между собой, становится также руководствомъ въ сношеніяхъ между народами. Здѣсь могутъ встрѣтиться различные случаи, между которыми важнѣе всего необходимость присоединенія одного народа къ другому, одного государства къ другому, поглощенія одного политическаго общества другимъ или ихъ сліянія. Вотъ какъ изображаетъ авторъ подобный случай:

«Племена, сначала разрозненные, размножаясь постепенно, приходятъ въ соприкосновеніе. Устанавливаются сношенія, простыя сношенія между сосѣдями, но еще не права, не договоры; производится мѣна; потомъ, та же самая причина, которая, при сближеніи, вела къ обоюднымъ услугамъ, ведетъ къ разнымъ недоразумѣніямъ, и оказывается, что сохранить первоначальную независимость становится съ каждымъ днемъ труднѣе, и, наконецъ, что это вовсе невозможно. Сліяніе или удаленіе оказываются неизбѣжными.

«Что же должно произойти? Человѣкъ стремится къ ассоціаціи, но не мевѣе того дорожить свободою. Это чувство независимости гораздо сильнѣе еще въ массахъ, племенахъ, городахъ, народахъ. Всякое соудство имъ подозрительно; они инстинктивно отталкиваютъ все, что можетъ ихъ связать, или стѣснить. Что же будетъ, если дѣло пойдетъ о присоединеніи, которое грозитъ поглощеніемъ ихъ индивидуальности, ихъ автономіи, однимъ словомъ, всего ихъ бытія? А бытіе націи—это ея независимость, ея самодержавіе. Но причины, влекущія два племени одно къ другому, дѣйствуютъ неудержимо; столкновеніе неизбѣжно; двѣ рѣки сближаются, наступаетъ мгновеніе, когда воды ихъ должны будутъ смѣшаться.

«При этомъ невозможно сказать, чтобы которая-нибудь сторона была не права. Ясно, что право равно съ обѣихъ сторонъ. Соединеніе могло бы совершиться полюбовно; но такой случай встрѣчается рѣдко, потому что соединеніе влечетъ за собою, по крайней мѣрѣ для одной изъ соединяющихся націй, иногда для обѣихъ, потерю оригинальности... Положимъ, что передъ самою битвой, право появится вдругъ, подобно божеству, и обратитъ рѣчь къ обѣимъ войскамъ. Что же скажетъ право? Что переворотъ, который долженъ перемѣнить положеніе двухъ сторонъ, неизбеженъ, законенъ, священенъ, согласенъ съ Промысломъ Божиимъ; что вслѣдствіе этого должно приступить къ ней, предоставляя каждой націи ея права и преимущества, и распредѣляя между ними управление новымъ государствомъ *пропорціонально съ ея силами*. Въ этомъ случаѣ рѣшеніе божества будетъ только приложеніемъ къ дѣлу права силы.

«Но при безмолвіи боговъ, люди не допускаютъ измѣненій, которыя противорѣчатъ ихъ интересамъ... При безмолвіи боговъ, они не согласны, что пропорціональное господство можетъ быть достаточнымъ вознагражденіемъ за полное господство, и отвергаютъ всякую сдѣлку. Наконецъ, при безмолвіи боговъ, они не признаютъ надъ собою превосходства непріятеля; они считаютъ безчестіемъ уступить безъ боя меньшей силѣ. Всѣ предпочитаютъ дѣйствовать оружіемъ, потому что всякій льститъ себя надеждою, что успѣхъ оружія будетъ на его сторонѣ.

«Итакъ поединокъ неизбеженъ. Онъ законенъ, потому что содѣйствуетъ необходимой перемѣнѣ; рѣшеніе его будетъ справедливо, потому что побѣда не имѣетъ иной цѣли, какъ доказать на чьей сторонѣ наибольшая сила и упрочить за ней право.

«Таково происхожденіе и теоретическое и историческое *права войны*, помимо особенныхъ случаевъ и незаконныхъ насилій. Право это происходитъ отъ права силы и предполагаетъ его, но оно не тождественно съ правомъ силы. Оно относится къ праву силы также какъ кодексъ гражданскаго судопроизводства къ гражданскому кодексу, или кодексъ уголовныхъ слѣдствій къ уголовному кодексу. Право войны есть кодексъ употребленія силы; вотъ почему говоримъ мы, что воевать значитъ *возстановлять и доказывать оружіемъ право силы*.»

Можетъ представиться также и обратный случай, Націи, бывшія въ соединеніи, могутъ найти выгоднымъ отдѣлиться для составленія или особыхъ государствъ, или конфедерацій; и въ этомъ случаѣ опять одна сила можетъ рѣшить споръ между уніонистами и сепаратистами. Третій случай можетъ еще сдѣлать нужнымъ вмѣшательство права силы—это различіе вѣроисповѣданій.

«Война», говоритъ авторъ,—

«вмѣшивается иногда въ религиозные вопросы вовсе не съ тѣмъ, чтобы рѣшить превосходство какой-либо доктрины; понятно, что теология не имѣетъ ничего общаго съ употребленіемъ силы. Да война и не берется рѣшать, которое изъ двухъ исповѣданій истинное, которое изъ двухъ богословскихъ мнѣній ортодоксія и которое ересь. Ея

дѣло рѣшить просто споръ между двумя партіями одного и того же народа, несогласными между собою въ дѣлѣ вѣры и дошедшими до того, что терпимость стала невозможна, и рѣшить такимъ образомъ, что одна изъ этихъ партій должна будетъ принять религію другой, подобно тому какъ сынъ долженъ исповѣдывать вѣру отца, если не хочетъ быть исключеннымъ изъ отцовскаго семейства.

«Въ первобытныхъ обществахъ, гдѣ религія сливается съ законодательствомъ, жречество съ властью, богослуженіе съ правосудіемъ и нравственностью, невозможна терпимость, основанная единственно на разграниченіи власти церковной и управительственной; единство религіи необходимо. Религія, соединенная съ правосудіемъ, политикою и нравственностью, есть самая жизнь общества. Она для души то же, что пища для тѣла. Человѣкъ религіозный не можетъ выносить диссидента или безбожника, точно также какъ человѣкъ физическій не можетъ переносить, если злонамѣренный сосѣдь заражаетъ воздухъ, которымъ онъ дышетъ, воду, которую онъ пьетъ, хлѣбъ, которымъ онъ питается, если онъ отравляетъ его домашнихъ животныхъ, губить его деревья, расхищаетъ его жатву и грозить его жилицу. Весьма можетъ быть, что изъ двухъ враждебныхъ религій нѣтъ ни одной хорошей; возможно, что обѣ онѣ одинаково хороши, возможно, что религія слабѣйшаго лучше чѣмъ религія сильнѣйшаго. Этого не разбираетъ война; я сказалъ уже выше, что она не знаетъ догмата. Такъ какъ обѣ секты не терпятъ другъ друга и такъ какъ одну изъ нихъ необходимо принести въ жертву другой, то войнѣ слѣдуетъ только рѣшить путемъ силы, которую принести въ жертву; можно ли же въ такомъ случаѣ сказать, чтобы война была не справедлива? Экономмуникація не ея дѣло; напротивъ того, рѣшеніе, которое ей слѣдуетъ пронавести, доказываетъ, что на ея взглядъ всѣ религіи имѣютъ одинаковое достоинство, если онѣ служатъ представителями одного правосудія. Въ дѣлѣ религіи, война есть олицетворенная терпимость.»

«Исторія наполнена этими кровавыми рѣшеніями, которыя не оставались никогда ни передъ какою церковью, ни передъ какою синагогой, ни передъ какимъ богослуженіемъ. Превосходнымъ примѣромъ тому служить война Альбигенцевъ. Пусть осуждаютъ, сколько угодно, безуміе человѣческое, суевѣріе, предразсудки, фанатизмъ, лицемѣріе. Это легко для насъ, потому что мы живемъ безъ религіи, потому что большая часть изъ насъ, утративъ религіозное чувство, утратила и чувство нравственное. Но если прекрасно умереть за родину, то не менѣе прекрасно умереть за вѣру: разсуждайте какъ хотите, а одно стѣбитъ другаго. Что же касается до войны, то здѣсь она безукоризненна. Въ тотъ самый день, когда озлобленіе сектъ потребовало ея вмѣшательства, она совершила все, что можно было совершить, то-есть принесла въ жертву съ наивозможно меньшимъ кровопролитіемъ (я разсуждаю въ предположеніи формальной войны) слабѣйшаго сильнѣйшему.»

Наконецъ право силы можетъ содѣйствовать устройству равновѣсія между государствами, и воспрепятствовать однимъ при-

обрѣтать могущество, опасное для другихъ. Таковы главнѣйшіе случаи, гдѣ оно можетъ вмѣшиваться, употребляя въ дѣло право войны, изъ него же истекающее.

На этомъ основаніи, авторъ старается доказать, что народное право въ свою очередь истекаетъ изъ права войны.

«Народное право, говоритъ онъ,—

«основываетъ свой принципъ на томъ соображеніи, что такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ сношеніяхъ государствъ между собою, сила составляетъ неоспоримое право, то при возникающемъ несогласіи двухъ державъ можно опредѣлить *a priori* по одной оцѣнкѣ силъ, которой изъ двухъ сторонъ принадлежитъ преимущество, слѣдовательно предупредить полюбовною сдѣлкой рѣшеніе войны или по крайней мѣрѣ предусмотрѣть результаты побѣды и сдѣлать болѣе справедливымъ мирный договоръ.»

Это не совсѣмъ ясно, и признаюсь, что я также не могъ понять, какимъ образомъ отсюда вытекаютъ все прочія права, право политическое, право гражданское или семейное, право экономическое, право философское и наконецъ право свободы, составляющія, по словамъ автора, гамму, основаніемъ которой служить сила, а октавой свобода.

Но рассмотримъ теперь право силы и право войны. Сила рѣшаетъ войну. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ узнать, какимъ образомъ и въ какихъ формахъ должно быть произнесено это рѣшеніе, чтобъ оно могло быть дѣйствительнымъ. Обычай и образъ дѣйствій войны должны имѣть своею цѣлію указаніе, на чьей сторонѣ находится настоящее превосходство силъ, слѣдовательно, на чьей сторонѣ находится право, ибо право прорастаетъ отъ силы.

«Такъ какъ война есть испытаніе силъ, имѣющее слѣдствіемъ своимъ торжество сильнѣйшаго и подчиненіе слабѣйшаго, то этимъ однимъ и опредѣляются ея законы. Въ кругу обязанности войны входятъ все, что можетъ придать борьбѣ болѣе искренности и честности, все, что можетъ доставить законное торжество силъ; ей запрещено все, что можетъ исказить борьбу, испортить побѣду, возбудить протестаціи со стороны побѣжденныхъ или усилить ихъ озлобленіе. Таковъ принципъ, и приложить его къ дѣлу во всей обширности его значенія есть цѣль кодекса войны.»

Вслѣдствіе этого:

«Право войны имѣетъ главнымъ предметомъ своимъ дать правила для битвы, сообщить честность борьбѣ и законность побѣдѣ, пуская для того въ ходъ всю сумму силъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, какою только владѣютъ обѣ враждующія стороны, и запрещая вѣроломство и обманъ и пр.»

Однимъ словомъ надо избѣгать, чтобы какимъ-нибудь обманомъ слабѣйшій не приобрѣлъ пальмы первенства, слѣдующей

сильнѣйшему. Вотъ отчего авторъ не слишкомъ высоко ставитъ прославленную тактику Наполеона, замѣнявшаго силу искусствомъ.

«Императоръ обязанъ былъ своими побѣдами превосходству своей тактики гораздо болѣе чѣмъ превосходству силъ; вслѣдствіе этого, завоеванія Наполеона, совершенныя съ необыкновеннымъ искусствомъ, но (почему не сказать этого?) несогласно съ правомъ силы, не могли повести къ прочному присоединенію завоеванныхъ областей. Вотъ отчего, въ то самое время, какъ Наполеону казалось, что онъ побѣдилъ и завоевалъ Европу, вся Европа возстала противъ него.»

По той же причинѣ, авторъ сильно негодуетъ на усовершенствованіе орудій войны, которое, по его мнѣнію, можетъ только исказить рѣшеніе силы.

«Не позоръ ли,» говорилъ Баярдъ по поводу пищаля, «что храбрый человѣкъ подверженъ гибели отъ негодной *friquetelle*, противъ которой онъ не можетъ защититься и которая уравниваетъ храбреца съ трусомъ?» Къ чему служить въ видахъ войны, спрошу и я въ свою очередь, эти страшныя изобрѣтенія? Не довольно ли намъ было копья и меча? Правда, что съ копьемъ и мечомъ необходимо вступать въ рукопашный бой, что не совсѣмъ по вкусу нашей современной храбрости. Замѣтьте однако, что тѣ самыя націи, которыя фабрикуютъ разрывныя пули, устыдились бы какъ въроломства отравлять ихъ. Какая необыкновенная деликатность!

«Надо отдать справедливость французской артиллеріи: она не очень любитъ разрушительныя изобрѣтенія, и я слышалъ, что ее порицали за это *промышленники*, которые конечно почитали себя сторонниками прогресса, столько же, сколько и филантропами. Повидимому наши артиллеристы полагаютъ, что съ нихъ довольно и картечи, и что честнымъ людямъ гораздо приличнѣе сходиться съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ чѣмъ бомбардировать другъ друга на разстояніи четырехъ-пяти километровъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумаешь, какая отсталость.

«Со времени изобрѣтенія пороха, болѣе всего исказились понятія о свойствахъ и правѣ войны, вслѣдствіе перемѣны въ родѣ оружія. Увѣряютъ, что употребленіе пушки сдѣлало демократическимъ ремесло солдата и нанесло дворянству чувствительный ударъ, отнявъ у кавалеріи ея значеніе и уменьшивъ преимущество личной храбрости. Признаюсь, что по моему лучше бы было, еслибы среднее сословіе поучилось противодѣйствовать кавалеріи кавалеріею же, хотя бы феодализмъ и протянулся отъ этого лишнее столѣтіе.

«Со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, военное мужество много потеряло и война доходитъ до разврата.

«Въ революціи,» сказалъ съ горечью Дантонъ, попавшій въ сѣти коварнаго Робеспьера, «торжество принадлежитъ величайшему злодѣю.» То же бы самое было и съ войною при современныхъ понятіяхъ; побѣда, составляющая награду храбрѣйшаго, должна бы принадлежать кровожаднѣйшему; положимъ, что въ настоящее время какой-нибудь изъ европейскихъ государей одинъ владѣетъ тайною нарѣзною пуш-

ки, конгревовскихъ ружей и пексановой гаубицы; неужели, при наступленіи войны, онъ считалъ бы себя въ правѣ употреблять ихъ въ дѣло? Конечно, если мы должны смотрѣть на право войны, какъ понималъ его Гроціусъ и какъ многіе понимаютъ его еще и до сихъ поръ. Исторія представляетъ намъ гораздо болѣе битвъ, выигранныхъ болѣе превосходствомъ оружія чѣмъ храбростью и силою солдатъ.

«Я сказалъ, что подобныя трофеи позорны и ровно ничего не доказываютъ. Война, какъ того требуетъ право силы, какъ понимаетъ ее родъ человѣческій и какъ воспѣваютъ ее поэты, есть борьба энергій, храбрости, постоянства, благоразумія, даже, если угодно, промышленности; а ее превращаютъ въ дѣло истребленія! Это допустить можно, когда рѣчь идетъ объ уничтоженіи разбойниковъ, флибустьеровъ, негроторговцевъ, которыхъ ни щадить, ни миловать не должны націи. Но между гражданами, которые сражаются не для грабежа, а за свободу и первенство своей родины, такое понятіе о правѣ войны по истинѣ возмутительно.»

Онъ нѣсколько разъ возвращается къ усовершенствованію орудій войны, которое, на его глаза, есть развратъ, униженіе войны, и само собой разумѣется, что артиллерія болѣе всего возбуждаетъ его негодованіе.

«Другая невыгода артиллеріи, по замѣчанію Ансильона, состоитъ въ томъ, что со времени изобрѣтенія ея, войны стали раззорительнѣе, а между тѣмъ онъ нисколько не сдѣлался рѣже. Съ тѣхъ поръ расходы на боевые снаряды непрерывно увеличивались, и въ то же время уменьшалось проявленіе мужества: таковъ результатъ, къ которому ведетъ вліяніе новѣйшей промышленности на искусство тактикъ и на рѣшенія войны. Каждое ядро, вылетѣвшее изъ пушки, стоитъ 15 франковъ; каждая бронзовая пушка съ установкою—6000 франковъ, наръзная—25.000 фр. Каждый пѣхотный солдатъ, въ четыре года службы, съ аммуниціей и оружіемъ, представляетъ среднимъ числомъ капиталъ въ 25 тысячъ фр., если принять въ разчетъ суммы, затраченныя на него семействомъ и государствомъ, проценты съ этихъ суммъ, потерю работы и проч. Скоро не будутъ говорить: «побѣда принадлежитъ многочисленнѣйшимъ батальонамъ;» а скажутъ: «побѣда принадлежитъ самымъ большимъ машинамъ, самымъ большимъ капиталамъ.»

«Римскій солдатъ тогда только стоилъ что-нибудь государству и причинялъ убытокъ семейству, когда выступалъ въ походъ; казарменная жизнь не вредила его трудолюбивымъ нравамъ и гражданскимъ обязанностямъ. Его военное воспитаніе совершалось въ самыхъ нѣдрахъ сельскихъ работъ; оно было столько же семейнымъ преданіемъ, сколько государственнымъ обученіемъ. Что касается до вооруженія, то мечи и копья, переходя отъ отцовъ къ сыновьямъ, требовали только точенія при каждомъ походѣ. За то, побѣда и жизнь солдатъ не зависѣли, какъ теперь при нашемъ метательномъ оружіи, отъ выгоднаго положенія, отъ числа орудій, отъ прицѣла канонировъ, отъ мѣткости батальонныхъ огней, отъ живости ружейныхъ залповъ, а зависѣли отъ мужества и храбрости легионовъ. Римлянинъ въ каждомъ сраженіи сходилъ съ

непріятелемъ, вступалъ въ рукопашный бой, и, если имѣлъ дѣло съ воинственнымъ врагомъ, то побѣды свои считалъ онъ по своимъ ранамъ.

«Надо признаться, что прогрессъ новѣйшаго оружія совершается въ противоположномъ направленіи по отношенію къ древней доблести. Говорятъ, что въ послѣдней войнѣ однимъ изъ результатовъ употребленія нарезныхъ пушекъ было убѣжденіе въ совершенной (безполезности кавалеріи и резервовъ. Новые боевые снаряды достигали ихъ на такомъ разстояніи, что не давали имъ шевельнуться, и истребляли ихъ на мѣстѣ прежде чѣмъ они успѣвали выстроиться и пуститься въ атаку. Еще одинъ успѣхъ въ этомъ родѣ, и массы пѣхоты сдѣлаются недоступны другъ для друга. Такъ какъ атакующая колонна, направленная со всевозможною быстротою, можетъ быть истреблена горстью людей скорѣе чѣмъ она успѣетъ перейти пространство отъ ста до полутора ст. шаговъ, то солдаты высокой цивилизаціи будутъ принуждены истреблять другъ друга издали, и рукопашный бой сдѣлается невозможнымъ. Каждую четверть часа будетъ развѣзжать между обоими войсками парламентаръ съ бюллетенемъ отъ одного главнокомандующаго къ другому: «моя потеря состоитъ изъ толькоихъ—то человекъ, а ваша? Посчитаемся... перевѣсъ на вашей сторонѣ, милостивый государь.» Какова цивилизація! Каковъ прогрессъ! Какъ послѣ этого еще вѣрить въ справедливость войны, въ право силы?»

Ясно, что авторъ не понимаетъ, въ чемъ состоятъ истинные результаты усовершенствованія орудій войны, и то, что онъ говоритъ о нихъ, озвучается рутинною самыхъ грубыхъ предрассудковъ. Но я разберу послѣ его положенія; теперь же ограничусь изложеніемъ связи его идей. Продолжаю. Онъ показываетъ болѣе здраваго сужденія при оцѣнкѣ военныхъ обычаевъ. Онъ возстаетъ противъ всякаго безчестнаго средства, какъ вносящаго фальшь въ рѣшеніе силы; осуждаетъ употребленіе корсарства, «ибо война происходитъ между государствами за преобладаніе, а не для хищеній», но полагаетъ, что между воюющими державами должно прекратиться всякое торговое сношеніе.

За исключеніемъ этого, онъ допускаетъ впрочемъ всѣ успѣхи, благодаря которымъ военные обычаи сдѣлались болѣе гуманными; но при этомъ случаѣ онъ весьма несправедливо нападаетъ на писателей, которые дерзнули заниматься тѣмъ же вопросомъ прежде него. Онъ обвиняетъ «нелѣпныя» доктрины «юристовъ, которые развратили война», и нисколько не стѣсняется почитать, напримѣръ Ваттеля, названіемъ «глупца, который самъ не знаетъ, что говорить», и утверждать, что тотъ же Ваттель и тѣ, которые послѣдовали за нимъ, толкуютъ какъ попало о предметахъ, въ которыхъ ничего не смыслятъ. Со стороны человека, познанія котораго въ народномъ правѣ такъ не глубоки, подобное презрѣніе къ знаменитымъ юристамъ, основавшимъ науку народнаго права, очень забавно. Кто знакомъ съ предметомъ,

тогь вспомнить, что успѣхи въ военныхъ обычаяхъ имѣли самыхъ горячихъ поборниковъ въ этихъ юрисконсультахъ, такъ не кстаетъ обвиненныхъ въ развращеніи воинновъ. Правда, эти успѣхи кажутся автору очень не важными; по его мнѣнію, успѣхи эти нисколько не препятствуютъ войнѣ становиться все хуже и хуже, между тѣмъ какъ во всемъ прочемъ прогрессъ ощутилеленъ.

«Все двинулось впередъ,» говоритъ онъ,—

«все улучшилось въ человѣчествѣ, съ тѣхъ поръ какъ оно существуетъ, религія, политика, философія, законы, нравы, науки, искусства, промышленность, все, кромѣ войны. Только одна война, первобытное и высшее проявленіе справедливости, подтвержденіе личнаго права, становится все хуже и хуже, и погуманности своей идеи, и по прогрессу своей разрушительной силы, и по лицемѣрнѣю поводовъ, и по ничтожеству своихъ результатовъ. У новѣйшихъ народовъ, она только отличается нѣкоторою аффектаціей филантропіи и вѣжливости, которая дѣлають ее еще болѣе безнравственною, еще болѣе нелѣпною. Какое же могущество, какое тягѣтвующее надъ ней проклятіе, препятствуетъ войнѣ быть на дѣлѣ тѣмъ, чего желаетъ теорія, чего требуетъ справедливость?»

Измасканію этой причины, искажающей веденіе войны, все болѣе и болѣе препятствующей ей сдѣлаться справедливымъ рѣшеніемъ силы, авторъ посвящаетъ предпоследнюю часть своего сочиненія, носящую заглавіе: *о первоначальной причинѣ войны*; но прежде, чѣмъ мы последуемъ за нимъ, остановимся на одномъ примѣрѣ, который имѣетъ для Русскихъ особый интересъ, и которымъ онъ воображаетъ подтвердить истину своихъ положеній. Дѣло идегъ о томъ, чтобъ убѣдиться, былъ ли московскій пожаръ согласенъ съ естественными законами войны или нѣтъ, имѣли ли Рускіе право сжечь Москву или нѣтъ, чтобы защитить ее отъ Наполеона. Г. Прудонъ отвѣчаетъ на это утвердительно, но на основаніяхъ собственнаго изобрѣтенія: Наполеонъ, нападая на Россію, не удовлетворилъ требованіямъ права силы, онъ напалъ на нее только съ 400.000 человѣкъ, когда ему слѣдовало имѣть при себѣ не менѣе 1.200.000. Мѣсто это чрезвычайно куріозно.

«Наполеонъ обвинилъ въ вандализмѣ губернатора Ростопчина, который, при нападеніи Французовъ, зажегъ Москву; онъ призывалъ его на судъ всѣхъ образованныхъ націй. Спрашивается, что же думать объ этомъ поступкѣ, который иные, заодно съ Наполеономъ, называютъ варварствомъ, другіе величаютъ геройствомъ?»

«Опустошать собственную страну, сжигать свои магазины, для того чтобъ оставить своего врага безъ пристанища, это прежде всего значить вредить самому себѣ. Никого нельзя заставить кормить своего непріятеля, и каждый самъ опредѣляетъ цѣну своей независимости и свободы.»

«Но, съ другой стороны, причиною бѣдствій французской арміи былъ не московскій пожаръ. Походъ и битвы отъ самаго Нѣмана уменьшили ее болѣе чѣмъ на три четверти, и даже, послѣ пожара, она не терпѣла недостатка въ провіантѣ и боевыхъ запасовъ. Слѣдовательно жертва, принесенная Ростовичинимъ, была совершенно бесплодна. Съ другой стороны, надо было принять въ соображеніе, могла ли Россія, даже послѣ потери своей столицы, почитать себя въ опасности; и Наполеонъ, упоминая о своихъ походахъ, имѣлъ полное право сказать, что взятіе Вѣны и Берлина нанесло конечно гораздо менѣе вреда Австріи и Пруссіи чѣмъ могли бы нанести имъ разрушеніе этихъ двухъ городовъ.

«Вотъ и *pro*, и *contra*. Какъ же мы рѣшимъ это?

«Несоблюденіе права войны вѣдетъ за собою и другія. *Abyssus abyssum invocat*. Дѣйствія Раstopчина были отвѣтомъ на дѣйствія Наполеона. Оставляя въ сторонѣ самую причину войны съ Россіей,— я не намѣренъ пускаться въ обсужденіе ея,—я только замѣчаю, что Наполеонъ, переходя чрезъ Нѣманъ, имѣлъ въ виду два шанса: во-первыхъ, онъ могъ предполагать, что страна доставитъ ему средства; во-вторыхъ,—что Русскіе согласятся на поединокъ въ одномъ или двухъ генеральныхъ сраженіяхъ, послѣ которыхъ имъ, уже побѣжденнымъ, останется только подчиниться волѣ побѣдителя. Но такой разчетъ представлялъ двойное нарушеніе права войны; не потому какъ понимали это право Наполеонъ и его противники, но потому какъ должно понимать его при истинномъ взглядѣ на войну. Постараемся объяснить нашу мысль.

«Чтобы побѣдить Россію, напавъ на нее въ ея предѣлахъ, то-есть, чтобы въ случаѣ нужды покорить ее, предстояло выполнить два условія. Во-первыхъ, необходимо было всю ее занять войскомъ, принявъ предварительно въ разчетъ обширность ея пространства, ея главную и естественную защиту. Итакъ Наполеону слѣдовало переправиться за Нѣманъ не съ 400.000 человекъ, а съ 1.200.000; не имѣя же ихъ, онъ поступалъ вопреки собственнымъ правиламъ, мечтая о покореніи Россіи съ войскомъ, въ дѣйствительности слишкомъ слабымъ.

«Вовторыхъ, армія, вторгаясь въ предѣлы чуждаго государства, не должна была полагаться на одни военные магазины, которыми бы ей удалось завладѣть; она должна имѣть возможность существовать собственными средствами, не отнимая ничего у народа, погуму что, мародерство есть нарушеніе права войны, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаетъ побѣду совершенно бесплодною.

«Событія оправдали эту теорію. Французское войско не отошло и ста миль отъ Нѣмана, какъ кампанію уже можно было считать проигранною. Битвы подъ Смоленскомъ и при Бородинѣ нисколько не поправили дѣла; холодъ, который въ послѣдствіи такъ жестоко ударилъ французское войско, былъ только прибавочнымъ бѣдствіемъ, а не причиною гибели, въ половину совершившейся.

«Образъ дѣйствій Наполеона въ этой непростительной кампаніи служилъ вызовомъ Раstopчину и до нѣкоторой степени извиняетъ его образъ дѣйствій. Съ одной стороны очевидно было, что безъ страш-

наго мародерства Наполеонъ не могъ вести войну съ Россіей на разстояніи 600 миль отъ своей столицы; транспортировка, которую онъ пытался устроить отъ Данцига до Нѣмана и которая не принесла ему почти никакой пользы, доказываетъ это. Съ другой стороны понятно, что страна съ населеніемъ въ 50 милліоновъ не могла поставить на карту свою независимость, въ битвѣ съ четырехсотъ-тысячнымъ войскомъ. Это бы значило предоставить слишкомъ много выгодъ Наполеону. Законъ силы не былъ соблюденъ. Съ тѣхъ поръ Наполеона нельзя было уже почитать истиннымъ завоевателемъ, представителемъ цивилизаціи и прогресса, потому что если и допустить, что за него была идея, то за него не были число и сила. Онъ былъ не болѣе какъ похититель власти, взволновавшій Европу, авантюристъ, котораго слѣдовало истребить во что бы то ни стало, хотя бы уморить съ голоду. Въ этомъ отношеніи Растопчинъ могъ считать себя въ правѣ дѣйствовать такъ, потому что Наполеонъ самъ подавалъ ему примѣръ. Въ силу принципа, что сохраненіе войска есть верховная обязанность полководца, Наполеонъ, чтобы задержать непріятеля, далъ повелѣніе сжигать все чего онъ не могъ захватить съ собою, и по словамъ г. Тьера, ни одно повелѣніе никогда не было исполнено съ такою точностью, какъ Даву исполнилъ это.

«Все сдѣлается между собою въ дѣлахъ человѣческихъ: нарушеніе права силы становится нарушеніемъ народнаго права, и переходя отъ одной ошибки къ другой, самое крѣпкое могущество наконецъ погибаетъ. Каковы бы ни были неудовольствія Наполеона противъ Александра, онъ долженъ былъ воздержаться отъ войны, если не былъ въ состояніи овладѣть Россіей или по крайней мѣрѣ занять ее всю своимъ войскомъ.»

Теперь слѣдуетъ узнать, какая причина портитъ войну; какимъ образомъ война, имѣющая въ виду только чистую и возвышенную цель—рѣшить, кому должно принадлежать политическое первенство и управленіе общественными силами, унижается до грабежей и раззоренія. Эта причина, искажающая войну, есть пауперизмъ. Пауперизмъ, по словамъ автора, есть явленіе общее и постоянное; источникомъ его прежде всего служитъ тотъ фактъ, что ни у одного народа сила производительная не можетъ сравниться съ силой потребительною; потомъ, неравенство въ распредѣленіи продуктовъ. Пауперизмъ поражаетъ всѣхъ, какъ собственника живущаго своею рентою, такъ и пролетарія, который существуетъ только трудами своихъ рукъ. Вотъ какъ опредѣляетъ его г. Прудонъ:

«Пауперизмъ состоитъ въ недостаткѣ равновѣсія между производствомъ челоѣка и его доходомъ, между его издержками и потребностями, между мечтою его честолюбія и силою его способностей.»

Вслѣдствіе этого, пауперизмъ можетъ существовать и существуетъ какъ въ высшихъ кругахъ общества, такъ и въ низшихъ. Онъ во всякое время побуждалъ народы житьяся

на счетъ другихъ народовъ посредствомъ хищеній и завоеваній. Онъ составляетъ одну изъ главныхъ причинъ каждой войны. Авторъ разсматриваетъ положеніе различныхъ европейскихъ народовъ и находитъ, что всѣ они, начиная съ Англіи, страдаютъ пауперизмомъ, порождающимъ войну. Но, надо сказать правду, это обзорніе пауперизма въ высшей степени поверхностно и ошибочно. За то онъ и отыскиваетъ свѣдѣнія объ англійскомъ пауперизмѣ въ книгахъ г. Фикельмона и въ діатрибахъ протестантовъ. На его глаза, также какъ и на глаза г. Фикельмона, Англія, страдаемая пауперизмомъ, замышляетъ поработить цѣлый міръ и присвоить себѣ исключительное право снабжать его всѣмъ необходимымъ. Теорія свободной торговли выходитъ не что иное, какъ насильственное устраненіе всѣхъ націй, которыя ниже Англіи по капиталамъ, промышленности и перевозочнымъ средствамъ. Англія нуждается во всемірной монополіи, чтобы сохранить свое положеніе. Взглядъ г. Прудона на современное, состояніе Россіи и на причины, которыя должны повести ее къ войнѣ, нисколько не лучше. Судите сами:

«...Въ Азіи, Россія тяготеетъ надъ Китаемъ, надъ Индіей или надъ Персіей, гдѣ рано или поздно она встрѣтится съ Англичанами. Она держитъ въ рукахъ своихъ Кавказъ, часть Арменіи; колонисты ея поднимаются съ азіатскаго берега (?) почти къ самому Константинополю. Она обратила Черное Море въ русское озеро, и стремится чрезъ Евфратъ и Тигръ проложить себѣ путь къ Персидскому заливу. Въ Европѣ, предѣлъ ея честолюбія—Константинополь. Константинополь сдѣлался бы для Россіи, какъ Петербургъ, дверью, магазиномъ, рынкомъ, мѣстомъ военныхъ парадовъ. Оттоманская имперія умерла, говоритъ *Русскій Нивалидъ*, наступилъ часъ отправить Турокъ на пастбища Туркестана. Необходимъ рынокъ для этихъ двадцати миллионъ крѣпостныхъ, которыхъ освободилъ императоръ. Необходима торговля, спекуляція, занятія для этихъ бояръ, у которыхъ завтра не будетъ рабовъ. Деньги нужны этому государству, постоянно занимающему и не умѣющему удержать у себя звонкой монеты.»

Не правда ли, что такое разглагольствіе достойно какого-нибудь провинціального журналиста, политическое образованіе котораго отстало по крайней мѣрѣ лѣтъ на двадцать?

Вслѣдствіе этого, такъ какъ всѣ націи болѣе или менѣе точить червь пауперизма, то война между ними всегда неизбежна. А развѣ война исцѣляетъ пауперизмъ? Ни сколько. Напротивъ, она только можетъ усилить его, особенно съ тѣхъ поръ какъ завоеваніе не влечетъ за собой обогащенія побѣдителей насчетъ побѣжденных; война увеличиваетъ расходы тѣхъ и другихъ, вотъ и все. Такимъ образомъ, война доходитъ до нелѣпаго, она не имѣетъ причины быть. Чтò жъ изъ этого выйдетъ?

Авторъ отвѣчаетъ на этотъ окончательный вопросъ въ послед-

ной части своего сочиненія, посвящей заглавіе: *Преобразованіе войны*. Это преобразование сосгоитъ въ перенесеніи антагонизма, прирожденнаго роду человѣческому, съ почвы войны на почву промышленности.

«Антагонизмъ,» говорятъ онъ,—

«который мы принимаемъ за законъ челоѣчества и природы, не можетъ для челоѣка ограничиваться кулачнымъ боемъ, рукопашною борьбою. Онъ можетъ точно также быть борьбою промышленности и прогресса, что, въ окончательномъ результатѣ, есть одно и то же относительно цѣлей высшей цивилизаціи, къ которымъ война служить путемъ. «Господство принадлежитъ самому мужественному,» говоритъ война. Положимъ, отвѣчаютъ трудъ, промышленность, экономія; въ чемъ же заключается мужество челоѣка, народа? Въ его генія, добродѣтели, характерѣ, въ приобрѣтенномъ имъ званіи, въ его промышленности, богатствѣ, умѣренности, свободѣ, патриотизмѣ. Не сказалъ ли великій полководецъ, что на войнѣ нравственная сила относится къ силѣ физической какъ три къ одному? Не учать ли насъ въ свою очередь законы войны, рыцарская честь, что въ нашихъ битвахъ мы должны уважать другъ друга, удерживаться отъ всякаго оскорбленія, вѣроломства, хищенія? Итакъ будемъ бороться; для этого намъ вовсе не нужно сходитьса со штыками въ рукахъ, и встрѣчать другъ друга ружейными выстрѣлами... Въ новыхъ предстоящихъ намъ битвахъ требуется не менѣ рѣшимости, самоотверженія, презрѣнія къ смерти и вѣгъ; у насъ окажется не менѣ раненыхъ и изувѣченныхъ; и все трусливое, безсильное, грубое, лишнее мужества ума и сердца, должно ожидать подчиненности, презрѣнія, нищеты. Наемничество, пауперизмъ и нищенство,—крайній позоръ,—ожидаютъ побѣжденнаго...

«...Но, говорятъ, рѣшенію силы предоставляется множество разныхъ вопросовъ. Когда будетъ утверждено преимущество труда, сдѣлаются извѣстны законы экономической солидарности, заявлена будетъ бесполезность завоеванія, изгнанъ грабежъ, то эти вопросы, рѣшаемая войною, сдѣлаются совершенно второстепенными; они принадлежать къ вѣдомству конгресса: рѣшить ихъ можетъ общественное мнѣніе. Что касается до самыхъ силъ, то мы сказали уже, что они будутъ бороться на другомъ погѣ...

«...Однимъ словомъ, гипотеза всеобщаго и окончательнаго мира совершенно законна. Ее поражаютъ законъ антагонизма, совокупность всѣхъ явленій войны, противорѣчіе между юридическимъ понятіемъ о войнѣ и ея экономической причиною, постоянно усиливающееся значеніе труда въ общественныхъ отношеніяхъ, наконецъ прогрессъ *права*, права силы, права международнаго, права политическаго, права гражданскаго, права экономическаго. Война была символомъ, миръ будетъ исполненіемъ. Установленіе права въ челоѣчествѣ есть не что иное, какъ уничтоженіе войны; на немъ основана организація мира. Всѣ народы стремились къ этому; всѣ мечтали замѣнить плугами копья, серпами мечи. До сихъ поръ челоѣчество пользовалось только временнымъ спокойствіемъ; не болѣе какъ въ теченіе двухъ столѣтій, были миры вестфальскій, нимвегенскій, утрехтскій, ахенскій, аміенскій,

тильзитскій, вѣвскій. Намъ теперь необходимо постоянный миръ; человечество не понимает и не желает ничего иного.

На какихъ условіяхъ приобрѣтемъ мы этотъ прочный миръ, статьи котораго не могла бы предписывать ни одна держава и обезпеченіе котораго, основываясь на правильно-установленной борьбѣ силъ, невозможно бы всѣ военныя силы на свѣтѣ?

«Не подписками и митингами, не федераціями, не конгрессами, не амфиціями, какъ предполагалъ аббатъ де-Сень-Пьерръ, можетъ миръ сдѣлаться серьезнымъ и стать выше всякихъ посягательствъ. Государственные люди имѣютъ надъ нимъ также мало власти, какъ и философы. Священный союзъ не могъ поддержать его; никакая филантропическая пропаганда ему не поможетъ. Миръ, подписанный концомъ меча, будетъ всегда не болѣе какъ перемиріемъ; миръ, сочиненный въ совѣщаніи экономистовъ и квакеровъ, возбудитъ только смѣхъ... Трудящееся человечество одно можетъ покончить съ войною, принявшись за устройство экономическаго равновѣсія, что предполагаетъ уже радикальный переворотъ въ идеяхъ и нравахъ»

Во всякомъ случаѣ, не мѣшало бы прежде всего узнать, какимъ образомъ можетъ устроиться это необходимое экономическое равновѣсіе. Но объ этомъ существенномъ пунктѣ авторъ говоритъ не рѣшительно: то онъ предлагаетъ установить «экономическое право», которое поведетъ къ равновѣсію, и до тѣхъ поръ прекратитъ враждебныя дѣйствія; то онъ объявляетъ, что человѣкъ долженъ прежде всего измѣниться въ свойствахъ, сдѣлаться трезвымъ и умѣреннымъ, не желать потреблять болѣе чѣмъ онъ производитъ; однимъ словомъ, дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, что для уничтоженія войны, необходимо переворотъ въ общественномъ сознаніи.

Какъ бы то ни было, человечество приближается къ концу воинственнаго періода; но отъ Франціи, думаетъ г. Прудонъ, преимущественно будетъ зависеть ускореніе или замедленіе этого блаженнаго времени. «Человѣчество,» говоритъ онъ,—

«похоже на обширный мозгъ, въ которомъ бродитъ всякая мысль, но въ которомъ подъ конецъ истина всегда восторжествуетъ надъ заблужденіемъ. Франція держитъ въ рукахъ своихъ и войну, и миръ. Ни одна держава не подумаетъ напасть на нее; напротивъ того, всѣ ея боятся и не доврѣаютъ ей: и это не должно служить для нея предметомъ гордости. Что рѣшить Франція, то должно случиться непременно. Военное развитіе отживаетъ свой вѣкъ: это обнаруживается изъ всѣхъ нашихъ изслѣдованій. Неужели мы захотимъ возобновить эту эволюцію? По смыслу принциповъ, послѣдовательно поставленныхъ нами, по сдѣланному нами изслѣдованію мотивовъ и причинъ, по положенію, котораго достигла Европа, въ эту минуту не существуетъ никакого рациональнаго повода къ войнѣ. Политика войны уже истощилась, и мы знаемъ, какъ понимать экономической вопросъ. Но предлогомъ можетъ послужить все на свѣтѣ: что же мы выберемъ?»

Движеніе 1814—1815 годовъ, продолжая движеніе 1789 г. и вызывая движеніе 1830—1848 г., произвело все, что мы видимъ: войны, происходившія въ послѣднія десять лѣтъ, не прибавили къ тому ничего прочнаго, основнаго, даже ничего полезнаго. Все, что доставили цивилизации, европейскому равновѣсію, прогрессу права, войны крымская и ломбардская, могло быть приобретено безъ всякихъ издержекъ. Примемъ ли мы за 1848 годъ, или будемъ продолжать 1859? Я предлагаю этотъ вопросъ въ одно и тоже время и февральскимъ республиканцамъ, и консерваторамъ, которыя сначала примкнули было къ республикѣ. Когда Франція, всемогущая по мысли и примѣру, не пожинаетъ болѣе плода своихъ побѣдъ, ужели мы откажемся отъ дѣла мысли, чтобы схватиться за оружіе?

«Впрочемъ, что бы ни рѣшили люди, мы можемъ быть покойны на счетъ событій. Люди мелки; отъ нихъ до нѣкоторой степени зависитъ возмутить ходъ событій; поступая такимъ образомъ, они могутъ только вредить самимъ себѣ. Одно человѣчество велико, оно непогрѣшительно. А *человѣчество*, — я могу, какъ мнѣ кажется, провозгласить это отъ его имени, — *человѣчество не желаетъ больше войны.*»

Такъ заканчивается сочиненіе г. Прудона. Надо правду сказать, по началу никакъ нельзя было предугадать такой конецъ. Само собою разумѣется, что я представлялъ здѣсь только общую связь его книги, оцуская бездну приложений, которыя авторъ даетъ своимъ принципамъ. Эти приложения почерпнуты изъ всѣхъ историческихъ эпохъ, но преимущественно изъ новѣйшаго времени. Такъ на примѣръ, г. Прудонъ разсматриваетъ различные вопросы политическіе, вопросы о національностяхъ, о равновѣсіи и пр., стоящіе теперь на очереди, и рѣшаетъ ихъ въ своей книгѣ; рѣшенія эти очень интересны. Вообще эгогъ ультра-революціонеръ, по своему мундиру, является въ сущности однимъ изъ самыхъ рьяныхъ консерваторовъ, и нисколько не разделяетъ антипатіи французскихъ демократовъ къ трактатамъ 1815 года; многие можетъ быть найдутъ даже, что онъ слишкомъ придерживается этихъ трактатовъ, слишкомъ часто упоминаетъ о нихъ, въ подтвержденіе «права силы». Принципъ національностей возбуждаетъ въ немъ мало симпатіи. Полякамъ и французской демократіи онъ дастъ очень суровый урокъ.

Я сказалъ въ началѣ, что первое изданіе этой книги разошлось въ нѣсколько дней, и что второе не находитъ покупателей. Но отрывки, приведенные мною, доказываютъ, что во всякомъ случаѣ прочесть ее стоить. Г. Прудонъ пишетъ мастерски, и если не озаряетъ умовъ истиной, то по крайней мѣрѣ побуждаетъ ихъ къ ея изысканію. Впрочемъ, я понимаю, что толпа, бросившись на новую книгу г. Прудона, подъ вліяніемъ репутаціи автора, оставила ее потомъ, совершенно разочарованная, дѣло въ томъ, что книга эта обманула ожиданія какъ вѣрующихъ въ божество войны, такъ и друзей мира. Если первые должны

прочестъ съ удовольствіемъ апологію войны, представленную въ первомъ томѣ, за то осужденіе войны, находящееся во второмъ должно было удивить ихъ и подѣйствовать на нихъ очень непріятно. Что касается до друзей мира, то если они должны отъ души рукоплескать миролюбивому заключенію, къ которому приходитъ авторъ и которое онъ замѣстовалъ у нихъ же, ругаясь надъ ними, за то они съ отвращеніемъ должны проходить по этой длинной галлерей права силы, которая ведетъ ихъ къ желанной цѣли.

Съ своей стороны, я не могу согласиться съ основною аксіомою автора, что *сила есть источникъ права*, и нахожу, что, несмотря на всѣ ухищренія его діалектики, выводы его въ совершенномъ разладѣ съ его положеніями. По моему мнѣнію, принимаемая за исходную точку право силы, логически должно дойти не до мира, а до войны. И въ самомъ дѣлѣ, какая главная тема г. Прудона? Та, что сила составляетъ право, или говоря словами баснописца,

La raison du plus fort est toujours la meilleure ¹.

Въ этомъ отношеніи, теорія г. Прудона есть не что иное, какъ оправданіе образа дѣйствій, стараго какъ міръ, но, надо при томъ замѣтить, такого образа дѣйствій, противъ котораго человѣческое сознаніе протестовало во всѣ времена. Неужели понапрасну? Воспользуемся примѣромъ, приведеннымъ у г. Прудона: Наполеонъ напрасно напалъ на Россію. Но предположимъ, что вмѣсто того, чтобы напасть на Россію съ 400.000 человекъ, онъ напалъ бы на нее съ 1.200.000, какъ того требовалъ «законъ силы», или предположимъ, что Россія была бы такимъ маленькимъ государствомъ, какъ Бельгія, и онъ занялъ бы ее своими солдатами, неужели побѣда поставила бы тогда и право на его сторонѣ? Говорить, что сила, то-есть внѣшняя, физическая вооруженная сила, составляетъ право,—неужели это не парадоксъ? Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ наше время этотъ парадоксъ не является ли особенно опаснымъ и гибельнымъ? Воображать, что достаточно быть сильнѣйшимъ, чтобы быть и правымъ, не значить ли это поощрять и заранѣе признавать законными всѣ захваты? Не значить ли это ставить слабыхъ въ зависимость отъ сильныхъ, и обезоруживать единственную силу, которая еще охраняетъ ихъ,—общественное сознаніе? Не значить ли это воскрешать древнее *vae victis*, и отодвигать общественное право на два тысячелѣтія назадъ?

¹ Доводъ сильнѣйшаго есть всегда лучшій доводъ.

Правда, г. Прудонъ, провозгласивъ, что рѣшеніе силы составляетъ право, что побѣда законно принадлежитъ сильнѣйшему, самъ отвергаетъ это рѣшеніе, утверждая, 1) что война испортилась вслѣдствіе усовершенствованія оружія и снарядовъ, ею употребляемыхъ, 2) что она развратилась отъ дѣйствія пауперизма, который обращаетъ ее въ орудіе раззоренія и грабежа. Но мнѣ кажется, не трудно будетъ доказать, что объ эти причины мнимаго разврата постоянно ослабѣваютъ, а не усиливаются, какъ думаетъ авторъ, что прежде война была несравнено развратнѣе и что поэтому рѣшенія ея въ древнія времена были гораздо несправедливѣе чѣмъ въ новѣйшія.

И въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе будто усовершенствованіе военнаго оружія уменьшило значеніе личной храбрости солдата, совершенно ложно. Въ этомъ отношеніи война то же, что промышленность. Конечно машинистъ, управляющій локомотивомъ, не имѣетъ надобности ни въ такой силѣ, какою обладаетъ носильщикъ тяжестей, ни въ той особенной ловкости, которая необходима для вожака верблюдовъ или муловъ; но уменьшается ли оттого его мужество или его промышленное значеніе? Конечно нѣтъ. Точно также солдатъ, дѣйствующій усовершенствованнымъ штуцеромъ или направляющій нагѣзную пушку, не нуждается въ такой силѣ мышцъ и въ той особенной ловкости, которыми отличались воины древнихъ временъ, вооруженные палицами, мечами или копьями. Но ловкость, которой требуютъ отъ него, вѣрность прицѣла, точность движеній и пр.,—не принадлежатъ ли они къ высшей сферѣ? Не то ли же должно сказать и о мужествѣ, которымъ онъ долженъ отличаться? Нравственное мужество, которое хладнокровно встрѣчаетъ невидимую смерть, изрыгаемую огнестрѣльными орудіями на далекомъ разстояніи, не выше ли мужества чисто физическаго, которое, подобно звѣрю, бросается на непріятеля? Ужели образованная армія, снабженная средствами и орудіями созданными наукою и промышленностью, даетъ менѣе высокое понятіе о силѣ чѣмъ толпа варваровъ плохо-дисциплинированныхъ и снабженныхъ грубымъ оружіемъ? Можно ли сказать, что война испортилась, если она требуетъ отъ того, кто ведетъ ее, болѣе познаній, промышленности и нравственнаго мужества? Можно ли сказать также, что обычай войны утратилъ свое благородство? Конечно, очень многое можно осудить въ способѣ веденія и обычаяхъ современной войны. Грабежи, хищенія, бесполезныя насилія, до сихъ поръ еще не совсѣмъ вышли изъ употребленія. Но несмотря на то, не видать ли и здѣсь также значительнаго прогресса? Въ прежнее время умерщвляли плѣнниковъ или обращали ихъ въ рабство, насиловали женщинъ, сожигали города, безразлично расхищали какъ государственную, такъ и частную соб-

ственность. Въ настоящее время такіе варварскіе поступки наказываются общимъ презрѣніемъ, и народное право постановило закономъ, чтобы лица и имущества, не служація непосредственно войнѣ, оставались неприкосновенными. Одно корсарство еще остается; но не далеко уже день, когда и оно будетъ окончательно осуждено общественнымъ мнѣніемъ. Итакъ, можно утвердительно сказать, что война становилась постепенно все болѣе и болѣе гуманною въ своихъ обычаяхъ и въ способѣ веденія.

Наконецъ, война стремится все болѣе и болѣе избавиться отъ той причины разврата, которую г. Прудонъ обозначаетъ названіемъ пауперизма. Въ прежнее время войну вели преимущественно для обогащенія себя добычей: были и некоторые хитрыя племена, особенно сильныя и воинственныя, для которыхъ война была самою производительною промышленностью. «Копьемъ моимъ я пожинаю, и имъ же собираю сладкій сокъ винограда», гласитъ припѣвъ одной критской пѣсни.

Совсѣмъ не то въ новѣйшее время. Экономисты доказали, и опытъ подтверждаетъ ежедневно, что даже самыя счастливыя войны составляютъ спекуляціи самыя плохія, что эта промышленность не покрываетъ расходовъ, какъ бы ни казалась она выгодною, что націи самыя могущественныя и образованныя, которыя могли бы съ наибольшимъ успѣхомъ вести войну, выигрываютъ гораздо болѣе, когда употребляютъ то же самое количество науки, промышленности и труда на мирное производство; что война истощаетъ какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ. При такихъ обстоятельствахъ, война никакъ уже не можетъ быть спекуляціей.

Итакъ война очистилась, цивилизовалась, а не унизилась и развратилась, какъ утверждаетъ г. Прудонъ; если же допустить, что она можетъ служить дѣйствительнымъ и вѣрнымъ средствомъ для водворенія справедливости на свѣтѣ, если допустить, что рѣшенія силы сами посебѣ правосудны, когда ихъ не портитъ никакая посторонняя причина, то война должна быть вѣчною какъ сама справедливость, водворенію которой она содѣйствуетъ.

Какъ видите, положенія аргументаціи г. Прудона находятся въ совершенномъ противорѣчій съ его выводами. Признаніе и апологія права силы должны бы вести, какъ говоритъ здравый смыслъ толпы, къ продленію войны, а не къ прекращенію ея, и съ точки зрѣнія права, какъ его понимаетъ г. Прудонъ, значило бы, что мы находимся далѣе отъ мира чѣмъ даже древніе.

Но, благодареніе Богу, это не совсѣмъ такъ. Если мы не достигли еще обѣтованной земли постоянного мира, то ужь конечно ближе къ ней чѣмъ наши праотцы. Въ древности, война была нормальнымъ состояніемъ человѣчества, и миръ появлялся въ ней

временною случайностію; напротивъ, въ новѣйшее время, миръ сталъ правиломъ, а война исключеніемъ, и если мы съ 1848 года попытались назадъ въ этомъ отношеніи, если вооруженія и военные расходы удвоились съ тѣхъ поръ, то нельзя не замѣтить также, что интересы и чувствованія народовъ энергически противодѣйствуютъ этому регрессу ко временамъ варварства. Настоящее положеніе Европы совершенно не нормальное, и тѣ самые люди, которые побуждаютъ народы къ вооруженію, стремятся въ то же время къ разрѣшенію великой задачи устройства прочнаго, если не окончательнаго мира.

Итакъ, исходная точка г. Прудона,—право силы,—ложна, потому что, отправляясь съ этой точки, доходишь до прогресса, а не до исключенія войны. Допустивъ мнѣніе автора, что война есть правый судъ, мы должны находить что ея рѣшенія становятся все справедливѣе и дѣйствительнѣе, и что вслѣдствіе этого никакъ не должно отказываться отъ этого международнаго правосудія, но сохранять его и распространять по возможности его юрисдикцію; а это совершенно противно явнымъ стремленіямъ нашего времени.

Постараемся показать, какъ можно яснѣе, въ чемъ состоитъ ошибка или заблужденіе, въ которое впалъ г. Прудонъ. Возьмемъ, напримѣръ, войну въ ея самомъ прѣстолѣ проявленіи, войну въ формѣ поединка. Два человека поссорились; одинъ жестоко оскорбилъ другаго, или одинъ изъ нихъ хочетъ добиться чего-нибудь, въ чемъ другой ему мѣшаетъ, или наконецъ между ними такое разногласіе, что имъ невозможно жить въ мирѣ. При такихъ обстоятельствахъ, они дерутся. Болѣе слабый и менѣе ловкій побѣжденъ. Можно ли сказать, что болѣе сильный, то-есть побѣдитель, правъ непременно? Конечно нѣтъ; и вотъ почему, допустивъ даже, что поединокъ будетъ по возможности гуманный и честный, никакъ нельзя сказать, чтобы рѣшеніе его было справедливо. Если мы допустимъ, что рѣшеніе спора посредствомъ поединка будетъ вполне справедливо, то намъ не нужно никакихъ трибуналовъ, и вмѣсто того чтобы заботиться объ улучшеніи судопроизводства, намъ гораздо лучше придерживаться прямо и просто сренеѣковаго *Суда Божья*.

Но если поединокъ не есть правосудіе, какъ бы ни были чисты его мотивы, какъ бы ни были совершенны его формы, если его рѣшенія, его приговоры будутъ хуже приговоровъ самаго неопытнаго суда присяжныхъ, то все-таки понятно, что при отсутствіи правильнаго судопроизводства онъ можетъ сдѣлаться элементомъ порядка. Понятно, что порывы дурныхъ побужденій обуздываются страхомъ помѣряться оружіемъ, при соблюденіи извѣстныхъ правилъ и нѣкоторыхъ установленныхъ формальностей, съ оскорб-

ленными и обиженными. Конечно, преграда эта не всегда довольно высока; она останавливаетъ слабыхъ и трусливыхъ, она не останавливаетъ храбрыхъ и смѣлыхъ, хотя бы имъ и пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ болѣе храбрыми и смѣлыми; но какова бы она ни была, все же лучше, когда есть хоть какая-нибудь преграда. Такимъ образомъ, въ странахъ, гдѣ допущена дуэль, нѣкоторые дурные поступки, ускользящіе отъ дѣйствія плохо организованнаго правосудія, каковы напримѣръ личное оскорбленіе, клевета, повторяются рѣже чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ честь и репутація каждаго гражданина оставлены безъ всякой защиты на жертву злобѣ и зависти. Въ такомъ случаѣ, несмотря на все зло, происходящее отъ случайностей дуэли, невозможно отрицать ея относительной пользы. Она служитъ орудіемъ порядка, конечно варварскимъ и грубымъ, и прогрессъ правильнаго правосудія или, еще лучше, общественнаго мнѣнія, карающаго клеветниковъ и оскорбителей, можетъ упразднить ее; но она имѣетъ свою причину быть до тѣхъ поръ, пока не совершится этотъ прогрессъ.

Не то ли же самое представляетъ намъ и война? Такъ какъ нѣтъ трибунала, къ которому могли бы прибѣгать народы, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не признаетъ высшей юрисдикціи, которой бы онъ подчинился вмѣстѣ съ другими народами, подобно ему независимыми, то конечно ему приходится или терпѣливо переносить все ураны и оскорбленія, или отражать силу силою. Отсюда произошла международная дуэль, судъ божій, иначе называемый войною. Подобно дуэли, война усовершенствовалась въ своихъ формахъ и стала гуманнѣе въ своихъ обычаяхъ; но тѣмъ не менѣе она осталась, такъ же какъ и дуэль, орудіемъ порядка варварскимъ и грубымъ. Она основана на томъ же правѣ, какъ и дуэль; но при отсутствіи правильнаго правосудія, она охраняетъ отъ обидъ и насилій, которыя безъ нея повторялись бы гораздо чаще. Она полагаетъ преграду насилію и несправедливости, и въ этомъ отношеніи ее можно назвать орудіемъ правосудія; но нелѣпо было бы утверждать, заодно съ г. Прудомъ, что сила, то-есть орудіе употребляемое войною, служитъ источникомъ права и справедливости. Говорить, что война служитъ источникомъ права, все равно что утверждать, будто дуэлисть, убившій своего противника, по этому самому уже правъ.

Если г. Прудонъ заблуждается относительно свойства войны, если анализъ, которому онъ подвергаетъ ее, не полонъ и не точенъ, то не бросаетъ ли по крайней мѣрѣ книга его какого-нибудь новаго свѣта на средства, ведущія къ упраздненію войны? Правда, онъ объявляетъ намъ, отъ имени всего человечества,

что оно не желаетъ болѣе войны; но какимъ образомъ исполнится это желаніе человечества,—вотъ чего никакъ не узнаете изъ его книги. Очевидно, что эта проблема упраздненія войны можетъ быть рѣшена только при двухъ условіяхъ, а именно: во-первыхъ—при устраненіи причинъ, поражающихъ войну, во вторыхъ—при учрежденіи высшей юрисдикціи, которая разбираетъ бы всѣ несогласія народовъ, и произносила бы свой приговоръ, соображаясь съ высшими интересами всѣхъ государствъ. Г. Прудонъ не допускаетъ такого трибунала, потому что онъ торжественно объявляетъ, что «націи самодержавны въ своемъ господствѣ» и осыпаетъ самыми ѣдкими насмѣшками экономистовъ и филантроповъ, каковы аббатъ де-Сенъ-Пьерръ, который въ своихъ утопическихъ ученіяхъ о сеймѣ или международныхъ трибуналахъ стремился къ ограниченію этого господства; съ другой стороны, онъ разсматриваетъ самымъ поверхностнымъ и недостаточнымъ образомъ мотивы войны, подводя ихъ подъ одну родовую причину—пауперизмъ; онъ не обращаетъ вниманія на то, какимъ образомъ нравственная и матеріальная цивилизація, постепенно развиваясь, дѣйствуетъ на ослабленіе или устраненіе этихъ мотивовъ. Онъ ограничивается возмѣщеніемъ, что война окончится при устройствѣ «экономическаго равновѣсія» и при совершеніи «переворота въ общемъ сознаніи»,—двѣ формулы, чрезвычайно неопредѣленныя и эластическія, изъ которыхъ можно извлечь что угодно.

Вообще понятно, что книга г. Прудона не удовлетворила ни сторонниковъ войны, ни сторонниковъ мира. Она не бросила никакого свѣта на грозные и животрепещущіе вопросы; но она сильно подняла ихъ, а это уже значитъ что-нибудь. Конечно онъ могъ бы поступить несравненно лучше, еслибы не поддался своей врожденной склонности производить какъ можно болѣе шума и блистать оригинальностью во что бы то ни стало, еслибы рѣшился прямо и просто идти общимъ путемъ съ юристами и экономистами, которые до него наблюдали и анализировали явленія мира и войны. Онъ счелъ за лучшее пробить собственную дорогу, не замѣчая, что эта дорога, вмѣсто того чтобы вести человечество впередъ, въ благословенную область мира, обращаетъ его назадъ на прежніе пути войны. По своему обыкновенію, онъ прежде всего старался поразить умы, и провозгласилъ, что *сила есть право*, какъ провозглашалъ нѣкогда, что *собственность есть кража*, *порядокъ есть анархія*. Но надо замѣтить, что въ настоящее время эта шумиха словъ не поражаетъ никого; теперь всѣ заботятся о ясности понятій, и никто не добивается ни поразительныхъ эффек-

товъ, ни оглушительнаго треска; всѣ начинаютъ находить, что ученые эффекты г. Прудона устарѣли, такъ же какъ и театральные эффекты г. Гюго и его школы. Европейская публика теперь обращаетъ мало вниманія на театральную обстановку и на *эффекты ученые, литературные и драматическіе*; требуется истина, которая была бы по возможности доступна всякому уму и поэтому была бы выражена въ формахъ простыхъ и ясныхъ. Къ сожалѣнію, этого нельзя найти въ новомъ сочиненіи г. Прудона, и вотъ почему его книга, которая лѣтъ пятнадцать назадъ могла бы приобрести громаднѣйшій успѣхъ, не заслужила въ настоящую минуту отъ многочисленной публики ничего кромѣ *succès d'estime*, какъ выражаются на театрѣ.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

ЭЛЕГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Обо многомъ были мы намѣрены поговорить въ этой книжкѣ; но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Обстоятельства заставляютъ насъ отложить наблюденія наши надъ русскою литературой до другой болѣе благоприятной минуты.

Бѣдное русское слово, бѣдное русское образованіе! Какая-то участь ожидаетъ васъ? Позади немного, впереди смутно и темно. Во всемъ чувствуется пустота и безсиліе, отсутствіе жизненной почвы, недостатокъ мысли, вытекающей изъ дѣла и идущей къ дѣлу. Никогда еще въ такомъ обиліи не расплодилось у насъ словъ и фразъ какъ въ теперешнее время, когда всѣ толкуютъ о самостоятельной мысли, никогда еще не доходила до такого всевластнаго господства самая пошлая рутина, самое бессмысленное и раболѣпное повтореніе мнѣній изъ чужой жизни, остывшихъ и забытыхъ, или случайныхъ и отрывочныхъ, лишенныхъ связи и смысла, какъ именно теперь, когда всѣ повидимому изъ того лишь и бьются, чтобы жить своимъ умомъ и не поклоняться авторитетамъ. Еслибы не разныя обстоятельства, какъ легко было бы прослѣдить генеалогію каждой фразы, выдаваемой за мысль, какъ легко было бы изобличить ея ничтожество и пошлость! Будущій историкъ нашего образованія конечно сдѣлаетъ это, и тогда сами собой обнаружатся причины тѣхъ эфемерныхъ явленій, которыя представляетъ наша жизнь. Явленія эти смѣняются съ поразительною быстротою; мы переживаемъ фазу за фазой; повидимому неистощимыя творческія начала таятся въ основѣ нашей жизни и безъ отдыха работаютъ, ежеминутно покладая старое, ежеминутно слагая новое.

Въ дѣйствительности же, какъ извѣстно, ничего нѣтъ, и весь этотъ прогрессъ, всѣ эти движенія, всѣ эти смѣны доктринъ, всѣ эти фазы развитія, не болѣе какъ мыльные пузыри. Нѣтъ ничего забавнѣе той серьезной мины или того задора, съ которыми наши мыслители толкуютъ о жизни и прогрессѣ. Они думаютъ, что занимаются очень горячими вопросами, и издѣваются надъ тѣми, кто посвящаетъ свои труды наукѣ, по предметамъ отвлеченнымъ или далекимъ. Но въ наукѣ нѣтъ ничего такого, что не шло бы къ дѣлу; для серьезнаго знанія нѣтъ вопроса, нѣтъ факта, которые не заслуживали бы изученія или были бы безплодны. За то, наоборотъ, въ этихъ доктринахъ, которыя пекутся для жизни и величаютъ себя жизненными, часто нѣтъ ни одного слова годнаго для дѣла, ничего годнаго для жизни. Эти доктрины, гдѣ рѣчь идетъ о жизни, бываютъ несравненно болѣе удалены отъ нея чѣмъ самыя абстрактныя выкладки математики, чѣмъ самыя дробныя изслѣдованія эрудиціи. Математическая формула таится подъ явленіями жизни, и она необходима для ихъ уразумѣнія. Всякая эрудиція, какъ бы ни была она спеціальна, имѣетъ своимъ предметомъ фактъ дѣйствительной жизни, и также необходима для ея уразумѣнія. Но всѣ эти пустяки, всѣ эти приноски словъ, весь этотъ перецъ фразъ, выдаваемый за живое дѣло жизни, по большей части выражаетъ только отсутствіе жизни въ умахъ своихъ виновниковъ, безсиліе и косность мысли. Въ этихъ ученіяхъ не высказывается ничего заслуживающаго вниманія, ничего сколько-нибудь годнаго. Интересъ ихъ заключается не въ томъ, что ими высказывается, а въ самомъ ихъ существованіи, въ возможности ихъ появленія, въ тѣхъ причинахъ, которыя пораждаютъ ихъ. У насъ причины этихъ явленій очевидны. Въ обществѣ нашемъ нѣтъ жизни: мудрено ли, что отсутствіе жизни ознаменовывается этою гнилью, этою фосфорическою блескотней, этимъ потокомъ словъ безъ мысли? У насъ до сихъ поръ нѣтъ ничего похожаго на науку; до сихъ поръ наука не пустила въ нашей почвѣ никакихъ побѣговъ. Науку считали у насъ роскошью, дѣломъ излишнимъ, даже опаснымъ. Науку прилагивали къ разнымъ постороннимъ ей условіямъ; ее презирали, ея пренебрегали; она была жалкимъ педантомъ въ нашемъ обществѣ, запуганнымъ, прибитымъ Тредьяковскимъ. И вотъ затоптанные начатки умственной дѣятельности даютъ себя знать. Духъ знанія, свободный и не имѣющій другихъ цѣлей кромѣ истины, мысль, не имѣющая другихъ цѣлей кромѣ знанія, блистательно заявляютъ свое отсутствіе нашею литературой, этими мыльными пузырями нашихъ доктринъ, всѣми этими отвратительными карриатурами на мысль, знаніе, прогрессъ. Чему учать пустозвоны нашихъ

дней? Не говорятъ ли они точно также, что наука сама по себѣ есть дѣло излишнее и негодное? Не готовы ли они лаять на всякаго, кто въ области знанія не признаетъ другихъ цѣлей кромѣ чистой истины? Не возводятъ ли они въ теорію то, что у насъ такъ долго было на практикѣ? Не являются ли они достойными толкователями и выразителями того духа преврѣтій и недоверія къ высшимъ дарамъ человѣческой природы, который господствовалъ у насъ въ жизни?

У насъ нѣтъ общества, нѣтъ общественнаго дѣла, въ которомъ каждый принималъ бы живое участіе и которое давало бы предметы, направленіе и внутреннюю нѣрму для дѣятельности. У насъ нѣтъ общества, но есть кружки, фальшивыя подобія общества. Въ этихъ-то кружкахъ съ ихъ спертымъ воздухомъ, въ этихъ маленькихъ, ничтожныхъ подобіяхъ общества, въ этихъ кружкахъ съ ихъ ребяческимъ самодовольствомъ, разобщенныхъ съ жизнью, лишенныхъ всякой почвы, осужденныхъ на умственную и практическую праздность, развиваются всѣ тѣ чудеса прогресса, о которыхъ мы упомянули выше; здѣсь-то совершаются эти быстрыя развитія, — быстрыя, потому что пустыя, — здѣсь-то, на словахъ, передвигаются горы, и на фразѣхъ перевертывается міръ; здѣсь-то мѣсяцами и недѣлями переживаются цѣлые вѣка, смѣняются философскія системы, общественныя доктрины, великіе гении, передающіе другъ другу свѣточъ прогресса.

Вотъ причины жалкаго состоянія нашего образованія; вотъ причины пустоцвѣтовъ, которыми наша литература непрерывно наполняется съ отчаяннымъ изобиліемъ; вотъ причины этого ребяческаго нахальства, этого невѣжества, прикрытаго фразами украденными у науки, этого непониманія жизни, соединеннаго съ нелѣпными притязаніями на перестройку ея основаній, на разрѣшеніе ея задачъ. Вотъ также причины, почему всякая нелѣпность можетъ имѣть у насъ ходъ и разчитываться на успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ такой нелѣпности, которая могла бы у насъ отчаяваться въ успѣхъ. Нѣтъ у насъ такихъ совѣстливыхъ людей, за которыхъ можно было бы поручиться, что они вдругъ, къ изумленію окружающихъ, не пустятся въ трепакъ. Кого же винить и что дѣлать? Должно ли съ сугубою силой налечь на тѣ незамѣтные, на тѣ ничтожные зачатки знанія и мысли, чтобъ окончательно подавить ихъ? Должно ли усиливать тѣ причины, которыми поражаются пражные кружки, пражныя доктрины, тѣ причины, которыми поддерживаются ребячество мысли и безсовѣтность слова? Будемъ ли мы придавать серіозное значеніе всѣмъ этимъ нелѣпостямъ, которыя зараждаются въ атмосферѣ кружковъ, какъ бы эти нелѣпности ни казались намъ чудовищны? Будемъ ли мы усиливать ихъ и давать имъ *raison d'être*, считая

ихъ чѣмъ-нибудь существеннымъ, а не тѣмъ, что онѣ есть въ дѣйствительности—пустыми миражами?

Наши *esprits forts*, наши прогрессисты, герои нашихъ кружковъ, борзописцы нашихъ журналовъ не представляютъ никакихъ задатковъ будущаго; все это одна гниль разложенія. Пусть начнется жизнь, и гниль исчезнетъ сама собой.

Развитіе! прогрессъ! Слова эти не сходятъ у насъ съ языка. Мы великіе прогрессисты. Нигдѣ, въ цѣломъ мірѣ, нѣтъ такихъ отчаянныхъ, такихъ безголовыхъ прогрессистовъ какъ у насъ на Руси. Намъ все ни почемъ, все тринь-трава; намъ море по колено. Не имѣя ни о чемъ понятія, мы чувствуемъ себя самыми свободными умами, и дѣйствительно въ этомъ отношеніи мы очень свободны. На всякій вздоръ отзовемся мы какъ разъ; но за то всякій вздоръ можетъ и опѣшить насъ мгновенно. Мы всѣмъ увлекаемся бесплодно и бессмысленно, и также бессмысленно пасуемъ передъ всѣмъ. Стоить только какой-нибудь пустой головѣ погромче свиснуть, и мы уже терпимся. Мы все боимся прослыть людьми отсталыми и готовы нести или выслушивать всевозможную чепуху, чтобы только не подать подозрѣнія, что мы не прогрессисты. Въ содержаніе словъ, въ понятія, въ мысль входить мы не будемъ; въ одно и то же время будемъ мы рукоплескать и плюсу и минусу; мы будемъ въ одно и то же время сочувствовать и свѣту и тѣмѣ; мы будемъ, во имя прогресса, со свистомъ отрицать всѣ основы прогресса. Гаркии кто-нибудь, что прогресса нѣтъ, что все въ жизни бессмысленно и случайно, что движеніе и измѣненіе ни къ чему не ведетъ, — мы готовы смиренно подчиниться и такому рѣшенію, лишь бы только остаться на счету прогрессистовъ.

Въ человѣческомъ обществѣ всякій прогрессъ есть въ сущности прогрессъ въ понятіяхъ, въ идеяхъ. Пора бросить рутинное мнѣніе, будто какой-нибудь прогрессъ возможенъ механическими способами. Всякое событіе, какова бы оно ни было свойства, конечно производитъ какую-нибудь перемѣну въ окружающей средѣ, но не всякая перемѣна есть прогрессъ, и вся сила его заключается лишь въ сознаниіи. То лишь прогрессъ для человѣческаго общества, что совершилось въ его сознаниіи. Никакая сила не можетъ превозмочь силу понятія въ обществѣ, ничто не можетъ остановить того, что развилось съ полною ясностью въ умѣ, или что дало почувствовать себя съ полною энергіей въ совѣсти. Друзья прогресса должны болѣе всего имѣть въ виду эту среду его, болѣе всего заботиться о ней и сосредоточивать въ ней свою дѣятельность. Друзья прогресса должны прежде всего работать надъ собою: нельзя сообщать другимъ понятій, которыхъ мы сами не имѣемъ. Заботиться объ общественномъ прогрессѣ

возможно не иначе какъ добросовѣстнымъ и усиленнымъ трудомъ надъ собою, надъ своими понятіями, надъ своими познаніями. Истинный прогрессистъ долженъ во всемъ признавать господство того закона, который властвуетъ въ наукѣ. Да и что такое общественная дѣятельность въ разнообразіи всѣхъ своихъ видовъ и сферъ? Что такое самое законодательство и администрація государствъ, какъ не разныя отрасли одной науки, одного общественного знанія въ его живомъ, дѣйствительномъ, опытномъ развитіи? Общественное знаніе, заключается не въ однихъ книгахъ, не въ написанныхъ системахъ и руководствахъ: все это только педагогическія пособія. Самое знаніе совершается въ опытѣ жизни. Естественныя науки живутъ и обогащаются опытомъ; внѣ прямого, методическаго, постепеннаго изученія факта, онѣ не имѣютъ значенія. Такъ точно и общественныя науки совершаются въ опытѣ жизни, въ различныхъ сферахъ общественной дѣятельности. Приходитъ пора убѣдиться, что найти законъ явленій и постановить законъ для общества—въ сущности одно и то же. Только тотъ законъ будетъ дѣйствительнымъ закономъ, и будетъ властвовать въ жизни, который выведенъ изъ ея явленій. Какъ въ индукціи естественныхъ наукъ, всякій недосмотръ, всякій опрометчивый шагъ, всякое преждевременное обобщеніе ведетъ къ фальши, такъ и въ практикѣ общественного знанія тѣ же причины ведутъ къ тѣмъ же результатамъ. Здѣсь также требуется самое отчетливое, самое точное изученіе дѣла; здѣсь точно также должны мы не разбрасывать нашу мысль въ пустомъ пространствѣ, а напротивъ сжимать и стѣснять ее, проводя по всѣмъ извилинамъ факта, и расширять ее не иначе, какъ расширяя сферу данныхъ, какъ принимая къ свѣдѣнію все большее и большее разнообразіе явленій. Всѣ эти размахистыя порожденія фантазіи, все это множество новыхъ міровъ, создаваемыхъ для человѣчества, всѣ эти утопіи, которыя творятся изъ ничего, все это принадлежитъ къ одному роду явленій со множествомъ теорій, стровшихъ по своему одинъ и тотъ же Божій міръ. Одинъ и тотъ же духъ положительнаго знанія упраздняетъ и эти утопіи, и эти теоріи, создаваемые изъ ничего.

Великій прогрессъ совершится у насъ тогда, когда мы перестанемъ съ безпощадною пошлостью болтать о прогрессѣ. Мы будемъ на пути къ лучшему не прежде, какъ откажемся отъ притязаній перестраивать общество по чистому разуму, и предадимся отчетливому, всестороннему и сознательному изученію дѣйствительной жизни. А когда наступитъ эта пора, тогда сама собой исчезнетъ вся эта гниль разложенія, которая завладѣла теперь нашимъ бѣднымъ словомъ.

тасть духу, высказаться напрямикъ. Не даромъ же вы вдругъ задумали нападать на меня.

— Да, именно, у меня духу не хватаетъ, сказала мистриссъ Грешамъ, оправляя нижнюю зелень букета, — я боюсь, что вы заподозрите меня въ не совсѣмъ-похвальныхъ видахъ. Я хотѣла было кой-что сказать вамъ, но теперь раздумала. Если вамъ угодно, я минутъ черезъ десять буду готова пойдти съ вами погулять.

Но миссъ Данстеблъ не хотѣла этимъ удовольствоваться. И, сказать по совѣсти, ея пріятельница, мистриссъ Грешамъ, не совсѣмъ-то хорошо съ нею поступала. Ей бы слѣдовало или совершенно смолчать (и это, конечно, было бы всего благо-разумнѣе), или же высказать все прямо и безъ обвиняювь, полагаясь на свою чистую совѣсть и безукоризненныя намѣренія.

— Я не выйду изъ этой комнаты, сказала миссъ Данстеблъ, — пока не объяснюсь съ вами до конца. Вы со мной можете шутить и говорить мнѣ колкости, но вы не въ правѣ думать, что я могу заподозрить васъ въ чемъ-нибудь дурномъ. Если вы точно думаете это, то вы не справедливы ко мнѣ, не справедливы къ нашей дружбѣ. Еслибъ я полагала, что вы точно это думаете, я бы не могла долѣе оставаться у васъ въ домѣ. Какъ! вы не понимаете разницы между *масляными* друзьями и свѣтскими пріятелями! Нѣтъ, я этому не повѣрю; мнѣ кажется, что вы просто хотите рассердить меня.

И миссъ Данстеблъ, въ свою очередь, принялась расхаживать по комнатѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ не стану больше сердить, сказала мистриссъ Грешамъ, отойдя наконецъ отъ своихъ цѣтвъ, и обнявъ миссъ Данстеблъ, — хотя, правду сказать, вы сами не прочь посердить другихъ.

— Мери, вы такъ далеко зашли, что нельзя такъ оставить этотъ разговоръ. Скажите мнѣ просто, что у васъ на душѣ, и я общаю вамъ отвѣчать съ полною откровенностию.

Мистриссъ Грешамъ начинала расхаживать въ своей необдуманной попыткѣ. Она отнюдь была не прочь продолжать полуплутильные намеки, въ надеждѣ, что они поведутъ къ желаемой развязкѣ и избавятъ ее отъ прямого объясненія, но теперь она видѣла себя въ необходимости высказать все напрямикъ. Она должна была обнаружить свои собственныя желанія, обнаружить свои предположенія на счетъ желаній самой миссъ Данстеблъ, и при всемъ томъ ничего не могла сказать о желаніяхъ звѣстнаго, третьяго лица.

— Да, вѣроятно, вы и безъ того меня поняли, сказала она.

— Вѣроятно, отвѣчала миссъ Данстеблъ, — но тѣмъ не менѣе

вы обязаны объясниться со мной. Я не намерена измѣнять себя, истолковывая ваши мысли, тогда какъ вы ограничиваетесь осторожными намеками. Я терпѣть не могу намековъ и обиняковъ; я придерживаюсь ученія епископа. *Magna est veritas.*

— Право, не знаю... начала было миссисъ Грешамъ.

— Но я знаю, прервала миссъ Данстеблъ,—а потому продолжайте, или замолкните навсегда.

— Вотъ именно въ чемъ дѣло...

— Въ чемъ же?

— Да вотъ, въ этомъ самомъ мѣстѣ изъ молитвенника, котораго конецъ вы только что привели: «Если кто-нибудь изъ васъ знаетъ причину или законное препятствіе, почему бы симъ двумъ лицамъ не сочетаться честными узами брака, объявите о немъ громогласно. Сіе есть первое повѣщеніе.» Знаете вы какую-нибудь такую причину, миссъ Данстеблъ?

— А вы сами, миссисъ Грешамъ?

— Нѣтъ, никакой, клянусь честью! сказала Меръ, положивъ руку на сердце.

— Какъ, вы такой причины не знаете?—И миссъ Данстеблъ въ волненіи схватила ее за руку.

— Нѣтъ, конечно. Какая же можетъ быть причина? Еслибы въ моихъ глазахъ она существовала, я бы не завела этого разговора. Я твердо убѣждена, что вы были бы счастливы вмѣстѣ. Конечно, есть *одно* препятствіе, мы всѣ это знаемъ, но это уже ваше дѣло.

— О чемъ вы говорите? Какое препятствіе?

— Ваше богатство.

— Что за вздоръ! Вѣдь вамъ же не помѣшало это выйти за Франка Грешама?

— Ахъ! тутъ совсѣмъ другое было дѣло. Онъ на своей сторонѣ имѣлъ гораздо больше выгодъ чѣмъ я. Притомъ же, я не была богата, когда мы... когда мы дали другъ другу слово.

И слезы выступили у нея на глазахъ при воспоминаніи о молодой своей любви. Повѣсть этой любви описана нами въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ разказовъ¹, къ которому и просимъ обратиться любопытнаго читателя или читательницу.

— Да, я знаю, вы вышли замужъ по любви. Мнѣ всегда казалось, Меръ, что вы самая счастливая женщина въ мірѣ. Вашъ мужъ столькимъ обязанъ вамъ, а между тѣмъ вы знали, что онъ полюбилъ васъ, когда вы ровно ничего не имѣли.

— Да, я это знала, и она украдкой утерла сладкія слезы, навер-

¹ Gresham and Gresham's story.

нувшіяся у нея на глазаѣ при воспомнаніи объ известномъ вечерѣ, когда известный юноша явился къ ней, съ рѣшительнымъ требованіемъ разнаго рода привилегій. Тогда она еще не была богатою наследницею.— Да, я это знала. Но будемъ говорить за васъ душа моя: нельзя же вамъ вдругъ сдѣлаться бѣдною, если вы никому не хотите довѣрять...

— Я довѣрю ему, довѣряю ему вполне, въ этомъ отношеніи! Но вѣдь онъ и не думаетъ обо мнѣ.

— Развѣ вы не знаете, какъ онъ любитъ васъ?

— Да, конечно; онъ также очень любитъ леди Скатчердъ.

— Миссъ Данстебль!

— Да почему же нѣтъ? Вѣдь мы съ леди Скатчердъ привыкли жимъ къ одному и тому же разряду.

— Не совсѣмъ.

— Именно, къ одному и тому же разряду. Только я умудрилась втереться въ общество герцоговъ и герцогинь, и она осталась на томъ мѣстѣ, куда ее поставило Провидѣніе. Не знаю, которая изъ насъ въ этомъ случаѣ имѣетъ преимущество надъ другою.

— Я знаю только, что вы говорите вздоръ.

— Мнѣ кажется, что мы объ вздоръ говоримъ, совершеннымъ вздоръ, точно мы съ вами шестнадцатилѣтнія дѣвчонки. Но вѣдь и это пріятно бываетъ подчасъ. Ужасно было бы постоянно вести разумныя рѣчи. Ну, а теперь, пойдемте погулять.

Изъ этого разговора мистриссъ Грешамъ вполне убѣдилась, что миссъ Данстебль, съ своей стороны, отнюдь не прочь осуществитъ ея любимый планъ. Впрочемъ она и прежде едва ли въ этомъ сомнѣвалась. Она знала, что главное затрудненіе не съ этой стороны, и до сихъ поръ единственная ея цѣль была удобовѣряться, можетъ ли она по совѣсти обѣщать своему дядѣ явные успѣхъ, въ случаѣ если онъ рѣшится послѣдовать ея совѣту. Онъ долженъ былъ въ этотъ же вечеръ пріѣхать въ Боксаль-Тилл, и пробыть тамъ два дня. Мистриссъ Грешамъ чувствовала, что наступала рѣшительная минута.

Докторъ точно пріѣхалъ, и пробылъ въ Боксаль-Тилл назначенное время, но мистриссъ Грешамъ не добила своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, на этотъ разъ онъ гостилъ у нея, какъ будто не съ такимъ удовольствіемъ какъ прежде; его отношенія къ миссъ Данстебль какъ будто стали менѣе дружески-коротки. Между ними уже не завязывались прежніе безконечныя споры; докторъ не подтрунивалъ попрежнему надъ свѣтскими увлеченіями своей собесѣдницы, а она надъ его деревенскими привычками. Они были очень любезны и учтивы другъ съ другомъ, савшомъ даже учтивы, по мнѣнію мистриссъ Грешамъ; и въ

продолженіе всего пребыванія доктора въ Боксаль-Гилль, и въ почему-то не случилось оставаться наединѣ болѣе пяти минутъ сряду. Мистриссъ Грешамъ съ ужасомъ задавала себѣ вопросъ, неужели она своими неосторожными словами разлучила двухъ друзей, вмѣсто того чтобы соединить ихъ болѣе тѣсными узами.

Но все же ей казалось, что разъ затѣявши эту игру, она должна стараться довести ее до конца. Она видѣла сама, что сдѣланное ею могло повести къ худу, если ей не удастся довести начатое до добраго конца; она сознавала, что если это не удастся ей, то она будетъ кругомъ виновата передъ миссъ Данстеблѣ, заставивъ ее такъ откровенно высказать свои мысли и чувства. Она уже говорила съ докторомъ въ Лондонѣ; конечно, онъ ничѣмъ не выразилъ, что одобряетъ ея планъ, но за то онъ не обнаружилъ рѣшительнаго неодобренія. И потому она надѣялась, въ продолженіи этихъ цѣлыхъ трехъ дней, что онъ какъ-нибудь выскажется по крайней мѣрѣ передъ нею, что онъ хоть намекнетъ ей о томъ, какъ самъ онъ смотритъ на этотъ вопросъ. Но настало утро, назначенное для его отъѣзда, а докторъ ровно ничего еще не сказалъ.

— Дядя, сказала она, рѣшаась воспользоваться послѣдними пятью минутами, послѣ того какъ онъ уже простился и съ нею, и съ миссъ Данстеблѣ,—подумали вы о томъ, что я говорила вамъ въ Лондонѣ?

— Да, Мери, конечно; когда такого рода мысль нечаянно заберется въ голову человѣка, трудно тотчасъ же выкинуть ее изъ головы.

— Такъ что же далѣе? Поговорите же со мной объ этомъ; зачѣмъ вы отъ меня скрываетесь?

— Да мнѣ почти нечего и говорить.

— Одно могу я вамъ сказать: отъ васъ зависитъ жениться на ней.

— Мери! Мери!

— Я бы не стала этого говорить, еслибы не была увѣрена, что это послужитъ къ вашему счастью.

— Безразсудно съ твоей стороны желать этого, душа моя; безразсудно подбивать старика на подобную глупость.

— Не безразсудно, если вы оба можете быть счастливы.

Онъ ничего не отвѣчалъ ей, но только нагнулся и по обыкновенію поцѣловалъ ее, потомъ уѣхалъ, оставивъ ей грустное сознаніе, что она понапрасну намутила воду. Что станетъ о ней думать миссъ Данстеблѣ? Но миссъ Данстеблѣ въ этотъ вечеръ была по прежнему спокойна и весела.

ГЛАВА XXXIX.

Докторъ Торнъ; въ послѣднемъ разговорѣ съ племянницей назвалъ себя старикомъ; однако ему было всего какихъ-нибудь пятьдесятъ пять лѣтъ, а на видъ ему казалось еще меньше. Глядя на него каждый бы сказалъ, что нѣтъ никакой причины не жениться ему, если онъ найдетъ это удобнымъ; и если принять въ соображеніе лѣта невѣсты, то въ этомъ бракѣ ничего не было бы страннаго или неподходящаго.

Но тѣмъ не менѣе, ему почти стыдно становилось, что онъ позволяетъ себѣ думать о предложеніи, сдѣланномъ ему племянницей. Онъ сѣлъ на свою лошадь въ Боксалль-Гиллѣ, и медленнымъ шагомъ направился въ Грешамсбери, раздумывая, не столько о предполагаемомъ бракѣ, какъ о собственномъ безразсудствѣ. Какъ могъ онъ быть такимъ осломъ, чтобы, въ свои лѣта, дать встревожить себя подобною мыслію? Можно ли было думать о супружествѣ съ миссъ Данстеблѣ, не думая отчасти и о ея богатствѣ; а онъ всю жизнь гордился своимъ равнодушіемъ къ деньгамъ. До сихъ поръ медицинскія его занятія были для него дороже всего въ мірѣ; они стали ему необходимы какъ воздухъ, а могъ ли онъ продолжать ихъ, женившись на миссъ Данстеблѣ? Она конечно захотѣла бы, чтобъ онъ ѣздилъ съ ней въ столицу, — а какую бы онъ тамъ игралъ роль, плетаясь всюду по ея пятамъ, извѣстный тамъ только какъ мужъ одной изъ богатѣйшихъ женщинъ въ городѣ! Такая жизнь была бы для него нестерпима; а между тѣмъ, на возвратномъ пути домой, онъ никакъ не могъ отбѣлаться отъ этой неотвязной мысли. Онъ все продолжалъ повертывать ее въ своемъ умѣ, продолжая тѣмъ не менѣе упрекать себя за это. Наконецъ, онъ положилъ себѣ, что въ этотъ же вечеръ, вернувшись домой, онъ приметъ рѣшительныя мѣры, и напишетъ племянницѣ, чтобъ она отложила всякія попеченія объ этомъ предметѣ. Дойдя до такого мудраго рѣшенія, онъ принялся разсуждать въ своемъ умѣ, какъ бы сложилась его жизнь, еслибы онъ точно женился на миссъ Данстеблѣ.

Въ этотъ самый день, ему нужно было побывать у двухъ дамъ, съ которыми онъ видался ежедневно, исключая временныхъ своихъ отсутствій изъ Грешамсбери. Первая изъ нихъ — первая во мнѣніи всего окружающаго люда — была жена скайра,

леди Арабелла Грешамъ, старинная пациентка доктора. Онъ обыкновенно прїѣзжалъ къ ней поутру, и если ему удавалось какъ-нибудь отказать отъ ежедневнаго приглашенія сквайра откушать у него, онъ отправлялся къ леди Скатчердъ тотчасъ послѣ своего скромнаго обѣда. Такъ по крайней мѣрѣ онъ привыкъ дѣлать въ лѣтнее время.

— Ну, что, докторъ, здоровы ли всѣ въ Боксалль-Гилль? скажешь сквайръ, встрѣтивъ его у воротъ; лѣтомъ, сквайръ рѣшительно не зналъ чѣмъ наполнить свои дни.

— Совершенно здоровы.

— Не знаю, право, что дѣлается съ Франкомъ. Онъ какъ будто возненавидѣлъ Грешамсбери. Вѣроятно онъ занятъ выборами?

— Конечно; онъ поручилъ сказать вамъ, что скоро къ вамъ заѣдетъ. Вѣроятно его выберутъ единогласно, такъ что ему не о чемъ и хлопотать.

— Счастливецъ! Не такъ ли, докторъ? Сколько у него еще вперед! Да, онъ славный малый, огличный малый. Да послушайте: Мерш, кажется, должна скоро...

И они обмывались нѣсколькими многозначительными словами.

— Я зайду къ леди Арабеллѣ, сказалъ докторъ.

— Я только что отъ нея, сказалъ сквайръ, — она все хандритъ и жадуется.

— Однако ничего нѣтъ особеннаго, надѣюсь?

— Нѣтъ, кажется ничего, то-есть ничего по *вашей* части, докторъ; только она въ предурномъ расположеніи духа, а это прямо падаетъ на меня. Вы конечно останетесь у меня отобѣдать?

— Нѣтъ, сегодня нѣтъ, сквайръ.

— Пустяки; вы должны остаться. Мнѣ *особенно* нужно видѣть васъ сегодня, *особенно* нужно.

Но сквайръ каждый день рѣшительно имѣлъ особенную надобность видѣть его.

— Очень жаль, но мнѣ сегодня невозможно. Мнѣ нужно написать письмо довольно важное, и я сперва долженъ хорошенько обдумать его. Увижу я васъ когда вернусь отъ миледи?

Но сквайръ нахмурился и отвернулся, едва отвѣтивъ ему; пожелала его надежда на прїятное развлеченіе, и докторъ отправился наверхъ къ своей пациенткѣ.

Нельзя сказать, чтобы леди Арабелла была больна, но она истоянно была пациенткой. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы она лежала въ постели, или ежедневно принимала лѣкарства, или должна была отказываться отъ тѣхъ прозаическихъ удовольствій, которыя нрѣдка разнообразили ея прозаическую жизнь; но ей прїятно было считаться больною и имѣть около себя доктора, а

такъ какъ судьба послала ей врача, сразу понимашаго степень и свойство ея болѣзни, прихоть эта не имѣла для нея дурныхъ послѣдствій.

— Мнѣ такъ грустно, что я не могу видѣть Мери, сказала леди Арабелла послѣ обычныхъ медицинскихъ разспросовъ и разказовъ.

— Она хорошо себя чувствуетъ, и скоро прїѣдетъ къ вамъ погостить.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть она не прїѣзжаетъ. Ей и въ голову не придетъ навѣстить меня, когда ни малѣйшихъ нѣтъ препятствій, а теперь, въ ея положеніи, путешествіе было бы крайне....—И леди Арабелла важно покачала головой.—Подумайте только, какая важная на ней лежитъ отвѣтственность, докторъ; подумайте сколько отъ этого зависитъ!

— Да это ей никакъ не можетъ повредить, еслибы даже отвѣтственность была вдвое больше.

— Полноте, докторъ, не говорите; будто я не знаю сама! Я была противъ и поѣздки ихъ въ Лондонъ, но конечно меня никто не послушался. Ужъ я къ этому привыкла. Я думаю, мистеръ Грешамъ нарочно ѣздилъ къ ней, чтобъ уговорить ее съѣздить въ Лондонъ. Да что ему! Онъ любитъ Франка; но онъ не способенъ подумать о завтрашнемъ днѣ. Онъ всегда былъ таковъ; вы это знаете, докторъ.

— Да эта поѣздка была даже очень полезна ей, сказалъ докторъ Торнъ, желая прекратить разговоръ о многочисленныхъ прегрѣшеніяхъ сквайра.

— Я очень хорошо помню, что когда я была въ такомъ положеніи, подобныя поѣздки не считались для меня полезными. Но, можетъ-быть, съ тѣхъ поръ все измѣнилось.

— Да, конечно, измѣнилось, сказалъ докторъ,—мы, врачи, стали сговорчивѣе.

— Я помню, что я въ такія минуты никакихъ не искала удо вольствій. Вотъ напримѣръ, когда родился Франкъ.... Но, какъ вы замѣтили, теперь все измѣнилось. Очень понятно, что Мери умѣетъ на своемъ настоять.

— Да помилуйте, леди Арабелла, она бы съ радостью осталась дома, еслибы Франкъ только слово сказалъ ей?

— Вотъ и я всегда такъ дѣлала. При малѣйшемъ словѣ мистера Грешама, я готова была уступить. Но, право, не знаю, что мы черезъ это выигрываемъ! Вотъ, напримѣръ, нынѣшній годъ, докторъ, мнѣ конечно было бы прїятно съѣздить въ Лондонъ хотя недѣли на двѣ. Вы сами говорили, что мнѣ не худо бы посовѣтоваться съ сэръ-Ошикреномъ.

— Я говорилъ, что бъды итъ, можете посоветоваться.

— Ну да, именно. И такъ какъ мистеръ Грешамъ очень хорошо зналъ мое желаніе, то онъ могъ бы предложить мнѣ это. Вѣдь теперь кажется за деньгами дѣло не могло бы стать.

— Да вѣдь сколько я помню, Мери приглашала васъ къ себѣ, вмѣстѣ съ Августой?

— Да, Мери была очень мила и любезна. Она меня приглашала. Да вѣдь домъ у нея не Богъ знаетъ какъ великъ, ей самой нужны всѣ комнаты. Впрочемъ, что до этого касается, меня также очень звала къ себѣ сестра, графиня. Но вѣдь все-таки пріятнѣе быть независимой; и на этотъ разъ, мнѣ кажется, мистеръ Грешамъ очень могъ бы все это устроить. Я никогда не просила его ни о чемъ подобномъ, покуда дѣла его были запутаны. Хотя, Богъ одинъ знаетъ, что тутъ виновата была не я...

— Да мистеръ Грешамъ ненавидитъ Лондонъ. Онъ просто умеръ бы отъ этой духоты.

— Но во всякомъ случаѣ, онъ могъ бы предложить мнѣ эту повѣдку: очень вѣроятно, что я сама отказалась бы. Да меня убиваетъ это равнодушіе! Вотъ онъ сейчасъ былъ здѣсь, и повѣрите ли...

Но докторъ Торнъ твердо рѣшился на этотъ разъ не выслушивать ея жалобъ.

— Желалъ бы я знать, леди Арабелла, что сказали бы вы еслибы вашему мужу вдругъ вздумалось уѣхать куда-нибудь повеселиться, а васъ оставить одну дома. Повѣрите мнѣ, бываютъ люди похуже мистера Грешама.

Все это прямо намекало на графа де-Корси, брата миледи, и она очень хорошо поняла намекъ; этотъ доводъ уже не разъ былъ употребляемъ для того, чтобы заставить ее замолчать.

— Право, это было бы гораздо лучше, чѣмъ ему сидѣть здѣсь безъ дѣла, или возиться съ этими противными собаками. Мнѣ, право, кажется, что онъ совсѣмъ опустился.

— Вы совершенно ошибаетесь, леди Арабелла, сказалъ докторъ, раскланиваясь съ ней, и ушелъ, не дожидаясь возраженія.

Возвращаясь домой, онъ не могъ не подумать, что въ этомъ случаѣ семейная жизнь представилась ему со стороны не очень привлекательной. Свѣтъ считалъ мистера Грешама и его жену самыми счастливыми супругами. Они всегда жили вмѣстѣ, никуда не выѣзжали другъ безъ друга, всегда сидѣли рядомъ на привычныхъ своихъ мѣстахъ въ церкви; и никогда, даже въ самыя отчаянныя минуты, не помышляли о возможности развода. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, — напримеръ относительно долговременности ихъ неразлучнаго сожителства въ родовомъ грешамберійскомъ замкѣ, — они могли назваться примѣрною четой. Но при

всемъ томъ, на сколько могъ судить докторъ Торнъ, они немного приносили счастья другъ другу. Они конечно любили другъ друга; еслибъ одному изъ нихъ угрожала серьезная опасность, другой сталъ бы искренно сокрушаться; однако много имѣлось причинъ предполагать, что они было бы гораздо счастливѣе порознь.

Докторъ по обыкновенію отобѣдалъ въ пять часовъ, а около семи пошелъ навѣстить свою старую пріятельницу леди Скатчердъ. Леди Скатчердъ не могла назваться развитою или образованною женщиною, она была дочерью поденщика и вышла замужъ за человѣка изъ того же разряда. Но мужъ ея пошелъ въ гору—какъ мы рассказали въ другой нашей повѣсти—и она осталась вдовой съ титуломъ леди Скатчердъ, съ прехорошенькимъ домикомъ и препорядочнымъ капиталомъ. Она во всѣхъ отношеніяхъ была противоположною леди Арабеллѣ Грешамъ; однако, черезъ посредство доктора, онѣ познакомились между собой. Докторъ также зналъ случайно некоторыя подробности ея супружеской жизни; воспоминаніе о нихъ было еще менѣе привлекательно чѣмъ семейная картина въ Грешамсбергъ.

Впрочемъ докторъ любилъ и уважалъ ее гораздо больше леди Арабеллы; онъ заходилъ къ ней не какъ врачъ, а какъ сосѣдъ и другъ.

— Ну что, миледи, сказалъ онъ, усаживаясь подлѣ нея на широкой садовой скамьѣ (всѣ называли леди Скатчердъ миледи),— какъ вы себя чувствуете въ эти долгіе лѣтніе дни? Цвѣты ваши, по крайней мѣрѣ, въ полномъ блескѣ, и гораздо лучше всѣхъ тѣхъ, которые я видѣлъ въ замкѣ.

— Да, правда ваша, докторъ, — долгіе дни! Ужь черезчуръ долги.

— Ну полно-те, перестаньте жаловаться. Ужь не станете ли вы увѣрять меня, что вы очень несчастны? Напередъ говорю, что я вамъ не повѣрю.

— Конечно, я не могу назвать себя несчастною. Грѣшно мнѣ было бы говорить это.

— Правда, что грѣшно, сказалъ докторъ кроткимъ, дружескимъ тономъ, ласково пожимая ей руку.

— Я грѣшить не хочу. Я благодарю Бога за все; по крайней мѣрѣ стараюсь всегда благодарить его. Но, знаете, докторъ, тяжело жить въ одиночествѣ.

— Какое же одиночество? Вы также одиноки какъ я.

— О, да вы—другое дѣло! Вы вездѣ можете бывать. Но что прикажете дѣлать бѣдной, одинокой женщинѣ? Знаете, докторъ, я бы отдала все на свѣтъ, чтобъ опять увидѣть моего Ро-

джера какъ онъ по вечерамъ возвращался въ «артукъ» и съ молодомъ въ рукѣ. Какъ теперь помню его.

— А вѣдь тяжелая ваша жизнь была тогда; не такъ ли, моя старушка? Лучше благодарите Бога за то, что вы теперь спокойны.

— Да я и благодарю Бога; я же вамъ это говорила, возражала она съ нѣкоторою досадою.—Но право, очень тяжело жить въ одиночествѣ. Я часто завидую Ганнѣ; она сидитъ въ кухнѣ съ Джеммой, и можетъ съ ней поболтать. Я иногда прошу ее послѣдить со мной, такъ не хочеть.

— Да вамъ и не слѣдуетъ звать ее къ себѣ. Вы этимъ себя роняете.

— А мнѣ какое дѣло? Мнѣ все теперь равно, съ тѣхъ поръ какъ онъ померъ. Еслибъ *она* былъ живъ, я можетъ быть и заботилась бы о томъ, чтобы себя не ронять. Да что говорить! Придетъ время, и я за нимъ отправлюсь.

— Ну конечно; всѣ мы за нимъ отправимся рано или поздно.

— Да, правда, правда; наша жизнь — верста, какъ говоритъ пасторъ Оріель, когда вздумаетъ удариться въ поэзію. А все грустно, если не дано всю эту версту пройти съ кѣмъ-нибудь объ руку. Чтò дѣлать! Вотъ и приходится терпѣть, какъ терпятъ другіе. Надѣюсь, что вы еще не собираетесь уѣзжать, докторъ? Оставайтесь-ка, и напейтесь у меня чаю. Ганна васъ угоститъ такими сливками, какихъ вы отъ роду не кушали. Право, оставайтесь.

Но доктору необходимо было написать извѣстное письмо, и даже великолѣпныя сливки не могли прельстить его. Онъ отправился домой, къ великой досадѣ леди Скатчердъ и дорогою задавалъ себѣ вопросъ, которая изъ двухъ его знакомокъ — леди Арабелла или леди Скатчердъ — болѣе безразсудна въ своемъ горѣ. Первая вѣчно жаловалась на живаго мужа, который однако не отказывалъ ей ни въ одномъ благоразумномъ требованіи; другая постоянно оплакивала покойнаго супруга, который при жизни обращался съ ней не только сурово, но и жестоко.

Доктору нужно было написать письмо, но до самыхъ этихъ поръ онъ еще не вполнѣ рѣшился насчетъ его содержанія. Если посмотреть на вопросъ съ той точки зрѣнія, какую онъ впервые избралъ себѣ, то ему слѣдовало бы писать къ племянницѣ; но еслибъ онъ рѣшился идти напропалую, то онъ конечно долженъ обратиться прямо къ миссъ Данстеблѣ.

Онъ шелъ домой — не по прямой дорогѣ, а длиннымъ обходомъ, по узкой тропинкѣ вдоль цвѣтущей изгороди, — онъ шелъ домой, погруженный въ раздумье. Ему сказали, что она желаетъ за него выйти, слѣдуетъ ли ему думать объ одномъ себѣ? Чтò

же касается до его гордаго отвращенія отъ денегъ — точно ли это прямое, истинное чувство; или это ложная гордость, которой онъ долженъ стыдиться? Если онъ поступитъ по совѣсти, такъ что ему страшился постороннихъ толковъ и пересудовъ? Вѣдь, точно, грустно жить въ одиночествѣ, какъ говорила бѣдная леди Скатчердъ. Впрочемъ, примѣръ леди Скатчердъ и другой примѣръ близкой его сосѣдки, врядъ ли могли склонять его къ женитьбѣ. Игакъ, онъ въ раздумьи шелъ домой, медленнымъ шагомъ, заложивъ руки за спину.

Вернувшись къ себѣ, онъ все-таки не приступилъ еще къ дѣлу. Онъ очень бы могъ выпить чаю у леди Скатчердъ, вмѣсто того чтобы такъ неторопливо распивать его у себя въ гостиной; онъ все не рѣшался брать въ руки перо и бумагу, все медлил надъ своею недопитою чашкой, стараясь какъ-нибудь отдалить тягостную минуту. На одно только онъ рѣшился окончательно: письмо должно быть написано непременно въ этотъ вечеръ.

Наконецъ, около одиннадцати часовъ, онъ всталъ изъ-за чайнаго стола, и отправился въ плохо-убранную комнатку, обыкновенно служившую ему кабинетомъ; тутъ, скрѣпя сердце, онъ взялся за перо. И теперь еще не вполне разсѣлись его сомнѣнія; но почему бы ему не написать къ миссъ Данстеблѣ для пробы, и посмотрѣть каково выйдетъ это письмо? Онъ почти рѣшился не отсылать его — такъ по крайней мѣрѣ онъ увѣрялъ себя; но написать ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ. И такъ, онъ принялся писать слѣдующее:

• Грешамсберн—іюня, 185—

• Дорогая миссъ Данстеблѣ. •

Начертивъ эти слова, онъ откинулся назадъ въ креслахъ, и посмотрѣлъ на бумагу. Гдѣ ему найти словъ, чтобы выразить то, что онъ смѣлъ ей сказать? Никогда въ жизни ему не приходилось сочинять что-либо подобное, и его вдругъ ужаснула почти непреодолимая трудность, о которой, признаться, онъ и не подумалъ напередъ. Онъ провелъ еще полчаса, задумчиво глядя на бумагу, и наконецъ совсѣмъ было рѣшился бросить все. Онъ повторялъ себѣ, что ему слѣдуетъ выразиться какъ можно проще и прямѣе; но подчасъ довольно трудно выразиться просто и прямо; несравненно легче стать на ходули, и удариться въ пафосъ, отдѣлываясь выпреинными словами и восклицательными знаками. Наконецъ письмо написано—и безъ всякаго восклицательнаго знака.

« Дорогая миссъ Данстегль, —

« Считаю долгомъ откровенно сказать вамъ, что я бы къ вамъ не писалъ этого письма, еслибы *другіе* не навели меня на мысль, что предложеніе, которое я намѣреваюсь вамъ сдѣлать, можетъ быть принято вами благосклонно. Безъ этого, признаюсь, я бы побоялся, что огромное неравенство нашихъ состояній придадо бы этому предложенію видъ неискренности и корыстолюбія. Теперь же я прошу васъ объ одномъ, — повѣрить моей честности и правдивости въ этомъ дѣлѣ.

« Вы вѣрно уже угадали мою мысль. Мы съ вами сблизились довольно коротко, хотя познакомились недавно, и иногда мнѣ казалось, что вамъ почти также хорошо со мною, какъ мнѣ бываетъ съ вами. Если я тутъ ошибся, скажите мнѣ это просто и прямо, и я буду стараться, чтобы наши дружескія отношенія пошли прежнимъ чередомъ, какъ бы и не было этого письма. Но если я правъ, если точно мы можемъ быть счастливые вмѣстѣ чѣмъ порознь, я вамъ готовъ общать по совѣсти и чести, что я сдѣлаю все, что только можетъ сдѣлать такой старикъ какъ я, для вашего счастья и спокойствія. Когда я думаю о своихъ годахъ, я самъ себя кажусь старымъ безумцемъ; я стараюсь оправдать себя тѣмъ, что я уже не молоденькая дѣвочка. Вы видите, что я вамъ не говорю комплиментовъ; они вамъ не нужны отъ меня.

« Я бы ничего не могъ прибавить, еслибы написалъ вамъ нѣсколько страницъ. Мнѣ нужно только, чтобы вы поняли меня. Если вы не вѣрите въ мою искренность и честность, то я ничѣмъ не могу переубѣдить васъ въ свою пользу.

« Да благословитъ васъ Господь! Я знаю, что вы меня не оставите долго ждать отвѣта.

« Искренно преданный вамъ другъ,

Томасъ Торнъ ».

Онъ еще нѣсколько времени сидѣлъ и раздумывалъ, не слѣдуетъ ли ему что-нибудь прибавить на счетъ ея состоянія? Не долженъ ли онъ сказать ей, хотя бы въ припискѣ, что отъ нея всегда будетъ зависѣть распоряжаться, какъ только ей угодно, *если*, ея богатствомъ. Долговъ у него не было никакихъ, и онъ могъ вполне довольствоваться собственнымъ небольшимъ доходомъ. Но около часу по полудни, онъ дошелъ до заключенія, что лучше ни слова объ этомъ не говорить. Если она точно любила и уважала его, и довѣрала ему, и стояла его довѣрія, то всякія подобныя увѣренія были бы совершенно лишніи; если же не было этого довѣрія, то его невозможно было пробу-

дать никакими обещаніями съ его стороны. Итакъ, онъ дважды перечелъ письмо, запечаталъ его, и унесъ въ свою спальню, вмѣстѣ съ зажженною свѣчей. Теперь, какъ письмо уже было готово, ему казалось, что сама судьба повелѣваетъ отослать его. Онъ написалъ его только *такъ*, чтобъ посмотрѣть, каково оно выйдетъ, но теперь ужъ никакого не оставалось сомнѣнія, что оно будетъ вручено миссъ Данстеблѣ. Онъ легъ спать, положивъ письмо подлѣ себя на столикъ, и рано по утру,—такъ рано, какъ будто бы важность этого посланія не дала ему спать, — онъ отправилъ его съ нарочнымъ въ Боксаль-Гиллѣ.

— Нужно дожидаться отвѣта? спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, оставьте письмо и тотчасъ же назадъ.

Дѣтомъ въ Боксаль-Гиллѣ завтракали довольно поздно. Вѣроятно, Франкъ-Грешамъ имѣлъ обыкновеніе осматривать свою ферму, прежде чѣмъ явится къ утренней молитвѣ, а жена его, безъ сомнѣнія, между тѣмъ хлопотала въ молочнѣ, около масла. Какъ бы то ни было, они рѣдко собирались къ завтраку прежде десяти часовъ; и хотя Грешамсбери находился въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Боксаль-Гилла, миссъ Данстеблѣ получила письмо прежде еще чѣмъ собралась выйти изъ своей комнаты.

Она прочла его молча, пока горничная прибирала что-то около нея, и по ея лицу нельзя было угадать, чтобы въ прочитанномъ заключалось что-либо важное или необычайное. Потомъ она спокойно свернула письмо, и положила его подлѣ себя на столъ. Не раньше какъ съ четверть часа спустя, она попросила горничную узнать, вышла ли мистриссъ Грешамъ изъ своей комнаты. — Мнѣ нужно поговорить съ ней наединѣ, до завтрака, сказала миссъ Данстеблѣ.

— Злодѣйка! предательница! были первыя слова миссъ Данстеблѣ, когда она осталась вдвоемъ съ Мері.

— Что такое? Что случилось?

— Я не воображала, что васъ такъ нужно остерегаться, и что у васъ такая страсть свадьбы устраивать. Вотъ, посмотрите. Прочтите первыя три строчки, но не больше; остальное не про васъ. Кто же эти *другіе*, которымъ такъ довѣряетъ вашъ дядя?

— О, миссъ Данстеблѣ, дайте мнѣ прочесть все письмо!

— Нѣтъ, извините. Вы думаете, что это объясненіе въ любви, очень ошибаетесь. Тутъ и помню нѣтъ о любви.

— Я знаю, что онъ дѣлаетъ вамъ предложеніе. Я такъ рада! Я знаю, что вы его любите.

— Онъ говоритъ мнѣ, что я старая женщина и намскаетъ, что я, по всей вѣроятности, окажусь старою душой.

— Я увѣрена, что онъ этого не говоритъ.

— Именно это. Первое совершенно справедливо, и я никогда не сержусь за правду. Что же касается до другаго, мнѣ кажется, что онъ ошибся. Если я и дура, то не въ томъ смыслѣ, какъ онъ предполагаетъ.

— Милая, дорогая миссъ Данстеблъ, не говорите такихъ вещей. Будьте со мною откровеннѣе, и перестаньте шутить.

— Кто же эти *другіе*, которымъ онъ такъ безусловно вѣритъ? Извольте отвѣчать.

— Я, я, конечно. Никто другой не могъ съ нимъ объ этомъ говорить.

— И что же вы ему сказали?

— Я... сказала...

— Ну, говорите же прямо все, какъ было. Я же вамъ откровенно скажу, что вы никакого не имѣли права выдавать меня, и употреблять такимъ образомъ мое довѣріе во зло. Но послушаемъ-ка, что вы ему сказали.

— Я сказала, что вы выйдете за него замужъ, если онъ за васъ посватается.

И говоря это, Мери Грешамъ съ безпокойствомъ смотрѣла въ лицо своей пріятельницѣ, не зная хорошенько, сердится ли на нее миссъ Данстеблъ или нѣтъ. Если она точно сердится, то какъ ужасно обманула она своего дядю!

— Вы ему сказали это положительнымъ образомъ?

— Я ему сказала, что я въ этомъ убѣждена.

— Въ такомъ случаѣ, я теперь обязана выйти за него, проговорила миссъ Данстеблъ, уронивъ письмо на полъ, съ видомъ комическаго отчаянія.

— Милая, безцѣнная, дорогая моя! воскликнула мистриссъ Грешамъ, кинувшись на шею къ миссъ Данстеблъ и задвываясь слезами.

— Смотрите же, будьте почтительны къ вашей новой тетушкѣ, сказала миссъ Данстеблъ.—А теперь, позвольте мнѣ пріодѣться.

Въ продолженіи утра, въ Грешамсбернѣ былъ отправленъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія :

«Дорогой докторъ Торнъ,—

• Я вамъ довѣряю вполнѣ и во всемъ, и все будетъ по вашему. Мери пишетъ вамъ, но не вѣрьте ни одному ея слову. Я никогда уже ей вѣрить не стану, потому что она въ этомъ дѣлѣ поступила со мной измѣннически.

• Искренно ваша,
Марта Данстеблъ.»

Итакъ, я женюсь на самой богатой невѣстѣ въ Англии, сказалъ себѣ докторъ Торнъ, сядь въ тотъ вечеръ за свой незагнѣнный обѣдъ.

ГЛАВА XL.

Легко представить себѣ, съ какимъ чувствомъ торжества мистриссъ Грантли вернулась къ себѣ въ Пломстедъ-Эпископи, привозя съ собою дочку, помолвленную за лорда Домбелло! По состоянію своему, наследникъ маркиза Гартльтона могъ считаться однимъ изъ первыхъ жениховъ во всей Англіи; знали также, что на его вкусъ не легко угодить, что онъ не прочь и поважничать; для дочери приходскаго священника, конечно, было лестно быть избранною подобнымъ человекомъ. Мы уже знаемъ, какимъ образомъ мать счастливой Гризельды сообщила это событіе леди Лоттонъ, скрывая свое торжество подъ личиною смиренія; мы видѣли также, съ какою примѣрною скромностію сама Гризельда выносила свое благополучіе, какъ она не пренебрегла даже укладкой своихъ платьевъ, какъ бы не сознавая своего будущаго величія.

Но, тѣмъ не менѣе, въ Пломстедѣ всѣ торжествовали. Мать, вернувшись домой, сказала себѣ, что она вполнѣ достигла главной цѣли своей жизни. Пока она была въ Лондонѣ, она какъ будто бы еще не вполнѣ сознавала свое счастье, тѣмъ болѣе что тогда могли оставаться нѣкоторыя сомнѣнія, точно ли суждено ему осуществиться.

Могло статься, что сынъ маркиза Гартльтона зависить отъ воли родительской, что появятся грозныя преграды между нимъ и Гризельдой; но вышло не такъ. Архидіаконъ имѣлъ длинный разговоръ съ отцомъ, маркиземъ, а мистриссъ Грантли съ леди Гартльтопъ; и, хотя ни тотъ, ни другая не выразили особой радости по случаю этой партіи, однако, съ другой стороны, они нисколько и не протестовали. Лордъ Домбелло сумѣетъ на своемъ настоять, — такъ съ гордостью говорила въ семействѣ Грантли. Бѣдная Гризельда! можетъ-быть настанетъ время, когда не такъ-то будетъ ей пріятенъ властительный нравъ ея супруга! Но мы уже сказали, что въ Лондонѣ некогда было предаваться семейной радости; дѣло было слишкомъ нервнаго свойства, и могло быть испорчено преждевременнымъ торжествомъ. Тогда только, когда они всѣ вернулись въ Пломстедъ, имъ самимъ стало ясно величіе совершеннаго подвига.

У мистриссъ Грантли была всего одна дочь; до сихъ поръ всѣ ея мысли, всѣ ея старанія сосредоточивались на томъ, какъ вос-

питать ее и какъ ее пристроить надлежащимъ образомъ. Всѣ въ семействѣ сознавали замѣчательную красоту Гризельды; также отдавали полную справедливость ея благоразумію, степенности, умѣнію держать себя. Но отецъ иногда намекалъ матери, что по его мнѣнію, Гризельда не такъ умна какъ ея братья.

— Я въ этомъ съ тобою не согласна, отвѣчала мистриссъ Грантли,—да къ тому же, что ты называешь умомъ, вовсе не нужно для дѣвушки. Она себя держитъ превосходно; этого ты не можешь отрицать.

Архидіаконъ не думалъ этого отрицать, и принужденъ былъ согласиться, что то, что онъ называлъ умомъ, вовсе не нужно для молодой дѣвушки.

Въ этотъ періодъ семейной славы и величія, самъ архидіаконъ былъ отчасти отодвинутъ въ тѣнь и удаленъ отъ дочери. Нужно отдать ему справедливость, что онъ отказался участвовать въ торжественной процессіи развѣздовъ съ визитами по Барсетширу. Онъ поцѣловалъ дочь и благословилъ ее, съ увѣщаніемъ быть хорошею женою и любить своего мужа; но такого рода увѣщаніе, обращенное къ дѣвушкѣ, которая такъ великолѣпно исполнила свой долгъ, залучивъ себя маркиза, казалось неумѣстнымъ и даже пошлымъ. Дѣвушкамъ, выходящимъ замужъ за бѣдныхъ куратовъ или скромныхъ юристовъ, можно сказать, что имъ слѣдуетъ добросовѣстно исполнять свои обязанности, на мѣстѣ назначенномъ имъ отъ Провидѣнія; но прилично ли давать такіе совѣты будущей маркизѣ?

— Намъ, кажется, нечего за нее бояться, говорила мистриссъ Грантли,—она уже доказала, что на нее можно полагаться.

— Она добрая дѣвушка, отвѣчалъ архидіаконъ,—но въ новомъ своемъ положеніи она будетъ окружена многими искушеніями.

— Я увѣрена, что она сумѣетъ сладить со всякимъ положеніемъ, гордо возразила мистриссъ Грантли.

Однако самъ архидіаконъ началъ похаживать въ соборной оградѣ въ Барчестерѣ болѣе гордымъ шагомъ, съ тѣхъ поръ какъ тамъ разошлась вѣсть о помолвкѣ Гризельды. Было время (въ послѣдніе годы жизни его отца), когда онъ былъ первымъ человекомъ между барчестерскимъ духовенствомъ. Деканъ былъ старъ и слабъ, и докторъ Грантли управлялъ всѣми дѣлами епископства. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Появился новый епископъ, съ которымъ онъ тотчасъ же сталъ въ непріязненные отношенія. Появился также новый деканъ, который не только былъ его давнишнимъ пріателемъ, но даже женился на сестрѣ мистриссъ Грантли; и самое это обстоятельство повело къ тому, чтобъ уменьшить влияніе архидіакона; викаріи уже не ловили попрежнему каждое его слово, младшіе члены капитула не такъ уже подобострастно улыбаются ему, встрѣчая

его въ барчестерскихъ церковныхъ кругахъ. Но теперь онъ вдругъ опять возвысился на нѣсколько ступеней. Въ глазахъ многихъ, архидіаконъ, у котораго зять—маркизъ, постоитъ епископа. Правда, онъ почти ни съ кѣмъ кромѣ декана не говорилъ о блистательной партіи, предстоявшей его дочери; но въ душѣ онъ чувствовалъ все значеніе этого факта, онъ чувствовалъ, что блескъ этой партіи отражался и на него.

Что касается до мистриссъ Грантли, то она, можно сказать, жила и вращалась въ оміямъ поздравленій. Не слѣдуетъ впрочемъ заключать изъ этого, чтобъ она постоянно говорила друзьямъ и знакомымъ о лордѣ Домбелло и о маркизѣ. Она была слишкомъ умна для этого. Разъ объявивъ всѣмъ о предстоящемъ замужствѣ дочери, она едва упоминала при постороннихъ о фамилии Гартльтоповъ. Но она вдругъ, съ изумительною легкостью, приняла тонъ и манеры важной особы. Она дѣятельно занялась визитами, чувствуя себя обязанною оказать вниманіе мелкому сельскому дворянству. Она изумила свою сестру, супругу декана, величавою простотой своихъ пріемовъ, а съ мистриссъ Проуди обращалась такъ снисходительно, что совершенно сокрушила сердце у этой дамы. «Я съ ней скоро расквитаюсь», думала про себя мистриссъ Проуди, уже успѣвшая разузнать разныя, не совсѣмъ лестныя, подробности о семействѣ Гартльтоповъ.

Сама же Гризельда, хотя она играла первую роль въ этихъ торжественныхъ процессіяхъ, оставалась недвижна какъ восточный идолъ, позволяя развозить себя и показывать толпѣ. Она принимала ласки матери, улыбалась ей, слушая похвалы себѣ; но торжество свое скрывала она во глубинѣ души. Она ни съ кѣмъ не распространялась объ этомъ предметѣ, и страшно разобидѣла старушку-экономку, отказавшись потолковать съ нею о своемъ будущемъ хозяйствѣ. Напрасно ея тетка, мистриссъ Эребинъ, старалась завлечь ее въ какой-нибудь откровенный разговоръ. «Да, тетенька, конечно,» или: «я объ этомъ подумаю, тетенька,» или: «я разумѣется это сдѣлаю, если пожелаетъ лордъ Домбелло,» и больше ничего не могла добиться отъ нея мистриссъ Эребинъ, и наконецъ перестала ее спрашивать.

Но вотъ возникъ вопросъ о нарядахъ, о *приданомъ*. Саркастическіе люди говорятъ, что портной создаетъ челоуѣка. Я бы сказалъ, что модистка создаетъ невѣсту. По крайней мѣрѣ, приданое служить рубежомъ между ея дѣвическою и замужнею жизнію. Становясь обладательницей нарядовъ, приготовленныхъ для свадьбы, дѣвушка становится *невѣстой*; уложивъ эти наряды въ свадебныя сундуки, чтобы перевезти ихъ куда слѣдуетъ, она совсѣмъ становится *женою*.

Когда дошла очередь до этого важнаго предмета, Гризельда приняла въ немъ достоодложное участіе. Она чувствовала, что въ такомъ дѣлѣ было бы грѣшно поступить торопливо или слегка, и принялась за него основательно, аккуратно, съ какою-то торжественностью. Сама мистриссъ Грантли была поражена величавостію ея замысловъ, глубиной ея теорій. Гризельда не сразу приступила къ разсмотрѣнію главнаго предмета, которымъ окончательно обозначалось ея положеніе какъ невесты, однимъ словомъ, свадебнаго платья. Какъ великій поэтъ постепенно воодушевляется, восходя до высшей точки паюса, такъ и она, шагъ за шагомъ, приближалась къ рѣшенію этого великаго вопроса; какъ поэтъ сперва вызываетъ къ своей музѣ, а потомъ мало по малу выводитъ на сцену второстепенныя событія своей поэмы, такъ миссъ Грантли сначала благоговѣнно обратилась за совѣтомъ къ матери, а потомъ принялась составлять списокъ бѣлья и той незримой одежды, которая долженствуетъ служить основой зриму великолѣпію приданаго.

Дѣло не въ деньгахъ. Намъ всѣмъ извѣстно, что значать эти слова, и мы часто догадываемся, когда слышимъ ихъ, что требуется всевозможный блескъ и великолѣпіе за самую дешевую по возможности цѣну. Но въ этомъ случаѣ, точно, за деньгами дѣло не стало — по крайней мѣрѣ, за такими деньгами, какія могли потребоваться на дамскіе наряды; независимо отъ брилліантовъ. Что касается брилліантовъ и тому подобнаго, то архидіаконъ взялъ эту часть въ свое исключительное завѣдываніе, если только лордъ Домбелло, или вообще домъ Гартльтоновъ, не захочетъ принять участіе въ выборѣ. Мистриссъ Грантли отчасти была рада свалить на него эту важную отвѣтственность; какъ женщина благоразумная, она боялась слишкомъ завлечься въ лавкѣ ювелира. Что же касается до бархата, атласа, шляпокъ, чепцовъ, кисей, амазонокъ, искусственныхъ цвѣтовъ, головныхъ уборовъ, сѣточекъ, эмалевыхъ пряжекъ, механическихъ юпокъ, башмаковъ, перчатокъ, корсетовъ, чулокъ, бѣлья, фланели, коленокора — то тутъ, могу посовети сказать, за деньгами дѣло стать не могло. При такихъ обстоятельствахъ, Гризельда принялась за дѣло съ примѣрнымъ прилежаніемъ и съ настойчивостію превыше всѣхъ похвалъ.

— Надѣюсь, что она будетъ счастлива, сказала мистриссъ Эрбинъ сестрѣ, сидя съ нею у себя въ гостиной.

— Да, я въ томъ увѣрена; почему же ей не быть счастливою? сказала мать.

— Я сама никакой не вижу причины. Но ея положеніе въ глазахъ свѣта будетъ до такой степени выше того, въ которомъ она родилась, что нельзя нѣсколько не потревожиться при мысли о будущемъ.

— Я бы гораздо больше тревожилась, еслибъ она выходила за челоуѣка бѣднаго, отвѣчала мистриссъ Грантли. — Мнѣ всегда почему-то казалось, что Гризельдѣ суждено занимать видное положеніе; сама природа создала ее для богатства и блеска. Ты видишь, что она нисколько не зазналась, какъ будто бы все это приходилось ей по праву. Кажется, нѣтъ опасности, чтобъ ее новое положеніе могло вскружить ей голову, если ты это хотѣла сказать.

— Нѣтъ, не это; я болѣе опасалась за ее сердце, сказала мистриссъ Эребинъ.

— Она бы никакъ не согласилась выйти за лорда Домбелло, еслибы не любила его, быстро подхватила мистриссъ Грантли.

— Да я и не это собственно хотѣла сказать, Сусанна. Я сама думаю, что она бы не захотѣла выйти безъ любви. Но среди суеты большого свѣта, согласишься, трудно сохранить душевную свѣжесть, особенно для дѣвушки, которая родилась и выросла въ иномъ кругу.

— Я не понимаю хорошенько, что ты называешь душевною свѣжестью, проговорила мистриссъ Грантли съ нѣкоторою досадою; — если она будетъ исполнять свои обязанности, будетъ любить мужа, будетъ достойно занимать мѣсто, назначенное ей Провидѣніемъ, то я рѣшительно не вижу, чего еще отъ нея требовать. Мнѣ вовсе не нравится метода запугивать молодую дѣвушку, при ея вступленіи въ свѣтъ.

— Да я вовсе и не хочу ее запугивать. Вообще, Гризельду довольно трудно запугать.

— Да, надѣюсь. Въ дѣвушкѣ важнѣе всего воспитана ли она въ хорошихъ правилахъ, и даю ли ей ясное понятіе объ обязанностяхъ женщины. Хвастаться было бы мнѣ неловко; но какова бы ни была моя дочь, я, разумѣется, несу всю отвѣтственность за нее. Но, признаюсь, мнѣ до сихъ поръ не приходилось желать измѣнить въ ней что-нибудь.

Этимъ разговоръ и кончился.

Въ числѣ родственниковъ, которые сильно изумлились внезапной переменѣ въ судьбѣ молодой дѣвушки, но не позволяли себѣ слишкомъ явно высказывать свое мнѣніе, былъ также и дядя Гризельды, мистеръ Гардингъ. То былъ старый священникъ, донельзя простой и добродушный въ обращеніи, и не занимавшій виднаго мѣста между барчестерскимъ духовенствомъ; онъ былъ не болѣе какъ дьячокъ при капитулѣ. Дочь его, мистриссъ Грантли, очень любила его, а архидіаконъ обращался съ нимъ внимательно и уважительно. Но молодежь въ Пломстедѣ не слишкомъ высоко ставила

тихаго, кроткаго старичка. Онъ былъ бѣднѣ прочихъ родственниковъ, и не старался пріобрѣсти себѣ значеніе въ барсетширскомъ обществѣ. Притомъ же, онъ въ послѣднее время исключительно привязался къ семейству декана. Правда, у него была своя квартира въ городѣ, но онъ давалъ себя выманивать изъ ней. Въ домѣ декана была отведена ему особая комната; въ кабинетѣ стояли для него особыя кресла; въ гостиной мистриссъ Эребинъ, было для него покойное мѣстечко въ углу дивана. Нельзя было ожидать никакого вниманія съ его стороны въ предстоящую свадьбу; однако все же на немъ лежала обязанность поздравить внучку и, можетъ-быть, дать ей полезный совѣтъ.

— Грizzи, душа моя, сказалъ онъ (онъ постоянно называлъ ее Грizzи, но молодая дѣвушка мало цѣнила эту ласку), — дай мнѣ поцѣловать тебя и поздравить отъ всей души съ блестящею перемѣной въ твоей судьбѣ.

— Благодарю васъ, дѣдушка, проговорила она, едва-едва касаясь губами его лба: эти губки теперь были священны, ихъ поцѣлуи были назначены лицамъ болѣе высокимъ нежели бѣдный причетникъ. Мистеръ Гардингъ до сихъ поръ каждое воскресенье пѣлъ литіи въ соборѣ, стоя на своемъ обычномъ мѣстѣ на хорахъ, и Грizzельдѣ сдавалось, что благородному семейству Гартътоповъ не слишкомъ-то пріятно будетъ узнать объ этомъ обстоятельстве. Деканы и архидіаконы еще могли съ рукъ сойти; будь ея дѣдушка хоть членъ капитула, такъ бы и быть; теперь же, казалось ей, онъ ронялъ честь фамиліи, занимая въ свои преклонные годы такую низкую должность въ соборѣ. И потому, она поцѣловала его почти нехотя, и заранѣе положила себѣ не тратить съ нимъ много словъ.

— Итакъ, ты сдѣлаешься важною особой, Грizzи.

— Гмъ! сказала она.

Что же она могла отвѣчать на такого рода рѣчь?

— Надѣюсь, что ты будешь счастлива, и составишь счастье другихъ.

— Надѣюсь, сказала она.

— Но ты заботься прежде о другихъ, душа моя. Думай о счастья окружающихъ тебя, и твое счастье придетъ само собою. Ты вѣдь это понимаешь, не правда ли?

— Конечно, понимаю, отвѣчала она.

Во время этого разговора, мистеръ Гардингъ все еще держалъ руку Грizzельды, но она повидимому желала отнять ее.

— Да, Грizzи, я думаю, что богатая графиня такъ же легко можетъ быть счастлива, какъ и простая поселянка...

Гризельда сдѣлала нетерпѣливое движеніе. Поводомъ къ тому были два различныя чувства: вопервыхъ, ей было обидно, что дѣдушка называлъ ее богатою *графиней*: вѣдь она будетъ богатою *маркизой*; вовторыхъ, ее разсердило, что старикъ осмѣлился сравнить ее съ простою поселанкой.

— ...точно такъ же легко, продолжалъ онъ,—хотя другіе тебя стануть увѣрять въ противномъ. Все зависитъ отъ самой женщины. Титулъ графини самъ по себѣ еще не можетъ составить твоего счастья.

— Лордъ Домбелло покуда только *виконтъ*, проговорила Гризельда,—въ этой фамиліи нѣтъ графскаго титула.

— О! въ самомъ дѣлѣ? Я этого не зналъ, сказалъ мистеръ Гардингъ, и выпустилъ руку внучки. Послѣ этого онъ уже не пытался давать ей совѣты.

Мистриссъ Проуди и епископъ пріѣзжали съ визитомъ въ Пломстедъ, и пломстедскія дамы, конечно, отдали имъ визитъ. Весьма понятно, что семейства епископа и архидiakона ненавидѣли другъ друга. Они были по преимуществу люди церковные, а взгляды ихъ на церковныя дѣла были совершенно противоположны. Они издавна оспаривали другъ у друга первенство въ барчестерскомъ округѣ, и побѣда до сихъ поръ оставалась сомнительна, такъ что ни одна сторона не была въ такомъ положеніи, чтобъ обнаружить великодушную терпимость. Они другъ друга ненавидѣли отъ всей души, и ненависть эта нѣкогда приняла было такіе страшные размѣры, что навремя прекратились даже самыя необходимыя сношенія, какія должны быть между епископомъ и духовенствомъ сего епархіи.

Но потомъ распря опять утихла, и дамы принялись дѣлать визиты другъ къ другу.

Помолвку Гризельды мистриссъ Проуди едва могла выносить. Неудача, постигшая семейство Грантли по поводу не состоявшагося предположенія объ учрежденіи новыхъ епископскихъ мѣстъ, навремя смягчила ея сердце. Она могла погоревать тогда о *блудяжкѣ* мистриссъ Грантли! «Вы знаете, она совершенно убита; впрочемъ, ей не въ первый разъ приходится выносить такого рода ударъ», говорила она съ какимъ-то кроткимъ самоуслажденіемъ, совершенно приличнымъ супругѣ епископа. Но теперь насталъ конецъ ея самоуслажденію. Оливію Проуди только что сговорили за проповѣдника изъ какой-то церкви въ Бетналь-Гринѣ, вдовца, съ тремя дѣтьми, пробавлявшагося одними доходами съ мѣстъ для сидѣнья въ церкви, а Гризельда Грантли выходила за старшаго сына маркиза Гартльтона!

Но мистриссъ Проуди не унала духомъ; ничто не могло бы

сломить ея энергію. Вскорѣ по своемъ возвращеніи въ Барчестеръ, она отправилась въ Пломстедъ, вмѣстѣ съ Оливіей, которая, по правдѣ сказать, охотнѣе осталась бы дома. Не заставъ никого изъ семейства Грантли, онѣ оставили свои карточки. По истеченіи приличнаго промежутка времени, мистриссъ Грантли и Гривельда пріѣхали отдать имъ визитъ. Гривельда въ первый разъ встрѣчалась съ семействомъ Проуди, съ тѣхъ поръ какъ распространилась вѣсть о ея помолвкѣ.

Первый рой обоюдныхъ комплиментовъ и поздравленій можно было бы сравнить со множествомъ цвѣтовъ на розовомъ кустѣ. Они, какъ розы, были восхитительны для глазъ, но такъ окружены терніями и шипами, что опасно было прикасаться къ нимъ. Пока комплименты оставались не тронутые на кустѣ, пока не дѣлалось попытки присвоить ихъ и ими насладиться, они, конечно, не могли причинить никакого вреда. Но первый палецъ, протянутый къ нимъ, вскорѣ былъ отдернутъ назадъ, покрытый кровавыми знаками.

— Конечно, это великолѣпная партія для Гривельды, проговорила мистриссъ Грантли тихимъ, кроткимъ полушепотомъ, который обезоружилъ бы всякаго противника, менѣе стойкаго чѣмъ мистриссъ Проуди,—но я и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чрезвычайно довольна ея выборомъ.

— О, конечно, сказала мистриссъ Проуди.

— Лордъ Домбелло совершенно независимо располагаетъ собою, продолжала мистриссъ Грантли, и въ ея кроткомъ шепотѣ невольно слышался легкій отбѣнокъ торжества.

— Да, я слышала, что онъ очень любитъ независимость, возразила мистриссъ Проуди, и расцарапанная рука тотчасъ же была отдернута назадъ.—Ужъ разумѣется, теперь придется..—И мистриссъ Проуди, среди своихъ поздравленій, шепнула на ухо мистриссъ Грантли нѣсколько словъ, не слышно для молодыхъ дѣвушекъ.

— Я никогда объ этомъ не слышала, проговорила мистриссъ Грантли съ видомъ достоинства, — я не вѣрю этимъ сплетнямъ.

— О, конечно, я могла ошибиться! Я сама надѣюсь, что это не правда. Но вы знаете каковы молодые люди въ наше время; да притомъ есть пословица, что яблочко отъ яблони не далеко падаетъ. Вы вѣрно часто будете видаться съ герцогомъ Омніумомъ.

Но мистриссъ Грантли не такая была дама, чтобы безнаказанно дать себя въ обиду; она не потеряла бодрости хотя и порядкомъ оцарапалась въ первой схваткѣ. Она очень спокойно сказала нѣсколько словъ о герцогѣ Омніумѣ, упоминая о

немъ просто какъ о важномъ барсетширскомъ владѣльцѣ; погомъ, съ самою обворожительною улыбкой, изъявила надежду скоро познакомиться съ мистеромъ Тиклеромъ, и съ этими словами любезно поклонилась Оливии Проуди. Мистеръ Тиклеръ былъ почтенный проповѣдникъ, приписанный къ Бетналь-Гринскому округу.

— Онъ будетъ здѣсь въ концѣ августа, смѣло отвѣчала Оливия; она рѣшилась не стыдиться своего жениха.

— Вы тогда уже будете путешествовать по Европѣ, душа моя, сказала мистриссъ Проуди Гризельдѣ:— лордъ Домбелло, кажется, очень хорошо извѣстенъ въ Гамбургѣ, въ Эмсѣ и такого рода мѣстахъ; вы тамъ будете какъ дома.

— Мы ѣдемъ въ Римъ, величественно возразила Гризельда.

— Вѣроятно, мистеръ Тиклеръ скоро перейдетъ въ здѣшнюю епархію, сказала мистриссъ Грантли:— мнѣ чрезвычайно хвалилъ его мистеръ Слопъ, который съ нимъ очень друженъ.

Провознося эти слова, мистриссъ Грантли рѣшилась уже на открытый бой; она бросала свой щитъ и рубила направаую, не щадя врага и не надѣясь на пощаду. Было извѣстно по всей епархіи, что всякое слово о мистерѣ Слопѣ дѣйствовало на мистриссъ Проуди какъ кусокъ краснаго сукна обыкновенно дѣйствуетъ на разъяреннаго быка. Каково же ей было слышать, что его называютъ другомъ ея будущаго зятя! Но это еще не все: было время, когда мистеръ Слопъ осмѣливался питать дерзновенныя надежды относительно миссъ Оливии Проуди; надежды эти впрочемъ не казались чересчуръ дерзновенными самой этой дѣвицѣ. Мистриссъ Грантли знала все это, и не побоялась громко уюмануть о немъ.

Лицо мистриссъ Проуди помрачилось гнѣвомъ, исчезла даже любезная свѣтская улыбка.

— Этотъ человѣкъ, о которомъ вы говорите, мистриссъ Грантли, никогда не былъ друженъ съ мистеромъ Тиклеромъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Можетъ-быть я ошиблась,, сказала мистриссъ Грантли.— Но я навѣрное помню, что мистеръ Слопъ говорилъ мнѣ о вашемъ будущемъ зятѣ.

— Когда мистеръ Слопъ имѣлъ виды на руку вашей сестрицы, мистриссъ Грантли, и она благосклонно принимала его ухаживаніе, вы можетъ-быть видали его чаще чѣмъ я.

— Мистриссъ Проуди, этого никогда не было.

— Я очень достовѣрно знаю, что самъ архидіаконъ былъ убѣжденъ въ этомъ, и сильно объ этомъ сокрушался.

Этого послѣдняго обстоятельства мистриссъ Грантли, къ сожалѣнію, не могла отрицать.

— Мой мужъ могъ ошибиться, сказала она, — да и не онъ одинъ ошибся насчетъ мистера Слопа. Впрочемъ, вы сами, мистриссъ Прюди, привезли его сюда.

Мистриссъ Грантли въ эту минуту могла бы смертельно поразить свою противницу, намекнувъ на прежнюю любовь бѣдной Оливіи, но она великодушно воздержалась. Даже въ самомъ жару схватки она умѣла щадить юныя сердца.

— Когда я пріѣхала сюда, мистриссъ Грантли, я не воображала, какая бездна испорченности и разврата скрывается внутри самой соборной ограда, сказала мистриссъ Прюди.

— О, въ такомъ случаѣ, для счастья милой Оливіи не привозите сюда бѣднаго мистера Тиклера!

— Могу васъ увѣрить, мистриссъ Грантли, что мистеръ Тиклеръ человекъ съ непоколебимыми правилами и высоко-религиознымъ настроеніемъ. Я желала бы, чтобы и всѣ другіе могли быть такъ спокойны, какъ я, насчетъ будущности дочери.

— Да, я знаю, что онъ человекъ семейный; это конечно большое преимущество, возразила мистриссъ Грантли, вставая. — Прощайте, мистриссъ Прюди; до свиданія, Оливія.

— Ужь это гораздо лучше чѣмъ...

Но ударъ разразился въ пустомъ пространствѣ. Мистриссъ Грантли уже сходила внизъ по лѣстницѣ, и Оливія едва успѣла позвонить, чтобы позвать лакея къ главному входу.

Мистриссъ Грантли, усаживаясь въ карету, слегка улыбнулась, припоминая выдержанную стычку, и тихо пожала руку дочери. Но мистриссъ Прюди осталась на мѣстѣ битвы въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, и довольно сердито посовѣтовала Оливіи не сидѣть сложа руки, а приняться за свое дѣло.

— Мистеръ Тиклеръ не очень будетъ доволенъ, если ты будешь лѣниться, сказала она.

Изъ этого можно заключить, что въ описанной нами встрѣчѣ мистриссъ Грантли рѣшительно одержала верхъ.

ГЛАВА ХLI.

Въ готъ самый день, когда Люси имѣла свиданіе съ леди Лоттонъ, деканъ обѣдалъ въ Фремлеѣ. Онъ съ Робартсомъ былъ уже давно знакомъ, и въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ Маркъ сдѣлался членомъ канитула, они даже очень сблизились. Декану очень понравилась распорядительность, съ которою Люси отпирала дѣгей изъ Гогльстока, и вообще онъ былъ скло-

нень открыть свое сердце для семьи фремлейскаго викарія. Такъ какъ ему приходилось возвратиться домой въ этотъ самый вечеръ, то онъ не могъ пребыть долѣе получаса послѣ обѣда. Но въ эти полчаса онъ успѣлъ многое высказать о семействѣ Кролсевъ, онъ благодарилъ Марка за его участіе, и наконецъ, послѣ многихъ оговорокъ, сообщилъ ему, что до него, декана, случайно дошло, передъ самымъ его выѣздомъ изъ Барчестера, что кто-то тамъ имѣеть въ рукахъ судебное разрѣшеніе захватить имущество, или даже арестовать самого фремлейскаго викарія.

Собственно говоря, эту вѣсть сообщили декану именно съ тѣмъ чтобъ онъ предупредилъ Марка; но ему казалось такъ трудно и такъ недовко говорить о подобномъ предметѣ собрату-священнику, что онъ отлагалъ неприятное объясненіе до послѣдней минуты.

— Надѣюсь, что вы не оскорбитесь моимъ невольнымъ вмѣшательствомъ въ это дѣло, извинялся деканъ.

— Цѣль, сказалъ Маркъ,—и въ мысляхъ не имѣю обижаться.

Сердце у него сжалось до того, что онъ едва былъ въ силахъ говорить.

— Я не знаю толку въ дѣлахъ этого рода, продолжалъ деканъ, — но мнѣ кажется, что на вашемъ мѣстѣ я бы обратился къ какому-нибудь легисту. Неужели не найдется средства предупредить такія страшныя послѣдствія, какъ напримѣръ арестъ?

— Ахъ, это ужасное дѣло! сказалъ Маркъ, стараясь сколько-нибудь оправдать себя.—Вѣдь я ни шиллинга не получалъ изъ всей этой суммы, которую они съ меня требуютъ!

— Однако вы подписали векселя?

— Да, я ихъ подписалъ, но для того только, чтобъ одолжить пріятеля.

Черезъ нѣсколько минутъ деканъ уѣхалъ, повторивъ свой совѣтъ обратиться къ человѣку знающему. Ему казалось непонятнымъ какъ священникъ, въ такомъ положеніи какъ мистеръ Робартсъ, могъ изъ дружбы къ кому бы то ни было брать на себя обязательства, которыя не въ состояніи исполнить!

Грустно прошелъ этотъ вечеръ въ Фремлейскомъ викарствѣ. До сихъ поръ, Маркъ все еще отчасти надѣялся, что можно будетъ какъ-нибудь отклонить страшную развязку, что какой-нибудь непредвидѣнный случай выручитъ его изъ бѣды, или же ему удастся уговорить кредиторовъ къ разсрочкѣ платежа; но теперъ все должно было обрушиться вдругъ на его голову. Онъ уже ничего не скрывалъ отъ жены. Слѣдуетъ ли ему обратиться къ легисту? И къ кому именно? И что онъ скажетъ легисту? Мистриссъ Робартсъ сперва было посоветовала открыться во всемъ леди Лофтонъ. Но Маркъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

«Она подумаетъ, что я хочу у нея въпрашивать деньги,» сказалъ онъ.

На слѣдующее утро, Маркъ отправился въ Барчестеръ по-видаться съ легистомъ, преслѣдуемый страхомъ, что его схватятъ на дорогѣ.

Въ его отсутствіе, въ домъ къ нему были два визита: во первыхъ явился какой-то грубаго вида человекъ, оставившій въ рукахъ служанки бумагу подозрительнаго характера, заключающую въ себѣ приглашеніе отъ судьи, только не на обѣдъ; а вовторыхъ была сама леди Лофтонъ.

Мистриссъ Робартсъ именно въ этотъ самый день собиралась побывать въ Фремле-Кортѣ. Въ былую пору, она прилетѣла бы къ ней тотчасъ же по ея пріѣздѣ изъ Лондона; но теперь между ними кое-что измѣнилось. Сватовство лорда Лофтона должно было имѣть вліяніе на ихъ отношенія, какъ бы ни желали онѣ оставить все попрежнему. Мистриссъ Робартсъ не могла не сознать, что эти отношенія нѣсколько пострадали съ той минуты какъ Люси сблизилась съ молодымъ лордомъ. Съ тѣхъ поръ, Фанни уже не такъ часто, какъ прежде, бывала въ Фремле-Кортѣ; леди Лофтонъ уже не такъ дѣятельно переписывалась съ нею изъ Лондона, не такъ безусловно вѣрѣла ей свои дѣла по приходу. Фанни не обижалась этимъ, чувствуя, что это вполне естественно. Конечно, она отъ этого страдала, но что же ей было дѣлать? Она не могла осуждать Люси, но не хотѣла также осуждать и леди Лофтонъ. Лорда Лофтона она отчасти винила, но только наединѣ съ мужемъ.

Однако она совсѣмъ уже собралась идти къ своей старой пріятельницѣ, готовясь терпѣливо выслушать всѣ ея доводы, когда ее остановилъ приходъ самой леди Лофтонъ. Еслибы не эта несчастная исторія между Люси и молодымъ лордомъ, которой нельзя было бы не коснуться имъ при первомъ же свиданіи, онѣ бы конечно нашли тысячи занимательныхъ и пріятныхъ предметовъ разговора. Но и кромѣ того, бѣдную Фанни мучила мысль объ этихъ страшныхъ векселяхъ, которые тяжелымъ камнемъ легли ей на сердце. Въ ту самую минуту какъ леди Лофтонъ прошла мимо оконъ гостиной, мистриссъ Робартсъ держала въ рукѣ роковое приглашеніе отъ судьи. Не лучше ли ей обогрѣть себѣ душу и повѣрить все другу, вопреки тому, что вчера говорилъ ей Маркъ? Но до сихъ поръ Фанни ни разу еще не поступала наперекоръ желаніямъ мужа, и, невольнымъ движеніемъ, она запрятала бумагу въ самую глубину своего портфеля.

Свиданіе, по обыкновенію, началось съ поцѣлуевъ и объятій. Восклицанія «милая Фанни!» и «милая леди Лофтонъ!» быстро

слѣдовали другъ за другомъ съ прежнимъ дружескимъ жаромъ. Потомъ пошли разспросы о дѣтяхъ, потомъ о школѣ. Минуты съ двѣ, мистриссъ Робартсъ думала, что имя Люси вовсе не будетъ признесено; во всякомъ случаѣ, она рѣшилась не упоминать о ней, пока сама леди Лофтонъ не наведетъ на нее разговора.

Потомъ сказано нѣсколько словъ о малюткѣ мистриссъ Подженсъ, послѣ чего леди Лофтонъ спросила у Фанни, одна ли она дома.

— Да, сказала мистриссъ Робартсъ, — Маркъ уѣхалъ въ Барчестеръ.

— Надѣюсь, что я скоро увижу его. Не зайдетъ ли онъ ко мнѣ завтра? Не можете ли вы вмѣстѣ обѣдать у меня?

— Нѣтъ, завтра нельзя, леди Лофтонъ; но Маркъ непременно къ вамъ зайдетъ.

— Да отчего же вы не хотите у меня обѣдать завтра? Надѣюсь, что между нами нѣтъ никакой перемены, Фанни?

И она посмотрѣла ей въ лицо такимъ взглядомъ, что Фанни чужь было не кинулась къ ней на шею. Гдѣ ей найти такого вѣрнаго, надежнаго друга, какъ леди Лофтонъ? Въ комъ встрѣтить она такую честную, добрую душу?

— Надѣюсь, что нѣтъ, леди Лофтонъ! воскликнула она, и слезы навернулись у нея на глазахъ.

— А я полагаю, что есть, если вы не станете у меня бывать по прежнему. Вы прежде всегда обѣдали у меня въ день моего пріѣзда.

Что могла на это отвѣчать ей бѣдная женщина?

— Насъ всѣхъ вчера разстроило извѣстіе о болѣзни бѣдной мистриссъ Кролей. Къ тому же у насъ обѣдалъ деканъ; онъ ѣздитъ въ Гоггльстокъ навѣстить своего друга.

— Я слышала, что она заболѣла, и непременно отправлюсь къ ней, чтобы посмотрѣть, нельзя ли ей чѣмъ-нибудь помочь. Но только вы не смѣйте къ ней ѣздить, слышите, Фанни? Вамъ это было бы непростительно; вы должны подумать о вашихъ дѣтяхъ.

Тогда мистриссъ Робартсъ разказала ей, что Люси поселилась у мистриссъ Кролей, чтобъ ухаживать за ней, а дѣтей прислала сюда въ Фремлей. Она не позволила себѣ выхвалять Люси съ такимъ жаромъ, съ какимъ бы стала говорить, еслибы не эти особыя отношенія между ей и леди Лофтонъ, но тѣмъ не менѣе она не могла въ своемъ разказѣ не дать почувствовать всей доброты своей золовки. Она чувствовала, что было бы не деликатно съ ея стороны распространяться о добродѣтеляхъ Люси, въ присутствіи леди Лофтонъ, но она все таки была обязана отдать ей должную справедливость.

— Такъ она геперь у мистриссъ Кролей? спросила леди Лофтонъ.

— Да, Маркъ оставилъ ее тамъ вѣчера вечеромъ.

— А всѣ дѣти у васъ въ домѣ?

— Не совсемъ еще въ домѣ покуда. Мы имъ устроили родъ карантиннаго госпиталя надъ каретнымъ сараемъ.

— Тамъ, гдѣ прежде жилъ Стоббсъ?

— Да. Стоббсъ съ женой перешли въ домъ, а дѣти останутся у нихъ въ комнатѣ, пока докторъ не объявитъ, что нѣтъ никакой опасности заразиться. Я сама до сихъ поръ не видала своихъ гостей, сказала мистриссъ Робартсъ, слегка засмѣявшись.

— Боже мой! сказала леди Лофтонъ: — какъ вы это все скоро устроили! Такъ миссъ Робартсъ осталась тамъ? Я думала, что мистеръ Кролей ни за что не согласится отпустить дѣтей.

— Да, онъ сперва не соглашался, но они увезли ихъ насильно. Деканъ мнѣ разказалъ какъ было дѣло. Люси привела ихъ всѣхъ по очереди, и усадила въ кабриолетъ; потомъ Маркъ укатилъ съ ними вскачь, а мистеръ Кролей стоялъ у дверей и кричалъ имъ остановиться. Деканъ былъ тамъ, и все видѣлъ.

— Ваша миссъ Люси, кажется, прерѣшительнаго нрава и умѣетъ при случаѣ на своемъ настоять, сказала леди Лофтонъ, усаживаясь наконецъ.

— Да, правда, проговорила мистриссъ Робартсъ, и ея прежнее веселое оживленіе мигомъ исчезло; она чувствовала, что приближается затруднительная минута.

— Да, она дѣвушка съ характеромъ, продолжала леди Лофтонъ: — вы, конечно, знаете, милая Фанни, все, что было между вашею золовкой и Людовикомъ?

— Да, мнѣ Люси говорила.

— Это обстоятельство очень грустное, очень непріятное.

— Мнѣ кажется, что тутъ Люси ни въ чемъ не виновата, сказала мистриссъ Робартсъ, чувствуя сама, что кровь бросается ей въ лицо.

— Не торопитесь защищать се, душа моя, когда никто не думаетъ нападать на нее. Вы этимъ какъ будто обнаруживаете свою слабость.

— Нѣтъ, въ этомъ отношеніи я вовсе не слаба; я совершенно убѣждена, что Люси ни въ чемъ нельзя упрекнуть.

— Я знаю, что вы бываете очень упрямы, Фанни, когда считаете нужнымъ за кого-нибудь заступиться. Вы настоящій Донъ-Кихотъ. Да зачѣмъ же вамъ хвататься за мечъ и щитъ прежде чѣмъ покажется непріятель? Впрочемъ, такъ всегда поступаютъ Донъ-Кихоты.

«А можетъ-быть непріятель скрывается въ засадѣ?» подумала

мистриссъ Робартсъ, но не рѣшилась громко высказать свою мысль и благородно промолчала.

— Я утѣшаю себя только тѣмъ, продолжала леди Лофтонъ,—что вы такъ же храбро сражаетесь и за меня въ мое отсутствіе.

— Ахъ, надъ вами не виситъ такое облако, какъ надъ моею бѣдною Люси!

— Вы думаете? Нѣтъ, Фанни, вы видите не все. Солнце и мнѣ не всегда свѣтитъ, дождь и вѣтеръ губятъ также и мои цвѣтки, какъ погубили у ней, у бѣдняжки. Милая Фанни, надѣюсь, что ваше небо долго останется безоблачно. Вы, кажется, созданы для тихаго, безмятежнаго счастья.

Мистриссъ Робартсъ встала и обняла леди Лофтонъ, стараясь скрыть свои слезы. Безоблачное, безмятежное счастье! А на ея горизонтѣ собиралась уже туча, и уже готова была разразиться надъ ея головой! Какія будутъ послѣдствія страшнаго приказа, лежавшаго въ эту минуту въ портфелѣ, подъ самую руку леди Лофтонъ?

— Но я пришла сюда не затѣмъ чтобы жалобно каркать какъ старая ворона, продолжала леди Лофтонъ, расцѣловавъ Фанни.—Вѣрно у каждого изъ насъ есть свое горе; но вѣрно и то, что если мы будемъ добросовѣстно исполнять свой долгъ, то мы всё можемъ найти себѣ утѣшеніе. Теперь, душа моя, позвольте мнѣ сказать вамъ два слова объ этомъ грустномъ обстоятельстве. Вѣдь было бы неестественно, еслибы мы не сказали о немъ ни слова между собой; не такъ ли?

— Конечно, сказала мистриссъ Робартсъ.

— Мы бы постоянно подозрѣвали другъ друга въ затаенныхъ мысляхъ. Гораздо лучше объясниться откровенно. Помните ли, мы какъ-то говорили съ вами о вашей золовкѣ и Людовикѣ? Вы не забыли?

— О, нѣтъ!

— Мы объ полагали тогда, что опасности серіозной не было. Признаться вамъ, я думала и надѣялась, что его сердце занято другою; но я ошибалась и въ своихъ предположеніяхъ, и въ своихъ надеждахъ.

Мистриссъ Робартсъ поняла, что леди Лофтонъ намекаетъ на Гризельду Грантли, но сочла за лучшее промолчать. Она вспомнила, какъ засверкали глаза у Люси, когда между ними въ кабріолетѣ зашла рѣчь о возможности такого брака, и не могла внутренно не порадоваться, что надежды леди Лофтонъ не осуществились.

— Я отнюдь не виню миссъ Робартсъ за все то, что случилось потомъ, продолжала леди.—Поймите это, Фанни.

— Да я не вижу въ чемъ бы можно было упрекнуть ее. Она поступила такъ благородно.

— Что толковать о томъ, *возможно* ли упрекать или нѣтъ! Достаточно, что я не обвиняю.

— Да нѣтъ, я этого не считаю достаточнымъ, настойчиво перебила ее Фанни.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорила леди Лочтонъ, поднимая брови.

— Конечно. Подумайте только о томъ, что сдѣлала Люси, и что она дѣлаетъ теперь. Еслибъ она захотѣла принять предложеніе нашего сына, я бы никакъ не могла осудить ее за это. Я не скажу, чтобъ я ей это посоветовала...

— Меня это душевно радуетъ, Фанни.

— Я ей ничего не советовала, да она и не нуждалась въ моихъ совѣтахъ. Я не знаю другаго человѣка, который бы всегда видѣлъ такъ ясно, какъ Люси, что дѣлать и какъ поступить. Признаюсь, я бы побоялась давать совѣты дѣвушкѣ, такой великодушной, такой самоотверженной по природѣ. Она теперь жертвуетъ собой, потому что не хочетъ служить поводомъ къ раздору между вами и вашимъ сномъ. Если вы хотите знать мое искреннее мнѣніе, леди Лочтонъ, я вамъ скажу, что вы должны быть благодарны ей отъ глубины души. Что же касается до обвиненій и упрековъ, то есть ли возможность въ чемъ либо упрекнуть ее?

— Вотъ опять мой Донъ-Кихоть закипѣлъ! сказала леди Лочтонъ.—Фанни, я всегда буду называть васъ Донъ-Кихотомъ, и поручу кому-нибудь описать ваши приключенія. Но дѣло въ томъ, душа моя, что тутъ была неосторожность. Можетъ-быть я сама отчасти виновата, хотя, признаюсь, я не вижу въ чемъ бы мнѣ упрекать себя. Я не могла не пригласить къ себѣ миссъ Робертсъ, и мнѣ довольно трудно было бы удалить роднаго сына изъ своего дома. Тутъ просто вышла обыкновенная исторія.

— Да, именно очень обыкновенная исторія, которая повторяется съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ начался; должно-быть на то воля Божія.

— Однако, милая моя, вы не станете же увѣрять меня, что каждая дѣвушка и каждый молодой человѣкъ непременно должны влюбиться другъ въ друга, какъ только встрѣтятся. Это было бы довольно странное ученіе.

— Нѣтъ, я вовсе этого не говорю. Лордъ Лочтонъ и миссъ Грантли не полюбили другъ друга, хотя вы всячески сблизжали ихъ. Но онъ влюбился въ Люси, просто и естественно, а она въ него.

— Но, душенька моя, вѣдь вы сами убѣждены, что молодыя дѣвушки не должны давать волю своимъ чувствамъ прежде чѣмъ не удостовѣрятся въ одобреніи своихъ друзей.

— А молодые богатые люди могут забавляться какъ имъ угодно? Я знаю, что такъ судить свѣтъ, но протестую противъ этого суда, особенно когда вспомню что вынесла моя бѣдная Люси. Съ самой той минуты, какъ она догадалась объ опасности, она старалась избѣгать вашего сына. Она не хотѣла бывать у васъ въ Фремле-Кортъ, и вы самі замѣтили ся отсутствіе. Она едва рѣшилась выходить изъ дому, опасаясь его встрѣтить. Но онъ, онъ самъ пришелъ сюда, и непременно хотѣлъ ее видѣть; онъ засталъ ее одну и потребовалъ откровеннаго объясненія съ нею. Что ей было дѣлать? Она хотѣла было уйти, но онъ остановилъ ее у дверей. виновата ли она, что онъ предложилъ ей свою руку?

— Душа моя, я и не думала винить ее.

— Итъ, вы ее обвиняете, когда говорите, что дѣвушки не должны необдуманно давать волю своему чувству. Онъ непременно захотѣлъ высказать ей все, что было у него на душѣ, вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, хотя она умоляла его замолчать. Я не могу передать вамъ ея собственныя слова, но я знаю, что она просила его удалиться.

— Я вовсе не сомнѣваюсь, что она поступила прекрасно.

— Но онъ, онъ наставлялъ, и предложилъ ей свою руку. Тогда она ему отказала, леди Лофтонъ, не такъ, какъ отказываютъ ниня дѣвушки, чтобъ еще больше завлечь жениха; она ему отказала наотрѣзъ, и даже—да проститъ ей Богъ!— сказала неправду. Зная напередъ, какъ вы посмотрите на такой бракъ, и какъ о насъ станетъ судить свѣтъ, она объявила вашему сыну, что нисколько не любитъ его. Что же больше могла она сдѣлать для васъ?

И мистрисъ Робертъ пріостановилась.

— Я подожду пока вы кончите, Фанни.

— Вы сейчасъ гворили о дѣвушкахъ, которыя даютъ волю своимъ чувствамъ; о ней этого сказать нельзя. Она по прежнему принялась за всѣ свои занятія. Даже со мной не говорила она о случившемся; но крайней мѣрѣ, она призналась мнѣ въ эгомъ уже долго спустя. Она рѣшилась никому не выдавать своей тайны. Она любила вашего сына, мучилась эгою любовью, но надѣялась какъ-нибудь превозмочь ее. Тутъ до насъ дошелъ слухъ, что онъ женится, или думаетъ жениться на миссъ Грантли.

— Совершенно ложный слухъ.

— Да, я это знаю теперь, но тогда мы этого не знали. Она, конечно, страдала, но страдала молча.

Тутъ мистрисъ Робертъ невольно вспомнила о сценѣ въ кабриолетѣ и о томъ, какъ досталось тогда несчастному поню.

— Она не жаловалась на вашего сына даже самой себѣ. Она

отказала ему, и считала, что все между ними кончено.

— Само собою разумеется.

— Но вышло иначе, леди Лофтонъ. Онъ пріѣхалъ изъ Лондона въ Фремлей, съ тѣмъ чтобы повгорить свое предложеніе. Онъ послалъ за моимъ мужемъ... Вы говорили, что молодая дѣвушка должна имѣть въ виду одобреніе своихъ друзей. Кто же въ этомъ случаѣ были друзья Люси?

— Конечно, вы и мистеръ Робартсъ.

— Именно, единственные друзья. Итакъ, лордъ Лофтонъ послалъ за Маркомъ, и повторилъ ему свое предложеніе. Вспомните, что Маркъ до этой минуты не зналъ ничего. Можете себя представить его удивленіе! Лордъ Лофтонъ просилъ у него позволенія повидаться съ Люси. Она отказалась видѣть его. Она не встрѣчалась съ нимъ съ самаго того дня, когда онъ объявлялся съ ней въ этой самой комнатѣ, несмотря на всѣ ея старанія удалить его. Маркъ хотѣлъ позволить лорду Лофтону явиться сюда; онъ, собственно говоря, не имѣлъ и права запрещать ему это. Но Люси рѣшительно отказалась видѣться съ вашимъ сыномъ, а поручила ему сказать, — какъ вы уже знаете, — что она отдастъ свою руку не иначе, какъ если вы сами сдѣлаете ей предложеніе.

— Она конечно поступила очень благородно.

— Объ этомъ я не хочу говорить. Еслибъ она приняла его предложеніе, я бы не стала осуждать ее; я такъ ей и сказала.

— Не понимаю, какъ вы могли это сказать, Фанни.

— Чтò дѣлать! Я это точно сказала, не стану теперь защищать себя и доказывать, что я была права; но я съ своей стороны не могла отговаривать ее отъ этого брака. Тѣмъ не менѣе, Люси снова рѣшилась пожертвовать собою, хотя она любитъ его искренно и глубоко. До сихъ поръ я не умѣю рѣшить, точно ли она была права. Можетъ-быть, она слишкомъ много придавала вѣсу постороннимъ сужденіямъ.

— Мнѣ кажется, что она была совершенно права.

— Очень хорошо, леди Лофтонъ; это я могу понять. Но какъ же вы можете, послѣ такой жертвы, которую она принесла, и принесла именно вамъ, какъ можете вы говорить мнѣ, что вы не хотите ни въ чемъ обвинять ее? Развѣ такими словами говорятъ о человѣкѣ, который съ начала до конца поступалъ великодушно, благородно, превосходно? Если ее можно въ чемъ-либо винить, такъ развѣ только, только...

Тутъ мистриссъ Робартсъ пріостановилась. Она сильно разгорячилась, защищая золовку, но подобное настроеніе было не привычно ей, такъ что, высказавъ свою мысль, она вдругъ умолкла.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т Р И Д Ц А Т Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Г О Т О М А .

іюль.

Стр.

Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи. XI. Департаменты Эры-и-Луара, Луаре, Луара-и-Шера. (Прежняя провинція Орлеане.) <i>Евгенія Бонмера</i>	5
Послѣдняя часть <i>Исторіи Англій</i> Маколея. (Окончаніе). <i>К. К. Арсеньева</i>	36
Естественная исторія челоѡѡка. Единство рода челоѡѡческаго. II. Статья Катрѡажа.	78
Большія ожиданія. Романъ Чарльза Диккенса. XL—XLIV.	105
Гуринъ. Повѣсть. <i>Волюнскаю</i>	145
Карлъ Гавличекъ Боровскій. (Изъ <i>Národní Listy</i>).	235
Изъ путевыхъ записокъ. I.—II. <i>В. П. Безобразова</i>	265
Праздникъ статута и единства Италіи во Флоренціи. <i>Кн. Д. Д—аго</i>	309
Стихотворенія:	
Битва жизни. <i>Кн. П. А. Вяземскаго</i>	333
Похороны. <i>Б. Н. Алмазова</i>	334

АВГУСТЪ.

Воспоминанія о Карсѣ. <i>А. С. Корсакова</i>	339
Естественная исторія челоѡѡка. Единство рода челоѡѡческаго. III. Статья Катрѡажа.	431
Чужое имя. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть третья. IV—VI. <i>Н. Д. Ахшарумова</i>	464
Конституція Италіянскаго королевства. <i>В. Д. Скарятина</i>	527
Большія ожиданія. Романъ Чарльза Диккенса. XLV—LVIII. (Окончаніе).	577
Замѣтка (стихотвореніе). <i>Кн. П. А. Вяземскаго</i>	697

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

іюль:

<i>Физическая географія моря</i> , сочиненіе Мори, переводъ А. Толстопятова. <i>Н. А. Л—ва</i>	4
<i>О кредитѣ и банкахъ</i> , сочиненіе Коклена, переведено подъ редакціей Висковатаго. <i>М. И. Вольскаго</i>	9
<i>Разказы о темныхъ предметахъ, о волшебствѣ, натуральной магіи</i> , и пр., изданные М. С. Хотянскимъ. Доктора <i>Ястребцова</i>	23
<i>Аксель</i> , повѣсть Исаи Тегнера, въ русскомъ переводѣ Д. Ознобишина. <i>М. Н. Лонкинова</i>	43
<i>Эронделово общество въ Лондонѣ</i> . <i>К. К. Герца</i>	46
<i>Оптическій анализъ</i> . <i>Х.</i>	53
<i>Виды на entente cordiale съ Современникомъ</i>	60
<i>Замѣтка для журнала Время</i>	95
<i>Два слова въ объясненіе</i>	98

АВГУСТЪ.

<i>В. Н. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи первой половины прошедшаго столѣтія</i> . Соч. Няла Попова. <i>М. Н. Лонкинова</i>	101
<i>Исторія цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной Римской имперіи</i> . Соч. Гизо, переведено подъ редакціей М. Стасюлевича. <i>К. К. Арсеньева</i>	115
<i>Тюрго. Turgot philosophe, économiste et administrateur</i> , par Vatbie. <i>В. С. Порошина</i>	122
<i>La Guerre et la Paix</i> par P. I. Proudhon (<i>Война и Миръ</i> соч. Прудона). <i>Густава де-Молнари</i>	129
<i>Элегическая замѣтка</i>	162

Въ приложеніи:

Фремлейскій приходъ. Романъ Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Глава XXXIX—XLI.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКА

- В. Н. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи, первой половины прошедшаго столѣтія.* Соч. Нила Попова. М. Н. ЛОНГИНОВА.
- Исторія цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной Римской имперіи.* Соч. Гизо, переведено подъ редакціею М. Стасюлевича. К. К. АРСЕНЬЕВА.
- Тюрго. *Turgot philosophe, et administrateur*, par Batbie. В. С. ПОРОШИНА.
- La Guerre et la Paix* par P. J. Proudhon (Война и миръ, соч. Прудона). Г. ДЕ-МОДИНАРИ.
- Эгегическая замѣтка.

КНИЖКИ РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Вазунова, на Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Вазунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ангельгардъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москву.

Цѣна за *РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ* и *СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ* въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, ПЯТЬДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкой и доставкой на домъ СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна за годовое изданіе *РУССКАГО ВѢСТНИКА* и *СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ* съ пересылкой во все мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 тал. 5 гр. 5 ф.

Печатать дозволяется.

Октября 4-го. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гилларовъ-Штапоновъ.

FEB 28 1955

